UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324799 6

Uspenskiĭ, Gleb Ivanovich
III

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
Polnoe sobranie sochineniĭ
СОЧИНЕНІЙ

ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

6. izd.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

Съ критической статьей Н. К. Михайловскаго и біографическимъ очеркомъ Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ портрета Г. И. Успенскаго.

v. 3

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1908.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Измайл. пр., № 29.

PG
3470
U8
1908
v.3
696891
12.3.59

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

Будка.

Очеркъ.

I.

На углу двухъ весьма глухихъ и бѣдныхъ переулковъ уѣзднаго города стояла будка; физіономія ея походила на тѣ бесѣдки съ колоннами и куполомъ, которыя встрѣчаются на лубочныхъ изображеніяхъ иностранныхъ виллъ, при чемъ обыкновенно впереди виллы, въ водѣ, плаваютъ два лебедя другъ противъ друга, сзади видны деревья, а по дорожкамъ прогуливаются господа въ шляпахъ набекрень, въ черныхъ фракахъ, дѣти съ обручами и дамы съ зонтиками на плечѣ; походила она также на тѣ храмы музъ, которые обыкновенно изображаютъ на занавѣсяхъ провинціальныхъ театровъ; такому сходству весьма способствовала старинная архитектура будки; она, дѣйствительно, была съ колоннами и куполомъ; а каменныя, ободранныя стѣны ея были круглы; но нѣкоторыя, повидимому, весьма ничтожныя вещи, какъ, напримѣръ, измазанная дверь съ клоками истерзанной рогожи и войлока, приземистая черная труба, вѣнчавшая вершину купола, и въ особенности жестяная алебарда, виднѣвшаяся всегда у колоннъ, весьма краснорѣчиво доказывали наблюдателю, что видимое имъ зданіе не есть храмъ музъ, но есть кутузка или сибирка; тѣмъ болѣе, что громадныя калоши будочника Мымрецова, набитыя для тепла соломой и постоянно торчавшія передъ будкой на улицѣ,—ни въ какомъ случаѣ не могли напоминать лебедей, плавающихъ передъ иностранною виллой.

На тоненькихъ почернѣвшихъ колонкахъ будки всегда

трепетали по вѣтру какіе-то писаные и печатные лоскутки, на которыхъ значилось, что такого-то числа военные и гражданскіе чиновники приглашаются пожаловать въ парадной формѣ... Что того же числа въ мѣщанской управѣ будетъ происходить торгъ и переторжка на имущество мѣщанки Степаниды, состоящее изъ утюга и кровати, оцѣненныхъ въ тридцать копеекъ... Что въ залѣ дворянскаго собранія имѣетъ быть балъ, почему благоволятъ надѣть бѣлые жилеты тѣ, кои и т. д. Но страна, гдѣ стояла будка, не имѣла ни парадной формы, ни тридцати копеекъ, чтобы овладѣть обольстительнымъ имуществомъ Степаниды, ни наконецъ бѣлыхъ жилетовъ; и поэтому-то пропаганда будочника Мымрецова по исчисленнымъ вопросамъ была совершенно ничтожна; закутавшись въ казенную шубу, онъ, правда, постоянно торчалъ около той или другой колонки и, повидимому, сторожилъ эти писаные и печатные лоскутки, но, въ сущности, смыслъ и содержаніе ихъ были ему извѣстны ровно столько же, сколько и жестяной алебардѣ, которая тоже торчала рядомъ съ Мымрецовымъ, только у другой колонки... Оба они пропагандировали нѣчто другое и слѣдовательно недаромъ мерзли на вѣтру...

Будочникъ Мымрецовъ принадлежалъ къ числу «неспособныхъ», т.-е. людей совершенно негодныхъ въ войскѣ. Эти неспособные большею частью происходятъ или изъ обдѣленныхъ природою бѣлоруссовъ, или изъ русачковъ сѣверныхъ безхлѣбныхъ и холодныхъ губерній. Мачеха-природа и лебеда пополамъ съ древесной корой, питающей ихъ, загодя, со дня рожденія, обрекаетъ ихъ быть идіотами и Богомъ убитыми людьми; она надѣляетъ ихъ непостижимою умственною неповоротливостью и всѣ почти задавленныя стремленія человѣческой природы сводитъ на жажду водки, которую они поглощаютъ въ громадныхъ размѣрахъ; они умѣютъ напиваться молча, не произнося ни единаго слова; молча дерутся въ кровь и, валяясь гдѣ-нибудь въ глухомъ и безлюдномъ переулкѣ, почти въ безпамятствѣ умѣютъ бормотать только одно: «виноватъ», ни на минуту не выпуская изъ скуднаго и запуганнаго воображенія образъ грознаго начальства.

Начальство вообще панически дѣйствуетъ на нихъ; при видѣ его несчастные «неспособные» вытягиваются въ струнку, замираютъ и задыхаются въ воротникѣ, стянутомъ туго-натуго; виски, намазанные для праздника свинымъ саломъ, начинаютъ потѣть, а глаза получаютъ способность

пускать слезы. Кромѣ мачехи-природы, послѣдніе признаки человѣческаго существа изъ нихъ выколачиваетъ военная муштровка; въ древнія времена результаты ея отдавались у неспособныхъ на скулахъ, подъ скулами, на спинѣ и далѣе. «Муштра» комкала ихъ, переламывала въ нѣсколькихъ направленіяхъ, какъ какую-нибудь палку или доску, и, оставивъ въ живыхъ только косицы, намазанныя свинымъ саломъ, сдавала въ провинціи на разныя должности: въ «хожалые», пожарные и проч. Воины эти, вступая на новый постъ, непремѣнно имѣли разныя увѣчья и вывихи— разорванную въ дракѣ губу, выломанное ребро, ухабы и ямы въ головѣ и спинѣ; соединивъ эти пріобрѣтенія съ тѣмъ наслѣдіемъ природы, о которомъ уже упомянуто, они представлялись субъектами самаго страннаго свойства; никто никогда не могъ вдолбить имъ въ голову чего-нибудь, не относящагося до ихъ пожарной спеціальности, и въ свою очередь тоже и отъ нихъ нельзя было добиться чего-нибудь. Самый краткій разговоръ съ такимъ существомъ всегда оканчивался тѣмъ, что начавшій разговаривать прерывалъ рѣчь, съ ожесточеніемъ восклицая:

— Да что̀ ты? Ты оглохъ, что ли?..

Но субъектъ не оглохъ,—онъ просто былъ «неспособный».

Будочникъ Мымрецовъ обладалъ всѣми упомянутыми увѣчьями въ полномъ объемѣ; всѣ эти вывихи, переломы имѣлись у него даже въ сверхкомплектномъ количествѣ, дѣлая изъ него угрюмую, неповоротливую фигуру, весьма походившую на корень дерева, глубоко сидѣвшій въ землѣ и вывернутый оттуда силою бури; видно было, что тутъ происходило и упорство, съ одной стороны, и сокрушительная сила, съ другой: корень вывернутъ изъ земли изувѣченный и бездушный.

Несмотря на то, изувѣченность и умственное оскудѣніе были главною причиною того блистательнаго успѣха, съ которымъ Мымрецовъ занималъ предназначенный ему постъ; можно даже сказать навѣрное, что успѣхъ этотъ могъ увеличиваться и возрастать по мѣрѣ того, какъ теченіе времени и дракъ будетъ выхватывать у него новыя ребра и дѣлать новыя ямы въ головѣ. Только при такихъ условіяхъ раскраденный умственный капиталъ его, не развлекаясь никакими посторонними интересами, могъ сосредоточиться и даже впиться въ главныя его обязанности; обязанности эти состояли въ томъ, чтобы, во-первыхъ, «*тащить*», а во-вторыхъ, «*не пущать*»; тащилъ онъ обыкновенно туда,

куда рѣшительно не желали попасть, а не пускалъ туда, куда этого смертельно желали. Словомъ, гдѣ только человѣкъ находился въ положеніи, опредѣляемомъ фразою «ни назадъ ни впередъ», тамъ навѣрное Мымрецовъ принималъ живѣйшее участіе; говорятъ, что съ теченіемъ времени Мымрецовъ до того въѣлся въ это тасканіе, что въ людяхъ началъ замѣчать только шивороты и этимъ отличалъ людей отъ безсловесныхъ животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ; поэтому-то Мымрецовъ и жестяная алебарда были представителями шиворотной пропаганды и слѣдовательно недаромъ мерзли на вѣтру.

Забота о шиворотахъ поглотила все его существо, такъ что въ ней, какъ бездонной пропасти, почти безслѣдно исчезала послѣдовательная нить его философіи и свойства его, какъ семьянина; о семейныхъ отношеніяхъ къ его супругѣ можно сказать, что онъ и жена жили не такъ, какъ живутъ кошка съ собакой, потому что несходныя качества этихъ животныхъ совмѣщались въ одной супругѣ, и Мымрецову осталась роль безчувственнаго пня, на который могутъ брехать собаки и царапать лапами кошки, не надѣясь получить въ отвѣтъ ничего, кромѣ мертваго равнодушія и поплевываній въ уголъ, и то вслѣдствіе пріятнаго ощущенія, доставляемаго махоркой. Гробовое молчаніе и угрюмость рѣшительно не давали возможности разглядѣть въ подробности всѣ личныя особенности Мымрецова; несокровеннымъ было то, что онъ очень любилъ тютюнъ, услаждавшій его въ минуты отдыха, и что три денежки въ сутки да ковриги казеннаго хлѣба съ нумерами на верхней коркѣ, написанными мѣломъ, поддерживали его изувѣченное существованіе на славу множества шиворотовъ, и только; мракъ угрюмости и молчанія непроглядною пеленою покрывалъ тайну происхожденія его другихъ желаній и убѣжденій. Такъ, намъ уже извѣстно, что онъ умѣлъ, въ качествѣ илота, напиваться молча; по праздничнымъ днямъ онъ угрюмо шатался изъ двора во дворъ и вездѣ лилъ въ себя водку, не зная рѣшительно границъ этому литью и не подозрѣвая, что желудокъ его—не бездонная пропасть. Цѣлыя недѣли послѣ этого онъ мучился грудью, поясницей, головой, но на слѣдующій праздникъ исторія повторялась въ томъ же порядкѣ. Такою же таинственностью покрыта его страсть копить серебряные пятачки. Почему онъ съ лихорадочною жадностью завертываетъ тихомолкомъ каждый пятачокъ въ тысячу тряпокъ? зачѣмъ такъ далеко прячетъ

ихъ въ шерстяной чулокъ и засовываетъ потомъ подъ крыльцо? Неужели онъ думаетъ нажить богатства и сокровища? Неужели объ этихъ сокровищахъ онъ такъ усердно молитъ Бога, оставшись вечеркомъ одинъ, не спускаетъ съ крошечнаго образочка своихъ глазъ, падаетъ на колѣни и такъ крѣпко-крѣпко бьетъ себя кулакомъ въ грудь?..

Мымрецовъ объясняетъ эти молитвы и собираніе пятачковъ тѣмъ, что скоро онъ пойдетъ въ свою сторону: онъ дожидается только времени, когда перестанутъ у него ныть кости, руки и ноги... Онъ ждетъ, пока у него отойдетъ хрипота въ груди, мѣшающая ему свободно дышать, и тогда онъ непремѣнно уйдетъ къ своимъ...

II.

Вообще таинственныя свойства души Мымрецова совершенно необъяснимы, и мы, не имѣя права умозаключать о нихъ, прямо переходимъ къ его дѣятельности.

Дѣятельность эта, т.-е. тасканіе и хватаніе за шивороты, не прекращалась у Мымрецова ни на одну минуту: утромъ онъ обыкновенно отправлялся въ часть и рапортовалъ начальству о своихъ успѣхахъ, излагая рѣчь сообразно съ своею изувѣченностью и искалѣченностью.

— Ну, — спрашивалъ его квартальный, перелистывая какія-то бумаги: — ты что̀ же это тамъ съ бабами-то воюешь?

— Помилуйте, вашскобродіе, я только-что отпихнулъ ее отъ себя...

— Кого?

— Эту самую даму... Смоленскую...

— Какую Смоленскую?

— Да которая, напримѣръ, шельма самая... Гордѣиха приказываетъ ее узять, а она говоритъ: «я, говоритъ, съ эстой дрянью не пойду». Она, вашскобродіе, меня дрянью назвала...

— Ну?

— Ну, я ее и отпихнулъ... говорю: «ты мнѣ не нужна!» А разодравши онѣ были прежде... Я подбегъ, онѣ ужъ разодравши были... и ужъ глазъ расшибли... въ томъ числѣ...

— Въ какомъ числѣ?

— Въ числѣ драки-съ.

— Чортъ тебя знаетъ, что̀ ты городишь! Посадилъ?

— Помилуйте!

— Ступай!

Обыкновенно дѣла шли такимъ образомъ, что Мымрецовъ не успѣвалъ возвратиться домой, какъ гдѣ-нибудь на пути къ будкѣ ему навертывалась практика; но иногда прямо изъ части онъ приходилъ въ будку, разстегивалъ шинель и, сладостно поплевывая, курилъ тютюнъ. Въ эти минуты онъ не слыхалъ, какъ жена его, орудовавшая у печи, костила его по какому-то случаю и замахивалась на него ухватомъ; угрюмо и безмолвно наслаждался онъ махоркой; но когда махорка выгорала въ трубкѣ, и Мымрецову предстояла необходимость ограничиться созерцаніемъ возносимыхъ надъ его головой ухватовъ, ему вдругъ дѣлалось скучно и тоскливо; выйдя на крыльцо, онъ тревожно поглядывалъ въ одну и въ другую сторону, ища поживы, снова возвращался въ будку и начиналъ чувствовать, что у него болятъ руки, ноги, ноютъ кости... Ему непремѣнно нужно было куда-нибудь торопиться, ловить что-нибудь или кого-нибудь. Судьба обыкновенно недолго держала его въ такомъ томительномъ состояніи.

Вотъ отворилась дверь, въ будку понесло холодомъ, и вслѣдъ затѣмъ появилась фигура женщины въ истертой синей шубейкѣ, съ лицомъ, облитымъ слезами и покрытымъ темными, словно чернильными пятнами. Слезъ и пятенъ достаточно Мымрецову, чтобы увидѣть подъ ними шиворотъ. Онъ начинаетъ торопливо застегивать шинель и говоритъ:

— Гдѣ?—намекая тѣмъ на мѣстопребываніе шиворота.

Ему не нужно знать, почему и что̀? — онъ давно убѣдился, что въ этихъ слезахъ и синякахъ ничего не разберетъ самъ чортъ.

— Охъ, да недалечко, родной... — говоритъ старуха.— Тутъ-отъ-ка вотъ... къ полю... Ужъ и наказалъ Господь... О - охъ!

— Потому намъ нельзя допущать дебошу...—торопливо говоритъ Мымрецовъ, напѣвая шапку.—Гдѣ тесакъ?

— Сократи ты его! Сдѣлай твою милость...

— Палка гдѣ? Потому мы не допущаемъ, коли ежели шумъ, напримѣръ... Намъ этого нельзя...

Палка найдена, и Мымрецовъ исчезаетъ, куда призываетъ его долгъ, а будочница, отъ-нечего-дѣлать, занимается изслѣдованіемъ причины синяковъ и слезъ; она знаетъ все, что̀ ни дѣлается въ окружности.

— Сынокъ, ай нѣтъ?—спрашиваетъ она старуху.

— Охъ, нѣтъ, родная, не сынъ! Нѣту сыновьевъ-то. Зять!

— Зя-ать?.. А то вотъ тоже у сосѣдей поножовщина идетъ—ну, тамъ сыновья!..

— Зять, зять, родная!.. Кровную дѣтищу отдала—загубила. И ровно врагъ меня обошелъ, какъ отдавала-то я!.. За вдовца отдавала-то! конокрадъ, родная!.. Которые родные въ то время случились, «что̀ ты, говорятъ, дѣлаешь? Что̀ ты въ гробъ-то ее заживо кладешь?..» Дочку-то... Нѣтъ! Отдала... Прельщеніе отъ него ужъ очень большое было! «Вѣкъ, говоритъ, кормить буду... до смерти»... Искусилась, да вотъ и вою... Только-что, Господи благослови, повѣнчали ихъ, анъ гляжу—ужъ онъ ее...

При этомъ старуха сдѣлала руками такой жестъ, какъ будто бы хотѣла представить, какъ полощутъ бѣлье...

— Опослѣ этого-то онъ недолго ее помучилъ — въ солдаты ушелъ, охотою... Втѣпоры мы съ дочкою-то все Бога молили, чтобъ ему голову бы снесли прочь... Все, бывало, черкесовъ да кизильбашей этихъ поминали въ молитвахъ — не утаю, родимая! Остались мы съ дочкой да ребенокъ—троечкою; дочка-то пошла по портомойной части, а я такъ, на старости, съ ребенкомъ... Сама знаешь, касатка, портомойную-то часть. Теперь возьми зимнее время—безперечь на рѣчкѣ, у проруби, руки и ноги стынутъ, да опять цѣлый Божій день согнувшись—легко ли дѣло! Ужъ она, бывало, придетъ домой, въ чемъ душа... въ чемъ только душенька!.. А тамъ, глядишь, въ ногу вступило, тамъ въ груди не пущаетъ... Трудно, трудно было! Ну, все жили... Пять годовъ этакъ-то мы мучились, и въ теперешнее время Бога бы благодарить надо: ходимъ не отрепанныя, дите, внучекъ мой, тоже не безъ призору, чай пьемъ каждый Божій день, а по праздникамъ иной разъ и въ накладку, бываетъ, разоряемся. Помаленечку! Только было-выскреблись, анъ Господь и прогнѣвался... Кровопійца-то нашъ, Пилатъ-то, пришелъ вѣдь! Этакая образина! Царица Небесная... Глянула я на него, какъ онъ ночью-то къ намъ ввалился, — такъ меня ровно бы трясъ какой схватилъ... Трясусь вся! И дочка-то тоже въ трясеніе вошла... Трясемся мы, что̀ сдѣлаешь-то! Стала это я его потчевать (сама знаешь, голубка, «не для зятя собаки, для милаго дитяти»...), а сама такъ вотъ и взлетываю... Хочу-хочу чашку ему подать, а руки-то кверху, а сама-то я въ сторону... Порхаемъ съ дочкою, ровно перепелки... И слова-то выговорить не могу: тра-ла-ла — только всего; хоть возьми вотъ топоръ да отсѣки языкъ — все то-жъ

самое! А Пилатъ-то нашъ запримѣтилъ это.—«Что̀ это, говоритъ, родственники мои, не вижу я въ разговорахъ вашихъ настоящаго порядку?.. Чѣмъ вамъ этакъ-то другъ друга съ ногъ сшибать, лучше же ты, теща, предоставь намъ штофъ вина»... Я, было, ему: «На что вамъ, Максимъ Петровичъ, этакую прорву вина? (вѣжливо стараюсь)... Вы, говорю, неравно съ этакой пропасти начнете надъ нами мудрить».—«Намѣреніе, говоритъ, мое такое, чтобы штофъ...» Пошла я, горюшко мое, принесла... Пьетъ онъ вино-то и дочку мою потчуетъ. Никогда вина въ ротъ не бравши, очень ее растомило...—«Семъ, говоритъ, Максимъ Петровичъ, я прилягу, растомило меня»... Лягъ она, да и засни. Какъ онъ, сударушка моя, увидалъ ея тихій, пріятный сонъ, тую-жъ минутою хвать ее—и давай...—«Ты, говоритъ, меня не любишь... Мужъ пришелъ, пять лѣтъ не видались, а она только приткнулась къ постели и захрапѣла...» Я бросилась разнимать, говорю:—«Что̀ вы, что̀ вы, Максимъ Петровичъ! вы этакъ посуду перебьете... (вѣжливо съ нимъ стараюсь...) тутъ, говорю, на десять цѣлковыхъ добра»,—а онъ-то ее...

Старуха опять повторила жестъ полосканія бѣлья и замолкла, всхлипывая.

— На утро, родимушка, ушелъ онъ въ деревню, къ своимъ... Черезъ недѣлю приходитъ. Поцѣловались они, честь-честью; думала я — на добро этотъ поцѣлуй, анъ вотъ что̀ вышло... Сѣлъ онъ на кровать и говоритъ:—«Я, говоритъ, супруга моя, беру васъ въ деревню... съ собой жить, чтобы по мужицкому положенію». — «Нѣтъ, — говоритъ дочь моя:—невозможно этого сдѣлать; потому — у меня свое хозяйство... Каковъ, говоритъ, есть на семъ свѣтѣ грошъ,—и того я отъ васъ, Максимъ Петровичъ, не видала; кровными трудами копила, мнѣ этого не бросать».—«А ежели, говоритъ, я посконнаго масла набилъ на пять цѣлковыхъ и картофелю запасилъ—это какъ? Могу я бросить или нѣтъ?» — «Воля ваша! — отвѣчаемъ: — у насъ посуда... теперь, ежели ее продать, что̀ за нее дадутъ? Окромя того, мы отъ роду не ѣдали вашего свиного кушанья... Будьте такъ добры!» — «Ну, а ежели, напримѣръ, я набилъ посконнаго масла?»—«Воля ваша... У насъ тоже утюги, тарелки...» — «Не бросать же мнѣ!»— говоритъ.—«И намъ тоже не бросать!..» Тутъ мы и стали; онъ говоритъ: «у меня то, другое: масло, веревки...» А мы говоримъ: «и у насъ тоже, батюшка, вилки. ложки...» Онъ

опять значитъ: «картошки, дрова, сбруя...» А мы своимъ чередомъ:—«утюги, мыло, доски...»—«Не бросать же мнѣ?»—«Да и намъ тоже не-изъ-чего бросать!..» — «Ну, а ежели, говоритъ, я возьму да по-свойски поступлю, напримѣръ?»—«Воля ваша!—у насъ посуда!..» — «А ежели я возьму да не помирволю?»—«Не бросать же намъ...» Тутъ, милая моя, онъ поднялся и сдѣлалъ съ нами, съ женщинами, шумъ... Ахъ, и очень большой шумъ сдѣлалъ!..

Въ это время на улицѣ раздался крикъ и плачъ; разсказчица выбѣжала на крыльцо будки и увидѣла слѣдующее: посреди дороги шелъ Мымрецовъ и увлекалъ за собою прачку, дочь разсказчицы; Понтійскій Пилатъ, т.-е. солдатъ, шелъ сзади жены и, подталкивая, говорилъ:

— Нѣтъ, ты свинова кушанья не ѣдала—отвѣдай! Опробуй его, матушка!..

— Дитю-то! дитю-то у него отымите!—вопіяла прачка.

— За что-жъ дочку-то? дочку мою за что? — не понимая, какъ все это случилось, кричала разсказчица.

— Разговар-ривать!—отвѣчалъ на всѣ вопросы и просьбы Мымрецовъ, зацѣпившій прачку потому, что она первая подвернулась ему подъ руки; онъ, должно-быть, зналъ, что у каждаго изъ нихъ своя посуда, и слѣдовательно, кого ни схватитъ изъ нихъ—все одно и то же.

III.

Совершивъ этотъ подвигъ, Мымрецовъ направился-было въ будку, чтобы озаботиться насчетъ тютюну, но едва онъ отворилъ туда дверь, какъ тотчасъ же получилъ новый адресъ шиворота и торопливо отправился за нимъ; будочница выслушивала уже новую исторію; разсказывала ее какая-то весьма полная дама; подъ ковровымъ платкомъ, покрывавшимъ ея плечи, казалось, покоился какой-то биткомъ набитый чемоданъ; но въ сущности чемодана тамъ не было никакого, а была массивная грудь дамы; волосы ея были причесаны именно такъ, какъ чешется дворничиха Дарья, желающая быть дамою и Дарьею Андреевною: прядь волосъ съ середины лба загибалась къ затылку, гдѣ торчала коса величиной съ пуговицу; по бокамъ этой пряди волосы падали на виски и уши, на подобіе какихъ-то блиновъ или ушей лягавой собаки; въ такой рамкѣ заключалась конусообразная физіономія съ маленькимъ носомъ и окороками вмѣсто щекъ. Дама эта имѣла собственное «заведеніе» и хозяйство, и такъ какъ дѣятельность ея совер-

шалась преимущественно въ области дракъ и буйствъ, то она была коротко знакома съ будочницей и иногда дѣлала ей сюрпризы. На этотъ разъ дама принесла кусокъ сахару и щепотку чаю, завернутые въ бумагу. Обрадованная вниманіемъ дамы, будочница изъ всѣхъ силъ суетилась около самовара, который изрыгалъ клубы дыма, и въ то же время слушала исторію, которую, не спѣша, разсказывала дама.

Дѣло въ томъ, что дама была очень оскорблена отсутствіемъ въ людяхъ совѣсти: одна изъ дѣвушекъ, которыми держится хозяйство дамы, несмотря на ея благодѣянія, въ родѣ чая въ накладку, никакъ не хотѣла оцѣнить всей глубокой доброжелательности своей опекунши; она не слушала ни одного ея совѣта: если, напримѣръ, дама доказывала, что «чѣмъ сидѣть сложа руки или улизнуть куда-нибудь на извозчикѣ,—лучше отправиться съ салазками на рѣчку и перестирать собственное бѣлье»,—то неблагодарная словно и не слыхала этихъ словъ и болѣе старалась удрать хоть въ ближній кабакъ, только-бъ не «спокойно» сидѣть среди хозяйства дамы. Непокорность и дебошъ этой женщины достигли наконецъ того, что она совершенно исчезла отъ дамы и вотъ уже почти двѣ недѣли скрывается въ жилищѣ горькаго пьяницы, портного Данилки.

Во время этихъ разсказовъ обѣ дамы не переставали ни на минуту наливать себя кипяткомъ, обливались ручьями пота, обтирали мокрыя и толстыя шеи какими-то тряпками и говорили:

— Ну и гдѣ же, позвольте васъ спросить, — говорила дама:—гдѣ же теперича у людей эта совѣсть?

— Степанида Петровна!—съ глубокимъ сочувствіемъ отвѣтствовала будочница, захлебнувшаяся даренымъ чаемъ:—красавица ты моя! Ну гдѣ же, напримѣръ, скажите мнѣ на милость, это совѣсть у людей, я все думаю?..

А между тѣмъ именно во имя этой исчезнувшей совѣсти дѣйствовала та неблагодарная женщина, которая покинула благотворительную даму и пріютилась у портного Данилки.

Это было двѣ недѣли тому назадъ.

Въ одну темную ночь Данилка, «урѣзавшій» сверхъестественную муху, шатался по пустыннымъ и соннымъ улицамъ съ какой-то крайне убогой женщиной подъ ручку и вмѣстѣ съ нею оглашалъ спящій городъ самыми удалыми пѣснями. Въ пѣсняхъ главнымъ образомъ преобладалъ эле-

мент самаго скораго отъѣзда изъ здѣшней грустной жизни—куда-то... «Мы наймемъ себѣ курьерскихъ, развадчайныхъ лошадей»,—пѣли гуляки темною ночью и шатались по темнымъ улицамъ.

На утро Данилка открылъ глаза, увидалъ свою убогую каморку и еще болѣе убогую подругу. Узналъ онъ также, что вмѣсто головы у него на плечахъ пудовая гиря, и что опохмелиться нѣтъ никакой возможности. Все это заставило его съ грубостью отнестись къ пріятельницѣ.

— Это почему такое здѣсь? Ко дворамъ бы пора...

— Чуточку только погрѣюсь, Данилъ Гордеичъ. Уйду-съ...

— То-то, поспѣшать бы...

— Уйду, уйду-съ! Растоплю печку и побѣгу...

— Ну, и болѣе ничего, съ Богомъ... только всего...

Два полѣна, выглядывавшія изъ печки и покрытыя снѣгомъ, скоро затрещали, въ конурѣ Данилки запахло дымомъ, пробивавшимся сквозь дырявую печь. Подруга сидѣла на полу и грѣлась, ежась плечами.

— Сію минуту уйду-съ...—шептала она. — Не побезпокою... Озябла, признаться, бѣгала... Вамъ, Данилъ Гордеичъ, опохмелиться бы хорошо тепереча...

Данила Гордеичъ, убѣжденный, что опохмелиться нечѣмъ, сурово смотрѣлъ на подругу.

— Это мое дѣло... Болѣ ничего!

— Право-съ... Я, признаться, сбѣгала... Не угодно ли?.. Это вамъ для просвѣженія...

Оборванная женщина подсѣла къ нему и поднесла стаканъ вина.

— Это ты гдѣ же деньги-то взяла?—не измѣняя суровости, сказалъ Данила:—ты, гляди, по карманамъ гдѣ не нашарила ли?

— Я, признаться, точно что... ну, нѣту у васъ по карманамъ ничего... Да вы не бойтесь! Я чужого отроду не бирала... Вотъ щеколду у васъ въ жилеткѣ нашла, вонъ она... Извольте. Это вы не безпокойтесь... Кушайте!

— То-то... Вы мастера по чужимъ карманамъ нашаривать...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Гдѣ ужъ намъ, голубчикъ, на чужое льститься... На свои, признаться, двѣнадцать копеекъ сбѣгала... Кушайте... Оно освѣжаетъ.

— Вы это мастера облущить кавалера...—сказалъ Данила Гордеичъ и выпилъ. Выпилъ онъ, почувствовалъ просвѣженіе и продолжалъ молча смотрѣть на подругу.

— Все-то разворовано, раскрадено, — говорила она шопотомъ, прибирая какіе-то гвозди и палки:—ишь, натекло съ окошка-то!.. Аль это у васъ некому стѣну-то заткнуть, ишь несетъ оттуда, ровно изъ погреба...

Такъ шептала она, изрѣдка прибавляя: «сейчасъ, сейчасъ, батюшка, уйду»—и Данила Гордеичъ почувствовалъ, что въ этомъ прибираньи, въ этой заботѣ о просвѣженіи нѣту никакого желанія нашарить въ карманахъ и обокрасть... Думалъ-думалъ онъ, молчалъ, соображалъ, но въ головѣ его ничего путнаго не происходило: не являлось ничего такого, что̀ было ему очень нужно теперь, что̀ ему именно теперь хотѣлось узнать... Но зато въ груди его что-то поднималось и буровило...

— Ну, покорнѣйше васъ благодарю, обогрѣлась... теперь...

При этихъ словахъ грудь портного съ боковъ сдвинуло что-то.

— Ты!—крикнулъ онъ весьма громко.

— Что̀, голубчикъ?..

— Оставайся!

Женщина изумленно посмотрѣла на него.

— Не ходить?

— Совсѣмъ оставайся... Не пущу!.. Болѣ ничего!

Данила Гордеичъ повернулся-было спиной къ своей уходившей подругѣ, но тотчасъ же вскочилъ и заговорилъ:

— Да что̀ тамъ? вотъ разговаривать!.. Бѣги-ка за водкой... полштофъ!

— Не прогонишь?—чуть не рыдая, говорила женщина.— Голубчикъ!

— Я говорю, бѣги!.. Хе-хе... Да я ихъ, чертей... Нука-ся, вотъ эту штуку захвати въ кабакѣ-то оставить.

— Чужая вѣдь! Данилъ Гордеичъ—заказная!

— Расшевеливайся! Заказная! Я ихъ! погоди!.. Да семъка я съ тобой... Что̀ тамъ!

Съ этихъ поръ настало новое пьянство, пропивалась заказная работа, пѣлись пѣсни, постоянно слышались слова: «чортъ ихъ возьми!» «погоди!» «я ихъ!»

Пьянство это дышало какою-то надеждою и не носило того тягостнаго оттѣнка, съ которымъ Данилка пьянствовалъ до сего времени. Новыя чувства, расшевелившіяся въ немъ, выражались какъ-то странно. Иной разъ онъ вдругъ задумаетъ что-нибудь открыть своей подругѣ, попытается что-то сообщить и скажетъ: «Чуешь, ай нѣтъ, что̀ я говорю?» Потомъ схватитъ ее за руку, сожметъ ее крѣпко-

накрѣпко, скажетъ: «такъ аль нѣтъ?»—хлопнетъ со всего размаха своей ладонью по ладони пріятельницы, словно барышникъ на конной, потомъ опять начнетъ ломать ея пальцы въ своей рукѣ и заоретъ:

— Пон-ни-маешь, ай нѣтъ?

— Понимаю, Данилъ Горденчъ, понимаю-съ!

— Ну, и болѣ ничего! Такъ я говорю?

— Такъ, такъ...

— Ну, и шабашъ!.. Только всего!

Пропиваніе чужого добра шло довольно долго. Подруга Данилки, знавшая, что остановить этого пропиванія невозможно, заботилась только о томъ, чтобы другъ ея не разбилъ себѣ головы: остальное «наживется».

Къ концу двухъ недѣль послѣ первой встрѣчи настала въ конурѣ Данилки тишина и трудъ...

— Что̀ за шумъ!—заговорилъ Мымрецовъ, появляясь въ одну изъ такихъ необыкновенно тихихъ минутъ. — По какому случаю дебошъ?

Мымрецову не могло даже представиться, чтобы не было буйства тамъ, гдѣ появлялся онъ.

— Потому, мы не допущаемъ, чтобы, напримѣръ, дебошъ...—продолжалъ онъ, хватая Данилку.

— Кузьмичъ, другъ!—завопилъ портной:—что̀ ты?

— Не бунтуй, бунту не заводи! И теперича женскій полъ, ежели...

— Женюсь, женюсь, братъ! въ законъ беру, аль ты очумѣлъ? за что-жъ въ часть-то? въ законъ! — хоть сейчасъ подъ вѣнецъ.

Мымрецовъ выпустилъ шиворотъ Данилки и остался среди конуры въ большомъ недоумѣніи.

— Что̀ ты? — продолжалъ Данилка укоризненно. — А я-было въ намѣреніи моемъ на бракъ мой тебя хотѣлъ потребовать, но ежели ты меня въ поволочку...

Долго Данилка укорялъ Кузьмича въ несправедливости его желаній и развивалъ планы насчетъ будущаго семейнаго счастья съ Аленой Андреевной, которой онъ задумалъ передать на руки свое добро и хозяйство нажитое. Рѣчи его были до того сильны, что Мымрецовъ не осмѣлился снова посягнуть на свободу Данилки, а только прибавилъ:

— А все, Данила, надо бы тебѣ по дѣламъ-то въ части высидѣть... Потому дебошъ оченно большой ты затѣялъ. Оченно большой шумъ!

IV.

Надо сказать правду, что случаи, подобные вышеприведенному, когда шиворотъ, попавшій уже въ руки Мымрецова, неожиданно исчезалъ изъ нихъ, бывали съ нашимъ героемъ довольно часто. Въ такія минуты онъ рѣшительно не могъ ничего сообразить и предавался глубокому унынію.

— У насъ этого нельзя, — бормоталъ онъ, возвращаясь домой, напр., отъ Данилки:—мы не дозволяемъ этого, чтобы вырываться... Такъ-то.

Теченіе времени, конечно, успокаивало его, но бывали моменты до того потрясающіе, что потомъ нужно было много удачныхъ тасканій, чтобы привести Мымрецова въ нормальное состояніе.

Вотъ, напримѣръ, однажды темнымъ зимнимъ вечеромъ въ будку просунулась голова сыщика.

— Живо! Собирайся!—крикнулъ онъ Мымрецову и снова захлопнулъ дверь, чтобы созвать еще двухъ подчасковъ; сыщикъ торопился по случаю одного важнаго дѣла, въ которомъ принимали участіе многіе уѣздные сановники: вечеромъ того же дня у почтовой гостиницы, сзади одного дормеза, былъ отрѣзанъ какимъ-то воромъ чемоданъ. Надо было разыскать вора.

Мымрецовъ скоро былъ готовъ и вышелъ изъ будки, чуя поживу; на улицѣ его ожидали сыщикъ, сидѣвшій въ саняхъ, и два солдата.

— Куда-жъ намъ натрафить? — спросилъ сыщикъ.

— Теперь, вашескобродіе, надо бы намъ въ ночлежные дома утрафлять...—сказалъ солдатъ.

— Да застанемъ ли кого? Прохоровъ! есть тамъ кто, какъ ты думаешь?

— Надо-быть, вашескородіе, — отвѣчалъ Прохоровъ:— потому къ полночи тамъ этихъ мошенниковъ самая густота собирается...

— Главная причина—на слѣдъ-то попасть...

— Такъ точно, вашескобродіе! — присовокупилъ Прохоровъ.

Воинство двинулось въ путь. Ночь была вѣтреная; оголенныя деревья стучали сучьями, между которыми свисталъ вѣтеръ. Ночлежный домъ, куда вошли сыщикъ и солдаты, представлялъ ужасающее зрѣлище. Это былъ длинный старый домъ, въ которомъ когда-то жили господа—бояре или богатые купцы; теперь этотъ домъ сгнилъ, обвалился; вмѣсто

воротъ стояли однѣ притолки; осѣвшая посрединѣ крыша выперла полукругомъ всю стѣну, смотрѣвшую на улицу; ставни днемъ и ночью были заколочены, и сквозь щели въ нихъ виднѣлись гнилыя рѣшетки рамъ безъ стеколъ или стекла, напоминавшія торговую баню; внутренность этого жилища была не менѣе ужасна: повсюду въ полу виднѣлись глубокія ямы; въ разныхъ мѣстахъ подпорки подпирали нависшіе книзу потолки, ободранныя стѣны были голы и украшались только гирляндами пакли, торчавшей между бревенъ. Черный ночникъ, накоптившій на стѣнѣ длинную черную полосу, загибавшуюся на потолокъ, колебался отъ вѣтра, дувшаго отовсюду, и едва-едва освѣщалъ массу храпѣвшихъ и охавшихъ людей; всѣ они лежали въ повалку, на полу; тутъ виднѣлись солдатскія шинели и деревянныя ноги вмѣсто настоящихъ; мелькали узлы богомолокъ, перевязанные покромками; виднѣлись мѣшки плотниковъ, тряпье, лохмотья. Появленіе будочниковъ произвело нѣкоторое волненіе; все закопошилось и вдвойнѣ заохало. Нѣсколько солдатскихъ шинелей исчезло, укатилось въ сосѣднія, еще болѣе холодныя и темныя комнаты. Среди ночлежниковъ если не всѣ, то большинство были люди вовсе не подозрительные; такъ-называемыхъ «пѣшковыхъ» не пускаютъ по ночамъ на постоялые дворы, и этимъ безвыходнымъ положеніемъ пользуются ловкіе люди: они нанимаютъ за безцѣнокъ какую-нибудь развалину и загоняютъ туда одинокихъ скитальцевъ, собирая съ нихъ деньги за ночлегъ. Несмотря на это, будочники безцеремонно относились ко всякому изъ этой оборванной и одинокой толпы.

— Разговаривай!—кричалъ Прохоровъ, самый опытный въ сыскныхъ дѣлахъ.—Это что̀ за узелъ?

— Сухарики, отецъ, сухарики, батюшка... хоть всеё обыщи...

— Сухарики! Ну-ка, ну... куда суешь-то?

— Куда мнѣ совать! Господи-батюшка!

— Говорю, подай! Это откуда платокъ? Э-э, братъ! Да ты кто такая?..

— Странница, отецъ родной, скитаюсь.

— Покажи-ка видъ... Э-ге-е! Возьми ее... эй!

— Голубчики!..

— Покрѣпче приструни!.. Слышишь! Это что̀?

— Соль, соль, отецъ родной!

— Повернись... Ну-ка, встань, поворачивайся!.. Ты кто такой? Видъ есть?

— Плотникъ... рабочій...

— Видъ покажи!..

— Да онъ у меня, видъ-то...

— Эй! Привяжи его къ богомолкѣ... тамъ разберемъ!

Все населеніе ночлежнаго дома встало со своихъ мѣстъ, закопошилось, перетряхивало тряпки, лохмотья, охало... Повсюду слышались слова: «хоть всеё обыщи... Господи...» и тутъ же раздавалось: «Эй, ты! Ну-ка, повернись... Отставно-ой? Нѣтъ, погоди!» и т. д.

— Что̀ зарылся-то? у меня, братъ, прижукнуться мудрено!—произнесъ Прохоровъ, останавливаясь около одного спавшаго человѣка. Это былъ дряхлый старикъ, почти раздѣтый и сѣдой, какъ лунь; изъ-подъ дыряваго кафтанишка, которымъ накрылся онъ, виднѣлись двѣ маленькія шершавыя дѣтскія головки.

— Господи помилуй!..—зашепталъ старикъ, поднимаясь.

— Чешись!—перебилъ Прохоровъ: —разговаривай!.. Видъ покажи!..

— Есть, есть... Пашпортъ есть! — кротко и торопливо шепталъ старикъ, ощупывая свое логово.—Есть...

— Это чьи дѣти? Покажи-ка узелъ...

— Внучки, внучки... батюшка... Погорѣлые! Было все, стало—нѣту ничего! Дочернины дѣтки-то!

— Узелъ чей?

— Чужой узелокъ... чужой! Нѣту узловъ... Ни узловъ ни-и... ничего нѣту!.. Побираемся... гдѣ узламъ быть, постелиться нечѣмъ!.. Нѣту...

— Пашпортъ!

— Есть, есть!.. Это есть!.. ужъ гдѣ разутымъ, раздѣтымъ...

— Онъ пьяница!—раздалось вдругъ изъ толпы ночлежниковъ.—Вы ему, ваше благородіе, не вѣрьте... Ему добрые люди помогаютъ, и то онъ не имѣетъ своихъ правиловъ...

— Помогаютъ, батюшка, помогаютъ!..—такъ же кротко отвѣчалъ на это старикъ. — Слѣпыми полушками помочь оказываютъ...

— А тебѣ мало?—слышалось въ толпѣ.—Твоего внучка-то намедни баринъ одѣлъ, а ты снялъ съ него одежду-то... гдѣ она? Пропилъ!

— Проѣлъ я одежду, кормилецъ,—не пропилъ! Дай Богъ барину — точно наградилъ... И франтоватымъ одѣяніемъ даже наградилъ... Ну, проѣлъ я его! Да!.. Нѣту ничего...

— Нѣтъ, вы бы его, ваше благородіе, въ частный домъ... Потому смущеніе отъ него большое... Вы бы его, вашбродіе, сцапали бы.

— Нельзя, голубчикъ, нельзя!—кротко продолжалъ старикъ, глядя въ землю. — Невозможно этого... Не за что сцапать-то!.. И шиворота-то у меня настоящаго нѣту... Не уймешь.

— Вы ему, вашескобродіе, не вѣрьте! — прибавилъ голосъ изъ толпы.—Отъ него и на насъ мараль идетъ...

Но нельзя было не вѣрить старику: у него, дѣйствительно, не было порядочнаго шиворота... Мымрецовъ, высвобождавшій руку изъ праваго рукава, чтобы соколомъ налетѣть на пьяницу, при послѣднихъ словахъ старика совсѣмъ остолбенѣлъ и потерялъ сознаніе. Такимъ образомъ, благодаря отсутствію шиворота, старикъ остался нетронутымъ въ своемъ логовѣ, съ своими дочерними дѣтками, съ холодомъ, голодомъ и правомъ на побирушество.

Да, бывали, бывали подобныя происшествія съ Мымрецовымъ. Почему это онъ не торопится и не суетится, какъ обыкновенно, а не спѣша, вяло, нехотя идетъ на призывъ? Это вѣрный знакъ, что нѣтъ мѣста его теоріи въ предлагаемомъ дѣлѣ.

Вотъ его пригласили на пивоваренный заводъ, гдѣ одинъ рабочій, испуганный рекрутчиной, бросился въ котелъ съ кипяткомъ и обжегся. Мымрецовъ молча и угрюмо смотритъ на охающаго и распухшаго мужика и ясно видитъ, что некуда его тащить. Желая успокоиться, онъ даетъ оборотъ своимъ мыслямъ: «нельзя ли его, по крайней мѣрѣ, не пущать?» Но и это оказывается невозможнымъ. Чтобы окончательно не скомпрометировать себя передъ толпой народа, Мымрецовъ наконецъ рѣшается объявить свое сужденіе:

— Ну, что-жъ зѣвать-то?.. По какому случаю шумъ?.. Ужъ ежели ты, къ примѣру, влетѣлъ въ котелъ, слѣдственно ты здорово, напримѣръ, обжегся... Будемъ такъ говорить... Чего-жъ зѣвать-то?..

Затѣмъ онъ ушелъ, а умирающій продолжалъ лежать и охать...

Бывали такіе случаи.

А въ доказательство того, что судьба вознаграждала Мымрецова за эти страданія, вернемся къ сыщику.

— Теперь намъ надо, вашескобродіе, поспѣшить...—говорилъ ему Прохоровъ, выбравшись изъ ночлежнаго дома.—

Попусту много промѣшкали... Надыть намъ поторапливаться, а то воръ-то, поди-ка, гдѣ ужъ щелкаетъ...

Но воръ, впрочемъ, недалеко ушелъ отъ нихъ. Онъ притаился въ лачужкѣ въ концѣ города, въ оврагѣ; здѣсь жила его жена съ ребенкомъ и какой-то старый солдатъ-калѣка. Чемоданъ былъ давно распакованъ; въ немъ оказалось роскошное дѣтское бѣлье и разныя туалетныя вещи.

Мало было поживы вору отъ этого добра. Роскошь его слишкомъ примѣтна для того, чтобы не навести въ этой бѣдной сторонѣ на вопросъ: «гдѣ ты взялъ этакое?» Тѣмъ не менѣе похититель кое-чѣмъ воспользовался и успѣлъ спустить. При разборкѣ чемодана старый солдатъ получилъ въ подарокъ ножикъ изъ слоновой кости и коробку пудры съ золотыми украшеніями. Когда сыщикъ съ солдатами подобрался къ лачугѣ, внутренность ея была ярко освѣщена; на полу, около развороченнаго чемодана, спалъ, закрывшись, человѣкъ—это былъ воръ. Солдатъ сидѣлъ на лавкѣ и повертывалъ въ рукахъ то ножикъ, то коробку, ухмылялся и бормоталъ:

— И духовитая, провалиться ей!.. Пойду въ свою сторону—снесу... Надумаютъ же!.. Эва, ножикъ-отъ, тупой... Ни то имъ рѣзать ни то шутъ его разберетъ... Песокъ не песокъ, а поди, чкнись укупить!..

Старикъ нюхалъ коробку, качалъ головой и ухмылялся.

Прямо противъ окна стояла женщина, высокая и красивая, на рукахъ ея былъ мальчикъ не больше году отъ рожденія; на немъ была надѣта одна изъ роскошнѣйшихъ краденыхъ рубашечекъ, не закрывавшая, впрочемъ, ни грязныхъ рукъ, ни ногъ, ни чумазаго дѣтскаго личика. Мать подбрасывала его къ потолку, тормошила и, слегка щекоча ему грудь, говорила:

— Ну чѣмъ не графскій барченокъ? Ну чѣмъ ты только не красавчикъ, чѣмъ не ангелочекъ?

— Отворяй!—загремѣвъ кулакомъ въ окно, гаркнулъ Прохоровъ.

Въ лачужкѣ заметались; солдатъ началъ торопливо прятать пудру въ сапогъ; спавшій человѣкъ вскочилъ, бросился въ дверь; но его встрѣтилъ Мымрецовъ.

— Вотъ онъ—ты!—сказалъ будочникъ.

— Вотъ онъ, вотъ онъ!..—безсознательно бормоталъ воръ, остановившись.

Скоро Мымрецовъ былъ удовлетворенъ.

V.

Теперь необходимо обратить вниманіе на самую будку, такъ какъ дѣятельность Мымрецова, несмотря на довольно большое однообразіе, въ сущности рѣшительно неисчерпаема; всякій шиворотъ непремѣнно совмѣщаетъ въ себѣ цѣлую драму, а пересчитать эти драмы—нѣтъ физической возможности. Поэтому-то мы и обратимся къ нравамъ самой будки.

Кромѣ Мымрецова, его жены и случайныхъ посѣтителей, иногда проводившихъ здѣсь тягостную ночь, въ будкѣ были еще постоянные жильцы; это были бѣдняки, не имѣвшіе мѣста, гдѣ бы преклонить голову. Если у нихъ было что̀ перекусить и выпить, они дѣлились этимъ съ будочниковой супругой и старались не запруживать будку своими нищими тѣлами; въ минуты безденежья и безхлѣбья они прямо шли въ будку и говорили будочницѣ:

— Авдотья! Мы къ тебѣ...

— И когда только это провалъ васъ возьметъ!—гнѣвно отзывалась будочница, но не гнала ихъ,—во-первыхъ, потому, что добрыя сердца бываютъ и въ храминахъ и въ хижинахъ, а во-вторыхъ, потому, что отъ жильцовъ частехонько перепадали на ея долю довольно вкусные и жирные куски пироговъ. Жильцы ея принадлежали къ артистическому классу «мастеровщины» и составляли захолустный оркестръ. Составъ и свойство этого оркестра довольно новы; чтобы познакомиться со всѣмъ этимъ покороче, мы должны зайти въ будку въ одинъ изъ дней зимняго мясоѣда.

Въ печкѣ трещатъ дрова; въ тепломъ и гниломъ воздухѣ виситъ полоса дыма и слышится довольно плотный букетъ махорки; будочница орудуетъ ухватомъ; Мымрецовъ занятъ отдыхомъ и молча поплевываетъ въ уголъ. Въ это время въ будку входитъ старичокъ-мѣщанинъ; сначала онъ крестится, потомъ кланяется хозяевамъ и, стряхнувъ съ рукава и воротника снѣгъ, говоритъ будочницѣ:

— Что̀, любезная, здѣсь Иванъ, музыкантъ, проживаетъ?

— Это который на скрипкѣ?

— Этотъ.

— Здѣся... Да шутъ ихъ знаетъ, шатуны этакіе... ихъ, поди, съ собаками не сыщешь...

При этомъ будочница подняла ухватъ кверху и постучала имъ въ потолокъ.

— Сейчасъ!—глухо отозвались съ потолка.

— Аль они у васъ подъ крышей зимуютъ?—спросилъ мѣщанинъ.

— А то гдѣ-жъ? Тутъ, чай, самъ видишь, негдѣ повернуться двоимъ... А иной разъ пьяницъ наволокутъ: хоть возьми, завяжи глаза, да бѣги вонъ.

— Такъ, такъ,—подтвердилъ мѣщанинъ.

— А что-жъ, думаешь, подъ крышей...— продолжала будочница.—Тамъ имъ, погляди-ка-сь, какое тепло-то!.. Труба горячая, что̀ твоя лежанка...

— Такъ, такъ... Мѣсто духовитое... Труба даетъ теплый духъ.

— Тамъ имъ за первый долгъ валяться-то!..

— Это справедливо,—мѣсто хорошее... мѣсто миловидное!..

Мѣщанинъ сѣлъ на лавку, погладилъ свои сѣдые волосы и оглядѣлся.

— Мѣшкаютъ они что-то...—сказалъ мѣщанинъ, помолчавъ.

— Товарищей скликаютъ... Что̀ вы,—свадьбу, что-ль, затѣваете?—спросила будочница.

— Да что̀ будешь дѣлать, матушка!

— Кто такіе?

— Кушаковы, мѣщане... здѣшніе жители. Вотъ внучку просваталъ за кондитера Ваньку...

— Это хромой-то?

— Хромъ, матушка, точно что хромъ!.. Ну, дохтора обѣщались оттянуть эту хромоту-то... Безпремѣнно, говорятъ, оттянемъ въ другое мѣсто... И примочку дали, дай Богъ здоровья... Примачивайте, говорятъ, черезъ два часа по столовой ложкѣ...

— Ну, дай Богъ!

— Ужъ мы и сами Бога молимъ... Къ спинѣ бы ее, хромоту-то...

— Въ спину?—спросилъ Мымрецовъ, неожиданно услыхавъ слово, такъ близко подходящее къ шивороту.

— Къ спинѣ, къ спинѣ, другъ! Потому, надо такъ сказать: которая это нога кондитерова, то она болѣе двадцати годовъ изувѣчена; ну, мы имѣемъ упованіе на Господа...

— Пьетъ-то онъ дюже!—съ соболѣзнованіемъ проговорила будочница.—А ужъ и дѣвочка ваша!

— Дѣвочка, одно слово! Рукодѣлью обучена...

— Первая по здѣшнимъ мѣстамъ дѣвушка! Ужъ и мастерокъ!.. ахъ!

— Ну, да вѣдь гдѣ, матушка, непьянаго-то возьмешь? Кто не пьяница-то по нынѣшнему времени?

Мѣщанинъ вздохнулъ.

— И тяжка же наша женская часть!—заговорила будочница, смотря въ печку.—Живетъ дѣвушка невинная, чувствуетъ про себя всякую любовь, а намѣсто того — хвать! да за пьяницу... На увѣчья да на каторгу!..

— Родная,—грустно сказалъ мѣщанинъ:—нѣту непьяницъ-то, нѣту ихъ! У кондитера у Ваньки, по крайности, сейчасъ пятьдесятъ цѣлковыхъ есть! Да платье, поглядика-сь, какое невѣстѣ подарилъ! Только что въ двухъ мѣстахъ маленько тронуто, а то все чистое, можно сказать—муре! Такъ-то-ся!.. Санта-дубовое обѣщался—случай есть... Вотъ и гляди на него, каковъ онъ кондитеръ-то...

При этихъ словахъ будочница замолкла. Мымрецовъ, слушая эти разговоры, началъ какъ-то таинственно покряхтывать, пошевеливаться, и будка неожиданно услыхала слѣдующую рѣчь:

— Ну, тоже,—не спѣша началъ Мымрецовъ:—и мужская часть черезъ женскую часть не то чтобы очень благополучно хлѣбъ свой ѣла...

Тутъ онъ остановился, тряхнулъ головой книзу, завернулъ лицо въ сторону и продолжалъ:

— Тоже и нашему брату само собой по башкѣ отъ дамскаго пола влетаетъ...

Съ этими словами онъ вдругъ направился къ двери.

— Да какъ васъ не бить-то? Какъ васъ, кровопійцевъ нашихъ, не бить?—загорячилась будочница.

— Да, братъ! влетаетъ препорядочно-хорошо! — заключилъ Мымрецовъ и скрылся на улицу.

Въ это время въ будку вошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ доброй, но какъ будто заспанной, отекшей физіономіей. Онъ былъ въ сѣромъ армякѣ съ широкимъ квадратнымъ воротникомъ, лежавшимъ на спинѣ; на шеѣ виднѣлся ситцевый платокъ, туго завязанный крошечнымъ узломъ. Армякъ былъ подпоясанъ кушакомъ; походилъ онъ на дьячка. Человѣкъ этотъ былъ застѣнчивъ и робокъ; добрые глаза мигали часто, словно стыдились чего. За нимъ вошло еще двое.

— Добраго здоровья!—сказалъ армякъ мѣщанину мягкимъ и заискивающимъ голосомъ.

— Здравствуй, другъ! Ты—Иванъ-то?

— Мы-съ... Музыка требуется?

— Да, братъ... Вотъ свадьбу затѣяли...

— Дѣло доброе!.. Дай Богъ часъ!.. Конечно... Вамъ одинъ инструментъ требуется?

— Да хоть и поболѣ—все одно. Что̀ ужъ...

— Да на что вамъ поболѣ-то-съ? Конечно, что звуку болѣе—ну, настоящаго увеселенія не будетъ-съ... Повѣрьте, такъ! Намъ это дѣло вотъ какъ извѣстно... Теперича, напримѣръ: труба или опять генералбасъ—черезъ нихъ только ревъ поднимается на балу, ну, къ танцу онъ не трафитъ; танецъ требуетъ аккурату, чтобы нога дѣйствовала въ существѣ, но не то, что ежели мы забарабанимъ, очертя голову! Въ то время можетъ произойти невѣсть что...

— Это такъ!—подтвердилъ мѣщанинъ.

— Повѣрьте такъ! Мы на своемъ вѣку поработали довольно... Мы знаемъ-съ. Нѣтъ лучше, какъ скрипка: тихо, чудесно... А за цѣной мы не постоимъ...

— А за цѣной мы не погонимся...—прибавили два другія лица.

Костюмы этихъ лицъ не отличались доброкачественностью. Одинъ изъ нихъ, худенькій и сухой человѣкъ, лѣтъ сорока, былъ въ чуйкѣ, старался быть гордымъ и держать себя въ порядкѣ. Другой былъ въ сюртукѣ, воротникъ котораго терялся въ какихъ-то тряпкахъ, намотанныхъ на шеѣ. Сюртукъ былъ засаленъ и застегнутъ на верхнюю и нижнюю пуговицы; боковой карманъ отдувался. Человѣкъ въ сюртукѣ имѣлъ широкое и рябое лицо, выражавшее равнодушіе и весьма покойное состояніе духа; лицо это очень походило на тарелку съ кашей, густо намазанной масломъ.

— Что̀ же,—спросилъ мѣщанинъ:—и эти молодцы по музыкальному мастерству?

— Н-нѣтъ-съ! — умильно отвѣчалъ армякъ. — Нѣтъ-съ, они этому не учены...

— Мы не учены...

— Мы только что *вмѣстѣ ходимъ-съ!* — продолжалъ армякъ.—У насъ значитъ *общее,* собственно по бѣдности. Такъ какъ, оставши безъ куска хлѣба—куда я дѣнусь? Которые были по оркестру товарищи, еще при баринѣ,—тоже разбрелись... Струменту не было... съ рукой тоже не хотѣлось, а кормиться надобно... Ну вотъ попался добрый человѣкъ, Петръ Филатычъ, дай Богъ имъ здоровья, инструментъ свой довѣряютъ...

— Это точно, что справедливо онъ говоритъ! — подавшись впередъ, произнесъ человѣкъ въ сюртукѣ.—Потому эту скрипку мнѣ одинъ помѣщикъ подарилъ, какъ, значитъ, изъ послушниковъ монастырскихъ выбылъ я...

— Какимъ же манеромъ въ монастырь-то угодилъ?

— Да собственно такимъ манеромъ, что ружье у одного пріятеля моего было...—спокойно объяснилъ сюртукъ.— Разъ онъ, пріятель-то, баловался-баловался этимъ ружьемъ— «эй, говоритъ, берегись, застрѣлю!» Шутилъ. Я думаю, ты шути-шути, а тоже пулею какъ двинешь, не оченно чтобы превосходно будетъ. Взялъ да и заслонился рукой. А онъ какъ брякнетъ! Да два пальца мнѣ и отшибъ... Изволите посмотрѣть! Ну, судить. Что̀, что̀ такое? Ну, выгнали насъ, исключили... Въ училищѣ духовномъ былъ я въ ту пору... Входилъ я съ прошеніемъ, такъ и доступа мнѣ не было... Начальникъ случился робкій, увидалъ эту руку-то, напримѣръ, въ крови—«уведите его, говоритъ, онъ меня убьетъ!» Такъ я и пошелъ за разбойника... Безрукій человѣкъ, куда ему! Думалъ-думалъ—и вступилъ въ обитель.

— Да, да, да! Ну, а изъ монастыря-то отбылъ?

— А изъ монастыря я по искушенію отбылъ... Мысли разныя смущали.

— Бѣсы!—шепнулъ армякъ и кашлянулъ

— Ну ихъ... Что-жъ...—неохотно произнесъ разсказчикъ.—Гласы были: «Что̀ ты, говоритъ, измождаешься?.. Лучше же ты утрафь отсюда... Птицы небесныя и тѣ, напримѣръ...» Ну, я и того... Искусился да и ушелъ. Черезъ соблазъ. А оттуда, Богъ далъ, къ помѣщику одному мелкопомѣстному дѣтей учить: читать, писать... Только помѣщикъ-то этотъ оченно пилъ. Придерживался. Капиталу настоящаго не было: душъ всего шесть да собака борзая, а дѣтей куча, да и вино это самое... Я въ то время ничего этого не одобрялъ, да и посейчасъ не лютъ,—такъ балуюсь. Ну, а тогда въ компаніи-то съ хозяиномъ и началъ... Помаленьку да помаленьку... Бывало, жена-то воетъ-воетъ, а мы—знай свое... Въ полночь рыбу затѣемъ ловить, или въ галокъ изъ окошка стрѣлять,—это у насъ во всякое время коротко и ясно. Сколько разъ тонули, чуть дѣтей не перестрѣляли,—все сходило; а тутъ вдругъ и случись бѣда... Напились мы съ нимъ, съ помѣщикомъ-то, однова да и поѣхали вмѣстѣ. Дорогой начнись у насъ споръ, слово-заслово, я разсерчалъ да какъ цапну барина-то по головѣ!

— За что?

— Да это мнѣ и теперича неизвѣстно... Цапнулъ я его, а онъ и покатись, покатился да и померъ... Ну, дѣло затѣялось, меня въ тюрьму... Послѣ этого, какъ, значитъ, я себя на отдѣлку замаралъ,—нѣту мнѣ пропитанія,—никто не беретъ, боятся: «онъ, говорятъ, убьетъ!» Некуда мнѣ

дѣться... Взялся за скрипку, думаю—обучусь... Жена помѣщикова еще скрипку-то не отдавала: «Ты, говоритъ, мужа убилъ... Намъ самимъ ѣсть нечего... Намъ самимъ скрипка нужна...» Не отдаетъ! Ну, кое-какъ я ее отбилъ да вотъ и пускаю въ прокатъ. Скрипка хорошая...

— Скрипка хорошая! — подтвердилъ сѣрый армякъ: — только что щелочка...

— Ну, что̀ тамъ щелочка?—возразилъ сюртукъ.—Авось, я знаю... Кажется, своими руками ее заклеилъ.

— Съ этими щелками да скрипками,—прибавила будочница:—вы у меня, черти этакіе, цѣлое полотнище изъ юбки выдрали!.. Охъ, музыканты!

— Щелочки той и помину нѣтъ, что̀ ты! — продолжалъ сюртукъ.

— Да что-жъ я?—робко зашепталъ армякъ.—Али я что-нибудь?

— Это, братъ, скрипка итальянская!

— Я говорю: скрипка превосходная, что̀ вы, Петръ Филатычъ?.. Такъ вотъ-съ, — обратился армякъ къ мѣщанину:—скрипка ихняя, а струны Иванъ Ларивоновичъ отъ себя держутъ.

— Моя часть—струна!—сказалъ сухой и сердитый человѣкъ.—Мы, милостивый государь, струну держимъ дорогую, но не какую-нибудь собачью дрянь, позвольте вамъ замѣтить... Потому намъ нельзя какъ-нибудь!.. Ежели я только что и дышу струною, такъ ужъ я долженъ, чтобы она въ полномъ звукѣ была... Такъ или нѣтъ-съ? Положимъ, что я теперь во временной нуждѣ; потому мнѣ надо господина Приглотова дождаться, я у него сейчасъ буду тыщу рублей получать... Я его на рукахъ своихъ выняньчилъ, онъ не забудетъ старика, потому это противъ Бога... А что съ этими пьяницами мнѣ долго не возиться,—это я вамъ вѣрно говорю...

Старикъ съ гордостью и даже ожесточеніемъ произносилъ свою рѣчь, презрительно посматривая на своихъ товарищей.

— Съ этими пьяницами не нажить мнѣ долго... Я этого не люблю... Я знаю порядокъ... Я этимъ не нуждаюсь...

Гордость и презрѣніе, слышавшіяся въ этихъ словахъ, почти обидѣли мѣщанина, тоже съ гордостью приготовлявшагося устроить трагическую свадьбу съ музыкой... Среди раздраженной рѣчи поставщика струнъ, мѣщанинъ поднялся и сказалъ:

— Ну такъ какъ же?

— Да какъ прикажете! — снова заговорилъ армякъ. — Сейчасъ—сейчасъ готовы; завтра—завтра. Какъ угодно...

— Ну, тамъ скажемся. Ладно. Только чтобы ужъ аккуратно было... Свадьба хорошая...

— Само собой!.. Такъ мы трое, значитъ, и прибудемъ-съ. Я для музыки, собственно для искусства, ну, а они такъ... Пирожка тамъ, чего-нибудь.

— Мы для пропитанія!—прибавилъ сюртукъ.

Мѣщанинъ сторговался и ушелъ.

VI.

Спустя нѣсколько времени происходила свадьба.

Въ запотѣлыя стекла любопытные зрители могли видѣть внутренность лачуги, биткомъ набитой гостями. Среди всеобщаго молчанія суетились какія-то женщины, поднося водку и поминутно раскланиваясь, въ отдаленіи слышались звуки настраиваемой скрипки и мелькала фигура ея владѣльца съ пирогомъ въ рукѣ и за щекой. Видно было также, какъ полупьяный кондитеръ, сидя на диванѣ, притягивалъ къ себѣ молодую жену, старавшуюся уйти отъ него; упругій станъ ея неохотно покорялся его ласковымъ объятіямъ, и грустное лицо чуть не плакало, но все-таки улыбалось. Невѣста наконецъ вышла въ другую комнату и залилась слезами; нѣсколько пожилыхъ женщинъ принялись ее утѣшать.

— Что̀ ты? что̀ ты, родимая? Ты подумай, какой человѣкъ... Одно—кондитеръ...

— Больной... и нога... увѣчный!.. И ухо болитъ!..

— Ухо? Ахъ, ты, касатка моя! Да ты пройди весь свѣтъ—такого уха не найдешь!..

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Ну, а ежели и болитъ, эка бѣда какая!.. Ужъ и заболѣть нельзя! Скажи на милость!.. Ты бы и не думала объ этомъ... А ужъ ежели не нравится, возьми да отвернись...

— Отвернись, а онъ изобьетъ!

— Ни-ни-ни! Ни Боже мой!.. Не такой человѣкъ! Просто-напросто попроси у него позволенья, тихо, благородно: «Позвольте, молъ, Иванъ Капитонычъ, съ краю мнѣ... Ужъ знаю, молъ, что это не порядокъ! ну, что̀ будешь дѣлать,— пріучена!.. И сама, молъ, не рада, ну не могу!..» Ни-ни-ни!.. Слова не скажетъ! что̀ ты? Вѣдь ишь ты что̀... Ахъ, ты! голубка моя! ужъ и смѣхъ же съ вами, съ дѣвушками...

Въ это время сѣрый армякъ съ отчаянною быстротою заигралъ какую-то пьесу. Скрипка и струны были не особенно звучны: онѣ напоминали не звучное и не стройное, но визгливое и раздирающее душу причитанье старухи.

Общество расшевелилось и зашумѣло.

— Эй, бабы-ы!—кричалъ подгулявшій кондитеръ.—Жену чтобъ сюда!.. Супругу!.. Это почему такое?

Прислушиваясь къ свадебному бушеванью, Мымрецовъ стоялъ на крыльцѣ будки, рядомъ съ алебардой, и, должно-быть, ей повѣрялъ свои одинокіе разговоры.

— По какому случаю шумъ?—бормоталъ онъ:—мы не допущаемъ, ежели, напримѣръ...

Но мы уже знаемъ, что̀ «не допущаетъ» Мымрецовъ, и не будемъ потому досказывать исторію свадьбы, которая и женихомъ, и невѣстой, и драматическими солистами оркестра, кажется, сулитъ ему большую практику въ самомъ скоромъ будущемъ.

Спустя рукава.

Изъ провинціальныхъ замѣтокъ

I.

Пѣвцовъ былъ молодой человѣкъ, но молодость его постоянно отравлялась томительнымъ нытьемъ о собственномъ положеніи, томительнымъ ожиданіемъ дѣятельности и въ то же время полнымъ бездѣйствіемъ. Гдѣ бы онъ только ни бывалъ, странствуя и въ городахъ и въ деревняхъ,—вездѣ, и особенно въ столицахъ, Пѣвцовъ проживалъ у какихъ-нибудь родственниковъ, собирался что-то начать, заняться основательнымъ изученіемъ чего-то, задумывалъ держать экзаменъ то въ то, то въ другое учебное заведеніе, безконечно тосковалъ неопредѣленнымъ положеніемъ въ качествѣ приживальщика или дармоѣда тетушкиныхъ хлѣбовъ, курилъ множество папиросъ и шатался безъ всякаго дѣла; живя, напримѣръ, въ Москвѣ, онъ цѣлые дни вялыми шагами перебирался съ бульвара на бульваръ, угрюмо смотря на проходящихъ, останавливался передъ толпой народа, начиналъ вслушиваться, но тоска гнала его дальше, и вотъ онъ гдѣ-нибудь въ Кремлѣ, заложивъ руки назадъ, смотритъ на

царь-колоколъ... Ему не хочется идти домой; тамъ его ожидаютъ любопытные глаза тетушекъ, желающихъ знать, не сумѣлъ ли ихъ племянникъ какъ-нибудь пристроиться, не обезпечилъ ли наконецъ себя, прошлявшись цѣлый Божій день?.. Вспоминая объ этихъ любопытствующихъ взглядахъ, племянничекъ дѣлался еще мрачнѣе: «эти идіоты,—мысленно ругался онъ:—и знать не хотятъ, что̀, дѣлается у меня въ головѣ... хорошенько подумать не дадутъ... имъ бы только съ шеи спихнуть». И онъ опять плелся на прѣсненскіе пруды, рѣшая сегодня же бросить своихъ тетушекъ, да заняться хорошенько, да выдержать экзаменъ, потомъ «плюнуть всѣмъ имъ въ морду», потому что онѣ не знаютъ, что̀ такое онъ... И вдругъ въ головѣ его возникаютъ вопросы: «что̀ же такое онъ, въ самомъ дѣлѣ... и какія-такія у него особенныя вещи въ головѣ?..» Это снова повергало его въ тоску...

Проходили годы, а онъ попрежнему жилъ у тетушекъ, собирался держать экзаменъ, выкуривалъ тысячи папиросъ, думалъ, тосковалъ и наконецъ очутился въ уѣздномъ городкѣ учителемъ...

«Вотъ гдѣ моя пристань!»—думалъ онъ, въѣзжая въ городъ и озирая разоренныя лачужки и повалившіеся плетни. «Что-жъ? здѣсь-то и дѣлать дѣло!»—сказалъ онъ себѣ и почти съ удовольствіемъ перенесъ всѣ непріятныя ощущенія, которыя ему пришлось испытать, нанимая квартиру, знакомясь съ учителями и училищемъ. Квартира его была простая лачуга, съ грязнымъ поломъ, перекосившимися стѣнами и сверчками; за стѣной постоянно стучалъ молотъ жестянника и раздавался ревъ ребятъ, не дававшій ему «подумать»; въ окна глядѣла улица съ измазанными грязью свиньями, заборъ и за заборомъ бурьянъ. Училище тоже непріятно подѣйствовало на него своимъ разрушеннымъ видомъ, стертыми досками, ободранными стѣнами, изрѣзанными партами и пр. Все это рисовало въ его воображеніи какое-то покинутое, заброшенное зданіе, гдѣ могутъ жить только летучія мыши и гнѣздиться ночныя птицы. Онъ начиналъ дѣло съ свѣтлыми планами, и нервы его непріятно потрясались этой пустынностью, вѣяніемъ смерти и заброшенностью...

«Но,—думалъ онъ:—живутъ же люди и здѣсь!»—и принялся знакомиться съ учителями, которые представлялись ему мучениками; но люди, которые жили здѣсь, т.-е. учителя, къ удивленію Пѣвцова, еще болѣе увеличили въ немъ

ощущеніе разрушенности и смерти. Они сами были развалины: они давно уже служили здѣсь и привыкли ко всему. Появленіе новаго лица родило въ нихъ относительно его какое-то враждебное чувство,—они сторонились Пѣвцова, старались отнѣкиваться и вѣжливость его объясняли желаніемъ поддѣлаться къ нимъ да потомъ и бухнуть директору, чтобы самому выскочить, а ихъ погубить. Такой взглядъ товарищей весьма опечалилъ Пѣвцова; онъ недоумѣвалъ, но надѣялся, что со временемъ они перемѣнятъ объ немъ мнѣніе. Онъ не ошибся. «Что-жъ?—подумали товарищи, когда имъ надоѣло шушукаться:—пускай доноситъ... наше дѣло правое»,—и стали смотрѣть на Пѣвцова, какъ на прощелыгу...—«Прощелкался въ Москвѣ-то,—думали и говорили они:—вотъ и юлитъ...» Взглядъ ихъ еще болѣе укрѣпился тогда, когда они узнали, что у Пѣвцова нѣтъ ни копейки за душой, а у нихъ были уже благопріобрѣтенныя норы, самовары, кровати и безпорочные формуляры. «Намъ бояться нечего!»—думали они каждую минуту... Съ этихъ поръ они перестали сторониться Пѣвцова и шушукать въ уголку; теперь они уже громко разговаривали о крестинахъ, больныхъ желудкахъ, больныхъ *со вчерашняго* головахъ, предлагали другъ другу средства къ исцѣленію и трепали учениковъ за виски...

Скоро онъ помирился съ разваленными стѣнами, съ пьяными фигурами учителей, но рѣшительно терялся при видѣ учениковъ. Эти рваные полушубки, эти худенькія дѣтскія ноги, вымазанныя холодною осеннею грязью, эти тощія лица и уже мозолистыя руки приводили его въ недоумѣніе. Онъ зналъ, что эти дѣти пришли поучиться у него уму-разуму; зналъ, что полушубки, въ которыхъ пришли они, сняты съ отцовъ и братьевъ; зналъ, что отцы и братья съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія ихъ полушубковъ изъ школы, чтобы одѣть ихъ и отправиться за добычею: они еще вчера замѣтили въ оврагѣ дохлую лошадь, которую еще никто не успѣлъ ободрать. Объ этой лошади думаютъ теперь отцы и братья, объ ней думаютъ и ученики Пѣвцова. Маленькіе слушатели его — уже дѣйствительные, нужные члены своихъ семей и заинтересованы въ нихъ наравнѣ со стариками и взрослыми. Чѣмъ онъ, Пѣвцовъ, можетъ пригодиться имъ? Развѣ хватитъ у него духа ограничиться только поправкою грамматическихъ ошибокъ въ томъ маленькомъ дѣтскомъ сочиненіи, гдѣ говорится, что «вчера у насъ обвалилась печка, а отца нѣту дома — онъ

повезъ продавать подсолнухи по деревнямъ, всего на четвертакъ...» Какая польза этимъ трудящимся бѣднякамъ въ томъ, что они узнаютъ логическій составъ мысли, что органъ вкуса есть языкъ, а Монбланъ имѣетъ четырнадцать тысячъ футовъ высоты? Какая польза въ подобныхъ знаніяхъ, когда, заплативъ за нихъ кровные три рубля въ годъ, ученики его все-таки будутъ продолжать жить по-отцовски, въ лютые морозы плестись по полю на клячонкѣ въ сосѣднюю деревню, чтобъ распродать подсолнухи на ту же сумму въ четвертакъ и надувать при этомъ своихъ собратій-мужичковъ?.. Онъ не вѣрилъ, чтобы всѣ эти маленькіе труженики добровольно отрывались на четыре года отъ семей; онъ видѣлъ тутъ какое-то строжайшее приказаніе... Опытъ доказалъ ему совсѣмъ иное. На глазахъ его не одинъ разъ въ училище приходили отцы и матери учениковъ и просили учителей наказать своихъ дѣтей... Что̀ имъ мѣшаетъ драть и «полосовать» своихъ дѣтей дома? Они дерутъ ихъ дома, но не видятъ отъ этого никакого проку; имъ нужно, чтобы дѣтей наказывали въ училищѣ. Слѣдовательно училище имѣетъ нѣкоторую силу; бѣдные отцы ждутъ отъ него чего-то... У нихъ дома не находится одного изъ свойствъ нравственнаго вліянія, необходимаго для ихъ дѣтей; они полагаютъ, что спасительница ихняя—это училищная казенная розга, укрѣпленная въ чужихъ, ученыхъ рукахъ... Такъ думаютъ необразованныме отцы; «но,—думалъ Пѣвцовъ:—на нашей обязанности—замѣнить эту розгу свѣтлымъ нравственнымъ вліяніемъ».

На первыхъ порахъ ему казалось, что въ немъ проснулась какая-то новая, страшная сила...

«Но,—думалъ онъ черезъ двѣ минуты;—чѣмъ же можетъ быть онъ полезнымъ въ этомъ отношеніи?» Углубившись въ разработку собственныхъ нравственныхъ силъ, онъ съ ужасомъ убѣдился, что ничего не можетъ сообщить своимъ питомцамъ, кромѣ мыслей о пользѣ терпѣнія, повиновенія, послушанія, труда... «Что̀ такое?»—недоумѣвая, толковалъ онъ и приходилъ къ тѣмъ же заключеніямъ... Пѣвцовъ почувствовалъ, что не эти ли истины, вколоченныя въ него съ дѣтства, съ цѣлью пріучить его къ существованію, сидя на одномъ мѣстѣ, и быть довольнымъ этимъ «опредѣленнымъ» положеніемъ—были причиною того, что, оставшись безъ цѣли, безъ привязи, сдѣланной чужими руками, онъ мечется изъ угла въ уголъ, не знаетъ, что̀ дѣлать, куда дѣваться?.. Мысль эта, мелькнувшая въ его головѣ какъ

молнія, какъ молнія и исчезла, но общій душевный хаосъ, который подняло въ его душѣ «дѣло», заставилъ его сказать:

— Нѣтъ, кончено! Завтра же бросаю все... и не могу здѣсь быть... Нѣтъ!.. Нѣтъ!..

Завтра онъ не уѣхалъ, потому что этому помѣшало одно новое и весьма хорошее соображеніе...

«Что-жъ, — думалъ онъ: — и здѣсь можно быть полезнымъ... Стòитъ только отдать свое жалованье въ пользу бѣдныхъ учениковъ, ихъ семействъ, отцовъ и братьевъ... Вѣдь это все ихнее...»

Эта мысль озарила все его тосковавшее существо.

— Завтра же, завтра же!—толковалъ онъ съ восторгомъ и ерошилъ свои волосы.

Но завтра онъ этого не сдѣлалъ.

«Какъ только получу жалованье,—думалъ онъ «завтра»:— тотчасъ же...»

Жалованье онъ получалъ, клалъ въ карманъ—и думалъ: «завтра непремѣнно!»

Но завтра онъ этого не дѣлалъ — деньги нужны были самому, «а вотъ въ слѣдующій мѣсяцъ!»

II.

Прошло два года. Пѣвцовъ никуда не уѣхалъ. Мысли объ отъѣздѣ и о раздачѣ собственнаго имущества онъ считалъ окончательно рѣшенными; онъ былъ увѣренъ, что сдѣлаетъ все это непремѣнно, и не считалъ нужнымъ размышлять объ этомъ каждую минуту. Дѣло рѣшенное. Къ концу второго года онъ сдѣлался какъ-то спокойнѣе. Учителя его уже не дичились, и онъ тоже спокойно презиралъ ихъ. «Чтò же требовать отъ нихъ?»—думалъ онъ. Отношенія къ ученикамъ уже не были загадкою,—во-первыхъ, потому, что «завтра непремѣнно...», а во-вторыхъ, — «нужно же хоть для виду; пріѣзжаютъ ревизоры... охота выслушивать непріятности отъ кого-нибудь...»

— Вы, пожалуйста, сбрейте бороду...—сказалъ ему смотритель.

— Я думаю, борода моя не повредитъ?..

— Такъ, но чтò вамъ за охота изъ-за какой-нибудь бороды выслушивать замѣчанія? Согласитесь.

— Такъ, такъ, дѣйствительно... — отвѣчалъ Пѣвцовъ и сбрилъ бороду.

Сидя въ классѣ, онъ видѣлъ тѣ же полушубки и голыя

ноги, но для того, чтобы «не нажить непріятностей», трактовалъ о подлежащихъ, сказуемыхъ, выслушивалъ басню «Оселъ и Соловей», «Проказница-Мартышка».

Неужели онъ забылъ, что выучить эту басню, не понимаемую почти наполовину, стоило и времени, нужнаго на домашнюю помощь, и сальнаго огарка, стоившаго проклятій? Нѣтъ, онъ зналъ это, но «что̀ за охота выслушивать»... и т. д. Кругомъ его за стѣнами въ сосѣднихъ классахъ раздавались возгласы его товарищей, заматорѣвшихъ въ процессѣ преподаванія, основанномъ на томъ, чтобъ «не нажить непріятностей». Пѣвцовъ слушалъ это преподаваніе и былъ равнодушенъ къ нему: онъ ведетъ свои дѣла и не имѣетъ надобности до своихъ товарищей.

— Кромѣ видимыхъ, вещественныхъ глазъ, имѣетъ ли человѣкъ невещественные?—раздавалось за стѣной.

— Человѣкъ имѣетъ невещественное око...

— Которое называется?..

— Которое называется внутреннимъ.

— Какъ?

— Внутреннее око.

— Садись!—Пономаревъ! Осязаемъ ли мы внутреннее око?

— Нѣтъ, мы его не осязаемъ.

— А оно само осязаетъ ли внутренно предметы?—т.-е. видитъ ли?

— Оно видитъ и осязаетъ.

— Что̀ именно?

— Невещественные предметы.

— Садись!

За другой стѣной идутъ разсказы о томъ, чѣмъ замѣчателенъ Манчестеръ; о томъ, какъ Мамай разбилъ Донского «съ тылу», при чемъ безпрестанно слышатся слова: «на голову»... «обратился въ бѣгство»... «Славяне, подобно германцамъ, а германцы, подобно славянамъ»—и проч. Но вотъ раздается звонокъ, Пѣвцовъ стоитъ среди учителей: они просятъ у него папироску, разспрашиваютъ о квартирѣ.

— Да не пойти ли намъ къ Гаврилову? У него превосходная наливка.

— Нѣтъ, господа...—говоритъ Пѣвцовъ.

— Да вѣдь въ Москвѣ пили же что-нибудь?

Пѣвцовъ соображалъ: «отчего же и въ самомъ дѣлѣ не пойти?»

И дѣйствительно шелъ,—такъ, отъ-нечего-дѣлать. Дорогою онъ видѣлъ, какъ ученикъ, отвѣчавшій о внутрен-

немъ окѣ, тащилъ, весь потный, коромысло съ ведрами воды; думалъ, что тяжесть этой ноши способна выколотить изъ него въ одну минуту цѣлые милліоны свѣдѣній въ родѣ внутренняго ока, — и шелъ съ товарищами дальше. Впрочемъ, онъ вѣжливо отвѣчалъ на поклонъ ученика, который, высвободивъ одну руку изъ-подъ коромысла, снялъ-таки шапку передъ наставниками.

— Ну-ка рюмочку!—говорятъ ему товарищи.

— Нѣтъ, я не стану.

— Да пили же въ Москвѣ-то? что̀ за глупости!

Пѣвцовъ думалъ: «что-жъ такое?»—и пилъ.

Но вотъ ужъ онъ выпилъ пять рюмокъ. Какъ это случилось, обстоятельно объяснить невозможно; достовѣрно извѣстно только то, что, поднося себѣ рюмку за рюмкой, онъ думалъ: «что̀ такое, если я... велика бѣда!» Черезъ нѣсколько времени онъ уже цѣлуется съ кѣмъ-то. «Что̀ это за рожа?»—думаетъ онъ, упираясь глазами въ какую-то щетину, которая принадлежитъ обнимающему его человѣку, и, убѣдившись, что это одинъ изъ товарищей, авторъ внутренняго ока, думаетъ: «А, это ты, подлецъ!» — и цѣлуетъ щетину. «Эка важность!—думаетъ онъ, совершая эту церемонію.— Послѣ злиться будетъ... чортъ съ нимъ!»

Откуда-то явилась гитара, началась пьяная пѣсня. Оказывается, что Пѣвцовъ знаетъ эту пѣсню—и подтягиваетъ; начинается другая—Пѣвцовъ и другую знаетъ. Между нимъ и товарищами рождается какая-то пьяно-дружественная связь, онъ уже не съ отвращеніемъ, а почти добровольно слушаетъ, какъ кто-то признаётся ему въ любви.

— Ты, братъ, хорошій человѣкъ!—говоритъ ему кто-то.— Я, братъ, люблю откровенность.

— Ты, братъ, самъ отличный человѣкъ!—говоритъ Пѣвцовъ.—Я, братъ, люблю правду.

— Ты, братъ, съ Ивановымъ не сходись, онъ—подлецъ... Я тебѣ по душѣ говорю.

— Ивановъ? о, это подлецъ! — не задумываясь, соглашается Пѣвцовъ.

— Цѣлуй, братъ!.. Вотъ спасибо!.. Давай по одной!

— Давай, братъ!

— Что̀, моего пса тутъ нѣту? — раздается голосъ за окномъ.

Это ходитъ по городу жена учителя и ищетъ своего пропавшаго мужа.

— Поди ты къ чорту!—гремитъ компанія.

— Убирайся къ чорту!—присоединяется Пѣвцовъ.

Словомъ, онъ — пріятель всѣмъ, находящимся въ этой компаніи. Пѣвцовъ возвращается домой навеселѣ, не замѣчая любопытныхъ, изумленныхъ уѣздныхъ лицъ, привыкшихъ встрѣчать его всегда въ порядкѣ.

— Нѣтъ! это невозможно!—съ болью въ головѣ рѣшалъ Пѣвцовъ, проснувшись на другой день.—Нѣтъ! это чортъ знаетъ что̀ такое!..

Сообразивъ всѣ подробности происшествія у Гаврилова, Пѣвцовъ назначалъ немедленный отъѣздъ изъ этого проклятаго города завтра утромъ. Это немного успокаивало его; но до завтрашняго утра оставалось громадное количество уѣздной скуки. Онъ попробовалъ высидѣть цѣлый вечеръ дома, но бушеваніе вѣтра, грохотаніе ставней и болтовъ, ревъ свиней подъ поломъ комнаты заставили его подумать: куда бы дѣться? Онъ подумалъ-было въ послѣдній разъ сходить къ тому или къ другому товарищу, чтобы показать себя снова въ приличномъ видѣ, но это оказалось неудобнымъ: у женатыхъ людей не всегда есть свободныя минуты,—одни дѣти чего стоятъ! Да наконецъ велика ли важность доказать товарищу свою трезвость. «Чортъ съ ними!»—думалъ Пѣвцовъ и все-таки не зналъ, въ какую нору заткнуть себя, лишь бы поскорѣй проснуться завтра. Судьба помогала ему. Буря и грохотъ ставней не его одного гнали вонъ изъ дому, не въ немъ только было желаніе куда-нибудь дѣться: на его сторонѣ была холостая уѣздная компанія. Онъ и сошелся съ ней.

«Завтра же, завтра же!»—думалъ Пѣвцовъ.

III.

Прошло еще два года—Пѣвцовъ уже не думалъ этого «завтра же», онъ совѣтовался съ товарищами насчетъ желудка: ему присовѣтовали употреблять огуречный разсолъ.

«Завтра же прикажу хозяйкѣ купить капусты и огурцовъ»...—думалъ Пѣвцовъ въ эту пору.

Холостая компанія, къ которой онъ продолжалъ принадлежать, въ сущности своей была глубоко грязна и отвратительна; отягченная бременемъ тоски и пустоты, она спустя рукава смотрѣла и переносила самыя возмутительныя вещи, понемногу привыкла принимать страшное нравственное паденіе за удовольствіе и увеличивала скудость духа и сердца, уже оскудѣвшія въ пустотѣ, еще больше и безжалостнѣе.

Иногда Пѣвцовъ, поразмысливъ надъ своей жизнью,

вдругъ снова впадалъ въ усмиренную кроткими мѣрами тоску, которая на этотъ разъ не выражалась въ потребности разсола, но и не была уже та московская тоска, въ которой все-таки звучала молодость. Въ ней уже не мелькало неопредѣленное желаніе что-то начать: она говорила о томъ, какъ бы все это кончить добровольно. Пѣвцовъ давно уже сидѣлъ на привязи и мало тосковалъ объ этомъ; онъ даже не замѣчалъ этого — такъ привыкъ онъ къ ней съ дѣтства. Но время и другія условія, о которыхъ уже сказано, навели его на мысль, что привязь эта очень длинна: она даетъ ему возможность шататься по улицамъ безо всякой надобности, вступать въ сношенія съ другими субъектами того же сорта, грызться съ ними и потомъ, повидимому, безо всякой надобности, уносить въ свою конуру переломленную ногу, боль въ боку. Не лучше ли просто сидѣть въ конурѣ и заботиться только о собственномъ благосостояніи, пусть тамъ грызутся. Но иногда не утерпишь... Для этого-то нужно привязать себя въ самую глубь конуры, опутать себя веревками, надѣть намордникъ, наконецъ приковать себя къ землѣ.

Соображенія, которыя привели Пѣвцова къ мысли о женитьбѣ, были, конечно, не такого свойства; и это происходило только отъ того, что онъ не подозрѣвалъ о существованіи въ себѣ глубокихъ началъ рабства. Поэтому-то желаніе болѣе короткой привязи онъ переводилъ на собственный языкъ такъ: «То ли дѣло,—думалъ онъ:—я живу самъ собою!.. Чортъ ихъ возьми всѣхъ! Я ихъ не хочу знать! Я буду дѣлать свое дѣло, и у меня будетъ своя жизнь. Жена подойдетъ и сядетъ. Я занимаюсь (тогда можно будетъ заняться), а она что-нибудь шьетъ. Чистота. Порядокъ. Тихо, смирно. Она подойдетъ и обниметъ меня; по крайней мѣрѣ, я знаю, что есть на свѣтѣ существо, которое...» Мысль о женитьбѣ охватила его гораздо серьезнѣе, т.-е. настойчивѣе всѣхъ другихъ его мыслей. Онъ рѣшился взять непремѣнно красавицу и умницу. Пусть она будетъ бѣдна. Пѣвцову это рѣшительно все равно. Одна красавица была у него на примѣтѣ, но онъ все какъ-то мѣшкалъ: дѣло новое. Въ одинъ вечеръ вой бури и ревъ свиней подъ поломъ квартиры достигъ такихъ размѣровъ, что Пѣвцовъ въ какомъ-то изступленіи произнесъ:

— Завтра же! завтра же, непремѣнно!..

На этотъ разъ онъ сдержалъ слово. Хлопоты насчетъ невѣсты начались съ слѣдующаго же утра. Въ качествѣ

человѣка, окрашеннаго уже уѣздными красками, онъ не могъ обойтись безъ совѣтовъ и толковъ по этому предмету съ своими товарищами, рѣшившись, впрочемъ, какъ и всегда онъ рѣшался, дѣйствовать сообразно собственнымъ взглядамъ, такъ какъ онъ и товарищи—это двѣ вещи совершенно различныя. Онъ сообщилъ, между прочимъ, съ кѣмъ изъ женщинъ намѣренъ сойтись поближе.

— Красавица и умна — мнѣ этого только и нужно! — говорилъ онъ, называя фамилію дѣвушки.

— Это что!..—говорили ему товарищи: — а вы вотъ за Зацѣпиной пріударьте... Во-отъ! Тутъ, по крайней мѣрѣ,— деньги; у нея вонъ три лошади, какія сани, посмотрите-ка!.. а съ красотой долго не наживешь... Красота пройдетъ...

— Нѣтъ, я уже рѣшился...—твердо сказалъ Пѣвцовъ.

«Но,—думалъ онъ черезъ нѣсколько времени, оставшись одинъ:—почему же мнѣ нужна только красота и умъ,—отчего и не средства? Зацѣпина! Что-жъ такое? Я не мальчикъ, мнѣ нужно установившуюся душу. Она и недурна... даже красавица.. Средства?.. Они мнѣ дадутъ возможность еще болѣе отдѣлиться отъ этой пьяной оравы и жить самостоятельнѣе...»

IV.

Прошелъ годъ.

Пѣвцовъ былъ уже женатъ на Зацѣпиной. Онъ чувствовалъ истинное блаженство: какая у него чистота въ комнатѣ, какое тепло! Какъ-то радостно смотрятъ на него новые обои комнатки, новая лампа, новые стулья и новая, чистая блуза жены, въ которой она подходитъ къ нему и подсаживается. Правда, она молчитъ большею частью, но это-то и дорого: ему давно хотѣлось тишины и покоя.

— Ванечка!—говоритъ жена Пѣвцова:—Авдотья разбила чашку, я ей приказала купить новую на ея счетъ... Посмотри, какая миленькая чашка!

— Какая, въ самомъ дѣлѣ, хорошенькая!

— Я тебѣ налью сегодня въ нее чаю,—присовокупляетъ жена и цѣлуетъ супруга. Пѣвцовъ тоже цѣлуетъ ее.

Затѣмъ снова тишина, свѣтъ лампы, медленныя прогулки супруги изъ одной комнаты въ другую, чтобы поправить подсвѣчникъ подъ зеркаломъ, чтобы задать кухаркѣ вопросъ— и главное: тишина и молчаніе... Молчаніе жены Пѣвцовъ объяснялъ себѣ ея умомъ, который ни на минуту не перестаетъ работать въ пользу спокойствія и тишины. Какимъ

ангельскимъ голосомъ говоритъ она даже фразы насчетъ вычета за разбитую чашку! Въ этомъ голосѣ слышится и любовь къ Пѣвцову и ежеминутная забота о немъ...

Жена Пѣвцова была честнѣйшая исполнительница того назначенія, которое ей было внушено въ домѣ родительскомъ ежеминутными примѣрами дѣйствительной жизни и основано на томъ, чтобы «не изъ дому, а въ домъ». Эта теорія, смотрящая на жизнь, какъ на возможность скопить и нажить, дѣлаетъ множество женщинъ, которыхъ въ молодости можно насильно выдать за семидесятилѣтняго старика, но которыхъ нельзя уже оторвать отъ этого старика, потому что онѣ сразу предаются продолженію «наживы», развитой въ ихъ мужьяхъ, и дѣлаются скрягами. Такого воспитанія была и жена Пѣвцова; молодое, красивое лицо ея было всегда задумчиво, по причинѣ тревожныхъ вопросовъ насчетъ капусты, огурцовъ, яицъ, сковородъ, ухватовъ и пр., нескончаемою вереницею тянувшихся въ ея умѣ... Все-то она думала о томъ—какъ бы не прогадать да лишняго не передать, а если случится, то и не додать... Она жалѣла, что этого не случалось. Еще она думала о томъ. какъ бы было хорошо, если-бъ ей пришлось найти гдѣ-нибудь на улицѣ пять тысячъ; она бы сейчасъ ихъ спрятала и никому бы не показала... Все это совершалось въ головѣ ея молча, тихо...

— Ванечка!—говорила она ангельскимъ голосомъ, цѣлуя Пѣвцова въ губы:—ты куришь дорогой табакъ! голубчикъ, ангелочекъ, брось!.. Кури въ гривенникъ... Не все ли равно?..

— Изволь, изволь!..—въ умиленіи лепеталъ Пѣвцовъ.

Жена осыпала его поцѣлуями.

Пѣвцовъ не могъ ни на минуту разстаться съ этой тишиной. Уѣздное общество рѣшительно не влекло его; онъ равнодушно относился къ своимъ холостымъ пріятелямъ и даже подтрунивалъ надъ тѣмъ, какъ по вечерамъ они съ пьяными разговорами шатаются по темнымъ улицамъ, натыкаясь другъ на друга и не зная, куда дѣться... Онъ чувствовалъ, что могъ смѣяться надъ ними,—у него былъ свой уголъ, который онъ боготворилъ... Возвращаясь вечеркомъ домой, послѣ кратковременной бесѣды у семейнаго товарища, онъ непремѣнно заглядывалъ съ улицы во внутренность своего дома: какая райская тишина! Вонъ жена сидитъ на диванѣ и вяжетъ чулки ребенку!.. Его еще нѣту, но она такъ предусмотрительна... Какое у нея святое выраженіе лица... Какъ ярко горитъ лампа!

Онъ входилъ въ комнату и съ удовольствіемъ цѣловалъ жену; жена отвѣчала ему еще съ большею страстностью...

— Ванечка! я все ждала тебя, все боялась...—говоритъ она.

Слѣдовали опять поцѣлуи.

— Я думаю, не обварить ли намъ клоповъ? — произносила жена.

— Обвари, обвари, ангелъ мой!

И Пѣвцовъ снова заключалъ ее въ свои объятія.

Ощущеніе подъ ногами твердой земли, испытываемое Пѣвцовымъ послѣ женитьбы, не прекращалось даже тогда, когда обои комнаты нѣсколько позапачкались, когда блузы жены запачкались совершенно. Онъ даже началъ находить что-то пріятное въ этой разстегнутости; начиналъ любить свой уголъ даже и тогда, когда все бывшее въ немъ было пополамъ съ грязцой! Встрѣчая жену съ растрепанной косой или со щекой, на которой видны слѣды ухвата или сковороды, онъ радовался даже: «Что-жъ такое, что жена его облита помоями? Зато какое у нея ангельское выраженіе лица!.. Помои знаменуютъ хлопоты о тишинѣ...» Всѣ эти помои, шерстяные чулки, клопы, начинавшіе колонизацію около новобрачной кровати,—все это въ глазахъ Пѣвцова были атрибуты прочности его земного существованія. «Довольно висѣть на воздухѣ-то»,—говорилъ онъ, обнимая жену, несшую полѣно... Жена пламенно отвѣчала ему и, какъ зефиръ, уносилась съ полѣномъ въ кухню.

V.

Довольно долго тянулось это блаженство. Онъ не терялъ къ нему аппетита, но иногда въ голову его закрадывалась мысль: «Отчего бы не пойти куда-нибудь посидѣть вечерокъ?» Старая холостая компанія, исчезнувшая изъ его памяти, снова вспомнилась ему. «Отчего же не пойти? Авось меня не убудетъ отъ этого?»

И вотъ однажды онъ пошелъ туда.

— Ну-ка рюмочку!—сказали ему.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа! Теперь рюмочки прошли.

— Фу, ты, Господи!.. Хорошо же ваше семейное счастье, если рюмка можетъ вредить ему.

«Да! Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! Что̀ за вздоръ!»—думалъ Пѣвцовъ.

— Что̀, нашего барина тутъ нѣту?—спрашиваетъ черезъ нѣсколько времени кухарка Пѣвцова, посланная женой:—барыня дожидаются.

— Скажи—иду...—отвѣчаетъ Пѣвцовъ довольно развязно.

Онъ уже порядочно выпилъ; вмѣстѣ съ первой рюмкой ему сразу вспомнилось холостое одиночество, обуреваемое душевными терзаніями и ревомъ бури. Было что-то хорошее, какая-то крупица поэзіи въ этомъ тосковании и винѣ. Рюмки быстро вырастили эту крупицу. Пѣвцовъ не замѣчалъ, какъ летѣло время.

— Я сказалъ, что приду!—крикнулъ онъ на кухарку, когда она въ другой разъ, спустя нѣсколько часовъ, снова появилась требовать барина:—я знаю, что̀ я дѣлаю!

На утро онъ просилъ у жены прощенія, но вечеромъ снова вспомнилась ему «жизнь» въ компаніи, и его тянуло-тянуло туда.

— Ты опять напьешься?—говорила жена Пѣвцову, когда онъ собирался пройтись погулять.

— Ну вотъ, развѣ я не знаю!

— Пожалуйста! что̀ это за пьянство?

— Я знаю... что̀ ты?

Пѣвцовъ возвращался пьяный.

Время шло, и стремленіе Пѣвцова къ «грязямъ» холостой компаніи не уменьшалось ни на волосъ. Напротивъ, оно росло съ неудержимою силой и, въ сущности, происходило изъ сознанія, что привязь слишкомъ ужъ коротка, что размѣры дѣятельности Пѣвцова, даже въ территоріальномъ отношеніи сузились до послѣдней степени: она не должна была простираться далѣе спальни, и онъ могъ свободно трактовать только вопросы о томъ, на какой бокъ удобнѣе лечь, на правый или на лѣвый? Среди холостой уѣздной грязи было больше простору и разнообразія. Укрѣпляя себя въ этихъ взглядахъ, онъ, спустя еще нѣсколько времени, уже не извинялся передъ женой въ томъ, что былъ вчера пьянъ, и вообще не съ такимъ, какъ прежде, жаромъ раздѣлялъ ея цѣли и намѣренія.

— Ты видишь, я занятъ, а ты лѣзешь цѣловаться!—сердито говорилъ онъ ей, набивая папироску и локтемъ отстраняя объятія жены.

— Скажите, пожалуйста! Я вовсе не думала цѣловаться: я хотѣла сказать, куда мнѣ дѣвать капусту—прокисла.

— Мнѣ какое дѣло! Пожалуйста, ты съ капустой сама распоряжайся.

— Что-жъ ты послѣ этого за хозяинъ? Не бросать же мнѣ ее... Я должна посовѣтоваться...

Пѣвцовъ не отвѣчалъ ни слова.

— Тебѣ только улизнуть да нажраться гдѣ-нибудь,—сердито проговорила жена.

— Пожалуйста, пожалуйста...

— Разумѣется!.. Я не затѣмъ шла, чтобъ съ пьяницей возиться.

Пѣвцовъ съ сердцемъ уходилъ изъ дому.

«И какія у этой женщины права, — думалъ онъ: — на обладаніе мною, какъ какой-нибудь столовой ложкой? Что̀ за достоинство цѣлую жизнь молча просидѣть на одномъ мѣстѣ»?

По вечерамъ онъ уже не заглядывалъ въ окна своей квартиры съ улицы: она представлялась ему гнѣздомъ духоты кухоннаго воздуха и мертвой тишины.

— Тьфу ты!—говорилъ онъ съ сердцемъ.

VI.

Прошло еще немного времени, и онъ уже не просто лѣзъ въ грязь—въ немъ сразу пробудилась вся тоска. Какая страшная разница между первымъ его пріѣздомъ въ уѣздный городъ и теперешней жизнью! Жена, не церемонясь, тянула его на привязь къ обязанностямъ хозяина, и Пѣвцовъ метался на этой цѣпи, какъ бѣшеный. Къ ужасу его оказывалось, что у него не хватаетъ даже силы подумать о бѣгствѣ отсюда, что нѣтъ выхода изъ этихъ перинъ и духоты, изъ этой тишины, вычетовъ за разбитыя чашки, разсоловъ и кислой капусты...

Пѣвцовъ предался самой страшной распущенности. Онъ подружился съ какими-то еще болѣе грязными лицами уѣздной холостежи, сошелся съ какими-то женщинами, пропадалъ цѣлые дни изъ дому, и если возвращался домой, то, уже не робѣя, кричалъ своей женѣ:

— Только пикни!

Жена плакала по цѣлымъ днямъ. Среди рыданій она наконецъ пришла къ той мысли, что если такъ дѣла будутъ продолжаться, а она будетъ обливаться слезами, то не мудрено, что хозяйство придетъ въ упадокъ. И то муженекъ перебилъ уже двѣ тысячи тарелокъ... Конецъ этому она рѣшилась положить по-свойски...

— Мароа!—сказала она однажды кухаркѣ:—запри двери и ночью не отпирай ему... Пусть его идетъ, куда хочетъ...

Ночью пьяный Пѣвцовъ колотилъ въ дверь и кричалъ:

— Отворяй!

— Пошелъ туда, откуда пришелъ! Пьяница!..

— Отворяй, говорю...

— Разбойникъ! Какой ты хозяинъ? Умирай на морозѣ, съ собаками...

Дверь съ грохотомъ повалилась на полъ, и пьяный Пѣвцовъ ввалился въ комнату.

— Не пускать? Ты не пускать?—наступая на жену, кричалъ онъ.

— А, ты бушевать началъ! Хор-рошо!

— Ты не пускать?..

— Хорошо! хорошо!—продолжала супруга, опомнившись, и—выскользнула на улицу...

— Не пускать?—продолжалъ Пѣвцовъ, всаживая кулакъ въ раму.—Не пускать!—бормоталъ онъ, всаживая другой кулакъ въ другую раму.—Ты н-не пускать!—прохрипѣлъ онъ, намѣреваясь отнестись съ тѣмъ же движеніемъ кулака къ физіономіи кухарки, но...

— Мы не допущаемъ дебошу...—произнесъ суровый будочникъ Барсукъ, охвативъ веревкой локти Пѣвцова.—Потому, ваше высокоблагородіе, намъ этого нельзя; начальство тоже шуму не позволяетъ.

— Хорошенько его, голубчикъ!—совѣтовала будочнику жена Пѣвцова.

— Будьте покойны!.. въ лучшемъ видѣ приставимъ!

Съ теченіемъ времени все пришло въ надлежащій порядокъ.

Теперь Пѣвцовъ привыкъ ко всякимъ привязямъ и находитъ положеніе свое весьма опредѣленнымъ, безропотно неся крестъ, назначенный ему съ первыхъ дней колыбели...

Изъ біографіи искателя теплыхъ мѣстъ.

Карикатурные наброски.

I.

...Едва ли не вмѣстѣ съ первымъ поѣздомъ новой дороги, прихватившей уѣздный городокъ *** болѣе или менѣе къ свѣту, неизвѣстно откуда налетѣло въ него безчисленное множество какого-то инородческаго воронья, тотчасъ же принявшагося опустошать глухую сторону самыми разнообразными способами: въ глухихъ уѣздныхъ улицахъ, на

деревенскихъ ярмаркахъ появились каленкоровыя вывѣски о лотереяхъ съ значительными выигрышами, о распродажахъ съ преміями, о представленіяхъ съ сюрпризами; повсюду завелись фортунки, юлы, билеты на которые ждутъ полученія, чтобы выдать дочку замужъ, и такъ далѣе. Всѣ эти знакомыя столичному жителю попытки, не наносящія ему особеннаго ущерба въ ряду надуванія еще болѣе поглощающаго свойства,—въ глуши, въ бѣдной, нищенствующей сторонѣ уподобляются своею опустошительностью моровой язвѣ, пожару, нашествію орды сарайской, формальному грабежу. Успѣшность дѣйствій налетѣвшаго воронья въ особенности обезпечивается тѣмъ, что обыватель никоимъ образомъ не усматриваетъ въ этомъ дѣйствіи ни малѣйшей тѣни грабежа. Съ грабежомъ обыватель глуши давно знакомъ; онъ знаетъ его во всѣхъ статьяхъ и давно привыкъ кричать: «обманъ!»— бѣгая при этомъ по торжищу и раздирая на себѣ ризы, но здѣсь онъ не знаетъ его, видя не грабежъ, а благодѣяніе... Это послѣднее качество современнаго грабежа, давая опустошителямъ основательную поживу, совершенно отличаетъ ихъ отъ людей, занимавшихся тою же профессіею въ прежнее время.

Въ самомъ дѣлѣ, кто въ прежнее время, помимо людей, приходившихъ брать съ простоты обязательную уплату, зарился на оставшійся отъ этой уплаты грошъ? На первомъ планѣ, несомнѣнно, стоитъ цѣловальникъ; названіе *душегуба* и *кровопійцы* столь же неразрывно связано съ его званіемъ, какъ и названіе хищнаго звѣря связано съ волкомъ... Не безъ успѣха на тотъ же грошъ охотился кулакъ, поджидавшій мужичій возъ, лежа въ грязи въ канавѣ за заставой; съ помощью отвода глазъ и дьявольскаго навожденія иногда обдѣлывалъ свои дѣла цыганъ... Кромѣ этихъ, собственно, грабителей, за полученіемъ того же гроша, спрятаннаго въ чулкѣ подъ печкой на случай смерти, шелъ съ Бѣлаго моря старецъ, Божій человѣкъ; прискакивалъ босый и почти голый Ѳомушка-юродивый съ палицей и, ставъ на одной ногѣ, говорилъ: «дай грошикъ!» Плелись нищіе и нищенки, стеная и суля блаженство за могилой... Лицъ, желавшихъ получить грошъ помощью увеселеній, почти не было, исключая развѣ деревенскаго мальчишки, который кой-когда забредалъ въ глушь, неся для потѣхи публики или хорька въ мѣшкѣ, или ежа въ рукахъ; шатаясь по глухимъ улицамъ, онъ пѣлъ стишокъ своего сочиненія: «Выходите, господа, посмотрите на звѣря», и

ждалъ, «не пожалуютъ ли чего?..» Вотъ почти все, что норовило овладѣть оставшимся отъ уплатъ грошомъ; тутъ и хищники, и успокоители, и увеселители; нельзя сказать, чтобы ихъ было мало, и чтобы они дѣйствительно не получали барышей; но каковы, въ сущности, были эти барыши? Самый отъявленный грабитель, цѣловальникъ, получалъ барышъ только послѣ долговременнѣйшаго грабежа. Вѣря, что камень обрастаетъ, лежа на одномъ мѣстѣ, онъ обыкновенно прирасталъ десятка на два, на три лѣтъ къ какому-нибудь поселку, состоящему изъ пяти-шести дворовъ, и кровопійствовалъ надъ ними безъ пощады. «Ты мнѣ подверженъ!»—говорилъ онъ совершенно открыто обывателю поселка, что значило — простись съ полушубкомъ! «Помилосердуй!»—умолялъ обыватель. Но цѣловальникъ не отвѣчалъ на это, а, поплевавъ на руки, прямо воротилъ шкуру обывателя съ затылка.—«Грабитель ты, Исай Ильичъ».—«А ты думалъ, я—нянька тебѣ достался?» Очевидный грабежъ этотъ основывался въ цѣловальникѣ на убѣжденіи, что душа его принадлежитъ дьяволу, и что слѣдовательно все равно—заодно кипѣть въ смолѣ. Это тягостнѣйшее сознаніе тяготѣло въ немъ десятки лѣтъ, вмѣстѣ съ проклятіями и угрозами ограбливаемыхъ имъ обывателей; къ концу жизни, когда душа его была уже совершенно отягощена грѣхами, приходило благосостояніе, т.-е. возможность ежеминутно мазать свои сапоги дегтярнымъ помазкомъ, а по праздникамъ окунать ихъ прямо въ бочку. Тутъ онъ начиналъ служить молебны, замаливать грѣхи, угощать станового и причтъ, питаясь самъ исключительно и непремѣнно только рѣдькой и не показывая вида, что въ подпольѣ у него хранится пара новыхъ лаптей, ибо какъ только прохожій солдатъ замѣчалъ ихъ вмѣсто рѣдьки, капусты съ масломъ и квасомъ, то тотчасъ же догадывался о богатствѣ цѣловальника и начиналъ поглядывать подъ лавку, гдѣ лежалъ топоръ... При самыхъ тщательныхъ соблюденіяхъ «ухо востро», при самыхъ изысканнѣйшихъ выдумкахъ на тему о томъ, — что нечего ѣсть, что скоро пойдешь съ сумой, большею частью случалось такъ, что солдатъ увлекалъ вниманіе цѣловальника разсказами о царскихъ смотрахъ и, дотянувъ дѣло до ночи, внезапно отхватывалъ цѣловальнику голову топоромъ, овладѣвалъ лаптями и скрывался въ дремучій лѣсъ... А какъ надрывалъ свою грудь цыганъ, чтобы всю жизнь ходить голымъ и голоднымъ? Какими проклятіями долженъ былъ осыпать кулакъ

свою жену и дѣтей, чтобы увѣрить простого человѣка въ чистотѣ своихъ намѣреній: овладѣть мѣркою овсеца, пропить ее въ кабакѣ, быть избитымъ цѣлой ярмаркою и умереть, какъ умеръ Ильичъ *)? Странникъ, Божій человѣкъ, долженъ былъ сдѣлать тысячи верстъ, самолично побывавъ на Бѣломъ морѣ и въ Іерусалимѣ, принося оттуда выжженный на груди и на рукѣ крестъ, мерзнуть отъ вьюгъ и мятелей, жечься на солнцѣ, страдать отъ волковъ, врачуя прокушенную ими ногу собственными средствами, травами и листьями... И тогда только онъ получалъ скудное даяніе, но и на это даяніе уже зарился прохожій солдатъ и поджидалъ странника въ лѣсочкѣ со шкворнемъ въ рукахъ, надѣясь поживиться. Только Богъ спасалъ старца отъ погибели помощью заключенія въ темницу, ибо по уходѣ старца отъ доброхотнаго дателя обнаруживалась пропажа набойчатаго платка... Не ранѣе, какъ черезъ годъ, кухурка, обуреваемая ночными видѣніями, валилась господамъ въ ноги, прося разметать кости ея по полю, ибо платокъ—ея грѣхъ; безвиннаго старца выпускали, и, пробираясь лѣскомъ, онъ наконецъ таки-встрѣчалъ прохожаго солдата, исхудавшаго въ ожиданіи старца на подобіе личинки. «Богъ на помочь!»—говорилъ онъ старцу, присоединяясь къ нему, заводилъ рѣчь о туркахъ и, отвернувшись на минутку по своему дѣлу, внезапно наносилъ ему смертельный ударъ шкворнемъ по головѣ... Старецъ падалъ мертвъ, а солдатъ, овладѣвъ сумкой, въ которой хранился «Сонъ Пресвятыя Богородицы», исчезалъ въ дремучій лѣсъ.—Барыши увеселителя-мальчишки были еще ничтожнѣе: имѣя пагубное убѣжденіе, что въ увеселеніяхъ нуждаются господа, онъ шатался съ своимъ ежомъ и стихомъ: «Посмотрите на звѣря» подъ господскими окнами. А такъ какъ въ рѣдкое окно глухого городка не глядитъ начальство, то ежа у мальчишки обыкновенно отнимали «для дѣтей», уплачивая вопросами: «имя? званіе? кто? откуда?» — на которые мальчишка отвѣчалъ бѣгствомъ... Бывали случаи, что ему попадала корка хлѣба; бывали случаи, что онъ, идя лѣскомъ, хотѣлъ ее отвѣдать, но въ это время невдалекѣ показывался прохожій солдатъ со шкворнемъ, поступая на этотъ разъ по-божески, то-есть бралъ корку, не убивая на смерть, а только помахавъ шкворнемъ надъ затылкомъ мальчика...

---

*) Герой поэмы Никитина «Кулакъ».

Вотъ, приблизительно, всѣ барыши, которыми пользовались претенденты на оставшійся грошъ въ прежнее время. Количество ихъ до такой степени неуловимо, что прохожій солдатъ, наконецъ-таки схваченный и закованный въ кандалы, могъ совершенно по чистой совѣсти отвѣчать судьямъ: «не помню, не знаю», на вопросы ихъ: «гдѣ былъ? чѣмъ жилъ? что ѣлъ?»

И вотъ эту-то глушь, бывшую безплодною пустыней для людей легкой наживы стараго времени, современные опустошители сумѣли превратить для себя въ золотое дно, единственно благодаря благодѣтельствующему и увеселительному пріему, замѣнившему собою и дѣйствительное сдираніе шкуры съ простодушнаго обывателя, и отводъ глазъ, и обѣщанія царствія небеснаго и т. д. За заставой, напримѣръ, гдѣ валялся въ канавѣ и въ грязи кулакъ, умиравшій впослѣдствіи съ голоду, теперь охотится на мужика цѣлая толпа джентльменовъ; этимъ людямъ нельзя дать другого названія, потому что они, видимо, хотятъ быть джентльменами: для этого они нарядились въ пиджаки, шляпы, слегка сидящія на затылкѣ, и каждый закусилъ зубомъ по толстой сигарѣ... Слегка странное впечатлѣніе, которое они могутъ произвести на посторонняго зрителя, прогуливаясь въ пятомъ часу утра за заставой, они побѣждаютъ необыкновенной солидностью тѣлодвиженій и походки, необыкновенно гордымъ и безпечнымъ видомъ, съ которымъ они гуляютъ, курятъ и при появленіи мужичьяго воза преграждаютъ ему дорогу...

Франтами они нарядились для того, чтобы скрыть отъ взоровъ русскаго мужика свое происхожденіе — большею частью это нѣмецкіе или польскіе евреи—и, избѣжавъ съ помощью сигары и шляпы необходимости разрушать недовѣріе мужика, основанное на «свиномъ ухѣ» и «христопродавствѣ», прямо приступаютъ къ дѣлу, т.-е. къ мужичьей бѣдности и нищетѣ. Они не клянутся, не заговариваютъ съ надсадкой въ груди, какъ кулакъ, потому что они и не умѣютъ говорить по-туземному, а дѣйствуютъ посредствомъ денегъ—языка для нищеты крайне любезнаго. Денегъ у нихъ много; благодаря имъ, они имѣютъ возможность купить у мужика «все», и не только то, что есть, а даже и то, что будетъ на будущій годъ и еще года на два, на три... Это объясняетъ и ихъ обиліе и возможность курить сигару, носить шляпу, тогда какъ кулакъ, разбойничавшій безъ гроша, норовилъ урвать мѣрку овсеца и умиралъ, какъ сказано выше, т.-е. съ голоду.

Послѣ кулака оставались проклятія, послѣ джентльмена—масса денегъ въ рукахъ мужика—и благодарность... Если мало ему этихъ денегъ, онъ можетъ получить еще съ помощью лотерей, юлъ, фортунокъ и т. д. Это тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что облагодѣтельствованный туземецъ пьянъ съ радости, да, кромѣ того, ему коротко извѣстно, что въ Усмани былъ съ однимъ мѣщаниномъ случай: заплатилъ онъ гривенникъ, а выигралъ самоваръ... Съ пьяныхъ глазъ хочется спѣшить этимъ дѣломъ потому, что вывѣска кричитъ народу большими красными буквами: «Еще только два дня...» Обыватель спѣшитъ... Ничего, что онъ проигрался, — дѣло поправимое; можно вернуть все съ большимъ барышемъ... «Нѣтъ денегъ? А самоваръ-то вы выиграли? Ставьте и вертите, сколько угодно...» Самоваръ исчезаетъ совершенно неожиданно... «Ставить нечего».—«Какъ нечего! А ленъ, а сало?» — «И яицъ можно?»—«И яицъ, что̀ угодно... всѣмъ магазиномъ отвѣчаемъ».—«Абма-а-нъ»,—шатаясь изъ стороны въ сторону, шепчетъ про себя обыватель, не рѣшаясь по-старинному громко возвѣстить объ этомъ на торжищѣ, ибо виноватъ онъ самъ: ему не хотѣли ничего, кромѣ добра, ему дали денегъ столько, сколько онъ не видывалъ отъ роду... «Да вѣдь выигралъ же въ Усмани мѣщанинъ»,—думаетъ общипанный туземецъ, какъ на мѣсто улетѣвшихъ благодѣтелей уже налетаютъ новые, безпокоящіе тихую уѣздную улицу церемоніальнымъ и совершенно небывалымъ шествіемъ... Впереди несутъ громаднѣйшую афишу съ изображеніемъ танцующей дѣвицы (это для господъ), съ исчисленіемъ фокусовъ бѣлой и черной магіи (для мальчишекъ) и съ обѣщаніемъ разыграть въ пользу посѣтителей предстоящаго представленія двѣ коровы... «Абм-манъ!»—думаетъ обыватель, но пара коровъ шествуетъ вслѣдъ за афишей налицо... Ленты и бантики, навѣшенные на нихъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что это тѣ самыя коровы, которыя могутъ быть выиграны всякимъ за самую ничтожную цѣну... «Обмана нѣтъ; счастье—дѣло Божіе: либо панъ, либо пропалъ...—думаетъ обыватель:—воротись, выиграть что-нибудь нужно, непремѣнно нужно... дочь невѣста... да и въ Усмани былъ случай...» И, глядишь, деревянный балаганъ, наскоро сколоченный среди уѣздной площади, въ тотъ же вечеръ трещитъ отъ множества народа. Дырявая парусина на его крышѣ ходитъ волнами отъ степного рвущаго вѣтра, который, на ужасъ уѣздныхъ старушекъ, разноситъ уханье барабана, звонъ

мѣдныхъ тарелокъ, пѣсни и хохотъ по всѣмъ закоулкамъ и лачужкамъ городка... Да! при видѣ этого веселаго опустошенія, кровопійца-цѣловальникъ является щенкомъ, глодавшимъ съ голоду старую калошу, тогда какъ настоящій кусокъ прикрытъ лапой настоящей собаки...

«А я думалъ, кровь я пилъ, — думалъ не безъ злой и горькой ироніи кровопійца.—А я даже нисколько этой крови и не пилъ-съ...»

II.

Не исчисляя всѣхъ видовъ опустошителей и ихъ пріемовъ, можно вывести общее заключеніе, что первобытныя формы грабежа, руководившія цѣловальникомъ, кулакомъ, возведены инородцами въ самую правильную систему, облеченную въ форму преимущественно увеселительную и рекомендующую бѣдности возможность мгновеннаго обогащенія... Всеобщая потребность въ этомъ обогащеніи, какъ видно, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе упрочиваетъ успѣхъ опустошительнаго дѣла и не сулитъ опустошителямъ, повидимому, ничего, кромѣ барышей...

Но Антонъ Ивановичъ Чижовъ, портной изъ Москвы, недавно прибывшій въ городокъ ***, не вполнѣ согласенъ съ этимъ.

— Грабить-то грабятъ,—надо говорить по совѣсти, — а не туда! Нѣтъ! Не въ то мѣсто попадаютъ!.. Нѣтъ...

Такъ разсуждаетъ онъ, сидя съ работой подъ окномъ маленькой хибарки своей родственницы-прачки.

— Въ какое еще мѣсто попадать? — не весьма довольнымъ тономъ возражаетъ ему родственница.—Кажется, и такъ живого мѣста не осталось... Не въ то еще мѣсто!.. Я слушаю, вы только любите разговаривать, а толку отъ вашихъ разговоровъ очень мало.

Антонъ Ивановъ принимается работать иглой, хотя вообще онъ весьма лѣнивъ, и молчитъ.

— Считаетесь вы московскіе, — продолжаетъ родственница:—а не можете имѣть столько ума, чтобы себя успокоить... Добрые люди за все принимаются. Тотъ розыгрыши... тотъ билеты... всякій ухватитъ по силѣ, по мочи... А вы только разговариваете: «не въ то мѣсто!..» Въ какое это мѣсто? Я сама на билетахъ нищей стала, — кажется, это имъ пошло... И это не барышъ?..

Антонъ Ивановъ вздергиваетъ иглу все выше и выше надъ головой.

— Ну, что̀ вы иглой дѣлаете?.. Да въ нашей сторонѣ и брюкъ-то вашихъ никому не нужно... а считаетесь съ умомъ, будто московскіе...

Родственница умолкаетъ и, обернувшись къ Антону Иванову спиной, сердито вскидываетъ на веревку противъ окна мокрое бѣлье. Молчатъ они долго. Игла ходитъ тише и наконецъ останавливается совершенно... Антонъ Ивановъ приподнимаетъ голову и не безъ робости произноситъ:

— Анна Карповна! не туда, матушка!.. Не въ то мѣсто попадаютъ-съ! Ну что̀ они наладили бить все въ мужика. Что̀ у него есть, скажите на милость? Ну, годикъ-другой потянутъ, а потомъ и шишъ возьмутъ... у него и такъ однѣ онучи остались... Наладили одно—мужика обирать! Эка диво, ей-Богу!.. А того не видятъ, что совсѣмъ не въ то мѣсто надо... Надо запускать дѣло такъ, чтобы въ хорошее мѣсто оно было запущено...

— Погляжу, какъ вы будете запускать.

— Запустимъ-съ... Позвольте оглядѣться, ничего-съ!..

— Въ какое это такое мѣсто?.. Гдѣ такіе клады у васъ?..

— Запустимъ,—понижая тонъ до степени шопота, впрочемъ, весьма самоувѣреннаго, произноситъ Антонъ Ивановъ и почему-то вновь припадаетъ къ работѣ.

Разговоръ этотъ ведутъ не разбойники и не грабители, а просто бѣдные люди; и если у Антона Иванова разговоръ о запусканіи лапы сдѣлался господствующимъ, то это произошло отъ особенныхъ причинъ.

Антонъ Ивановъ былъ когда-то крѣпостной и по желанію господъ поступалъ то въ портные, то въ лакеи, то въ повара, нигдѣ не успѣвая изучить дѣла,—во-первыхъ, потому, что его слишкомъ быстро отрывали отъ одного дѣла къ другому, а во-вторыхъ, потому, что по натурѣ онъ отличался наклонностью къ живописи и обладалъ въ качествѣ талантливой натуры значительною художественною лѣнью. Лѣнь эта прекратила стремленіе къ живописи на нелѣпѣйшемъ изображеніи двухъ фигуръ неизвѣстнаго пола, лежащихъ подлѣ лѣсу, не научила ни поварскому ни портняжному искусству, помогая понимать дѣло лишь въ общихъ чертахъ и потомъ скучать имъ.

Частая перемѣна мѣстъ и занятій, сталкивая его съ разнымъ народомъ, пріучила задумываться вообще о жизни человѣческой, а лѣнь превратила эту наблюдательность въ любовь къ разсужденіямъ и обсужденіямъ. Работать съ такими стремленіями у хозяина нельзя, и Антонъ Ивановъ

работалъ одинъ, работалъ кое-какъ, плохо, лѣниво, гнѣздился въ глуши Москвы, не имѣя почти давальцевъ, хотя знакомыхъ, съ которыми можно потолковать, у него было много.

Такимъ образомъ имъ было обсуждено все, что случилось съ русскимъ человѣкомъ въ послѣдніе годы; но, покуда всѣ эти событія были вновѣ, толковать было можно спокойно, плачась на участь и не стѣсняя себя во всевозможныхъ фантазіяхъ: разсужденія эти происходили гдѣ-нибудь въ банѣ на полкѣ или подъ машиной въ трактирѣ за парой чаю... Но съ теченіемъ времени современныя новости начали утрачивать характеръ чего-то неопредѣленнаго и быстро стали окрашиваться оттѣнкомъ стремленія къ опустошенію. Антонъ Ивановъ не могъ не видѣть этого и съ каждымъ днемъ сталъ испытывать духъ времени на своей шкурѣ: каждый день стали его таскать къ мировому за худо сшитый жилетъ, за окороченный сюртукъ; стали его подводить подъ статьи, описывать, штрафовать, заключать въ темницы. Въ то же время онъ видѣлъ, что это происходитъ не съ однимъ имъ, что каждый день массы людей открыто подводятъ другъ подъ друга какія-то непостижимыя махины, отъ которыхъ ничего не стоитъ сгинуть, подобно капустному червю. Это его обезкуражило. Портное мастерство, съ такимъ знаніемъ, какое было у Антона Иванова, могло его привести къ Сибири и каторгѣ,— такъ, по крайней мѣрѣ, ему показалось. Сталъ онъ задумываться насчетъ новаго какого-нибудь дѣла, но и тутъ стремленіе къ лѣни оказалось помѣхой; ему не подъ силу было какъ-нибудь при помощи любовницы оборудовать буфетъ на желѣзной дорогѣ, или открыть какую-нибудь «Сербію», представить себя тоже иностранцемъ, говорить «мой» вмѣсто «я» и обыгрывать на бильярдѣ славянскихъ братьевъ. Словомъ, повсюду открылось такое обиліе разныхъ ловкостей, подходовъ, махинъ, такое обиліе людей, которые все это понимали и какъ будто спеціально съ давнихъ поръ готовились къ обдѣлыванію ловкихъ дѣлъ, что у Антона Ивановича захватило духъ. Потянуло его на родину, гдѣ потише, гдѣ можно удить рыбу и гдѣ, онъ помнилъ, были благословенныя мѣста...

Съ такими совершенно мирными наклонностями прибылъ онъ въ уѣздный городокъ ***, гдѣ у него была родственница и гдѣ онъ надѣялся еще поживиться насчетъ своей вывѣски: «вновь пріѣзжій изъ Москвы». Но, къ удивленію

его, здѣсь уже были «вновь пріѣзжіе изъ Петербурга», стучали швейныя машины, и въ заплѣсневѣлыхъ оконцахъ глядѣли модныя картинки. Всѣ они уже пустили корни, обстроили свои дѣла практично, разсудительно, и не съ ними можно было конкурировать лѣни Антона Иванова... Антонъ Ивановъ до такой степени оторопѣлъ, до такой степени остался безъ хлѣба, что, дабы не быть выгнаннымъ родственницей, съ испугу заговорилъ необыкновенно храбро и разбойнически.

— Пустое дѣло!.. Ничего не стоитъ...—испугавшись, но, повидимому, довольно развязно сплевывая въ сторону, говорилъ онъ относительно какого-нибудь новаго увеселительно-грабительскаго явленія.—Этакъ-то, конечно... пожалуй—грабь... Да что толку-то?.. Навертѣлъ пустыхъ билетовъ да и обираешь—это, братъ, не Богъ вѣсть... Эка ухитрился!..

— Ну, какъ же по-вашему-то? — недоумѣвая передъ этимъ самоувѣреннымъ тономъ, вопрошала родственница, не успѣвшая еще разсердиться.

— Мало ли какъ можно...

— Ну, да какъ же такъ? Вы говорите—плохо, а у кого барыши-то? У нихъ,—а мы голые... Какъ же хорошо-то, по-вашему?

— Да мало ли орудіевъ... Что-жъ я буду раздабаривать безъ толку... Дай время... Ухватимъ свое... Эка, ухватились, въ самомъ дѣлѣ! Ха-ха-ха!

Перебиваясь кое-какъ мелкой починкой у приказныхъ, Антонъ Ивановъ хотя и не терялъ самоувѣреннаго тона, но въ душѣ глубоко надѣялся, что все это должно прекратиться, что такому человѣку, какъ онъ, будетъ легче. Но время шло и, такъ сказать, на крыльяхъ своихъ несло все новые и новые виды людей легкой наживы. Родственница, втайнѣ чувствовавшая, что во многоглаголаніи гостя спасенія нѣтъ,—старалась подвинуть его къ дѣйствію и всякій разъ, возвращаясь съ работы домой, приносила ему какую-нибудь поучительную вѣсть. «Вы бы, Антонъ Иванычъ, на кладбище сходили,—говорила она:—напримѣръ,—люди говорятъ, какіе тамъ бабы устроили грабежи любопытные—такъ это очень, очень мило! Все, можетъ, надумаете... Мы тоже, сами знаете, чуть ходимъ... Право-съ!». Антонъ Ивановъ шелъ узнавать о вновь открытыхъ грабежахъ и приносилъ, по обыкновенію, извѣстіе, что «пустое дѣло... эка выдумали». Оказалось, что старухи—подьячихи,

мѣщанки и разныя безпріютныя древнія вдовы—стали лѣпить къ кладбищенской каменной оградѣ какія-то клѣтушки изъ земли и навоза, или помѣщались въ надгробныхъ деревянныхъ будочкахъ съ разрѣшенія купцовъ-благотворителей, обмазывали эти зданія глиной и, непрестанно поминая благотворителя о здравіи, а усопшихъ сродниковъ его объ упокоеніи, кое-какъ влачили послѣдніе годы жизни, причитая на похоронахъ и по окончаніи ихъ рекомендуя посватать невѣсту — вдовцу, жениха—вдовѣ. Но вообще въ этой странной обители не было ничего, кромѣ сухихъ кусковъ пирога, злости, слезъ, холода, взаимной вражды, и Антонъ Ивановъ могъ по совѣсти назвать этотъ способъ наживы пустымъ и удерживать тайное негодованіе родственницы къ его нерадѣнію въ предѣлахъ нѣкоторой деликатности.

Но не всегда это случалось; такъ, однажды, она принесла такую вѣсть, которая прорвала ея негодованіе и ошарашила Антона Иванова совершенно безжалостно.

— Что̀ вы все только разговариваете, Антонъ Иванычъ!—швыряя корзину съ бѣльемъ на полъ и опуская въ изнеможеніи руки, закричала родственница:—подымитесь вы, поглядите, что̀ только вокругъ васъ дѣлается! Боже мой, Боже мой!.. Вашъ же дворовый, изъ одной съ вами деревни, а жена пришла къ обѣднѣ—шаль одна въ триста рублей!.. Побойтесь вы Бога!

— Какова шаль!..—лепеталъ Антонъ Ивановъ, не зная, какъ быть.—Бываетъ шаль одна, а то... бываетъ тоже шаль... похуже Сибири... Чай, съ мужиковъ все деретъ?

— Со всѣхъ, со всѣхъ сос-словій!

При послѣднемъ словѣ она всплеснула руками, закрыла глаза и продолжала какъ бы въ какомъ-то забвеніи:

— Ссо всѣхъ до ед-ди-нова... ахъ-ахъ-ахъ!.. Адвокатъ!.. Этакая механика... Будетъ вамъ торчать!

— Адвокатъ? Ну, это, братъ, не по рылу!..

Антонъ Ивановъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва, получивъ это извѣстіе; онъ не повѣрилъ ему и считалъ упреки напрасными.

— Не та морда-съ, не изъ того кроена!—въ гнѣвѣ кричалъ онъ.

— Не въ рылѣ... ахъ, не въ мордѣ! ахъ-ахъ-ахъ... Узнайте вы... возьмитеся сами, Христомъ Богомъ прошу... Умремъ вѣдь съ голоду.

— Не изъ того матеріалу харя-съ! Будьте покойны!—

твердилъ Антонъ Ивановъ, дрожа и торопливо одѣваясь, чтобъ идти и удостовѣриться своими глазами.

Пошелъ онъ и удостовѣрился—обомлѣлъ. Родственница была права. Дворовый, дѣйствительно, оказался принадлежащимъ къ тому безчисленному сословію ходатаевъ, которые, покорясь духу времени, появились въ опустошенной странѣ въ качествѣ утѣшителей, берущихъ дань съ темноты и отчаянія. Это не тѣ, болѣе или менѣе настоящіе адвокаты, которые знаютъ дѣло и толкъ,—это та саранча, которая облѣпила углы улицъ крошечными вывѣсочками съ надписью: «адвокатъ для *хожденія*», «здѣсь даютъ совѣты», «пишутъ просьбы», «принимаютъ просителей» и т. д., подъ которыми скрываются многочисленные удители рублей и грошей со всѣхъ опустошенныхъ сословій, бьющіеся главнымъ образомъ изъ-за «возложенія» издержекъ на отвѣтчика.

Въ комнатѣ, куда вошелъ Антонъ Ивановъ, стоялъ столъ съ перьями и бумагами; на стѣнѣ около него висѣлъ мѣдный крюкъ съ насаженными на него бумагами и небольшой портретъ государя, что̀ для простого человѣка дѣлаетъ это мѣсто офиціальнымъ, гдѣ разговаривать много нельзя. У окна сидѣла женщина, видимо желавшая походить на барыню; она была въ шелковомъ платьѣ, глядѣла въ окно и по временамъ зѣвала.

— Что̀ вамъ угодно?—спросила она Антона Иванова довольно сухимъ и, очевидно, заученнымъ тономъ.

— По дѣламъ-съ...—отвѣтилъ тотъ рѣзко и сердито.

— Это будетъ стоить двадцать пять цѣлковыхъ. Кладите деньги объ это мѣсто...—объявила она, указавъ пальцемъ мѣсто на столѣ.

— Почему же такъ объ это мѣсто класть?.. Есть ли этакое въ законѣ-то? Кажись, нѣту-съ. Я думаю такъ, что не было его, закону-то!

— Я въ законахъ не знаю... Иванъ Дмитричъ придутъ... вотъ у нихъ узнаете... Это ихъ заведеніе—чтобы безпремѣнно объ это мѣсто...

— То-то, надо-быть, оченно рановато класть-то.

— Подождите ихъ... я не знаю.

— Какъ не погодить-съ...—сказалъ Антонъ Ивановъ и сѣлъ.

Въ его лицѣ и фигурѣ было что-то такое, что̀ можно передать фразой: «ужъ живъ не уйду отсюда, а возьму свое». или «разорвусь, а не дамся живъ въ руки!» Сталъ

Антонъ Ивановъ ждать. Женщина зѣвала, безпечно смотрѣла въ окно и думала вслухъ о предметахъ совершенно невинныхъ.

— И откуда столько мухъ?.. Надо-быть, изъ дерева онѣ родятся?

И опять зѣвнула.

— А изъ камню идетъ муха, или не бываетъ этого?— обратилась она къ Антону Иванову.

— Сколько угодно!—сверкнувъ глазами и сплюнувъ, со злостью отвѣтилъ онъ, ибо безпечность, съ которою разговаривала женщина, ясно говорила ему, что дѣла ея мужа идутъ превосходно, и что житье ей покойное. Онъ рѣшительно не могъ понять тайны этой наживы.

Пришелъ Иванъ Дмитричъ, слѣдомъ за нимъ шелъ проситель. Иванъ Дмитричъ походилъ по виду на трактирнаго лакея или уѣзднаго цырюльника, который «пущаетъ» кровь. Войдя въ комнату, онъ повѣсилъ картузъ на гвоздь, сѣлъ за письменный столъ, зашумѣлъ какими-то бумагами и обратился къ мужику:

— Что вамъ угодно?

— Жалоба.

— Кладите деньги объ это мѣсто. Это будетъ стоить три рубля серебромъ. Объ это мѣсто кладите.

— Поменѣ бы...

— Здѣсь не такое мѣсто...

Мужикъ подумалъ, поставилъ шапку на полъ и вынулъ деньги.

— Объ это мѣсто. По уставу... Въ чемъ дѣло?..

— Обида, ваше высокоблагородіе... Понадѣялся на человѣка, а пользы не вижу...

— Вы думали, что онъ вамъ отвѣтитъ добромъ, но вамъ сдѣлалъ зло? Въ нонѣшнее время завсегда такъ, я это знаю... Положили деньги! Такъ, такъ... Я это тонко знаю!

— Истинно такъ говоришь!.. Вѣрно, что не ждалъ этого... Разсуди это дѣло.

— Будьте покойны! — придавая голосу искреннѣйшій тонъ, говорилъ Иванъ Дмитричъ.—Всякій человѣкъ по нонѣшнему времени дѣлаетъ пользу для себя, но не для другихъ!

«Но не для другихъ!» — Иванъ Дмитричъ произнесъ это съ полнѣйшимъ отвращеніемъ къ человѣчеству и ударилъ себя въ грудь.

— Такъ, такъ...—твердилъ мужикъ:—дай тебѣ Богъ за твою доброту.

— Потому что я знаю, — продолжая держать кулакъ на груди, говорилъ Иванъ Дмитричъ: — я знаю, каково жить съ честью, но во сто разъ счастливѣе тотъ, кто ея не имѣетъ.

— Такъ, такъ... дай тебѣ Богъ...

— Жена, позови писаря... А честнаго—защитить некому!

Мужикъ, очевидно, былъ растроганъ сочувственными словами ходатая, и видно было, что брать съ него можно сколько угодно.

Антонъ Ивановъ только крякнулъ. Пришелъ писарь, старый подьячій со слезой въ глазу; не глядя ни на кого, подвернулъ подъ локоть листъ бумаги, припалъ къ нему ухомъ и загудѣлъ перомъ, какъ локомотивъ, пускающійся въ путь со свистомъ. Мужикъ разсказывалъ ему, въ чемъ дѣло, а въ комнату входилъ ужъ другой посѣтитель, пожилой чиновникъ во хмелю и въ большомъ огорченіи. Послѣдовалъ вопросъ: что̀ вамъ угодно?

— Да съ мѣста гонятъ!.. Штучка самая пустая... Ха-ха-ха!—заговорилъ проситель, стараясь быть развязнымъ.— Двадцать лѣтъ—и что̀ же? Изъ-за чего же?.. Помилуйте!.. Не болѣе, какъ кружка баварскаго пива и — нищій. Господи Боже мой!.. Что̀ же это такое?.. Знаешь портерную новую, изъ Петербурга?.. Ну вотъ!.. Я вѣдь самъ петербургскій... Я до шестнадцати лѣтъ жилъ тамъ... И кой-что видѣлъ... Помню—булочная была; не знаю, есть ли теперь... мы туда часто хаживали,—была тамъ... ну, да что̀!.. И на Крестовскомъ и въ Екатерингофѣ (проситель въ уныніи тряхнулъ головой и рукой)... Но, что̀ называется, дышалъ, жилъ... какъ бы то ни было, а хорошо! Жилъ! Потомъ сюда, женился, дѣти... Знаешь жену?..

— Б-лагор-родная дама! — затянулъ-было ходатай, кося глаза.

— Благородная?.. — вопросительно произнесъ проситель, на мгновеніе остановившись, но тотчасъ же продолжалъ:— Ну, да это въ сторону... И двадцать лѣтъ — понимаешь— безвыходно... Не имѣю правъ—дѣти!.. Жену знаешь?—что̀ это такое?.. Это, братецъ ты мой... Ну, все равно!.. Говорю по совѣсти—потерялъ смыслъ человѣческій, умъ, все! Околѣлъ!.. А внизу у меня... замѣть это — это очень важно, очень къ дѣлу, — а внизу у меня помощникъ съ семействомъ—квартира казенная, замѣть это! Записалъ? Налей!..

Иванъ Дмитричъ налилъ стаканъ, говоря:

— Потому что у васъ добрая душа... вотъ что̀ я вижу

— Погоди, погоди—не торопись!—выпивъ стаканъ залпомъ, остановилъ его чиновникъ. — Погоди, братъ... Что̀ дальше! Такъ ли, сякъ ли, но прихожу я, понимаешь, къ издыханію. Молю смерти, какъ утѣшенія, какъ спасенія! Только, братецъ ты мой, пошли эти чугунки, то, се—гляжу: портерная петербургская... Ба! думаю... Что̀, думаю... Что̀, думаю... Что̀ такое? Какими судьбами?.. Зашелъ — въ карманѣ двадцать копеекъ. Захожу: газеты, порядокъ — прелесть! Превосходно! Выпилъ кружку — пятачокъ, выпилъ другую—пятачокъ... Отлично! Читаю газету, сижу... наконецъ, чортъ возьми, вѣдь, ей-Богу, на душѣ легче! Что̀ же? Господи! Надо же вѣдь что-нибудь, вѣдь...

Проситель остановился въ сильномъ волненіи, упершись на мгновеніе глазами въ полъ, но тотчасъ же очнулся, ударивъ кулакомъ по столу.

— Вѣдь лицо-то у ней веселое! Вѣдь идетъ она съ кружкой — не ткнетъ ее въ рыло... смѣется вѣдь, чортъ возьми! Что̀ мнѣ нѣмка?.. Мнѣ пора въ гробъ, а главное:— «шпрехенъ-зи дейчъ!» — отвѣчаетъ — «я!» а не то что... Знаешь жену-то?.. Главное, по-человѣчески... что-нибудь... Зла нѣтъ! Не оскаливаетъ зубовъ, не шипитъ, какъ змѣя... Вѣдь тоже вспомнишь—когда-то... А—да чортъ возьми...

— Успокойтесь!—говорилъ Иванъ Дмитричъ.—При вашей совѣсти... при добротѣ, благородному человѣку, ахъ, какъ трудно...

— А-ахъ, братъ, какъ... Ну, выпилъ, истратилъ тамъ... копеекъ двадцать... дрянь какая-то! Пошелъ домой—понимаешь — домой?! Вспомни-ка-сь все это, и тамъ, знаешь, внутри...

Проситель вертѣлъ кулакомъ на груди, и лицо его выражало какую-то отвратительную боль...

— Горитъ!—подсказалъ Иванъ Дмитричъ.—По добротѣ и по совѣсти...

— То-есть именно—горитъ! Воротитъ это прошлое... Противно идти... Идти-то противно, братъ, — четыре кружки выпилъ да на нѣмку взглянулъ—не могу!.. Но пришелъ.— «Прррапоица!» Это, изволите видѣть, онѣ шипятъ изъ-подъ одѣяла, какъ зм-мѣя под-кол-лодная, чортъ ихъ побери всѣхъ! Это двадцать лѣтъ шеи змѣиныя встрѣчаютъ меня... Ахъ ты, чортъ возьми! Зашипѣла... я—палкой!.. Въ первый разъ въ жизни! Передъ Богомъ клянуся, вотъ передъ Спасителемъ... Когда вы мнѣ дадите покой? Я не могу, я человѣкъ... Я взбѣшенъ. Наконецъ, чортъ возьми, надо же...

Тутъ ужъ я все, за всю — и не помню!.. И помощника! Прибѣжалъ онъ снизу — и его! Раскроилъ всѣхъ и вся! А помощникъ двадцать лѣтъ подъ меня подъѣдался, двадцать лѣтъ, шельма, точилъ зубы, анаѳема! Это потому, что мнѣ выдаютъ свѣчи казенныя, изволите видѣть? Два пуда восемь фунтовъ, да погребъ у меня свой, а у него нѣтъ, такъ двадцать лѣтъ искалъ случая... А тутъ чего лучше? Не обмылъ даже, а такъ въ крови повезъ рожу въ губернію... А главное что̀? (тутъ проситель какъ будто отрезвился и заговорилъ шопотомъ), а главное что̀—взялъ я какъ-то разъ, не помню, какіе-то пустяки изъ казенныхъ... Только обернуться до жалованья — десять, пятнадцать... Словомъ,— вздоръ, на крестины... И помощникъ, подлецъ, былъ... и пилъ и жралъ... Да и самому я выдавалъ ему... Такъ и это, подлецъ, натявкалъ тамъ... И это!.. Но я не прощу, я этого такъ не оставлю... Нне-эттъ! Я умеръ на службѣ... Я... чортъ знаетъ, не знаю я новыхъ порядковъ... реформъ... Самому бы надо писать-то... Все по-другому.

— Большія реформы-съ, — съ снисходительной улыбкой произнесъ ходатай:—очень громаднѣйшія... Это вамъ весьма трудно...

— То-то порядка не знаю... А ужъ не разстанусь — нѣтъ, нѣтъ.

— Какъ можно этакое дѣло оставлять-съ... Опытный человѣкъ, который имѣетъ стыдъ, совѣсть, честь... Это будетъ стоить на первое время пять серебромъ.

— Пять?

— Пять-съ... Объ это мѣсто кладите деньги... По уставу...

— По уставу?..

— По случаю судебныхъ установленій... — лепеталъ ходатай, шумя бумагами.

Проситель обомлѣлъ.

— Пять?..—переспросилъ онъ.

— Которыя 20 ноября вышли установленія, то по установленіямъ...

— На̀—пять цѣлковыхъ! — перебилъ проситель, поднимаясь:—только ужъ обжечь ихъ то-есть чтобы... На̀—пять цѣлковыхъ!

— Объ это мѣсто...

— Ладно! какія мѣста! Но чтобы—обжечь!.. понимаешь— послѣднее отдамъ... Но чтобы ужъ пополамъ разорвать... Не пощажу!.. Запиши: я нѣмку тронулъ за локоть одинъ разъ! Понимаешь? Одинъ... шутя... Тамъ (онъ показалъ

черезъ плечо) строчатъ другое... Змѣи-то... Но въ сущности—только тронулъ разъ... Больше ничего... Запиши.

— Архаровъ! Запиши!

Приказный завертѣлся надъ бумагой волчкомъ.

Антонъ Ивановъ, глядя на эти сцены, почти дрожалъ отъ страха. Все, что онъ видѣлъ до сихъ поръ, покрылось непроницаемымъ мракомъ. Тутъ били, дѣйствительно, во всѣ мѣста и сословія, и тайна этого битья и грабежа была ему совершенно непостижима. Онъ видѣлъ только, что деньги брались единственно при помощи фразы: «кладите объ это мѣсто», но почему люди покоряются этому — не зналъ, не могъ постигнуть. Здѣсь было что-то таинственное, чѣмъ небо надѣляетъ людей рѣдко и чего у Антона нѣтъ; безхлѣбье разстилалось передъ нимъ ужасное.

Еле-еле онъ доплелся до дому; въ горлѣ у него пересохло, лицо вытянулось, и нужны были громадныя усилія для того, чтобы собрать послѣднія силы и пролепетать родственницѣ:

— Не въ то мѣсто... попад-даютъ...

Кое-какъ пролепетавъ это, онъ тотчасъ же схватился за жилетъ, припалъ къ нему иглою и глазомъ; но жилетъ выскочилъ у него изъ-подъ рукъ, а самого его шатало изъ стороны въ сторону.

— Когда ты-то попадешь, проходимецъ!—заревѣла родственница на него, окончательно потерявъ всякую возможность снисходить къ московскому гостю.

Антонъ Ивановъ не могъ пикнуть слова.

III.

Если бы вновь появляющееся воронье дѣйствовало, къ стыду Антона Иванова, постоянно съ такимъ же успѣхомъ, какъ ходатай, то можно сказать положительно, что онъ давно былъ бы уже выгнанъ родственницей вонъ изъ дому. Это непремѣнно случилось бы, если бы его не поддерживали нѣкоторые случаи промаховъ, иногда замѣчавшіеся въ дѣйствіяхъ опустошителей. Такъ, между прочимъ, былъ случай съ однимъ трактирщикомъ, устроившимъ свой трактиръ противъ зданія мирового съѣзда, въ которомъ обыкновенно бываетъ много господъ. Трактиръ былъ устроенъ по-столичному, то-есть цѣны были хорошія и замѣчалось стремленіе избѣгать возгласовъ: «половой! черти!»—замѣняя ихъ по возможности звонкомъ. Съѣздовъ было много, и въ трактирѣ тоже дѣло шло хорошо. Но, вникая во вкусы господъ, трактирщикъ задумалъ пригласить пѣвицу, брошен-

ную въ уѣздномъ городѣ проѣзжимъ фокусникомъ за ея пьянство. Пѣвица была француженка, и если незнаніе ею туземнаго нарѣчія чуть не свело ее съ постоялаго двора въ гробъ, то и туземецъ-трактирщикъ тоже немало попотѣлъ отъ той же причины.

— Какъ дѣла?—робко спросилъ его Антонъ Ивановъ по пріобрѣтеніи пѣвицы.

— Кажется, тыщи рублей не взялъ бы этакъ срамиться, какъ она понуждаетъ! — въ гнѣвѣ отвѣтилъ ему трактирщикъ. — Долженъ я передъ ней, передъ шкурой, по-куриному кудахтать, да по-бараньи блеять. Что это такое? Чего стоитъ?

— По какому же случаю блеяніе?

— Да вѣдь надо ей, шкурѣ, объяснить, что готовили? Вѣдь она галдитъ, или нѣтъ? Скажу я ей—«баранина»; для нея все одно: тьфу! Ничего не стоитъ... Ну, станешь передъ ней этакимъ манеромъ: «бя-а-а»... Шельма!.. И лакеи-то не согласны! Самъ принужденъ. Прогналъ бы, да вѣдь должна сколько! разочтите. Собака нѣмецкая...

Такіе эпизоды очень радовали Антона Иванова. Онъ воскресалъ духомъ и могъ снова воскресить передъ родственницей свою фразу:

— Не туда-а!.. Я это видѣлъ вонъ когда! А вы серчаете. Какъ можно! Нешто это не видно?.. Оно-то сначала и ловко идетъ, а вотъ повернулась штука—и сѣлъ!.. Вонъ трактирщикъ-то теперича по-куриному кудахчетъ!.. Вотъ они барыши-то!.. А вы говорите... Надо оглядѣться... Мѣста есть!..

Такъ утѣшался Антонъ Ивановъ и все-таки ненадолго, потому что промахи ловкихъ людей заглаживались скоро,— трактирщикъ, напримѣръ, почти мгновенно вышелъ изъ бѣды, какъ только про пѣвицу пронюхали желѣзнодорожные люди, съ появленіемъ которыхъ гдѣ бы-то ни было начинаютъ бить фонтаны шампанскаго. Такимъ образомъ вообще Антону Иванову приходилось радоваться недолго, и положеніе его было поистинѣ ужасное. Родственница стала говорить ему «ты» и обращалась съ нимъ обыкновенно грубо — и чашку со щами старалась швырнуть ему такъ, чтобы щи по возможности улетѣли за окно. Поощряя такимъ образомъ его энергію, она продолжала приносить вѣсти о разныхъ новыхъ способахъ для наживы, открывавшихся то тамъ, то сямъ. То приносила она ему, напримѣръ, извѣстіе о томъ, что невдалекѣ живетъ богатый баринъ, бездѣтный вдовецъ, запершійся наглухо «послѣ крестьянства»,

Десять лѣтъ онъ никого не пускаетъ на глаза, не знаетъ, что̀ было и что̀ есть, что̀ случилось, ничего не хочетъ слушать и лежитъ неподвижно да плюетъ и молчитъ. Служитъ ему старый лакей. Для лежанья у барина устроено множество кроватей, но, есть слухъ, къ вечеру эти кровати до того ему надоѣдали, что онъ шелъ къ лакею и говорилъ:— «Дай-ка у тебя лечь!»

— Вотъ ты все мѣста выдумываешь,—говорила родственница.—Поди да выдумай ему что-нибудь. Угоди!.. Можетъ, и ухватишь что-нибудь на свою глупую голову. Пошелъ!

Антонъ Ивановъ сбѣгалъ къ помѣщику, но тотъ пустилъ въ него пулю изъ револьвера въ окно и гаркнулъ: «Реформаторы! Канальи...»

Убѣжавъ отъ смерти, истинно благодаря Провидѣнію, онъ былъ тотчасъ же отправленъ неутомимою родственницею въ другое мѣсто. Тоже неподалеку отъ уѣзднаго города жили старики-помѣщики: одинъ отецъ, другой сынъ,—оба помѣшанные. Помѣшательство у нихъ было наслѣдственное. Помѣшаны они были на орденахъ и на наградахъ, которые въ прежнее время привозили имъ уѣздные чиновники ради смѣха, а теперь ихъ обстроивалъ какой-то человѣкъ неизвѣстнаго званія, нанятый опекунами. Комнаты ихъ были наполнены цѣлыми грудами бутылокъ, битыхъ горшковъ, обносковъ и т. д. Все это въ разное время навалено къ нимъ разными депутаціями въ даръ. Говорятъ, депутаціи имѣли при этомъ выгоды. Антонъ Ивановъ засталъ ихъ въ сильной ссорѣ; грызлись они постоянно изъ-за кражъ, которыя дѣлали другъ у друга; дѣло происходило въ ободранной залѣ, сумасшедшіе сидѣли въ креслахъ другъ противъ друга, въ коронахъ изъ индѣечьихъ перьевъ и въ мантіяхъ; одинъ изъ нихъ имѣлъ голыя ноги. Выраженіе ихъ лицъ было то же, какое бываетъ у пѣтуховъ, когда они собираются драться и злыми, вытаращенными глазами смотрятъ другъ на друга.

— А ты у меня укралъ арр-деночки?—захлебываясь, прохрипѣлъ наконецъ одинъ изъ нихъ, и голова съ короной затряслась отъ гнѣва.

Другой какъ бы онѣмѣлъ отъ злости. Глаза его, казалось, хотѣли выскочить вонъ, губы дрожали и наконецъ, тоже захлебываясь, произнесли:

— А сам-моварчики ты укралъ мои?..

Казалось, начнется драка, но первый изъ нихъ заплакалъ, а за нимъ и другой.

— Ну-ну!—грубовато заговорилъ неизвѣстный человѣкъ, появляясь среди рева.—Не шумѣть!.. Вотъ вамъ новые ордена прислали.

И онъ сунулъ имъ въ руки по куску картона съ какими-то рожами и большими печатями.

— Отъ обезьянской царицы... Сидите смирно, а то отниму... Теперь вы оба обезьянами считаетесь. Чуете? Оба!.. Передеретесь, ежели васъ порознь наградить... Ну, пошли по своимъ мѣстамъ.

Старики радостно захныкали и бросились по разнымъ комнатамъ. Антонъ Ивановъ увидѣлъ, что мѣсто уже занято...

Разогнавъ господъ по своимъ мѣстамъ, человѣкъ неизвѣстнаго званія усѣлся на крыльцѣ и принялся что-то вырѣзать изъ картона.

— Что̀ это вы?—спросилъ Антонъ Ивановъ.

— Да вотъ короны нужны новыя... Обижаются, когда долго нѣтъ награжденія...

— Мѣсто у васъ хорошее!..—умильно сказалъ Антонъ Ивановъ.

— Опека это утѣсняетъ... А то мѣсто—что̀ же? Ничего... Да что̀, мѣстовъ много... Поискать, такъ такія ли?.. Нашъ братъ найдетъ. Только что вотъ опека не дозволяетъ сдѣлать настоящаго запуску!.. А то ничего!..

— А есть мѣста-то? — со вздохомъ спросилъ Антонъ Ивановъ.

— Мѣста-то? Боже мой, есть такія мѣста!.. Въ случаѣ чего опека... я такое мѣсто разыщу—сиди, сложа ручки, да клади въ сундучокъ на замочекъ... Этакъ-то! Мѣста есть—только поискать!..

Какъ хотѣлось Антону Иванову именно такого мѣста, гдѣ бы нужно было выдумать какую-нибудь невинную ерунду и получать довольствіе, не разрываясь на части и не разбойничая окончательно. Между тѣмъ родственница своими ругательствами доводила его до того, что онъ долженъ былъ обѣщать ей Богъ знаетъ что̀.

— Сдѣлайте милость, дайте оглядѣться, есть мѣста! Богомъ вамъ божусь! — лепеталъ онъ, прижукнувшись въ углу.

— Чего оглядываетесь? Оглядываетесь - оглядываетесь, а не можете... ограбить...

— Ограблю-съ!—трепеща въ углу, обѣщалъ Антонъ Ивановъ, моля Бога о тепломъ мѣстѣ.

IV.

Наконецъ-таки отыскалось такое мѣсто. Это случилось въ то время, когда Антонъ Ивановъ началъ уже бѣгать отъ своей родственницы кое-гдѣ, боясь попасться ей на глаза. Былъ онъ такимъ образомъ въ одной лавкѣ, гдѣ уѣздные обыватели собираются толковать и посидѣть, и услыхалъ здѣсь нижеслѣдующій разговоръ:

— Что баринъ вашъ? Живъ ли?—спросилъ лавочникъ толстаго и плотнаго управляющаго, къ которому вся лавочная компанія относилась, повидимому, съ уваженіемъ.

Управляющій барабанилъ пальцами по прилавку, сидя около него на стулѣ, и нехотя отвѣтилъ:

— Забросили мы его, нашего барина... Теперича своя забота на плечахъ—земля... да вотъ домъ поглядываю купить... свои хлопоты!.. Будетъ барину-то, послужилъ ему... Теперича и по годамъ-то мнѣ не подходитъ выдумками заниматься... ужъ я выдумывалъ-выдумывалъ...

Управляющій махнулъ рукой:

— Пущай другой кто!

— Какая же собственно выдумка васъ утомляетъ?—спросилъ лавочникъ.

— Мало ли я ему выдумывалъ чего? Вѣдь онъ у насъ, баринъ-то, совершенно въ родѣ очумѣлаго. Ну, и надо ему разное... по понятію... Ну, выдумалъ я ему примѣрно корпію... Значитъ, чтобы щипалъ, только бы не брюзжалъ, въ покоѣ насъ оставилъ. Выдумалъ я ему эту щипню — годика два щипалъ прилежно, все я ему, признаться, старье свое носилъ,—напримѣръ, обноски... Само собой — на счетъ ставилъ... Только что же онъ выдумываетъ? «Давай ему цѣльнаго, изъ дюжины...» Съ ума, молъ, ты сошелъ? Все одно драть-то тебѣ, что обноски, что... Уперся. «Лучше же я, говоритъ, новыя салфетки буду щипать и простыни... Это мнѣ надолго удовольствіе...» Каково вамъ покажется?..

Все общество нашло, что баринъ очень чуденъ.

— Да что,—добавилъ управляющій:—щипня щипней, а еще умудряется свѣчку, не стеариновую, а нарочно сальную, около себя ставить. Это чтобы не скучно было, чтобы мы ходили снимать, когда свѣча нагоритъ! А? Каково это?.. Насъ-то замучилъ совсѣмъ, — иной разъ часу до шестого утра щиплетъ...

— Этакіе попадаются дворяне любопытные! — сказалъ лавочникъ.—Какъ же теперича? Щипня, или что?

— Да ужъ, признаться, и не знаю... Не охота и ходить-то... Что мнѣ? Богъ съ нимъ совсѣмъ... Жду вотъ, какъ дочь выйдетъ изъ ученья—брошу... Иной разъ зайдешь—бросишь ему салфетку—схватится, побѣжитъ... Пущай кто другой выдумаетъ, съ меня будетъ. Сытъ. Авось проживу... Да и не придумаю ужъ—старъ.

Слушая этотъ разговоръ, Антонъ Ивановъ почуялъ въ словахъ управляющаго нѣчто такое, что необыкновенно подходитъ къ его талантамъ. Ему показалось, что именно здѣсь онъ можетъ удовлетворить своему желанію: выдумкѣ и совмѣстному съ нею пропитанію. Кое-какъ выждавъ, когда управляющій выйдетъ изъ лавки, Антонъ Ивановъ потихоньку вышелъ за нимъ, догналъ его на дорогѣ и объяснилъ, снявъ шапку, желаніе попробовать себя передъ диковиннымъ дворяниномъ.

— А мнѣ что? — сказалъ управляющій: — иди да выдумывай. Мое дѣло — сторона. Я сытъ. Благодарю моего Бога — больше не желаю... Признаться, только бы ноги уплесть...

Слова управляющаго, повидимому, достаточно покормившагося насчетъ диковиннаго дворянина, были необыкновенно ободрительны для Антона Иванова. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, онъ тотчасъ же вознамѣрился отправиться въ Васильково, гдѣ обиталъ сказанный дворянинъ, и только на минуту забѣжалъ къ родственницѣ увѣрить ее въ большихъ, предстоящихъ ему грабежахъ...

Родственница была довольна, хотя и не преминула на прощанье замѣтить, что если и теперь онъ не сдѣлаетъ надлежащую «запуску», то ему будетъ очень плохо...

— Лучше утопись, а ужъ ко мнѣ глазъ не показывай... Довольно я тебя кормила, борова. До свиданья!

Антонъ Ивановъ еще разъ увѣрилъ относительно размѣровъ и успѣховъ грабежа и ушелъ.

Дѣйствительно, мѣсто оказалось чудное. Помѣстье Павла Степаныча Василькова лежало въ 10-ти верстахъ отъ города, въ прекрасной степной равнинѣ. Издали оно представлялось какимъ-то цвѣтущимъ оазисомъ, группою густыхъ цвѣтущихъ кустовъ и высокихъ темныхъ деревьевъ, пріятно дѣйствовавшихъ на глазъ смѣшеніемъ разнородныхъ оттѣнковъ зелени, формъ листьевъ и общихъ фигуръ разнообразныхъ растеній. Среди этой прекрасной растительности, оставленной безъ присмотра, помѣщалась господская усадьба, съ стариннымъ барскимъ деревяннымъ домомъ дикаго

цвѣта, съ пристройками, людскими, банями, погребами и проч. Видно было, что хребты когда-то крѣпко поработали для господскаго удовольствія, роя пруды, прокладывая дорожки, строя бесѣдки, гроты, мостики; но теперь не видать этихъ хребтовъ вблизи построекъ, и природа обильною растительностью и разрушеніемъ хочетъ загладить господскій грѣхъ въ пользованіи терпѣливостью этихъ хребтовъ.

Темные и сверкающіе, какъ черный атласъ, пруды лежатъ неподвижно, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе зарастая по краямъ густою травою, которая вмѣстѣ съ тяжелыми вѣтвями бузины и рябины мочитъ свои цвѣты и красныя ягоды въ темной водѣ... Мельничное колесо давно уже стоитъ неподвижно. Фантастическіе, выгнутые мостики еле держатся надъ тихо журчащими ручьями—кое-гдѣ нѣтъ доски, кое-гдѣ опали перила; кругообразный гротъ, напоминающій тулью старомодной женской шляпки, осѣлъ набокъ; отъ столика осталась одна подножка; стѣны, обклеенныя когда-то бумагой, облупились, и болтающіеся лоскуты бумаги обнаруживаютъ наблюдателю обиліе историческихъ документовъ, неизвѣстныхъ любителямъ старины... Дорожки покрылись ярко-зеленымъ мхомъ. Въ людской разбиты стекла; кое-гдѣ они заткнуты полушубками; на балконѣ господскаго дома, выходящемъ въ садъ, подъ самую дверь намело песку, и видно, что нога человѣческая давно не была здѣсь. Постоянный шумъ разросшихся деревьевъ, перемѣшанный съ отдаленнымъ и рѣдкимъ стономъ флюгера, производитъ на душу посѣтителя усадьбы самое тягостное впечатлѣніе. Почему-то дѣлается вдругъ холодно, хочется завернуться потеплѣе, уйти въ комнату.

Въ домѣ, дѣйствительно, тепло. Онъ сдѣланъ прочно, на старинный манеръ обитъ войлокомъ, законопаченъ и защищенъ густымъ и пустыннымъ садомъ. Широкая барская передняя можетъ порадовать человѣка, любящаго вспоминать старину. Кругомъ широчайшіе лари, и на нихъ позабыты полушубки, на которыхъ, очевидно, только-что валялся лакей. На окнѣ счеты, чернильницы съ мухами, на стѣнѣ старинные часы, сдѣланные именно, кажется, для того, чтобы напомнить человѣку о непрочности всего земного; каждый медленный размахъ сверкающаго маятника какъ-будто охватываетъ чью-то голову и уноситъ кого-то въ вѣчность... А глухое нытье, сопровождающее эти размахи, почему-то напоминаетъ о глаголѣ временъ, о столѣ съ яствами и о гробѣ... Жуткое ощущеніе, производимое

часами и подкрѣпляемое отсутствіемъ людей, можетъ быть отчасти разсѣяно присутствіемъ на оконникѣ картуза съ Жуковымъ табакомъ.

Сколько въ самомъ дѣлѣ плѣнительныхъ воспоминаній рождаетъ въ заѣзжемъ наблюдателѣ этотъ левъ, изображенный на картузѣ и поднявшійся на дыбы при видѣ словъ: «Мариландъ - ду!» Право, только благодаря этому картузу и едва-едва, весьма тонко доносящемуся откуда-то мариландскому запаху, рѣшаешься вступить въ господскіе покои. Но здѣсь опять—часы, приближающіе ко гробу, потемнѣвшія золотыя рамы съ напудренными портретами дамъ, улыбающихся таинственными улыбками, кавалеровъ съ разбойничьими взглядами, съ таинственнымъ конвертомъ въ рукѣ, съ зрительною трубою подъ мышкой; на блестящемъ полу съ черными нарисованными звѣздами неподвижно стоятъ старинные краснаго дерева стулья и кресла съ золотыми львиными лапами и оскаленными, тоже золотыми львиными мордами на углахъ спинокъ и на ножкахъ; черная узенькая люстра съ лирами, образующими нижній кругъ, въ срединѣ котораго стекло. Тишина и шумъ вѣтра... За первой комнатой тянется другая, темно-синяя комната, гдѣ становится еще тяжелѣе, потому что таинственныя улыбки и разбойничьи взгляды портретовъ выдаются рѣзче, живѣе. Неподвижно стоятъ подсвѣчники, мѣдные, аляповатые, изображающіе фигуры мумій, съ квадратными египетскими лицами и мертво закрытыми глазами. Почему-то дѣлается такъ жутко, что вѣтеръ, гудящій въ саду, начинаетъ казаться отдаленными стонами тѣхъ, кому съ каждой секундой прекращаютъ жизнь размахи маятника... Троньте за крюкъ небольшой органчикъ, помѣщающійся въ углу — изъ него послышится звукъ, похожій на щелканье челюстей, потомъ что-то заскрипитъ, намѣреваясь изобразить графа Парижскаго, но заскрипитъ такъ, что крюкъ невольно выпадаетъ изъ руки, и въ пустыхъ покояхъ останется какая-то стонущая нота, которая долго-долго плачетъ надъ всѣмъ, что̀ вы видѣли... Хочется убѣжать въ одну, въ другую комнату, хочется человѣческаго лица, свѣта, солнца... Вездѣ пусто и томительно...

Но вотъ наконецъ, благодаря мариландскому запаху, вы добираетесь и до человѣческаго лица. Въ маленькой угловой комнаткѣ передъ вами очутилась фигурка господина Василькова, фигурка изсушенная, дряхлая, маленькая; на сѣдой головѣ надѣтъ большой, стариннаго фасона кар-

тузъ; изъ уха торчатъ сѣдые волосы и вата; большіе, повидимому, очень живые, но въ сущности дѣтскіе глаза смотрятъ въ стѣну; костлявая рука, испещренная складками, недвижно держитъ длинный черешневый чубукъ, шевелитъ губами, жуетъ, при чемъ слегка шевелятся отвислыя складки подбородка, покрытаго серебряной щетиной. Маленькое тѣло Павла Степаныча облечено въ нѣсколько ваточныхъ халатовъ, а на ногахъ надѣты мягкіе козловые сапоги, не производящіе ни малѣйшаго шума и скрипа. Фигурка изрѣдка хватаетъ дряхлыми губами чубукъ, сосетъ, пускаетъ дымъ, который неподвижнымъ облакомъ стоитъ надъ его головой и только чуть-чуть шевелится у отпертой двери...

Павелъ Степанычъ нѣсколько уже разъ крикнулъ: «эй!» и нѣсколько разъ постучалъ въ полъ трубкой; но на его зовъ никто не явился: слуги, дѣйствительно, бросили барина; въ каменномъ флигелѣ съ окнами, заткнутыми полушубками, теперь слышится гармонія и по временамъ смѣхъ,—баринъ, очевидно, погодитъ, «не умретъ». Баринъ, дѣйствительно, не умираетъ, и ему долго приходится кричать: «эй!», покуда не услышитъ этого старая, полуглухая старушка, помѣщающаяся неподалеку отъ барской комнаты и считавшаяся когда-то первой господской любовницей. Въ широкомъ чепцѣ старушка эта цѣлый день роется въ какихъ-то сундучкахъ, перекладывая барское бѣлье изъ одного мѣста въ другое; она боится, не пропало ли что̀, все ли цѣло; она одна только постоянно помнитъ барина и то время, когда онъ ее осчастливилъ; вспоминаетъ сыночка, который по повелѣнію барина былъ скрытъ въ бѣдной семьѣ и тамъ умеръ. Старушка думаетъ, что ежели-бъ баринъ былъ тогда въ деревнѣ, а не въ Москвѣ, то сынокъ былъ бы живъ. Она хранитъ эту вѣру въ барина и живетъ ею въ то время, когда баринъ ничѣмъ не живетъ, никого не любитъ и если вспоминаетъ какое-нибудь время, то ужъ вовсе не то, про которое думаетъ старушка. Когда-то баринъ этотъ, — единственный сынъ богатыхъ родителей, начавшихъ свой родъ въ одно изъ царствованій прошлаго вѣка,—былъ то, что̀ называется Нарцисомъ. Почти съ дѣтскихъ лѣтъ онъ вступилъ въ занятія, такъ сказать, купидонными дѣлами въ качествѣ пажа; судя по его юношескому портрету, это былъ дѣйствительный купидонъ—мальчикъ, похожій на дѣвочку; это было то, что̀ дамы того времени называли «ангелъ». Ангельскій

образъ сохранялъ онъ довольно долго; онъ не буйствовалъ, не кутилъ, не растрачивалъ наслѣдія, но, напротивъ, пріумножалъ его, дѣйствуя при помощи исконныхъ средствъ—батожья во всѣхъ формахъ и видахъ. Самъ онъ никогда не присутствовалъ на конюшнѣ,—это было ему не по нервамъ,—но дѣлалъ все это при помощи граціознѣйшихъ мановеній вѣрнымъ рабамъ, помощью изящнѣйшихъ посланій на французскомъ языкѣ и на превосходнѣйшей бумагѣ съ цѣлующимися голубками... Все это дѣлалось за стѣной, все это не было слышно, и Павелъ Степанычъ получалъ только благіе результаты: оброки, крестьянскихъ дѣвокъ, улыбки московскихъ красавицъ, впослѣдствіи старушекъ, ласки ихъ мосекъ. Никогда не истратилъ онъ лишней копеечки, никогда не находилось у него на копейку чувства—онъ до сѣдыхъ волосъ остался холостымъ. Но на старости лѣтъ его успѣхамъ и купидонству былъ положенъ конецъ. Сластолюбивый старичишка задумалъ жениться на первой тогдашней московской красавицѣ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ ея семьи. Бракъ состоялся самый торжественный, но по окончаніи вѣнчанія молодая жена простилась съ нимъ и уѣхала неизвѣстно куда. Говорятъ, она любила уже другого. Это обстоятельство на весь міръ опозорило всепобѣждающаго Нарциса. Онъ уѣхалъ въ деревню и съ тѣхъ поръ не показывался въ столицу никогда. Суматоха, происшедшая на церковной паперти, когда убѣжала жена, не покидала его воображенія никогда; ему каждую минуту былъ ощутителенъ грохотъ насмѣшки родныхъ, знакомыхъ, цѣлой вселенной. И каждую минуту онъ сохранялъ неослабѣвающую силу презрѣнія ко всѣмъ имъ. Забившись въ деревню, онъ усилилъ стремленіе къ скопидомству—строилъ, перестраивалъ, рылъ пруды, разводилъ сады, тиранилъ народъ, какъ образцовый злодѣй, развратничалъ, не церемонясь ни предъ чѣмъ,—и все это дѣлалось тихо, почти безъ разговоровъ. Но время наконецъ взяло свое. Года запретили развратничать, воля была связана, одиночество томило, голова отказывалась не только вспоминать прошлое и утѣшаться имъ, но и вообще думать. Захотѣлось что-то воротить, поглядѣть какія-то лица, но оскорбленное тридцать лѣтъ назадъ самолюбіе со старостью еще болѣе разрасталось. Потомъ пріѣзжалъ какой-то человѣкъ, извѣщая о смерти жены,—Павелъ Степанычъ его не принялъ. Заглядывали знакомые, послѣ двухъ-трехъ словъ жаловавшіеся на безденежье,—Павелъ Степанычъ не

отвѣчалъ ни слова и уходилъ, гордо неся впередъ свое презрительное рыльце.

Но одиночество, душевная пустота и старость дѣлали свое дѣло; раззнакомившись съ обществомъ, родными и знакомыми, которые сами бросили его, провѣдавъ непривлекательную для нихъ сущность написанной имъ духовной, онъ все-таки долженъ былъ какъ-нибудь наполнить свое время, занять чѣмъ-нибудь душевную пустоту и старческую мысль. И вотъ онъ попалъ въ руки челяди. Управляющій, встрѣтившійся съ Антономъ Ивановымъ, забралъ въ руки барина помощью самыхъ простыхъ средствъ. Сталъ онъ выдумывать ему разныя развлеченія, подходившія къ невиннымъ стремленіямъ души умирающаго Нарциса. Старикъ - ребенокъ пристращался къ занятію съ истинно-дѣтскимъ увлеченіемъ, и какъ только управляющій видѣлъ, что баринъ увлекся дѣломъ, тотчасъ же начиналъ ломаться и говорилъ, что ему нужно ѣхать на родину. Павлу Степанычу было страшно остаться одному: онъ видѣлъ, что тоскливыми упрашиваніями остаться съ прибавленіемъ плачущаго: «пожалуйста, пожалуйста!» — взять нельзя, и принужденъ былъ удерживать пріятнаго собесѣдника помощью денегъ... Такъ было достигнуто уничтоженіе въ немъ скупости—началось доеніе. Доили его всѣ слуги, дѣйствуя помощью той же методы устрашенія. Только старушка, бывшая любовница, въ своихъ заботахъ о баринѣ поступала совершенно безкорыстно. Оставленная безъ призора, она едва ли даже была всегда сыта: по крайней мѣрѣ, кромѣ чаю, который былъ въ ея каморкѣ постоянно, у ней не встрѣчалось другой болѣе сытной пищи. Такими-то выдумками и устрашеніями хранители старости Павла Степаныча пробавлялись довольно долгое время и, кажется, наконецъ дѣйствительно всѣ стали сыты. Управляющій набилъ свой домъ всякимъ добромъ; у его жены подъ замкомъ можно было встрѣтить жалованныя табакерки, брильянтовые перстни, много серебра и т. д. Часто то же попадалось и у другихъ охранителей. Въ тотъ моментъ, когда въ Васильково пришелъ Антонъ Ивановъ, всѣ были уже настолько удовлетворены, что могли забросить барина и желать—унести ноги по добру по здорову: баринъ можетъ умереть, наѣдетъ начальство, пойдутъ отчеты, откроются описи и т. д. Все это дало безпрепятственный ходъ Антону Иванову. Управляющій самъ показалъ ему барина, разсказалъ его характеръ и желанія, и далъ даже нѣкоторыя наставленія.

— Ну,—сказалъ онъ Антону Иванову:—хлопочи, какъ знаешь... кормись...

— Надо кормиться!

— Какъ не надо!.. Умудрись какъ-нибудь... А какъ увидишь, что по вкусу—упрись! это первое дѣло: «прощайте, молъ, оставайтесь одни!» Такъ-то... «Богъ, молъ, съ вами!» Понимаешь?..

— Коли такъ, надо упираться!

Антонъ Ивановъ говорилъ тономъ человѣка, поставленнаго въ необходимость дѣлать такъ, а не иначе, и, напутствуемый желаніемъ управляющаго, выраженнымъ словами: «ну, хлопочи, умудряйся какъ-нибудь...»—принялся умудряться...

На другой день по прибытіи онъ вошелъ къ Павлу Степанычу, помолился на образъ, поклонился барину и положилъ къ нему на столъ хлопушку.

Павелъ Степанычъ поглядѣлъ на вошедшаго, однако взялъ хлопушку въ руки, сталъ разглядывать.

— Вы вотъ какъ-съ...—робко кашлянувъ и заискивая, произнесъ Антонъ Ивановъ:—вы вотъ этакимъ манеромъ, Павелъ Степанычъ.

Осторожно вынулъ онъ хлопушку изъ господскихъ рукъ, подождалъ муху, хлопнулъ по ней и убилъ.

— Вы этакимъ вотъ манеромъ...

Павелъ Степанычъ торопливо взялъ у него хлопушку и самъ убилъ муху.

— Ахъ, какъ вы ее намѣтили превосходно!—сказалъ Антонъ Ивановъ.

Лицо Павла Степаныча прояснилось. Онъ улыбнулся весело и сталъ хлопать по столу все чаще и чаще.

— Такъ, такъ! хорошенько ихъ... Вотъ эту-то купчиху звѣзданите!—приговаривалъ Антонъ Ивановъ.

Выдумка удалась. Черезъ нѣсколько минутъ, поощряемый Антономъ Ивановымъ, Павелъ Степанычъ поднялся съ кресла и, еле передвигая ногами, поплелся съ хлопушкой въ другую комнату, хлопая по двери, по стеклу, по стѣнѣ и радостно смѣясь при каждомъ удачномъ умерщвленіи. «Пожалуйста, пожалуйста!»—застоналъ Павелъ Степанычъ, когда Антонъ Ивановъ—тоже весьма обрадованный успѣхомъ—хотѣлъ на минутку сбѣгать посовѣтоваться съ управляющимъ. Кое-какъ онъ отдѣлался отъ барина, увѣривъ его въ скоромъ возвращеніи.

— Упираться, ай нѣтъ?—радостно спросилъ онъ управляющаго, разсказавъ, какъ было дѣло.

Управляющій пилъ въ это время чай и, занятый своимъ дѣломъ, не сразу отвѣтилъ Антону Иванову.

— Повремени упираться... Покудова,—сказалъ онъ, подумавши и сообразивъ:—обгоди. Надо это дѣло разыграть попуще... Мухъ этихъ... Надо ихъ разыграть, а потомъ упрись. Тогда такъ.

— Какимъ манеромъ?

— Это ужъ твое дѣло. Я тогда скажу, когда нужно упереться. Другого покуда не надо. Онъ и самъ скоро не броситъ... Только надо расцвѣтить это дѣло...

Антонъ Ивановъ призадумался и тѣмъ не менѣе долженъ былъ заняться разыгрываніемъ игры въ мухъ до такихъ размѣровъ, чтобы онѣ охватили все существо Павла Степаныча. Въ этомъ ему оказывали содѣйствіе и старые охранители барина, уже достаточно сытые лакеи, руководствовавшіеся при этомъ убѣжденіемъ, что надо дать хлѣбъ бѣдному человѣку—не все себѣ, а главное—желавшіе свалить съ своихъ плечъ все это дѣло. Выдумано было такимъ образомъ: сначала подбирать убитыхъ мухъ на тарелку; потомъ принято во вниманіе, что не худо вести имъ подробный счетъ: затѣмъ придумали собирать каждый убой въ отдѣльную банку. Бывали моменты, когда воображеніе Антона Иванова какъ бы истощалось, и онъ начиналъ поговаривать управляющему: «не пора ли упереться?», но управляющій говорилъ, что еще не время, и рекомендовалъ продолжать разыгрываніе...

Антонъ Ивановъ что-нибудь еще выдумывалъ.

Такимъ образомъ однажды такой простой актъ, какъ битье мухъ, былъ разыгранъ въ пріютѣ Павла Степаныча на манеръ какого-то представленія въ нѣсколькихъ актахъ, или какого-то идольскаго служенія. Изъ комнатъ Павла Степаныча тронулось шествіе, предводительствуемое Антономъ Ивановымъ и направлявшееся изъ одной комнаты въ другую. За Антономъ Ивановымъ дрожащими ногами торопился Павелъ Степанычъ съ хлопушкой въ дрожавшихъ рукахъ; халатъ его распахнулся, глаза оживлены; почти на каждомъ шагу онъ оглядывается назадъ, гдѣ шествуетъ лакей съ подносомъ, усѣяннымъ мухами; его интересуетъ и безпокоитъ, все ли цѣло на тарелкѣ! За лакеемъ съ подносомъ шествуетъ еще лакей, обязанность котораго подбирать убитыхъ, а за нимъ еще нѣсколько лакеевъ-зрителей, въ случаѣ нужды помогающихъ Антону Иванову по добротѣ своей. Въ концѣ шествія видна наблюдательная фигура управляющаго.

— Бейте!—возглашаетъ Антонъ Ивановъ, останавливаясь у зеркала.

Павелъ Степанычъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, убиваетъ муху.

— Двѣсти двадцать пять! — возглашаетъ Антонъ Ивановъ. — Пожалуйста, еще! Синяя, рѣдкая! Превосходно. Двѣсти двадцать шесть... Подбирайте! Держите счетъ вѣрнѣе!..

Подбирающій мухъ пособникъ кладетъ трупы на подносъ. Павелъ Степанычъ оглядывается—положилъ ли онъ, и трясется отъ волненія.

— Мы ведемъ счетъ по-божески,—говоритъ пособникъ.— Будьте покойны...

— Пожалуйте!—возглашаетъ Антонъ Ивановъ, останавливаясь около мухи и оборачиваясь лицомъ къ Павлу Степанычу:—р-азъ! Первый сортъ!.. Отодвиньте комодъ! за комодъ упала.

— Отодвиньте комодъ!—слышится въ толпѣ зрителей.

— Комодъ отодвиньте! — прибавляетъ издали управляющій.

Нѣсколько человѣкъ принимаются ворочать комодъ, при чемъ изъ-за него вылетаютъ клубы пыли. Для большаго возбужденія Павла Степаныча, муху никакъ не могутъ найти и даже говорятъ: «Бросьте ее, Павелъ Степанычъ! Шутъ съ ней!»

— Какъ это можно! Баринъ муху убили—вѣрно...—горячится Антонъ Ивановъ.

— Я... ее... убилъ!—лепечетъ съ гнѣвомъ Павелъ Степанычъ.

— Какъ можно! Она тамъ! Это вѣрно!

— Нѣту мухи!—говорятъ изъ-за комода.

Волненіе Павла Степаныча достигаетъ высшей степени. У него дрожатъ всѣ складки лица, не только руки и ноги; онъ вытаращиваетъ глаза, хочетъ что-то сказать, но только чавкаетъ отвислыми перекошенными губами.

— Врете вы!—возражаетъ Антонъ Ивановъ.—Ежели я самъ примусь искать, я найду-съ... Это ваше нерадѣніе... Вотъ она, муха-то, а вы говорите: нѣту.

И Антонъ Ивановъ выноситъ изъ-за комода муху, говоря лжецу:

— Стыдно вамъ!

— Я, Антонъ Иванычъ, думалъ ее въ счетъ не класть...— оправдывается лжецъ.—Вѣдь одна нога осталась... Баринъ ее какъ охнули... Что-жъ ногу-то одну...

— И ногу въ счетъ! Баринъ муху убили—она должна быть въ счету. Это не ваше дѣло—вы должны спросить у барина.. Класть эту, Павелъ Степанычъ, штуку или нѣтъ?—вопрошаетъ Антонъ Ивановъ барина.

Павелъ Степанычъ сурово смотритъ на лжеца, потомъ на муху и едва слышно произноситъ:

— Класть!..

— Говорено вамъ было?

— Виноватъ!—кается лжецъ.

Съ тѣми же пріемами искусственныхъ волненій устраивалось считаніе мухъ, закупориваніе ихъ въ банку; интересъ Павла Степаныча обыкновенно возбуждался тѣмъ, что непремѣнно не досчитывались двухъ-трехъ штукъ и поднимали по этому случаю возню, ссору, суматоху; оправдывались, уличали другъ друга; Павелъ Степанычъ дрожалъ, сердился, но Антонъ Ивановъ по обыкновенію поправлялъ дѣло—и лицо Павла Степаныча сіяло...

Въ такую-то минуту управляющій наконецъ шепнулъ Антону Иванову:

— Упрись!

— Время ли?

— Дѣлай упорство безъ разговору...

Антонъ Ивановъ собрался съ духомъ и сказалъ:

— Прощайте, Павелъ Степанычъ! Оставайтесь одни!.. Богъ съ вами!..

Павелъ Степанычъ чуть не зарыдалъ...

— Въ самое время намѣтили!—наблюдая издали, думалъ управляющій.

V.

Опытъ съ мухами удался какъ нельзя лучше. Павелъ Степанычъ не могъ остаться безъ Антона Иванова, и Антонъ Ивановъ, пожививщись разъ, могъ такимъ образомъ живиться сколько угодно. Пособники дали ему полную волю, родственница ублаготворена; Антонъ Ивановъ помирился съ нею, подъ вліяніемъ успѣха наобѣщалъ ей золотыя горы и въ надеждѣ на эти горы истратилъ первую наживу на угощеніе... Но странное дѣло! какъ только все это совершилось, какъ только Антону Иванову осталось одно — выдумывать и получать благополучіе, имъ вдругъ овладѣла скука: въ головѣ зашумѣли вообще соображенія о жизни человѣческой—«и что̀ такое богатство?»—стало мелькать въ его головѣ. «Ну, стану я хватать таба-

керки? Ну?» Художественная натура его не находила въ этомъ никакого удовлетворенія... На бѣду еще, возвращаясь отъ родственницы въ Васильково, встрѣтился онъ съ прохожимъ человѣкомъ, направлявшимся въ Задонскъ, съ цѣлью поступить тамъ въ монахи. Прохожій оказался человѣкомъ благороднымъ, презрѣвшимъ суету мірскую и всякую скверну. Разговорившись съ Антономъ Ивановымъ по поводу томившихъ его мыслей, онъ завелъ рѣчь на тему о томъ, что богатство земное—ничто въ сравненіи съ богатствомъ небеснымъ...

— А о душѣ мы и не думаемъ,—говорилъ странникъ.— Ищемъ только, какъ бы урвать гдѣ. А хорошо ли это? А ангелъ-то твой? Развѣ ему пріятно смотрѣть на все это?

Антонъ Ивановъ согласился со всѣмъ этимъ.

— Я не то, что̀ ты! — продолжалъ странникъ: — я на своемъ вѣку жилъ получше твоего. Былъ я и въ военной и въ статской... ѣзжалъ и въ каретахъ, и сладко поѣлъ-попилъ, и въ грѣхѣ тоже повалялся... а что̀ я сдѣлалъ для души?.. То-то и есть!.. Мнѣ трудно было раздавать имѣніе мое нищимъ, а я роздалъ—стало-быть, ужъ...

Антонъ Ивановъ видѣлъ, что странникъ, дѣйствительно, былъ изъ господъ; по крайней мѣрѣ усы его, развѣвавшіеся по вѣтру, лаковые полусапожки на босыхъ ногахъ и тоненькій парусинный пиджакъ говорили не о крестьянскомъ происхожденіи. Такое униженіе барина передъ Богомъ и отреченіе его отъ суеты тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на Антона Иванова, что ему не было другого выхода, кромѣ грабежа...

— А о душѣ и забыли! И не помнимъ! — продолжалъ странникъ.—Отыскиваемъ теплыя мѣста, усадьбы... Какъ усадьба-то?

— Васильково,—съ грустью отвѣтилъ Антонъ Ивановъ.

— Васильково! — какъ бы съ презрѣніемъ промолвилъ странникъ:—а вотъ какъ ангелъ плачетъ, этого мы не замѣчаемъ...

Тяжелое впечатлѣніе произвели эти рѣчи на Антона Иванова. Разставшись съ странникомъ, онъ нѣсколько разъ пытался его догнать; но, сообразивъ положеніе и надежды родственницы, не могъ этого сдѣлать и шелъ. Шелъ съ великимъ трудомъ, потому что его сконфуженную душу тянуло въ другія мѣста, полныя успокоенія... Стало тянуть его къ рѣчкѣ, гдѣ подъ крутымъ берегомъ тихо ходила рыба, въ лѣсъ, наполненный птицами. «Эка благодать-то!»—

думалъ онъ, оглядывая тихую картину тихихъ сельскихъ работъ и интересовъ, отъ которыхъ онъ отвыкъ, шатаясь по столицамъ. Вотъ въ поповскомъ амбарѣ сама матушка просѣваетъ прошлогоднюю муку; въ отворенную дверь слышно шлепанье ладоней въ края рѣшета и видна бѣлая, медленно ползущая мучная пыль; неподалеку отъ крыльца поповскаго дома, на разостланныхъ на землѣ тулупахъ, пустыхъ мѣшкахъ и дерюгахъ, разсыпано для просушки хлѣбное зерно, къ которому со всѣхъ сторонъ лѣзутъ куры, съ пискомъ выхватывая зернышко или отскакивая въ сторону, испугавшись щепки или лучинки, пущенной матушкой изъ амбара... За домомъ, въ саду, двѣ дѣвочки поджидаютъ рой; сидятъ онѣ въ тѣни бузиннаго куста, накинувъ платочки на разгорѣвшіяся отъ жару лица, и, засучивъ рукава по локоть, помакиваютъ березовыя вѣтки въ кувшинъ съ водою... Какая тутъ тишина, какой покой!.. Гудятъ пчелы, спускаясь тамъ и сямъ на цвѣты и листки, — гудятъ ровно и однообразно; но вдругъ къ этому гудѣнью прибавился цѣлый хоръ... Словно оркестръ грянулъ гдѣ-то высоко надъ землею, и рой—цѣлая толпа, изъ цѣлыхъ тысячъ пчелъ—сверкающею и суетливою массою показался надъ неподвижной ветлой. Говоръ этой толпы, шумъ и гамъ дѣлался съ каждой минутой шумливѣе и словно сердитѣе... Но вотъ одна изъ дѣвочекъ взмахнула вѣткой, капли воды высоко сверкнули на солнцѣ и упали въ середину пчелиной толпы. Шумъ упалъ; рой сѣлъ... На зовъ дѣвочекъ впопыхахъ прибѣжалъ отецъ, священникъ, въ подрясникѣ и въ широкой измятой шляпѣ... Все это растрогало отягченную душу Антона Иванова.

— Благословите, батюшка!—сказалъ онъ.

— Повремени, вотъ управлюсь!—отвѣтилъ тотъ.

И, управившись, съ чинностью произнесъ: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Откуда и куда?» Антонъ Ивановъ съ чувствомъ подставилъ горсть и голову для принятія благословенія и съ тяжелымъ вздохомъ отвѣтилъ на вопросы батюшки. Давно онъ не разговаривалъ такъ, чтобы дѣло шло не о грабежахъ, и ему было любо потолковать съ батюшкой о пчелѣ, о хлѣбѣ, о дождѣ... Изъ саду перебрались въ горницу, ибо и батюшкѣ тоже хорошо было потолковать съ кѣмъ-нибудь, потомъ пообѣдали весело, въ присутствіи собаки, помѣстившейся подъ столомъ, какъ только всѣ усѣлись; кошки и въ особенности котята немало доставили удовольствія своими продувными играми,

которыя они подняли между собою на полу въ залѣ, предъ лицомъ всего семейства и Антона Иванова, перебравшихся сюда послѣ обѣда... Сколько было хохоту и смѣху, когда матушка разсказала случай, какъ котенокъ зацѣпился хвостомъ за лукошко и застрялъ вмѣстѣ съ нимъ подъ комодомъ. Всѣ «помирали» со смѣху и разсказывали эту исторію часа четыре, припоминая то то, то другое... Зашелъ разговоръ о Павлѣ Степанычѣ, и трудящіеся люди представили его жизнь въ истинномъ свѣтѣ, отъ котораго у Антона Иванова подрало по кожѣ.

— До сихъ поръ живетъ, — говорила матушка: — и что онъ кому-нибудь сдѣлалъ ли пользы? Сколько изъ-за него нищими пошло, сколько народу разорилъ, — деревни и посейчасъ голыя стоятъ,—всю жизнь на эту собаку работали, кровью обливались. Сколько онъ на своемъ вѣку чужого слопалъ! За что?..

Невмоготу было уйти отсюда Антону Иванову. «Вотъ бы жить! по-божески! по совѣсти!..» — думалось ему. Дотянулъ онъ дѣло до вечера, а вечеромъ, напившись чаю, собрался-было уходить, да присѣлъ на бревно, на которомъ усѣлось семейство попа, противъ дома, да и досидѣлся до ночи. На господскомъ дворѣ слышалась скрипка — это играетъ одинъ лакей... Бабы прошли съ граблями на плечахъ и пѣснями; прогремѣли, возвращаясь съ работы, пустыя телѣги... подошла ночь. Идти было некуда.

— Куда тебѣ! — сказали ему: — вотъ тучки собираются...

Антонъ Ивановъ завалился спать на душистомъ сѣнѣ и все думалъ о жизни человѣческой. «А о душѣ и забыли!» — сладко засыпая, держалъ онъ въ головѣ... Ночью, въ глухую полночь, разразился ударъ грома, и Антонъ Ивановъ проснулся. Дождь шумѣлъ въ крышу поповскаго дома, клокоталъ подъ окнами, какъ кипящее масло. Батюшка соскочилъ съ кровати и ощупью пробрался къ окну—поглядѣть, но молнія заставила его отскочить назадъ.

— Святъ, святъ, святъ!.. Какая страсть надвинула! Телѣгу забыли подъ сарай задвинуть!.. Святъ, святъ!.. Фу, ты, Боже мой!..

— Говорила я, надо сѣно захватить пораньше...—вскакивая на кровати, шопотомъ говоритъ матушка.

— Что теперь съ сѣномъ? Ухъ! Боже мой! Зажгу свѣчу страстную!.. Святъ, святъ, святъ!..

— Брысь, анаѳема... сгноили сѣно!

— Этакій ливень... Какъ не сгноить... Святъ, святъ!.. Эка блохъ-то!.. Блохъ-то!..

Въ большомъ испугѣ было все семейство, вся деревня. Одинъ Антонъ Ивановъ не имѣлъ ничего общаго въ этихъ заботахъ, какъ и въ дневныхъ радостяхъ, и думалъ: «А у меня что? Грабежи на умѣ, у пса!» Грусть и тоска распространились на другой день въ домѣ священника: не было никакого слѣда вчерашняго веселья. За ночь успѣла пронестись гроза, но небо было покрыто скучными тучами; дождь шелъ не переставая; листья вишенъ, зеленѣвшіе подъ окнами, измокли, вѣтки качались отъ вѣтра и роняли капли; капли ползли и катились по стекламъ оконъ. Все живое куда-то исчезло, попряталось; куры, усѣвшись въ сѣняхъ на жердочкѣ, встряхивали мокрыми перьями и, надувшись, ворчали что-то; продувные котята кучей лежали въ залѣ на продавленномъ стулѣ и спали, тяжело, скучно, какъ спятъ въ ненастье... Спитъ въ сѣняхъ и собака Розка, вся мокрая и въ грязи; даже мухи исчезли и столпились въ темномъ углу передней, гдѣ виситъ овчинная поповская ряса. Съ соннымъ жужжаніемъ вылетаютъ онѣ отсюда, какъ только кто-нибудь шевельнетъ рясу или протянется къ окну за графиномъ квасу, но скоро опять садятся на прежнее мѣсто, и не слыхать ихъ... Тоска была большая, никому не хотѣлось выйти на улицу — и одному только Антону Иванову пришлось уходить: онъ ужъ слишкомъ загостился, да и пора была поспѣвать къ своему дѣлу...

Распрощавшись съ семействомъ священника, онъ по грязи пустился въ путь. Промокшій и грязный, онъ особенно былъ расположенъ проклинать свою жизнь и думать о душѣ.

«И куда я иду?—думалось ему.—Люди сидятъ въ тепломъ гнѣздѣ, прячутся отъ этакой непогоды, а я иди! Собака бездомная!»

На пути онъ долженъ былъ зайти въ чью-то господскую ригу, стоявшую въ полѣ, чтобы хоть немного переждать дождь.

Въ ригѣ было много рабочаго народу, загнаннаго дождемъ. Одни спали на голой землѣ ничкомъ, другіе, сидя вкругъ безъ шапокъ, жевали хлѣбъ; народъ былъ самый разнокалиберный; на одномъ была старая солдатская шинель, вытертая и дырявая, безъ пуговицъ; другой погуливалъ босикомъ въ заплатанной рубахѣ, рваныхъ холщевыхъ

штанахъ; рѣдко попадался мужикъ, одѣтый въ цѣлую, не рваную рубаху... Въ толпѣ шелъ недружный говоръ...

— Была телушка,—говоритъ одинъ:—баба-дура опоила...

Молчаніе и жеваніе.

— Съ пальца?—спрашиваетъ другой, спустя нѣсколько минутъ, проглотивъ комъ чернаго хлѣба.

— Съ пальца,—слѣдуетъ отвѣтъ черезъ нѣсколько времени, и съ такою же медленностью идетъ разговоръ.

— Съ пальца-то пріучила, да уйди... Оставила, значитъ, ее при молокѣ... Телушка-то ляпъ да ляпъ языкомъ-то... хлебать, хлебать—разуму нѣту, дохлебалась до смерти...

Молчаніе.

— Это и нашему брату такъ-то дохлебаться можно,— замѣчаетъ кто-то.

— Потому съ работы... Томишь, томишь... да и дорвешься...

— Ну—и не уняться...

— Какъ можно! Ежели ты на голодное брюхо полыхнешь вина, первымъ долгомъ тебя поманитъ на соленое.

— Такъ, такъ!—подтверждаютъ нѣсколько голосовъ.

— Такъ! это вѣрно...

— Какъ тебя на соленое помануло, сейчасъ ты, Господи благослови — селедку! Послѣднее отдашь, а чтобы соленаго! Нутро-то у насъ перержавѣло—вотъ мы и норовимъ: селедку, и пару, и тройку... Какъ стало у тебя внутри глодать, сейчасъ зачнетъ тебя звать на пойло, на брагу, шабашъ.

— Тутъ конецъ!..

— Шабашъ! Тутъ! На брагѣ! Простись!

— Тутъ, братъ, со святыми упокой. Потому не оторвешься... Нутро полыхаетъ, а ты и льешь! Ты и садишь! У насъ одинъ солдатъ до тѣхъ поръ наливался, пока раздуло его всего... Вытянулся, какъ жердь, ни рукъ ни ногъ не согнетъ, и пальцы этакъ вотъ разнесло...

— Такъ, такъ!

— Это такъ... У насъ въ деревнѣ такая примѣта: какъ пальцы окостенѣли, согнуть ихъ трудно—будя!.. Помрешь. Тутъ надо бросать.

— Наврядъ!—говоритъ кто-то.

Спустя долгое время начинается другой разговоръ, изображающій если не бѣдствія голоднаго желудка, то непремѣнно какія-нибудь бѣды рабочаго человѣка. Антонъ Ивановъ, невольно сдѣлавшись слушателемъ этихъ разгово-

ровъ, крайне завидовалъ терпѣнію, честности, покорности этого народа, при всемъ бѣдственномъ положеніи не идущаго на разбой, на который покусился онъ, Антонъ Ивановъ, не умѣющій ни за что взяться и отвыкшій отъ работы.

Изъ риги онъ ушелъ еще въ болѣе грустномъ состояніи духа, и всѣ дорожныя мысли его были направлены къ тому, чтобы изобрѣсти средства къ существованію по чести и совѣсти, не заставляя огорчаться ангела-хранителя. Но придумать ему ничего не удалось, кромѣ того, что лучшаго мѣста ему не найти...

А Провидѣніе уже пеклось о немъ. Еще со вчерашняго дня въ каморкѣ Павла Степаныча засѣдало новое лицо, явившееся съ болѣе занимательными изобрѣтеніями, чѣмъ всѣ эти вырѣзыванія коньковъ, щипаніе корпіи, битье мухъ и т. д. И въ то время, когда Антонъ Ивановъ, приближаясь къ Василькову, съ грустью помышлялъ о необходимости грабежа и погибели души, лицо это сидѣло за столикомъ противъ Павла Степаныча и метало карты, приговаривая довольно ласковымъ голосомъ:

— Это я пошелъ, теперь вы бейте... Ходите! Что-нибудь!.. Ну вотъ! вотъ и выиграли... Берите деньги—вотъ вы и выиграли, Павелъ Степанычъ... Тащите къ себѣ.

Павелъ Степанычъ съ радостью тащилъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

— Видите, какъ любопытно!.. Теперь ставьте вы... Ставьте вы 5 цѣлковыхъ... Гдѣ у васъ деньги-то? Не вставайте, не вставайте, вотъ я досталъ... Ну, ходите! Что-нибудь, все равно. Ну, вотъ я убилъ, мои 5 цѣлковыхъ, я беру. Видите?

Павелъ Степанычъ какъ будто сердился.

— Ничего, ничего, не сердитесь... Это такъ нужно—вы ихъ сейчасъ выиграете. Вотъ я пойду, а вы кройте. Покрыли? Вотъ и ваши!.. Видите, какъ любопытно?..

Отъ души смѣялся Павелъ Степанычъ.

— Ну, теперь ставьте двадцать пять цѣлковыхъ. Сидите, сидите—не бойтесь... я самъ.

Въ это время въ двери показалась унылая фигура Антона Иванова, рѣшившагося продолжать дѣло съ мухами.

Новое лицо тотчасъ же поднялось со стула, положило на минуту карты и быстрымъ движеніемъ къ двери вытѣснило Антона Иванова въ другую комнату.

— Ты что тутъ, каналья, шатаешься? — ошарашило его

лицо довольно энергическимъ голосомъ и трясеніемъ за шиворотъ.—Вы тутъ, канальи, грабежъ завели? Я твои всѣ знаю штуки, мошенникъ...

Антонъ Ивановъ затрепеталъ и къ ужасу узналъ въ новомъ искателѣ теплыхъ мѣстъ вчерашняго странника. Трясеніе за шиворотъ доказало ему, что душа его спасена; но видимое въ то же время ускользаніе изъ рукъ такого мѣста, какъ Павелъ Степанычъ, обидѣло его.

— Этотъ баринъ мнѣ отданы... Это мое... Я кормлюсь,— прошепталъ онъ.

— Кто тебѣ отдавалъ барина, каналья?

— Богъ!..—отвѣтилъ Антонъ Ивановъ.

— Я тебѣ покажу, шельмѣ, кто тебѣ отдалъ... Я васъ всѣхъ разберу... Гнѣздо завели? Богъ? Вонъ отсюда, каналья!—шумѣлъ гость.

Какъ обваренный кипяткомъ, уплелся Антонъ Ивановъ вонъ изъ барскаго дома и ясно увидалъ, что онъ опять безъ хлѣба, что счастье ушло... прозѣвалъ...

VI.

И это, дѣйствительно, случилось; новый гость—человѣкъ, видѣвшій свѣтъ настолько, что ему не оставалось нигдѣ прибѣжища за исключеніемъ постриженія въ монахи, человѣкъ, очевидно, прошедшій огонь, воду, мѣдныя трубы и чугунные повороты, человѣкъ благороднаго происхожденія и слѣдовательно просвѣщеннаго ума — сумѣлъ воспользоваться теплымъ мѣстомъ гораздо толковѣе, нежели простонародные бездѣльные неучи. Въ самое короткое время онъ забралъ всю васильковскую усадьбу въ ежовыя рукавицы. Павелъ Степанычъ былъ опутанъ помощью картъ. Карточныя волненія, сопряженныя съ деньгами, овладѣвали имъ сильнѣе, нежели мухи и коньки, въ тысячу разъ. Каждая сдача картъ приносила ему совершенно новыя ощущенія и каждую минуту волновала и занимала остатки умиравшаго соображенія. Память измѣняла ему настолько, что проигрыши—почти постоянные—легко изглаживались изъ нея ничтожнымъ выигрышемъ, который повергалъ его въ радость; хотя въ сущности самая игра была только швыряніемъ картъ безъ толку и разбору — и всѣ выигрыши и проигрыши совершались единственно по волѣ новаго гостя. Такъ былъ забранъ въ руки Павелъ Степанычъ; сытая челядь, готовая-было уже разбѣжаться, была сразу схвачена и остановлена на мѣстѣ помощью энергическихъ обѣ-

щаній новаго гостя вытащить всѣхъ ихъ наружу и раскрыть всѣ ихъ грабежи. Она невольно должна была служить новому барину, быть съ нимъ заодно и выжидать минуты. Мертвый домъ Павла Степаныча ожилъ, словно проснулся отъ сна; баринъ, поселившійся въ домѣ, не утолился отдаваніемъ приказовъ: начались обѣды въ залѣ, что̀ давно уже было брошено; появились гости, за которыми въ сосѣдніе уѣздные города отправлялись тарантасы, долгое время стоявшіе взаперти; появились въ комнатахъ молодыя дѣвки, послышался смѣхъ. Карточная игра шла на нѣсколько столовъ; открыты были погреба съ стариннымъ виномъ, о существованіи котораго прежніе жители и не подозрѣвали; на кухнѣ цѣлые дни стучали поварскіе ножи, въ столовой звенѣли тарелки, окна дома по вечерамъ ярко свѣтились, и по стекламъ двигались тѣни гостей, все старинныхъ пріятелей съ новымъ бариномъ или людей одного съ нимъ взгляда на вещи. За этой пробудившейся жизнью не слышно было шума вѣтра, стона флюгера, не замѣтно было смертоноснаго размаха часового маятника, не замѣтно было самого Павла Степаныча. Его видѣла въ замочную скважину двери только старушка, первая любовница. Глядя на его сѣдую голову съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ, виднѣвшуюся изъ толпы этого воронья, обступившаго со всѣхъ сторонъ глупенькаго старичка, она утирала тихонечко слезы и шептала: «разбойники, разбойники вы! каторжные! къ царю пойду... грабители».

— Это, видно, братъ, не по-нашему! — твердила полоненная челядь, запыхавшись въ хлопотахъ.

— По-благородному!.. Они вонъ какъ: «ангелъ, говоритъ, плачетъ!» Дураки мы!

— Именно такъ... Пойдемъ по міру!..

— Вѣрно, братъ, простой человѣкъ немного ухватитъ; хошь, можетъ, онъ и поумнѣй барина.

Эту послѣднюю фразу говорилъ Антонъ Ивановъ, который тоже не могъ уйти отсюда и занималъ скромную должность кучера, собиравшаго партнеровъ для новаго барина. Онъ не могъ забыть блистательнаго изобрѣтенія мухи и тосковалъ о себѣ теперь не въ смыслѣ погибающей души, а въ смыслѣ необыкновеннаго ума, погибающаго напрасно, которому не даютъ ходу.

«Придетъ мое время!»—думалъ онъ, лежа въ кухнѣ на печи и выжидая этого времени.

Этого времени всѣ дожидались съ нетерпѣніемъ.

Но не пришло это время, простому человѣку не пришлось разжиться здѣсь...

Незванный гость пировалъ мѣсяца три и затѣмъ внезапно исчезъ со всей компаніей, оставивъ послѣ себя такое опустошеніе, какого не могли произвести простонародные опустошители, захвативъ, что̀ пришлось: усадьба опустѣла, и пустота эта стала страшнѣй прежняго во сто разъ. Тоска Павла Степаныча достигла высшей степени, и у Антона Иванова, который еще надѣялся, мелькнула мысль возобновить выдумки; но каждая минута доказывала ему, что не онъ одинъ охотникъ до теплыхъ мѣстъ, что время приготовило цѣлыя массы народа, шатающагося безъ дѣла и привыкшаго даромъ ѣсть хлѣбъ. Вмѣсто крупнаго опустошителя, пронесшагося надъ Васильковымъ ураганомъ, стали прибывать опустошители второго сорта, что-то отставное, прожженное и нецеремонное. Все это шло на поживу и живилось. Уходили одни, приходили другіе...

«Нѣтъ, — сказалъ себѣ Антонъ Ивановъ:—надо искать другого мѣста, Богъ съ ними!»

Онъ распростился съ усадьбой и ушелъ искать счастья въ другое мѣсто.

Павелъ Степанычъ еще жилъ нѣкоторое время, оберегаемый старушкой, добравшейся если не къ царю, то-къ уѣздному исправнику. Начальство обратило вниманіе на расхищенную усадьбу старика, наняло караульщиковъ, и Павелъ Степанычъ былъ лишенъ всякаго общества. Изрѣдка только украдкою пробирался къ нему въ покой какой-нибудь человѣкъ неизвѣстнаго званія, съ гитарой въ рукѣ, садился на стулъ и, наигрывая кое-что, несказанно радовалъ этимъ старика.

— Пожалуйста! пожалуйста!—стоналъ онъ.

— Изъ «Троватора»-съ, Павелъ Степанычъ... «Трубадура»-съ...

— Да, да...

— Итальянская болѣе пьеса... — наигрывая, объяснялъ неизвѣстный человѣкъ и прибавлялъ:—жениться собираюсь, Павелъ Степанычъ... Спѣшить надо къ невѣстѣ... Не будетъ ли вашей милости...

Срыванія даяній были гораздо меньше, да, благодаря надзору, и посѣтители стали рѣдки. Зимнія вьюги, долгія зимнія ночи Павелъ Степанычъ переживалъ одинъ. Старушка разсказывала ему сказочки и по временамъ плакала... И никто, кромѣ нея, не помянулъ Павла Степаныча

добромъ или худомъ, когда онъ незамѣтно умеръ въ одну темную зимнюю ночь.

Прогулка.

I.

«...До свѣдѣнія моего дошло, что въ подгороднемъ селеніи Емельяновѣ, на постояломъ дворѣ, арендуемомъ —скимъ мѣщаниномъ Гаврилою Кашинымъ, производится незаконная продажа питей... почему, почтительнѣйше увѣдомляя ваше высокоблагородіе, поручаю вамъ произвести дознаніе...»

— Что̀ это? Опять въ деревню? — проговорила весьма изящная молодая дама, заглядывая черезъ плечо тоже весьма молодого мужа, читавшаго только-что присланную со сторожемъ бумагу.

— Да!..

— Вотъ тебѣ вмѣсто прогулки! Погода прекрасная... далеко это?

— Версты двѣ-три.

— Тебѣ надо пройтись... Ты засидѣлся... Что̀ это ты читалъ?

— Послѣднюю книжку журнала. Попалась преинтересная статья, не могъ оторваться.

— Ты пройдись, прогуляйся,—перебирая страницы журнала, говорила молодая супруга. — Ахъ, Тургеневъ! Что̀ тутъ его? Какъ мило!.. Непремѣнно прочту!.. Изъ народнаго быта?.. Прелесть...

— Десятскій дома?—переби́лъ молодой супругъ, отдыхая послѣ интересной статьи на кушеткѣ. — Надо разспросить, кто̀ такой этотъ Гаврила Кашинъ...

— Онъ тамъ въ кухнѣ... «Изъ Гейне»... Это что̀?—продолжала рыться въ книгѣ супруга: — «Пѣсня о рубашкѣ».

Она вздохнула и произнесла какъ бы въ раздумьѣ:

— Тебѣ нужно оштрафовать его?

— Кого?—съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ произнесъ мужъ, не видя въ мысляхъ супруги достаточной послѣдовательности.—Кого его?

— Мужика...

— Разумѣется, оштрафовать!

Чтобы не раздражать супруга, молодая дама прибавила:

— По крайней мѣрѣ отдохнешь!

II.

На слѣдующій день мужъ собрался на прогулку, которую предположено было совершить пѣшкомъ. Часовъ въ двѣнадцать дня онъ стоялъ среди двора съ сумкой черезъ плечо и шарилъ по карманамъ—все ли захватилъ.

— Да!—сказалъ онъ, обратившись къ женѣ, стоявшей на крыльцѣ:—пожалуйста, не отдавай Иванову газетъ. Непремѣнно затащатъ!.. Судебные уставы положила?

— Я положила въ портфель... Это съ золотымъ обрѣзомъ?

— Да... гдѣ они?.. Положила ли?..

— Посмотри въ портфель—кажется, положила!

— То-то, кажется!.. какъ это ты...

Десятскій, сопутствовавшій въ прогулкѣ, держалъ портфель подъ мышкой. Посмотрѣли—нашли.

— Здѣсь!—успокоившись, произнесъ супругъ.—Ну, все, кажется. Папиросы?

— Тутъ,—сказалъ десятскій.

— Ну, все... Прощай! Не скучай... Тамъ у меня есть «Одинъ въ полѣ—не воинъ»—превосходная штука: читай... Шпильгагена. Палку надо взять—тутъ воровъ много...

— Тутъ воровъ страсть!—сказалъ десятскій.

Пока ходили за палкой, къ путешественникамъ подошелъ молодой человѣкъ, исключенный изъ семинаріи риторъ, проживавшій на томъ же дворѣ въ нищетѣ и въ постоянномъ поруганіи со стороны родственниковъ.

— Иванъ Петровичъ,—сказалъ онъ:—позвольте мнѣ съ вами пройтись?

— Сдѣлайте одолженіе!

Риторъ поблагодарилъ, снявъ картузъ. Скоро была принесена палка, и черезъ полчаса общество все было въ полѣ. Былъ жаркій лѣтній день. Въ полѣ тишина. Риторъ шелъ съ десятскимъ, который разсказывалъ ему про воровъ.

— Отчего это?—спрашивалъ риторъ.

— Бѣдность, что̀ будешь дѣлать... Бабъ съ молокомъ—и то останавливаютъ.

Риторъ задумался. Прогуливающійся чиновникъ наслаждался природой и соображалъ планъ—какъ накрыть Гаврилу Кашина на мѣстѣ, въ самый моментъ незаконной продажи.

— Иванъ Петровичъ,—проговорилъ риторъ:—я съ вами хотѣлъ потолковать объ одномъ дѣлѣ.

— Что̀ прикажете?

— Да что̀—смерть моя... Я просто умираю съ тоски, да и ѣсть нечего... Не̂ можете ли вы мнѣ похлопотать черезъ знакомыхъ мѣстечка?

— Какого же мѣстечка?

— Я бы желалъ учительскаго... Это мнѣ болѣе по душѣ. Я знаю, что не даромъ возьму деньги: я люблю это дѣло...

— Я готовъ.

— Посмотрите—какое невѣжество, какая тьма кромѣшная! Неужели ужъ я тутъ хоть столько не сдѣлаю, хоть на волосъ? Надо же когда-нибудь серьезно отнестись...

— Разумѣется! — проговорилъ съ одушевленіемъ чиновникъ.

— Вѣдь сердце разрывается. Я знаю народъ, я готовъ работать безъ жалованья, лишь бы не умереть съ голода, — нужно пробуждать въ народѣ хорошія качества... Они есть...

Риторъ воодушевился и на всѣ изліянія своей души получалъ со стороны прогуливающагося чиновника самыя сочувственныя слова.

«Что̀ за человѣкъ! — думалъ риторъ. — Есть люди! Есть!..»

Во время этого благороднѣйшаго разговора они подошли къ кабаку, стоявшему на полдорогѣ имъ.

— Здѣсь надо разспросить, — проговорилъ чиновникъ, окончивъ какую-то благороднѣйшую фразу:—они вѣдь прячутся, канальи... Ты,—прибавилъ онъ, обратившись къ десятскому:—не входи съ портфелемъ-то!.. Останься тутъ!

Риторъ нѣсколько изумился, но, сообразивъ, что предъ нимъ благороднѣйшій человѣкъ, тотчасъ же и успокоился.

Въ кабакѣ за стойкой сидѣла молодая женщина и дремала. Маленькая каморка была оклеена разношерстными лоскутками обоевъ, между стойкой и стѣной стояли бочки вина; въ воздухѣ пахло водкой и носились мухи.

— Здравствуйте!—ласково сказалъ чиновникъ.

Хозяйка тоже отвѣтила ласково.

— Пиво есть у васъ?

— Есть, да нехорошо.

— По крайней мѣрѣ холодное ли?

— Холодное-то холодное... да вы отвѣдайте.

— Пожалуйста.

Хозяйка ушла. Чиновникъ оглядѣлъ стѣны — патентъ былъ.

— Тутъ есть патентъ,—сказалъ онъ ритору шопотомъ.

Тотъ смотрѣлъ на чиновника съ любопытствомъ.

Скоро въ комнату вошла старуха, оказавшаяся матерью хозяйки, и, низко наклонивъ голову въ знакъ поклона, стала у двери молча. Повидимому, она тотчасъ хотѣла уйти, однако не ушла и поминутно переводила глаза съ одного гостя на другого, съ большимъ искусствомъ скрывая передъ ними свою внимательность къ поступкамъ и словамъ господъ.

— Далеко ли тутъ до Емельянова?

— До Емельянова тутъ недалеча. Близехонько, батюшка... Да вамъ на что же, батюшка?

— Такъ... Просто пройтись.

Старуха степенно наклонила голову въ знакъ согласія.

Принесли пиво.

— Пиво ничего,—сказалъ чиновникъ.—А гдѣ у васъ тутъ еще пиво есть?

— Въ Бучиловѣ, — проговорила съ разстановкой старуха:—верстъ за двадцать... не ближе...

— А въ Емельяновѣ?—простодушно произнесла дочь.

— И гдѣ тамъ въ Емельяновѣ?—глядя прямо въ глаза дочери, съ легкой усмѣшкой сказала старуха.—Да тамъ и кабаковъ-то нѣту.

Чиновникъ побалтывалъ ногой и слушалъ, разсматривая картинку.

— Кабы ежели кто торговалъ тамъ,—шамкала старуха, и риторъ замѣтилъ, какъ глаза ея оживились и стали строги.—Ишь, они гуляютъ, имъ нешто что̀!..

Дочь притихла.

— Нѣтъ, мы просто такъ, для прогулки,—проговорилъ чиновникъ.—Вонъ баринъ хочетъ въ лѣсу погулять,—прибавилъ онъ, указавъ на ритора.

— Что-жъ, теперь ладно вамъ погулять...

— А скажите,—съ невинностью младенца произнесъ чиновникъ:—есть тутъ лѣса?

— Такъ, кусточки есть, а такъ, чтобы лѣсовъ—нѣту.

— Намъ хоть и кусточки... Намъ тѣнь нужна...

Женщины кивнули дружно въ знакъ согласія и обмѣнялись взглядами. Скоро чиновникъ расплатился и вышелъ. Что̀ ему нужно было узнать—онъ узналъ и, выйдя на улицу, не церемонясь, полѣзъ въ портфель — поглядѣть, тутъ ли карандашъ и уставы,—не обративъ почти никакого вниманія на испугъ провожавшихъ его женщинъ.

— Погуляйте, погуляйте,—говорила старуха въ большой тревогѣ:—въ лѣсочкѣ теперь хорошо...

— Намъ бы хоть въ кусточки...—бормоталъ чиновникъ, записывая что-то.—Теперь тамъ чудесно... Прощайте...

— Счастливо.

— То-то у тебя языкъ-то...—послышался ритору голосъ старухи.

— У-у, канальи!..—шепталъ ему чиновникъ.

Риторъ вытаращилъ глаза.

III.

При началѣ д. Емельяновки стоялъ кабакъ, въ которомъ происходила торговля виномъ на законномъ основаніи. Чиновникъ вознамѣрился получить здѣсь самыя точныя свѣдѣнія о Гаврилѣ Кашинѣ, торговавшемъ въ томъ же селеніи—только на другомъ концѣ, въ одиноко стоявшемъ постояломъ дворѣ.

Былъ жаркій полдень; деревушка была пуста, только воробьи безмолвно, какъ пули, перелетали съ крыши на крышу. Большія кабацкія сѣни, предназначенныя для посѣтителей, были пусты. Внутри кабака за стойкой стоялъ маленькій горбатый хозяинъ, навалившись выпяченною уродливою грудью на стойку, и велъ бесѣду съ подгулявшимъ отставнымъ солдатомъ. Бесѣда его была весьма оригинальна: онъ отвѣчалъ, повидимому, на всѣ вопросы солдата, соглашался, возражалъ, но, въ сущности, не говорилъ ничего и не совсѣмъ даже слышалъ солдатскія рѣчи. Это особаго рода языкъ, въ которомъ съ такимъ искусствомъ употребляютъ слова: «къ примѣру», «а то какъ же», «въ акуратѣ», «ишь» и т. д. Солдатъ тотчасъ вытянулся передъ чиновникомъ и весело произнесъ: «здравія желаю, ваше высокоблагородіе». Встрѣча съ начальствомъ ему, очевидно, была пріятна, и когда чиновникъ, потребовавъ себѣ воды, сѣлъ на лавку отдохнуть, солдатъ тотчасъ же приступилъ къ нему съ разсказомъ какой-то длинной исторіи о старомъ баринѣ, о томъ, какъ любило его начальство, о смотрахъ, о новомъ баринѣ, у котораго онъ служилъ лѣсникомъ, о своей исправности въ лѣсномъ дѣлѣ и т. д. Вытащилъ какую-то бумажку изъ сапога, подалъ ее чиновнику и съ почтительностью стоялъ въ отдаленіи, пока чиновникъ разбиралъ ее: «Объявленіе. Навалилъ лѣсу на маладятникъ на сорокъ сажонъ и на мой вопросъ какъ маладятникъ господскій то сопротивлялся...» Затѣмъ онъ за-

велъ рѣчь о томъ, какъ трудно съ народомъ, какъ его хотятъ убить за то, что онъ не идетъ расхищать барскаго двора, и что поэтому приходится постоянно стрѣлять въ самовольныхъ порубщиковъ.

— Какъ стрѣлять? — съ волненіемъ спросилъ риторъ, молча курившій въ углу.

— Я, вашскбродіе, въ ноги ихъ бью, мужиковъ. Плюнешь ему бакасинникомъ въ это мѣсто, убить не убьешь, а зачешется... хе-хе!

Риторъ пускалъ клубы дыма и молчалъ.

Чиновникъ, напротивъ, говорилъ солдату «д-да...», «ничего не подѣлаешь...», посмѣивался и вообще выказывалъ ему благосклонность. Эти выказыванія благосклонности весьма ободрили солдата. Онъ вытянулся во весь ростъ и пропѣлъ:

Мы съ героемъ дѣти славы,
Дѣти бѣлаго царя,
Есть у насъ своя семейка
Невеличка и добра;
Съ нею жизнь для насъ копейка,
Сухарь, чарка и ура!!

Благосклонно выслушавъ пѣніе и одобривъ солдата, прогуливающійся чиновникъ прямо приступилъ къ кабатчику съ разспросами. Кабатчикъ радъ былъ утопить конкурента и съ присовокупленіемъ разныхъ смягчающихъ словъ, которыя ровно ничего не значили, въ родѣ: «конечно...», «не наше дѣло...», «а что надо говорить прямо...», «точно что...», «не по закону...», весьма обстоятельно обвинилъ Кашина. Солдатъ поддакивалъ, говоря: «Какъ же можно?.. это не порядокъ!.. нѣтъ, братъ!.. что тебѣ по закону, то и получай, а что не по закону... У насъ, вашскродіе, въ полку...»

Чиновникъ поднесъ солдату водки; это еще болѣе оживило его и пробудило всѣ чувства подчиненнаго при видѣ начальства. Приступлено было къ составленію плана нападенія на Гаврилу Кашина такъ, чтобы онъ не зналъ, не вѣдалъ, такъ, чтобы захватить его на мѣстѣ преступленія... Риторъ сидѣлъ въ углу и изумлялся, какъ можетъ столь благороднѣйшій человѣкъ, котораго дома ожидаютъ самые послѣдніе нумера журналовъ, выказывать такое предательство относительно ближняго, разспрашивать и разузнавать о томъ, когда лучше всего можно напасть на Гаврилу Кашина, подкупать даже рюмкою водки солдата, чтобы онъ пошелъ къ Гаврилѣ, потребовалъ бы стаканчикъ вина и

затѣялъ бы съ нимъ разговоръ, не прикасаясь къ стакану до тѣхъ поръ, пока не явится неожиданно чиновникъ.

Солдатъ спьяну соглашался на все. Положено было десятскому и солдату идти впередъ, а чиновникъ пойдетъ за ними кустами, стороной. Солдатъ получилъ гривенникъ.

Сначала онъ бодро и храбро пошелъ впередъ. Вслѣдъ за нимъ слѣдовала вся компанія; водка и жара сильно разгорячили солдата, посреди деревни попался колодецъ, всѣмъ захотѣлось пить. Солдатъ попросилъ позволенія опустить ведро.

— Сдѣлай милость,—съ добродушіемъ разрѣшилъ ему чиновникъ.

Холодная вода освѣжила солдата. Онъ вытерся рукавомъ и попросилъ позволенія отдохнуть. Ему позволили. Поглядѣлъ онъ на постоялый дворъ, виднѣвшійся вдали, близъ самаго лѣсу, вспомнилъ, быть-можетъ, что Гаврила и ему отпускалъ стаканчикъ, и, обратившись къ чиновнику, сказалъ:

— Ваше благородіе! а вѣдь теперь наврядъ мы застанемъ Гаврилу-то...

— Ну вотъ!—сказалъ чиновникъ.

— Право, наврядъ...

Солдатъ, нѣсколько опомнившись отъ холодной воды, понялъ, что втянули его въ непутевое дѣло...

— Право, вашскродіе... Онъ теперь, Гаврила-то...

— Ну, что̀ тамъ!—сказалъ чиновникъ, стараясь не замѣчать волненія солдата:—долго ли тутъ дойти?..

— По мнѣ—какъ угодно... Я готовъ. Я что-жъ... Ваше благородіе!—воскликнулъ солдатъ.—Отпустите меня въ городъ!

— Ты потомъ и пойдешь... Вѣдь тутъ одна минута.

— Ваше благородіе, у меня дѣла-съ!.. Я при дѣлѣ!..

— Ну что̀, пустяки!.. Пойдемъ-ка... Мы сейчасъ все кончимъ.

— Я усталъ!—сказалъ солдатъ и сѣлъ.

Солдатъ снялъ картузъ, отеръ мокрый лобъ, поглядѣлъ по сторонамъ, какъ пойманный заяцъ, всталъ съ бревна, валявшагося около колодца, потомъ сѣлъ опять... Чиновникъ, десятскій и риторъ сидѣли на бревнѣ неподалеку и молчали.

— Отдохнулъ?—спросилъ чиновникъ.

Солдатъ поднялся и сказалъ съ умиленіемъ:

— Ваше благородіе!

— Ну, будетъ, будетъ, не задерживай!

— Сдѣлайте милость!..

— Пойдемте, пойдемте! что̀ тутъ раздабаривать?.. Пора!.. Ну-ка, десятскій, идите впередъ...

Чиновникъ поспѣшно направился въ сторону, намѣреваясь пройти задами и тщательно наблюдая за солдатомъ. Да и десятскій тоже наблюдалъ за нимъ.

— Что̀ сталъ?—сказалъ ему десятскій.

— Эхъ, въ какое дѣло вкатили меня!..

— Чортъ тебѣ велѣлъ...

— Э-эхъ!..

— Дубина!

— Э-эхъ... въ какое дѣло!..

— Ну, пойдемъ... разговаривай теперь!

— Надо идти-то... Вотъ, поди тутъ; шелъ человѣкъ въ городъ тихо-благородно, ничего не зналъ, не вѣдалъ... Хвать! въ какое дѣло!..

— Ума-то у тебя нѣту. Я иду неволей. Порядокъ требуетъ, а тебя-то черти пихаютъ услуживать. Солдатская кость откликнулась! Пойдемъ! Иди, что-ль?

Солдатъ махнулъ рукой и съ горестью, съ неохотою тронулся далѣе.

— Эй! Эй!—доносился къ нему голосъ чиновника.

— Эхма!—убивался солдатъ, съ каждой минутой убѣждаясь въ гнусности своего поступка.—Убѣчь бы?—шепнулъ онъ десятскому

— Такъ я тебѣ и далъ убѣчь... Иди-ка, иди... теперь, братъ, не уйдешь!.. Иди-ка, охотникъ!

— Не уйдешь!—бормоталъ солдатъ, подвигаясь помаленьку.

Онъ никакъ не могъ не исполнить приказанія и невольно шелъ впередъ, чувствуя вполнѣ, что дѣлаетъ подло. Иногда онъ вдругъ останавливался — объявлялъ, что ему нужно закурить папиросу, принимался дергать спичкой по колѣну, по рукаву, и видимо старался протянуть это дѣло: спички не горѣли или гасли, окурокъ попадалъ не тѣмъ концомъ въ ротъ; но, при всей его изобрѣтательности, онъ не могъ долго протянуть эти отвлекающія отъ цѣли эволюціи и, воскликнувъ съ горестью:—«Эхъ, въ какую вбухали исторію!.. Эхъ, куда всадили...»—долженъ былъ идти.

Гаврила Кашинъ былъ въ это время дома; домъ, или постоялый дворъ, стоялъ на пригоркѣ, отдѣльно отъ деревни, по другую сторону оврага, близъ проселочной дороги, под-

нимавшейся изъ оврага на пригорокъ; домъ былъ длинный, но ветхій, оконъ въ девять, раздѣленный въ срединѣ крыльцомъ; бо́льшая часть оконъ была заколочена... Гаврила Кашинъ стоялъ за прилавкомъ въ пустой горницѣ, гдѣ нахло водкой, щелкалъ на счетахъ и соображалъ; на полкахъ, предназначенныхъ для водочной посуды, не было ничего; вмѣсто штофовъ и другой посуды лежали баранки, булки и другіе невинные предметы. Жена Гаврилы, мѣщанка, въ ситцевомъ нѣмецкаго покроя платьѣ, сидѣла на крыльцѣ и вязала чулокъ; около ея ногъ и вокругъ крыльца бѣгали и ползали полураздѣтыя дѣти съ измазанными лицами и лежало штукъ шесть собакъ, безъ которыхъ трудно обойтись человѣку, поселившемуся на юру, въ сторонѣ отъ жилья. Собаки эти были вѣрные хранители хозяина: онѣ принялись лаять, когда десятскій и солдатъ были еще на горѣ, шаговъ за полтораста отъ двора. Необходимымъ оказалось, прежде нежели идти далѣе—сломать въ кустахъ по большой палкѣ, и только съ помощью ихъ они могли добраться до крыльца, гдѣ хозяйка прикрикнула на собакъ.

— Цыть вы!.. Свои идутъ, о, дураки...

Собаки повѣрили и стали обнюхивать пришедшихъ, виляя хвостами.

— Здорово!—сказалъ солдатъ.

— Здравствуй! Что̀ давно не былъ? — спросила дворничиха.

— Дѣла,—угрюмо и коротко отвѣтилъ солдатъ.—Дома Гаврила-то?

— Въ горницѣ.

— Водочки бы надо...

— Ишь, торговать-то боимся... Поди, войди туда!..

Солдатъ вошелъ къ Гаврилѣ, который продолжалъ сводить счеты; десятскій присѣлъ отдохнуть на крыльцѣ. Угрюмо поздороввшись, солдатъ спросилъ винца; Гаврила досталъ штофъ изъ подполья, налилъ ему стаканчикъ и поставилъ штофъ въ сохранное мѣсто.

— Ухъ, братецъ ты мой, жарко какъ!—сказалъ солдатъ, не прикасаясь къ стакану, и медленно отиралъ потъ со лба.

— Я отъ жары-то отъ этой самъ не знаю куда дѣться,— говорилъ Гаврила, тыкая карандашомъ въ языкъ и выводя въ книгѣ какія-то каракули.—Пятый день бьюсь со счетами — толку нѣтъ никакого... Разорился, кажется, весь до тла...

— Что̀ ужъ такъ, до тла-то?..

— Да такъ и разоришься... Нанималъ дворъ у барина на совѣсть,—видишь ты, — ему деньги даны, а баринъ-то, надо-быть, замотался, да окромя меня и другому на бумагѣ отдалъ: получать, молъ, ему съ Кашина аренду... тотъ теперь и ломитъ съ меня двѣсти цѣлковыхъ, а не то—другому отдамъ: другіе, вишь, больше даютъ... Я съ бариномъ не за двѣсти ладилъ; за что ладилъ, почесть все отдано ему, а теперь вотъ на, возьми!.. Велики тутъ барыши—двѣсти-то цѣлковыхъ ему платить... Смерть одна!

— Ты бы къ барину-то!..

— Гдѣ его, барина-то, искать? Его и слѣдъ простылъ. Его ужъ болѣ полугода нѣту въ городѣ—вишь, въ Питерѣ, либо въ заграницѣ.

— Ахъ, братецъ ты мой!..

— Пойдешь съ сумой, право слово, пойдешь...—говорилъ Кашинъ, задумавшись и оставивъ на время книгу.

— Ты, Гаврила,—началъ солдатъ, оглядываясь:—я тебѣ вотъ что... противъ тебя завели махину...

— Какую?

— Я тебѣ буду говорить вотъ какъ...

Солдатъ, оглянувшись на дверь, хотѣлъ-было продолжать свою рѣчь, но на порогѣ показался чиновникъ. Солдатъ замеръ на мѣстѣ и вытянулъ руки по швамъ.

— Богъ на помощь!—сказалъ чиновникъ.

— Здравія желаю, вашскбродіе!—не удержался солдатъ.

— Здорово, любезный!.. Это вода въ стаканѣ?

— Водка, вашскбродіе!

— Здѣсь развѣ торгуютъ водкой? — устало проговорилъ чиновникъ, опускаясь на лавку.— Гдѣ же у васъ патентъ?

Воцарилось мертвое молчаніе.

— Десятскій!—позвалъ чиновникъ.

Хозяинъ бросился было изъ-за стойки, чтобы позвать десятскаго и услужить такимъ образомъ чиновнику, но послѣдній съ истинной вѣжливостью предупредилъ его.

— Не трудитесь, пожалуйста, прошу васъ, не безпокойтесь... Позвольте просить у васъ чернилъ.

Хозяинъ засуетился, поискалъ чернилъ на полкѣ, подъ лавкой, побѣжалъ къ женѣ, разогналъ кучу ребятъ, столпившихся въ сѣняхъ.

— Напрасно вы такъ... Благодарю васъ!..—сказалъ чиновникъ.—Ваше имя и фамилія?

— Гаврила Кашинъ...

Началось писаніе протокола. чернильницу подавалъ самъ

хозяинъ, желавшій отвѣтить тою же вѣжливостью, которую оказывали ему. Оправдываться, просить, предлагать помириться—онъ и не думалъ, ибо вполнѣ понималъ, что теперь «не то время», что настала такая вѣжливость, отъ которой нѣтъ никакого спасенья. Отвѣчая на вопросы чиновника, онъ въ то же время старался подать ему спичку, чтобы закурить папироску, совѣтовалъ взять другое перо, такъ какъ въ этомъ мало росчерку; съ своей стороны чиновникъ, выводя предложеннымъ перомъ фразы, въ родѣ: «незаконная продажа вина, что̀ по силѣ... статьи... устава о наказаніяхъ...» и т. д., предлагалъ мимоходомъ самые доброжелательные вопросы:

— Семейство ваше при васъ?

— При себѣ имѣю...

— Много ли дѣтокъ?

— Пять человѣкъ.

— Слава Богу!

— Благодареніе Богу!.. Это муха тамъ въ чернилахъ... Самый махонькій хвораетъ все... Не знаемъ, какъ быть...

— Вы бы къ доктору...

— Гдѣ у насъ доктора найдешь?.. Да надо!..

— Этого оставлять такъ нельзя, болѣзнь можетъ развиться... Имѣете ли имущество?..

— Лошадь имѣю...

— Мнѣ слѣдуетъ,—съ иронической улыбкой сказалъ чиновникъ:—слѣдуетъ съ васъ получить пятьдесятъ цѣлковыхъ за то, что я васъ открылъ.

Ироническая улыбка, относившаяся къ самому факту полученія этихъ 50 р., играла на устахъ чиновника.

— Я знаю-съ! Лошадь имѣю... Песочку?—Сію минуту.

— Не безпокойтесь... не безпокойтесь, пожалуйста... Засохнетъ и такъ...—махая написаннымъ листомъ и дуя на него, говорилъ чиновникъ.

— Потрудитесь подписать.

Гаврила Кашинъ подписалъ свою фамилію.

— Благодарю васъ. А у васъ, должно-быть, здѣсь хорошо лѣтомъ въ лѣсочкѣ-то?

— У насъ мѣсто хорошее...

— Я думаю, для дѣтей... Имъ здорово...

— Конечно, что... На вольномъ воздухѣ...

— Да... это очень хорошо!.. Ну-ка, любезный,—обратился чиновникъ къ солдату:—потрудись, пожалуйста, подписать твою фамилію. Ты былъ свидѣтелемъ.

— Я, ваше высокоблагородіе, неграмотенъ. Ужъ вы меня, сдѣлайте милость, увольте отъ этого...

— Какъ неграмотенъ? а ты же показывалъ мнѣ объявленіе!

— Ваше благородіе! Сдѣлайте милость! Шелъ я въ городъ... Сдѣлайте одолженіе, отпустите!

— Нельзя, другъ мой. Потрудись подписать и иди...

— Все одно ужъ...—сказалъ хозяинъ солдату.

— Разумѣется,—подтвердилъ чиновникъ.

Солдатъ поглядѣлъ на нихъ обоихъ.

— Вотъ въ какое дѣло попалъ, ваше благородіе... Богъ съ вами!

Онъ засучилъ рукавъ, снялъ шапку, взялъ перо и сталъ прилаживаться писать.

— Что̀ писать? Я ничего не могу.

— Ну, ты эти разговоры однако оставь, — сказалъ ему чиновникъ серьезно. — Пиши имя и фамилію. Какъ тебя звать?

— Я ничего-съ... къ слову... Эхма-а!.. Имя, что ли?

— Имя и фамилію.

Солдатъ писалъ долго, наконецъ кончилъ, весь красный и въ поту.

— Ну вотъ, теперь ступай.

— Мнѣ теперь и идти-то неохота... Всадили вы меня, ваше благородіе, въ ха-арошее бучило!.. Извините...

Чиновникъ засмѣялся, хозяинъ тоже улыбнулся.

— Въ отличнѣйшее бучило всучили...

Чиновникъ захохоталъ этому оригинальному выраженію и сказалъ солдату:

— Ты водку-то выпей.

— Я и коснуться ея боюсь...

— Пей. Чего же?

— Ну ее къ Богу! Вы теперича такъ благородно рекомендуете, а какъ выпьешь — завертишься какъ кубарь... Подведете бумагу, всю жизнь проклянешь! Ну ее къ Богу!

— Ну, какъ хочешь. Десятскій, пей!

— Благодаримъ покорно. Не потребляемъ.

— Ну, какъ угодно. До свиданія!

Хозяева провожали чиновника.

— Счастливо, вашскбродіе,—не утерпѣлъ сказать солдатъ, и когда чиновникъ, вѣжливо раскланявшись съ хозяевами и съ солдатомъ, отдѣлился отъ крыльца въ сопровожденіи десятскаго,—прибавилъ:

— Попалъ въ кашу, нечего сказать.

— Спасибо тебѣ, другъ любезный,—сказалъ ему Кашинъ, поблѣднѣвъ.

— Гаврила!

— Благодаренъ тебѣ, что ты меня разорилъ!

— Гаврилушка, родной!—началъ-было солдатъ, но Гаврила и жена не отвѣчали ему. Солдатъ съ глубокимъ порывомъ сердечной грусти махнулъ рукой и сѣлъ. Словно пришибленные сидѣли они долго-долго...

— Какая прелесть!—сказалъ чиновникъ, догоняя ритора, который все время держался въ сторонѣ и во взглядѣ котораго чиновникъ могъ замѣтить ужасъ.—Посмотрите, что это за прелесть!..

По косогору, открывшемуся передъ прогуливавшимися, двигалась съ граблями въ рукахъ цѣлая фаланга женщинъ, разодѣтыхъ въ лучшія платья, яркіе цвѣта которыхъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали яркой картинѣ природы—зелени, солнцу.

Риторъ ничего не отвѣчалъ.

Скоро женщины столпились въ кучу, и раздалась пѣсня; прогуливавшійся чиновникъ приблизился къ пѣвцамъ и нѣкоторое время наслаждался молча; но такъ какъ неподалеку стоялъ староста, наблюдавшій за бабами, то чиновникъ обратился къ нему съ вопросомъ насчетъ Гаврилы Кашина: можетъ ли онъ уплатить штрафъ?—затѣмъ прилегъ на траву, похвалилъ цѣлебныя свойства полевого воздуха и развернулъ судебные уставы.

Пѣсня упала...

— Пойте, пойте!—поощрялъ чиновникъ, перелистывая уставъ о наказаніяхъ.

Но хоръ косился на него и слабѣлъ.

— Пойте, пожалуйста,—просилъ любитель природы.

Но, несмотря на гуманнѣйшее обращеніе путешественника съ поселянками, послѣднія мало-по-малу разбрелись, не докончивъ пѣсни...

— Пора домой, — сказалъ наконецъ чиновникъ молчавшему ритору.—Я думаю, теперь получились газеты... Съ нетерпѣніемъ жду.

Риторъ молчалъ.

— Не-сегодня-завтра,—шопотомъ прибавилъ чиновникъ:—во Франціи должна вспыхнуть революція... Вотъ штука-то будетъ!.. Давно пора!

Риторъ все молчалъ, соображая, что все это значитъ. Какъ назвать, какъ опредѣлить эту гуманность, образованность, которая повсюду вноситъ съ собой уныніе и грусть?.. Вонъ съ измученной совѣстью сидитъ на крыльцѣ солдатъ... Вонъ вздыхаетъ цѣлая семья мѣщанина Кашина, видя передъ собою голодъ... Бабы перестали пѣть... ушли...

— Иванъ Петровичъ!.. — сказалъ наконецъ риторъ, когда они возвращались домой.

— Что?

— Какъ же вы... какъ же...—теряясь въ возможности опредѣлить видѣнное, лепеталъ риторъ и вдругъ воскликнулъ:

— Да что-жъ это такое вы дѣлаете?

— Порядокъ, батюшка, нельзя!—категорически отвѣтилъ чиновникъ и продолжалъ дорогу молча, срывая васильки и цвѣты и сбирая изъ нихъ букетъ для жены.

Тяжкое обязательство.

...Дождь только-что миновалъ; по небу безпрерывно неслись толпы обезсилѣвшихъ жидкихъ тучъ, которыя изрѣдка на быстромъ бѣгу своемъ роняли нѣсколько капель на землю, на гнилой подоконникъ моей каморки, и проносились мимо. Въ открытое окно иногда врывались волны сырого вечерняго вѣтра, шевелили какую-то бумажку на столѣ и поталкивали тоже гнилую съ выболтавшимся замкомъ дверь. Дѣло происходило на бѣднѣйшемъ постояломъ дворѣ бѣднѣйшаго уѣзднаго города. Я сидѣлъ на жесткомъ, неудобномъ диванѣ, слушалъ, какъ замираетъ ворчанье кособокаго самовара, пошатывавшагося отъ вѣтру на кособокомъ желѣзномъ подносѣ, курилъ и, кажется, ни о чемъ не думалъ. Въ окно виднѣлся плетень, за колья котораго хватается какой-то солдатъ, намѣревающійся пробраться сухой тропинкой и не попасть въ грязь... За заборомъ, гдѣ-то вдали, видна какая-то мокрая соломенная крыша; двѣ промокшія вороны съ глухимъ карканьемъ поднялись-было надъ нею, но тотчасъ же и возвратились въ свои норы... За мокрой соломенной крышей—тучи и тучи... Тяжесть какая-то, которую испытываешь именно только подъ вліяніемъ этихъ крышъ, воронъ, грязи и разоренья, вѣющаго отъ всякой

русской глуши, наваливалась на меня вмѣстѣ съ темнотою, сумракомъ дождливаго лѣтняго вечера... Безконечнымъ какимъ-то одиночествомъ вѣялъ и этотъ сырой, молчаливый вѣтеръ и полузаглохшая комната постоялаго двора...

— Откушали чай, батюшка?—съ кашлемъ спросила меня ветхая и грязная старуха, входя въ комнату.

— Убирай!—сказалъ я.

Старуха стала осторожно подходить къ самовару, стараясь какъ можно аккуратнѣе ступать своими большими мужичьими сапогами. Покашливая и тяжело дыша, при чемъ въ груди ея что-то хрипѣло, напоминая испорченные деревенскіе часы, стала она убирать чашки, собирать съ окна и стола ложечки и блюдца въ одно мѣсто, и въ это время я замѣтилъ, что она какъ будто плачетъ: нѣсколько разъ она касалась концомъ грязнаго фартука своихъ глазъ и какъ будто бы слегка всхлипывала. Сначала мнѣ показалось, что это съ холоду; но когда старуха утерла фартукомъ носъ, то я уже не сомнѣвался, что она плачетъ, ибо она такъ обошлась съ своимъ носомъ, какъ это дѣлаютъ только горько плачущіе люди.

Слезы старухи, благодаря грустному расположенію духа, навѣянному вечеромъ, погодой и обстановкой комнаты, тотчасъ же отдались во мнѣ.

— Ты о чемъ плачешь?—спросилъ я.

Старуха всхлипывала и, не отвѣчая мнѣ, перебирала блюдца и ложечки... Я думалъ, что это сердитая, должно-быть, старуха, что она не отвѣтитъ мнѣ, и не повторилъ моего вопроса; но она, помолчавши нѣсколько секундъ, какъ-то отрывисто, захлебнувшись слезами, сказала:

— Жалко!..

И тотчасъ же опять утерла носъ.

— Кого же тебѣ жалко?—спросилъ я.

— Да барыню свою очень жаль!

Корявые пальцы старухи не позволяли ей сразу справиться съ чайнымъ приборомъ; она попробовала-было взять чашки, и подносъ, и самоваръ—все вмѣстѣ, но съ подноса и блюдечка вдругъ полилась на полъ и столъ вода; старуха принуждена была снова поставить все на прежнее мѣсто и стараться принять посуду какъ-нибудь на другой манеръ, поудобнѣе...

— Погляди-ка-сь,—бормотала она:—какъ заливается-то, головушка!.. Глянешь - глянешь на нее, да и сама въ слезы... Головушка бѣдная!.. Чать, видѣлъ, недавишь повозка тутотко проѣхала?..

— Видѣлъ!

— Ну,—барыня это... Я—ея крѣпостная бывшая, сорокъ пять годовъ у ея выжила... мнѣ это извѣстно, какая у нея ангельская душа... Какъ увижу—кажется бы, въ гробъ мнѣ легче лечь, нежели чѣмъ муку ея видѣть... Вонъ теперича въ городъ ѣздитъ — поди-ка-сь, полюбуйся, какого сладко причитаетъ!..

— Да что̀ такое съ ней случилось?

— Да вотъ то̀ вотъ, что погубили ее! Разбойникъ одинъ, мошенникъ! Больше ему и званія нѣту—душегубъ. Чтобъ ему и съ чугуномъ-то со своимъ — чугунную, вишь, дорогу велъ, черезъ барыню, черезъ землю... Кто-жъ его зналъ, кровопійцу? Ему въ душу не влѣзешь, тоже чиновникъ прозывается...—«Кто вы такіе будете?»—«Я, говоритъ, путей сообщенія...»

— Кто?

— Путей, говоритъ, сообщенія... — «Какое ваше будетъ званіе?»—тоже какъ у добраго человѣка спрашиваемъ... А какое его званіе? Чортъ! Вотъ ему и чинъ его весь, прости Господи.

Старуха, видимо, была разсержена. Она нѣсколько разъ обхватывала рукой самоваръ, чтобы унести; но негодованіе до того было сильно, что его требовалось разрѣшить не исполненіемъ своихъ обязанностей, а чѣмъ-нибудь постороннимъ—обстоятельнымъ разговоромъ, чьимъ-нибудь участіемъ...

— Что̀ такое? обидѣлъ онъ ее въ чемъ-нибудь? — спросилъ я.

Старуха какъ будто бы не слышала моего вопроса и съ сердцемъ сказала:

— Кабы на васъ, на мужчинъ, управа была, а то нѣту управы-то на васъ!.. Вотъ изъ-за чего!.. Съ нами, съ женщинами,—такъ нельзя! У насъ отъ покойника, отъ барынинаго мужа, бумага была особенная, гербовая... чтобы ни Боже мой—замужъ не выходить... «Хоша я и умираю, отхожу, ну, чтобы супруга моя была зачислена за мной, за упокойникомъ, но ежели, когда ежели она замужъ посмѣетъ... Чтобы вдовѣла безпримѣнно по честности своей... А то всего имущества, которое, напримѣръ, имѣніе, — то я ее всего лишу...» Видишь вотъ? Такъ намъ нельзя было себя допущать... Намъ это невозможно какъ-нибудь... У насъ первое дѣло—контрактъ бариновъ, а второе дѣло—стыдъ; такъ мы съ барыней-то ровно на цѣпяхъ были привязаны, какъ со-

баки какія... И мой-то мужъ въ отлучкѣ въ Бисарабіи былъ... Такъ-то, родной!.. Такъ ужъ мы какъ старались!.. Барыня молодая, я женщина въ ту пору молодая была—какъ безпокоились-то!.. У насъ, бывало, всѣ окны занавѣшены, всѣ двери на запорахъ, на крюкахъ желѣзныхъ, заборы эва какими гвоздищами оковали... Намъ нельзя какъ-нибудь себя допускать, мы — женщины... И что-жъ? Слава Богу было!.. Запремся на крюки, на запоры, всего у насъ довольно, сидимъ мы, чаекъ попиваемъ, сердце у насъ веселое, потому думаемъ:—«Вотъ мы, слава Богу, по честности живемъ, законъ супруговъ соблюдаемъ», и таково намъ чудесно, легко... А чуть ежели—сейчасъ мы панихиду по покойнику... Часто у насъ служеніе было... Жили мы честно, благородно и вѣкъ бы свѣковали, коли бы этого путей сообщенія не принесло... Охъ, ужъ и накажетъ его Богъ!

— Да что̀ же такое онъ сдѣлалъ?

— Тьфу! вотъ что̀!.. Ну, позвольте васъ спросить, ну, вотъ вы проѣзжающій господинъ, ну что̀ же, хорошо это, ежели придти къ человѣку въ домъ, къ женщинѣ, да прямо этакъ-то вотъ и завалиться гдѣ ни попадя?.. Ну, что̀ это—порядокъ?.. Какъ же, сидимъ мы—осенью было дѣло; заперлись, заколотились наглухо; пьемъ чай, думаемъ о своей участи—вдругъ въ сѣнцахъ: «стукъ-стукъ, грохъ-грохъ».—Господи-батюшка, кому быть объ эту пору,—время позднее, жили мы въ деревнѣ,—ну-ка да лихой человѣкъ, безсовѣстный воръ-разбойникъ? Какъ намъ быть? Дрожимъ, молитвы творимъ; мало-маля погодя—«грохъ-грохъ-грохъ!». Что̀ ты будешь дѣлать? Какъ намъ мужчину впустить?

— Почему ты узнала, что это мужчина стучится?

Старуха на минуту остановилась, но тотчасъ же съ особенной явственностью проговорила:

— Потому мы кажинную минуту за свое женское благолѣпіе опасались... Вотъ отчего, другъ ты мой! Какъ началъ онъ громыхать—громыхалъ - громыхалъ—вижу я, надыть пойти узнать... Пошла я, спрашиваю: «Кто вы такіе? Что̀ вы насъ, женщинъ, смущаете? Какъ намъ можно мужчину къ себѣ, къ женщинамъ, допущать, коли и мы не можемъ... Намъ это невозможно».—«Сдѣлайте милость, Христа ради! Гдѣ угодно, хоть въ сѣнцы, хоть въ кухню!..» Такъ упрашивалъ, такъ упрашивалъ, Христомъ-Богомъ молилъ... Дрожали мы, дрожали, думали—«семъ пустимъ?». Положили мы съ барыней такъ, что запремъ его на пять замко̀въ въ кухню,—и пустили!.. Тутъ и спокою конецъ!

Разсказчица только руками развела и замолкла.

— Что же онъ—буянъ, пьяница?

— Ни-ни-ни! Этого нѣтъ, что грѣха таить—не было этого... Человѣкъ смирный, сырой, тихій—дитя малое... Какъ пришелъ — сюртукъ узенькій, пуговицы свѣтлыя (въ одномъ сюртучишкѣ пришелъ), руки длинныя, полный, настоящій медвѣдь, и голова-то у него курчавая... Пришелъ онъ и осматривается: «куда, молъ, меня?» — «Въ кухню, говорю, пожалуйте, потому мы женщины, намъ нельзя себя допущать...» Ни слова не сказалъ, пришелъ въ кухню, прямо на лавку—такъ во всемъ облаченіи и легъ; и шапка въ рукахъ. Заперла я его здѣсь на два замка, всѣ углы крестами осѣнила, окрестила—пошла къ барынѣ, говорю: «наглухо заперла сообщенія!» Вотъ хорошо. Сидимъ мы съ барыней—думаемъ, что это сѣрый волкъ голосу намъ не подаетъ? Стало намъ въ голову все нехорошее приходить:—кабы не поджегъ, да не воръ ли?.. Все такое.—«Вотъ что, Арина,—говоритъ барыня:—мы—женщины, намъ нельзя мужчину такъ оставлять: Богъ его знаетъ, что у него на умѣ? Надо намъ его караулить. Лучше же мы его въ горницѣ положимъ, по крайности онъ на глазахъ...» Пошла я къ нему, разбудила, говорю: «Мы—женщины, намъ невозможно васъ безъ присмотру оставить, Богъ васъ знаетъ, что у васъ на умѣ... Пожалуйте въ горницу!..» Всталъ, пришелъ, молчитъ. Постлали мы ему на диванѣ, сами цѣлую ночь глазъ сомкнуть не могли—одна у однѣхъ дверей легла, другая—у другихъ. Потому самъ ты посуди! Хорошо это? Цѣлехонькую ночь мы все опасались... На утро, сударикъ ты мой, иду я къ нему и говорю:—«Извольте вставать. Кто придетъ, увидитъ мужчину, намъ это невозможно, мы—женщины...» Лежитъ, съ головой въ одѣяло завернулся, молчитъ... Молчалъ-молчалъ, высунулъ одинъ глазъ—шепчетъ: «Довольно я на своемъ вѣку на вѣтру да на морозѣ назябся, дозвольте мнѣ кости мои успокоить... Я не молоденькій... У меня кости ноютъ, мнѣ нѣтъ пріюта, назябся я...» Я говорю:—«Нѣтъ, ужъ вы, говорю, сдѣлайте милость; вы насъ увольте... Мы женщины... Назябся, назябся, говорю; ну что же, ну, пойду я да назябнусь; что-жъ, такъ мнѣ и идти къ мужчинѣ въ домъ? Ну? Нешто хорошо это?» Молчалъ-молчалъ, высунулъ одинъ глазъ изъ-подъ одѣяла, говоритъ: —«Довольно я на своемъ вѣку земли ногами моими вымѣрилъ; довольно я съ шестомъ по полямъ исходилъ. Дозвольте отдыху...» — «Ахъ, мои батюшки, говорю,

съ шестомъ, съ шестомъ!.. Ну, пойду я да возьму шестъ, ну что̀ же, хорошо это будетъ?» Такъ и такъ стараюсь его урезонить... моченьки моей нѣту!.. А онъ-то, голубчикъ ты мой, все этакими же самыми словами: «Я бѣдный, несчастный, до старости дожилъ, утѣхи не видалъ... видѣть я не могу мою должность... сжальтесь вы надо мной, я васъ не обопью, не объѣмъ. Нѣту у меня угла, пріюта...» Смотрю на него—страсть мнѣ его жалко стало. Пошла къ барынѣ, а ужъ она вся въ слезахъ: —«Погубилъ онъ меня. Сжалось мое сердце отъ него!.. На, отнеси ему халатъ мужнинъ. Ахъ, какой стыдъ черезъ это!» — «Матушка, говорю, семъ мы мужиковъ позовемъ—уволимъ его отъ насъ!..»—«Нѣтъ, говоритъ, стыдъ пойдетъ, срамъ: мужчина былъ у вдовы...»— «Ну, семъ онъ у насъ жильцомъ будетъ, въ родѣ жильца?..»— «И—нѣтъ, говоритъ, контрактъ покойниковъ... безъ куска хлѣба останусь...»—«Что-жъ намъ дѣлать съ нимъ, красавица ты моя?..» Молчитъ да заливается!.. Ахъ, тяжело намъ было... Помутились мы въ умахъ своихъ. Пошла я къ сообщенію, говорю: — «Что̀ ты съ нами, съ женщинами, дѣлаешь?.. За что ты насъ мучаешь?» Высунулъ глазъ, шепчетъ:—«Нѣтъ ли покурить?» Я-было ему хочу отвѣтъ дать— анъ, слышу, барыня зоветъ: — «На, говоритъ, отнеси ему трубку!» Сама горькими слезами заливается:—«Ахъ, жалко, жалко мнѣ его, жалко̀!..» Принесла трубку, говорю:—«Какъ вы можете, господинъ, женщинъ утруждать? Путей вы сообщенія, а завалились въ чужія хоромы?»—«Нѣтъ ли водочки?»—шепчетъ. Я-было опять хотѣла, слышу—барыня:— «На̀, отнеси!» Вся въ слезахъ... Несу я водки—сама рыдаю... Выпилъ онъ водки и самъ зарыдалъ: — «Не гоните меня... Я Бога за васъ буду молить... Дайте мнѣ уголокъ...»— И мы обливаемся:—«Стыдъ... Срамъ... Контрактъ у насъ... Мы—женщины...» Ахъ, большое рыданіе у насъ въ ту пору было... Вотъ онъ чѣмъ насъ погубилъ!..

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ вотъ, что... Зачѣмъ онъ насъ смутилъ!.. Зачѣмъ онъ пришелъ?

— Чѣмъ же онъ смутилъ-то?

— Чудакъ ты, купецъ!—сказала мнѣ старуха.—Кажется, можемъ мы, женщины, человѣка полюбить? Вѣдь полюбили мы его, злодѣя! Зачѣмъ онъ, жалкій, пришелъ къ намъ!.. Сколько мы изъ-за него муки вынесли!.. Перво-наперво, какъ наплакались, стали мы за нимъ ходить: трубки ему набиваемъ, подаемъ чай, обѣдъ, ужинъ... Услуживаемъ,

стараемся... Тихій, смирный: «покорно благодарю, дай Богъ вамъ»—это у него кажинное слово. Ну, сударикъ ты мой, помаленьку да помаленьку—привыкли къ нему. Все молчитъ. Какъ мы къ нему привыкли, въ то время стало намъ опять въ голову этакое нехорошее вступать. Стали намъ сны сниться. Ночью къ барынѣ приходитъ покойникъ-мужъ и говоритъ: «Ты намѣреваешься противу моего закона поступить? Такъ я тебя, голубушку...» Опять страхъ беретъ: ну-ка народъ узнаетъ—живетъ мужчина у вдовы... Страсть Господня! Первое дѣло, сударикъ ты мой,—законъ, второе дѣло—стыдъ... Что̀ намъ дѣлать?

«Мучились, мучились мы... Вотъ барыня разъ и говоритъ: «Нѣтъ, говоритъ, Арина, — я свою совѣсть должна сохранить! Жалко, жалко мнѣ его, голубчика путей сообщенія, но мы должны его уволить...» Теперича какъ намъ его уволить? Народъ позвать—стыдно. Какъ быть?..

«Не вытерпѣла я, перекрестилась, думаю: «ну, буди воля Господня!» пошла къ нему и говорю:—«Господинъ! Уходи ты отъ насъ, Бога ради! Ступай, Богъ съ тобой! Оставь насъ! Будь жалостливъ!»—«Куда я пойду?»—«Иди куда хочешь, намъ нельзя!» И расписала ему все, и про покойника, и про бумагу,—все ему доказала.—«Иди, батюшка! Иди, оставь насъ!..» Умоляю, а сама плачу; и онъ-то, сердечный, рыдаетъ. Всталъ съ дивана, надѣлъ шапку и пошелъ... Ни словечушка не говоритъ! Глядимъ мы въ окно. Какъ былъ въ своемъ сюртучишкѣ—такъ и пошелъ... И пошелъ прямо въ лѣсъ... противъ дома у насъ рощица была. Пошелъ въ лѣсъ, и видно намъ, какъ онъ постоялъ этакъ недалечко отъ насъ и легъ. И не видать намъ его! Лежитъ, сирота, на сырой землѣ... Плачемъ мы, а крѣпимся... И обѣды прошли и вечерни, и ужъ смеркаться начало. Лежитъ!.. И тучи стали собираться—огонь пора зажигать...—«Нѣтъ!—говоритъ барыня: — нѣту моихъ средствій! Онъ простудится! Поди, приведи его!» Пошла я... То-то жалость-то! Лежитъ, бѣдняжечка, ручки сложилъ на грудкѣ, глазушки закрылъ — какъ бездыханенъ!.. — «Ну, говорю, вставай, безсовѣстный! Растиранилъ ты насъ! Вставай, поднимись хоть самъ-то! Неужто мнѣ, женщинѣ, тебя на рукахъ нести!» Поднялся, пошелъ... пришли... Онъ прямо барынѣ въ ноги—ну, а та... прямо ему на шею! Ну, и мучаемся съ тѣхъ поръ...»

— Чего-жъ мучиться-то?..

— А стыдъ-то? Ты думаешь, стыдъ-то ничего не сто̀итъ?..

— Такъ замужъ выходила бы.

— Да ты, купецъ, чудакъ! Ей-Богу! Замужъ!.. А пить-ѣсть надо по-твоему, али даромъ?.. Что-жъ я тебѣ говорила-то — бумагу упокойникъ оставилъ, гербовую. «Всего рѣшу!..» Ахъ, ты какой, купецъ!.. Да развѣ что̀ можетъ женщина обязанная? Онъ — мужъ-то—во гробу лежитъ, а намъ все одно, что онъ живъ-живехонекъ... Мы ужъ и то къ царю хотѣли просьбу подавать...

— О чемъ?

— Чтобъ надъ нами запретили надсмѣшку... да опять жаловаться хотѣли...

— На кого жаловаться?

— На путей сообщенія: зачѣмъ онъ насъ помутилъ... Зачѣмъ онъ пришелъ, какъ боровъ растянулся.. Мы—женщины. Ну—разсовѣтовали. И ежели объ эфтакой срамотѣ да въ Петербургъ посылать, такъ это, другъ ты мой, тогда и не оберешься стыду-то... Еще пуще зашутятъ... Такъ и оставили...

— Гдѣ же этотъ?

— Путей-то?

— Да...

— Съ ней, все съ ней... Поди-ка-сь, глянь на нее, какъ заливается-то... Полюбила, горькая... Э-хъ, упр-равы нѣту на васъ!.. на мучителей женскихъ!..

Старуха наговорила еще что-то въ этомъ же родѣ и наконецъ ушла.

Въ комнатѣ было совсѣмъ темно. Я закрылъ окошко и, не зажигая свѣчи, улегся спать; но въ воображеніи моемъ долго еще стоялъ странный образъ мужа старухиной барыни, который, сходя въ могилу, приготовляясь сдѣлаться перстью земною, даже сдѣлавшись уже этою перстью, все-таки имѣлъ дѣла съ гражданской палатой, оставилъ на землѣ доселѣ дѣйствующіе контракты и счелъ необходимымъ привязать къ своему бренному праху несчастную, къ великому горю—живую супругу свою...

На слѣдующее утро, стоя на крыльцѣ постоялаго двора и утирая плачущіе глаза фартукомъ, старуха провожала въ дорогу свою барыню. Къ маленькому, старомодному тарантасику дворникъ подводилъ какую-то приземистую и широкую женщину, въ куцомъ старенькомъ салопикѣ; дворникъ былъ безъ шапки и оказывалъ этой женщинѣ почтеніе, ибо это и была несчастная жертва путей сообщенія. Широкое, слегка рябоватое лицо ея было орошено слезами; голова,

украшенная большимъ чепцомъ съ крупными и шевелившимися оборками, падала то на одно, то на другое плечо, какъ это бываетъ у женщинъ, идущихъ за покойникомъ; и немудрено—барыня влѣзла въ тарантасъ, гдѣ уже сидѣлъ ея губитель и хищникъ. Это была массивная фигура, плотно закутавшаяся въ довольно подержанную шинель. Воротникъ совершенно закрывалъ его лицо, обнаруживая только вершину его староватаго картуза и часть козырька. По этимъ судорожною рукою натянутымъ складкамъ шинели у воротника, по его полуобороту къ публикѣ, стоявшей на крыльцѣ, и вообще по всей его фигурѣ, видимо жавшейся въ уголъ тарантаса, можно было видѣть, что этотъ, по всей вѣроятности, больной, тронувшійся человѣкъ хочетъ спрятаться отъ взоровъ, отъ глазъ не только публики постоялаго двора, но и вообще людей...

Коротенькія ноги несчастной барыни, ослабленныя кромѣ того трогательностью минуты, долго путались и не могли попасть на подножку, такъ что на помощь къ дворнику должна была тронуться и старуха. Наконецъ дѣло уладилось при общей мертвой тишинѣ зрителей и главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Едва барыня помѣстилась рядомъ съ любимымъ злодѣемъ, какъ онъ еще болѣе подался въ уголъ, вытянулся такъ, что весьма напоминалъ собою длинный ящикъ, какіе обыкновенно возятъ землемѣры съ астролябіей.

— Вся въ стыду! Вся-то, вся-то въ стыду!—плакалась баба вслѣдъ уѣзжавшей барынѣ.

— Как-кая дама!—съ соболѣзнованіемъ говорилъ дворникъ, качая головой и возвращаясь изъ-за воротъ.—Погубилъ, разбойникъ, ни за что ни про что.

На постояломъ дворѣ.

Лѣтнія сцены.

I.

Городъ О. какъ будто скучивался и словно осѣдалъ по мѣрѣ того, какъ широкая лента шоссе спускалась на другую сторону пригороднаго холма. Исчезли два каменные старинной архитектуры столба съ необыкновенно широкими основаніями и острыми вершинами, увѣнчанными мѣстнымъ

гербомъ; по бокамъ шоссе тянулись еще загородные дворишки, лачуги, землянки... Близъ дороги стояли маленькіе столики, за которыми старыя оборванныя солдатки торговали квасомъ, калачами; съ пискомъ гнались эти бабы за проѣзжающими, вытягивая впередъ руку съ калачомъ; по тройки и перекладныя пары стремглавъ проносились мимо ихъ, и городскіе, проникнутые достаточнымъ ухарствомъ ямщики, залихватски гуляя кнутомъ по ободраннымъ спинамъ и бокамъ почтовыхъ клячъ, не упускали случая хлестнуть мимоходомъ и бабу съ калачомъ.

Исчезла наконецъ послѣдняя подгородная хибарка. Отъ города виденъ только кончикъ соборнаго шпица—и цѣлое море пыли повисло недвижимо въ раскаленномъ полуденномъ воздухѣ. Исчезъ и шпицъ. И пыль, висѣвшая надъ городомъ, исчезла...

Дорога. Идутъ богомольцы. Шоссе круто поворачиваетъ налѣво, и тутъ же отъ самаго изгиба его бѣжитъ старая столбовая дорога съ ветлами въ два ряда и съ необыкновенно извилистымъ и узенькимъ проселкомъ, извивающимся по всей ширинѣ этой широкой, зарастающей травою дороги. Проселокъ перебѣгаетъ съ одной стороны дороги на другую и чаще всего вьется подъ густыми вѣтвями ивъ; одинокія ивы разрослись и опустили чуть не до земли свои тревожно треплющіяся по вѣтру вѣтки; проѣзжій мужиченка нарочно прилегъ къ телѣгѣ, чтобы не хлестнуло его; вѣтка не хлестнула, но тихо прошумѣла, пропуская между своими листьями и тощую клячу, и тощую телѣгу, и мужика. Кое-гдѣ густая сплошная масса зелени прерывается — видны попытки возстановить эти спасительныя для пѣшеходовъ аллеи; но тощіе и тонкіе сучки, втиснутые въ землю по приказанію начальства, въ изнеможеніи попадали на землю, не имѣя возможности исполнить возложенной на нихъ обязанности — давать путнику тѣнь и прохладу. Кое-гдѣ валяется ветла, разбитая и опаленная молніей.

Въ полутора верстахъ отъ шоссейнаго поворота, по старой столбовой дорогѣ, при началѣ довольно длиннаго лѣса расположился маленькій поселокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ постоялыхъ дворовъ, изъ которыхъ иные очень зажиточны. Повидимому, въ этой глуши, на позабытой уже дорогѣ, не было никакихъ резоновъ существовать этому поселку — и притомъ еще существовать довольно весело (о чемъ свидѣтельствуютъ три кабака между шестью домами). Но оказывается, что резоны есть, и именно два: шлагбаумъ,

или застава, на шоссе и непроходимый оврагъ на старой столбовой дорогѣ. Шлагбаумъ тѣмъ содѣйствовалъ процвѣтанію проселка, что, пугая обозниковъ разными взысканіями и пошлинами съ лошади, съ версты и пр., заставлялъ ихъ объѣзжать лѣсомъ и старой дорогой; подгородные постоялые дворы поселка, не ломившіе той цивилизованной цѣны за овесъ, сѣно и харчи, которую ломилъ городъ, привлекали сюда извозчиковъ, тѣмъ болѣе, что лошади, легко тащущія тяжелые возы по шоссе, смертельно уставали на мягкой дорогѣ. Кромѣ обозниковъ, часто изъ прилѣска ухаремъ выносилась почтовая тройка съ офицеромъ, тоже бѣжавшимъ узаконенной платы, — и въ такихъ случаяхъ все-таки поселку выпадала прибыль: празднуя свое избавленіе отъ шлагбаума, офицеръ и ямщикъ останавливались у кабака и подкрѣплялись. Такую же услугу оказывалъ поселку и оврагъ. Онъ пролегалъ по самой границѣ двухъ губерній, перерѣзывая собою большую столбовую дорогу, но моста черезъ этотъ оврагъ, сколько запомнятъ столѣтніе старики, не было никогда. Происходило это оттого, что мостъ нужно было строить натурою двумъ смежнымъ деревнямъ разныхъ губерній. Дѣло всегда шло такимъ путемъ. Прежде нежели въ чьей-нибудь головѣ рождалась мысль о необходимости моста, нужно было нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ сломать себѣ шею и даже отдать Богу душу. Результаты этихъ происшествій, путемъ разныхъ инстанцій, наконецъ доходили до центра той или другой губерніи; центръ убѣждался въ необходимости моста и сносился поэтому съ другимъ губернскимъ городомъ. Другой, смежный губернскій городъ, не торопясь, дѣлалъ дознаніе въ мѣстномъ волостномъ правленіи: «дѣйствительно ли?». Мѣстное волостное правленіе докладывало другому центру, что «дѣйствительно». Тогда оба губернскіе центра списывались и соглашались,что дѣйствительно мостъ необходимъ. Послѣ множества понуканій начиналось устройство моста натурою; но при этомъ случалось такъ, что одна губернія выводила свою половину тогда, когда первая этого не дѣлала. Проваливались еще нѣсколько человѣкъ и повозокъ, и первый центръ торопливо приступалъ къ работамъ своей половины. Но въ это время вторая уже сгнила и провалилась... Люди летѣли въ бездну, слѣдствія шли судебнымъ порядкомъ и т. д. Роковое мѣсто это было извѣстно далеко, и скромныя помѣщицы и разные деревенскіе люди, проѣзжавшіе въ городъ по столбовой дорогѣ, должны были дѣлать большой конецъ, чтобы въѣхать на шоссе, и потомъ

другой конецъ, чтобы избѣжать шлагбаума. Такимъ образомъ поселокъ процвѣталъ, и обыватели постоялыхъ дворовъ его могли на досугѣ поддерживаться при существованіи тамъ кабака. Жизнь шла тихо, кое-какъ и не изобиловала ничѣмъ, выходящимъ изъ ряда вонъ. Такого же сорта будутъ и наши замѣтки объ этомъ поселкѣ.

Посреди поселка стоитъ домъ русскаго мужика-барина, съ такими признаками барства: желѣзная крыша, а дыра въ крышѣ заткнута соломой; комнаты большія съ диванами краснаго дерева, но безъ подушекъ, съ огромнымъ барскимъ зеркаломъ, въ которомъ осталась только половина стекла; тутъ же «сляпанная» деревенскимъ мужикомъ лавка, тутъ же и корыто съ проросшимъ картофелемъ и съ пескомъ. На стѣнѣ съ лоскутками шпалеръ торчатъ лубочныя картинки. Такое опустошеніе комнаты и вообще разстройство всего жилища, т.-е. раскрытые сараи, полное отсутствіе замковъ тамъ, гдѣ они необходимы, расколотыя на дрова двери, сгнившія въ двѣ зимы рамы и проч., все это опустошеніе было произведено въ самое короткое время «арендателемъ», которому настоящій хозяинъ сдалъ постоялый дворъ на два года. Хозяинъ, находившійся въ это время въ Петербургѣ въ наѣздникахъ, былъ несказанно удивленъ, увидавъ такое разореніе...

Но онъ скоро успокоился, ибо столичная жизнь выучила его понимать всю силу выраженія: «обвязался подпиской». Онъ былъ твердо увѣренъ въ силѣ воцарившейся законности, полагая, что законность эта непремѣнно должна быть «противъ мужика», а къ мужикамъ онъ теперь почему-то не причислялъ самого себя. Онъ служилъ наѣздникомъ у какого-то графа, важные господа давали ему на чай, его рысаки получали призы, наконецъ чай и пиво онъ распивалъ не иначе, какъ съ кучерами важныхъ господъ. Все это давало ему право думать, что онъ не мужикъ, а стало-быть, и не можетъ ни въ чемъ проиграть по отношенію къ настоящему мужику-вахлаку. Вотъ почему онъ былъ совершенно спокоенъ, предоставляя себѣ право доказывать всему поселку, что петербургскій человѣкъ цѣлый день пьетъ и все-таки пьянъ не бываетъ; кромѣ этой способности, вынесенной изъ петербургской жизни, онъ въ два года совершенно переродилъ свою внѣшность: клиновидная борода была тщательно подстрижена почти подъ гребенку; лицо, обрюзгшее и отекшее отъ множества всякаго рода чаевъ и питій, проглоченныхъ имъ въ столицѣ, почернѣло, но со-

храняло достоинство и гордость. На родинѣ онъ не стѣснялся костюмомъ: на головѣ былъ кожаный картузъ, на плечахъ халатъ, ноги босикомъ. Глухая, подъ самое горло, жилетка и синіе со складками штаны составляли весь его костюмъ. Немало также измѣнился онъ къ женѣ. Пухлая баба въ нѣмецкомъ платьѣ не привлекала его взоровъ послѣ столичныхъ удовольствій; онъ даже былъ совершенно равнодушенъ къ ея двухгодовому одиночеству, хотя и слышалъ, что что-то произошло этакое.

— Плевать!—говорилъ наѣздникъ.

Не торопясь взысканіемъ съ арендатора Ивана убытковъ, онъ цѣлые дни только опохмеляется да посылаетъ этого Ивана за водкой. То и дѣло слышится:

— Иванъ! Бѣги за полштофомъ!.. Марья! Давай деньги!.. Погоди, ребята, я васъ разберу!.. Это отчего крыша разворочена?

— Крыша-то? — робко переспрашиваетъ Иванъ, съ испугу предъ взысканіемъ превратившійся въ лакея. — Крыша,—это, другъ сердечный, вѣтромъ. Вѣтромъ, братецъ мой.

— Я тебѣ не братецъ, а за вѣтеръ взыщу!

— За вѣтеръ-то?

— И за вѣтеръ и за каждую щепку!.. Ну, да ладно! Бѣги въ кабакъ-то! Живо!..

И Иванъ, запыхавшись, бѣжалъ въ кабакъ.

Пріѣзжаютъ къ наѣзднику гости—старуха-мать, какіе-то развязные, жилистые мѣщане,—и опять раздается: «Иванъ! Бѣги! Марья! Давай деньги!..»

— Ѳедоръ Кузьмичъ! — впопыхахъ бѣготни въ кабакъ пытается спросить Иванъ у хозяина:—а вотъ насчетъ воротъ какъ будетъ? Вѣдь гуртъ стоялъ, быкъ и высадилъ...

— Для меня и быкъ — все же ты! И вѣтеръ — ты, и быкъ—ты! Ну, живо! Не разговаривай!

— Охъ, ты, батюшки мои свѣты! — вздыхаетъ Иванъ, пускаясь босикомъ съ пустой бутылкой въ рукахъ.

А въ «горницѣ» разореннаго дома то и дѣло слышится:

— Кушайте, маменька! Будьте здоровы! Ну, будьте здоровы! Марья, налей! За ваше здоровье! Съ пріѣздомъ! Еще по стаканчику!

И опять:

— Иванъ! Живо!

Полдень. Жара. Къ крыльцу постоялаго двора подошли два прохожихъ. Одинъ изъ нихъ былъ длинный, сухоща-

вый, съ какимъ-то ящикомъ за спиной, поверхъ котораго лежало свернутое узломъ верхнее платье; прохожій былъ въ одномъ разстегнутомъ жилетѣ, широкихъ шароварахъ и въ калошахъ на босу ногу. Другой, видомъ походившій на монаха, или, вѣрнѣе, на «разстригу», въ какомъ-то подрясникѣ и въ ветхомъ военномъ картузѣ, былъ плотный ражій дѣтина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ толстымъ рябымъ лицомъ и черными, какъ смоль, волосами, загибавшимися кольцомъ за ухомъ. Онъ шелъ босикомъ съ высокой палкой въ рукѣ.

— Нѣтъ ли гдѣ уголочка, другъ?—заговорилъ сухощавый, обращаясь къ Ивану.—Намъ бы самое это полымято—жару передышать...

— Счаво-жъ, заходите.

— Въ холодокъ бы гдѣ...

— Я васъ въ амбаръ поселю.

— Пречудесно!

Иванъ неторопливо слѣзъ съ крыльца и, шлепая сапожными опорками, повелъ ихъ улицей въ ворота.

— Вы откуда-жъ это идете-то?

— Я-то, — говорилъ сухощавый: — я недалеко... всего двадцать верстъ... У помѣщика, у господина Чекмарева, ежели слыхалъ...

— Чикмаря? знаю. Это въ Богоявленскомъ?

— Ну, во!.. онъ самый. Ну, я у него въ церкви тамъ, по живописной части маленько потрудился.

— Стало-быть, живописцы?

— Н-да-съ... художники.

Иванъ привелъ прохожихъ въ амбаръ, гдѣ было дѣйствительно свѣжо, хоть воздухъ былъ нѣсколько непріятенъ.

— Ну вотъ, художники, вотъ бы вы тутъ какъ-нибудь.

— Мы съ удовольствіемъ. Мы подстелемъ что-нибудь... А ящикъ-то подъ голову.

— Это ящикъ что̀ такое? живопись?

— Да, предметы къ этому, то-ись...

— Ну, а предметы подъ голову.

— Ладно, ладно. Спасибо, другъ!.. Мы разберемся!

Прохожіе начали укладываться. Иванъ постоялъ и неторопливо пошелъ къ двери. Живописецъ и спутникъ его, разостлавъ по полу свои одежи, растянулись.

— Фу, батюшки, благодать какая!.. Ужъ и жара,—бормоталъ живописецъ.

— Паритъ!—сказалъ спутникъ.

— Смерть... Уфъ, Боже мой!.. Ну, батюшка, что же вы мнѣ не договорили, какъ вы это грѣшить винцомъ-то начали.

— Да такъ и началъ-съ,—серьезнымъ и нѣсколько грустнымъ басомъ заговорилъ его спутникъ.—Изъ-за пустяковъ, дальше да больше. Наконецъ того, доходитъ въ замѣту самому. Подъ Тихоновъ день, какъ теперь помню, призываетъ онъ меня и строго выговариваетъ за мое поведеніе. Я же, признаться, изучился тщательно во лжи и отвѣчалъ ему: «В. п.!.. простите меня. Семь лѣтъ съ зятемъ и сестрой не видался. Проѣзжая изъ Москвы, попотчевали они меня. Какъ владыку, прошу простить меня, или наказать...» На это они сказали: «Прощаю...» Я же ползъ на колѣняхъ, говоря: «Накажите!»—«Прощаю!»—Умоляю опять,—повелѣлъ удалиться.

Иванъ высунулъ голову въ дверь и произнесъ:

— Художники, господа! Вы будьте столь добры не курить.

— Нѣтъ, не бойся,—заговорилъ живописецъ.

— Ужъ сдѣлайте милость. Время, сами знаете, какое! Чего Боже избави—искра—и шабашъ!

— На этомъ будьте покойны. Я тыщи рублей не возьму, чтобъ его коснуться... Тьфу!

— То-то-съ... Сушь! Порохъ!

— Боже избави!

— Ужъ будьте такъ добры!

Иванъ ушелъ, бормоча:

— Тутъ теперь за всякую малость взыскъ!

Жара и тишина между тѣмъ все болѣе и болѣе налегла отовсюду; протянувшійся на высокомъ холмѣ лѣсъ засинѣлъ подъ косыми солнечными лучами; вѣтеръ вяло дышалъ въ разгорѣвшееся лицо. Насѣдка съ цыплятами чуть слышно ворчала подъ крыльцомъ. По дорогѣ въ холодкѣ пробирались богомолки, надвинувъ на лицо головные платки и нагнувъ голову. Навстрѣчу имъ шелъ пьяный мужикъ въ разстегнутой свитѣ.

— Откуда?—проговорилъ онъ.

— Кіевскія, батюшка, кіевскія.

— Ке-ивскія! а-а за меня, чай, забыли помолиться?

— Какъ забыть? Мы про тебя всю дорогу вспоминали.

— То-то! На васъ не закричи, вы и рады...

Мужикъ споткнулся и безъ шума повалился набокъ; онъ приподнялся-было на одной рукѣ, подумалъ и легъ опять, проговоривъ:

— Еще маленько сосну.

Посреди постоялаго двора на солнцѣ стояла телѣга съ какимъ-то продуктомъ, тщательно закрытымъ кожами и увязаннымъ веревками. На телѣгѣ спалъ хозяинъ ничкомъ; отпряженная лошадь ѣла овесъ изъ мѣшка, привязаннаго между оглоблями. По временамъ она валилась на землю, звякая бубенцами.

— Дья-валъ! — поднимая лохматую голову, кричалъ на нее мѣщанинъ.

Лошадь становилась на ноги, вся усѣянная сухимъ навозомъ. Мѣщанинъ спросонокъ звѣрски хлесталъ ее кнутомъ, снова подгоняя къ овсу.

Тишина стоитъ мертвая. Только въ амбарѣ слышенъ басъ прохожаго.

— Терпѣлъ я четыре съ половиною года, женившись уже,—разсказывалъ спутникъ живописца:—и въ это время тысячекратно утруждалъ его о рукоположеніи меня. Но получалъ въ отвѣтъ: «подумаю». Являюсь на четвертой недѣлѣ предъ Благовѣщеніемъ: «Я, Егоръ Смягинъ, подаю прошеніе: довольно я терпѣлъ четыре съ половиною года, прошу всенижайше разрѣшить меня къ рукоположенію». Но онъ опять отвѣчаетъ мнѣ: «посмотрю». Горько мнѣ, признаться, стало, повалился я въ ноги, сталъ просить... говорю: «ежели достоинъ, то разрѣшите, ежели нѣтъ— изгоните».—«Ступай вонъ», говоритъ...

— Погоди-ка-ся, другъ, семъ-ка я испить чего-нибудь поищу,—сказалъ живописецъ.

— Холодненькаго!—добавилъ спутникъ.

— Да, кваску бы.

Живописецъ всталъ, тихо отворилъ дверь и тотчасъ же закрылъ глаза отъ нестерпимаго блеска.

При помощи Ивана и живописецъ и его спутникъ съ жадностью напились холоднаго квасу и затѣмъ продолжали разговоръ. Рѣчь разсказчика звучала какъ-то однообразно; онъ разсказывалъ словно вытверженную наизусть исторію, или же какъ будто репетировалъ прошеніе кому-то, гдѣ излагалъ формальнымъ слогомъ свои бѣды.

— ...Черезъ два года былъ я рукоположенъ. Но несчастія мои не оставляли меня. Въ 1849 году, 6 марта, какъ теперь помню, пріѣзжаетъ къ намъ въ К. генералъ-лейтенантъ Лампасовъ. Приходитъ къ намъ въ церковь. Я стоялъ на хорахъ, владыки не было. Ѳеофанъ, казначей, отлучился къ Софьѣ Осиповнѣ Труницыной. (Бывало... ну, это

я вамъ послѣ разскажу). Начинаю я пѣть обѣдню. Спрашиваетъ меня тенористый: — какъ вы, Егоръ Прохорычъ, прикажете — стихиры пѣть, или читать? Отвѣчаю: на 9-й гласъ пойте. Все шло хорошо. Только, забывшись, я вдругъ запѣлъ: *Свѣте тихій.* Нашъ же попъ, который теперь разстриженъ, изъ южныхъ дверей кричитъ: «дуракъ! замолчи!». Разогорченъ былъ этимъ генералъ Лампасовъ и тотчасъ пообѣщался довести до свѣдѣнія. И вдругъ я внезапно узнаю: въ консисторію спущена резолюція: «удалить Егора Смягина по нестерпимому его поведенію, лишивъношенія рясы».

— Вотъ те на!—протянулъ живописецъ.

Спутникъ его на это только крякнулъ и, помолчавъ, продолжалъ:

— Поѣхалъ я на дьячковскую вакансію въ село Голенищи. Живу полгода, ограничилъ себя во всѣхъ похотствованіяхъ своихъ, а потомъ являюсь въ К. съ просьбою къ самому: «разрѣшить меня, оставляя на дьячковской вакансіи, по доходамъ». Спущаетъ резолюцію: «Узнать, какъ онъ себя велъ...» Но такъ какъ благочинный Зерцаловъ не рожденъ для добра, то и отвѣчаетъ: «по дошедшимъ до меня слухамъ—несовершенно добропорядочно...» Спущаетъ резолюцію: «воротить въ Голенищи!» Падаю я въ ноги и молю: «не терзайте меня, или же уничтожьте».—«Ступай вонъ!» говоритъ...

Настало небольшое молчаніе. Спутникъ живописца поправился на своемъ ложѣ и снова, смотря въ потолокъ, ровнымъ форменнымъ слогомъ продолжалъ:

— Сидя въ Голенищахъ, по возвращеніи, за столомъ у крестьянина Никифора Степанова, не сталъ я водки пить... Тутъ же благочинный Зерцаловъ сидѣлъ, праздникъ какой-то былъ.—«Что же,—сказалъ Зерцаловъ съ ироническою улыбкою въ лицѣ: — или вы не хотите теперь водки пить?», намекая тѣмъ, какъ меня поперли подъ его начало на смиреніе... Меня взорвало. Беру стаканъ и говорю хозяину:—«налей!». Взявши стаканъ въ руки, говорю мучителю моему:—«Неужели же ты думаешь, что я боюсь тебя? но твое безуміе побудило меня, чтобы я пилъ!» Выпивши, говорю:—«Ты кончилъ курсъ, а забылъ, что не всякому слуху вѣрь!» На это отвѣчалъ онъ:—«По-нашему гнуть, такъ гнуть». Я же отвѣчалъ:—«Ваше благочиніе! вѣдь я знаю, какъ дуги гнуть. Ихъ нужно распарить, а не вдругъ... а не то вѣдь соскочитъ, да въ рожу...» Съ тѣхъ поръ началась у насъ вражда, доколѣ меня не порѣшили...

Тянулось долгое молчаніе. Живописецъ часто вздыхалъ, прибавляя: «Боже, Боже...». Спутникъ его тоже вздыхалъ, но рѣдко и глубоко.

— Ну, что̀ же,—спросилъ наконецъ живописецъ:—какъ это васъ всего-то порѣшили?

— Черезъ клевету... Оклеветали меня въ убійствѣ жены.

— А-а-а!

— Да-съ. Точно что, не запираюсь, въ унынiи и горести моей, бывало, бивалъ я ее жестоко. Не утаю ни отъ кого, колачивалъ. Но на сей разъ, т.-е. насчетъ убійства, передъ Богомъ и передъ людьми покаюсь—чистъ! Случилось дѣло черезъ это подлое вино. Надо по совѣсти сказать — оба мы съ женой придерживались его. Она даже жесточе меня... Черезъ это и случилось. Видите ли, былъ я у помѣщика, у г-на Басова, и испросилъ у него десять рублей серебромъ, намѣреваясь купить якобы срубъ. По дорогѣ, проѣзжая мимо знакомаго кабака, купилъ я винца полведра для рабочихъ плотниковъ, штофъ же отдѣльно для семейства—для себя и супруги моей. Дорогою я, признаться, изъ штофа, примѣрно, перстовъ на двѣнадцать отпилъ, да близъ деревни еще немножечко глотнулъ, такъ что, собственно, штофъ я выпилъ весь, ведро же доставилъ въ цѣлости. Время было осеннее, въ избѣ холодъ и темно; подъ вечеръ жена моя лежитъ на постели и охаетъ. Тѣлосложеніе она имѣла тщедушное... Я съ любовью подхожу къ ней и вдругъ чувствую спиртный запахъ.—«Что̀ съ тобой?» Въ отвѣтъ на это спрашиваетъ она меня:—«Что̀ это?»—«Вино».—«Дай, Христа ради!..» Далъ я ей чайную чашечку и повелъ лошадь къ дьячку. Возвращаюсь домой не болѣе какъ чрезъ нѣсколько минутъ и вижу: жена лежитъ безъ чувствъ на полу, чашка около нея валяется, и ведро это самое откупорено... Ужасъ объялъ меня! Сталъ я на нее со свѣчкой смотрѣть: ротъ раскрыла, губы черныя, такъ и пышетъ виномъ, ровно бы пламенемъ... Съ жалостью перенесъ я ее безъ чувствъ на кровать. Спрашиваю у работницы: что̀ съ ней?..—«Онѣ, говоритъ, десять чашекъ выпили». Тутъ я съ горя, не утаю, пилъ цѣлую ночь до бѣла свѣта. На утро открываетъ жена глаза — никакъ не можетъ открыть. Боль.—«Что̀ ты?» Только рукой чуть-чуть. Сожалѣя о ней, послалъ я полштофъ и поднесъ ей чашечку... Съ жадностью выпила она.—«Еще...» Я еще; да никакъ штукъ семь!.. Упала она и посинѣла вся. Какъ теперь помню, тоже былъ полдень—ни въ деревнѣ ни въ

избѣ ни души не было, жара стояла нестерпимая. Сижу я у окна и думаю: Господи! что же это я всю жизнь мою страдаю! Ни кола у меня, ни двора, ни хозяйства, только буйство одно и пьянство. Съ горя подзываю я мальчика маленькаго и прошу его побѣжать въ кабакъ—онъ приноситъ; къ этому времени очнулась жена. Посадилъ я ее къ окну; на столѣ промежду насъ—полштофъ.—«Дай!», говоритъ. Я далъ. Отпила она каплю, толкаетъ—«не надо». Черезъ минуту опять: «дай»... Потомъ вдругъ: «ахъ, ахъ, ахъ!.. жжетъ, ахъ, жжетъ!»—и тутъ она чашки четыре полныхъ выпила; у самой глаза, какъ угли. Начала пятую, да какъ вскрикнетъ—кровь горломъ... брякъ со стула, и духъ вонъ...

— Боже, Господи, Владыко! — въ ужасѣ произнесъ живописецъ.—Умерла?

— Умерла...

— Царь Небесный!

— Ну, а потомъ все обвиненіе черезъ родственниковъ... Обидно было имъ, какъ ее потрошили...

— Потрошили?

— Какъ же, рѣзали... Увидали кой-какіе, напримѣръ, ушибы, вывихи—убилъ. Я говорилъ судьямъ: «Ваше высокоблагородіе, всѣ эти синяки и увѣчья получены ею въ теченіе десятилѣтняго замужества, во время ея жизни, а не въ день преставленія...» Но не вѣрили мнѣ и судили. Присудили—лишить всего и сослать въ монастырь на покаяніе...

— Были?

— Былъ въ трехъ. Но по чистой совѣсти сказать—изгоняли меня.

— За что же?

— За нетрезвое поведеніе. Вѣдь я запоемъ...

— А-а-а!

— Да-да. Вотъ теперь мѣсяца два воздерживался, а ужъ чувствую — сосетъ. Какъ бы Господь далъ до города добраться — все подымутъ на улицѣ гдѣ... А то боюсь, ну-ка-съ гдѣ-нибудь посредь дороги схватитъ — сгніешь въ канавѣ.

Спутникъ живописца, помолчавъ, прибавилъ:

— Да, признаться, чуетъ мое сердце, что околѣть мнѣ скоро... Разслабѣлъ... Съ двухъ рюмокъ остервеняюсь. Околѣю...

Тягостное молчаніе.

— Боже, Господи! Защити меня!—съ чувствомъ произнесъ разсказчикъ.

Молчаніе воцарилось снова. У самыхъ дверей амбара

долго пищали цыплята, слонявшіеся толпою за насѣдкой. Слышался звонъ бубенчика; гдѣ-то вдали звенѣлъ колокольчикъ.

— Дья-ввалъ!—оралъ мѣщанинъ на лошадь и хлесталъ ее кнутомъ.

— Вотъ вы,—заговорилъ живописецъ:—про родственниковъ-то упомянули, то-есть про родню...

— Да.

— Я тоже наглядѣлся на нее. То-есть на вашу духовную-то. Боже, какое ослѣпленіе!

— Наглядѣлись?

— Наглядѣлся... страсть! Вотъ я вамъ разскажу эту исторію...

— Милые,—раздался голосъ у дверей:—что-жъ щецъ-то похлебаете?

— Надо бы, голубушка,—отвѣчали прохожіе.

— Ну, ступайте. Иванъ! гдѣ этотъ дьяволъ, Иванъ?

Ивану въ это время грезилось, какъ съ него идетъ взысканіе за вѣтеръ, за быка и проч. Судьи рѣшаютъ его освободить; Иванъ хочетъ поклониться въ ноги; въ это время раздается толчокъ въ плечо.

— Аль ты оглохъ?—говоритъ хозяинъ.—Бѣги живѣй—полштофъ, да проворнѣй.

— Ссію минуту!

Иванъ пускается въ кабакъ.

II.

— Одно время,—разсказывалъ живописецъ послѣ обѣда, попрежнему лежа въ траурѣ: — одно время [illegible] и въ большой тягости: работы [illegible], супруга помрет, на рукахъ малый ребенокъ да тетка-старуха... Сами судите, куда дѣться? Пить-ѣсть надо; столъ и на эту пору [illegible]скія работы принимать, какъ ни горько было унизить свое художество. Случалось, чиновникъ [illegible] съ [illegible] глазомъ, ну, за [illegible] [illegible] потом [illegible] [illegible] иной—[illegible] [illegible] [illegible] [

эти возрастные, окромя трактиру, безпремѣнно съ мѣщанками любовь заведутъ, тѣ жаловаться къ начальству—комедія. Тутъ я и призналъ одного человѣка—богослова; тихій, красивый, бѣлый, высокій, волоса черные, курчавые... Очень добродушный былъ юноша. Бывало, придетъ: «ахъ, говоритъ, Викторъ Гаврилычъ, какую я книгу читалъ!»—Какую же-съ? спросишь. — «Дивную», говоритъ... И потомъ:—«Голубчикъ, Викторъ Гаврилычъ, нарисуйте мнѣ этакую картинку: вода, ракита... да лучше я вамъ прочту». И начнетъ. Я, признаться, толкомъ-то не понималъ, въ чемъ тутъ сила, однако же, бывало, до слезъ растрогивался, на него глядя. Вижу я, началъ онъ черезъ тоску свою—въ кабачокъ. Замѣчаю ему: что̀ же это, говорю, Коля,—такъ неловко.—«Теперь, говоритъ, не буду... Вчера былъ въ театрѣ и теперь не буду». И дѣйствительно, пересталъ; но замѣсто того каждый день въ театръ, каждый день въ театръ. Кажется, только одинъ тулупъ на плечахъ остался—все спустилъ. Дяденька у него былъ, въ палатѣ служилъ въ одной; узналъ онъ про это, явился и препорядочно-таки его распатронилъ. Шло такъ долго. Все онъ въ театрѣ, бывало, какъ нищій какой, мѣстечка вымаливаетъ постоять и каждый день домой часу въ первомъ приходилъ. Что̀ это, говорю, Коля, ты этакъ-то шатаешься по ночамъ? Тутъ онъ маленько въ конфузъ вошелъ, однако же разсказалъ мнѣ, что втемяшилась ему въ башку одна ахтерка. И что̀ же, мой другъ, онъ дѣлалъ? Сейчасъ эту ахтерку отъ самаго театру до дому провожаетъ. Сначала, говоритъ, гнала его прочь, потомъ сжалилась—только, говоритъ, у фонаря не становись, чтобы публика не видала твоего овчиннаго безобразія. «Я, говоритъ Николай-то, стану въ сторонкѣ на углу—дожидаюсь... Подъѣдетъ, остановится: «садись...» Ну, онъ обыкновенно сейчасъ на козлы и всю дорогу—разговоры. «Иной разъ, разсказывалъ, сколько выѣздимъ по городу [illegible]чу, что̀ же, спрашиваю, къ себѣ-то допущаетъ ли?—[illegible] не допущаетъ: только [illegible] ручку даетъ поцѣловать. Тутъ [illegible]ка эта стала ему давать билетъ въ раекъ. И ужъ какъ же онъ радъ бывалъ, коли она глазкомъ туды, въ рай-то, къ нему замахнетъ! Вижу, колѣетъ мой малый—похудѣлъ. Въ тую-жъ пору одинъ изъ братьевъ его женился, взялъ благородную, дворянку. Тутъ на радостяхъ-то его, Николая-то, кой-какъ обшили, видъ ему дали какой ни на есть, и спервоначала — не очень-то лаяли на него. Однова прибѣ-

жалъ онъ ко мнѣ—«хватай, говоритъ, краски — пойдемъ». Собрались мы духомъ; притащилъ онъ меня къ братнину тестю въ сарай, сейчасъ это сани, дрожки, которыя были, прочь:— «грунтуй, говоритъ, — театръ строится; рисуй дерево, хижину, воду». Принялся я за работу, расписалъ ему стѣну въ лучшемъ видѣ, даже такъ, что самъ удивился. Декораціи, какія надобились, тоже пріуготовилъ; на занавѣси, по его приказанію, голубой краской пустилъ и золотомъ звѣзды разбросалъ—дивно! Подходитъ этотъ самый день, надо ужъ представленію начинаться,—суетъ мнѣ Николай въ руку записку — «бѣги, говоритъ, отдай этой комедіанткѣ-то самой и скажи, чтобъ непремѣнно приходила: ей пропускъ будетъ». Отдалъ я... Что же ты думаешь, другъ,—пришла вѣдь! То-есть какъ онъ обрадовался! Совершенно какъ сумасшедшій сталъ.

«Хорошо. Сыграли это — и онъ игралъ, преотлично, надо сказать, сыграли. Народу навалило тьма тьмущая: семинаристы это, бабы разныя, чиновники, то-есть вся улица, какъ есть, привалила. Христа ради просятъ: позвольте въ щелочку заглянуть. Ужъ и надорвали животики! Этакого смѣху, кажется, въ жизнь свою никто не видалъ. И любезная его тоже хохочетъ и въ ладоши бьетъ. Много что-то они тутъ представляли—ужъ я теперь и не помню. Опослѣ того представленія—къ тестю, пить. Нашъ Коля пообглядѣлся маленько, видитъ: компанія зачумѣла—сейчасъ за шапку да къ ней... да цѣлую ночь и не бывалъ... Тутъ малый къ этой бабѣ совсѣмъ присосался — и все ученье навыворотъ пошло.

«Дальше да больше, дальше да больше — анъ и подошло ему время семинарію кончать... Тогда стали [illegible] родные говорить: «Ты, молъ, Коля, теперича [illegible] [illegible]: старайся, какъ можно...» Братъ жалобный говоритъ ему, окромя того: «Ты [illegible] быть [illegible] монашескомъ званьи, [illegible] прежніе успѣхи [illegible] [illegible]ся, Богъ [illegible] [illegible] и въ [illegible]риты выйдешь».

«[illegible]» — говоритъ Николай-то — «[illegible] [illegible] не могу, потому пропалъ души моей [illegible] [illegible]ры.

— А мы желаемъ въ монахи.

«Тутъ малый и сѣлъ! Сами посудите, какое [illegible] [illegible]? Стали его на двѣ части рвать — [illegible] [illegible] и [illegible] маленько того... Подходитъ его самой

послѣднее время — «ахъ, говоритъ, брошу я всѣ эти книжки, авось, говоритъ, выгонятъ въ шею...» Совсѣмъ бросилъ учиться, махнулъ рукой и въ той надеждѣ былъ, что исключатъ его или по третьему разряду выпустятъ; но однакоже такого онъ ума обширнаго былъ, что все же и при нерадѣніи въ первыхъ вышелъ... Весьма его это убило! Запивалъ онъ въ ту пору ужъ препорядочно. А отъ бабы этой, любимицы-то, не оторвешь его. Часто я туда ходилъ за нимъ и, бывало, видишь, какъ она хлопочетъ — напримѣръ, сейчасъ его на кровать, окно завѣситъ, на цыпочкахъ ходитъ... цссс... «почиваютъ»... Бывало, станетъ мнѣ говорить: «Я, говоритъ, на своемъ вѣку видѣла мужской полъ, не утаю; ну, только Колю мнѣ пуще всѣхъ жаль — простъ онъ и, окромя того, душу въ себѣ имѣетъ высокую. Да ужъ и любитъ же онъ меня! Куда ему въ монахи!» Оно такъ по-настоящему и выходило. Между прочимъ, съѣзжаются изъ деревень родственники за дѣтьми, чтобы, то-есть, на вакацію домой взять. Помню я одинъ денекъ. Даже теперь страшно вспомнить, какую человѣкъ лютость въ себѣ имѣть можетъ...

«Собрались, помню, родственники Николая у женатаго брата въ комнатѣ. Страсть народу! Все это въ куражѣ, бурлитъ... Собралась вся эта компанія провожать Колю въ Москву, въ академію. Все это оретъ, кричитъ; пѣсни, ругательства, водка. Коля цѣлый день какъ шальной ходилъ. Поблѣднѣлъ, похудѣлъ, словно годъ въ лазаретѣ вылежалъ. Назначено было ему ѣхать съ капитаномъ Звѣревымъ. Помню: капитанъ этотъ молодой, плотный, приземистый, рожа красная, усы черные и лысинка небольшая. Ходилъ нараспашку; панталоны широкія со складками и манишки черныя носилъ. Сейчасъ пришелъ, шапку бросилъ въ уголъ, подошелъ подъ благословеніе, честь-честью, потомъ водки дернулъ и началъ разсказывать; подчался хохотъ, опять закипѣли самовары, водка, пѣсни, пошелъ въ домѣ содомъ еще пуще... Жена Колина брата проситъ мужа: «Ѳедоръ Лукичъ, побойся Бога, когда все это кончится?» — «Поди прочь, не твое дѣло!» — «Который, говоритъ, день пьянство идетъ, Господи!» — А мужъ ей: «Дай ты мнѣ, ради самого Бога, хоть разъ вздохнуть свободно!» Сидимъ мы съ Колей. — «Ну, прощай», говорю ему. — «Я не поѣду». — «Какъ?» — «Да такъ и не поѣду совсѣмъ: я убѣгу». — «Нѣтъ, ты, говорю, этого не смѣй, потому отъ родныхъ да бродягой въ острогъ попадешь — хуже того». — «Нѣтъ, все же я

не поѣду; что̀ хотятъ, то пусть и дѣлаютъ». А гости пируютъ попрежнему. Тары да бары, хохотъ да водочка— настегались ребята въ лучшемъ вкусѣ... У каждаго въ головѣ засѣяно было здорово. А ямщикъ капитанскій ждалъ-ждалъ:—«Что̀ же, говоритъ, господа, надо ѣхать; этакъ до ночи въ Марьино не попадемъ». Дадутъ ему водочки— ждетъ. Наконецъ даже и капитанъ вспомнилъ: «Пора, говоритъ, теперь помолиться съ теплотою Богу—и въ путь! Гдѣ мой попутчикъ?» Отыскали Николая, привели въ горницу. Стали молиться; иной поклонится въ землю, потомъ вдругъ и набокъ, и лежитъ, встать не можетъ. Удивленіе!.. Начали прощаться...—«Ну, Николай,—говоритъ старшій братъ:—цѣлуй мою руку, потому я тебѣ второй отецъ. Ты меня долженъ въ благодѣтеляхъ считать. Цѣлуй!»—«Я, говоритъ Николай, не поѣду!..»—«Ка-акъ??» Такъ всѣ и заржали...—«Вотъ мило!—говоритъ капитанъ.—Я, быть-можетъ, ста попутчикамъ отказалъ. Н-нѣтъ-съ, я не позволю... Да какъ же ты это смѣлъ подумать?» Обступили малаго со всѣхъ сторонъ, ругать всячески начали... Вижу, позеленѣлъ мой пріятель, да какъ гаркнетъ:

«— Не хочу! Изверги!—и вонъ изъ комнаты...

«Всѣ за нимъ шарахнули, этакое ополченіе! «Ка-акъ, орутъ... нѣтъ, ты, братъ, погоди!..» Забился бѣдняга отъ нихъ въ кухню; вижу я въ дверь, бѣгаетъ онъ около стола, кружитъ, а старшій братъ за нимъ съ голикомъ, да все такъ въ лицо-то ему этими корешками и тычетъ. Задохнулся малый, прижался въ уголъ, лицо блѣдное, исцарапанное.—«Убью!»—говоритъ. А братъ пуще того—по головѣ, по груди, по чемъ ни попади... Хотѣлъ-было я за него вступиться, потому, истинно скажу тебѣ, другъ, [illegible] [illegible] облилось; но чиновникъ брат[illegible], при[illegible] на меня и [illegible] погрозился. Къ старшему брату [illegible] родныя, начали малаго [illegible]. Наконец[illegible] выр[illegible] [illegible] за [illegible] въ сани, въ [illegible] [illegible] побился. Опять [illegible] [illegible] съ [illegible], съ мотлами, съ кочергами...

Стоимъ мы на крыльцѣ: женщины, которыя [illegible] плачутъ особенно помня, чужина тетка его, жена брата чиновника [illegible]. Но капитанъ [illegible] [illegible] и говорилъ. — «Вы, сударыни, не извольте безпокоиться. Это дѣло совсѣмъ пустое». [illegible] прочитъ, только стонъ стоитъ... И [illegible] [illegible] Николай. Ахъ, [illegible], добили!..

«И дѣйствительно, вижу — ведутъ его подъ руки. Совсѣмъ малый безъ чувствъ. «Извозчикъ, кричатъ, подавай!» Подкатила телѣга, стали они его, словно куль съ мукой, туда валить. «О-охъ»,—стонетъ, а глаза открыть не можетъ. Посмотрѣлъ я на него:—Боже мой! все лицо въ синякахъ, изъ носу кровь... Сѣлъ потомъ капитанъ.—«Съ Богомъ!» Уѣхали. — «Ну, слава Богу, — заговорили родственники:— по крайности выпроводили!» И стали опять винцо попивать.

«Пошелъ я домой; иду по двору — и все-то капли кровяныя на камняхъ. И, кажется, сколько лѣтъ прошло, а я каждый камушекъ и теперича помню!..»

— Это что̀? — сказалъ спутникъ живописца такимъ тономъ, въ которомъ слышалось: такія ли еще дѣла дѣлаются. Ну, что̀ же потомъ съ нею-то?..

— А съ нею, другъ мой, видишь ли что̀... Какъ уѣхалъ Николай-то въ Москву, стала она объ немъ тосковать. Письма онъ ей писалъ все грустныя: утоплюсь, удавлюсь— этакое все. Слухи прошли, быдто совсѣмъ потерялся онъ; иной разъ сумасшествіе на него находило. Въ Сухареву башню топиться ходилъ, все этакія печали да горести до ей доходили. А тутъ, между прочимъ, ѣсть нечего... ребенокъ... хлопоты, стѣсненія. За болѣзнею за своею театры эти она оставила, да, признаться, ее и не требовали больше туды—изъ лица она спала, обрюзгла, и игры той ужъ не было... Стала она, другъ мой, горе мыкать. Прошелъ годъ, прошелъ другой, дѣла въ Москвѣ все хуже да хуже; прошли потомъ слухи, быдто тамъ какая-то посадская дѣвчонка его яблокомъ заговореннымъ къ себѣ приманила, и сталъ быдто онъ еще горче запивать. Даже родные про него слуховъ въ то время не имѣли, живъ ли?..

«Тутъ у ея такія тяжкія дѣла подошли... да опять же и то горе, что покинулъ... такія, говорю, трудности, что сама она мнѣ въ ту пору говорила:—«Право, говоритъ, я теперь на все готова... я, говоритъ, съ Богу, ни въ одномъ мѣстѣ [illegible]алѣю [illegible]». А тутъ къ ней и подлаживался одинъ человѣчекъ.

«Былъ онъ какой-то совѣтникъ, старичокъ; человѣкъ богатый, вдовый. Остался у него послѣ смерти жены сынъ. Отецъ, кажется, всю жизнь свою положилъ въ него, но вышелъ, замѣсто того, изъ этого сына какъ есть болванъ. Ростомъ длиннаго, худой, шея журавлиная, языкъ заплетается... До двадцатаго году достигъ онъ отъ роду и только что

умѣлъ домики рисовать... Какъ есть въ полномъ комплектѣ олухъ. Отецъ же около него все стараніе прилагалъ, какъ бы люди на смѣхъ не подымали. Бывало—смѣхъ, ей-Богу,—идутъ они по улицѣ: сынокъ шею вытянетъ, руки какъ у мельницы ходятъ—умора; а отецъ глазъ не спускаетъ съ этакой красоты. Идутъ-идутъ: — «Стой!» Что̀ такое? Пухъ на шляпѣ прилипъ... Сейчасъ обчищать. Или, случится, гуляютъ они по бульвару, народу видимо-невидимо; вдругъ опять:—«Стой!» Начнетъ галстукъ сынку любезному перевязывать. Самъ-то онъ росту маленькаго, а сынъ — эва, дылда; по этому случаю отецъ на цыпочки становится, а сынъ на колѣнки. Уморушка да и только.—«По сторонамъ не глазѣть,—шепчетъ ему отецъ. — Ты теперь въ полномъ соку юноша, ты теперь долженъ стараться заслужить чью-нибудь любовь, т.-е. у женскаго пола—это, говоритъ, даже и по медицинѣ не грѣхъ въ твои года».—«Слушаю-съ, папенька», это сынокъ-то.—«Я въ твои года, — продолжаетъ отецъ:—былъ словно пѣтушокъ... Такъ и слѣдуетъ! Только старайся отыскать къ себѣ любовь истинную». — «Слушаю-съ...»

«Сталъ этотъ олухъ промежду женскаго полу увиваться, только хохотъ надъ нимъ раздается — никто на него и вниманія обратить не хочетъ. Танцовать проситъ—никто не идетъ, потому барыню онъ такъ грохнулъ объземь—смерть просто. Попробовалъ на лошади зимой кататься—тоже не вышло, потому и такъ-то онъ съ колокольню, а на лошади—это ужъ, даже если только посмотрѣть, и то опасно: высота безпредѣльная... Выѣхалъ на [illegible] всѣ такъ со смѣху покатались. Сконфузился [illegible] сторону, онъ бросъ, [illegible] по воздуху [illegible] рогатинкой, за [illegible] бочкой и [illegible] Тутъ съ того времени онъ и глазъ не [illegible] сынку. Между тѣмъ замѣчаетъ [illegible] что сынокъ [illegible] гуляетъ [illegible] гуляющій. [illegible] [illegible] [illegible]

что тутъ изъ жалости дѣло шло. Глаша говоритъ:—«Мнѣ все равно теперь—что̀ чортъ, что̀ дьяволъ».—«Согласны?»—«Согласна!» Поселилъ ихъ старикъ вмѣстѣ. Въ ту пору я часто къ ней захаживалъ: сижу, бывало, въ передней на оконникѣ и вижу его, этого олуха-то. Сидитъ онъ на диванѣ, въ полномъ костюмѣ, расчесанъ, ручки сложилъ.—«Что-жъ вы спать не ложитесь?»—скажетъ ему Глаша.—«Спать? сейчасъ». И пойдетъ спать. А не скажи ему, самъ не догадается. Останемся мы съ ней вдвоемъ-то, а она все про Николая, только про него одного разговоръ у насъ шелъ. Бывало, заплачетъ-заплачетъ, бѣдная!.. Ну, да и что̀ будешь дѣлать-то? Каково, въ самомъ дѣлѣ, съ сумасшедшимъ человѣкомъ-то жить! Жила она такъ съ этимъ дуракомъ никакъ съ полгода мѣста. На что ужъ трудны дѣла ея были, все-таки невмоготу ей стало себя продавать, отказалась она отъ него...—«Не могу, хоть зарѣжьте!»—«Чѣмъ же вы, говорю, барышня, жить-то будете? они, господинъ совѣтникъ, теперь вамъ помощь оказываютъ, а вѣдь тогда, поди-ка-сь, своимъ-то трудомъ немного получите!..»—«Лучше я, говоритъ, издохну...» Такъ-таки и отпихнулась отъ него. Ужъ какъ же самъ старикъ-то плакалъ, какъ убивался этимъ отказомъ, что и не пересказать мнѣ вамъ.—«Онъ, говоритъ, безъ васъ, Глаша, совсѣмъ околѣетъ...» Ну, Глаша обнаковенно ничего ему на это не могла присовѣтовать. Такъ и разошлись они. На прощаньи старикъ всунулъ ей деньгами что-то много; она-было не соглашалась,—однако взяла.

«Прошло такъ еще года съ два. Подходитъ срокъ Николаю изъ академіи выходить... Тутъ отъ него письмо получили:—«ѣду», говоритъ... И пріѣхалъ, дѣйствительно, въ скорости, ну—только совсѣмъ не тотъ. Горькій пьяница!.. Дали ему въ училищѣ мѣсто; началъ-было сначала онъ туды ходить исправно, потомъ свихнулъ и запилъ. Въ эту пору онъ тоже ужъ запоемъ стегалъ. Только-что пріѣхалъ, Глашу отыскалъ. Она ему все подробно, что̀ было... Ну, Николай сталъ опять съ [illegible] разссорился, только у[illegible] про[illegible]-то не было!.. Н-нѣтъ! Не [illegible] развеселые дѣньки, слезовыя времена наступили. Ужъ тутъ онъ даже и съ любезной-то своей не ладилъ, случалось. Сталъ совсѣмъ другой человѣкъ, и горе-то другое у него было какое-то, только никто разобрать не могъ—въ чемъ оно.

«Пилъ-пилъ, да съ тѣмъ и ноги протянулъ... Всего, можетъ, съ годъ мѣста пожилъ... Человѣкъ былъ!»

Время между тѣмъ подходило къ вечеру; послѣ шести часовъ въ воздухѣ начинала чувствоваться прохлада. Солнечные лучи потеряли свою полуденную жгучесть, но зато были необыкновенно свѣтлы и ярки. Мѣщанинъ тихо съѣхалъ со двора, хриплымъ спросонокъ голосомъ распростившись съ хозяйкой. Одинокій наѣздникъ съ багровымъ отъ водки лицомъ сидѣлъ на крыльцѣ, держась за столбъ, поддерживающій крылечную крышу; онъ иногда словно хотѣлъ встать, но тѣло его не слушалось. Въ ворота сосѣдняго постоялаго двора въѣзжала рогожная повозка, наполненная множествомъ женщинъ и дѣтей. Хозяинъ постоялаго двора шелъ за повозкой безъ шапки. Живописецъ и его спутникъ виднѣлись уже на концѣ поселка: они торопились засвѣтло выбраться на большую дорогу. Жена наѣздника, несмотря на то, что мужъ ея былъ пьянъ мертвецки, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ смотрѣла на него.

«Ишь,—думала она:—мужъ-то, вотъ онъ».

Не съ такимъ удовольствіемъ взиралъ на наѣздника Иванъ; при видѣ фигуры хозяина онъ чувствовалъ нѣкоторый страхъ, точно сознавалъ, что стоитъ надъ какой-то бездной, въ которую полетитъ непремѣнно; но что всего горше—Иванъ рѣшительно не зналъ, когда онъ полетитъ туда и возможно ли избавиться отъ этой погибели.

Изъ записокъ маленькаго человѣка.

I. «Читатель»

Нѣсколько [illegible] назадъ печать [illegible] былъ, [illegible] помнитъ читатель, одно время сильно [illegible] такъ-называемымъ супріановскимъ процессомъ, [illegible] [illegible] городѣ и [illegible] [illegible] разбойникъ, Хар[illegible] и [illegible] [illegible] по своему внутреннему содержанію [illegible] весьма почетное мѣсто. Подобно своимъ достойнымъ [illegible] начался онъ отъ совершенно ничтожныхъ обстоятельствъ, такъ сказать, загорѣлся отъ копеечной [illegible] и, быстро достигнувъ громадныхъ размѣровъ, [illegible] [illegible] Рожей [illegible] множество самыхъ [illegible] [illegible] дѣтъ и дѣвицъ, совершившихся, [illegible]

лось, въ средѣ такъ-называемаго образованнаго общества.

Я не имѣю намѣренія перечислять здѣсь всѣ темныя и скандальныя дѣла этого процесса, такъ какъ, помимо утомительности этого труда, интересъ скандала не имѣетъ для меня ровно никакого значенія. Для пишущаго эти строки вся вереница обнаруженныхъ безобразій интересна исключительно только относительно тѣхъ непривлекательныхъ, но подлинныхъ, неподдѣльныхъ, ничѣмъ не прикрытыхъ цѣлей и желаній, которыя обнаружились, благодаря процессу, въ человѣкѣ, обязанномъ, казалось, руководствоваться болѣе широкими и свѣтлыми цѣлями и желаніями...

Вялый, не всегда аккуратный исполнитель тѣхъ идей, за которыя платитъ начальство, не сумѣвшій наполнить своею личною волей даже тѣхъ пространствъ, которыя отведены и дозволены для этой воли, слишкомъ терпѣливо скучающій съ своими приватными идеями, — этотъ вялый, безхарактерный человѣкъ вдругъ оказался и смѣлымъ, и сильнымъ, ни предъ чѣмъ не задумывающимся, ничего не щадящимъ на своемъ пути въ такихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, гдѣ не требовалось никакихъ ни оплачиваемыхъ ни неоплачиваемыхъ идей, гдѣ не требовалось ничего, кромѣ самыхъ грубыхъ, животныхъ аппетитовъ.

Все обиліе скандалезныхъ и темныхъ дѣлъ процесса показывало именно всю ничтожность этихъ аппетитовъ, которые всѣ сію минуту можно перечислить на трехъ пальцахъ—такъ ихъ мало, такъ они просты и первобытны. Глядя на ничтожность той сферы, гдѣ интересующій насъ человѣкъ является полнымъ хозяиномъ, невольно становилось страшно за микроскопическіе размѣры, до которыхъ доведена личность этого человѣка. Боже милосердный, какъ онъ малъ, этотъ человѣкъ! Разумѣется, съ такими средствами и оплачиваемыя и неоплачиваемыя дѣла вѣчно будутъ оставаться безъ результата или очень остроумно сводиться на ноль... Вотъ каковъ смыслъ этого процесса. Много было по поводу его шуму и толковъ, но ни на кого онъ не произвелъ такого сильнаго впечатлѣнія, ни для кого такъ много не значилъ, какъ для пишущаго эти строки. Впрочемъ, быть-можетъ, и я, подобно другимъ, впослѣдствіи позабылъ бы его, если бы самъ не попалъ въ этотъ процессъ какимъ-то свидѣтелемъ какихъ-то пошлостей и, благодаря этой неожиданной связи съ очень маленькимъ человѣкомъ и очень большимъ животнымъ, я сталъ думать

о себѣ, о подлинныхъ размѣрахъ моихъ силъ, моихъ личныхъ желаній—сравнительно съ тѣми, которыя признавалъ я за собою до сихъ поръ.

Впрочемъ, прежде всего я позволю себѣ два слова о томъ, чѣмъ именно былъ я до сихъ поръ.

Лѣтъ шесть-семь тому назадъ одинъ изъ моихъ деревенскихъ сосѣдей, человѣкъ, не отличавшійся никакими умственными богатствами, совершенно случайно такъ мѣтко опредѣлилъ мою особу и мою профессію, что кличка, данная имъ мнѣ, признана за мною всѣми единогласно, и я ношу ее въ моей семьѣ и въ кругу сосѣдей даже до настоящаго времени. Подъѣхавъ какъ-то вечеркомъ къ воротамъ моего хутора, онъ придержалъ лошадь и просто отъ-нечего-дѣлать спросилъ дворника:—«Что̀, дома вашъ... читатель-то?» Случайно мнѣ пришлось видѣть изъ окна физіономію дворника: не болѣе одной минуты на лицѣ его было какъ бы нѣкоторое недоумѣніе, происходившее, очевидно, отъ незнакомаго слова *читатель*; но это краткое недоумѣніе почти мгновенно замѣнилось свѣтлой улыбкой, словно у трудной загадки оказывалась самая простая разгадка.—«Читатель-то? — весело переспросилъ онъ: — дома, дома, да вотъ они!»—и онъ указалъ на меня. Я видѣлъ, что это слово ему словно пришлось по вкусу: отворяя гостю ворота, онъ продолжалъ улыбаться... «*Читатель*! — казалось, думалъ онъ:—вотъ что̀...» И онъ понялъ, что именно этого слова недоставало ему для того, чтобы разрѣшить себѣ недоумѣнія относительно моей особы. Ему стало ясно, отчего я не хожу по утрамъ въ конюшню, не веду разговоровъ съ лошадьми (ихъ, впрочемъ, немного), не торгуюсь, не мѣняюсь, какъ дѣлалъ бы всякій баринъ моихъ лѣтъ, не принадлежащій къ особенно знатной семьѣ. Ему стало ясно, почему это, если и забредетъ этотъ баринъ въ конюшню, то вмѣсто разговора о дѣлѣ продолжаетъ смотрѣть въ книгу, которую потомъ долго ищутъ по всему дому, пока самъ дворникъ Петръ не предъявитъ ее, объявивъ, что вотъ, молъ, нашелъ, что... Теперь онъ зналъ, что все это оттого, что это не баринъ, а читатель...

Подобно дворнику, съ появленіемъ этого мѣткаго слова, поняла меня и жена, смотрѣвшая на меня съ какимъ-то недоумѣніемъ чуть не съ перваго дня брака и, кажется, втайнѣ считавшая меня за сумасшедшаго; поняла и теща, при всемъ ея умѣ до сихъ поръ затруднявшаяся сказать обо мнѣ что-нибудь опредѣленное и невольно раздѣлявшая,

кажется, взгляды моей жены... «Читатель!» Это слово объяснило имъ все: вотъ отчего я — помѣщикъ, но не занимаюсь хозяйствомъ, вотъ отчего я—отецъ семейства, но какъ будто не забочусь о дѣтяхъ, вотъ отчего я—мужъ, не выказывающій никакихъ ни хорошихъ ни дурныхъ качествъ мужа: теперь все это стало понятно; скоро и сосѣди, когда до нихъ дошло это слово, поняли, отчего имъ не о чемъ со мной говорить, отчего я не ѣзжу въ гости, отчего, когда эти гости пріѣдутъ ко мнѣ,—я вдругъ среди бесѣды скроюсь и оказываюсь спящимъ такъ, что не могутъ добудиться... За сосѣдями изъ благородныхъ поняли сосѣди-крестьяне, и въ очень короткое время кличка «читатель» осталась за мной навсегда. «Я у читателева барина пять съ полтиной получалъ, что̀ вы?»—торговался мужикъ, нанимаясь къ сосѣду. «Ишь, читателевы телята-то какъ отощали!»—говорилъ другой. Пошли «читателевы хомуты», «читателевы родители» и т. д.

Особенно старательно занималась укрѣпленіемъ этой клички за мною матушка моей жены, женщина удивительно даровитая. Природный юморъ ея вдругъ проснулся отъ одного прикосновенія этого мѣткаго слова, и нельзя не сознаться, что она сумѣла разработать этотъ эпитетъ въ самую смѣшную, нелѣпую сторону. Вотъ пришелъ дворникъ Петръ и объявляетъ, что сегодня ночью пропали хомуты.— «Давеча съ заборомъ, теперя съ хомутами. То заборъ завалился, то хомуты пропали... Пропали!—будто бы съ негодованіемъ отвѣчаетъ на это заявленіе моя теща.—Неужели вы не можете понять, что барину вашему съ одними заграничными дѣлами только-только впору справиться, а не то чтобы еще и этакой, прости Господи, дрянью заниматься?.. Хомуты! Ты бы поглядѣлъ, какъ онъ, бѣдный, сегодня съ пріятелемъ всю-то, всю-то ночь убивались, успокоиться не могли до шестого часу: все хотѣли сдѣлать во вредъ французскому начальству... Иная какая-нибудь дура-жена прямо бы вышла да огрѣла бы по шеѣ и гостя-то и барина, чтобы они не орали по ночамъ да не пугали дѣтей, а мы, батюшка мой,—«какъ можно!». Я вонъ какъ ньяная хожу, глазъ сомкнуть не дали всю ночь, покуда у самихъ языки-то, должно-быть, не окостенѣли... А ты лѣзешь съ хомутами...»

— Аль вы проснулись?—необыкновенно ласково и весело восклицаетъ она, адресуясь иной разъ непосредственно ко мнѣ.—А тутъ гости пріѣзжали, и представьте, какіе невѣжи—обидѣлись: ѣхали за пятнадцать верстъ всей семьей,

думали, какъ у другихъ у сосѣдей—чаю напиться, поговорить, а вы спите на самомъ на парадномъ диванѣ... Я подвела Ивана Ларивоныча:—«Вотъ, говорю, до чего утомленъ заграничными безпокойствами, что среди бѣла дня свалился... Говорю: такія безпокойства имѣетъ, такія безпокойства, что вотъ ужъ, кажется, спитъ, а и то весь въ вѣдомостяхъ, весь въ газетахъ. Ужъ извините, говорю».— Плюнулъ даже, невѣжа... А вы изъ этихъ изъ газетъ-то только личико свое прекрасное показываете, ровно вотъ какъ иной разъ свиньи, ежели, знаете, зарываются въ грязи...

Иногда она какъ бы выходила изъ терпѣнія, и тогда юмористическая рѣчь ея принимала оттѣнокъ нѣкоторой серьезности.

— А что̀, Иванъ Андреичъ, какъ вы думаете, что ежели, храни Богъ грѣха, да какъ-нибудь ночью нечаянно вспыхнутъ эти ваши вѣдомости и депеши, что̀ тогда, можемъ мы сгорѣть, или такъ пройдетъ? — Но неудовлетворительность отвѣтовъ съ моей стороны дѣлала этотъ тонъ совершенно безполезнымъ, и ей оставалось одно — попрежнему только подтрунивать надо мной... — Что̀ это какой я сонъ страшный видѣла сегодня,—сидя за утреннимъ чаемъ, начинаетъ Марья Ивановна, искоса бросивъ взглядъ въ мою сторону.— Вижу, будто бы въ дѣтской потолокъ этакимъ манеромъ провалился и всѣхъ ребятъ и насъ—всѣхъ задавилъ... Что̀ бы это значило? Ужъ не «къ плотнику» ли? Да нѣтъ! ежели бы за плотникомъ посылать, такъ ужъ давно бы пора было. А то не посылаемъ... Нѣтъ! стало-быть, надо понимать на другой манеръ... Ужъ все ли за границей благополучно? Помилуй Богъ!.. Иванъ Андреевичъ! Нѣтъ ли чего въ газетахъ? Успокойте, пожалуйста...

Вообще кличка «чататель» имѣла въ себѣ, несмотря на очевидную насмѣшку, нѣкоторую долю правды. Иностранныя безпокойства дѣйствительно пріобрѣтались мною единственно помощью безпрерывнаго чтенія и разсужденія надъ вопросами, ничуть не похожими на разсужденіе о пропавшихъ хомутахъ, проваливающихся потолкахъ, о неудовлетворительности исполненія помѣщичьихъ, супружескихъ, родительскихъ и тому подобныхъ обязанностей. Мысль моя подъ вліяніемъ непрерывнаго и разнообразнаго чтенія постоянно держалась на такой высотѣ, что оттуда всѣ эти обязанности, хомуты, потолки и другія будничныя заботы и явленія представлялись мнѣ какъ бы въ туманѣ, или какъ вещи, которыя теперь неизбѣжны, но которыхъ не должно быть...

Ждать этого, повидимому, я могъ довольно терпѣливо. На этой высотѣ, въ этомъ далекѣ я не ощущалъ даже собственнаго своего вѣса, не замѣчалъ самого себя до тѣхъ поръ, покуда не брякнулся въ купріяновское дѣло, которое и показало мнѣ этотъ вѣсъ, вслѣдствіе чего вся прошедшая жизнь моя приняла совершенно другой цвѣтъ.

Мнѣ стало приходить въ голову, что обиліе и превосходное качество идей, исповѣдуемыхъ мною, ничуть однакожъ не мѣшало быть мнѣ самому вовсе не тѣмъ, чего бы требовали эти идеи. Такъ, не исполняя помѣщичьихъ обязанностей, я тѣмъ не менѣе былъ все-таки помѣщикъ, жилъ на чужой трудъ, ѣлъ незаработанный хлѣбъ и не замѣчалъ этого... Я не замѣчалъ, какъ пропали хомуты, не интересовался тѣмъ, кто подалъ прошеніе становому объ разысканіи воровъ, но не замѣчалъ также, что мнѣ бы должно быть очень горько при извѣстіи, что хомуты найдены, а воры схвачены и сидятъ... Нѣтъ, стало мнѣ казаться, мои идеи не составляли моей жизни, иначе какъ бы могло случиться, что вокругъ меня въ теченіе тридцати пяти лѣтъ во имя ихъ не измѣнилось ничто ни на одинъ вершокъ, что, какъ и тридцать пять лѣтъ назадъ, становой охраняетъ мою собственность, а рабочій своимъ трудомъ даетъ мнѣ хлѣбъ. Правда, во имя исповѣдуемыхъ мною идей я постоянно желалъ предпринять нѣчто очень большое, но всякій разъ находилось множество весьма основательныхъ доводовъ, вслѣдствіе которыхъ я не предпринималъ ровно ничего. Единственное воспоминаніе, имѣвшее для меня кое-какое оправдательное значеніе,—шесть мѣсяцевъ занятій въ сельской школѣ, представлялось мнѣ такою ничтожною попыткою дѣлать дѣло, что я охотно объяснилъ ее теперь простымъ желаніемъ не дѣлать ровно ничего...

Всѣ эти соображенія показали мнѣ, что между мною и маленькимъ человѣкомъ существуетъ самая неразрывная связь: обоимъ намъ не пошли въ прокъ ни дозволенныя ни недозволенныя идеи; ни въ тѣхъ ни въ другихъ мы не были заинтересованы жизнью, довольствуясь очень малымъ, съ тою разницею, что я былъ этимъ малымъ очень доволенъ и былъ вполнѣ спокоенъ, а маленькій человѣкъ выдѣлывалъ разныя штуки, проявлялъ въ нихъ удивительную природную даровитость; въ остальномъ мы были равны. Это меня глубоко опечалило... Подъ вліяніемъ глубокаго личнаго огорченія я невольно долженъ былъ задуматься о другихъ такихъ же маленькихъ, какъ и я, людяхъ, у ко-

торыхъ — какъ доказали продѣлки процесса — есть и сила, и умъ, и воля, которые почему-то проявляются покуда только въ области самаго мелкаго эгоизма, дѣлающей жизнь скучною, мертвою, и, вопреки здравому смыслу, ровно ничего не даютъ въ пользу тѣхъ идей, которыя могли бы сдѣлать жизнь—жизнью, которыя носятся въ воздухѣ, которыми нельзя не дышать даже самымъ отъявленнымъ звѣрямъ купріяновскаго процесса.

Все, что̀ придумалось и припомнилось мнѣ въ ту пору, я и хочу теперь изложить въ этихъ запискахъ, соблюдая въ изложеніи моихъ впечатлѣній тотъ порядокъ, въ какомъ они слѣдовали одно за другимъ.

II. Воспоминанія.

—«Умереть!»—вотъ что̀ сидѣло у меня въ головѣ, когда я выходилъ изъ залы нашего окружнаго суда послѣ того, какъ она огласилась рукоплесканіями по случаю полнаго оправданія всѣхъ подсудимыхъ по купріяновскому дѣлу. «Зачѣмъ жить, зная, что ничего не можешь, что даже ничего не хочешь?»—твердилъ я себѣ въ какомъ-то столбнякѣ, шлепая по грязи среди темной августовской ночи... Только-что вынесенныя мною гнетущія впечатлѣнія и темная непривѣтливая ночь, съ мертвыми улицами и глубокими лужами, спирали дыханіе, тѣснили грудь... Мнѣ страстно хотѣлось воздуха, явилась неотложная потребность уѣхать куда-нибудь непремѣнно, сейчасъ же... Какъ-то добрелъ я до гостиницы, гдѣ ожидала меня жена, что-то говорилъ ей въ объясненіе необходимости моего немедленнаго отъѣзда, и ужъ не помню, какъ очутился потомъ на пароходной пристани.

По счастью, у пристани стоялъ большой американской системы пароходъ, остановившійся ночевать, стало-быть, я могъ уѣхать... Много народу спѣшило воспользоваться этимъ случаемъ и толкалось по пристани съ узлами, подушками, чтобы пораньше занять мѣстечко и залечь спать. Много народу плелось сюда и толкалось такъ, отъ скуки. Меня долго толкали взадъ и впередъ, и такъ какъ, пораженный столбнякомъ, я вовсе не думалъ сопротивляться этимъ толчкамъ, то иной разъ ноги мои заносили меня вовсе не туда, куда мнѣ было надо. Я бы очень долго не попалъ на пароходъ, если бы случайно меня не втянула

въ свои нѣдра кучка народу, направлявшаяся туда, и, подхвативъ меня подъ бока подушками и сундуками, не доставила прямо въ верхній этажъ, гдѣ помѣщаются первый и второй классы.

Въ первомъ классѣ съ опущенными на окнахъ занавѣсками, пропускавшими довольно сильный свѣтъ, къ которому льнули любопытные глаза, помѣщалась какая-то важная особа. Во второмъ классѣ было шумное общество. Въ табачномъ дыму можно было разглядѣть нѣсколько лицъ, сѣвшихъ на пароходъ изъ нашего города. Всѣхъ, очевидно, занималъ только-что окончившійся процессъ, о чемъ я тотчасъ же догадался, услыхавъ двѣ-три знакомыя фамиліи съ прибавленіемъ не совсѣмъ лестныхъ эпитетовъ. Эти толки не могли быть интересны для меня, которому процессъ задалъ такую нравственную муку, — я ушелъ изъ каюты и, выйдя на галлерейку, идущую вокругъ всего второго этажа, сѣлъ здѣсь на лавочку... За спиной моей лежалъ по склону горы темный, скучный городъ, впереди тусклый отсвѣтъ Волги, которая по временамъ хлестала въ пароходные бока, а въ головѣ тянулся рядъ нестройныхъ тягостныхъ мыслей. И вотъ что, сидя на этой лавочкѣ и припоминая путь, по которому я достигъ до купріяновскаго процесса,—вотъ что припомнилось мнѣ о житьѣ-бытьѣ провинціальнаго человѣка, угнетаемаго очень маленькими цѣлями, среди довольно большихъ идей, которыми пропитанъ воздухъ.

Прежде всего я долженъ сознаться, что общество, въ которомъ возможны купріяновскія исторіи, весьма понравилось мнѣ при первомъ съ нимъ знакомствѣ. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ послѣ продолжительнаго пребыванія въ деревнѣ, гдѣ у меня очень долгое время не было ни единаго человѣка, котораго бы я могъ взять за пуговицу и, продержавъ такимъ маперомъ около себя часа два-три подъ-рядъ, излить на него всѣ мои не подходящія къ окружающей дѣйствительности и никѣмъ не раздѣляемыя заботы.

И вотъ, наполненный этими заботами, однажды отправился я въ городъ съ весьма простыми хозяйственными цѣлями: нужно было купить чаю, сахару, свѣчей и т. д., о чемъ у меня хранилась подробная записка, въ концѣ которой была прибавлена убѣдительная просьба «не забыть и поторопиться», ибо иначе весь домъ будетъ сидѣть безъ продовольствія и освѣщенія. Ѣхалъ я за покупками, думалъ,

разумѣется, о чемъ-то, вовсе не соотвѣтствующемъ моей простой миссіи, и прибылъ въ городъ, но о покупкахъ забылъ совершенно и вспомнилъ о нихъ только черезъ два дня послѣ пріѣзда.

Произошло это именно отъ того, что общество, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться, произвело на меня самое пріятное впечатлѣніе, отодвигавшее всякія мелочи на задній планъ. Закадычныхъ друзей-пріятелей у меня не было въ городѣ, но было множество знакомыхъ, которыхъ я зналъ и которые меня знали.

Тотчасъ по пріѣздѣ я случайно встрѣтился съ однимъ изъ такихъ знакомыхъ; этотъ знакомый повелъ меня къ другому знакомому, ночевалъ я уже у третьяго, а завтра шелъ съ нимъ къ четвертому; такъ прошли два дня, но я не замѣтилъ ихъ, и вотъ почему именно: несмотря на разнообразіе профессій, которыя занимали посѣщаемые мною люди, всѣ они, какъ мнѣ показалось тогда, вполнѣ раздѣляли вышеупомянутыя мои заботы, которыми я, какъ «читатель», былъ постоянно проникнутъ, всѣ они понимали ихъ и даже какъ будто бы только-что думали о томъ, о чемъ думалъ я. Положительно среди этихъ новыхъ знакомыхъ не было ни одного человѣка, который бы не высказалъ самыхъ новыхъ мыслей, и что особенно подѣйствовало на меня тогда, такъ это то, что новыя мысли раздѣлялись людьми, профессіи которыхъ, повидимому, и были учреждены собственно затѣмъ, чтобы мысли эти прекращать. Мнѣ, какъ человѣку, удаленному отъ интересовъ дѣйствительности, было весьма удивительно видѣть такое обиліе свободномыслящихъ людей, и самое противорѣчіе между свободомысліемъ и профессіею казалось мнѣ въ то время еще бо́льшимъ доказательствомъ успѣха новыхъ идей, которыя, какъ я думалъ, проникаютъ уже въ сферы, явно имъ враждебныя. Подъ вліяніемъ этого-то свободомыслія я забылъ совершенно о покупкахъ и продовольствіи и—ужъ не могу сказать, почему—сталъ крѣпко подумывать о поѣздкѣ за границу, во Францію. Впрочемъ, не одинъ я задумывалъ объ этой поѣздкѣ,—очень много людей изъ числа моихъ новыхъ знакомыхъ тоже хотѣло со временемъ ѣхать во Францію и притомъ навсегда.

Повторяю, я вспомнилъ о покупкахъ спустя два дня послѣ пріѣзда, когда увидѣлъ передъ собою нѣкоего Федосѣева и услыхалъ кое-что изъ его разговоровъ. Этотъ Федосѣевъ—просто голодный человѣкъ. Онъ нигдѣ не кончилъ

курса, нигдѣ не нашелъ мѣста, а между тѣмъ онъ здоровъ, молодъ, имѣетъ огромный аппетитъ и очень мало средствъ къ удовлетворенію его. Аппетитъ его, разумѣется, направленъ къ хорошему иску,—но иска нѣтъ.

Съ утра до ночи онъ безполезно шатается по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть хорошіе иски, гдѣ глотаютъ хорошіе куски, и злость его къ окружающему возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Въ старенькомъ пиджакѣ, плотно облекающемъ его плотное, юное тѣло, онъ мрачно пробирается въ какой-нибудь судъ или съѣздъ съ маленькой трубочкой какого-то копеечнаго векселя въ большихъ красныхъ рукахъ, исподлобья оглядывая идущихъ и ѣдущихъ; ему кажется, что каждый изъ встрѣчныхъ только-что проглотилъ какой-нибудь очень жирный кусокъ, цѣлую деревню, купца съ пароходомъ и т. д. «Чѣмъ я хуже ихъ?»—горько жалуется онъ своей старушкѣ-матушкѣ и, сравнивая ихъ аппетиты, ихніе пріемы и взгляды на все и всѣхъ съ своими, находитъ, что ему не хватаетъ только костюма, ибо въ остальномъ онъ ничуть отъ нихъ не разнится и все понимаетъ точно такъ же, какъ и они, хоть не имѣетъ на это диплома.

Я рѣшительно не замѣтилъ, когда и какъ около меня очутился этотъ Федосѣевъ; но помню, что онъ бродилъ со мною по всѣмъ моимъ новымъ знакомымъ и говорилъ про нихъ, оставшись со мною наединѣ, что-то въ родѣ слѣдующаго:

— Во Фран-ці-ю-у? Это Иванычъ-то ѣдетъ? ха-ха-ха! Да у него здѣсь пять содержанокъ... Чего ему еще?.. Или еще, можетъ-быть, какихъ-нибудь мужиковъ обдѣлалъ, денегъ много сграбилъ?

— Какихъ мужиковъ обдѣлалъ?

— Должно-быть, какихъ-нибудь обдѣлалъ,—мало ли ихъ?.. Намедни онъ съ Кузьминскихъ пятьсотъ рублей неустойки взыскалъ—полчаса опоздали съ деньгами...

— Кто это взыскалъ?

— Да все онъ же—Иванъ Иванычъ; я самъ былъ тутъ, видѣлъ: онъ имъ показываетъ часы—половина перваго, а у ихняго ходока безъ пяти двѣнадцать. «У меня часы по суду поставлены». И взялъ... Я теперь эти деньги съ него взыскиваю. Да что!.. Хоть бы въ самомъ дѣлѣ уѣзжали ужъ, что ли, во Францію-то...

Подобнымъ образомъ Федосѣевъ относился ко всѣмъ почти моимъ новымъ знакомымъ и всегда разсматривалъ

ихъ съ какой-нибудь совершенно неожиданной для меня точки зрѣнія. Взгляды его, разумѣется, были крайне узки и пошлы, но хотя я и понималъ это, однако настойчивость и постоянство, съ которыми Федосѣевъ ихъ высказывалъ, невольно, незамѣтно повліяли и на меня, и я волей-неволей долженъ былъ обратить на нихъ вниманіе, такъ какъ и самъ невольно припомнилъ такія мелочи, которыя какъ будто бы подтверждали, что въ этомъ свободомыслящемъ обществѣ есть какія-то шероховатости. Такъ, припомнилось мнѣ, что когда я входилъ въ кабинетъ одного изъ весьма пріятныхъ молодыхъ людей, послѣдній велъ какой-то весьма оживленный разговоръ, изъ котораго у меня въ памяти осталось нѣсколько весьма отчетливо произнесенныхъ словъ, что-то въ родѣ:

— Принесъ?

— Ваше высокое...

— Рта не открою, покуда все, сполна...

— А-а-а!—привѣтствовалъ молодой человѣкъ меня, при чемъ все выраженіе его лица замѣнилось выраженіемъ гражданской скорби.—Читали?—съ грустью указалъ онъ на газету и, пока я читалъ, онъ поспѣшно окончилъ разговоръ съ мужикомъ въ передней и, воротившись, началъ по поводу газетнаго извѣстія одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые такъ плѣняли меня.

— Явите божескую... — между прочимъ, донеслось изъ передней, когда я бралъ газету.

— Сполна, сполна!

Припомнилось мнѣ еще, что въ другой разъ, въ другомъ, не менѣе симпатичномъ для меня кругу, гдѣ шелъ разговоръ о женскомъ вопросѣ, при чемъ было много высказано самыхъ новыхъ мыслей, съ которыми согласны были положительно всѣ присутствовавшіе, кто-то во время закуски упомянулъ о нѣкоей дѣвицѣ, отправившейся въ Петербургъ, въ академію.

— Н-ну,—проговорилъ еще кто-то, прожевывая бутербродъ послѣ второй рюмки:—эти академіи, батюшка, намъ очень коротко извѣстны: просто поѣхала родить...

Послѣдовалъ хохотъ, послѣ котораго кто-то сказалъ:

— Что̀ за вздоръ! Не можетъ быть... Я никогда не повѣрю.

Я тогда не замѣтилъ этого — даже, кажется, самъ разсмѣялся, когда расхохотались всѣ; я не вникъ тогда хорошенько въ эту болтовню за закуской: у меня было въ головѣ что-то другое. Но теперь, подъ вліяніемъ тлетвор-

ныхъ разглагольствованій Федосѣева, мнѣ всѣ эти мелочи и много-много еще другихъ подобныхъ мелочей припомнилось и зародило во мнѣ нѣкоторое недоумѣніе, очень тщательно поддерживаемое Федосѣевымъ.

— Не повѣритъ—какъ же! такъ онъ и не повѣрилъ!—злобствовалъ Федосѣевъ, припоминая слова того господина, который высказалъ недовѣріе, распространяемое невѣжами относительно женщинъ.—Подите-ка, спросите у его жены, каковъ онъ насчетъ синяковъ, напримѣръ.

— Что̀ вы, Федосѣевъ, съ ума вы, что ли, сошли! Какіе синяки?

— Что̀ мнѣ съ ума сходить! Синяки самые настоящіе... какіе же они еще бываютъ? Вы подите, спросите у нея—она вамъ поразскажетъ кое-что. Онъ вѣдь ее въ Москвѣ бросилъ, когда получилъ мѣсто-то сюда... Она изъ простыхъ, изъ швей, ну, а здѣсь онъ, какъ пріѣхалъ, и сталъ ухаживать за Ломовой—дочь богача-рыбника. Совсѣмъ-было дѣло ладилось, вдругъ эта московская-то пріѣзжаетъ... Она вамъ сама разскажетъ...

Съ каждымъ днемъ разладица въ состояніи моего духа дѣлалась замѣтнѣе и ощутительнѣе, но все-таки не было никакой еще возможности рѣшить, чего больше въ этихъ людяхъ—вѣры ли въ сундуки купчихъ Ломовыхъ или въ женскіе вопросы, въ судейскіе ли часы или въ право ближняго опоздать и не платить того, что̀ по совѣсти платить не слѣдуетъ...

Опредѣлить настоящее, подлинное покуда не было никакой возможности, потому что всевозможныя грубыя вещи, сообщаемыя Федосѣевымъ, объяснялись моими знакомыми съ самой интересной и неожиданной точки зрѣнія. Напримѣръ. Не кажется ли вамъ нѣсколько страннымъ воспользоваться просроченными минутами и, не принимая въ расчетъ ничего, кромѣ права получать деньги,—получить эти деньги? А между тѣмъ, когда вамъ объяснитъ это дѣло тотъ, кто его сдѣлалъ, то оно выйдетъ совсѣмъ не то; по этому объясненію выходитъ, что сдираніе такимъ образомъ денегъ можетъ благотворно повліять на народъ, который, изволите видѣть, наконецъ сообразитъ же, за что это дерутъ съ него и... ну... и т. д. Вамъ страннымъ кажется, почему это одинъ изъ вашихъ друзей, занимающій довольно видное мѣсто въ новомъ судѣ, рѣшается обвинять какого-то страннаго человѣка, положившаго себѣ изъ религіозныхъ теорій собственнаго сочиненія быть молчальникомъ, т.-е.

просто молчать на всѣ вопросы, обращенные къ нему людьми какого бы то ни было званія; страннымъ и несправедливымъ покажется вамъ, что это больное существо обвиняютъ въ анархіи, въ неповиновеніи и, благодаря ловко поддѣланнымъ фактамъ, сажаютъ въ острогъ или ссылаютъ въ Сибирь. Федосѣевъ говоритъ, что это не въ первый разъ, что прошлымъ годомъ, когда въ судѣ присутствовала знатная особа, имѣющая власть, нашъ новый другъ показалъ себя еще болѣе ревностнымъ слугою порядка; но Федосѣевъ—невѣжа, умѣющая видѣть только дурное, а самъ авторъ этихъ анархій, самъ онъ вотъ что̀ говоритъ: «это, по его мнѣнію, тоже, какъ и по мнѣнію адвоката, единственный путь, единственная возможность расшевелить, заставить думать» и т. д. Вотъ какъ умно и ловко объясняютъ они свои подвиги, и не знаю, какъ другіе, но я, какъ «читатель», нѣкоторое время вѣрилъ этому и чуть не съ умиленіемъ смотрѣлъ, какъ они, продолжая быть свободомыслящими людьми, ловили карманы на просроченныхъ минутахъ, отыскивали анархіи, получали крестики и т. д.,—даже попросилъ Федосѣева больше не бывать у меня.

И, несмотря на то, что этотъ злой духъ оставилъ меня и не смущалъ болѣе моего веселаго расположенія духа, подлинныя вѣрованія продолжали выясняться все болѣе и болѣе. Шила въ мѣшкѣ не утаишь! И кто же обнаружилъ, или, по крайней мѣрѣ, далъ мнѣ возможность увидѣть если не всю правду, то большую ея часть? Они же сами, мои новые знакомые, они выдали себя съ руками и ногами. Какъ ни были они согласны другъ съ другомъ въ объясненіи своихъ дѣлъ (какъ видѣлъ читатель, анархію и просрочку они объяснили почти одними и тѣми же соображеніями), но ни одинъ изъ нихъ не вѣрилъ ни на волосъ словамъ другого. Едва я одному изъ моихъ новыхъ пріятелей объявилъ, что человѣкъ, напавшій на молчальника, объясняетъ этотъ поступокъ такъ-то и такъ,—какъ тотъ, которому сказалъ я это, тотчасъ же усомнился.

— Ну, не думаю,—сказалъ онъ.—Это говоритъ Иванъ Кузьмичъ?.. Наврядъ, чтобы общественная польза руководила имъ... Я, конечно, очень и очень цѣню его умъ и вообще... но вотъ прошлый годъ какая вышла исторія...

Исторія была такая, что оставалось только развести руками.

Въ свою очередь, откапыватель анархій, узнавъ о томъ, какъ его другъ объяснилъ геройскій подвигъ свой съ просрочкой, произносилъ:

— Да, ловко!.. молодецъ, право, молодецъ; но ужъ насчетъ просрочки-то онъ вретъ! Просто, соврать любитъ,— какія тамъ идеи! Знаемъ мы... Третьяго-дня онъ тутъ одного армянина общипалъ, такъ это тоже изъ-за... Вретъ!..

Вотъ какъ они относились другъ къ другу.

Да не подумаетъ читатель, что такое недовѣріе другъ къ другу обнаруживается между очень маленькими людьми, исключительно только въ области идей приватныхъ, въ области свободомыслія... Увы! какъ только вы начинаете терять къ нему уваженіе въ области этихъ идей (а это довѣріе вы должны потерять очень скоро) и убѣждаться, что, въ сущности, онъ душою и тѣломъ преданъ тѣмъ идеямъ, за которыя ему платятъ, тотчасъ же оказывается, что участь и этихъ послѣднихъ ничуть не лучше участи первыхъ.

Стоитъ только попристальнѣй вглядѣться въ дѣло, чтобы убѣдиться въ этомъ. Возьмите, напримѣръ, моего недавняго знакомаго, откапывателя анархій: онъ получаетъ за ревностную и усердную службу награду; имъ очень была довольна важная вліятельная особа, присутствовавшая въ судѣ въ моментъ самаго процесса этого откапыванія. Но вѣдь и я тоже былъ имъ доволенъ? Я обманулся; обманулась и особа, полагая, что тутъ происходитъ ревностная и усердная служба. Этого-то именно здѣсь и нѣтъ, хотя, быть-можетъ, откапыватель анархій, ожесточенно нападая на молчальника, объяснилъ вліятельной особѣ эту ярость, примѣрно, хоть тѣмъ, что, молъ, самое молчаніе свидѣтельствуетъ о вредности этого человѣка для общества; ибо, не рѣшаясь защищаться, онъ, очевидно, имѣетъ какую-нибудь личную выгоду, боится высказаться, проговориться, открыть сообщниковъ, и такъ далѣе. Его хвалятъ, а въ сущности, кромѣ глубокой несправедливости, здѣсь не сдѣлано ровно ничего другого. Уважаетъ ли свою профессію этотъ ревностный слуга отечества? Очень мало. Уважаетъ ли онъ такой же ревностный поступокъ въ другомъ, своемъ сотоварищѣ? Почти никогда.

— Вы слышали, какъ недавно такой-то спасъ основы?

— Какъ же, какъ же!.. отличился! Теперь онъ, посмотрите, какую карьеру сдѣлалъ!.. Дочь предсѣдателя...

— Но я говорю не про карьеру, а про то, что основы-то едва-едва не погибли...

— Какія основы? Чортъ знаетъ что! Просто обдѣлалъ дѣло—и все... Знаемъ мы это!

Такихъ примѣровъ можно бы было привести множество; но пусть это дѣлаетъ самъ читатель, у котораго въ настоящую минуту подъ руками, можетъ-быть, болѣе свѣжій матеріалъ, чѣмъ у меня, и онъ убѣдится, что у этого народа нѣтъ вѣры даже и въ то, за что онъ получаетъ деньги.

Во что же онъ вѣритъ, наконецъ?

Неужели въ купеческій сундукъ, а не въ женскій вопросъ, не въ «единственный путь къ расшевеленію тьмы», не въ колеблющіяся основы, не въ необходимость спасать общество?.. Не рѣшаюсь сказать опредѣленно то или другое—воспоминанія происходятъ подъ слишкомъ сильнымъ гнетомъ личнаго огорченія, но не могу не сказать одного, что вѣрою въ первыя, очень простыя желанія сильно пропитанъ воздухъ, которымъ дышитъ общество, и жизнь, если только хватитъ охоты вглядѣться въ нее, даетъ много матеріала, доказывающаго, что все, что̀ вообще должно жить мыслью—новая она или такая, за которую платятъ деньги,—все это чуть живо, чуть дышитъ.

Итакъ, по мѣрѣ болѣе ближайшаго знакомства съ окружающей дѣйствительностью, я невольно, но тѣмъ не менѣе весьма основательно долженъ былъ убѣждаться, что ни приватныя ни оплачиваемыя идеи какъ будто не имѣютъ никакого значенія въ жизни извѣстной части дѣйствующаго общества, хотя оно и не задумывается быть за папибрата и съ тѣми и съ другими, зная, что, въ сущности, жизнью его руководятъ идеи самыя простыя, самыя первобытныя, даже самыя нехитрыя, достигаемыя однако съ удивительной энергіей и настойчивостью. Какъ и зачѣмъ попадаютъ сюда какія бы то ни было идеи, этотъ вопросъ неоднократно приходилъ мнѣ въ голову, но всякій разъ оставался безъ результата. Спустя только долгое время, при обстоятельствахъ совершенно иныхъ, я могъ такъ или иначе отвѣтить себѣ на него, и, когда мнѣ придется говорить объ этихъ иныхъ обстоятельствахъ, я изложу все, что̀ пришло мнѣ въ голову по поводу появленія и исчезновенія идей въ обществѣ; теперь же, сидя на пароходѣ и вспоминая купріяновскую свалку, мнѣ не приходило въ голову ничего сто̀ящаго и казалось даже, что только отвиливаніе отъ идей и отъ дѣлъ, которыя бы должны были дѣлаться во имя ихъ, и составляетъ если не прямую задачу, то все-таки довольно характерную черту маленькаго человѣка. Въ этомъ отвиливаніи онъ дошелъ, какъ мнѣ тогда казалось, до удивительнаго совершенства. Въ самомъ

дѣлѣ, посадить невиннаго человѣка въ острогъ, сорвать просрочку и скрыть истинныя цѣли этихъ поступковъ государственными или высшими либеральными соображеніями, скрыть это отъ себя и отъ всѣхъ, да такъ скрыть, что никто не замѣтитъ и проглядитъ существеннѣйшую и самую ощутительную выгоду, которая осталась въ карманахъ у вышепоименованныхъ дѣятелей, это, какъ хотите,—дѣло, достойное полнаго удивленія.

Но какъ ни прочны результаты этого вилянья, какъ ни прочны, казалось бы, земныя блага, достигаемыя съ такими ухищреніями и стараніями,—положеніе каждаго отдѣльнаго человѣка, дышащаго этимъ воздухомъ вранья, поистинѣ ужасное. Пробыть пять минутъ въ обществѣ, которое устроилъ себѣ провинціальный человѣкъ, — чистое наказаніе. Земныя блага пріѣдаются, наскучаютъ, наконецъ нервы когда-же-нибудь да одеревенѣютъ, хотя на короткое время откажутся служить вранью и дешевому раздраженію... Что̀ тогда долженъ ощущать человѣкъ, поставленный съ самимъ собою на очную ставку? Душевное состояніе его весьма нескладное, и эту-то нескладицу, это неуваженіе самого себя (а уважать себя онъ не можетъ) человѣкъ переноситъ невольно и на сосѣда, на ближняго, продѣлывающаго то же самое и, разумѣется, ощущающаго то же самое. Раздражительность, злость человѣка острою струею по временамъ проносится въ воздухѣ, отравляя всякаго, попавшагося въ область вранья, и эту злую струю ощущалъ, думаю, не одинъ только я. Каждый какъ бы ищетъ случая вывести ближняго наружу и тѣмъ облегчить свою душу. Именно эта злость противъ человѣка, отсутствіе вѣры въ его слова и перетолкованіе его поступковъ на свой образецъ разрушаетъ всякое дѣло, начатое во имя какой бы то ни было идеи. Потребительное общество распалось именно отъ неуваженія людей другъ другомъ, отъ того, что всякій считалъ другого лгуномъ, проповѣдующимъ разныя громкія идеи потому только, что чешется языкъ. А вѣдь вся матеріальная часть дѣла не оставляла желать ничего лучшаго: были и деньги, была и чудесная цѣль, а кончилось все скандаломъ и мордобитіемъ. Да одна ли исторія съ потребительнымъ обществомъ! А всѣ эти клубныя, семейныя и общественныя поволочки — что̀ это, какъ не проявленіе того же непріязненнаго, неуважительнаго отношенія къ человѣку, порождающее злость, ищущую ничтожнаго случая, чтобы вырваться наружу?

Какъ яркій примѣръ того, до чего всякая пропитывающая воздухъ злость — результатъ полнаго душевнаго опустошенія,—я опять вспомнилъ купріяновскую свалку.

Вся эта унизительная комедія произошла, какъ я ужъ сказалъ, отъ одного совершенно ничтожнаго въ нашей сторонѣ обстоятельства: богатый купецъ Купріяновъ якобы переломилъ ребро солдатской дочери Перушкиной.

Эта продувная и смазливая дѣвица, связавшись съ роднымъ братомъ богача Купріянова, такъ ловко повела свои дѣла, такъ ловко опутала этого простоватаго парня, что тотъ рѣшилъ вступить съ ней въ законный бракъ. Свадьба должна была происходить въ подгороднемъ селѣ потихоньку, но братъ-богачъ узналъ эти планы и съ толпою своихъ молодцовъ напалъ на свадебный поѣздъ, отбилъ жениха и въ происшедшей при этомъ свалкѣ будто бы переломилъ ей ребро. Началось дѣло; Купріяновъ сталъ платить; дѣло стало прекращаться и потухать, и, несомнѣнно, потухло бы, если бы у Купріянова не было связи. со всѣми вышеупомянутыми недугами общества. Во-первыхъ, была связь по дѣламъ: поставки, подряды, отступныя—дѣла, въ которыхъ вѣчно надо что-то заминать и тушить; онъ, Купріяновъ, тушилъ кое-что въ дѣлишкахъ общества, и общество тоже «замяло» не одно дѣло въ пользу Купріянова... Во-вторыхъ, была связь въ видѣ жены, взятой Купріяновымъ изъ благороднаго семейства за красоту. Эта связь съ обществомъ была самая опасная. Жена его была женщина весьма красивая и весьма легкомысленная, неугѣшно страдавшая въ золотыхъ палатахъ невѣжи-рыбника и жаждавшая настоящей оцѣнки; оцѣнить ее могли, конечно, люди образованные,—и дѣйствительно, Купріяновъ неоднократно заставалъ ее сидящею на колѣняхъ у людей, игравшихъ весьма видную роль въ общественной іерархіи. Долго терпѣлъ купецъ эти просвѣщенные взгляды, будучи подверженъ этой іерархіи своими потушенными, темными и другого рода обыденными дѣлами; но, видя, что іерархія, занявшись эмансипаціей его супруги, забываетъ и свои темныя, мутныя и другихъ цвѣтовъ дѣла, забываетъ эти поставки, неустойки и тому подобныя детали будничныхъ своихъ занятій, — не выдержалъ и однажды даже занесъ палку надъ особой весьма значительной. Особа ушла невредимою, но ненависть залегла въ ея душѣ неизгладимая...

Вдругъ является на сцену ребро; дѣло о ребрѣ возникаетъ и, повидимому, прекращается... «На что же суще-

ствуетъ прокуроръ Протоклитовъ?»—думаетъ особа,—Протоклитовъ, который, повидимому, ухаживаетъ за племянницей особы и норовитъ при помощи брака съ хорошей фамиліей, имѣющей связи въ Петербургѣ, сдѣлать карьеру... И вотъ въ тотъ же самый день, когда мысль о прокурорѣ пришла особѣ въ голову, встрѣтившись съ Протоклитовымъ, особа намекнула ему, что вотъ, молъ, у насъ что̀ дѣлается: толкуютъ о женскомъ вопросѣ, пишутъ,—а тутъ подъ носомъ не видятъ, что купецъ, мошна, ломаетъ женщинамъ ребра, колотитъ палкой образованную женщину и живетъ какъ ни въ чемъ не бывало... «Какъ же вы, молодые люди, хотите, чтобы послѣ этого васъ любили женщины? Хе-хе-хе-хе-хе...» Протоклитовъ очень сочувственно отнесся къ положенію женщинъ вообще и тотчасъ сообразилъ, что, поднявши женскій вопросъ судебнымъ порядкомъ, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на благодарность со стороны особы, а слѣдовательно: «племянница»... «въ члены»... «въ товарищи предсѣдателя» и т. д., наконецъ «Владиміра четвертой степени»—и вотъ почти съ быстротою молніи купецъ сидитъ въ острогѣ.—«Я васъ не понимала,—сказала Протоклитову вскорѣ послѣ этого происшествія племянница особы.—Я думала, вы злой!» Но теперь она почему-то поняла его и, зная, что̀ онъ добръ, просила кстати вывести на свѣжую воду Сергѣева, который прежде все юлилъ вокругъ ея дяди, а теперь связался съ купцомъ и осмѣливается дѣлать дерзости съ этой шлюхой, Антоновой, которая прошлый годъ въ маскарадѣ и т. д., и т. д. Но и Сергѣевъ, который, по словамъ племянницы, былъ кругомъ виноватъ, едва только услыхалъ про то, что̀ сдѣлали съ купцомъ, тотчасъ же, припомнивъ прошлое, сказалъ себѣ:—«Такъ вы вотъ какъ! Насчетъ женскаго вопроса изволите дѣйствовать? А забыли вы дѣло о подкинутіи младенца мужескаго пола къ лабазу купца Купріянова?.. Забыли?.. Да еще воротишь морду? Нѣтъ, погоди! слава Богу, случай подвернулся... я васъ выведу на свѣжую воду» — и, приставъ къ купцу, поднялъ въ отместку тѣмъ пять-шесть такихъ дѣлъ, которыя вдругъ втянули въ свалку человѣкъ пятьдесятъ народу...—«А,—говоритъ одинъ изъ втянутыхъ:—такъ ты такъ-то! А кто пять лѣтъ тому назадъ получилъ изъ-за границы прокламацію и съѣлъ ее? Слава Богу, подвернулся случай...» И донесеніе о прокламаціи шло по формѣ... Злость закусила удила. Сначала, и то въ самые ранніе моменты свалки, можно было отчасти, и то на очень

короткое время, видѣть, что общество какъ бы распалось на двѣ партіи: одна—за купца, другая — за особу; но эта ясность была почти моментальная. Съ удивительной быстротой эти двѣ партіи раскололись каждая пополамъ, потомъ еще пополамъ и т. д. Накопившееся раздраженіе, неуваженіе другъ къ другу не могли долго сдерживать потребности выйти на свѣжій воздухъ и вывести ближняго на свѣжую воду. «Что̀ за дуракъ, что стою за него,—невольно думалъ всякій, приставшій къ той или другой партіи:—что̀ я вру? Развѣ я не знаю — кто они?..» И партія раскалывалась пополамъ, и въ каждомъ уголкѣ ея кто-то хотѣлъ вывести другого на свѣжую воду, кто-то доказывалъ другому, что онъ вретъ, что онъ вотъ что̀ такое, а вовсе не то, что̀ представляетъ... Отъ ребра, какъ отъ центра, разсыпалось по окраинамъ мировыхъ судовъ, съѣздовъ много дѣлъ объ оскорбленіяхъ, о пощечинахъ въ публичномъ мѣстѣ, объ угрозѣ застрѣлить изъ револьвера, о «сдернутіи меня съ кресла за ногу въ бенефисѣ г-жи Ленской, въ опереттѣ «Прекрасная Елена», «о зашвырнутіи моей калоши изъ швейцарской благороднаго собранія въ дегтярный клубъ дворяниномъ Ерусланомъ, съѣвшимъ три прокламаціи», и т. д. безъ конца. Рѣдкій изъ обывателей не платилъ адвокату и не имѣлъ гдѣ-нибудь дѣла, которое, по своей нелѣпости, отдѣльно взятое не значило ровно ничего, но, объясненное помощью вдругъ возникшей въ обществѣ потребности вырваться изъ болотной тины на чистый воздухъ, значитъ очень много. Общая зараза злости охватила и меня. Наглядѣвшись и насмотрѣвшись на дѣйствительность, взбѣсился и я—и попалъ въ свалку.

Одна только солдатская дѣвица Перушкина осталась въ барышахъ отъ всей этой передряги. Такъ какъ корень процесса составляло все-таки ребро, съ которымъ неразрывно былъ связанъ карманъ Купріянова, въ свою очередь связывавшій съ своимъ и множество другихъ кармановъ, то показанія дѣвицы относительно того, переломлено ли ея ребро или нѣтъ, очень много значили для разныхъ партій. Партіи эти ей платили, и дѣвица Перушкина, получая деньги, старалась услужить каждой изъ нихъ, и ребро поэтому оказывалось то переломленнымъ, то нѣтъ. — «Такъ переломилъ онъ его мнѣ, что даже я рѣшилась всякаго аппетиту!» — «Что̀ вы, помилуйте, — кабы переломилъ онъ мнѣ, нешто бы я не сказала, а то нѣтъ, ни-ни... А это я такъ сказала, потому меня господинъ слѣдователь напу-

гали...» Перемѣнивъ эти показанія въ теченіе процесса разъ двѣнадцать, дѣвица Перушкина пріобрѣла значительный капиталецъ и впослѣдствіи, выйдя замужъ за перекрещеннаго еврея, оказавшаго ей значительную пользу во время процесса своими юридическими познаніями, открыла вмѣстѣ съ нимъ на берегу Волги кафе, подъ названіемъ «Шато де-Калипсо».

III. На пароходѣ.

Признаюсь откровенно, все, что вспомнилось мнѣ подъ вліяніемъ непріятнаго состоянія моего духа,—все это крайне односторонне и вовсе не рисуетъ настоящаго положенія дѣла. Я былъ слишкомъ недоволенъ самъ собой, чтобы раздумывать о такихъ вопросахъ, которые въ болѣе спокойномъ состояніи духа неизбѣжно должны бы занять мое вниманіе, какъ это и случилось впослѣдствіи. Если бы мнѣ пришло въ голову подумать о томъ, что мысль, не пользующаяся правомъ жизни, должна неизбѣжно сгнить въ умѣ, обладающемъ ею, должна пройти всѣ фазисы разложенія, то мнѣ навѣрное стали бы понятны всѣ явленія купріяновскаго процесса, не относящіяся исключительно къ желудку и карману. Мнѣ бы стали понятны и злость, наполняющая воздухъ, злость на себя и на другихъ, и желаніе на все плюнуть, пустить въ лобъ пулю и пр. Но тогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову. Въ ту пору я могъ чувствовать только сумбуръ, царствующій въ человѣкѣ и въ томъ обществѣ, въ которое я попалъ. Жизнь этого общества, такъ, какъ я могъ видѣть ее, представлялась мнѣ какимъ-то тягостнымъ представленіемъ, кошмаръ котораго мучилъ меня всю ночь.

Я то сидѣлъ на лавочкѣ, на вѣтру, то уходилъ въ каюту, гдѣ уже спали, но скоро опять возвращался на воздухъ. Проснулся я въ каютѣ на койкѣ, когда уже пароходъ шелъ на всѣхъ парахъ. День былъ превосходный. Волга сіяла солнцемъ. Воздухъ былъ чистый, свѣжій и цѣлительной струей лился въ грудь. Я начиналъ-было уже подумывать о томъ, какіе, должно-быть, глубокіе страдальцы всѣ эти люди; но, къ моему несчастію, и тутъ на пароходѣ, то тамъ, то сямъ, я продолжалъ встрѣчать кое-какія слова и рѣчи, напоминавшія все о томъ же кошмарѣ.

— Ежели бы мнѣ сто-то рублей, какъ вотъ вы ежемѣсячно

получаете,—говоритъ какой-то священникъ какому-то чиновнику: — я бы Бога благодарилъ... Ни минуты бы не остался въ духовномъ званіи...

Чиновникъ возразилъ на это, что сто рублей вовсе не сладки, что за нихъ надо передѣлать тьму такихъ дѣлъ, въ которыхъ самъ чортъ сломитъ ногу...

— А у васъ что̀?—прибавилъ онъ. — Появился червь, пошелъ попъ, отслужилъ молебенъ, мужики его угостили, денегъ дали,—чего ему? лежи да спи... А тутъ сиди, учитывай тамъ кого-нибудь...

— Червь!—воскликнулъ священникъ: — рубль серебромъ вы за него получили—прекрасно; а позвольте узнать, сто̀итъ ли этотъ рубль того огорченія, которое онъ несетъ вамъ въ душу?.. Да, я рубль этотъ получу, принесу домой и могу лечь спать, но засну ли? вотъ что̀!

— Отслужилъ молебенъ, рубль взялъ да и спи,—вотъ и все...—твердилъ чиновникъ.

Все это надоѣло мнѣ до такой степени, что я Богъ знаетъ что̀ бы далъ въ эту минуту, если бы мнѣ пришлось увидѣть что-нибудь настоящее, безъ подкраски и безъ фиглярства: какого-нибудь стариннаго станового, вѣрнаго искреннему призванію своему бросаться и обирать каналій, какого-нибудь подлиннаго шарлатана, полагающаго, что съ дураковъ слѣдуетъ хватать рубли за заговоры отъ червей,—словомъ, какое-нибудь подлинное невѣжество, лишь бы оно считало себя справедливымъ... Я ушелъ съ верхней палубы внизъ, гдѣ сидѣлъ народъ все больше и больше сѣрый, черный даже, и скоро увидѣлъ, что желанія мои могутъ быть удовлетворены весьма щедро.

Чтобы отдохнуть и дать отдохнуть читателю, я приведу здѣсь кое-что изъ слышаннаго мною въ толпѣ.

Я вошелъ въ толпу и остановился, гдѣ пришлось.

— Вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ! — крестясь и снимая шапку, говорилъ мѣщанинъ двумъ дѣвушкамъ, тоже мѣщанкамъ, ѣхавшимъ со старушкой-матерью.—Умереть на мѣстѣ, ежели вру хоть на волосъ...

— Вотъ чудеса-то!—воскликнули дѣвушки, какъ, должно-быть, восклицаютъ, когда дѣйствительно случаются какія-нибудь чудеса.—И гдѣ же это было?

— Околѣть на мѣстѣ: въ Казани было!.. Видите какъ:

я, деверь, кума, золовка, шуринъ—всѣ мы ходили вмѣстѣ туда. Приходимъ,—а онъ ѣстъ ее!..

— Кошку?—привскокнувъ, воскликнули дѣвицы.

— Ее-съ! Живую кошку, какъ передъ истиннымъ Христомъ моимъ!—воротитъ шкуру съ затылку и питается ея кровью... Такъ и на афишѣ было сказано. За входъ двадцать пять копѣекъ взяли...

— Ну, ужъ это удивленіе!—сказала мать дѣвушекъ.—Именно удивленіе! У насъ бы, въ нашемъ городѣ, по три рубля платили бы, ей-ей... Ну и что̀ же?..—какъ бы растерявшись отъ разнообразія и силы этого впечатлѣнія, продолжала она.—Какъ же онъ?.. Я думаю, вѣдь его не допустятъ къ святому причастію послѣ этого злодѣйства?

— Съ дозволенія начальства!—сказалъ мѣщанинъ, поднявъ плечи и съ покорностью въ голосѣ.

— Что-жъ такое, что начальство дозволяетъ,—вмѣшалась одна изъ дѣвушекъ:—онъ самъ долженъ отвѣчать на томъ свѣтѣ... Нешто можно ѣсть кошекъ? Глядѣть-то на это—и то грѣхъ передъ Богомъ.

Это было сказано съ такой энергіей и убѣжденіемъ, что мѣщанинъ не пытался возражать и въ раздумьѣ сказалъ:

— Такъ-то такъ...

— Отчего же смотрѣть? смотрѣть-то не грѣхъ, я думаю...—попробовала-было вставить мать.

— Что̀ смотрѣть, что̀ ѣсть—все одно!—сказала дочь рѣшительно.—Не платили бы ему денегъ, небось, не ѣлъ бы...

— Мату-ушка-а!—перебилъ эту негодующую рѣчь какой-то старикъ, сидѣвшій на полу.—Не платили бы—не ѣлъ бы и самъ бы съ голоду померъ! Начальство и это дозволяетъ, да что̀ хорошаго?.. Вѣдь и ему ѣсть-пить надо! Родная! Онъ бы, можетъ, говядинки-то и охотнѣе бы поѣлъ, чѣмъ кошку-то, да нѣту ея... Чай, и самому не сладко...

— Это вѣрно!..—оправившись, вставилъ мѣщанинъ:—потому онъ изъ дворовыхъ людей господъ Елистратовыхъ, а ужъ это черезъ великую бѣдность за иностранца объявился...

— Бѣдна-асть! бѣдность, матушка, кошекъ-то ѣстъ, она и виновата, она и передъ Богомъ оправдаетъ!..

Дѣвушка даже вспыхнула,—такъ подѣйствовала на нее рѣчь старика, вдругъ освѣтившая совершенно новымъ свѣтомъ всѣ ея съ такимъ искреннимъ убѣжденіемъ высказанныя соображенія...

Давно уже я не видалъ такой искренности, и теперь мнѣ стало немного повеселѣй на душѣ.

— Да, — со вздохомъ произнесъ кто-то, продолжая разговоръ въ сторонѣ. — Тоже трудновато наживать эту проклятую деньгу!..

— И-и-и трудно!..—тотчасъ же послѣдовалъ отвѣтъ.— Кого деньги полюбятъ, сами къ тому идутъ, а ужъ кого не полюбятъ, ну, ужъ тутъ, братъ...

— Тутъ, братъ, лучше человѣку лечь да помереть!—сказалъ отставной солдатъ.

— Первое дѣло!..

— Нѣтъ! — весело проговорилъ молоденькій купчикъ.— Нѣтъ! что-то, я гляжу, мало охотниковъ помирать-то изъ-за этого!.. Вишь, вонъ кошекъ ѣдятъ...

Смѣхъ.

— А не это,—продолжалъ купчикъ:—такъ и такъ, какъ-нибудь своимъ судомъ съ нимъ справляются...

Говоря эти слова, онъ поглядывалъ на толстаго, угрюмаго купца въ лисьей, рваной шубѣ, сидѣвшаго поодаль. Купецъ какъ будто понималъ, что въ этихъ словахъ есть для него что-то очень непріятное, и отворачивался въ сторону.

— Вотъ у моего у одного пріятеля,—продолжалъ купчикъ, очевидно, намекая на этого же купца: — тоже денегъ долго не было, тоже онѣ его не любили, а потомъ вдругъ совершенно сдѣлались въ него какъ влюблены... Откуда что̀ взялось!..

— Ну-ну-ну!.. — сказалъ купецъ, отодвигаясь. — Очень влюблены!.. Глотка-то больно широка у тебя...

— Нѣтъ, ей-Богу, правда!—все веселѣй и веселѣй продолжалъ купчикъ, очевидно, намѣреваясь произвести потѣху.—Ей-ей, влюбилися... Я ужъ сколько разъ его спрашивалъ:—«Какъ, молъ, ты, Иванъ Иванычъ, разбогатѣлъ?»— «Отъ Бога!» говоритъ.—«Да какимъ манеромъ? говорю, ты вотъ что̀ разскажи». Станетъ разсказывать, все хорошо идетъ: покуда еще въ мальчикахъ первые сто рублей наживалъ—все Богу молился, а ужъ за сотней и неизвѣстно что̀... Прямо говоритъ: «а какъ стало у меня денегъ тысячъ двадцать».—«Да какъ же это у тебя стало-то, сѣдой шутъ?» Ну и «Богъ».

— Ну-ну-ну... Эка глотка-то!..—ворчалъ купецъ.

— Нѣтъ, должно-быть, что полюбили онѣ его,—не унимался купчикъ. — Допрежь этого онѣ все хозяина любили, а вдругъ всѣ къ приказчику повалили, а у хозяина-то ничего и не осталось. Это черезъ влюбленность...

Всѣ поняли, какая насмѣшка скрывалась въ этомъ разсказѣ, и всѣ захохотали.

— Чортъ этакій!—негодовалъ обиженный купецъ.—Мелетъ-мелетъ, идолъ, не сообразится съ умомъ... Въ Бога не вѣритъ... Откуда вы только народились, ахаверники!..

Но смѣхъ еще долго разносился изъ одной кучки людей въ другую, каждый разъ приправляемый какимъ-нибудь мѣткимъ, веселымъ словомъ, отъ котораго становилось еще смѣшнѣй.

Осмѣянный купецъ скрылся.

Всѣ эти разговоры и шутки съ большимъ вниманіемъ и снисходительностью слушалъ сѣдой старикъ, тоже, повидимому, изъ купцовъ, человѣкъ очень пожилой, серьезный. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ молоденькій мальчикъ, одѣтый, какъ и старикъ, очень тепло и опрятно. Когда смѣхъ нѣсколько поутихъ, старикъ, не обращаясь собственно ни къ кому, произнесъ:

— А вы какъ же полагаете, безъ Божія, напримѣръ, надзиранія возможно человѣку богатство пріобрѣсти?

— Да онъ просто хозяйскія деньги нечисто въ рукахъ держалъ!—отвѣтилъ за всѣхъ купчикъ.

— Н-ну, это дѣло не наше... Онъ дурно дѣлалъ, и ему будетъ дурно, это дѣло его... А вотъ вы будто бы насчетъ Бога?..

— Какое! это я такъ подшутить.

— Да! Ну, только Богъ въ эфтомъ дѣлѣ—все! Я вѣрно вамъ говорю. Я скажу про себя... Я вотъ теперь, слава Богу, имѣю достатокъ, а вѣдь началъ — желѣзнаго гроша не было. А кто помогъ и указалъ? Все Богъ! Какъ, напримѣръ, мудры указанія Его, напримѣръ... да, премудро даже! (говоря это, купецъ выписывалъ что-то пальцемъ вокругъ своего лба). Каждый шагъ, помышленіе, каждое, напримѣръ, предпріятіе—все по Божію благословенію.

Всѣ внимательно слушали эти слова. Кой-гдѣ только мелькала веселая усмѣшка. Не смущаясь ею, купецъ продолжалъ:

— Всего этого я разсказать не могу, этого не разскажешь во вѣки вѣковъ. А вотъ хоть и то примѣрно вспомнить, какъ я дочь свою замужъ выдалъ, такъ и это вполнѣ удивительно, ибо единственно по Божескому пріуготовленію. Изволите видѣть, какое было дѣло... Вначалѣ всего надо взять матерію изъ древности... Ѣхалъ я со всѣмъ семействомъ на жительство изъ одного города въ другой, все равно какіе тамъ города ни будутъ, перебирался я на житье. Сами судите, ѣдемъ въ новый городъ, къ незнако-

мому народу, что̀ съ тобой можетъ быть?—Можетъ, и разоришься, можетъ, и сгоришь, помрешь — мало ли что̀? Сохрани только и помилуй, Царица Небесная, всякаго православнаго христіанина! Вотъ ѣдемъ мы и думаемъ такъ-то (а на переѣздъ тоже было указаніе!). И думаемъ: «что-то, молъ, будетъ?» Стали подъѣзжать къ городу—та̀къ сердце и замираетъ... Дѣло было днемъ—городъ виденъ, осталось только лѣсокъ миновать; только-что мы съ лѣсочкомъ поровнялись—слышу пѣніе, въ родѣ какъ съ небеси ангельскіе хоры... Гляжу: изъ лѣсу выступаетъ крестный ходъ — съ образами, съ хоругвями, и народъ: несутъ икону Неопалимой Купины изъ дальняго монастыря въ городъ, въ этотъ самый, куда я ѣду. По положенію такъ каждый годъ бываетъ, а я ѣхалъ—хоть бы вотъ разъ объ этомъ слыхалъ; какъ есть, какъ есть ни отъ кого ни единаго слова — и вдругъ Она, Матушка, мнѣ въ срѣтеніе... потому мы какъ разъ выѣхали Ей навстрѣчу. Боже милосердый—какая мнѣ была радость! «Ну, думаю,—означаетъ хорошо! Во срѣтеніе! Слѣдовательно, дѣло идетъ, слава Богу!» Помолился я, повеселѣлъ, пріударилъ по лошадямъ, да какъ обогнали мы всю церемонію-то, и еще оказалось: въ напутствіе все Она же, Матушка, за мной! И въ срѣтеніе и въ напутствіе!.. Ужъ такъ я былъ доволенъ, совсѣмъ осмѣлѣлъ, а черезъ недѣльку Богъ мнѣ послалъ хорошую поставку въ казенное мѣсто. Сразу! Видите, Господь-то!.. Мало ли и безъ меня тамъ купцовъ, охотниковъ на это дѣло? — а я пришелъ, чужакъ, оглянуться не далъ—и ухватилъ. Вотъ онъ перстъ-то гдѣ!..

Старикъ былъ въ большомъ волненіи. Публика удвоила вниманіе, и улыбокъ не было видно уже нигдѣ.

— Погоди!—продолжалъ онъ:—все ли тутъ! Тутъ еще пойдетъ не то! то ли еще будетъ! Какъ сцапалъ я у купцовъ этотъ подрядъ, всѣ купцы тамошніе ровно какъ затмились, ошалѣли... Тутъ торги, тамъ статьи оброчныя, лѣса, но они въ родѣ какъ въ обморокѣ какомъ, ничего не видятъ, не понимаютъ, расчетъ потеряли... а я приду и возьму, приду и возьму... Нахваталъ я дѣлъ, слава Богу. Думаю, надобно мнѣ эту икону пріобрѣсть, имѣть въ своемъ домѣ. Сталъ искать по церквамъ; пошарилъ у себя въ приходѣ—есть! И того же размѣру и письма; прицѣнился, говорятъ: «Образъ мѣстный! Ему цѣны нѣту». Толкнулся туда-сюда, видятъ — нужно человѣку, заламываютъ. Ну, думаю, Богъ съ вами, сталъ ладить со сторожами—авось, думаю, нѣтъ

ли гдѣ простенькой, изъ старыхъ... Мнѣ дорога она не цѣной, а памятью; слѣдственно мнѣ все равно, въ аршинъ она будетъ или въ пять вершковъ — десять цѣлковыхъ я за нее дамъ или двадцать копеекъ, мнѣ дорога память. Говорю: «пошарьте, ребята, на чердакахъ, въ подвалѣ...» Прошло полгода. Вдругъ, отцы мои, приходитъ неизвѣстный человѣкъ.—«Кто ты?»—«Сторожъ отъ Преображенія, звать меня Степаномъ».—«Что̀ тебѣ?»—«Такъ и такъ, батюшка нашъ согласенъ вамъ уступить за два съ полтиной икону...» А я, передъ истиннымъ Богомъ божусь, ни батюшки этого въ глаза не видалъ ни у Преображенія не былъ, и вдругъ сторожъ говоритъ: «уступаетъ!». Показалось мнѣ это странно. Думаю, ужъ не столь ли Владычица вняла моему моленію, что сама пожелала ко мнѣ въ домъ? Потому ни сторожу этому ни священнику ни единаго слова не говорилъ и мысли о нихъ не имѣлъ—пришли сами. «Что̀, думаю, ежели это указаніе? Дай испытаю. Сама Она или не сама пожелала?» Спрашиваю цѣну.—«Два съ полтиной».—«Рубъ!» говорю—думаю, ежели уступки не будетъ—не сама! Что-жъ? Уступили вѣдь! Передъ престоломъ Господнимъ говорю! Приноситъ икону: «извольте, говоритъ, батюшка согласенъ!» Тутъ ужъ я ста цѣлковыхъ не пожалѣлъ, оковалъ я ее въ ризу, поставилъ въ кіотѣ, зажегъ неугасимую... И съ этого самаго разу повалили къ моей дочери женихи: офицеры, дворяне, купцы,—отбою нѣтъ! Свахъ вокругъ дома, что̀ воробьевъ вокругъ овса, сила несмѣтная. Иной по виду да по разговору кажется ужъ такой человѣкъ, ужъ такой—лучше не надо, а помолюсь хорошенько да поразузна̀ю — и окажется: либо промотался, либо пьяница, а то и воръ!.. Все Богъ хранилъ... Скажу одно: годъ цѣлый шли сватанья — все толку нѣтъ. Правда, только одинъ изъ всѣхъ показался мнѣ мало-мальски ничего, а то все шишголь. Обѣщался подумать и дать отвѣтъ. Вотъ, други вы мои, думаю я такъ-то однова, вечеркомъ, передъ образомъ прошу совѣта—такъ мнѣ скучно что-то, неладно, а отвѣтъ надо дать завтра... Домашніе ужъ совсѣмъ порѣшили на «этомъ», и дочь-невѣста тоже на этого думала и даже имѣла въ себѣ къ нему любовь, но Господь все перевернулъ по Своему произволенію. Думаю я, думаю, вдругъ слышу — стучатъ въ ворота. Кто такое, думаю? Слышу, отворяютъ. Входитъ—и кто? Отецъ Іоаннъ, Преображенской церкви священникъ,—тотъ самый, который мнѣ уступилъ икону. Что̀ за чудо? Почему ему быть? И тутъ у меня мелькнуло — не указаніе ли? «Что̀

вамъ угодно?» Что-жъ онъ? Проситъ руки моей дочери для своего племянника, письмоводителя у мирового посредника! Какъ сказалъ онъ мнѣ это, такъ ровно бы меня всего обдало варомъ. «Она!—думаю:—Она!» Она меня встрѣчала, сопутствовала, черезъ Нее я получилъ достатокъ, Она сама пожелала въ домъ мой быть и теперь вновь являетъ Себя чрезъ священника той самой церкви, откуда самовольно прибыла Она ко мнѣ, ну, — явно! Да что̀ еще-то? Еще-то что̀! Какъ пришелъ священникъ-то, я и думаю, ужъ не праздникъ ли забылъ я какой! И вспомнилъ, что въ тотъ день была память святому Стефану, да какъ сообразилъ послѣ, что̀ къ чему шло, и вспомнилъ, что вѣдь сторожъ-то тоже Степанъ былъ, что̀ икону-то принесъ... Какъ все это, други любезные, вступило мнѣ въ умъ, палъ я предъ Господомъ и говорю: «Быть ей за твоимъ племянникомъ!» И отдалъ...

Всѣ слушатели находились какъ бы подъ вліяніемъ какого-то столбняка: такъ были непреложны и вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданны умозаключенія старика.

— А дочь ваша? — спросилъ кто-то, спустя уже нѣкоторое время.

— Что-жъ дочь! Онѣ съ матерью сдуру-то стали-было ломаться, но какъ я открылъ имъ, въ чемъ дѣло, такъ и онѣ поняли. И теперь слава Богу! Такъ вотъ какъ премудро, и какъ человѣку надо соображаться, чтобы увидѣть, гдѣ указанія... А безъ указанія — все ничего не значитъ!

Этотъ разсказъ еще болѣе, чѣмъ искренность дѣвушекъ, освѣжилъ меня: тутъ было такъ много самаго искренняго убѣжденія, неразрывнаго съ каждымъ шагомъ человѣка, какого я тоже очень давно не видалъ.

Хорошая встрѣча.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I.

Вода на Окѣ начинала спадать. Поминутно останавливаясь на меляхъ, еле-еле плелся по ней въ жаркій іюльскій полдень маленькій, кое-какъ сколоченный пароходикъ, готовый, казалось, развалиться при каждомъ поворотѣ собственнаго своего винта... Прелестные, удивительные виды,

на каждомъ шагу открывавшіеся по обоимъ берегамъ рѣки, нимало однако не умаляли скуки, царствовавшей въ пароходномъ обществѣ. Высшее общество перваго и второго классовъ либо съ глубочайшимъ достоинствомъ хранило молчаніе по цѣлымъ часамъ, либо непремѣнно ругало кого-нибудь и что-нибудь, если разрѣшалось молчаніе по какому-нибудь случаю и начинался мало-мальски общій разговоръ. Обыкновенно для начатія этого разговора кто-нибудь примется бранить лакея за грязную тарелку, тотчасъ другой изъ молчавшихъ до сей минуты припомнитъ, что за границей этого ничего нѣтъ, и при этомъ обругаетъ лакея, да кстати заодно и хозяина парохода; третій, немедленно вплетающійся въ разговоръ, такъ или иначе найдетъ случай, не теряя своего первокласснаго достоинства, обругать лакея, хозяина, потомъ вообще мужика, потомъ Россію, земство, словомъ — все! И нѣкоторое время все это высшее общество бываетъ довольно оживлено, разсыпая слова негодованія на все и на всѣхъ.

— Я самъ служу въ земствѣ, — слышится иной разъ въ этой брани: — но, положа руку на сердце, откровенно скажу, что никто ничего не дѣлаетъ, а одинъ Z...

— Позвольте вамъ замѣтить, — сочувствуя говорившему, вставляетъ свое сочувственное слово какое-нибудь новое лицо: — я служу въ такомъ-то вѣдомствѣ и чистосердечно скажу — всѣ воры!

Третій изъ пассажировъ, немедленно присоединяющій свой голосъ къ начавшемуся хору ругательствъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, съ двухъ-трехъ словъ уже отыскиваетъ какого-нибудь подлеца или мерзавца, котораго онъ самъ лично очень хорошо знаетъ.

Но, переругавъ всѣхъ и вся, кромѣ себя, общество начинаетъ терять нить, связывавшую его воедино въ продолженіе только-что изображенной бесѣды. Кромѣ брани «на другихъ», въ обществѣ не оказывается другой нравственно-связующей нити.

Кто-нибудь для поддержанія разговора попробуетъ начать такъ: «Да, порядочные, я вамъ скажу, вообще мерзавцы»... Но общество уже истратило весь запасъ мыслей, и этотъ «мерзавецъ», произнесенный среди общаго молчанія, долгое время какъ бы виситъ въ воздухѣ и пропитываетъ собой все окружающее. «Мерзавецъ», «мерзавецъ», «мерзавецъ»—звенитъ у всѣхъ въ ушахъ. Чтобы отдѣлаться отъ этого звука, кто-нибудь посообразительнѣй начнетъ

разговоръ съ сосѣдомъ — о чемъ? Послушайте эти разговоры — и вы удивитесь неожиданности и, такъ сказать, внезапности ихъ содержанія. Вдругъ заведетъ кто-нибудь рѣчь о томъ, что вотъ у него пятнадцать лѣтъ болятъ зубы, и никакими средствами онъ ихъ вылѣчить не можетъ. Слушающій подтвердитъ, что, дѣйствительно, зубная боль неизлѣчима, и вотъ эти два пріятеля разскажутъ другъ другу случаевъ по пятидесяти каждый, и во всѣхъ пятидесяти случаяхъ — все была неизлѣчимая боль. Это до такой степени надоѣдаетъ самимъ разговаривающимъ, что они подъ конецъ даже отворачиваются другъ отъ друга, и одинъ садится подальше къ окну, а другой впослѣдствіи даже уходитъ. Если же, паче чаянія, на языкъ не подвернется какое-нибудь плодовитое слово, въ родѣ слова о зубной боли, то начинаются совершенно безплодные разспросы другъ друга о томъ — откуда, куда, зачѣмъ? Бываетъ такъ, что разговаривающіе такимъ образомъ начинаютъ казаться постороннему человѣку почти помѣшанными.

— Что-жъ, домъ имѣете въ Калугѣ?

— Нѣтъ, я только ѣду въ Калугу. Тамъ у меня дѣло.

— А вы не знаете ли въ Калугѣ Кузьмина?

— Нѣтъ, не знаю.

— Хорошій человѣкъ.

— Нѣтъ, я не знаю никого въ Калугѣ.

— Отличный человѣкъ. Этакій высокій, плотный мужчина?

— Нѣтъ, не видалъ...

— Борода этакая окладистая?.. Лѣтъ ему сорокъ пять?

— Нѣтъ, что-то не случалось...

Долго еще описываетъ одинъ другому Кузьмина, и другой долгое время отвѣчаетъ: «нѣтъ, не знаю, не видалъ, я не калужскій», пока самъ изъ оборонительнаго положенія не перейдетъ въ наступательное и самъ не задастъ вопроса первому: — «А не знаетъ ли онъ въ Нижнемъ Купріянова? Этакій маленькій? Аршина въ полтора ростомъ? Блондинъ?» и т. д. до безконечности.—«Не знаю». «Не встрѣчалъ». «Я не нижегородецъ», — приходится теперь говорить первому, и дѣло оканчивается тѣмъ, что, наговорившись досыта, сосѣди замолкаютъ, чувствуя другъ къ другу почти отвращеніе, а въ воздухѣ остается какое-нибудь слово, или: «брюнетъ, высокій», или опять то же: «да, большой мерзавецъ».

«Мерзавецъ, мерзавецъ», — звучитъ опять у всѣхъ въ ушахъ среди мертваго молчанія... Тишина. Стучитъ машина, шумитъ вода и дрожитъ еле плетущійся пароходъ...

Въ третьемъ классѣ, на палубѣ, общество было гораздо оживленнѣй. Здѣсь все шло на чистоту и не было той натяжки въ манерѣ, рѣчи и мысляхъ, которая дѣлала безсодержательную бесѣду въ первоклассномъ обществѣ поистинѣ невыносимою. Разговоры здѣсь шли безъ выдумокъ; какой-то мужичокъ разсказалъ во всеуслышаніе такой анекдотъ, отъ котораго всѣ женщины, присутствовавшія на палубѣ, покраснѣли какъ раки и не знали, куда дѣться. На полу, у борта парохода, снявъ сапоги и мундиръ, сидѣлъ солдатъ и угощалъ мужиковъ водой: у него бутылка безъ горлышка, кое-какъ привязанная на веревкѣ; онъ поминутно опускалъ ее съ парохода въ воду и, вытащивъ, говорилъ:

— Кто хошь, ребята? Вода — первый сортъ. — Нѣкоторые изъ мужиковъ, молчаливой вереницей сидѣвшихъ вдоль борта, протягивали руки къ бутылкѣ и, снявъ шапку, пили.

— Передавай, передавай сосѣду! — командовалъ солдатъ.

— Иванъ! на, пей!

И безгорлая бутылка переходила изъ рукъ въ руки.

— Благодаримъ покорно! — говорили мужики.

— Пей, ребята, валяй! Мнѣ бутылки не жалко! Чего ее жалѣть-то?

Нѣкоторые изъ мужиковъ принимали бутылку какъ бы нехотя и, видимо, пили только изъ приличія, такъ какъ солдатъ былъ необыкновенно радушенъ.

— Дуй, ребята, на доброе здоровье... Пей! — поминутно повторялъ онъ съ веселымъ лицомъ, поглядывая по сторонамъ.

Радушіе солдата было непритворное. Дѣловые разговоры, которые шли на палубѣ между народомъ коммерческимъ, тоже ничуть не походили на разговоры подобнаго рода въ первоклассномъ обществѣ. Такого типа людей, который, получая съ земства три тысячи, ничего не дѣлаетъ потому, что никто не дѣлаетъ ничего, и ругаетъ всѣхъ, оставаясь какимъ-то негодующимъ нулемъ, — между этимъ народомъ не было. Иной цѣлую станцію стоитъ на вѣтру и надсаживаетъ горло и грудь, разговаривая съ мужиками, стоявшими на плотахъ дровъ, мимо которыхъ проходилъ пароходъ.

— Иванъ Петровичъ ту-та-а?.. — во всю ширь легкихъ вопіетъ онъ черезъ всю Оку какой-то фигуркѣ въ синей рубахѣ, безъ шапки и сапогъ.

Фигурка показываетъ что-то рукой.

— Ишь! Нѣтъ еще... Ахъ, чудакъ-человѣкъ! Того и гляди, Кузминскіе прежде придутъ.

— Ужъ и ѣзда на этомъ пароходѣ! — понимая безпокойство своего собесѣдника, присовокупляетъ другой коммерсантъ, — и разговоръ, начавшійся о пароходныхъ порядкахъ, о томъ, что дѣло ведется плохо, не походитъ нисколько на ругательства противъ пароходнаго лакея, — ругательства, въ глубинѣ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ желанія заявить, что «когда я былъ за границей» и т. д.

Общихъ, всѣмъ интересныхъ темъ для разговоровъ на палубѣ тоже гораздо больше, чѣмъ въ каютѣ перваго класса. Общій разговоръ завязывался часто на очень долгое время, и иногда въ немъ принимали участіе всѣ бывшіе на палубѣ. Это случалось всякій разъ, когда на сцену выступалъ какой-нибудь философскій вопросъ, какая-нибудь исторія, разсказанная въ поясненіе тайнъ мысли и жизни.

— Господь, — говорилъ кто-то по какому-то случаю: — очень хорошо можетъ во всякое время затмить человѣка!

— Это вѣр-рно! — тотчасъ же раздается нѣсколько голосовъ — и нѣсколько новыхъ человѣкъ придвигаются ближе къ разговаривающимъ.

— Еще какъ затмитъ-то! — вставляетъ новый собесѣдникъ.

— Бываетъ, такъ затмитъ, что вовсе омрачишься, какъ собака.

— И, ей-Богу, вѣрно! Да что̀ я вамъ скажу: со мной что̀ было въ Калугѣ?

Начинается исторія съ омраченіемъ въ Калугѣ. Вниманіе слушателей этой исторіи самое глубокое и непритворное: здѣсь никто не слушаетъ, какъ иной разъ въ первоклассномъ обществѣ, другъ друга изъ приличія, или притворяется, что̀ слушаетъ; здѣсь слушаютъ во всю, и на каждомъ лицѣ вы замѣтите, что мысль слушающаго работаетъ самымъ искреннимъ образомъ, и когда изъ разсказанной исторіи о затменіи ума, бывшемъ въ Калугѣ, вытекаетъ умозаключеніе, что вотъ, молъ, какъ Господь не дозволяетъ человѣку мечтать, или что-нибудь въ родѣ этого, то сужденія слушателей, начинающіяся по поводу этого заключенія, покажутъ наблюдателю, что каждый изъ нихъ думаетъ на свой образецъ, только такъ, какъ считаетъ справедливымъ.

— Ну нѣтъ, — говоритъ одинъ: — это вы напрасно! Со мной тоже былъ случай, только тутъ просто вышло изъ-за частнаго пристава; Бога тутъ мѣшать нечего!

— Какъ такъ Бога не мѣшать? — возражаетъ другой. — Да позвольте вамъ замѣтить, кто выше: частный ли вашъ приставъ, или же, будемъ такъ говорить...

Эта работа мысли не похожа на газетныя фразы, послѣ предварительной цензуры расходящіяся по свѣту, которыми отдѣлываются разговаривающіе первоклассного общества, не имѣя на душѣ ничего, кромѣ апатіи.

Но вообще, какъ натянутые разговоры привилегированныхъ пассажировъ, такъ и чистосердечныя бесѣды пассажировъ непривилегированныхъ невольно наводили на весьма унылыя мысли. Слушая ихъ, любой помпадуръ, власть имѣющій, и благодѣтельствующій народу человѣкъ непремѣнно долженъ придти къ той мысли, что онъ одинъ только столпъ и опора, что только его усиліями, его мѣрами, его предписаніями и понуканіями держится все это обширное зданіе, именуемое: «наше обширное отечество».

Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, въ первыхъ классахъ, — полное отсутствіе общихъ интересовъ, значительное расположеніе смотрѣть на ближняго, какъ на дурного человѣка, подозрѣвая въ немъ всевозможныя гадости, сваливая на него, на его испорченность всю бѣду и оправдавъ себя этимъ,— меланхолическое полученіе жалованья и ничегонедѣланіе. Здѣсь, въ третьемъ классѣ, — напротивъ, нѣтъ ни апатіи ни бездѣятельности. Здѣсь много труда, здоровья, искренности и стремленій къ товариществу, — но идеи, мысли... Несмотря на свою искренность, въ самыхъ лучшихъ простонародныхъ головахъ, что̀ это, Господи Боже мой, за мысли! Современному ученику уѣзднаго училища ничего не сто̀итъ въ пухъ и прахъ разбить всю эту философію старца, разсказывавшаго о затменіи ума въ Калугѣ. Каждая мысль, несмотря на то, что прямо на собственныхъ плечахъ вынесена изъ жизни, относитъ мало-мальски грамотнаго человѣка въ самую глубокую тьму временъ. Съ какимъ трудомъ строитъ эта мысль свои умозаключенія, всегда отдающія для человѣка, мало знакомаго съ языкомъ и манерою выраженія третьеклассного народа, просто-напросто сущею чепухой!

Итакъ, что-жъ въ концѣ концовъ? Тамъ—апатія и дюжинность потребностей и мысли; здѣсь—здоровая и искренняя умственная чепуха, настоенная на двухъ-трехъ-четырехсотлѣтнемъ невѣжествѣ и вѣчномъ трудѣ. Что-жъ тѣ и другіе сдѣлаютъ безъ хорошаго помпадура, безъ посторонняго двигателя, который прибиралъ бы къ рукамъ и эту чепуху и эту апатію, и своими стараніями, понуканіями и предостереженіями придалъ бы хоть мало-мальски человѣческій образъ и подобіе безформенной и невѣжественной толпѣ?

Ставъ на эту точку зрѣнія и припоминая все, что дѣлали и дѣлаютъ разнаго сорта помпадуры на пользу бѣлой и черной кости моего отечества, я не могъ невольно не почувствовать къ этой дѣятельности глубочайшаго благоговѣнія и сохранилъ бы его въ своемъ сердцѣ навсегда, если бы не произошло одного обстоятельства, которое значительно измѣнило направленіе моихъ мыслей.

II.

Когда послѣ одной изъ остановокъ у какой-то деревеньки пароходъ снова тронулся въ путь, я замѣтилъ на палубѣ нѣсколькихъ новыхъ пассажировъ; въ числѣ ихъ вниманіе мое обратилъ на себя мальчикъ лѣтъ семнадцати или восемнадцати, лицо котораго показалось мнѣ знакомымъ. Я не могъ однако припомнить, гдѣ именно я его видѣлъ. Одѣтъ онъ былъ въ чей-то, очевидно, чужой сюртукъ, подъ которымъ была красная выпускная съ косымъ воротомъ рубашка. На головѣ была надѣта пуховая шляпа, тоже, очевидно, чужая, ибо если бы не уши, оказавшія ей подпору, она навѣрное бы закрыла лицо мальчика до подбородка. Въ рукахъ у него была книга.

«Гдѣ я его видѣлъ?»—думалось мнѣ.

Къ счастью, мальчикъ самъ сталъ вглядываться въ меня и потомъ, узнавъ и улыбаясь, быстро подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я—Вася! Узнаёте, Василій Петровичъ?

— Вася! Неужели?

— Онъ самый.

Я вспомнилъ и узналъ Васю, о которомъ теперь же нужно сказать нѣсколько словъ. Лѣтъ восемь или девять тому назадъ мнѣ пришла благая мысль «поработать на пользу отечества», и я сталъ учить деревенскихъ мальчиковъ. Какъ и всякій подобнаго мнѣ сорта благодѣтель, я исходилъ, начиная это дѣло, изъ той мысли, что ежели мужикъ бѣденъ, нищъ, то въ сообществѣ съ невѣжествомъ всѣ эти недуги лежатъ на немъ двойнымъ бременемъ; лучше же невѣжество замѣнить просвѣщеніемъ, воспользовавшись для этого тѣмъ временемъ, которое остается отъ молотьбы, уплаты недоимокъ и тому подобныхъ ежедневныхъ крестьянскихъ занятій, не нарушая однако ихъ обычнаго хода. Планъ благодѣянія былъ составленъ, какъ видитъ читатель, не особенно ясно, но, подобно другимъ благодѣтелямъ, я принялся за дѣло съ жаромъ, поддерживаемый въ этомъ

жару тѣмъ совершенно справедливымъ мнѣніемъ, что *что-нибудь* лучше, чѣмъ *ничего*. Очень много народу желало въ то время сдѣлать *что-нибудь* (конечно, хорошее) своему меньшему брату. Но, принявъ въ расчетъ, что науки никоимъ образомъ не должны были нарушать обычныхъ крестьянскихъ занятій (иначе что-жъ бы было?), я долженъ былъ елико возможно экономить временемъ, оставшимся въ моемъ распоряженіи, послѣ всѣхъ обязательныхъ даже для крестьянскихъ дѣтей трудовъ и работъ. Въ году такихъ свободныхъ минутъ въ общей сложности я могъ насчитать всего какихъ-нибудь недѣль шесть, и этимъ временемъ я долженъ былъ распорядиться такъ, чтобы, не теряя ни одной минуты (*съ часами въ рукахъ*, какъ говоритъ одинъ педагогъ), просунуть въ головы благодѣтельствуемыхъ мною ребятъ елико возможно большее количество науки. Читатель пойметъ (принявъ въ расчетъ тѣсноту, въ которой мнѣ приходилось пробираться), что я долженъ былъ спрессовать науку, какъ спрессовываютъ консервы, и давать ее дозами гомеопатическими, такъ искусно составленными, чтобы, попавъ въ мозгъ, каждая такая пилюлька науки растворялась бы тамъ пышно и хорошо, не вредя, конечно, ничему окружающему. Лекціи мои были поэтому настоящей энциклопедіей. Вотъ буква А. Чтобы ее запомнили, я говорю, что она похожа, напр., на крутую хорошую дугу; чтобы не терять времени, которое дорого, я тотчасъ, придравшись къ дугѣ, заводилъ рѣчь объ экипажахъ, объ ѣздѣ, оттуда недалеко до желѣзныхъ дорогъ, до пароходовъ, потомъ паръ, потомъ вода, изъ которой дѣлается паръ и въ которой рыбы; отъ рыбъ перехожу вообще къ устройству вселенной—такъ что, начавъ съ буквы А, мы заканчивали урокъ чѣмъ-нибудь совсѣмъ другимъ, на А вовсе не похожимъ. Я понимаю теперь, почему мои ученики сидѣли, выпуча глаза, и никогда почти никто изъ нихъ не могъ повторить, что̀ было сказано вчера. Это меня привело въ большое негодованіе, потому что, окончивъ лекцію, я обыкновенно чувствовалъ себя совершенно утомленнымъ среди поголовнаго тупоумія моихъ слушателей. Одинъ только Василій Хомяковъ—мальчикъ лѣтъ девяти или десяти—вознаграждалъ меня хотя отчасти за мои труды. Внимателенъ онъ былъ до послѣдней степени. Глаза его ни на минуту не отрывались отъ доски и отъ меня, когда я говорилъ, и если на слѣдующій урокъ онъ, по примѣру своихъ товарищей, тоже не могъ повто-

рить всего, что̀ сказано было въ прошлый разъ, то ужъ всегда зналъ, что буква, съ которой началась лекція, была А, тогда какъ другіе, сбитые съ толку моимъ рвеніемъ, на вопросъ—какая это буква—отвѣчали: одни—рыба, другіе—пароходъ, третьи—дуга. Василій Хомяковъ выучилъ азбуку очень скоро и скоро сталъ читать довольно порядочно; но въ ту самую минуту, когда я, утомясь въ борьбѣ съ тупоуміемъ остальныхъ моихъ питомцевъ, хотѣлъ сдѣлать свое знаменитое «что-нибудь» исключительно для одного Хомякова, сосредоточивъ на немъ всю мою заботливость о бѣдномъ братѣ, этотъ бѣдный братъ вдругъ залѣнился, сталъ даже дремать во время урока и скоро совсѣмъ пересталъ ходить. Это было весной. Послѣ Святой того же года я охладѣлъ къ школѣ, и осенью никакого ученія уже не было.

Прошло около девяти лѣтъ, и вотъ теперь на пароходѣ Василій Хомяковъ неожиданно встрѣтился со мной.

Мы были очень рады другъ другу.

— Гдѣ-жъ ты былъ?

— Сейчасъ былъ у матери, прощался... Къ Акимъ Петровичу на заводъ я ѣду. Вы не знаете господина Пазухина, Акимъ Петровича?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, къ нимъ ѣду... Надо-быть, надолго... Хочу дѣлать пользу.

Эту̀ фразу Вася произнесъ совершенно серьезно.

— Кому?—спросилъ я.

— Конечно, всѣмъ! —съ прежней искренней и юношеской серьезностью произнесъ Вася.

Давно-давно я не видалъ такой храброй увѣренности и искренности, какая проникала все существо Васи и его фразу: «конечно, всѣмъ»...

— Потому что,—продолжалъ онъ:—въ теперешнее время всякій дѣлаетъ зло, а зло надо искоренять.

— Конечно!—въ свою очередь сказалъ я.

— Если мы будемъ только для себя жить,—философствовалъ Вася: — что̀ хорошаго? Отъ этого сколько на свѣтѣ бѣдъ, горя?.. И-и—Боже мой!

— Да, много!

— Какъ много, какъ много!.. Я только недавно узналъ, въ чемъ дѣло. Мнѣ этого теперь оставить нельзя...

Вася насказалъ мнѣ еще великое множество вещей, которыя я зналъ давнымъ-давно; все это были слова и из-

реченія самыя обыкновенныя: о бѣдности, о несправедливости, какая идетъ по свѣту. Но эти обыкновенныя мысли и слова въ устахъ Васи дышали такой удивительною силой, правдой, что становилось какъ-то стыдно и неловко думать, что неужели я забылъ эти фразы? И приходило на мысль, что, дѣйствительно, только во имя этихъ обыкновенныхъ словъ и стòитъ жить на свѣтѣ, только ихъ и надо сдѣлать цѣлью своей жизни... Глядя на Васю, съ каждой фразой все больше и больше одушевлявшагося, невольно вѣрилось, что слова произносились имъ на одинъ только вершокъ отъ настоящаго дѣла во имя этихъ словъ, какъ бы дѣло непрактично ни было... Кто воспиталъ въ немъ эту силу? Кто поселилъ въ его головѣ эти мысли?—думалъ я—и никакъ не могъ приписать этой чести своей педагогической дѣятельности.

— Отчего ты бросилъ школу?—спросилъ я его, когда онъ немного затихъ.

— Тогда-то?.. Правду вамъ сказать?

— Пожалуйста!

— Скука! Такую скуку вы на меня тогда нагнали,—страсть!

Меня нѣсколько покоробило отъ этого опредѣленія моихъ усилій на пользу меньшему брату.

— Я вѣдь страсть какой характерный: я—въ дѣда! у меня дѣдъ тоже былъ желѣзо! Чтò мнѣ не по душѣ, ужъ меня ни за тысячу рублей не заставишь сдѣлать. Вы знаете, отчего я къ вамъ въ школу поступилъ? Вы думаете, это я просвѣщенія вашего желалъ, чтобъ это мужикъ меня не обсчитывалъ тамъ?.. И... совсѣмъ нѣтъ!..

— Зачѣмъ же?

— А вотъ зачѣмъ. Былъ у насъ въ селѣ одинъ воръ—Егорка. Какъ началась весна, только, бывало, и слышишь—тамъ пропажа, тамъ пропажа, и все—Егорка. Дебоширничаетъ онъ такъ цѣлое лѣто; а зимой, глядишь, идетъ просить прощенія у мужиковъ... И такъ умаслитъ, что подержатъ его въ тюрьмѣ, въ холодной, недѣлю и выпустятъ; и глядишь—этотъ самый Егорка ужъ живетъ у какого-нибудь крестьянина, иной разъ у такого, у котораго прошлымъ лѣтомъ по его милости овчины пропали или хомуты... Вся сила Егорки была въ томъ, что мастеръ былъ говорить. Вы знаете наши зимніе крестьянскіе вечера? На дворѣ—вьюга, въ избѣ—скука, тараканы, дымъ отъ свѣтца... Всѣ молчатъ. Кто-нибудь охаетъ на печи... Вотъ тутъ Егорка

былъ дорогой гость... Придетъ и начнетъ разсказывать сказку или какую-нибудь исторію—и такъ разсказываетъ, что мы всѣ замремъ, даже задохнемся отъ страху, такъ отлично разсказывалъ... Вотъ мнѣ и захотѣлось читать книги—я думалъ, тамъ такія исторіи есть, такія чудеса!.. Изъ-за сказокъ-то изъ-за этихъ я и поступилъ къ вамъ въ школу.

— А отчего ушелъ-то?

— Выучилъ азбуку—и никакого любопытства мнѣ въ школѣ не осталось... Какъ выучился я азбукѣ, вымолилъ у отца полтину, накупилъ въ городѣ книгъ, сталъ читать—только ничего любопытнаго не нашелъ. Егорка, напримѣръ, лучше разсказывалъ. Опять стало мнѣ скучно... Не то, думаю, въ монахи мнѣ идти, не то съ Егоркой убѣчь, а дома мнѣ никакъ нельзя было оставаться, потому ужъ въ головѣ у меня разныя мысли стояли... а дома что? Чѣмъ свѣтъ подымешься, поѣдешь съ отцомъ въ лѣсъ дрова рубить. Зябнемъ цѣлый день, привеземъ къ ночи возъ полѣньевъ—остается только поѣсть да спать, а на утро опять цѣлый день либо колъ какой въ плетень вколачиваешь, или снѣгъ отъ избы тоже цѣлый день отгребаешь... А вбилъ колъ или отгребъ снѣгъ—опять только поѣшь да спишь съ устали. Что-жъ это за жизнь? Я—человѣкъ, отъ этого меня и мутило: не то—въ затворники, не то—въ разбойники.

Вася улыбнулся и съ легкимъ смѣшкомъ въ глазахъ проговорилъ, глядя на меня:

— А тутъ вы мнѣ и подсудобили вашимъ ученьемъ, ну, я и...

— Какъ подсудобилъ?

— То-есть совсѣмъ отшибли у меня охоту... Вы помните, когда я ушелъ-то отъ васъ? Я васъ бросилъ передъ самой передъ Святой, и недаромъ...

— Почему же такъ?

— Вотъ я вамъ сейчасъ объясню... Мы, деревенскіе ребята, да и большіе ждали Свѣтлаго Воскресенья какъ Богъ вѣсть какой радости... Бывало, за цѣлую недѣлю сердце отъ радости изнываетъ. Въ ту пору къ тому же у меня, какъ я вамъ сказывалъ, было склоненіе къ монашеству, на подвигъ — стало-быть, о божественномъ я думалъ крѣпко... Вотъ въ такомъ-то расположеніи я пришелъ передъ Святой къ вамъ въ классъ—у васъ было все ко днямъ притрафлено, и приходилось такъ, что объ Христовомъ Воскресеніи вамъ надо разсказывать... Вотъ и думалъ я, что вы

намъ, мальчикамъ, все это подробно растолкуете—какъ Пилатъ, что̀ Іуда, и все до нитки,—а вы что̀ же?

Мнѣ ужасно захотѣлось узнать, какъ именно я, думавшій благодѣтельствовать меньшимъ братіямъ, угадалъ тогда желанія, съ которыми они ко мнѣ пришли, и какъ я сумѣлъ ихъ удовлетворить.

— Ну, что̀ я?

— А вы замѣсто того свернули дѣло въ три слова—вѣдь у васъ все было скоро, словно боялись, что насъ въ солдаты не поспѣютъ отдать (Вася улыбнулся), вотъ вы и обернули всю исторію въ одну минуту. Іуда предалъ, Пилатъ, молъ, распялъ, а черезъ три дня воскресъ, да потомъ сразу: гдѣ подлежащія, гдѣ глаголъ? Подчеркни собственныя имена... Подлежащія, запятыя,—а радости никакой мнѣ не вышло... Тутъ я на васъ страсть какъ сердитъ былъ и пересталъ ходить... На грѣхъ начиналась весна, и Егорка собрался изъ деревни вонъ, на свои похожденія... Скрывался онъ отъ насъ каждую весну потихоньку, потому что къ веснѣ мужики всегда собирались его опять засадить, чтобы онъ лѣтомъ не пакостилъ имъ... Какъ отбило меня отъ школы, да дома опять эта непроглядина-нужда отшибала—сбилъ меня Егорка, ушелъ я съ нимъ.

— Что̀ же ты дѣлалъ?

— Какъ что̀? Что̀ по моимъ мыслямъ выходило, то и дѣлалъ. Сначала Егорка говоритъ: «Пойдемъ въ Кривухино, надо наказать цѣловальника». И разсказалъ мнѣ, за что его надо наказать. Цѣловальникъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ самый безсовѣстный, съ мужиковъ снималъ послѣднюю рубаху... Какъ все это онъ разсказалъ мнѣ,—то вышло по моимъ мыслямъ, будто наказаніе цѣловальнику дать надо. Пошли мы и дали наказаніе.

— Какое же?

— Сожгли ригу.

«Неужели,—стояло у меня въ головѣ:—эта наука вора Егорки сдѣлала его тѣмъ, чѣмъ онъ есть?»

Вася продолжалъ:

— Ну, отъ цѣловальника пошли въ другое мѣсто, къ мужику. Тамъ овчины выкрали всѣ дочиста, потому что и этому мужику, по Егоркинымъ рѣчамъ, тоже нужно было сдѣлать внушеніе... Егорка на него былъ сердитъ еще съ прошлаго года, когда этотъ мужикъ избилъ его не на животъ, а на смерть... Ну, такъ и пошло. Все по правиламъ поступали... Мы тутъ дѣла много надѣлали, и я по-

лагалъ тогда, что это хорошо; а если бы не это — я бы давно отсталъ.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ, конечно, дострянались до тюрьмы... Тутъ мнѣ тоже было довольно интересно.

— Въ тюрьмѣ-то?

— Да-а-а-съ! Мнѣ тутъ было очень любопытно!

И, къ моему удивленію, Вася разсказалъ мнѣ великое множество самыхъ непривлекательныхъ острожныхъ продѣлокъ, нисколько, повидимому, не обѣщавшихъ въ будущемъ такого бойца противъ неправды, какимъ былъ онъ въ данную минуту. Слушая разсказъ про его бродячую и острожную жизнь и не вникая въ состояніе его совѣсти, можно было бы напророчить ему и ссылку и каторгу; но природная настойчивость, дѣлавшая невозможнымъ поступать противъ убѣжденія и выражавшаяся въ его разсказѣ постоянными вставками фразъ въ родѣ: «тутъ мнѣ показалось», «и вотъ я сталъ», «захотѣлось мнѣ» и т. д.—придавала всѣмъ Васинымъ злодѣйствамъ совершенно иной характеръ. Въ этой тюрьмѣ, въ этихъ темныхъ дѣлахъ онъ какъ бы укрывался только отъ насилій надъ его совѣстью и съ такой настойчивостью не измѣнялъ ей, что послѣ его разсказа можно было жалѣть объ общемъ строѣ жизни, въ которой надо искать темныхъ угловъ для того, чтобы не быть изуродованнымъ нравственно, — но сомнѣваться въ искренности того, во что теперь Вася вѣрилъ, не было никакой возможности...

Какъ же случился этотъ переворотъ?

По выходѣ изъ острога Вася встрѣтилъ человѣка, который сумѣлъ заставить вѣрить его въ иныя вещи, въ иныя мысли... Вася убѣдился, что Акимъ Петровичъ говоритъ вѣрно—и выработанная въ темныхъ закоулкахъ русской жизни сила убѣжденія вся обратилась на осуществленіе его новыхъ вѣрованій. По крайней мѣрѣ, когда, разставаясь, онъ снова повторилъ, что готовъ отдать душу за обиженнаго человѣка, и энергически прибавилъ:—«И отдамъ! Это вѣрно!»—я видѣлъ, что это, дѣйствительно, вѣрно, и что жизнь свою онъ отдастъ.

И стало мнѣ, послѣ разлуки съ Васей, который скоро вышелъ на одной изъ пристаней, чтобъ отправиться къ Акиму Петровичу,—стало мнѣ очень скучно и вмѣстѣ завидно этому мальчику. Кто изъ насъ, поставленный въ

счастливое положеніе не бродить по такимъ закоулкамъ, какъ Вася, могъ разсчитывать на свободу въ развитіи своей мысли?.. Вася убѣжалъ изъ школы, а насъ бы воротили и посадили опять, и подъ конецъ «переломили» эту мысль. А сколько потомъ, послѣ сломаннаго дѣтства, послѣ ломающей душу школы—сколько потомъ идетъ этихъ переломовъ при выборѣ дѣла, труда? Сколько тысячъ разъ приходится покоряться постороннимъ цѣлямъ, являющимся внезапно, и т. д.?

Раздумавшись объ этомъ предметѣ, я хоть и не чувствовалъ себя очарованнымъ острожнымъ способомъ развитія характеровъ, но благоговѣніе мое къ заботамъ вышеупомянутаго помпадура разсѣялось, какъ дымъ.

Съ конки на конку.

I.

...У Іоанна Предтечи, на Лиговкѣ—храмовой праздникъ.

Это праздникъ преимущественно чернорабочаго народа, праздникъ мелкаго торговца, словомъ — праздникъ людей «сѣрыхъ», работящихъ; вся Лиговка,—длинная въ нѣсколько верстъ улица,—какъ извѣстно, населена именно этимъ сѣрымъ рабочимъ народомъ; здѣсь квартиры и дворы легковыхъ и троечныхъ извозчиковъ, сѣнные склады, постоялые дворы для пріѣзжихъ подгородныхъ крестьянъ, масса кабаковъ, портерныхъ, закусочныхъ, съѣстныхъ и т. д. Какъ бы дополненіемъ, продолженіемъ Лиговки служатъ, съ одной стороны, Обводный каналъ, пересѣкающій ее почти въ концѣ (если идти отъ вокзала Николаевской дороги) и на всемъ своемъ громадномъ протяженіи густо обстроенный всевозможными фабриками и заводами и населенный тысячами чернорабочаго народа, съ другой—та же рабочая окраина Петербурга, центромъ которой можно считать Лиговку, продолжается за Николаевскій вокзалъ по тому же Обводному каналу, Шлиссельбургской дорогѣ, далеко по Невѣ за село Рыбацкое... На всемъ этомъ пространствѣ не одного десятка верстъ, когда-то раздѣлявшемся на слободы, села съ приходами, а въ настоящее время слившемся въ одну сплошную линію заводовъ и рабочихъ помѣщеній, между рабочимъ народомъ образовалась какая-то связь,

одинаковость интересовъ, работъ и заботъ... Конножелѣзныя дороги, соединяющія село Рыбацкое—дальній пунктъ Шлиссельбургской дороги, съ Нарвской заставой—дальній пунктъ Нарвскаго тракта, еще болѣе развили потребность общенія, вытекающую изъ одинаковости условій стотысячной массы народа, разселившейся по петербургской окраинѣ. Неудивительно поэтому, что храмовые праздники, празднуемые приходами разныхъ церквей, расположенныхъ на этой рабочей дорогѣ, дѣлаются мало-по-малу праздниками какъ бы общими для всей многотысячной рабочей колоніи... Изъ-подъ села Рыбацкаго ѣдутъ праздновать къ Нарвской заставѣ, на Митрофаніевское кладбище; изъ-подъ Нарвской заставы, пересаживаясь съ конки на конку, добираются въ гости въ село Рыбацкое, въ Смоленское, Александровское. Конножелѣзныя дороги очень много содѣйствуютъ удобствамъ передвиженія на такихъ дальнихъ разстояніяхъ. Церковь Ивана Предтечи, находясь почти по срединѣ длинной линіи, идущей по рабочей окраинѣ Петербурга, привлекаетъ особенно много любителей погулять. Въ описываемый мною день вагоны конножелѣзныхъ дорогъ, усиленные количествомъ, ежеминутно подвозили «къ празднику» съ отдаленнѣйшихъ окраинъ массы рабочаго народа; еще бо̀льшія массы шли пѣшкомъ, напирая все въ одну точку, къ Новому мосту, что̀ у самаго храма; часамъ къ двумъ всѣ переулки, всѣ улицы, прилегающія къ Лиговкѣ и Обводному каналу, всѣ кабаки, всѣ харчевни—все было переполнено народомъ; берега Обводнаго канала, обыкновенно весьма непривѣтливые, кое-гдѣ только покрытые тощей, ободранной растительностью, вытоптанной столичными бурлаками, обыкновенно бечевою передвигающими по каналу небольшія суда съ разными, преимущественно строительными матеріалами, — эти пустынные берега по случаю праздника были буквально завалены народомъ; тутъ и сидѣли, и лежали, и спали, и «валялись» въ той случайной позѣ, въ которой свалилъ подгулявшаго человѣка хмель. Немало «валялось» въ такихъ «невольныхъ» позахъ и женщинъ и даже малыхъ ребятъ изъ мастеровыхъ лѣтъ по тринадцати; много было и такихъ, которые сидѣли «тихоблагородно», одѣвшись въ новые ситцевые сарафаны и рубашки и скромно пощелкивая подсолнухи, но много было и крика, и говора, и шума; вагоны съ трудомъ пробирались въ этой сплошной толпѣ, наполовину отуманенной виномъ,—въ этой толпѣ обнимавшихся, шатавшихся, па-

давшихъ и прямо валившихся лошадямъ подъ ноги... Неумолкаемый звонокъ кондуктора едва былъ слышенъ въ морѣ всевозможныхъ звуковъ, криковъ, пѣсенъ, брани... Брань въ особенности энергическая, а главное—почти безпрерывная шла между кондукторами вагоновъ и публикой... Спорили и ругались изъ-за сдачи, изъ-за мѣстъ. Поминутно изо всѣхъ силъ, до хрипоты, кондуктора вопіяли: «Вѣдь русскимъ языкомъ говорятъ: нѣтъ мѣстовъ! Куда лѣзешь! говорятъ: мѣстовъ нѣтъ! Тебѣ говорятъ: не позволяется стоять! Вотъ позову городового... Что̀ это такое?» и т. д. безъ конца.

Именно вотъ въ такой-то шумной, тѣсной, крикливой компаніи мнѣ пришлось ѣхать на верхушкѣ конки, подвозившей рабочую публику отъ Нарвской заставы къ Іоанну Предтечѣ, празднику. Ѣхалъ я не вслѣдствіе какой-либо необходимости, а единственно вслѣдствіе желанія какъ-нибудь искусственно утомить себя, *измаять*,—желаніе весьма странное, подумаетъ читатель. Желаніе точно странное; но кто изъ провинціаловъ, заброшенныхъ на долгіе годы въ столицу, не переживалъ по временамъ минутъ необычайной тоски—и не собственно по родинѣ, а по чему-то уже почти позабытому, что̀ столичная жизнь уже выѣла, но что̀ *вдругъ* становится ужасно жаль, такъ жаль, что не знаешь, куда дѣться. Въ такія минуты это почти позабытое, это спрятанное въ самый темный уголъ души, это ненужное въ столичной суетѣ, бѣготнѣ, хлопотахъ вдругъ выйдетъ изъ своего темнаго угла, заропщетъ и застыдитъ тебя... Особливо въ послѣдніе годы: кромѣ полузабытаго прошлаго, и настоящее ежедневное снѣдало петербуржца (да и не однихъ петербуржцевъ) ужасающею тоскою. Бывали минуты смертоубійственнаго холода, которымъ дышала жизнь, и въ такія минуты тоска доходила до полнаго отчаянія. Вотъ въ такія-то минуты необходимо было предпринять что-либо механическое, чтобы согрѣться, оттаять, очувствоваться, чтобы «забыться и заснуть», заснуть въ буквальномъ смыслѣ, т.-е. умаять себя и свои нервы такъ, чтобы нельзя было не заснуть... Въ одну изъ подобныхъ минутъ я сѣлъ на верхушку конки, хорошо не помню гдѣ, и доѣхалъ по линіи до конца, а тамъ пересѣлъ на новую и поѣхалъ дальше... Толпа, чужіе люди, чужія рѣчи, толкотня, физическая усталость—все это было хорошо, какъ искусственное размыкиваніе тоски...

II.

Очень, очень долго я не только покорно, а даже совсѣмъ нечувствительно относился къ толчкамъ и пинкамъ, которыми награждали меня сосѣди по верхушкѣ конки, устремлявшіеся къ празднику. Долго я ощущалъ только одно—что меня качаетъ спереди назадъ, и что я поминутно стукаюсь спиной о спинку сидѣнія. Нѣкоторое время я совершенно спокойно смотрѣлъ на полу моего пальто, прожженную папиросой какого-то сосѣда, и, какъ кажется, полагалъ, что моя обязанность по отношенію къ прожженной дырѣ заключается только въ томъ, чтобы съ почтеніемъ ввирать на нее и всячески не препятствовать ея постоянно увеличивавшимся размѣрамъ. Нѣкоторая способность думать, чувствовать и слышать стала возвращаться ко мнѣ по мѣрѣ физическаго утомленія. Въ смыслѣ этого перехода отъ смерти къ жизни немало помогъ одинъ мастеровой, несказанно разсмѣшившій всю компанію, помѣщавшуюся на верхушкѣ конки.

Поднялся онъ на верхушку вагона съ величайшими усиліями, точно больной,—такъ качалъ его хмель; но, поднявшись, вдругъ обнаружилъ крайне буйный нравъ и моментально поднялъ цѣлую бурю, такъ сказать, коллективной брани.

— Гдѣ моя сумка? — загремѣлъ онъ, обращаясь неизвѣстно къ кому, но такимъ требовательнымъ тономъ, что публика и кондукторъ, всѣ вмѣстѣ, грянули ему въ отвѣтъ:

— Пошелъ вонъ! Пьяная морда! Кто за твоей сумкой приставленъ смотрѣть? Вонъ съ вагона!.. Ишь, каланча какая выставилась!..

— Подавай! — вопилъ мастеровой подъ градомъ ругательствъ и вопилъ такъ, что, очевидно, хотѣлъ всѣхъ покрыть и явно не намѣренъ былъ сдаваться.—Ты зачѣмъ приставленъ? Ты—кондукторъ? Ты—подавай!

— Я вотъ тебя въ часть, пьянаго шельму!

— Подавай сумку!..

— Потребовать городового! Докуда это будетъ?

— Ты зачѣмъ приставленъ?

— Пошелъ вонъ!

— Гдѣ моя сумка? Подавай мнѣ! Ты зачѣмъ приставленъ? Отвѣ-чай!..

Вдругъ я почувствовалъ, что около меня лежитъ что-то твердое. Оглянувшись, я увидѣлъ сумку.

— Эта, что-ль, сумка?—спросилъ я.

— Во-о-о!.. Она, она!..

Сумка перешла въ руки мастерового, при чемъ онъ разглядывалъ и твердилъ: «вотъ, вотъ», «она!.. самая это и есть...»

— Ну, пошелъ вонъ отсюда! Не позволяется стоять! Говорятъ тебѣ—пошелъ!

— Не ори! Чего орешь? Что̀ ты орешь, песъ ты этакій, — огрызался мастеровой на кондуктора. — Долженъ я барина-то поблагодарить?

— Пошелъ долой съ кареты!

— Ахъ, вы... мужичье!—гаркнулъ мастеровой.—И никто изъ васъ, мужичье вы дубовое, никто моей сумки не поберегъ... А вотъ баринъ, дай Богъ ему здоровья, обратилъ свое полное вниманіе...

— Уйдешь ты отсюда или нѣтъ? Вѣдь я городового позову!.. Пошелъ, говорятъ тебѣ!..

— Мужичье!—пуще прежняго оралъ мастеровой, подаваясь къ лѣстницѣ, благодаря усиленному напору кондуктора.—Вамъ вниманія этого нѣтъ... чтобы чужую вещь... свиньи! А баринъ обращали свой взоръ на мою сумку! Пьяныя вы морды!

Ораторъ, не удерживаясь на ногахъ, почти «загремѣлъ» внизъ по ступенькамъ крутой лѣстницы.

— Д-да!—заговорилъ какой-то тоже слегка пьяненькій фабричный въ синей чуйкѣ и картузѣ:—да, вѣрно!.. Вѣрно ты сказалъ... мужичье есть вполнѣ дурачье... Вотъ я—мужикъ, стало-быть, я — дуракъ. Да?.. Господа? правильно я говорю?..

— Дуракъ! — сказалъ кто-то.

— Вотъ! Вотъ это самое!.. Вотъ солдатъ — онъ есть умникъ. Онъ меня, положимъ что, пихнулъ, напримѣръ, въ бокъ, въ ребро. Но я молчу, потому что я есть мужикъ и дуракъ, а солдатъ — умный человѣкъ. Вѣдь такъ? господа? Ка-н-нешно, вполнѣ вѣррно! И это онъ правильно сказалъ... Я — мужикъ, я — дуракъ. Лежитъ чужая сумка — дуракъ я, вниманія не обратилъ; баринъ, коль скоро онъ образованъ, то сейчасъ и обратилъ взоръ на чужую сумку!

Взрывъ хохота разразился на верхушкѣ конки.

— Какъ чужая вещь, — продолжалъ тѣмъ же якобы совершенно кроткимъ тономъ фабричный: — какъ вещь чужая, такъ баринъ ужъ тутъ! «А, говоритъ, надо обратить свой взоръ, потому вещь чужая!..» А мужикъ? Мужикъ глупъ!

Вотъ положи тысячу рублей — я и не взгляну!.. Но ежели хотя гривенникъ увидитъ образованный человѣкъ, то въ ту же самую минуту обращаетъ вниманіе... А мы? Мы животныя!.. Дубье!.. Мнѣ покойникъ-баринъ махонькому говорилъ: «Мишка, придешь въ возрастъ, то я произведу тебя въ лакеи къ моему сыну!» Въ лак-кеи! Вѣдь это что̀? Вѣдь это награда! На-г-ра-да вѣдь въ лакеи-то! А я заплакалъ, убѣгъ! Потому дуракъ. Явно! Ежели-бъ я былъ уменъ, такъ вѣдь я обрадоваться долженъ, что меня, дурака, награждаютъ въ такую должность... Лакей! Куда же дураку-мужику сравниться! А я убѣгъ, потому что дуракъ! Вѣдь баринъ обращаетъ на меня вниманіе, счастія мнѣ желаетъ, говоритъ: «Мишка! Я тебѣ желаю счастіе сдѣлать и произведу тебя по этому случаю въ лакеи, напримѣръ, въ холопы!» А я, дуракъ, не понимаю... Вѣдь дуракъ я, господа? да? Само собой, я глупъ вполнѣ! «Въ ллаккеи тебя награждаю!» А я, дуракъ, — убѣгъ!.. Ахъ, животное!.. Бить! одно, одно и есть средствіе! Бить надо всячески! Обломать, чтобъ сучья-то всѣ эти съ мужика сшибить, — вотъ тогда онъ и пойметъ, образуется... Би-ить!.. Самое пер-рвое лѣкарство! Натуральное — минеральное! А то, помилуйте? вѣдь животное? Да, господа? Ну, конешно!..

Непрерывный, хотя и сдерживаемый изъ опасенія проронить хоть одно ядовитое слово хохотъ продолжался во все время этого монолога, который прервался только потому, что мы подъѣхали къ мосту Царскосельской ж. д., гдѣ должны были пересаживаться въ другой вагонъ.

III.

Громадной массой столпились мы, публика, предъ дорожной заставой, опущенной по случаю прохода поѣзда изъ Царскаго Села, и потомъ, когда заставу отворили, бурнымъ потокомъ хлынули къ вагонамъ конножелѣзной дороги. Ораторъ, смѣшившій публику, исчезъ въ этой тѣснотѣ и давкѣ, и я, съ величайшими усиліями пробравшись на верхушку новаго вагона, очутился въ совершенно новомъ обществѣ. Рядомъ со мной усѣлись два мастеровыхъ: одинъ — дюжій чернобородый мужикъ въ синей чуйкѣ тонкаго сукна, плотный, коренастый и красивый, другой — длинный, какъ вѣха, бѣлокурый и ужасно вялый отъ выпивки. Пахло виномъ и отъ перваго дюжаго мужика, но онъ крѣпился, покрякивалъ съ достоинствомъ и вообще старался, чтобъ хмель не былъ замѣтенъ въ немъ. Едва

они усѣлись, какъ дюжій мужикъ всталъ съ мѣста и, держась за желѣзныя перила верхушки вагона, крикнулъ въ толпу:

— Полѣзай сюда! Мишка! вотъ онъ я гдѣ! Лѣзь сюда!

— Мишка! — плохо владѣя языкомъ, но стараясь крикнуть какъ можно громче, гаркнулъ бѣлокурый товарищъ дюжаго мужика и тоже всталъ и, держась за перила, смотрѣлъ внизъ. — Полѣзай, пострѣлъ тебя слопай!..

Къ кому они обращались — я не видалъ; но вслѣдъ за воззваніемъ къ Мишкѣ оба они, сначала дюжій мужикъ, а за нимъ бѣлобрысый, подошли къ лѣстницѣ, ведущей на верхушку, и, обращаясь къ невидимому для меня Мишкѣ, который былъ внизу, начали произносить ужасно грозныя рѣчи. Сначала заговорилъ дюжій мужикъ; онъ насупилъ брови и, потрясая сжатымъ кулакомъ, говорилъ невидимому Мишкѣ:

— Полѣзай! ну, только ежели ты, шельма, опять начнешь свою музыку — помни!.. Я тебя, передъ Богомъ говорю честью, расшибу съ маху съ одного. Полѣзай, что-ль, чего сталъ? Я тебѣ говорю одно: будешь помнить! Ты мнѣ съ самаго утра зудишь, единаго шагу спокойствія отъ тебя нѣту — я тебя произведу за это за самое... Чего сталъ? Полѣзай, ну, пом-мни!

— Пом-мни! — присовокупилъ бѣлобрысый, шатаясь и еле вращая языкомъ, но довольно энергично потрясая кулакомъ. — Одно слово — убью! Безъ разговору! Коротко и ясно!.. Тресну — и аминь, со святыми упокой!.. Ты что не покоряешься?.. Ахъ, ты!.. Ты какъ можешь пре-пят-ствовать? Мм...лчать! Ни пикни!.. Убью въ полномъ видѣ!.. Пшолъ сюда!..

— Полѣзай, чего сталъ?—заговорилъ дюжій покойнѣй.— Долго, что-ль, съ тобой вожжаться-то? Ну, только по-м-мни!..

— Пом-мни!.. Помни свой послѣдній вздохъ... Какъ пикнулъ, тутъ тебѣ и окончаніе!

— Ну-ну! — еще потише заговорилъ дюжій мужикъ и помогъ подняться на верхушку маленькому, лѣтъ одиннадцати, худенькому черномазенькому мальчику.

Мальчикъ былъ чистенькій, въ длиннополомъ сюртучкѣ, новомъ картузикѣ, но робокъ и пугливъ былъ ужасно. Онъ испуганно озирался, очутившись на такой высотѣ, цѣпко хваталъ за руку дюжаго мужика, за перила и даже присѣдалъ, боясь ступить; конка тронулась, вагонъ покачнулся, и мальчикъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— А-а-а! — сказалъ злорадно долговязый: — боишься, пострѣлъ этакій! А какъ препятствовать старшимъ, такъ этого не боишься? Погоди вотъ!.. Видишь, вотъ каналъ-то... я тебя, вотъ передъ Богомъ, возьму за ноги да и громыхну туда!..

— Ну, будетъ тебѣ, балалайка! Чего ужъ попусту-то пугаешь? — съ легкимъ укоромъ перебилъ его дюжій сосѣдъ, почти насильно сажая Мишку, не хотѣвшаго выпустить изъ рукъ желѣзныхъ перилъ, къ себѣ на колѣно. — Ужъ чего попусту-то? Вѣдь такъ пугать попусту не годится... А вотъ ежели музыку свою заведетъ,—ну, тогда разговоръ у насъ будетъ особенный... Въ томъ случаѣ, еж-жели ты т-только хоша бы даже... ужъ я тогда — поступлю!..

— Ужъ тогда, братецъ ты мой, — дополнилъ долговязый: — поступокъ будетъ за первый долгъ... Прямо въ каналъ! Да чего же?.. Въ каналъ! Тутъ одной глубины сто саженъ, такъ это тебя вполнѣ сократитъ...

— Въ каналъ не въ каналъ, а... ужъ поступлю!..

Мальчикъ цѣпко держался за перила и едва ли что-нибудь слышалъ изъ этихъ разговоровъ, потому что, видимо, былъ подъ страхомъ упасть съ конки. Долго мои сосѣди читали ему нотацію, грозили ему чѣмъ-то, и я никакъ не могъ понять, чѣмъ бы этотъ крошечный, тщедушный мальчикъ могъ вредить такимъ большимъ людямъ? Наконецъ бѣлокурый мастеровой, сидѣвшій со мной рядомъ, потянувшись ко мнѣ съ папиросой, улыбнулся пьяно-доброю улыбкой и сказалъ негромко:

— Пужаемъ пострѣленка!.

— За что же?

— Способовъ нѣту, вотъ за это! Чистая змѣиная порода — весь въ мать!.. То-есть вылитая шельма! Она мнѣ родная сестра, мать-то его, — я говорю прямо,—я этого не боюсь... Хорошая баба, нечего говорить, и вотъ онъ, мужъ-отъ, то-жъ скажетъ, а ужъ змѣ-я! Ужъ что̀ ни говори, а цѣпкая баба! Ужъ такъ цѣпка — на рѣдкость, и мальчонка-то весь въ нее... Уцѣпится, — нѣтъ возможныхъ способовъ никакихъ! Что̀ матка скажетъ — такъ, кажется, клещами изъ пострѣленка не выдерешь! Теперича вотъ возьмите въ понятіе: у людей нонѣ праздникъ, пре-столъ! вѣдь это надо понимать! Свинья она этакая! Вѣдь должонъ человѣкъ погулять, вѣдь и нашему брату надо разогнуться! Какъ вы полагаете?

— Она этого не понимаетъ, — заговорилъ мужъ цѣпкой

бабы и отецъ Мишки, очень ясно слышавшій (какъ и Мишка) разговоръ своего товарища, который со второго слова пересталъ шептать и говорилъ громко. — Она этого не понимаетъ... что̀ значитъ молоткомъ-то зудить десять лѣтъ... Ей бы только — мужъ «не пропилъ» денегъ!.. Ты должна же, дубина, понимать, пьяница или нѣтъ мужъ-то? Я пью въ препорцію, мнѣ надоть вздохнуть... Что-жъ я не кормлю, что-ль, васъ?.. Кажется, у меня есть своя голова на плечахъ — такъ мало! Караульщика приставила!

— Изволите видѣть, — сказалъ бѣлокурый: — пристанавливаетъ къ намъ караульщика!.. Ну, не сволочь ли, позволите васъ спросить, будьте такъ добры? Назудила мальчишку — «препятствуй»! Рюмки нельзя выпить, чтобъ безъ прекословія... Чуть взялся за стаканъ — реветъ; слезами рыдаетъ, всю душу повреждаетъ человѣку! Вы глядите на него — вѣдь молчитъ, не пикнетъ, а мысль у него только бы намъ во вредъ!.. Какъ чуть подошелъ къ кабаку, даже къ портерной, къ примѣру — воемъ завоетъ!.. Съ утра мучаетъ насъ вотъ съ Петромъ, отвязы никакой нѣтъ! Бросить его — вѣдь жалко мошенника! Вѣдь его раздавятъ, какъ муху, въ народѣ-то... А съ нимъ — бѣда! Измучилъ, чисто измучилъ! Какое же тутъ можетъ быть удовольствіе — воетъ да клянчитъ, да за руки да за полы цѣпляется?

Дюжій мужикъ сидѣлъ все время молча, угрюмо, и вдругъ грознымъ голосомъ заговорилъ:

— Я тебѣ въ послѣдній разъ говорю — не смѣй мнѣ надоѣдать! Я тебѣ — отецъ; я могу по-свойски тоже, братъ, смотри! Я васъ всѣхъ кормлю, я знаю, что̀ дѣлаю! Ежели ты мнѣ посмѣешь, такъ я тебѣ покажу, что̀ я такое! Какъ ты смѣешь, когда тебѣ русскимъ языкомъ говорятъ: «отстань»? Ахъ, ты, дубина этакая! Больше я съ тобой разговаривать не буду, а чуть что̀ — пошелъ вонъ, убирайся отъ меня! Вотъ что̀!

— Прямо, гнать его прочь! — прибавилъ бѣлокурый: — что̀ это такое? На что похоже? Что̀ за надзиратель за такой! Пошелъ вонъ — вотъ и все! Пускай раздавитъ вагономъ, коли не хочешь слушать, что̀ старшіе говорятъ. Вотъ еще какая свинья!.. Мы тоже на своемъ вѣку жили; кажется, знаемъ побольше твоего... Ты что̀ за указчикъ? Ахъ, ты... Съ тобой говорятъ честью, а ты все свое заладилъ? Ну, братъ, — гляди въ оба!..

— Слышишь, что̀ тебѣ говорятъ? — тряхнувъ Мишку за плечо, сказалъ дюжій мужикъ. — Ну, такъ помни! Я безъ

теоя знаю свое дѣло! Я тридцать лѣтъ служу хозяевамъ, ты мнѣ не смѣй!..

Мальчикъ ни слова не отвѣтилъ.

— Ну, вылѣзай! — сказалъ дюжій мужикъ бѣлокурому, когда мы подъѣхали къ мосту на Лиговкѣ. — Пора слѣзать!

Всѣ трое стали спускаться внизъ, и не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ передъ моими глазами разыгралась удивительная сцена. Я сидѣлъ на верхушкѣ конки, которая дожидалась встрѣчной, видѣлъ, какъ изъ толпы выдѣлились фигуры моихъ сосѣдей, при чемъ Мишка былъ между ними и держался руками и за отца и за дядю... Они что-то говорили ему, говорили сердито, останавливаясь нарочно для разговора и увѣщаній. Я видѣлъ, какъ отъ Мишки рванулся бѣлокурый, потомъ, какъ отецъ сталъ изъ его рукъ вырывать свою полу; но Мишка, этотъ молчаливый, худенькій мальчикъ, впился въ него, присѣлъ и громко закричалъ что-то...

— Брось! брось! Брось его, шельму! — взывалъ бѣлокурый изъ дверей кабака. — Бросай его подъ карету!

Дюжій мужикъ почти волокомъ тащилъ мальчишку по направленію къ кабаку, оборачиваясь, бранясь, порываясь оторвать его...

Мишка вылъ, упирался. Вагонъ тронулся.

IV.

Явный гнѣвъ и видимая сильная степень раздраженія, которыхъ я не могъ не примѣтить какъ въ отцѣ Мишки, такъ и въ его бѣлобрысомъ дядѣ, во время послѣдней сцены, стали меня сильно безпокоить. Вагонъ двигался въ сплошной толпѣ народа, поминутно останавливаясь и не переставая звонить, и мальчикъ не выходилъ у меня изъ головы.

«Что̀, думалъ я, вѣдь въ самомъ дѣлѣ онъ можетъ такъ раздражить отца, желающаго гулять, и его компаньона, что они въ сердцахъ и въ горячности, пожалуй, сдѣлаютъ ему что-нибудь худое, въ чемъ и сами будутъ раскаиваться. Мальчикъ же, очевидно, пристаетъ къ нимъ безъ всякаго милосердія и снисхожденія... Дюжій мужикъ былъ, очевидно, не изъ пьяницъ, не изъ горькихъ запивохъ, но мальчишка раздражалъ его съ утра, а онъ съ утра уже былъ выпивши, какъ явствовало изъ разсказа бѣлокураго, и притомъ выпивалъ безъ пріятности, какъ видно было также изъ разсказа бѣлокураго. Въ такія минуты случайно, невольно можетъ выйти какая-нибудь потрясающая сцена».

Чѣмъ дальше я ѣхалъ, тѣмъ мнѣ становилось безпокойнѣе; доѣхавъ до Разъѣзжей, на что понадобилось не менѣе полчаса времени, я рѣшилъ перемѣнить вагонъ, пересѣсть на встрѣчный и доѣхать до того мѣста, гдѣ я покинулъ моихъ сосѣдей. Мнѣ казалось, что я даже долженъ это сдѣлать.

Прошло еще полчаса, пока я добрался до мѣста и вошелъ въ кабакъ. Не безъ страха переступилъ я порогъ и не безъ волненія замѣтилъ синюю чуйку дюжаго мужика. Бѣлокурый товарищъ его также былъ здѣсь; здѣсь былъ и мальчикъ... Къ удивленію моему, лицо его было совсѣмъ не то, какое было у него на верхушкѣ конки; онъ былъ покоенъ, вертѣлъ передъ собой картузъ и моталъ ногой...

— А! — воскликнулъ бѣлокурый, узнавъ меня: — нашъ компан-енъ!.. Усмирили язву сибирскую!.. Тише воды, ниже травы сталъ!.. Что̀, Мишка,—обратился онъ къ мальчику:— хороша наливка-то?

— Сладкая!

— А, пострѣленокъ! Покуда самъ не отвѣдалъ, покою не давалъ, а теперь: «сладкая»!.. Ишь, животное!..

Да! мальчикъ тоже былъ подъ хмелькомъ, я ясно видѣлъ это. Увидѣлъ я также и то, что дюжій мужикъ плачетъ. Онъ и его товарищъ были значительно подъ хмелькомъ; путаясь въ словахъ, дюжій мужикъ стучалъ кулакомъ въ грудь и бормоталъ:

— Я... тыщи рублей не взялъ бы... поить... ты мой родной!.. Мерзавецъ этакій... Говорилъ: оставь! Знаю! все знаю! чувствую! Дов-велъ! Принужденъ! Ну, пей, пей, пріучайся! Измучилъ ты меня! Чтобъ только ты-то не мучился, я далъ... я тебя любя далъ... дозволилъ... Отецъ отвѣтитъ за это, передъ Богомъ отвѣтитъ!

— Ну, будетъ нюни-то распускать! — перебилъ бѣлокурый.—Велика важность — наливка!.. Мишка! понравилась наливка-то?.. а? Хочешь еще рюмочку? я тебѣ поднесу! Только ты — гляди!.. Видишь, что̀ ты съ отцомъ сдѣлалъ? Ввелъ его въ слезы... Хочешь?

— Давай!

— А будешь препятствовать?

— Нѣту!..

— А-а-а!.. безсовѣстный!.. Ну, надо дать, дѣлать нечего... Только гляди, чтобъ потомъ не пьянствовать! Боже тебя избави!..

Дюжій мужикъ плакалъ и пилъ пиво.

Норовилъ по совѣсти.

I.

Былъ тихій, свѣжій лѣтній вечеръ. Я вышелъ изъ дому, который нанималъ на лѣто въ деревнѣ, на улицу и сѣлъ на крыльцо, прямо на ступени. Легкая влажная свѣжесть пріятно наполняла и освѣжала грудь. На небѣ и на землѣ было чисто, широко, просторно и вообще «хорошо», покойно. Хотѣлось «просто» сидѣть вотъ такъ, чуть-чуть не въ забытьѣ, дышать, смотрѣть и *наслаждаться* тишиной и покоемъ минуты наступившаго вечера.

Какое-то странное, не то слезливое, не то злостное бормотаніе прервало мое тихое наслажденіе. Мимо меня шелъ мужикъ въ одной бѣлой рубахѣ, ободранныхъ холстинныхъ штанишкахъ и босикомъ. Лысая голова его была обнажена. Шелъ онъ какъ-то странно, не то очень торопился куда-то, не то, вдругъ вспоминая что-то, останавливался и что-то бормоталъ... Скоро однако я разобралъ, что причина этой странной походки была очень проста: мужикъ былъ пьянъ, и кромѣ того, когда онъ пробѣжалъ мимо меня, я увидѣлъ, что онъ еще къ тому же и слабъ и худъ, и что не онъ управляетъ ногами, а онѣ несутъ его, куда имъ угодно. Бормотаніе его было не то пьяное, мужицкое галдѣнье съ ревомъ (необходимымъ, впрочемъ, для больной груди, желающей побольше вобрать воздуху) и гарканье безъ всякаго другого содержанія, кромѣ крѣпкихъ словъ,—нѣтъ, это было что-то до послѣдней степени жалкое, дѣтски-безсильное; такимъ голосомъ жалуются дѣти, когда крѣпко оскорбятъ ихъ самолюбіе. Нѣчто безсильно-визгливое, не имѣющее возможности «какъ слѣдуетъ» разозлиться, слышалось въ тонѣ его бормотанья. А что̀ такое онъ бормоталъ, увѣряю васъ, не понялъ бы ни единый человѣкъ. Только слово «Богъ», повторявшееся довольно часто и всегда сопровождавшееся поднятіемъ тощей, сухой руки къ небу, только это слово одно и было доступно уху посторонняго слушателя, во всемъ, что̀ выходило не то изъ сжатыхъ губъ, не то изъ беззубаго рта пьяненькаго мужика.

— Ишь! ишь! какъ его швыряетъ-то,—появляясь съ лопатой и граблями на плечѣ, произнесъ нашъ дворникъ, приготовлявшійся собирать въ садикѣ близъ дома скошенную утромъ траву.

— Э, какъ двинуло!

Безсильныя ноги мужика въ самомъ дѣлѣ несли его, куда имъ вздумается. Подъ горку онъ несся мелкой рысцой, всѣмъ корпусомъ подаваясь впередъ и каждую минуту ожидая паденія именно головою впередъ. Но «богъ пьяныхъ» хранилъ его, и онъ, вмѣсто того чтобы слетѣть съ мостика въ грязную канаву, что̀ ожидало его неминуемо, вдругъ заколесилъ такъ же проворно, и такъ же еле держась на подгибавшихся колѣнкахъ, въ сторону, ударился бокомъ о загородь изъ жердей и, перевернувшись къ ней животомъ, сталъ (очевидно, также невольно) заносить ногу черезъ низенькую загородку. Та сила, которая его несла, куда ей было угодно, продолжала и тутъ, при перелѣзаньи, лихорадочно торопить его и въ одно мгновенье, прежде чѣмъ онъ перенесъ черезъ плетень колѣно, перебросила его на другую сторону.

— Н-на!—произнесъ Петръ (такъ звали нашего дворника):—шмякнуло!..

Старика шмякнуло навзничь, и онъ со своей бѣлой рубашкой совсѣмъ скрылся въ травѣ, только рука поднялась, и опять послышалось что-то въ родѣ «Богъ»,—и совсѣмъ исчезла маленькая-маленькая фигура старикашки.

— Не ушибся ли онъ?

— Гдѣ тамъ ушибиться! Тамъ трава... Обстрекаться—обстрекается... Прямо въ крапиву угодилъ...—И медленными шагами Петръ отправился къ загородкѣ, чтобы посмотрѣть, не ушибся ли человѣкъ въ самомъ дѣлѣ.

— Ну, лежи, лежи!.. лежи смирно!—покойно и основательно произносилъ Петръ, глядя черезъ плетень въ крапиву.

— Богъ... Создатель! О-о-о-нъ отецъ нашъ! — слезливо дребезжало что-то изъ-за плетня и опять что-то забѣлѣло.

— Лежи, лежи! ну, ладно, отдышись, очнись... Чего? Потому что пьянствовать не надо!.. Да!—слышались нравоученія Петра:—потому что пьешь! Ну, я ужъ, братъ, не разберу твоихъ разговоровъ... лежи!..

И Петръ такъ же медленно пошелъ назадъ, а за плетнемъ опять не стало ничего видно, кромѣ травы,—такъ тщедушенъ былъ старичокъ.

— Ничаво!.. проспится... очкнется! Брякнулся, словно на перину, и встать не хочется... любо лежать-то, прохладно... ха-ха!..

— Это вашъ, мочалкинскій?

— Нашъ, какъ же.

Петръ пошелъ въ садъ, отгороженный прямо отъ крыльца, а оттуда, продолжая разговоръ, медленно приступилъ къ работѣ.

— А отчего? Потому что нѣтъ въ человѣкѣ ума. Доведись до меня, я-бъ это дѣло въ двѣ секунды кончилъ. Взялъ бы вотъ топоръ и пошабашилъ сразу. И въ Сибири люди живутъ, по крайности ужъ до эфтого бы не допустилъ...

Петръ былъ человѣкъ не старый, лѣтъ тридцати, холостой и энергическій. Онъ зналъ хорошо грамотѣ, думалъ попасть въ Петербургъ въ артельщики и теперь жилъ въ деревнѣ собственно для старухи-матери, у которой онъ былъ одинъ сынъ. Къ осени онъ полагалъ, что мать должна помереть (ужъ къ Кузьмѣ-Демьяну безъ сомнѣнія), и тогда онъ тотчасъ уйдетъ въ Петербургъ. Деревню онъ любилъ болѣе съ художественной стороны: луга, рѣчка, рыбная ловля, зори утреннія и вечернія, грозы, лѣса съ птицами и ягодами—вотъ что̀ было въ деревнѣ хорошо. Но народъ деревенскій ужъ не нравился ему, потому что онъ отвѣдалъ столичнаго житья, видалъ людей и пріучился разсуждать. «Безтолочь», «непорядки», «разини»—вотъ какъ характеризовалъ онъ большею частью деревенскую нравственность и умъ и по своей суровости, даже иной разъ какой-то жестокости, полагалъ, что надъ всѣмъ этимъ «разгильдяйствомъ деревенскимъ» «мало страху», что тутъ нужна строгость, что безъ приказанія ничего путнаго не выйдетъ. Въ такомъ суровомъ взглядѣ на деревню немалую роль играло въ Петрѣ и довольно сильное чувство родства съ этой самой деревней,—чувство, какъ я не разъ могъ убѣдиться, оскорбленное тѣмъ безпомощно-глупымъ положеніемъ, которое, по мнѣнію Петра, эта деревня, эта его близкая родственница, переживала изо дня въ день и которое ей предстоитъ переживать, повидимому, несчетное число лѣтъ.

— Объ чемъ это ты говоришь?—спросилъ я его.

— Да вотъ все объ этомъ же!—сказалъ Петръ, сгоняя граблями въ кучу съ куртинъ высохшіе и пріятно шушукавшіе клочки сѣна:—все вотъ объ этомъ пьяненькомъ-то. Ну, что̀ это, нешто хорошо? (остановившись и почему-то поплевавъ сначала на руки, а потомъ положивъ ихъ на ручку грабель, произнесъ онъ вопросительно). — Живутъ двое съ одною бабою! Ну, аккуратно ли это? Вѣдь это такъ

надо сказать: и у господъ—и то въ рѣдкость, не токмо въ крестьянствѣ... Срамъ! Пьянствуютъ трое цѣлый Божій день, вотъ ужъ который годъ не могутъ расцѣпиться!.. Доведись до меня, такъ ужъ я-бъ не допустилъ такого безобразія... Прямо за топоръ: либо ее, либо его!

— Кого?

— Либо бабу, либо любовника. Какъ же иначе-то? На это закону нѣтъ... Хоть какой хошь законъ утверди, а покуда живы, канитель будетъ тянуться, ужъ это вѣрно. Тамъ Господь разсудитъ, такъ али нѣтъ. А что разводить этакую погань не приходится.

И опять, поплевавъ на руки, онъ быстро и далеко занесъ грабли и медленно потянулъ ихъ къ нараставшей кучѣ.

— А ежели бы разойтись? Вѣдь тогда и безъ топора можно?

— Это какъ же такъ?

— А такъ просто—либо мужу съ ней разойтись и оставить ее съ...

— Съ любовникомъ?.. Это я-то, мужъ (хоть бы я, напримѣръ), такъ я и буду любоваться на нихъ?.. Ну, ужъ этого нѣтъ! Есть такіе любители, чтобы ихнихъ женъ, ихній товаръ одобряли, ну, моего на это согласія нѣтъ! Жена живи съ мужемъ. Какъ любовникъ—такъ топоръ, и больше ничего, и весь разговоръ... А то какъ же? Разойдись! Какъ же мужъ-то? я-то?.. Да и какъ же это возможно! Вѣдь, чай, мое доброе!

— Что̀ это?

— Да жена!.. да чтобы я уступилъ? Даже вполнѣ смѣшно это! Все равно, ежели, примѣрно, купилъ я себѣ домъ или что̀, и кому-нибудь онъ и понравился, такъ я и долженъ отдавать? Что-жъ я за полоумный такой?.. Мое, такъ мое и есть. Какъ отъ меня прочь — тумака далъ хорошаго—шабашъ. По крайности этого вотъ безобразія не будетъ (онъ указалъ по направленію плетня, гдѣ спалъ пьяненькій). По крайности самъ не будешь сердцемъ мучиться... Въ такомъ случаѣ (Петръ говорилъ медленно и отчетливо), то-есть ежели жена, напримѣръ... то надо давать тумака женѣ. Долбани ея любовника, жена будетъ тосковать, вспоминать, и я покоенъ не буду, а какъ жену прекратилъ, тогда ужъ опять одинъ и ужъ безъ надежды остаешься. Вотъ что̀!

Это, очевидно, былъ непоколебимый взглядъ Петра на

жену (самъ онъ былъ холостой), на любовь и на измѣну. Онъ такъ опредѣленно и вѣско выражалъ свое мнѣніе, что я и не подумалъ спорить съ нимъ. Я только спросилъ:

— А старикъ-то этотъ какъ же? Почему такъ не распорядился?..

— Старикъ-то?

Петръ оставилъ грабли, подошелъ къ самой загородкѣ и, положивъ на нее локти, шопотомъ сказалъ:

— А потому старикъ не пошабашилъ съ нею, что больно ужъ святъ. Передъ Богомъ тебѣ говорю: совсѣмъ былъ спасенъ—угодникъ, одно слово. Отъ эфтого рука и не поднялась у него! Вотъ и валяется теперь... вишь вотъ!.. А Господь и разбойниковъ и убивцевъ вѣдь милуетъ. Отмолилъ, отпостилъ бы... А теперь что̀? Служилъ - служилъ Богу, да вдругъ дьяволу поклонился. Ужъ какой же тутъ расчетъ? Никакого нѣту расчету! Все и пошло невѣсть куда, хоть бы и не угождалъ Богу-то... Вонъ теперь пьяный плачетъ, жалуется, все Бога поминаетъ. «Богъ», «Богъ»— то и дѣло; а Богъ-то теперь и вниманія ему не даетъ, потому что̀ онъ такое? Свинья—больше ничего.

— А святъ былъ?

— Боже мой, какъ святъ! То-есть по всей формѣ угодникъ... Именно говорю. Вотъ пожалуйте мнѣ папиросочку— я вамъ объясню.

II.

Петръ сидѣлъ рядомъ со мной на ступеняхъ лѣстницы, курилъ и разсказывалъ. Шапка у него была на затылкѣ: «такъ слободнѣй разсказывать-то...»

— Ямщики они были, значитъ, въ старые годы... Въ старые-то годы московская дорога вѣдь какъ гудѣла... Не дорога, а война была — одно слово! Теперича проѣзжайте вы по старому шоссе — весь путь на сотни верстъ почти сплошь застроенъ; села, города, все къ дорогѣ жались, все на версты вытягивались... Теперь только пустые дома, да лавки, да постоялые дворы стоятъ; чѣмъ народъ живетъ— невѣдомо. Теперь, примѣрно сказать, за сто рублей въ годъ въ городѣ отдадутъ вамъ съ большимъ удовольствіемъ цѣлый домъ, комнатъ въ пятнадцать. Народу нѣтъ, дѣлъ нѣтъ! А прежде тутъ ключомъ кипѣло и деньги большія наживались. У-ухъ какія деньги! Сколько съ той дороги пошло по Руси тысячниковъ, милліонщиковъ—смѣты этому нѣту! Вотъ и Егоровъ отецъ—онъ Егоръ Петровъ прозы-

вается (Петръ указалъ на плетень, за которымъ валялся пьяный)—также тутъ орудовалъ. Такъ же вотъ Петромъ прозывался, все равно, какъ я... Родомъ-то они были здѣшніе, наши мочалкинскіе, и домъ у нихъ тутъ былъ, ну, а на дорогѣ самый промыселъ, стало-быть, постоялый дворъ и ямъ... И изъ большихъ былъ мѣшковъ... Девяносто лошадей, стало-быть, по тридцати троекъ, ганивалъ въ день и шумѣлъ далеко, оченно шумѣлъ... Ну, грѣха таить нечего, деньги наживались всячески... Пріѣзжій народъ былъ (хоть бы и теперь взять) разный—и серьезный, и баловникъ, и все прочее... А Пётра-то былъ человѣкъ не задумчивый... Идутъ деньги, такъ бери! И бралъ со всего, т.-е. даже и нехорошо... Напримѣръ, дочери его... Дочери его тоже дѣйствовали... Потому народъ ѣхалъ съ деньгами, не то что теперь по чугункѣ за тридцать копеекъ ѣдетъ человѣкъ сто верстъ, а въ карманѣ, окромя билета, ничего нѣту. Въ ту пору въ Москву ли, въ Питеръ ли поднимался человѣкъ капитальный, помѣщикъ, купецъ, у всѣхъ деньги готовыя, ѣзда долгая, скучная, ну, и баловались. И шибко баловались! До сихъ поръ по дорогѣ идутъ разговоры насчетъ этой жизни веселой... Вотъ Пётра-то и орудовалъ... Мало, что дочерей, напримѣръ, пожертвовалъ господамъ проѣзжающимъ (ужъ само собой не даромъ, и очень даже не напрасно), а и хуже бывало... Старичокъ какой-то ночевалъ у него съ деньгами—и пропалъ. Пётра-то разсказывалъ (и всѣ его сыновья, дочери и работникъ тоже разсказывали), что будто ночью за старичкомъ подъѣхала тройка, а въ тройкѣ будто тоже старичокъ, изъ лица на Николая-угодника похожъ; взялъ, говорятъ, этого проѣзжающаго, вывелъ изъ номера за руку, посадилъ на тройку и умчалъ... И такъ будто умчалъ, что и слѣдовъ нѣту! Такъ ли точно было — неизвѣстно, но только что наврядъ, чтобы такъ... Начальство Петра не касалось — человѣкъ денежный; а, надо-быть, совѣсть-то у него была не очень правильна. Стала подходить старость—сталъ пить. По ночамъ ходитъ, кричитъ, сталъ съ семьей драться—и дочерей и сыновей возненавидѣлъ. Долго ли, коротко ли такъ было, только, разсказываютъ старики, разъ выѣхалъ онъ на тройкѣ будто въ городъ и мальчишку съ собой взялъ—вотъ этого самаго Егора, что̀ теперь въ канавѣ-то лежитъ... Тогда Егору не больше, какъ лѣтъ подъ четырнадцать было... Самый былъ послѣдокъ и самый любимый отцовъ сынъ—потому еще не успѣлъ насобачиться, какъ братья его и сестры. Взялъ

съ собой Егора и уѣхалъ. Никому ничего не сказалъ, кромѣ что «ѣду, молъ, въ городъ...»

«Мало ли въ городѣ дѣлъ у него было! Ну, ничего, уѣхалъ и уѣхалъ. Только недѣля прошла, —нѣтъ его назадъ; и мѣсяцъ прошелъ — нѣтъ! И годъ — нѣтъ... Пропалъ старикъ, и сынъ пропалъ... Хватились — и денегъ нѣтъ: и деньги увезъ всѣ; одно слово, бросилъ домъ: «живите, молъ, какъ хотите!..» Куда дѣлся, что̀ сталось съ нимъ — никому ничего неизвѣстно, словно вотъ сквозь землю провалился. И годъ прошелъ, и два прошло — нѣтъ! все нѣтъ ни слуховъ, ничего... Въ теченіе того времени все это хозяйство пошло дуромъ, — безъ денегъ что̀ ужъ за хозяйство, — да на бѣду по второму-то году ударила въ его постоялый дворъ молнія, и дворъ весь дочиста сгорѣлъ. Въ скорости жена померла съ горя, а дочери, Богъ ихъ знаетъ, куда разбрелись; сыновья въ люди пошли, да и тамъ что-то не уживались, потому легкое ли дѣло послѣ своего-то хозяйства да въ батраки къ чужому идти? Пошло все прахомъ (что̀ значитъ нечисто наживать-то!—прибавилъ Петръ нравоучительно). И совсѣмъ было-извелась о нихъ память, какъ на четвертый годъ слышимъ: «поймали!». Схватили ихъ, Петра и Егора, гдѣ-то, изволишь видѣть, на границѣ. Грубить, что ли, Пётра-то зачалъ, али какъ, ну, только схватили ихъ обоихъ и по этапу, значитъ, на мѣсто жительства, сюда...

«Воротились... Ску-у-учно стало старику-то глядѣть на свое разоренье. Поглядѣлъ онъ, съѣздилъ на погорѣлое и такъ-то заскучалъ, затосковалъ. Въ ту пору было мнѣ отъ роду годовъ девять — помню, что̀ у насъ по деревнѣ разговору было объ этомъ дѣлѣ! Вотъ тутъ-то и обозначилось, гдѣ они пропадали. Съ этимъ вотъ самымъ Егоромъ цѣлыя ночи, бывало, напролетъ не токмо молодые ребята, а и старые старики леживали, все разспрашивали: «гдѣ», да «какъ», да «что̀». И Егоръ такъ-то хорошо разсказывалъ— на рѣдкость! И были они всѣ эти четыре года въ странствіи, и все по святымъ мѣстамъ... Чуть, поди, въ самомъ Ерусалимѣ не были. Что-то будто разговаривали объ этомъ. И къ затворникамъ-то и къ схимникамъ заѣзжали, и пещеры всѣ, какія есть, прошли насквозь, то-есть все, все начисто видѣли, всю святыню. И ужъ такъ-то хорошо Егоръ разсказывалъ, то-есть ахъ, какъ хорошо!.. И былъ онъ, Егоръ, въ это время чистый, какъ монахъ; одно только и было у него на умѣ: «въ монахи», «въ монастырь», «спа-

саться». Ходилъ онъ въ ту пору тоже почесть по-монашески: скуфейка этакая и поясъ кожаный, а ужъ въ храмѣ Божіемъ онъ раньше всѣхъ, первый. Поетъ, читаетъ, служитъ — сущій монахъ... Да и прямо сказать — самое ему мѣсто въ монахи; завсегда былъ онъ слабъ и силы въ немъ мало было; самое ему бы мѣсто — спасать душу, за насъ, грѣшныхъ, Богу молиться, потому въ крестьянствѣ нуженъ человѣкъ сурьезный, ну, не то, чтобы, напримѣръ, угодникъ или что-нибудь... Такъ всѣ и полагали, что будетъ онъ, молъ, въ монахахъ... Только что̀ же?.. Въ монахи да въ монахи, а Пётра-то, отецъ-то Егоровъ, свою линію гонитъ. Стало ему, сказывалъ я, тяжко на своемъ разореньи-то, скучно... Жаль ему стало, что все пошло прахомъ, все изведется, ничего не останется, и такъ онъ объ этомъ тосковалъ, Боже ты мой!.. И уже не было въ немъ прежняго разбойства ни капельки, то-есть ни-ни — тоже ослабъ, и усталъ, и покаялся. Жаль ему было такъ свѣтъ бѣлый покинуть, родъ свой расточивши, и задумалъ онъ Егорушку женить. Деньжонки у него еще были кой-какія и домъ былъ, и задумалъ онъ все это вполнѣ произвести. — «Какъ внучатъ дождусь, говоритъ, то и помру — раньше ни за что умирать не согласенъ!» Зарубилъ себѣ этакимъ вотъ манеромъ, и все! Ужъ Егоръ и такъ и сякъ, и просилъ и молилъ, — нѣтъ, засѣло у старика: — «Хочу свой родъ ободрить» и шабашъ... И сосваталъ онъ Егору первую красавицу. Домъ поправилъ, всѣ свои остатки, то-есть капиталы, уложилъ на новое ихъ жилье, имъ отдалъ. — «Теперь, говоритъ, внуковъ! внуковъ мнѣ!» Ждетъ — не дождется... Годъ прошелъ — нѣту... другой — нѣту... Сталъ старикъ тосковать, скучать, Богу молиться, молебны служить. Между прочимъ, и хозяйство идетъ плохо, — ну, гдѣ ужъ Егору хозяйничать! И третій годъ прошелъ — и опять нѣтъ ничего! Совсѣмъ старикъ свалился. — «Наказываетъ, говоритъ, меня Богъ за грѣхи мои тяжкіе!» Грустить-грустить — на четвертую весну померъ... Ну, вотъ тутъ и стало обозначаться... Покуда отецъ былъ живъ, мужъ съ женой (сталобыть, Егоръ съ Авдотьей) какъ-никакъ — жили... Да и Авдотья-то хотя и красавица была, а еще понятія настоящаго не имѣла: молода была... Ну, тоже и старика, чай, побаивалась, а пуще всего была довольна, что за богатымъ; старикъ-то ее всячески ублажалъ — и нарядами и всячески (надо-быть, порядочно старикъ-то набилъ на ямской работѣ денегъ!). Ну, она и молчала. Живетъ, молчитъ, ничего не

чувствуетъ... Ну, а въ три-то года она вошла въ понятіе. Опять ежели бы дѣти — такъ привязка, ужъ тутъ крѣпко привязано... А дѣтей-то и не было. Вотъ какъ умеръ отецъ-то, съ полгода не прошло, видимъ, выскочилъ ночью Егоръ изъ дому, руки такъ-то къ небу поднялъ, всю деревню разбудилъ — оретъ: «Господи! не могу я въ сей земной жизни быть! Прибери Ты ее,—стало-быть, жену-то, — тогда я Тебѣ слуга до послѣдняго!»

«И съ тѣхъ поръ, какъ къ вечеру дѣло, — глядишь, идетъ Егоръ по деревнѣ: — «Не пойдетъ ли кто, ребята, ко мнѣ ночевать? Я, говоритъ, ее, дьявола, страсть боюсь...» Ну, и ходили, бывало, мальчишки... Потомъ разсказываютъ, что̀ тамъ промежду нихъ идетъ, Боже защити!.. Вотъ разъ и я попалъ ночевать. Лежу на печкѣ и смотрю: ничего, все тихо, благородно; смотрѣлъ-смотрѣлъ я, слушалъ-слушалъ — ничего, покойно спятъ. Ну, и я заснулъ... Только слышу крикъ... Продралъ глаза-то, глядь — онъ, Егоръ, передъ образомъ и все этакъ руки кверху. — «Прибери Ты, вопіетъ, ее, Владыко, на тотъ свѣтъ, Отецъ Всевышній, не могу я этого!» А та въ одной рубахѣ на лавкѣ катается, волосы на себѣ рветъ и какъ бѣсноватая кричитъ:—«Злодѣй, злодѣй! варваръ!» А Егоръ все передъ образомъ: «Ужъ, говоритъ, услужу я Тебѣ, Владыко, освободи Ты меня только, Батюшка, отъ эфтого, напримѣръ, безпокойства!» А та: — «Какой ты мужъ, какой ты мужъ!»—все одно и одно... И почало ее бить, трепать — значитъ, это нечистый... Тутъ я ужъ такъ перепугался и не помню, что̀ дальше... И заснулъ съ испугу, какъ мертвый. И пошло такъ каждый почесть день... Сталъ Егоръ пропадать: уйдетъ на день, на два; придетъ еле живъ... Авдотья скучаетъ, жалуется, а чтобы прямо баловаться — нѣтъ, надо сказать прямо, не баловалась, нѣтъ... Только по ночамъ съ ней родимецъ дѣлался... Ну, вотъ, Егоръ и пропадаетъ. — «Гдѣ ты это, Егорушка, пропадаешь?» — спрашиваемъ. — «А, говоритъ, все Богу заслуживаю; ужъ, говоритъ, освободитъ Онъ меня отъ этой муки-мученской...» И что-жъ бы вы думали? Вѣдь точно Богу служилъ! Теперь вотъ хаживали вы въ Турны, въ церковь? Знаете дорогу лѣсомъ? Ну, вѣдь всю эту дорогу, почитай три версты, самъ Егоръ своими руками сдѣлалъ, всѣ деревья выкорчевалъ, заровнялъ — вѣдь сами знаете, какая дорога! Прежде надо было вотъ какой крюкъ дѣлать, эва куда, а тутъ онъ стрѣлой сдѣлалъ. Вѣдь это только посудить надо, что̀ тутъ труда, и все одинъ!.. Да вѣдь это

еще что̀! Вокругъ нашей деревни пять селъ, кое пять верстъ, кое семь, а кое и меньше, такъ вѣдь онъ ко всѣмъ церквамъ также дороги провелъ, сравнялъ, перекопалъ, мосты положилъ черезъ ручейки, и все самъ, собственными руками... Вотъ не угодно ли, пойдемте какъ-нибудь, я вамъ все это покажу... Удивленія достойно, какъ человѣкъ себя обременялъ! Теперь отъ насъ куда хошь иди — все прямыя дороги, да какія! гдѣ мало-мальски мокринка, — камень наваленъ, утрамбовано все въ лучшемъ видѣ. На перекресткахъ часовенки, то-есть четыре столба, крыша и скамейка, а подъ крышей образокъ... И все онъ, одинъ Егоръ. Такимъ манеромъ трудился онъ для Господа не одинъ годъ. Хозяйство его пошло все хуже да хуже, потому землю сдавалъ, а денегъ — сами, чай, знаете, какъ деньги-то отдаются? И все Авдотья — нѣтъ-нѣтъ и забунтуетъ... Но Егоръ становился все сурьезнѣй. Какъ забунтуетъ — онъ взялъ лопату, въ полночь ли, за полночь ли, — пошелъ...

«Хорошо... Вотъ, когда ежели вамъ будетъ угодно, пойдемъ мы съ вами посмотрѣть всѣ эти Егоровы постройки, покажу я вамъ далеко въ лѣсу одно мѣсто. Больше ничего — яма. Глубокая-глубокая ямища и ступеньки каменныя внизъ... Эту яму выкопалъ Егоръ для себя. Хотѣлъ ужъ начисто спасаться, стало-быть, зарыться тутъ и Богу молиться, а отъ міру отойти. Эту яму сталъ онъ рыть ужъ по шестому либо по седьмому году, послѣ, стало-быть, свадьбы-то. Про жену онъ ужъ въ эту пору совсѣмъ и забывать сталъ и все въ ямѣ больше находился. Вотъ хорошо. Сидитъ онъ такъ-то однажды въ ямѣ, поетъ молитвы, вдругъ голосъ:

«— Егоръ! а Егоръ!

«Оглянулся Егоръ, встрепенулся: думалъ, его не найдутъ, потому выбралъ самое глухое мѣсто, анъ надъ ямой-то стоитъ одинъ нашъ мочалкинскій мужикъ.

«— Что̀ это ты, — говоритъ нашъ-то: — въ яму сѣлъ?

«Тутъ и открылось, что Егоръ-то хотѣлъ душу спасать по-настоящему.

«Похвалилъ его мужикъ и говоритъ:

«— Стало-быть, жену-то совсѣмъ покинешь?

«— Богъ съ ней совсѣмъ! Не по мнѣ это дѣло!

«— И то ладно, и то правда, — говоритъ мужикъ: — и давно пора ее поганой метлой вонъ изъ деревни выгнать, чтобъ не безобразничала.

«— Какъ такъ?

«— Да какъ же? Ужъ давно твоя баба расхожая, а теперь вонъ со вдовымъ съ мельникомъ связалась. Отъ этакого дьявола какъ, говоритъ, въ яму не зарыться. Зарывайся, говоритъ, Егоръ, съ Божьимъ благословеніемъ! За насъ грѣшныхъ похлопочи какъ-нибудь. А баба твоя, прямо сказать, ничего не стòитъ.

«Сидитъ Егоръ, словно бы каменный, сообразить ничего не можетъ. «Сижу, говоритъ, сижу въ ямѣ, а зачѣмъ — неизвѣстно!» А тутъ, глядь, еще мужикъ набрелъ.

«— Чтò вы тутъ, ребята? Ты чтò, Егоръ, куда это залѣзъ?.. Аль въ медвѣди поступаешь? ха-ха-ха!

«— Онъ душу спасать взялся, — чего гогочешь-то?

«— Душу? Ну, это хорошо. За насъ грѣшныхъ похлопочи... Какую выкопалъ себѣ ямищу... Ловко! Право, ловко! Довольно искусно ты, братецъ мой, закопался. Ну, а жену-то возьмешь съ собой, али нѣтъ?.. ха-ха-ха!

«— Чтò орешь-то, — говоритъ первый мужикъ: — чего горланишь? Человѣкъ отъ всего отказался, до жены-ль ему тутъ?

«— И то правда... Ничего! Зарывайся, Егорушка, зарывайся, ничего. Зачтется... А жену твою одобряютъ, хвалятъ... ха-ха-ха! Право! Ты вотъ спокою не нашелъ, а прочіе ничего — «ладно», говорятъ...

«Тутъ Егоръ ровно бы очнулся.

«— Да вѣрно ли?

«— Чего вѣрнѣй! — оба сказали.

«— А ты думалъ, она тебя ждать будетъ, покуда ты спасаешься? — говоритъ балагуръ-то: — ну, братъ, это повременить надобно... Да!..

«Сталъ-было его первый-то мужикъ останавливать, что нехорошо, молъ, объ этомъ разговаривать, подвижника огорчать, а балагуръ все свое; подъ конецъ того, заспорили балагуръ и говоритъ:

«— Какъ же ты свое добро позволяешь каждому обижать? Ну, какой ты есть угодникъ? Какой ты есть человѣкъ? Развѣ ты хозяинъ своему добру? Ну, говори, хозяинъ ты или нѣтъ?

«— Хозяинъ, — говоритъ Егоръ.

«— Врешь! ты вотъ въ ямѣ тутъ, а тамъ твоимъ добромъ другой владѣетъ... Вѣдь твое добро-то?

«— Мое!

«— Ну такъ что-жъ ты за человѣкъ послѣ этого? Твое или нѣтъ?

«— Мое!

«— И есть ты, стало-быть, опосля этого дубина. Хоть ты спасаешься, хоть ты нѣтъ...

«Тутъ ужъ и самъ Егоръ сказалъ.

«— Мое доброе!

«И всталъ съ камня. А балагуръ ему:

«— Ты душу-то спасай, да и своего не забывай, дуракъ будешь... Кто свое доброе бросаетъ, тотъ есть дуракъ, а не угодникъ. Я-бъ на твоемъ мѣстѣ не такъ распорядился. По мнѣ какъ хошь. Сиди тутъ въ ямѣ, сдѣлай милость, ей во сто разъ пріятнѣе... да!

«— Съ кѣмъ она?—спрашиваетъ Егоръ.

«— А со вдовымъ съ мельникомъ...

«— Со старикомъ-то? Съ пьяницей?

«— Да вотъ, со старикомъ. Старикъ-старикъ, а должно быть, что посурьезнѣй тебя вышелъ... ха-ха-ха!.. А ты, братъ, ничего—сиди тутъ въ ямѣ-то, сдѣлай одолженіе!

«Выболталъ, наболталъ и ушелъ.

«— А вѣдь мое доброе-то!..—говоритъ Егоръ первому мужику.

«— Обыкновенно, твое.

«И съ этихъ поръ засѣло у него въ головѣ: «мое»... Оно вѣдь и въ самомъ дѣлѣ—такъ точно,—добавилъ Петръ отъ себя: — только что это надо завсегда помнить, а не забывать...

«— Мое, мое, мое,—говоритъ... И вылѣзъ изъ ямы-то; ну, и съ этого часу все его спасеніе такъ и пошло прахомъ... Потому въ такомъ дѣлѣ надо дѣлать дѣло правильно. Добро мое, такъ и поступать надо. Тутъ ужъ дѣлать нечего, тутъ одно—топоръ, либо себѣ петля. Ну, а Егоръ-то—нѣтъ, не того ума человѣкъ. Все норовитъ «по совѣсти»... Ну, и вотъ что̀ вышло!..

«— Я тебѣ мужъ! Я тебѣ глава!—говоритъ онъ Авдотьѣ.

«— Это вѣрно!

«— Какъ же ты смѣешь противъ меня? Противъ закону?

«— А ты нешто соблюдаешь со мной законъ-то? Ты вонъ душу спасаешь, нешто я тебѣ мѣшаю? А нешто имѣешь обо мнѣ попеченіе?

«Такъ-то вотъ скажетъ, и выходитъ по совѣсти-то вѣрно; Егоръ и замолчитъ, потому правильно. Придетъ мельникъ, станутъ они съ Авдотьей угощаться. Опять Егоръ съ разговоромъ:

«— Что̀ это за человѣкъ?

«— Мой другъ пріятный...

«— Какъ же ты смѣешь?

«— Люблю его...

«— Да вѣдь я мужъ? Ты моя раба?

«— Я знаю, я твоя раба... а его люблю.

«И опять вѣрно выходитъ, ежели, напримѣръ, по совѣсти... Или нападетъ на любовника:

«— Ты какъ смѣешь у меня въ домѣ путать?

«— Чѣмъ я путаю?

«— Ты мнѣ препятствуешь! Она—жена, она должна съ мужемъ завсегда.

«— И пущай... когда тебѣ угодно, тогда она и при тебѣ. (Хитрая шельма этотъ мельникъ!) А ежели тебя дома нѣту по цѣлымъ недѣлямъ, почему-жъ такъ и съ людьми не побыть бабѣ-то?

«И опять такъ!.. Хочетъ Егоръ по правилу поступить—нѣтъ, опускаются руки!

«И жена говоритъ:

«— Что̀ по закону—я всегда, я закона не нарушаю.

«И точно. Сталъ Егоръ каждую ночь дома ночевать—и ничего. И Авдотья ночуетъ... А между прочимъ и съ мельникомъ: «Съ тобой, говоритъ, по закону, а съ нимъ—по сердцу». Вотъ это-то всего и обиднѣй!.. Ужъ обиднѣй этого ничего и нѣтъ!

«И все это мельникъ, хитрая шельма, орудовалъ!—«Соблюдай, говоритъ, законъ въ точности; чортъ съ нимъ! не убудетъ!»—потому что знаетъ Егорову совѣсть—знаетъ, что ему, богомольному человѣку, невозможно руку поднять... Хитрая бестія!.. Запутался Егоръ, сталъ въ кабакъ заглядывать. Ну, а какъ сталъ заглядывать въ кабакъ, пошло еще хуже. Выпьетъ рюмку, охмелѣетъ, тутъ его и начнутъ поддразнивать. Одни говорятъ:—«Бей ее, подлую! Какъ она смѣетъ? Твое доброе!» Егоръ прибѣжитъ домой и изобьетъ жену. Жена—въ судъ. А на судѣ, глядишь, самъ Егоръ у нея прощенья проситъ, потому и Авдотья и любовникъ ужъ успѣли все наоборотку, т.-е. на совѣсть повернуть.

«— За что-жъ ты бьешь-то, скажутъ, какой ты есть человѣкъ? Какой ты угодникъ? Иди душу спасай, а сюда не мѣшайся: вѣдь ты знаешь, что она мнѣ все одно, что̀ жена настоящая; какъ тебѣ не стыдно силкомъ заставлять?—И все такое! И такъ доведутъ дѣло, что, видитъ Егоръ, не добромъ онъ поступилъ, избилъ жену, и отстать не можетъ, потому *мое!* Оно вѣдь и вправду ни за что не отстанешь...

«А то подбодрятъ его пьянаго—бить любовника.

«И изобьетъ. Опять любовникъ жаловаться. На судъ все дѣло выйдетъ, присудятъ съ мужемъ жить.—«Да я и такъ съ мужемъ живу!»—Авдотья-то...—«Живетъ она съ тобой?»—«Живетъ!» — говоритъ Егоръ... и самъ же въ дуракахъ остается. Любовникъ говоритъ:—«Хотя онъ меня и обидѣлъ, но я прощаю за его богоугожденіе».

«А не то такъ на обоихъ подастъ жалобу:—ну, тутъ еще хуже. Первое дѣло—свидѣтелей нѣтъ, второе—жена законъ исполняетъ, третье—изъ дома не тащитъ, и все правильно. Да и судъ видитъ, что дѣло тутъ любовное и ничего не возьмешь.

«Такъ Егоръ и завязъ... И передъ Богомъ виноватъ, и передъ женою, и передъ любовникомъ. Богу измѣну сдѣлалъ, жену насильно жить заставлялъ, любовника обидѣлъ, билъ... И сталъ онъ пьянствовать, а расцѣпиться не могутъ! Тутъ ужъ какъ виноватымъ-то сталъ, тутъ съ нимъ смѣло стали обращаться. Мельникъ ужъ прямо сталъ:

«— Я у тебя, Авдотья, ночевать буду.

«— А я?—говоритъ Егоръ.

«— Ну, и ты. Ты—хозяинъ, я тебя не гоню... Скучно мнѣ что-то на мельницѣ-то... Давай-ка водочки выпьемъ лучше.

«И пьютъ.

«Такъ и посейчасъ идетъ у нихъ канитель. — «Иди въ монастырь,—говоритъ Авдотья:—я съ мельникомъ буду жить, какъ жена съ мужемъ». А любовникъ говоритъ:—«Ты глава, я тебѣ не препятствую»... И Егоръ-то долженъ бы сказать:—«И я вамъ, братцы, препятствовать не могу, потому вы по сердцу»... да въ пьяномъ-то видѣ и говоритъ такъ. А все расцѣпиться не могутъ, потому «мое», «мое доброе»—забыть этого невозможно. Ну, и путаются, свинушничаютъ... Какъ только на водку деньги достаютъ — ужъ и не знаю Вотъ треснется гдѣ-нибудь въ пьяномъ видѣ башкой объ камень, вотъ и дѣлу конецъ будетъ. А по мнѣ, коли ежели дѣлать дѣло правильно, взялъ бы топоръ да и пошабашилъ—либо ее, либо себя, либо его—что-нибудь одно: по совѣсти тутъ невозможно въ такихъ дѣлахъ...»

III.

Пьяненькій долго валялся въ травѣ, не подавая никакихъ признаковъ жизни... Ужъ поздно, когда почти совсѣмъ стемнѣло, я увидалъ, что онъ приподнимается, что бѣлѣетъ

его рубашка. Кое-как онъ поднялся и кряхтя пошелъ куда-то, на каждомъ шагу останавливаясь и держась за плетень. Онъ ужъ ничего не бормоталъ, а только кряхтѣлъ. Что̀ бы понялъ я въ этомъ пьяномъ мужикѣ, подумалъ я, если бы его бормотанье, его пьянство не разъяснилъ мнѣ Петръ? И сколько не разъяснено, никѣмъ не понято этихъ пьяныхъ бормотаній, и, стало-быть, сколько не понято народныхъ драмъ, хотя бы изъ-за одного этого «мое»! Не будь Петра, пьяный остался бы для меня просто пьянымъ, что-то бормочущимъ и потомъ валяющимся въ крапивѣ. А вѣдь какая драма валялась въ этой крапивѣ!

Умерла за „направленіе".

I.

...На берегу Невы, далеко за городомъ, въ небольшой бесѣдкѣ, довольно аляповато сколоченной изъ барочнаго лѣса, собралось посидѣть и полюбоваться рѣкой, подышать чистымъ вечернимъ воздухомъ — человѣкъ пять-шесть добрыхъ знакомыхъ, дачниковъ и ихъ гостей... Минутъ двадцать разговоръ шелъ въ такой степени благополучно, что никто ни разу не коснулся «текущихъ вопросовъ», не завелъ рѣчи о газетныхъ «слухахъ» и т. д. Дѣйствительно, и рѣка, и погода, и небо были такъ удивительно хороши въ этотъ вечеръ, что невольно овладѣвали вниманіемъ собесѣдниковъ. Берегъ, на которомъ помѣщались неказистыя дачи и дачныя бесѣдки, былъ по случаю праздничнаго дня оживленъ безъ стѣсненій веселившеюся дачною и мѣстною молодежью, по всему берегу звенѣлъ смѣхъ и раздавалась торопливая бѣготня по мосткамъ, въ погоню другъ за другомъ; пѣсни и звуки гармоній неслись съ разныхъ пунктовъ берега и со множества лодокъ, разсыпавшихся по широкой, въ этотъ вечеръ необыкновенно гладкой поверхности быстрой рѣки. Было чѣмъ полюбоваться усталому человѣку,— и собесѣдники наши, по положенію своему принадлежавшіе къ такъ-называемой «чистенькой», работящей столичной бѣднотѣ, точно, нѣкоторое время не нарушали своихъ почти безмолвныхъ ощущеній, возбуждаемыхъ общею картиною вечера... Но—увы!—продолжалось это недолго. Одно совершенно незначительное обстоятельство неожиданно измѣнило

господствовавшее въ бесѣдкѣ расположеніе духа; оно заставило собесѣдниковъ заговорить, и притомъ заговорить о такихъ вещахъ, разговоры о которыхъ и въ началѣ и въ концѣ, кажется, уже ни въ комъ не возбуждаютъ ничего, кромѣ ощущенія оскомины...

Обстоятельство, бывшее причиною такой неожиданной непріятности, было очень незначительное. Какой-то небритый солдатъ, въ распоясанной рубахѣ, въ рваныхъ ситцевыхъ розоваго цвѣта штанишкахъ, босикомъ, но въ форменной, хотя и рваной фуражкѣ, какой-то мастеровой и человѣка четыре простыхъ рабочихъ мужиковъ пришли на берегъ и расположились на травкѣ около бесѣдки. Всѣ они были рабочіе, въ будніе дни работавшіе тутъ же, на берегу, вбивая сваи для строившейся набережной. По случаю праздника они гуляли съ утра на свободѣ и вотъ теперь цѣлой «компаніей» привалили на берегъ, быть-можетъ, потому, что у компаніи ужъ больше не было денегъ, чтобы толкаться вокругъ веселыхъ мѣстъ, а быть-можетъ, и просто для отдохновенія и дружеской бесѣды. А бесѣда шла между ними оживленная. Всѣ они были подъ хмелькомъ, и разговоръ ихъ хотя и былъ довольно нетвердъ относительно постройки фразъ и порядка ихъ появленія въ рѣчи, но касался очень интереснаго предмета—именно послѣдней войны и другихъ животрепещущихъ событій дня. Солдатъ, конечно, орудовалъ на первомъ планѣ; прочіе только вставляли свои замѣчанія... Съ первыхъ же словъ этого человѣка можно было догадаться, что онъ вовсе не походитъ на ту громадную массу русскихъ воиновъ, которые, исходивъ тысячи верстъ, перемучившись всѣми муками, совершивъ необычайные подвиги, возвращаются смиренно по домамъ и не находятъ иного разговора, какъ о харчахъ, объ одежѣ, о томъ, гдѣ что̀ дешево изъ продукта, и т. д. Нѣтъ, этотъ человѣкъ старался осмыслить великіе подвиги воинства, старался придать имъ вѣсъ и значеніе и умѣлъ пріурочить ихъ къ своей собственной личности...

— Мы,—говорилъ онъ громко и при этомъ, какъ настоящій ораторъ, размахивалъ рукою съ окуркомъ папиросы, свернутой изъ газетной бумаги:—мы ихъ, болгаровъ, праздникамъ Господнимъ научили, законъ имъ показали христіанскій, они до насъ и звону-то церковнаго отъ родурожденія не знали. Вотъ что̀!.. Со слезами они, братецъ ты мой, какъ дѣти, малые ребята, рады... Это должно понимать!

— Чья же она теперь, земля-то?..

— Наша! Чья же еще? Нѣтъ, братъ, теперь извини! Былъ у него хвостъ вонъ какой, пуще павлиньяго, — ну, будетъ! довольно! Погуляй-ка и такъ: порядочно мы ему хвостъ-то отхватили...

— Чей хвостъ?

— Чей! всѣхъ вообще ихнихъ народовъ... Иностранныхъ подлецовъ... Теперича посиди-ка, другъ любезный, смирненько, мутить нашу Россію перестань! Довольно ты мутилъ, притѣснялъ,—оставь! Нашъ царь-батюшка нешто даромъ посылалъ насъ, дѣтей своихъ, на гибель, на мученіе? Нѣтъ, братъ! Теперь хучь и много крови пролито, а золотыя мѣста взяли... Да-да! По газетамъ пишутъ, сказываютъ, ужъ ба-а-альшой раскопъ идетъ въ Араратской горѣ... Первобытнаго быка отыскали... Самое то мѣсто нашли, куда онъ въ допотопныя времена воткнулся. У него, братцы мои, одна щиколка,—вотъ это самое мѣсто (солдатъ поднялъ ногу и, широко разставивъ руки, кругообразно водилъ ими вокругъ щиколки), шесть четвертей обхватомъ... Первобытныхъ вѣковъ быкъ... Вотъ что̀!..

— Это что̀ же такое?—очевидно, съ явнымъ замираніемъ сердца, почти шопотомъ, спросилъ одинъ изъ слушателей.

— А то, что это самое и есть корень золотымъ мѣстамъ во всемъ свѣтѣ... А они (такъ и такъ) туда-то насъ и не пущали... Ты теперича поди съ нашей рублевкой въ ихнюю землю, онъ тебѣ рубля не дастъ ни во вѣки вѣковъ...

— Не дастъ?

— Ни-ни!.. Бери полтину! А не то, такъ и сорокъ копеекъ... Вѣдь вотъ какая сволочь!

— Полтину за рублевку?

— И той, говорю тебѣ, захочетъ—не дастъ! Такіе дьяволы, на рѣдкость! У нихъ все, братецъ ты мой, золото да серебро, а бумажекъ и въ заводѣ нѣтъ... потому завладѣли коренными мѣстами: все золото себѣ забрали, а насъ не допускаютъ; ну, только теперь—шалишь! Будетъ форсить-то, зарылись въ золотѣ-то... Под-д-ди ты, погляди, какъ они живутъ-то!.. Носъ задираетъ выше самого Балкану... Да-да! Ишь ты, скажи, пожалуйста! А нашему брату все такъ и бѣдствовать? Какъ же, довольно съ васъ, господа!.. Тутъ крови человѣческой пролито—море!

— Окіяны, братецъ мой!

— Дна не найдешь, вотъ сколько изъ-за него, мошен-

ника, притѣсненій было... Самъ въ деньгахъ, въ золотѣ да серебрѣ зарылся, а у насъ въ Россіи денегъ не хватаетъ! Тутъ совѣсти нисколько нѣтъ... Онъ насъ въ Севастопольскую кампанію изъ-за чего мучилъ? Все изъ-за этого изъ-за самаго—не пускалъ къ кореннымъ мѣстамъ. Нашъ царь объявилъ ему войну—небось, онъ не пошелъ на Питеръ-то (солдатъ указалъ рукой на Неву). Ему бы тутъ какъ по маслу въ Россію-то вломиться... Флотъ у него есть, матросовъ пятнадцать милліоновъ—отчего онъ, нѣмецкая шельма, сюда не шелъ?.. Ты думаешь, спроста? Не зналъ? Нѣтъ, онъ тонко это понимаетъ! Онъ взялъ да и объявился—эва гдѣ, въ Севастополѣ! Полѣзъ на Россію изъ-подъ кручи! изъ-подъ горы! Тутъ бы онъ однимъ духомъ на корабляхъ-то вкатилъ, а тамъ въ годъ на гору-то не влѣзешь—а полѣзъ! Почему?.. Боялся! Потому тамъ самыя и начинаются коренныя мѣста — вотъ онъ насъ и приперъ снизу, чтобъ къ мѣстамъ-то этимъ не подпустить!.. Во!.. Охо, братъ, гляди ему въ зубы-то... Онъ свое дѣло знаетъ тонко... А теперича мѣста-то наши! На-ка вотъ, съѣшь!.. ха-ха!..

Всеобщая дѣтская радость охватила собесѣдниковъ. Солдатъ воодушевился, и обуялъ имъ мгновенно духъ хвастовства. Онъ принялся разсказывать, что «бывало, изъ штуцера какъ хватишь изъ-подъ кручи-то—пятерыхъ насквозь; онъ тебя дуетъ навѣсомъ, эва какія пускаетъ закуски, пудовъ по пяти вѣсу, а они все позади ложатся, а мы изъ-подъ кручи-то его изъ ружейцовъ—тукъ да тукъ... Два года послѣ окончанія войны плыли по морю мертвыя тѣла... Легло ихъ тридцать восемь милліоновъ...» Духъ хвастовства разгорался въ солдатѣ все сильнѣе и сильнѣе каждую минуту... «Теперь,—размахивая руками, гремѣлъ онъ:—намъ только одну Англію осталось перекувыркнуть... Не перекувыркнемъ, что ли? Сдѣлай милость!.. Поперекъ живота сцапалъ ее, да и вся!.. Л-любезная! Самая вредная намъ шельма!.. Что ты на моряхъ мастерица, такъ это, братецъ мой, для насъ наплевать!.. Ты въ воду, а мы подъ тебя карпеду!.. Она тебя, шельму, выплюнетъ оттудова, изъ-подъ воды-то, въ небо въ самое... во... ха-ха-ха!»

Необузданный дѣтскій смѣхъ и дѣтское веселье обуяло слушателей. Молодой парень, изъ числа рабочихъ-мужиковъ, до того былъ восхищенъ нарисованной солдатомъ картиной, до того живо представилъ себѣ, какъ «карпеда» выплевываетъ подъ небо всю иностранную механику, ухитрявшуюся повредить намъ откуда-то изъ-подъ воды, что

опрокинулся на спину и закатился отчаянно-веселымъ хохотомъ, даже брыкнулъ босыми ногами.

А солдатъ, не теряя, повидимому, послѣдовательности въ своихъ мысляхъ, вдругъ перешелъ къ самымъ послѣднимъ событіямъ и объяснилъ ихъ тоже съ точки зрѣнія того положенія, которое онъ высказалъ раньше:

— Будетъ, будетъ баловаться-то!.. довольно вы людей-то, души христіанскія, на борзыхъ собакъ мѣняли. Будетъ!.. Теперича Россія пошла на поправку, а вашего брата за это надо—вотъ какъ...

И онъ показалъ, какъ надо поступать съ тѣми, кто, подобно иностранцамъ, отнимающимъ у насъ деньги, хочетъ опять продавать людей и мѣнять ихъ на собакъ. По этому поводу солдатомъ было высказано полное сочувствіе къ одному недавнему событію.

— Пойдемъ, ребята,—угощу! Рано спать-то...—провозгласилъ кто-то въ толпѣ собесѣдниковъ, разговоръ которыхъ мы слышали, и всѣ скоро, весело и громко разговавая и, очевидно, отлично чувствуя себя, ушли по направленію къ слободѣ.

А въ бесѣдкѣ начался разговоръ и потомъ пошелъ споръ: говорили, кричали, сердились, волновались... Двѣ дамы, бывшія тутъ же въ бесѣдкѣ, потихоньку поднялись съ своихъ стульевъ и ушли; онѣ сочувствовали и интересовались, но ушли потому, что ужъ очень часто слышали такіе разговоры, и всегда они оставляли впечатлѣніе неопредѣленное, хотя, несомнѣнно, тяжелое; безъ всякихъ перерывовъ споръ продолжался часа два кряду: дѣло, по обыкновенію, было обслѣдовано со всѣхъ сторонъ и, по обыкновенію же, въ результатѣ получилось ощущеніе какой-то тупой безвыходности, горечи, тоски и непритворно болѣзненнаго стѣсненія въ груди... Наконецъ настало молчаніе озабоченное, тяжелое, утомляющее...

— Нѣтъ, вотъ я зналъ одну старуху, кухарку, такъ она, вотъ она отъ всего отъ этого должна была безъ покаянія и причастія помереть!

Строго-задумчивыя лица собесѣдниковъ, смотрѣвшія въ разныя стороны, невольно обернулись по направленію къ тому человѣку, который произнесъ вышеприведенныя слова. Человѣкъ этотъ, все время молчаливо курившій въ углу бесѣдки, былъ человѣкъ тихій, скромный и на первый взглядъ недалекій: онъ служилъ большею частью въ какихъ-то частныхъ компаніяхъ, изъ которыхъ каждая не-

премѣнно оставалась, послѣ внезапнаго прекращенія дѣлъ, должною Максиму Ивановичу (такъ его звали) по крайней мѣрѣ за годъ. Бывали случаи также, что нѣкоторыя мѣста онъ долженъ былъ оставить по «неблагонадежности», такъ какъ было доказано, что въ числѣ его знакомыхъ есть писатели и тому подобные подозрительные случаи. Но на денежныя обиды Максимъ Ивановичъ не сердился, а отъ обвиненія въ неблагонадежности не робѣлъ и не прерывалъ знакомствъ, которыя сдѣлалъ раньше. Всѣ его считали очень добрымъ человѣкомъ, но совершенно необразованнымъ. И то и другое было справедливо; но недалекій по виду Максимъ Ивановичъ внимательно слушалъ, что̀ говорятъ, думалъ по-своему и по-своему дѣлалъ разныя соображенія. Видѣлъ онъ на своему вѣку много, отъ бѣдной лачужки мѣщанина, въ которой родился, до дворца какого-нибудь шарлатана-финансиста, который въ концѣ концовъ надувалъ его. Однажды по дѣламъ службы Максиму Ивановичу пришлось даже быть за границей. Къ людямъ, изъ-за которыхъ ему иной разъ приходилось терять мѣсто «по неблагонадежности», его влекло не просто сознаніе невѣжества своего прошлаго и неправды видѣннаго шарлатанства и денежнаго блеска,—нѣтъ, онъ, какъ ужъ сказано, слушалъ и думалъ, хотя думалъ по-своему, а выражаться даже и совершенно не умѣлъ.

— Что̀ такое?—какъ бы не очнувшись и еще въ полуснѣ отъ великихъ думъ, возбужденныхъ утомительнымъ и важнымъ споромъ, произнесъ одинъ изъ собесѣдниковъ, повернувъ къ Максиму Ивановичу величественно-осоловѣлое лицо съ величественно-осоловѣлыми глазами.—Что̀ такое—безъ покаянія и безъ причастія?

— Больше ничего,—продолжалъ Максимъ Ивановичъ, видимо сконфузившись:—я говорю, что одна старуха отъ этого вотъ самаго... принуждена была скончаться безъ покаянія и безъ причастія.

— Какая старуха?

— Кухарка, Аксиньей Васильевной звали...

— Безъ покаянія и безъ причастія?

— Скончалась безъ покаянія и безъ причастія.

— Отъ направленія?..

Максимъ Иванычъ сильно затянулся папиросой и робко отвѣтилъ.

— Да-съ, отъ этого, отъ него...

— Чортъ знаетъ что̀ вы говорите! Я ничего не могу понять.

Кто-то изъ собесѣдниковъ неожиданно звонко засмѣялся, и олимпійское величіе, царствовавшее въ бесѣдкѣ, разсѣялось вмигъ. Максимъ Ивановичъ совершенно сконфузился и какъ-то пискливо бормоталъ:

— Чего же вы смѣетесь? Я, ей-Богу, совершенно по сущей правдѣ говорю вамъ...

— Безъ покаянія и безъ причастія?—переспрашивали его среди смѣха.

— Да! И безъ покаянія и безъ причастія,—съ какою-то напускною твердостью проговорилъ Максимъ Ивановичъ.

— Отъ направленія?

— И тутъ нѣтъ ничего смѣшного. Да-съ, отъ направленія... Вы же цѣлый вечеръ изволили сами излагать, что открылось, напримѣръ, направленіе для ближняго... То-есть чтобы пользу всячески... Такъ вѣдь вы утверждали?

— Такъ, такъ.

— Ну, а я, больше ничего, привожу вамъ примѣръ, что существовала нѣкоторая старуха Аксинья Васильевна... Ну... Ну—и отъ этого самаго дѣйствія въ пользу ближнему скончалась Богъ знаетъ какъ...

— Знаете, Максимъ Иванычъ, вы разскажите всю эту исторію подробно, а то рѣшительно понять ничего невозможно. Вы не обижайтесь...

— Я не обижаюсь, я только...

— Разсказывайте, разсказывайте, а то это чортъ знаетъ что̀ такое: какая-то старуха скончалась на пользу ближнему безъ покаянія и безъ причастія... Вѣдь тутъ ничего даже и сообразить невозможно. Разсказывайте!

Но Максимъ Ивановичъ медлилъ.

— Я, видите, что̀ хотѣлъ сказать,—всячески желая выяснить свою мысль, проговорилъ онъ:—вотъ вы говорите: на пользу... а что̀ если выйдетъ безобразіе? И почему?

— Ну, ладно, разсказывайте. Тамъ увидимъ. Кто такая старуха? Знали вы ее?

— Я ее двадцать лѣтъ зналъ... Старуха самая обыкновенная...

— Носъ въ табакѣ?

— Нюхала и табакъ... Въ прежнія времена живала она все больше по постоялымъ дворамъ, въ артеляхъ, то судомойкой, то стряпухой, а я-то узналъ ее, когда ужъ взяла ее къ себѣ одна моя знакомая старуха, сжалилась надъ ея старостью. Ей въ ту пору было уже шестьдесятъ лѣтъ, и ее ужъ два раза переѣхали на масленицѣ чухонцы. Ну,

словомъ, старуха самая обыкновенная, въ морщинахъ, въ котахъ и шерстяныхъ чулкахъ, грязная и дураковатая, и стряпала скверно. Хлебнешь, бывало, ложкой—хвать—мочалка или щепка... Всего въ теченіе жизни ее переѣхали лошадьми восемь разъ. Въ послѣдній разъ такъ, что слегла и ужъ не встала... А то полежитъ за печкой недѣли двѣ, ничѣмъ не лѣчится, только проситъ испить, думаешь—вотъ-вотъ скончается, а она и выползаетъ... Обокрали ее въ жизни четыре раза, обокрали начисто, до тла. Въ такія минуты она не плакала, какъ другія, но мрачно ожесточалась и худыми руками норовила затянуть платокъ вокругъ шеи, либо просила ножа... Увидишь ее въ такія минуты, скажешь:—«Будетъ тебѣ, Аксинья Васильевна! На вотъ на счастье двадцать копеекъ. У меня рука легкая, опять наживешь...»—«Ой ли? Легкая ли рука-то?»—«Легкая!» Возьметъ деньги и начинаетъ жить, ждать молодого мѣсяца... И не понимаю, зачѣмъ ей деньги и откуда у ней къ нимъ такая жадность необыкновенная... Такъ и трясется! Ни копейки ни на что не тратила, а все мечтала какой-то кладъ еще разрыть... Ну, да все это вовсе не нужно вамъ знать и не зачѣмъ объ этомъ распространяться, это я только такъ...

— Зачѣмъ же вы говорите, что̀ не нужно? Вы къ сути-то, къ сути поскорѣй.

— Я такъ только... Разговоръ былъ, вотъ я и... Но не въ томъ дѣло... Въ то самое время, какъ Аксинья Васильевна служила на постоялыхъ дворахъ, стряпала щи съ мочалками и пироги съ мухами и проч.—въ теченіе того времени стало открываться это самое направленіе... Ну, разумѣется, она отъ всего отъ этого за тридевять земель... Даже не знала, что было освобожденіе крестьянъ... Не повѣрите? Какъ угодно, а я не лгу. Да что̀ Аксинья Васильевна! Со мной, я вамъ разскажу, какой былъ случай... Была—ужъ давно, впрочемъ—въ Петербургѣ одна личность, и притомъ личность такая, что положительно на всю Россію одна... На мое несчастіе, мнѣ именно случилось быть свидѣтелемъ, какъ эта личность вдругъ стушевалась. Самый то-есть моментъ этого событія перечувствовать... Однажды, часовъ этакъ до трехъ ночи, засидѣлся у меня въ гостяхъ одинъ молодой человѣкъ. Сидѣли мы, и почти только и разговору у насъ съ нимъ было, что̀ объ этой личности. Вдругъ звонокъ на всю квартиру, и впопыхахъ влетаетъ молодой человѣкъ. Блѣденъ, какъ полотно, дро-

житъ, какъ осиновый листъ, и вообще, видимо, потрясенъ.—«Гдѣ ты пропадаешь (это къ моему гостю)? Я тебя ищу три часа. Нельзя, говоритъ, терять ни минуты... ни мгновенья...» Какимъ манеромъ и я увязался съ моимъ гостемъ—ужъ не помню хорошенько; только знаю, что мы оба принялись торопливо одѣваться, оба—бѣгомъ съ лѣстницы и на улицу, а улица эта, надобно вамъ сказать, въ седьмой ротѣ Измайловскаго полка, а ѣхать надобно было въ Фурштадтскую. Выскочили, ноги подкашиваются, бѣжимъ, что̀ есть духу,—ни единаго извозчика. Вотъ ужъ именно была минута, когда за извозчика—полцарства.

— За «коня», а не за извозчика!

— Ну, все равно... Н-нѣтъ ни единаго! Наконецъ, ужъ около Обуховской больницы видимъ,—стоитъ нашъ спаситель.—«Подавай!» Растолкали, сѣли, безъ торгу, пошелъ!.. Не тутъ-то было: лошадь—кляча и притомъ хромая. Еле взялась съ мѣста.—«Бей, говорю,—потому что я по опыту знаю, какъ на такія заѣзженныя существа дѣйствуетъ кнутъ; сто̀итъ только разжечь, ей удержу нѣтъ:—бей, говорю, ради самого Бога, дѣло важное».—«Бей-бей!—повторилъ извозчикъ:—а какъ убьешь?» И завелъ онъ исторію о скотинкѣ, о хлѣбушкѣ, о податяхъ, а самъ все кнутикомъ о крыло постукиваетъ, не бьетъ лошадь-то, а только о крыло постукиваетъ. Можете представить, какое положеніе! Сидимъ на извозчикѣ, какъ въ аду, какъ въ огнѣ.—«Опоздаемъ!»—шепчетъ пріятель. Четверть часа ѣхали до Пяти Угловъ. Хотя бы до Палкина, думаемъ, добраться—тамъ бы взяли хорошаго рысака. Стали съ Загороднаго поворачивать на Владимірскую, и около гостиницы «Москва» ужъ виденъ извозчикъ, глядь—нашъ старикашка (извозчикъ былъ древнѣйшій старецъ) какъ-то тихонечко тпрукнулъ на лошадь и мгновенно съ козелъ съерзанулъ и заковылялъ бѣгомъ прочь. Бѣжитъ и нагибается, поглядитъ-поглядитъ въ землю и опять дальше. Кричитъ:—«кнутъ обронилъ!» А мы сидимъ: соскочить и бѣжать—закричитъ караулъ! Кнутъ обронилъ! Сказать ему, что, разыскивая свой кнутъ, онъ дѣлаетъ непоправимое зло,—ничего не пойметъ, ни единаго слова. Все-таки кнута бросить нельзя... онъ 20 копеекъ сто̀итъ, а деньги трудовыя. Сидимъ и ждемъ. Ждемъ безконечно... вѣка!.. Передумалъ я въ эту минуту, прямо вамъ скажу, очень много... даже до слезъ... Наконецъ шлепаетъ сапожонками, запыхался, прибѣжалъ.—«Господь, говоритъ, мнѣ еще подкову послалъ... хорошая, говоритъ, попалась штука...

На сорокъ на пять копеекъ... Н-но, голубь, трогай»... Добрались до Палкина, взяли рысака, но—увы!—было ужъ поздно! А ужъ какъ насъ извозчикъ-то благодарилъ, ужасъ! Какъ же? Сколько счастья привалило: нашелъ кнутъ, нашелъ подкову, да мы ему у Палкина, когда пересаживались, сунули въ руку безъ счету... Крестился даже на меня и все твердилъ:—«пошли вамъ Царица Небесная, Никола праведный, архангелы преподобные!»

— Ну, будетъ, будетъ вамъ философствовать-то, Максимъ Иванычъ, не отвлекайтесь отъ дѣла.

— Это я только такъ, къ случаю... Здѣсь, какъ видите, невозможно было рта разинуть съ мужикомъ, съ крестьяниномъ, ну, а что же могла бы тутъ понять какая-нибудь Аксинья Васильевна? Я тогда жилъ на хлѣбахъ у ея хозяйки и, разумѣется, видѣлъ ее каждый день — совершенное дерево... То-есть ни малѣйшаго отношенія... Бывало, наслушаешься за день-то—время было одушевленное—Богъ вѣсть чего, придешь домой, взглянешь на Аксинью Васильевну, какъ это она, напримѣръ, квашню мѣситъ голой рукой, и такъ какое-то неудовольствіе почувствуешь. Ну, да не въ томъ дѣло. Гдѣ ей знать и понимать!.. А мысль, между прочимъ, въ то же самое время не ослабѣваетъ. Аксинья Васильевна квашню мѣситъ да спрашиваетъ: «будешь, что-ль, хлѣбово-то ѣсть?»,—а тамъ своимъ чередомъ періодъ за періодомъ, теорія за теоріей. Прошелъ періодъ, когда о мужикѣ толковали съ нѣжностью и сочувствіемъ, и насталъ періодъ, когда о мужикѣ заговорили, какъ о дуракѣ; кончился этотъ періодъ, начался новый. Пропасть дѣятелей сошло со сцены, еще больше появилось новыхъ... Множество изъ дѣятелей сами отказались: «усталъ! утомился! поработалъ!» А иныхъ гнала со сцены публика, и тѣ упирались... Дѣло становилось серьезнымъ, и вопросъ не разъяснялся, а запутывался. Плановъ, путей стало являться множество... Словомъ, дѣла шли своимъ порядкомъ, а Аксинья Васильевна продолжала мѣсить тѣсто, вставать до пѣтуховъ, вздыхать по ночамъ о томъ, подошло ли тѣсто. То-есть ничего общаго и двѣ вещи совершенно разныя.

— А все-таки безъ покаянія?

— Безъ покаянія и безъ причастія.

— И отъ направленія?

— Отъ него-съ, отъ направленія.

— Удивительно!

— А вотъ извольте слушать далѣе, и все будетъ совершенно ясно, и ничего удивительнаго тутъ не будетъ.

— Продолжайте, продолжайте, мы слушаемъ.

— Плановъ и разныхъ системъ, какъ я уже вамъ докладывалъ,—продолжалъ Максимъ Ивановичъ:—развелось весьма значительное количество. Перечислять ихъ было бы затруднительно, да, признаться сказать, и не сумѣлъ бы я этого сдѣлать. Скажу кратко: пути обнаружились двухъ родовъ: законные и незаконные. О незаконныхъ путяхъ говорить мнѣ не зачѣмъ, такъ какъ они суть незаконные, и хотя мнѣ и пришлось просидѣть подъ арестомъ въ Александро-Невской части болѣе трехъ мѣсяцевъ, по доносу одного закладчика, но впослѣдствіи оказалось, что я совершенно ни къ чему подозрительному не прикосновененъ. Я говорю только о законныхъ путяхъ и о лицахъ, дѣйствующихъ только на нихъ. Съ однимъ-то вотъ такимъ дѣятелемъ я познакомился за границей; теперь онъ очень извѣстный человѣкъ, имѣетъ и деньжонки. За границу я попалъ по конторскимъ дѣламъ, то-есть, если сказать правду, разыскивать тамъ нашего директора компаніи. Поѣхалъ и провалился тамъ... Кромѣ того, было еще одно порученіе отъ одного богатаго барина—осмотрѣть больницы и уставы, а если можно, такъ и на мѣстѣ составить уставъ при помощи спеціалистовъ. Необходимо было, чтобы всѣ новѣйшія усовершенствованія по этой части были примѣнены къ дѣлу, а больница предполагалась для крестьянъ. Ну, конечно, не зная языка, долго я кое-какъ путался по Парижу безъ всякаго толку, наконецъ—ужъ не помню, кто и когда познакомилъ меня съ господиномъ, о которомъ разсказываю, и съ перваго же раза онъ произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе. Съ перваго взгляда видно было, что это человѣкъ не дюжинный: настойчивъ, энергиченъ, основателенъ... Работу, которую я предложилъ ему, онъ исполнилъ такъ, что даже я, посторонній человѣкъ, получилъ отъ заказчика-барина сто рублей серебромъ награды... Словомъ, это былъ такой человѣкъ, который, если ужъ взялся за дѣло, такъ сдѣлаетъ его въ самомъ лучшемъ видѣ, раскопаетъ вопросъ до корня, да изъ корня-то еще норовитъ что-нибудь извлечь. Ему мало узнать, что̀ вотъ на этомъ, напримѣръ, столѣ—онъ узна̀етъ еще, что̀ и подъ столомъ-то творится, и все запишетъ и разъяснитъ. Ничего общаго ни съ какою изъ легкомысленныхъ партій онъ не имѣлъ—напротивъ, много надъ ними смѣялся, стоялъ отъ

всѣхъ ихъ представителей въ сторонѣ и никакихъ надеждъ на нихъ не возлагалъ. Въ случаѣ же какихъ-нибудь столкновеній, онъ всегда такъ озадачивалъ своею основательностью самыхъ сильныхъ изъ нихъ, что приходилось только краснѣть. Однажды при мнѣ—я былъ самъ свидѣтелемъ—онъ, что̀ называется, въ лоскъ положилъ человѣкъ двадцать народу, цѣлую компанію самыхъ разнородныхъ направленій и партій... И на чемъ срѣзалъ-то? То-есть на сущихъ пустякахъ... И всегда онъ такъ, всегда разыщетъ какую-нибудь такую маленькую штучку, которую другой и не замѣчаетъ среди своихъ громаднѣйшихъ плановъ; а въ штучкѣ-то этой все и дѣло... Словомъ, ужъ вѣрно вамъ говорю, человѣкъ вполнѣ основательный... Такъ вотъ разъ затѣяли нѣсколько человѣкъ русскихъ устроить въ Парижѣ читальню, выписать газеты и пр. Назначены были мѣсто, день и часъ, гдѣ всѣмъ собраться и обсуждать. Ну, и я тутъ, конечно... Пошли мы на это собраніе съ этимъ самымъ основательнымъ человѣкомъ вмѣстѣ. Помню, бѣжитъ мой баринъ да на часы поглядываетъ:—«опоздаемъ, говоритъ, охъ, опоздаемъ!» — «Что̀ вы, говорю, безпокоитесь. Еще только десять минутъ девятаго, а собраніе назначено въ восемь. Тамъ, поди, еще и ни единаго человѣка нѣтъ!»— «Какое, говоритъ, нѣтъ—ужъ тамъ навѣрно все рѣшено. Вы думаете, говоритъ, у насъ какъ дѣла дѣлаются? У насъ не то, что такія дѣла, а и почище которыя бываютъ, такъ и то намъ ничего не сто̀итъ рѣшить ихъ въ двѣ минуты...» И дуетъ впередъ, еле я за нимъ поспѣваю. И что̀ же? Прибѣжали—полна комната народу, и точно—все уже рѣшено. Основательный-то человѣкъ мой взглянулъ на меня—дескать, «что̀, не правду я говорилъ?» — и спрашиваетъ компанію:—«Рѣшено уже все?» Отвѣчаютъ:—«Все!»—«Позвольте узнать подробности?» — «Извольте»—говорятъ и объясняютъ дѣло такимъ образомъ: рѣшено собрать со всѣхъ присутствующихъ на первое обзаведеніе по пяти франковъ; ежемѣсячный взносъ—по два, а случайный посѣтитель платитъ два су. Мой—судитъ, внимательно разсчитываетъ и спрашиваетъ:—«Что̀ же далѣе?»—«А далѣе, говорятъ, вотъ что̀: составили мы списокъ всѣмъ, на кого можно разсчитывать, и насчитали такихъ лицъ сорокъ четыре человѣка; по пяти франковъ взносу — составитъ двѣсти двадцать франковъ; на эти деньги нанимаемъ квартиру—комнату и кухню—60 франковъ за три мѣсяца. На 150 выписываемъ важнѣйшіе русскіе газеты и журналы, а

на остальные покупаемъ шесть стульевъ плетеныхъ, столъ и лампу. Егоровъ купитъ мебель, Семеновъ найметъ квартиру, а Алексѣевъ отправитъ деньги на почту. Кассиромъ выбрали Марью Васильевну. Если угодно, вносите ваши пять франковъ, а о днѣ открытія, то-есть о томъ днѣ, когда получатся журналы,—извѣстимъ».—«Все?»—спрашиваетъ.—«Все...» Признаюсь — и я было-думалъ:—«да чего же, молъ, тебѣ, другъ любезный?» Ну, сами вы посудите, чего еще тутъ надо? А онъ, вижу, только бороду подергиваетъ и что-то соображаетъ...—«Отлично-съ!» говоритъ. «Ну, думаю, другъ милый, кажется, тебѣ тутъ не подо что подобраться»... Молчалъ-молчалъ, спрашиваетъ: — «Лампу, кажется, господинъ Егоровъ купитъ?» — «Егоровъ». — «А керосинъ?»—«Керосинъ тоже Егоровъ». — «А зажигать кто будетъ?» — «Консьержка». — «А тушить-съ?» Молчаніе... Зацѣпилъ-таки! Кто-то было-сказалъ:—«Тотъ, кто послѣдній уйдетъ». — «А вамъ извѣстно, кто именно будетъ уходить послѣднимъ?» — «Ну, тотъ, кто послѣ девяти часовъ вечера...»—«Ну, а если забудетъ погасить-то, можетъ это случиться? Вѣдь тутъ газеты, бумага-съ...» Молчаніе... Тутъ ужъ онъ осмѣлѣлъ и сталъ говорить съ большою кротостью: — «У кого будетъ ключъ? Или дверь такъ цѣлый день и будетъ стоять открытой? А если кто возьметъ журналъ да унесетъ съ собой?» Тутъ было-зашумѣли, а онъ имъ:—«А о постороннихъ посѣтителяхъ...» И опять:—«Почему же шесть стульевъ, а не семь и не восемь? Кто купитъ керосину, если онъ выйдетъ? А перья, бумага, чернила?»... То-есть въ самое короткое время перевернулъ все вверхъ дномъ. Въ концѣ концовъ оказалось необходимымъ, чтобъ въ библіотекѣ кто-нибудь жилъ, такъ какъ консьержкѣ со всѣмъ не управиться. Живущій не будетъ платить за квартиру и будетъ за это присматривать за порядкомъ, запретъ дверь, погаситъ лампу, сложитъ въ кучу старые нумера газетъ и т. д. Квартира въ двадцать франковъ оказалась неудобной, надо было нанимать въ тридцать, расходъ, слѣдовательно, увеличился на цѣлую треть... Одну изъ газетъ похѣрили, а жить въ квартирѣ согласился одинъ бѣдный русскій студентъ.—«Съ удовольствіемъ, говоритъ, буду...» Все кой-какъ уладилось, но мой не унялся. Помолчалъ-помолчалъ, да опять:—«Отлично-съ! Вы будете жить?»—«Я!»—«А подушка у васъ есть?»—«Чортъ возьми, говоритъ, въ самомъ дѣлѣ у меня нѣтъ ни подушки ни кровати». — «Да, я думаю, вамъ надо бы и стулъ и

столъ?»—«Конечно. Какого же чорта я буду въ пустой комнатѣ!.. Я хочу работать, мнѣ надо заниматься... Что-жъ, я такъ и буду валяться на голомъ полу, какъ собака, да смотрѣть, чтобы кто не укралъ газетъ?.. Чортъ возьми!» Не прошло, однимъ словомъ, и часу послѣ того, какъ мы явились въ собраніе, какъ уже все было разстроено окончательно; оказывалось, что на одно только начало, то-есть чтобы только, Господи благослови, подумать начать—и то надо тысячи четыре денегъ. А тамъ пошли и графины для воды, и пепельница, и кровать, и одѣяло, провѣрка кассы, приходо-расходная книга, большая и малая, и чортъ знаетъ что... Поднялся шумъ, несогласіе... Помню, одинъ, кажется, художникъ какой-то вышелъ изъ всякаго терпѣнія... Долго онъ все думалъ-думалъ, наконецъ не выдержалъ, затрясся весь и возопилъ:—«Я, я, я дамъ подушку, спички, лампу. Я... я... бумагу... одѣяло, чортъ бы его дралъ... возьму у жены, отыму все, все, все... но ради Бога, ради Бога, оставьте, оставьте меня, оставьте меня въ покоѣ!..» Весь планъ рухнулъ, всѣ стали расходиться въ полномъ неудовольствіи. Впослѣдствіи все дѣло однако устроилось, но мой пріятель тутъ ужъ не участвовалъ; да и вообще, говорю вамъ, человѣкъ этотъ былъ «особъ статья». Учености необыкновенной... У него, напримѣръ, въ комнатѣ мѣста нѣтъ отъ бумагъ; по стѣнамъ—крюки, на столахъ—иглы, и на каждомъ крюкѣ и каждой иглѣ насажены бумаги... и все по разнымъ частямъ... То-есть, напримѣръ, какая-нибудь самая малость, а бумагъ для нея на восьми крюкахъ насажено... И, напримѣръ, народы разные... То-есть такихъ народовъ, кажется, отъ роду никто не слыхивалъ; въ Африкѣ, напримѣръ, открылись народы ростомъ съ кошку, а между тѣмъ уже вступили въ драку. Какой-то, напримѣръ, попался ему африканскій народъ, такъ вѣдь онъ его рѣшительно, то-есть, по всѣмъ суставамъ разобралъ. И народъ-то, шутъ его знаетъ, какой-то удивительный, ростомъ не больше хорошей кошки, а также, каналья, лѣзетъ въ драку и королемъ себѣ нанялъ одного французскаго цырюльника...

— Нѣтъ!—съ нетерпѣніемъ въ голосѣ воскликнулъ одинъ изъ слушателей:—это невозможно, Максимъ Иванычъ... Вы Богъ знаетъ какъ разсказываете... Теперь о какихъ-то африканцахъ...

— И объ этихъ-то тваряхъ, — торопливо прервалъ Максимъ Ивановичъ протестующую рѣчь:—и объ этихъ-то, Богъ

ихъ знаетъ, какихъ-то уродахъ у него цѣлые вороха было надрано лоскутьевъ изъ разныхъ газетъ, а ужъ на что, кажется, плевый народъ, и никому до него нѣтъ дѣла. Коротко сказать, человѣкъ былъ основательнѣйшій.

— Слышали, слышали.

— Отлично-съ! Сочиненіе его, вѣроятно, и вамъ извѣстно...

— Извѣстно. Далѣе, далѣе.

— Сочиненіе это, какъ вамъ тоже, вѣроятно, извѣстно, одобрено въ первѣйшихъ нашихъ изданіяхъ, и вообще ученый міръ призналъ, что авторъ—самый основательный молодой ученый... Все это вамъ, да и всѣмъ извѣстно...

— Но когда же выступитъ старуха?

— Позвольте-съ! съ теченіемъ времени появится и старуха... Все будетъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ... Итакъ, человѣкъ былъ первѣйшаго просвѣщенія, но не крыса, напримѣръ, архивная, не книгоѣдъ... хотя онъ и возставалъ противъ легкомыслія, какъ я уже вамъ объяснилъ, и хоть онъ ничего общаго съ «тѣми» лицами, о которыхъ также было упомянуто, не имѣлъ, но онъ никоимъ образомъ не желалъ своей дѣятельности ограничивать изданіемъ хотя бы и хорошихъ сочиненій, но пригодныхъ только для избранной публики. Нѣтъ-съ! Онъ хотѣлъ дѣйствовать такъ же, какъ и прочіе, но планъ у него былъ особенный... свой! Само собой, весьма естественно, дѣйствовать онъ желалъ также на пользу ближнему, то-есть, вообще говоря, на пользу народу... Только планъ у него былъ не тотъ. Раскритиковавши всѣ планы, какіе въ то время ходили въ публикѣ, изобрѣлъ онъ такую, напримѣръ, механику... Неоднократно представлялъ онъ мнѣ ее въ примѣрахъ.—«Представьте вы, говоритъ, Максимъ Иванычъ, что гдѣ-нибудь на островѣ необитаемомъ, но принадлежащемъ къ нашему отечеству, или гдѣ-нибудь на Чукотскомъ Носу скрывается какой-нибудь смоленскій мужикъ, за которымъ числится три рубля серебромъ недоимки и который именно и уплелъ на Чукотскій Носъ съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобы упомянутые выше три рубля скрыть. Какъ вы думаете: поймаютъ ли его и извлекутъ ли изъ его кармана эти три рубля? Подумайте, говоритъ, хорошенько». Принимая во вниманіе многія обстоятельства, всякій невольно долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, т.-е. хотя и не скоро дѣло сдѣлается, хотя на переписку и прочія проволочки потребуется много времени, но въ концѣ

концовъ, ежели упомянутому смоленскому мужику Господь продлитъ вѣку, такъ или иначе, а три рубля изъ него извлечены будутъ.—«Или представьте себѣ, говоритъ, что въ Петербургѣ въ какомъ-нибудь великолѣпномъ помѣщеніи пришла кому-нибудь мысль обложить полукопеечнымъ, положимъ, сборомъ всякій горшокъ каши, продающійся, предположимъ, въ обжорномъ ряду, гдѣ-нибудь... ну, хоть въ Шемахѣ, въ Тифлисѣ или вообще гдѣ-нибудь у чорта на куличкахъ, — то будетъ ли сія мысль приведена въ исполненіе?»—«Будетъ!»—говорю, да и вы, господа, вѣроятно, со мной согласитесь. Такихъ примѣровъ обыкновенно я выслушивалъ отъ него множество по самымъ разнообразнымъ предметамъ, и изъ всѣхъ ихъ само собою вытекало то заключеніе, что если все сіе можно совершить, то слѣдовательно существуетъ нѣкоторый, удивительно стройный механизмъ, позволяющій приводить въ исполненіе самые фантастическіе планы и притомъ во всѣхъ концахъ громаднѣйшаго государства. А ежели такой механизмъ существуетъ, ежели онъ стоитъ крѣпко, дѣйствуетъ аккуратно, то само благоразуміе заставляетъ воспользоваться имъ для цѣлей высшихъ... Если можно изъ Петербурга достать рукой до мужика на Чукотскомъ Носу или до торговки въ обжорномъ ряду города Шемахи, то почему, пользуясь тою же самою рукою, не распространять и на Чукотскій Носъ, и въ Шемаху, и вообще куда только вамъ будетъ угодно, новыхъ, но, безъ сомнѣнія, исключительно только здравыхъ, основанныхъ на строжайшей критикѣ понятій и теорій? Во сколько разъ этотъ способъ лучше, практичнѣе и дѣйствительнѣе той борьбы съ голыми кулаками, тѣхъ широкихъ теорій, проповѣдуемыхъ въ тѣсныхъ кружкахъ, которыя въ ту пору до нѣкоторой степени занимали общественное мнѣніе?.. И такой образъ дѣйствія называлъ онъ дѣйствіемъ «сверху»! Долго я, признаться, по невѣжеству своему не могъ разобрать, что̀ такое это означаетъ: то «сверху», то «снизу»... Думаю: откуда же это надо дѣйствовать, куда лѣзть? Но когда я ужъ довольно-таки понатерся, тогда я понялъ. Въ самомъ дѣлѣ, если механизмъ можетъ исполнять все, что̀ кому-нибудь придетъ въ голову въ Петербургѣ, и притомъ исполнять немедленно и повсюду, то почему же этотъ механизмъ не могъ бы разнести по всѣмъ концамъ, ну, хоть приказъ о томъ, чтобы люди вели себя немножечко поаккуратнѣй? Ну, вообще картину этотъ господинъ разрисовалъ мнѣ удивительную, ослѣпилъ меня направле-

ніемъ своей предстоящей дѣятельности. А между тѣмъ вотъ отъ этого-то направленія Аксинья Васильевна и скончалась безъ покаянія.

— Наконецъ-то, слава Богу, и старуха появилась на сцену... Ну, что же она? Что съ ней?..

— Что? По обыкновенію... Все тамъ же, у хозяйки, и все такъ же ровно ничего не понимаетъ, а стряпаетъ хуже прежняго,—въ ротъ нельзя взять... Но все это потомъ. Не въ старухѣ дѣло. Прежде нежели ее постигло несчастіе, необходимо разсказать, что претерпѣлъ мой герой и сколько вынесъ, и какихъ невѣроятныхъ усилій стоило ему добиться того, чтобы...

— Чтобы старуха померла безъ покаянія?

— Д-да-съ! Смѣйтесь, сколько угодно, а только дѣло это далеко не смѣшно. Если васъ не затруднитъ выслушать меня до конца, то вы сами увидите, какая вышла изъ всего этого... трагедія... Извольте вотъ послушать. Пришлось такъ, что я и онъ, этотъ самый человѣкъ, выѣхали мы изъ-за границы. Вмѣстѣ пріѣхали и въ Питеръ. На границѣ, признаюсь откровенно, оба мы струхнули порядочно-таки, особливо какъ вагоны заперли на замокъ и сабли по платформѣ зазвенѣли, но, благодареніе Богу, все обошлось благополучно. Только на меня одинъ офицерикъ поглядѣлъ этакъ довольно пристально и этакъ кашлянулъ довольно серьезно, но ничего, не тронули, и до Петербурга мы доѣхали въ самомъ великолѣпномъ расположеніи духа. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ отправился къ своимъ родственникамъ, а я—къ Аксиньѣ Васильевнѣ; но знакомство наше не перервалось: напротивъ, мы стали видѣться очень часто. Меня ужасно интересовало, какимъ родомъ онъ примется?— «Тутъ, батюшка, нельзя съ бацу, — тутъ нуженъ лисій хвостъ!..» — частенько говорилъ онъ мнѣ и точно тонко повелъ дѣло, очень искусно. Первымъ долгомъ выпустилъ въ свѣтъ книгу и тѣмъ самымъ произвелъ разговоръ по всѣмъ газетамъ... «Ученый» и притомъ «молодой»!.. Само собой, благосклонность дамъ... Впечатлѣніе было пріятное— не выскочка, не вертопрахъ, не семинаристъ какой-нибудь, а серьезный, образованный молодой человѣкъ, имѣющій состоятельныхъ родственниковъ, и притомъ чрезвычайной учености... Заручившись такимъ манеромъ солидною репутаціею, знакомствами и вліятельными связями,—«ну, говоритъ, Максимъ Иванычъ, теперь будемъ баловаться!..» И вознамѣрился онъ проникнуть, конечно, только на первый

случай, въ какую-то думскую комиссію, продекламировать тамъ свое мнѣніе и добиться офиціальнаго содѣйствія, «сначала хотя чуть-чуть». И, недолго думая,—человѣкъ былъ энергическій,—приступилъ къ осуществленію... Повѣрите ли? Два года, день въ день, несмотря на всевозможныя свои связи и репутацію благовоспитаннаго и ученаго человѣка, два года кряду ни дня ни ночи не было ему покою, и жизнь его сдѣлалась чистымъ мученіемъ. Препятствія на каждомъ шагу. То придешь къ нему, видишь—сіяетъ:—«ну, говоритъ, обѣщали!», то волосы на себѣ рветъ:— «препятствуютъ!». Интриги какія-то, сплетни, зависть, недовѣріе, оскорбительная подозрительность, апатія къ «общему благу»—словомъ, тысяча затрудненій и неожиданныхъ непріятностей ежедневно!.. Похудѣлъ мой парень, даже облысѣлъ... Мыкался онъ по городу съ утра до ночи. Тамъ надо сдѣлать визитъ, тамъ надо на вечеръ ѣхать, чтобы познакомиться съ Марьей Петровной, Анной Николаевной, которыя имѣютъ на того-то вліяніе, а тотъ на другого, а тотъ другой можетъ дать по шапкѣ тому, кто препятствуетъ... Чего-чего только ни приходилось ему дѣлать для осуществленія своей цѣли! И съ кокотками ужиналъ, и пьянъ напивался, и пикники на тройкахъ, и даже принужденъ былъ вступить въ любовную связь противъ собственнаго желанія, принужденъ былъ тремъ дѣвицамъ подать надежду на бракъ, подписалъ три сомнительныхъ векселя, проигралъ въ карты тысячу рублей и—не приведи Царица Небесная, что онъ только ни продѣлывалъ въ это время. Наконецъ-то, наконецъ, ужъ чрезъ два года, помощью невѣроятныхъ усилій удалось-таки добиться, чего хотѣлось. Назначенъ былъ уже день и часъ, въ который мой герой долженъ былъ предстать съ своей рѣчью предъ господами гласными... Но... тутъ явились новыя затрудненія.

«Опытные люди, ознакомившись съ содержаніемъ его рѣчи (рѣчь эта касалась гигіеническихъ вопросовъ), посовѣтовали ему «кое-что» уступить изъ своихъ требованій. Уступки эти оказывались необходимыми по многимъ, весьма существеннымъ обстоятельствамъ, а главнымъ образомъ требовались потому, что нѣкоторые изъ вліятельнѣйшихъ гласныхъ, предъ которыми должна была происходить декламація, могли выслушать ее съ неудовольствіемъ... Въ числѣ ихъ были фабриканты, заводчики, имѣющіе по тысячѣ, по двѣ рабочихъ, были крупные коммерсанты, поставляющіе провизію на казенныя заведенія, наконецъ были такіе

люди, которые постоянно испытывали какое-то злобное раздраженіе, о чемъ бы ни шли пренія, ибо привыкли къ тому, что въ концѣ концовъ всякія пренія завершаются требованіемъ авансовъ... Раздражать съ первыхъ словъ всѣхъ этихъ людей, отъ которыхъ вполнѣ зависѣло все дальнѣйшее, было «неловко», безтактно, и слѣдовательно, волей-неволей, а приходилось послушаться совѣтовъ добрыхъ людей и уступить.

«И вотъ сталъ герой мой уступать.

«Первымъ долгомъ изъ уваженія къ фабрикантамъ уступилъ онъ пищу... То-есть, понимаете ли, всѣ эти тухлыя селедки съ выпученными глазами, на которыя даже и смотрѣть страшно, всю эту рыбную ржавчину, солонину, которой духъ слышенъ по Нарвскому и Шлиссельбургскому трактамъ, хлѣбъ съ тараканами, квасъ, словомъ—всю гниль и прѣль, весь «духъ» и смрадъ—все это шло въ уступку... Обо всемъ пришлось «упомянуть» вскользь... мимолетно... упомянуть такъ, чтобы оказался виновенъ мелочной лавочникъ, квасникъ какой-нибудь... Вообще пришлось сказать объ этомъ предметѣ «въ общихъ чертахъ». «Нерѣдко, молъ, встрѣчаешь въ овощной лавкѣ такихъ сельдей, которыя напоминаютъ не продуктъ, годный въ пищу, а скорѣе нерадиво посоленный рыбій трупъ», и такъ далѣе въ поверхностномъ этакомъ очертаніи... Затѣмъ пришлось уступить и по части воздуха тоже очень много пунктовъ: въ засѣданіи присутствовали домовладѣльцы, дома которыхъ населены массами рабочаго народа; обижать ихъ тоже было нельзя. Пришлось тоже въ общихъ чертахъ пройтись насчетъ кубической сажени воздуха на человѣка и насчетъ, напримѣръ, вентиляціи. Кабатчики и трактирщики также, какъ извѣстно, народъ довольно самолюбивый, вліятельный и во всякомъ случаѣ — большинство. Надо было и тутъ прошмыгнуть мимо дурмана, мимо подмѣсей въ водку кислотъ и кукельвана въ пиво, и пройтись что-то насчетъ песочку въ мокрыхъ мѣстахъ. Затѣмъ и вообще въ вопросахъ о чистотѣ также пришлось поубавить свои фантазіи, такъ какъ вообще всѣ домовладѣльцы относятся къ навозу и т. д. довольно раздражительно. Вамъ извѣстно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ купецъ въ Москвѣ, извѣстнѣйшій капиталистъ, даже умеръ отъ удара, когда полиція очистила его отъ навоза и на свой счетъ вывезла этого продукта со двора капиталиста 400 возовъ. Старецъ, очевидно, остался въ пустынѣ и холодѣ и не вынесъ — такъ

онъ привыкъ къ окружавшему его теплу и такъ присидѣлся въ немъ. Съ крайнею поэтому осторожностью надобно было покориться обстоятельствамъ и уступать. Уступалъ онъ, уступалъ, съ болью, конечно, съ искреннею болью... и изъ всѣхъ его плановъ осталось одно «чуть-чуть», такъ, хвостикъ. Скрѣпя сердце, надо было однако и за него ухватиться, благо былъ хорошій случай. Я и забылъ сказать самое-то главное — комиссія рѣшилась выслушать моего пріятеля единственно только благодаря тому счастливому обстоятельству, что въ Петербургѣ, въ рабочихъ кварталахъ и по Шлиссельбургскому и Нарвскому трактамъ, какъ извѣстно, населеннымъ исключительно почти рабочимъ народомъ, въ сильнѣйшихъ размѣрахъ распространился тифъ. Не будь этого предлога для научной бесѣды, я не знаю, когда бы мой пріятель добился своего. Терять такого благопріятнаго случая не приходилось. Пользуясь имъ, можно было во всякомъ случаѣ хотя проникнуть къ кормилу, а ужъ потомъ можно было подумать и о бо̀льшемъ. Итакъ, пришлось уступать и уступать. Помню я этотъ памятный вечеръ въ думѣ! Гляжу я на моего ратоборца, слушаю, съ какою изысканною любезностью передъ слушателями излагаетъ онъ причины тифозной эпидеміи, съ какой осторожностью касается селедки, напоминающей трупъ, «упоминаетъ» о воздухѣ... вентиляторы... посыпа̀ть пескомъ... не худо бы навозъ... также и мусоръ... Слушаю все это и думаю:—«Боже милосердый! что̀ сталось съ твоими планами? И гдѣ твоя бойкость,—та бойкость, съ которой ты сокрушалъ соотечественниковъ своихъ хотя бы въ дѣлѣ о библіотекѣ?» Жалко мнѣ было его, жалко ужасно. Да и самъ онъ точно на экзаменѣ, и точно ему стыдно... Жиденько, очень было жиденько, и однако кто бы могъ думать? Моего пріятеля неожиданно поддержали два вліятельнѣйшихъ слушателя, именно: фабрикантъ-иностранецъ, громадный капиталистъ, джентльменъ съ ногъ до головы, сильно поддержалъ его въ вопросѣ о кубической сажени воздуха на человѣка; и еще тоже капиталистъ, но по виду простой русскій сѣденькій человѣчекъ съ сѣденькой бородкой и малиновымъ носомъ, не только энергично, а даже какъ-то ожесточенно возопилъ о своемъ согласіи съ мнѣніемъ моего пріятеля по вопросу о навозѣ и о прочемъ подобномъ... Эти два лица, въ то время, когда по окончаніи реферата начались разсужденія о мѣрахъ, крѣпко стояли за моего пріятеля. Мужичокъ просто вопилъ противъ нечистоплот-

ныхъ хозяевъ и лавочниковъ, указалъ множество мѣстъ, заваленныхъ нечистотами, и требовалъ энергическихъ мѣръ. Иностранецъ-фабрикантъ изумилъ и меня и моего пріятеля, нарисовавъ ужасную картину рабочихъ помѣщеній, скученность которыхъ доходитъ до поразительнаго безобразія. Оба говорили такъ смѣло, такъ безцеремонно и такъ настаивали на крутыхъ мѣрахъ, что мой пріятель, видимо, ожилъ и, немного развязавъ языкъ, съ своей стороны сообщилъ кое-что изъ своихъ богатыхъ матеріаловъ по этимъ вопросамъ. Впослѣдствіи по окончаніи вечера онъ ужасно восхищался тѣмъ, что за него встали: непосредственность — въ лицѣ мужичка, русская народная воспріимчивость къ доброму полезному дѣлу, а съ другой стороны—въ лицѣ иностранца—европейская порядочность, европейскій, такъ сказать, усовѣщенный опытомъ умъ. Онъ былъ въ восторгѣ, тѣмъ болѣе, что содѣйствіе мужичка и иностранца, привлекшихъ, благодаря своему вліянію, еще по нѣскольку сочувственныхъ голосовъ на сторону моего пріятеля, дало дѣлу ходъ въ тотъ же вечеръ. Комиссія постановила: «войти съ ходатайствомъ о принятіи мѣръ» и назначила двумъ лицамъ изъ среды гласныхъ по 1.200 руб. на непредвидѣнные расходы по осуществленію. Въ этотъ вечеръ мы съ пріятелемъ прямо изъ думы — къ Палкину! Заняли отдѣльный кабинетъ и строили великолѣпнѣйшіе планы до бѣла свѣта, конечно, за бутылкой... Вотъ теперь дѣло дошло и до старухи».

— Боже мой! Наконецъ-то!

— Тѣмъ временемъ старуху, какъ я уже сказалъ вначалѣ, переѣхали на масленицѣ въ послѣдній разъ уже серьезно. Въ обыкновенное время въ подобныхъ случаяхъ она, бывало, покряхтитъ за печкой, попьетъ воды и поправится; теперь же—увы!—было не такъ. Въ этотъ разъ она въ такой степени неудачно попала подъ чухонца, что была принесена въ квартиру на рукахъ и слегла. Стоило было взглянуть на нее въ это время, чтобы убѣдиться, что дѣло ея плевое: лицо, и глаза, и голосъ—все это говорило, что «приходитъ смерть». Немало дивился я послѣднимъ минутамъ покойницы; необходимо сказать, что въ то самое время, какъ Аксинья Васильевна слегла, старушка-барыня, у которой я жилъ на квартирѣ, по рекомендаціи дворника взяла въ услуженіе на время двѣнадцатилѣтнюю босоногую дѣвчонку. Робко, дрожа и замирая, вошла дѣвчонка въ квартиру старушки и отъ перваго же вопроса барыни о

чемъ-то залилась слезами. Впослѣдствіи выяснилось, что плакала она оттого, что ничего не знаетъ и не понимаетъ. Старушка ободрила ее и стала относиться къ ней внимательно, тѣмъ болѣе, что дѣвчонка была со способностями, и хотя шибко робѣла въ первое время, но уже на второй день глазенки у нея прояснились и засверкали, и затѣмъ съ каждымъ днемъ она становилась все понятливѣе и развязнѣе. По мѣрѣ того, какъ она поняла кругъ своихъ занятій—ходить въ лавочку, вымыть посуду и т. д.,—какъ только она узнала лавочки и лавочниковъ, и весь домъ, и всѣхъ дворниковъ, — застѣнчивость и нѣкоторая неповоротливость постепенно замѣнялись развязностью, ловкостью и какою-то увѣренностью въ себѣ самой; она чувствовала, что барыня ею довольна и любуется на эту молодую жизнь. Но что сталось съ Аксиньей Васильевной, какъ только въ домѣ, а главное, на ея глазахъ объявилась эта молодая жизнь! До появленія дѣвочки она только кряхтѣла, недвижимо лежа подъ какими-то тряпками въ кухнѣ на кровати, сколоченной кой-какъ изъ досокъ, полѣньевъ и деревянныхъ ящиковъ. Появленіе дѣвчонки заставило Аксинью Васильевну приподнять изъ-подъ тряпокъ сѣдую голову и вперить умиравшіе глаза въ этого юнаго пришельца. Тутъ только я сталъ понимать, что Аксинья Васильевна — не просто механизмъ для мѣшанія тѣста или сажанія пироговъ. Какая-то необычайная зависть, доходившая до злости, пробудилась въ ней къ этой двѣнадцатилѣтней дѣвчонкѣ. Зависть и злость возрастали въ Аксиньѣ Васильевнѣ по мѣрѣ того, какъ дѣвчонка отъ застѣнчивости и первыхъ слезъ испуга переходила къ развязности и понятливости. Должно-быть, Аксинья Васильевна, при видѣ этой начинающей жить въ людскомъ обществѣ дѣвчонки, вспомнила вдругъ всѣ свои восемьдесятъ лѣтъ, вспомнила свое безцвѣтное, темное, чернорабочее существованіе; вспомнила всю эту грязь, и вонь, и обиду постоялыхъ дворовъ, угловъ, наполненныхъ нищетой, вспомнила жестокость людскую, которая давила ее лошадьми, похищала ея кровнымъ трудомъ заработанныя деньги, видѣла, что все это — восьмидесятилѣтнія мученія, тьма и обида — оканчивается смертью въ углу, и злоба неистовая поднялась въ ней противъ проворной, ловкой, даже плутоватой дѣвчонки, начинавшей жить смѣло и весело.

«Злость эта заставила Аксинью Васильевну не только поднять голову, но иногда возбуждала ее до такой степени,

что она находила въ себѣ силы подняться съ кровати и почти ползкомъ проползти въ другую-третью комнату, чтобы услѣдить, подкараулить: не воруетъ ли дѣвчонка сахаръ? Какими позорно-грязными эпитетами ни награждала она дѣвчонку, какой только несчастной и осрамленной будущности ни сулила ей! Съ другой стороны, и дѣвчонка, скоро понявшая, что столичная жизнь не Богъ вѣсть какая мудрость, не оставляла старуху въ покоѣ. Ей несомнѣнно было пріятно сознавать свою удачу въ виду этой явной неудачи жизни, олицетворявшейся въ безпомощной старухѣ. Иной разъ она принималась дразнить несчастную старуху:— «Утри носъ-то!..—пищала маленькая каналья.—Ишь у тебя онъ какой розанъ!» А то возьметъ нарочно на ея глазахъ за щеку куска три сахару и стоитъ, улыбаясь до ушей:— «нà, молъ, тебѣ!» Дѣвчонкѣ было пріятно чувствовать безсиліе старухи, которая ничего сдѣлать не можетъ ей, а старухѣ сознаніе безсилія причиняло великую скорбь, переходившую въ неистовую злость. Однажды ночью, когда я ужъ давно спалъ мертвымъ сномъ, прикосновеніе чьихъ-то холодныхъ рукъ заставило меня открыть глаза. Смотрю: съ ночникомъ въ дрожащей рукѣ, почти въ одной грязной рубахѣ, стоитъ передо мной худая, какъ щепка, и страшная, какъ сама смерть, Аксинья Васильевна. — «Чтò такое?» возопилъ я въ испугѣ... И она тоже въ испугѣ, но въ испугѣ злости и гнѣва, шепчетъ что-то... — «У Варьки... нашла... подъ тюфякомъ...» И показала мнѣ гривенникъ и стала тоже шопотомъ ругать Варьку. Бѣдная старуха! Впослѣдствіи оказалось, что она по ночамъ не только занималась обысками постели и платья Варьки, а и сама, несчастная, не желая отстать отъ этой дѣвчонки въ смѣлости, воровала и сахаръ, и сухари, и лимонъ. Послѣ смерти ея, подъ тюфякомъ, найдено было пропасть всякаго добра въ этомъ родѣ. Нельзя сказать, чтобы было особенно пріятно смотрѣть на стараго и малаго, на начинавшаго жить и умиравшаго. Чтò особенно было непостижимо, такъ это то, что старуха не ограничивалась въ зависти своей къ вѣроятному въ будущемъ успѣху дѣвчонки одними только уличеніями, жалобами хозяйкѣ, мнѣ и ругательствами самой дѣвчонкѣ, но не желала, какъ кажется, также и отстать отъ нея на дѣлѣ. Вмѣстѣ съ злостью въ ней развилась и жадность. Я ужъ сказалъ, что она таскала и сахаръ и все, чтò попадется подъ руку, — но все это ничто въ сравненіи съ той фантазіей о богатствѣ, которая въ это время возникла въ

ея воображенiи и почти мгновенно овладѣла имъ безраздѣльно... Приснилось ли ей, но только съ нѣкотораго времени она что-то стала шептать о кладѣ... Пять боченковъ съ серебромъ... зарыты подъ алтаремъ въ деревнѣ, — въ той деревнѣ, гдѣ Аксинья Васильевна родилась... И зачѣмъ ей такая куча денегъ?—не разъ подумывалъ я. Вѣдь умретъ не-сегодня-завтра, вѣдь знаетъ это? Но старуха, должно-быть, думала не такъ, навѣрное ей что-нибудь рисовалось за этими деньгами, что-нибудь, кромѣ денегъ, потому что сонъ о кладѣ скоро перешелъ въ полнѣйшую увѣренность. Къ ней, по ея словамъ, сталъ являться самъ Николай Чудотворецъ, сидѣлъ на ея постели, стоялъ у изголовья и подробно объяснялъ и мѣсто и время, когда можно «взять», и указывалъ даже мужика, который все это обдѣлаетъ, называлъ по имени, говорилъ, что домъ его стоитъ, пройдя кабакъ, налѣво и крыльцо съ колонками. Поминутно приставала она ко мнѣ съ просьбою написать въ деревню къ этому самому мужику, поминутно допрашивала, пришелъ ли отвѣтъ. Я, конечно, говорилъ, что писалъ, что отвѣтъ будетъ на-дняхъ. Признаюсь, никогда мнѣ не приходилось еще на своемъ вѣку видѣть такой необыкновенной жажды жизни, такой ненасытной зависти къ ней, какую Варюшка возбудила въ умиравшей Аксиньѣ Васильевнѣ. Давно ли эта старуха, принесенная съ переломленной ключицей дворниками, шептала только: «смерть моя пришла! пошлите за попомъ!» — шептала о душѣ, а теперь она ни о чемъ другомъ не думаетъ, какъ о кладѣ, о пяти боченкахъ съ серебромъ и т. д. Возбуждена была она до крайности. Возбужденiе это держалось въ ней подъ-рядъ семь недѣль великаго поста. Но на страстной, при первыхъ теплыхъ весеннихъ дняхъ (Святая была поздняя), она вдругъ свалилась. Она притихла, тяжело дышала, не въ силахъ была говорить, даже шептала рѣдко. Дѣвчонка попробовала-было надъ ней подшутить, по обыкновенiю, подсмѣявшись надъ ея носомъ, но Аксинья Васильевна даже не отвѣтила ей, а только посмотрѣла широкими, неподвижными и стеклянными глазами. Еще день-два — и мы, особоровавъ, причастивъ Аксинью Васильевну, отправили бы ее честь-честью по желѣзной дорогѣ на Преображенское кладбище. Все бы было честно и благородно, и кончина старухи была бы самая приличная кончина, кончина праведная. Но—увы!—вышло совсѣмъ напротивъ, да и не только напротивъ, а просто случилось Богъ знаетъ что...

«Въ одно утро въ дворницкую того дома, гдѣ лежала умирающая Аксинья Васильевна, раздался рѣзкій, оглушительнѣйшій звонокъ, который заставилъ дворника тотчасъ же впопыхахъ выскочить на улицу. Здѣсь не то городовой, не то околоточный второпяхъ и на ходу рѣзкимъ голосомъ сказалъ ему нѣсколько словъ, вслѣдствіе которыхъ дворникъ тоже опрометью бросился въ квартиру старухи, у которой я жилъ, и, подойдя къ старухѣ, безъ дальнихъ разговоровъ возопилъ:—«Въ часть требуютъ! Собирайся!» Случилось же это слѣдующимъ образомъ и по слѣдующимъ причинамъ. Вамъ ужъ извѣстно, что, благодаря просвѣщенному содѣйствію капиталиста-иностранца и непосредственной воспріимчивости сѣденькой бородки, постановлено было ходатайствовать о томъ, чтобы въ виду распространенія тифа были приняты мѣры, указанныя моимъ пріятелемъ въ рефератѣ, и къ осуществленію ихъ на практикѣ оказано законное и возможное содѣйствіе. Бумага объ этомъ, отправленная комиссіею, какъ всякій изъ васъ понимаетъ, именно въ виду того, чтобы достигнуть какого-нибудь результата, т.-е. добиться какого-нибудь содѣйствія, не могла входить въ общія разсужденія, а непремѣнно должна была съ точностью указать на существенную причину, объясняющую просимое содѣйствіе. Поэтому на первомъ планѣ явился тифъ, а потомъ уже двѣ или три «мѣры» также самыхъ существенныхъ и по возможности осуществимыхъ. Бумага была принята благосклонно. Но вы поймете, что вѣдомство, предписывающее мѣропріятія, имѣя дѣло съ людьми, которыхъ главная обязанность исполнять то-то и то-то, почему они и называются подчиненными, должно было совершенно выкинуть всѣ самые слабые остатки общихъ взглядовъ на сущность просимыхъ мѣропріятій, а прямо предписать эти мѣропріятія по пунктамъ: «Предписывается вамъ первое, второе, третье...» Тѣ лица, которыя получили эти предписанія, обязаны были при исполненіи этихъ пунктовъ имѣть дѣло съ людьми, которымъ уже въ обязанность ставилось «не разсуждать», да, кромѣ того, люди эти за множествомъ подлежащихъ исполненію ихъ собственными руками дѣлъ не могли и подумать о томъ, чтобы удѣлить время на какія-то еще разсужденія. Мѣропріятія поэтому излагались для нихъ еще въ болѣе сжатой формѣ— въ двухъ словахъ. Такимъ образомъ дѣло, начатое въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, потребовавшее многолѣтнихъ трудовъ, усилій, жертвъ, тысячи существеннѣйшихъ обяза-

тельствъ, постепенно суживаясь, по мѣрѣ того, какъ оно съ вершинъ спускалось къ народной массѣ, превратилось предъ Аксиньей Васильевной въ дворника, который стоялъ надъ ея смертнымъ одромъ и требовалъ ее въ часть, такъ какъ держать «такихъ» «не велѣно». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ изустно передаваемыхъ мѣропріятіяхъ, отъ околоточныхъ къ городовымъ, отъ городовыхъ къ подчаскамъ, а отъ сихъ послѣднихъ къ дворникамъ, было немало всевозможныхъ ошибокъ, путаницы и всякаго вранья. Впослѣдствіи я положительно узналъ, что на Загородномъ проспектѣ, близъ технологическаго института, городовой самымъ энергическимъ образомъ приставалъ къ шедшимъ на лекціи студентамъ, прося ихъ «честью» разойтись, такъ какъ сейчасъ долженъ проѣхать новый генералъ изъ нѣмцевъ, по фамиліи «Гигіенъ» — но, спрашивается, какъ иначе и могло быть? Развѣ все это они понимаютъ? И развѣ у нихъ, т.-е. у этого механизма, на рукахъ не масса дѣла? И развѣ вся эта масса дѣлъ не обязываетъ ихъ къ тому, чтобы не разсуждать о ней? Ничего нѣтъ поэтому страннаго, что самое благое намѣреніе, самая прекрасная цѣль, одушевлявшая моего пріятеля во имя народнаго блага, достигнувъ до этого самаго народа, превратилась въ «божеское наказаніе». Подумалъ ли мой пріятель, работавшій надъ своимъ сочиненіемъ, добивавшійся реферата въ думѣ и т. д., что изъ всего этого въ концѣ концовъ не выйдетъ ничего другого, кромѣ дворника, которому ничего не будетъ извѣстно ни объ этихъ трудахъ, ни объ рефератѣ, кромѣ того, что за это «отвѣтитъ» онъ, дворникъ, которому уже надоѣло, до смерти надоѣло «отвѣчать»? — «Вставай! Собирайся! — вопіялъ онъ надъ старухой: — небось, я отвѣчать-то буду за тебя...»

«Вотъ отъ этого-то отъ самаго Аксинья Васильевна и умерла безъ покаянія и причастія... Дѣло было такъ: старуху-барыню вызвала какая-то пріятельница въ Гатчину на какія-то похороны, и ея дома поэтому не было; какъ на грѣхъ, и мнѣ въ этотъ несчастный день надобно было уйти изъ дому рано. Оставались дома старуха и Варюшка. Въ это-то время и раздался вышеупомянутый звонокъ. «Направленіе» добиралось до старухи. — «Не держать больныхъ, которые опасны... сейчасъ вонъ!» — второпяхъ объявила составная частица великаго механизма и побѣжала далѣе, предупредивъ о томъ, что дворникъ «отвѣтитъ» штрафомъ. Такъ какъ дворникъ и безъ того насчитывалъ

очень много такихъ случаевъ въ ряду своихъ обязанностей, по которымъ ему приходится «отвѣчать» — паспорта, не сколотый снѣгъ и т. д., то, разумѣется, онъ немедленно же приступилъ къ выполненію новой гигіенической обязанности и потребовалъ старуху въ часть, въ полицейскую больницу... Но безпомощный видъ старухи тронулъ его: «что̀ тутъ дѣлать?» — думалъ онъ, стоя надъ ея смертнымъ одромъ, и, наконецъ вспомнивъ, что у старухи есть племянникъ въ фруктовомъ магазинѣ на Невскомъ, рѣшилъ немедленно пригласить послѣдняго къ участію въ этомъ дѣлѣ.

«Онъ тотчасъ же побѣжалъ въ магазинъ, объявилъ племяннику, что старуха помираетъ, что «не велѣно», что «штрафъ», и говорилъ, чтобы онъ сейчасъ бралъ свою тетку съ рукъ на руки. Была страстная суббота и, помимо хлопотъ, суетни, наполнявшей фруктовый магазинъ, у племянника, какъ на бѣду, въ этотъ день предстояло важное дѣло: въ семь часовъ вечера онъ получалъ отъ хозяина расчетъ и переходилъ въ трактиръ «Золотой Левъ» буфетчикомъ. Въ восемь часовъ вечера ему необходимо было принимать въ «Золотомъ Львѣ» буфетъ и посуду... Не было никакой возможности манкировать этимъ мѣстомъ, такъ какъ мѣсто хорошее, жалованье достаточное, и, стало-быть, надо дорожить имъ. Что̀ же скажетъ хозяинъ, когда на первыхъ же порахъ придется оказать себя неаккуратнымъ? Дворникъ, какъ человѣкъ, «знавшій нужду», конечно, понималъ все это очень хорошо, но именно поэтому-то не могъ принять на себя матеріальнаго ущерба, которымъ угрожала смерть старухи, и волей-неволей потащилъ племянника къ теткѣ, и здѣсь у ея смертнаго одра произошла такая сцена:

«— Бери, — говоритъ дворникъ:—намъ не велѣно держать! Какъ помретъ, такъ кто отвѣчать будетъ?

«— Освободи ты меня до завтрашняго числа! Дай буфетъ принять — сдѣлай милость! Вѣдь, братецъ ты мой, изъ деревни пишутъ... а вѣдь это мѣсто — скоро ли его найдешь?

«— Гдѣ ей до завтрева прожить?.. Эва, она ужъ икаетъ!

«— Ей-Богу, проживетъ,—она живуща! Это ты не гляди, что икаетъ... Ей-ей, проживетъ!

«Оба они, безъ всякаго сомнѣнія, были люди, а не звѣри; но что̀ же дѣлать, если разныя «мѣры», дойдя до народа, резюмируются только выраженіемъ: «отвѣтишь!». Все это я узналъ отъ Варюшки, возвратившись домой часу въ седьмомъ вечера. Она объявила мнѣ, что сейчасъ только увезли въ часть Аксинью Васильевну. Пришли племянникъ

съ дворникомъ, долго разговаривали около нея и увезли въ часть. Что̀ такое, думаю? Немедленно же я отправился въ часть — и засталъ тамъ такую сцену. Дворникъ и племянникъ держали почти бездыханную Аксинью Васильевну подъ руки и — ни много ни мало — слезно упрашивали полицейскаго врача выдать теперь же, то-есть когда она еще была жива, свидѣтельство на ея погребеніе. Дворникъ говорилъ, что, разъ это свидѣтельство будетъ у него въ карманѣ, онъ не только не побезпокоитъ Аксинью Васильевну, но и похлопочетъ, чтобы она померла честь-честью, т.-е. причаститъ и исповѣдуетъ. Буфетчикъ слезно молилъ оказать ему эту услугу, такъ какъ отъ этого зависитъ все его будущее, что онъ и его родители люди бѣдные, и неужели-жъ онъ захочетъ его разорить? Что̀, ежели новый хозяинъ откажетъ, а старый не приметъ?

«— Да вѣдь она жива еще!—съ изумленіемъ слушая эти мольбы, возразилъ-было врачъ.

«— Умретъ-съ!—въ одинъ голосъ произнесли и дворникъ и буфетчикъ.—Она до утра не доживетъ-съ. Извольте поглядѣть... носъ... Она ужъ утромъ икала!—прибавилъ дворникъ.

«А когда старуха, все время безжизненно висѣвшая на дюжихъ локтяхъ своихъ спутниковъ, приподняла голову и какимъ-то басистымъ шопотомъ произнесла: «Жжи-в-ва!», то буфетчикъ прижалъ ея руку локтемъ и нетерпѣливо шепнулъ:

«— Да будетъ вамъ,—кажется, можно и помолчать покуда...

«Сцена была достойная вниманія! Я прервалъ ее и взялъ старуху на свою отвѣтственность. Впрочемъ, по дорогѣ изъ части домой она отдала Богу душу...

«Въ тотъ же вечеръ заглянулъ я и къ моему пріятелю. Засталъ его; сидитъ, пишетъ письмо.

«— Вотъ, говоритъ, извѣщаю одного моего заграничнаго друга о моемъ успѣхѣ.

«— О какомъ это?—спрашиваю.

«— А приказъ-то о мѣрахъ? все-таки начало!

«— Ну, говорю, не знаю, точно ли это успѣхъ,—и разсказалъ ему про Аксинью Васильевну.

«Задумался мой парень, крѣпко задумался. А успѣхъ, точно, отъ всего этого былъ, только совсѣмъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. А именно: изволите вы помнить этихъ двухъ лицъ — просвѣщеннаго иностранца и непосредственнаго человѣка, которые поддержали въ думѣ пользу мѣръ? Помните? Ну, такъ вотъ они и получили! Иностранецъ-фабри-

кантъ, изволите видѣть, выстроилъ при фабрикѣ помѣщеніе для рабочихъ и назначилъ за комнату 2 р. въ мѣсяцъ. Рабочіе не шли, потому что привыкли жить артелями, человѣкъ по двѣнадцати, и платить за квартиру, такъ, рублей 6, всего, стало-быть, по полтиннику, и притомъ со стиркой. При заработкѣ рублей въ 15, это большой расчетъ! Вотъ иностранецъ-то и поналегъ на кубическую сажень воздуха... Что же касается непосредственнаго человѣка, то онъ выкинулъ другой фортель. По шлиссельбургскому тракту у него было пустопорожнее мѣсто, не приносившее ему никакого дохода. Услыхавъ въ рефератѣ про «навозъ» и про «вредъ», онъ энергически настаивалъ на «штрафахъ», говорилъ, что безъ этого ничего не подѣлаешь, и въ особенности напиралъ на то, что хорошо бы штрафовать содержателей хлѣбныхъ амбаровъ за нечистоту, дѣлаемую голубями и прочей птицей; птичные дворы также предполагалъ онъ обложить штрафами за несвозъ нечистотъ. И всѣхъ этихъ мѣръ онъ добился. Теперь на шлиссельбургской дорогѣ вы можете встрѣтить такую вывѣску: «оптовая продажа удобреній, а также голубиныхъ и птичьихъ пометовъ». Пудъ стоитъ иногда до 25 коп. Кромѣ того, эта сѣдая бородка цѣлое лѣто торгуетъ льдомъ, который, какъ извѣстно, долго не таетъ подъ мусоромъ и навозомъ.

«Такъ вотъ, изволите видѣть, какой оборотъ-то вышелъ? То-есть дѣло выгорѣло совершенно въ другую сторону, вовсе не туда, куда хорошій человѣкъ мѣтилъ».

Максимъ Ивановичъ замолкъ.

— Все? — спросили его.

— Все, больше ничего нѣтъ.

— Но къ чему же вы все это говорили?

— Какъ къ чему? Да просто такъ сказалъ... Потому сказалъ, что поглядишь - поглядишь и не знаешь — что такое творится на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ почему... Тоска!

Михалычъ.

Мнѣ тогда было всего лѣтъ восемь отъ роду. Я гостилъ у дѣдушки въ Калугѣ. Дѣдушка мой былъ чиновникъ; у него былъ сынъ Митя, мой дядя, старше меня двумя годами,—мы все съ нимъ вмѣстѣ играли.

Дѣдушка былъ очень строгъ, и когда онъ отдыхалъ послѣ обѣда, то мы съ Митей ходили на цыпочкахъ мимо его комнаты и очень его боялись. Иногда онъ развеселится, шумитъ съ нами, гладитъ по головѣ. Когда онъ гладитъ, то все думаешь: «ну-ка гладитъ-гладитъ, да вдругъ за волосы!» — и не знаешь, какъ бы онъ скорѣе пересталъ гладить.

Къ намъ мало ходило знакомыхъ—дѣдушка не любилъ. Часто бывалъ какой-то помощникъ, толстый такой,—всегда у него волосы взъерошены и голосъ хриплый. Придетъ, скажетъ слово и чешетъ въ затылкѣ.

Звали его Ѳедоръ Семеновичъ. Съ дѣдушкой они только и дѣлали, что играли въ шашки.

— Ну-ка,—говоритъ Ѳедоръ Семеновичъ дѣдушкѣ: — не думавши?

— Что-жъ такое! ну и не думавши сыграю, эка важность!—отвѣчаетъ дѣдушка.

А то они играли еще въ поддачку.

Разъ дѣдушка былъ именинникъ. Пришелъ Ѳедоръ Семеновичъ поздравить съ ангеломъ. Вотъ входитъ онъ въ комнату, а за нимъ кто-то другой; я посмотрѣлъ, вижу—старичокъ, — бородка сѣденькая, подстрижена, надѣтъ на немъ синій длинный сюртукъ, старый-престарый. Вошелъ онъ въ комнату и сталъ у двери, а самъ все пальцами петли у сюртука перебираетъ,—сначала все сверху внизъ перебираетъ, а потомъ снизу вверхъ.

Я гляжу — кто такой? А Ѳедоръ Семеновичъ дѣдушкѣ говоритъ:

— Вотъ я тебѣ привелъ гостя — не возьмешь ли изъ хлѣба къ себѣ? Я его сперва держалъ самъ, а теперь онъ мнѣ надоѣлъ.

А старикъ кланяется.

— Что-жъ, пожалуй,—говоритъ дѣдушка: — только опасаюсь я, ну-ка онъ пьянствовать начнетъ, — буйствовать, напримѣръ?

— Нѣтъ, буйствовать онъ не будетъ,—онъ не пьетъ; а вотъ на скрипкѣ онъ играетъ, такъ какъ бы это не обезпокоило.

Дѣдушка говоритъ:

— Нѣтъ, это меня не обезпокоитъ — я музыку люблю... Скрипка... ничего.

Такъ дѣдушка и взялъ Михалыча (старичка Михалычемъ звали). Какъ началъ у насъ Михалычъ жить, намъ

стало гораздо веселѣе. Онъ намъ играетъ на скрипкѣ, поетъ, насъ пѣть учитъ.

— Ну-ка, Михалычъ, сыграй «Спирю»!—попросимъ его.

Онъ говоритъ:

— Отчего же,—и начнетъ играть да подпѣвать:

Спиря по воду ходила...
Спиря голову сломила...

Еще у него была любимая пѣсня: «Ахъ, ты, вѣрная, манерная—сударушка моя...»

А то когда попроситъ у дѣдушки книгу какую, сидитъ, читаетъ.

Зимой мы съ Митей любили кататься на ледянкахъ. Вотъ, бывало, возимся на дворѣ—ледянку строимъ.

Идетъ Михалычъ... подойдетъ, посмотритъ.

— Э-э-эхъ, вы, малыши, малыши! Развѣ такъ-то ледянки дѣлаютъ? Кто-жъ безъ навозу одну доску морозитъ?

(А мы съ Митей не умѣли дѣлать ледянокъ — бывало, только все водой поливаемъ доску,—думаемъ, такъ дѣлается).

— Ужъ, видно, сдѣлать мнѣ вамъ,—говоритъ онъ.

И сдѣлаетъ. Ледянки первый сортъ выходили. Бывало, куда съ дороги занесетъ, въ какой сугробъ, чуть не на заборъ, а никогда не опрокинется.

Лѣтомъ онъ змѣи намъ клеивалъ. Заберемся, бывало, въ баню—одни себѣ.

— Тамъ въ горницѣ,—говоритъ Михалычъ: — неравно дѣдушка увидитъ, скажетъ: и ты туда же за этой мелюзгой; тебѣ, скажетъ, псалтырь бы читать да къ смерти приготовляться, а ты змѣи клеишь... Такъ здѣсь въ банѣ-то посвободнѣй.

Сидимъ и клеимъ. Я строгаю лучинки для змѣя, Митя хвостъ дѣлаетъ.

Разъ сдѣлалъ онъ намъ змѣя въ аршинъ и нарисовалъ орла,—славный былъ змѣй!

Онъ училъ насъ, какъ запускать змѣя. Кого-нибудь изъ насъ заставитъ заносить, а самъ съ ниткой пустится бѣгомъ.

Тутъ мы съ Митей подросли.

Однажды входитъ дѣдушка и говоритъ:

— Что̀ ребятамъ дома баклушничать,—надо отдать ихъ учиться. Тамъ ихъ скоро выучатъ. Только боюсь — ходить они будутъ одни, какъ бы въ колодецъ не упали (на дорогѣ былъ старый завалившійся колодецъ).

А Михалычъ говоритъ:

— Да я ихъ провожать буду.

А дѣдушка говоритъ:

— Ну и славно, провожай.

Тогда отдали насъ въ школу къ дьякону, и сталъ насъ Михалычъ провожать. Когда насъ Михалычъ привелъ въ первый разъ въ школу и оставилъ тамъ, мнѣ очень скучно сдѣлалось. Я увидалъ его въ окно, какъ онъ шелъ домой,— думаю:

«Вотъ онъ домой идетъ, а я здѣсь сиди».

Сначала мнѣ очень не хотѣлось туда ходить. Бывало, рано будятъ — вставайте, въ школу пора! А вставать не хочется — думаешь: «лежалъ бы себѣ, да лежалъ, а тутъ вставай!»

Лѣтомъ мы не учились и ходили съ Михалычемъ купаться. Рѣка была далеко,—приходилось идти много лугомъ. Идемъ по огороду, Михалычъ держитъ насъ за руки, одного съ одной стороны, а другого съ другой, и все что-нибудь толкуетъ, и все, что̀ онъ говорилъ мнѣ, я до сихъ поръ помню. Объясняетъ — отчего ночь, отчего день, какая это птица вонъ летитъ. Какъ выберемся въ поле, Михалычъ выпуститъ наши руки,—ну-ка, говоритъ, въ перегонки!

Мы съ Митей пустимся. А онъ стоитъ да топаетъ ногами, какъ будто бѣгомъ бѣжитъ, а самъ кричитъ кому-нибудь:

— Догоняй, догоняй его!

Такъ гуляемъ мы съ нимъ до обѣда, а иногда придемъ домой,—ужъ всѣ пообѣдали.

Дѣдушка говоритъ:

— Гдѣ вы пропадали? мы васъ поджидали - поджидали да поѣли.

Онъ идетъ спать, а мы обѣдать. Михалычъ сидѣлъ за столомъ всегда дольше всѣхъ. Бывало, всѣ встанутъ, а онъ сидитъ. Дѣдушка спать ляжетъ, кто что̀, никого въ комнатахъ нѣту, онъ одинъ—гавкъ да гавкъ.

Разъ вечеромъ дѣдушка говоритъ ему.

— Скажи, пожалуйста, Михалычъ, чѣмъ ты былъ прежде, гдѣ былъ?

А Михалычъ говоритъ:

— Что̀ разсказывать! вспоминать тошно!..

Дѣдушка давай его пуще просить, онъ и разсказалъ.

Михалычъ былъ сынъ купца. — «Отецъ мой,—говоритъ Михалычъ:—былъ очень богатъ, только и скупъ же! За всю его жизнь я тридцать лѣтъ былъ у него работникомъ, только и видѣлъ свѣту, что ворочалъ кули да цыбики съ

чаемъ. Хотѣлось мнѣ очень выучиться на скрипкѣ, — не позволялъ.

«— Что, говоритъ, за гудки такіе—не позволю.

«Бывало, заберешься отъ него на чердакъ, думаешь: не увидитъ—чуть-чуть пиликаешь, а онъ тутъ и есть съ дубиной.

«— Я, говоритъ, тебѣ такую кадрель сыграю, что ты у меня вверхъ тормашками въ слуховое окно вылетишь.

«Чтобъ поиграть, я отъ него бѣгалъ на погостъ,—люди идутъ, думаютъ, что за сумасшедшій такой въ полѣ на скрипкѣ играетъ.

«Какъ померъ мой отецъ,—достались мнѣ деньги. Ужъ и протеръ же я имъ глаза! Чудесилъ напропалую—все хотѣлось молодость воротить, анъ такъ хрычомъ и остался. Прогулялъ я это пять лѣтъ; на шестой жить нечѣмъ. Пуще всѣхъ меня этотъ Ѳедоръ Семенычъ надулъ—ну, Богъ съ нимъ! Какъ не стало у меня денегъ—думаю: наймусь охотникомъ въ солдаты. Подумалъ, нанялся.

«Цѣлую недѣлю пьянствовалъ. Потомъ, какъ надо было идти въ рекрутское присутствіе — взялъ меня страхъ, залился я слезами.

«Слава Богу, не поставили меня: у меня на боку былъ шрамъ большой.

«Вотъ съ тѣхъ поръ я и мыкаюсь, какъ Каинъ какой-нибудь. Пять лѣтъ слоняюсь. Ѳедоръ Семенычъ вралъ, что онъ держалъ меня у себя,—онъ развѣ кормилъ меня раза четыре и только. Не выгоньте хоть вы меня, а то на старости лѣтъ придется гдѣ-нибудь издохнуть на улицѣ».

Мы съ Митей стали просить дѣдушку не выгонять.

— Да не выгоню!—говоритъ:—ишь, караси этакіе, какъ расхныкались, гляди ты!

И жилъ у насъ Михалычъ очень долго. Мы уже въ школѣ не учились, потому что учитель у насъ былъ дрянной. Придемъ это мы, а онъ сидитъ за столомъ пьяный совсѣмъ, носомъ въ книгу тычетъ; а иногда зацѣпитъ носомъ книгу да такъ со стола и спихнетъ ненарочно.

Еще часто каталъ онъ насъ на спинѣ. Нагнется, упрется руками въ колѣнки и говоритъ:

— Эй, вы, ну-ка на спину!

Мы и вскочимъ къ нему на спину.

— Э-э-э,—говоритъ:—двое-то! Нѣтъ, вы по одному.

Разъ мы катаемся, приходитъ Михалычъ обѣдать вести; увидалъ наше ученье и говоритъ:

— Такъ у васъ такъ-то! я вижу, здѣсь и учителя-то

шелудивые, прости Господи!—А учитель испугался, остановился, смотритъ внизъ лбомъ; я сижу на спинѣ.

Михалычъ пошелъ да и сказалъ дѣдушкѣ.

Дѣдушка говоритъ:

— Что за ученье такое! Лучше дома сидѣть, чѣмъ туда шляться.

Такъ насъ и взяли, а учить насъ сталъ Михалычъ.

Послѣ этого онъ не долго пожилъ. Разъ ему сдѣлалось что-то дурно... онъ легъ въ постель, а черезъ три дня померъ. Мы очень много съ Митей плакали. На похоронахъ насъ посадили обѣдать за большой столъ и налили по полной тарелкѣ сыты съ киселемъ.

Прежде мнѣ очень хотѣлось поѣсть сыты, но намъ не давали, говорятъ—животъ заболитъ; а тутъ съ горя-то набурили цѣлую глубокую тарелку. Когда мы наѣлись, то мнѣ стало тошно...

Хоть и рады мы были киселю, но объ Михалычѣ все плакали; думаемъ — кто намъ теперь будетъ змѣи дѣлать? съ кѣмъ купаться пойдемъ?

Ночью, когда я спалъ, мнѣ приснился Михалычъ, — говоритъ: «вставайте, купаться пора!..» Я открылъ глаза и зарыдалъ горючими слезами...

Гость.

На дворѣ стояли крупные морозы. Воскресенье. Чиновникъ Знаменскій, воротившись съ рынка, куда ходилъ посмотрѣть, не попадется ли лѣску, расхаживаетъ по залѣ, заложивъ руки подъ фалды сюртука, и дожевываетъ кусокъ булки, закусывая имъ только-что выпитую рюмку полыновки.

По временамъ онъ подходитъ къ окну и смотритъ на улицу, по которой спѣшатъ на базаръ возы съ сѣномъ, дровами, курами, биткомъ набитыми въ плетушки. Возы эти часто раскатываются и стукаются о тротуарные столбы... гдѣ случится тротуарный столбъ...

— Легша!.. Легша! — орутъ передовые мужики, махая издали кнутьями.

Иногда какой-нибудь возъ березовыхъ дровъ подзадориваетъ чиновника, и онъ принимается что есть мочи стучать въ стекло и кричитъ на всѣ комнаты съ цѣлью оста-

новить мужика. Но мужикъ только видитъ, какъ баринъ дѣлаетъ какія-то гримасы, и идетъ дальше, подпирая возъ плечомъ.

— А возикъ ничего!—говоритъ чиновникъ и продолжаетъ путешествовать, поправляя на пути колѣномъ стулъ, придвигая къ стѣнѣ столъ и не забывая при этомъ чуть-чуть тянуть какую-то духовную пѣсню.

Но вдругъ, замѣтивъ на стѣнѣ отодранный клокъ шпалеръ, онъ мгновенно прерываетъ пѣніе и сердито произноситъ:

— Кто это? Все Гришка! Погоди! Я когда-нибудь на досугѣ соберусь—всѣхъ передеру вповалку. Семь пятницъ въ одну соберу!

Ребятишки, шумящіе въ другой комнатѣ, на минуту замолкаютъ, слыша эту угрозу.

— Филиппъ Іонычъ спрашиваютъ...—докладываетъ горничная, неся изъ передней утюгъ на палкѣ, которая дымится отъ раскаленной ручки.

— А!..

Въ комнату входитъ господинъ, очень похожій на мелкопомѣстнаго панка̀. На немъ все слегка засалено и поношено: панталоны, вздувшіяся на колѣняхъ, очень коротки; по атласному жилету со стеклянными пуговицами, отстегнутому у шеи, пролегаетъ дутая бисерная цѣпочка синяго цвѣта, а изъ кармана, сквозь протертый атласъ, бѣлѣетъ серебряная луковица.

Поздоровавшись, хозяинъ проситъ гостя присѣсть и самъ помѣщается на стулѣ съ одного конца ломбернаго стола, стоящаго въ простѣнкѣ подъ зеркаломъ, на которомъ видны слѣды дѣтскихъ ручонокъ, измазанныхъ помадой, чернилами.

— Просьбица-съ... — произноситъ гость, садясь напротивъ хозяина и задвигая ноги подъ стулъ до того далеко, что издали кажется, будто онъ стоитъ на колѣняхъ.

— Что̀ такое?

— Такое дѣло.

При этомъ гость закрываетъ полой сюртука животъ и, охвативъ рукой шею, пялитъ голову кверху, желая подобнымъ маневромъ придать своей физіономіи самый благопристойный и деликатный видъ.

— Пріѣхалъ тутъ изъ Соловы одинъ мужичокъ...—продолжаетъ онъ.

Гость кладетъ на столъ плисовый картузъ, въ которомъ виднѣется фунтъ чаю, завязанный въ красную бумагу, и продолжаетъ:

— Пріѣхалъ мужичокъ-съ по одному дѣлу; такъ просилъ меня, говоритъ: «Филиппъ Іонычъ, пособите, Христа ради». Я говорю: «хорошо, схожу къ Ѳедоръ Митричу, — какъ они». Вотъ теперь иду съ рынка и думаю: семъ заверну,— и зашелъ.

— Насчетъ лѣсу, небось, на рынкѣ-то были?

— Насчетъ лѣсу-съ. Стропила у меня подгнили, такъ дубковъ два-три надо было посмотрѣть.

— Гм...

— Ну-съ, изволите видѣть, проситъ этотъ мужичокъ посѣчь его. То-есть чтобъ его посѣкли. Выходитъ, вырубилъ онъ казеннаго лѣсу — самый пустякъ: одну никакъ слегу. А ему это и сочли за самовольную порубку да и присудили рыть канавы два мѣсяца. Извольте судить: семья у него большая, малъ-мала меньше, работникъ онъ теперича одинъ на такую орду. Стало-быть, ежели оторвать его оттуда, вѣдь вся семья должна съ голоду помереть. Плачетъ это малый, говоритъ: «Пущай, говоритъ, лучше меня высѣкутъ, — тутъ по крайности отстегали, и шабашъ. Я, говоритъ, за сотней не постою, только чтобъ разомъ всыпали». Такъ вотъ я собственно насчетъ этого.

— Да, пожалуй,—неохотно началъ хозяинъ:—высѣчь его можно. Отчего не высѣчь? Да вдругъ, говорю, мы высѣчемъ его, а канавы сами по себѣ пойдутъ попрежнему: не въ зачетъ то-есть? Вѣдь можетъ случиться.

— Еще какъ можетъ-то!

— Ну вотъ видите.

— Мужичокъ-то больно просилъ.

— Да я что-жъ... пожалуй. Напишу старшинѣ записку. У васъ въ Соловѣ-то Чуйкинъ?

— Чуйкинъ-съ.

— Ну, пожалуй, напишу.

— Явите, Ѳедоръ Митричъ, Божескую милость, потому, я вамъ докладываю, и безъ того измочалился съ семьей мужичонка.

Настаетъ молчаніе. Изъ другой комнаты робко пробирается по стульямъ хозяйскій сынокъ лѣтъ девяти, не сводя глазъ съ гостя и держа во рту палецъ.

— Ну, какъ супруга? дѣтки?—спрашиваетъ хозяинъ.

— Благодареніе Богу.

— Васъ никакъ поздравить надо съ прибавленіемъ?

— Да-съ, въ августѣ еще опросталась.

— Мальчикъ?

— Дѣвочка-съ. Втѣпоры такой случай: довелось мнѣ купить у одного барина—докторъ тутъ одинъ проѣзжалъ—меренка; цѣна самая незначительная: восемь рублей далъ съ хомутомъ и двѣ пары вожжей. Только какъ эта лошадь, по нищетѣ хозяина, питалась весьма рѣдко, то и имѣла изъ себя видъ самый ужасающій. Купилъ это я ее, веду домой, вижу — бѣжитъ навстрѣчу Ѳекла, кухарка. Говоритъ: «Барыня дюже трудна». Я такъ думаю: надо лошадь попридержать за воротами, по той причинѣ, какъ ежели поведу ее по двору, неравно увидитъ супруга, испугается: Господь знаетъ, что̀ можетъ приключиться, ибо, говорю вамъ, лошадь — страсть какое безобразіе! Баба теперича ежели на сносѣ да перепугается, вѣдь этакъ и дитя можетъ уродомъ сдѣлаться.

— А можетъ!

— Можетъ-съ. Такъ, думаю, лучше не вести ее на дворъ,—и не повелъ. Вотъ-съ, къ примѣру, у меня кумъ есть. Когда онъ находился въ утробѣ матери, испугалась она мыши. Вдарила этакъ-то по лбу: дескать—ахъ! Опосля того родила, а у мальчика-то на лбу какъ есть мышь! Какъ передъ Богомъ! И это хвостикъ и все!

— С-с-с...

— Чудеса!

Небольшое молчаніе.

— А много-ль у васъ дѣтокъ-то?—спрашиваетъ хозяинъ.

— Да что̀... дѣтокъ-съ... довольно. Перво-наперво, доложу вамъ, оно въ охотку идетъ.

— Въ охотку?

— Такъ это даже удовольствіе составляетъ, ну а послѣ-то дюже скучно дѣлается. Иной разъ это разорутся: у того животъ, у того зубы рѣжутся,—не приведи Богъ! Думаешь себѣ: Господи! хоть бы прибралъ кого!

— И-и-и...

— Да ей-Богу-съ!

Гость вынимаетъ красный платокъ и вытираетъ потъ на лбу.

— А иной разъ и то въ сумнѣніе взойдетъ — думаешь: поишь, кормишь ихъ, одѣваешь, а какая за это можетъ отъ нихъ благодарность произойти? Чего добраго, за такія родительскія благодѣянія въ шею накладутъ, не дорого возьмутъ.

— Да такъ!

— То-то вотъ-съ. Опять же и учить тоже нужно: не оставишь же безъ просвѣщенія.

— Какъ же безъ этого? Нельзя!

— А хлопотъ-то что съ учителями,—сами изволите, чай, знать?

— О, да, Боже мой! Мука мученская!

— Вотъ, къ примѣру, недавно со мной что произошло, какого я то-есть горя отвѣдалъ. Есть у меня тутъ племянничекъ изъ семинаристовъ. Моя сестрица за дьякономъ замужемъ, такъ вотъ ихній сынъ; зовутъ Петей, Петромъ то-есть. Прошлую вёсну перевели его въ риторику. Ну, ничего. Осенью, этакъ-то, привезъ его отецъ изъ деревни и поставилъ на фатеру въ Роговой улицѣ. Это, ежели изволите знать, за Знаменіемъ: какъ отъ церкви-то повернете налѣво, тутъ и есть — Рогова улица. Поставилъ на квартирѣ у одной мѣщанки,—Тимоѳеевной звать. Ну, снабдилъ его. Уѣзжаетъ отецъ-то домой, проситъ меня, говоритъ: «Братецъ, наблюдайте за сыномъ, стерегите». Я говорю: «Отчего же, пожалуй». Уѣхалъ. Тутъ понадобился Мишуткѣ учитель. Думаю: возьму-ка я Петю!—лучше своему деньги платить, чѣмъ чужому. Пущай, думаю, родному достанутся. Деньги хоть и небольшія, — мы больше двухъ рублей не даемъ,—ну, да все, говорю, могутъ быть подспорьемъ: подметки подкинуть, заплату тамъ какую присадить...

— Да мало ли...

— Да-съ! То, другое понадобилось, анъ и есть. Подумалъ, говорю женѣ:—«Пашь, а Пашь!—говорю, вотъ какъ я думаю». Она говоритъ: — «Ну что-жъ!». Ничего такъ ничего. Послалъ за нимъ, объявилъ ему: радъ-радехонекъ. Хорошо. Ходитъ недѣлю, ходитъ другую. Начинаю я замѣчать, что малый отвиливаетъ: денекъ пропуститъ, два, послѣ говоритъ: голова болѣла, али бы животъ тамъ. Я молчу. А тутъ вдругъ пересталъ ходить. Думаю—съ чего такое? Не ходитъ мѣсяцъ, два. Я и забылъ объ немъ думать, какъ такой случай. Легъ разъ я послѣ обѣда отдохнуть. Еще, помню, у меня въ желудкѣ что-то бурчало: говорю женѣ:—«Не отъ грибовъ ли?»—«Нѣтъ, говоритъ, отъ какихъ грибовъ?» Ну-съ, лежу, только, слышу, кто-то въ спальню претъ изъ прихожей прямо къ кровати. Вижу, баба. «Кого тебѣ?» Она прямо бултыхъ въ ноги.

«— Батюшка, говоритъ, племянничекъ-то вашъ, что у меня на фатерѣ стоятъ... — Да и разскажи мнѣ. Внизу-то, подъ семинаристами, то-есть гдѣ племянничекъ мой живетъ, хозяинъ мѣщанинъ съ дочкой. Дочка-то къ примѣру...»

— Коля, поди отсюда! — относится хозяинъ къ сыну, который уже стоитъ около стола, уставившись на гостя.

— Пущай выйдутъ-съ...—добавляетъ гость.

— Иди же. При дѣтяхъ-то, знаете, не тово... какъ-то...

— Справедливо-съ. Такъ, говорю, дочка была изъ этакихъ... Вотъ она къ себѣ Петьку-то и примани. Дескать, то-се... милашка... антикъ... Ну и все такое. Малый растаялъ, зачалъ туда ходить къ ней, зачалъ ходить, до того дошелъ, что почесть и днюетъ и ночуетъ тамъ. Заложился для нея весь. Оставалось у него муки третной пуда съ три да тюфякъ. Онъ что̀ же? Возьми изъ тюфяка, вытряси мочало, да и набей его мукой. Опосля того взвалилъ на плечи да къ купцу Кочеглыжину на Пятницкую улицу и снесъ, а тамъ продалъ никакъ за рубль. «Какъ узнала я,—мнѣ хозяйка-то:—что такое дѣло вышло, такъ залилась горючими! Думаю: Господи! Такая крупчатка! Ахъ, мука! Рыдаю, говоритъ, не могу удержаться. Легла спать, — плачу! Слышу, къ заутрени ударили, встала — пошла: все рыдаю. Аттеда иду — тоже. Слышу, на паперти говоритъ кто-то: «Ахъ, батюшки мои! Вѣрно, у нея кто померъ. О-о-у!» Какъ передъ Богомъ, сама говорила. Послѣ того не утерпѣла баба, прибѣжала ко мнѣ, разсказала про все. Думаю: вотъ комиссія! Нечего дѣлать! Слѣзъ съ кровати, одѣлся, иду къ нему на квартиру. Хозяйку послалъ вызвать его какимъ-либо манеромъ; самъ стою за воротами... Жду. Выходитъ въ сертучишкѣ какомъ-то, безъ картуза... Увидалъ я его, говорю: — А, здорово, говорю, Петя! Да, къ примѣру, за шиворотъ его и сцапалъ. — Что̀, говорю, не зайдешь никогда? Малый это егозитъ, ежится, — дескать: ослободите, выпустите шиворотъ-то. А я быдто не замѣчаю, загребаю это въ руку-то еще, говорю: — А я, молъ, жду, авось, думаю, Петя зайдетъ когда-нибудь. Хоть пирожка когда поѣсть. Сжалъ я малому шею, то-есть вотъ не провернетъ языкомъ: надулся весь, хочетъ вырваться. Нѣ-э-этъ, думаю, не туды поперъ, и продолжаю: — Нынѣ, говорю, обѣдни отходятъ въ одиннадцатомъ часу, такъ прямо бы къ пирогу. Да, извините, по сусаламъ-то его, по сусаламъ. Завылъ малый. — А то, говорю, не зайдешь. Да ты, говорю, не ори: неравно подумаютъ—грабятъ кого, а нешто я тебя граблю? Я тебя добру учу. Ну, признаться, произошла у насъ битва немалая!.. Потолковали мы съ нимъ тутъ въ этакомъ же родѣ, воротился я домой, думаю: укротилъ. Анъ черезъ недѣлю хозяйка доноситъ

опять: — такъ и такъ, малый опять развинтился и даетъ этой дѣвкѣ расписки: «молъ, нарушивъ семейное, къ примѣру, спокойствіе... сего числа... обязуюсь въ замужество взять и прочее». Окромя того зачалъ шмыгать по трактирамъ. Я подумалъ этакъ-то, взялъ да и написалъ въ село зятю. Дескать, пріѣзжай, по той причинѣ, какъ сынъ твой сущей свиньей сталъ. А самъ пустился отыскивать оголтѣлаго-то въ трактирахъ. Пріѣзжаю въ «Везувій», вижу: малый на бильярдѣ жаритъ; увидалъ меня, — прямо съ кіемъ въ окно. Я за нимъ, — онъ въ другой трактиръ. Я опять — онъ домой. Я за нимъ, — загналъ домой, подступаю.—Такъ ты та̀къ-то, говорю, своего отца бережешь? А? та̀къ-то, говорю, къ сану готовишься? — А онъ мнѣ:—Да вы чего? говоритъ.—Какъ чего?—А такъ! Я васъ вытурю отседа по шеямъ! Изволите видѣть, просвѣщеніе-то! — По шеямъ-съ, говоритъ, вытурю, потому вы въ неузаконенный часъ пожаловали. А было перваго половина, ночью. — Въ какой неузаконенный? — А въ такой! И почалъ мнѣ грубить. Опасаясь его,—человѣкъ пьяный, буйный,—Господь его знаетъ, онъ тутъ же на мѣстѣ уложитъ... опасаясь, говорю, его, удалился я домой... Черезъ мѣсяцъ прибылъ родитель. Только-что было-пришли мы съ супругой изъ рядовъ,—сынишкѣ нужно было полъ-аршина серпянки прикупить: штанишки изорвались; ни на что не похоже,—только пришли изъ рядовъ, говорю, въ шестомъ часу дѣло было, анъ черезъ полчаса и пожаловалъ дьяконъ. Поросенка мнѣ гостинцу привезъ. Только я послѣ посмѣялся же надъ нимъ; поросенокъ, доложу вамъ, самый измоложенный: худоба это, хворость во всемъ тѣлѣ; зубы ощарилъ, на бокахъ синяки. Ну, думаю, угостилъ, спасибо! Однако я виду не подалъ,—родственникъ! Не подалъ, говорю, виду. Идемъ мы къ Петрушкѣ на квартиру. Приходимъ. Дьяконъ и говоритъ:—Братецъ, неужто это все правда, что̀ вы мнѣ писали? Я говорю: — А вотъ увидишь. Дьяконъ это поднялъ кверху руки, закрылъ глаза, говоритъ: — Боже, очисти мя! Я говорю:—Пойдемте-ка. Приходимъ къ хозяину; племянничка не было; шлында эта сидитъ, шьетъ что-то... Я этакъ кашлянулъ, думаю: надо за родню заступиться. Подхожу къ дѣвицѣ, говорю таково вѣжливо, говорю:—Что̀ это вы, сударыня, изволите шить?—Салопъ-съ, говоритъ.—Салопъ-съ? Стало-быть, приданое выходитъ?—Нѣтъ-съ, говоритъ, это одной совѣтницѣ.—Совѣтницѣ-съ! Такъ! А себѣ-то, говорю, еще не принимались шить? Али ужъ сшили все? — Какое

себѣ? — Что̀ же, говорю, вы насъ на свадьбу не приглашаете?.. Мы вѣдь тоже, говорю, родственники, какіе ни на есть. Хоть завалящая, да родня. Вотъ они, говорю (на дьякона-то указываю, а онъ стоитъ въ углу у двери, мнетъ шапку въ рукахъ), вотъ они, говорю, такъ отцомъ жениху доводятся.—Какіе, говоритъ, женихи?—Ну, тутъ ужъ я не могъ преодолѣть себя!—Ахъ, ты, говорю, такая! Ахъ, ты, сякая! Ахъ, ты, шлюха! Да я тебя въ острогъ! Довольно я тутъ на нее побрехалъ. А дѣвка тогда себѣ:—Да ты чего же, говоритъ, тутъ орешь-то? Да ты что̀ такое? По какому указу? Откуда-а? Да я сама въ судъ-то дорогу найду! Да у меня, говоритъ, все по документамъ. Али мы дураки? Оретъ!

«Зятекъ мой перепугался, дергаетъ меня за рукавъ, говоритъ:—Братецъ! Ради Господа! Что̀ за гамъ такой! Да не кричите вы! Боже мой! Я говорю:—Какъ? Не кричать? Ну, не буду. — Сѣлъ въ уголъ, сижу, не пикну, потому обидно мнѣ: хотѣлъ за своихъ за родныхъ заступиться, а тутъ они сами въ омутъ головой прутъ. Взялъ и молчу. Тѣмъ временемъ вылѣзаетъ изъ спальни ея родитель; прямо со сна:—Вы, говоритъ, чего тутъ разгорланились, господа честные? А? Вы, ваше привелебіе (это дьякону-то), по какимъ причинамъ пожаловали? А? Я, говоритъ, вѣдь не посмотрю, что вы богослужебное лицо, утварь, напримѣръ, церковная. У меня прямо въ часть. — Дьяконъ стоитъ ни живъ ни мертвъ. Смотритъ на меня. Дескать: помоги! Э! думаю, куды! Вона! Нѣтъ-съ!—Какъ знаешь, говорю, какъ знаешь! Я молчу. Самъ ратоборствуй... Сижу ровно пень. Началась у нихъ тутъ возня! Отецъ-то документы кладетъ на столъ, говоритъ:—Вотъ-съ какое дѣло!.. Дочка визжитъ:—Я теперича сама-друга. Зять мой молитъ, проситъ ихъ:—не беретъ. Жаль мнѣ стало его, встаю: — Ну, говорю, нечего дѣлать... И повелъ все это дѣло по формѣ, по пунктамъ. Дескать, это такъ? А это? А вотъ это-съ? А въ Сибирь не желаете? Какъ пошелъ, какъ пошелъ!.. Мѣщанинъ мой присѣлъ. Эта-то тоже языкъ свѣсила,—молчокъ! Бились этакъ-то мы часа четыре, насилу помирились на сотнѣ. Сто цѣлковыхъ!—легко сказать!

— Бѣдному человѣку! А-а-а...

— Да-съ! Ну, за это я Петьку тоже осчастливилъ,— даже захворалъ.

— Ну, а дѣвица-то?

— А дѣвица-то вышла въ скорости за мастерового. Ска-

зываютъ, этакій дылда длинный да сухопарый: уродъ уродомъ. Но дѣвка ничего, говоритъ: сойдетъ! «Хоть лучинка, да мужчинка!»

— Ишь ты вѣдь...

— Такъ-то-съ. А тѣмъ временемъ ребятишки болтаются, время уходитъ...

Гость слегка приподнимается на стулѣ, поправляетъ полы и садится снова.

— Вотъ такъ и мучаешься все!

Въ комнату входитъ хозяйка, приземистая женщина въ чепчикѣ, закалывая булавкой платокъ на груди. Она здоровается съ гостемъ и садится въ противоположномъ углу комнаты. Въ ту же минуту къ ней бросается какой-то сынишка, издали протягивая руки, чтобы ухватиться за платье.

— Вотъ я сидѣла въ той комнатѣ,—начинаетъ хозяйка, трогаясь на стулѣ:—такъ слышала: вы что-то про учителей толковали.

— Д-да-съ?—вопросительно произноситъ гость.

— Вотъ у насъ тоже. Что̀ я вамъ объясню. Занадобился Гаврюшѣ учитель. Попросили добрыхъ людей, нѣтъ ли, молъ. Прислали. Покойникъ Митрій Митричъ рекомендовали. Пришелъ это учитель.—Какъ, говоримъ, цѣна?—Да, говоритъ, четыре цѣлковыхъ (окромя пищи и фатеры, потому мы учителей у себя помѣщаемъ).—Какъ, говорю, четыре цѣлковыхъ? А? (хозяйка поднимается со стула и во все продолженіе своего разсказа шагъ за шагомъ приближается къ гостю). Какъ четыре? Да гдѣ это такія цѣны виданы? Въ коемъ царствѣ, говорю,—неужто харчи-то ни во что не ставите? Вѣдь вамъ, говорю, не подашь гороху? Вѣдь вамъ подай щей съ мясомъ, да жаркое, да пятое, да десятое.

— Нонѣ всѣ такъ-то не разсчитываютъ ничего. Что̀, молъ, такое? А поди-ка, отвѣдай!—прерываетъ гость, посмотрѣвъ на хозяина.

— Д-да!—продолжаетъ поглощенная разсказомъ хозяйка, отгоняя рукой сынишку, который жмется около нея.—А теперича, говорю, подите-ка, приступитесь къ говядинѣ-то. Объ огузкахъ мы не говоримъ,—это не наша пища, не по карману; а вотъ хоть ребрушко или грудинка. Вѣдь она, говорю, пять копеекъ фунтъ! Нынче пять, завтра пять, анъ и расходъ.

— А то какъ же? Оно по мелочи-то и не видать...

— Окромя того, говорю, чай, сахаръ...

— Барыня, а барыня,—раздается изъ передней:—ставить, что ли, пироги-то?

— Постой... Окромя того, говорю, чай, сахаръ. Опять и то—прачка... возьмите, говорю, въ расчетъ...

— Ей-Богу, правда,—продолжаетъ плачевно голосъ изъ передней:—печка простынетъ.

— Отстань! Говорю: «Прачка, — вѣдь она съ васъ по пятачку за рубаху сдеретъ. Это, говорю, тоже расходъ. Какъ вамъ, говорю, не грѣхъ цѣну-то такую заломить? Да еще, говорю, середы и пятницы мы по христіанству держимъ, ѣдимъ рыбное».

— Барыня!—жалобно произноситъ кухарка.

— Ѣдимъ рыбное... А подите-ка съ рублемъ, говорю, на базаръ.

— Что-жъ мнѣ съ пирогами-то дѣлать?

— Да поди къ ней,—говоритъ хозяинъ.

— Сейчасъ. Говорю: «Ну-ка съ рублемъ-то подите на рынокъ да поторгуйте на семерыхъ рыбки»... Сейчасъ иду, постой!.. «Такъ вамъ и дадутъ по три пискарика на душу. Такъ-то...» Ну что тамъ?—заключаетъ хозяйка, направляясь къ двери и ведя за руку сына; но, сдѣлавъ два шага, она останавливается и продолжаетъ, обернувшись къ гостю бокомъ:—Такъ я его тогда урѣзала — страсть! Я говорю, «этакъ, говорю, можно на шею сѣсть бѣднымъ людямъ! Это, говорю, безъ всякой безъ совѣсти, простите меня».

— Барыня!

— «И это, говорю, подло, безчестно, говорю, это—четыре цѣлковыхъ».

— Да ну, иди, что-ль, къ ней...—перебиваетъ мужъ.

— Пойду. Чего тебѣ?

— Иди,—слышь, зоветъ.

— Ну и пойду.

Супруга замолкаетъ и пристально смотритъ на мужа.

— Такъ вотъ какое горе,—относится она къ гостю.—Пойдемъ, Миша.

— Да, трудно жить на свѣтѣ...—замѣчаетъ гость.

— Трудно!

Немного погодя гость собирается въ путь.

— Не хотите ли водочки?—спрашиваетъ хозяинъ.

— Нѣтъ-съ, благодарю покорно: не употребляю.

— Давно ли?

— Да вотъ ужъ въ ту пятницу два мѣсяца будетъ. Ви-

дѣлъ я сонъ одинъ. Весьма зловѣщій. Проснулся и далъ зарокъ водки не пить. Съ тѣмъ поръ вотъ, слава Богу, Господь крѣпитъ. Иной разъ идешь мимо шкапа-то, такъ-те и подмываетъ, такъ и подмываетъ.

— Хе-хе-хе-хе...

— Крѣплюсь!

Прощаясь въ передней, гость накидываетъ на одно плечо шинель и, нагнувшись къ самому уху хозяина, произноситъ шопотомъ:

— Не взыщите. Тамъ на окошкѣ оставилъ.

При этомъ онъ указываетъ большимъ пальцемъ черезъ плечо.

— О, да напрасно вы...—вяло говоритъ хозяинъ.

— Помилуйте-съ, какъ можно!

— Право, напрасно.

— Ничего-съ.

И гость натягиваетъ шинель на другое плечо.

— А не слыхали вы,—говоритъ онъ громко, нагибаясь за калошами:—будто Чаевъ купецъ померъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Мнѣ Прохоръ Егорычъ сказывалъ.

— Нѣтъ, не знаю, не слыхалъ.

— Ну-съ, до пріятнаго свиданія! Насчетъ мужичка-то не забудьте.

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы ему велите толкнуться сюда ко мнѣ въ обѣдъ завтра.

— Очень хорошо-съ.

Гость уходитъ. Хозяинъ запираетъ за нимъ дверь на крючокъ и направляется въ залу за чаемъ; стоя у окна, онъ видитъ, какъ гость идетъ по двору и на ходу надѣваетъ шинель въ рукава. Въ столовой жена чиновника читаетъ какую-то духовную книгу.

— На̀ вотъ... — произноситъ супругъ, кладя передъ ней чай.

Та повертываетъ фунтъ въ рукахъ, подноситъ къ носу, нюхаетъ и произноситъ:

— Э, да это въ цѣлковый.

— О?

— Въ цѣлковый.

— Ну что-жъ! Дѣло-то пустое. Не пора намъ обѣдать?

Начинаютъ накрывать на столъ.

Воскресенье въ деревнѣ.

Лѣтнія сцены.

(Посв. М. Н. Д...).

I.

Въ подмосковной деревнѣ Брюховѣ субботній вечеръ бывалъ почти всегда особенно тихъ, потому что обыватели въ этотъ вечеръ, не въ примѣръ другихъ будничныхъ вечеровъ, старались раньше завалиться на боковую, ибо завтра, въ воскресенье, предстояла полнѣйшая свобода сидѣть въ кабакѣ и вообще ничего цѣлыя сутки не дѣлать.

И въ то время, какъ брюховцы мирно покоились по своимъ клѣтямъ, когда во всей деревнѣ не слышно было ни одного звука, по московской большой дорогѣ ѣхали всегда двѣ-три тройки, плотно нагруженныя мастеровыми, торопившимися въ Брюхово на завтра къ празднику. Неминуемое сидѣнье въ сибиркѣ или темной, потомъ прогулка съ метлой въ рукахъ и съ больной головой на разбитыхъ пьянствомъ плечахъ, неизбѣжно сопровождавшія почти всякаго фабричнаго, вздумавшаго разгуляться во всю ширину своего богатырскаго загула посреди матушки Москвы,— благоразумно наводили этихъ фабричныхъ на мысль хоть изрѣдка отпраздновать Господній день «честь-честью»,— а это всего удобнѣе на родномъ пепелищѣ, вблизи *родителевъ* и сродниковъ и вдали отъ московскихъ увеселеній и кабаковъ.

Въ безлунную субботнюю ночь, затемняемую еще сѣрымъ слезящимся небомъ, ѣдутъ фабричные въ Брюхово; по пяти, по шести человѣкъ лежатъ они въ телѣгахъ, подвигающихся впередъ небольшой рысцой, и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, негромко подтягиваютъ подъ гармонику:

Попила ли ты, моя головушка?
Попила ли, погуляла?

Набѣгающій съ поля вѣтеръ слегка кропитъ мелкимъ дождикомъ и своей ровной тягой усыпляетъ и убаюкиваетъ натрудившійся народъ...

А кругомъ становится темнѣй и темнѣй... Теплый дождливый вечеръ превратился въ свѣжую дождливую ночь... Ночной холодъ заставляетъ порой передернуть плечами, но вовсе не мѣшаетъ пѣть прежнюю пѣсню и легонько поигрывать на гармоникѣ:

Ужъ и стали они меня, добра молодца,—
Стали стричь и брить.

«Ужъ вы брейте мои кудерушки,
Брейте, не жалѣйте...»—

пѣли тихіе голоса, и еще темнѣй становилось кругомъ.

II.

На другой день вмѣстѣ съ раннимъ восходомъ солнца начали подниматься и обитатели Брюхова; этому, между прочимъ, способствовалъ продолжительный и ранній колокольный звонъ, возвѣщавшій народу, что батюшка, отецъ Яковъ, всталъ, и что крестьяне, по своему старинному обычаю, могутъ брать изъ церкви иконы для того, чтобы, вмѣстѣ съ причтомъ, носить тѣ иконы по полямъ, огородамъ, скотнымъ дворамъ и вообще всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, о которыхъ труженики-мужики отъ вѣка молятъ Бога, чтобы Онъ послалъ на нихъ Свою благодать, такъ какъ съ процвѣтаніемъ ихъ соединено и скромное мужичье счастіе.

Яркіе лучи солнца, брызнувшіе по орошенной легкимъ ночнымъ дождикомъ травѣ, празднично играли на расчесанныхъ соломенныхъ крышахъ домовъ, на расписанныхъ яркими красными цвѣтами ставняхъ и невыразимо яркой звѣздочкой горѣли на церковномъ крестѣ... Весело и празднично смотрѣли широкія улицы, уставленныя трехоконными домами, и въ эти распахнутыя окна легкій утренній вѣтеръ доносилъ густой ароматъ полевыхъ цвѣтовъ, освѣженныхъ дождемъ, и порой, колыхнувъ кисейную занавѣску, открывалъ взорамъ прохожаго брюховскую обывательницу, старательно убиравшую передъ зеркаломъ гарнитуровымъ платкомъ свою, чинно приглаженную голову.

Коська Шильниковъ, одинъ изъ фабричныхъ, вчера, поздно ночью, доѣхавшихъ до Брюхова, продралъ глаза послѣ сладкаго и словно мертваго сна на отцовскомъ сѣновалѣ и, на удивленіе своимъ деревенскимъ братишкамъ, сильно началъ величаться и фуфыриться, пользуясь своимъ столичнымъ авторитетомъ.

— Пойду, погляжу,—растягивалъ онъ:—что тутъ у васъ за инперія... Что-то я его бытто, отъ московскаго-то житья, словно маленько попризабылъ, городъ-то вашъ...

— Обнаковенно, какъ Брюхово прозывается, такъ оно и есть...—нерѣшительно говорилъ братишка.

— То-то,—продолжалъ важничать москвичъ:—шелудивое ваше царство... А собственно ежели посудить,—такъ и вниманія не стоитъ и съ потрохами совсѣмъ... Дай-ка узелъ-то мой!..

Братишка приволокъ изъ угла узелъ, и съ приближеніемъ его москвичъ почувствовалъ бо́льшую гордыню, потому что въ этомъ узлѣ хранились разные его наряды, которыми онъ наповалъ надѣялся убить брюховцевъ, ибо и подъ Андроніевымъ на гуляньи, гдѣ не только разгуливаютъ фабричные, но зачастую щеголяютъ господа купцы и чиновники съ женами и дочерьми, и здѣсь его долговязый сюртукъ и молодецкіе сапоги были не изъ послѣднихъ...

— Достань-ка сапоги-то!.. Гляди: такихъ сапогъ-то, поди, вашъ братъ во щахъ не хлебалъ...

— Гдѣ хлебать! — говорилъ изумившійся мальчишка, осторожно поворачивая сапогъ, лоснившійся на солнцѣ.

Москвичъ только щелкнулъ языкомъ и самодовольно произнесъ:

— Вотъ то-то и оно-то!.. Вѣдь это для вашего брата— зеркало!.. Ты поприглядись въ него хорошенько, оно тебя сейчасъ обозначитъ... рожу-то твою!..

Мальчишка повернулъ сапогъ къ лицу и дѣйствительно, посмотрѣвшись въ ярко вычищенное голенище, увидалъ свою физіономію, значительно распухшую у носа и губъ... При этомъ онъ замѣтилъ, что глаза его въ этомъ новоизобрѣтенномъ зеркалѣ смотрѣли какъ-то дико, были огромны и мутны...

— Ахъ, сапогъ!—произнесъ раскисшій мальчишка.

— Ага! Доставай теперича платокъ, который подъ шеею... этотъ вонъ, зеленый.

Мальчишка досталъ.

— Взмахни его супроти солнца!..

Мальчишка встряхнулъ платокъ, который, словно жаръ-птица, ослѣпилъ его и невыразимо яркою зеленью и огромными красными, словно огонь, цвѣтами, густо насаженными по этой зелени.

— Видѣлъ?

— Видѣлъ... Ну, платокъ!..

— Ага! доставай теперича, который платокъ для носу...— продолжалъ москвичъ, сидя на сѣнѣ и указывая братишкѣ пальцемъ, гдѣ доставать.—Досталъ? смотри: этотъ платокъ для какова дѣла по-твоему? Ты, сичасъ издохнуть, ровно какъ тварь какая тутъ смыслишь!.. Ты до него и дотронуться-то боисси, потому тебѣ это опасно,—а я сичасъ въ него, глянь-ка, какъ харкну... Потому мнѣ плевать!.. Такъ-то!—заключилъ Коська Шильниковъ и прибавилъ:

— Погляжу я на вашего брата деревенщину,—то-ись вахлакъ на вахлакѣ... такъ, сволочь несчастная...

Черезъ полчаса москвичъ собирался идти на улицу и въ церковь. Умывшись изъ рукомойника, привязаннаго на веревкахъ къ навѣсу надъ крыльцомъ, онъ напялилъ на себя каляную ситцевую рубашку, расписанную райскими птицами и до того узко стянутую у шеи высокимъ косымъ воротомъ, что кровь густо приливала къ лицу, на лбу выступали жилы, и звуки не безъ труда выходили изъ стиснутаго горла. Но это москвичъ нисколько не считалъ изъяномъ въ своемъ нарядѣ; напротивъ, этотъ тугой ошейникъ, давившій словно петля на висѣлицѣ, точно также считался въ его глазахъ преимуществомъ въ нарядѣ, какъ и плисовые штаны, какъ картузъ съ мелкимъ, но широкимъ дномъ, какъ лоснившійся на солнцѣ сюртукъ и проч. и проч.

Все это больше и больше увеличивало его гордость и, когда онъ сходилъ со двора, снова заставило его повторить:

— Посмотрю, погляжу, что̀ за царство? какой націи?

— Однако, братъ, ты на языкъ, погляжу я, востеръ-таки!..—заговорилъ отецъ Коськи, выползая на крыльцо и передергивая поясъ, съѣхавшій узломъ набокъ.

— Да, тятенька, малость тоже смыслимъ...

— Поглядѣлъ я давеча, какъ ты братьевъ-то на сѣнникѣ нарядами пужалъ,—подивился немало...

— Ничего даже, тятенька, удивительнаго нѣту, потому что собственно это для ихняго брата внови...

— Что̀ говорить! а все я вижу, что ты изъярыжничался въ Москвѣ-то знатно!

— Насчетъ этого, тятенька, даже вы изволите совершенно напротивъ говорить, — обидчивымъ тономъ продолжалъ Коська, снимая картузъ и держа его около уха: — потому мы у васъ, тятенька, завсегда можемъ ручку поцаловать... Такъ-то-съ... Пожалуйте!.. Вотъ какъ-съ! до трехъ разъ можемъ приложиться-съ... Это намъ наплевать...

— Ладно, ладно...

— А что костюмъ нашъ, то извольте вникнуть... — При этомъ Коська быстро перевернулся на каблукѣ, и въ это же время, словно молнія, блеснули на солнцѣ и его козырекъ, и пуговицы у жилета, и сюртукъ, и сапоги... Для большаго эффекта Коська слегка согнулъ руки въ локтяхъ, словно захотѣлъ подпереться фертомъ, и заключилъ:

— До свиданья-съ, тятенька!.. Во̀ какъ у насъ! — добавилъ онъ за воротами, надвигая картузъ на ухо.

III.

Весь брюховскій народъ, дожидаясь обѣдни, столпился около церкви и гулялъ за церковной оградой. Деревня въ это время была совершенно пуста; на базарѣ, который непремѣнно существуетъ во всякой подмосковной деревнѣ,—такъ какъ эти деревни богаты и большинство крестьянъ зажиточны,—на базарѣ, говорю, нѣтъ ни единой души, и только безмолвно торчатъ въ воздухѣ палки надъ столиками, на которыхъ, въ торговые дни, развѣшиваются разноцвѣтныя нитки, стеклянныя ожерелья и проч.

Впрочемъ, нынѣшній день обѣдня начнется поздно, ибо въ церкви захотѣли пѣть господа помѣщики; объ этомъ возвѣстилъ народу пономарь, тоскливо ожидавшій на колокольнѣ приказанія звонить... Узнавъ, что господа еще не просыпались, народъ продолжалъ гулять кучками на церковномъ лугу. Бабы, въ красныхъ сарафанахъ или въ красныхъ же платьяхъ, столпились въ кучки особо отъ мужиковъ и вели свои разговоры. Старухи съ ребятами, которыхъ намѣрены были причастить, унизали всѣ церковныя ступени и тоже говорили что-то другъ другу, но только шопотомъ, словно боялись, что ихъ подслушаютъ.

— Давно ли померъ-то?—спрашивала одна...

— Да вотъ другой годъ съ Макавеевъ пойдетъ... то-то, милая, нарыдались...

Другая только покачала головой, жалостливо сложивъ губы.

— Шесть человѣкъ ребятъ!..

— Какъ же то его угораздило?..

— Да вѣдь какъ угораздить-то! Напились они въ Москвѣ, одинъ и говоритъ: полѣзай, говоритъ, на крышу... Тотъ и полѣзъ... Домъ-отъ каменный, высочина—эва какая: и лѣстница приставлена... Онъ по лѣстницѣ-то... Да и сорвись—объ земь!.. Въ мелкіе кусочки!..

Другая старуха попрежнему качала головой.

— Сейчасъ его рогожкой накрыли, завязали въ узелъ, да и на ломового... Такъ и не видали.

Ребенокъ начиналъ плакать, старуха качаетъ его, прихлопывая ладонью по его спинкѣ.

— И такъ на него Господь милостивый прогнѣвался,—говоритъ третья старушка:—что онъ, милая ты моя, болѣ десяти годовъ ни одного сна не видалъ.

— Царица Небесная!..

— Все говоритъ, черное что-то вижу: высунетъ языкъ и спрячется...

Между ребятами шли разговоры такого рода:

— Ахъ, милые мои, — говорилъ Коська Шильниковъ:— какія по нонишнему мѣсту бабы привасходныя! Ахъ, бабочки...

— Что̀ ахаешь-то?..

— Никакъ, милые мои, мнѣ не ахать невозможно, по той причинѣ, какъ сію сикунту долженъ я этимъ бабамъ орѣховъ отсыпать по крайности полмѣры.

— Ты до обѣдни-то погоди.

— Я, милашки, точно что погожу, ну только наврядъ стерплю я!.. Ну шельмы!.. Кто такая въ красномъ-то?.. Ахъ, шутъ-те: какъ плошка горитъ... И бабы же!

Молодцы проходили кучку бабъ, и растаявшій-было Коська снова принималъ высокомѣрный тонъ.

— А ты можешь по памятникамъ читать?—спрашивалъ онъ, останавливаясь около одной изъ могилъ, окружающихъ церковь.

— Чаво читать?

— Какъ объ комъ прописано? Ты вѣдь въ этомъ дѣлѣ ни идола не смыслишь... Гляди!

И Коська по складамъ началъ читать:

Не много я на семъ свѣтѣ жилъ,
Но безпрестранно, господа, скорбилъ, и т. д.

— Видѣлъ?

— Видѣлъ...—угрюмо отвѣчалъ, оскорбленный бойкостью Коськи, собесѣдникъ...

— То-то и есть! А вы сволочь... Мнѣ что̀? Мнѣ сичасъ «Пчилу» дай. Я ее гляко-сь какъ отмахаю... Насквозь... «Пчелка»—это любезное дѣло!

Вдругъ съ колокольни раздался благовѣстъ; господа—мужчины и дамы съ нотами въ рукахъ—тронулись въ церковь, а за ними и весь народъ.

Церковный лугъ и лужайка въ церковной оградѣ опустѣли. На паперть начали собираться нищіе, и отовсюду ползли калѣки.

IV.

Въ то время, когда въ церкви чинно шла обѣдня, въ домѣ старушки-вдовы священника собирались сосѣди-гости, такъ какъ сегодня случился день ангела ея сына. Гости пріѣзжали изъ другихъ деревень, гдѣ уже отошла обѣдня,

поэтому они только изъ любопытства заходили въ церковь, чтобы посмотрѣть, какъ это господа поютъ, и потомъ снова возвращались въ жилище старушки. А старушка суетилась насколько могла, поминутно дрожавшими отъ ветхости ногами направлялась въ кухню и на погребъ.

— Простите меня старуху, — говорила она: — ничего не сыщу, ни ножей ни вилокъ... Одна живу: распропали гдѣ-то... Ужъ какіе есть... не взыщите.

Старушка дѣйствительно жила одна-одинешенька; ей было довольно одной комнатки, и комнатка эта куда какъ мрачно глядѣла на незнакомаго человѣка: старинные почернѣвшіе шкапы и комоды съ мѣдными кольцами у ящиковъ, большое, но треснувшее и значительно стертое сзади стекло зеркала, образа̀, спрятавшіеся въ цѣломъ лѣсу вербъ и разныхъ травъ, накоплявшихся здѣсь годами,—все это вѣяло стариною и смертью... Всѣ эти портреты архіереевъ и другихъ духовныхъ особъ почернѣли и, словно привидѣнія, смотрятъ изъ тьмы. А темнота въ комнатѣ старушки увеличивалась еще потому, что подъ всѣми тремя окнами, выходившими въ садъ, разрослись высокіе и густые дубы и осины, и съ ихъ могучими вѣтвями и множествомъ листьевъ трудно было бороться солнечнымъ лучамъ; сквозь эти сучья и листья не могъ пробраться дождь и только звонко щелкалъ о курчавыя верхушки, унизанныя этими же безчисленными листьями.

— Одна живу, — повторяла старушка: — боюсь... Цѣлое лѣто двойныхъ рамъ не выставляла... думаю: воры влѣзутъ...

Въ углу подъ образа̀ми, на большомъ кругломъ подносѣ, съ остатками на серединѣ дна какого-то рисунка, — помѣщались разнокалиберныя бутылки съ виномъ; и вино это тянулось отъ самыхъ мужниныхъ похоронъ и протянется еще многіе годы, ибо доселѣ ни одинъ посѣтитель не рѣшался выпить ни одной рюмки, такъ какъ каждая капля, выливавшаяся изъ бутылки, приносила съ собою полчища труповъ мухъ и таракановъ.

— Прикушайте!—звала старушка гостей къ углу.

— Охъ!.. да не рано ли?

— Что̀ за рано!

— А я такъ полагалъ, — будто *до достойнаго-то* не ладно?

— И!.. дорожному Богъ проститъ!

Обѣдъ устроился на двухъ разнокалиберныхъ столахъ: одинъ былъ ниже, другой выше; одинъ у̀же, другой шире.

Ложки подавались мятыя, мѣдныя; тарелки заклеенныя замазкой и иззубренныя по бокамъ... Весь обѣдъ и вся обстановка производили на гостей скучное впечатлѣніе, и за столомъ не было слышно почти разговоровъ; среди тишины слышно было, какъ кто-то вздыхалъ.

— А то вотъ, — рѣшался-было кто-то завязать разговоръ:—одинъ чиновникъ у насъ взялъ за женой полсотни кирпичей въ приданое.

— Какъ такъ?

— А такъ! — пьянаго повѣнчали. На другой день онъ положилъ кирпичи на телѣгу, сверху взвалилъ перину, сѣлъ на нее съ женой и поѣхалъ въ городъ. За заставой онъ какъ вцѣпится ей въ косы: ахъ, ты, говоритъ, подлячка...

Но этотъ разсказъ, кромѣ нѣкотораго, весьма казеннаго сожалѣнія, пущеннаго въ ходъ однимъ изъ гостей, не продолжилъ разговоровъ, и большинство гостей, дожидаясь блюда, молча смотрѣли въ потолокъ, который висѣлъ чуть не надъ головами и весь испещренъ былъ крестами, накопченными страстной свѣчкой. Среди мертвой тишины, царствовавшей все время въ домѣ старушки, явственно можно было разслышать доносившуюся съ улицы пѣсню; народъ выходилъ изъ церкви, и посрединѣ улицы уже лежали трое пьяныхъ мужиковъ, а четвертый оралъ, что̀ есть мочи, словно молилъ, чтобы ему не дали уснуть рядомъ съ своими собратьями.

Харчевня, составляющая неотъемлемую принадлежность всякой мало-мальски торговой деревеньки, въ воскресенье оживляется гораздо раньше обыкновеннаго: еще народъ не вышелъ изъ церкви, а въ харчевнѣ, у раскрытаго окна, сидѣло двое еле-еле живыхъ мужиковъ; упершись локтями въ столъ, на которомъ стояли полоскательница и пустой графинъ, и подперши ладонями подъ бороду, они орали другъ другу разныя пѣсни, при чемъ что̀ есть мочи разѣвали рты, жмурили глаза, и одинъ вовсе не слушалъ другого. У крыльца въ это время баба говорила мужу и грозилась:

— Ты гляди! ежели опять по-вечерошнему—я тебѣ свое зло изомщу...

— А мнѣ что̀?

— Я сичасъ Мишку объ печь головой шаркну!

— Ды шаркай!

— Ну вотъ гляди: только ты у меня нажрись!

— И нажрусь.

Баба вдругъ потеряла хладнокровіе и заголосила; мужикъ сначала загрохоталъ, потомъ бросился въ харчевню и, высунувъ голову въ дверь, дразнилъ жену языкомъ, приговаривая:

— Ай взяла? ай взяла?

Коська Шильниковъ, имѣвшій достаточно времени показать свои достоинства въ формѣ сапогъ и прочаго, — съ гурьбой пріятелей ввалился въ брюховскую *бѣлую харчевню* и произнесъ:

— А что̀, у васъ машины нѣту?

— Никакъ нѣтъ-съ. Волчокъ вотъ-съ...

— Что̀ волчокъ! волчокъ волчкомъ! А то, братцы мои, страсть я люблю, какъ ежели гдѣ въ Москвѣ, въ трактирѣ, хорошо эту пружину заведутъ... Привасходно! Запуститъ, запуститъ!..

Ребята только слушали и, не спѣша, усаживались за столъ, гдѣ черезъ минуту глушили чай, обтирая платками лбы.

— А какія у васъ нонѣ въ Москвѣ пѣсни новыя? — спрашивалъ у москвича брюховецъ.

— У насъ, братъ, много пѣсенъ. Теперича вотъ пошла одна любопытная пѣсня...

Никогда тебя я, стерву,
Такъ жестоко не любилъ...—

Привасходный стишокъ!

— Эта пѣсня ничего!..

— У насъ, братъ, пѣсни страсть! Вотъ тоже еще пѣсенка складная.

Москвичъ откашлянулся и потихоньку спѣлъ:

Въ рощѣ Марьиной гулянье:
Тутъ и самый есть Семикъ!
Наканунѣ Семика
Убилъ поваръ мясника;
Онъ за то его убилъ,
Что тотъ душу загубилъ:
На чумичкѣ вошь убилъ.
Вошка банюшку топила,
Блошка дарилася.
Не до пару: вошь упала,
На ушатъ ребромъ попала,
Ногу выломила,
Ребро вывихнула...
Слава Богу, околѣла,
Всему міру надоѣла...
Поминайте рабу
Сѣру вошку въ гробу!

— Какова пѣсня-то?

— Важная, братцы!

— То-то! А вы нешто это смыслите по глупости по своей?—заключилъ Коська Шильниковъ.

Между тѣмъ подступалъ полдень, и всякій, кто только не былъ въ гостяхъ или въ харчевнѣ, торопился пообѣдать и отдохнуть до вечеренъ. На улицахъ было тихо и безлюдно; только харчевня всѣми своими распахнутыми окнами орала сильнѣй и сильнѣй, и изъ этого оранья страшнымъ визгомъ несся визгъ волчка, запускаемаго пьяными могучими руками; неистово щелкался онъ о натыканныя въ доску шпильки, и на это время чуть-чуть затихала столпившаяся около игры публика, но потомъ, какъ только нашъ знакомецъ Коська Шильниковъ принимался снова накручивать ремень на руку и когда онъ, словно изступленный, бросался отъ волчка въ сторону, не жалѣя своей руки, которую чуть не до крови рѣзалъ этотъ тонкій и словно стальной ремень,—говоръ начинался снова, и въ тучѣ разнаго крика трудно было разобрать хоть единое человѣческое слово. Только Коська громче всѣхъ говорилъ:

— Вò какъ у насъ! А вы сволочь деревенская!..

V.

Между тѣмъ надъ Брюховымъ опустился снова тихій и прохладный вечеръ; эта усыпляющая и разлившаяся кругомъ прохлада, казалось, усыпила неистовую жизнь харчевни и располагала къ тихой бесѣдѣ. У амбара, противъ одного изъ брюховскихъ домовъ, столпилась куча женихавшихся ребятъ и дѣвокъ; тихо вели они свои разговоры и еще тише пѣли пѣсни. У плетня старая солдатка Марѳа, неизвѣстно на какіе капиталы проживавшая въ Брюховѣ, назидательнымъ тономъ толковала свѣженькой дѣвушкѣ Анисьѣ:

— Ты, дѣвка, гляди, будь умна! Ты, хучь онъ и Сергѣй Питровичъ, а ты ему въ зубы-то не смотри, потому всѣ они измѣнщики. Я ихъ на своемъ вѣку видала... Одинъ вонъ пожарный тоже полюбилъ меня,—говоритъ: я тебя полюбилъ... Ну, ладно. А онъ, шишъ ему, на третій день какъ саданетъ меня въ это мѣсто колѣнкой! Страсть! Вотъ-те и полюбилъ!

Противъ ребятъ на скамеечкѣ около дома *старики* вели такой разговоръ:

— А что̀, Иванъ Петровичъ, въ полѣ былъ?..

— Былъ, другъ сердечный, былъ...

— Ну, каковы зелени?

— Просто—останься!

— А для того они такіе, что на Петровъ день дожди очень пользительно ишли.

— Да, взглянулъ Господь окомъ Своимъ праведнымъ!..

Коська Шильниковъ съ пріятелями безмолвно прошелъ мимо этой группы, гордо вытаскивая платокъ изъ задняго кармана и помахивая имъ по воздуху.

— Что̀ ты голову-то дерешь?—отозвался ему одинъ изъ парней, сидѣвшій съ дѣвушкой.—Ты бы, много было превосходнѣй, ежели бы что-нибудь намъ про Москву разсказалъ.

— Милай! — спросила старуха, жившая за угломъ амбара:—что̀ ты, на чугункѣ-то ѣзжалъ?

— Ѣзжать мы ѣзжали,—говорилъ москвичъ, не забывая играть платкомъ:—только это, скажу вамъ, по вашей глупости, совершенно даже непонятно для васъ будетъ: то-ись ка̀къ и что̀ къ чему...

— Разскажи-ка-сь... Поймемъ... Бѣса-то не понять?..

— Бѣса? а ты видалъ ли его, бѣса-то? на машинѣ-то который?

— Ты-то видѣлъ ли?

— Я-то видѣлъ!.. Потому я очень яствинно на зарѣ его примѣтилъ, какъ онъ изъ чугунки-то вылѣзъ... Дрожитъ весь... иззябъ.

— Видишь ты?..

— А ты какъ бы думалъ!.. Вѣдь они, бѣсы-то, гляко-сь какъ надъ православными надругаются...

— Вре?

— Сичасъ издохнуть! Первое дѣло, какъ ты на чугункѣ поѣхалъ,—начинаютъ тебя бѣсы соблазнять... Языки у нихъ дли-и-нные...

— А что̀, милый человѣкъ, на бѣсу-то, на чугункѣ-тѣ можно-ль перекреститься?

— Ну, наврядъ!

— Съ чаго же?

— Потому бѣсъ сейчасъ начнетъ задней ногой лягать и скрозь землю спущать...

Всѣ слушатели замирали, а Коська продолжалъ:

— Теперь бѣсу-то противъ прежняго много труднѣй,—теперь онъ, гляко-сь, какъ припряженъ... На немъ, на бѣсу-то, къ Троицѣ-Сергію Богу молиться ѣздятъ...

— Что̀ же онъ?..

— Что онъ? Развѣ онъ что можетъ? Ругается скверными словами, и сейчасъ какъ станція—отпустятъ его маленько, онъ примется чихать,—такъ-то визжитъ... Апосля того его тошнитъ...

— Ври больше!—весьма разрушающимъ тономъ брякнулъ парень, слушавшій Коськино вранье, и этотъ возгласъ заставилъ грохотомъ разразиться остальныхъ ребятъ, уже успѣвшихъ развѣсить уши, распустить слюни на розсказни разбитного фабричнаго.

— Эка загоготали! словно лѣшій въ лѣсу!.. — обидчиво говорилъ Коська, медленно отходя отъ толпы. — Пойдемте, братцы, дѣвокъ глядѣть!

На лужайкѣ за деревней, гдѣ торчитъ какой-то желтый казенный амбаръ и ходитъ инвалидъ, изъ жидовъ, съ ружьемъ—большими хороводами расположились деревенскія дѣвушки, ярко рисуясь своими красными нарядами на темной зелени травы. Далеко слышенъ ихъ звонкій смѣхъ, прерывавшій пѣсни, и потомъ снова тянулась эта пѣсня:

Зелены мы винограды,
Лели, лели, винограды...
Ахъ, хорошъ мой милый, ненаглядный,
Ахъ, съ которымъ я, дѣвушка, водилась!
Говорила батюшкѣ родному:
Не давай ты меня, батюшка, рано замужъ;
Ты не льстись, родной, на богачество:
Не съ богачествомъ жить—съ человѣкомъ,
Не съ высокими хоромами, а съ совѣтомъ,
Не съ частыми переходы, а съ любовью...

А другой хороводъ пѣлъ:

Какъ братецъ къ братцу въ гости приходилъ (2):
Родимой мой братецъ, пожалуй коня, (2)
Съѣздить до села, жена родила. (2)
Родимой мой братецъ, (2) бери, не спросясь, (2)
Ступай, куда хошь...
Родимой мой братецъ, (2) намъ нечего дѣлить. (2)
Промежъ съ тобой, родной, (2) двѣ лютыхъ змѣи—
То жены наши.

и т. д.

Долго на селѣ слышались хороводы; деревенское веселье нисколько не уменьшилось и тогда, когда московскіе франты-фабричные позднимъ вечеромъ снова тронулись въ Москву; веселье это было тихо, и только по временамъ кто-то горланилъ въ харчевнѣ...

Тихо заканчивался воскресный вечеръ, и божій людъ покорно ждалъ на завтра будней и своей трудовой жизни.

Побирушки.

Очеркъ.

I.

Только неудачи, несчастія и горе постоянны на землѣ, и, зная это, не нужно особенно пристальной наблюдательности, чтобы убѣдиться въ существованіи довольно большого класса людей, который, не зная, на какой трудъ дѣвать свои руки, или же не умѣя приложить ихъ ни къ какому труду, живетъ изо дня въ день чужой подачкою, копейкою, выработанною чужимъ трудомъ. Столичный дворъ, въ длинной картинѣ своихъ будней, столичныя улицы, церкви,—все это даетъ множество типовъ разныхъ побирушекъ.

Только-что вы успѣли открыть глаза въ свѣжее лѣтнее утро, какъ среди двора громко грянула музыка; весь домъ всполошился; вы слышите, какъ по коридору мимо вашей комнаты пробѣжало нѣсколько человѣкъ, поднялась повсюду суматоха; взгляните въ окошко, и вы увидите, что далеко прежде васъ высунулся въ окна весь домъ,—на дворѣ толпы народа; мастеровые, кухарки, бросившія свое дѣло, разносчики съ лотками на головахъ и съ застывшимъ крикомъ на разинутомъ рту. А звуки, стиснутые высокими стѣнами каменнаго четыреугольника-двора, гордо рвутся вверхъ, разливаются по окрестности и сзываютъ новыхъ зрителей, которые на вашихъ глазахъ одинъ за другимъ шмыгаютъ въ подворотню.

Оркестръ между тѣмъ кончилъ какую-то пьесу; трубачи, перевернувъ внизъ трубы, выдуваютъ изъ нихъ накопившуюся отъ дыханія воду,—и нѣкоторые изъ музыкантовъ посматриваютъ на публику, размѣстившуюся по окнамъ: очевидно, нужна подачка; объ ней не говорится, потому что всѣ эти бѣдняки, къ большому ихъ несчастію, люди съ самолюбіемъ, развитымъ даннымъ на несчастіе талантомъ. И это, по-моему, самые жалкіе и въ особенности достойные помощи бѣдняки.

Однако оркестръ кончилъ; скрипачи и кларнетисты засовываютъ свои инструменты подъ полы своихъ сюртуковъ и пальто, маленькіе музыканты-нищіе нагружаютъ, кромѣ того, на свои спины кипы нотъ; они несутъ подъ мышкой пюпитры, и вслѣдъ за всей капеллой музыкантовъ ползетъ

подъ ворота и толпа зрителей. Мастеровые, съ ременными ободочками на головахъ, подхватываютъ съ земли своихъ ребятъ, слышны говоръ, смѣхъ; скоро оркестръ гремитъ на другомъ дворѣ, и потомъ жизнь входитъ въ свою обычную колею,—стучатъ ножи, изъ нижнихъ этажей валитъ удушливый запахъ цикорнаго кофе, поджариваемаго въ безчисленномъ количествѣ, — настаетъ міръ стряпни и дѣла. Но внутренность двора опустѣла ненадолго.

Если въ это время, черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ оркестра, разносчикъ не кричитъ: «ковры половые», то скрипитъ водовозъ, или нѣкоторый человѣчекъ въ подрясникѣ изъ простого чернаго сукна, съ ременнымъ поясомъ и открытой головой, звонкимъ теноромъ поетъ на весь дворъ—«на построеніе погорѣвшей» и проч. Онъ потупилъ свои бойкіе глаза въ книгу съ нѣсколькими мѣдяками на переплетѣ и, медленно обходя около стѣнъ, при чемъ старается ближе подойти подъ окна, неумолкаемо тянетъ свою всенижайшую просьбу.

— Милый человѣкъ!—возглашаетъ, выступая изъ дверей нижняго этажа, персона женскаго пола, по всей вѣроятности, вдова какого-нибудь фельдфебеля.—Зайди, Бога ради, на малое время.

Подрясникъ ниже нагибаетъ голову, что̀ означаетъ поклонъ, и заходитъ ко вдовицѣ. Тутъ сейчасъ затѣвается самоваръ,—и за этой скромной, но весьма продолжительной трапезой, подъ неоднократно возобновляемое доливаніе въ самоваръ, тянутся разсказы, какія на землѣ есть мѣста чудныя и какія разныя бываютъ чудеса, и проч.

На эти разговоры стекаются разныя вдовы и съемщицы, и подъ конецъ многія прослежаются.

А странникъ скоро на другомъ дворѣ поетъ попрежнему: «на построеніе погорѣвшей» и проч.

— Милый человѣкъ! зайди на малое время!—раздается голосъ изъ-подъ крыши. И снова самоваръ и снова разсказы. И невидимо зиждется погорѣвшая обитель. Настаетъ тишина и опять-таки ненадолго: побирушки разныхъ видовъ и націй поминутно смѣняютъ другъ друга. Входитъ кучка людей въ какихъ-то рваныхъ сюртукахъ, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ ноги, обтянутыя въ трико. Тутъ же много ребятъ тоже въ трико; на головахъ у нихъ одѣты вѣнки, состоящіе изъ бумажнаго обруча, перевитаго разноцвѣтными коленкоровыми лентами. Это акробаты; они скоро раздѣваются, разстилаютъ на голыхъ и мокрыхъ камняхъ

рваный коверъ и начинаютъ свой спектакль. Подъ музыку шарманки и бубна кувыркаются эти нищіе, ломаютъ ребятъ—и васъ невольно остановитъ и заставитъ задуматься судьба этого маленькаго существа—мальчикъ ли оно или дѣвочка—неизвѣстно,—котораго на вашихъ глазахъ какой-то геркулесъ, должно-быть, глава всей шайки и, стало-быть, нищій изъ нищихъ, хватаетъ одной рукой за поясъ на спинѣ, подымаетъ вверхъ надъ всей толпой и заставляетъ дрыгать маленькими ногами и ручонками подъ звуки канкана. Тутъ рождаются уже ученые побирушки: отъ отца въ наслѣдство переходитъ вся наука попрошайничества.

Наконецъ на вашъ карманъ разсчитываютъ полчища шарманщиковъ, цѣлый день гудящихъ подъ вашими окнами разныя аріи и русскія пѣсни съ припѣвомъ безрукаго, но голосистаго солдата. Если вамъ приходится выйти на улицу, то во всякомъ случаѣ вамъ не придется долго остаться безъ того, чтобы кто-нибудь не заявилъ своего желанія попользоваться вашимъ карманомъ. Если вамъ приходилось долго ходить по одной и той же улицѣ, то вы непремѣнно замѣтите, что на одномъ и томъ же мѣстѣ весь день стоитъ какой-нибудь солдатъ, слѣпой, весь обвязанный тряпками; рядомъ съ нимъ старуха, тоже въ лохмотьяхъ; одинъ играетъ «Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ» или что-нибудь другое,—старуха поетъ. Эта картина производитъ непріятное впечатлѣніе. Когда бы вы ни шли мимо той четы, все она въ одномъ и томъ же положеніи: старуха что-то хрипитъ, старикъ вертитъ ручку милой шарманки и другой рукой безпрестанно водитъ по крышѣ своего инструмента, надѣясь нащупать монету.

Кромѣ того, во всякое время дня и ночи не разъ придется встрѣтить вамъ нѣкоторыхъ персонъ, именующихся отставными капитанами, офицерами, воевавшими при Севастополѣ и проливавшими именно за васъ, за ваше спокойствіе, свою благородную кровь.

Вздергивая своими массивными плечами и держа картузъ сбоку головы, трогательнѣйшимъ голосомъ произноситъ воинъ свою просьбу:

— Помогите бѣдному, беззащитному офицеру! Подавалъ прошеніе на службу — нѣтъ мѣстовъ... Жена, дѣти... Позвольте у васъ покорнѣйше просить три рубля серебромъ.

— Не могу-съ.

— Ради всего священнаго...

— Помилуйте, — да у меня самого теперь нѣту такихъ денегъ.

— Ну, сколько можете.

— Двугривенный—возьмите.

— Ахъ! Милсс...дарь! Вы не понимаете всей тяжести... но... позвольте. Блаадаррю васъ! хотя грѣшно такой ничтожностью обижать человѣка... можно сказать...

— Дѣлать нечего.

Вы идете.

— Богъ, милл-ссдарь, со временемъ припомнитъ вамъ!— кричитъ особа издали.—Желаю вамъ испытать тѣ чувства, которыя въ настоящую минуту...

Вы продолжаете идти.

— Двугривенный!.. Свинья! — заключаетъ особа, понимая, что вы ужъ не разслышите этихъ словъ.

Въ другой разъ вы идете пустынной улицей. Ночь. Дорога ваша лежитъ какъ разъ противъ какой-то части. Ни души. Стукъ вашихъ собственныхъ шаговъ только и слышенъ кругомъ.

— Почтенный гасспадинъ! — раздается надъ вашимъ ухомъ.

Вы оборачиваетесь: какое-то существо мужского пола въ картузѣ съ разодраннымъ козырькомъ и въ довольно прохладномъ костюмѣ.

— Что̀ вамъ угодно?

— Позвольте узнать, сдѣлайте милость, гдѣ здѣсь первая часть?

— Вотъ она!

— Ахъ-съ! Не имѣя пристанища, какъ благородный человѣкъ, хочу попросить правительство укрыть меня отъ ночи.

Персона эта заявляетъ вамъ о своемъ желаніи ночевать въ полиціи именно потому, чтобы вы выкинули изъ своей головы всякую мысль о его темномъ существованіи, о безпаспортности и проч. Если онъ самъ идетъ въ полицію и если онъ дѣйствительно безпаспортный, бродяга, то ужъ тамъ ему быть — не миновать. Стало-быть, онъ вовсе не какой-нибудь, если не боится этого. Затѣмъ неизвѣстный разсказываетъ вамъ, что онъ пять часовъ тому назадъ только въ Петербургъ пріѣхалъ съ бариномъ; баринъ ушелъ изъ гостиницы, унесъ съ собой ключъ, и онъ принужденъ скитаться кое-гдѣ.

— Ну, пойдемте, я васъ проведу въ часть.

— Благодарю васъ, милостивый государь... пойдемте-съ, Но не можете ли чѣмъ-нибудь помочь?

— Не могу ничѣмъ.

Мы идемъ. Около самыхъ дверей части неизвѣстный останавливается.

— Мил...сдарь! Я теперича опасаюсь...

— Какъ?

— Ну-ка баринъ придутъ—меня нѣту? Лучше я домой.

— Какъ хотите.

— Такъ точно, я лучше домой-съ. Хоть пяти копеекъ нѣтъ ли у васъ?

Вы даете.

Особа мгновенно юркнула въ тьму, и скоро издали вы слышите такое привѣтствіе:

— Шерамыжникъ! Подавись ты своимъ пятакомъ! — отчетливо произноситъ знакомый голосъ, изъ заискивающаго превратившійся въ подлый и дерзкій.

Классъ *салопницъ*, безъ сомнѣнія, принадлежащій къ числу побирушекъ, сумѣлъ такъ себя поставить въ чиновномъ быту, что, вполнѣ проживая насчетъ того бѣднаго и постоянно нуждающагося народа, ни разу не отопретъ рта для того, чтобы попросить о чемъ-нибудь: все дается имъ добродушными хозяйками безъ просьбы, ибо эти хозяйки крайне обязаны салопницамъ за убитую скуку цѣлаго будничнаго утра, за кучу новостей, за совѣтъ, какъ узнавать, когда у ребятъ зубы начнутъ прорѣзываться, за предсказаніе, кто будетъ новорожденный: мальчикъ или дѣвочка.

Послѣднія предсказанія всегда сообразны съ желаніями родителей.

— Страсть какъ я мальчиковъ люблю!—говоритъ чиновница.

— Постой-ка-сь, ангельская душа,—говоритъ ей салопница.—Я сейчасъ погадаю,—ты только повернись лицомъ къ солнцу, на полдень.

Чиновница повернулась.

— Видишь ты, какъ оно обозначаетъ. Дай-ка-сь въ эфтомъ мѣстѣ пощупаю.

— Щекотно, Власьевна.

— Ну, я вѣдь чутокъ. Шевелился?

— Третеводни такъ-то забился!

— Гм. Ну, а Семенъ-то Петровичъ съ котораго боку ложится?

— Съ лѣваго. Онъ у меня всегда подъ лѣвымъ бокомъ какъ чурка какая валяется.

Салопница смотритъ на лицо будущей матери, не разъ щупаетъ въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ чиновница взвизгиваетъ отъ щекотки и говоритъ: «какъ тебѣ не стыдно!»

— Ничего, дѣло женское, знаю,—все прошла.

— Ну, кто?

— Мальчикъ!

— Ѳекла! Станови самоваръ! Бѣги въ лавку: сливокъ... кофею... Власьевна, вотъ тебѣ платокъ ковровый!—бушуетъ обрадованная чиновница.

Такимъ образомъ классъ салопницъ получаетъ полное право гражданства въ этомъ обществѣ мелкихъ чиновныхъ людей; это чиновныя вѣдомости, газеты, и если бы существовали такого рода ежедневныя извѣстія для столичной мелкоты, то для того, чтобы они имѣли громадный расходъ, нужно, чтобъ все содержаніе ихъ состояло изъ разсказовъ салопницъ; дальше этихъ розсказней и сплетенъ интересы столичной и нестоличной мелкоты не идутъ.

Всѣ эти шарманщики, акробаты, оркестры, бѣдные, но благородные люди—это все будничные типы столичной нищеты. Они постоянны, иногда только бываютъ нѣкоторыя варіаціи, но при внимательномъ размышленіи непремѣнно придется заключить, что это одно и то же. Но иногда, среди столицы, въ темной улицѣ, въ дождь, останавливаетъ васъ плаксивая, совершенно не похожая на столичную, просьба русскаго деревенскаго нищаго.

— Батюшка! Милый ты мой! Подай, батюшка, нищенкамъ...

Вы оборачиваетесь и видите передъ собой толпу простыхъ деревенскихъ побирушекъ: мужикъ, охающій, какъ баба, и баба, въ великую, внезапно нагрянувшую бѣду получившая вдругъ твердость, — все это въ рубищахъ, въ рвани протягиваетъ вамъ свои руки. Мальчишки и дѣвчонки съ непокрытыми головами, разиня рты и спрятавъ руки въ глубину своихъ рукавовъ,—что-то гудятъ жалобное, подстать горькой просьбѣ своихъ отцовъ...

— Подайте, кормилецъ!—твердятъ они.

— Кто вы такіе?

— Мы дальніе, батюшка... дальніе...

— Какъ вы сюда попали?

— Да такъ, батюшка, и попали... что дома-то дѣлать? все одно — ѣсть нечего. Ну вотъ и пошли по міру... де-

ревня за деревней, городъ за городомъ — такъ и доволоклись.

— А отчего-жъ вы по міру-то пошли?

— Ахъ, милый человѣкъ, — великое тутъ горе случилось...

Баба начинаетъ хныкать и разсказываетъ свою исторію великаго горя, которую я теперь и хочу передать здѣсь.

II.

Маленькая деревенька Лемеши, въ одной изъ южныхъ русскихъ губерній, только-что начинала освобождаться отъ снѣгу, изъ-подъ коры котораго выступала темная и распаренная весенними лучами земля. Наконецъ противъ этихъ весеннихъ лучей не устояли послѣдніе тоненькіе слои льда и снѣжныя залежи въ оврагахъ, и весна зацарствовала надъ лѣсами и полями. Но для Лемешей это пришествіе было не радостно: только-что лемешевскій мужикъ Иванъ вышелъ впервые въ поле съ разными хозяйскими думами, какъ на черной и начинавшей просыхать землѣ онъ замѣтилъ крупу не крупу, а такъ какія-то сѣмечки. Сердце Ивана забилось... Онъ помнилъ, что въ прошломъ году неслась черезъ Лемеши саранча, помнилъ, какъ она въ то время закрыла весь небосклонъ, какъ опустилась на лемешевскую рожь и понеслась дальше. «Не положила ли она яицъ своихъ?» — содрогаясь, думалъ Иванъ и опрометью бросился въ деревню разузнать, что̀ это за крупа такая въ самомъ дѣлѣ. Въ каждой деревнѣ есть такого рода старички, которые болѣе или менѣе, сообразно своимъ лѣтамъ, помнятъ исторію села или деревушки. Между лемешевскими стариками были такіе, которые помнили, какъ къ нимъ налетѣла саранча, какъ ѣла и крутила она всякій посѣвъ, и сколько въ то время пошло по міру людей. Вотъ этихъ-то стариковъ и поволокъ міръ въ поле. Долго разглядывали они загадочную крупу, наконецъ всѣ рѣшили:

— Сарана *).

Всѣ замолкли. Неотводный Божій бичъ висѣлъ надъ головами всѣхъ.

— Какъ быть?

— Надо теперь, братики, собирать ее... да покуль она не народилась...

Общая опасность и громадность этой бѣды были такъ велики, что міръ тотчасъ же принялся за дѣло, и всю са-

*) Такъ называютъ на югѣ саранчу.

ранчу, которую увидѣлъ Иванъ, въ одно мгновеніе собрали въ мѣшки и представили въ волость. Собрано яицъ всего четыре четверика. Писарю ничего не стоило въ докладѣ начальству написать, что, при усиленныхъ трудахъ его, опасность миновалась, ибо собрано яицъ саранчи до 40 четвертей; начальству ничего не стоило въ свою очередь написать въ донесеніи своему начальству, что, при усиленныхъ мѣрахъ его,—опасность прошла, ибо собрано яицъ до 400 четвертей. Вездѣ миръ и гладь: мѣры предпринимались быстрыя; зло истреблено въ корню—и всякое начальство довольно по горло. Мало того, оно хочетъ, чтобъ были довольны и *тамъ*. И дѣйствительно, скоро и *тамъ* узнаютъ о неимовѣрныхъ усиліяхъ всѣхъ волостей къ истребленію саранчи, — усиліяхъ, приведшихъ къ самымъ благопріятнымъ результатамъ, ибо собрано до 4.000 четвертей брошенныхъ этимъ подлымъ существомъ яицъ.

А между тѣмъ пашни лемешевскія вспахались, прошелъ май и іюнь, и на нихъ уже стояла полчищемъ колосистая рожь. Жара была нестерпимая, цѣлые дни собирался дождь, по небу ходили какія-то дымно-синія тучи, вдали видны были полосы дождя, и въ жаркіе полдни издалека доносились раскаты грома, а по вечерамъ со всѣхъ концовъ неба вспыхивали зарницы, но дождя не было, и зной палилъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней лемешевскій мужикъ, возвращавшійся изъ города проселкомъ, пролегавшимъ черезъ рожь, изумленно вытараща глаза, увидалъ, что весь длинный и узкій проселокъ словно шевелился и, какъ покрытый водою, блестѣлъ на солнцѣ; но стоило только вблизи шевелящейся массы застучать телѣгѣ и лошадиному копыту, какъ дорога и песокъ обнажались снова. — «Сарана!» — испуганно заключилъ мужикъ и поспѣшно слѣзъ съ своей телѣги...

Онъ быстро подошелъ къ окраинѣ ржи, присѣлъ, и передъ его глазами открылась страшная картина: полчища саранчи, сотнями лѣпившейся около каждаго колоса, шли на лемешевскую рожь и изъ лемешевской переползали черезъ дорогу въ сосѣднюю. Растерявшійся мужикъ не зналъ, что думать. Позабывъ про лошадь, онъ пошелъ вдоль проселка, и вездѣ была саранча. Верста, другая, Лемеши уже въ сторонѣ, а саранча все идетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не останавливаясь, шествуетъ впередъ ополоумѣвшій мужикъ. Дѣло страшное! Тутъ только пришло въ голову, что сборъ яицъ, найденныхъ Иваномъ, былъ вовсе недостаточенъ, и

что лѣнь, отчасти укрѣпленная этимъ 4-хъ-четвериковымъ сборомъ, — укрѣпляла естественное желаніе покоя и чаще заставляла говорить и думать: «авось Богъ помилуетъ» и проч.

Тотъ же невыразимый страхъ, который заставилъ мужика окаменѣть при видѣ саранчи, заставилъ его и опомниться. Бросился онъ къ своей телѣгѣ и лошади, которыя оставались далеко отъ того мѣста, куда незамѣтно забрелъ мужикъ, и скоро Лемеши знали опять про великое горе...

Бабы заголосили; мужики шарахнулись на сходку толковать: «какъ быть?»

— Православные!—говорилъ съ крыльца голова:—дѣло это Божее—нужно, стало-быть, тутъ осторожно...

— Чтобы не прогнѣвать Его, Батюшку...

— Это вѣрно!

— Что-жъ теперь дѣлать, православные? — спрашивалъ опять голова.

— Какъ міръ... — отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ, т.-е. самъ же міръ.

— Ну вотъ, стало-быть, и надо міромъ толковать...

— Чаво толковать, коли тутъ головы твоей не хватаетъ!—вдругъ произнесъ сурово кто-то.

— Ты, Миронычъ, этого не говори: надъ нами и такъ гроза виситъ, а ты лаешь,—это нельзя.

— Какъ не лаять, коли совсѣмъ пустые разговоры заводить начали. Можешь ты объ этомъ толковать, когда ты въ этомъ никакого разсудку не имѣешь?

— Обыкновенно я не могу,—дѣло это для насъ внови... И надыть сейчасъ старичковъ вспросить, какъ они...

— Стариковъ, стариковъ!—заговорилъ міръ...

Въ ожиданіи стариковъ міръ молча толпился у крыльца расправы. По временамъ слышался шопотъ, и голова, присѣвшій на лавку, иногда поправлялъ на лбу волоса, сдуваемые вѣтромъ.

— Эка напасть! Ахъ, ты, Господи!.. Теперь совсѣмъ пропащее дѣло!—слышалось иногда.

Скоро пришли старики; съ полчаса стояли они молча, опершись на свои палки, и кряхтѣли.

— Ну, что-жъ, какъ, старинушки, по-вашему-то? — въ сотый разъ допрашивалъ ихъ голова.

— Да что по-нашему-то? По-нашему-то это дѣло нужно совсѣмъ бросить!

— Какъ такъ?

— Да такъ, потому это Божеское наказаніе, и намъ, грѣшнымъ, ничего тутъ не сдѣлать...

— Да оно такъ... только какъ же это, милые... ѣсть тоже надо. По міру, что ли, пойдемъ?

— Господь захочетъ—и по міру пойдешь.

— Это, православные,—вмѣшался голова: — такъ точно онъ говоритъ, что собственно мы еще Господа-то благодарить должны—вспомнилъ насъ... рабовъ Своихъ...

Доказательства къ бездѣйствію были вѣрны, непреложны, и мужики только съ крѣпкими думами расходились по домамъ, гдѣ ихъ ждали бабьи слезы.

А саранча размножалась больше и больше.

Черезъ недѣлю принуждены были отслужить молебенъ на пашнѣ и обойти всѣ посѣвы съ крестами.

Еще черезъ недѣлю отслужили другой молебенъ и начали думать, какъ укрыться,—Божій гнѣвъ былъ слишкомъ великъ. Въ этихъ мѣрахъ противъ несчастія горячѣе и прежде всѣхъ выказали себя нѣкоторыя особы изъ помѣщиковъ, испоконъ вѣку занимавшіяся агрономіей и изучавшія русское хозяйство по нѣмецкимъ книжкамъ.

Первая мѣра, которая была принята лемешевскимъ начальствомъ, состояла въ слѣдующемъ: отъ каждаго крестьянскаго двора потребовалось въ волость по девяти аршинъ холста; холстъ былъ представленъ немедленно, и тотчасъ же на каждыхъ трехъ десятинахъ устроились изъ этого холста палатки. Основываясь на томъ, что саранча имѣетъ слишкомъ чуткій слухъ, агрономы разсуждали, что, если въ этихъ полотняныхъ палаткахъ вырыть ямы и посадить въ тѣхъ же палаткахъ по мальчишкѣ съ дудочкой, на которой тотъ посвистывалъ бы хоть такимъ образомъ, какъ подманиваютъ перепеловъ, то саранча пойдетъ на эту музыку, придетъ въ палатку, попадетъ въ яму, а здѣсь музыкантъ и долженъ былъ прихлопнуть ее особеннаго рода колотушкой.

Палатки устроены, музыканты разсѣлись въ цѣломъ уѣздѣ, на каждой десятинѣ; зудятъ ихъ дудки, а во ржи шумятъ кузнечики, и ихъ чириканье заглушаетъ походъ полчищъ саранчи, которая кишмя-кишитъ здѣсь, точитъ ржаные колосья въ корнѣ и не думаетъ идти въ западню.

— Ну, что, убилъ?—спрашивали на селѣ возвратившагося вечеромъ съ поля музыканта.

— Убилъ.

— Много?

— Съ полдесятка, поди, ухлопалъ...

— Что-жъ мало?

— Поди-ка-сь ты болѣ наволоки въ яму-то! Ну-ка-сь ты самъ въ яму-то... охотою... А... небось, носъ-то заворотилъ бы! Такъ и она...

— Это точно.

— То-то и есть! А то «мало»! Что̀ ты ее за волосы, что-ль, въ яму-то тащить станешь?

— У нея, поди, и волосъ-то нѣтъ?

— Какіе у нихъ волосы, когда она, можно сказать, самая подлость, — животное, а то яма! мало! на удочку! Я нонѣ со скуки весь день такъ-то ли важно пѣсни игралъ— страсть!..

Черезъ нѣсколько времени другой вернувшійся музыкантъ тоже говорилъ:

— Я ужъ и казачка принимался играть,—ничего, хоть ты тресни—ни одна не пошла.

— Нѣтъ, милые,—говорилъ третій: — это дѣло совсѣмъ пустякъ. Тутъ хоть самъ цѣлый день пляши, ни идола не сдѣлаешь.

— Это вѣрно!

Вскорѣ и агрономы пришли къ тому убѣжденію, что эта затѣя въ самомъ дѣлѣ пустякъ. Черезъ нѣсколько времени были сняты и палатки. Бабы пришли въ расправу за холстомъ.

— Старушки, — сказалъ писарь: — а Богъ въ васъ есть?

— Какъ же Богу въ христіанской душѣ не быть! Его дыханіе.

— Такъ! Стало-быть—какого же тутъ холста?

— Обыкновенно... нашего... Поди, чай, на небо холстину-то не возьмутъ...

— Это вѣрно! А я-то про что же говорю?..

— А Господь тебя разберетъ, про что. Ты по-ученому, а намъ холстина обнаковенно хозяйское добро.

— Опять же это вы вѣрно говорите,—но гдѣ же я возьму холстину, которая теперича, можетъ-быть, за тридевять земель? Теперь, можетъ, холстинку-ту вашу на войну отвезли: раны да язвы солдатскія вязать... а?

Старухи молчали.

— Вѣдь они, солдатики-то, ваши же дѣтища; неужто вы своихъ дѣтищевъ безъ жалости безо всякой оставите?

Старухи собирались выть; писарь мучилъ:

— А? А вы: «холстину подай!». Гдѣ-жъ я ее возьму?.. А солдатикамъ и безъ того тошно...

— Соколикъ ты м-ой!..—завыла одна баба; другія подносили къ глазамъ свои фартуки. А писарь мучилъ:

— Нехорошо... Нехорошо, старушки! Богъ не полюбитъ за это. Сейчасъ умереть,—очень Ему будетъ это непріятно.

И рыдающія старухи разбредались по дворамъ. Вслѣдъ имъ писарь добавлялъ:

— Очень вредно, Божія старушки, поступать такъ... На томъ свѣтѣ — какъ за это! Прежестоко за это на томъ свѣсѣ будетъ! Не хвалю — истинно не хвалю!.. холстина! Ахъ, вы, прорвы!..—заключилъ писарь, входя въ сѣни расправы...

Агрономы скоро дѣйствительно пришли къ тому заключенію, что необходимо озаботиться насчетъ новыхъ мѣръ. Многомудрыя соображенія ихъ скоро разрѣшились тѣмъ, что необходимо по ночамъ устраивать костры, располагая ихъ на проселочныхъ дорогахъ. Безъ всякаго сомнѣнія, саранча придетъ на огонь и потомъ, тоже безъ малѣйшаго сомнѣнія, сжарится здѣсь. Расчетъ былъ бы вѣренъ, если бы оправдались надежды агрономовъ относительно разсудительности саранчи: что лучше ей не безпокоить начальство, а прямо самой залечь на костры, такъ какъ она должна же понимать, что сама въ этомъ горѣ виновата кругомъ. На костры потребовался хворостъ и валежникъ. Нужно было просить у лѣсничаго разрѣшенія взять этотъ продуктъ,—началась бы возня, переписка, дѣло потянулось бы чортъ знаетъ сколько времени,—и поэтому сами мужики рѣшились пожертвовать своими плетнями. Костры запылали, но, къ величайшему удивленію, ни одинъ субъектъ изъ саранчи не подступалъ къ этой добровольной плахѣ,—напротивъ, говоръ ребятъ, размѣстившихся около костровъ, и трескъ сучьевъ отогнали саранчу далеко отъ огня. Во ржи чувствовался усиленный шумъ, потому что саранча опрометью бросилась въ противоположную отъ огня сторону.

Такимъ образомъ и эта мѣра не удалась. Агрономы порѣшили положиться на власть Божію, отслужить опять молебенъ и послать за совѣтомъ къ начальству, такъ какъ усиленная помощь была необходима, ибо еще немного—и саранча должна была тронуться съ мѣста: въ то время она начинала окрыляться и недѣли черезъ двѣ непремѣнно должна была получить способность летать. Въ этотъ моментъ отъ корня колосьевъ она поднималась на самые ко-

лосья, и въ однѣ сутки на множествѣ десятинъ ржи оставалась только солома: всѣ зерна бывали съѣдаемы до тла. Между тѣмъ бумага получилась начальствомъ. Тотчасъ было поручено чиновнику ѣхать на мѣсто, гдѣ саранча, и донести объ этомъ дѣлѣ во всѣхъ тонкостяхъ.

Въ одно изъ воскресеній, рано утромъ, по дорогѣ къ губернскому городу скакала тройка чахлыхъ обывательскихъ лошаденокъ, на средней изъ которыхъ подпрыгивалъ мальчишка въ бѣлой свитенкѣ, дырявыхъ лаптяхъ и въ бѣлой же, на подобіе черепенника, шапкѣ.

Лошади неслись во всю прыть, сзади тройки взвивались клубы пыли, и веревки, составлявшія убогую лошадиную сбрую, вились въ воздухѣ. Мальчишка потому такъ гналъ своихъ клячъ, что писарь при отправкѣ какъ-то особенно напиралъ на слово «немедленно», да, кромѣ того, въ сумкѣ, которая была надѣта у мальчишки черезъ плечо, лежалъ конвертъ, съ припечатаннымъ къ нему гусинымъ перомъ. Это еще болѣе заставляло мальчишку гнать лошадей, и вслѣдствіе этой гоньбы сломя голову деревенскіе обыватели скоро увидали передъ собой городъ.

Чиновникъ, назначенный для поѣздки на саранчу, торопился не менѣе мужика, потому что и у него въ бумагѣ было «*немедленно*». Онъ наскоро завернулъ къ обѣднѣ,—и то къ самому выходу,—положилъ два-три земныхъ поклона и вмѣстѣ съ прочими богомольцами направился къ выходу.

— Прощайте, Петръ Прокофьевичъ, — говорилъ чиновникъ:—ѣду!

— Куда это?

— На саранчу.

— Надолго?

— Да какъ вамъ сказать? Недѣли на двѣ...

— Гм. На двѣ! А что я хотѣлъ васъ попросить: возьмите моего Костю?

— Извольте,—отчего-же-съ.

— Право! Мальчишка онъ любопытный. Это ему будетъ очень занимательно.

— Извольте. Такъ вы ужъ собирайте Костю-то... Я заѣду... часа въ два...

— Ладно.

Въ двумъ часамъ Костя былъ совершенно готовъ; но чиновникъ не являлся: ему нужно было зайти проститься въ два-три дома, ибо и у него тоже были царицы его сердца и проч.

— Прощайте, Марья Васильевна...—говорилъ чиновникъ.

— Пишите!—говорила плаксиво барышня.

— О! Я буду писать... каждое мгновенье... каждую минуту. Но будете ли вы помнить обо мнѣ?

— Несносный!—сказала барышня: — для чего ты еще мучишь меня!..

— О, женщины!—хвативъ ладонью по лбу, заключилъ чиновникъ.

Чиновникъ былъ растроганъ. Въ эту минуту онъ понималъ, что «Ѣхалъ казакъ за Дунай» и «Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою»—вещи вовсе не достойныя посмѣянія. Часа въ четыре онъ былъ дома.

Онъ поспѣшно принялся ѣсть и во время ѣды погонялъ всѣхъ и вся, чтобы торопились укладывать въ тарантасъ разные погребцы и проч. Часамъ къ шести все это было готово. Чиновникъ былъ въ легкомъ бѣломъ пальто, на пуговицѣ котораго болтался кисетъ съ табакомъ...

Этимъ однако еще не вполнѣ обезпечивался выѣздъ изъ города. Нужно было заѣхать за Костей, который въ это время былъ совершенно готовъ, постоянно толкался на крыльцѣ, постоянно выбѣгалъ на уголъ, чтобы посмотрѣть: «не ѣдутъ ли?». Отецъ Кости спалъ, и когда наконецъ въ седьмомъ часу подъѣхалъ тарантасъ, Костя опрометью бросился будить его.

— Что̀?

— Пріѣхали!

Пока отецъ вставалъ, чировникъ ходилъ по залѣ, поправляя виски. Наконецъ хозяинъ вышелъ.

— А! Готовы... Я сейчасъ: надо на дорожку посошокъ...—произнесъ онъ и скрылся опять.

— Ѳедоръ,—поспѣшно и шопотомъ говорилъ онъ кучеру въ сѣняхъ:—бѣги,—бутылку донского... Проворнѣй!..

— Да зачѣмъ это вы, право?—во всю глотку оралъ въ залѣ чиновникъ, желая, чтобы его услышали.

— Живѣй, живѣй!

Принесена была бутылка, черезъ часъ другая, черезъ полчаса—графинъ водки.

— Я все дѣлаю, я страдаю, я мучусь...—говорилъ одинъ изъ подгулявшихъ чиновниковъ.

— За что они меня тиранятъ? Я руку вывихнулъ на слѣдствіи—этого мало?

Чиновники говорили такими жалкими голосами, что у непривычнаго человѣка сердце разорвалось бы на части.

— Скоро ли?—твердилъ Костя.

— Счасъ, счасъ! — нетвердо владѣя языкомъ, говорилъ чиновникъ.

— Лошади готовы... устали.

— Счасъ, милушка... Иди сюда... — Чиновникъ хваталъ Костю за шею, тащилъ къ себѣ и потомъ цѣловалъ мокрыми и слизистыми губами, такъ что Костя послѣ поцѣлуя принужденъ былъ обтирать ротъ рукавомъ.

А у тарантаса въ это время происходили такія сцены: няньки вытащили ребятъ, сажали ихъ на подушки, при чемъ, держа подъ мышки, заставляли слегка подскакивать, приговаривая:

— Вотъ поѣхали... вотъ поѣхали...

Дѣти захлебывались отъ радости.

— Меня... меня...—пищала дѣвочка, протягивая съ тротуара руки.

— Погоди, и тебя... Ты сколько ѣхала, Ванечку только посадили,—опять тебя?.. Ишь завидущіе глаза... — строго сказала нянька.

Дѣвочка поднесла къ глазамъ кулаки и залилась, а за ней заревѣли и всѣ ребятишки.

Нянька разставила руки, присѣла и сказала:

— Слава Богу!.. Дождались! Вотъ папенька услышитъ, онъ васъ... плаксы... высѣкутъ какъ...

— Что̀ такое? Кто? Передеру всѣхъ!..—раздался голосъ папеньки, высунувшагося въ окно.

Ребятишки утихли...

Часовъ въ десять вечера наконецъ усѣлись всѣ.

— Ты ѣлъ? — отъ-нечего-дѣлать спросилъ мальчишку чиновникъ, весь налившись какъ ракъ и съ трудомъ вползая со дна тарантаса на подушку.

— Никакъ нѣтъ...

— Трогай!

Уѣхали. Выѣхавъ въ поле, чиновникъ сразу почувствовалъ потребность спасать отечество: именно въ это время съ особенною настойчивостью шумѣла у него фраза: «немедленно», и онъ съ особенною ревностью кричалъ: «пошелъ!», но препятствія попадались попрежнему на каждомъ шагу. Только-что они отъѣхали нѣсколько верстъ отъ города и проѣзжали по срединѣ небольшого подгороднаго сельца, какъ на дорогѣ попался здѣшній священникъ: тары да бары— начались разговоры.

— А то чашечку чайку выпьемъ?—сказалъ священникъ.

— Развѣ одну...—согласился чиновникъ.

Заѣхали. Выпили и чайку и водочки и, стало-быть, разговорились еще душевнѣе. Прощанье совершалось долго; сначала прощались въ залѣ, потомъ въ передней, потомъ на крыльцѣ — и вездѣ, по крайней мѣрѣ, по часу. Наконецъ-таки тронулись. А между тѣмъ ночь была безлунная, и тьма кругомъ царствовала кромѣшная. Тарантасъ подвигался медленно; истомленныя дневнымъ стояніемъ на жарѣ, лошади плохо двигались впередъ, колеса иногда не попадали въ колею, и тарантасъ ѣхалъ бокомъ, — чиновникъ злился.

Наконецъ дорога уперлась въ какую-то лужу непроходимую. Чиновникъ вылѣзъ и приказалъ ямщику проѣхать съ пустымъ тарантасомъ, чтобъ не утонуть неравно. Тарантасъ зашумѣлъ колесами и скрылся во тьмѣ: слышалось только хлясканье, и наконецъ лошади вернулись—переѣхали. До сборни, гдѣ должно было перемѣнить лошадей, было всего верстъ пять, и эти пять верстъ ѣхали наши путники, по крайней мѣрѣ, пять же часовъ; наконецъ въѣхали-таки въ село. Тишина была мертвая, спали даже собаки и не лаяли по этому случаю. На улицахъ, чернѣвшихъ плетнями и непроходимою раскислою грязью отъ вчерашняго дождя, царствовала топь. Наконецъ добрались до сборни. Ямщикъ слѣзъ и принялся ногой дубасить въ дверь. Послышался какой-то глухой голосъ, и на дворѣ залаяли собаки. Ямщикъ продолжалъ колотить; наконецъ во тьмѣ вытянулась какая-то длинная фигура въ бѣлой рубашкѣ.

— Ты десятскій?

— Такъ точно, десятскій.

— Проведи къ батюшкѣ.

Десятскій безъ шапки забрался на козлы. Въ домѣ батюшки всѣ спали, и удары десятскаго въ ворота не получили никакого отвѣта, только собаки страшными басами голосили на весь дворъ.

— Ахъ, собаки страшныя!—сказалъ десятскій.

— Толкуй!—оборвалъ его чиновникъ.

Десятскій, видя, что безъ особенныхъ стараній горю не пособишь, сталъ одной ногой на оглоблю, потомъ взобрался на дугу, съ дуги на ворота, перелѣзъ черезъ верхъ, и съ улицы было слышно, какъ въ топкую грязь плюхнули его лапти.

Скоро пріѣздъ чиновника всполошилъ весь дворъ. Священникъ былъ очень радъ гостямъ, бѣгалъ, суетился, то-

ропилъ съ самоваромъ и проч. Между разными разговорами шли толки о саранчѣ.

— Что̀, не слыхали ли про Лемеши чего?—спрашивалъ чиновникъ.

— Какъ не слыхать!

— Что̀ же?

— Да тамъ какую-то новую штуку изобрѣли.

— Какую же?

— А что-то такое въ родѣ колотушки. Баринъ нашъ нарочно ѣздилъ—въ случаѣ, чего Боже сохрани, вдругъ у насъ то же несчастіе, такъ чтобы какъ-нибудь запастись преждевременно мѣрами-то...

— Да-да... Ну, такъ какая же колотушка-то?

— А видите ли: это палка такая, а на концѣ ея доска, такъ что палка-то втыкается въ средину доски, и съ этимъ орудіемъ мужикъ долженъ ходить за саранчей: какъ увидитъ ея гдѣ кучу,—такъ и долженъ прихлопнуть на мѣстѣ.

Но, сообщивъ это, священникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщилъ нѣкоторыя мнѣнія старожиловъ по этому поводу: во-первыхъ, говорилъ онъ, колотушка эта неудобна потому, что она не раздавитъ, а только вдавитъ насѣкомое въ землю, послѣ чего оно всегда можетъ выбраться оттуда и путешествовать дальше, а во-вторыхъ, потому неудобенъ выше изображенный снарядъ, что саранча боится всякаго шороха и ваши шаги слышитъ Богъ знаетъ за сколько разстоянія,—слѣдовательно вамъ никогда не придется догнать ее, потому что о своемъ приближеніи вы напомните шуршаньемъ ногъ въ колосьяхъ и проч.

Разговоры эти тянулись долго за полночь, и поэтому на другой день чиновникъ проснулся очень поздно. Начались закуски, проводы, и въ путь можно было двинуться только въ два часа. Черезъ два дня послѣ такихъ путешествій, поминутно прерывавшихся разными посѣщеніями помѣщиковъ и пр., путники наши кое-какъ добрались до Лемешей. День былъ жаркій, и въ деревнѣ не было ни одной души. Словно вымеръ или ушелъ куда-нибудь весь народъ,—даже на улицахъ не было замѣтно ничьихъ слѣдовъ; вѣтеръ, слегка подувавшій по временамъ, замелъ пескомъ колеи отъ проѣхавшихъ колесъ и слѣды прохожихъ.

Чиновникъ пробрался въ сборню; заглянулъ въ одну половину—пусто, заглянулъ въ другую — на лавкѣ сидѣла старуха, положивъ на колѣна руку, завернутую во множество разныхъ тряпокъ.

— Гдѣ десятскій?

— Нѣту, милый, десятскаго.

— Какъ нѣту?

— На сарану всѣ пошли... сарану бить...

— Все-таки кто-нибудь изъ мужиковъ есть?

— Никого нѣту... Сыну маму очередь нонѣ... Ну только всѣ они пошли на сарану, я за сына сѣла караулить.

— Кого-жъ ты караулишь?

— Богъ е знаетъ...

Чиновникъ приказалъ ѣхать въ поле. Нѣсколько времени на дорогѣ не попадалось ни одного живого существа; наконецъ вдали изо ржи показалась одна голова, потомъ скоро выглянулъ цѣлый рядъ мужчинъ и женщинъ. Всѣ они стояли длинной шеренгой, всѣ были вооружены метлами, которыми слегка шумѣли по ржи, осторожно подвигаясь впередъ и по уходѣ оставляя нѣсколько пригнутые къ землѣ колосья.

При видѣ чиновника всякій говоръ замолкъ. Одинъ изъ мужиковъ, командовавшихъ дѣломъ, первый снялъ шапку,— то былъ писарь.

— Что̀, братцы, какъ?—спросилъ чиновникъ.

— Теперь, слава Богу, благополучно.

— Какъ?

— Гонимъ... Бѣжитъ очень шибко, потому шуму боится... Вотъ теперь извольте пройти впередъ — долго не увидите ея... Очень далеко ушла...

— Куда же вы гоните ее?

— А въ Махровскій уѣздъ, — тутъ въ двухъ верстахъ граница,—къ вечеру, поди, выгонимъ всю...

— И тоже въ рожь?

— Тоже... что̀ дѣлать-то...

— Что̀-же-съ... пущай...

Чиновникъ былъ озадаченъ: спасать себя вѣрной гибелью другихъ—было не слишкомъ добросовѣстнымъ дѣломъ,— тѣмъ болѣе, что уѣздъ Махровскій былъ одной и той же губерніи. Дѣло неладное.

— Какъ же тамъ-то?

— А тамъ какъ знаютъ... Мы донесемъ, что ушла... Бываютъ такіе случаи—уходитъ.

Чиновникъ думалъ-думалъ и со вздохомъ пришелъ къ тому заключенію, что донести со словъ писаря можно, и что въ этомъ случаѣ отъ начальства за быстроту дѣйствій перепадетъ что-нибудь въ родѣ признательности...

— Ну, какъ знаете...—проговорилъ онъ и тронулся назадъ въ село.

Къ вечеру лемешевцы начали подвигаться къ границѣ Махровскаго уѣзда. Отъ ходьбы и усталости нѣкоторые останавливались и пили воду изъ круглыхъ кувшиновъ съ узенькимъ отверстіемъ, другіе затягивали пѣсни, говоръ слышался веселѣе и шумнѣе, и когда вся саранча дѣйствительно перебѣжала за границу,—пѣсни загуляли на селѣ цѣлую ночь; народъ былъ счастливъ, къ начальству неслось донесеніе съ извѣстіями о разныхъ усиленныхъ мѣрахъ и проч. Отслуженъ былъ еще одинъ молебенъ, и насталъ покой.

Но покой этотъ продолжался недолго: въ одно утро лемешевцы увидали опять саранчу, увеличившуюся въ страшныхъ размѣрахъ; чернымъ покровомъ покрывала она всю рожь, всю дорогу и даже соломенныя крыши домовъ. Ея было такое множество, что, когда пробовали пугать ее шумомъ, убѣгавшая шеренга принуждена была шествовать по головамъ своихъ братій,—такая была тѣснота. Произошло это самымъ простымъ образомъ. Жители Акуловой, небольшой деревеньки Махровскаго уѣзда, надѣленные саранчей изъ сосѣдней губерніи, приняли тѣ же мѣры, что и лемешевцы, т.-е. точно такъ же озаботились только перегонкою въ другое мѣсто, и въ то время, когда лемешевцы заливались горючими слезами, махровскія власти слали въ палату бумагу объ усиленныхъ мѣрахъ и служили молебенъ.

Черезъ нѣсколько времени не было видно ни одного колоса: саранча съѣла все, положила яйца и черной непроглядной тучей поднялась съ своей опустошенной квартиры. Густота поднявшейся тучи была такъ велика, что солнечные лучи не проникали черезъ нее. На народъ напалъ ужасъ и паническій страхъ—ждали послѣдняго дня.

Послѣ лютой и голодной зимы настало голодное лѣто. Саранча отроилась во множествѣ и размножилась на цѣлые уѣзды. Изъ палаты отнеслись въ гимназію за совѣтами у ученаго міра насчетъ избавленія отъ бѣды. Учитель естественной исторіи написалъ записку и рѣшилъ, что крестьяне должны принимать мѣры къ разведенію какихъ-то еще другихъ насѣкомыхъ, которыя должны были ѣсть не рожь, а саранчу. Успѣхъ былъ бы несомнѣннымъ не ранѣе какъ по истеченіи 300 лѣтъ. Но помощь нужна была теперь, въ эту минуту. Ея не было, и понятно, что насталъ голодъ,—весь запасъ хлѣбныхъ магазиновъ былъ истощенъ въ прошлую зиму.

И пошли по міру толпы побирушекъ. Городъ за городомъ, деревня за деревней, дальше да больше, какъ говорятъ мужички,—и добрались до Питера.

Въ другой разъ я разскажу судьбу этихъ деревенскихъ побирушекъ въ столицѣ—исторію, основанную на положительныхъ фактахъ, а въ настоящее время только прибавлю, что простой крестьянскій умъ въ послѣднее время изобрѣлъ оборону противъ саранчи, выкапывая на границахъ своей и чужой ржи—канавы, шумомъ и шорохомъ сгонялъ туда врага своего и засыпалъ землею, придавливая ее потомъ ногами.

Скандалъ.

Обыкновенная исторія.

(Посв. А. Ѳ. Остроградскому).

«Онъ тиранъ-тиранъ, воръ-мальчишка!»
Народн. пѣсня.

I.

Въ адресномъ столѣ толпился народъ, подымая кверху и высовывая черезъ загородку свои руки съ бумажками; дверь постоянно скрипѣла, впуская новыхъ посѣтителей, и повсюду слышался говоръ и выкрики фамилій.

— Марія Рогге,—говорилъ румяный господинъ лѣтъ сорока, протягивая чиновнику бумажку съ именемъ и фамиліею.

— Кто она такая?

— Дѣвица-съ...

— Изъ какихъ? Благородная?

— Нѣтъ-съ, она изъ этихъ...—При этомъ господинъ показываетъ пальцемъ черезъ плечо. — Не то что изъ благородныхъ, а изъ Курляндіи.

Чиновникъ уходитъ, понимая, кто такая эта Марія и изъ *какихъ* она,—тѣмъ болѣе, что въ концѣ своей рѣчи румяный господинъ прищурилъ правый глазъ и, чтобы это могъ видѣть чиновникъ, указывалъ по направленію къ своему глазу пальцемъ.

Скоро румяный господинъ выходитъ съ адресомъ Маріи Рогге, качаетъ головой, убѣдившись въ печальномъ мѣстопребываніи ея, и въ самыхъ дверяхъ говоритъ: «Бѣдная!».

— Пойми ты! — толкуетъ чиновникъ какой-то бабѣ:—

здѣсь адресы узнаютъ: кто гдѣ живетъ, — а ты алтейнаго корню просишь...

— Да куда-жъ мнѣ дѣться-то, коли барыня гонитъ: бѣги да бѣги... я и такъ съ кругу смоталась, куды еще бѣжать... Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте милость — хоть маленькій кусочекъ...

Чиновникъ оставляетъ бабу безъ отвѣта, понимая твердо, что она женщина безнадежная относительно какихъ-либо убѣжденій. Баба остается при своемъ и не идетъ никуда.

— Кто онъ такой?—спрашиваетъ чиновникъ какого-то старенькаго лавочника въ бѣломъ фартукѣ.

— Да Господь его разберетъ.

— Нельзя отыскать,—узнай имя, отчество и фамилію,— тогда и приходи.

— Ужъ сдѣлайте милость, ваше благородіе, поищите въ книжкѣ, я вамъ примѣты скажу: первое рыжій, и палочку носитъ съ обезьянкой на кончикѣ.

Слышится общій смѣхъ.

— Гавриловъ! Кто Гаврилова спрашиваетъ? — говорилъ чиновникъ, осматривая толпу.

— Мнѣ-съ... я-съ... — робко произноситъ молодая женщина подъ вуалью.

— Не значится...

— Какъ же это?..

— Такъ и не значится. Еще въ прошломъ году отбылъ за городъ...

Чиновникъ ищетъ и спрашиваетъ другихъ, женщина стоитъ, потупившись, и рѣшается уходить.

— Вамъ не Семена ли Петровича?..—раздается вдругъ надъ ея ухомъ.

Женщина оборачивается: предложившій этотъ вопросъ былъ купецъ съ щетинистою подстриженною бородою, рѣзкимъ голосомъ, рыжими волосами и въ синей чуйкѣ.

— Ихъ-съ...

— Это который въ судѣ служитъ?

— Въ судѣ-съ... — волнуясь и радуясь, произноситъ женщина.

— Ну, такъ я ихъ оченно хорошо знаю-съ...

— Ради Бога скажите—гдѣ онъ?..

— А вамъ это очень нужно?..

— Очень!.. очень...

— Да,—сказалъ купецъ, водя глазами по фигурѣ не-

извѣстной женщины. — Извольте-съ... Я вамъ это сказать могу... Пожалуйте на калидоръ...

Они вышли на лѣстницу.

— Извольте-съ,—повторилъ купецъ: — я вамъ это сдѣлаю удовольствіе... надо-быть, человѣкъ онъ теперича для васъ очень дорогъ, ну и для меня тоже не безъ того,— такъ ужъ я бы хотѣлъ вамъ еще одно словечко сказать.

— Что̀ хотите...

— Для чего такого этотъ господинъ Гавриловъ такъ вамъ надобенъ?..

Женщина не находила, что̀ сказать...

— Вы, барышня, не сумлѣвайтесь, — продолжалъ купецъ:—мы сами тоже люди, мы васъ не выдадимъ, а собственно хочется мнѣ знать про господина Гаврилова правду какъ есть, потому чувствую я, что они противъ васъ фальшь сдѣлали...

Женщина поняла, куда бьетъ купецъ, но попрежнему находилась въ нерѣшительности.

— Вотъ что̀, барышня, — проговорилъ купецъ скороговоркою:—мѣсто тутъ также неудобное,—не побрезгайте съ нами тутъ черезъ дорогу въ трактиръ на часокъ...

— Ахъ, нѣтъ... нѣтъ...

— Да что̀ вы-съ! Мы номерочекъ возьмемъ. Самымъ тихимъ манеромъ, никто даже глазомъ не глянетъ... Вы платочкомъ закроете личико, никто и не увидитъ-съ. Право... Пожалуйте!

— Нѣтъ, право...

— Господь съ вами, барышня! Насъ, что ли, опасаетесь? Не такіе люди,—не обидимъ-съ... Ежели чуть что̀— вольны закричать во всю глотку—люди сбѣгутся, отымутъ. Мнѣ же достанется... А про господина Гаврилова очень бы любознательно разузнать... по той причинѣ и для васъ, можетъ-быть, это пользительно...

— Право?

— Передъ Богомъ-съ... Пожалуйте-съ...

Женщина подумала съ минуту и, сказавъ: «Пойдемте»,— сама пошла впередъ.

— Вотъ это настоящее дѣло-съ.

Черезъ нѣсколько времени они сидѣли въ одномъ изъ номеровъ гостиницы «Новый Свѣтъ». Лакей принесъ чай на подносѣ, и пока съ нимъ говорилъ купецъ, женщина смотрѣла въ окно, не желая показывать своего лица.

— Такъ что̀ же, барышня, вѣрно я это сказалъ про

господина Гаврилова-то?.. насчетъ того, что они супроти васъ сфальшивили...

Женщина помолчала и произнесла:

— Да!..

— Вотъ такъ и есть-съ! Да вы слезки-то оботрите... Потому, голову на отсѣченье даю, если мы этого дѣла не поправимъ... Только вы намъ все подробно объ этомъ представьте... Потому нельзя...

— Хорошо, я вамъ разскажу...—произнесла рѣшительно женщина.—Слушайте... Мы пріѣзжіе... Тятеньку перевели сюда на службу,—мы и пріѣхали: я, сестра, мать и отецъ. Маменька померла, вотъ ужъ третій годъ пошелъ, царство ей небесное, и сестра померла родами... Сестра-то прежде матери померла... Остался зять, началъ съ горя пить... тятенька съ нимъ за компанію... конечно, я про тятеньку ничего дурного сказать не могу: они мнѣ всегда добра желали... Вотъ тутъ это Семенъ Петровичъ и повадился... съ самыхъ материныхъ похоронъ: зять его привелъ... Даже на похоронахъ онъ былъ, помогалъ много намъ: ѣздилъ за пѣвчими, нанималъ могилу рыть,—и всѣ мы его полюбили очень... Ну только все онъ къ намъ послѣ того ходилъ. Зять съ тятенькой старое вспоминаютъ, я съ Семеномъ Петровичемъ... Такъ онъ въ то время мнѣ очень понравился,—все по моему желанію дѣлалъ: стану я тятеньку унимать, говорю:—«Тятенька, что̀ вы все водочки да водочки; неужели у васъ никакой грусти объ маменькѣ нѣту?..» И Семенъ Петровичъ тоже: — «Ахъ, скажетъ, Прохоръ Алексѣевичъ, человѣкъ вы преклонный... этакъ вредно очень часто-то...» И тятенька его слушался... Меня они не слушались, — точь-въ-точь, говоритъ, мать, — цѣлый день зудитъ: «что̀ ты тянешь, что̀ ты тянешь». А Семену Петровичу всегда по желанію потрафляли... И такъ мы къ нему привыкли, что который день не бываетъ,—сейчасъ всѣмъ скучно и по цѣлому дому разстройство. Одѣвались они, Семенъ-то Петровичъ, чисто, — и изъ обращенія были деликатны, такъ что я, если по совѣсти говорить, совершенно ихъ полюбила, хотя объ этомъ никакого имъ знаку не давала... Но, напротивъ того, они сами мнѣ сдѣлали предложеніе... Однажды вечеромъ, сидимъ такъ-то мы, разговариваемъ (жили мы на Пескахъ), сидимъ, разговариваемъ,— тятенька съ зятемъ, я съ Семеномъ Петровичемъ, всякую всячину пересыпаемъ, онъ вдругъ остановился и говоритъ:

«— Авдотья, говоритъ, Прохоровна, я, говоритъ, при-

бавку къ жалованью получилъ... Теперича, говоритъ, я тридцать восемь рублей слишкомъ получаю въ мѣсяцъ, такъ что даже, по нуждамъ моимъ и по моей аккуратности, остача большая отъ этихъ денегъ есть... — Ну, я порадовалась... А Семенъ Петровичъ все говоритъ.—Ежели бы, говоритъ, и двоимъ душамъ на эти деньги жить, то очень можно безъ нужды. Авдотья Прохоровна! можете ли вы понять, къ чему я про это разговоръ завелъ...

«Я совершенно понимаю его намѣреніе, но какъ была я дѣвушкой, то, конечно, говорю, что рѣшительно никакого понятія не имѣю объ его разговорахъ.—«Очень, говоритъ, это обидно. Неужели-жъ мы, столько времени другъ друга знавши, не могли постигнуть, въ чемъ заключается интересъ?»

«И замолчалъ, смотритъ на меня. Въ то время я вошла въ краску, — и щеки и все горитъ, — нравился онъ мнѣ очень, не могу этого скрывать, — но совершенно въ это время потерявши разсудокъ была и только чувствовала, что мнѣ очень стыдно... Началъ тутъ онъ цѣловать у меня руки и говоритъ:—«Позвольте, я тятенькѣ скажу объ вашемъ согласіи?..» Я, не помня себя, говорю:—«Скажите!..» Тятенька, услыхавши это, очень обрадовались, послали за виномъ и гуляли до бѣлаго свѣта; мы съ Семеномъ Петровичемъ все цѣловались, потому были въ то время женихъ и невѣста,— а въ эту пору совершенно не стыдно и никакого запрещенія на любовь нѣту,—тѣмъ болѣе, что въ Семенѣ Петровичѣ всѣ были очень увѣрены. Ну, съ этихъ поръ Семенъ Петровичъ сталъ у насъ совершенно какъ хозяинъ,—днюетъ и ночуетъ; чувствую я въ это время, что промежду насъ можетъ случиться нехорошее дѣло, потому что какъ Семенъ Петровичъ у насъ, ежели случится, ночуетъ, то я себя не помню и цѣлую ночь не сплю... Стала я его просить не ночевать у насъ... уважилъ онъ и въ этомъ желаніи. Въ скоромъ времени насъ обручили, и я послѣ этого уже совершенно нисколько въ Семенѣ Петровичѣ не сомнѣвалась, даже однажды была у него на квартирѣ, на Знаменской улицѣ; квартирка у него была прекрасная: чисто, убрано, все на мѣстѣ,—очень она пришлась мнѣ по вкусу, такъ что даже я еще ее прибирала и сама стерла съ подоконниковъ воду.

«Но чтобы промежду насъ въ это время было непристойное—это никакъ не могу сказать. Только что больше и больше привыкала къ Семену Петровичу и не знала, какъ

бы поскорѣе дождаться, когда исполнится маменькѣ годъ послѣ смерти. Въ то время мы другъ дружкѣ говорили «ты».

«Однажды приходитъ онъ къ намъ — перваго мая, какъ теперь помню, дѣло было—и говоритъ:—«Дуня! я хочу тебя на гулянье въ Екатерингофъ свозить... хочешь?» Я говорю: «хочу».—«Ну поѣдемъ. Одѣвайся». Одѣлась я, — поѣхали. Долго ли коротко ли гуляли тамъ—только чувствую я усталость, говорю:—«Сеня! устала».—«Пойдемъ въ гостиницу, говоритъ, отдохнемъ...»—«Да, можетъ, тамъ народъ?»—«Что̀ за важность! мы въ особенную комнату. Не хочешь ли, говоритъ, шеколаду чашечку?» Я выпила, чувствую—щеки разгорѣлись, и Семенъ Петровичъ, кромѣ того, цѣлуетъ еще, и еще пуще дѣлаетъ безпокойство, такъ что я, совершенно забывшись, не помню, какъ что̀ случилось, только и помнится мнѣ, будто хотѣла я закричать, но Семенъ Петровичъ говоритъ:—«Цсс... тутъ люди». Послѣ этого я грустила, но онъ утѣшалъ меня и говорилъ:—«Чего-жъ тутъ бояться? развѣ я убѣгу?.. Рано ли поздно ли,—все равно». Подумала я — совершенно правильно говоритъ онъ, и потомъ не одинъ разъ ходила къ нему на квартиру... Такъ прошло у насъ съ мѣсяцъ мѣста. Иду разъ къ нему, звоню, — говорятъ: «съѣхалъ».—«Куда?» — «Не знаемъ». Тутъ я испугалась и вошла въ сомнѣніе объ немъ. Цѣлую ночь не могла заснуть. Думаю: придетъ завтра—разспрошу и разузнаю все. Но онъ не пришелъ. Плачу я, рыдаю, ломаю свои руки, волоса рву,—жду его... Проходитъ двѣ недѣли—ни слуху ни духу... Я открылась во всемъ этомъ тятенькѣ; начали его ругать нехорошими словами и посовѣтовали сходить въ судъ и тамъ разузнать, гдѣ онъ живетъ; тамъ вѣрно-то должны знать. Пошла я въ судъ. Какъ это было мнѣ противно! Можетъ, еще всю жизнь я не видала такой муки, какъ въ этотъ разъ! Всѣ будто на улицѣ-то смотрятъ на меня одну, указываютъ пальцами, называютъ дурой набитой и насмѣхаются, и кажется мнѣ, что хуже меня во всемъ свѣтѣ нѣтъ; всѣ женщины, какія встрѣчались мнѣ,—всѣ будто были честныя и не такія, какъ я. Плакать я въ то время не могла, но въ горлѣ совершенно какъ комокъ какой катался и въ вискахъ ломило ужасно. Прихожу я въ судъ, спрашиваю у сторожей, у чиновниковъ,—всѣ смѣются надо мною, собрались вокругъ меня кучей, хохочутъ, присѣдаютъ и не хотятъ сказать, гдѣ Семенъ Петровичъ. Подъ конецъ одинъ старичокъ подошелъ тутъ и говоритъ:—«Что̀ вы ее мучите, бѣдную! мошенники!»

Оборотился ко мнѣ, говоритъ:—«Гавриловъ въ отпускѣ, въ городѣ Саратовѣ, поѣхалъ на четыре мѣсяца...» Совершенно какъ убилъ онъ меня этими словами. Еле дотащилась я до дому и, не помня себя, плакала до тѣхъ поръ, пока уже не осталось ни капельки слезъ...»

— Ловокъ!—сказалъ, негодуя, купецъ, наливая чашку.— Ну, потомъ что же?

— Послѣ того я совершенно прокляла всѣхъ мужчинъ... Но никакъ не могла забыть Семена Петровича и, бывало, по вечерамъ, сама не знаю—зачѣмъ, ходила цѣлые часы около его квартиры. Сначала въ окнахъ было темно, никто еще не нанималъ его комнаты, а потомъ, когда я снова увидѣла, что тамъ горитъ огонь, показалось мнѣ, что тамъ непремѣнно живетъ Семенъ Петровичъ; стало мнѣ втрое грустнѣе, тоска совершенно измучила меня, и я не одинъ разъ хотѣла утопиться; одинъ разъ меня остановилъ будочникъ и привелъ домой... Съ тѣхъ поръ начали за мной глядѣть во всѣ глаза: тятенька и зять собрались писать просьбу на него въ палату, но я умолила ихъ.—«Я изъ-за одного сраму тысячу рублей не возьму». И сказала имъ, что если они сдѣлаютъ это, то я утоплюсь, хоша во сто глазъ за мной смотри,—но ужъ я свое дѣло сдѣлаю... И я дѣйствительно хотѣла утопиться... Жалко мнѣ было только ребенка.—«Онъ за что погибнетъ? Онъ ни въ чемъ не виноватъ!» Тятенька и зять увидали, что отъ меня все можетъ статься, потому что я въ то время была совершенно потерявши всякій разсудокъ, и поэтому они отдумали жалобу подавать на Семена Петровича. Я же все время плакала, ничего не могла дѣлать, черезъ это упускала работу въ магазинахъ, и вошли мы въ крайнюю бѣдность, такъ что отовсюду начали насъ притѣснять,—а на тятенькину пенсію—десять рублей—жить не было никакой возможности. Видѣла я все это и, скрѣпя сердце, снова взялась за работу. Прошло четыре мѣсяца, сходила я въ судъ опять узнать, говорятъ — заболѣлъ и написалъ изъ Саратова просьбу объ отсрочкѣ: сказали, что развѣ мѣсяца черезъ два будетъ въ Петербургѣ... Опротивѣло мнѣ все это, и я старалась всѣми мѣрами забыть его низкій поступокъ. Такъ прошло очень много времени. Никакого извѣстія объ немъ ниоткуда я не имѣла и вотъ теперь только черезъ знакомыхъ прослышала, что они здѣсь. Страсть какъ мнѣ хотѣлось бы увидѣть ихъ,—можетъ, они, ежели въ достаткѣ живутъ, хоть что-нибудь на ребенка...

не дадутъ ли... А объ супружествѣ я... и не могу сказать... Такъ если вы знаете, — обратилась женщина къ купцу:—ради Бога, скажите ему, что я только хочу его видѣть, скажу ему два-три слова и больше ничего...

— Это можно-съ... Это дѣло, барышня, мы поправимъ безпремѣнно... Только вы будьте умны... а теперича позвольте узнать ваше мѣстожительство.

— Я живу тамъ же, на Пескахъ, въ домѣ Трофимова.

Женщина разсказала подробно свой адресъ.

Купецъ записалъ его какими-то каракулями въ своемъ раздутомъ бумажникѣ, безпрестанно тыкая карандашомъ въ языкъ...

— Зачѣмъ это вамъ?..

— Это наше дѣло-съ... Будьте благонадежны... Не бойтесь, барышня, ничего... Не предадимъ васъ... Не Іуды... А теперича вотъ малость мелочишки на извозчика пожалуйте, возьмите... будемъ у васъ—отдадите...

Женщина была разстроена, и поэтому понятно, почему она слишкомъ довѣрчиво относилась къ купцу и, не раздумывая, взяла отъ него деньги.

II.

Кузьма Дмитріевичъ Кочетовъ, возвращаясь изъ «Новаго Свѣта» домой, въ Коломну, находился въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, потому что встрѣча съ такой женщиной, какъ Авдотья Прохоровна Чайкина, сразу открыла ему выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое поставили его предшествовавшія обстоятельства, мѣшавшія большой разживѣ. Эта же радость при видѣ пути, выводящаго изъ лабиринта, невольно припомнила ему всѣ длинные, трудные пути, которые пришлось пройти съ дѣтства, чтобы теперь такъ настойчиво бороться за счастіе. Вспомнилось ему время, когда его привезли изъ Калуги въ Петербургъ еще мальчикомъ и поселили въ приказчицкой у купца Шаповалова. Приказчицкая была длинная, низкая и широкая комната, помѣщавшаяся въ нижнемъ этажѣ каменнаго дома и выглядывавшая на улицу продолговатыми оконцами въ полъ-аршина вышины. Стѣны, сырыя и покрытыя снизу зеленою плѣсенью, покрывались нѣсколько разъ въ годъ, особенно предъ праздниками—Святой и Рождествомъ, новою краскою, которая причиняла еще больше сырости и гнили. По стѣнамъ этой казармы лѣпились приказчицкія койки, отличавшіяся крайнею нечистоплотностью;

ихъ никогда не перестилали, усталые приказчики и сидѣльцы валялись на нихъ съ грязными ногами,—и это еще больше наполняло атмосферу всевозможными міазмами; ко всему этому необходимо присоединить клубы дыма, наполнявшіе словно тучами комнату по вечерамъ, когда возвращался народъ изъ лавокъ и пилъ чай.

Въ такой-то обстановкѣ поселили Кузьму или Кузьку, какъ его называли тогда. Кругъ дѣятельности въ это время у Кузьмы былъ невеликъ; въ лавкѣ ему приходилось только поливать изъ насоса полъ, отворять двери и, толкаясь по галлереѣ между покупателями, закликать ихъ на разные лады: «Господдинъ, пажжалуйте! Мамзель, что̀ же вы-съ?» и проч. Дома, т.-е. въ приказчицкой, все дѣло его заключалось въ томъ, чтобы подавать самоваръ, разъ 20 въ вечеръ доливать его, бѣгать въ портерныя и полпивныя и тащить подъ полою значительное количество питій; при этомъ требовалась аккуратность, ловкость скрыть контрабанду отъ зоркихъ глазъ *самого*, дабы, въ противномъ случаѣ, не нарваться на потасовку, какъ, во-первыхъ, отъ *самого*—зачѣмъ носишь,—такъ, во-вторыхъ, и отъ пославшихъ его приказчиковъ—зачѣмъ слюни распустилъ, не доглядѣлъ. Если къ этимъ работамъ упомянуть еще объ обязанности Кузьмы по субботамъ парить, вытирать и окачивать въ банѣ всѣхъ членовъ мужского пола, проживавшихъ въ томъ домѣ,—то мы получимъ полную программу дѣятельности Кузьки въ эту пору. Дѣла, собственно говоря, немного, а между прочимъ Кузьма Дмитріевичъ Кочетовъ равнодушно не можетъ вспомнить этого времени: у него не было въ эту пору минутки, когда бы онъ могъ свободно дохнуть: ему приходилось или мучиться нравственными оскорбленіями, или испытывать физическую боль вслѣдствіе нескончаемыхъ подзатыльниковъ, которыми считали необходимымъ надѣлять его приказчики и вообще всѣ, кому Кузьма имѣлъ несчастіе подвернуться подъ руки. Въ такихъ занятіяхъ тянулось много годовъ. Кузька, не обиженный отъ природы умомъ, вовсе не желалъ оставаться не только въ должности мальчишки, съ самой слабой профессіей получать треухи, но и въ должности приказчиковъ, жизнь которыхъ совершалась на его глазахъ. Совсѣмъ другое дѣло житье *самого:* что̀ онъ дѣлаетъ? Цѣлые вечера сидитъ наверху, у себя, къ нему являются дѣти и главный приказчикъ изъ лавокъ и приносятъ деньги чистоганомъ, которыя добыты всеобщимъ надсѣданіемъ приказчиковъ,

разными зазывами и безпрерывной неумолкаемой работой языка и охрипшаго горла его, Кузьки. Случается *самому* придти въ лавку,—здѣсь полное бездѣлье, полное уваженіе со стороны всѣхъ наемщиковъ и даже страхъ. Это вещь совершенно другого рода! Вотъ поэтому-то Кузька, хорошо знавши, что ему приходится дѣйствовать въ теченіе всей жизни исключительно въ торговой сферѣ, въ области лавки и никакъ не дальше ея, понялъ, что все благо его и все счастіе его—достигнуть до положенія *самого,* и съ этою цѣлью принялся усердно работать въ лавкѣ, скрѣпившись и отгрызаясь отъ преслѣдовавшихъ его пинковъ.

Планъ Кузьки—какъ всякая практическая истина, съ смѣлостью начатая, приводится въ исполненіе,—помаленьку начиналъ приносить полезные результаты. Послѣ того, какъ онъ раза два наябедничалъ хозяину на двухъ приказчиковъ, слизнувшихъ по куску канауса для своихъ возлюбленныхъ, и когда эта покража подтвердилась вполнѣ,—хозяинъ возымѣлъ къ Кузьмѣ особливое довѣріе.

Довѣріе это росло постепенно; неутомимый боецъ не останавливался на пути къ своему счастію и мало-по-малу превращался въ самую ревностную и, до поры до времени, неподкупную собаку его степенства. Пользуясь болѣзнью хозяйскаго сына, Кузька, назначенный на это время главнымъ приказчикомъ, началъ каждый вечеръ чуть не вдвое больше приносить хозяину денегъ,—деньги заставили притупить и чувства отца къ сыну, ворующему втихомолку, и предаться вполнѣ Кузькѣ. Такъ бѣжали десятки лѣтъ. Кузька превратился въ Кузьму Дмитріевича, всѣ величали его не иначе, какъ по имени и отчеству,—и уваженіе росло, по мѣрѣ того, какъ росла борода у Кузьмы и чѣмъ болѣе довѣренности со стороны хозяина видѣли къ нему.

Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ такой трудовой, хоть и не безгрѣшной жизни, Кузьма Дмитріевичъ имѣлъ свой маленькій капиталецъ, глубоко хранимый на днѣ сундука; о присутствіи этого капитала никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія: Кузьма не тратилъ—не роскошничалъ и не развратничалъ, а, напротивъ, постоянно жаловался, что «теперича оченно времена туги,—деньги пропали, и никакой наживы нигдѣ нѣту».

Въ это время въ головѣ Кочетова мысль о самостоятельной торговлѣ и о житьѣ вволю, при пособіи чужихъ рукъ, загребающихъ самый страшный жаръ труда,—мысль, такъ давно зрѣвшая въ ней,—почти дозрѣвала, готовясь при-

нести свои плоды, и не оставляла его ни на минуту. Остановка отчасти состояла только въ томъ,—какъ бы добыть капитальцу на разживу? Въ долгъ не повѣрятъ,—никакого кредита къ личности Кочетова быть еще не могло; оставалось одно средство, и, по всей вѣроятности, болѣе вѣрное, это—жениться на дочкѣ Шаповалова, своего хозяина: за ней, какъ за обузой,—по всей вѣроятности,—капиталъ будетъ. Умному человѣку, хорошо знающему дѣло, можно распорядиться деньгами умѣючи и бить прямо на наживу. Дѣло это, видимо, подходящее,—тѣмъ болѣе, что, извѣстная вещь, дочкѣ стòитъ только приказать—и шабашъ. Да и сама барышня не прочь отъ брака, лишь бы поскорѣе; за офицера—чтò говорить!—не въ примѣръ лучше,—ну да это можетъ затянуться долго,—гдѣ нониче офицеровъ найдешь: много на войнѣ перебили, а остальныхъ барышни расхватали. На офицеровъ—Богъ съ ними — большой запросъ: только подавай,—потому въ женскомъ дѣлѣ лучше ихъ никто не можетъ удовольствовать. Стало-быть, хорошъ кусокъ, да не укусишь,—и, дѣлать нечего, придется съѣсть кусокъ похуже,—тѣмъ болѣе, что и этотъ плохой точно такъ же утолитъ голодъ не хуже барскихъ лакомствъ, непривычныхъ попадать въ мужицкій желудокъ. Барышня же была въ соку, въ тѣлѣ, горѣла румянцемъ какъ заря или какъ полѣно въ печи, и насчетъ любви—хоть сію секунду. Скука въ жилищѣ Шаповалова была невыносимая, и поэтому барышня не разъ думала: «хоть лучинка, да мужчинка».

Скоро, т.-е. черезъ полгодика, дѣло это было налажено. Кузьма Дмитріевичъ отличался удивительной способностью разгадывать сны,—и это давало ему большой матеріалъ для разговоровъ съ барышней. Правда, барышня видѣла каждый день все одинъ и тотъ же сонъ,—все ей показывался старый меринъ, который норовилъ ее обнять,—она вскрикивала и просыпалась. Несмотря на такое однообразіе сновидѣній, Кузьма Дмитріевичъ умѣлъ разнообразить свои разгадки и положительно доказывалъ, что одинъ меринъ означалъ—скоро быть замужемъ, а другой—что мужъ будетъ любить. Барышня подъ наитіемъ такихъ сладкихъ предсказаній начала, дѣйствительно, видѣть во снѣ офицеровъ, которые укладывались рядомъ съ нею, въ полной парадной формѣ: въ каскѣ съ пучкомъ волосъ, съ саблею и даже верхомъ на лошади.

Такимъ образомъ Кочетовъ считалъ это дѣло покончен-

нымъ и совершенно успокоился насчетъ дальнѣйшаго хода, но неожиданно въ семьѣ Шаповаловыхъ является какая-то незнакомая личность—чиновникъ Семенъ Петровичъ Гавриловъ, явившійся въ домъ Шаповаловыхъ по какому-то дѣлу. Кочетовъ не обращалъ на это вниманія. «Мало ли ходитъ судейскихъ къ хозяину,—народъ гнилой и больше насчетъ желудочной прохаживающійся,—стало-быть, люди все ненадежные и старику по вкусу никогда не придутся». Но Семенъ Петровичъ былъ не изъ такихъ. Первое дѣло, что рюмки онъ не придерживался; разговоры велъ деликатные,—объявилъ, что дѣло Шаповалова въ его и только въ его рукахъ; и ежели еще будутъ такія дѣла, то они все-таки попадутъ въ его же руки, и отъ него же зависитъ все и вся. Шаповаловъ незамѣтно поддался вліянію Гаврилова, тотъ началъ посѣщать чаще и чаще ихъ домъ, бесѣдовалъ съ барышней, которая сразу въ него влюбилась по уши, а когда онъ начиналъ что-нибудь говорить, кромѣ толкованія сновъ,—барышня только пугалась и вытаращивала глаза. Семенъ Петровичъ, между прочимъ, старался затянуть дѣло Шаповаловыхъ, отказывался отъ взятокъ, прицѣливаясь къ кушу болѣе сочному, и такимъ образомъ тянулъ убійственную для Кочетова капитель.

Кузьма Дмитріевичъ туго ворочалъ своими мозгами, желая изобрѣсти какую-нибудь махину, которая помогла бы выбиться ему изъ бѣды. Но махина не выдумывалась, оставалось только сокрушаться о своей горькой участи и ждать помощи съ неба.

Въ такомъ положеніи Кузьмы Дмитріевича застаетъ его встрѣча въ адресномъ столѣ.

III.

Дня черезъ три послѣ сценъ въ адресномъ столѣ и въ гостиницѣ «Новый Свѣтъ» Кочетовъ, зная великую охрану противъ набѣжавшей-было бѣды, спокойно обѣдалъ въ приказчицкой, ловко орудуя ложкой и посылая въ ротъ цѣлое море щей.

— Кузьма Дмитричъ!—сказалъ мальчишка, вдвигая на столъ горшокъ съ кашей:—завтра, сами сказывали, надыть лавку запереть пораньше...

— Что̀ такъ?

— Потому сговоръ... Барышню просватали за чиновника...

— О?

— Пра...

— Ну, дай Богъ часъ...

Кузьма Дмитріевичъ помолчалъ.

— Когда дѣло-то будетъ?

— Завтра...

— Гм...

«Ну, теперича я это дѣло сработаю»... — подумалъ онъ, никому не подавая вида о своихъ намѣреніяхъ.

Цѣлый вечеръ, послѣ прихода изъ лавки, онъ толковалъ о предстоящемъ торжествѣ, радовался случаю повеселиться вмѣстѣ со всѣми и поощрялъ хозяйскихъ сынковъ, занимавшихся въ приказчицкой примѣриваньемъ пунцовыхъ и вообще разноцвѣтныхъ галстуковъ и жилетовъ... Замыслы свои онъ задумалъ привести въ исполненіе завтрашній день и выискивалъ минутку, какъ бы ускользнуть изъ лавки. Ему пришлось отправлять деньги въ почтамтѣ,—на борзомъ лихачѣ мчалъ онъ изъ Почтамтской улицы. Извозчикъ, на ухо которому Кузьма Дмитріевичъ наматывалъ разныя понуканія, присовокупляя къ нимъ нѣкоторыя подзадоривающія словечки, въ родѣ: «награжу, валяй, не обижу!» — мчался сломя голову и черезъ полчаса такой ухарской ѣзды остановилъ запыхавшуюся лошадь на Пескахъ, у воротъ полуразвалившагося дома мѣщанина Трофимова, а черезъ минуту Кочетовъ пробирался по грязной и узенькой деревянной лѣстницѣ, поднимаясь въ мезонинъ, состоящій изъ двухъ конуръ, низкихъ и сырыхъ, гдѣ обитала Авдотья Прохоровна съ своимъ отцомъ.

— Тятенька! да будетъ вамъ цѣдить-то!—жалобно говорила она, когда въ дверь вошелъ Кочетовъ.

— Точь-въ-точь мать-покойница,—цѣлехонькій день поетъ! отвѣчалъ спокойнымъ тономъ отецъ, запирая шкапъ съ дверцами, въ которыхъ были выбиты стекла, и хрустя огурцомъ.

Посѣщеніе Кочетова произвело нѣкоторое волненіе, но скоро все вошло въ свою колею.

— Раздѣвайтесь!—говорила дочь.

— Снимите, почтеннѣйшій, шубку-то, — выпьемъ рюмочку!—просилъ отецъ.

— Нѣтъ-съ... съ охотою бы,—но дѣло такого рода, что надыть поспѣшно... Я, барышня, къ вамъ...

Дочь покраснѣла и потупилась...

— Хотите вы свою жизнь пристроить по честности... То-есть какъ люди живутъ. Примѣрно, мужъ съ женою? Ежели хотите,—то это дѣло можно нониче сдѣлать...

— Что̀ вы!

— Предъ Богомъ!

— Отецъ родной!—говорилъ умилившійся отецъ.

— Дѣло это оченно просто... Помните Семена-то Петровича?

— Помнимъ, помнимъ...—злобно говорилъ отецъ:—подлеца-то, разбойника-то? Какъ не помнить!

— Ну-ну!—торопила дочь.

— Ну вотъ... Они нониче норовятъ обручиться...

Дочь поблѣднѣла. Отецъ тоже, онъ дрожалъ.

— Но такъ какъ, извольте видѣть, тутъ съ ихней стороны подлость, — одну бросать, за другой гнаться, когда ихняя нонишняя невѣста по всѣмъ статьямъ для насъ издревле приспособлена, то я вамъ, барышня, отъ всей души совѣтъ бы далъ...

— Говорите, говорите...

— Только, первое дѣло — не будьте глупы... При васъ ребеночекъ-то?

— При насъ.

— Ну такъ вотъ вы часу въ шестомъ и пожалуйте къ господамъ Шаповаловымъ, купцы они... Мы васъ въ этакой комнатѣ подержимъ малость, а опосля того что̀ дѣлать научимъ... Только опять же не будьте глупы...

Дочь находилась въ сильномъ волненіи. Отвращеніе отъ позора, который она видѣла въ томъ, что ей придется передъ множествомъ чужого народа разсказать своимъ посѣщеніемъ свой тайный грѣхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ внезапно разгорѣвшаяся ненависть къ разлучницѣ—боролись въ ней. Ненависть пересилила отвращеніе. Дунѣ сразу представился вѣковѣчный трудъ, если она не найдетъ себѣ помощника, вѣчное житье въ этой душной и гнилой свѣтелкѣ, въ бѣдности, безъ помощи, съ ребенкомъ, который не можетъ разсчитывать даже на самое ничтожное воспитаніе. И она, вся блѣдная и дрожащая, тихо, отрывисто произнесла:

— Хорошо, приду...

— Вотъ и ладно.

— Я съ папенькой приду...

— Со мной, со мной.

— Съ ними много лучше... Трогательнѣе... А мы это дѣло обдѣлаемъ; мы его стыдомъ тронемъ: любишь кататься, люби и саночки возить, а то эка фря...

Кочетовъ еще долго толковалъ на эту тему и наконецъ собрался уходить, заключивъ свою бесѣду совѣтомъ:

— Смотрите же, барышня. въ шестомъ часу... пожалуйте

по адресу-то... Повѣрьте, сдѣлаемъ дѣло... Будьте только умны... Оно, конечно, дѣло противное, самое, можно сказать, трогательное, ну, дѣлать нечего... своя рубашка... выйдете замужъ, ну, малость посердитесь другъ на дружку, ужъ это не безъ того, а потомъ тихимъ манеромъ заживете. Не вѣкъ сердиться, помиритесь когда-нибудь. До пріятнаго свиданья! Такъ въ шестомъ часу?..

— Точка въ точку!—произнесъ отецъ.

— Ну, счастливо оставаться!

Въ шесть часовъ вечера въ домѣ Шаповаловыхъ была ужасная суматоха въ приказчицкой; дрожалъ потолокъ подъ бѣгавшими вверху людьми, передвигаемыми стульями и столами... Весь народъ былъ занятъ наверху...

Въ приказчицкой было темно, и во тьмѣ слышался шопотъ Кочетова.

— Теперича, должно-быть, скоро...—говорилъ онъ:—малость повремените...

— Хорошо...—шепталъ тонкій голосъ. Наставала тишина, среди которой слышалось попискиваніе ребенка.

— Шш-шш... — укачивала его мать. Наконецъ вверху все стихло...

— Началось!—еще тише произнесъ весь дрожавшій Кочетовъ.—Пойдемте. Я впередъ, вы слѣдомъ.

Онъ скоро взбирался по лѣстницѣ наверхъ. Чиновникъ и дочь все подвигались за нимъ; ноги подкашивались, сердце билось особенно усиленно. Дочь чувствовала, что у нея холодѣютъ и нѣмѣютъ руки, и она думала, что уронитъ ребенка.

Въ залѣ между тѣмъ происходила торжественная суета; вверху горѣла люстра; подъ ней стояли женихъ и невѣста, склонивъ къ свѣчкамъ свои головы. По бокамъ тѣснились родные, затаивъ дыханіе. У дверей толпились люди, и мальчики взбирались на стулья, чтобы посмотрѣть на обрядъ. Священникъ въ углу надѣвалъ эпитрахиль.

— Семенъ Петровичъ! — вдругъ произнесъ Кочетовъ, входя въ залу:—васъ спрашиваютъ.

— Кто?

— Вотъ они!..

Всѣ повернулись къ дверямъ. Чиновникъ и дочь вступили уже въ залу. Видъ ребенка, на рукахъ женщины, прозвелъ недоразумѣніе...

— Ахъ!.. — дрогнувъ, простоналъ женихъ, отвернулся и окаменѣлъ въ такомъ же положеніи, какъ за минуту передъ неожиданной встрѣчей.

— Узнаёте?—тихо и дрожащимъ голосомъ спросилъ чиновникъ, указывая на дочь, которая закрыла лицо рукою и чувствовала, что вмѣсто холода ее охватилъ огонь. — Мы пришли вотъ... Узнали, что вы здѣсь. Думаемъ, авось сынка своего поняньчаетъ.

Женихъ не двигался съ мѣста, разбитый этимъ неожиданнымъ ударомъ.

Всѣ сразу поняли, въ чемъ дѣло.

Поднялась суматоха; одинъ только Кочетовъ спокойно стоялъ у печки, показывая видъ, что «не мое дѣло»: созерцая всю катавасію, онъ думалъ: «Одначе дѣло ловко схвачено!.. въ самомъ настоящемъ мѣстѣ»...

Невѣста лежала безъ чувствъ; женихъ окаменѣлъ и не содрогнулся даже въ то время, когда невѣстинъ братъ, сжавъ кулаки, шепталъ надъ его ухомъ:

— Такъ ты такъ-то? Это только для шкандалу? Сестру позорить? Шлюху нашелъ? Нѣтъ, шалишь! Не уйдешь! Я-те сыграю сговоръ, на бокахъ готовъ... Ахъ, ты!..

— Шутки, что ли, шутить изволите?—говорилъ обиженный священникъ.

Въ передней слышались гулъ, аханье, взвизги бабъ, и все это поглощалось вытьемъ родни въ залѣ...

— Гоните его, поганца, въ шею! — закричалъ наконецъ *самъ*.—Вонъ! Чтобъ духъ его не пахъ, анаѳема!

Такимъ образомъ скандалъ произошелъ полнѣйшій, точно такъ же, какъ вполнѣ удался планъ Кочетова: въ этотъ вечеръ онъ былъ обрученъ съ хозяйской дочерью.

Но такъ какъ судьба бѣдной обманутой чиновницы будетъ тревожить чувствительнаго читателя, то я, не желая оставлять на его сердцѣ какой-нибудь горечи, спѣшу прибавить, что Семенъ Петровичъ раскаялся въ своемъ неблаговидномъ поступкѣ, женившись на Авдотьѣ Прохоровнѣ, и теперь вспоминаетъ, что «*старый другъ лучше новыхъ двухъ*».

Вдова.

Очеркъ изъ петербургской жизни.

(Посв. Н. Г. С—вой).

Мало-по-малу взбудораженные похоронной процессіей Пески начали приходить въ обычное тихое и невозмутимо-спокойное состояніе, дозволяющее надо всѣмъ царить ку-

риному пѣнію и шипѣнію кофейниковъ; кумушки и тетушки, надсѣдаясь надъ чаемъ, очень горько соболѣзновали о горькой участи вдовы.

— Что̀ она теперь? Куда дѣнется? Тетка-то, поди, не возьметъ...

— Гдѣ теткѣ взять!..

— Никакъ ребенка ждать надо?

— Какъ же, милая! при самомъ при концѣ...

— Ну, ребеночка-то въ испитательной можно. На законную половину, пока оправится...

— Охъ, грѣхи тяжкіе!..

Такъ горевали кумушки, охоливая чашку за чашкой. А бѣдная вдова, потерявшая всякую способность плакать, съ распухшими отъ слезъ глазами, полными великой скорби, стояла въ своей спальнѣ, прислонившись къ комоду, и все, что̀ ни осталось здѣсь послѣ ухода описывавшей имущество полиціи, все это поднимало въ головѣ недавнія свѣтлыя картины... Ей вспоминалась та же суматоха отдаленныхъ улицъ Песковъ, взбудораживщая всѣхъ обывателей, какъ и похороны, послѣ общаго переполоха, охватившаго всѣхъ желаніемъ узнать, что̀ такое? Желаніе это было удовлетворено; возвратившись изъ-за воротъ, всѣ обитательницы Песковъ уже знали, что шумъ этотъ произошелъ отъ оранья нѣсколькихъ мужиковъ, переносившихъ небольшое фортепіано, свѣтло-краснаго дерева; вмѣстѣ съ тѣмъ въ подробности было узнано, что фортепіано несутъ къ Крючниковымъ, и что у этихъ Крючниковыхъ будетъ помолвка.

— Кого выдаютъ-то?—въ сотый разъ допытывалась нѣкоторая сватьюшка у другой, имѣвшей великую смѣлость забѣжать на дворъ къ самимъ Крючниковымъ и разузнать въ подробности: что̀ и ка̀къ?

— Ды эту ихнюю... Пелагею-то... сироту...

— Да-да-да... А женихъ?

— Женихъ военный... Говорятъ, подъ венгерцемъ орденъ получилъ изъ царскихъ рукъ...

— Видишь ты! да-да... Ну, дай Богъ...

Это *дай Богъ* говорилось съ тѣмъ пріятнымъ ожиданіемъ въ будущемъ потасовокъ между новобрачными, которое возбуждается чисто-женскою завистью по поводу чужого счастья. Пелагея Кузьминична не знала пока этихъ разговоровъ и съ большой радостью помогала дворникамъ устанавливать фортепіано на покачнувшемся и осѣвшемъ у стѣны

полу, такъ что черезъ нѣсколько времени, когда весь процессъ постановки былъ конченъ, клавиши смотрѣли своими концами чуть не въ потолокъ. Съ появленіемъ такой вещицы весь домъ обуяла какая-то радость; разныя своячиницы и свекрови принялись вертѣться посреди комнаты, размахивая широко раздутыми подолами, отъ присутствія подъ ними нѣкоторыхъ обручей,—по всей вѣроятности, снятыхъ съ бочекъ и извѣстныхъ подъ именемъ кринолина. Слышался звонкій смѣхъ, въ кухнѣ какъ будто забористѣе и бойче кипѣли горшки. Старикъ-жилецъ, въ замасленномъ до безобразія халатѣ и ермолкѣ на грязныхъ желто-сѣдыхъ волосахъ, выползъ изъ своей норы, поднялъ высоко голову, желая хорошенько разглядѣть своими ослѣпшими глазами, вооруженными круглыми очками въ мѣдной оправѣ, съ тесемкой, завязывавшейся на затылкѣ,—что̀ такое тутъ дѣлается? Когда старикъ разузналъ въ подробности, что̀ дѣлается, то обратился ко всей толпѣ съ вопросомъ:

— Ну, что-жъ вы?—заиграйте, кто мастеръ.

— Э-э... Ѳедоръ Ристархычъ...—отозвалось нѣсколько голосовъ:—какъ можно!

— Чего-жъ?

— Страшно... Можетъ, она... что-нибудь...

— Ты думаешь—застрѣлитъ? Не бойсь... Играй!

— Сыграйте-ка вы!

— А ты думаешь, нѣтъ?

— Да не сыграете...

— И! батюшки мои!..

— Да не сыграете...

— Ой-ой-ой, какъ ты меня перепужала... подумаешь и невѣсть что̀... А вотъ возьму да и заиграю...

— А ну, ну...—подзадоривала толпа.

— И сыграю.

Старикъ сдѣлалъ шагъ къ фортепіано, продолжая держаться рукою за дверь. Повидимому, онъ и самъ опасался сразу рѣшиться на такой подвигъ. Наконецъ всеобщее подтруниванье раззадорило его, и онъ скорыми шагами направился къ фортепіано, отчаянно махнувъ рукой и словно идя на смерть.

— Думаешь, не трону?—испугавшись и стараясь показаться храбрецомъ, спрашивалъ онъ, вытянувъ надъ какой-то клавишей указательный палецъ, съ мозолями на сгибахъ и съ грязнымъ ногтемъ, за которымъ забился нюхательный табакъ.

— А ну, ну...—твердила толпа.

Старикъ перевелъ духъ, перекрестился наскоро, ткнулъ пальцемъ въ клавишу и бросился бѣжать, махая рукой, словно онъ ее обжегъ.

А вся толпа заливалась громкимъ смѣхомъ.

— Вишь какъ *она*, подлая, пишшитъ!—говорилъ, улыбаясь, старикъ, стоя въ дверяхъ и радуясь, что остался цѣлъ.—Ты съ ней не шути. И диво бы, братцы мои, что я ее нажалъ бы... аш что̀, а то вить какъ есть только пальчикомъ, чуть-чуть,—какъ заоретъ!..

Веселая толпа снова покатывается со смѣху.

— Ахъ, ты, чтобъ тебѣ!—заключаетъ старикъ, уходя.

Лиха бѣда—начало,—говоритъ пословица,—и поэтому стоило только познакомиться кому-нибудь, на этотъ разъ старику-жильцу, съ новымъ гостемъ, каково фортепіано, какъ тотчасъ же приступили къ клавишамъ четыре родственницы и всѣми восемью руками и множествомъ пальцевъ, которые обрѣтались въ большой праздности,—принялись барабанить что̀ есть силы. Выходило, должно-быть, ужъ что-то очень веселое-развеселое, потому что народу набилось видимо-невидимо; ребенокъ, который слылъ все время за большого сопляка и буку, началъ вдругъ улыбаться, тотчасъ же захлебываясь собственнымъ смѣхомъ. Веселье шло все больше и больше, и наконецъ по клавишамъ начали барабанить разутыя ножки разгулявшагося ребенка.

— Дай Богъ здоровья Виктору Петровичу, радость какую предоставилъ!—говорила сама Крючникова.—Вотъ ты, Палаша, должна вѣчно Бога молить за свое счастье: какого женишка тебѣ подсдобили!

— Я, тетенька, завсегда буду благодарить.

— Вотъ то-то и есть... Что̀ ты? Что̀ у тебя есть?—Ничего! Иной бы и взору своего не потратилъ на тебя, на голь этакую смотрѣть-то. А этотъ вишь вонъ...

Тутъ Крючникова указала на фортепіано.

— Какая любовь... Чай, два на серебро отвалилъ-то...

Пелагея Кузьминична все это сама сознавала, потому что на свѣтѣ видѣла много тоски и нужды. Въ будущемъ ей не рисовалась никогда картина семейнаго счастія, она боялась и подумать объ этомъ; если же иногда въ долгіе зимніе вечера, когда она сидѣла за работой, тщательно выдергивая изъ полотна нитки, для строчки манишки, если, говорю, въ такіе вечера залетала въ ея безпріютную голову такая мысль, то она не имѣла силы отогнать ее, ти-

хонько плакала надъ работой, украдкою утирая неустанно и тихо бѣжавшія слезы. А плакать было о чемъ... Судьба дѣвушки въ ея положеніи, то-есть безъ защиты отца и матери и безъ средствъ, судьба незавидная! Ей нѣтъ другой дороги, кромѣ портнихи; ей нѣтъ счастья, кромѣ возможности выйти замужъ за какого-нибудь камердинера, который тотъ же мужикъ, только въ бѣломъ галстукѣ, и поэтому мужикъ втрое; а Пелагея Кузьминична, на несчастье, читала книжки и писать умѣла такъ, что, будь она при тятенькѣ и при маменькѣ,—ей бы за чиновника въ самый разъ. Кромѣ портняжнаго ремесла и карьеры въ родѣ замужества съ камердинеромъ,—есть другая дорога, больше дорогъ нѣтъ для женщины безъ средствъ и безъ родныхъ,—но эта другая дорога такая ужасная... Столица особенно скоро способна выводить на эту дорогу. Въ столицѣ бѣдность; тысячи людей бѣгутъ доставать хлѣбъ, и тутъ беретъ, конечно, тотъ, кто обжился въ этой погонѣ за насущнымъ хлѣбомъ, кто пріобрѣлъ особую способность дѣйствовать въ житейскихъ дѣлахъ,—способность, которую называютъ *нахрапомъ*. Кто живетъ съ такимъ нахрапомъ, тотъ и побѣдитель; нужды людскія слишкомъ велики, чтобъ разбирать, оправдывать или порицать тѣ причины, которыя заставляютъ дѣйствовать нахрапомъ; одна уже побѣда, и притомъ всегдашняя побѣда, при такомъ образѣ жизни раздориваетъ каждаго столичнаго жителя, нуждающагося и необходимостью поставленнаго въ положеніе собственнымъ хребтомъ добывать себѣ хлѣбъ,—одна уже побѣда другихъ посредствомъ *нахрапа* учитъ дѣйствовать и самого такимъ образомъ. Кромѣ бѣдности, въ столицѣ слишкомъ много еще того, что̀ именно заставляетъ жить, тянетъ къ жизни; вотъ борьба между этими двумя врагами иногда заставляетъ выбирать другую дорогу и дорогу самую пагубную, которая сначала идетъ хорошо и весело, а потомъ глушь и ни одной живой, любящей души. Эта дорога имѣетъ свою станцію на Вознесенскомъ и Невскомъ проспектахъ, въ пассажахъ, въ кафе, на танцовальныхъ вечерахъ и пр. Въ настоящее время можно уйти отъ этого пути,—теперь уже не грѣхъ и не стыдно работать въ типографіи или переплетать книгу, но тогда этого не было... Трудна и безпомощна жизнь бѣдной дѣвушки.

Пелагея Кузьминична не помнила своихъ отца и матери; съ ранняго дѣтства она видѣла себя въ домѣ тетки, отъ которой и слышала про своихъ родителей. Исторія отца и

матери была вовсе не новая: отецъ былъ хоть и золотой человѣкъ, да пьяница; мать тоже хоть и золотая женщина, да отецъ билъ ее чѣмъ ни попадя.

Пелагея Кузьминична въ такомъ кругу оставалась безъ всякаго призору, и такимъ образомъ съ перваго дня, когда она только-что начинала помнить себя, она была уже обязана дядѣ и теткѣ. Тетка, занимавшаяся съемкою квартиръ для разныхъ чиновниковъ, тратила на нее не Богъ знаетъ какія деньги,—но и за эти ничтожныя издержки имѣла ту большую выгоду, что, какъ только оставалась у нея часть времени, не занятаго самоваромъ, питьемъ кофе или слушаніемъ песковскихъ новостей, она смѣло могла приняться за попреки племянницѣ: ѣшь, пьешь,—уважать должна и пр. Пелагея Кузьминична имѣла то высокое достоинство, что съ терпѣніемъ могла выслушивать эти попреки, стараясь поскорѣе накрывать на столъ или варить кофе, потому что тогда эти попреки прекращались. Попреки дѣлались или начались, когда Палаша начинала выходить въ дѣвушки, т.-е. въ невѣсты, и когда почему-то теткѣ казалось, что хлопотъ и тратъ на нее вдвое больше, тогда какъ, напротивъ, было вдвое меньше, потому что Палаша сама работала рубашки для одного магазина на Гороховой улицѣ; кромѣ этого собственнаго дохода, бо́льшая часть котораго шла теткѣ, Палаша была ей правая рука относительно услуги жильцамъ. Ея высокій ростъ, густая коса и умные голубые глаза приковывали къ себѣ грязные взоры распутныхъ мелкихъ чиновниковъ, и Пелагея Кузьминична вслѣдствіе этого была какою-то добровольною жертвою наглыхъ поползновеній канцеляристовъ, не имѣя возможности плюнуть имъ въ рожу; правда, она усердно колотила ихъ подлыя развратныя руки,—чѣмъ только однимъ могла убѣдить, что она *не изъ этакихъ*, — но зато черезъ минуту же снова и снова принуждена была отдѣлываться кулаками и видѣть вовсе безцеремонныя подмигиванія глазкомъ.

Такимъ образомъ общая картина будничнаго житья Поли слагалась и состояла въ постановкѣ и подаваніи самоваровъ, няньчаньи теткиныхъ и всякихъ ребятъ (это, впрочемъ, доставляло ей удовольствіе, и за эту работу она принималась охотно; когда няньчила она ребенка, въ головѣ ея шумѣли такія пріятныя, свѣтлыя мысли, и, вся охваченная ими, она жарче цѣловала красненькія ребячьи губки и крѣпче прижимала ребенка къ своей молодой и полной страсти груди). Въ свободныя только отъ этихъ занятій

минуты она шила рубашки въ магазинъ, вязала синельковыя сѣточки и шерстяные капоры, сбытъ которыхъ былъ очень труденъ. Изъ какихъ источниковъ находила Пелагея Кузьминична сшить себѣ хоть и плохонькій, но новый салопчикъ съ дешевенькимъ воротникомъ, какъ скопляла она деньги на чистые воротнички и пр.—для жильцовъ была тайна, если бы они не объясняли себѣ всѣхъ запутанныхъ вещей въ мірѣ—лукавымъ подмигиваніемъ глазомъ. Къ несчастію Пелагеи Кузьминичны, она никакъ не могла отдѣлаться отъ этихъ таинственныхъ подмигиваній и подмаргиваній; если бы она и хотѣла убѣжать, то тетка, изъ самаго искреннѣйшаго желанія добра, не допустила бы ее до этого.

— Что̀ ты объ себѣ думаешь?—говорила она.—Да ты Бога должна благодарить, что съ тобой заигрываютъ-то... Ду-ура! Право, дура... Можетъ, иной разохотится, въ жены возьметъ,—что̀ ты смотришь?.. Удивительно? И будетъ удивительно, пока сама своего счастія сдѣлать не захочешь... Иная на твоемъ бы мѣстѣ-то какъ бы опутала ихняго брата,—да, право... Ты видишь, какой народъ чиновники-то? Самый поскудный народъ: въ грязи, въ табакѣ; ему и въ умъ-то не взойдетъ о благородномъ дѣлѣ подумать, такъ ты сама должна объ этомъ промыслить... Другія нешто такъ дѣлаютъ-то! Э! Одна красавица, погляди-ка-сь, какого козыря зацѣпила,—а все отъ ума... Подстроила такъ дѣло, что всѣ родные быдто вышли, а она съ нимъ въ гостиной осталась... она свѣчку и погаси... То, се... Опосля того подняла она крикъ, сбѣжался народъ,—она плачетъ: такъ и такъ, говоритъ... Чиновникъ, обыкновенно, перепужался, ничего не сообразитъ... Ну, тутъ его и обработали. Пожалуйте, говорятъ, расписку,—дескать, молъ, женюсь, а не то къ самому первому министру пойдемъ,—до острога недалеко... И даетъ! А другіе, того лучше—прямо къ вѣнцу. Вотъ такъ-то дѣла и обдѣлываютъ. Ты на нихъ не смотри, что замарашки, козюльки такіе—они, 'братъ, побогаче любого барина втрое... вотъ что-съ!.. Неси чай-то!

— Аксинья Дмитревна,—обращался жилецъ иногда къ Полиной теткѣ:—прикажите Пелагеѣ Кузьминичнѣ у насъ чай разлить.

— Изволь, изволь, батюшка!.. Поля, иди!

— Тетенька, я...

— Ты, ты, ступай... Знаю, что̀ ты такое.

— Какую, братцы, я вамъ покажу вещицу, — говорилъ жилецъ гостямъ:—мое почтенье!

При этомъ онъ цѣловалъ концы своихъ пальцевъ.

— Я съ ней короткій пріятель!—добавлялъ онъ, дѣлая какъ бы серьезную физіономію и тѣмъ давая знать пріятелямъ, насколько именно короткій другъ...

— Ахъ, шельмецъ! Чортъ его знаетъ, какъ онъ счастливъ на женщинъ...

— Да, таки-ничего.

— Я пятый годъ добиваюсь: ка́къ бы да какъ бы, а этотъ чортъ только подхватываетъ. Намедни тоже модистка въ него, братцы, врѣзалась,—такъ что страсть!.. Плачетъ, реветъ... А онъ, мерзавецъ, говоритъ: надоѣла...

Съ приходомъ Пелагеи Кузьминичны разсужденія затихли, но зато на нее смотрѣли такъ пристально эти физіономіи съ улыбающимися ртами и глазами, переполненными тьмою всякихъ безобразныхъ мыслей... Впослѣдствіи начинались разговоры, которые заставляли Поленьку только краснѣть и потупляться...

— Да ты врешь, Прохоровъ, она не изъ такихъ!—замѣчалъ кто-нибудь на ухо жильцу, убѣдившись наконецъ въ непритворной стыдливости Поленьки.

— Ну вотъ! Ты гляди ей въ зубы-то... Гдѣ ты? Въ Лебедяни? Я думаю, въ Петербургѣ?

— Въ Петербургѣ, это справедливо...

— Ну такъ какой же тутъ можетъ быть разговоръ объ этихъ предметахъ? Ужъ мнѣ-то особливо надо знать, изъ какихъ она... Ужъ это мнѣ во̀ какъ извѣстно!

Прохоровъ въ это время растопыривалъ передъ своими глазами пятерню...

— Это такъ, пожалуй...

— Ну вотъ!.. А то не вѣришь... Ужъ вѣрно знаю... Не заблудишься...

— Эхе-хе-хе... Ей-Богу, счастливъ ты, подлецъ... Чортъ тебя знаетъ...

И т. д. и т. д.

Кромѣ своихъ квартирантовъ, Пелагея Кузьминична испытывала подобныя нахальныя поползновенія всюду, гдѣ только была она одна и гдѣ были мужчины. Это могло случиться на улицѣ, когда она бѣгала въ лавочку, въ булочную, или шла съ работой черезъ Пассажъ и по Невскому. Молчаніе и самое странное упорство въ этомъ молчаніи, съ которымъ она отдѣлывалась отъ любезныхъ предложеній проводить и пр., выручали ее въ такихъ случаяхъ. Одинъ изъ подобныхъ случаевъ далъ ей и жениха.

Шла она отъ Морской по Невскому; разные къ ней мужчины съ разными предложеніями лѣзли,—она все отмалчивалась; многіе изъ нихъ, почти всѣ, не дождавшись чего-нибудь путнаго, уходили. А одинъ, изъ военныхъ и не молодой, очень какъ привязался, ни на шагъ,—идетъ да идетъ.

— Ради Бога отвяжитесь!—произнесла наконецъ Поля, когда они подошли къ Знаменкѣ.

— Нѣтъ-съ, не отстану!..—говоритъ.

— Я закричу.

— Зачѣмъ же кричать? Нешто я васъ обижаю... Точно, по первуначалу, извѣстно, привыкъ думать, ежели дѣвушка одна идетъ, то дѣло извѣстное... дд-а! Ну, теперь я совсѣмъ полагаю напротивъ, потому ясно вижу, что въ такихъ мысляхъ виноватъ я кругомъ...

Шли и молчали.

— Ежели бы можно, барышня, у вашихъ сродственниковъ прощенья за мои вамъ обиды попросить,—сейчасъ бы вамъ въ ножки я поклонился.

Думала дѣвушка отдѣлаться отъ него, все его дурнымъ человѣкомъ представляла себѣ, потому такъ ужъ привыкла давно на мужчину смотрѣть; такъ и въ пѣсняхъ женскихъ поется, что мужчины подлецы; думала дѣвушка отвязаться отъ него, — анъ нѣтъ. Самъ въ горницу дня черезъ два влѣзъ, говоритъ: «желаю въ жильцахъ жить, и что у меня умысла дурного нѣту никакого».

— Живи, батюшка, съ Богомъ, ежели такъ... — сказала сама Крючникова.

Поселился здѣсь господинъ Коробовъ; живетъ тихо, смирно. По вечерамъ заходилъ къ самой хозяйкѣ и игралъ тамъ съ Полею въ дураки, при чемъ старался проигрывать,—и кто проигрывалъ, тотъ долженъ былъ въ Александринскій театръ свозить на представленіе.

Жилецъ видѣлъ, что это доставляетъ большое удовольствіе, и пользовался этимъ. Жильцы-чиновники, увидѣвъ, что новый ихъ сосѣдъ не по-ихнему побѣждаетъ Пелагею Кузьминичну, попрятались въ свои норы и больше чаю разливать не просили.

Тянулось такъ дѣло день за день. Однажды господинъ Коробовъ, застегнувъ сюртучокъ на всѣ пуговицы, откашлянулся, перекрестился и, сказавъ: «авось Богъ дастъ!»— быстро пошелъ къ Крючниковой.

— Аксинья Дмитревна!—сказалъ онъ: — будьте мнѣ замѣсто матери родной...

Аксинья Дмитревна сейчасъ все дѣло поняла, начала ревѣть и въ платокъ, надѣтый сверху, сморкаться, и говоритъ:

— Проси Полю...

Жилецъ повернулся на каблукахъ къ Полѣ и сказалъ:

— Пелагея Кузьминична!..

Поля смотритъ въ землю и говоритъ:

— Какъ тетенька!..

Жилецъ поворачивается къ тетенькѣ и говоритъ:

— Аксинья Дмитревна, не томите.

— Что-жъ, батюшка, я согласна... Какъ Поля...

— Пелагея Кузьминична! какъ Богъ, такъ и вы.

— Я боюсь.

— Неужто-жъ я волкъ? волкъ я?

— Нѣтъ...

— Кто-жъ я такой?

— Человѣкъ...

— Стало-быть, чего-жъ...

— Я согласна.

Женихъ сейчасъ на одно колѣно, — схватилъ Поленьку за ручку, поцѣловалъ; схватилъ тетеньку за ручку, поцѣловалъ. И вынулъ изъ кармана рубль серебромъ и говоритъ:

— Пошлите донского...

Ну, тутъ поднялось веселье...

— Маменька, можно Полю поцѣловать?

— Погоди минуточку—сейчасъ...

Сняла Аксинья Дмитревна со стѣны образъ, благословила молодыхъ, и вцѣпились они послѣ благословенія другъ въ дружку; какъ разъ губы съ губами свели — такъ и не разлипались до вечера. Дня черезъ два господинъ Коробовъ взялъ напрокатъ фортепіано, потому что на первыхъ дняхъ праздника будетъ *обрученіе*.

Вечеромъ нанесли всякаго вина, и женихъ долго объяснялъ старику жильцу, что̀ такое значитъ *Го-Сотернъ*, при чемъ старикъ нѣсколько разъ повторялъ: «видишь вѣдь, какъ все это придумано!». За обрученіемъ такая же веселая была и свадьба; приданое все сдѣлалъ женихъ; онъ же раздобылся каретъ и колясокъ ѣхать къ вѣнцу; это еще болѣе перепугало обитателей Песковъ, потому что у каретъ были такой величины колеса, что, проѣзжая мимо маленькихъ домишковъ, закрывали собою окна. Во время свадебнаго пира подъ окнами лѣпились кучи народа, раз-

сматривая и критикуя невѣсту. На запотѣлыхъ отъ дыханія стеклахъ поминутно двигались тѣни гостей, двигавшихъ усердно локтями, и пр. и пр. Словомъ, свадьба какъ свадьба. На утро ѣздили въ визитами по знакомымъ Крючниковой; вездѣ къ этому случаю готовился кофе, а у иныхъ и шоколадъ, который подавали въ маленькихъ чашечкахъ съ кондитерскими пирожками.

При появленіи молодыхъ, взоры всѣхъ разсматривали у невѣсты преимущественно глаза и носъ, а жениха съ ногъ и до головы.

Послѣ визитовъ начался медовый мѣсяцъ.

Женихъ нанялъ особую квартиру и зажилъ съ женой всласть...

Просыпаются утромъ они—и разсказываютъ другъ другу сонъ, какъ и что̀ значитъ то или другое.

Сначала разскажетъ мужъ, потомъ жена,—толкуютъ такъ долго, спѣшить некуда: мужъ не служилъ, получалъ пенсіонъ да отъ матери малость помочи. Человѣкъ былъ онъ не старый, а пенсію дали ему за войну; на войнѣ, сказывали, лучше всѣхъ отличился. Ну, сидятъ, сны разсказываютъ. Потомъ мужъ скажетъ:

— Семъ я въ городъ пройдусь...

— Ну что-жъ! Только ты поскорѣй!—проситъ жена.

— Я скоро.

Хоть бы жена и не просила, мужъ живо вернется, потому что ему теперь со всякимъ человѣкомъ скучно кромѣ жены. Зайдетъ во время прогулки въ лавочку—полицейскую газету почитать, и домой идетъ.

— Вотъ, Поля,—говоритъ онъ, воротившись:—продается на Гороховой шубка, недорогая, съ куньимъ воротникомъ: вотъ тебѣ бы!

— На что?..

— Какъ на что? Нужно. Мы тоже люди. Иной разъ захочется выйти пройтись, тоже надо...

Поля наконецъ соглашается, что шубка надобна.

— А скоро обѣдать дашь?

— Скоро. Погоди, не умрешь...

— Эхъ, ты, мымра!—шутитъ мужъ.—Уморишь мужа-то, небось, заревешь.

— И нисколько...

— Ну, ладно... Чай, такой ревни пустишь—страсть!

— Скажите, пожалуйста! Есть изъ чего...

— Марья Петровна, — кричитъ мужъ къ сосѣдкѣ въ

дверь: — какая у меня супруга-то, — я говорю: помру, будешь плакать?—Не буду!—говоритъ. Каково?

— Тьфу! тьфу! тьфу!—слышится изъ-за стѣны.—Что̀ вы? Помру, помру! Да я бы вамъ и молодой-то уши ободрала: не болтай, не болтай, чего не нужно. Такъ-то!.. Тьфу!

Пообѣдаютъ, мужъ откинется къ спинкѣ дивана и скажетъ:

— Поля! набей-ка трубочку...

— Что̀ это все—набей, набей... хоть бы самъ!

— Ну ладно, ладно... я-то набью...

Вечеркомъ сидятъ за чаемъ, разсказываютъ сны. Соскучатся дома сидѣть, пойдутъ къ тетенькѣ чайку попить, поговорить: новостей много,—въ послѣднее время тетенька начала «Сынъ Отечества» выписывать для жильцовъ, такъ оттуда очень много любопытнаго заимствуютъ: такъ вечеръ-то незамѣтно и пройдетъ...

А тамъ чиннымъ порядкомъ спать...

Самое чудное житье!

...Недолго только бѣдная Поля пожила своимъ мѣщанскимъ счастьемъ. Какъ убитая набѣжавшими картинами отовсюду, стояла она въ своей спальнѣ; на комодѣ стоялъ портретъ мужа, у окна пяльцы, — и тутъ же стояла двуспальная кровать...

Все это мучило и выдавливало острыя и больныя слезы изъ высохшихъ отъ рыданій глазъ.

И настало для нея время большого горя по одномъ только по мужѣ,—потому что о средствахъ къ жизни она, слава Богу, ужъ думать не имѣла надобности, какъ не имѣла надобности отдавать въ воспитательный ребенка; только это улетѣвшее счастіе, невозможное для женщины безъ любимаго мужчины,—это улетѣвшее счастіе неутѣшно мучило ее...

Но останется ли она *неутѣшной* вдовою? Не знаю! Примите въ соображеніе только молодость и Петербургъ...

Мнѣ самому не хотѣлось бы вѣрить этому, но что̀ дѣлать?

Въ балаганѣ.

Ярмарочныя сцены.

I.

Десятуха, т.-е. ярмарка, бывающая въ городѣ X. послѣ десятой пятницы, шла къ концу; а такъ какъ при шапоч-

номъ разборѣ всегда бываетъ давка и тѣснота, то и послѣдніе дни десятухи были особенно шумны и оживленны. Обыватели г. Х., не запасшіеся коровами, горшками и вообще всякой нужной въ дому животиной и посудиной, толпами валили за городъ, на лугъ, гдѣ вилась большая рѣка и широко раскинулась ярмарка. На этомъ лугу шевелилась и безъ устали горланила масса людей и животныхъ, и прибывавшіе изъ города обыватели исчезали съ своими не-деревенскими нарядами въ этой массѣ сѣрыхъ мужичьихъ свитъ, бѣлыхъ бабьихъ повязокъ и не особенно породистыхъ коровъ и лошадей, по шерсти не отличавшихся отъ цвѣта одеждъ своихъ деревенскихъ хозяевъ. Изъ этой пестрой массы, покрывавшей лугъ, выдѣлялись вверхъ длинные концы шестовъ, связанныхъ аршина на три отъ земли и образовывавшихъ подъ дырявымъ холстянымъ покровомъ—лавки для сластенъ (оладьи), длиннымъ извилистымъ рядомъ высовывались бѣлыя крыши пряничныхъ столовъ, лавокъ и балагановъ; корзинки круговыхъ качелей тяжело вытаскивали изъ толпы загулявшихъ кучеровъ, горничныхъ и лакеевъ; всѣ они горѣли на солнцѣ своими цвѣтными платьями и повязками, новыми козырьками и цвѣтными галстуками, щелкали орѣхи, высоко проносились надъ толпою и снова исчезали въ массѣ... Говоръ и гамъ слышался далеко въ городѣ; къ этому неумолкавшему ни на минуту голосу массы присоединялись удары въ большой турецкій барабанъ, рѣзкій звукъ кондукторскаго рожка, которымъ на потѣху публики вооружился наяцъ, взвизги множества шарманокъ и трепещущіе звуки бубновъ. Все это было не въ ряду будничнаго городского житья; вмѣстѣ съ тѣмъ все это требовало и не сонливой будничной жизни, заставляло проснуться отъ нестерпимаго грохоту и хоть малость принять участіе въ общей суматохѣ.

Напослѣдяхъ обыватели считали обязанностью осмотрѣть всю ярмарку, вездѣ побывать, чтобъ потомъ не раскаиваться цѣлый годъ, подъ гнетомъ ничѣмъ неотгонимой тоски. Обыватели съ ранняго утра, окруженные толпой ребятъ, трогались поглазѣть на ярмарочныя дива: заходили они и въ лавки съ пряниками; заходили въ лавки, гдѣ пекутъ сластены, которыхъ не только зубами, но и топоромъ не разрубишь, ибо, по преданію, пекутся они на особомъ клееватомъ составѣ; отцы кормили своихъ ребятъ этимъ желѣзнымъ лакомствомъ, поили ихъ грушевымъ квасомъ, пичкали стручьями и всякой всячиной, которую безъ разговоровъ

совала ярмарка; заходили въ балаганъ, гдѣ буйствуетъ и попрежнему ѣдетъ въ Саратовъ за селедками знаменитый Петрушка, и наконецъ, не жалѣя четвертака, шли въ другой балаганъ, въ которомъ одинаково зарабатывали свой горькій хлѣбъ и люди и собаки.

Балаганъ этотъ влекъ къ себѣ зрителей исключительно вслѣдствіе своей громадности; пестрая, изъ лоскутьевъ сшитая парусина крыши высоко бѣлѣла надъ массою, а флагъ, полоскавшійся въ воздухѣ своими длинными разноцвѣтными хвостами, въ свою очередь, добавлялъ въ головахъ гуляющихъ то впечатлѣніе, которое производила огромность балагана, и заставлялъ подозрѣвать увеселенія особливо занятыя. При входѣ въ балаганъ, около небольшой двери, порогъ которой тонулъ въ грязи, образовавшейся послѣ недавняго дождя, постоянно стояла полная дѣвица въ какомъ-то фантастическомъ костюмѣ, главною задачею котораго было по возможности явственнѣе выказать мясистыя икры балаганной примадонны. Несмотря на костюмъ феи, дѣвица понимала и земные нравы, что̀ доказывала ея храбрая война съ пьянымъ деревенскимъ мужварьемъ.

— Эй, ты, хайло!.. куда лѣзешь, пьяные твои глаза... Видишь, тутъ господа сидятъ... — произносили часто уста феи, щедро надѣляемыя подсолнухами, жамками и всяческими лакомствами, помѣщавшимися въ карманахъ кисейнаго платья, вмѣстѣ съ наперсткомъ и множествомъ мѣдяковъ, побывавшихъ по случаю ярмарки не въ однѣхъ рукахъ и вслѣдствіе этого имѣющихъ свой собственный запахъ, въ которомъ преимущественно преобладалъ запахъ соленой рыбы.

— Еще трёшникъ давай!—наступала дѣвица на мужичка съ блѣдной испуганной физіономіей. Мужикъ какъ-то озабоченно доставалъ трёшникъ, потому что въ предстоящемъ увеселеніи онъ собственно не нуждался и шелъ только ради ярмарки, т.-е. такого времени, которое требуетъ полнѣйшей очистки кармановъ.

— Тетенька!—говорили два уѣздника, робко подступая къ дѣвицѣ:—что̀ возьмешь за двоихъ?..

— Сороковку! — гордо произнесла дѣвица, фыркая подсолнечной скорлупой и стоя при этомъ въ граціозной позиціи, скрестивъ ноги и упираясь концомъ рванаго башмака въ сырой земляной полъ балагана...

Уѣздники, озадаченные цѣной, задумчиво смотрятъ другъ на друга, и одинъ произноситъ:

— А шесть копеекъ?

— А этого?..

При этомъ дѣвица дѣлаетъ пальцами нѣкоторую фигуру и подноситъ ее поочередно то къ носу одного уѣздника, то къ носу другого. Разсмотрѣвъ фигуру, уѣздники ясно понимаютъ, что за эту цѣну нельзя, отсчитываютъ гривенникъ и входятъ въ балаганъ, робко озираясь по сторонамъ и держа снятые картузы на груди.

Вмѣстѣ съ этими сермяжными зрителями, въ балаганныхъ представленіяхъ ищетъ развлеченій и высшее общество; къ балаганнымъ дверямъ подступаетъ цѣлая благородная семья: мать, дочь, кавалеръ, кузенъ, кузина и проч. и проч. Кавалеръ, конечно, какъ человѣкъ благородный и понявшій тайну жизни, понимаетъ, что теперь его обязанности состоятъ въ очищеніи дороги для дамъ, точно такъ же, какъ въ теченіе дня состоятъ въ подхватываніи упавшихъ платковъ, въ подставленіи стульевъ и проч. и проч. Кавалеръ гордо поднимаетъ голову, пускаетъ въ дѣло локти и съ этими орудіями врѣзывается въ народъ...

— Анна Николаевна! Марья Даниловна! пожалуйте! Господа... позвольте дамамъ.

Господа оглядываются на кавалера, врѣзывающагося въ толпу плечомъ, и не двигаются...

— Сдѣлайте одолженіе... будьте такъ добры... позвольте пройти...

Кавалеръ крѣпче налегаетъ плечомъ, дѣлаетъ еще умильнѣйшую улыбку, но толпа не двигается...

Кавалеръ мгновенно соображаетъ, какъ дѣйствовать. Онъ вынимаетъ плечо, завязнувшее-было кому-то подъ мышку, дѣлаетъ шагъ назадъ, принимаетъ крайне свирѣпую физіономію и говоритъ уже такъ:

— Эй... эй, вы!.. Черти! дорогу!.. Прочь... Прочь съ дороги...

Толпа сейчасъ же разступается въ стороны, и нѣкоторые снимаютъ шапки.

— Анночка! подбери хвосты! — говоритъ дама дочери, перебираясь черезъ грязь у порога.

— Мама!—пищитъ шестнадцатилѣтній ребенокъ, подбираетъ хвосты и скачетъ черезъ лужу, не забывая при этомъ ахнуть самымъ тончайшимъ дискантомъ. Точно такое же «*ахъ*» испускаютъ всѣ тети и кузины. Кавалеръ, стоя одной ногой въ балаганѣ, другою по эту сторону лужи, слегка поддерживаетъ дамъ за локоть и говоритъ: «пожалуйте!»—на что ему отвѣчаютъ: «ахъ, мерси!..»

Наконецъ всѣ въ балаганѣ...

— Пошли, пошли!—командуетъ дѣвица, энергически сгоняя съ переднихъ мѣстъ мальчишекъ, заплатившихъ сороковку.

Мальчишки скрываются въ толпу.

— Сколько вамъ хлопотъ, мосьё Кузьма!—томно произноситъ матушка... Кузьма вѣжливо изгибается, трогаетъ козырекъ кепи и самоотверженно говоритъ:

— По гробъ!

Послѣ этого кавалеръ оттягиваетъ въ сторону конецъ уса, держа при этомъ локоть вертикально къ стѣнѣ, и садится, загоняя одну ногу подъ лавку а другую вытягивая впередъ...

Усѣлись всѣ. Представленіе начинается.

Голодъ и голь, пріютившіеся подъ холщевыми стѣнами балагана, копили себѣ на насущный хлѣбъ рядомъ такихъ кривляній, которыя допускали всякія, самыя безжалостныя терзанія собственнаго тѣла, стараясь по возможности сохранить въ цѣлости только шею, для слѣдующаго представленія.

Противъ публики, въ одномъ углу балагана, стоялъ обклеенный кусками разношерстныхъ шпалеръ особаго рода шкапъ, открывавшійся вверху и внизу. И тамъ и тутъ были устроены сцены, на которыхъ разыгрывались разныя комедіи: въ первой представленъ царь Иродъ, пожирающій младенцевъ; внизу волнующееся море и разрушеніе корабля. Другой уголъ балагана былъ задернутъ люстриновой, рыжей и сильно просвѣчивавшей занавѣской, за которой виднѣлся какой-то сундукъ и разныя тряпки, рукавъ отъ старой плисовой куртки съ позументомъ и телѣжка, въ которой впослѣдствіи катались собаки. Передъ занавѣской, со стороны публики, помѣщался шарманщикъ, не переставая работавшій на своемъ инструментѣ. Для того, чтобы ему было лучше сидѣть, на стулъ поставлена деревянная чашка вверхъ дномъ.

Чтобы окончательно дополнить картину, раскрывавшуюся на глазахъ зрителя, необходимо сказать, что между сценой, занимавшей одинъ уголъ, и между занавѣской въ другомъ углу, оставалось пространство, не защищенное ничѣмъ, и поэтому зрители ясно видѣли чьи-то ноги, высовывавшіяся изъ-подъ сцены; одна нога была въ сапогѣ съ рыжимъ голенищемъ, другая—въ одномъ шерстяномъ чулкѣ, обмотанная бумажнымъ изношеннымъ женскимъ платкомъ. Изрѣдка

видно было легкое движеніе въ больной, укутанной ногѣ; слышалось тихое оханье; видно было, что стоило большихъ усилій, чтобы подвинуть ногу на полвершка и удержаться отъ самаго пронзительнаго стона.

Представленіе шло своимъ порядкомъ.

Изъ-за люстриновой занавѣски выступилъ юноша лѣтъ девятнадцати, съ облѣзлой и струповатой головой, совершенно осипшимъ голосомъ и черными гніющими зубами. Проглотивъ что-то, по всей вѣроятности, недожеванное, юноша обтеръ руки о синія широкія панталоны, спрятанныя въ чулки, и началъ показывать фокусы. Наловчившіяся руки мастерски обманывали непривычный и слишкомъ недальновидный глазъ скромныхъ обывателей. Глотались шпаги, огромныя дубины сами собой ворочались на лбу артиста, стулья удерживались зубами, и подъ конецъ этихъ упражненій у мальчишки, разыгрывавшаго роль посторонняго зрителя, изъ носу извлекались орѣхи, послѣ чего и артистъ и мальчикъ уходили. Представленіе собакъ почему-то замедлилось; публика нѣкоторое время молча слушала шопотъ за люстриновой занавѣской.

— Бѣги за нимъ!—говорила дѣвица.

— Пошелъ скорѣй! — злобно слышалось изъ угла, гдѣ помѣщалась сцена.

Ноги задвигались, оханье усилилось, и больную грудь заколотилъ кашель.

— Ну, ты, пархъ, не очень!—прошипѣлъ облѣзлый юноша, выходя на улицу.

Публика ждала-ждала спектакля и слушала, какъ юноша свисталъ за холстиной и кликалъ: «Шарикъ! Шарикъ! иси, сюда, подлецъ!» Наконецъ послышались отрывистыя собачьи взвизгиванія, и юноша втащилъ собачонку, дергая ее за ухо и приговаривая: «а это, а это, а?» Наказанный Шарикъ тотчасъ же отправился, робко виляя хвостомъ, въ уголъ, гдѣ лежалъ больной, получилъ затрещину и скоро вылетѣлъ на двухъ заднихъ лапкахъ, въ какомъ-то костюмѣ, будучи напутствуемъ еще-тычкомъ на дорожку. Шарикъ, вступая въ роль, считалъ нужнымъ забыть только-что нанесенныя оскорбленія и старался сдѣлать умильную рожицу, при взглядѣ на которую одна изъ дѣвицъ почему-то вспомнила самоё себя, когда ее насильно вытолкали въ гостиную занимать гостя. Собаки смѣнялись гимнастическими упражненіями, гимнастическія упражненія фокусами и т. д. Ходъ представленія былъ нѣсколько нарушенъ, когда одна

изъ собакъ, забравшись за люстриновую занавѣску, спугнула оттуда курицу, которая въ переполохѣ перепорхнула къ публикѣ, метнулась въ одну сторону, метнулась въ другую и нырнула подъ лавку. Это обстоятельство было причиною того, что дѣвица присѣла на полъ и начала тоненькимъ голоскомъ выводить: «цыпъ, цыпъ!..». Самъ больной вылѣзъ съ оханьемъ и стонами изъ-за шкапа, такъ что публика видѣла его изможденное еврейское лицо съ острой, свалявшейся отъ всякой грязи бородой. Даже юноша съ труповатой головой храбро забрался въ задніе ряды и пугалъ оттуда курицу: «кишь, кишь, подлая». Видно было, что курица была капитальною частью движимаго имѣнія: скудный процентъ небольшой ярмарки, давшей возможность нѣсколько дней не умереть съ голоду. Какъ только курица была поймана и всѣмъ можно было успокоиться насчетъ ея цѣлости, представленія начали продолжаться. Въ концѣ дѣвица забралась на канатъ—при чемъ отъ сильнаго нажатія ногою изъ промокшихъ башмаковъ струилась грязь—и выпалила вверхъ изъ ружья. Тѣмъ и кончились удовольствія большого балагана.

Публика начинала выходить.

— Сетафре!—пищала одна изъ кузинъ, оглушенная выстрѣломъ.

Въ дверяхъ затѣвалась давка.

— Пустите, пустите, голубчики, — молилъ кто-то.—Что ты, дьяволъ, съ ума, что ли, сошелъ?

А другой, могучимъ плечомъ пробивая толпу, не упускалъ случая сказать:

— Бей, бей его... хорошенько!

И потомъ смѣялся... Скоро въ балаганъ ввалила новая толпа... Такъ тянулось время часовъ до десяти вечера, когда лавки съ краснымъ товаромъ запирались, вслѣдствіе чего жены уводили мужей своихъ, и ярмарка пустѣла... Въ такую пору въ балаганѣ зажигался сальный огарокъ, и вся труппа принималась ужинать. Въ чашкѣ, на которой сидѣлъ для удобства музыкантъ, составлялось какое-то крошево, въ которое дѣвица подливала квасу изъ бадьи, поднимая ее надъ головами своихъ товарищей, густо жавшихся къ чашкѣ. Голодные артисты нагружали этимъ крошевомъ свои ложки, сколь возможно было нагрузить, какъ-то особенно судорожно и широко разѣвали свои рты и съ великимъ тщаніемъ продвигали туда пищу. Весь этотъ процессъ ѣды, особенно же подсаживанія въ ротъ, невольно напоми-

налъ сцену, когда подаютъ на вилахъ охапки сѣна къ окну сѣновала, и какъ оно исчезаетъ тамъ, почти мгновенно подхваченное сзади руками кучера.

Въ это время дѣвица какъ-то особенно сердито торопила ужиномъ, быть-можетъ, потому, что за холстинной стѣной слышались постоянно ровные шаги: кто-то ждалъ.

Голодныя собаки лѣзли съ земли на колѣна, визжали, но товарищи по ремеслу дерзко гнали ихъ прочь и пихали ногами.

— Будетъ, что-ль, еще-то?—гнѣвно говорила дѣвица.— Будетъ вамъ раздабаривать-то!.. Что̀ это, въ самомъ дѣлѣ... крѣпостная, что ли, досталась...

— Постоишь, не умрешь... не разсыпчатая,—не поднимая головы отъ чашки, слишкомъ безнадежно относительно скораго конца ужина говорилъ юноша съ струпьями на головѣ.

— Возьму да и брошу.

— Попробуй!

Шаги за холстиной усиливаются; слышится кашель, какимъ желаютъ дать знать о своемъ присутствіи. Дѣвица молча стоитъ около ужинающихъ, пожираемая злобой, и произноситъ только:

— Черти!..

Въ углу слышится болѣзненное кряхтѣнье, оханье и удушливый кашель со свистомъ въ глубинѣ груди.

«Этотъ еще дьяволъ, жидюга подлая, — думаетъ злобно дѣвица:—задудѣлъ на всю ночь... Господи! когда Ты меня вынесешь отъ жида, отъ подлаго... Хоть бы околѣть ему, пархастому, поскорѣй...»

— Жрите, что-ль, идолы!.. Господи-Батюшка!.. — заканчиваетъ она вслухъ.

Наконецъ ужинъ конченъ; шарманщикъ укладывается на узенькой скамейкѣ «перваго мѣста», что-то шепчетъ подъ носъ и поправляетъ плечомъ свое ваточное пальтишко, которымъ онъ одѣлся. Улегшись, шарманщикъ вздыхаетъ полной грудью, и послѣ этого почти не слыхать его дыханья. На полу, около черепка толпится полчище собакъ, жадно запуская свои голодные языки въ какіе-то помои; у огарка золотушный юноша углубился въ считанье мѣдяковъ, разложивъ ихъ на ладони и пальцами другой руки трогая то одну, то другую монету. Сосчитавъ деньги, юноша напяливаетъ на плечи какую-то рвань, надѣваетъ ветхую пуховую шляпу съ широкими полями и въ такомъ костюмѣ трогается въ путь...

— Къ бѣлому свѣту ждать? — иронически спрашиваетъ дѣвица, скидывая кисейную короткую юбку.

— Это вѣрно! Теперича насчетъ секретнаго дѣла пойдемъ; рубъ сорокъ, слава Богу, припасено.

Юноша запахивается рванью и, посвистывая, скрывается.

Въ балаганѣ слышно только лясканье собачьихъ языковъ и оханье больного. Въ это время изъ-за парусины, задергивающей дверь, высовывается голова и произноситъ:

— Мамзель!.. это я-съ... заждался!..

— Сичасъ, сичасъ,—говоритъ мамзель, торопливо натягивая платье и заматывая спереди какіе-то шнурки.

— Съ девятаго часу договорились... Что же это?..

— Миланчикъ! господинъ кавалеръ! въ единную минутою...

— То-то-съ... поспѣшите. Потому намъ завтра рано надоть въ чихаусъ....

Дѣвица накидываетъ сверху платокъ и мигомъ исчезаетъ за двери.

— Извозчикъ!—горланитъ кавалеръ.

Извозчикъ вихремъ подкатываетъ къ нашимъ героямъ.

— Замѣшкались, мадамъ,—говоритъ онъ.

— И рада бы радешенька,—да что будешь дѣлать...

Солдатъ и дѣвица садятся, обхватывая другъ друга.

— Гривенничекъ набавьте, — говоритъ извозчикъ, приподнимаясь на сидѣньѣ и подкладывая подъ подушку концы вожжей.

— Дѣлай!..

— Эй вы, пташки!..

И пташки ужъ Богъ знаетъ гдѣ несутся.

«Всѣ разбрелись... разбѣжались... распутные!.. Ну, да хоть спокойнѣй полежишь...»—кряхтя и поворачиваясь, думаетъ больной, оставшійся въ балаганѣ одинъ-одинешенекъ. Голодныя собаки, мигомъ покончившія свою трапезу, пробовали-было тщательно облизывать стѣнки черепка, но, разочаровавшись, съ тоскою бродили тамъ и сямъ, пробуя языкомъ землю, сапогъ, колесо, телѣжку и пр., что только ни попадалось на глаза. Наконецъ укладываются и собаки, вдоволь натомившіяся среди дня. Больной безпокойно поворачивается на своемъ логовищѣ и охаетъ, не боясь возбудить чье-нибудь неудовольствіе. Болѣзнь не давала ему покою ни днемъ ни ночью, а родная земля, на которую послѣ долгихъ лѣтъ разлуки притащила его нужда съ этимъ балаганомъ, съ собаками и артистами, напоминала ему это далекое прошлое, его дѣтскіе годы, когда онъ только-что

вступалъ на поприще всякаго бѣднаго еврея. Эти воспоминанія, среди безсонной и безмолвной ночи, среди полнаго одиночества, были особенно ярки и живы; рисуя крошечныя несчастія дѣтскихъ годовъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ рисовали ту бездну горя, которую дало житье на чужой сторонѣ, чужіе люди. Больной вспоминалъ свои дѣтскіе годы, вспоминалъ своего отца и мать, которые ушли куда-то, и вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминалъ особенно ту минуту, когда онъ сдѣлалъ первый шагъ въ своей самостоятельной жизни. Шагъ этотъ — женитьба. Почему вспоминалось ему именно это время, именно этотъ моментъ, онъ не могъ дать себѣ отчета. Можетъ-быть, то же яркое-яркое небо, ослѣпительно свѣтлый мѣсяцъ — быть-можетъ, они напомнили ему то время. Дѣйствительно, то былъ чудный лѣтній вечеръ. Городскіе обыватели, цѣлый день томившіеся отъ нестерпимой скуки и зноя, теперь высыпали погулять на большую мощеную и притомъ единственную улицу, пробѣгающую черезъ весь городъ. Взвизги скрипокъ, раздававшіеся гдѣ-то, привлекли сразу ничѣмъ не занятое вниманіе гуляющихъ; музыка была какая-то особенная: смычки разомъ налегали на квинты, вырывая изъ нихъ какіе-то судорожные звуки, и такъ же мгновенно почти замирали, дѣлая самыя извилистыя и полныя мысли варіаціи. Среди этой едва слышной музыки раздавались отрывистые удары въ мѣдныя, особаго устройства тарелки, словно объясняя или подтверждая ту мысль, которая проникала всѣ другіе звуки, какіе только издавали другіе инструменты. Больной ясно видитъ теперь свое молодое еврейское лицо, истомленное, блѣдное, съ явными признаками ранняго труда и ранняго горя. Публика была очень рада развлеченію и толпой пошла посмотрѣть на жидовскую свадьбу. Обрядъ происходилъ подъ открытымъ небомъ, и изъ-за разрушеннаго забора съ улицы ясно было видно цѣлую толпу разнаго народа, наполнявшую пустырь, ничѣмъ незастроенный и прилегавшій къ деревянному полуразвалившемуся дому съ колоннами, изодранными и облупленными, и мезониномъ; въ толпѣ, наполнявшей дворъ, виднѣлось множество свѣчей, огонекъ которыхъ спорилъ съ яркимъ свѣтомъ мѣсяца и поэтому, только слегка освѣщая опущенныя внизъ лица евреевъ, яркими кружками алѣлъ на темномъ фонѣ одеждъ. Все больше и больше сдвигалась около новобрачныхъ толпа зрителей всякихъ вѣръ, все выше и напряженнѣе вытягивали эти зрители свои шеи для того, чтобы потщательнѣе разглядѣть

процессъ вѣнчанія, и къ великому удивленію не находили ничего сколько-нибудь театральнаго, эффектнаго; солистъ-скрипачъ, не обращая ни на кого вниманія и до самозабвенія углубившись въ смыслъ музыки, понятный только толпѣ этихъ забытыхъ, угнетенныхъ братій-паріевъ, тщетно ожидающихъ своего искупителя или отчаянно проклинающихъ тѣ беззаконія человѣческой природы, которыя отодвигаютъ все дальше и дальше день спасенія. Этотъ тайный смыслъ музыки здѣсь понятенъ всѣмъ евреямъ; посмотрите, вонъ, въ сторонѣ, одинъ изъ нихъ съ изможденной физіономіей держитъ предъ собою тощую жидовскую свѣчку, смотритъ въ землю, и по его щекѣ бѣжитъ горячая-горячая слеза. Тамъ и сямъ слышатся всхлипыванія. А смычокъ все поетъ и поетъ свою правдивую и горькую исторію, и ни одинъ изъ окружающихъ не произнесетъ ни слова: они слишкомъ много видѣли того горя, о которомъ разсказываетъ смычокъ, они слишкомъ убиты и безнадежны. Кажется, что само небо, которое такъ привѣтливо теперь смотритъ на весь міръ, кажется имъ, что и это-то небо на нихъ, и только на нихъ, смотритъ гнѣвно, надвинувъ брови. Надъ молодыми распростертъ синій платокъ, въ видѣ балдахина, и по синему фону платка разсыпаны звѣзды. Не потому ли этотъ дырявый кусокъ платка изображалъ собою небо, что настоящее небо, казалось, не хотѣло взглянуть на эту задумчивую, бѣдную и уже загодя обреченную на большія муки чету?

Скоро народъ разошелся; мѣсяцъ такъ же ярко свѣтилъ въ небѣ; въ разоренномъ домѣ съ колоннами и съ мезониномъ сгнившія рамы съ выбитыми стеклами были отворены; на потолкѣ, съ нависшей въ нѣсколькихъ мѣстахъ бумагой, висѣла мѣдная люстра, съ пятью круто перегибавшимися ручками, въ которыя были вставлены тощія еврейскія сальныя свѣчи. Гости сидѣли за столами, но ни шуму ни смѣху не было: тутъ царствовала общая дума нужды, житья вдвоемъ и пр. И всю эту ночь молодые провели тревожно, потому что начинавшееся съ этой же минуты хозяйское житье не давало покойнаго сна... Работать, работать, работать...

Много лѣтъ прошло послѣ этого вечера, пока когда-то молодой еврей вернулся теперь на родную землю, — больной, изломанный, много видѣвшій, много страдавшій. Долгія и безсонныя ночи, чуткая картинность родной земли — все это безпрестанно поднимало картины прошедшаго, какъ-то

нестерпимо тянувшія жить и однимъ этимъ уже какъ бы говорившія, что жить недолго, — не давали покоя до бѣлаго свѣта; къ утру пробивалась въ балаганъ пробористая свѣжесть, заставлявшая больше кутаться съ головой; собаки спали и тряслись всѣмъ тѣломъ, по временамъ попискивая. Шарманщикъ какъ-то туго ежился плечами; съ рѣки ровно тянулась струя предразсвѣтнаго вѣтра. Мѣсяцъ все блѣднѣлъ и блѣднѣлъ, словно усталъ безсонною ночью, онъ смыкалъ свои ясныя очи только подъ утро...

Звѣздочки тоже мерцали тусклѣе и тусклѣе и все больше и больше прятались съ свѣтло-голубого небосклона... Въ такую рань всегда съ ворчаніемъ возвращался золотушный гуляка, еще круче, почти на самый носъ, надвигая свою бѣлую пуховую шляпу; нетвердо, но скоро ступая ногами, онъ прямо шелъ въ дальній уголъ балагана и тамъ засыпалъ, не раздѣваясь... Засыпая, припоминалъ онъ разныя послѣдовавшія нынѣшней ночью сцены, поколотки, ворчалъ, ругался и очень часто плевалъ, къ чему главнымъ образомъ побуждало его пиво, прохваченное въ грандіозныхъ размѣрахъ. Въ ту же пору на извозчикѣ подлетала дѣвица, съ волосами сбитыми на лицо; иногда на физіономіи ея былъ послѣ такой гулливой ночи какой-нибудь порокъ: синякъ, фонарь и пр. Протрезвлясь, дѣвица очень убивалась и все-таки заваливалась спать гдѣ попало, на полу, одѣваясь тоже чѣмъ попало. И вотъ, когда только-что начинала засыпать эта безшабашная, безпутная и убитая семья нищеты, въ эту пору пробуждалась ярмарка: то тамъ, то сямъ скрипѣлъ мужичій возъ, слышались шаги, голоса, — лошадь ржетъ, мычитъ корова. По укатанной дорожкѣ, вьющейся по лугу, ѣдетъ къ рѣкѣ водовозка, а сзади ея погромыхиваетъ бадья; въ городѣ начинаютъ благовѣстить къ обѣднѣ; настаетъ провинціальное утро.

А когда солнце начнетъ подвигаться къ полдню, когда снова въ толпѣ, уже успѣвшей сойтись на лугу, пьяный успѣетъ затянуть во всю глотку пѣсню, — въ эту пору снова въ дверяхъ балагана стоитъ дѣвица, и снова идутъ представленія, ловятъ Шарика, извлекаютъ изъ носу орѣхи, и все слабѣе становится больной.

II.

Опустѣлъ подгородній лугъ; одинъ за однимъ разъѣхались деревенскіе возы; снялись съ своихъ сѣдалищъ блинницы и квасники; исчезъ куда-то Петрушка, и паяцъ, ко-

торый въ теченіе недѣли тѣшилъ публику своей вымаранной въ муку рожей, своимъ дурацкимъ колпакомъ и множествомъ принятыхъ ради смѣху побоевъ и заушеній, — теперь облачался изъ своего костюма въ старую солдатскую шинель, съ нашивками на рукавѣ, и шелъ въ городъ попрежнему торговать нюхательнымъ табакомъ собственнаго издѣлія; кости болѣли у него; руки и ноги ныли, и неистовыя удовольствія ярмарки теперь неисчислимыми страданіями откликались въ разныхъ частяхъ тѣла. Но среди этой царствовавшей повсюду пустынности, снова воцарившейся на мѣстѣ шумливой ярмарки, попрежнему стоялъ огромный балаганъ, казавшійся теперь еще огромнѣе. Дожди и вѣтры еще сильнѣе драли его холстинную обивку, и въ разныхъ мѣстахъ концы этой холстины хлестали по воздуху.

Больной лежалъ попрежнему недвижимо и уже не слыхалъ, какъ золотушный юноша говорилъ дѣвицѣ:

— Скоро ли этотъ дьяволъ издохнетъ...

— Теперь, надо-быть, скоро...

— Ты куда тогда? — спрашивалъ юноша спустя нѣсколько времени...

Дѣвица вздохнула, покачала головой и сказала:

— Вотъ куда! Одна дорога!

Молчаніе.

— А я, — сказалъ опять золотушный юноша: — надо полагать, въ воровство вдарюсь...

— Что̀ ты?

— Ей-Богу, потому чорта ли? — деньги пропилъ, — опять же и болѣсть эта подлая... Авось въ часть возьмутъ, на казенныя деньги вылѣчатъ...

— Охъ, Гаврюша, тяжела наша жизнь... отъ работы я отбилась... Ничего не соображу теперь. Сказано, одна нашей сестрѣ дорога... До Сибири хоть не дойдешь, — а людской жизни никогда, ни вовѣки ужъ не отвѣдаешь...

— Да дьявола ли въ ней?..

Къ вечеру больной былъ мертвъ...

— Околѣлъ, — холодно сказалъ золотушный, ломая замо̀къ у сундука и постепенно вытаскивая оттуда все тряпье...

— Чай, полиція будетъ?

— Это безпремѣнно!..

Юноша уложилъ все жидовское добро себѣ подъ мышку, надѣлъ свои отрепья, бѣлую шляпу и вышелъ, сказавъ дѣвицѣ:

— Авось повстрѣчаемся...

— Гдѣ это?

— Хоть на томъ свѣтѣ... а теперь сичасъ водку жрать.

Съ этими словами юноша вышелъ вонъ. Черезъ недѣлю, темною ночью, по улицѣ города валила съ криками толпа народу: двое мастеровыхъ тащили золотушнаго юношу, плотно впившись могучими руками ему въ шиворотъ.

— Нѣтъ, врешь, — сипѣлъ юноша, озлобленно дыша и поспѣшно идя впередъ.

Шествіе трогалось въ полицію.

Разобранный балаганъ поступилъ неизвѣстно въ чью власть; единственное добро, которое осталось въ балаганѣ по уходѣ юноши, сапогъ, надѣтый на ногѣ больного, — поступилъ въ вѣдѣніе полицейскаго солдата и былъ тотчасъ же пропитъ.

Шарманщикъ ходилъ по городу, неустанно наяривая польку «Казбекъ»; подъ нее плясали оставшіяся собаки; вмѣстѣ съ нимъ, какъ компаньонъ, ходилъ человѣкъ высокаго роста въ нанковомъ сюртукѣ, въ разодранныхъ панталонахъ, заткнутыхъ въ сапоги съ рыжими голенищами, въ картузѣ, надвинутомъ на затылокъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ бубенъ и, смурыгая по немъ большимъ пальцемъ другой руки, собиралъ около себя огромную толпу зрителей и заставлялъ выть перепугавшихся на смерть собакъ.

Эскизы чиновничьяго быта.

I.

Будни.

Въ одинъ зимній теплый день по Воронежской улицѣ г. Т. несли хоронить чиновника Шелеухова. Былъ полдень, и провинціальныя будни царили во всемъ своемъ дремотномъ оцѣпенѣніи, и поэтому, среди всеобщей тишины, негромкое пѣніе двухъ-трехъ пріуставшихъ дьячковъ легко проникало въ жилища, исполинской, невидимой рукой расталкивало мирныхъ обывателей, застывшихъ среди будничныхъ заботъ, и выгоняло ихъ за ворота. Изъ окна увидалъ шествіе мальчуганъ, ухитрившійся вонзить въ банку герани гусиное перо, обернутое бумагой, и, не додѣлавъ своей работы, бросился къ своей маменькѣ:—«Маннька! похороны несутъ!» Маннька сорвалась со стула въ кухню:—«Акулина,

похороны». Акулина ахнула, выронила изъ рукъ недочищенную картошку, ножикъ, всплеснула руками и бросилась вслѣдъ за барыней по двору. А здѣсь у конюшни прядала съ усиленнымъ брехомъ собака, попадая ногами въ черепокъ, болталъ, что̀ есть мочи, перепугавшійся индюкъ, и народъ въ лицѣ мастеровыхъ, портныхъ и сапожниковъ, сосѣдскихъ кучеровъ, кухарокъ и разныхъ бабъ, словно водопадъ валился и перескакивалъ черезъ заборъ, мелькая въ воздухѣ своими подошвами. Всѣ бѣжали за ворота, на лету запахивая подъ брюхомъ халатъ, поправляя косынку на головѣ и проч. Увлеченіе барыни было безъ границъ, и она вовсе не замѣчала, что вмѣстѣ съ ней волочились по землѣ старыя мужнины панталоны, которыя она приготовилась-было починить, но, по случаю суматохи, забыла отшпилить отъ колѣна. За воротами было полное безмолвіе, потому что всѣ были поглощены созерцаніемъ процессіи, и только нѣкоторыя особы, помѣстившіяся кучками около трубы, на крышѣ, кое-что толковали, но и то шопотомъ. Впереди процессіи шелъ мальчикъ съ подвязанными ушами, неся образъ, обложенный по краямъ платкомъ; гробъ, который несли чиновники, слегка покачивался, отчего покойникъ незамѣтно сбился набокъ; мундирный воротникъ, незастегнутый у шеи, подпиралъ подъ самыя уши, а слишкомъ бѣлый вѣнчикъ дѣлалъ темное и обтянувшееся лицо мертвеца еще темнѣй и длиннѣй. Вообще, вся фигура покойнаго возбуждала всеобщую жалость: она словно говорила, что онъ и тутъ ежится и съ головой хочетъ уйти въ свой воротникъ, какъ, быть-можетъ, ежился цѣлую жизнь. Нѣсколько голосовъ чуть слышно тянули погребальное пѣніе; дьяконъ, дѣлая большіе шаги и съ трудомъ выгребая ноги изъ снѣга, звякалъ кадиломъ и прерывающимся отъ усталости голосомъ подтягивалъ пѣвчимъ. Въ перерывахъ погребальнаго пѣнія наступала мертвая, ледяная тишина: слышался шумъ ногъ по снѣгу, съ крышъ щелкалъ и долбилъ въ тротуаръ капель, гдѣ-то неугомонно лаялъ щенокъ, пѣлъ пѣтухъ, и за самой забористой нотой его пѣтушинаго «кукареку» гнался вопль причитанья: «Батюшка! голубчикъ! что-жъ это такое? Петръ Митричъ!..»—«А-а-а-а-а...»—тянули вслѣдъ за матерью ребятишки, разинувъ рты во всю ихъ ширину и будто не думая ихъ когда-нибудь закрыть. И снова пѣли и снова шли. Скоро на концѣ улицы исчезли сопровождавшія процессію сани съ ковромъ и кучеромъ безъ шапки, и народъ началъ расходиться. Медленно впол-

залъ онъ опять въ свои норы, слѣзалъ съ крышъ, не забывъ предварительно плюнуть во внутренность трубы и потомъ послушать, какъ щелкнетъ плевокъ внизу; все это дѣлалось нехотя: отъ нежеланія снова отдаться во власть будней, которыя-было такъ неожиданно на минутку ускользнули изъ виду, доставивъ возможность расшевелить свои кости, почесать глаза и языки. Надо было имъ какъ-нибудь размытарить время до обѣда, до прихода мужей, и съ этой цѣлью почти вездѣ зашумѣли самовары, и вмѣстѣ съ пѣніемъ самовара затрещали язычки нѣкоторыхъ бабъ, извѣстныхъ подъ именемъ сосѣдокъ, Прохоровнъ, Кузминичнъ, товарокъ, кумушекъ и проч. Шумъ самовара и трескъ сосѣднихъ языковъ кое-какъ заглушали непріятно шевелившуюся внутри мысль о томъ, что «всѣ мы помремъ». Около этой, внезапно выросшей истины и вращалась вся сосѣдняя бесѣда. Мало-по-малу бесѣда эта перешла въ набожные диспуты о томъ, гдѣ душа пребываетъ на девятый день, видитъ ли она что-нибудь или нѣтъ, и проч. Въ случаѣ распри и несогласія одна изъ спорящихъ не забывала втиснуть между прочимъ недавнюю исторію о пропавшей курицѣ, а другая, въ свою очередь, тонко упоминала и тосковала о ваточной юбкѣ, которую она повѣсила-было просушить на заборѣ, да на грѣхъ отвернулась. И этихъ намековъ было достаточно, чтобы ратоборцы пришли къ единодушному заключенію о пребываніи души за галстукомъ. Въ это время народъ, провожавшій похороны, не спѣша возвращался назадъ, какъ слѣдуетъ исчерпавъ всю обычную процедуру вытья. По обѣимъ сторонамъ улицы ползла чиновная братія, разбившись на кучки по два, по три человѣка и разсуждая о томъ, что «всѣ мы помремъ». При этомъ многіе вздыхали и произносили: «все Богъ». А другіе прибавляли къ этому: «все Онъ, Батюшка», и тоже вздыхали... По временамъ кто-нибудь заводилъ рѣчь о шелеуховскомъ мѣстѣ, и по поводу этого начинали жалѣть покойнаго, и жалѣли вполнѣ искренно и отъ чистаго сердца, потому что всѣ были болѣе или менѣе *люди добрые*. И по этой же причинѣ, вмѣстѣ съ яснымъ знаніемъ полнѣйшей нищеты семейства покойнаго, вмѣстѣ съ крайнимъ сердоболіемъ и тосковаціемъ объ участи этой семьи,—въ добродѣтельныхъ сердцахъ сослуживцевъ таилась мысль о неотступной потребности похороннаго обѣда, къ которому теперь всѣ направляли стопы свои.

— Спасибо, еще Сусловъ подсобилъ,—говорили нѣкоторые,

вспоминая объ обѣдѣ. И дѣйствительно спасибо, что нашелся такой добрый человѣкъ; спасибо, что измыслилъ онъ, въ горнемъ мѣстѣ умовъ своихъ, о томъ неудобствѣ въ растерзанной горемъ душѣ, когда къ этому горю суется и тычется неотвязная забота напичкать соболѣзнующія горю утробы цѣлой орды этихъ добрыхъ людей. Сусловъ съ тонкостью измыслилъ это и съ полной увѣренностью на благодарность предложилъ: «Семъ, молъ, Авдотья Митревна, я вашъ лисій салопецъ къ Дунаихѣ снесу... авось цѣлковыхъ десять какихъ дастъ... Сами знаете: вѣчную тоже надыть откликать... А вы тѣмъ временемъ покойника-то обмыли бы, по христіанству...» Авдотья Митревна была въ томъ состояніи, когда опускаются самыя непокладныя руки, предварительно махнувъ на всю хозяйскую машину. «Ничего не слышу, ничего не вижу — хотя все вытащи до нитки, и то ни слова не скажу»,—говоритъ про это время Авдотья Митревна, и потому Сусловъ собственною своею особой оборудовалъ разныя позабытыя нужды и невѣдомыми путями добился до того, что когда послѣ похоронъ чиновная братія ввалилась въ комнату—столъ былъ уже накрытъ, и въ уголку на маленькомъ столикѣ виднѣлась распластанная селедка, два-три графина и проч. Помѣщавшіяся на этомъ столикѣ перевернутыя вверхъ дномъ блюдечки, съ прилѣпленными къ нимъ восковыми свѣчами, переселились на окно. Въ комнатѣ еще царствовалъ нѣкоторый безпорядокъ, на полу валялись кучки овса, которымъ при выносѣ обсыпали покойника и провожавшихъ, на притолкѣ у двери виднѣлась ссадина, сдѣланная гробомъ, когда ухитрились его пропихнуть въ сѣни, и на окнахъ лежали куски угля, находившіеся поутру подъ столомъ, гдѣ лежалъ покойникъ. Нѣкоторые чиновники подходили къ этимъ угольямъ, нюхали и морщились... Вслѣдъ за ними подходили другіе и тоже морщились... Иные просто ходили по комнатѣ, постоянно при встрѣчѣ давая другъ другу дорогу... У печки сидѣли двѣ старушки въ шаляхъ, держа руки съ бѣленькими платочками на груди; онѣ смотрѣли въ разныя стороны и, повидимому, вовсе не хотѣли видѣть другъ друга. Эта надутость была слѣдствіемъ утренней распри между старушками, изъ которыхъ одна утверждала, что нужно положить уголья подъ гробомъ, а другая, что вмѣсто нихъ нужно насыпать ладану на губы. Споръ кончился тѣмъ, что и уголья лежали подъ столомъ и ладанъ на губахъ, отъ чего покойника потянуло и внизъ и

вверхъ. Разговоровъ не было слышно; ждали вдову, которая дольше другихъ оставалась на кладбищѣ и потомъ вмѣстѣ съ ребятишками плелась на дрянномъ извозчикѣ домой. Потому ли, что одно горе тянетъ за рукавъ другое,—только и извозчикъ, и сани, и лошадь были крайне убоги. Сани поминутно дрожали, какъ въ предсмертныхъ судорогахъ, лошадь, покрытая большими бѣлыми пятнами, словно вымазанная сметаной, дѣйствовала только тремя ногами, четвертая была обмотана какой-то грязной тряпкой съ остатками крови; извозчикъ, за тѣснотою не помѣстившійся на облучкѣ, шелъ сбоку, какъ водовозъ около своей бочки, и безпрестанно путался ногами въ полахъ своего кафтана, очевидно, доставшагося съ чужихъ плечъ. Въ этихъ саняхъ помѣщалась вдова съ кучею ребятъ; двоихъ она держала на рукахъ, одинъ сидѣлъ на днѣ саней, высунувъ оттуда только голову съ отцовскимъ картузомъ, подъ которымъ былъ намотанъ большой шерстяной платокъ, завязанный большими узлами на спинѣ... Мальчуганъ, помѣщавшійся на извозчичьемъ мѣстѣ, умолялъ извозчика дать ему поправить лошадью. Извозчикъ принимался улаживать вожжи въ дѣтскихъ ручонкахъ, и лошадь незамѣтно затесывалась въ сугробъ, переползала передними ногами на тротуаръ и упиралась мордой въ окно. Изъ окна слышался стукъ, кто-то неистово калѣчилъ свою физіономію, но ни одно изъ словъ ругани, по всей вѣроятности, шумѣвшей за окномъ, не доносилось до извозчика, и онъ, единственно въ силу собственнаго соображенія о необходимости ѣхать дальше, самъ затесывался въ сугробъ, передъ самой лошадиной мордой, принимался стегать ее кнутомъ и кнутовищемъ, и сани снова выѣзжали на дорогу и ѣхали дальше. Ѣхали до того тихо, что гулявшіе посреди дороги голуби тогда только рѣшались отпорхнуть въ сторону, когда чувствовали, что лошадиное копыто виситъ надъ самой ихъ головой... Однако кое-какъ добрался убогій ковчегъ до дому, и такимъ образомъ всѣ скорбящіе дождались обѣда. Здѣсь всѣ толковали о постигшемъ горѣ, и при этомъ выходило такъ, что если бы вдова Шелеухова могла что-нибудь слышать и понимать, ей пришлось бы дрожать не за свою темную судьбу, а за тѣ страданія и муки, которыя въ настоящую минуту претерпѣваютъ ея гости... Если мѣрить горе ихнее количествомъ выпитаго и съѣденнаго, то оно дѣйствительно было велико. Растерзывая такимъ образомъ на части вдовій лисій са-

лопъ, заложенный у Дунаихи, гости вели между прочимъ возвышенные разговоры.

— А что̀ вы говорите насчетъ безсмертія,—то я съ вами не соглашусь.

— Да вѣдь безсмертіе невидимо.

— Кто это говоритъ?

— Я!

— Вы? Хорошо-съ! Но позвольте: душа тоже невидима?

— Душа безтѣлесна...

Спорящіе чувствуютъ въ головахъ своихъ нѣкоторый туманъ и поэтому обухоподобно смотрятъ другъ на друга. Для округленія рѣчи одинъ рѣшается снова возразить, пуская слова и цѣлыя-фразы на произволъ судьбы, словно въ бездонную пропасть, гдѣ они должны исчезнуть, или кто-нибудь пойметъ ихъ по-своему, и тогда всѣмъ очень пріятно слышать, что онъ сказалъ что-то такое, что̀ даже понять можно.

— Такъ что̀ же по-вашему, ежели я, напримѣръ, въ себѣ тамъ душу какую-нибудь имѣю... держу ее въ себѣ, то я бревно, что ли, какое?

— Вы содержитесь въ тѣлѣ своемъ!..

— Вотъ это другое дѣло! Такъ бы и говорили.

Мудрствователи видимо довольны такимъ концомъ. Они порываются даже взгрохотнуть слегка, но обстоятельства заставляютъ ихъ только юлить въ стульяхъ.

Наступаетъ тишина.

Слышно, какъ кто-то посасываетъ свои усы, вода булькаетъ въ стаканѣ, и кто-то вздыхаетъ, шопотомъ произнося: «охъ, Господи, Батюшка!»...

Какая-то скорбящая утроба, нагрузившись всякой всячиной, принималась икать, при чемъ все существо отъ головы до ногъ колыхалось и грозило расплескаться въ стороны... Ожиданіе киселя поглотило всѣ метафизическія ихъ мудрствованія, поэтому многимъ головамъ, очень жаждавшимъ, чтобы все было «какъ слѣдуетъ честь-честью», стоило громаднаго труда выдумать что-либо удобопонятное и приличное случаю.

— А что̀,—робко началъ наконецъ кто-то: — какъ вы думаете, смерть, напримѣръ... Что̀ она... умретъ когда сама-то?

— Она костяная...—брякнулъ басъ и отплюнулъ за стулъ, предварительно проглотивъ носомъ какой-то громоподобный трескъ...

Многіе тоже хотѣли отозваться по этому случаю, рѣшаясь пускать наудалую свои мнѣнія и воззрѣнія на этотъ предметъ, но, къ счастью, подоспѣлъ кисель, и всѣ схватились за ложки съ радостью, ничуть не меньшею радости восьмилѣтняго мальчугана, помѣщавшагося на концѣ стола. Чтобы понять его радость, нужно знать, что онъ давнымъ-давно дорывался киселька съ сытой, и извѣстіе, принесенное вчера Сусловымъ, о томъ, что кисель и сыта наконецъ-таки сниспосланы кѣмъ-то, замѣтно поубавило горе мальчугана о потерѣ отца. Не стѣсняясь работалъ онъ ложкой, попросилъ подлить еще, и не чуялось ему въ это время, что судьба заботливо снаряжала его въ далекій и голодный путь пищеты; въ эту минуту ему было легко, чувствовалось, что послѣ всей этой погребальной суматохи кто-то невидимо развязалъ ему руки, и, почемъ знать, можетъ-быть, здѣсь родились первыя зерна тѣхъ ощущеній, которыя даетъ полное сознаніе свободы. Какъ бы то ни было, но кисель, этотъ провозвѣстникъ свободы, уничтожался съ великой тщательностью, тѣмъ болѣе, что и мать оставила эти подливанія безъ призору. Она молча и недвижно сидѣла, прислонившись къ спинкѣ стула, и глазами полными слезъ смотрѣла не то въ землю, не то въ край стола. Иногда медленно закрывались ея вѣки, и тогда по щекамъ катились слезы. Но онѣ теперь не трогали упитавшагося мальчугана, и онъ, напротивъ, липнулъ къ матери съ разспросами, дѣйствительно ли горьки слезы, ѣдятъ ихъ или нѣтъ, и проч. Мать, не перемѣняя положенія, отвѣчала на эти вопросы однимъ словомъ или просто кивала головой... Скоро мальчуганъ, отягченный сытой и умаянный прогулкой на погостъ, попросилъ его стащить на кровать, и вслѣдъ за нимъ поднялись изъ-за стола гости, отодвигая икрами своихъ ногъ стулья. Грохотъ стульевъ, впрочемъ, скоро утихъ потому, что вслѣдъ за священникомъ всѣ запѣли «вѣчную память», и сквозь общее оранье мальчугану слышался плачъ матери. На эти слезы и онъ откликнулся своими слезами, а вслѣдъ за ними въ дѣтской головѣ начало живо рисоваться, какъ зарывали отца въ землю, какъ заколачивали въ углы гроба гвозди, засыпали землей... И тутъ ему почудилось, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ исчезъ подъ землей послѣдній уголъ гроба, отецъ вдругъ открылъ глаза... Темно... душно... Онъ хотѣлъ повернуться, но плечо его уперлось въ крышу... «Эй, эй, да меня зарыли... кто тамъ... Братцы!..» И мальчуганъ принимался

ревѣть, а послѣ этого реву хорошо и крѣпко ему спалось. Проводивъ гостей, вдова Шелеухова пошла въ комнату, гдѣ спали дѣти и помѣщалась двуспальная кровать. Здѣсь она сѣла на сундукъ, закрыла глаза и опустила руки на колѣна. Старушки, перессорившіяся утромъ насчетъ угля и ладана, поняли, что она теперь будетъ, должно-быть, горько плакать, и, не медля ни минуты, собрались ей вторить; съ этой цѣлью они поставили противъ вдовы два стульчика рядышкомъ, сѣли на нихъ и, утвердивъ около глазъ по салфеткѣ, которыми онѣ запаслись заранѣе,— приготовились къ плачу и рыданію, и скоро такимъ образомъ разливомъ полилось это рыданіе. А чиновная братія медленно разбрелась въ разныя стороны; на пути заходила въ трактиры, выпивала по силѣ возможности, снова плелась и снова выпивала. И по ея слѣдамъ, прихотливо разбросаннымъ нетвердыми ногами, вползали въ пустынныя улицы сумерки. Тощіе колокола гдѣ-то прозвякали ко всенощной; окна и ворота законопачивались наглухо, и все видимо торопилось какъ можно поскорѣе добраться до ночи. На дворѣ было такъ же тепло, какъ и утромъ. Небо было темное, бездонное, и изъ этой нависшей бездны непроглядною и безконечною тучей сыпались лепешки снѣгу. Медленно, словно по ниточкѣ, спускались снѣжинки и, казалось, не оставались на землѣ, а спускались ниже и ниже. Позднѣе чувствовалась въ воздухѣ морозная крѣпость, и кое-гдѣ подъ понагнувшимся фонаремъ на углу двухъ улицъ легонькій вѣтерокъ винтомъ поднималъ щепоть снѣгу, облизывалъ ею весь столбъ фонарный, забѣгалъ во внутренность фонаря и перескакивалъ на сосѣдскую крышу; а въ фонарѣ тощій огонекъ, перепуганный вѣтромъ, начиналъ прыгать, словно спугнутая впросонкахъ птица, и въ это время вмѣстѣ съ нимъ металась по земи четырехугольная тѣнь фонаря. Мрачными полосами тянулись улицы во всю свою длину и только по временамъ пересѣкались лучомъ свѣта изъ кабака, разлегшимся поперекъ дороги и дрожавшимъ своимъ широкимъ концомъ на противоположномъ заборѣ. Вдали едва слышно плелся обозъ-порожнякъ; въ кабацкомъ лучѣ мелькалъ каждый возъ одинъ за другимъ; мужики лежатъ въ дровняхъ, накрывшись рогожей, у дугъ позвякиваютъ колечки, впереди кто-то посвистываетъ; при поворотѣ дровни раскатываются, стукаются о заборъ или тротуарный столбъ, при чемъ возы скрипятъ, и мужики, встревоженные толчками, слегка приподнимаютъ

подъ рогожами головы. Задній возъ отсталъ, его догоняетъ, шлепая лаптями, мужикъ, на пути прихватившій у калашни пеклеванку въ копеечку... Нагнавъ возъ, онъ прямо вспрыгиваетъ въ него на карачки и исчезаетъ за другими. Слышны голоса и хляскъ ногъ:—это бродятъ шелеуховскіе сослуживцы, еще не открывшіе тихаго пристанища...

— Стой! Стой!.. тутъ церковь!..

— Э, никого не боюсь!..

— Стой! разражу...

— А-а-а-а!! никого не боюсь... а-а-а!!

— Что ты орешь? мультумъ свинья!..

— Цыцъ!!..

— Я за справедливость утоплюсь... Я за справедлив...

— Врешь... врешь... Ѳедоровъ, пихай его...

— Готово!..

Раздался хляскъ упавшаго человѣка.

— Кого это? меня? Ахъ, ты...

Затихло. Пощечина...

Сдѣлалось еще тише, но слышался усиленный хляскъ и скрежущій визгъ...

— Господа, разнимите ихъ, Христа ради...

— А-га-га... важно! въ високъ его! въ високъ...

— Кого? меня? Ахъ, ты...

— Я-тте поккажу... Карраулъ!..

— Карраулъ, караулъ...

. . . . . .

Кое-какъ растащили бойцовъ, и они, отыскавъ въ снѣгу свои шинели и шапки, съ ругательствомъ тронулись въ путь, оставляя за собой на снѣгу черные слѣды. Иногда враги быстро схватывали съ земли по комку снѣга и пускали ихъ другъ въ друга. Наконецъ ругань ихъ мало-по-малу замерла среди молодецкой пѣсни, которую отхватывало трое мастеровыхъ. Они шли посреди улицы, распахнувъ чуйки. Четвертый шелъ впереди и подыгрывалъ на гармоникѣ. Когда ему приходилось дѣлать соло, онъ нагибалъ низко голову и подносилъ гармонику къ самому уху. Замолкла и пѣсня...

И для т—скихъ переуловъ настала глубокая ночь.

II.

Въ это время въ домѣ покойнаго Шелеухова вся семья сбилась въ одну комнату, гдѣ послѣ обѣда началось поголовное вытье; какъ только старушки замѣтили, что Ше-

леухова перестала плакать, онѣ тотчасъ же поставили стулья на мѣста, встряхнули свои совершенно мокрыя салфетки и, повѣсивъ ихъ вмѣстѣ съ пеленками и свивальнями на веревочку, протянутую около печки, чтобы просушить,—отошли къ сторонкѣ.

— Опузырилась совсѣмъ, — проворчала одна обиднымъ шопотомъ.

— Да право, воетъ-воетъ, незнамо чего.

Вдова попрежнему сидѣла на стулѣ. Добрый человѣкъ съ шапкой въ рукахъ липнулъ у притолки и собирался идти домой. Ребятишки нѣкоторые спали, другіе почему-то боялись громко ходить, грозили другъ другу пальцами, говорили шопотомъ и съ такою же таинственностью вцѣплялись другъ другу въ волоса.

— Ну-съ,—вяло произнесъ добрый человѣкъ и отошелъ отъ притолки. — Засимъ до свиданія... Не забудьте къ Петру Ѳедорычу-то,—добавилъ добрый человѣкъ и поплелся во-свояси...

Было поздно, и старухъ одолѣлъ сонъ. Потосковавъ въ глубинѣ своихъ утробъ объ ужинѣ, о которомъ теперь некому было думать, онѣ съ кряхтѣньемъ и оханьемъ улеглись въ залѣ на полу и завопили на разные лады своими ветхими носами... Мать уложила ребятъ рядомъ съ собой на мѣстѣ мужа и сама, не раздѣваясь, прилегла къ нимъ сбоку... Въ эту минуту сонъ былъ далекъ отъ нея. Въ разстроенной вдовьей головѣ неотступно стоялъ образъ Петра Кузьмича; съ особенною, необыкновенною ясностью слышались его слова и фразы, не отличавшіяся, впрочемъ, особеннымъ разнообразіемъ. Вотъ будто онъ ходитъ по залѣ; должно-быть, ноги его не тверды, потому что онъ часто натыкается во тьмѣ на стулья и столы и неизвѣстно на кого кричитъ: «Эй, черти... аннаѳѳемы!..» Убитое сердце по-своему понимаетъ, что въ этомъ отчаянномъ крикѣ виновата она, и только ума не приложитъ, какъ бы помочь этому горю, какъ бы сбросить съ себя невѣдомую вину. И вотъ теперь робко думается ей, что страшная вина въ людской погибели вовсе не тутъ. Изсушенная грудь и голова, отказавшаяся понимать что-либо кромѣ собственнаго ничтожества и высокой провинности, пожалуй, могутъ постоять за это. Такъ что же заставляетъ мереть преждевременно людей, которые, въ свою очередь, можетъ-быть, и невинно, но все-таки систематически отъѣли полвѣка не у одной живой души? Ни потрясеній, ни погибшихъ надеждъ, ни какихъ-нибудь страш-

ныхъ ударовъ,—ничего этого не было!.. Ровною, но мутною полосою тянулись вѣковѣчныя будни, день въ день, ночь въ ночь, и, всосавъ человѣка въ глубину своей вонючей тины, заставляли сегодня полоскаться въ той же мутной водѣ, въ которой онъ полоскался вчера. А со временемъ человѣкъ ужъ безъ приневоливанья втюривался въ это болотище и въ немъ норовилъ отыскать свое спасеніе. Домашняя жизнь яркими картинами не изобиловала и вращалась только въ этой комнатѣ, потому что здѣсь совершались отхожденія ко сну, всевозможныя отдохновенія и пр. Здѣсь былъ столъ для трапезъ, и въ углу помѣщался шкапъ съ водкой. Этотъ шкапъ былъ чуть ли не главнымъ центромъ, около котораго и ютилась вся домашняя жизнь, къ нему исправно совершались путешествія передъ чаемъ, послѣ обѣда, для смѣлости, отъ смѣлости, съ горя, съ радости и т. д. И вотъ потому, что въ настоящую минуту не слышался скрипъ дверцы у шкапа, что не слышалось неизбѣжнаго за этимъ скрипомъ легонькаго поцѣлуя рюмки и графина,—ужъ одно это тянуло незамѣтно къ прошлому, хоть это прошлое-то было куда какое грустное. И вставало это прошлое рядомъ тусклыхъ будничныхъ дней. Съ ранняго утра до глубокой полночи тянулись они; физіономія нынѣшняго дня складывала физіономію завтрашняго, т.-е. ежели судьба вчера намѣчала подъ глазомъ фонарь, то фонарь этотъ сегодняшній день горѣлъ непремѣнно. Если судьба не намѣчала и не причиняла вчера никакихъ обидъ въ какомъ бы ни было родѣ, то поутру, продравъ глаза въ урочное время, Шелеуховъ расталкивалъ супругу, или она его, позѣвывалъ и запускалъ руку подъ подушку, гдѣ покоилась табакерка съ платкомъ. Шелеуховъ нюхалъ, кряхтѣлъ, трогалъ поясницу, накидывалъ на плечи нѣкоторое рубище и передвигался къ столу. На столѣ кипитъ самоваръ, и, пока жена гремитъ чашками, приготовляя обычное пойло, супругъ не спѣша разсказываетъ свои сновидѣнія, и такъ какъ всякій небольшихъ размѣровъ чиновникъ хочетъ какимъ бы то ни было образомъ обрадовать себя, ибо тщетно ждетъ всю жизнь своего счастья, то и сновидѣніе, каково бы оно ни было, онъ ужъ постарается растолковать въ свою пользу. Пусть у него ночью въ глазахъ ходили огненные столбы, бѣгали одни зеленыя пятна—чиновникъ сумѣетъ и изъ этого извлечь извѣстіе, что «теперь къ Рождеству навѣрное дадутъ третной окладъ». Съ теченіемъ времени супруга такъ впилась въ интересы мужа, что не только

выводитъ изъ мужниныхъ сновидѣній тѣ же заключенія, но, случается, и сны-то видитъ тѣ же... Иногда сны кажутся до того внушительны, что супруги наконецъ рѣшаются, въ счетъ будущихъ благъ, разориться на ребятишекъ и купить на всѣхъ бумажную лошадь съ хвостомъ, который, къ крайнему прискорбію ребятъ, въ тотъ же день оставитъ свое мѣстопребываніе, уступивъ мѣсто гусиному перу. Съ лошадью явится глиняная свистулька, а старшему, т.-е. первенцу, непремѣнно шьется картузъ съ форменнымъ околышемъ и кокардой. Это время хорошее, благодатное; подъ его наитіемъ незамѣтно ускользнула изъ головы клятва, выжученная великой нуждой и произнесенная не такъ давно на крестинахъ при сборищѣ публики: «Насчетъ ребятъ я теперь, какъ передъ Богомъ, ни-ни... Что̀ мнѣ? Слава Богу, награжденъ... утѣшатъ!» Благодатные сны засвѣтили впереди яркую надежду, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по обычаю многихъ дней и годовъ, столь же незамѣтно приготовили западню, въ которую человѣкъ, обольщенный заревомъ, хоть даже въ формѣ третного оклада, попадалъ не разъ и не два... Съ нѣкотораго времени, когда въ жилищѣ Шелеухова начала появляться какая-то особа въ чепцѣ съ желтыми лентами, ребятъ начинали выгонять въ другую комнату и вслѣдъ за ними запирали двери. Потомъ чепецъ просилъ подать умыть ему руки и при этомъ толковалъ ребятамъ, что скоро принесетъ къ нимъ «маленькаго такого братца или сестрицу». Ребята начинали съ особеннымъ напряженіемъ дожидаться минуты, когда, по словамъ бабушки, принесутъ братца, или когда, по словамъ матери, онъ появится изъ ушка; но какъ на грѣхъ приходилось всегда такъ, что въ самую замѣчательную минуту ревностный наблюдатель, не дождавшись конца чуда, засыпалъ, не раздѣваясь, гдѣ-нибудь на стулѣ и потомъ чувствовалъ, что его кто-то взвалилъ себѣ на плечо. Онъ открываетъ сонные глаза: бѣгаютъ со свѣчами, изъ другой комнаты тащутъ перину, повсюду страшная суматоха, суета, и слышится ребячій пискъ... «А!—мелькаетъ въ головѣ наблюдателя:—вотъ брата-то!.. принесли... Вмѣстѣ съ этимъ мелькаетъ желаніе подсмотрѣть новаго попутчика; это желаніе будило любопытнаго рано утромъ; и, несмотря на раннюю пору, глаза почему-то не слипались, что̀ было неизбѣжно, если родители норовили поднять къ ранней обѣднѣ, къ заутренѣ... Бойко сверкали въ темной дѣтской оживленныя мыслью глазенки, и чуткія дѣтскія уши слышали, что кто-то

двинулъ въ залѣ стуломъ, высморкался... Это отецъ. Но его подняло въ такую рань нѣчто другое. Въ великомъ раздумьѣ сидѣлъ онъ на сбившейся перинѣ, кое-какъ брошенной посреди полу; отъ времени до времени онъ посылалъ въ носъ звонкія понюшки, покачивалъ головою, жалъ плечами, и все потому, что приходилось рѣшать вопросы, нежданно-негаданно нахлынувшіе вмѣстѣ со вчерашними событіями, послѣ которыхъ особа въ чепцѣ съ желтыми лентами возвѣстила обрадованному родителю, что Господь наградилъ его двойнями. Видимая необходимость какого бы ни было приращенія волей-неволей настроила его такъ, что можно было даже радоваться этому приращенію, убѣдить себя, что это дѣйствительно къ добру и въ утѣшеніе ниспосылается. Но обстоятельство, совершившееся вчера, своею необычностью сразу разрушило искусственное счастье, и теперь на пепелищѣ этого счастья вдругъ втемяшивалась въ голову мысль: радоваться или не радоваться? Кое-какъ голова рѣшила, что по-настоящему радоваться бы... Вдругъ изъ-подъ этого колеблющагося самоутѣшенія невольно кралась другая занозистая задача: что̀ именно это такое? наказаніе Божіе или награда?—«Это наказанье Божье», — говоритъ кто-то, и робкая чиновная душа начинаетъ соображать, что это наказаніе посылается, чтобы смирить; что, стало-быть, она возгордилась передъ Богомъ... И тутъ вспоминается ей древній царь, въ видѣ быка ложирающій траву за гордость. Такое состояніе—замысловатая, нечаянная варіація. Кто-то раскачалъ болото, и одинъ всплескъ, выкинувшій лягушку на голый песокъ, заставилъ ее вытаращить глаза... Вообще, какъ бы ни совершалось пробужденіе, Шелеухову приходилось потомъ бѣжать въ палату, и, безъ сомнѣнія, обстоятельство, заставившее его продрать глаза не въ обычную пору, раньше обыкновеннаго гнало его и въ палату. Тамъ еще никого нѣтъ! Повѣсивъ въ сторожкѣ свою шинель, съ осторожностью обходилъ онъ темный уголъ, гдѣ, по палатскому преданію, удавился сторожъ Мишеневъ, и направлялся къ своему столу. Тутъ онъ, неизвѣстно зачѣмъ, трогалъ раздутую отъ песка книгу, тянулъ ее къ себѣ, при чемъ песокъ, разсыпанный по столу, скрипѣлъ. А между тѣмъ съ разныхъ сторонъ начинали вползать сослуживцы и своимъ крайне заплѣсневѣлымъ видомъ заставили бы изумиться человѣка посторонняго, заставили бы подумать, что здѣсь сборище какихъ-то увѣчныхъ, калѣкъ, порченныхъ. Но шелеуховскій глазъ присмотрѣлся

къ этимъ фигурамъ и къ этимъ лицамъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Шелеуховъ всѣмъ существомъ своимъ принадлежалъ къ той же породѣ, и его ничуть не давило то обстоятельство, что у одного почему-то ухо неизмѣримыхъ размѣровъ, другой тщетно старается закрыть платкомъ яркое сіяніе фонаря, третій поминутно хватается за поясницу, за животъ, кряхтитъ, охаетъ и дивится только, что не помогаетъ ему какая-то самодѣльная, зеленаго цвѣта мазь, которою онъ мажется каждый вечеръ, предварительно погасивъ свѣчу и совершая это лѣченіе не иначе, какъ во тьмѣ кромѣшной. У иного сапогъ, словно зѣвъ, извергаетъ нѣкоторую черную матерію: что̀ ни шагъ, то на полу черная, выпуклая лужа, и тряпка, выглядывающая будто языкъ изъ сапожнаго зѣва, размазываетъ эту лужу въ разныя стороны, и такимъ образомъ скоро, при содѣйствіи нѣсколькихъ подобныхъ сапоговъ и подобныхъ лужъ, полъ въ комнатѣ довольно вѣрно напоминаетъ весеннее таяніе, когда съ окрестныхъ горъ мутными ручьями бѣгутъ снѣга. Скоро, послѣ утреннихъ разговоровъ, въ которыхъ героями являются тѣ же сны, ниспосланные свыше провозвѣстники третныхъ окладовъ и другихъ благъ, канцелярская машина тронулась въ путь. Въ углу раздался усиленный зудъ перьевъ, и всѣ винты и гайки поспѣшили занять свои мѣста. Настаетъ полное царство чернилъ и песку.

Всѣ сидятъ, свѣсивъ головы, кто направо, кто налѣво; шумятъ листы, подшиваются къ дѣлу бумаги и проч.

— С-с-с-с...—слышится изъ-за двери, и всѣ шопотливые звуки, которые еще кое-гдѣ слышались, вдругъ замираютъ. Тишина мертвая; слышно даже, какъ песокъ шуршитъ по желобу согнутаго полулиста, устремляясь въ песочницу... Дѣло въ томъ, что изъ-за сосѣдней полуотворенной двери выглянулъ кусокъ совѣтницкаго лба и совѣтницкаго глаза, и этотъ начальственный взглядъ заставилъ всѣхъ онѣмѣть и отупѣть въ одно мгновеніе; ибо ощущеніе присутствія этого взора за спиной уподобляется ощущенію лома, которымъ кто-то уперся въ спину. А другому кажется, что взоръ этотъ, явственно чувствуемый на всей физіономіи, зажегъ на лбу у него какое-то лучезарное свѣтило, отъ котораго приходится часто и напряженно моргать, перекашивать щеки и глаза и заслонять ихъ рукой. Эти ощущенія пришли къ Шелеухову не вдругъ; они постепенно сказывались ему вмѣстѣ съ болью въ поясницѣ, съ нервнымъ подергиваніемъ глаза и множествомъ внѣшнихъ и внутрен-

нихъ неудобствъ, заставляющихъ его теперь совершенно сознательно трепетать и холодѣть отъ начальническаго взгляда. Если въ эту пору приходилось ему обойтись посредствомъ носового платка, то онъ какъ тать крался къ этому платку, помѣщавшемуся въ заднемъ карманѣ, потомъ съ такою же воровскою постепенностью направлялся съ платкомъ къ носу, будто боялся неосторожнымъ движеніемъ спугнуть его съ мѣста, и потомъ, накрывъ его, крѣпко держалъ носъ подъ платкомъ, но еще долго не рѣшался издать какой-либо звукъ, а по довольномъ размышленіи приходилъ еще и къ тому заключенію, что удобнѣе всего нагнуть голову подъ столъ, а тамъ уже расправиться съ носомъ по-своему. Вдругъ, во время этого нагибанія, затрещалъ сзади стулъ. У Шелеухова этотъ трескъ захватилъ духъ, и изъ-подъ стола взвилась мольба о спасеніи и помилованіи.

Вмѣстѣ съ Шелеуховымъ замерли и всѣ прочіе. Писецъ Пламеневъ, самый буйный изъ цѣлаго сонмища всякихъ писцовъ, намѣреваясь черезъ столъ сказать слово сосѣду, широко раскрывалъ ротъ и зміинымъ сипомъ произнесъ:

— Касимовъ, отъ меня несетъ?

— До-о-хни!—произнесъ Касимовъ.

Пламеневъ заслонилъ рукою ротъ и слегка дохнулъ, при чемъ по столу пронеслось нѣчто въ родѣ бури, загибались бумажные полулисты, поднимались вихри песку и слѣпили глаза.

— Претъ!.. бумагой заѣшь.

Пламеневъ, ни слова не говоря, хватаетъ первый полулистъ и, скомкавъ, посылаетъ его въ ротъ, гдѣ полулистъ исчезаетъ, какъ въ бездонной пропасти...

Начальническій глазъ исчезъ.

Раздалось чиханье, плеванье, двиганье ногами; все, что̀ было придушено этимъ глазомъ, теперь торопилось выглянуть наружу.

И опять визжатъ перья, шумятъ листы, стучатъ счеты. Бѣгаютъ избитой колеей избитыя строки и слова, а голова, которая вовсе не живетъ въ этихъ строкахъ, кое-что думаетъ по-своему. Думать чего-либо разумнаго она не можетъ, и поэтому въ настоящій моментъ канцелярскій умъ напряженно измышляетъ о томъ только, что не худо бы нахлынуть къ землемѣру Точкину, ибо вчерашній день пронесся слухъ, что Точкинъ получилъ прогонныя деньги... Но вдругъ, вслѣдъ за этимъ слухомъ, проносится другой слухъ, что Точкинъ исчезъ вчера въ полночь изъ города,

дабы, очевидно, убѣжать отъ нахлынутія добрыхъ товарищей. Надобно, стало-быть, изобрѣсть другой пунктъ, гдѣ бы можно было отвести душу. Нѣтъ ли хоть какого именинника? «Что̀ сегодня?»—въ затишьѣ размышляютъ безпріютныя головы:—Кузьмы-Демьяны никакъ?.. У насъ Кузьмы-то нѣтъ ли?» Но и Кузьмы не оказывается: есть два Петра, три Ивана, четыре Семена, но все это не подходитъ къ дѣлу... «Нѣтъ ли гдѣ-нибудь перепутья?» Не оказывается и перепутья; но эти преграды еще болѣе распаляютъ жажду выпивки. Она растетъ, и вотъ наконецъ въ головѣ писца Жамкина мелькаетъ яркая штука. Вспоминается ему, что третьяго-дни шли они съ Чуйкинымъ отъ всенощной, и приходилось имъ идти мимо жилища контролера Шелеухова; окна были не заперты, въ углу горѣла лампадка, и свѣтъ отъ нея падалъ прямо на бутыль съ наливкой, помѣщавшуюся на окнѣ... Свѣтъ лампадки таялъ въ вишневомъ цвѣтѣ наливки, и этотъ цвѣтъ въ настоящую минуту неотступно стоялъ въ обрадованной головѣ... Радость эта, сообщенная другу-сосѣду, перебѣжала и заразила собой всѣхъ, кто только ломалъ свою голову надъ отысканіемъ случая какъ-нибудь обрадовать себя. Но зато, если бы эта вѣсть о бутыли и о планахъ распорядиться ею добѣжала до самого контролера Шелеухова, онъ тотчасъ же ощутилъ бы, что ломъ, вставленный недавно начальническимъ взглядомъ только въ спину, теперь прохватилъ все его существо съ головы до ногъ. Къ несчастью для Шелеухова, опасность потерять возможность выпивки заставила чиновниковъ глубоко таить отъ него свои замыслы. Шелеуховъ остается такимъ образомъ въ невѣдѣніи и не думаетъ сомнѣваться въ томъ, что взлелѣянную имъ красавицу-бутыль онъ съ тріумфомъ, во всемъ блескѣ, покажетъ товарищамъ на Святой и при этомъ будетъ наслаждаться завистью окружающихъ, завистью тому обстоятельству, что онъ, Шелеуховъ, въ цѣлости сумѣлъ сберечь красавицу и съ великой натугой держалъ себя въ самыхъ строгихъ предѣлахъ цѣломудрія, удерживаясь отъ безпрерывныхъ искушеній опрокинуть эту бутыль на дно своей похотливой утробы. Въ этомъ дѣтскомъ мечтаніи Шелеуховъ возвращается домой, обѣдаетъ, отдыхаетъ и чувствуетъ, что зарокъ не глядѣть на бутыль производитъ благопріятные результаты. Въ силу этого обѣта онъ рѣшается, съ нѣкоторою даже пріятностью, посвятить себя на служеніе дому своему; вонъ онъ налиновалъ дѣтямъ всѣ тетради, начи-

нилъ перьевъ, налилъ въ чернильницы новыхъ чернилъ, прибралъ къ нимъ новыя пробки и строго наказалъ ребятамъ не марать пальцевъ и чернильницу носить въ классы, обернувъ бумагой. Жена со *спокойной* душой шила или принималась расчесывать запущенныя ребячьи головы и при этомъ совѣтовала мужу взять ножницы да подстричь Мишкины мохры. Мужъ безпрекословно, съ охотою исполнялъ это порученіе и теперь исполнилъ бы ихъ хоть тысячу. Послѣ стрижки онъ вышелъ въ залу, вбилъ въ стѣну гвоздь и повѣсилъ на него картузъ; сталъ на стулъ— поправилъ штору; отошелъ въ переднюю и оттуда потянулъ ногой половикъ... И половики, къ общей радости, чисты, и полы чисты, въ углу горитъ лампадка, и стекло у образа вытерто... Вдругъ въ окнѣ мелькнула изъ тьмы одна физіономія, за ней двѣ-три.

— Это наши!—поблѣднѣвъ, говоритъ Шелеуховъ женѣ, ибо понимаетъ, что бутыль какъ будто въ опасности.

— Ты запри въ залу дверь и сиди здѣсь... Ворота заперты; постучатся да и уйдутъ.

Тутъ были однѣ мины, за воротами были другія: безъ стука и грома, шопотомъ предложилъ кто-то къ общимъ услугамъ свои плечи...

— У меня ноги грязны!—проговорилъ кто-то...

— Вотъ тамъ, разбирать еще!.. Полѣзайте...

И скоро стукъ товарищескихъ ногъ послышался сначала въ сѣняхъ, потомъ въ передней и наконецъ въ залѣ...

— Добраго здоровья! — затрещало со всѣхъ сторонъ, и Шелеуховъ не зналъ, куда совать руки... Послѣ рукожатія нѣкоторые изъ коноводовъ, покашливая и потрогивая задній карманъ, заглянули въ слѣдующую комнату. А тамъ-то именно и помѣщалась бутыль.

Шелеуховъ трепеталъ и несвязно мямлилъ:

— Господа, вы туда, не тово... у меня тесть пріѣхалъ... старичокъ-дьяконъ... отдыхаетъ... усталъ.

— Что̀ же ты врешь!.. — раздается суровый голосъ.— Какой тамъ тесть?.. Господа! подержите-ка бутыль, я у Авдотьи Митревны рюмочекъ попрошу.

— Э-э-э... нѣтъ, нѣтъ!.. Это, братцы, оставить... Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе!—зашумѣлъ Шелеуховъ.

— Что̀ оставить?..

— Бутыль... Какъ угодно...

Молчаніе...

— Ахъ, ты, подлецъ этакій!

— Ну ужъ какъ угодно!.. Бутыль мнѣ дороже всего...

— Да нà, цѣлуйся съ ней... Лижи!.. Скотъ...

— Какъ хочешь... все равно...

— Для товарищей, оглобля этакая, пожалѣлъ рюмки водки...

— Никогда я водки не жалѣлъ...

— Ну тебя!.. хорошъ, братъ... Кузьминъ! у тебя есть мѣдныя, мы пошлемъ себѣ.

Кузьминъ начинаетъ изъ жилета выгребать мѣдяки, и въ то время, когда Шелеухова жена радуется твердости своего супруга, супругъ этотъ, почувствовавшій въ послѣднемъ изреченіи задѣваніе амбиціи, произноситъ:

— Такъ чтò же вы? Въ самомъ дѣлѣ я жалѣю, что ли?

— Обыкновенно подлецомъ передъ друзьями себя выразилъ...

— Такъ жрите же ее, подлецы... валяй!..

— Петръ Кузьмичъ! Петръ Кузьмичъ! Чтò ты дѣлаешь! Господи!—шепчетъ изъ-за двери жена...

— Прочь!

— Вотъ это дивно!..

— Да чтò ему вѣрить... онъ вретъ! Посылай, Кузьминъ...

— Врешь!..

При этомъ съ бутыли срывается дѣвственная повязка, и цѣломудріе бутыли исчезаетъ вмѣстѣ съ пробкой. Черезъ часъ отъ нея остаются одни дребезги; отъ наливки—винный запахъ; отъ компаніи друзей и пріятелей—лужи грязи на полу, высаженное локтемъ стекло, сдернутые половики, а отъ самого Шелеухова, исчезнувшаго вмѣстѣ съ другими, осталось только одно воспоминаніе о прошедшихъ дняхъ трезвости.

Вмѣстѣ съ братіею онъ теперь во прахъ рушитъ устроившуюся-было кое-какъ картину семейнаго счастья. Неизвѣстно, куда плетется вся ватага, и только поутру смутно припоминаетъ она, что была на погостѣ и гдѣ-то среди глубокой ночи звонила въ колокола. А дома, во время этого баламутства, вмѣстѣ съ робкими душами многихъ чиновныхъ женъ, дрожитъ и убивается робкая душа Шелеуховой. Не за свою боится она голову—нѣтъ, одна голова не бѣдна, говоритъ пословица. А вотъ передъ ней цѣлая куча дѣтей; беззаботно спятъ они теперь послѣ дневной бѣготни, и эта беззаботность мутитъ материнское сердце, ибо сердце это каждую минуту того и ждетъ, что судьба, въ видѣ фонарнаго столба, о который Петру Кузьмичу угодно будетъ

размозжить на ходу свою голову, эта судьба ни за что ни про что погонитъ ни въ чемъ не виноватыхъ ребятъ по міру. Передъ свѣтомъ кто-то стучитъ въ дверь, и скоро толпа неизвѣстныхъ людей, въ числѣ которыхъ попадается нѣсколько сосѣднихъ кухарокъ и два мастеровыхъ, втаскиваютъ на рукахъ нѣчто, завернутое въ шинель.

— Не вашъ ли?

— Нашъ, нашъ...

Шествіе трогается черезъ залу въ спальню. Слышенъ стукъ мужскихъ сапоговъ... Съ одной стороны процессіи идетъ въ рубашкѣ босикомъ жена, съ другой кухарка, и такъ какъ она тоже подсобляетъ, то ей пришлось сальный огарокъ въ деревянномъ подсвѣчникѣ поставить барину на животъ. Въ залѣ стоитъ извозчикъ съ кнутомъ у пояса; въ отворенную дверь несетъ вѣтромъ, а изъ задней комнаты, куда скрылось шествіе, слышно: «Сапоги, ноги заноси!.. лѣвѣй... лѣвѣй!.. Отодвинь комодъ-то!..» и проч...

Послѣ трудовъ народъ проситъ на водочку, что̀ имъ и вручаетъ кухарка натурой...

Эта внезапно вспомнившаяся неутѣшной вдовѣ сцена, разбудивъ собою безконечную вереницу такихъ же сценъ, заставляетъ ее невольно пріуныть по тому поводу, что ея когда-то крѣпкая грудь и вовсе не глупая голова — все это исчезло, высушилось въ періоды безпредѣльнаго страха за чужую судьбу, страха тѣмъ большаго, что судьба та находилась въ рукахъ безобразнаго дурацкаго случая, который по-своему устраиваетъ безпрерывное выпиваніе черезъ край...

Вспоминается ей время обѣда; столъ накрытъ, и только ждутъ, пока придетъ изъ палаты самъ. Но самъ не идетъ. Въ головѣ жены рождаются подозрѣнія и боязнь, которая выше всякой боязни... Ребята сидятъ за столомъ, отъ нечего дѣлать пуская ложки вдоль своихъ физіономій, но не прикасаются ни къ тарелкамъ ни къ хлѣбу, потому что это безъ самого невозможно... Зимой темнѣетъ рано, и около трехъ часовъ ужъ не совсѣмъ свѣтло. «Чу, — думаетъ жена:—пропалъ!»

— Мишь,—говоритъ она:—сходи-ка ты къ Малафееву...

Мишѣ не въ первый разъ ходить къ Малафееву, и онъ давнымъ-давно знаетъ, что это что-то въ родѣ харчевни... Вотъ онъ у Малафеева. Дверь отворяетъ ему высокій мужикъ съ кучерской физіономіей, въ бѣломъ фартукѣ...

— Тятеньки тутъ нѣту?..

— А который онъ?

— Высокій чиновникъ...

— Высокаго не видалъ... Вотъ какіе-то есть за ширмой... посмотрите...

Миша просовываетъ за ширмы голову и смутно различаетъ въ несвѣтлой комнатѣ какія-то фигуры. Тамъ пѣніе. Одинъ стоитъ посреди комнаты и дирижируетъ хоромъ, медленно поднимая и опуская руки. Когда регентъ поднималъ руки кверху, онѣ исчезали вмѣстѣ съ головой въ тучѣ табачнаго дыма, особенно сгустившагося у потолка... Кто-то поетъ «кукареку».

Однако отца здѣсь нѣту...

— Нѣтъ, тутъ нѣту...

— Ну, сталбыть, не были...

У мальчугана тоже сжимается сердце...

— Развѣ вотъ въ каморкѣ нѣтъ ли... Тутъ ихняго брата свалено довольно...

Миша входитъ въ каморку. Здѣсь совершенно темно, нѣтъ ни одного отверстія, въ которое бы проникалъ свѣтъ снаружи...

— На полу шарьте... на шинеляхъ...

Миша нагибается къ полу; въ нѣсколькихъ мѣстахъ слышно сопѣнье, и по слѣдамъ этого сопѣнья мальчуганъ протягиваетъ руку. Вотъ его ладонь уперлась въ чьи-то губы: они мокры и слюнявы...

— Тятенька!.. Тять!

— Что̀, не они?

— Нѣтъ, не онъ...

— Ну, не были... больше нѣту.

Миша выходитъ изъ каморки, обтирая объ полы своей одежды вымазанныя о чью-то бороду руки, и отъ нихъ все-таки долго отдаетъ нюхательнымъ табакомъ и еще какою-то мерзостью... Послѣ этого Миша еще разъ заглядываетъ за ширмы, гдѣ на этотъ разъ видитъ огонь и, къ счастію, узнаётъ въ господинѣ, усердно выкрикивавшемъ «кукареку», своего родителя... Желая изобразить пѣтуха, онъ корчится на своемъ стулѣ, вытягиваетъ впередъ шею съ напряженными жилами, стучитъ задками сапоговъ о переножку въ стулѣ и поетъ - заливается, хлопая въ ладоши...

Кое-какъ Миша дотащилъ его до дому. Отецъ сидитъ у стола. Онъ норовитъ стащить одной ногой сапогъ съ другой, но шерстяной чулокъ разутой ноги соскользаетъ съ

кожанаго каблука, отчего локоть, которымъ онъ уперся въ столъ, срывается, и Шелеуховъ клюетъ носомъ...

— Ну-ка...—вяло бормочетъ онъ...

— Что̀-о?—сурово спрашиваетъ жена, не переставая трепетать за конецъ этой исторіи.

— Одну, одну...

— Какъ же... слава Богу, хорошъ!..

— Какъ?

— Хорошъ...

— Двай... счасс... слышь...

— Нѣту ничего... гдѣ я тебѣ возьму?..

— Я съ крыши... брошсь...

— Ну да, сейчасъ!

— Я съ крыши брошсь...

— Да что̀ ты... По мнѣ бросайся... ребятъ не жаль...

— Я съ крыши брошсь...—твердитъ пьяный языкъ.

Чуется великая буря, и дѣйствительно, въ тотъ же день разносится у сосѣдей слухъ, что видѣли Шелеухова на трубѣ, какъ его качало вѣтромъ, какъ съ земли посылались къ нему вопли семьи и жены: всѣ молили, чтобы онъ не возносился такъ далеко, а снова явился между ними, на что Шелеуховъ согласился не прежде, какъ въ виду его, на снѣгу, былъ поставленъ графинъ съ водкой и рюмка...

Тогда только, при содѣйствіи сосѣдскихъ кучеровъ, его стащили оттуда...

Но вотъ наконецъ что-то похоже на переломъ... Въ одинъ день изъ-за совѣтницкой двери, вмѣстѣ съ внушительнымъ взглядомъ и лбомъ, высунулся не менѣе внушительный палецъ и поманилъ Шелеухова. Шелеуховъ трепеталъ сначала весь въ лютомъ холодѣ, потомъ въ лютой жарѣ и обливался ручьями пота. Это произошло оттого, что Шелеухову объявлено было о представленіи его къ наградѣ.

— Но къ третному...—добавило лицо:—думаю опять попробовать...

— Васк... осмѣливаюсь доложить... шесть разъ отказали...

— Нну! Что̀ дѣлать! Авось какъ-нибудь!..

— Воля Божія-съ!..

— Д-да... А вы тѣмъ временемъ сами... на бумажкѣ... «ревность, усердіе... неусыпно»...—При этомъ лицо тычетъ пальцемъ въ ладонь...—Поняли?

— Такъ точно-съ...

— Прощайте...

Шелеухову чувствуется, что и эта попытка будетъ напрасна, и поэтому съ великою тоскою принимается онъ за писаніе. Вечеромъ раскрылъ онъ подъ зеркаломъ столъ, разложилъ бумагу, но чернилъ у ребятъ не оказалось, поэтому послали попросить у сосѣдей... Тамъ сказали, чтобъ не всѣ изводить—самимъ нужно. Кое-какъ собрано наконецъ все, но дѣло не ладится, потому что чиновную душу мутитъ мысль: «не дадутъ». И это преждевременное разочарованіе не окрыляетъ ни чиновнаго ума ни пера.

Надо окрылить. Спутешествовалъ къ шкапу; сѣлъ; крякнулъ; свѣчка нагорѣла, — снялъ пальцами; пальцы засалились, пера не держатъ. Обмакнулъ; хотѣлъ вывести букву, вывелъ лужу, ибо изъ чернильницы вытащилъ на перѣ какое-то бревно.

Не ладится. Спутешествовалъ еще; новый листъ взялъ. Принялся сосредоточивать мысли,—ребятишки сзади шумятъ: вздумалось имъ привязать къ ножкамъ стула, на которомъ сидитъ отецъ, покромки. Ребята берутъ концы покромокъ въ ротъ, какъ удила, загибаютъ головы и, желая изобразить лошадей, бьютъ ногами, ржутъ.

Опять спутешествовалъ. Вывелъ букву.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ жена вздумала мыть ребятъ. Двери были заперты, но вой, пискъ, визгъ, невзирая на это, ломился въ комнату, гдѣ писалъ Шелеуховъ. Въ головѣ у него безсвязно неслись фразы: «будучи не замѣченъ въ поведеніи... и неусыпною ревностью... рвеніе... необъятное семейство...» Вообще ему хотѣлось изумить своими подвигами, но всѣ измышленныя имъ фразы будто играли съ нимъ въ жмурки, ибо онъ никакъ не могъ схватить ихъ сразу, для того, чтобы разобрать, какъ приткнуть ихъ дружку къ дружкѣ.

Опять къ шкапу... Сѣлъ. Еще новый листъ взялъ. Но оранье бабъ и ребятъ бушевало неутомимо.

— Да заприте вы дверь-то!.. Господи!.. Васька, не плюй!.. Что̀ ты кошку-то... Отнимите у него кошку, Христа ради!.. Царица Небесная!.. Акулина! Посвѣтите вы... аль вы оглохли...

— А-а-а-а...—орали ребята.

— Ну не буду, не буду...—утѣшала баба.

— О, этта Акулина! скажи: мы ее, эту Акулину...—тянула сама же Акулина, проворно работая руками около ребячьей головы...

— Ай-ай-ай, — голосили ребята, которымъ крѣпко приходилось отъ горячей воды и мыла, ѣвшаго глаза. Вой этотъ росъ выше и выше, наконецъ пробралъ Шелеухова.

— Что̀ они рѣжутъ, что-ль, кого?—свирѣпо произнесъ онъ и распахнулъ дверь.

— Что̀ вы, шкуру, что-ль, дерете?

— Не твое дѣло... пиши свою бумагу, — сердито отвѣчала жена, вся красная отъ суеты; при этомъ она поливала изъ кувшина, держа его вверху, пятерыхъ ребятъ, помѣщавшихся въ корытѣ.

Вверху стоялъ паръ; на полу лужи.

— Ну, обыкновенно, не мое, — говоритъ Шелеуховъ и снова путешествуетъ къ шкапу: —я вамъ не нуженъ.

Едва онъ успѣлъ сѣсть опять, какъ у бабъ раздалось:

— Батюшки! обварили кипяткомъ!..

— Зажгите свѣчу, зажгите свѣчу! — визжалъ женскій голосъ.

— Нну!—произнесъ Шелеуховъ и бросился снова къ двери. Въ это время ребята дернули за покромки, пустой стулъ упалъ, ребята стукнулись лбами въ полъ... Начался вой...

Шелеуховъ съ остервенѣніемъ подошелъ къ столу, сгребъ все въ кучу: бумаги, перья, чернильницу, свѣчку, и все это ляпнулъ на полъ.

— Тьфу!

Воцарилась тьма. Отовсюду слышался скрежетъ, визгъ, и въ распахнутыя двери несся столбомъ паръ. Всѣ натыкались другъ на друга, ругались, и Шелеуховъ, ощупью добравшійся до шкапа, сумѣлъ пропустить залпомъ двѣ порціи.

Но иногда вслѣдъ за такими буйствами и тиранствами наступалъ покаянный день, и тогда нельзя было думать, что это тотъ же человѣкъ, который нѣсколько часовъ тому назадъ думалъ, что все его дѣло въ здѣшнемъ мірѣ ограничивается нехитрою заботою заносить полѣнья надъ головами жены и дѣтей, единственно въ силу своего высокаго человѣколюбія не мозжить этими полѣньями беззащитныя головы...

Въ такія покаянныя минуты покаявшагося грѣшника можно было посѣкать вѣтвію и при этомъ приговаривать что-либо назидательное. Въ эту пору его можно было ставить на колѣни въ уголъ лицомъ, и если бы это дѣйствительно когда-нибудь случилось, то навѣрное можно сказать,

что деспота и властелина пришлось бы еще дергать за уши, для того, чтобы заставить его перестать гремѣть у печки заслонкой, не колупать замазки и проч.

Онъ вдругъ начинаетъ бояться жены и поэтому улучаетъ минуту, когда она обернется къ нему спиной, и тогда уже шагъ за шагомъ подвигается къ шкапу, ибо колокольный звонъ послѣ вчерашняго торжества, до сихъ поръ раздающійся въ головѣ, выгналъ его прежде срока изъ палаты и мутитъ его душу. Направляясь къ шкапу, прокаженный съ особенною осторожностью дѣлаетъ ногами какія-то па, словно въ русской пляскѣ, не спускаетъ глазъ съ жениной спины и боится вытащить руки изъ кармановъ панталонъ. Наконецъ онъ у шкапа. Полегоньку высвободилъ онъ одну руку, за нею другую, полегоньку отворилъ дверцу, стащилъ графинъ и рюмку, и налилъ, и уже полная рюмка стоитъ на полпути ко рту, какъ глаза, все еще устремленные на женину спину, замѣчаютъ, что спина эта поворачивается. Повернулась. Глаза встрѣтились, Съ перепугу покаявшійся пускаетъ руку съ рюмкой напропалую, и она попадаетъ въ щеку. Водка затекла въ ухо, бѣжитъ по воротнику, по жилету, по пальцамъ.

— Опять,—кротко говоритъ жена.

— Не твое дѣло,—говоритъ уже тотъ же недавній *глава,* ибо конфузъ съ рюмкой пробудилъ въ его головѣ мысль: «Да что̀ я у себя ворую?.. Что̀ я... въ своемъ добрѣ-то не баринъ?»

И теперь немного приходится ждать, чтобы полѣно засвистало снова надъ головами...

Среди этакой каторги есть у семьи и свои убогія радости. Полная радость требуетъ небольшихъ жертвъ. Счастливы всѣ, если слышатъ, что послѣ буйствъ и общаго переполоха самъ наконецъ заснулъ, и есть надежда, что проспитъ еще долго, стало-быть, до вечера можно жить какъ хочется, насколько еще можетъ проявляться это хотѣнье среди постоянно забивающаго страха и самодурства.

Тутъ является позабытый аппетитъ, и шопотомъ идутъ разговоры.

Въ эту минуту не желалось бы большаго счастья!

III.

Въ одну изъ такихъ счастливыхъ минутъ Шелеуховъ что-то долго тянулъ счастье своей семьи. Было уже одиннадцать часовъ ночи, а онъ не вставалъ. Пробовали побудить—спитъ. Послушали—не дышитъ... Умеръ!

— Что̀ я съ нимъ буду дѣлать?—произнесла жена.

Въ эту пору слезъ не было, ихъ кто-то могучей рукой стянулъ подъ сердцемъ.

И въ этомъ случаѣ задрожало бы всякое сердце! По совѣту добраго человѣка вдова пошла къ Петру Ѳедоровичу и тутъ узнала, что нельзя и взглянуть на Петра Ѳедоровича, чтобы не повалиться ему въ ноги.

— Встаньте, бѣдная женщина! Я сдѣлаю все, что̀ отъ меня зависитъ. Проводите ее!

— Батюшка! отецъ!

— Проводите

Отъ Петра Ѳедорыча—къ Ѳедору Петровичу. Ѳедоръ Петровичъ сидѣлъ на креслѣ и такъ сложилъ ноги, что онѣ невольно просили поклоненія.

— Встаньте, бѣдная женщина! Я сдѣлаю все, и т. д. Проводите ее!

— Батюшка, заступникъ...

— Проводить ее!

Черезъ нѣсколько времени надежда оставалась только на Бога. Съ этою цѣлью Шелеухова далеко до звона тащила полусонныхъ ребятъ въ церковь и принималась прикладывать ихъ къ образа̀мъ. Въ церкви было пусто, обѣдня не начиналась, и среди тишины слышалось, какъ жарко шептали чьи-то уста: «Не оставь Ты меня съ младенцами Твоими... Господи!..»

Изъ чиновничьяго быта.

I.

...Въ Гороховомъ переулкѣ свадьба... А слѣдовательно и толпа и разговоры.

Четырехоконный домикъ чиновника Младенцева до такой степени былъ переполненъ всякаго рода удовольствіемъ и радостью, что ветхая фигура его теперь напоминала выбрившагося старика-чиновника, приготовившагося къ парадному визиту по начальству. Старческая фигура ветхаго дома старалась казаться веселой или даже торжественной: въ окна, выпускавшія на темную улицу широкіе лучи свѣта, были видны чинныя фигуры гостей, съ лысыми, лоснивши-

мися какъ стекло головами, съ высокими бѣлыми галстуками и отвислыми красноватыми подбородками. Между гостями въ залѣ сидѣлъ протопопъ въ камилавкѣ, на ухо которому что-то шепталъ маленькій чиновникъ, разсказывая, по всей вѣроятности, какую-нибудь ужасную неправду, которую ему учинили; протопопъ кивалъ головою и дѣлалъ съ своей стороны все, чтобы показать чиновнику свое сочувствіе. Вообще свадебный вечеръ находился еще въ первой своей половинѣ, то-есть въ трезвости, солидности, благонравіи; все еще было чинно, и только изрѣдка проносились между гостями какіе-то зловѣщіе слухи:—то хозяину шопотомъ докладывала какая-нибудь дальняя родственница, что офиціантъ засунулъ себѣ за голенище чайную ложку и опрокинулъ въ собственную свою утробу цѣлый полуштофъ желудочной водки; то вдругъ оказывалось, что между гостями сидитъ какой-то микроскопической величины чиновникъ съ физіономіей, безжалостно изрытой оспой, человѣкъ, попавшій сюда неизвѣстно какими путями, потому что ни сторона жениха ни сторона невѣсты не соглашалась признать его въ числѣ своихъ родственниковъ. Человѣкъ этотъ, весьма молчаливый и застѣнчивый, вдругъ обнаружилъ признаки такого жестокаго хмеля, что всѣ приходили въ ужасъ. Микроскопическій чиновникъ, къ довершенію несчастья, начиналъ икать и бормотать все громче и громче.

— Засужу!!. Засс-жу!.. въ Сиббирь... А потому, по 12.568 ст. пункты, пункты, пункты... немедленно въ ссыльно-катторр... (икаетъ). И превосходно! и т. д.

Сердце хозяина всякій разъ сжималось при видѣ фигуры.

— Утомились?—сочувственно говорилъ онъ ему.—Отдохнуть бы вамъ... Въ самомъ дѣлѣ, не угодно ли?.. дымно, накурено... головокруженіе. Право.

Но чиновникъ начиналъ что-то бормотать въ родѣ: «Много доволенъ... Будьте покойны, — тоже чему-нибудь учился: альфа, вита, гамма, дельта...»

— Да, да, да,—твердилъ хозяинъ.

— Ну, и сдѣлайте милость... Я смирно и вы смирно... развѣ я не понимаю...

— О, помилуйте!—говорилъ хозяинъ, опасаясь буйства.

Чиновникъ прилипалъ къ хозяину своими большими слюнявыми губами.

— И кончено!—заключалъ онъ.

Дѣло съ микроскопическимъ чиновникомъ разыгралось все-таки тѣмъ, что его вывели вонъ.

Послѣ этого все приняло прежній, надлежащій видъ, и даже офиціантъ не обнаруживалъ признаковъ хмеля, продолжая искусно лавировать между гостями съ наполненнымъ фруктами подносомъ: онъ съ серьезной физіономіей знатока и человѣка, достаточно опытнаго въ дѣлахъ свѣта, и особенно въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, когда присутствуютъ только «*персоны*», зорко слѣдилъ за порядкомъ угощенія, руководствуясь при этомъ строгимъ чинопочитаніемъ. Иногда какой-нибудь гость, наблюдая, какъ его сосѣдъ загребаетъ цѣлыя пригоршни всякихъ лакомствъ, прибавляя при этомъ «женѣ», «ребятишкамъ, пущай ихъ»,— «Аннѣ Семеновнѣ, старушка, Богъ съ ней, тоже рада» и проч., и только-что этотъ гость собирался сдѣлать то же самое, присовокупивъ сверхъ жены, ребятъ и тетки еще довольно объемистую долю неизвѣстно кому, и протягивалъ-было алкавшую похищенія и грабительства руку, какъ офиціантъ вдругъ вздымалъ подносъ выше головы, говорилъ: «повремените-съ» и, описавъ подносомъ полукругъ по воздуху, тихо, словно птица, опускался съ нимъ на другомъ концѣ маленькой комнаты передъ персоной, которую слѣдовало угощать по ранжиру.

Словомъ, все шло чинно, степенно. Царствовала полная солидность и въ поступкахъ гостей, и въ ихъ разговорахъ, и въ осанкахъ. Всю эту картину напыщенности какъ нельзя лучше дотушевывалъ дубовый звукъ контрабаса, по толстымъ струнамъ котораго, не спѣша, двигался смычокъ, взвизги флейтъ, кларнетовъ и скрипокъ,—словомъ, музыка, которая, конечно, была слышна и на улицѣ, приковывала толпу зрителей къ окнамъ. Въ первыхъ рядахъ этихъ зрителей виднѣлись фигуры мастеровыхъ, горничныхъ, кухарокъ; а благородные зрители старались пробираться въ тѣни у забора, но все-таки противъ оконъ Младенцевыхъ, желая такимъ образомъ быть незамѣченными и вмѣстѣ съ тѣмъ все видѣть. Сужденія ихъ, т.-е. благородныхъ людей, и сужденія толпы были почти одинаковы:

— Фи, какой носъ! — говорили дамы, когда появлялась фигура жениха.

— Хо-хо-хо,—грохотали въ свою очередь фабричные.— Кто тебѣ носъ-то оттянулъ?.. Хо-о-о! Настояще, какъ журафь...

Какая-то фигура въ драповомъ пальто, заложивъ руки въ карманы, подошла и, почтительно снявъ шапку, обратилась съ самымъ вѣжливымъ вопросомъ къ одному изъ мастеровыхъ:

— Позвольте, будьте столь добры, узнать: здѣсь слѣдовательно свадьба?

— Здѣсь, братецъ ты мой, улица.

— Но когда явственно вижу — свадьбу... что̀ же за отвѣтъ съ вашей стороны?

— Да я тебѣ еще не такъ отвѣчу.

— Хо-хо-хо-хо...—залилась толпа.

— Довольно того,—говорила фигура:—когда желаешь съ вѣжливостью, съ аккуратностью, и взамѣнъ того слышишь мужицкое безобразіе.

— Да я тебѣ, захочу, бока сейчасъ поломаю!..

Опять загоготала толпа. Неизвѣстная фигура постояла, надѣла шапку и съ грустью сказала:

— Ну, Богъ съ вами... О, Боже мой! То-есть какое одеревенѣніе!..

Нѣкоторые изъ зрителей, преимущественно женскій полъ, не довольствуясь созерцаніемъ залы, потихонечку пробрались во дворъ и прилипли къ освѣщеннымъ окнамъ гостиной, гдѣ ихъ взорамъ представилась юная чета: невѣста вся въ бѣломъ, съ полнымъ лицомъ и какою-то болѣзненною желтизной около апатичныхъ глазъ, съ улыбкою нѣсколько насильственной, не вслѣдствіе, впрочемъ, какой-нибудь думы, а вслѣдствіе той же апатичности, съ которою она смотрѣла на всѣхъ гостей и съ которою она подставляла свою физіономію для поцѣлуя жениха. Женихъ, какъ казалось, крайне затруднялся исполненіемъ желанія гостей, ежеминутно кричавшихъ съ разныхъ концовъ: «горько»; заслышавъ такой крикъ, онъ какъ-то пугливо улыбался, потомъ тотчасъ же блѣднѣлъ, вытягивалъ преждевременно губы и какъ-то судорожно пихалъ ими въ губы жены. Женихъ былъ небольшого роста чиновничекъ, физіономію котораго можно назвать только аккуратною: не было въ ней ни малѣйшихъ признаковъ красоты, точно такъ же, какъ не было и отъявленнаго безобразія,—было что-то ровное, благообразное, чинное, выбритое и причесанное. Аккуратность и благочинность, отпечатывающіяся въ каждой чертѣ его лица, сглаживали незамѣтно и недостатки его, примѣтные при малѣйшемъ вниманіи. Такъ, напр., огромной величины носъ, сплюснутый до гнусавости съ боковъ и постоянно страдавшій насморкомъ, терялъ совершенно свое безобразіе въ ряду окружавшихъ его аккуратныхъ чертъ. Жениху было на видъ лѣтъ 35, но регулярная, богобоязливая жизнь и въ особенности настоящій моментъ молодили его и дѣ-

лали бодрѣе. Наблюдавшіе зрители находили, что невѣста какъ невѣста, и женихъ какъ вообще бываютъ женихи,— стало-быть, все благовидно и благополучно. А когда зрителямъ сообщилъ кто-то, что невѣста рада замужеству точно такъ же, какъ радъ женихъ женитьбѣ, то многіе присовокупили:

— Ну, и слава Богу! И дай имъ Богъ!

Радъ, дѣйствительно, былъ женихъ; довольна и почти счастлива была невѣста...

Поздно расходился народъ; еще позднѣе выползали, перевертываясь головою внизъ, гости. Судьба и водка, по обыкновенію, жестоко подтрунивали надъ ними: всѣмъ почему-то хотѣлось высказать другъ другу очень много разныхъ разностей,—но языки были мертвы какъ трупы и тяжелы какъ стопудовыя гири.

Если же кто-нибудь и могъ кое-какъ владѣть языкомъ, то языкъ, какъ нарочно, говорилъ совсѣмъ не то, что слѣдовало; хотѣлось, напримѣръ, сказать: «а гдѣ это я картузъ дѣлъ!», а выходило:—«я тебѣ рожу разобью...» и т. д.

— Подлецъ!—кричалъ кто-то.

— Ф... ккомъ смыслѣ?..

— Въ самомъ лучшемъ... и т. д.

Разговаривая такимъ образомъ, шли по домамъ и жители и гости. Слышались смѣхъ, ругательства и вздохи... то тихомолкомъ вздыхали молодыя дѣвушки-невѣсты, которыхъ очень много въ нашемъ Гороховомъ переулкѣ.

— Вотъ и Маша выскочила!—говорили грустно онѣ.

— Да...

— Экая, право, счастливая!..

И вздохъ.

Здѣсь и прекращаются описанія свадебнаго пира, ибо то, что будетъ слѣдовать далѣе, принадлежитъ совершенно къ другой области, нежели та, которая выпала на долю моего эскиза. Для полноты и для послѣдовательности этого эскиза я долженъ еще разъ повторить, что невѣста была дѣйствительно счастлива, или, вѣрнѣе, рада; что вздыхавшія дѣвушки дѣйствительно завидовали ей, потому что дѣйствительно были несчастливы. Долго онѣ не могли заснуть въ своихъ постеляхъ, потому что счастье Маши особенно упорно налегало на ихъ бѣдное сердце. Но если бы каждая изъ нихъ захотѣла отчетливо, въ постепенности высказать, чѣмъ именно она недовольна, то, къ несчастію, сдѣлать бы этого не могла... ныло только сердце, чувство-

валась потребность другихъ стѣнъ, другихъ голосовъ, другихъ лицъ. Чувствовалась только негодность окружающаго, но въ чемъ именно эта негодность—не сознавалось: что-то вообще запутанное, гадкое, спертое... Маша избавилась пока отъ этого состоянія, но и счастлива она только новыми стѣнами, возможностью смотрѣть на другой заборъ, ходить ко всенощной и къ обѣднѣ въ другой приходъ—только. Она хорошо знаетъ, что будущность ея сложится изъ няньчанья ребятъ, снованья въ кухню и на погребицу и ухаживанья за супругомъ (которому она будетъ пришивать пуговицы къ панталонамъ и рубашкамъ); навѣрно знаетъ она и то, что черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, настанетъ для нея та же самая жизнь, отъ которой она только-что была будто бы избавлена женихомъ, которому, ради его великаго подвига, было прощено и уродство, и отвратительная натуга казаться любящимъ человѣкомъ, и многое, что̀ въ другое время жизни вызвало бы звонкій смѣхъ или даже отвращеніе. Все это Маша знаетъ въ подробности, всему этому она видѣла множество примѣровъ, и все-таки говоритъ: «Слава Богу!»

Пока желается только другихъ стѣнъ... Это соломинка, за которую хватается погибающій, покупая минутный обманъ, вмѣсто счастья, цѣною вѣчной кабалы...

Увѣчья до такой степени велики, что нѣтъ даже возможности нарисовать себѣ какую-нибудь иную, лучшую жизнь, непохожую на жизнь тятеньки съ маменькой.

II.

Воспитаніе Маши шло такъ же, какъ воспитаніе большинства нашихъ провинціальныхъ барышень.

На концѣ улицы стоялъ небольшой домикъ, на воротахъ котораго даже не значилось, кому онъ принадлежитъ. Жила въ немъ старушка съ мужемъ, пьяницей-чиновникомъ, который, впрочемъ, только въ трезвыя минуты могъ показывать свою рожу въ комнату. И такъ какъ это было рѣдко, то постоянное мѣстопребываніе мужа старушки была кухня, а въ лѣтнее время сарай или курятникъ. Буйный и безобразный мужъ не давалъ ей возможности устроить тихой и уютной старческой жизни; больной сынъ ея и покорная жена этого сына, не осмѣливавшіеся никогда произнести своего слова, лишали ее возможности быть наставницей, внушительницей и вообще владыкой семьи. Не требовалось ровно никакого владычества, все совершалось примѣрно-

однообразно, ни на шагъ не отступая отъ начертаннаго однажды плана. Тишина поэтому въ домѣ старушки была самая поразительная: невѣстка днемъ обыкновенно шила молча точно чего-то боясь, сынъ былъ въ должности, мужъ—пьянъ, слышно постукиваніе маятника — и только. Времени такимъ образомъ у старушки было видимо-невидимо. Куда его дѣвать? Ругаться съ сосѣдями она не могла—не такой была комплекціи, да и сосѣди почему-то не воровали у нея куръ, и даже видимо старались избѣгать ссоры съ нею, считая ее женщиной степенной и умной.

Долго думала старушка, чѣмъ бы ей заняться, и наконецъ нашла занятіе, которое соотвѣтствовало ея стремленію властвовать и быть умнѣе всѣхъ. Стала она учить грамотѣ чиновничьихъ дѣтей—дѣвочекъ.

Обыкновенно, часовъ въ восемь утра, въ ворота ея дома вползали штукъ десять маленькихъ дѣвочекъ съ книжками; зимой шли онѣ въ салопикахъ и капорахъ, лѣтомъ — въ платьицахъ съ лифами и т. д. Старушка ласково встрѣчала ихъ,—т.-е. не цѣловалась и не гладила по головкѣ, а только не кричала. Вообще съ этой стороны ее очень любили дѣти: ученье ея было такого рода, что не нужно было особенно напрягать голову, потому что все преподаваемое было очень доступно дѣтямъ; не надъ чѣмъ было раздумывать и въ случаѣ непониманія плакать и волноваться. «Вырастешь, узнаешь»,—говорила старушка и, углубившись въ вязаніе чулка, слушала, какъ дѣти сразу десятью голосами выкрикивали славянскія слова псалтыря. Псалтырь, часословъ да молитвенникъ — вотъ всѣ высшіе предметы курса старушки. Подъ руководствомъ ея выходили хоть и неразвитыя, но здоровыя дѣти, хорошо знавшія молитвы: «Отче нашъ», «Вѣрую» и т. д. Родители были очень довольны этими познаніями своихъ дѣтей и умилялись сердцемъ, слушая, какъ какая-нибудь десятилѣтняя дѣвочка разсказываетъ во всѣхъ подробностяхъ житіе Варвары-мученицы, какъ она негодуетъ на царя Діоскора, таскавшаго св. Варвару за волосы, или повѣствуетъ объ угодникѣ Божіемъ, выпросившемъ себѣ у Господа лошадиную голову, чтобы избѣжать преслѣдованій женскаго пола, и т. п. Выучивались у старушки Анны Филипповны такимъ образомъ цѣлыя поколѣнія самыхъ плодущихъ чиновничьихъ женъ, и ежели этимъ женамъ попадались непьющіе мужья, то были онѣ очень довольны судьбой...

Шло такимъ образомъ ученіе въ Гороховомъ переулкѣ,

и не замѣчалъ этотъ переулокъ, какъ другая пора пробралась уже и сюда. Въ одинъ день большой пустовавшій домъ купчихи Часовиковой былъ подновленъ и нижнія стекла огромныхъ рамъ были замазаны мѣломъ, а вслѣдъ за этимъ вскорѣ явилось и слѣдующее объявленіе, наклеенное на фонарныхъ столбахъ:

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ открытіи въ г. N. частнаго пансіона благородныхъ дѣвицъ г-жи Карачаевой *).

Въ настоящее время когда, въ ряду постоянныхъ улучшеній гражданскаго и общественнаго быта нашего обширнаго отечества, стремленіе къ образованію полнѣйшему и многостороннему составляетъ насущную потребность всѣхъ классовъ общества г. N. необходимымъ оказалось расширить кругъ образованія дѣвицъ, сообразный съ современными требованіями онаго.

Пользуясь довѣріемъ родителей во многихъ городахъ нашего отечества, въ продолженіе многихъ лѣтъ, содержательница пансіона открываетъ его на совершенно новыхъ началахъ, имѣя въ основѣ расширенную и многообъемлющую програму знаній, необходимыхъ во второй половинѣ XIX столѣтія. А именно:

1) Деньги впередъ.

2) Воспитанницы раздѣляются на полу-пансіонерокъ и пансіонерокъ.

3) За полную пансіонерку 150 руб.

4) Деньги взносятся впередъ по полугодіямъ.

5) Карандаши, бумага, перья—родителей.

6) За полу-пансіонерку 100 руб. въ годъ.

7) Деньги точно такъ же по полугодіямъ впередъ.

8) Если пансіонерка прежде срока почему-либо оставитъ заведеніе, деньги не возвращаются.

9) Всѣ пансіонерки, поступающія должны имѣть серебряную ложку (84 проб.) столовую, 2 чайныхъ (серебряныхъ же), 6 салфетокъ и 2 скатерти.

10) Всѣ эти вещи по выбытіи остаются въ вѣдѣніи пансіона.

11) Нужно представить медицинское свидѣтельство. Свидѣтельство о рожденіи и крещеніи и званіи. Документы эти представляются вмѣстѣ съ деньгами за первое полугодіе.

---

*) Привожу это объявленіе съ буквальной точностью. — *Авт.*

12) Науки (тутъ исчислены всѣ науки, какія только существуютъ на бѣломъ свѣтѣ, даже итальянскій и англійскій языки, скульптура, живопись и т. д.).

13) Желающіе выучить своихъ дѣтей моднымъ танцамъ по всѣмъ правиламъ искусства, вносятъ деньги впередъ, полагая по 15 р. сер. за танецъ и т. д.

Содержательница льститъ себя надеждою и проч. и проч.

М. Карачаева.

Іюня 15 дня 1859 года.

Много было нужно времени на то, чтобы побѣдить какую-то упорную безсознательную робость, родившуюся въ чиновникахъ-отцахъ при видѣ этого объявленія. Долго и упорно старалась m-me Карачаева внушить господамъ родителямъ, что она не Богъ знаетъ что̀ такое, что она вовсе не гнушается ихъ чумазыми ребятишками. M-me Карачаева употребляла всѣ средства, чтобы хоть какъ-нибудь сблизиться съ чиновническимъ обществомъ. Дама на этотъ счетъ была она пронырливая и обсудительная и по этому случаю понемногу начала-таки добиваться своего.

Скоро тѣ, кто посмѣлѣе, отдали своихъ дочерей въ новую науку и немедленно замѣтили блистательные плоды этой науки. Въ первую же субботу воротились дѣвочки изъ пансіона совсѣмъ другія, говорили онѣ совсѣмъ не по-нашему: *табль, лянкръ, пермете муа, сортиръ* и т. д., и вслѣдствіе такого разговора дѣвочки очень драли носъ. Дѣвицы, не поступившія къ М. Карачаевой, почувствовали зависть къ своимъ подругамъ, начали почему-то стыдиться передъ ними за свое невѣжество, а папеньки ихъ призадумались не на шутку.

— Да что̀ же въ самомъ дѣлѣ,—заговорили они вдругъ.— Что̀ наши ребята — подкидыши, что ли, какіе, въ самомъ дѣлѣ? Слава Богу, не хуже другихъ... Чтобы какая-нибудь Андреевская Настька лучше моей была воспитана,— да я всѣ кишки-то ей выпорю вилкой... Никогда!..

Ради такого соревнованія повели родители учить своихъ дѣтей въ новую школу, пришептывая въ это время содержательницѣ на ушко что-нибудь въ родѣ слѣдующаго:

— Ужъ, пожалуйста, чтобы моя Наденька лучше всѣхъ.

— О, да, непремѣнно.

— Чтобы по всѣмъ наукамъ... Ежели что̀ потребуется деньгами, я доплачу.

— Да, немножко, можетъ-быть, нужно будетъ.

— Сдѣлайте милость. Только чтобъ ужъ она была самая первая... Чтобы по всему могла... Какая ежели случится новая наука, будьте такъ добры, пришлите кухарку сказать мнѣ первому; я деньги заплачу... Чтобы всѣ языки...

— Всѣ, всѣ.

— Нѣтъ ли еще какого-нибудь языка-то?

— Нѣтъ, нѣту...

— Гм... Ну, до пріятнаго свиданія; только ужъ сдѣлайте милость, похлопочите... Чтобы, то-есть, ежели можно, выше всѣхъ ее поставить... Христа ради! Прощайте!

Такимъ образомъ только тѣ изъ обывателей Горохового переулка оставили своихъ дѣтей у г-жи Глаголевой (старушки), кто уже слишкомъ вѣрно и долодлинно зналъ, что, отдавая дочь во французскую выучку, прогнѣваетъ Бога непремѣнно. Неуклюжія фигурки дѣтей, таскавшихся прежде въ науку къ старушкѣ, пріобрѣли своего рода лоскъ, своего рода гордость, по мѣрѣ того, какъ, вмѣсто ситцевыхъ платьицъ, нарядили ихъ въ форменныя, люстриновыя, и начали называть пансіонерками.

Сообразивъ, что своя баня есть, что есть даже своя лошадь и двѣ коровы, и что въ строительную комиссію будетъ чѣмъ платить, Младенцевы, супругъ и супруга, рѣшили, что можно и даже должно отдать Машу во французскую выучку. И отдали. При этомъ они руководились собственными тайными соображеніями такого рода: «что ежели вдругъ случится при женихѣ, и начнетъ она на этихъ самыхъ языкахъ говорить, — что-жъ это будетъ такое? обыкновенно женихъ ротъ разинетъ... А ежели онъ разинетъ ротъ, то стало-быть женится, потому что, разѣвая ротъ на такія невѣдомыя ему познанія своей будущей жены, онъ, т.-е. женихъ, будетъ разсуждать про себя такъ: «Ежели случится да при гостяхъ: напримѣръ, Прохоровъ съ женой, Ивановъ съ женой придутъ,—ежели при этакихъ-то тррр..., гррр..., лллл... Рты, анаѳемы, разинутъ... Вотъ какая жена-то! Никто ничего сообразить по ея высокой наукѣ не можетъ, а она можетъ... А за фортепіано ежели сядетъ—только и всего, что пальчиками пошевелитъ, а глядишь—французская кадриль выходитъ, или бы польскій,—что̀ угодно. Вотъ такъ жена! Вотъ это, по моимъ расчетамъ, называется — супруга». Такимъ тайнымъ желаніемъ отцовъ m-me Карачаева удовлетворяла вполнѣ.

Родители рѣшительно не знали, да, признаться сказать, и боялись мѣшаться въ чужія дѣла, гдѣ имъ, по ихъ невѣ-

жеству, вмѣсто всякаго разговора, могутъ просто шею накостылять. По этому случаю они съ какимъ-то страхомъ исполняли всѣ требованія, исходившія оттуда относительно покупки книгъ, относительно подарковъ къ именинамъ той или другой гувернантки и т. д. Къ Святой они тащили содержательницѣ пансіона гусей, куличи, пасхи и т. п.

— Напрасно вы безпокоитесь... право... — говорила имъ мадамъ Карачаева, принимая подарки.

— О, помилуйте,—отвѣтствовали ей обрадованные ея незлобіемъ отцы и матери и продолжали радѣть ей въ томъ же родѣ. По соображеніямъ ихъ, изъ ихъ дочерей выходили настоящія барышни, то-есть такія именно барышни, какія были для нихъ идеаломъ образованности и благовоспитанности.

— Ну-ка, Анюта,—иногда спрашивалъ у дочери отецъ-чиновникъ, напившись чаю и посиживая отъ-нечего-дѣлать съ женою у окна.—Ну-ка, скажи: какъ васъ тамъ, какимъ словамъ учатъ?

— Обыкновенно всякимъ,—добавляла жена:—деньги берутъ не маленькія, стало-быть, надоть выучить до самаго послѣдняго слова...

— Нѣтъ, это я такъ, — улыбаясь, говорилъ отецъ. — Это я чуть-чуть хочу; Богъ ее знаетъ, какъ въ разныхъ земляхъ-то... Что̀, напримѣръ, *плевать*, есть ли по-французскому-то?

— Есть...

— Цссс... Что̀ же, стало-быть, и у нихъ это самое: «тьфу»?..

— И у нихъ.

При этомъ отвѣтѣ, даже мать дѣвочки, сохраняющая вообще болѣе мужа собственное достоинство, отрывается отъ чулка и, съ улыбкой взглянувъ на мужа, говоритъ:

— Ну, а ежели случится сказать, примѣрно, когда придется Аксинью изругать,—дура ты, молъ, этакая... шкура... Есть?

— Я не учила.

— Еще не знаетъ... Видишь ты, ей-Богу! Все какъ есть, одно къ одному... ай-ай-ай...

Дочь, умѣвшая уже понимать необразованность своихъ родителей, не пропускаетъ при этомъ случаѣ озадачить ихъ еще болѣе. Она начинаетъ скороговоркой, не останавливаясь, сыпать, напр., такія непостижимыя слова:

— Шампань, Лотарингія, Эльзасъ, Франшконте.

— О-о-о...

— Провансъ, Лангедокъ, Гіень, Гасконь.

— Фффу ты, Боже мой!.. Будетъ, будетъ! Довольно!

Въ ушахъ родителей послѣ этого монолога идетъ какая-то ужасная вьюга чужихъ непостижимыхъ звуковъ.

Опомнившись нѣсколько, отецъ говорилъ:

— Н-да! Мудрено... Это ежели и нашему брату, и то, ей-Богу, ошалѣешь...

А m-me Карачаева между тѣмъ вела дѣло образованія по всѣмъ правиламъ своей расширенной программы.

Чтобы читатель могъ видѣть и хоть слегка познакомиться съ тѣмъ, какимъ образомъ приводилось въ дѣло желаніе расширить кругъ знаній и какого рода были эти знанія,— привожу отрывокъ изъ дневника одной пансіонерки.

«...Въ концѣ мая m-me приказала готовиться къ акту.

«— На первый разъ нужно какъ можно лучше показаться публикѣ. Народу будетъ много, потому что выборы,—сказала она.

«Всѣмъ было приказано шить бѣлыя кисейныя платья съ открытымъ воротомъ и запастись широкими красными и синими лентами для поясовъ. Началась суматоха. Прежде всего m-me начала насъ учить характернымъ танцамъ:— это необходимо для публики, говорила она. Всѣ гувернантки говорили то же. Ѳедоровъ (учитель) говорилъ, что это вздоръ, что это только на одинъ разъ, что онѣ не ученыя собачонки, и имъ не съ шарманкой ходить по улицамъ, но на него и вниманія не обращали.

«— Для публики, понимаете ли, для публики,—говорила ему m-me Карачаева:—я пять лѣтъ держу пансіонъ и знаю, какъ и что̀ нужно родителямъ.

«Ѳедоровъ только пожалъ плечами.

«На другой день послѣ этого разговора, въ двѣнадцать часовъ, къ намъ явился актеръ Славинъ. Его пригласили учить насъ. Онъ завился въ мелкіе локоны, выбрился, надушился и расфрантился въ пухъ и прахъ. Многія сейчасъ же и влюбились въ него по уши. Славинъ прищуривался, улыбался, вертѣлъ лорнетомъ. Просто противная рожа. Скоро начались танцы. Учитель показывалъ, какъ нужно поднимать ноги, и, размахивая при этомъ то той, то другой ногой, говорилъ: «вотъ такъ, разъ, два, три, разъ, два, три»... Иногда онъ присѣдалъ на полъ и руками поправлялъ чью-нибудь ногу. Ужасъ что̀ такое...

«— То-есть совершенныя обезьяны ученыя,—говорилъ Ѳедоровъ.

«— Я знаю, я пять лѣтъ учу, я здѣсь хозяйка,—сердилась m-me.

«— Конечно, дѣло ваше,—сказалъ Ѳедоровъ и ушелъ.

«Послѣ танцевъ насъ засадили за сочиненія. Ѳедоровъ говорилъ:

«— Какія же вамъ сочиненія? Я, право, не знаю... Ну, напишите что-нибудь,—осень, зима.

«— Что̀ вы? Что̀ вы?—закричала m-me.—Что̀ онѣ, десятилѣтнія дѣвчонки, что ли? Слава Богу, посмотрите на нихъ—онѣ невѣсты. И съ баснями вылѣзутъ?.. Развѣ это возможно?

«— Право, я не знаю. Какія же сочиненія? Знаютъ онѣ очень мало.

«— А вы что̀ съ ними дѣлали цѣлый годъ? Онѣ должны все знать. Я сама назначу темы. Подъ вашимъ руководствомъ онѣ должны написать... Вы должны указать имъ, помочь.

«— Это, какъ хотите.

«M-me задала три сочиненія: *о Байронѣ, о Провидѣніи* и *о превратности судьбы.*

«— О Байронѣ, такъ и о Байронѣ,—сказалъ Ѳедоровъ.— Стало-быть, и толковать тутъ нечего...

«Ѳедоровъ уперся книгой въ карту и, смотря въ потолокъ, говорилъ:

«— Ну... хромой... Скажите, молъ, хромъ былъ... Н-ну? Лордъ... стихи писалъ... погибъ отъ страстей... Что-жъ вамъ еще-то? Ну, да тамъ вообще по запискамъ; у васъ вѣдь есть въ запискахъ?

«— Мы не умѣемъ,—отвѣчали мы.

«— Что̀ же я съ вами буду дѣлать?.. Нужно... Скажите: погибъ, молъ, преждевременно въ водоворотѣ страстей отъ пресыщенія... Право, я не знаю... Хлопочите какъ-нибудь... Я исправлю.

«Мы рѣшительно не знали: какой это водоворотъ? какая превратность? Мучились, мучились... Я написала Колѣ записку, не можетъ ли онъ сочинить. Онъ сочинилъ: и тамъ тоже водоворотъ.

«— И у васъ?—спросила я его въ воскресенье.

«— Это вездѣ... Иначе и быть не можетъ... Байронъ былъ хромъ, былъ лордъ, погибъ въ водоворотѣ страстей. Изъ сочиненій его особенно замѣчательны...

«— Это не нужно...

«Нѣкоторыя изъ подругъ начали просить написать это

сочиненіе своихъ братьевъ, отцовъ, maman... Маша К*** попросила отца; онъ былъ очень сердитый человѣкъ, потому что служилъ всегда на войнѣ и рѣзалъ тамъ людей ножомъ. Отецъ Маши взялъ перо, бумаги, думалъ-думалъ, ходилъ - ходилъ, наконецъ выпилъ изъ графина очень много, сдѣлался пьянъ и золъ больше прежняго. Тогда онъ схватилъ стулъ и началъ все бить: зеркало, окно, дѣтей, и приговаривать: «вотъ тебѣ пресыщеніе!»; потомъ разбилъ стулъ объ полъ и закричалъ: «сытъ теперь, напился, анаѳема!..»

«Маша, ея мать, всѣ дѣти—плакали цѣлую ночь. На утро Машу заставили просить у отца прощенія...

«— Что̀ же вы, mesdames,—спрашивалъ черезъ недѣлю Ѳедоровъ:—все еще не сочинили?

«— Мы не умѣемъ.

«— Неужели? Да вѣдь это такъ просто... Байронъ! Ну что-жъ такое, велика важность... Что̀ на него смотрѣть-то... Хромой да и баста... Ха-ха-ха... Въ самомъ дѣлѣ штука...

«Мы молчали...

«— Итакъ, все-таки не можете?..

«— Нѣтъ...

«— Что̀ съ вами дѣлать; давайте, ужъ какъ-нибудь я... Дѣлать нечего... Погибать ужъ заодно... Вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ, не такъ страшно...

«Скоро были готовы и сочиненія. Только мудрено, нужно было непремѣнно выучить наизусть!.. Въ низшихъ классахъ въ это время воспитанницы учили стихи, басни: оселъ, козелъ, попрыгунья стрекоза и т. д...»

Такимъ образомъ подготовлялась та невыразимо-пріятная для публики и въ особенности для родителей—живая картина, которую представлялъ торжественный актъ. Въ самомъ дѣлѣ, что-жъ можетъ быть умилительнѣй этого зрѣлища: выходитъ дѣвочка девяти или десяти лѣтъ и тоненькимъ голоскомъ начинаетъ выпискивать, какимъ образомъ мартышка въ старости слаба глазами стала. Дикція, повышеніе и пониженіе голоса, подражаніе тону разговора большихъ выработаны настолько, что посторонніе зрители, созерцая это, не могутъ удержаться отъ самой добродушной улыбки, очень похожей на ту, которая является, напримѣръ, при созерцаніи собачонки, играющей въ карты. Затѣмъ выступаютъ дѣвицы взрослыя и начинаютъ мудрствовать, придавая голосу самый сентиментальный оттѣ-

нокъ: толкуютъ о разлукѣ съ пансіономъ, упоминая при этомъ о благодѣяніяхъ «нашей несравненной начальницы». Мудрствуютъ онѣ и о превратности судьбы, доказывая, что въ семъ тлѣнномъ мірѣ все бренно и скоропреходяще; мудрствуютъ и о Провидѣніи, утверждая при этомъ, что человѣкъ ничего не можетъ самъ... Все Богъ.

Мадамъ Карачаева въ хлопотахъ и умиленіи; она старается всѣмъ понравиться, всѣмъ угодить, бѣгаетъ, слѣдитъ за губернаторомъ и не отстаетъ отъ него ни на минуту. Потомъ начинаются танцы, и тутъ я уже отказываюсь изобразить тотъ восторгъ, который выказываетъ публика. Визгъ смычковъ, несущійся въ отворенныя окна дворянскаго собранія, пробираетъ даже кучеровъ, дожидающихся своихъ господъ, и они подъ мотивъ—*возлѣ рѣчки* начинаютъ понемножку вывертывать ногами...

Раздаются похвальные листы, аттестаты, музыка гремитъ: «Боже, Царя храни», и оканчивается такимъ образомъ живая картина, изображавшая, какъ въ теченіе трехъ лѣтъ учатся и преуспѣваютъ наши благовоспитанныя дѣвушки.

Дождались наконецъ и Младенцевы своей Маши. Былъ по этому случаю устроенъ торжественный вечеръ, на который были приглашены всѣ уважаемые знакомые и нѣкоторые изъ молодыхъ чиновниковъ. Огромный аттестатъ Маши показывался каждому гостю: отецъ постоянно развертывалъ его на ломберномъ столѣ и самодовольно произносилъ:

— Вотъ-съ, не угодно ли?...

Гости толпой обступали столъ и, держа руки назади, наклонялись надъ аттестатомъ и произносили:

— А-а-а!.. Скажите, пожалуйста...

— Двадцать двѣ науки!—говорилъ отецъ...

Гости захлебывались отъ ужаса. Родители были въ полномъ восторгѣ, потому что дочь ихъ была дѣйствительно такая заколдованная вещь, которую никто постигнуть не могъ. Двадцать двѣ науки, костюмъ, ужимки, ухватки и пр. и пр. и пр. Все это пріятно щекотало родителей. Да и сама дочь, сама барышня была видимо довольна собой, чему прежде всего способствовало устроенное для нея торжество.

Но торжество это прошло. Аттестатъ былъ свернутъ въ трубку и спрятанъ куда-то въ сохранное мѣсто. Барышнѣ пришлось жить самой; ей предстояла необходимость для собственнаго счастія передѣлать окружавшія ее будни. Но

даже мысли объ этомъ, даже сознанія, что̀ именно скверно и что̀ именно не нужно—не могло явиться въ ея головѣ. Вся многосторонняя наука трехъ лѣтъ оставила въ ея головѣ только какія-то общія фразы и кусочки формъ того или другого предмета. Если бы пришлось что-нибудь вспомнить изъ того, что̀ ей вбили въ голову, или передать эти познанія другому, то она, при самомъ сильномъ напряженіи головы, могла бы вспомнить что-нибудь въ родѣ: отъ правой руки къ лѣвой, отдѣляя на три цифры... и т. п.

Словомъ, дамская наука изъ несчастнаго субъекта образовала какую-то непригодную, неопредѣленную массу, безъ цѣлей, безъ смысла и даже безъ возможности развиться далѣе. А слѣдствіемъ такой науки явилось сознаніе пустоты, ожиданіе жениха-избавителя и самая отчаянная скука.

III.

Обходя подробности, въ которыхъ выражается искажающее вліяніе семейной жизни, я прямо перехожу къ другому, не менѣе важному предмету, который тоже немало участвуетъ въ этомъ великомъ дѣлѣ обезображиванія. Я говорю о мужчинахъ.

Въ тѣхъ болѣе широкихъ кружкахъ чиновнаго міра, гдѣ есть возможность какими-нибудь путями пользоваться книжнымъ опытомъ и понимать его, т.-е. гдѣ есть уже возможность, черезъ сравненіе, убѣдиться въ удобствахъ и неудобствахъ своей жизни,—часто слышится жалоба на нашихъ господъ кавалеровъ, жалоба на ихъ слишкомъ больную безтребовательность относительно подругъ жизни и особенно на ихъ спеціальное желаніе быть только *кавалерами*.

Въ самомъ дѣлѣ, кого бы ни взяли изъ мужской молодежи, вращающейся въ томъ маленькомъ кружкѣ, который выпалъ на долю нашего эскиза,—мы непремѣнно съ перваго же взгляда убѣдимся въ справедливости этихъ словъ. Столичный ли это кавалеръ, мѣстный ли бухгалтеръ, съ какой-нибудь духовной фамиліей; провинціальный нигилистъ,—человѣкъ, отрицающій науку въ видѣ извѣстной ему краткой исторіи Устрялова,—всѣ они въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ стараются быть прежде всего кавалерами, и въ этомъ состоитъ ихъ вина. Отцы собираютъ послѣднія крохи, вымазживаютъ, гдѣ возможно и гдѣ невозможно, полтинники и цѣлковые только для того, чтобы шить дочерямъ новую шляпку, сшить платье со шлейфомъ

и т. п., потому что этимъ они могутъ угодить вкусамъ и требованіямъ жениховъ - кавалеровъ. Относительно этого предмета требованія господъ кавалеровъ не отстаютъ отъ вѣка ни на шагъ, такъ что самый злой сатирикъ моднаго журнала никакимъ образомъ не можетъ подтрунить ни надъ однимъ бантомъ, ни надъ одной лентой, которые запоздали на мѣсяцъ противъ появленія своего въ столицѣ,— ибо этого и быть не можетъ, ибо, повторяю, это нужно для того, чтобы обратить вниманіе жениховъ. И все это дѣлается съ удивительной поспѣшностью, ради этого приносятся всевозможныя жертвы. Стало-быть, кавалеры въ нѣкоторомъ родѣ—сила. Потребуй они чего-нибудь другого, болѣе серьезнаго и дѣльнаго, родители волей-неволей отказались бы отъ многихъ безпутныхъ мнѣній относительно той или другой (будто бы) необходимости въ жизни и воспитаніи дѣвушки. Вышло бы сначала очень много смѣшного, еще болѣе глупаго, но потомъ, мало-по-малу, навѣрное сказалось бы настоящее слово.

Посмотрите въ самомъ дѣлѣ на рожицы господъ кавалеровъ, которые вращаются въ этомъ маленькомъ чиновномъ міру. Эти рожицы уже потому плохи, что онѣ вращаются здѣсь, потому что онѣ не дошли до сознанія, что здѣсь жить нельзя, и не ушли отсюда, куда глаза глядятъ, если не могли устроить своей жизни на другой, болѣе хорошій манеръ. Плохи и пошлы они, несмотря на то, что иной выняньченъ столицею, иной выняньченъ слухами о какомъ-то новомъ времени и т. д. Возьмите на пробу, кого хотите. Сначала хоть столичнаго юношу.

Столичный юноша по большей части происходитъ отъ какой-нибудь благочестивой семьи, принадлежащей къ этому же маленькому міру провинціальныхъ чиновниковъ. Благочестивая семья, за свою безпорочную службу отечеству, сумѣла какъ-то сунуть его въ Петербургъ, въ какое-то заведеніе, образующее людей съ карьерой навѣрняка; дала ему прежде этого образованіе до четвертаго класса гимназіи, родительское благословеніе на дорогу и отпустила на волю мудраго начальства. Благочестивая семья въ это время долго плакала и ставила свѣчи Іоанну-воину и Николаю-угоднику, а пока она дѣлала это, юноша преобразовывался не по днямъ, а по часамъ...

Наука, просвѣщавшая юношу, была, впрочемъ, такого рода, что не могла одолѣть нѣкоторыхъ воинскихъ наклонностей, появившихся въ юношѣ, и которыя въ высшей мѣрѣ

развилъ въ немъ Невскій проспектъ, Пассажъ и пр. и пр. Впрочемъ, это и не мѣшало дѣлу. Нужно было только быть почтительнымъ, являться въ воскресенье ровно въ семь часовъ и не грубить. Пять цѣлковыхъ, которые посылались юношѣ съ родины каждый годъ и составлявшіе въ столицѣ нѣкотораго рода иронію надъ словомъ «деньги», заставляли юношу отыскивать средства къ жизни, вслѣдствіе чего въ эту пору на его языкѣ стали встрѣчаться фразы: «огрѣлъ», «сорвалъ», «поддѣлъ» и т. д. Пухлая откормленная физіономія юноши, которою онъ щеголялъ въ провинціи, теперь значительно измѣнилась: она покрылась какими-то, только въ корпусахъ существующими угрями и прыщами, огрубѣла, опошлилась, благодаря преимущественно тому обстоятельству, что тетенька, къ которой юноша ходилъ въ отпускъ, часто оставляла его ночевать, ибо далеко. Коньякъ тоже принималъ большое участіе въ образованіи этого молодого человѣка.

Соберите всѣ эти лоскуты, которые облѣпили юношу въ столицѣ, и передъ вами представится вовсе не благовидная масса. Но прибавьте къ этому умѣнье покоряться и стушевываться въ извѣстныхъ случаяхъ, и одно уже это сгладитъ и прикроетъ многое или, по крайней мѣрѣ, не дастъ вамъ видѣть этого дурного. Изъ юноши вышло то дешевое блюдо, которое въ грошовыхъ кухмистерскихъ столицы слыветъ подъ громкимъ названіемъ: «паштетъ». Дѣйствительно, форма его страшно соблазнительна, но поднимите вы верхній слой, загляните вы въ середку этого кушанья и соберите всю силу духа, чтобы не ужаснуться; чего тамъ нѣтъ?—куски труповъ какихъ-то животныхъ, волосы, тряпки и даже что-то шевелящееся, живое.

Въ ужасѣ вы захлопываете верхней слойкой эту безобразную, возмутительную пищу и, если желудокъ вашъ кричитъ слишкомъ громко, начинаете отчаянно работать ножомъ и вилкой и, зажмуривъ глаза, отправляете куски въ ротъ. Точно такіе же лохмотья и тряпки, точно такая же непріятная и небезвредная смѣсь составляла столичнаго юношу. Позаботясь, между прочимъ, и о томъ, чтобы не ужасался посторонній человѣкъ, столица прилѣпила ему какіе-то жиденькіе погончики, выдала сумму на приличную обмундировку и въ самомъ дѣлѣ сдѣлала такое кушанье, которое имѣетъ видъ приличный,—и въ такомъ видѣ послала его снова въ провинцію, на старое пепелище.

Съ такими данными столичный кавалеръ явился въ глуши,

въ маленькомъ чиновномъ міру. Что же новенькаго привезъ онъ сюда? какъ онъ будетъ вести себя здѣсь?—этого вы даже и представить себѣ не можете. Наука Невскаго и тетушки въ этомъ мирномъ быту невозможны. Юноша, изъ желанія понравиться *всѣмъ*, припоминаетъ, какъ бы блеснуть здѣсь, не показаться вертопрахомъ и шематономъ. Вспомнивъ, что въ молодыхъ людяхъ здѣсь желали бы видѣть не сорванцовъ и не распутниковъ, онъ явился просто младенцемъ, стыдливо опускающимъ глаза въ землю, показываетъ какой-нибудь фокусъ на картахъ и выучиваетъ кошку скакать черезъ руку. Кромѣ этихъ способовъ времяпрепровожденія, онъ сообщитъ, что Исаакіевскій соборъ достигаетъ вершиной едва ли не до неба, на что чиновники разинутъ ротъ и еще разъ убѣдятся, что Россія—первое государство; сообщитъ, что существуетъ ясновидящая Берто, двухголовый теленокъ и проч. и проч. Изрѣдка прорывается онъ, сообщая вдругъ о пощечинѣ въ какомъ-то публичномъ мѣстѣ, нанесенной однимъ графомъ другому графу, или какъ кто-то поддѣлъ кого-то въ одну секунду на 22.000 руб. и т. д. Въ такихъ случаяхъ чиновники разѣваютъ рты и убѣждаются, что Россія—первое государство на свѣтѣ, а потомъ уже идетъ французъ и дванадесять языкъ. Съ барышней юноша рѣшительно не могъ сообразить ничего. Отношенія къ женщинамъ у него начались на Невскомъ, отношенія смѣлыя, исключительныя. По этому предмету онъ даже и вспомнить не могъ чего-нибудь невиннаго и могъ только одолѣть фразу:

— Какъ вамъ нравится погода?..

Но едва онъ дѣлалъ одинъ шагъ за ворота, онъ уже думалъ совсѣмъ иначе, застѣнчивости не было и слѣда; особенно насчетъ барышни онъ бы теперь распорядился по-своему, крайне энергически.

Зачѣмъ же однако это существо появилось здѣсь? Жениться юноша не можетъ: онъ ищетъ богачку, преимущественно купчиху съ громадными деньгами; стало-быть, дѣла-то ему здѣсь нѣтъ. Есть, впрочемъ, небольшое.

Замѣтивъ расположеніе къ себѣ нѣкоторыхъ престарѣлыхъ родителей, у которыхъ были молодыя дочери, юноша однажды кашлянулъ робко и еще тише произнесъ:

— Я у васъ, Иванъ Ѳедоровичъ, хотѣлъ попросить десять рублей до завтрашняго дня... Я вамъ завтрашній день доставлю въ шесть часовъ утра...

— Зачѣмъ такую рань... Какъ-нибудь придете вечеркомъ, отдадите...

— Благодарю васъ! — говоритъ юноша самымъ искреннимъ благодарнымъ тономъ...

— Вотъ такъ поддѣлъ! — произноситъ онъ на улицѣ, помирая со смѣху.

— Что это Алексѣй Петровичъ давно не былъ? — спрашиваетъ, соскучившись, вечеромъ старикъ этакъ черезъ недѣлю.

— Не боленъ ли ужъ онъ? — спрашиваетъ родитель черезъ двѣ недѣли.

— Однако десять цѣлковыхъ-то не несетъ! — нѣсколько уныло рѣшается примолвить онъ черезъ три.

Пошла какъ-то гулять вся семья; смотрятъ, — Алексѣй Петровичъ гуляетъ серьезно и благоприлично, главное, солидно; но лишь только замѣтилъ онъ знакомую фигуру чиновника — исчезъ внезапно... Да исчезъ такимъ образомъ, что рѣшительно нельзя было опредѣлить—куда: за уголъ ли, въ цырюльню ли или въ кондитерскую, ибо ни за угломъ ни на улицѣ его не было. Такъ умѣютъ исчезать только столичные пройдохи — провинціальные не умѣютъ.

Вообще прокъ не великъ отъ столичнаго кавалера.

Мѣстный кавалеръ остановится едва ли не на тѣхъ же отношеніяхъ. Сынъ сельскаго дьякона, чиновникъ Богодуховъ кончилъ кое-какъ семинарію и, сообразивъ, что въ его званіи нѣкоторые соотечественники достигали впослѣдствіи званія «царедворцевъ» и вращали, такъ сказать, судьбами народовъ, — поступилъ въ чиновники. Быть когда-нибудь царедворцемъ и вращать судьбами — дѣло не маленькое, сами посудите, и, по чистой совѣсти сказать, недурное, главное, доходы. Но поступилъ онъ, конечно, не на должность царедворца, а на вакансію писца. Долго тянулась самая скучная, самая холодная жизнь. Жалованье было маленькое, а человѣческія потребности существовали; нужно было жить. Въ общихъ чертахъ желаніе жизни распадалось на желаніе женщины, любви, не свинцоваго сна и не тупого отвращенія, которымъ вѣяли неуютныя стѣны холостой квартиры. Но достигнуть чего-нибудь при этихъ средствахъ было рѣшительно невозможно. Нужно было какъ-нибудь жить, какъ-нибудь изловчаться, и вотъ ради этого скромнаго жалованья, урѣзаннаго всѣми множествами рукъ, черезъ которыя проходило оно, — еще съ большимъ тщаніемъ урѣзывались какіе-то двугривенные, и на нихъ-то покупалась жизнь, хоть бы въ формѣ водки, хоть бы въ формѣ женщины. По деньгамъ и товаръ; въ этомъ случаѣ

слѣдовательно, товаръ былъ дрянной, грязь была на первомъ планѣ и выливалась наружу безъ церемоній и разговоровъ. Жизнь текла самымъ пошлымъ образомъ: одинъ Ивановъ заходилъ къ другому Иванову, зѣвалъ и говорилъ:

— Не послать ли?..

— Что-жъ, пошли...

— Право. Я такъ соображаю — полштофъ на первое время достаточно.

— Посылай. Я потомъ... еще понадобится.

— Само собой, — заключилъ лѣниво Ивановъ, доставая изъ кармана жилета мѣдяки.

Полштофъ подогрѣвалъ пріятелей, и они уже не могли усидѣть на одномъ мѣстѣ; нужно было пока свѣжаго воздуха...

Пріятели вываливались на улицу и здѣсь сталкивались съ другой кучей сослуживцевъ, которые, шлепая калошами по грязи, тоже бѣжали изъ домашней тюрьмы.

— Куда?

— Да такъ... никуда...

— Пойдемте вмѣстѣ...

Слѣдовала новая выпивка, снова тасканіе по грязной улицѣ, и наконецъ, поздно ночью, пьяныя ноги волокли своихъ хозяевъ по далекимъ и смраднымъ провинціальнымъ захолустьямъ, въ которыхъ случается слишкомъ много дракъ, выпивается много водки, въ которыхъ много пьяныхъ пѣсенъ и еще больше пьяныхъ слезъ...

Дѣло оканчивалось обыкновенно трескотней въ головѣ, или шрамомъ, или увѣчьемъ и, главнѣе всего, ощущеньемъ тягостной внутренней пустоты. Скучная жизнь и скука этой жизни неизбѣжна, ибо Богодуховъ, состоя на вакансіи писца, по положенію, по состоянію не могъ быть интересенъ въ обществѣ, живущемъ если не умною жизнью, то хоть не грязной по наружности. Съ женщинами этого кружка онъ и подумать не могъ сходиться: былъ онъ оборванецъ, писецъ, стало-быть, вовсе не женихъ и даже такой человѣкъ, котораго пустить къ себѣ нельзя, — натопчетъ, наслѣдитъ въ гостиной.

Но вотъ черезъ нѣсколько времени, благодаря терпѣнію, которое преодолѣваетъ все, онъ выбрался понемногу на дорогу, если не благосостоянія, то нѣкотораго довольства. Онъ уже ходитъ въ приличномъ платьѣ, запасся огромнымъ ярко-краснаго цвѣта шарфомъ, который было видно на пятьсотъ шаговъ, — живетъ не въ конурѣ и мѣсто занимаетъ порядочное, многіе завидуютъ. Теперь уже

невозможно жить попрежнему, теперь ужъ кухарка Арина, которой Богодуховъ оказывалъ когда-то значительныя услуги, отправляя ея ребятъ въ Москву въ воспитательный домъ,— уже ему не пара для разговоровъ и разсужденій. Вотъ въ эту-то пору пробуждается у него желаніе сойтись съ благовоспитанной барышней для того, чтобы прогуляться съ ней по бульвару, при всѣхъ, съ такой-то или этакой-то расфуфыренной особой. Болѣе-то и радости онъ не находитъ въ столкновеніяхъ съ женщиной. Одно уже то ничтожество средствъ, которыя могутъ помочь этому дѣлу и которыми запасаются кавалеры, собираясь на охоту за женскими сердцами, т.-е. новые сапоги, новый сюртукъ и проч., говоритъ не объ обширности требованій этихъ кавалеровъ. Кромѣ костюма, онъ желаетъ еще выучиться услуживать барышнямъ. Это выражается у него тѣмъ, напримѣръ, что, провожая барышню изъ церкви домой, онъ, какъ кавалеръ, охраняющій даму, ошарашиваетъ даже съ особенною энергіею собаку своей здоровенной палкой, ошарашиваетъ даже въ такихъ случаяхъ, когда собака и не думала нападать ни на кавалера ни на даму, а тихонько спала, свернувшись въ клубокъ, на солнечномъ припекѣ. Выучивается онъ подхватывать платки, подставлять стулья— и знаетъ, что если ему скажутъ: «мерси», то нужно отвѣчать — «не стòитъ». Но главная забота его — это разговоръ. Объ чемъ онъ будетъ разговаривать съ барышней? Какъ? про что? Это главнѣе всего. Сколько онъ ни ломаетъ голову надъ этимъ предметомъ, ему никакъ не удается поймать ни одной фразы, приличной для разговора. Упорно вертится только одна:

— Какъ ваше здоровье?

Но посудите, ради Бога, сами, — что-жъ это за фраза? Куда она годится?

Что-жъ дальше-то?.. Мало; никуда не годится.

Это мученіе свое онъ повѣряетъ своему пріятелю, человѣку бывалому; тотъ мигомъ рѣшаетъ дѣло:

— Эка важность, — говоритъ пріятель: — разговоръ! Съ барышней какъ разговаривать? Она тебѣ, — напримѣръ, — разъ, разъ, разъ. А ты ей напротивъ—вотъ и вся исторія...

И оказывается, что пріятель дѣйствительно правъ. Въ самомъ дѣлѣ, стòитъ прислушаться къ разговору провинціальныхъ кавалеровъ средней руки, и услышите именно такой разговоръ, или самую изящную или аляповатую перефразировку его:

— Вы гуляли? — спрашиваетъ дѣвица.

— Совершенно напротивъ, — чай съ пріятелемъ пилъ.

— Гдѣ же вы были?

— Даже совершенно напротивъ,—возвращаюсь обратно... И т. д.

Дѣйствительно, молодымъ людямъ, изнывающимъ въ этихъ дебряхъ, приходится выучиваться разговору. И кавалеръ и барышня слѣдуютъ въ этомъ случаѣ методу взаимнаго противорѣчія, потому что ни при какихъ другихъ условіяхъ даже подобныя паутинныя отношенія молодыхъ людей были бы совершенно невозможны. Имъ невозможно подѣлиться даже своими впечатлѣніями жизни, чтобы не сконфузить себя. Молодому человѣку въ такихъ случаяхъ невозможно не испестрить своего разсказа безчисленнымъ повтореніемъ словъ: «полштофъ», «разбитый глазъ» и т. д. Барышня тоже при этомъ должна сообщить, сколько графиновъ квасу выпили они отъ скуки, сколько разъ валялась на кровати, какъ по вечерамъ всегда папенька подъ хмелькомъ, и поэтому маменька и всѣ дѣти, въ томъ числѣ и барышня,—умоляютъ его со слезами лечь спать. А этого нельзя. Они отъ такой откровенности много потеряютъ въ глазахъ другъ друга. Оба они до такой степени исказили свой человѣческій образъ, свои отношенія, что показать этотъ искаженный образъ на чистоту рѣшительно невозможно. Нужно *выдумать* такіе пріемы, которые бы давали возможность прятаться другъ отъ друга, казаться чѣмъ-то другимъ... И дѣйствительно, ни тотъ ни другой изъ этихъ субъектовъ совершенно непостижимы другъ отъ друга, составляя какую-то сплошную непроходимую дебрь.

Я долженъ указать еще одну общую черту у нашихъ кавалеровъ, и у столичнаго и у провинціальнаго, которая еще болѣе роднитъ ихъ другъ съ другомъ, это отлынивaніе отъ законнаго брака... Дѣло, какъ видите, непохвальное, грѣховное...

Въ этихъ случаяхъ, то-есть въ критическую минуту, кавалеръ даетъ стречка самымъ поспѣшнымъ образомъ...

Ходитъ, напримѣръ, такой кавалеръ въ какой-нибудь семейный домъ, оказываетъ всѣ признаки исполненія тайной надежды родителей, потому что забавляется по преимуществу съ барышней. Ходитъ годъ... Всѣ смотрятъ на него недоумѣвающими глазами и ждутъ, — скоро ли онъ попроситъ позволенія вступить...

Кавалеръ не проситъ и продолжаетъ попрежнему:

— Какъ вамъ нравится погода?

— Погода ничего,—отвѣчаютъ ему и ждутъ еще полгода... Наконецъ родитель, утомленный неизвѣстностью, мнется цѣлый вечеръ, желая что-то сказать, краснѣетъ... Кавалеръ замѣчаетъ и думаетъ: «Гдѣ это моя шапка?»

Онъ потихоньку отыскиваетъ свою шапку и черезъ минуту уже пятится къ двери...

— Куда же вы?—изумленно спрашиваетъ его отецъ.

— У меня голова болитъ...

— А я-было, Константинъ Петровичъ, хотѣлъ съ вами поговорить...

— У меня, право, голова болитъ...

— Вамъ, конечно, небезызвѣстно, что всякій отецъ, имѣя дочь...

— Я ей-Богу... У меня голова...

Кавалеръ пятится къ двери...

— Я бы хотѣлъ знать—какъ ваши намѣренія...

— Я завтра... Въ другое время... до пріятнаго свиданія...

И кавалеръ, какъ угорѣлый, улепетываетъ во-свояси, дѣлая огромные шаги и бормоча:

— Нѣтъ... ша-а-л-л-и-шь... Нѣээ-тъ.

Черезъ два мѣсяца, не дождавшись прихода кавалера, родители произносятъ со слезами:..

— Да будь ты проклятъ, анаѳема!..

А кавалеръ сидитъ въ сосѣднемъ домѣ съ дѣвицей подъ окошкомъ и говоритъ:

— Какъ вамъ нравится погода?

— Совершенно напротивъ!—отвѣчаютъ ему.

И т. д.

Покинутая и ошалѣвшая отъ тоски барышня рѣшительно не знаетъ, какъ ей быть?.. Она ужъ не думаетъ о весенней любви; она ужъ теперь вовсе и разобрать не можетъ, кто изъ сонмища этихъ кавалеровъ ея суженый. Ей помогаютъ разобрать это дѣло, давая такой совѣтъ:

— Ежели придетъ мужчина и тебя морозъ по кожѣ подеретъ—это и есть мужъ.

И вотъ въ одинъ прекрасный день является какая-то рожа... Морозъ дѣйствительно подралъ барышню. Рожа эта лицо чиновное, сухое, носъ громадный и сплюснутый, и глаза, какъ двѣ мухи,—такіе маленькіе. Фигура эта начинаетъ посѣщать ихъ чаще и чаще. Съ барышней она и въ разговоры не вступаетъ, опасается и толкуетъ больше съ родителями о сокращеніи переписокъ, объ очередныхъ спис-

кахъ, о рекрутскомъ уставѣ... Даже про погоду ни слова... Корма дорогіе, овсы, хлѣба и т. д. Объ этомъ только и разговоръ. И такимъ-то страннымъ образомъ отцы понимаютъ другъ друга, что̀ скоро и объясняется трактованіемъ ихъ обоихъ при запертыхъ въ гостиную дверяхъ.

«Что-жъ, — думаетъ барышня, разливая въ сосѣдней комнатѣ чай и понимая, въ чемъ дѣло:—хоть и за этого, дѣлать нечего».

— Маша!—произноситъ отецъ, отворяя дверь.

— Я согласна!..

— Погоди! Я не про то,—налей-ка ты намъ теперь съ ромомъ...

— Господи! неужели еще и не этотъ!—въ ужасѣ восклицаетъ шопотомъ Маша, откупоривая бутылку.

Къ утѣшенію барышни оказывается, что дѣйствительно этотъ. Морозъ подираетъ ее по кожѣ все страшнѣе и страшнѣе. Но это кажется ей несообразностью, потому что это—счастье.

Совершается свадьба...

И настаетъ семейная жизнь.

Право, и мнѣ, вмѣстѣ съ моими бѣдными кавалерами, приходится горевать о томъ, что до сихъ поръ имъ не даютъ прибавки.

Серьезно, это безжалостно...

IV.

Изображать все счастье, всю полноту семейной жизни я не берусь. Это такая скучная вещь, такая каторга... Я, въ заключеніе, скажу объ этомъ только слегка, и въ этомъ мнѣ поможетъ одно совершенно постороннее лицо.

Помните, въ началѣ этого очерка однажды появился онъ? Онъ написалъ барышнѣ сочиненіе, онъ получилъ изъ-за любви къ ней до милліона единицъ и нулей и разстался съ ней, не имѣя возможности, по причинѣ своей глупости, получить даже поцѣлуя. Съ тѣхъ поръ онъ очень измѣнился, онъ видѣлъ столицу, хорошую сторону столичныхъ нравовъ, и подавалъ надежды сдѣлаться героемъ хоть для романа.

Въ одинъ день этотъ будущій герой былъ снова въ своей знакомой родной улицѣ и, въ качествѣ человѣка, думающаго отдохнуть, хотѣлъ припомнить хоть и невеселое когда-то, но теперь очень занимательное прошлое. Вспомнилъ онъ о предметѣ своей страсти.

— Гдѣ Маша?—спрашивалъ онъ.

— Замужемъ.

— Гдѣ она живетъ?.

Ему разсказали—гдѣ.

Герой стоялъ у воротъ возлюбленной и громыхалъ задвижкой. Кривая дѣвка съ трясущейся головой отворила ему.

— Вамъ кого?

— Марью Петровну...

— Да вы кто такой?

— Можно мнѣ видѣть Марью Петровну?

— Онѣ въ банѣ-съ...

— А супругъ?..

— Тоже въ банѣ-съ.

— Когда же ихъ можно застать? Давно ли они?

— Часа два...

— Гм...

Черезъ часъ онъ снова громыхалъ задвижкой.

— Вамъ кого?—спрашивала горничная.

— Можно видѣть Марью Петровну?

— Онѣ въ банѣ-съ...

— А супругъ?

— Тоже-съ...

Подъ вечеръ герой въ третій разъ стоялъ у калитки и спрашивалъ горничную:

— Барыня дома?

— Въ банѣ-съ...

— Тьфу!..

Такъ онъ барыни и не видалъ.

КОЙ-ПРО-ЧТО.

Изъ замѣтокъ деревенскаго обывателя.

I. Послѣднее средство.

Въ новомъ, пахнувшемъ краской, вагонѣ третьяго класса было жарко натоплено; публики было мало, мѣста для всѣхъ много, всѣмъ просторно и свободно; на двухъ лавкахъ съ полнымъ комфортомъ расположился кондукторъ. Онъ пилъ чай, закусывалъ и въ то же время составлялъ какія-то вѣдомости; нѣсколько солдатъ въ углу, снявъ шинели и оставаясь въ однѣхъ рубахахъ и фуфайкахъ, играли въ карты; какой-то доброволецъ изъ мѣщанъ занялся топкой печки и «накаливалъ» ее безъ всякаго снисхожденія.

— Такъ, такъ!—хвалили его.—Держи тепло-то ровнѣй. Оно что̀ теплѣе, то лучше!

И доброволецъ, весь красный отъ жару, усердствовалъ изъ всѣхъ силъ, поминутно онъ гремѣлъ чугунной заслонкой и швырялъ въ огненную и трескучую пасть печки маленькія сосновыя полѣнца.

Какой-то молоденькій приказчикъ, какой-то молодой солдатъ, еще какой-то купеческаго образа и подобія человѣкъ и простой мужикъ, примостившись у двери, отворенной въ то отдѣленіе, гдѣ топилась печь и откуда шло тепло, занимались чтеніемъ газеты и разговорами. Читалъ молодой, рослый солдатъ, въ новой красной фуфайкѣ.

Читалъ онъ «листокъ», начиная съ первой строчки, и, повидимому, не желалъ прекратить чтенія, не дочитавъ газеты до послѣдней строки; начавъ передовицей о замыслахъ Англіи противъ Россіи, онъ безъ передышки послѣ точки,

заканчивавшей передовицу, и не мѣняя интонаціи, сталъ путаться языкомъ въ придворныхъ извѣстіяхъ, потомъ въ городскихъ происшествіяхъ, потомъ въ иностранныхъ новостяхъ, и наконецъ достигъ судебной хроники. Слушатели очень внимательно слѣдили за чтеніемъ и не столько за смысломъ прочитаннаго, котораго и дѣйствительно было не особенно много въ листкѣ, сколько за трудной работой, обнаруживавшейся въ лицѣ и губахъ не разъ вспотѣвшаго чтеца. Наконецъ онъ добрался и до конца судебной хроники, въ которой очень кратко пересказанъ былъ одинъ изъ многочисленныхъ въ послѣднее время земельныхъ процессовъ и который, по обыкновенію, сопровождается дѣйствіемъ холоднаго оружія; чтецъ замолкъ, повертѣлъ въ рукахъ газету и сказалъ:

— Теперича—все! Пошли объявленія... Надо горло прочистить, папиросочки покурить!

Чтецъ закурилъ папиросу, поразмялся. Поразмялись, поотдохнули и слушатели. Начался разговоръ.

— Это что̀ же, любезный,—спросилъ солдата слушатель-мужичокъ:—что̀ же это считается холодное оружіе? И горячее, стало-быть, есть, какое?

— А какъ же!—плутливо проговорилъ смѣшливый молодой приказчикъ.—И горячія есть! Въ законѣ прямо сказано: «дать ему, подлецу, двадцать горячихъ!..» Вотъ это самое и есть горячее оружіе...

— Нѣтъ!—снисходительно улыбаясь и поплевывая отъ крѣпкаго табаку папироски, авторитетно сказалъ солдатъ:—розги это не могутъ обозначать. Оружіемъ называется ружье, и ежели, напримѣръ, прикладомъ, то по закону оно считается холодное, а ежели зарядить и пулей или дробью плюнуть, слѣдовательно до крови, то оружіе будетъ считаться горячее. Потому что ты прикладомъ долженъ его дуть плашмя, и онъ долженъ существовать послѣ того въ живомъ видѣ, ну, а коль скоро горячимъ способомъ, такъ, пожалуй, и Богу душу отдашь!

— А ежели саблей цапнуть?—опять вмѣшался мужикъ.—Она вѣдь до крови можетъ, а горячаго въ ней ничего нѣтъ?

— Ну, сабля это не пѣхотное дѣло—тамъ другая команда. А пѣхотный законъ—прикладомъ!..

Разрѣшивъ трудный вопросъ и давъ молодому приказчику богатую тему для подтруниванія надъ мужикомъ, передъ которымъ теперь открылся огромнѣйшій выборъ по части холоднаго и горячаго,—солдатъ вновь было-взялся за чтеніе,

но въ это время изъ средины вагона поднялся какой-то благообразный и сухонькій старичокъ, въ опрятненькомъ мерлушечьемъ тулупчикѣ, съ опрятненькой козлиной бородкой, и, подойдя къ собесѣдникамъ, какимъ-то монашескимъ голосомъ спросилъ:

— Это кого тутъ... прикладомъ-то... въ повиновеніе?

— Да тутъ мужичонки заартачились въ одномъ мѣстѣ... Ну, вынуждены были холодненькимъ пугнуть...

— И полегчало?

— Должно-быть, что поочувствовались.

— И все поняли?

— Говорятъ—«виноваты!»

— Ну, такъ!..

Старичокъ улыбнулся тонкой, хитрой улыбкой и, повернувшись, пошелъ къ своему мѣсту.

Старичокъ этотъ, одинъ изъ излюбленныхъ теперешнихъ типовъ деревни—типъ кулака съ обличьемъ, такъ сказать, «религіозно-нравственнымъ», сидѣлъ все время въ темномъ уголкѣ вагона, въ томъ мѣстѣ, гдѣ скамейки прислонены не къ окну, а къ глухой стѣнѣ; сидѣлъ онъ въ сосѣдствѣ съ такимъ же благообразненькимъ сосѣдомъ той же хитрой породы, съ такимъ же постно-хитрымъ лицомъ и въ такомъ же опрятненькомъ мерлушечьемъ тулупчикѣ. Оба они были несомнѣнно большіе деревенскіе воротилы, но изъ тихонькихъ, изъ «примѣрныхъ» и вполнѣ безукоризненныхъ. Сидя другъ противъ друга, они скромненько, съ молитвой и крестными знаменіями ѣли какую-то булочку съ икрой. И въ то же время они неумолчно, хоть и совершенно беззвучно, вели бесѣду, а ведя бесѣду о своихъ дѣлахъ, отлично, до послѣдняго звука отчетливо слышали и видѣли все, что̀ дѣлается и говорится кругомъ. Бываютъ такія счастливыя натуры: молча обдѣлываютъ практическія дѣла, «молча говорятъ», все видятъ, все слышатъ, знаютъ всю подноготную и во всѣхъ отношеніяхъ неуязвимы.

— Ишь ты вонъ!—беззвучно сказалъ старичокъ, садясь опять на свое мѣсто противъ своего собесѣдника:—ужъ и холоднымъ прикладомъ стали припугивать! Оно давно бы пора за умъ-то взяться, чѣмъ дозволять мутить безъ толку...

— Мутятъ-мутятъ, а пользы-то никакой нѣтъ!..

— То-то и есть, что пользы нѣтъ! Знаешь вѣдь, чай, Ивана-то Мироныча Блинникова?

— Блинникова-то? Ихъ вѣдь много Блинниковыхъ-то.

— Ну, Ивана-то Мироныча?.. Ну, а ежели не знаешь,

такъ я тебѣ скажу: человѣкъ первѣющій, вышелъ въ люди изъ самой грязной грязи, привезенъ въ Петербургъ былъ десяти годовъ, прямо въ кабакъ. Побоевъ что̀ вытерпѣлъ на своемъ вѣку,—числа этимъ побоямъ нѣту! И постепенно, только единственно что съ Божіею помощью и трудами своими наконецъ достигъ теперича до большой чести... И отъ Краснаго Креста медаль, и патенты за пчелу, и благодарность: рыбу подносилъ высокой особѣ, двухъ огромнѣющихъ судаковъ... Попечителемъ числится въ двадцати мѣстахъ, почетнымъ мировымъ судьей третье трехлѣтіе выбираютъ. Четырнадцать озеръ арендуетъ рыбныхъ въ разныхъ мѣстахъ... Однимъ словомъ сказать,—почтенъ и награжденъ за все его терпѣніе! Такъ что-жъ они, прости Господи сказать, дьяволята, съ нимъ сдѣлали?

— Мужичишки-то?

— Да! мужичишки-то!.. Вѣдь чуть-было подъ топоръ голову-то ему не подвели!.. Безъ всякаго зазрѣнія совѣсти прямо такъ-таки его и приспособили въ каторжную работу, ни за что ни про что!

— Да какъ же такъ?

— Да вотъ такъ, что способовъ-то имъ, дьяволятамъ (согрѣшилъ я, грѣшный!), не было другихъ, чтобы искоренить его, такъ и надумали сослать его въ каторгу... И чуть-было не сослали! Изволишь ли видѣть, какая тутъ вышла исторія. Я тебѣ прямо скажу, дѣйствительно, ежели такъ сказать по правдѣ по совѣсти—что̀ мнѣ таить?—такъ точно, что мужичонки эти въ большой бѣдности существовали. Чего ужъ? Надо говорить правду! Опричь этихъ трехъ деревень, какъ Муравлино, Чохово да Ямкино, кажется, по всей нашей округѣ поискать, такъ не найдешь, то-есть насчетъ бѣдности. Коротко сказать—только по зимамъ и видятъ Божій свѣтъ. Какъ замерзнутъ лядины, болота, ну, глядишь, и вылѣзаютъ муравлинцы изъ своихъ трущобъ, кое съ сѣномъ, кое съ дровами, само собой, крадеными... Да и видомъ-то совсѣмъ они къ нонѣшнему народу не подходятъ: на головѣ треухъ, на ногахъ лапти, одежа домотканная... такъ, какіе-то лѣсовики, прости Господи! Кабы не зима, не морозъ да не снѣгъ, такъ имъ бы и вовсе пропадать надо, и говорить-то по-человѣчьи, поди, разучились бы совсѣмъ: кругомъ болото, топь,—ни проходу ни проѣзду... Такъ вотъ какое ихъ было житье... Три-то деревеньки кое-какъ обселились на сухихъ мѣстишкахъ, ну, землишка кой-какая есть, самая малость. Рыбы иной разъ

въ половодье съ рѣки наноситъ въ ихнія болота, ну, вотъ они лѣтомъ и питаются, ловятъ налимовъ по ямкамъ. Бѣдность, одно слово! Какъ вышло освобожденіе, такъ помѣщикъ-то совсѣмъ забросилъ усадьбу да лѣтъ пятнадцать и глазъ не показывалъ... Заложилъ, должно-быть, въ банкъ—кто его знаетъ! Ну вотъ, покуда не было хозяина-то, мужичонки-то кое-какъ справлялись: лѣсокъ господскій чистили исправно, избенки переправили; зимой нарубятъ барскаго лѣса, натащатъ къ станціи видимо-невидимо! Рубь серебромъ сажень березовыхъ дровъ, полѣно эва какое!—ни въ одну печку не лѣзетъ... да и земелька-то господская пустовала... Ну, они и земелькой не брезговали, все разодрали, распахали, покосы тоже всѣ—и свои и господскіе—подъ одно подвели. Ну, кое-какъ жили, потому что хозяина не было—говорятъ даже, что онъ и изъ Россіи-то ушелъ... Такъ и жили. Только годовъ съ восемь тому назадъ, хвать-похвать, по зимнему пути въѣзжаетъ въ Муравлино барыня и объявляетъ: «я—новая хозяйка и заведу новые порядки». Подрядила мужиковъ за зиму лѣсъ возить, домъ строить. А должно-быть, были у барыни деньжонки-то. Пришла весна, пришли копачи, дорогу отъ усадьбы до шоссе повели, застукали топоры, живо поспѣлъ домъ, скотникъ, все, какъ должно. Наконецъ, того, и агрономъ препожаловалъ. Препожаловалъ агрономъ, обошелъ все обворованное, всѣхъ виноватыхъ записалъ, штрафы установилъ, вездѣ поставилъ сторожей, караульщиковъ съ ружьями, самъ тоже съ ружьемъ—бьетъ пулей на три тысячи шаговъ навылетъ,—однимъ словомъ, началась совсѣмъ другая пѣсня. Притиснулъ мужиковъ къ стѣнѣ, такъ что не повернуться—живи, гдѣ хочешь! Озлились муравлинцы, озвѣрѣли... Потерпѣли годикъ кое-какъ, а потомъ и стали дѣйствовать на свой образецъ... Окончательно сказать, постепенно, помаленьку такъ подсидѣли господъ, то-есть барыню съ агрономомъ, что не стало имъ житья: ни выйти, ни пройти, ни проѣхать: жгутъ, воруютъ, да и убить грозятся.

«Ну, опослѣ этого и барыня и агрономъ махнули на все рукой—«песъ, молъ, съ вами!»—заперли домъ и уѣхали... И опять никого не было долго, опять мужичонки повеселѣли, приворовывать стали и ужъ-было за новый домъ принялись—растаскивать по бревнышку, по гвоздику начали, да вдругъ опять барыня оказалась—это ужъ въ самое послѣднее время... Прикатила, созвала народъ. — «Такъ и такъ, говоритъ, ребята. Открылся, говоритъ, теперь отъ царя

крестьянскій банкъ, и даютъ изъ него мужикамъ деньги въ долгъ, лѣтъ быдто бы на сорокъ. Покупайте, говоритъ, ребята, всю мою землю, со всѣми постройками, подѣлите промежду себя, а расплачиваться будете полегоньку. Чѣмъ вамъ мое добро воровать, чѣмъ мнѣ съ вами по судамъ таскаться, лучше же кончимъ дѣло безъ грѣха, полюбовно. И у меня все что-нибудь останется на прожитокъ, и вамъ будетъ хорошо...» Ну, конечно, мужичонки темные, покуда еще имъ вдолбишь въ башку-то, въ чѣмъ дѣло... Сначала, конечно, не иначе думали, что подвохъ—«какъ, молъ, это такъ деньги раздаютъ дарма? Это, должно, ребята, кабала, сказываютъ, и впрямь антихристъ народился, ходитъ и деньги въ руки суетъ, а потомъ и слопаетъ всѣхъ начисто...» А барынѣ-то, вѣрно, ужъ деньжонки-то крѣпко понадобились, поэтому она имъ всяческимъ манеромъ старалась внушить, что обману нѣтъ... «Вотъ тамъ-то, говоритъ, мужики купили десять тысячъ десятинъ, да господскій домъ, да угодьевъ сколько, а платятъ-то съ души самые пустяки... И тамъ вотъ покупаютъ и здѣсь...» Всякими способами орудовала и наконецъ, того, и разлакомила.

«— А что, робя, поди, и въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ нашего брата хотятъ вызволить?—Галдѣли-галдѣли, судачили-судачили, наконецъ, того... выбрали депутата, солдата Гаврилу — «поѣзжай въ городъ, разузнай!» Поѣхалъ тотъ, разыскалъ банкъ и, точно, видитъ, толкутся мужики, покупки дѣлаютъ.—«Землю укупаете?»—«Землю, молъ».—«Много ли?» — «А вотъ столько и столько...» — «А платить какъ?» — «А платить такъ-то, по стольку-то съ души...» — Ничего! Все хорошо, честно, благородно. Мужичонки крестятся, благодарятъ Бога: «ничего, молъ, хорошо!» Ну, только, разобравши дѣло, видитъ солдатъ, что для муравлинцевъ оно, пожалуй, и не подойдетъ. Барыня, изволишь видѣть, запросила за свое имѣніе двадцать четыре тысячи, а банкъ и далъ бы, да вишь по закону нужно, чтобы третью часть сами мужики внесли, ну, а гдѣ ужъ муравлинцамъ! У нихъ не то что восьми тысячъ, а и восьми кнутовъ на всѣ на три деревни не найдется... Откуда имъ взять? Если ихъ всѣхъ-то продать начисто, и то этакихъ денегъ не соберешь, потому что житье ихъ, дѣйствительно, голодное... И знаетъ все это Гаврюшка, депутатъ-то, до тонкости знаетъ, что не справиться имъ съ залогомъ никакими судьбами, а за живое-то его ужъ забрало! Мужичина грубый, карахтерный, упор-

ный...—«Какъ, молъ, такъ: другимъ можно, а намъ нѣтъ? Освобождали, молъ, всѣхъ поголовно, что̀ бѣднаго, что̀ богатаго ровно, а тутъ, когда къ окончанію дѣло подходитъ—на̀, поди! въ розницу пошли... Чай, бороды-то у мужиковъ, которымъ покупать позволяется, такія же, какъ и у муравлинцевъ, такъ, стало-быть, всѣ и должны быть на одной линіи. Нѣтъ, это, молъ, не такъ, не ладно!» Засѣло это ему въ голову, вернулся онъ домой, объявилъ сходкѣ, что точно, молъ, можно покупать, да вотъ задержка въ чемъ, въ залогѣ, восемь тысячъ требуютъ. — «Ну, только, говоритъ, ребята, тутъ должна быть неправда, потому освобождали всѣхъ подъ одно, такъ и оканчивать этакимъ же манеромъ слѣдуетъ... Какъ же, молъ, такъ? мы бѣдны, такъ и пропадать? Нешто мы не крестьяне, какъ прочіе? Нѣтъ, говоритъ, тутъ есть какая-то кляуза; надобно мнѣ въ корнѣ дѣло разузнать; собирайте съ души, сколько въ силахъ, давайте мнѣ, пойду въ Питеръ, достучусь до высшихъ мѣстовъ, а что пропадать намъ не приходится. Такого закону нѣтъ!» Раззадорилъ мужиковъ, собралъ деньги—марнъ въ Питеръ! Барыня было-звала, звала мужиковъ повыспросить—никто къ ней не пошелъ, ждутъ Гаврюшку... А ей-то, должно-быть, ужъ съ ножомъ къ горлу пришло—надо развязаться съ землей, гроша заваляшаго нѣтъ. Видитъ она, что съ мужиками толку нѣтъ, залогу имъ не собрать, подумала-подумала, махнула рукой, да и сладила съ Иваномъ Миронычемъ... Да и Иванъ-то Миронычъ отказывался—на что ему? Только ужъ истинно изъ-за одной жалости взялъ, и взялъ-то съ разстрочкой, на восемь лѣтъ, только чтобы сейчасъ за годъ впередъ...—«Взялъ я, говорилъ мнѣ Иванъ-то Миронычъ, эту землю единственно изъ-за сѣна да изъ-за лѣсу; думаю, говоритъ, лѣсъ весь сведу дочиста, а всю землю подъ клеверъ, а больше я въ такихъ мѣстахъ не хозяинъ...» Ну, хорошо. Барыня, покончивши дѣло, уѣхала; Иванъ Миронычъ учредилъ въ домѣ контору, пошла раздѣлка лѣсу, все какъ должно. Въ самый развалъ объявляется въ деревнѣ Гаврила изъ Петербурга. Пришелъ онъ, другъ любезный, злѣй злого чорта. И въ Питерѣ опять увидалъ онъ мужиковъ, которые землю укупаютъ, и опять же узналъ, что безъ залогу невозможно, обозлился, а домой пришелъ—на-ка! ужъ и земля чужая стала, и помѣщикъ новый сидитъ... «Какъ, молъ, это можетъ быть?» Втемяшилось ему это въ башку—только и зудитъ, что это неправильно. «Какъ такъ? Другіе-прочіе крестьяне поправляются,

а мы, тоже крестьяне, въ разореніе должны войтить? Нѣтъ, нельзя этого!» Задолбилъ мужикамъ, что купецъ черезъ кляузу землей овладѣлъ, подбилъ ихъ опять его въ Питеръ послать хлопотать.—«Ужъ я, говоритъ, разыщу законъ въ полномъ смыслѣ! А ежели, говоритъ, узнаю, что дѣло кляузное, такъ и мы кляузу пустимъ. Въ Питерѣ, баетъ, научатъ». Собрали мужичонки еще ему сотнягу, пошелъ! А въ Питерѣ, самъ знаешь, не посмѣетъ же мужикъ въ самомъ дѣлѣ въ высшія мѣста доходитъ. Вѣдь онъ робокъ, неучъ, а главное, что не знаетъ, гдѣ искать указчика; ну, и идетъ въ кабакъ, въ трактиръ, темныя какія-нибудь мѣста.—«Нѣтъ ли, молъ, человѣчка... дѣло у насъ... такъ и такъ...» Ну, тамъ гдѣ-нибудь въ кабакѣ, въ притонѣ, и выищется человѣчекъ. Толкался-толкался Гаврилка по кабакамъ и наскочилъ на человѣчка...—«Какое такое дѣло у васъ? я могу!»—«Явите божескую милость, такъ и такъ...» И разскажи все. Подумалъ-подумалъ человѣкъ и говоритъ:—«По закону, говоритъ, ничего сдѣлать невозможно, все правильно... Сколько, говоритъ, ни хлопочите, ничего не будетъ, а кляузнымъ, говоритъ, способомъ можно!» Вотъ Гаврилка-то и говоритъ:—«Да намъ хоть кляузнымъ, лишь бы съ голоду не помереть! Явите божескую милость!» Сталъ его просить, молить, вотъ человѣчекъ и говоритъ: — «Надобно, говоритъ, составить приговоръ отъ всего общества, что купецъ Блинниковъ состоитъ въ подпольныхъ сицилистахъ».

— Ай-яй-яй!..—прошипѣлъ, разинувъ ротъ, собесѣдникъ разсказчика.

— Да-а-а-а! Внушилъ имъ, канальямъ, такую мысль, а Гаврилка-то обрадовался, понялъ и рѣшилъ: «Пиши, говоритъ, купца въ полную каторгу, все одно!»

— Ай-яй-яй!

— Да-а-а! Тотъ имъ и настрочи!.. Такъ, молъ, и такъ: «были мы сего числа на сходкѣ, такіе-то домохозяева, и подошелъ къ намъ купецъ Блинниковъ, и сталъ издѣваться надъ нашей бѣдностью, и говорилъ: «не такъ еще мы васъ прижмемъ, не будетъ за васъ, мужиковъ, заступниковъ, потому я, говоритъ, сицилистъ...» Ну, и все такое. Страсти Господни—чего написали!

И разсказчикъ опять пошептался съ слушателемъ.

— Ай-яй-яй!..—тянулъ слушатель, не закрывая рта.

— Да! Вотъ какую механику подвели! «И ежели, говоритъ, будутъ спрашивать, показывайте всѣ поголовно одно и

то же, чтобы слово въ слово...» Взялъ сорокъ цѣлковыхъ, всучилъ Гаврюшкѣ бумагу и «прощай»!

— Н-да! — покачивая головой, шепталъ слушатель. — Ш-шту-чка!

— Такая штучка вышла, другъ мой пріятный, такъ это словъ нѣтъ высказать!.. Вотъ Гаврилка-то обхапилъ эту самую кляузную бумагу, прибѣжалъ въ Муравлино, собралъ народъ, «такъ и такъ, говоритъ, ребята, нѣту другихъ способовъ! Послѣднее средство! А то, говоритъ, нашъ купчишко задушитъ и искоренитъ всѣхъ до единаго». Мекали-мекали, шушукались-шушукались, да, благословясь, и двинули штучку въ Питеръ, въ самыя высшія мѣста! Переписалъ имъ дьячокъ, всѣ они двѣсти восемьдесятъ домохозяевъ руку приложили, пакетъ запечатали, — айда!.. И притихли! Проходитъ время, долго ли, коротко ли, не упомню,—сижу я, какъ на грѣхъ случилось, у Ивана Мироныча на новомъ его мѣстѣ въ конторѣ, пьемъ чай, балакаемъ — слышимъ: — Динь-дили-линь! Динь-дили-линь! съ одной стороны, съ другой, съ третьей... Хвать, три тройки подкатило: становой, исправникъ и полковникъ изъ Петербурга... Входитъ становой съ исправникомъ, лица на нихъ нѣтъ, а закадычные пріятели,—и я-то коротко знакомъ съ ними, а ужъ про Ивана Мироныча и говорить нечего: можно такъ сказать, что онъ и исправника и станового самъ своимъ молокомъ выпоилъ съ колыбели матери, вотъ какіе были закадычные! Вошли въ горницу—лица нѣту!— «Что̀ такое?»—спрашиваетъ ихъ Иванъ-то Миронычъ. А они только языкомъ лопочутъ:—«ла-ла-ла...», зубы стучатъ, а настоящихъ словъ нѣтъ! Тутъ объявился полковникъ:— «Вы,—говоритъ Ивану Миронычу:—Блинниковъ?»—«Я-съ, такъ точно!»—«На васъ поступилъ доносъ, по случаю, что вы...» И объявилъ ему все полностью! Какъ сказалъ онъ эти слова, вѣришь ли?—Иванъ-то Миронычъ какъ стоялъ, такъ и грохнулся на брюхо, и только и словъ его было:— «Вашескабродіе!» и больше ничего не можетъ сказать, а бьетъ его всего объ полъ руками и ногами, больше ничего!..

— Ай-яй-яй-яй!..—согнувшись и въ ужасѣ размахивая головой изъ стороны въ сторону, шепталъ собесѣдникъ во время разсказа.

— Упалъ, братецъ ты мой, Иванъ-то Миронычъ наземь, а полковникъ тую же минуту велѣлъ сходъ созвать и спросилъ:—«Есть ли, молъ, лошади?» Это чтобы Иванъ-то Мироныча сформировать по закону... Ну, братецъ мой, собралъ

сходъ, вышелъ полковникъ, исправникъ, становой: Ивана Мироныча вывели подъ руки два молодца — начинается допросъ...—«Вы посылали бумагу?» — «Мы-съ». — «Всѣ?» — «Всѣ поголовно». Ну, что тутъ дѣлать? Начали перебирать по одному.—«Ты что скажешь?»—И такъ всѣ двѣсти восемьдесятъ человѣкъ... Иванъ-то Миронычъ ни глазамъ ни ушамъ не вѣритъ, только трясется, заливается слезами и еле-еле бормочетъ:—«Гдѣ же Богъ-то?» Становой, исправникъ видятъ, что все это механика, потому Иванъ Миронычъ первѣющій человѣкъ, попробовали-было приструнить мужиковъ — нѣтъ! всѣ, какъ одинъ! Говорятъ:—«Самъ видѣлъ, самъ слышалъ, такъ и такъ!» И какъ есть всѣ двѣсти восемьдесятъ человѣкъ—одинъ въ одинъ, слово въ слово!.. Что тутъ дѣлать? И полковникъ-то видитъ, что дѣло нечистое, а ничего не можетъ помочь, самому отвѣчать надо! Вышло такъ, что по закону надобно бы сей же моментъ сажать Ивана Мироныча на телѣжку да и съ Богомъ!.. Думали-думали, гадали-гадали, еле-еле упросили полковника оставить Ивана Мироныча подъ надзоръ исправника да позволить съѣздить въ городъ похлопотать, а сами, то-есть исправникъ со становымъ, тѣмъ временемъ надумали отобрать общественный приговоръ объ Иванѣ Миронычѣ во всѣхъ мѣстахъ... А вѣдь у Иванъ-то Мироныча въ двадцати деревняхъ заведенія, и вездѣ ему вотъ какой адресъ дадутъ, что лучше требовать нельзя. Кой-какъ да кое-какъ выхлопотали эту отсрочку, посадили Ивана Мироныча на телѣгу, двухъ урядниковъ съ нимъ по бокамъ.—«Айда въ губернію, а мы тутъ будемъ орудовать». Поѣхали. Ни живъ ни мертвъ сидитъ Иванъ-то Миронычъ, главное—словъ нѣтъ никакихъ въ оправданіе! И силъ-то совсѣмъ не стало. «Даже ходить, говоритъ, не могъ, все урядники водили». И тутъ онъ мыкался и бился объ земь во всѣхъ мѣстахъ. Почитай, недѣли двѣ только ползкомъ жилъ на свѣтѣ. Самъ-то, говоритъ, и ногами-то разучился двигать. Дозволили ждать отвѣта въ губерніи подъ строгимъ карауломъ. Такъ тутъ Иванъ Миронычъ цѣльныхъ двѣ недѣли жилъ; палъ въ ноги губернатору, слезами обливался, покуда наконецъ дождался—выпустили, потому что къ тому времени исправникъ со становымъ ужъ всѣ адреса и одобренія отъ двадцати обществъ оборудовали и препроводили, куда надо...

— Ай-яй-яй!—могъ только прошептать собесѣдникъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону. — Видишь ли ты, какую хитрость выхитрили!—прибавилъ онъ и вздохнулъ.

И еще кто-то вздохнулъ въ отвѣтъ ему.

— Тоже пить-ѣсть надо!—пробормоталъ этотъ «кто-то» и опять вздохнулъ.

Ни разсказчикъ ни собесѣдникъ разсказчика не отвѣчали ему, только оглянулись.

— Ну что-жъ Иванъ-то Миронычъ? — спросилъ послѣ небольшого молчанія собесѣдникъ. — Вѣдь онъ долженъ всѣхъ этихъ ахаверниковъ суду передать? Какъ же такъ можно? Вѣдь они ложную клятву давали. Этого невозможно допустить!

— То-то вотъ, братецъ ты мой! — съ нѣкоторымъ негодованіемъ въ голосѣ проговорилъ разсказчикъ. — Доберъ Иванъ-то Миронычъ. На его бы мѣстѣ — какъ съ ними надо поступить-то? Становой и исправникъ прямо было-взялись поднять это дѣло до суда... Да Иванъ-то Миронычъ не захотѣлъ... Простилъ! Упросилъ потушить дѣло... Я было-говорилъ ему:—«Что ты, Иванъ Миронычъ, мужикамъ потакаешь? Вѣдь житья не будетъ?»—«Нѣтъ, говоритъ, Савелій Кузьмичъ, нельзя имъ не потакать! Расчету нѣтъ! Жевать имъ, говоритъ, нечего, и ежели я ихъ буду нажимать, такъ и мнѣ придется плохо—лучше я буду поступать по-Божьи! Проучили, говоритъ, меня довольно. Надо и Бога вспомнить!» И удѣлалъ такъ, что мужики у него прощенія попросили, а онъ имъ шесть ведеръ вина на мировую выставилъ, лѣсъ стали рубить исполу, половину дровъ ему, половину мужикамъ, а землю и сѣнокосы тоже мужикамъ отдалъ въ аренду... — «Мѣсто, говоритъ, очень голодное, пусть же будетъ въ родѣ дачи, а не то что хозяйствомъ заниматься. Слава Богу и за то, что процентъ свой получу, а ужъ зачѣмъ, молъ, по-собачьи грызться!» Ну, теперь, кажись, все у нихъ тихо.

— Ишь ты вонъ!—весело сказалъ мужикъ-слушатель:— какъ по-Божьи-то вышло складно!.. Оно по-Божьи-то завсегда хорошо выходитъ!

— А все земелька! — не отвѣчая мужику, проговорилъ собесѣдникъ разсказчика, купецъ.

— Земелька-то земелька, да подлостей-то не дѣлай!— отвѣтилъ ему разсказчикъ.

II. Развеселилъ господъ.

I.

Часа въ два зимней ночи въ одинъ изъ петербургскихъ ресторановъ вошли три господина и заняли отдѣльный кабинетъ. Было уже такъ поздно, что въ ресторанѣ начали убавлять освѣщеніе, прислуга была полусонная, вялая, утомленная, да и сами посѣтители, занявшіе кабинетъ, не выказывали особенной оживленности.

Посѣтители были, дѣйствительно, люди утомленные: утомилъ ихъ и современный петербургскій день со всѣми своими призрачными интересами, утомила ихъ, или, вѣрнѣе, двоихъ изъ нихъ (потому что третій былъ еще очень молодой человѣкъ) и вся пережитая жизнь. Двоимъ изъ посѣтителей было лѣтъ по сорокъ съ чѣмъ-нибудь. Одинъ изъ нихъ былъ присяжный хроникеръ одной газеты, неизвѣстный публикѣ и подписывающійся *игрекомъ*, другой былъ земцемъ. Когда-то они были товарищами и молодыми людьми, потомъ надолго разошлись дорогами: одного затиранила газетная работа, другой ушелъ въ земскую дѣятельность. И вотъ теперь на-дняхъ они встрѣтились полусѣдые, утомленные, разочарованные, измаявшіеся и, кажется, измаявшіеся безъ толку, понапрасну. Земецъ ѣхалъ въ Петербургъ «освѣжиться», потолковать, узнать—«что̀ же наконецъ?»—и вообще «нѣтъ ли чего новенькаго», такъ какъ тамъ у нихъ, на днѣ земской жизни, адская тоска, суета безсмысленная, мракобѣсіе, хищничество и вообще «нечѣмъ дышать».

Каково же было его удивленіе, когда, пріѣхавъ въ Петербургъ и повидавшись со старыми знакомыми, а въ томъ числѣ и съ хроникеромъ, онъ узналъ, что и здѣсь, въ Питерѣ, у нихъ ровно ничего нѣтъ, что и здѣсь тоже маются, тоже отсутствіе живой жизненной струи, влаченіе изо дня въ день, шаблонная литература и т. д. Хроникеръ, встрѣтившись со старымъ товарищемъ, тоже ожидалъ услышать отъ него что-нибудь «освѣжающее»: вѣдь онъ человѣкъ земскій, не измученъ газетнымъ суесловіемъ; вѣдь онъ тамъ у «корней» жизни, да, у жизни, а не у чернильницы; но—увы!..—какъ мы видѣли, земецъ ничѣмъ его не порадовалъ, а, напротивъ, дохнулъ на него холодомъ утомленной и опустошенной души, точно такъ же, какъ холодомъ

откликнулась и душа хроникера. Встрѣтились они съ лихорадочной радостью, съ распростертыми объятіями, но едва ли не сію же минуту почувствовали, что въ нихъ обоихъ нѣтъ матеріала, которымъ бы можно было наполнить ихъ широко раскрывшіяся сердца. И уже послѣ десяти минутъ не столько оживленнаго, сколько громкаго разговора пріятели почувствовали потребность уйти куда-нибудь изъ комнаты, въ которой они встрѣтились, и дѣйствительно ушли завтракать, хотя ни тотъ ни другой не имѣли въ этомъ никакой надобности.

И такъ пошло дальше: завтракая, обѣдая, ужиная и изрѣдка только отрываясь по какимъ-нибудь ничтожнымъ дѣламъ, чтобы непремѣнно сойтись за завтракомъ, за обѣдомъ, за ужиномъ, пріятели стали проводить время, помалчивая за ѣдой, вздыхая, бранясь, возмущаясь, опять вздыхая, оживляясь еле-еле при самыхъ юношескихъ воспоминаніяхъ и вздыхая опять, какъ только разговоръ доходилъ до настоящаго дня, т.-е. упирался въ тупой уголъ. Они не утратили вѣры въ то, во что они вѣрили, и надѣялись на то же, на что надѣялись и въ старину, но и вѣра и надежда ихъ была уже утомлена, безформенна и не доставляла никакого удовольствія. Такимъ образомъ они проводили уже нѣсколько дней, возвращаясь по домамъ часа въ три-четыре ночи и тяжелыми шагами «съ одышкой» поднимаясь по высокимъ петербургскимъ лѣстницамъ.

Что касается до молодого человѣка, пришедшаго вмѣстѣ съ земцемъ и хроникеромъ, то хотя онъ и не разочаровался еще ни въ чемъ, хотя онъ былъ свѣжъ и молодъ, но осовѣвшее поколѣніе «реформенныхъ людей», къ которому принадлежали земецъ и хроникеръ и среди котораго вообще современнымъ молодымъ людямъ приходится находить «указателей пути» и руководителей, это осовѣвшее поколѣніе успѣло уже повліять на него довольно снотворно и сумбурно. Осовѣвшее поколѣніе не давало ему никакого прямого отвѣта на вопросъ: что дѣлать? Одни говорятъ: «иди пахать, трудами рукъ своихъ живи», но сами не идутъ; другіе говорятъ: «вовсе не нужно пахать, — учись; наука—вотъ главное»; третьи говорятъ, что «въ организаціи современнаго общества нѣтъ никакого порока; она такая, какъ быть должно; становись на любое мѣсто, дѣлай, что придется, — но береги душу и питайся растительною пищею». Третьи настоятельно доказываютъ необходимость

не противиться злу, а четвертые такъ же хорошо убѣждаютъ въ необходимости противленія. А въ то же время молодая вдова Елена Андреевна, съ которой онъ познакомился на студенческомъ вечерѣ, гипнотизируетъ его своимъ бюстомъ и совѣтуетъ поступить въ оперу, а въ то же время курсистки зовутъ на вечеринку, а въ то же время земецъ тащитъ къ Палкину, а въ то же время, провожая съ вечеринки m-me Булкину, онъ получаетъ приглашеніе непремѣнно придти поговорить объ одномъ серьезномъ дѣлѣ. И наконецъ — статистика. Статистикой необходимо заняться серьезно. Это самый подходящій, нейтральный и благородный трудъ.

Вотъ примѣрно, и притомъ въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣ разнородныя вліянія современной среды, среди которыхъ молодому человѣку приходится искать отвѣта на вопросъ—что̀ дѣлать?

«Уйду!»—думалъ онъ совершенно искренно, возвращаясь домой, по примѣру земца и хроникера, въ четыре часа утра.

«Уйду!» — думалъ онъ, отыскивая въ темной каморкѣ спички.

«Надо удрать!»—думалъ онъ, засыпая.

Но на утро все-таки нужно было поговорить съ m-me Булкиной, и онъ торопливо одѣвался и шелъ къ ней, но на дорогѣ попадался земецъ, который звалъ завтракать.— «А m-me Булкина?»—«M-me Булкина можетъ также пріѣхать завтракать съ нами».—«Отлично!» Завтракъ съ m-me Булкиной, хроникеромъ и земцемъ, продолжавшійся часа четыре-пять, наполненъ, разумѣется, все тѣмъ же несопротивленіемъ злу, сопротивленіемъ злу, «серьезнымъ дѣломъ», сокрушеніемъ настоящей минуты «во всѣхъ смыслахъ», вздохомъ, смѣхомъ, опять вздохомъ и наконецъ...

— Не взять ли намъ тройку?

— Превосходно!

И вотъ острова, какой-то «Помпей».

Вотъ такъ и идетъ. Только было «засѣлъ» за статистику—вспоминается бюстъ, задумалъ поговорить о «серьезномъ дѣлѣ»—хвать, очутился въ «Помпеѣ», или на вечеринкѣ, и уже поетъ во всю мочь «Дубинушку» и т. д. А къ четыремъ часамъ утра, проводивъ домой m-me Чижову (которая пригласила непремѣнно зайти на этихъ дняхъ— она имѣетъ что-то сказать) и возвращаясь домой, опять-таки думаетъ:

«Удеру! Нѣтъ, надо удрать!» — и не всегда попадаетъ въ ту дверь, куда надо.

Итакъ, всѣ три посѣтителя были люди дѣйствительно утомленные; хроникеръ и земецъ—безрезультатностью прожитаго, юноша—отсутствіемъ опредѣленной и ясной перспективы, а всѣ вмѣстѣ — сутолокой настоящаго дня, надоѣдливымъ, тусклымъ, сумрачнымъ, неоживленнымъ никакимъ яснымъ, живымъ теченіемъ—безвременьемъ.

II.

Занявъ отдѣльный кабинетъ, посѣтители нѣкоторое время совершенно недоумѣвали, зачѣмъ, собственно, они здѣсь очутились. Они только-что были у знакомыхъ, гдѣ вдоволь наскучались, вдоволь наѣлись и выпили, и вотъ какая-то нелегкая занесла ихъ опять въ какую-то скверную клѣтку скучать, ѣсть и пить. Никому, въ сущности, ровно ничего не хотѣлось; слѣдовало бы идти спать, но какъ же такъ закончить день? День-то вѣдь цѣлый прошелъ, а какъ будто ничего существеннаго изъ него не вышло; какъ-то было слишкомъ тягостно и скучно оставить его безъ конца. И вотъ надо было какъ-нибудь кончить.

— Что̀ же,—сказалъ земецъ.—Надо позвонить!

— Да,—промычалъ хроникеръ, развалившись на диванѣ и дремля.—Позвоните кто-нибудь!

— Да звонокъ-то около тебя... Протяни руку!

— Ахъ, да!

Хроникеръ протянулъ руку надъ спинкой дивана, поискалъ звонка и, найдя его, придавилъ пуговку.

Явился сонный, вялый, утомленный лакей. На всей его измученной фигурѣ какъ бы тяготѣло цѣлое столѣтіе закусочныхъ и питейныхъ преданій того заведенія, въ которомъ онъ служилъ и столѣтній юбилей котораго только-что праздновался. Лицо его выражало огромное утомленіе, и казалось, что онъ утомленъ именно этимъ безконечнымъ, сто лѣтъ не прерывающимся служеніемъ образованному россійскому обществу, которое даже и ѣсть-то путемъ не хочетъ и отъ котораго никакого толку не выходитъ. Появленіе слуги подѣйствовало на посѣтителей еще болѣе удручающимъ образомъ. Онъ молчаливо ожидалъ ихъ приказаній, но никому изъ нихъ ничего не приходило въ голову.

— Что-жъ, — сказалъ, стараясь быть бодрымъ, земецъ.— Ѣсть, что ли, будемъ?

— Я ужъ, право, не знаю! — полусонно пробормоталъ хроникеръ.

— А вы, Харитоновъ?

— Мнѣ все равно!

— То-есть что же это — все равно? Будете ѣсть или нѣтъ?..

— Такъ чего-жъ? Пожалуй... Ну, буду!

— Дай карточку!

Лакей подалъ книжку прейсъ-куранта кушаньямъ и винамъ, и долго она ходила по рукамъ безъ всякаго результата. Земецъ, перелистывая ее изъ страницы въ страницу, перечитывая изъ строчки въ строчку, разстегнулъ свой жилетъ, думая, что желудокъ, почувствовавъ нѣкоторую свободу, самъ потребуетъ какого-нибудь кушанья, но желудокъ безмолвствовалъ и ровно ничего не хотѣлъ...

— Ну, я потомъ! — сказалъ наконецъ земецъ, передавая книжку хроникеру.

Но и тотъ рѣшительно не зналъ, что ему нужно, и, пересмотрѣвъ книжку, положилъ ее на столъ и сказалъ:

— Чортъ его знаетъ... Не знаю!

— Вы, Харитоновъ?

— Пожалуй, съѣмъ бифштексъ.

— Вотъ желудокъ! Бифштексъ?

Харитоновъ только захохоталъ.

— О, молодость! Ну, такъ какъ же мы-то? Вѣдь нельзя такъ, ужъ поздно!

— Ей-Богу, мнѣ все равно!

— Чортъ знаетъ что такое! Дай-ка карточку-то...

Лакей, все время терпѣливо ожидавшій приказанія и переминавшійся съ ноги на ногу, вѣроятно, сжалился надъ безпомощнымъ положеніемъ «господъ»; онъ вѣжливо наклонился къ земцу и съ заботливостью старой няньки въ голосѣ проговорилъ:

— А то не угодно ли наваги-съ? Только-что привезёна-съ...

— А въ самомъ дѣлѣ!.. Я давно не ѣлъ наваги, — радостно воскликнулъ земецъ. — Отлично, давай наваги!

— Фритъ-съ? — спросилъ лакей съ тою же заботливостью въ голосѣ.

— Чего?

— Я докладываю, — какъ прикажете, жареную, или же...

— Конечно, жареную! Почему же однако ты говоришь фритъ, а не просто — жареная, молъ, навага?

Слова эти земецъ проговорилъ безъ всякой надобности и

единственно только потому, что повеселѣлъ; повеселѣлъ же онъ, во-первыхъ, отъ того, что захотѣлъ наваги, а во-вторыхъ, потому, что на него произвела весьма пріятное впечатлѣніе тонкая черта заботливой внимательности старой крѣпостной няньки къ балованному барчуку, которая звучала въ голосѣ и видна была въ глазахъ и манерѣ лакея, позаботившагося вывести барина изъ затруднительнаго положенія. Барчуки, хоть и реформенные, хоть и земцы, а любятъ, очень любятъ и до сихъ поръ эту заботливость о себѣ преданной прислуги и весело чувствуютъ себя въ положеніи балованныхъ ребятъ.

— Просто бы сказалъ жареное, по-нашему, по-русски,— продолжалъ баловаться и болтать, что̀ придетъ въ голову, сорокалѣтній балованный барчукъ: — а то фритъ какой-то?.. Отчего фритъ? Почему фритъ?

— А потому фритъ называется, — улыбаясь тою же заботливой улыбкою, заговорилъ лакей: — что фритъ есть слово повсемѣстное. Вѣдь на свѣтѣ всякаго народу много— нѣмцы, французы, армяне, персіанцы — мало ли?.. У всякаго свое названіе всему... Теперича, положимъ, существуетъ названіе жамбонъ. Кажется, что̀ такое? Ежели разобрать, больше ничего—оказывается ветчина, очень просто! Ну, а какъ ежели всякій бы иностранецъ по-своему спрашивалъ, тогда ничего невозможно разобрать... Вотъ поэтому самому и устанавливается для повсемѣстнаго смысла одно названіе — фритъ, напримѣръ, омлетъ, или, такъ сказать, бефъ, шатобріанъ, кюлотъ!

Скучающимъ гражданамъ съ каждымъ словомъ этого монолога становилось почему-то легче и веселѣе. Вѣроятно даже, что причиною этого была совершенно неожиданная тема разговора, — тема, рѣшительно не имѣвшая ничего общаго съ тѣми современными, до крайности утомительными темами, которыя уже до невозможности надоѣли нашимъ скучающимъ и изъ которыхъ они однако же никакимъ образомъ не могли выбраться. Скучающіе граждане наши, исчерпавъ въ теченіе утомительнаго дня всѣ эти утомительныя темы разговора и убѣдившись, что безрезультатность ихъ необходимо завершить чѣмъ-нибудь рѣшительнымъ, въ родѣ ужина, когда и ѣсть-то даже не хочется, — были пріятно удивлены, что, помимо утомительныхъ темъ, казалось бы, исчерпывающихъ рѣшительно всѣ вопросы жизни до самаго корня, существуютъ еще какія-то темы непредвидѣнныя и достойныя размышленія.

— Да, — балуясь, серьезно произнесъ земецъ. — Такъ вотъ, братъ, какая штука фритъ! Ну, а кюлотъ что такое?

— Просто сказать — говядина.

— Да! Но какая... какъ она?.. какое мѣсто?

Лакей какъ будто затруднялся отвѣтомъ.

— То-есть... какъ сказать?.. мясо!..

— Ну да, мясо, но какой сортъ?.. Ну вотъ антрекотъ одинъ сортъ, а кюлотъ?..

Лакей потупился, и на его лицѣ легла какая-то жалобная черта.

— Этого, извините, — робко проговорилъ онъ: — этого всего намъ разобрать невозможно!

— Такъ какъ же ты можешь служить?

— Какъ служить? Названія знаемъ, а такъ чтобы вникать въ это намъ невозможно! Намъ дай Господи только не забыть названія да до кухни добѣжать—не перепутать; иной разъ подаешь троимъ-четверымъ, въ двухъ кабинетахъ — дай Богъ только это упомнить. А чтобы такъ до тонкости знать — это даже и силъ нашихъ не хватитъ.

— Будто?

— Повѣрьте! Помилуйте, одного бефу двадцать пять сортовъ, соуса и съ томатомъ и съ финзербомъ, или, теперича, вина, ликеры? Ну, вина еще такъ-сякъ — нумера... А ликеры, напримѣръ? цвѣтъ одинъ, а вкусъ разный... Одинъ говоритъ: «жинжеру», а другой бенедиктину требуетъ. Помилуйте, отъ однихъ ликеровъ — покуда запомнишь, какія у какой бутылки бочка — и то голова кругомъ пойдетъ! Мы иной разъ въ шестомъ часу гостей провожаемъ, а въ девять опять на ногахъ... Какъ можно намъ знать все! Слава Тебѣ, Господи, что хоть прейскурантъ-то вызудилъ безъ ошибки, — извольте-ка посмотрѣть книжку-то, а вѣдь ее надо всю насквозь знать!..

Начавъ разговоръ, какъ самый ординарный, трактирный лакей, продолжая его въ простодушномъ и шутливомъ тонѣ заботливой няньки, при послѣднихъ словахъ этотъ шаблонный человѣкъ, неожиданно для всѣхъ, вдругъ предсталъ предъ скучающими господами во образѣ самаго кроткаго, добродушнаго деревенскаго мужика, работника, каторжнаго работника, въ потѣ лица своего зарабатывающаго хлѣбъ. Кто-то нарядилъ его во фракъ, научилъ его держаться по-лакейски, заставилъ выражать всей своей фигурой удовольствіе при видѣ кушающихъ и пьющихъ господъ, заставилъ «затвердить» сотни какихъ-то словъ, невѣдомо что

означающихъ, словомъ, замаскировалъ и скрылъ его подлинную человѣческую суть — и вотъ эта-то суть, горькое, каторжное существованіе простого рабочаго человѣка, не досыпающаго и не доѣдающаго, вдругъ зазвучало въ его монологѣ о ликерахъ и финзербахъ такъ ясно и такъ жалобно, что скучающіе посѣтители не осмѣлились продолжать шутки.

— Конечно, — продолжалъ лакей, ужъ не какъ лакей, а какъ каторжный работникъ: — конечно, кто знаетъ, напримѣръ, иностранный языкъ и досугъ у него есть, такъ это очень легко затвердить, а нашему брату, мужику, очень это трудно! Я отродясь не знаю, каковъ-таковъ и досугъ-то есть на свѣтѣ... Десяти годовъ меня въ Петербургъ представили изъ деревни-то... У насъ въ Ярославской губерніи народъ все отхожій — то въ Москву, по трактирной части, то по фабричной... У меня отецъ на фабрикѣ померъ, остались мать, двѣ сестры маленькія, да я по десятому году. Мать-то на фабрику пошла, а меня въ Питеръ увезли. Насъ, ярославскихъ ребятъ, какъ телятъ въ Питеръ возятъ. Такіе есть мужики — наберетъ мальчишекъ штукъ десятокъ, на свой счетъ представитъ ихъ въ Питеръ ли, въ Москву ли и раздаетъ по трактирамъ, по кабакамъ. Конечно, на этомъ и наживаетъ съ хозяевъ. Такъ меня десяти годовъ на Сѣнную, въ самый черный трактиръ опредѣлили; день и ночь торговали, извозчицкій. Два года стоялъ за стойкой, посуду мылъ. А что побоевъ! Все по головѣ, все по затылку... съ оплеухой! Такъ сколько я претерпѣлъ, покудова Господь меня сподобилъ съ Сѣнной-то изъ вертепа достигнуть до ресторана! Конечно, добрые люди помогли, научили всему.

— Да чему же тутъ учить?

— Помилуйте, какъ чему? Теперича на свадьбахъ офиціантомъ приглашаютъ, все надо знать... оршадъ, лимонадъ, весь порядокъ... Да тутъ страсть Господня! Опять, какъ подать, какъ обойтись... Облей-ка соусомъ-то гостя — ну, и вонъ! Какъ можно! Тутъ ни дня ни ночи покою нѣтъ. Главное, спишь кое-какъ, совсѣмъ по нашей должности сна мало... Такъ тутъ при такой жизни гдѣ ужъ намъ доходить до всего — дай Господи только памятью не сбиться! Я этотъ самый прейсъ-курантъ-то мѣсяца три по ночамъ зудилъ, съ огаркомъ, покудова вошелъ въ память. Только бы Господь далъ не перепутать. А кромѣ того, надо съ гостемъ обойтиться умѣть, услужить ему; а иной

буйный на то и въ трактиръ идетъ, чтобы наскандальничать. Иной разъ не дожарятъ или пережарятъ — а ругаютъ-то нашего брата. Бываетъ, который сердитый гость, такъ прямо тарелкой въ рыло норовитъ: ему ни почемъ, напримѣръ, въ сердцахъ, за лацканъ дернуть, оторвать, или соусомъ какимъ облить... А вѣдь фракъ-то мало-мало девять цѣлковыхъ! Нѣтъ, наша должность трудная! Конечно, изъ-за доходовъ бьемся, а то бы нешто можно на такую жизнь согласиться?..

— Ну, а какая бы для тебя жизнь была лучше, по твоему вкусу?

Утомленное, труженическое лицо лакея вдругъ засіяло.

— Лучше деревенской жизни въ свѣтѣ нѣтъ! — по-дѣтски радостно сказалъ онъ. — Это самое и есть моя великолѣпная мечта—жить въ деревнѣ своимъ хозяйствомъ. Какъ можно!.. Мѣста какія у насъ! Выйдешь утромъ — воздухъ ароматъ одинъ, кругомъ на пятнадцать верстъ видно, двадцать деревень въ хорошую погоду насчитать можно... И, Господи помилуй, какъ хорошо! Годика два еще помаюсь, а тамъ и къ своему мѣсту... Помилуйте — какое сравненіе? своя скотина, свои огороды, родня, сестры, жена, маменька, все по душѣ, никто надъ тобой не командуетъ, не понукаетъ... Какъ можно сравнить! Я только вотъ изъ-за деревни все и бьюсь, всѣми правдами и неправдами.

— И неправдами даже?

— Вполнѣ вѣрно-съ! Ежели жить нашему брату бѣдному человѣку по правдѣ, такъ намъ никогда невозможно выбраться на бѣлый свѣтъ... Истиннымъ Богомъ! Я ужъ и самъ думалъ — какъ жить безъ обману. Однако вижу — никакъ нельзя! Да вотъ, напримѣръ, женился я, такъ прямо доложу, съ обманомъ! Вполнѣ сдѣлалъ поддѣлку...

— Поддѣлку?

— Да какъ же! Поддѣлалъ себя подъ богача — ну и выдали! Моя жена вонъ какъ сказать, ежели сравнить, такъ больше нѣту слова, какъ одно — теплынь! То-есть ежели бы насъ съ ней выгнать въ пустое неприступное мѣсто, въ пустыню, и безъ копейки денегъ — то съ ней пропасть невозможно: сейчасъ съ ней станетъ и тепло, и весело, и то-есть превосходно! Кажется, изъ трехъ лучинокъ она уютъ тебѣ сдѣлаетъ — вотъ какой человѣкъ! Вотъ какъ познакомился я съ ней на вечеринкѣ въ деревнѣ, за кадрилью... (Конечно, я, само собой, во фракѣ и она все одно, какъ барыня, со шлейфомъ, все какъ должно)... по-

знакомился я съ ней, понравились мы другъ дружкѣ съ перваго разу, я говорю: — «Какъ, молъ, Маша, насчетъ закона?» Она мнѣ и отвѣчаетъ: — «Не отдастъ, говоритъ, родитель, потому у тебя ничего нѣтъ, а наше семейство— богатые мужики». А точно — богатые мужичищи, стараго завѣта, домъ серьезный... — «Какъ же, говорю, быть намъ?» — «Думай, говоритъ, — еще годъ подожду, ни за кого не пойду, а больше мнѣ ждать не дадутъ, силомъ выдадутъ...» (конечно, виду не подаетъ, вѣеромъ орудуетъ). Что тутъ дѣлать? Не съ ножомъ же идти денегъ добывать, не такой у меня характеръ. Только воротился я въ Петербургъ, тоскую, мучаюсь, не знаю, какъ быть, а швейцаръ у насъ въ ресторанѣ разспросилъ меня, въ чемъ дѣло, да и присовѣтовалъ. — «Эка, говоритъ, бѣда! Да ты вотъ какъ: накупи старыхъ лотерейныхъ билетовъ да разныхъ объявленій — вотъ тебѣ и деньги! Вѣдь они, мужичье темное, не разберутъ». Что же вы думаете? Пошелъ я по табачнымъ. — «Нѣтъ ли старыхъ билетовъ?» — «Какъ не быть!» — и накупилъ я постепенно на три цѣлковыхъ— штукъ двѣсти этого хламу — съ орлами, съ разными разводами, и все 200 тысячъ, домъ, серебряный самоваръ, сервизъ — страсть что богатства!.. А швейцаръ, дай Богъ ему здоровья, говоритъ: — «Погодь-ка, говоритъ, малый, поищу я тебѣ еще одну штуку. Служилъ я, говоритъ, въ одной банкирской конторѣ; такъ выпускала она объявленія, очень подъ деньги подходящія». Порылся въ сундукѣ и вытащилъ эку пачку этихъ объявленій — какъ есть выигрышные билеты! Все въ кругахъ, въ звѣздахъ, разными красками, и все опять же 200 тысячъ, семьдесятъ пять тысячъ, пятьсотъ, сто... Этакими цифрами — за версту увидишь. — «На-ка, говоритъ, парнюга, поправляйся, на здоровье! Дай Богъ часъ!» Такой душевный человѣкъ швейцаръ-то, гвардеецъ — дай Богъ ему здоровья! Ну вотъ, набралъ я себѣ такимъ манеромъ капиталовъ, купилъ бумажникъ самый просторный, набилъ его такъ, чтобы видно было и чтобъ подъ деньги подходило — и въ деревню! Цѣльный годъ я капиталы-то эти наживалъ. Пріѣхалъ въ деревню — повидалъ Марью, секрета ей не отрываю — думаю, какъ бы она не осердилась на обманъ, помолился Богу, пошелъ къ родителямъ... Опять же вечеринка была. Вотъ я сижу рядомъ съ отцомъ-то, держу себя небрежно, въ родѣ барина, ничего не говорю, а такъ выну бумажникъ, достану оттуда папиросу, а бумажникомъ такъ дѣйствую,

чтобы милліоны-то мои ему въ носъ ударили. Упорный старичишка, а на деньги жаденъ! Вотъ онъ глазомъ-то и сталъ вцѣпляться въ бумажникъ... Замѣтилъ это я, пришелъ въ другой разъ, переложилъ хламье-то настоящими бумажками (было у меня денегъ рублей съ пятьдесятъ, то-есть настоящихъ денегъ), перемѣшалъ я ихъ съ хламьемъ — пошелъ. Опять же вынулъ папиросу да нарочно и оброни бумажникъ-то, милліоны-то и разсыпались по полу. Старичишка раззарился — подбирать: хватаетъ обѣими руками, видитъ настоящія-то деньги, и хламье-то ему тоже деньгами показалось... Вижу я — разгорѣлись у него глазища... И разъ, и два, и три я его этакъ-то раззадорилъ, а затѣмъ и говорю:—«Такъ и такъ!.. Хочу, молъ, жениться на Машѣ, домъ буду строить, лавку открывать... деньги есть...» Тутъ старичишка-то и раскисъ.—«Согласенъ!» Да пятьсотъ рублей я съ него и счистилъ въ приданое, окромя всего прочаго!..

Это было сказано такъ дѣтски-радостно, что истинно по-дѣтски обрадовались даже и скучающіе господа посѣтители.

— Да на эти деньги и домъ купилъ и корову; маменьку, сестеръ, жену поселилъ — положилъ, однимъ словомъ, начало хозяйству—а потомъ пошелъ къ тестю-то, упалъ ему въ ноги: повинился... Ну, ужъ и было! Что и разсказывать! Да и наплевать! Теперь помирились, какъ увидѣлъ онъ мои труды и заботы. Ну, а ужъ Маша, такъ ужъ такъ меня за это оцѣнила—лучше невозможно! Какъ поженились, я и говорю:—«Ну, говорю, Машутка, надо тебѣ говорить всю правду...» И разсказалъ; думаю—заругается, обманщикомъ сочтетъ, а она подумала-подумала: — «Ну, говоритъ, Миша, этакого умника я еще отъ роду не видывала, какъ ты это умно меня выхватилъ! Вотъ такъ ужъ умникъ!». Гладитъ мнѣ голову, нахвалиться не въ состояніи... И швейцаръ тоже радехонекъ!.. Какъ узналъ, разсказалъ я ему, такъ чуть мы оба со смѣху не умерли! Напился въ этотъ день и меня напоилъ (въ первый разъ въ жизни я выпилъ) на свои деньги...—«Давай-ка мнѣ, говоритъ, милліоны-то, я еще кому-нибудь поспособствую!» Ну, я ему и вручилъ все свое состояніе... Такъ вотъ какъ! А не обмани я? Маменька бы совсѣмъ отъ трудовъ измаялась, а сестры тоже не миновали бы фабрики, а теперь все слава Богу, сами себѣ хозяева, живутъ дружно! Вѣдь по-людски жить-то хочется. Я и теперь кажинную малость все въ домъ, все въ домъ. Наберешь десятку—въ деревню!

попалась трешна—туда ее! Однихъ фраковъ своихъ я туда переслалъ шестнадцать штукъ.

Эти слова невольно заставили слушателей, что̀ называется, покатиться со смѣху.

— Шестнадцать фраковъ? — разразился земецъ настоящимъ барскимъ смѣхомъ.—Въ деревню? Да зачѣмъ же они тамъ нужны?

— Въ деревнѣ-то? Да помилуйте, въ деревнѣ всякая малость нужна, только-что она тамъ является въ большомъ преображеніи... Въ Петербургѣ, положимъ, фракъ требуется мужчинѣ, ну, хоть бы намъ, прислугѣ, или же господамъ, а въ деревнѣ онъ у насъ весьма превосходно преображается для бабъ.

— Фракъ-то?

— Фракъ-съ! Да вы извольте взять во вниманіе: сукно хоть и вытерто, а вѣдь оно плотное, перелицевать его, такъ оно все одно, какъ новое. У меня случались фраки очень добротной матеріи; я одинъ фракъ съ покойника купилъ, такъ ему и сейчасъ износу нѣтъ.

— Какъ съ покойника?

— Служащій тутъ въ клубѣ померъ, ну, жена и положила его во фракѣ, а фракъ-то дареный, съ графскаго плеча. Положила да и стала жалѣть,—женщина бѣдная,— говоритъ: «Ежели бы продать да худенькій купить — все бы мнѣ что-нибудь осталось!»—Вотъ я и обмѣнялъ; пять рублей придалъ да свой и отдалъ, а тотъ-то снялъ, вычистилъ, значитъ, вывѣтрилъ, спиртомъ проспиртовалъ, да года три превосходно щеголялъ, а теперь онъ въ деревнѣ уже второй годъ дѣйствуетъ.

— Но какъ же бабы-то, какъ бабы-то во фракахъ у васъ ходятъ,—ты вотъ что̀ скажи?

— Да вы и слѣду-то не найдете отъ фрака-то, какъ онъ тамъ у насъ преображается. И каковъ-таковъ фракъ былъ—и то вспомнить даже невозможно. А не то что во фракѣ ходить бабамъ. У меня тамъ теперь жена да двѣ сестры, дѣвицы. Одну хочу замужъ выдавать, мужика въ домъ возьмемъ. Теперичe хозяйство у нихъ молочное—четыре коровы, теляты. Телятъ поимъ, продаемъ; вотъ фраки-то мои и пригодились имъ по хозяйству; теперь въ зимнее время надо встать ночью, подоить, попоить, покормить— вотъ мои бабенки и переладили себѣ изъ моихъ фраковъ подходящіе костюмы въ родѣ дипломатовъ: лацкана этакимъ вотъ манеромъ отворочены (онъ показалъ на своемъ

фракѣ, какъ именно)—и, стало-быть, груди тепло—а тутъ въ этихъ мѣстахъ, стало-быть, фалды отрѣзаны отъ трехъ фраковъ, по шести фалдовъ на юбку вышло, — пришиты дружка къ дружкѣ въ складку, ну и, конечно, на ватѣ—анъ оно и тепло! да года на три, на четыре хватитъ... А продать его татарину? рубль серебромъ, больше не дадутъ. А которые остались безъ фалдовъ и тѣ же подработаны подъ кофты, одну маменькѣ на заячьемъ мѣху удѣлали—зябка стала, старушка! вотъ ей и потеплѣй въ кофтѣ-то. И, Боже мой! Въ деревнѣ? да въ деревнѣ всякая малость все она по-нашему, по-мужицкому, преображается.

— Но это великолѣпно! — захохоталъ на всю комнату окончательно развеселившійся земецъ.

— Да какъ же не великолѣпно? — развеселившись еще болѣе, чѣмъ земецъ, и весь сіяя, продолжалъ лакей.—Даже очень великолѣпно! Теперь вотъ, почитай, хозяйство все налажено, сестру замужъ выдамъ, можно, пожалуй, и земельки попросить. А самъ, ежели Господь дастъ терпѣнья, промаячу еще годика два, да и туда же, подъ собственный кровъ... Ужъ и отдохну же на вольномъ воздухѣ отъ всѣхъ моихъ мытарствъ! И будемъ жить съ Машей честно, благородно, своимъ трудомъ. А ужъ мѣста какія! Господи Боже мой!

— Но это просто великолѣпно!—гоготалъ земецъ.

Да и вся компанія тоже развеселилась.

— Такъ прикажете наваги? — вспомнивъ свои обязанности, сказалъ лакей, снова возвращаясь къ своей должности и манерѣ.

— Наваги? Фритъ? Давай, давай!.. Просто превосходно! даже ѣсть захотѣлось... Давай наваги!

— Да и мнѣ даже что-то ѣсть хочется,—проговорилъ хроникеръ.—Принеси-ка—мнѣ... какъ его? кюлотъ этотъ!

— Слушаю-съ!

Лакей ушелъ, а все недавно скучавшее общество принялось шумно разговаривать на всевозможныя животрепещущія темы. Стали говорить и спорить о народѣ, объ интеллигенціи, о Россіи и Европѣ.—«Тамъ, тамъ живая струя! — оралъ земецъ. — Тамъ живое желаніе жить, да, жить! да непремѣнно на *бѣломъ* свѣтѣ, а не на *черномъ*, не въ черную ночь! да непремѣнно «честно, благородно»! Именно—«*благородно*», на всей *своей волѣ*... по-крестьянски... Да! тамъ, тамъ! а мы? мы? мы? мы?

Словомъ, тѣ самыя темы, которыя только-что казались

совершенно исчерпанными и ничего, кромѣ утомленія и безплодной тоски, не возбуждали,—вновь оказались неисчерпаемыми, вновь оживили и привычку безконечно-долго разговаривать и безконечно-долго ѣсть.

— Человѣкъ!.. — поминутно раздавалось изъ шумнаго кабинета. Пріятели ѣли, пили, пили и ѣли и долго не чувствовали ни малѣйшей потребности уходить изъ кабинета.

III.

Часу въ шестомъ утра всѣ они, пошатываясь и придерживаясь за перила темныхъ лѣстницъ, тяжелыми стопами пробирались къ своимъ квартирамъ, и каждый изъ нихъ думалъ, что не все пропало, что «*тамъ что-то* есть живое», и что «вообще нужно *уѣзжать*» поскорѣй отсюда.

— Вотъ это самое! честно, благородно! Оно самое и есть!—скидывая въ темнотѣ своей каморки шубу вмѣстѣ съ сюртукомъ и сапоги вмѣстѣ съ калошами, бормоталъ и охмелѣвшій юноша Харитоновъ.—Оно! Вся суть! Честно, благородно! Н-да!.. И удеру! Удирать надо! вотъ главное! Удирать! Только вотъ къ m-me Чижовой... поѣду—и фють! Эй, любезные!—гаркнулъ онъ среди всеобщей тишины и мертваго сна меблированныхъ комнатъ, вообразивъ себя на ухарской тройкѣ.

Но, опомнившись и осмотрѣвшись, потихоньку улегся въ кровать, вздохнулъ и, еще разъ сказавъ себѣ:

«И удеру!»—мирно смежилъ усталыя вѣжды.

Такъ вотъ и еще страничка о «земелькѣ»! Одна мысль о ней сразу оживила и осіяла забитую тяжкимъ трактирнымъ трудомъ душу лакея, преобразивъ его въ настоящаго человѣка, да и у господъ возбудила... аппетитъ.

III. Добрые люди.

I.

Человѣкъ доброй души, швейцаръ, помогшій Михайлѣ словомъ и дѣломъ выбраться изъ ничтожества на бѣлый свѣтъ, т.-е. жениться и устроить собственное свое хозяйство, совершенно неожиданно пробудилъ во мнѣ воспоми-

нанія о безчисленномъ множествѣ добрыхъ душъ, добрыхъ людей, которыхъ мнѣ постоянно приходилось встрѣчать и въ городской и въ деревенской средѣ. «Отчего это, подумалось мнѣ, я такъ мало касался людей такого сорта, и отчего, напротивъ, всевозможнаго рода хищники и живорѣзы такъ много поглощали моего вниманія?» И, припомнивъ, какъ было дѣло, я убѣдился, что къ этому не было никакой возможности, потому что добрые люди, какъ бы много ни приходилось встрѣчать ихъ въ жизни, были явленія единичныя, своеобразныя, — люди, проявлявшіе свою доброту на свой образецъ, въ своемъ уголкѣ, въ своемъ частномъ углу, тогда какъ хищники, живорѣзы были и есть люди извѣстнаго общественнаго теченія,— люди, олицетворяющіе собою извѣстный порядокъ вещей, ненавистники всякаго иного порядка, съ которымъ они и борются всѣми возможными средствами и ни передъ чѣмъ не останавливаясь.

Какой-нибудь добродушнѣйшій вдовый мужичокъ, въ родѣ извѣстнаго въ нашихъ мѣстахъ «Митеньки», надумалъ «самъ по себѣ», что надобно, молъ, бѣднымъ помогать, и началъ «творить добро» въ своемъ уголкѣ. Митенька, напримѣръ, чтобы «творить добро», ухитрился сдѣлаться лѣкаремъ, сталъ лѣчить петербургскихъ купчихъ изъ Ямской молитвами и травами и сумѣлъ прослыть за великаго искусника и цѣлителя, а когда достигъ большой популярности и сталъ зарабатывать множество денегъ, то, возвращаясь въ деревню, принялся творить добрыя дѣла, помогалъ бѣднымъ, вдовамъ, сиротамъ, разорившемуся мужику и т. д. Въ «своихъ мѣстахъ» его помнятъ и помнятъ главнымъ образомъ тѣ, кому онъ помогалъ, поддержалъ. Но уже одно то, что этотъ «Митенька» былъ зарѣзанъ своимъ работникомъ и притомъ съ цѣлью грабежа, доказываетъ, какъ широка была волна хищничества и наживы, и какъ почти безслѣдно, словно капли въ морѣ, исчезали въ ея бурномъ потокѣ эти одинокія фигурки добрыхъ людей и ихъ маленькихъ добрыхъ дѣлъ. Не до нихъ было въ то время. Если же теперь эти одинокія фигурки и ихъ одинокія, не имѣвшія никакого общественнаго значенія, добрыя дѣла и начинаютъ возникать въ памяти, то единственно только потому, что ужъ слишкомъ надоѣло и измучило обиліе всевозможныхъ дѣлъ и людей живорѣзнаго направленія.

II.

Ѣду я разъ какъ-то, лѣтъ шесть тому назадъ, съ одной изъ станцій узкоколейной дороги, направляясь на дачу, нанятую на лѣто моимъ пріятелемъ. Проѣхавъ нѣсколько верстъ по шоссе (не знаю, земское оно или еще аракчеевское), я долженъ былъ свернуть въ сторону, въ лѣсъ.

До поворота оставалось не болѣе нѣсколькихъ десятковъ саженей, какъ вдругъ изъ лѣсочка, въ который намъ именно и слѣдовало повернуть, съ трескомъ вылетѣла телѣга и загородила намъ дорогу. Въ телѣгѣ были ящики съ пивомъ, а на облучкѣ ея качался изъ стороны въ сторону и едва могъ сидѣть совершенно пьяный мужикъ безъ шапки. Не успѣла выскочить изъ лѣсу телѣга, какъ за ней, съ плясомъ, съ гармоніей, съ пѣснями и присвистами, выступила огромная толпа мужиковъ и бабъ, молодыхъ и старыхъ, и среди этой веселой и сильно подгулявшей толпы съ трудомъ двигался до невозможности развинченный, дребезжащій, весь исковерканный и изломанный тарантасъ. Въ этомъ тарантасѣ сидѣлъ какой-то человѣкъ, худенькій, кривобокій, изможденный, крѣпко пьяный, въ разстегнутомъ пиджакѣ и жилетѣ. Двѣ молодыя, здоровыя бабы съ гармоніями сидѣли у него въ ногахъ, свѣсивъ свои ноги на подножки тарантаса, и горланили пѣсни, въ то время, какъ кривобокій человѣкъ, изъ всѣхъ силъ надсаживая свою разбитую грудь и стараясь перекричать галдѣвшую толпу, махалъ своимъ картузомъ и почти кричалъ:

— Милочки мои! Поклонники вы мои! Не забуду я васъ до гробовой доски! Други! Ангелы мои!..

— Филипычъ! — галдѣли мужики и бабы. — Ты отецъ нашъ! Ты нашъ покровитель!.. Богъ тебя не оставитъ!.. Эй, шевелись, съ пивомъ-то, потчуй!

— Откупоривай живѣй! На перекресткѣ поздравимъ Филипыча!

— Ангельчики мои! Милочки мои! Отрада моя единственная!—продолжалъ надсажаться Филипычъ, весь блѣдный, пьяный, возбужденный, со слезами на глазахъ.

Среди этого галдѣнія въ толпѣ, растащившей пивные ящики, хлопали бутылки кабацкаго, шипучаго пива, разогрѣтаго лѣтнимъ послѣобѣденнымъ солнцемъ; откупоривали его кто гвоздемъ, кто кнутомъ, протыкая пробку, кто хлопалъ горлышкомъ бутылки объ колесо, при чемъ мужики и

бабы рѣзали себѣ руки, а иногда и губы, до крови, и все это мокрое, пьяное еще шумнѣе принималось галдѣть, лѣзло къ Филипычу цѣловаться, вопіяло: «отецъ! благодѣтель! Ты нашъ помѣщикъ! Мы твои подданные поклонники!»

— Подымай его на уру! На уру бери! Берись, ребята!

Толпа сгрудилась у тарантаса, что̀ дало намъ возможность потихонечку объѣхать его, и въ то время, когда мы поворачивали въ лѣсокъ, Филипычъ леталъ надъ толпой, какъ перо, махалъ руками, плакалъ и выкрикивалъ:

— Ангелы! поклонники!.. купидоны!

— Ура-а-а!..

— Вали на вокзалъ! Вали, ребята, до вагону провожать! трогай всѣ!..

— Ура-а-а!

— Убьютъ они его! — оглядываясь на летавшаго Филипыча, сказалъ мой возница, и мы въѣхали въ лѣсокъ.

— Что̀ это такое?—спросилъ я извозчика.

— А ужъ, право, не знаю... Да вотъ мы увспросимъ... Бабушка!.. Э-эй, старушка! — окликнулъ онъ какую-то старушку, направлявшуюся по той же дорогѣ, по которой ѣхали и мы.

Сгорбленная старуха, съ палочкой въ рукахъ, остановилась, закашлялась. Извозчикъ пріостановилъ лошадь.

— Что̀ это у васъ за помѣщикъ объявился? — спросилъ извозчикъ.

Старушка долго кашляла, закрывая ротъ рукою, наконецъ проговорила:

— Да ты посади-ка меня въ телѣгу-то, подвези старуху, я тебѣ все разскажу.

— Садить, что ли?—спросилъ ямщикъ.

— Конечно, подвеземъ!

— Ну, садись, бабка, полѣзай!

Съ трудомъ взобралась старушка на телѣгу и усѣлась по середкѣ, прямо на сѣно.

— Ты не больно прытко поѣзжай-то, — сказала она ямщику. — У меня кости старыя, по камню-то всеё разобьешь.

— Ну, ладно!

Поѣхали шажкомъ.

— А это, — начала старуха: — мы провожали нашего отца-благодѣтеля, покровителя нашего, Артамона Филипыча! Вотъ каковъ нашъ помѣщикъ!.. Кажинный годъ объ эту пору онъ къ намъ въ гости пріѣзжаетъ, ну, вотъ мы его

и чтимъ. Кабы не онъ, вовѣки бы мы свѣту не видали, такъ бы и запропали въ своей трущобѣ, какъ медвѣди...

— Да что-жъ онъ, какимъ-такимъ родомъ вызволилъ васъ?

— А вотъ видишь дорогу-то? Вѣдь теперь мы съ тобой ѣдемъ все одно, что по московскому тракту, — каменная вѣдь у насъ дорога-то теперича, а что было? А было невылазное болото... Только по зимамъ и свѣтъ видѣли... Ну, вотъ эту самую дорогу Артамонъ-то Филипычъ намъ и пожертвовалъ... Вотъ онъ кто—Артамонушка-то!..

Дорога, дѣйствительно, была новая; по бокамъ шли двѣ широкія и глубокія канавы, на серединѣ былъ плотно накатанъ прутнякъ, а поверхъ его была насыпана, повидимому, недавно, довольно узенькая полоска щебенки...

— Да кто онъ самъ-то?

— А самъ-то онъ портной петербургскій. Въ Ямской у него свое заведеніе. Вотъ онъ кто будетъ!

— Какимъ же родомъ онъ къ вамъ-то попалъ?

— То-то вотъ Господь его намъ послалъ!.. А такимъ родомъ вышло это дѣло. Мой-то старшій сынъ теперь старостой, въ должности состоитъ, а годовъ съ пять тому назадъ проживалъ онъ въ Питерѣ въ дворникахъ... Вотъ и случись ему служить въ томъ самомъ домѣ, гдѣ у Артамонушки это заведеніе находится. О самую объ эту пору Артамонушка-то женился, взялъ за себя сироту; мой сынъ-отъ, Андріянъ, говоритъ — «первая, говоритъ, была красавица, что умная, что добрая, что красивая, одно слово—не нарадоваться». Прожили они годъ душа въ душу, а на другой-то годъ она возьми да и помри; и невѣдомо съ чего! И похворала-то всего, говоритъ Андріянъ-то, всего, говоритъ, съ полсутокъ и Богу душу отдала. Вотъ Артамонушка-то и затосковалъ. Сталъ пить, сталъ убиваться и такъ что даже заведеніе свое едва-едва не перевелъ. И сталъ онъ въ этакомъ-то разстройствѣ ходить къ моему Андріяну въ дворницкую... Полюбился ли ему мой Андріянъ, или ужъ такъ, тоска-то ему оченно велика была, только зачалъ онъ, Филипычъ-то, кажинный день къ Андріяну захаживать.—«Посижу хоть у тебя на людяхъ, а то одному-то смерть въ домѣ... Сходи-ка-сь за пивомъ и за виномъ»... Вотъ Андріянъ сходитъ, принесетъ, они и сидятъ—пьютъ, а Филипычъ-то на свою участь жалуется — сирота, вишь, онъ круглая, на вѣку горя напримался, а теперь вотъ одинъ-одинехонекъ... Ни родни, ничего нѣтъ у него! И пошла у нихъ съ Андрія-

номъ дружба закадычная... То онъ у Андріяна въ дворницкой, то Андріянъ у него въ горницѣ. Подъ конецъ такъ стало, что Андріянъ-то совсѣмъ почитай что у Филипыча поселился: и днюютъ и ночуютъ, и пьютъ и ѣдятъ — все увмѣстяхъ съ Филипычемъ... Видитъ мой Андріянушка, что человѣкъ-то очень ужъ сердцемъ доберъ, а тоски-то своей смертной избыть не можетъ,—и сталъ говорить ему:—«Эхъ, молъ, Артамонушка! И чего ты убиваешься? Воротить ты ее, жену-то любимую, не воротишь, на другой тебѣ жениться совѣсть не дозволяетъ, чего ужъ убиваться понапрасну-то? Поглядѣлъ бы ты, говоритъ, на наше горе деревенское, мужицкое; посмотрѣлъ бы, какъ мы-то горько бьемся, такъ тогда твоя-то бѣда съ маково бы зерно показалась»... И сталъ ему за бесѣдою-то про наше про крестьянское житье разсказывать; и про голодовки, и про хворь, и про труды каторжные, про зимы трескучія, про болота, чащобу непроходимую... И дороги-то отъ насъ нѣту, окромѣ какъ зимой, а вѣдь у насъ въ лѣтнюю пору что̀ господъ проѣзжаетъ... Иной продалъ бы яичекъ, ягодовъ, грибковъ,—а намъ, горемычнымъ, и вылазу нѣтъ, особливо какъ дождикъ хлынетъ... Или взять сѣно, по веснѣ ему хорошая цѣна и лѣтомъ оно въ цѣнѣ, а лежитъ оно у насъ зря, ежели зимой не продадимъ, потому вылазу нѣту... А какъ его зимой продать, когда зимой-то изъ-подъ всѣхъ мѣстовъ, которыя къ Питеру ближе, по зимнему-то пути его натащатъ?.. Разсказывалъ - разсказывалъ ему такъ-то про наше горькое горе, вотъ Филипыча-то и взяло за сердце... Разжалобился онъ, поплакалъ, да и говоритъ Андріяну: — «Вотъ что̀, Андріянъ. Не буду я себѣ искать утѣхи въ новой женѣ, потому что старой мнѣ невозможно забыть, а будетъ у меня двѣ отрады — надгробная, говоритъ, могила да твоя деревня. Буду я, говоритъ, для васъ благодѣтелемъ, а вы меня, сироту, почитайте и послѣ смерти моей должны поминать; а лягу я въ могилу рядомъ съ милой моей супругой. А что̀ я выработаю по портновской части и какой есть у меня достатокъ, то все предоставлю вамъ, какъ вашъ полный благодѣтель. Поѣдемъ, говоритъ, въ твою деревню, давай я вамъ дорогу сдѣлаю, вылѣзайте на бѣлый свѣтъ, почитайте меня сироту!» Ну, вотъ и пріѣхали они съ Андріяномъ-то. Сейчасъ собрали сходъ, поставилъ Филипычъ угощеніе, поклонился мірянамъ: «Любите, говоритъ, меня, сироту, милые мои други, а я васъ не покину. На руки денегъ не просите, у меня такихъ денегъ нѣтъ,

а по силѣ по мочи для всей деревни буду стараться!» Ну, погуляли, попили, пѣсенъ поиграли ему, повеличали, опять угостилъ. Вотъ и вынулъ двѣсти рублей:—«Ладьте, ребята, дорогу! Теперь больше у меня нѣту, а выработаю, черезъ годъ опять дамъ!» И съ тѣхъ поръ, какъ по часамъ, у него пошло: какъ первый разъ пріѣхалъ на Ольгу (жену-то его Ольгой звали), такъ каждый годъ въ это число и объявляется. Съ пріѣзду онъ намъ ставитъ угощеніе, а потомъ мы ему трое сутокъ усердствуемъ — вотъ онъ какой Филипычъ-то! На первый-то годъ канавы прокопали, на второй хворосту натаскали, мостики удѣлали, а потомъ и камень купилъ... Да окромя этого двѣ тысячи саженей малыхъ канавъ прокопалъ, гривеничныхъ, и гдѣ было болото—тамъ теперича пашня у насъ... Вотъ каковъ нашъ помѣщикъ, благодѣтель! Кабы не онъ, такъ намъ бы и свѣту-то Божьяго не видать,—такъ комары насъ бы и слопали до костей...

— Да,—сказалъ извозчикъ.—Человѣкъ на рѣдкость! Этакихъ Божьихъ людей поискать! Ишь вѣдь, какъ его Господь-то умудрилъ!..

— Ужъ человѣкъ—чего говорить!—сказала старушка.—Восьмой десятокъ живу на свѣтѣ, а, кажется, и во снѣ такой добряга не снился... Да хворый! Ишь вѣдь какой хлипкой! Проживетъ ли долго-то? Теперь ужъ непремѣнно съ нимъ на машинѣ что-нибудь недоброе случится. Пьяныхъ-то не пущаютъ, бьютъ... Кажинный разъ его этакъ-то калѣчатъ, пьянаго-то... А что доберъ, такъ и словъ нѣтъ, какъ и похвалить-то его!

Да, добрый, хорошій человѣкъ этотъ портной Артамонушка!

III.

А вотъ и еще тоже, несомнѣнно, добрый и, несомнѣнно, хорошій человѣчекъ вспоминается мнѣ. Слово «человѣчекъ» характеризуетъ въ одинаковой степени какъ размѣры его доброты, теряющіеся въ широкомъ просторѣ суровыхъ деревенскихъ порядковъ и отношеній, такъ и подлинные размѣры самой фигуры Ивана Николаича. Иванъ Николаичъ—крестьянинъ Вологодской губерніи, по ремеслу плотникъ. Аккуратно, въ первыхъ числахъ апрѣля, маленькая фигурка этого добраго человѣчка появляется въ нашихъ мѣстахъ. Маленькій, плохо кормленный и много битый съ дѣтства, Иванъ Николаевичъ покрываетъ всѣ свои физическіе изъяны и

недостатки необыкновенною добротою своихъ глазъ, необыкновенною ласковостью, ободрительною пріятностью разговора, ласковымъ, ободряющимъ словомъ. Непріятныхъ, неласковыхъ, грубыхъ словъ, или такихъ рѣчей, отъ которыхъ собесѣднику Ивана Николаевича стало бы скучно, трудно или непріятно вообще,—никогда не произносили уста Ивана Николаевича...

— Вотъ Господь привелъ свидѣться!—радостно начинаетъ онъ свою рѣчь, появляясь въ нашихъ мѣстахъ, и въ теченіе всего времяпребыванія, вплоть до 1-го ноября, вы не слышите отъ него иныхъ рѣчей, какъ, примѣрно, такія:— «Не безпокойся. Не тужи. Все будетъ сдѣлано! А что ежели матеріалу нѣтъ — найдемъ! хватитъ, ужъ не сомнѣвайся. Иванъ Николаевъ не такой человѣкъ! Все будетъ сдѣлано, только сами-то справляйтесь, не запускай своихъ дѣловъ! не разстроивайся!»

А когда на Кузьму-Демьяна онъ уходитъ отъ насъ, то ласковыя рѣчи его желаютъ намъ, деревенскимъ обывателямъ, которыхъ онъ обстроилъ, или, по его выраженію, «объютилъ»,—жить да поживать «на здоровье», «въ добрый часъ», «на много лѣтъ».

И какъ приходъ, такъ и житье Иванъ Николаевича въ теченіе лѣта, вплоть до ухода, все это пробуждаетъ въ насъ, деревенскихъ жителяхъ, заугрюмѣвшихъ за зиму въ своихъ суровыхъ нуждахъ и печаляхъ, самыя ласковыя, хорошія мысли и самыя веселыя надежды. Да! Иванъ Николаевичъ тѣмъ именно и дорогъ, что въ его плотницкой работѣ главную роль играетъ не одинъ только заработокъ, не одно только исполненіе заказа; есть въ его *работѣ* еще особенная, только ему свойственная черта — это умѣнье дать вамъ почувствовать удовольствіе *жить* на бѣломъ свѣтѣ, которое онъ вноситъ въ свой разговоръ о заказѣ, въ свою работу и въ способъ ея исполненія...

Огромный запасъ врожденнаго благородства и самой подлинной доброты и внимательности къ людямъ, съ которыми Ивану Николаевичу приходится сталкиваться въ жизни,—вотъ единственный его жизненный рессурсъ, основаніе всего его жизненнаго успѣха и даже цѣль собственнаго его существованія. Необычайная доброта и деликатность не покидали его въ самыхъ ужаснѣйшихъ условіяхъ деревенской жизни; худенькій, маленькій, слабый на видъ, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ зналъ горе, но безропотно несъ бремя непосильныхъ по его молодымъ годамъ трудовъ. Эта не-

обыкновенная, врожденная деликатность, вѣроятно, была въ немъ такъ несокрушима и такъ сильно и благотворно дѣйствовала на окружающихъ, что выручила его въ самую критическую минуту жизни, когда однажды ни ему, ни женѣ, ни семьѣ буквально нечего было ѣсть. Грубый, жадный деревенскій кулакъ, міроѣдъ и ростовщикъ самъ, своей волей, безъ всякой просьбы со стороны Ивана Николаевича, пришелъ къ нему и далъ сто рублей безъ всякихъ процентовъ, сказавъ только: «Поправляйся!»... И Иванъ Николаевичъ сталъ поправляться съ этихъ денегъ. Такое необыкновенное дѣло могло случиться именно только благодаря необыкновеннымъ размѣрамъ доброты и порядочности, свойственныхъ натурѣ Ивана Николаевича, — доброты, которая устыдила и размягчила душу грубаго кулака. Въ то же время этотъ эпизодъ въ его жизни, когда онъ едва не сгинулъ отъ нужды и когда вдругъ, нежданно-негаданно, его выручилъ и воскресилъ къ жизни самый «худой» человѣкъ деревни,—человѣкъ, котораго многіе проклинали и въ которомъ однако-жъ оказалась капля доброты,—имѣлъ на Ивана Николаевича неизгладимое вліяніе, запечатлѣвъ всѣ его дѣянія, всѣ отношенія съ людьми, всю его работу *непремѣннымъ стремленіемъ* внести въ нихъ доброту — добрую цѣль, объютить, облегчить, развеселить человѣка.

Появляясь въ нашихъ мѣстахъ въ первыхъ числахъ апрѣля и уходя на Кузьму-Демьяна, Иванъ Николаевичъ сумѣетъ обыкновенно передѣлать въ теченіе этого времени множество дѣлъ. Но при общемъ оборотѣ работъ, на сумму не менѣе шести-семи тысячъ рублей, онъ рѣдко уноситъ съ собою заработокъ болѣе чѣмъ въ полтораста рублей. И если разсчитать, что заработокъ этотъ образуется только потому, что въ артели его есть родной сынъ, которому онъ не платитъ ничего, то окажется, что самъ-то Иванъ Николаевичъ почти ничего не зарабатывалъ въ теченіе семи мѣсяцевъ, а только былъ сытъ. Но Иванъ Николаевичъ, уходя, всегда былъ ужасно счастливъ, всегда сіялъ, всегда былъ провожаемъ самыми искренними словами благодарности и при скромной умѣренности своей жизни былъ вполнѣ доволенъ этимъ ничтожнымъ заработкомъ, который даетъ ему возможность только перезимовать зиму. Но во сто разъ больше заработка былъ онъ доволенъ тѣмъ, что всѣ имъ довольны, что всѣмъ онъ сдѣлалъ добро, всѣхъ объютилъ, успокоилъ, развеселилъ и пріободрилъ жить на бѣломъ

свѣтѣ, т.-е. сдѣлалъ то главное дѣло, которое главнымъ и важнымъ считала его благородная душа.

«Объютить человѣка» — вотъ основная потребность его души и вотъ та точка зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на всѣ свои заказы.

— Погляди-ка, Иванъ Миколаичъ, мою хибарку-то... Того и гляди, братецъ мой, завалится, народъ передавитъ!

Говоритъ это Ивану Николаевичу самый бѣднѣйшій мужикъ деревни. Онъ захудалъ, ослабѣлъ, народилъ кучу дѣтей и не видитъ никакого выхода изъ своего убійственнаго положенія. Ребятъ не во что одѣть. Цѣлую зиму, напримѣръ, не можетъ выйти на улицу мальчикъ лѣтъ девяти—не въ чемъ; этотъ бѣдный ребенокъ не можетъ на салазкахъ покататься, ни въ школу пойти, потому что буквально нечего надѣть. Весной, когда начало все таять, щебетать, журчать, и когда девятилѣтній мальчикъ, всю зиму валявшійся на полухолодной печи, со слезами сталъ просить «мамыньку» дать ему подышать на воздухѣ, такъ мать должна была завернуть исхудалаго ребенка въ свое старое платьишко и вынесла его, девятилѣтняго, на рукахъ на воздухъ—ни чулокъ нѣтъ ни сапогъ—ничего!..

Сообразно съ такой нищетой въ пищѣ, въ одеждѣ, и домишко захудалаго бѣдняка тоже пришелъ въ совершеннѣйшій упадокъ. Отъ сырыхъ оконъ, отъ невысыхающихъ отъ грязи и сырости половъ, весь полъ прогнилъ, весь фасадъ избы накренилъ впередъ и подъ давленіемъ огромной старой крыши такъ и пятится лбомъ въ землю.

Поглядитъ Иванъ Николаевичъ на все это нищенство, но поглядитъ не какъ «благодѣтель» и не какъ человѣкъ, презирающій бѣдняка, а все съ тою же ласковостью въ глазахъ и въ обращеніи, которая никогда и ни въ чемъ его не покидаетъ.

— А матеріалу никакого не будетъ на поправку?—спросилъ Иванъ Николаевичъ ласково.

— Не будетъ, Иванъ Миколаевичъ! Никакого матеріалу не будетъ!

— Такъ мы въ такомъ случаѣ и безъ матеріалу оборудуемъ, объютимъ!

— Яви божескую милость, Иванъ Миколаевичъ, я тебѣ заслужу!

— Объютимъ! Ничего! Вотъ дай мнѣ сообразить, посчитать, я тебѣ тогда все помаленьку выправлю... Не тужи,

все обладится по хорошему! А деньжонокъ—тожъ, поди, недохватка?

— Ничего, даже ни Боже мой, нѣту денегъ! Передъ истиннымъ Богомъ, вотъ нисколько нѣту!

— И это не препятствуетъ! А мы и такъ обоюднымъ, тихимъ манеромъ обдѣлаемъ. Только вотъ соображусь... Все будетъ хорошо! Все по-хорошему обладимъ.

Если бы Иванъ Николаевичъ работалъ изъ-за барыша, то ему ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы брать на себя такихъ работъ, какъ «объютить бѣдняка безъ матеріала и безъ денегъ», но, напротивъ, онъ именно постоянно и бралъ такія работы, потому что ему было весело, пріятно и *важно* вызволить, оправить, возродить къ жизни именно погибающаго, несчастнаго, захудалаго человѣка...

Вслѣдъ за бѣднякомъ другой крестьянинъ тоже обращается къ Ивану Николаевичу съ просьбой: онъ недавно женился и хочетъ отойти отъ братьевъ, бабы ссорятся, и хочется ему построиться, а денегъ у него мало.

— А сколько у тебя денегъ-то?

— Да всего рублей подъ сотню есть. Только и денегъ всего!

Подумаетъ - подумаетъ Иванъ Николаевичъ и скажетъ:

— Надобно тебя объютить! Маловато деньжонокъ-то, что̀ дѣлать, да вѣдь не дожидаться же, пока ты тысячи наживешь!..

И беретъ работу и объютитъ и бѣднягу и того, у кого только сто рублей денегъ.

Такимъ образомъ всякій разъ, когда Иванъ Николаевичъ, придя къ намъ, наберетъ себѣ всевозможной работы— у купцовъ, у помѣщиковъ, у богатыхъ и у бѣдныхъ мужиковъ — первѣйшая его забота состоитъ въ томъ, чтобы обдумать, съ кого сколько взять и какъ это взятое распредѣлить такъ, чтобы *хватило всѣмъ*.

Вечеромъ, сидя въ кабакѣ, гдѣ онъ обыкновенно нанимаетъ квартиру съ ѣдой (самъ онъ не пьетъ ни капли), Иванъ Николаевичъ составляетъ, положимъ, смѣту на постройку большихъ амбаровъ для купца Семипалова. Онъ считаетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ; но, думая о купцѣ, не забываетъ и бѣднягу, у котораго домъ повалился и котораго онъ обѣщалъ объютить, и вотъ онъ къ счету въ пятьсотъ рублей приписываетъ «десятку» на бѣднягу.

— Что̀ десятка купцу! — говоритъ онъ и смѣло пишетъ пятьсотъ десять рублей. А, продолжая обдумывать этотъ

подрядъ во всей подробности, онъ не забываетъ и того мужика, у котораго денегъ только сто рублей.

— Вотъ эти бревна и этотъ тесъ, и этотъ камень мнѣ, стало-быть, Михайла перевозитъ... Столько-то возовъ, столько-то денъ, стало-быть, Михайлѣ въ его постройку придетъ столько-то денегъ...

Иванъ Николаевичъ могъ бы взять любого поденщика, но онъ помнитъ Михайлу, у котораго не хватаетъ на постройку, думаетъ о немъ, знаетъ, что не дожидаться же ему, пока онъ наживетъ тысячу рублей, — и вотъ въ своей работѣ даетъ заработокъ и своему заказчику.

Купецъ Семипаловъ послалъ Ивана Николаевича на пристань купить лѣсу. Иванъ Николаевичъ *заодно, за одну поѣздку* покупаетъ и задвижки для дома того мужика, у котораго не хватаетъ, прикупаетъ обрѣзки, которые тутъ на пристани продаютъ задешево, помня, что бѣднягу-мужика надо вызволить, что ему самому негдѣ купить, что за одинъ пріѣздъ на пристань и за однѣ и тѣ же деньги онъ сразу дѣлаетъ то, что̀ нужно бы было дѣлать потомъ особо и особо тратить деньги. Везутъ въ вагонѣ лѣсъ купцу Семипалову — и Иванъ Николаевичъ сюда же въ вагонъ прикидываетъ и тѣ обрѣзки, которые нужны для бѣдняги... Обрѣзки онъ купилъ на свой счетъ и истратилъ пять рублей; эти пять рублей самъ же бѣдняга выработаетъ у него; лошади у него нѣтъ, телѣги нѣтъ, возкой заниматься— нельзя: копай канавы подъ столбы, вотъ тебѣ заступъ въ руки...

Непрестанно руководствуясь заботой о необходимости объютить того или другого человѣка, не имѣющаго къ этому средствъ, Иванъ Николаевичъ не броситъ даромъ ни единаго гвоздя, ни единаго обрѣзка бревна или доски, не подумавши о томъ,—не пригодится ли этотъ обрѣзокъ или кусокъ желѣза гдѣ-нибудь въ его практикѣ? При его постройкахъ не остается ненужнаго, лишняго или никуда негоднаго,—у него все идетъ въ дѣло: остатки драни, совершенно ненужные купцу, очень нужны бѣдняку, и они появляются на крышѣ бѣдняка; эти обрубки, изъ которыхъ можно, пожалуй, напилить полсажени дровъ, въ домѣ Михайлы пойдутъ на подоконники и т. д. Онъ не благодѣтель, не благотворитель, не филантропъ — онъ просто добрый человѣкъ, думающій о чужой нуждѣ, радующійся, что можетъ вызволить человѣка, и въ самомъ дѣлѣ вызволитъ его всегда.

Вотъ отчего какъ появленіе Ивана Николаевича въ нашихъ мѣстахъ, такъ и его уходъ всегда доставляютъ намъ, деревенскимъ его знакомымъ, истинное удовольствіе и радость: къ намъ является человѣкъ, который непремѣнно сдѣлаетъ всѣмъ намъ что-нибудь хорошее, обрадуетъ насъ,— и мы весело и любовно встрѣчаемъ его; а когда онъ уходитъ, то хорошее, которое мы ожидали отъ него, всегда уже сдѣлано, видно намъ: Михайла живетъ въ новомъ домѣ, домъ бѣдняка выправился и сталъ похожъ на домъ, купецъ Семипаловъ доволенъ, доволенъ и помѣщикъ Колпаковъ. Со всѣхъ сторонъ къ Ивану Николаевичу несутся благодарности, самыя искреннія, и самъ Иванъ Николаевичъ на всѣ стороны расточаетъ поцѣлуи, объятія и ласковыя слова—«дай Богъ на много лѣтъ», «дай Богъ въ добрый часъ», «на здоровье» и т. д.

И, вполнѣ довольный тѣмъ, что никому худа не сдѣлалъ, а, напротивъ, сдѣлалъ только добро, довольный тѣмъ, что не покривилъ душой, что дѣлалъ такъ, какъ велитъ совѣсть, Иванъ Николаевичъ послѣ семимѣсячныхъ трудовъ весело уѣзжаетъ на дровняхъ съ своимъ сыномъ въ Вологодскую губернію, домой.

IV. На бабьемъ положеніи.

Кстати, разскажу здѣсь одинъ очень трогательный эпизодъ изъ жизни этого самаго Ивана Николаевича. Возвращаясь однажды со станціи, куда лѣтомъ вмѣсто прогулки ходилъ за письмами и газетами, встрѣтилъ я Ивана Николаевича, и мы пошли вмѣстѣ.

Шли мы, разговаривали кой-о-чемъ и видимъ — въ канавѣ около шоссе что-то какъ будто шевельнулось. Иванъ Николаевичъ первый ускорилъ шагъ, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ шевельнулось, и стоитъ. Подошелъ и я.

— Вѣдь человѣкъ лежитъ,—сказалъ онъ.—И никакъ уже померши?

Въ травѣ, которою заросла канава, дѣйствительно лежалъ человѣкъ. Онъ упалъ на кучу щебенки, и она такъ подпирала его въ поясницу, что лохматая, мокрая голова его круто опрокинулась назадъ, а скомканная борода торчала вверхъ; посконная рубаха была на немъ разстегнута, изорвана; ноги босы.

— Эка напился-то!—сказалъ Иванъ Николаевичъ, уже соскочившій въ канаву, и, сбросивъ съ плечъ мѣшокъ съ какими-то инструментами, принялся за изслѣдованіе бездыханнаго человѣка. Онъ низко наклонилъ ухо къ его лицу, послушалъ, потомъ припалъ ухомъ къ груди и сказалъ тревожно:

— И дыханія-то нѣту нисколько!.. Разитъ винищемъ, а дыханія нѣту!

Кстати сказать: такихъ бездыханныхъ пьяницъ нерѣдко встрѣчаешь въ такихъ мѣстахъ, но, не имѣя возможности помочь, проходишь обыкновенно мимо. Обыкновенно посмотришь на этотъ полутрупъ и идешь мимо... Каюсь, что, будь я одинъ, и на этотъ разъ бездыханный человѣкъ такъ бы и остался въ канавѣ. Но сердце Ивана Николаевича было чувствительнѣе моего; я стремился домой поскорѣе взяться за газеты,—онъ же хотя тоже спѣшилъ по дѣлу, однако бросилъ его, остановился и самымъ внимательнымъ образомъ отнесся къ чужому человѣку.

— Ахъ, ты, братецъ ты мой! — говорилъ онъ, суетясь около бездыханнаго тѣла.

Онъ съ огромными усиліями приподнялъ это тѣло, подхватилъ его подъ плечи, трясъ его, кричалъ:—«Эй, любезный, очнись!»—но ничего не дѣйствовало, и Иванъ Николаевичъ долженъ былъ опустить пьянаго на прежнее мѣсто, пододвинувъ ему подъ голову камень.

— Что тутъ дѣлать?—сказалъ онъ въ раздумьѣ и взялся-было за мѣшокъ съ инструментами, чтобы продолжать путь, но опять его жалостливое сердце не пустило его. Онъ опять проворно сбросилъ мѣшокъ и армякъ и оживленно сказалъ:

— Нѣту! такъ оставить нельзя! ему надыть дыханіе удѣлать!

И вотъ какъ онъ «удѣлалъ». Сначала онъ всячески старался разжать мертво-пьяному ротъ; онъ тянулъ его за бороду, но зубы пьянаго были крѣпко сжаты, стиснуты предсмертной судорогой. Тогда Иванъ Николаевичъ запустилъ палецъ за щеку своего паціента, нащупалъ тамъ мѣсто, гдѣ не хватало двухъ зубовъ, и, выскочивъ изъ канавы, сломалъ у ивоваго куста толстую палку, немножко заострилъ топоромъ конецъ и, запустивъ этотъ острый конецъ между зубовъ, сталъ вбивать его ладонью дальше, точно такъ же, какъ вбиваютъ гвоздь въ стѣну...

— Она, расклепка-то, разожметъ зубье-то!..—весь мокрый отъ хлопотъ и волненія говорилъ Иванъ Николаевичъ, за-

гоняя свой клинъ «между зубьевъ». Операція была жестокая, но въ концѣ концовъ стиснутые зубы были разжаты, и вскорѣ послышалось хрипѣніе...

— Эва! Эва! — радостно воскликнулъ Иванъ Николаевичъ, заслышавъ дыханіе, и тотчасъ снялъ шапку и перекрестился.

Покуда происходило все это, подошелъ народъ, помогъ Ивану Николаевичу растрясти полумертваго человѣка, затѣмъ окликнули нѣсколькихъ «порожняковъ», возвращавшихся со станціи и съ полей по домамъ, спрашивая: «не вашъ ли?». Наконецъ очнувшійся человѣкъ былъ общими усиліями уложенъ въ телѣгу какого-то крестьянина, который его призналъ и отправилъ его во-свояси.

А мы съ Иваномъ Николаевичемъ пошли своей дорогой.

— Отдохъ! Ну, слава Тебѣ, Господи!—не разъ повторялъ онъ.—Эка вѣдь наглотался винища! Ну, слава Тебѣ, Господи!

— Однако,—сказалъ я: — какой ты добрый человѣкъ! Не случись тебя, вѣдь человѣкъ-то бы померъ!

— И померъ бы! Нешто кто побезпокоится? А я про себя прямо тебѣ скажу: сердце у меня жалостливое!

Иванъ Николаевичъ сказалъ это такъ просто и чистосердечно, что еще больше понравился мнѣ.

— Я человѣкъ добрый!—продолжалъ онъ.—О своемъ у меня сердце не такъ болитъ, какъ о чужомъ... Я, братецъ мой, не покину человѣка въ нуждѣ. Это мнѣ Господь Богъ далъ! и что-жъ? Я не обижаюсь! Бога гнѣвить нечего! Живу на свѣтѣ, никому обиды не дѣлаю.

Искренно сочувствовалъ я Ивану Николаевичу и не находилъ словъ для похвалы его поступку, который сталъ казаться мнѣ положительно подвигомъ среди вообще обычнаго невниманія къ чужой нуждѣ. Похвалы мои пришлись Ивану Николаевичу по сердцу; онъ и самъ поддерживалъ ихъ, простодушно говоря: «да, братъ, совѣсть у меня чистая», «вотъ какое у меня сердце—за первый сортъ!» Но среди моихъ и своихъ собственныхъ похвалъ Иванъ Николаевичъ какъ-то вдругъ задумался и вздохнулъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ:—хвалишь ты меня!.. Это точно, дѣйствительно, доберъ я!.. А есть у меня на душѣ такой камень—ввѣкъ не изжить!.. Вотъ этими самыми руками избилъ, истиранилъ неповиннаго человѣка! Вотъ какъ я доберъ! А доберъ вѣдь — передъ Богомъ! А такъ вышло, что едва на смерть не убилъ человѣка. И за что? Ни за

что, окромя что—человѣкъ золотой, цѣны ему нѣту! Вотъ какъ иной разъ оборачивается на свѣтѣ!

— Какъ же такъ?—сказалъ я.—Это что-то непонятно.

— А вотъ послухай, какъ дѣло-то было. Остался я сиротой послѣ матери одиннадцати годовъ. И семья наша была такая: слѣпой дѣдъ на печи, отецъ да трое ребятъ, мальчики. Одному годъ, другому три, а самый-то старшій я. Вотъ и думай, какъ тутъ жить? И вышло такъ, братецъ ты мой, что пришлось мнѣ на бабьемъ положеніи жить: не хотятъ дѣвки-то за отца моего идтить. И вотъ я прямо и сталъ на бабье дѣло: и стряпать, и за скотиной, и за ребенкомъ, и шить, и чулки вязать — все у меня стало происходить по-бабьему. Вотъ откуда у меня жалостливое сердце-то началось. Бывало, бьешься-бьешься съ годовалымъ-то братишкой — и соску ему, и сказку, и пѣсню—все надо! И вымыть надо, и обуть, и причесать, и укачать, и накормить, и напоить, и выстирать. А тамъ птица, скотина — все я да я. И тутъ узналъ я бабье горе, вотъ какъ узналъ! И такимъ родомъ до четырнадцатаго году я одинъ на бабьемъ положеніи хозяйствовалъ... Ну, другъ ты мой, какъ ни бейся, а бабы не миновать... Дѣло-то бабье справлено, а бездѣлья-то бабьяго не хватаетъ... анъ оно и скучно!.. И надумай родитель жениться, благо случай подошелъ; вдова на деревнѣ оказалась и тоже съ тремя ребятами. Эта, другъ ты мой, безъ мужика совсѣмъ измаялась, тутъ ужъ и бабье дѣло надо править, и мужичье, и грудью кормить, и ночью дрова воровать—все самой... Измаялась баба, пошла за моего отца. Да и отецъ тоже намучился, махнулъ рукой на то, что трое ребятъ у Аграфены (ее Аграфеной звали)—взялъ ее. И выросла наша семья—девять душъ; и все мелкота, да окромя мелкоты и дѣдъ слѣпой на печи, тоже не лучше малаго ребенка. И всѣ ѣсть просятъ,—самъ не возьметъ, всякому дай, въ ротъ положи, обуй, умой, одѣнь. И такъ я бабью часть чувствовалъ и сердцемъ страдалъ, что съ перваго дня стали мы съ Аграфеной не то братъ съ сестрой, а какъ сестра съ сестрой—вполнѣ родныя сестры; хлопоты у насъ однѣ, заботы однѣ и мысли одинаковыя, бабьи. Я понимаю, что̀ ей надо, она понимаетъ и даже безъ разговору, что̀ мнѣ, какъ есть—какъ двѣ сестрицы. Ну, истиннымъ Бо̀гомъ—ни Боже мой... Вѣдь бабій разговоръ особенный, съ непривычки не разберешь — чего стрекочутъ? А мы съ Аграфеной все до тонкости понимаемъ. И какъ

видитъ она, что я жалостливъ, что я ночью къ своему братишкѣ встану покачать, такъ и ейнаго ребенка не кину, и крѣпко она меня полюбила, а какъ полюбила-то, и въ моихъ хлопотахъ по бабьей части подсоблять стала, и за моими братишками какъ за своими ходитъ, а за это я ее полюбилъ. И стали у насъ однѣ мысли и однѣ заботы, и разговоры у насъ съ ней свои... Иной вмѣстѣ пѣсни запоемъ, иной поцѣлуемся, и—передъ Богомъ—ни-ни!.. И въ умѣ не было... А точно, что водой не разлей!.. И пошла про насъ молва!.. И сталъ на меня родитель—царство ему небесное!—сѣрымъ волкомъ глаза пялить... Что меня Аграфена похвалитъ, али я ее похвалю, али пошутимъ съ нею — то глазищи у него злѣй да злѣй... А пошелъ мнѣ ужъ шестнадцатый годъ, и парень я былъ въ полномъ видѣ. Бывало, ночью стану собираться въ лѣсъ за дровами, Аграфена безпремѣнно не спитъ, снаряжаетъ меня, въ тепло одѣнетъ, креститъ и... поцѣлуемся, а глянешь на полати — оттуда два глаза, какъ уголья, горятъ... И что̀ дальше, то больше! Вступилъ ему грѣхъ въ сердце—разгорается съ каждымъ днемъ въ полымя! Сталъ насъ караулить, подглядывать... Иной разъ на рѣчкѣ или на гумнѣ стираемъ, работаемъ—охватитъ мнѣ Аграфена голову:—«Охъ, ты, золото, говоритъ, мое! Какъ бы я безъ тебя на свѣтѣ-то жила?» Хвать, а родитель тутъ и есть! И ровно бы бѣсъ въ него вселился... Не принимаетъ никакихъ резоновъ, а главная причина — не можетъ понимать нашего бабьяго разговора...—«Чего шепчетесь?» А чего намъ шептаться? Иное что̀ по бабьи-то нашепчешь—по-мужицки-то и въ недѣлю не перескажешь... Никакой вѣры не даетъ! До того стало доходить, что дѣдъ слѣпой говоритъ мнѣ: «Иванъ! А отецъ-то хочетъ тебя ядомъ извести!» И сталъ меня родитель обижать, поколачивать, за волосья, напримѣръ, а это Аграфенѣ—смерть... Реветъ - реветъ, заступается. У нея душа добрая, не хуже моей, почитай, будетъ!.. А Аграфенины слезы пуще его разбираютъ—все больше да больше сатанѣть сталъ. Ходитъ по людямъ, говоритъ:—«Такъ и такъ! Иванъ эва что̀ съ мачехой-то!..» И по народу пошло... Слышатъ: «Билъ Ваньку-то». «Аграфена ревмя ревѣла». «Опять билъ... поймалъ...» А потомъ Аграфену сталъ бить... Ну, я тоже сталъ заступаться—и еще хуже стало! Что̀ тутъ дѣлать? Священникъ даже исповѣди не далъ!—«Твоего грѣха, говоритъ, невозможно простить, а надобно въ судъ. Этакой

страсти никто не запомнитъ, что̀ ты съ Грунькой творишь!..» Что̀ мнѣ тутъ дѣлать?.. Весь народъ отъ меня отступился, стали мы съ Аграфеной, какъ проклятые... И она и я глазъ не осушаемъ, а отъ этого еще больше въ народѣ подтвержденія! Не стало намъ житья въ домѣ! Все стало вразбродъ, все къ худу... А родитель пьетъ и буянитъ...

«Какъ мнѣ правду доказать? Какъ мнѣ всѣхъ успокоить, очиститься предъ родителемъ, предъ народомъ, предъ батюшкой-священникомъ? Думалъ-думалъ, пошелъ къ отцу Сергію, нашему священнику, говорю: — «Такъ и такъ! Явите божескую милость, освободите мою душу: ни въ чемъ не повиненъ! Не только-что... а и въ мысляхъ этого дѣла не было!» И какъ было надо по моимъ смысламъ дѣло разсказать—все я батюшкѣ описалъ... Не можетъ онъ понять этого, т.-е. бабьяго моего положенія, мыслей-то-моихъ бабьихъ, дружества-то моего бабьяго не постигаетъ! Ну однако же, глядя на мои рыданія, подумалъ и говоритъ:— «Вотъ какъ я присовѣтую: пускай ты и Аграфена предъ родителемъ твоимъ, предо мной и предъ народомъ поклянетесь предъ крестомъ и евангеліемъ, что этого не было... А клятву, говоритъ, я напишу на бумагѣ». — «Батюшка, говорю, какую угодно клятву наложите! Чтобъ насъ громъ разразилъ, чтобы на мѣстѣ помереть, чтобы глаза вытекли, чтобы заживо черви съѣли, что̀ только угодно, все готовы!..» Ну, отецъ Сергій говоритъ: — «Ладно! Первоначально надобно, говоритъ, отца твоего урезонить...» И, дай Богъ ему царство небесное, не полѣнился самъ къ родителю пойти. Долго ли коротко ли онъ его уговаривалъ, этого не помню, не въ себѣ я былъ, и разсудокъ у меня помрачился... Окончательно скажу, призываетъ меня отецъ Сергій:— «Хорошо, говоритъ, назначается быть клятвѣ въ воскресенье. Какъ отойдетъ обѣдня, то я съ крестомъ и евангеліемъ приду въ домъ къ родителю твоему, и народъ будетъ допущенъ, и вы съ Аграфеной предъ всѣми нами принесете клятву. Видно будетъ—правду ли, неправду ли скажете!» Палъ я ему въ ноги, поблагодарилъ, объявилъ Аграфенѣ:—«Смотри, говорю, сестричка, не робѣй! Наше дѣло чистое, намъ бояться нечего!» Наконецъ приходитъ воскресенье, отстояли мы съ Аграфеной заутреню и обѣдню (всю субботу не пивши, не ѣвши были — батюшка приказалъ), идемъ всѣмъ міромъ въ домъ. Впереди причтъ, потомъ батюшка со крестомъ и евангеліемъ, родитель мой

мы съ Аграфеной ровно колодники, а кругомъ, и назаду, и по бокамъ—вся деревня! И бабы, и мужики, и дѣти—смѣты нѣту народу. Изба полнымъ-полнехонька! Подъ окномъ—тьма тьмущая! въ сѣнцахъ биткомъ набито!..

«Положилъ батюшка крестъ и евангеліе, помолились всѣ; сѣлъ мой родитель какъ разъ противъ евангелія и креста на лавкѣ, а батюшка сбоку сталъ. Таково мнѣ было, другъ ты мой, жутко да ознобно, и не знаю съ чего. Гляжу на родителя—сидитъ, глазъ съ меня не спускаетъ, прямо такъ вотъ и вонзился въ меня... Охолодѣлъ я и замеръ весь, однако же пересилился, думаю — дѣло мое правое, что̀ мнѣ робѣть. Господь мнѣ поможетъ. — «Ну, Иванъ, говоритъ батюшка, перекрестись и говори за мной чистосердечно, и гляди, говоритъ, прямо родителю твоему въ глаза». А въ рукахъ у него бумага; перекрестился онъ и сталъ вычитывать... И вотъ тебѣ мое слово: ежели бы я отца родного убилъ и кровь его пилъ, и то бы тѣ его слова ужаснули бы меня и всякаго крещенаго человѣка. Будь ты хоть какой злодѣй и то бы палъ и повинился! И невозможно пересказать этого!.. Даже дыханіе у меня все сдавило, но чувствую я, что мнѣ нельзя плошать, собралъ все свое сердце въ комокъ, прямо вонзился отцу въ глаза и съ твердою совѣстью каждое слово повторялъ... А родитель не сморгнетъ: бѣлый весь, дрожитъ, глаза красные, такъ и впился. И который былъ въ горницѣ, въ сѣняхъ и на улицѣ народъ—точно померъ! Долго ли, коротко ли... ужъ не упомню... только слышу:—«Ну, цѣлуй крестъ и евангеліе!» Приложился я, ударило меня жаромъ всего, глянулъ я на народъ, вижу — какъ будто хорошо! Вѣруютъ въ меня, даже батюшка Сергѣй какъ будто подобрѣлъ... «Ну, думаю, Аграфена, крѣпись!..» А на ней лица нѣту. Подбодрилъ я ее, знакъ дать, чтобъ не робѣла—сейчасъ по-кривому растолкуютъ... Тутъ я только уставилъ на нее глаза не хуже моего родителя, — а родитель все такой же сидитъ, пронзительный.—«Ну, —сказалъ батюшка:—иди ты, Аграфена!» Шевельнулся народъ, и бабы зашушукали... Вышла Аграфена—ни жива ни мертва... Зло меня взяло... Гляжу на нее ястребомъ, а отецъ мой злымъ коршуномъ. Помолилась, поклонилась.—«Ну, Аграфена, клянись за мной...» И сталъ опять же батюшка вычитывать... Что-жъ ты, братецъ ты мой? Вѣдь съ третьяго слова сбилась, затряслась, залилась, завыла... Загалдѣлъ народъ, разорвало у меня сердце, выскочилъ я да за во-

лосы ее...—«Ахъ, ты, подлая! Осрамила ты меня, проклятая!..» Да, Боже мой, что̀! И ужъ что̀ было! И какъ и когда кончилось—ничего не помню! Весь въ крови и безуміи бѣгу, бѣгу, братецъ ты мой, изъ деревни, и невѣдомо куда... Охъ, батюшки, Господи милостивый! Что̀ такое бываетъ на свѣтѣ! И не выдумаешь! не сгадаешь! А каковъ камень-то я на душу навалилъ!»

— Что̀ же потомъ-то было съ вами?

— Ушелъ я! Ушелъ на заработокъ... Вотъ когда я по плотницкой-то части пошелъ! Не могъ жить въ домѣ! Нѣтъ моихъ силъ! Едва родную-то мою, сестрицу-то, вѣдь не убилъ! Слегла хворая, горюшко-бѣдная! И ужъ жалости во мнѣ не стало, не чувствую ничего, такъ и ушелъ! Вотъ вѣдь какъ на свѣтѣ-то случается!..

— Гдѣ же теперь эта Аграфена? Жива?

— Да у меня же, — весело сказалъ Иванъ Николаевичъ:—другъ ты мой сердечный, вѣкъ доживаетъ! У меня въ дому! Померъ родитель-то, — царство ему небесное!—почувствовалъ, повѣрилъ, что не виновата... Вѣдь этому лѣтъ двадцать пять, а поди, и побольше было... Теперь ужъ братишки-то мои подѣлились, а Аграфена ни къ кому не пошла жить, вѣкъ доживать, даже къ дѣтямъ не пошла, только ко мнѣ!—«Возьми меня къ себѣ, солнце ты мое золотое!»—вотъ вѣдь что̀ и посейчасъ у ней обо мнѣ! Старая-старенькая, сидитъ на печкѣ, смерти ждетъ, умаялась, горькая. А вернусь я съ заработковъ послѣ Кузьмы-Демьяна:—«Золотой ты мой!.. Дай-ка мнѣ поглядѣть-то на тебя, солнышко красное!» Вотъ вѣдь какъ!..

Мокрые были глаза у Ивана Николаевича.

— Нѣтъ, Иванъ Николаевичъ, все-таки ты добрая душа!—сказалъ я ему на прощанье.

— Благодаримъ покорно! Точно, что худого не люблю... А вѣдь эва какой грѣхъ вышелъ!

V. Урожай.

I.

...Послѣ долгаго, почти четырехмѣсячнаго отсутствія изъ мѣста моего «жительства», часу въ третьемъ темной и свѣжей августовской ночи я вновь очутился на платформѣ

«нашей» желѣзнодорожной станціи... и недоумѣвалъ: по крайней мѣрѣ минутъ пять прошло съ той минуты, какъ остановили поѣздъ и я вышелъ изъ вагона, а мой саквояжъ и такъ-называемые «ремни» были еще въ моихъ рукахъ, то-есть, вопреки многолѣтнему опыту, никто еще изъ мѣстныхъ мужиковъ не вырвалъ изъ моихъ рукъ этого саквояжа и этихъ ремней, никто изъ нихъ меня не теребилъ ни за рукавъ ни за полу, таща къ своей телѣгѣ, никто не умолялъ, до земли кланяясь, чтобы я прокатился съ нимъ, такъ какъ онъ уже второй день безъ работы.

Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, десяти лѣтъ я привыкъ, подъѣзжая къ нашей станціи, чувствовать необходимость возбуждать въ себѣ нѣкоторую искусственную храбрость и даже искусственное ожесточеніе; я зналъ, что едва я выйду изъ вагона, какъ «мужики» меня «разорвутъ», расхватаютъ вещи, разнесутъ ихъ по разнымъ повозкамъ, такъ что потомъ надобно и самому ругаться съ мужиками и видѣть, какъ мужики ругаются изъ-за пассажира. Искусственное ожесточеніе необходимо было на то, чтобы «отбиться» отъ мужиковъ, а для этого прежде всего необходимо было крѣпко «вцѣпиться» въ свои вещи и сразу ринуться изъ вагона сквозь толпу къ тому изъ мужиковъ, съ которымъ порѣшишь ѣхать. Всему этому научила многолѣтняя практика; все это я продѣлалъ и въ настоящій мой пріѣздъ на станцію, то-есть заблаговременно прибодрился, вцѣпился въ вещи и готовъ былъ ринуться грудью сквозь рвущую на части и орущую толпу, но вмѣсто того вотъ уже пять минутъ, какъ я, «вцѣпившись» въ вещи, хожу по платформѣ, а меня не только никто не рветъ на части, не теребитъ, не тащитъ, но, напротивъ, я самъ жду не дождусь, чтобы кто-нибудь пришелъ, освободилъ меня отъ моихъ вещей, которыя мнѣ оттянули руки, взялъ бы ихъ отъ меня и отвезъ бы домой.

— Что же это такое? — въ недоумѣніи вопрошалъ я самъ себя, положительно не зная, чѣмъ объяснить себѣ такое необыкновенное явленіе.

— Позови-ка, пожалуйста, извозчика! — сказалъ я сторожу, оставшемуся на платформѣ, послѣ того, какъ поѣздъ ушелъ.

— Да извозчиковъ нѣту, вашскобродіе! — отвѣчалъ онъ.

— Отчего же нѣту?

— Да не видать что-то... И такъ публика жалуется...

Сказываютъ такъ, что урожай Господь далъ — ну вотъ, имъ и не охота!

— Это вѣрно! — подтвердилъ, подойдя къ намъ, какой-то сельскій купецъ съ подушкой подъ мышкой, также оставшійся безъ лошадей.—Урожай Господь далъ ужаственный! Сказываютъ, на два года хлѣба хватитъ... Старожилы не запомнятъ этакого урожая...

— Такъ нельзя ли сбѣгать, попросить кого-нибудь «изъ одолженія»?

— Ну нѣтъ, — сказалъ купецъ. — Наврядъ теперь кто поѣдетъ. Теперь, когда Господь ихъ такъ помиловалъ, погляди-ка-сь, какого храпу они задаютъ! Его пушкой теперь не прошибешь. Окромя какъ у лавочника, у Кузьмы Демьяныча, ежели честью попросить, пожалуй, что наврядъ кто согласится. Онъ теперь, мужикъ-то, за сто рублей не проснется!

Рѣшили послать сторожа къ Кузьмѣ Демьянычу.

— Да! — промолвилъ купецъ, испустивъ глубокій, облегчающій душу вздохъ. — Слава Тебѣ, Господи!.. Такая благодать Господня на нашихъ мужичонковъ свалилась, и не привидано!.. Такую поправку Господь ниспослалъ — во снѣ никому не снилось... А мужикамъ хорошо, и всѣмъ будетъ попріятнѣй!

Слушая эти слова, я чувствовалъ, что какая-то давнишняя, прочно улежавшаяся тягота вдругъ свалилась съ моей души, привычной быть стиснутой и придавленной. Что-то свѣжее, теплое расширило мою грудь, облегчило и сердце, и мысль, и вообще все и во мнѣ и вокругъ меня какъ-то освѣтлѣло, и все отъ этого неожиданнаго слова — «урожай»!

«Неужели въ самомъ дѣлѣ «хватитъ» на два года?» — радостно думалъ я, но непривычная къ свѣтлымъ фантазіямъ мысль не смѣла еще представить себѣ всѣхъ тѣхъ послѣдствій «Божьей благодати», которая посѣтила наши вѣчно полуголодныя мѣста.

И въ то же время я ясно сознавалъ, что нельзя иначе назвать то, что неожиданно посѣтило наши полуголодныя мѣста, какъ именно «Божья благодать». Что это такое «урожай»? Что такое «хватитъ на два года хлѣба»? Это значитъ, что въ каждой семьѣ и въ отношеніяхъ однѣхъ семей къ другимъ, а затѣмъ и въ отношеніяхъ общественныхъ окажется возможность «жить и поступать со спокойной совѣстью».

Здѣсь, вотъ въ этой семьѣ, ребятъ больше, чѣмъ можно

прокормить, а труда и не сосчитать какъ много сравнительно съ тѣмъ, что̀ даетъ скупая земля, — и у человѣка на душѣ тьма, тоска за ребятъ, злоба на бабу, которая родитъ безъ всякаго смысла и расчета, злоба на сосѣда, которому не пришлось отдать занятаго въ срокъ и который однако на основаніи своего права также можетъ быть злымъ, можетъ жаловаться, мучить, можетъ довести до мысли о мести, т.-е. до явной неправды, до желанія сорвать злость «за все это» на бабѣ, на ребенкѣ, или залить горе въ кабакѣ... Это — когда не родило, когда земля поскупилась вознаградить тяжкіе праведные труды; но все это зло, и вся эта тоска, и вся эта неправда, все прахомъ разсыплется теперь оттого, что Господь уродилъ хлѣба на два года: жена вовсе невиновна, что много нарожала — всѣмъ, слава Богу, хватитъ; съ сосѣдомъ, у котораго было занято, никакой ссоры и кляузы не выйдетъ — все будетъ отдано «съ удовольствіемъ», въ срокъ, часъ въ часъ, по честности: «слава Богу — *есть!*» Судейской кляузѣ мѣста теперь нѣтъ, не придерется и старшина: все въ порядкѣ, все отдано, заплачено, безъ ссоры, безъ понуканій, безъ выдумки о томъ, чтобы какъ-нибудь изловчиться не заплатить или избѣжать наказанія: все хорошо, у всѣхъ на душѣ спокойно, чисто, невиновато, не скребетъ, не точитъ, не ѣстъ... И въ себѣ и въ людяхъ все освѣтлѣло, все думается и дѣлается по-настоящему, то-есть съ свободнымъ духомъ, не запутанною совѣстью.

Истинно «Божія благодать»!

Но опять-таки скажу, что не хватало моей фантазіи представить себѣ всю массу благороднѣйшихъ явленій, которыя эта Божья благодать произведетъ въ народной жизни и въ народной совѣсти; не хватало потому, что въ нашихъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ урожай, да еще такой, который даетъ хлѣба на два года, явленіе положительно незапамятное. Старожилы, дѣйствительно, не запомнятъ ничего подобнаго, да и я, хоть и не могу считать себя старожиломъ здѣшнихъ мѣстъ, все-таки утвердительно могу сказать, что, по крайней мѣрѣ, въ теченіе десяти лѣтъ моего пребыванія въ здѣшнихъ «лядинахъ» я ничего подобнаго не могу припомнить и ни на какихъ перспективахъ, проистекающихъ изъ «Божьей благодати», моя мысль не имѣла случая упражняться.

Напротивъ, весь строй народной жизни (разумѣется, непосредственно отражающійся и на жизни культурныхъ и

правящихъ классовъ) на моихъ глазахъ въ теченіе десяти лѣтъ былъ непрерывно изъязвленъ отсутствіемъ Божьей благодати и гибельно дѣйствовалъ на душу напряженной, неласковой, неправдивой сущностью явленій окружающей жизни. «Не хватаетъ» быть любящимъ отцомъ семейства, «не хватаетъ» быть исправнымъ кредиторомъ, «не хватаетъ» быть исправнымъ плательщикомъ — и всѣ эти совершенно простыя «нехватки» устранялись на моихъ глазахъ всегда какимъ-либо насильственнымъ путемъ: въ семьѣ — семейной ссорой, бранью, при чемъ ребята заснутъ *съ испугу*, забывъ про голодъ, изъ-за котораго вышла и брань; въ сосѣдскихъ отношеніяхъ — кляузой, сплетней про куму Аксинью, съ которой, молъ, ты и т. д., вмѣсто аккуратной отдачи долга; въ недоимкѣ — драньемъ въ волостномъ правленіи, какъ извѣстно, также замѣняющимъ урожай, и затѣмъ въ кабакѣ, какъ мѣстѣ забвенія всей этой лжи.

А господа, которые вращаются вокругъ народа, развѣ и они не ощущаютъ въ глубинѣ своей совѣсти, что самые строжайшіе ихъ поступки и самыя гуманнѣйшія распоряженія, въ сущности, только замѣняютъ собою «нехватку» самую элементарную, и что ни въ распоряженіяхъ ихъ ни въ мѣропріятіяхъ не было бы никакой надобности, если бы Господь послалъ урожай? Пошли Господь урожай — и не надобно изобрѣтать нераскупоривающихся бутылокъ, какъ мѣры противъ уничтоженія пьянства, потому что не изъ-за чего будетъ драться съ семьей, кляузничать съ сосѣдомъ и вообще не зачѣмъ будетъ отягчать свою совѣсть, а вездѣ все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Пошли Господь урожай, и судебному приставу не будетъ никакой надобности производить опись имущества «съ сопротивленіемъ», и становой приставъ не получитъ отъ разъяренной бабы удара палкой по головѣ, и господину прокурору не будетъ надобности произносить громокипящую рѣчь, исполненную неправды, и адвокату не надобно будетъ форсить своимъ гуманствомъ, да и въ острогѣ не будетъ сидѣть лишній яко бы преступникъ. Какъ-никакъ, а у всѣхъ этихъ господъ: и у того, кто изобрѣтаетъ нераскупориваемую бутылку, и у того, кто вызываетъ сопротивленіе и буйство бабы, и у того, кто сажаетъ виновнаго въ острогъ, — у всѣхъ у нихъ напряженно-нехорошо на душѣ: всѣ вѣдь они знаютъ, что корень дѣла — *нехватка* только, больше ничего; знаютъ они это по совѣсти, а вотъ поди же! — принуждены почему-то ломать и кривить ею, коверкать ее, какъ принужденъ кри-

вить и коверкать ее мужикъ, бьющій бабу съ голоду, подводящій кляузу противъ сосѣда, засуживающій своего сосѣда неправеднымъ судомъ.

Положительно всѣ десять лѣтъ моей деревенской жизни въ неразрывной связи съ жизнью культурныхъ классовъ были исполнены непрерывно ощущаемою тягостною фальшью — всеобщимъ стремленіемъ истинную и простую нужду и истинную причину, источникъ живой жизни, всегда, къ сожалѣнію, тощій и скудный, т.-е. самую простую, всѣмъ понятную, видимую и осязаемую «нехватку» затмить, запутать въ какомъ-либо фальшивомъ мѣропріятіи — все равно, драка это, или пьянство мужика, или опись съ «сопротивленіемъ», или выдумка бутылки. А въ глубинѣ совѣсти всѣхъ этихъ людей, желающихъ затмить «нехватку» всевозможными мѣропріятіями, — тоска, холодъ и тяжкая пустота. Скучно и среди городскихъ людей, воротившихся изъ деревни послѣ описи «съ сопротивленіемъ» и играющихъ въ винтъ, скучно и среди мужиковъ, дерущихъ другъ друга въ волости, кляузничающихъ другъ на друга, дерущихся съ своими дѣтьми и бабами и наконецъ пьющихъ сивуху, чтобы заглушить тоску и неправду совѣсти.

«Такъ вотъ этой-то тоски и неправды и не будетъ теперь и слѣда?» — думалось мнѣ, когда я, поджидая посланнаго за лошадьми, сидѣлъ на чугунной лавочкѣ, поставленной на платформѣ, и съ каждой минутой мнѣ яснѣй и яснѣй представлялось, какое огромное значеніе имѣетъ «нехватка» во всемъ строѣ народной жизни и особенно въ настоящій ея моментъ.

II.

Немало и даже очень, очень немало найдется въ настоящее время и во всѣхъ классахъ культурнаго общества людей, которые, подобно Пушкину, въ недавно напечатанномъ его старомъ стихотвореніи, съ полною искренностью скажутъ себѣ:

На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно *завидная* мечтается мнѣ доля:
Давно, *усталый рабъ*, *замыслилъ я побѣгъ*
Въ обитель дальнюю *трудовъ и чистыхъ дѣлъ* *)

И немало есть образованныхъ и культурныхъ людей, уже не только замышляющихъ побѣгъ, а уже бѣжавшихъ,

*) «Русск. Арх.» № 9.

«вырвавшихся» и пробующихъ жить вольно, тяжелой трудовой жизнью, оберегая покой и волю своей души; много на Руси и въ настоящее время такого народа, но все-таки это капля въ морѣ сравнительно съ тѣмъ чисто-народнымъ, крестьянскимъ движеніемъ, которое имѣетъ въ основаніи все ту же цѣль — жить чисто и чувствовать свою душу не въ клещахъ лжи — и которое поистинѣ *гудитъ* теперь на Руси.

Что̀ значитъ это непрерывающееся переселенческое движеніе въ Сибирь, на югъ, кругомъ свѣта, на дальній востокъ, какъ не поиски «обители трудовъ и чистыхъ дѣлъ», необходимыхъ для «покоя» и воли собственной совѣсти? А эти огромнѣйшія милліонныя толпы рабочихъ, наводняющихъ весь русскій югъ, весь Кавказъ, — что̀ это, какъ не выраженіе глубочайшей потребности помощью заработка собственныхъ рукъ и собственнаго хребта выбраться изъ мучительно-фальшивыхъ условій жизни, созданныхъ «нехваткой», и освободить свою совѣсть отъ ненужнаго зла, обязательнаго тамъ, гдѣ «нехватка» не считается просто «нехваткой», а затирается тяжеловѣсными, рѣжущими душу мѣропріятіями, отъ которыхъ человѣкъ только «усталый рабъ»?

Ничего подобнаго ни въ качественномъ ни въ количественномъ отношеніи не переживалъ нашъ народъ въ теченіе всего крѣпостного періода. *Двадцать три тысячи* пришлыхъ изъ внутреннихъ губерній рабочихъ нанято въ селеніи Каховкѣ (Херсонск. губ.) *въ теченіе одного дня* *)! А такихъ рынковъ для найма рабочихъ въ настоящее время по всему югу Россіи и Кавказу множество. Но помимо такихъ бойкихъ пунктовъ, куда стекаются рабочіе десятками тысячъ, нѣтъ ни одной мало-мальски порядочной станицы, посада, уѣзднаго города, гдѣ бы въ базарные дни на торжищѣ не толпились сотни и тысячи рабочаго люда. Если принять въ расчетъ, что руками этого пришлаго народа обрабатывается такая огромная территорія, какъ весь русскій югъ, т.-е. территорія, лежащая къ югу отъ линіи, идущей съ устьевъ Дуная на Кіевъ, Харьковъ и оканчивающейся, примѣрно, у Астрахани, — а главное, если принять въ расчетъ, что помимо той массы рукъ, которая обрабатываетъ всю эту округу, едва ли меньшее количество рукъ остаются не занятыми, не находящими работы, то, мнѣ

*) «Севаст. Лист.».

кажется, и безъ точныхъ статистическихъ данныхъ можно видѣть, какую массу народа выбрасываетъ на чужбину изъ «своихъ мѣстъ» «нехватка» въ самомъ необходимомъ.

Не менѣе замѣчательно это народное шатаніе и въ качественномъ, т.-е. въ нравственномъ смыслѣ. Если никогда въ теченіе всего крѣпостного періода по Руси взадъ и впередъ, съ одного конца на другой, не шаталось такихъ народныхъ массъ, то въ то же время никогда человѣку изъ народа не приходилось такъ много переживать, передумывать и «узнавать», что̀ творится на бѣломъ свѣтѣ, какъ это вышло теперь съ не находящими покоя и воли народными массами. Крѣпостной мужикъ, прикованный къ своему мѣсту помѣщичьей властью, во вѣки вѣковъ и понятія бы не имѣлъ о томъ, съ чѣмъ приходится сталкиваться оторванному отъ своихъ мѣстъ мужику. Хозяйство, барщина, бурмистръ — вотъ съ чѣмъ и съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло всю жизнь отъ рожденія до смерти, и притомъ цѣлыми поколѣніями. Убѣги онъ, его поймаютъ и опять приведутъ на старое мѣсто. Теперь бѣгуна отъ нехватки не тянутъ силкомъ на старое хозяйство, предоставляютъ ему полную свободу, и, пользуясь этой свободой, чего только ни знаетъ онъ «про бѣлый свѣтъ» — въ особенности про современную русскую жизнь!

Толпы эти идутъ отъ «нехватки» за заработкомъ,—цѣль, кажется, вполнѣ опредѣленная; но всесильный *случай*, тяготѣющій надъ крестьяниномъ во всѣхъ путяхъ его жизни, поминутно сбиваетъ его съ прямого пути, ставитъ неожиданныя, непредвидѣнныя положенія и обогащаетъ его мысль познаніемъ такихъ явленій въ современныхъ порядкахъ жизни, о которыхъ ему бы и во снѣ не приснилось. Попробуйте-ка пропутешествовать изъ Курской губерніи въ Сибирь или вокругъ Индіи во Владивостокъ и потомъ, увидавъ, что тамъ ничего подходящаго нѣтъ, воротиться назадъ (а недавно было опубликовано въ газетахъ о возвращеніи изъ Сибири 5.000 переселенцевъ),—и вы можете сами представить, какой огромный запасъ «знаній» по всѣмъ отраслямъ русской дѣйствительности долженъ принести съ собой этотъ путешественникъ. Если мы, проѣхавъ въ вагонѣ тысячи полторы верстъ, можемъ накопить томикъ большею частью не совсѣмъ пріятныхъ впечатлѣній, что̀ же принесетъ съ собой этотъ путешественникъ, этотъ пѣшеходъ, промолотившій своими стопами тысячи верстъ, гдѣ Христовымъ именемъ, гдѣ работой, гдѣ голодомъ,—словомъ,

человѣкъ, видѣвшій жизнь въ самомъ *подлинномъ* видѣ? Мы вѣдь, напримѣръ, хоть бы съ начальствомъ только компанію водимъ въ часы досуга, по бульвару подъ музыку гуляемъ, въ винтъ играемъ, — словомъ, видимъ его, когда оно «отдыхаетъ отъ трудовъ»; а вѣдь путешественникъ-то, о которомъ идетъ рѣчь, видитъ его на дѣлѣ, видитъ, за что ему «царь жалованье платитъ»... А не путешествуй онъ—и во вѣки бы вѣковъ ничего онъ этого не узналъ...

Точно такой же огромный матеріалъ для «самообразованія», поистинѣ незамѣнимый никакими изъ существующихъ по части уясненій русской жизни книгъ и другихъ литературныхъ произведеній, всевластный случай дастъ и милліоннымъ массамъ рабочаго люда, идущаго только на заработки. Двадцать три тысячи рабочихъ, о которыхъ я говорилъ выше, могли бы совсѣмъ остаться безъ работы, т.-е. частью помереть, частью разбрестись невѣдомо куда, если бы Господь не послалъ въ одномъ изъ уголковъ Херсонской губерніи дождя. Пока не было дождя, они никому не были нужны; но вотъ гдѣ-то Господь послалъ тучу, туча хлынула на землю, и отовсюду слетѣлись хозяева, а по телеграфной проволокѣ застучало: «Одесса. Рансомъ и Симсъ. Пошлите пять молотилокъ, четыре косилки». Черезъ два часа (дождь все идетъ) телеграфъ стучитъ: «семь молотилокъ и восемь косилокъ» и еще черезъ часъ: «десять молотилокъ, десять косилокъ» и т. д.

А все Богъ!

Не далъ бы Богъ дождя, — и оставались бы 23 тысячи человѣкъ «не пимши не ѣмши», стали бы помирать, разбрелись бы кой-куда... Оно легко сказать: «кой-куда», а на дѣлѣ эти слова имѣютъ широкое образовательное значеніе для народа. Попробуйте поночевать подъ стогомъ въ экономіи—выгонятъ дубиной или собаками затравятъ; а приди въ городъ да улягся, повидимому, въ пустомъ мѣстѣ, положимъ, хоть въ скверѣ у памятника, изображающаго какого-то человѣка изъ чугуна,—такъ заберутъ въ часть, продержатъ ночь, потомъ, хоть и выпустятъ, но куда? На ночлегъ — денегъ нѣтъ, а лечь такъ въ пустомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ чугунный человѣкъ, невозможно! Много-много можно узнать о «добрыхъ людяхъ» и о «порядкахъ», которые они сдѣлали, если Господь не пошлетъ гдѣ-нибудь дождичка!

Въ нынѣшнемъ году мнѣ пришлось довольно-таки насмотрѣться на это «самообразованіе». Въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ сѣвернаго Кавказа въ настоящемъ году *) самый полный неурожай, а народу нахлынуло туда изъ внутреннихъ губерній видимо-невидимо, и огромное большинство нахлынувшихъ осталось безъ всякой работы, потому что и та, которая еще могла бы быть, разобрана мѣстнымъ казачьимъ населеніемъ, какъ извѣстно, въ прошломъ году пострадавшимъ отъ неурожая и оставшимся безъ скота по случаю безкормицы. Въ газетахъ были публикованы свѣдѣнія прямо объ умершихъ съ голоду пришлыхъ рабочихъ. Но и оставшіеся въ живыхъ, проѣвши свою одежду и даже косу, произвели на меня впечатлѣніе не менѣе поучительное, чѣмъ та «наука», которая и имъ далась въ опытѣ «шатанія» по русской землѣ за кускомъ хлѣба. Въ общемъ *наука* эта (чего-чего ни пришлось имъ перевидать и пережить!) оставила въ толпахъ, разбредающихся «кой-куда», не свѣтлыя впечатлѣнія: злой языкъ, злыя насмѣшки, нахрапъ, грубость и явное желаніе при первой возможности «дать сдачи»—вотъ результаты той «науки», которую волны народныя, рыщущія изъ конца въ конецъ Россіи и отхлынывающія опять въ ея глубину, вынесли изъ подлиннаго, ничѣмъ не прикрашеннаго знакомства *рѣшительно со всѣми сторонами* современной нашей дѣйствительности.

Маленькаго вниманія къ положенію этихъ шатающихся по Россіи массъ достаточно для того, чтобы ясно убѣдиться въ невозможности для нихъ въ огромномъ количествѣ случаевъ вынести изъ опыта жизни среди добрыхъ «людей» что-нибудь мало-мальски теплое и свѣтлое: какая масса молчаливыхъ страданій таится въ этой толпѣ и какое повсюдное, хоть, можетъ-быть, невольное невниманіе къ человѣку, очутившемуся въ нуждѣ и на чужой сторонѣ!

III.

Въ какое-то изъ первыхъ чиселъ іюля, часа въ четыре вечера, сѣлъ я въ Керчи на частный пароходъ, отправлявшійся по портамъ Азовскаго моря въ Ростовъ. Въ первомъ и второмъ классахъ публики было чрезвычайно мало—одинъ-два человѣка, но зато «чернонародія» должно было сѣсть на пароходъ «до Бердянска» видимо-невидимо. Вся пристань буквально была завалена народомъ — косарями: всѣ они были люди буквально рваные: грубаго холста рубахи и штаны, онучи, лапти, шапки всевозможныхъ сор-

*) 1886.

товъ—и картузы (съ козырьками и безъ козырьковъ), и фуражки, соломенныя шляпы, — не было только дамскихъ головныхъ уборовъ. Но «дамы» были въ этой чернонародной толпѣ: онѣ тоже шли за хлѣбомъ, за работой, но, повидимому, не скучали. Около такой работницы всегда кружокъ, смѣхъ, водочка и пѣсня. Эти «вольныя бабы-работницы», несмотря на поденный трудъ, умѣющія возбуждать нескончаемое полуночное веселье въ толпѣ поклонниковъ, также измаивающихся на каторжномъ трудѣ,—этотъ типъ показался мнѣ весьма любопытнымъ.

— Чего же мы ждемъ?—спросилъ я какого-то изъ служащихъ, когда уже миновалъ часъ, назначенный для отхода парохода.

— Да вотъ только трюмъ подъ народъ уберутъ, сейчасъ и тронемся.

Посмотрѣлъ я въ этотъ трюмъ—тамъ, точно, ничего не было, то-есть онъ былъ почти совершенно пустъ. На нѣсколькихъ кускахъ керченскаго камня, составлявшихъ весь его грузъ, матросы настилали доски, но настилали кое-какъ, торопясь и, повидимому, не зная хорошенько, что̀ собственно изъ ихней работы должно выйти.

— Ну да ладно! будетъ! Давай звонокъ. Садись, ребята!—скомандовало какое-то начальство, а когда толпа «косаковъ» зашевелилась, подобрала свои мѣшки и косы и тронулась къ сходнямъ, переброшеннымъ съ пристани на пароходъ, это же самое начальство прибавило:

— Не вдругъ! Не разомъ! Иди помаленьку, не толпись—всѣмъ мѣста будетъ!.. Не напирай! не напирай!

И вотъ, какъ саранча, сѣрой вереницей потянулись къ пристани рабочіе...

— Полѣзай по лѣстницѣ — вотъ, вотъ по этой, полегоньку! Косы-то клади въ одно мѣсто, — оно просторнѣй будетъ! Потѣснись пока, потомъ разсортуемъ... нельзя сразу!

Повинуясь этимъ указаніямъ начальства, народъ покорно, хотя и не безъ остротъ и шутокъ, лѣзъ въ темный трюмъ, точно въ колодецъ, и лѣзъ до тѣхъ поръ, пока трюмъ не былъ набитъ народомъ буквально биткомъ...

— Тутъ мѣстовъ нѣту! — стали доноситься голоса изъ погреба.

— Ничего! потѣснись, ребята! потѣснись пока что̀! Сейчасъ оно разсортуется—всѣмъ мѣсто будетъ!

И въ темный погребъ протискивалось еще десятка два косарей, но протискивалось уже съ великимъ трудомъ.

— Да говорятъ тебѣ — нѣту мѣстовъ! — ужъ довольно грубо стало слышаться изъ погреба.—Задохнуться, что ли, людямъ-то?

— Сейчасъ, сейчасъ!—отвѣтствовало начальство. — Не шуми, другъ любезный, сейчасъ все будетъ! Ну, иди сюда, по бортамъ, поровнѣй садись...

— Да чего садиться? Мы и постоимъ.

— Садись, садись рядкомъ, пока что̀: вотъ тронемся, такъ оно само собой разсортуется, всѣмъ будетъ мѣсто...

Черезъ нѣсколько мгновеній палуба была буквально биткомъ набита народомъ — ни пройти ни шагу ступить изъ рубки не было возможности.

— Что̀ же это они дѣлаютъ? — не безъ страха передъ чѣмъ-то, не обѣщающимъ ничего хорошаго, мелькнуло-было у меня въ головѣ, но не успѣлъ я уяснить себѣ, чего я собственно испугался, какъ начальство крикнуло:

— Давай третій!..

И затѣмъ что-то гробовымъ голосомъ забурчало въ мѣдную трубу, проникавшую въ машинное отдѣленіе. Пароходъ тронулся—и мы вышли въ море.

— Что̀ это какъ его на бокъ накрениваетъ?—стали поговаривать пассажиры.

— Ребятки,—бѣгая въ толпѣ, бормоталъ торопливо тотъ самый начальникъ, который распоряжался посадкой: — поди-ка-сь на тотъ бортъ человѣкъ десять... А то дюже на этотъ навалились... Ничего! Оно сейчасъ умнется.

Но не десять, а сорокъ, пятьдесятъ человѣкъ ужъ сами, безъ всякаго приказанія, перебѣжали на другой бортъ, и пароходъ, выпрямившись на одну-двѣ минуты, снова накренилъ ужъ на другой бортъ.

— Господинъ! Эй!—послышалось изъ трюма:—докуда-жъ вы насъ тутъ томить будете?

— А тебѣ, что-жъ, въ первомъ классѣ хочется ѣхать?—ужъ сердясь, заговорило начальство:—ты за три-то гривенника въ первомъ классѣ хочешь ѣхать?

— Такъ, стало-быть, такъ тутъ торчмя и стоять всю дорогу?

— Здѣсь и дыхать-то нечѣмъ!—послышались другіе голоса.—Ишь какъ отъ машины-то нажариваетъ!

— Чего его слухать! вылѣзай на свѣтъ!

И изъ трюма началось шествіе.

— Пошелъ назадъ! — закричалъ капитанъ. — Назадъ пошелъ!..

— Да вотъ, какъ же! — отвѣчалъ ему первый мужикъ, появившійся изъ колодца. — Такъ я тебя и послухалъ... Полѣзай самъ!

— Молчать, каналья! Назадъ!—оралъ капитанъ какимъ-то звѣринымъ гососомъ, но его никто не слушалъ, и изъ трюма лѣзли и лѣзли вспотѣвшія, распарившіяся фигуры...

И съ пароходомъ стали твориться чистыя чудеса: его сразу почти положило на правый бокъ, такъ что лѣвое колесо вертѣлось и брызгало на воздухѣ. Трюмъ опустѣлъ, и вся тяжесть сосредоточилась на палубѣ. Эта живая тяжесть, ругаясь, толпясь, толкая другъ друга, стала метаться изъ угла въ уголъ; упавшій на бокъ пароходъ въ то же время начиналъ утопать и носомъ, капитанъ оралъ, перегоняя народъ на корму, и народъ, бросаясь на корму, переваливалъ пароходъ какъ-то винтообразно на другой бокъ. Все это орало, ругалось самыми безчеловѣчными словами; въ буфетѣ летѣли рюмки, стаканы, варенье изъ банокъ лило по полу, а по варенью ползъ кусокъ сыру, какъ по маслу...

Чѣмъ объясните вы, какъ не полнѣйшимъ презрѣніемъ пароходнаго начальства къ простому рабочему человѣку, пріемъ этого живого груза на пароходъ, который не имѣетъ возможности помѣстить его? Очевидно, начальство вполнѣ было увѣрено, что этотъ живой грузъ «перетерпитъ», сидя и жарясь въ трюмѣ, что онъ «испужается моря», что пожалѣетъ гривенника, отданнаго за проѣздъ, что это стадо, которое можно облаять, и оно послушается... Но на этотъ разъ начальство ошиблось, и не успѣло оно еще и хорошенько разойтись—какъ толпа загудѣла:

— Назадъ, дьяволы!—потопить хотите, мошенники! Назадъ! Поворачивай назадъ! Ребята, отымай у него колесо-то—долой его, подлеца!..

Какой-то черный мужикъ, какъ ураганъ, вырвался изъ толпы и, весь блѣдный, дрожащій, ринулся по направленію къ капитану...

Но пароходъ уже повернулъ назадъ и, то ложась на бокъ, то глубоко наклоняясь вертикально, — шелъ назадъ къ Керчи.

— Погоди, дьяволъ! — ревѣлъ капитанъ; но то, что̀ ревѣла толпа, того описать невозможно.

— Да вѣдь ежели бы утонуть, такъ и капитанъ бы утопъ!—осмѣлился возразить кто-то на эти неистовыя ругательства.

— Какъ же! — ревѣли ему въ отвѣтъ ожесточенные и озлобленные люди.—Какъ же, потонутъ они, подлецы!..

— Такъ онъ тебѣ и потонулъ!

— Ему нашего брата погубить охота... У нихъ штраховка... Онъ получитъ, дьяволъ...

— Потонутъ они, канны!

И полнѣйшая увѣренность въ томъ, что начальство осталось бы здорово и невредимо послѣ того, какъ потонулъ бы народъ, слышалась въ почти до истерики озлобленныхъ голосахъ взбѣшенныхъ, негодующихъ людей.

Изъ Керчи замѣтили, что съ пароходомъ случилось что-то неладное, и когда, кувыркаясь, пароходъ подходилъ обратно къ пристани, она вся была усѣяна народомъ. Ожесточенная толпа прямо всей массой хлынула въ контору за деньгами.

— Цѣлыя сутки пропали, анаѳемы!—ревѣли они.—Ближе завтрева нѣту парохода... Чего день-то стòитъ? Кто будетъ платить? Пойдемъ къ начальнику... Ребята! взыскивай съ душегубцевъ!

Не знаю, чѣмъ кончилась эта исторія, но черезъ нѣсколько дней въ газетахъ появилось извѣстіе о кровавой дракѣ, происшедшей въ Бердянскѣ *между мѣстными и пришлыми рабочими*. Думаю, что среди этихъ послѣднихъ были и мои керченскіе попутчики. Если представите вы себѣ ту крайнюю нужду, которая заставила ихъ безъ всякой прибыли проколесить по сожженнымъ полямъ сѣвернаго Кавказа, заставила потомъ перебраться на послѣднія копейки съ кавказскаго берега на крымскій, да и здѣсь на первыхъ порахъ, благодаря пароходному начальству, протомила цѣлыя лишнія сутки, а можетъ-быть, и болѣе,—то можете понять, до какой степени они были объяты жаждой какого-нибудь заработка въ то время, когда наконецъ очутились въ Бердянскѣ. Они сразу уронили цѣны до ничтожества; мѣстные рабочіе (пришлыхъ въ этихъ мѣстахъ почти не бывало), получавшіе порядочныя цѣны, ожесточились,—и вотъ произошло кровавое побоище изъ-за куска хлѣба, побоище, такъ сказать, между родными братьями, рабочими людьми...

Вотъ чтò иной разъ выходитъ изъ-за нехватки-то! Но то ли еще бываетъ!

IV.

Сѣлъ я также нынѣшнимъ лѣтомъ на одной изъ станцій Владикавказской желѣзной дороги въ вагонъ третьяго класса.

Кромѣ меня, въ вагонѣ былъ какой-то бравый казакъ — чина я его не знаю, но знаю, что не рядовой. Въ вагонѣ, гдѣ мы помѣстились, была на двери надпись: «отдѣленіе для дамъ». Посадилъ насъ сюда оберъ-кондукторъ, объявивъ, что это отдѣленіе будетъ пусто, потому что, ежели придутъ дамы, то стоитъ имъ только внушить, что вагонъ этотъ первый отъ локомотива и что въ случаѣ какой катастрофы онъ разлетится вдребезги первымъ,—такъ дамы сейчасъ и убѣгутъ. Казаку очень понравилось это сообщеніе, и онъ при помощи его выпроводилъ очень многихъ представительницъ прекраснаго пола. Показался-было какой-то священникъ, но и его казакъ такъ напугалъ, что и тотъ предпочелъ уйти отъ грѣха въ другой вагонъ. Наконецъ мы остались вдвоемъ, и «казачина», громкимъ хохотомъ празднуя свою побѣду, растянулся во всю казацкую мочь сразу на двухъ лавкахъ.

Но побѣда была непродолжительна: какъ разъ передъ самымъ отходомъ поѣзда въ наше дамское отдѣленіе все съ тѣми же косами, мѣшками, тяжеловѣснѣйшими узлами, въ которыхъ, повидимому, не могло быть ничего, кромѣ булыжника, ввалилось трое взрослыхъ рабочихъ и одинъ подростокъ, мальчикъ лѣтъ тринадцати.

— Вы бы въ задній вагонъ шли!—сказалъ имъ проходившій черезъ вагонъ оберъ-кондукторъ.—Здѣсь отдѣленіе для чистой публики... Идите въ задній вагонъ... А то наплюете, нагрязните... Чего вамъ тутъ?

Но мужики нимало не урезонились этими рѣчами. Слушая ихъ, они спокойно занимали своими мѣшками по два, по три мѣста, притомъ одинъ изъ нихъ тѣмъ же самымъ, обычнымъ теперь для шатающагося рабочаго люда, тономъ спокойно сказалъ:

— Ну, братъ, нонѣ, пожалуй, чистаго-то народу полнаго-то вагона и не наберешь. Пущай же и съ чернаго вамъ барышъ достается. Деньги-то, братъ, однѣ... Садись, ребята! ничего!

Кондукторъ ушелъ, махнувши рукою; рабочіе, бывшіе немного подъ хмелькомъ, размѣстились безъ всякаго стѣсненія и, уложивъ косы на верхнія полочки, принялись разговаривать, ѣсть и, къ сожалѣнію, сорить.

У окна, на скамейкѣ «для одного», приснащивался подростокъ, пришедшій съ взрослыми рабочими. Онъ поставилъ свой мѣшокъ подъ окномъ и тотчасъ улегся ногами на сидѣнье, головой на мѣшокъ. Лежалъ онъ спиной къ

публикѣ и, повидимому, спалъ. Казакъ дремалъ, я читалъ что-то.

— Что̀ это съ мальчикомъ-то дѣлается? — послышался чей-то голосъ около меня.

Изъ сосѣдняго отдѣленія вышелъ старый, толстый, въ опрятномъ шерстяномъ пиджакѣ купецъ и, кивая на мальчика, говорилъ:

— Плачетъ чего-то парнишка! Я глядѣлъ-глядѣлъ,—такъ его̀ и треплетъ, горемыку.

Мальчонку, точно, трепало. Уткнувшись лицомъ въ мѣшокъ и лежа, повидимому, неподвижно, онъ по временамъ весь содрогался; очевидно, сильные приступы рыданій точно трясли и ломали его спину...

— Эй! Милый! Парень! Кто тебѣ что̀ сдѣлалъ? Чего убиваешься-то? — говорилъ купецъ, осторожно касаясь его плеча.—Встань, подыми голову-то! Да сядь... Сядь; скажи—кто тебѣ, что̀...

Постепенно онъ сталъ пошевеливать мальчонку за плечо, потомъ приподнялъ ему голову и кое-какъ наконецъ добился того, что мальчикъ сѣлъ. Около мальчика и купца собрались зрители.

— Чего ревешь-то? Ты скажи, съ чего такого? Али тебя кто?..

Но мальчикъ не могъ произнести слова: грудь его такъ и ходила ходуномъ внизъ и вверхъ, все лицо было залито слезами, и истерическая икота заставляла его сидѣть съ открытымъ ртомъ.

— Ахъ, ты, братецъ ты мой!—сказалъ купецъ и замолчалъ. И всѣ поняли, что надо помолчать, погодить...

— Эка, братецъ ты мой, какое дѣло-то!—еще разъ повторилъ купецъ, когда мальчикъ сталъ утирать рукавомъ носъ, очевидно, немного приходя въ себя.—Съ чего-жъ ты такъ?.. а?

— За...ду...ши...лась!..—всхлипывая, прошепталъ онъ, и слезы вдругъ опять залили его лицо.

— Ахъ, ты, братецъ ты мой!.. Задушилась! Да кто задушился-то?..

Мгновенно безграничное горе скорчило, съежило все его лицо, залило горючими слезами, и, широко раскрывъ истерически искривленный ротъ, онъ взвылъ не своимъ голосомъ:

— Ма-мы-нька задушила-а-а-ась... а-а-а-а-а!

Онъ ударилъ себя ладонями по мокрому лицу и грохнулся лицомъ на мѣшокъ.

Спина его тряслась и трепетала, а изъ мѣшка, куда уходили его рыданія, слышались вопли какъ бы зарытаго въ землю человѣка.

Минута, когда ему пришлось выговорить ужасныя слова: «мамынька задушилась», была поистинѣ потрясающая, навѣки неизгладимая во всемъ организмѣ этого несчастнаго существа: безграничная любовь, безграничная утрата, безграничное одиночество и безграничный ужасъ предъ тѣми ужасами, которые сію минуту терзаютъ его несчастную мать въ геенне огненной, гдѣ она кричитъ отъ огня и желѣза, растрепанная, окровавленная, съ веревкою на шеѣ—мертвая «мамынька»,—все это сразу, въ одно мгновеніе охватило его сердце, разорвало его, растерзало и вырвало раздирающій душу вопль.

Положительно всѣ обомлѣли и только качали головами...

— Поди-ка вотъ, какъ бываетъ-то!

— Ишь ты! ай-яй-яй!..

— Эка бѣднягѣ что̀ довелось!..

Такъ шептали зрители, не отходя отъ рыдавшаго мальчика и не смѣя приставать къ нему съ разспросами.

— Эй, ты, любезный! — наконецъ сказалъ купецъ, обращаясь къ одному изъ мужиковъ. — Вашъ, что-ль, мальчикъ-отъ?

— Съ нами ѣдетъ.

— Что-жъ это такое съ нимъ? Куда онъ ѣдетъ-то?

— Замѣсто отца ѣдетъ... Отецъ-то остался... по случаю, что грѣхъ этотъ вышелъ... Ну, а задатки-то взяты... вотъ малый и долженъ идти замѣсто отца...

— Да какъ же это вышло? Изъ-за чего? Ты иди сюда, разскажи...

Всѣ мы вышли въ другое отдѣленіе вагона.

— Да Господь ее знаетъ, какъ у нихъ вышло... Надо такъ сказать, что доняло ихъ бѣдностью... Годовъ пять ихъ все сухменью донимало, наконецъ, того, пришлось бросать хатенку да идти въ люди за хлѣбомъ... Мамка-то евонная въ станицѣ нанялась, дочка въ городъ ушла, въ родѣ, должно-быть, въ горничныя, ну, а отецъ-то съ парнишкой тоже въ работѣ, въ пастухахъ наймались... Должно-быть, съ дочкой-то что-то неладно въ городу-то вышло... Прожила она тамъ года два, а наконецъ, того, передъ самымъ этимъ временемъ, какъ грѣху-то быть, прибѣгла она, братецъ ты мой, какъ полоумная въ станицу, къ матери-то, прибѣгла и вся, братецъ мой, не въ себѣ: «убила я, говоритъ, убила,

убила... въ острогъ меня возьмутъ... Батюшки, спасите, помогите!.. Убила, убила...»

— Что-жъ, она въ самомъ дѣлѣ убила кого-нибудь?

— Богъ ее знаетъ!.. Намъ это неизвѣстно... А должно-быть, что-нибудь въ городу-то съ ней стряслось... Нонче въ городу-то какой народъ? Она дѣвка молодая... Нонче вѣдь на этотъ счетъ—безъ всякой совѣсти...

— Чего ужъ!—въ одно слово подтвердило множество голосовъ.

— Ну вотъ, она, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ родила, да какъ-нибудь и того... Вѣдь и нечаянно бываетъ... А можетъ, и отъ болѣзни то-жъ случается... А какъ она прибѣжала къ маткѣ-то, матка-то тоже на работѣ измаявши, наболѣло у ней сердце-то, какъ она ужаснулась, что съ дочкой-то такой грѣхъ, да и разсудокъ-то у нея помутился, ну вотъ она съ горя-то и наложила на себя руки... Что̀ подѣлаешь? Бѣдность! Нужда!

— Ну, а отецъ-то какъ узналъ?

— Да они какъ разъ съ мальчишкой домой воротились къ матери... Пришли, а она—эва какъ!.. Мальчонка-то очумѣлъ-было... Вотъ вѣдь какія дѣла бываютъ! Теперь отецъ-то и ума не приложитъ, какъ быть... Дочку въ больницу сдали, а матка еще въ сараѣ качается... Она, значитъ, какъ разъ передъ тѣмъ часомъ и покончилась, какъ мужу-то придти... Мужа-то, должно, страшно стало, что дочь пропала... вотъ она, горькая, и окончилась... Вотъ они какія дѣла-то бываютъ! Нужда-матушка! Теперича мальчонка-то самъ не свой—а иди, работай! задатокъ данъ... Хошь бы мать-то закопалъ, ну, все пріятнѣй... нонѣ доктора разрѣшаютъ, а то только глянулъ, миляга, на этакую страсть Господню—и проститься-то не пришлось, начальства нѣту, доктора не пріѣзжали... Вотъ какое дѣло!

Впечатлительный купецъ не оставилъ мальчонку. Онъ опять подошелъ къ нему, низко нагнулся къ его головѣ и долго шопотомъ говорилъ съ нимъ, всячески стараясь успокоить.

— На, на, возьми—ничего! возьми! Это ты, какъ только, Господи благослови, увидишь храмъ... да ты слушай, что̀ говорю-то! Чего ревешь-то? не воротишь! А ты о душѣ похлопочи, объ матерниной... бери деньги-то... бери да слушай... Какъ чуть храмъ — сейчасъ ты... частицу... Какъ мать-то звали... а? Марѳа? Ну, и надпись сдѣлай — Марѳы, рабы Божія... Чуешь, что-ль?.. Вотъ оно и отпадетъ отъ

ися грѣхъ-то... Я тебѣ вѣрно говорю!: это ужъ безъ сомнѣнія! Ну, только, какъ у тебя какая копейка, сейчасъ въ храмъ... Ну, ничего! Богу молись всячески... Онъ, Батюшка, облегчитъ... Помаленьку выправишь... Ничего!.. Чего убиваться-то?.. Ужъ чего ужъ?..

Не помню, какъ мы разстались, и не знаю, гдѣ этотъ маленькій страдалецъ, но знаю, что гдѣ-то онъ живетъ, живетъ изъ-за харчей, молча исполняетъ, что̀ прикажутъ, и что никому невѣдомо, какая страшная драма гнететъ душу этого незамѣтнаго существа...

Вотъ она какая иногда бываетъ «нехватка»! Вообще же разнообразнѣйшія явленія народной жизни, имѣющія исходнымъ пунктомъ «нехватку»,—явленія, многочисленность и разнообразіе которыхъ я даже не могу очертить и слегка (такое это многосложное дѣло),—въ концѣ концовъ, кажется, уже выработали на Руси одно не весьма отрадное жизненное явленіе, о которомъ позволю себѣ сказать два слова.

Я не знаю, что̀ такое Ашиновъ, о которомъ пишутъ въ газетахъ, не знаю, какіе у него планы, какія цѣли, откуда онъ взялся и куда стремится. Полагаю, что біографическія подробности о немъ вовсе неинтересны; склоненъ думать, что ничего въ дѣйствительности даже нѣтъ, что существуетъ только легенда, и легенда не объ Ашиновѣ (Богъ съ нимъ!), а объ атаманѣ казацкой *вольницы*. Пусть не существуетъ въ дѣйствительности ничего подобнаго, но то-то и замѣчательно, что откуда-то родилась легенда, откуда-то выплыло слово «вольница». И это-то слово (если бы даже оно было только *слово*), неслышное на Руси со временъ Степана Тимоѳеевича, разъ оно родилось на Божій свѣтъ опять, невольно заставляетъ васъ чуять, что «недохватка» въ насущнѣйшихъ народныхъ нуждахъ, осложненная горчайшимъ опытомъ жизни, пріобрѣтаемымъ народомъ въ поискахъ хлѣба, и, главное, разбрасывающая народныя массы по лицу русской земли, какъ вѣтеръ разбрасываетъ мякину, не можетъ не имѣть результатовъ, и результатовъ весьма неожиданныхъ.

V.

Тяжкія мысли и тяжкія воспоминанія, начинавшія темными тучами налегать на меня, къ величайшему моему счастью, были мигомъ разсѣяны появленіемъ сторожа, который ходилъ за лошадьми...

— Сейчасъ подаютъ!—сказалъ онъ, запыхавшись: — насилу добудился.

Этотъ сторожъ, впервые извѣстившій меня о нежданной радости, которую «Господь послалъ» въ наши вѣчно полуголодныя мѣста, и далъ мнѣ возможность хоть немножечко освѣтлѣть душой,—вновь направилъ мои мысли отъ «мрака къ свѣту», вновь заставилъ радостно думать о томъ, какъ урожай развеселитъ наши мѣста и людей нашихъ мѣстъ.

Меня онъ уже развеселилъ: развѣ не весело, что вотъ на этой платформѣ нѣтъ полуголодной толпы, рвущей «на части» проѣзжающаго, отъ котораго дастъ Богъ заработать два двугривенныхъ! Какія фигуры тутъ толпились, рвали проѣзжающаго, клянчили или такъ мерзли «безъ работы» по цѣлымъ ночамъ, корчась отъ холода въ жениной кацавейкѣ,—а теперь всей этой рвани нѣтъ и слѣда! Урожай, такъ сказать, какъ корова, языкомъ слизнулъ его съ платформы. Ужъ и храпятъ же теперь эти назябшіе люди! За сто рублей не добудиться!

Скоро послышались бубенчики, сторожъ взялъ мои вещи,— и опять урожай развеселилъ меня. На козлахъ телѣжки сидѣлъ не работникъ Кузьмы Демьяныча, а самъ Кузьма Демьянычъ, лавочникъ и, несомнѣнно, будущій церковный староста и «попечитель».

— Кузьма Демьянычъ! — воскликнулъ я. — Что̀ же это означаетъ?

— Ха-ха-ха!—засмѣялся Кузьма Демьянычъ.—Ужъ что̀ дѣлать... Пришлось старину вспомнить... запрягать-то лѣтъ пятнадцать не запрягалъ — думаю, нельзя сусѣда бросать на плацформѣ...

— Да что̀ же вы сами-то?

— Да народу-то нисколько нѣту! Народъ - то разбѣжавши... Такой урожай Господь далъ — всѣ ко дворамъ шаркнули... У меня пятнадцать лѣтъ одинъ здѣшній же мужикъ, Ѳедоръ, жилъ, совсѣмъ-было къ нашему дому присоединился... и тутъ какъ съ хлѣбомъ-то пошло, какъ пошло—смотрю, чернѣетъ мой малый, пучитъ его нелегкая, что̀ ни скажешь—коситъ глазищами... Догадала меня нелегкая пикнуть ему:—«что-то, Ѳедя, будто бы нонѣшняго числа ты не вполнѣ опрятно потомпаковый самоваръ вычистилъ?..» Такъ словъ-то еще я моихъ не досказалъ, какъ рванетъ онъ себя за фартукъ изъ-подъ шеи — разъ! объ полъ его! затѣмъ пинжакъ тѣмъ же манеромъ—разъ! только пуговицы по полу разлетѣлись, и въ окончаніе съ

одной и съ другой ноги сапоги черезъ всю комнату пустилъ. — «Подавай расчетъ! Стану я твои самовары чистить! Обо мнѣ дома коса плачетъ! Давай расчетъ!..» Такъ и убѣгъ. Вотъ теперь и пришлось на старости лѣтъ самому запрягать... Дугу-то забылъ какъ установить—вотъ какое дѣло!.. Ха-ха-ха! Извольте садиться! Ужъ уважилъ насъ Создатель—на рѣдкость!..

Поѣхали. Но поѣхали весьма тихимъ шагомъ. Кузьма Демьянычъ поминутно билъ лошадь кнутомъ, чмокалъ и дергалъ вожжами; но лошадь не бѣжала, а какъ-то гордо шла, хотя и не забывала вильнуть хвостомъ всякій разъ, когда Демьянычъ вытягивалъ ее кнутомъ.

— И скотина-то вся умаявши!—говорилъ Кузьма Демьянычъ, какъ по камню колотя по неподвижной лошади кнутомъ.—У меня тутъ арендована земля, такъ и посейчасъ съ поля не убрались, а всю животину измаялъ... Она пойдетъ, разойдется, — а только что дѣйствительно притомивши... Такую Господь послалъ комиссію... Народу нѣтъ, работы выше головы, а тутъ еще хлопоты—бабушка окончила жизнь—то-есть въ самый разгаръ... Я и самъ-то съ ногъ сбился... И окончательно сказать—отъ грибовъ скончалась... Ужъ оно вѣдь всегда одно къ одному... Пошло на урожай, такъ ужъ во всѣхъ направленіяхъ. Ну, и грибовъ высыпало—видимо-невидимо... Вотъ бабушка-то и слегла... Я и спрашиваю:—«Не отъ грибовъ ли, молъ, бабынька? Скажите чистосердечно—сейчасъ докторъ будетъ». А вѣдь они, старики-то, характерные, упорные, кремневые... Заперлась, стиснулась, только цѣдитъ сквозь зубы:—«не твое дѣло, не смѣй!» Ну, а впослѣдствіи и оказалось на мое, то-есть въ полномъ смыслѣ этого слова — единственно отъ грибовъ... Накушалась... Чисто и я-то смаялся, съ ногъ сбился совсѣмъ...

Лошадь какъ будто бы, дѣйствительно, прибавила шагу...

— Ну, да и то сказать, пожила старушка на своемъ вѣку...—досказывалъ Кузьма Демьянычъ свою рѣчь.—Охъ, и крутенька была покойница! Ну, да ужъ, видно, такъ надо... Господь-то, видно, недаромъ урожай-то послалъ... Онъ вѣдь знаетъ!

— Это вы насчетъ грибовъ-то?

— Насчетъ грибовъ-съ! Ха-ха-ха! Оно, конечно, грѣхъ,— Господи, прости мое согрѣшеніе, — а что крутенька была покойница!.. Конечно, жалѣешь... да теперь и досугу-то какъ-то не хватаетъ... Ишь вонъ, сколько хлѣба-то нанесло намъ!

Кузьма Демьянычъ показалъ кнутомъ въ поле. Было уже совсѣмъ свѣтло, и сквозь низко лежавшій на поляхъ туманъ виднѣлись тѣсные и частые ряды суслоновъ. При взглядѣ на эту картину получалось то же самое живое ощущеніе, которое охватываетъ путника при видѣ многолюднаго города, издалека виднѣющагося своими миніатюрными зданіями, но уже манящаго тепломъ живой жизни, которою дышало это живое мѣсто.

Жилымъ мѣстомъ казались и поля, и вѣяло отъ нихъ живымъ тепломъ живой жизни...

Лошадь окончательно разошлась. Селезенка квакала въ ней, какъ утка въ болотѣ, и скоро мы весело распростились съ Кузьмой Демьянычемъ.

Крѣпко и, казалось, непробудно заснулъ я послѣ долгой и утомительной дороги, но «урожай» не пожалѣлъ меня и разбудилъ.

Разбудила меня паровая мельница, находящаяся какъ разъ противъ моего дома. Въ обыкновенное время мельница эта едва могла существовать; сдѣланная на два постава, она и однимъ-то работала много-много до конца января и то съ промежутками въ день, въ два и больше. Нѣмецъ, устроившій эту мельницу, горевалъ, плакался и, чтобы поправить свои дѣла, строилъ всевозможные проекты: то думалъ превратить ее въ маслобойню, то въ лѣсопилку, то просто хотѣлъ скупать дрова, хлѣбъ и т. д. Вѣроятно, и нѣмецъ бы прогорѣлъ со всѣми своими проектами, если бы Господь не послалъ ему урожая. Посмотрите, какъ все измѣнилось... Паровикъ такъ и стрѣляетъ, какъ изъ берданки, дымъ валитъ изъ обѣихъ трубъ, мучная пыль лѣзетъ изъ всѣхъ щелей; самъ мельникъ Карлъ Иванычъ, его работники Карлы и Францы, всегда до невозможности грязная кухарка, толстомордая отвратительная собака-бульдогъ—все теперь побѣлѣло, все въ мукѣ; всѣ мужики, всѣ бабы, которыя возятся со своими мѣшками, все это также бѣлое. Глядишь на нихъ, и кажется, что это статуи разбѣжались изъ скульптурнаго отдѣленія Эрмитажа и шляются въ нашихъ мѣстахъ.

Изъ моего окна все это торжество было ясно видно; весь дворъ запруженъ телѣгами съ мѣшками; мѣшки на веревкахъ поминутно поднимаются въ верхній этажъ мельницы, гдѣ какія-то эрмитажныя статуи подхватываютъ ихъ и исчезаютъ. Народъ, ожидающій очереди, лежитъ, спитъ, сидитъ цѣлою вереницею вокругъ частокола, огораживающаго мельницу...

Гляжу — идетъ знакомый мужикъ, Иванъ Ѳедоровичъ, одинъ изъ самыхъ несимпатичныхъ мнѣ мужиковъ,—человѣкъ, съ которымъ мнѣ всегда трудно говорить, потому что отъ него нельзя было добиться искренняго слова. Идетъ онъ ко мнѣ, но на этотъ разъ я чувствую, что разговоръ нашъ можетъ быть и искрененъ и простъ.

Пришелъ, помолился, поздоровался.

Одного взгляда на него было достаточно для того, чтобы во мнѣ исчезла малѣйшая тѣнь непріязненности къ нему; онъ, видимо, былъ истощенъ до невозможности; кулацкая, обыкновенно разбухшая отъ трактирныхъ чаевъ и могорычей физіономія его опала, очеловѣчилась неподдѣльнымъ утомленіемъ, и оживленные, вытрезвленные чрезмѣрнымъ трудомъ глаза совершенно потеряли ту муть и темную ложь, которыя въ прежнее время такъ непріятно отталкивали меня отъ него.

Онъ наработался, усталъ, освѣтлѣлъ и утихъ.

— Что̀, Иванъ Ѳедоровичъ,—спросилъ я:—устали?

— Ужъ и не говорите!.. — дѣйствительно едва шевеля утомленной головой, прошепталъ онъ. — Ужъ и не говорите!.. Вѣдь эку Господь послалъ намъ благодать-то!.. Совсѣмъ силовъ ничего не осталось!

Худой, точно больной, усѣлся онъ; въ огромную худую руку взялъ папироску, сразу сжегъ ее, втянувъ въ ослабѣвшую грудь огромное количество дыма, закашлялся, откашлялся и повелъ разговоръ. Разговоръ состоялъ, конечно, только въ хвалѣ Бога за урожай, за то, что можно справиться, стать на ноги, что можно отдышаться, и такъ далѣе.

— Нѣтъ, — сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, какъ-то неожиданно перерывая разговоры о томъ благополучіи, которое принесетъ урожай собственно ему и семьѣ:—вотъ теперича и Петру Сергѣичу ужъ дѣйствительно слѣдуетъ подсобить!

Петръ Сергѣевичъ былъ баринъ, сосѣдъ той деревни, изъ которой былъ Иванъ Ѳедоровичъ,—и мысль *подсобить барину*, неожиданно возникшая въ такомъ мужикѣ, какъ Иванъ, поистинѣ поразила меня.

Сколько я знаю Ивана Ѳедоровича, онъ постоянно былъ лютымъ врагомъ барина вообще и въ особенности барина, живущаго поблизости отъ мужиковъ. Онъ не различалъ хорошаго барина отъ худого, злого отъ добраго, нежаднаго отъ жаднаго; всѣ они были для него равны—враги, которыхъ надо всѣми способами истощить, одурачить, разорить, извести и сжить съ лица земли. Добрый баринъ даже

всегда казался ему болѣе удобнымъ для самаго наглаго одурачиванія. Многочисленная семья Ивана Ѳедорова была самая алчная, жадная, ненасытная; постоянная недохватка, зависть къ разживающимся кулакамъ, ненависть къ господамъ, у которыхъ въ «портмонетѣ» всегда деньги откуда-то берутся,—все это убѣдило его быть вполнѣ безжалостнымъ ко всякому барину: на охоту ли господа пріѣдутъ, или появится какой-нибудь охотникъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ,—Иванъ Ѳедоровичъ непремѣнно около барина, непремѣнно завоюетъ его довѣріе и непремѣнно безжалостно оберетъ его, истощитъ, оставитъ въ концѣ концовъ въ дуракахъ.

Петръ Сергѣевичъ, о которомъ теперь заговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, былъ баринъ изъ самыхъ добрыхъ; онъ по принципу—жить въ народѣ, съ народомъ и по-народному—переѣхалъ въ деревню, занялся хозяйствомъ, стараясь съ крестьянами жить въ самыхъ дружескихъ, товарищескихъ отношеніяхъ. «Сообща»—вотъ какъ желалъ бы онъ жить и трудиться. — «Давайте сообща дѣлать дорогу... Давайте сообща заведемъ школу... Давайте сообща наймемъ копачей, осушимъ болота» и т д. И никогда ничего не выходило изъ этихъ попытокъ, не выходило не потому, чтобы онѣ были невыгодны крестьянамъ,—напротивъ, дорога, напримѣръ, имъ была нужна,—но потому, что не дорога была для нихъ главнымъ дѣломъ, а только стремленіе искоренить барина. Пусть онъ побьется съ дорогой, пусть его возы съ сѣномъ завязнутъ въ болотѣ, пусть у него земля лежитъ даромъ — небось, поживетъ-поживетъ въ пустую, потратитъ самъ свои деньги и на дорогу и на канаву, разорится, уѣдетъ... а какъ уѣдетъ—тутъ и хозяйствуй въ лѣсу, руби, продавай дрова и т. д. Иванъ Ѳедоровичъ былъ изъ самыхъ главныхъ воротилъ міра, настраивая его именно въ этомъ тонѣ, и вотъ теперь этотъ самый Иванъ Ѳедоровичъ, который уже давно ожесточилъ противъ себя добраго Петра Сергѣевича, вдругъ заговорилъ такія рѣчи:

— Надобно! Давно надобно подсобить Петру Сергѣичу! И ему будетъ хорошо, и намъ будетъ лучше не надо.

— Давно-давно вамъ надо дорогу!

— Да какъ же! Помилуйте! Да какъ безъ дороги-то?

— Вотъ объ этомъ и рѣчь была!

— Да какъ же безъ дороги-то? Что же мнѣ нешто лучше, ежели я скотину замучаю?..

— Объ этомъ давно говорено!

— И справедливо! Что же мнѣ мучить скотину, когда мнѣ много лучше, ежели она въ силѣ?

— Да объ этомъ сто разъ...

Не слушая меня, Иванъ Ѳедоровичъ, лютый врагъ всякихъ «сообща», теперь, напротивъ, неудержимо развивалъ тѣ самые товарищескіе, «сусѣдскіе» взгляды, вѣру въ которые онъ же самъ главнымъ образомъ и подорвалъ въ Петрѣ Сергѣевичѣ. Теперь, когда недохватки нѣтъ, когда она не грозитъ ему цѣлыхъ два года, вдругъ проснулась въ немъ просто мысль человѣческая, проснулся простой, не угнетаемый ни жадностью, ни злобой, ни нуждой здравый смыслъ; потеплѣло холодное сердце, и само собой родилось душевное желаніе жить съ людьми по-людски, по-хорошему, по-товарищески, жить такъ, чтобы между людьми не было зла... Своими глазами я видѣлъ это перерожденіе злого человѣка въ добраго; жалѣлъ я, что мы всѣ, стоящіе надъ мужикомъ, въ общемъ дѣлаемъ, кажется, совсѣмъ обратное тому, что сдѣлалъ урожай случайно и всего-то на два года, но все-таки не скучно было у меня на душѣ въ этотъ первый день урожая.

Мельница гудѣла и день и ночь. До бѣла свѣта дѣвки такъ визжали свои пѣсни, какъ будто бы ихъ живыми зарывали въ землю или жгли раскаленнымъ желѣзомъ. Пьяные мужики сваливались съ возовъ въ канавы не иначе, какъ въ обществѣ мѣшка съ новой мукой, и храпѣли тамъ, уткнувшись уже не въ грязь лицомъ, а въ муку, въ хлѣбъ... И то хорошо!..

Словомъ, первый день урожая много доставилъ мнѣ удовольствія, а что будетъ дальше — о томъ разскажу своевременно.

VI. Петькина карьера.

Въ этотъ же пріѣздъ въ деревню были у меня неожиданности и не только по случаю «урожая».

Вотъ, напримѣръ, Петька—маленькій нищій мальчонка—также весьма удивилъ меня неожиданной перемѣной въ его жизни.

Смотрѣлъ я на Петьку и дивился—на немъ новый картузъ въ сорокъ копеекъ, каляная ситцевая рубашка, а са-

ноги хотя и отцовскіе, но посмотрите и полюбуйтесь, съ какою необыкновенною развязностью отставляетъ онъ ногу въ этомъ неуклюжемъ отцовскомъ сапогѣ, полюбуйтесь, съ какою ловкостью фабричнаго щелкаетъ онъ сѣмечки, какъ небрежно, фатовски выплевываетъ направо и налѣво скорлупу!

Право, Петька рѣшительно неузнаваемъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ, т.-е. года полтора тому назадъ.

Главное, что̀ меня заинтересовало въ Петькѣ, это не картузъ и не каляная рубашка, а именно подъемъ духа, нравственное перерожденіе, которыхъ я никакъ не могъ объяснить себѣ. «Какая сила переродила забитаго, загнаннаго, пришибленнаго Петьку и вдохнула въ него душу живую?»—спрашивалъ я себя и, не находя отвѣта, обратился за разрѣшеніемъ вопроса къ одному изъ крестьянскихъ мальчиковъ, игравшихъ въ «рюхи» посреди лужайки, въ то время, когда я и Петька были посторонними зрителями этой игры.

— Ѳедя!—сказалъ я:—какой нашъ Петька-то сталъ!

— А ты какъ думалъ! Онъ, Петька-то, теперь деньги зарабатываетъ!

— Какимъ образомъ?

— Спички дѣлаетъ! Онъ теперь, Петька-то, фабричный сталъ! Ишь форситъ! Свои деньги у него! Ишь сѣмечекъ-то сколько! То и дѣло по карманамъ шаритъ, точно милліонщикъ.

Петька покосился въ нашу сторону, поглядѣлъ на насъ, и поглядѣлъ такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «а мнѣ наплевать», и, изогнувшись набокъ, запустилъ руку глубоко въ карманъ, а затѣмъ, поплевывая шелуху, продолжалъ забавлять себя зрѣлищемъ игры своихъ сверстниковъ.

«Наконецъ! — подумалось мнѣ: — наконецъ и бѣдный Петька выбрался на свою дорогу! Нашелъ путь къ своей, Петькиной, карьерѣ!»

Онъ теперь, очевидно,—навѣки фабричный, машинный человѣкъ! Да и чѣмъ бы онъ былъ, бѣдняга, если бы не пришелъ какой-то шведскій человѣкъ и не подобралъ этихъ Петекъ, этихъ лишнихъ людей крестьянства?

Скучно, страшно, холодно въ захудаломъ дворянскомъ домѣ, въ захудалой дворянской семьѣ, но въ захудалой крестьянской семьѣ страшно и холодно до ужаса! Какая угнетающая душу и мысль тоска и пустота, а главное—безсмыслица вѣетъ отъ этого хлама, которой тамъ и сямъ валяется на разоренномъ дворѣ? Что̀ такое означаютъ эти

старыя оглобли, эти два сломанныхъ колеса, эта бочка разсохшаяся и развалившаяся? Зачѣмъ этотъ пустой хлѣвъ, эти ворота на одной петлѣ, эти пустыя кадки, шайки съ признаками корма и слѣдами капусты? Въ домѣ нѣтъ *силы,* нѣтъ тепла, цѣли въ трудѣ, и весь этотъ хламъ ужасаетъ своею безсмыслицею, тяжеловѣсностью, топорностью, а главное—полнѣйшею невозможностью найти въ своемъ сознаніи какую-нибудь связь бездушнаго хлама съ удручающимъ испугомъ предъ жизнью, предъ бѣлымъ днемъ, предъ каждымъ живымъ человѣкомъ?

Петькинъ дворъ и Петькина семья были, на моей памяти, именно такими захудалыми. Не было въ домѣ *силы на крестьянство;* были у Петьки и отецъ и мать, но не задалась ихъ совмѣстная жизнь. Не было въ Петькиномъ отцѣ силы и страсти поднять «крестьянство». Его худое, долговязое, безсильное тѣло не было согрѣто необходимымъ для крестьянства запасомъ огня, горячей страстью преодолѣть, совладать съ огромнѣйшимъ дѣломъ; онъ былъ какой-то простывшій, а главное—самъ отлично зналъ, что въ немъ нѣтъ силы, тепла, и былъ поэтому злой, недовольный всегда; онъ зналъ, что жена его, женщина двужильная, огненная, неоцѣненная для кипучей работы, должна съ нимъ только измаяться, исчахнуть, «избиться» безъ толку, разорваться на части, ничего не сдѣлавъ путнаго... И онъ едва ли не со дня своей женитьбы «чуялъ» всѣмъ существомъ своимъ, что изъ совмѣстной жизни ихъ ничего «не выйдетъ». Да не только чуялъ, онъ зналъ это твердо, и съ сердцемъ глядѣлъ, какъ огненная сила его бабы тратится въ пустыхъ амбарахъ, гремитъ въ пустыхъ горшкахъ и бочкахъ... «Не выйдетъ!»—Этого не забывалъ онъ ни на минуту и голодный, «пахнувшій» водкой, былъ постоянно злобенъ: и тогда, когда его баба рожала, и тогда, когда она хоронила, и тогда, когда радовалась теленку, и когда металась, какъ полоумная, въ минуты полнѣйшей нищеты. Онъ не билъ бабы даже въ пьяномъ видѣ, но постоянно носилъ съ собою холодное отчаяніе, холодное презрѣніе ко всевозможнымъ усиліямъ своей бабы оживить холодный и пустой домъ. Страшно было смотрѣть на эту рослую, черноволосую, когда-то красивую женщину; она, очевидно, дѣйствительно потеряла возможность понимать свое существованіе; глаза ея широко раскрыты, волоса растрепаны, грудь ея разстегнута, и въ такомъ видѣ она мечется и по дому и по деревнѣ, выпрашивая пучокъ луку и таская въ обѣихъ

рукахъ по ребенку. Всегда она босикомъ, и даже не въ ситцевой юбкѣ «по-нонѣшнему», а въ матерниной, домотканной паневѣ, точно явилась съ того свѣта. И эту-то огневую бабу непрестанно «ополоумливалъ», такъ сказать, ея долговязый, холодный мужъ, замерзшій внутренно для всякой надежды жить по-крестьянски. А если нѣтъ въ крестьянскомъ домѣ силы и огня для того, чтобы былъ въ ходу весь механизмъ крестьянской жизни,—что̀ же тамъ остается? Обездушено и обезсмыслено все до послѣдняго котенка... Все не имѣетъ смысла, и жизнь ужасна непроглядным ужасомъ безсмыслицы...

Петькинъ отецъ плотничалъ, но всегда случалось какъ-то такъ, что работа ему выпадала въ самое неподходящее время. Всякую «настоящую» работу обыкновенно успѣваютъ передѣлать за лѣто плотники пришлые, люди, знающіе свое дѣло. Петькину отцу всегда доставалось то, что̀ не успѣли передѣлать плотники заправскіе, т.-е. мелочи и пустяки: вставить въ окно косякъ, исправить крышу, починить погребъ. И всегда эта недодѣланная работа додѣлывалась въ самое неблагопріятное время: осенью, въ холодъ, въ морозъ, въ дождь и вѣтеръ. Сердитый осенній вѣтеръ и сердитый Петькинъ отецъ—оба какъ на грѣхъ всегда встрѣчались вмѣстѣ на ничтожномъ осеннемъ заработкѣ; морозъ точно нарочно сковываетъ и безъ того безсильныя руки Петькина отца, и Петькинъ отецъ со злобой кое-какъ тяпаетъ топоромъ по дереву, ругая это дерево самыми отборными словами, а въ отвѣтъ на эти ругательства вѣтеръ вырываетъ изъ-подъ безсильнаго топора и самое бревно. «Чортъ! — слышится на такой работѣ: — дьяволъ тебя возьми». — «Ишь, чортъ!» — говоритъ мужикъ, нанявшій Петькина отца, глядя на его нескладную работу.—«Ишь, лысый чортъ!—ворчитъ Петькинъ отецъ, косясь на мужика-заказчика:—за полтинникъ тебѣ столярную работу подавай!» И, сдѣлавши работу скверно, обруганный хозяиномъ и обругавшій хозяина въ свою очередь, Петькинъ отецъ съ бранью пьетъ въ кабакѣ косушку, съ бранью идетъ домой и въ холодной избѣ, самъ весь холодный и голодный, сердито дышитъ холодной сивухой, ругаясь на всѣхъ и вся и лежа на холодной печи.

На такой именно нескладной и скверной работѣ Петькина отца увидала впервые Петьку наша учительница. Гуляла она съ дѣтьми въ холодный, морозный день и смотрѣла, какъ Петькинъ отецъ ругается на какое-то дерево, которое

не поддается тупому топору, и какъ онъ съ сердцемъ плюетъ на топоръ, который не рубитъ. Тутъ же стоялъ и смотрѣлъ на работу своего отца и Петька. Онъ былъ одѣтъ въ лохмотья, лицо у него было зеленое, тощее и сердитое.

Два дня работалъ у насъ Петькинъ отецъ, и Петька постоянно толкался около него, щепки подбиралъ. Но и послѣ того, какъ Петькинъ отецъ, по обыкновенію, сдѣлавъ работу скверно, «разругался» и ушелъ,—Петька продолжалъ являться на то мѣсто, гдѣ работалъ отецъ и гдѣ валялись щепки. Жалко было смотрѣть на него, маленькаго, рванаго, озяблаго, а главное—сердитаго, «несимпатичнаго».

— Послушай, мальчикъ!—сказала ему однажды учительница черезъ отворенную форточку.—Холодно тебѣ?

— Нѣ!—отвѣтилъ Петька сердито и не сразу, а помолчавъ.

— Какъ «нѣ»? Видишь, какъ ты плохо одѣтъ... Что̀, мать-то любитъ тебя?

Сердито отпихнулся Петька въ правый бокъ и сердито сказалъ:

— Нѣ!

— А отецъ?

И въ лѣвую сторону Петька пихнулъ себя сердито и еще сердитѣе сказалъ:

— Н-нѣ!

— А ты кого любишь?

Петька только носъ утеръ рваным рукавомъ.

— Стало-быть, тебя никто не любитъ?

Ничего не отвѣчалъ Петька.

— Хочешь, я тебя буду любить?

Петька молчалъ.

— Въ гости ко мнѣ будешь ходить... а? Хочешь? Разсказывать тебѣ буду... а? Гостинцевъ дамъ...

Много всякихъ благъ насулила учительница Петькѣ и въ концѣ концовъ достигла цѣли.

— Н-ну,—началъ Петька непривѣтливымъ и суровымъ голосомъ, неохотно и медленно поворачивая голову къ форточкѣ:—н-ну... люби... когда хошь!

«Когда хошь» въ устахъ Петьки было то же самое, что̀ въ устахъ его отца было: «чортъ!», «дьяволъ!»—слова, которыми онъ вслухъ или про себя всегда заканчивалъ какъ начало неудачной работы, такъ и ея всегда неудачное окончаніе.

И съ этого дня Петька сталъ ходить къ намъ въ гости, вмѣстѣ съ другими деревенскими мальчиками, но между

нимъ, захудалымъ потомкомъ захудалаго крестьянскаго рода, и другими, настоящими крестьянскими ребятишками, являвшимися «погостить» прямо съ работы, съ мельницы, изъ лѣсу, съ сѣнокоса,—была неизмѣримая разница.

Настоящій крестьянскій ребенокъ не застѣнчивъ и не робокъ; онъ входитъ «къ господамъ» безъ всякаго подобострастія или зависти, а такъ же свободно, просто и единственно только съ любопытствомъ пытливаго человѣка, съ какимъ онъ входитъ въ лѣсъ, удивляясь, наблюдая и изучая все, останавливающее его вниманіе; въ комнатахъ господъ съ картинами, цвѣтами, книгами онъ такъ же чувствуетъ себя только наблюдателемъ любопытнаго, какъ и тогда, когда онъ, засучивши штанишки, идетъ въ рѣчку, не зная, глубоко тамъ или мелко, но идетъ все дальше и дальше, хватая по дорогѣ какую-то рыбку, вытаскивая изъ-подъ подошвы рака и разсматривая его со всевозможнымъ вниманіемъ. Точно такъ же независимо, свободно и просто, повинуясь единственно любопытству, ведутъ себя настоящіе крестьяне-дѣти и въ гостяхъ у господъ. Разсматриваютъ книжки, дѣлаютъ откровенныя замѣчанія о картинкахъ, словомъ, «любопытствуютъ». Не такъ велъ себя и не то ощущалъ на душѣ Петька, появляясь у насъ въ гостяхъ. Онъ, какъ и отецъ его, чувствовалъ себя какъ бы выходцемъ изъ пустого мѣста, не отъ дома, не отъ дѣла, а именно изъ пустого, холоднаго мѣста; и онъ картинки разсматривалъ, но въ душѣ у него ощущалось только отцовское отчаяніе. «Не надо!»—говорило его зеленое, истощенное, непривѣтливое лицо... «Смотри не смотри,—казалось, постоянно думалъ онъ:—а толку никакого нѣтъ и не будетъ!» И гостинцы онъ ѣлъ, какъ и всѣ, но эти «всѣ» обогащались новымъ ощущеніемъ вкуса: «скусно, скуснѣй земляники!» Петька же съѣдалъ безъ всякихъ обобщеній и умозаключеній, а такъ, зря, безъ толку и удовольствія. Ходилъ онъ къ намъ часто, но постоянно былъ недоволенъ, постоянно у него было мрачное лицо, постоянно онъ смотрѣлъ какъ-то наискось въ землю и, видимо, былъ одновременно и сердитъ, и огорченъ, и чувствовалъ въ душѣ отчаяніе и злость.

Приготовлялись дѣлать елку. Куча ребятишекъ клеила коробочки, вырѣзывала звѣзды. Суета между ребятами шла самая оживленная. Петька также присутствовалъ среди ребятъ, присаживался къ нимъ то тамъ, то сямъ, медленно переходилъ съ одного мѣста на другое, тяжело стуча по полу своими неуклюжими сапогами, но не слышно было,

чтобы кто-нибудь позвалъ его, крикнулъ: «Петька! иди! подсоби!» Нѣтъ, никто въ немъ не нуждался. Петька былъ одинокъ. Какъ онъ пришелъ, что̀ дѣлалъ и какъ ушелъ,— никто не видѣлъ, не замѣтилъ, и вообще никто не обратилъ на него вниманія.

Но когда всѣ разошлись, оказалось, что исчезли десять рублей, лежавшіе гдѣ-то на столѣ. Сразу подумали почему-то на Петьку. Особенно тщательно изслѣдовала дѣло прислуга, не желавшая, чтобы на ней лежала тѣнь подозрѣнія. Общій голосъ и подробныя разслѣдованія прислуги окончательно убѣдили всѣхъ, что деньги укралъ Петька.

Ни самъ Петька, никто изъ Петькиной семьи не протестовалъ громко противъ этого обвиненія. Только Петькинъ отецъ какъ будто еще больше ожесточился, при встрѣчѣ пересталъ кланяться и, проходя мимо нашего дома (увы! въ *новомъ* картузѣ), смотрѣлъ на него ожесточенными глазами. Самъ Петька скрылся и долго не выходилъ на улицу. Гдѣ-нибудь на задворкахъ онъ одиноко копался въ разномъ мусорѣ и сердился на насъ.

Прошелъ годъ, совершенно забыли о Петькѣ. Вдругъ совсѣмъ неожиданно, какъ разъ передъ елкой, является растерзанная Петькина мать. Эта, теперь больная, но когда-то могучая женщина прибѣжала, по обыкновенію, вся запыхавшись, съ «ополоумѣвшими» глазами, съ раскрывшейся грудью, въ распахнутомъ, домотканномъ бабьемъ армякѣ, съ рваными рукавами и подоломъ, изорваннымъ до бахромы. Она прибѣжала въ первый разъ, невѣдомо зачѣмъ, и потребовала хозяйку.

— На̀, возьми моего пѣтуна!—съ какимъ-то отчаяніемъ въ голосѣ и во всей манерѣ сказала она, выхвативъ изъ-подъ армяка тощаго стараго пѣтуха.—На̀! бери! бери, сдѣлай милость!

— За что? Зачѣмъ?

— А помнишь, ономнясь-то?.. Петька-то мой?.. А ты думаешь, много намъ изъ вашей десятки-то досталось? Родная! Всю ночь, въ ту пору, мой-то злодѣй пилъ да ѣлъ. Пироги велѣлъ печь ночью-то... рыбы принесъ... Всю ночь ѣлъ да винище жралъ, пока не повалился, какъ песъ... Шапку купилъ, рубаху... Еле у пьянаго-то трешну на ребятишекъ вытащила... На̀! бери, бери, сдѣлай такую милость! Пѣтунъ хорошій... На̀! на̀! прости насъ!..

И она, вмѣстѣ съ пѣтухомъ, повалилась въ ноги.

— Приголубь моего Петьку-то! Пущай опять ходить!.. Матушка, не оставь!

Пѣтуха возвратили Петькиной матери, а Петьку потребовали сейчасъ же въ гости.

— Иди, Петенька! Иди, мой соколикъ—звала его обрадованная мать, выбѣжавъ, сломя голову, на улицу.

Тамъ, на морозѣ, Петька дожидалъ матери. Но долго упрашивала она его, даже замахнулась кулакомъ, Петька упрямился, такъ что въ концѣ концовъ мать все-таки притащила его за рукавъ.

— Нà! Не гони его! Пущай поглядитъ!..

Петька вошелъ въ комнату, не раздѣваясь, остановился у двери, долго стоялъ — и ушелъ опять же такъ, что его не замѣтили... Теперь ужъ ничто не радовало его. На душѣ его лежало тяжелое бремя — «воръ!», и это окончательно отталкивало его отъ всѣхъ.

Съ тѣхъ поръ онъ не приходилъ къ намъ. Всякій разъ, когда на дворѣ собирались играть дѣти, и Петька также выходилъ изъ своей хибарки.

— Мальчики, позовите Петьку... Что-жъ онъ одинъ тамъ!

Мальчики зовутъ его:

— Петька! Иди! Чего сталъ!

Но Петька сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ и станетъ... Игра продолжается, а Петька все стоитъ на одномъ мѣстѣ, смотритъ издали.

Не компанія ему крестьянскія дѣти! Нѣтъ у него съ ними ничего общаго! Отъ всего онъ оторванъ и одинокъ!

И вотъ теперь одинокій, отторгнутый отъ всякой связи съ бѣлымъ свѣтомъ, Петька воскресъ! Онъ не въ сторонѣ отъ ребятъ, а тутъ, съ ними, и хоть не играетъ, но наблюдаетъ за игрой, и наблюдаетъ не только безъ огорченія, безъ обиды, но, напротивъ, поза у него такая, что заставляетъ подозрѣвать въ немъ даже смѣлость насмѣшки. Вотъ вѣдь какъ!

Какимъ же образомъ не воздать славу шведскому человѣку, спичечному фабриканту, который воскресилъ Петьку?

— Ѳедя!—позвалъ я опять знакомаго мальчика.—Скажи, пожалуйста, что̀ же Петька на фабрикѣ дѣлаетъ?

— Коробки клеитъ.

— По чемъ же ему платятъ? Ну что̀, напримѣръ, сто̀итъ одна коробка?

Ѳедя подумалъ и сказалъ:

— Да одна-то она ничего не сто̀итъ...

— Какъ такъ?

— Да и вовсе ничего...

— Ну, а десять коробокъ?

И опять подумалъ Ѳедя, посчиталъ въ «умѣ» и сказалъ:

— Онѣ и десять ничего не стòятъ.

— Да какъ же такъ? Вотъ я сдѣлалъ десять коробокъ— сколько я получу?

— Ничего тебѣ не дадутъ..

— Ну, это вздоръ!

— Ничего не дадутъ! Тебѣ копейку дадутъ, ежели двадцать пять сдѣлаешь. Четыре копейки сотня. Тутъ одна дѣвочка четыреста штукъ въ день одолѣваетъ,—вотъ проворная! Ну, а Петька не можетъ... Копеекъ на восемь въ сутки—ну, такъ...

Ѳедя засмѣялся.

— А ты говоришь, чего стòитъ коробка? Да она ничего не стòитъ... Вотъ какой есть товаръ!

«Восемь копеекъ въ сутки, — подумалось мнѣ: — это, конечно, маловато, но чтò же иное могло ожидать въ деревнѣ оторваннаго отъ деревни Петьку, крестьянина, лишеннаго силъ и дарованія быть крестьяниномъ? На что и кому онъ нуженъ, сердитый, безсильный? Нѣтъ, восемь копеекъ своевременно пришли къ нему на выручку и вывели его на неизбѣжный для Петьки путь.

Восемь копеекъ—это только начало Петькиной карьеры. Зайдите-ка къ шведскому человѣку, открывшему спичечную фабрику, мѣсяца этакъ черезъ два послѣ того, какъ Петька научился добывать по восьми копеекъ въ день, и вы услышите отъ него, что онъ уже вынужденъ сбавить плату съ четырехъ копеекъ на двѣ.

Почему? Да потому, что Петьки навострились выдѣлывать не по четыреста штукъ въ день, а по полторы, по двѣ тысячи. Такой день дорогъ для фабриканта, и онъ убавляетъ плату до двухъ копеекъ. И не думайте, пожалуйста, чтобы Петька подчинился этому мѣропріятію,—нѣтъ: «пусть двѣ копейки даютъ, говоритъ онъ себѣ: я буду дѣлать не двѣ, а четыре тысячи въ день!..» И будетъ дѣлать четыре, и будетъ дѣлать восемь, когда будутъ платить копейку!

Послушайте-ка, чтò говоритъ матка-то Петькина:

— Соколикъ ты мой! Вѣдь ты нашъ кормилецъ. Кабы не ты—чтò бы мы стали? Золотыя твои рученьки! Сохрани тебя Царица Небесная!.. За тобой, за родименькимъ, я и свѣтъ-то увидѣла.

— Дай, Петька, отцу-то пятакъ! — жалобно, хоть и съ

отцовскимъ правомъ поступать съ дѣтьми грубо, говоритъ Петькѣ его отецъ. — Авось и моего въ твое брюхо какъ никакъ попадало...

— На, бери пятакъ!—говоритъ Петька.

Зная все это, развѣ въ силахъ Петька, подъ какими бы ни было давленіями, отстать отъ своей работы?

Нѣтъ, это только начало! Умаявши въ деревнѣ шведскаго человѣка, Петька переберется въ Питеръ и тамъ начнетъ маять добрыхъ людей. Въ деревнѣ онъ началъ превращаться въ машиннаго человѣка, здѣсь ужъ онъ прилипъ къ машинѣ на вѣки вѣковъ: дни и ночи, мѣсяцы и годы онъ не отходитъ отъ машины,—тутъ въ ней все его существованіе, тутъ слезы и радости «мамыньки», тутъ Петькино счастье, тутъ, словомъ, вся Петькина жизнь, все содержаніе жизни, и здѣсь напряженіе силъ Петьки дойдетъ до высшей степени. Это напряженіе пробьется сквозь всевозможныя преграды: въ деревнѣ шведскій человѣкъ только сбавлялъ плату; здѣсь же, въ столицѣ, изобрѣтено ужъ множество другихъ средствъ для подавленія Петькиной жажды существованія: штрафы, начеты, переводъ съ задѣльной платы на поденную, съ поденной на задѣльную. И все-таки Петька преодолѣетъ и удивитъ своею живучестью!

Понявши, въ чемъ заключается его единственное спасеніе, онъ не будетъ жалѣть никакихъ администрацій, напротивъ, будетъ постоянно ставить ихъ въ затруднительнѣйшее положеніе. Ему нельзя жалѣть администрацій. Почитайте-ка, что̀ пишетъ изъ деревни «мамынька». Развѣ можно ему себя жалѣть? И Петька, не жалѣя себя, не жалѣетъ и администрацій. Не жалѣетъ онъ ни участковъ, которые пріемлютъ его по праздникамъ въ пьяномъ видѣ, не жалѣетъ онъ городовыхъ, которые ужъ и безъ того руки обломали съ этимъ народомъ. Надо бы его остановить въ дракѣ, свалить, связать, взвалить на извозчика и пихнуть въ темную. Не жалѣетъ онъ докторовъ, больницъ, которымъ нѣтъ отдыху отъ этихъ измученныхъ, худосочныхъ, не то пьяныхъ, не то чахоточныхъ, израненныхъ дракой, машиной, хозяйской выучкой... Вообще Петька сумѣетъ намучить за мамыньку пропасть интеллигентнаго народа. Но, несмотря на эти муки и его надоѣдливую жизнь, можно совершенно понять тѣ горючія слезы, которыя польются изъ глазъ Петькиной матери, когда наконецъ придетъ бумага, гдѣ будетъ сказано, что Петька пересталъ надоѣдать и съ экстреннымъ поѣздомъ желѣзной дороги отвезенъ на Преображенку.

— И гдѣ же ты, солнышко мое золотое? И кто же теперь меня, старую, вспомнитъ, пріютитъ... Дитятко мое!..

Я, посторонній зритель Петькиной карьеры, весьма вѣроятно, не заплачу, но на прощанье съ Петькой, припомнивъ всю его карьеру и всѣ его добрыя дѣла на пользу общества (спички, папиросы и т. д.), не могу не сказать:

— Спасибо, Петька! Царство тебѣ небесное! Поработалъ ты на всѣхъ насъ, до послѣдней капли крови. Спи, бѣдняга!

VII. «Недосугъ».

I.

...Поѣздъ, по обыкновенію, остановился около станціи въ три часа ночи; пріѣзжіе устали, иззябли и спѣшили по домамъ, забѣгая въ буфетъ выпить водки, чтобы согрѣться, забѣгая въ почтовое отдѣленіе, чтобы получить письма и газеты, въ то время, какъ артельщики таскаютъ вещи, получаютъ по квитанціямъ багажъ. Вообще всегда въ этотъ часъ на нашей станціи идетъ торопливая ходьба, торопливый разговоръ, торопливая ѣзда, шумъ, ходьба, суматоха...

— Всѣмъ вамъ, господа, жертвую по двѣсти тысячъ!— громко, во всеуслышаніе послышалось откуда-то сквозь шумъ и гамъ толкающейся толпы. Я было-повернулъ голову въ ту сторону, откуда эти слова послышались, но надо было пить водку «поскорѣй» и спѣшить... И вся публика, такъ же, какъ я, занятая своими суетливыми дѣлами, хотѣла-было обратить вниманіе на этотъ возгласъ, но за недосугомъ какъ-то не успѣла этого сдѣлать...

— Что̀ такое?—спрашивалъ иной, поднимая голову, но такъ какъ вмѣсто отвѣта артельщикъ суетъ ему въ руки багажъ, то надобно сосредоточивать свое вниманіе на багажѣ, а тѣмъ временемъ уже и забылось то, на что хотѣлъ онъ обратить вниманіе.

Торопливо выпивъ водки и закусивъ, и я также хотѣлъ-было спросить у кого-нибудь: «что̀ такое? и кто это говоритъ?»—но вниманіе мое было привлечено ужъ другимъ разговоромъ.

— Тащите вы его, дурака, отсюда! — кричалъ буфетчикъ.—Ѳедоръ! Скажи жандарму, чтобы взяли его... Говорено было не пускать.

— Такъ вѣдь ломится силомъ!..

Торопливый шумъ сильнаго и дружнаго натиска въ дверяхъ вновь побудилъ меня задать вопросъ о томъ, что̀ такое происходитъ, но едва я произнесъ:

— Скажите, пожалуйста...

Какъ ко мнѣ впопыхахъ подбѣжалъ извозчикъ и проговорилъ:

— Пожалуйте садиться!.. Поспѣшить надо... мнѣ еще одного барина въ Тифинъ везть... ужъ сдѣлайте милость...

Надо было «бѣжать» къ санямъ... На бѣгу къ повозкѣ я миновалъ толпу служителей, жандармовъ, окружавшихъ какого-то мужика, тщедушнаго (лампа слегка освѣтила его лицо), безъ шапки. Что̀ онъ говорилъ, поясняя свои слова быстрыми нервными жестами, не было слышно, а остановиться было некогда.

— Волоки, волоки его домой! — говорилъ кто-то тономъ человѣка, привыкшаго распоряжаться. — Ладно! Присылай двѣсти-то тысячъ!

И вслѣдъ за мной, когда я осторожно спускался съ обледенѣлыхъ ступеней платформы, шумно гремя саблями и торопливо и громко стуча ногами, поспѣшно прошла толпа жандармовъ и сторожей, все съ той же (теперь уже неясной отъ темноты) фигурой мужичонки по срединѣ, и, сбѣжавъ со ступеней платформы, скрылась во тьмѣ зимней ночи.

— Поволокли! — сказалъ ямщикъ, влѣзая на козла саней:—должно-быть, запрутъ гдѣ-нибудь въ казармѣ...

— Да кто это такой и что̀ такое? — спросилъ я наконецъ, когда кончились всѣ хлопоты и сани тронулись въ путь.

— Да помѣшанъ тутъ одинъ мужичонко... Всѣмъ, говоритъ, по двѣсти тысячъ рублей дамъ... Помните, я вамъ года три тому назадъ маляра рекомендовалъ?..

Не помня чужихъ хлопотъ и заботъ за своими хлопотами, я, какъ и всѣ грѣшные, свои-то хлопоты помню хорошо и при словахъ ямщика весьма отчетливо вспомнилъ, что три года тому назадъ, дѣйствительно, надобно было оклеивать комнаты въ деревенскомъ домѣ и я искалъ маляра. Вспомнилъ я комнаты, которыя нужно было оклеивать, вспомнилъ даже и обои, и рисунокъ на обояхъ, и цѣну, а маляра не вспомнилъ...

— Нѣтъ,—сказалъ я:—этого мужика у меня не было... кажется, не онъ оклеивалъ!

— Да и есть не онъ... У васъ тогда другіе перебили... онъ только сторговался, а другіе взяли работу-то!

Теперь я вспомнилъ и это обстоятельство. Точно, сначала пришелъ плюгавый мужичонко и наобѣщалъ съ три короба— юлилъ, вертѣлся, бормоталъ... А потомъ пришли еще два маляра, старикъ и молодой сынъ, раскритиковали мужичонку въ пухъ и прахъ, отрекомендовали себя съ самой лучшей стороны («даже у купца Чистоплюева отдѣлывали къ свадьбѣ залу съ панелью!»), взяли меньшую цѣну и даже, помнится, во все время работы, стоя на табуретахъ, шаркая руками по стѣнамъ и махая кистью по потолку, только и разговаривали что о мужичонкѣ...

— Ему бы только задатокъ взять, а тамъ его и съ собаками не найдешь... Онъ вотъ у курлянца взялся, такъ одного глянцу перервалъ на пять цѣлковыхъ—а потолку было всего саженей на шесть квадрату... Какъ можно! Съ неумѣлыми руками за это дѣло браться нельзя... А въ нашихъ мѣстахъ народъ какой? Понадобилась ему копейка, такъ онъ не то что за маляра себя выдастъ, а за архіерея провозгласить не постыдится... Избаловался народишко начисто!

Все это я вспомнилъ, а такъ какъ время ѣзды было праздное, то я и спросилъ ямщика отъ-нечего-дѣлать:

— Отчего же это съ нимъ?

— Да Богъ его знаетъ... Намъ недосугъ дознаваться... Видно, ужъ такъ Богу угодно... Я его путемъ-то и не зналъ... Только что иной разъ подойдетъ, попроситъ работы — ну, и рекомендуешь господамъ... а такъ чтобы касаться... И съ своимъ-то дѣломъ еле-еле управишься...

— На чемъ же онъ помѣшался-то?...

— На богатствѣ вишь... Всѣмъ, говоритъ, по двѣсти тысячъ дамъ... Храмъ выстрою... попамъ пожертвую, вѣчное чтобы поминовеніе, каждому мужику справлю хозяйство... Въ буфетъ ломится, требуетъ дорогого кушанья..

— Давно ли это съ нимъ?

— А Богъ его знаетъ!.. Недосужно намъ мѣшаться въ чужія дѣла... своего много...

— Да вѣдь онъ вашъ?

— Нашъ-то нашъ... Да вѣдь у насъ много всякаго народу...

Въ это время сани круто повернули на старое московское шоссе; сильный вѣтеръ мерзлымъ колючимъ снѣгомъ ударилъ прямо въ лицо и мнѣ и ямщику; ямщикъ замолчалъ и закрылся рукавицей; я закрылся шубой, высоко поднявъ воротникъ. Оба мы замолчали, молча доѣхали домой, совершенно забывъ маляра, и, проснувшись утромъ,

я (да и ямщикъ также) уже совершенно не помнили вчерашняго дня... Насталъ новый день, новыя хлопоты, новый недосугъ...

II.

Недосугъ за недосугомъ, забота за заботой — и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, и тѣмъ меньше возможности останавливать вниманіе не на личныхъ только хлопотахъ... Сидѣлъ я такъ-то однажды дома и пробовалъ «заняться чтеніемъ». Давно уже, лѣтъ пять назадъ, надо было «проштудировать» одно серьезное сочиненіе въ пяти большихъ томахъ, да все недосугъ... «То тò, то другое». Такъ и на этотъ разъ: проснувшись утромъ, я твердо рѣшилъ весь день посвятить чтенію «серьезнаго сочиненія»; проворно всталъ, взялъ и отточилъ ножъ столовый (костяной ножикъ остался въ городѣ), чтобы сначала разрѣзать для удобства чтенія *всѣ томы*, и тотчасъ бы принялся за дѣло, если бы не чувствовалъ, что меня безпокоитъ какая-то «малость». Только бы, казалось, устранить эту малость, и тогда можно приняться за дѣло серьезно и основательно... Но по обилію всякихъ домашнихъ малостей я нескоро бы догадался, которая изъ нихъ препятствуетъ мнѣ приступить къ серьезному занятію, если бы на выручку мнѣ не явилась старуха-кухарка.

— Что-жъ, будемъ мыть полы-то?.. Тамъ женщина пришла, проситъ работы...

— Мыть, мыть!—радостно завопилъ я, увидавъ съ полнѣйшею ясностью, что мытье половъ и есть именно та «малость», которую необходимо устранить, чтобы наконецъ основательно сосредоточиться на чтеніи серьезнаго сочиненія въ пяти томахъ. Въ виду этого я просилъ старуху-кухарку какъ можно скорѣе приступить къ мытью, а пока рѣшилъ повременить разрѣзывать томы и побыть такъ, безъ дѣла, пока кончится вся эта возня.

Скоро явилась баба и принялась за работу, и работа была до такой степени артистическая, что рѣшительно нельзя было ею не любоваться. Женщина была красивая, ловкая, хотя уже, видимо, потерпѣвшая и поголодавшая на своемъ вѣку; но, несмотря на лохмотья, въ которые она была одѣта, на грязную работу, которую дѣлала, во всѣхъ ея движеніяхъ, даже въ манерѣ нести грязное ведро сказывалось ея природное изящество и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательное искусство труда. Стòитъ ей налить воды на

грязныя доски крыльца и провести по мокрой грязной доскѣ грязною тряпкой, какъ доска эта дѣлалась бѣлѣе снѣга. Достаточно было мелькомъ видѣть эту работу, эту женщину и ея манеру, чтобъ деревенскій, опытный въ деревенскихъ талантахъ глазъ оцѣнилъ неоцѣненныя качества такой бабы.

Работа была кончена чрезвычайно быстро. Баба ушла, получивъ расчетъ. Слѣдовало бы немедленно взять «серьезное сочиненіе», столовый ножъ и приступить къ серьезному занятію, но я, прежде чѣмъ сдѣлать все это, почему-то счелъ нужнымъ предварительно поговорить со старухой-кухаркой.

— Кто такая эта женщина?

— Да это тутъ одна вдова...

— Здѣшняя?

— Знамо, здѣшняя... Мужъ-отъ у нея померъ недавно въ больницѣ, въ сумасшедшемъ домѣ. Помѣшался на деньгахъ—всѣмъ, говоритъ, по двѣсти тысячъ награды дамъ... А недавно и кончился въ больницѣ. Ну, вотъ она и бьется теперь... Чай, помнишь, какъ домъ-отъ вздумалъ обоемъ обивать, такъ маляръ къ тебѣ напрашивался?.. Годовъ пять, что ли, никакъ будетъ?..

(Старуха жила у меня съ незапамятныхъ временъ).

И вотъ опять, чрезъ пять лѣтъ, всплыла въ воспоминаніяхъ моихъ тщедушная фигура маляра, всплыла случайно, какъ обыкновенно всплываютъ въ нашей памяти, памяти людей, поглощенныхъ *своимъ недосугомъ*, тысячи случайностей чужой жизни,—случайностей, никогда почти не уясняемыхъ, а остающихся въ видѣ какихъ-то обрывковъ чужой жизни, затемняемой мелочами того же личнаго недосуга. Какъ только старуха вспомнила о томъ времени, когда я вздумалъ «обоемъ обивать» свой домъ, такъ я опять вспомнилъ и обои, и цвѣты на обояхъ, и цѣну, вспомнилъ и тщедушнаго маляра, который извивался передо мною, чтобы получить работу, вспомнилъ и тѣхъ двухъ маляровъ, которые эту работу перехватили у него.

— Да, да,—сказалъ я кухаркѣ:—помню. Это тогда онъ пришелъ первымъ... а потомъ пришли другіе?..

— Ну-ну!.. Это тогда его родной отецъ со своимъ сыномъ работу отъ его отбилъ...

— Какъ родной отецъ?

— И-и! Такой звѣрь дикій, да хуже еще!..

— Какъ же это? Я и не зналъ, что его отецъ.

— Идѣ-жъ тебѣ знать! И мы-то здѣсь ужъ завсегда живемъ и то, почитай, не знаемъ... Онъ, покойникъ-то, отъ первой жены его сынъ-то... Покуда жива была мать, то-есть первая жена, и отецъ это не такой былъ звѣрище... А ужъ мать-то какъ его любила, баловала, няньчилась!.. Нѣжный былъ ребенокъ, чувствительный. И отецъ-то въ ту пору другой былъ—все, бывало, съ сынишкомъ на работу свою малярную ходитъ, обучилъ его своему мастерству рано... Ну, а какъ умерла мать, отецъ и задумалъ жениться на другой и взялъ тоже изъ нашей деревни дѣвку... Только не дай Богъ какая вѣдьма!.. Пока своихъ дѣтей не было, еще и такъ и сякъ терпѣла пасынка, а какъ свои-то пошли — и стала его сживать со свѣту, а отецъ и вовсе этой бабѣ подвергся: что̀ она скажетъ, такъ тому и быть... Гнали-гнали малаго, искореняли-искореняли его — принужденъ былъ уйти отъ нихъ, куда глаза глядятъ... Бывало, слезами плачетъ, обливается... По крестьянству не умѣетъ, а малярное дѣло отецъ отбиваетъ; но пока не женился, все кое-какъ на одного-то хватало... А какъ оженили — такъ ужъ тутъ стало ему хоть разорваться... Жена-то у него бойкая, работящая, а ему не поспѣть по крестьянству-то за ней!.. Вотъ онъ сталъ рвать себя на части — бѣгаетъ, проситъ работы, ночей не спитъ, а родной-то отецъ его, какъ волкъ зубами, разъ да разъ за самое свѣжое мясо, оторветъ да оторвѣтъ себѣ, да еще осрамитъ сына-то родного!..

«Да, онъ его тогда очень бранилъ!»—вспомнилось мнѣ, и я сказалъ объ этомъ старухѣ.

— У-у! такой тиранище сталъ, не приведи Богъ, а сама-то, поди, какая печь огненная... Ей бы только своимъ дѣтямъ все досталось; а кто помѣшаетъ, такъ и проглотитъ безъ разговору... Вотъ онъ отъ бѣдности-то, должно-быть, и помутился... Денегъ вишь у него тьма тьмущая.

— Такъ это родной отецъ такъ съ нимъ поступалъ?

— А то какъ же? Отъ этого-то онъ и огорчился рано въ своей жизни... Легко ли дѣло — родной отецъ не щадитъ свое чадо!.. Вѣдь человѣку безъ пристанища страшно жить... Родительское слово — чего оно сто̀итъ! А тутъ на-ка что̀!.. А вѣдь онъ нѣжный-пренѣжный былъ, чувствительный!.. Рабенокъ у него родился отъ Авдотьи, такъ не надышится!.. Бѣгаетъ, работы ищетъ, а мальчонка Андрюшка на рукахъ... Вотъ и съ рабенкомъ тоже Господь его не помиловалъ! — Тутъ-то вотъ съ рабенкомъ-то какъ вышло нехорошее дѣло, тутъ-то, должно-быть, онъ въ первый разъ и крянулъ...

— А что̀ такое съ ребенкомъ было?

— Да задавили его, другъ ты мой, на отцовскихъ глазахъ!.. Жили они на квартирѣ у ямщика... Есть тутъ у насъ одинъ разбойникъ ямщикъ, Буфетовъ называется...

— Какъ же, знаю Буфетова!

— Ну, вотъ этотъ разбойникъ и задавилъ малаго... Пьянствовать любитъ, жену колотитъ, забилъ ее чуть не до смерти—вотъ онъ въ пьяномъ-то видѣ разогналъ однова тройку, вкатилъ въ ворота и переѣхалъ мальчишку, какъ есть на глазахъ у отца... Какъ стоялъ онъ, Егоръ (его Егоромъ звали), и видитъ это—такъ и упалъ мертвымъ... Оморокъ его тогда расшибъ — долго отливали водой, пока очнулся. И вотъ съ тѣхъ поръ, какъ похоронилъ мальчика, такъ что-то стало съ нимъ нескладно... Мутность какая-то въ глазахъ стала... И въ разговорѣ иной разъ непонятно что-то разговаривалъ... Ну вотъ, потомъ и захворалъ... дальше да больше...

— Такъ вотъ оно что̀!..—сообразивъ всю эту драму, невольно воскликнулъ я, начиная чувствовать къ этому дѣлу не одно только равнодушное любопытство, какъ къ обыкновенному деревенскому слуху, не имѣющему ни начала, ни конца, ни значенія.

— Да,—сказала огорченная старуха:—вотъ какое дѣло. Вотъ оно сиротство-то до чего доводитъ! И есть же такіе злодѣи родители!..

Хотѣлъ-было я спросить:

— Ну, а жена-то его какъ же теперь?

Но въ это время пришли сказать, что мужикъ привезъ дрова. Надо было пойти, сложить, смѣрить, расплатиться. Такъ прошло часа два, а потомъ насталъ вечеръ, подали самоваръ; приниматься за «серьезное сочиненіе» было уже не резонъ—цѣлый день, какъ видите, все хлопоты и недосугъ... Надобно отложить до завтра...

Съ этою мыслью я легъ спать, заснулъ и проснулся, имѣя въ перспективѣ новыя заботы, среди которыхъ нѣтъ случая вспомнить про маляра. Кухарка тоже не вспомнила—и у нея тоже недосугъ...

И маляръ исчезъ изъ нашихъ воспоминаній безъ слѣда.

III.

А время идетъ своимъ чередомъ и идетъ такъ, что намъ, деревенскимъ жителямъ, вовсе незамѣтно, какъ годъ уходитъ за годомъ, словно таетъ, не оставляя о прошломъ ни-

какихъ воспоминаній и сосредоточивая вниманіе деревенскаго жителя только на заботахъ настоящаго дня. Сегодня мы не знаемъ, что̀ будетъ завтра, а завтра не будетъ того, что̀ сегодня,—вчерашній день нынѣшнему не указчикъ. У меня вотъ вчера еще не было одной лишней заботы, а сегодня есть: стали куры ходить въ клубнику и ягоды клевать, и такое меня «взяло зло» на куръ, что я даже и не подозрѣвалъ. Обыкновенно куры у меня ходили на полной свободѣ, но пришло мнѣ на мысль развести клубнику (сосѣдъ-мужикъ предложилъ усовъ клубничныхъ). «Польстился» я на эти усы, посадилъ, а теперь и самъ не радъ—куръ развелось множество, и все съ цыплятами, и клубнику Господь уродилъ богатѣйшую—вотъ и не смыкай глазъ всю ночь, потому что, чуть солнышко взошло, ужъ насѣдки съ цыплятами пробираются къ клубничнымъ грядамъ... И что̀ мнѣ клубника? А вѣдь не утерпишь, выскочишь въ чемъ есть, и вѣдь какую войну затѣешь съ курами-то! Терроръ, сущій терроръ! Ожесточишься на безсмысленно мечущуюся насѣдку, на старуху-кухарку, которая не смотритъ, а жалованье получаетъ,—взволнуешься негодованіемъ на народное невѣжество, неблагодарность и вообще дойдешь до самаго настоящаго раздраженія. И вѣдь не дорога мнѣ клубника-то,—вотъ вы о чемъ подумайте, — а такая ужъ привычка къ своимъ заботамъ, все беретъ за сердце и безпокоитъ.

Такъ и идетъ жизнь: не знаю, зачѣмъ «польстился» на клубнику и нажилъ безпокойство съ курами; безпокоился-безпокоился съ курами, пришелъ къ мысли — огородить огородъ частымъ тыномъ, — новая забота, опять безпокойство: тынъ по самому малому расчету долженъ обойтись въ тридцать рублей, чего и куры-то вмѣстѣ съ клубникой не сто̀ятъ, а между тѣмъ обо всемъ этомъ надо думать и безпокоиться. Скрѣпя сердце, однакожъ пришлось рѣшиться дѣлать тынъ. Не бросать же куръ и гряды зря! Если бросать, такъ должно бросить и все прочее, изъ чего вырастаетъ наше ежедневное деревенское безпокойство: и капусту, и лукъ, и сѣно, и свинью, — да все, все вздоръ и дрянь; а бросишь, такъ и живи въ безвоздушномъ пространствѣ... Да тогда зачѣмъ и жить-то въ деревнѣ?

Одно горе изживешь—другое ѣдетъ навстрѣчу. Порѣшилъ я дѣлать этотъ тынъ и немного успокоился. Думаю, недолго куры мнѣ напортятъ на грядкахъ, потому что Иванъ Кузьминъ, нашъ однодеревенецъ, мой должникъ на цѣлыхъ

восемь рублей, «безпремѣнно» обѣщалъ привезти для тына прутняку и кольевъ. Помню, даже самъ просилъ меня никому другому не отдавать: — «Мы съ Андрюшкой духомъ оборудуемъ!..»—«Когда же?»—говорю.—«Вотъ одна минута... опослѣзавтра безпремѣнно». Послѣзавтра Богъ далъ хорошую погоду—не пріѣхалъ Иванъ, а я хоть поволновался, но долженъ былъ извинить: надо пользоваться погодой—сѣнокосъ... «То тò, то другое» — и недѣля прошла; вспомнилъ я о тынѣ—опять разсердился и на куръ, и на клубнику, и на Ивана: все волнуетъ и выводитъ изъ терпѣнія... Сто разъ я костилъ этого Ивана самыми неприступными словами и не щадя обрушивалъ ихъ и на куръ, и на клубнику, и на старуху-кухарку. Наконецъ, подъ угрозою не ждать и отдать работу другому, Иванъ «забожился мнѣ всѣми святыми», что завтрашняго числа «безпремѣнно все оборудуемъ...» Знаю давно я эти «безпремѣнно», «завтрашняго числа», знаю я, чтò значатъ эти слова въ устахъ мужика, который задолжалъ восемь рублей и долженъ ихъ отрабатывать... Хоть Иванъ и изъ порядочныхъ, а все меня безпокоило — ну-ка опять надуетъ!.. Обѣщалъ онъ пріѣхать «утресь», къ седьмому часу, а я, тревожимый заботой ожиданія, проснулся уже и вышелъ въ садъ въ шесть часовъ и безпокойно ожидалъ семи часовъ. Пробило семь—нѣтъ Ивана... Пробило двѣнадцать — нѣтъ Ивана... Три часа—нѣтъ!.. Словомъ, передать это состояніе невозможно! Скажу одно, что къ шести часамъ я положительно былъ внѣ себя, и не знаю, до какихъ размѣровъ достигло бы мое нервное разстройство, если бы въ семь часовъ Иванъ наконецъ не подъѣхалъ къ моимъ воротамъ, сидя на огромномъ возу прутняка.

Его виновный видъ, потное запыхавшееся лицо — все вмѣстѣ ясно доказывающее сознаніе имъ своей виновности и старанье загладить проступокъ — значительно успокоили меня. Я пересталъ волноваться и чувствовалъ только сильную физическую слабость...

Я сидѣлъ на крыльцѣ, и когда возъ съ прутнякомъ въѣхалъ на дворъ, Иванъ подошелъ ко мнѣ и, слявъ шапку, извинился.

— Ужъ вы извините, сдѣлайте милость... Я бы и радостью радъ, да вѣдь чтò подѣлаешь? Выбрали въ волостные судьи и проморили до третьяго часу... Ужъ я потомъ, не ѣмши, въ лѣсъ-то поѣхалъ...

Я совершенно смягчился, сказалъ:—«Ну ладно! Отдохни!» и далъ ему папиросу.

Иванъ присѣлъ на крыльцо.

— Отчего же такъ долго-то?—спросилъ я.

— Да дѣловъ накопивши за лѣто много!

— У нихъ дѣловъ много!—иронически сказала старуха-кухарка, также отдыхавшая на кухонномъ крыльцѣ неподалеку отъ меня.—Не покладаючи рукъ мужиковъ дерутъ!.. Судьи праведные!..

— Деремъ, кто заслуживаетъ! А кого и милуемъ!.. Тоже все надо обдумать, обсудить...

— А нонича-то кого судили?—спросила старуха.

— Много было всякаго... Главная причина, Авдотья часъ замаяла... Сама взбунтовала дѣло, жалобу подала, а на судъ не пришла... Посылали за ней почитай разъ десять—не пойду да не пойду, а потомъ пришла тутъ женщина и говоритъ:—«Что̀ вы ее дожидаетесь? Она собрала свои хоботы въ узелъ да и ушла на вокзалъ!..» Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ уѣхала...

— Это какая же Авдотья-то?—спросила опять старуха.

— Али не знаешь, Авдотья-маляриха, вдова?..

— Малярова, Егорова вдова?.. Какъ не знать Авдотью!.. Ономнесь она у насъ, года никакъ съ два тому быть, полы мыла,—прибавила старуха, обращаясь уже ко мнѣ.—Помнишь, чай? Баба такая складная...

Тутъ я вспомнилъ и бабу, вспомнилъ и плюгавенькаго маляра, вспомнилъ и то время, когда домъ «обоемъ обивалъ», и какъ пришли два другихъ маляра и отбили у плюгавенькаго работу; вспомнилъ и то, что эти два маляра были отецъ плюгавенькаго и его сынъ отъ второй жены—злой бабы, вспомнилъ, что плюгавенькій очень былъ несчастенъ, очень чувствителенъ и что отъ бѣдности онъ тронулся, что мальчика у него раздавили, что въ обморокъ онъ упалъ, и что теперь онъ ужъ въ могилѣ...

Вспомнивъ все это, я ужѐ не могъ быть не любопытнымъ и спросилъ мужика:

— Такъ что-жъ, Авдотью, что ли, судили?..

— Какое Авдотью — сама судъ завела!.. Пожаловалась на одного мужика... Такъ, забулдыга, разбойникъ... Напился вишь пьянъ да и давай срамить Авдотью.—«Я, говоритъ, тебя передъ всѣмъ свѣтомъ осрамлю... Я вижу, что ты на вокзалѣ дружка завела, такъ я тебя произведу...» И сталъ орать при всемъ честномъ народѣ, да и на вокзалѣ сталъ разсказывать:—«Я, говоритъ, съ Авдотьей и при мужѣ-то жилъ, какъ съ женой... Она должна понимать, отчего мужъ-

отъ исчахъ... И смѣетъ она мнѣ дѣлать измѣну? Я, говоритъ, и жену-то вогналъ въ гробъ изъ-за нея, а ежели она посмѣетъ мнѣ слово пикнуть, такъ я и не то объявлю...» И ужъ такъ поливалъ ее со всѣхъ концовъ—слухать-то и то тошно... Ну, она, Авдотья-то, выла-выла, да и подала въ судъ: посовѣтовали подать...

— Ахъ, разбойникъ, разбойникъ! Да кто онъ, этотъ разбойникъ-то?

— Да Буфетовъ, извозчикъ...

— Это что̀ мальчика-то ея раздавилъ?

— Ну вотъ, онъ самый! Такая злая татарская порода! Буфетовъ—онъ мальчика-то и раздавилъ...

Старушка-кухарка была такъ поражена разсказомъ, что, приложивъ обѣ сложенныя ладонями руки къ щекѣ, медленно качала головой и охала...

— А какъ неспроста онъ и мальчика-то раздавилъ?— съ ужасомъ сказала она.

— Отъ него все станется!.. Это ужъ такая ихняя татарская порода... Онъ два раза господъ проѣзжающихъ въ лѣсу грабить принимался — только что леволверы были— Богъ спасъ. Разбойникъ!.. Они ссыльные изъ Касимова... Баринъ сослалъ въ старые года его дѣда. Татаринъ сущій.

— И станется отъ него, подлеца... Зналъ вѣдь онъ, какъ отецъ его лелѣялъ!.. «На̀-жъ, молъ, тебѣ... подохни съ горя!» Вѣдь онъ нѣжный былъ, Егоръ-то, какъ ребенокъ...

— Ну, тоже нарочно задавить!.. — съ сомнѣніемъ проговорилъ Иванъ.—Это вѣдь тоже... А можетъ, они вмѣстяхъ съ Авдотьей... Мужикъ онъ дерзкій, баба она была молодая, Егоръ-то жидокъ... Богъ ее знаетъ!

— Ну, ужъ Авдотью ты не порочь! Ужъ Авдотью я вотъ какъ знаю!..—вступилась съ сильнымъ раздраженіемъ въ голосѣ старуха.—Ты Авдотьи не тронь!

— Чего мнѣ трогать? Мнѣ чего тутъ? А что въ вашей сестрѣ тоже хорошая тьма въ совѣсти... Иная, поглядѣть на нее — овца безсловесная, а какъ разберешь, анъ и видишь, что тамъ у нея адъ съ дьяволами гнѣздится!

— Ужъ это про Авдотью не говори! Она мнѣ еще при мужѣ сказывала — «пристаетъ, говоритъ, ко мнѣ разбойникъ, проходу не даетъ... А мужъ покою не знаетъ...» А чтобы что̀...

— Н-ну, тоже... Знаемъ мы вашу сестру... видимъ!.. Поди, вонъ, погляди на вокзалѣ...

— И глядѣть-то мнѣ тамъ нечего. Не такая Авдотья, не такая!..

— Кому тутъ разбирать! Однакожъ вотъ жалобу-то подала, а сама не пришла...

— А онъ пришелъ?—спросилъ я.

— Онъ-то былъ...

— И что-жъ онъ?

— Онъ все свое... «Я, говоритъ, вѣрно говорю, что съ ней при мужѣ жилъ... Мужъ-то не могъ со мной совладать, я-бъ его убилъ съ одного щелчка... Онъ, мужъ-отъ, всю жизнь меня трясся... Пускай-ка-сь она придетъ, посмѣетъ пикнуть, такъ я ей такое слово объявлю—на мѣстѣ ляжетъ, потому Сибири мало... Пускай-ка-сь глаза покажетъ!..» А она вотъ не пришла. Узналъ онъ, что она съ узломъ куда-то скрылась:—«На-айду, говоритъ, никому не отдамъ, не уйдетъ!.. Упирается за меня замужъ идти, хочетъ на вокзалѣ съ однимъ человѣкомъ помутить — ничего! не дозволю!..»

— Куда же она дѣвалась?

— Богъ ее знаетъ... Сказывали —ушла, а такъ чтобы толкомъ разузнать—недосужно.

— Разбойникъ! разбойникъ! — шептала и вздыхала кухарка.

Теперь ужъ была мнѣ совершенно ясна вся драма, вся біографія маляра Егора, все его горе, его сиротство, беззащитность, вражда отца, изсушающая душу ревность, ужасъ смерти ребенка и бѣдность, бѣдность... Теперь я уже зналъ, отчего онъ тронулся, отчего у него оказались огромныя богатства—только съ ними онъ могъ бы выбраться изъ своего ужаснаго положенія, пріобрѣсти вниманіе и дружество людей, достатокъ, привѣтъ и покой въ семьѣ, и удовлетворить свои нѣжныя чувства къ женѣ и мальчику... Сообразивъ все это, я хотя и зналъ, что измучившійся Егоръ давнымъ-давно лежитъ въ могилѣ, что онъ уже закончилъ свою біографію, не могъ однакожъ не заключить и моихъ воспоминаній о погибшемъ на нашихъ глазахъ человѣкѣ—и, ни къ кому изъ собесѣдниковъ не обращаясь, во всеуслышаніе проговорилъ:

— Такъ вотъ оно отчего!..

И этимъ изреченіемъ, кажется, навсегда закончилась исторія маляра.

— Что-жъ,—докуривъ папироску, сказалъ Иванъ:—извольте показывать линію, гдѣ гнать тынъ. Ужъ сегодня

гдѣ же? Только линію укажите, а ужъ мы завтра чѣмъ свѣтъ съ сынишкомъ...

Пошли намѣчать линію, ходили взадъ и впередъ, толковали, мѣряли, говорили и о тынѣ, и о клубникѣ, и о курахъ; наконецъ все сообразили и разошлись... Заснулъ я съ мыслью о томъ, какъ бы Иванъ завтра не проманкировалъ,—а на завтра были уже новыя заботы, новые недосуги...

IV.

Такъ вотъ и идетъ наша деревенская недосужная жизнь... А то, что таится въ глубинѣ душевной жизни этихъ одинаковыхъ по недосугу людей, то доходитъ до насъ кой-когда и кой-какъ. Прилетитъ вѣсть или слухъ, намекающій на драму, толкнется въ сердце и улетитъ, какъ муха, на мгновеніе присѣвши вамъ на руку или на лобъ. Да и столичный житель также не въ лучшемъ положеніи относительно вниманія къ душевной драмѣ своихъ сосѣдей; хорошо, дойдетъ драма до суда—ну, тогда и онъ можетъ закончить ее также совершенно опредѣленнымъ замѣчаніемъ—«такъ вотъ оно отчего...». А много ли такихъ-то драмъ? Зато каждый день газеты приносятъ ихъ цѣлыми ворохами: убился, отравили, убили и т. д., а «причины неизвѣстны»,—и тысячи такихъ людей трагически исчезаютъ вокругъ столичнаго жителя ежедневно и буквально безъ всякаго слѣда въ его сердцѣ. Каково качество столичнаго недосуга, сравнительно съ деревенскимъ, судить не берусь, но въ нашемъ деревенскомъ недосугѣ, по причинѣ малолюдства и относительной близости жителей другъ къ другу, иногда хоть и изъ пятаго въ десятое, хоть и съ перерывами въ нѣсколько лѣтъ—лоскутки драмы, долетающіе до нашего слуха со стороны, сами собой складываются въ опредѣленную картину, позволяющую видѣть причины и слѣдствія и съ увѣренностью произнести слова: «такъ вотъ *оно* отчего!» Но—увы!—эта ясная картина всегда складывается поздно, всегда въ то время, когда уже все кончилось и когда можно только устыдиться своего невниманія къ ближнему и чрезмѣрнаго вниманія къ курамъ, тыну и клубникѣ.

— Тебѣ бы надобно было тогда Егора-то поддержать... Не слухалъ бы отца-то... Много ты выторговалъ?.. А можетъ, человѣкъ-то оправился бы, не пропалъ...

Это мнѣ старуха-кухарка какъ-то сказала на-дняхъ,

услышавъ что-то про Авдотью (съ солдатами что-то; недосугъ было разспрашивать). И самъ я знаю, что не надо бы было вѣрить злому старику, поддержать Егора — да вѣдь что̀ подѣлаешь? «То то̀, то другое»! Даже «серьезнымъ сочиненіемъ» не было возможности заняться до сихъ поръ.

VIII. Послѣ урожая.

I.

...Часа въ четыре начинавшаго уже темнѣть осенняго дня выѣхали мы—я и мой спутникъ, возница-крестьянинъ—изъ нашей деревни и, свернувъ съ шоссе, медленно поплелись лѣсомъ по направленію къ одной глухой деревенькѣ, лежащей отъ насъ верстахъ въ двадцати на невѣдомой рѣчкѣ, въ невѣдомыхъ лѣсахъ. Поѣздка въ эту деревеньку происходила безъ всякой существенной цѣли; она была изобрѣтена моимъ пріятелемъ-возницей просто только для того, чтобы дать мнѣ возможность дня два безъ скуки и безъ дѣла «побыть» въ деревнѣ и такимъ образомъ хоть немного поочувствоваться послѣ томительныхъ дней петербургской осенней жизни.

Иногда, дѣйствительно, петербургская жизнь способна удручать своихъ невольныхъ обитателей минутами убійственной тоски.

Полъ-сутокъ весь Петербургъ молча рѣшаетъ участь всѣхъ русскихъ дебрей и всего въ нихъ живущаго; другія полъ-сутокъ онъ отдыхаетъ отъ своей работы. Будучи каплей въ бумажномъ океанѣ, петербуржецъ дѣлаетъ то дѣло, какое ему дадутъ; точно такъ же, т.-е. «какъ дадутъ», онъ и отдыхаетъ. Хорошо, если вечеръ дастъ ему Рубинштейна; ну, тогда онъ волей-неволей полетаетъ нѣсколько часовъ и подъ небесами и въ земныхъ ощущеніяхъ помучится до поту, а не дадутъ Рубинштейна—надо принять и Фельдмана, волей-неволей надо украсть у сосѣда по театру бумажникъ, отнести его во второй ярусъ, словомъ, надо отдыхать такъ, какъ прикажутъ афиши и дирекція театровъ. Не будучи самимъ собой ни въ дѣлѣ ни въ отдыхѣ, петербуржецъ только къ концу дня получаетъ возможность поступать вполнѣ самостоятельно. Происходитъ это обыкновенно уже въ ресторанѣ, послѣ спектакля, и здѣсь петер-

буржецъ можетъ предъявить, дѣйствительно, собственныя свои желанія; онъ можетъ «самъ», не слушая ничьихъ приказаній, безъ всякаго принужденія выбрать себѣ котлету, или бифштексъ, или рыбу, курицу,—словомъ, что̀ только его *душѣ* угодно. Однако дальше отбивной котлеты, кажется, и въ этомъ отношеніи дѣло не пошло. Ждетъ-ждетъ лакей, предоставляетъ барину полную свободу дѣйствій, а твердо знаетъ, что въ концѣ концовъ ничего, кромѣ отбивной котлеты, не получится. Но вѣдь надо и барину подумать о чемъ-нибудь безъ помѣхи. Вотъ безъ помѣхи-то баринъ и думаетъ только надъ прейсъ-курантомъ...

Постоянно, безпрерывно исполнять чьи-то приказанія какъ въ трудѣ, въ заработкѣ, такъ и въ отдыхѣ и развлеченіи—такая жизнь иногда можетъ привести въ отчаяніе человѣка, желающаго хотя по временамъ ощущать себя «самимъ собой», имѣть «свои мысли», а не тѣ, которыя приказываютъ имѣть газеты, совершать свои самостоятельные поступки, а не тѣ, которые обязываетъ совершать заработокъ,—и вотъ является желаніе отдохнуть... А гдѣ можно лучше всего ощущать себя самого, какъ не въ деревнѣ? Здѣсь я *самъ* вижу, что въ ворота вошла чужая собака; я *самъ* знаю, что она чужая, потому что она бѣлоухая, не наша; и вотъ я *самъ*, не слушаясь никакой передовой статьи и не ожидая рѣшенія какой бы то ни было комиссіи, иду на дворъ, выгоняю собаку, запираю ворота. Эти вполнѣ свободные, самостоятельные поступки возбуждаютъ во мнѣ вполнѣ самостоятельную мысль о томъ, что въ раскрытыя ворота могутъ входить не только чужія бѣлоухія собаки, но и свиньи и прочій скотъ; моя ничѣмъ не стѣсняемая мысль свободно приводитъ меня въ кухню, гдѣ я, не боясь никакой цензуры, говорю вполнѣ самостоятельно и независимо:—«Иванъ! ты бы заперъ ворота, а то свиньи могутъ...» Что̀ могутъ? Да я вотъ не хочу объ этомъ думать, и никто не въ правѣ требовать отъ меня рѣшительнаго отвѣта,—что̀ именно могутъ сдѣлать свиньи. Тогда какъ на сеансѣ Фельдмана я—хочешь не хочешь, а долженъ либо украсть чужой портсигаръ, либо кого-нибудь приколоть; а на концертѣ Рубинштейна я изволь летать въ облакахъ, да изъ облаковъ-то онъ меня швырнетъ въ океанъ, а потомъ, мокраго, потащитъ въ за̀мокъ Тамары—и я не смѣй пикнуть! То ли дѣло въ деревнѣ! Здѣсь, въ деревнѣ, я имѣю о томъ, что̀ вижу, собственное свое мнѣніе, тогда какъ въ Петербургѣ

я долженъ постоянно проникаться чужими мнѣніями и интересами. Почему это въ 8 часовъ утра я долженъ узнать, что въ Цетинье привезли ящикъ съ магазинными ружьями, а Патти напѣла себѣ тысячъ двѣсти денегъ? Все это, неволю и волю (самостоятельно выгнать со двора бѣлоухую собаку), ощущаешь только въ деревнѣ.

Вотъ такое-то желаніе ощутить самого себя побудило меня, послѣ полутора осеннихъ мѣсяцевъ прошлаго года, проведенныхъ въ Петербургѣ, заглянуть дня на два въ деревню. Мой старый пріятель-крестьянинъ, хорошо знавшій настроеніе моего духа въ моментъ такихъ неожиданныхъ пріѣздовъ въ пустой, нетопленный домъ, и на этотъ разъ понялъ, что̀ ему надо дѣлать; нужно было какъ-нибудь промаячить два деревенскихъ дня, о чемъ-нибудь поговорить, куда-нибудь пойти или поѣхать. И придумалъ онъ поѣхать въ глухую сосѣднюю деревню. Тамъ, по случаю урожая, въ первый разъ было что-то въ родѣ ярмарки, тамъ, должно-быть, идутъ теперь свадьбы, также по случаю урожая... И самому мнѣ вспомнился тотъ крестьянинъ, свалившійся съ лошади въ пьяномъ видѣ, но свалившійся не въ грязь лицомъ, а въ разсыпавшуюся изъ мѣшка новую муку, котораго я видѣлъ полтора мѣсяца тому назадъ, какъ явленіе, свидѣтельствовавшее объ урожаѣ, рѣдкомъ гостѣ нашихъ мѣстъ... И вотъ, при содѣйствіи пріятеля-крестьянина и собственныхъ моихъ воспоминаній объ урожаѣ, выработалась само собою какъ бы нѣкоторая цѣль и дѣло: поѣхать въ деревню Гололобово и посмотрѣть, какъ тамъ отозвался урожай, нѣтъ ли свадебъ, какая была ярмарка. Словомъ, явилось нѣкоторое основаніе для того, чтобъ испечь пирогъ, захватить разной провизіи, уложить все это въ телѣгу, потомъ запрячь въ эту телѣгу лошадь и тронуться въ путь.

II.

На дворѣ темь непроглядная, а въ избѣ одного изъ гололобовскихъ крестьянъ жарко и душно. Жарко главнымъ образомъ отъ самовара, занятаго хозяевами у старосты; самоваръ огромный, клокочущій, бьющій па̀ромъ не только въ потолокъ, который уже и запотѣлъ, а и по сторонамъ, угрожая погасить маленькую керосиновую лампочку, прикрѣпленную къ стѣнѣ. Такъ какъ на столѣ, кромѣ самовара, есть и водка, и колбаса, и пиво, то, разумѣется, есть и «компанія»: во-первыхъ, самъ хозяинъ избы, молодой

еще парень, только-что раздѣлившійся съ братомъ, и его жена, молодая, красивая, но бѣдно одѣтая, тихо, но непрестанно озабоченная нуждой женщина. У нихъ двое дѣтей. Дѣвочка четырехъ лѣтъ смотрѣла на насъ съ печи, а другого ребенка, мальчика, сама мать кормила, стоя около люльки, привѣшенной къ потолку и закрытой ситцевыми занавѣсками. Изба, въ которой мы сидимъ, весьма недавно сколоченная по бревнышку, не осѣла, не умялась и была еще сыровата; окна мокнутъ, и отъ печки попахиваетъ сыростью; недостатки въ хозяйствѣ видны съ перваго взгляда; шкапикъ, приготовленный для посуды, пустъ, въ печи никакого варева, кромѣ картофеля, нѣтъ, какъ объявила намъ сконфуженная хозяйка, и видно было, что это обстоятельство сильно ее волновало, видно было, что она «рвалась» выбиться изъ лапъ нужды—мысль объ этомъ непрестанно виднѣлась на ея озабоченномъ лбу и въ ея озабоченныхъ глазахъ. Но и то возможное почти въ пустомъ домѣ благообразіе, чистота, опрятность говорили, что эта энергическая работница добьется-таки когда-нибудь уюта въ своемъ уголкѣ, оживитъ эти пустыя сцены, голыя доски, этотъ пустой чердакъ надъ новыми сѣнями и полухолодную, полусырую печку.

Кромѣ хозяина, также какъ будто стыдившагося своей бѣдности и недостачи «во всемъ», кромѣ меня и моего компаньона-возницы, были въ числѣ «компаніи» еще два какихъ-то мужика: одинъ широкоплечій, съ широкой бородой и веселымъ выраженіемъ лица, человѣкъ лѣтъ сорока пяти; другой, старый человѣкъ, уже хилый и ослабѣлый, жившій, какъ оказалось, со своей старухой «изъ милости», гдѣ придется. Прежде былъ онъ пастухомъ, а теперь плететъ лапти и проживаетъ въ банѣ у широкоплечаго мужика. Во все время нашего разговора онъ или молчалъ, опустивъ голову, и какъ будто ничего не слышалъ, или такъ же молча улыбался и будто внимательно прислушивался.

Изъ свѣдѣній, добытыхъ моимъ возницей по нашемъ пріѣздѣ въ Гололобово, оказалось, что завтра, въ воскресенье, въ домѣ одного зажиточнаго крестьянина будутъ «смотрины», и что слѣдовательно завтрашній день будетъ очень любопытенъ. Въ ожиданіи его мы, «компанія», сидѣли за самоваромъ и вели случайный разговоръ, который незамѣтно склонился къ воспоминаніямъ о недавней ярмаркѣ, впервые бывшей въ Гололобовѣ, и—увы!—воспоминанія эти оказались далеко не веселыми. Неожиданныя, непредвидѣн-

ныя случайности, внесенныя ярмаркой въ глухой уголокъ трудной и трудовой жизни, много надѣлали въ ней изъяновъ и большой бѣдой разразились, между прочимъ, надъ хозяевами дома, въ которомъ мы засѣдали съ «компаніей» и пили чай. Не вдругъ выяснилось, что въ домѣ этомъ— тяжкое горе.

— Какая это ярманка!—пренебрежительно отвѣчалъ мнѣ на разспросы о ярмаркѣ широкоплечій и бородатый собесѣдникъ.—Званье одно что ярманка... Да и то сказать, вѣдь впервой... Въ старые годы никогда въ наши мѣста никто не заѣзживалъ... Ну, а по нынѣшнему времени понаѣхало въ наши мѣста много курлянца, да опять урожай Богъ далъ, ну вотъ кой-какіе купчишки и толкнулись... По началу-то она и на ярманку не похожа... Нашему брату, мужику, она даже нисколько не пользительна. Привели пять калѣкъ-лошадей, только и всего; развѣ только вотъ бабамъ нашимъ хлопотъ надѣлала... На цѣлый годъ будетъ имъ разговору...

У люльки, гдѣ стояла около ребенка жена хозяина, послышался вздохъ, и этотъ вздохъ почему-то заставилъ нашего хозяина оглянуться на жену. Оглянувшись, онъ какъ будто покраснѣлъ, сконфузился и, вѣроятно, чтобы замять этотъ конфузъ, принужденно весело сказалъ:

— Да ужъ имъ, бабамъ, хватитъ разговору надолго!..

И поспѣшно припалъ губами къ блюдечку.

— Будемъ васъ помнить, — чуть-чуть послышалось у люльки, но компанія пропустила эти слова мимо ушей и усиленно занялась чаепитіемъ.

— Нѣтъ, вѣдь, ей-Богу, съ этими бабами,—развязнымъ тономъ заговорилъ широкоплечій: — ей-ей, съ ними смѣху не оберешься! У меня баба трое сутокъ сама не своя: день-денской взадъ-впередъ мимо красныхъ товаровъ мычется, а купить ничего не купила. Я говорю:—«Чего ты мучаешься?»—«Аршинъ ситцу купить!»—«Такъ возьми да и купи, и опомнись хоть немного».—«Какъ, говоритъ, купить; что̀ ни смотрю, все не по вкусу, такъ, говоритъ, не по годамъ... И хорошъ, говоритъ, ситчикъ видѣла цвѣточками и крестиками, да больно веселъ, а съ чернымъ букетомъ взять тоже что-то неохота, будто еще на свѣтѣ пожить хочется... Вотъ и не знаю!»—«Да какъ же быть-то? говорю: какъ же мы съ тобою разберемся? Вѣдь ты окончательно съ ногъ сбилась. Чего тебѣ аршинъ-то? Есть что̀ разбирать. Взяла да и купила!..»—«Нѣтъ, говоритъ, надо,

чтобъ подъ лицо подошло, да по вкусу вышло, да чтобъ недорого!» Вотъ вѣдь какія неугомонныя! Я было-самъ попробовалъ съ ней пойти, походилъ-походилъ, плюнулъ! На купца жалко смотрѣть, какъ онѣ, бабы, его теребятъ... Роютъ-роютъ...—«Да вамъ что̀ нужно-то?» — спросилъ купецъ. А баба ему:—«Можетъ, меня чѣмъ товаръ приманитъ... Посмотрю на товаръ, можетъ, и захочу чего!» Вотъ какія безбожныя: перероетъ все, съ купца три пота сойдетъ отъ устали, а она взяла да и пошла домой, по вкусу ей не вышло!.. На всѣхъ-то бабъ пожалуй что за всю ярманку пять аршинъ ситцу куплено, а разговору...

Широкоплечій махнулъ рукой и молча налилъ себѣ чашку чаю.

— И какія продувныя эти бабы!—продолжалъ онъ, проворно выхлебавъ первое блюдечко чаю.—У меня баба ужъ почитай что въ преклонные годы входитъ, а все о ситцахъ безпокоится! И что̀ же выдумала? Сама по лавкамъ мается, покою не найдетъ, оторваться не можетъ, а меня послала свои холсты продавать... Обмотала всего, обвѣшала, напримѣръ, какъ чучелу какую,—«поди, говоритъ, по лавкамъ, продай мои холсты, покричи...». И такъ она меня оплела разговоромъ, умаслила, урезонила, опутался я истинно на подобіе какого дурака и пошелъ вѣдь, ей-Богу, пошелъ!.. Сама толчется, ищетъ аршинъ подешевле, а мнѣ все покрикиваетъ: «Какъ можно подороже! Не продавай зря; какъ можно чтобъ больше денегъ съ купцовъ бери!» Ночью—ей-ей, самъ слышалъ!—стала на колѣнки передъ образомъ: «Господи, говоритъ, Боже милостивый! угодники мои праведные! Божія Матерь! помолитесь передъ Господомъ, чтобы холсты мои подороже бы всѣхъ! дороже чтобы хоть на одинъ грошъ, а чтобы дороже бы! Божія моя Матерь, сотвори для меня, рабѣ!..» Ну, едва не лопнулъ я со смѣху! А вѣдь ужъ у самоё дочери невѣсты. Поди вотъ, искорени изъ нея! А какъ я не вытерпѣлъ дуракомъ-то по базару шляться да сбухалъ холсты-то первому встрѣчному, такъ что̀ мнѣ было!.. Узнала, распытала потомъ у прочихъ, которые свои холсты продали, и вызнала такъ, что я грошъ на каждый аршинъ убытку взялъ, такъ она какъ малый ребенокъ ревѣла... — «Злодѣй ты, говоритъ, кровопивецъ!» Эва какъ!..

При этихъ словахъ хозяинъ, лицо котораго какъ-то вдругъ засіяло веселой, хотя попрежнему сконфуженной улыбкой, обернулся опять къ своей женѣ; она давно уже перестала

кормить ребенка и сидѣла за люлькой молча, повидимому, пристально вслушиваясь въ рѣчи широкоплечаго. Хозяинъ, оглянувшись на жену, какъ будто бы шутливо спрашивалъ ее своимъ взглядомъ:

— Что̀, небось, смѣшно? А сама-то развѣ не такъ же колобродишь?

Жена поняла этотъ взглядъ, но отвѣчала на него не вдругъ. Она нѣсколько секундъ молча и серьезно смотрѣла прямо въ глаза мужа и потомъ медленно, негромко проговорила:

— Погляжу я, послушаю васъ, поди, какіе вы умные надъ бабами насмѣхаться!

Сказала она эти слова не весело и не укоризненно, а тяжко, озабоченно, хотя и сдержанно.

— Вамъ вонъ, мужикамъ, невмоготу часъ какой ни на есть съ нашими бабьими холстами походить, пособить намъ, бабамъ... Лѣнь вамъ одинъ только часъ объ насъ похлопотать, а какъ же мы-то надъ холстомъ-то трудимся? Цѣлый годъ вѣдь надъ нимъ бьемся! За одну-то зиму, пока прядемъ, всѣ ногти огрызем до мяса! Какъ же вы, умные-то мужики, насъ-то не пожалѣете?

— Ну, — сказалъ небрежно широкоплечій: — есть чего изъ-за гроша хлопотать. Диви бы что̀, а то грошъ! Великъ изъ него прокъ...

— Вотъ какой ты умный! Что̀ ни скажешь, только бы тебя слушать и радоваться... Да грошъ-то иной разъ меня изъ какой бѣды вызволитъ? Знаете ли вы, умники этакіе?

— Не знаю ужъ, какимъ это родомъ грошомъ человѣка вызволить изъ бѣды можно? Нищіе вотъ всю жизнь гроши собираютъ, а не видать, чтобы богатѣли. Можетъ, грошъ какой особенный будетъ...

— Грошъ-то будетъ простой, да надобно цѣну ему знать! На грошъ-то я вотъ иголку куплю... видишь ты? А иголка-то, знаешь ли, что̀ для нашей сестры значитъ? Мнѣ надо и себя и мужика обшить, ребятишекъ... Этого вѣдь вы ничего во вниманіе не берете... А какъ гроша-то у меня нѣтъ, да остаюсь я безъ иголки, ну-ка посмотри, сколько лохмотья-то въ домѣ накопится? Хуже нищаго будешь! А гдѣ я возьму иголку-то, если у меня гроша-то своего нѣту? Вѣдь надо въ люди идти? должна я поклониться, попросить? Хорошо, какъ дадутъ, уважатъ... Зачѣмъ же я кланяться людямъ буду? Легко ли это по дворамъ побираться, у людей просить? Да мнѣ легче помереть, по моему харак-

теру, чѣмъ просить у людей! Иная дастъ тебѣ иголку да душу потомъ вымотаетъ... То тѣмъ, то другимъ, а покуда не отдашь да не поблагодаришь, чуть не въ ножки поклонишься, такъ все и живешь какъ подверженный... Вотъ что̀ мнѣ значитъ иголка! А съ своимъ-то грошомъ я сама хозяйка, никому не кланяюсь, никого не прошу, не шляюсь по людямъ, никого надо мной нѣтъ, вотъ тебѣ и грошъ!.. Охъ, вы, умные, премудрые!

Никогда ни грошъ ни иголка не имѣли въ моихъ глазахъ того необычайнаго значенія, которое придала имъ рѣчь хозяйки. Какая масса затрудненій наваливается на крестьянскую женщину изъ-за одного только гроша, на который можно купить иголку, необходимую въ семьѣ постоянно! И оказывается, что бываютъ моменты, когда *невозможно* купить иголку, нѣтъ гроша, нужно идти въ люди, просить, кланяться!.. Озабоченный тонъ, которымъ говорила хозяйка объ этой иголкѣ, несомнѣнно доказывалъ, что жизнь ея исполнена невѣдомыхъ намъ всѣмъ трудностей, оскорбленій, обидъ, затрудненій, которыхъ мы не понимаемъ, но которыя жестоко угнетаютъ ее, какъ человѣка и какъ женщину. Нервное волненіе, которое во время рѣчи объ иголкѣ овладѣвало этой женщиной все больше и больше, сразу выяснило мнѣ весь ея нравственный типъ — типъ женщины, поглощенной исключительно обороной собственнаго ума, семьи и своей личности отъ малѣйшей возможности подчиненія кому-нибудь и чему-нибудь. Такая женщина, твердо, непоколебимо вѣрящая въ себя и свои силы, не задумается убѣжать, куда глаза глядятъ, изъ семьи свекра, если только почувствуетъ чье-либо малѣйшее посягательство на ея волю, трудъ или личность. Она одна сумѣетъ ухватить во время своего бѣгства и всѣхъ своихъ дѣтей, сколько бы ихъ ни было, и все свое добро, все свое до нитки, не побоится уйти прямо въ поле, не побоится взять на себя какой бы то ни было каторжный трудъ, лишь бы всегда чувствовать себя самостоятельной, не кланяться, «*не идти въ люди*». Такія женщины, какъ это я много разъ замѣчалъ, большею частью выбираютъ себѣ самыхъ покорныхъ мужей, хотя бы такой мужъ и былъ бѣденъ; богатый ее подчинитъ, бѣднаго и слабаго подчинитъ она; ея энергія такъ иногда взвинчиваетъ этого покорнаго мужа, что онъ, разиня и ротозѣй, подъ вліяніемъ ея лихорадочной, неустанной работы, въ стремленіи быть самостоятельной, «не идти въ люди»,—начинаетъ творить чудеса. Не пере-

ставая быть робкимъ и послушнымъ, онъ однако, подъ вліяніемъ неумолимыхъ стремленій жены къ опредѣленной цѣли, самъ, какъ обезумѣвшій, не задумывается лѣзть на рожонъ: воруетъ лѣсъ для постройки, беретъ задатки и не отрабатываетъ, словомъ—мечется, куда глаза глядятъ, и знаетъ только одно, что за нимъ стоитъ неумолимо повелительное желаніе жены, и что «ее не унять»! Иногда невозможно не удивляться той массѣ заботъ, труда, которыя добровольно взваливаетъ на себя женщина такого типа; буквально безъ копейки, пріютившись гдѣ-нибудь въ углу, она работаетъ изъ-за каждой картофелины, яйца, въ то же время няньчитъ ребятъ, таскаетъ ихъ всѣхъ съ собою на рѣчку, на работу; тутъ же забавляетъ ихъ, ухитряется достать гостинцы, найти возможность сказать сказку, развеселить, и въ то же время сама не пьетъ, не ѣстъ. Не мужъ ей нуженъ, а ей нужна неприкосновенность ея и семьи, и мужа своего она сама гонитъ на работу. Вотъ именно такого-то типа и была наша хозяйка. Ея монологъ объ иглѣ и глубокая обида, слышавшаяся въ немъ, говорили о какомъ-то ужасномъ страданіи, которое ей какъ будто бы только-что причинили.

Широкоплечій мужикъ, вѣроятно, зналъ ея характеръ, и хоть не совсѣмъ удачно, а старался ее успокоить и попасть ей въ тонъ.

— Вотъ это ты, дѣйствительно, вѣрно говоришь, Сергѣвна! — сказалъ онъ.—Ужъ ваша сестра, ежели тебѣ довѣрила иголку, то пожалуй что добромъ это дѣло не обойдется... Вы мастера другъ дружку ѣсть поѣдомъ!.. Вѣдь и ты тоже, попроси-ка-сь у тебя иголку-то...

— И не дамъ! Ни за что не дамъ, коли мнѣ она самой дорога! Гдѣ я тутъ возьму? Мнѣ за двадцать верстъ идти за ней, а ребята съ кѣмъ останутся?.. И не отдамъ! И не подходи ты ко мнѣ и не проси!

Говоря это, она сильно взволновалась, отошла отъ люльки, сѣла на лавку поближе къ намъ и, обращаясь уже прямо ко мнѣ, съ краской въ лицѣ сказала:

— А вы вотъ лучше что: вы извольте-ка спросить нашихъ умниковъ-то, много ли грошей-то они за наши холсты принесли съ ярманки? Грошъ! А рубли-то куда наши, бабьи, дѣвали?.. Спросите-ка-сь у нихъ, у умниковъ!

— И не безпокойся! — дѣлая рукою широкій успокоительный жестъ, произнесъ широкоплечій гость. — Я своей бабѣ ту-жъ минуту все до копейки пред-

оставилъ! «Ежели, думаю, съ ней поднялось такое рыданіе изъ-за того, что я грошъ упустилъ, такъ что̀ же будетъ, коли она узна̀етъ, что и всѣхъ-то денегъ нѣтъ?» Подумалъ-подумалъ, прямо, Господи благослови, тихимъ манеромъ, сгребъ изъ кладовухи полушубокъ, завалилъ его кабатчику и отдалъ ей. «Вотъ тебѣ всѣ твои три рубля двадцать!» И даже еще потомъ и по грошу своихъ надбавилъ: «На̀! Перестань! Богъ съ тобой!» А то бы, пожалуй, и грѣхъ какой вышелъ... Я съ своей бабой, слава Богу, уладилъ дѣло по-хорошему!..

— Ты-то уладилъ, а моего-то подбилъ? Мои-то гдѣ тридцать аршинъ?..

Баба говорила тихо, но, видимо, была внѣ себя.

— Я тебѣ говорилъ: «отдамъ!» — съ рѣзкостью въ голосѣ сказалъ ей мужъ, быстро обернувшись.

Теперь было совершенно понятно, почему онъ все время конфузился и умильно поглядывалъ на жену; очевидно, онъ былъ предъ ней сильно виноватъ.

— Чего ты?—продолжалъ онъ тихо, но серьезно.—Не велика бѣда погодить-то!.. Авось, Миколай-то Иванычъ не за горами? Пріѣдетъ, дастъ впередъ, не безпокойся, кажется, и такъ знаю...

Баба ничего не отвѣчала, но, обращаясь къ широкоплечему, еще разъ и съ настойчивостью проговорила:

— Нѣтъ, ты разскажи все, какъ должно! разскажи, какъ вы нашу сестру мучаете! Говори все по правдѣ, а я потомъ про мое горе разскажу... Меня одна моя Машутка-то за день, пока мы съ ней отца-то ждали, мученски измучила: цѣльный день отъ окошка не отходила...—«Скоро тятька кренделей принесетъ!» И все въ окно глядитъ, не идетъ ли тятька...—«Много мнѣ кренделей принесетъ!.. Мамушка, а мамушка? Много вѣдь мнѣ тятька принесетъ кренделей?»—«Много, много, молъ...»—«Ну, я мальчику, говоритъ, одинъ крендель дамъ, тебѣ, мамушка, дамъ, много дамъ, тятькѣ дамъ, себѣ много возьму, больше всѣхъ, эва сколько возьму!» Ждали-ждали... Видимъ, идетъ тятька:— «Мамушка, тятька идетъ! Кренделей мнѣ много несетъ»... а онъ пришелъ, и нѣтъ ничего: ни денегъ, ни холстовъ, ни кренделей!..—«Тятька, ты принесъ мнѣ кренделей-то? Много?» Каково тебѣ было?

Эти слова относились ужъ къ мужу.

— А ты чего ее подстроила? Знала вѣдь отъ людей, что со мной несчастье вышло?

— Знала!

— Такъ ты чего нарочно-то мучила Машутку? Нешто я самъ не чувствую?

Горе и обида слышались въ суровомъ голосѣ мужа.

— А мнѣ каково?

— Тебѣ говорено: «отдамъ!»

— Ну,—перебилъ начинавшихъ волноваться мужа и жену широкоплечій гость:—все обладится, авось Богъ дастъ! Тутъ вины нашей нѣту... Поди-ка-сь, поспроси, мало ли народу попало ему въ лапы?.. Не мы одни...

— Да въ чемъ дѣло-то?—спросилъ мой возница.—Кто это васъ такъ обидѣлъ?

— Да больше ничего, проигрались мы въ вертушку... Жадность насъ, дураковъ, затмила!.. Вотъ главная причина. Полакомили насъ деньгами—мы и раззявили пасти... Тоже вѣдь хочется получше-то... Ей, вонъ, иголку надо, а нашего брата и посейчасъ подъ розги кой-за-что кладутъ...

— Жадность наша!—тихо сказалъ хозяинъ.—На деньги-то глянулъ, какъ на пятакъ-то серебромъ рубль можетъ выскочить—ну, и затмился... Одинъ мальчишка тоже по жадности купилъ себѣ киселя на пятакъ... А кисельникъ-то говоритъ:—«Охъ, не съѣшь!»—«Съѣмъ!»—«Ну, ладно!» А старикъ-то знаетъ, что не съѣсть. Ѣлъ-ѣлъ — не идетъ! И денегъ жалко и киселя жалко; а старикъ-кисельникъ взялъ да и подшути: — «Нѣтъ, говоритъ, ѣшь все, а то урядника позову!» Мальчишка-то испугался, ѣлъ-ѣлъ, видитъ, что немогота—убѣжалъ! «Держи, держи!» Догналъ его кисельникъ, а мальчишка-то ему въ ноги: — «Прости, не буду!» Ну, кисельникъ оттрепалъ его за виски, отдалъ ему двѣ копейки сдачи и говоритъ: — «Не жадничай!» Вотъ и насъ бы такъ, дураковъ, надо...

— Да какъ же такъ вышло-то?—спросилъ возница.

Широкоплечій гость долго и хитросплетенно объяснялъ устройство вертушки — инструмента, весьма похожаго на рулетку. Объясненіе это значительно утомило и умаяло его, и онъ съ большими усиліями добрался наконецъ до разсказа собственно о происшествіи.

— Вотъ вертушешникъ-то и говоритъ:—«Играйте по пятачку, а мнѣ двѣ копейки пошлины съ человѣка... Пожалуйте, говоритъ, молодцы!» Положили мы по пятачку, далъ оборотъ—проиграли... Давай еще—и опять проиграли... Ну, тутъ насъ, сволочовъ, ужъ извините, и затянуло!.. Образумились—ни у меня ни у его (широкоплечій показалъ на

хозяина) ни гроша не осталось! Ничего! даже пряника не на что купить бабамъ... Пошли прочь, то-есть чисто какъ въ безпамятствѣ.

— А мы-то съ Машуткой ждемъ не дождемся!—вся сосредоточившись въ своемъ горѣ, вся взволнованная, какъ бы про себя жалобно проговорила хозяйка:—какъ же, посудите сами, всего въ домѣ надо, каждая копейка нужна, хозяйство только-только собирается... Машутка-то пуще всего меня маяла: «Вотъ тятька идетъ, идетъ, гостинца несетъ...» А мнѣ самой-то сколько заботы! Ничего нѣту! Думаю — ярманка, всего надо... все куплю, — хвать, а баба-сосѣдка прибѣжала,—«такъ и такъ», говоритъ. Такъ у меня сердце и оборвалось... Приходитъ мой-то: — «Что-жъ, говорю, купилъ крендельковъ?»—«Забылъ, говоритъ, завтра!» Завтра-завтра, такъ и нѣту ничего!

— Да будетъ тебѣ! Вѣдь говорятъ тебѣ — отдамъ! Укупишь всего... Я и самъ-то еле живъ былъ, какъ пришелъ домой...

Сильное страданіе слышалось въ его голосѣ; но жена не слушала его, не отвѣчала мужу и глубоко вздохнула...

Широкоплечій мужикъ опять попытался-было успокоить измученную женщину и беззаботнымъ тономъ сказалъ:

— И-и! Что̀ убиваться? велики тамъ деньги! Погоди-ка, у меня будутъ, такъ, ты думаешь, я тебѣ не дамъ? Сколько угодно! Чего ты? Не мы одни. Послушай-ка, какъ дѣдушку-то пристукнуло? Поспроси-ка-сь его, чего съ нимъ исдѣлали?.. А ужъ онъ вѣдь не тебѣ чета, ему, почитай, пора въ гробъ, старъ, а и его на послѣдніе два цѣлковыхъ нагрѣли... Дѣдушка!—обратился онъ къ старику, сидѣвшему молча на лавкѣ:—посмѣши насъ, развесели, разскажи, какъ тебя, стараго, обработали... А ты, Анна Сергѣвна, послухай да перестань выть-то!.. Эка бѣда какая—три-то цѣлковыхъ!

— Да вѣдь я изъ-за трехъ-то цѣлковыхъ цѣлый годъ билась!—вдругъ со всей энергіей горя и печали торопливо проговорила хозяйка.—Подумай-ка ты, кабы три-то цѣлковыхъ мнѣ не надобны были, стала бы я ночи-то сидѣть за станомъ? Аршинъ-то—онъ гривенникъ стоитъ, а подумалъ ли ты, сколько за нимъ труда-то? Вѣдь я каждую ниточку обдумала, на что мнѣ ее примѣнить, что̀ себѣ въ домъ принесть... Кабы я о своемъ домѣ за каждой ниткой не думала...

Впечатлѣніе этихъ мученическихъ признаній было такъ

удручающе, что вся компанія наша невольно чувствовала себя глубоко виноватой предъ этой труженицей. Всѣ слушали молча; самъ мужъ хозяйки не только не нашелъ, что̀ ей возразить, но какъ-то весь натужился, напрягъ всѣ свои силы, чтобы перетерпѣть эту тяжелую минуту. На наше общее счастье, первый опомнился отъ удручающаго впечатлѣнія все время молчавшій старикъ. Вѣроятно, горе его было гораздо больше горя Анны, потому что онъ, слушая ее, сталъ улыбаться старческой, беззубой улыбкой и наконецъ заговорилъ:

— Вотъ такъ-то и меня, стараго дурака, оболванили на старости лѣтъ... Этто продалъ я лаптей на рубль на восемь гривенъ... Съ Рождества я надъ ними копался; иду домой и думаю: надобно моей старухѣ калачъ купить; сколько она, бѣдная, мнѣ одной лучины нащепала, пока работалъ, а иной разъ сидитъ и лучину сама мнѣ держитъ, свѣтитъ... Глаза-то ужъ у меня плохи, высоко воткнуть—не вижу, такъ моя старуха сама сидитъ да свѣтитъ... Думаю:—«Надо ей калачъ купить!» Вотъ иду къ калачамъ-то, а навстрѣчу мнѣ малый молодой; несетъ на ремнѣ черезъ плечо коробокъ открытый, а въ коробкѣ всякія вещи лежатъ. — «Не угодно ли, говоритъ, поиграть на счастье? Билетъ сто̀итъ три копейки—и всегда что-нибудь выиграешь, а не понравится—прибавь двѣ и опять играй...» А на грѣхъ какъ разъ передъ моими глазами одинъ нашъ же знакомый мужикъ кошелекъ выигралъ кожаный и никакъ не меньше, какъ пятьдесятъ копеекъ... «Ахъ, думаю, ежели бы мнѣ кошелекъ-то! Деньги у меня есть, положилъ бы я ихъ въ кошелекъ, и было бы у меня на душѣ повеселѣй, все я въ родѣ какъ хозяинъ...» Взялъ билетъ—выходитъ кольцо. «Зачѣмъ, говорю, мнѣ? Давай другой...» Взялъ другой—выходитъ булавка! И это не надо! Взялъ третій — попалась цѣпочка: опять не по мнѣ! Да и пошелъ... Сталъ у меня въ головѣ кошелекъ—хоть что̀ хошь!.. Бралъ, бралъ, бралъ, глазъ съ кошелька не спускаю, хвать — и денегъ у меня ни копейки не осталось, и въ рукахъ у меня карандашъ! Ударило меня, братцы мои, въ слезу!—«Не угодно ли еще попытать счастья?» — «Нѣтъ, говорю, не надо, довольно!» Пошелъ и самъ не знаю, куда иду... Иду-иду, ничего не вижу, не помню... вдругъ вспомню—матушки мои! Такъ въ волосы себѣ и вцѣплюсь... Что̀ скажу старухѣ? Сидитъ она, сирота моя, ждетъ, думаетъ — подарю ей калачъ, поправимся... Что̀ дѣлать! Боже мой милостивый! Мучился-му-

чился, сѣлъ на пень, забрался въ лѣсъ, думаю:—«Ничего не подѣлаешь! Надо опять работать. Приду, молъ, домой, скажу старухѣ все чистосердечно и сяду работать дни и ночи, все ворочу!» И будто полегчало... Пошелъ опять, и опять меня всего мракомъ отуманило... Зло во мнѣ закипѣло ключомъ... Такъ бы и разорвалъ на части кого! Побѣжалъ я почесть бѣгомъ, точно кого догоняю, а дыханіе такъ меня и разрываетъ! Вдругъ мнѣ вступило въ умъ, что какъ я пошелъ на ярманку — попался мнѣ на порогѣ нашъ котъ... И причудилось мнѣ, что это отъ кота мнѣ... Озвѣрѣлъ я на кота, повернулъ съ дороги прямо домой, думаю — такъ его и разорву на части... Бѣгу-бѣгу, вижу, ужъ и деревня наша показалась, и опять меня ударило въ голову, образумился я... «Нѣтъ! думаю, грѣхъ мнѣ кота бить! Жиловой котъ не сдѣлаетъ мнѣ грѣха, изъ чего ему мнѣ зла желать? Нѣту! Живи, другъ любезный...» И пришелъ еле живъ домой... Сидитъ на порогѣ котъ, и старуха меня ждетъ...—«Что̀, Савельичъ, купилъ мнѣ калачика?..» Сѣлъ я на порогъ и замолчалъ. Поглядѣла она на меня и тоже замолчала. Поняла, старая! И промолчали мы съ ней этакъ-то до вечера: она такъ сидитъ вотъ въ уголкѣ, молчитъ, а я у двери сижу, мыслей никакихъ не имѣю... Подошелъ вечеръ.—«Что-жъ, говорю, Матвѣевна, посвѣти мнѣ!..» Зажгла она лучину, сѣла около меня, а я опять за лапоть...

— А карандашъ-то куда дѣвалъ?—улыбаясь и, должно-быть, что-нибудь зная про участь карандаша, спросилъ широкоплечій.

— А съ карандашомъ ничего, не очень плохо вышло!..— съ легкой улыбкой проговорилъ старикъ.—Съ карандашомъ вышло по-хорошему! Думалъ-думалъ я — куда мнѣ карандашъ? Что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать? Подарить какому-нибудь мальчишкѣ жалко, все деньги вѣдь, продать — не покупаютъ... Со старухой посовѣтоваться—совѣстно, да и что̀ она пойметъ?.. Вотъ я и вспомни, что когда идешь на исповѣдь къ святому причастію, такъ дьяконъ въ книжку записываетъ имена, и за это ему деньги даютъ. Думаю: «не возьметъ ли онъ съ насъ со старухой вмѣсто денегъ-то карандашъ?» Подумавъ, пошелъ къ нему.—«Такъ и такъ, говорю, когда о посту будутъ исповѣдывать, не возьмете ли вотъ эту штучку за труды, а то денегъ у насъ со старухой не будетъ?» Ну, дьяконъ усмѣхнулся, говоритъ: «хорошо!» Такъ вотъ съ карандашомъ-то хошь надумалъ я по-хорошему.

— Стало-быть, теперь карандашъ-то у дьякона?

— Ну, это еще погодимъ! А какъ онъ его испишетъ да забудетъ? Карандашъ у меня сохраняется въ цѣлости.

— Ловко ты, братъ, съ карандашомъ надумалъ! — сказалъ широкоплечій.—А ты вотъ чему подивись: ужъ, кажется, ты старъ, а и тебя потянуло на уловку! И тебѣ захотѣлось, старому, какой-нибудь ловкій оборотъ сдѣлать... Вотъ нашъ грѣхъ-то въ чемъ!

— А Господь-то и наказалъ,—сказалъ старикъ:—всѣхъ до единаго наказалъ!

— Да вѣдь какъ эта самая подлость насъ проняла всѣхъ! Какъ бы ты думалъ (широкоплечій обращался къ моему возницѣ),—Иванъ-то Миронычъ вѣдь, кажется, тебѣ извѣстный человѣкъ?

— Что-жъ? Человѣкъ ничего!

— Пошелъ онъ шапку покупать, и спрашиваютъ съ него шесть гривенъ, а у него двугривенный денегъ-то... Поглядѣлъ онъ шапки, помѣрилъ, хорошо бы, а денегъ-то нѣтъ... Ну, стало-быть, и идти надо домой... А онъ однако не идетъ. Стоялъ-стоялъ, смотрѣлъ-смотрѣлъ, не можетъ отойти отъ шапки! Народу столпивши было довольно... Вотъ онъ постоялъ-постоялъ, да шапку-то подъ полу, и пошелъ... И пошелъ прямо зря, въ поле... Идетъ да идетъ, и самъ не знаетъ, что̀ съ нимъ дѣлается... А бабенка какая-то увидала это дѣло и скажи хозяину:—«Такъ и такъ!» Хозяинъ говоритъ: — «Гдѣ онъ?» — «А вонъ идетъ!» Бросился хозяинъ, догналъ его, остановилъ:—«Давай шапку!»—«На̀!»—«Ты зачѣмъ укралъ?» — «Я такъ взялъ... тамъ у тебя много!»—«Ну,—говоритъ хозяинъ:—судиться я съ тобой не буду, а вотъ какъ поступлю». Взялъ этотъ самый картузъ, свернулъ его въ трубку, да самой этой трубкой-то, козырькомъ, и ну Ивана-то Миронова въ морду тыкать:—«Я судиться съ тобой, говоритъ, не буду, а ты подержи передо мной твою морду, такъ я тебѣ сдѣлаю на память!» И сдѣлалъ ему всю морду подобно какъ кисель... всю въ кровь... Изуродовалъ и говоритъ: — «Ну, теперь ступай и помни, а шапку получи на память!» Такъ что-жъ Иванъ-то Мироновъ? Жаловаться, что ли, пошелъ? И не подумалъ. А идетъ по улицѣ съ разбитымъ лицомъ, а какъ встрѣтится съ кѣмъ, такъ и скажетъ: — «Никогда не бери даромъ шапокъ! Я взялъ, да и закаялся... Не велѣно брать шапокъ даромъ... Не берите, ребята!» Точно ополоумѣлъ... «Отъ роду, говоритъ, этого со мною не было... А тутъ и

самъ не знаю, какъ! Не берите, ребята, чужого!» И вся рожа разбита... Да и сейчасъ, пожалуй, не очувствовался; какъ воромъ сталъ—не можетъ понять!

— Глухо у васъ! все вамъ въ диковинку!—сказалъ мой возница.

— То-то, другъ любезный, и мы такъ думаемъ, что съ непривычки это... Кажется, вѣдь имѣемъ понятіе... Богъ не обидѣлъ, а тутъ словно одурь какая тебя возьметъ... И самъ не знаешь: что̀ такое?

Такое объясненіе неожиданныхъ бѣдъ, свалившихся на головы мирныхъ обывателей Гололобова во время ярмарки, весьма ободрило и хозяина, который все время находился въ неловкомъ и напряженномъ положеніи...

— Истинно такъ, одуръ!—сказалъ онъ, ободрившись.— Я какъ, значитъ, проигрался да пришелъ домой, такъ точно проснулся... Глянулъ на Машутку, на Анну—точно у меня камень съ памяти-то свалился, вспомнилъ все и даже охолодѣлъ... Скука меня такая одолѣла, силовъ нѣтъ! Говорю Аннѣ:—«Что̀ молчишь-то? хоть слово скажи,—все мнѣ легче будетъ!» — «Чего-жъ говорить! надо опять за пряжу садиться»... И стала собирать... Ну, мочи моей нѣтъ!—«Анна, говорю, хошь самоваръ Христа ради достань гдѣ-нибудь, поставь, чаю напьемся, можетъ, что...»—«Нѣтъ, говоритъ, не до того мнѣ! Поди самъ проси, я опять за пряжу сяду». Истомило меня всего, точно вотъ колесомъ переѣхало... Не вытерпѣлъ, ушелъ по деревнѣ. — «Дайте, братцы, хоть сколько-нибудь денегъ». Хожу, кланяюсь, изъ двора во дворъ—въ ноги, кажется, готовъ пасть... Кое-какъ въ трехъ мѣстахъ насилу-насилу двадцать пять копеекъ вымолилъ... Принесъ Аннѣ:—«На̀, говорю, купи крендельковъ, освободи мою душу!»... Ну, и я ей благодаренъ! Уважила!

— Уважила? У тебя баба, братъ, первый сортъ!..—сказалъ мой возница.

Эта похвала оживила и хозяйку.

— Такъ уважила, лучше не надо! Чисто съ праздникомъ сдѣлала! И какъ искусно!.. Далъ я ей двадцать пять копеекъ, думаю, хоть кренделей купитъ ребятишкамъ, все хоть что-нибудь... А она что̀ же? На двадцать-то пять копеекъ эва сколько принесла! Гляжу, идетъ съ ярманки, цѣлая въ рукахъ охапка! «Всего, говоритъ, купила!»

— Это на четвертакъ-то? всего? — съ изумленіемъ воскликнула почти вся наша компанія.

— Да!—весело сказала Анна.—На четвертакъ я купила

всего, а онъ съ рублемъ ничего не смыслитъ... Я-то вотъ каждую копеечку знаю — куда ее дѣть... Пошла, да разсудила, да раздумала хорошенько—анъ и четвертакъ сколько мнѣ службы-то сослужилъ!.. И мыла я взяла на двѣ копейки, надо ребятишкамъ головенки помыть... И тесемокъ и иголокъ...

— То-есть, Боже мой, сколько! — въ восхищеніи говорилъ мужъ.

— И булавокъ взяла и крендельковъ...

— Эва!

— И ковшикъ деревянный...

— Ишь!

— И синьки и табаку ему же, дураку, взяла...

— То-есть удивленіе!

— И горшочекъ купила... И поплавокъ въ лампадку...

— Н-ну, ей-Богу же, на рѣдкость!..

— И зайчика Машуткѣ и всего еще много...

— Да будетъ, будетъ, будетъ!—почти кричалъ широкоплечій:—и такъ довольно!

— А кабы всѣ-то деньги цѣлы были, то и не то бы стало.

— И такъ она меня развеселила, то-есть точно я изъ мертвыхъ опять живымъ сталъ! Самъ побѣгъ за самоваромъ, выпросилъ, заварилъ, и Машутка повеселѣла... и то-есть... окончательно сказать, вполнѣ она меня оправила!

— То-то ты съ радости-то и убѣжалъ потомъ съ Егоркой въ кабакъ!—опять омрачаясь, сказала хозяйка.

— И ей-Богу съ радости!.. Чего? Ей-ей радъ!.. А то бы, кажется, совсѣмъ пропасть...

— Нѣтъ, братъ, съ твоей бабой не пропадешь!—рѣшительнымъ тономъ проговорилъ широкоплечій, и всѣ мы почувствовали, что пора уже кончить нашу бесѣду.

Въ ожиданіи утра и интереснаго зрѣлища «смотринъ» надобно было какъ-нибудь скоротать ночь. Холодновато, неловко было лежать на жесткой лавкѣ; воздухъ былъ тяжелый и душный, во снѣ плакали дѣти и громко храпѣли взрослые. Сонъ былъ не сонъ, а тяжелое забытье. Но и оно продолжалось недолго. На дворѣ стояла еще темная ночь, а Анна уже встала, налила чуть-чуть, съ величайшей экономіей, керосину, зажгла огонь въ маленькой лампочкѣ, и подъ ея босой ногой проворно застучала прялка, а въ проворныхъ рукахъ запѣло веретено... Совершенно

пробужденный, посмотрѣлъ я на ея лицо: въ немъ выражалась непреклонная воля и желѣзная рѣшимость опять, сызнова, «по ниточкѣ» возстановить свои хозяйственныя мечты и добиться ихъ осуществленія.

Я смотрѣлъ на Анну и думалъ: въ былое время, если бы мнѣ случайно пришлось въ темную ночную пору миновать избу, гдѣ жила Анна, я, завидѣвъ тусклый, едва мерцающій огонекъ лампы, радъ бы былъ тому, что огонекъ свѣтитъ и что, стало-быть, тамъ живые люди, но не зналъ бы, какія печали и заботы этотъ огонекъ освѣщаетъ. Теперь я уже знаю, что̀ означаетъ этотъ тусклый огонекъ, мерцающій въ тускломъ окнѣ въ темную осеннюю ночь, и не проѣду мимо, не подумавъ о человѣкѣ, «по ниточкѣ» созидающемъ свою независимость.

III.

Впечатлѣнія слѣдующаго дня были много привлекательнѣе этихъ невеселыхъ воспоминаній о ярмаркѣ и горькихъ трудовыхъ минутъ крестьянской «недостачи», тяжкаго, неуспѣшнаго труда, о которомъ вчера шелъ такой долгій разговоръ. Все было хорошо и весело въ утро слѣдующаго дня: и день былъ свѣтлый, сухой, тихій и теплый, и деревенскій житель, «по малости» принарядившійся по-праздничному и поставленный праздникомъ въ необходимость отдыхать, не работать, глядѣлъ веселѣй и привѣтливѣй. Главное же удовольствіе и для насъ съ возницей и для всей вообще деревни заключалось въ даровомъ зрѣлищѣ «смотринъ» женихомъ невѣсты, обѣщавшихъ въ недалекомъ будущемъ складный, прочный, счастливый бракъ, прочное, складное крестьянское хозяйство молодой, крѣпкой, сильной и веселой пары. Никто не завидовалъ этому во всѣхъ отношеніяхъ завидному браку, но всѣ искренно были довольны тѣмъ, что на свѣтѣ могутъ быть такія складныя дѣла и такая, по всѣмъ видимостямъ, складная, безъ сучка и задоринки, жизнь.

Женихъ былъ изъ сосѣдней деревни, молодой, рослый парень, единственный сынъ у отца, женатаго второй разъ и не имѣвшаго другихъ дѣтей; отецъ жениха, кромѣ крестьянства, имѣлъ случай лѣтъ пять находиться при какой-то частной работѣ, служилъ «надсмотрщикомъ» при какихъ-то казенныхъ постройкахъ, и денегъ у него «хоть сколько». Деньгами этими онъ распорядился по-крестьянски—завелъ хорошій скотъ, хорошій домъ, и всего у него было много.

Невѣста принадлежала также къ хорошему крестьянскому дому, во главѣ котораго стояла еще древняя «бабушка», безконтрольная власть, которой добровольно подчинялись два родныхъ брата съ семействами, сумѣвшіе ужиться въ одномъ домѣ, хотя и на двухъ разныхъ половинахъ, раздѣленныхъ большими широкими сѣнями съ крыльцомъ на улицу. Благосостоянію братьевъ тоже помогли какіе-то посторонніе заработки, давшіе возможность хорошо и прочно поставить хозяйство, за которое они и держались. Въ обѣихъ семьяхъ, какъ у жениха, такъ и у невѣсты, былъ одинаковый уровень благосостоянія; никто ни надъ кѣмъ не первенствовалъ, не имѣлъ перевѣса, ни съ какой изъ сторонъ не видно было подчиненія изъ-за нужды; невѣсту не сбывали съ рукъ и не принимали какъ работницу, какъ молодую силу, на плечи которой ляжетъ тяжесть работы на стариковъ: она и ея женихъ, будущій мужъ, сходились прямо на новое самостоятельное прочное хозяйство, и деревенскому человѣку, любителю хозяйственнаго достатка, было любо посмотрѣть на эту молодую пару.

Мы возвращались съ возницей съ прогулки за деревню, вмѣстѣ съ нѣсколькими стариками, молодыми женщинами и старухами, также возвращавшимися изъ ближняго села отъ ранней обѣдни, когда насъ обогнала новая телѣга, запряженная парой; въ телѣгѣ сидѣли два крестьянина: молодой, рослый парень въ новомъ картузѣ и новомъ войлочномъ казакинѣ, разстегнутомъ на груди, и опрятно одѣтый, бодрый, съ быстрыми глазами старичокъ; ленты, привязанныя къ дугѣ, свидѣтельствовали, что это именно и есть женихъ съ отцомъ, а за этой телѣгой, немного отставая отъ нихъ, ѣхала другая; въ ней сидѣли двѣ старухи, и прохожія бабы не преминули объяснить намъ, что это ѣдетъ мачеха жениха и Пелагея, сестра женихова отца, тетка жениха, старая дѣвица. Поѣздъ быстро проѣхалъ мимо, и это заставило насъ елико возможно ускорить наши шаги.

Забѣжавъ на минуту къ нашимъ хозяевамъ, чтобы узнать, гдѣ будутъ смотрины и какъ туда пройти, мы застали и нашихъ хозяевъ, приготовляющихся также идти смотрѣть; даже Анна не вытерпѣла, пріодѣлась, насколько это было возможно сдѣлать при помощи трехкопеечныхъ тесемочекъ, упросила побыть съ ребятами какую-то старуху и торопила всѣхъ насъ идти. Мы и пошли всѣ вмѣстѣ.

Въ домѣ невѣсты и около дома стояло уже множество на-

рода: мужиковъ, бабъ, молодыхъ ребятъ и дѣвушекъ. Пробившись чрезъ толпу, наполнявшую сѣни, мы пробрались въ большую горницу, также почти биткомъ наполненную народомъ. Свободнымъ оставалось мѣсто только у стола, накрытаго бѣлой скатертью.

— Поживѣе, поживѣе, дѣвки!—говорилъ отецъ невѣсты, пріодѣвшійся и причесавшійся мужикъ.

— Сейчасъ, сейчасъ приготовимся!—слышались дѣвичьи голоса изъ-за перегородки. Тамъ шелъ туалетъ.

— Нечего копаться! Поспѣшать надо!

— Сейчасъ, тятенька!—отвѣтилъ звонкій дѣвичій голосъ.

Тятенька, повидимому, не испытывалъ никакого волненія и, поторопивъ «дѣвокъ», вышелъ на крыльцо, потомъ опять воротился, присѣлъ на лавку.

— Что̀, Михеичъ,—обратился онъ къ кому-то въ толпѣ:— не видать ихъ? Поди-ка, погляди съ крыльца. Ждать-то не охота...

— А вотъ я погляжу...

Михеичъ сбѣгалъ на крыльцо, поглядѣлъ, сказалъ, что не видать, а что, надо-быть, скоро будутъ.

— Ну, все, что ли, тамъ у васъ?—опять сказалъ отецъ за перегородку.

— Все! Сейчасъ!

— Иди, садись на свое мѣсто—того и гляди придутъ.

Изъ-за перегородки появилась невѣста, средняго роста, съ живыми, простодушными, добрыми, но немного робкими глазами. Она безъ всякой излишней скромности и конфуза, твердою, спокойною поступью сдѣлала нѣсколько шаговъ къ лавкѣ и спокойно сѣла, прямо смотря на публику, которая ей была давно знакома. На ней была шерстяная краснаго цвѣта съ какими-то зелеными цвѣтами юбка, голубая кофта съ стеклянными пуговицами и большой брошкой у горла; на волосахъ лежала широкая розовая лента, завязанная бантомъ сзади.

— Ты того,—сказалъ ей отецъ, не стѣсняясь публикой:— половчѣй ему покажись!..

Невѣста встала, расправила свою юбку, поправила что-то на головѣ и сѣла, спрашивая отца взглядомъ:

— «Такъ ли?»

— Ну, ладно! Ничего!

— Не ударь, Марѳа Александровна, передъ Кобылинскими въ грязь лицомъ! — проговорилъ кто-то изъ зрителей.

— Очень я ихъ боюсь!—покраснѣла и весело сказала невѣста.

— Идутъ! — вдругъ воскликнулъ какой-то мальчишка, вбѣжавъ сломя голову въ горницу.

Толпа раздалась, дала дорогу отцу жениха, его женѣ-старухѣ и наконецъ самому жениху. Какъ только раздалось слово: «идутъ!», изъ-за перегородки вышли мать невѣсты, родственницы ея и множество дѣвушекъ-подругъ, которыя помогали невѣстѣ наряжаться. Всѣ вошедшіе помолились на образа, и родители поздоровались.

— Ну?—сказалъ отецъ жениха сыну.—Чего-жъ, Серега?

Серега тряхнулъ волосами и сдѣлалъ шагъ по направленію къ невѣстѣ, а она уже встала съ лавки и поклонилась ему, пока онъ къ ней подходилъ.

— Здравствуйте, Марѳа Александровна! — сказалъ женихъ, протягивая ей руку.

— Здравствуйте, Сергѣй Ивановичъ!—просто и ласково взглянувъ на жениха, такъ же просто и весело сказала она и даже руку жениха потрясла.—Садитеся!

— Садись, садись, господа гости!—говорилъ хозяинъ.—Ужъ васъ не знаю какъ звать,—обратился онъ къ мачехѣ жениха:—подвигайтесь къ окошку-то, поближе!

Всѣ усѣлись среди всеобщаго молчанія. Сѣлъ и женихъ. Для него была приготовлена небольшая скамейка, которую ему пододвинулъ отецъ невѣсты, сказавъ:

— Садись, Сергѣй Иванычъ, поближе къ невѣстѣ-то. Погляди!

Сергѣй Ивановичъ сѣлъ на скамейку прямо противъ невѣсты и прямо глянулъ ей въ глаза, что̀ сдѣлала и она; эта минута была въ высшей степени любопытна: они взглянули другъ на друга молча, среди всеобщаго молчанія, и эта минута пристальнаго молчаливаго взгляда быстро, мгновенно перешла у нихъ въ сильное волненіе, также мгновенное; между женихомъ и невѣстой произошло что-то таинственное, мгновеніе какого-то бурнаго, но скрытаго волненія; не спуская глазъ другъ съ друга, они какъ-то вспыхнули, зардѣлись, даже, кажется, вспотѣли сразу; что-то въ нихъ бурлило, билось въ груди, въ вискахъ, и вдругъ, перекипѣвъ, сразу успокоилось, улеглось, уравновѣсилось... Точно что-то постороннее, чуждое каждому изъ нихъ переливалось между ними, входило въ каждаго изъ нихъ, и какъ вода, влитая въ вино, не сразу смѣшивается съ нимъ и принимаетъ не похожій ни на воду ни на вино цвѣтъ,—такъ и

съ ними было такое непонятное, незнакомое имъ смѣшеніе новыхъ ощущеній, которое, повторяю, продолжалось одно мгновеніе (всѣ молчали, какъ мертвые) и почти сразу прекратилось.

Женихъ и невѣста точно проснулись. Она поправила опять платье и стала смотрѣть на мать, на отца, и женихъ также повернулъ голову къ отцу.

— Какъ тебѣ, тятенька?—сказалъ онъ просто и громко.

— Ужъ гляди ты! Тебѣ жить-то!

— Маменька!—съ такой же простотой и спокойствіемъ обратился женихъ къ мачехѣ. — На вашъ взглядъ какъ?..

— Смотри самъ хорошенько!.. Для меня что-жъ?—для меня всяко ладно!

Женихъ взглянулъ еще на невѣсту. Та была совершенно спокойна, смотрѣла на подругъ и улыбалась имъ, не глядя на жениха, точно ужъ теперь самое трудное для нея кончилось, и она была совершенно покойна и увѣрена.

— Для меня хороша! Много доволенъ вами, Мароа Александровна!

Невѣста поклонилась.

— Въ самый разъ, Сергунька! Въ самый разъ она тебѣ!—послышалось въ толпѣ.

Зашушукала толпа, начались пересуды, но все было прилично и осторожно.

— Давай Богъ!—сказалъ отецъ невѣсты.—Однако, Сергѣй Иванычъ, не торопись... Надо честь-честью. Ужъ ты испробуй ее, какъ порядокъ требуетъ,—я не хочу какъ-нибудь...

— Маменька!—сказалъ Сергѣй.—Какъ вы? Укажите порядокъ, какой слѣдоваетъ...

Старуха подумала и сказала:

— А ну, Мароа Александровна, надо бы тебѣ прялку взять да работу показать.

Прялка оказалась уже совершенно снаряженной и стояла за перегородкой; дѣвицы мгновенно притащили ее, поставили предъ Мароой Александровной, и она сразу превратилась въ ловкую работницу: ловко подобравъ юбку и обнаруживъ новый крѣпкій ботинокъ, она такъ ловко помочила о губы пальцы, такъ искусно засучила нитку, застучала прялкой, что всѣ залюбовались. Нѣкоторая натянутость, обязательная въ такомъ необычномъ собраніи, совсѣмъ исчезла въ ней; вся ея фигура, лицо, руки, все тѣло приняли непринужденную, но дѣловую манеру и посадку.

— Благодаримъ покорно, Марѳа Александровна. Будетъ, довольно—видимъ!—сказалъ женихъ конфузливо.

— Не останешься безъ рубахи! Не безпокойся!..—говорили въ толпѣ и мужскіе и женскіе голоса.

— И напрядетъ и сотчетъ!..

— Нечему ее учить—видишь, все и такъ знаетъ!

— Благодаримъ, Марѳа Александровна!

— Будя! Будя!.. Ладно!—весело улыбаясь, говорилъ отецъ жениха.

Марѳа Александровна такъ же ловко, непринужденно оставила прялку, оправилась и сѣла опять.

— Глядите, глядите, гости дорогіе! — опять заговорилъ отецъ невѣсты. — Я не хочу, чтобы какъ-нибудь... Сергѣй Иванычъ! досматривай во всѣхъ правилахъ!

— Маменька,—сказалъ Сергѣй уже робко: — попытайте Марѳу-то Александровну, какъ что... слѣдуетъ!...

Старуха помолчала, подумала и сказала:

— Ужъ я и забыла никакъ порядки-то!

Тутъ вступилась мать невѣсты, все время глубоко тронутая, ослабѣвшая и взволновавшаяся, и сказала:

— По нашему порядку надо попытать, не хрома ли, молъ? Попытайте, гости дорогіе, все опробуйте!

— Ужъ и не знаю... — нерѣшительно сказала старуха.

— Сама, сама опробуй!—сказалъ отецъ жениха.

— Ну, Марѳуша,—кротко сказала мать:—пройдись, прогуляйся...

— Марѳа Александровна!—послышалось въ толпѣ зрителей:—покажи имъ, какая ты хромая—пропляши!..

Марѳа Александровна, при общемъ смѣхѣ и сама смѣясь, чинно, мелкими шажками прошла взадъ и впередъ мимо жениха...

— Ишь форситъ!—шепнула Анна, стоявшая около меня и все время пристально, не спуская глазъ, слѣдившая за каждымъ малѣйшимъ движеніемъ жениха и невѣсты. — Форсунья!

Дѣйствительно, это путешествіе было самое смѣшное дѣло въ теченіе всѣхъ смотринъ, и Марѳа Александровна не могла не быть неловкой въ такомъ выдуманномъ опытѣ.

— Будетъ, будетъ!—сконфузившись, говорилъ женихъ.— Видимъ, Марѳа Александровна.

— Будя!—говорилъ и отецъ жениха.—Довольно!

— Ужъ такъ водится!—сказала, развеселившись, мать невѣсты.—Ну, садись, Марѳуша... видѣли... все слава Богу!

Отецъ невѣсты все время не садился; онъ постоянно отиралъ потъ съ своего лба краснымъ платкомъ, стараясь безъ всякой утайки чего-либо показать свою дочь передъ женихомъ, родными и публикой. Едва дочь его, послѣ прогулки по комнатѣ, сѣла на лавку, какъ онъ опять началъ:

— Ну, дорогіе гости, таперича никакъ по порядку слѣдуетъ и по сундукамъ поглядѣть?

— Пожалуйте, гости дорогіе!—ласково заговорила мать невѣсты:—Сергѣй Ивановичъ, Иванъ Аѳанасичъ, матушка Марья Андреевна,—пожалуйте въ кладовую!

— Точно что бѣлье надо поглядѣть! — сказала мачеха жениха.

— Пожалуйте, пожалуйте!—говорила мать, зажигая свѣчку, которая до сихъ поръ стояла приготовленная на окнѣ.— Не солгу, скажу: есть что̀ посмотрѣть!

Сергѣй и его отецъ не хотѣли-было идти, но отецъ невѣсты и мать ея уговорили ихъ идти непремѣнно.

— Нѣтъ, ужъ вы честь-честью! Извольте ужъ, чтобъ все! И мы потомъ ваше хозяйство, и дворъ, и все такое осмотримъ. Наше дитё въ обиду не дадимъ, и вы не давайте. Пожалуйте!

Покуда ходили смотрѣть бѣлье, публика вела громкіе разговоры:

— Женихъ больно хорошъ!

— И свекоръ-то, братцы, не старъ...

— Ну, и Мароа — золото!.. Ужъ тепло будетъ отъ нея настоящее!

— То-то свекоръ-то не старъ!—сказалъ кто-то таинственно.

— Н-ну! ты! морда! — возразили нѣкоторыя изъ женщинъ.—Очумѣлъ? Что̀ говоришь-то?!

— Ты дуракъ, чего хаешь?

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ изъ кладовой Сергѣя, его отца и отца невѣсты. Женщины еще остались тамъ.

— Коли ежели,—говорилъ отецъ жениха:—все это она въ самомъ дѣлѣ привезетъ съ собой, такъ и говорить нечего!

— У меня,—гордо сказалъ отецъ невѣсты:—чужого ничего нѣтъ! Ты этого въ мысляхъ не держи нисколько.

— Тутъ нитки чужой не наношено!—всѣмъ хоромъ подтвердила публика.

— Это оставьте и думать.

— А коли такъ, такъ и ладно!.. Теперича когда же наше-то добро поглядите?

Сергѣй говорилъ, что откладывать нечего: сегодня день великъ, можно и сегодня «*смотрѣть дворъ*». Старики стали думать и рѣшили покончить объ этомъ разговоръ послѣ чаю. Дѣло шло ходко; тянуть не было никакого резона, и, пользуясь отсутствіемъ женщинъ, старики завели такой разговоръ:

— Ну, Лександръ Иванычъ,—сказалъ отецъ жениха:— у насъ такое правило, самъ знаешь, насчетъ вывода есть... Сколько ты съ насъ за Марѳу-то Александровну возьмешь?

— Да что̀ съ васъ взять!.. Давайте двадцать пять цѣлковыхъ!

— Многонько, Лександръ Иванычъ! Многонько... А намъ-то что̀ подаришь?

— Что̀ положено, то съ нашей стороны въ точности будетъ. По рубашкѣ со штанамъ, свекровѣ также рубашку и ситцевые рукава...

— Ну, ужъ и Палагеѣ!

— Пущай и Палагеѣ—юбку, что-ль.

Отецъ жениха помолчалъ, подумалъ.

— Такъ,—сказалъ онъ.—А двѣ красныя ежели?..

— Нѣтъ, не такъ ты говоришь! А вотъ какъ лучше: пріѣдемъ, оглядимъ мѣсто; я за свое дитё не постою изъ-за пяти цѣлковыхъ... Ты ужъ думай, сватокъ, объ насъ по-хорошему.

— И это хорошо!..

— А пока что̀... Марѳуша!

Онъ отворилъ дверь въ сѣни и позвалъ дочь. Скоро всѣ женщины вошли въ комнату, подали самоваръ, и гости усѣлись вокругъ стола...

Мы уходили въ ту минуту, когда невѣста, подавъ жениху стаканъ чаю, подала ему затѣмъ расшитое полотенце. Онъ держалъ себя предъ ней уже робко и почтительно, а она была спокойна и словно выросла за эти полчаса времени.

Когда мы воротились на квартиру, чтобы дождаться времени, когда поѣдутъ «смотрѣть дворъ» и присоединиться къ этой компаніи, Анна была уже дома (она ушла послѣ того, какъ женщины пошли смотрѣть имущество) и, несмотря на праздникъ, сидѣла за прялкой. Близость чужого счастья и благополучія еще сильнѣе, чѣмъ собственное горе и нужда, напрягла ея нервы надъ лихорадочной работой.

IX. Избушка на курьихъ ножкахъ.

Продолженіе предыдущаго.

I.

— Подумаешь, подумаешь,—какой еще жизни надо намъ отъ Бога просить, окромѣ крестьянской, ежели только бы мало-мальски благополучно утвердиться?

Вслухъ сдѣлавъ этотъ вопросъ, возница мой не далъ на него никакого опредѣленнаго отвѣта, а только глубоко вздохнулъ, хлестнулъ лошадей и опять замолчалъ. Мы оба молчали съ нимъ и оба много думали молча, возвращаясь послѣ «осмотра двора» домой. И было о чемъ подумать намъ обоимъ. Онъ—бѣдный крестьянинъ-труженикъ, много видѣвшій на своемъ вѣку — съ глубокимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на благосостояніе двора, въ которомъ будутъ жить и хозяйствовать будущіе молодые, здоровые и веселые, мужъ и жена, и то, повидимому, вполнѣ возможное удовлетвореніе всѣхъ самыхъ широкихъ желаній крестьянской мысли и потребностей, которое онъ видѣлъ въ благосостояніи осмотрѣннаго нами крестьянскаго хозяйства, родило въ его умѣ множество воспоминаній и думъ, закончившихся многозначительнымъ и глубокимъ вздохомъ человѣка, хорошо знавшаго, въ чемъ заключается крестьянское счастье, но немного видѣвшаго этого счастья на своемъ вѣку.

Было о чемъ подумать и мнѣ, не крестьянину. Осмотръ двора, въ которомъ будутъ со временемъ жить и хозяйствовать Сергѣй и Мароа, и на меня, человѣка посторонняго крестьянскимъ идеаламъ и желаніямъ, произвелъ впечатлѣніе не менѣе многосложное, чѣмъ на Михайлу. Хорошо, и всего въ домѣ много; все есть: домъ—полная чаша. Но, думалось мнѣ, неужели же только на мысли или заботѣ о единомъ хлѣбѣ будетъ основанъ весь этотъ сложный обиходъ жизни, и притомъ жизни до конца дней? Мы пересмотрѣли каждую малость до косы, грабель, сохи и косаря включительно; все это потрогали «собственными» своими руками; переглядѣли зубы у каждой лошади, щупали у коровъ въ бокахъ, въ ребрахъ; щупали что-то въ шерсти живой овцы, даже въ ея живое мясо запускали пятерни до того, что овца начинала протестовать блеяніемъ. Всѣмъ сонмищемъ гостей, отцовъ, матерей и постороннихъ зрителей и любителей съ удовольствіемъ вязли мы по колѣно

въ жирныхъ и глубокихъ пластахъ накопившагося въ скотникѣ навоза и по чистой совѣсти говорили слово: «благодать!», если приходилось увязнуть выше колѣнъ; но въ концѣ концовъ меня, какъ непривычнаго человѣка, начинало утомлять обиліе трудовыхъ приспособленій, обиліе мелочей, обставляющихъ этотъ вѣковѣчный непрерывный трудъ,—трудъ для одежи, «обужи», чтобы, пріобрѣтя то и другое, пріобрѣсти въ концѣ концовъ и кусокъ хлѣба, а при его помощи опять же биться изъ-за одежи и изъ-за «обужи», и такъ жить до конца дней.

«Неужели же все это—о единомъ хлѣбѣ?»—не безъ страха передъ ничтожностью суеты суетъ приходило мнѣ въ голову, по мѣрѣ того, какъ вниманіе мое все болѣе и болѣе утомлялось обиліемъ хозяйственныхъ мелочей. Я невольно припоминалъ свой собственный опытъ деревенской жизни, притягивающій какъ отдохновеніе отъ суеты суетъ городской, и находилъ, что и деревенская суета суетъ не выработалась ни во что иное, кромѣ пустопорожняго недосуга.

Но едва мысль отрѣшилась отъ впечатлѣній, возбуждаемыхъ обстановкою хозяйственнаго крестьянскаго двора, и прикасалась къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя въ городѣ побуждали меня иногда искать «отдохновенія въ деревнѣ», какъ тотчасъ же воображеніе начинали осаждать такія воспоминанія, отъ которыхъ становилось несравненно страшнѣе, чѣмъ отъ утомляющихъ мелочей добыванія крестьянскаго хлѣба, крестьянской одежи и «обужи».

Между прочимъ, совершенно неожиданно вспомнилась небольшая газетная замѣтка, которую я прочиталъ наканунѣ во время дороги. Въ какомъ-то судебномъ учрежденіи, гдѣ были прокуроръ и адвокатъ, разбиралось дѣло о крестьянкѣ (я забылъ ея фамилію), обвинявшейся въ небрежномъ отношеніи къ своему ребенку. Дѣло заключалось въ томъ, что ребенокъ былъ оставленъ безъ надзора матерью-поденщицей въ углу, который она занимала. Въ отсутствіи матери, ушедшей на поденщину, ребенокъ влѣзъ на окно и по неосторожности свалился со второго этажа на мостовую двора, расшибся и, кажется, умеръ. Не могу припомнить, умеръ ли онъ или нѣтъ, но о его увѣчьѣ былъ составленъ протоколъ и препровожденъ куда слѣдуетъ. Безъ виноватаго и протоколъ не въ протоколъ. Привлечена была мать, виновная въ такомъ нерадѣніи, послѣдствіемъ котораго было увѣчье ребенка и даже, кажется, его смерть.

Прокуроръ требовалъ подвергнуть ее двухнедѣльному тюремному заключенію; защитникъ былъ снисходительнѣе и покорнѣйше просилъ ограничиться штрафомъ въ три рубля. «Послѣднее слово» обвиняемой состояло въ томъ, что она просто только показала суду свои мозолистыя руки, объявила, что, работая поденно за 30 коп., она не можетъ заплатить суду трехъ рублей, и что если ребенокъ ея и расшибся, то потому, что брать его съ собою на работу нельзя, а нанимать ему няньку нѣтъ средствъ. Все это оказывалось столь простымъ и удобопонятнымъ, что обвиняемая, кажется, была оставлена безъ наказанія.

Въ деревнѣ оставленный матерью ребенокъ можетъ также вывалиться изъ окна и умереть отъ ушиба; онъ можетъ даже всю деревню сжечь, оставшись одинъ. Но никому въ голову не придетъ представлять во имя справедливой кары какую-то комедію единственно изъ-за того, чтобы заработать на ней средства къ жизни. Ребенокъ можетъ убиться, умереть и пролежать мертвымъ цѣлыя сутки; наконецъ его можетъ съѣсть свинья, но виноватъ въ этомъ будетъ только подлинно виноватый, т.-е. случай, благодаря которому ни матери ни людей дома не было, и некому было помочь, замѣтить пожаръ, прогнать свинью, помочь ребенку.

Тотъ кусокъ хлѣба, который добывается деревенскою хозяйственной, тянущейся всю жизнь отъ колыбели до могилы, суетой суетъ—мнѣ кажется, ставитъ и душу человѣческую въ невозможность быть проданной изъ-за куска хлѣба. И во мнѣ рождается сомнѣніе: точно ли въ этой хозяйственной суетѣ суетъ забота только о единомъ хлѣбѣ? Можетъ-быть, въ этой неустанной суетѣ суетъ вокругъ своего дома и своей личности сказывается самая тонкая щепетильность человѣческаго достоинства, не желающаго подвергнуть малѣйшему насилію свою неизломанную душу?

Вотъ какія думы волновали меня на возвратномъ пути съ «осмотра двора», и я былъ душевно радъ, когда мои колеблющіяся мысли были сразу прекращены неожиданнымъ возгласомъ Михайлы, также крѣпко думавшаго обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ нами. Думалъ онъ по-своему, по-крестьянски; до поразительности ясно видѣлъ передъ собою красоту и «благодать» хорошаго, прочнаго крестьянскаго хозяйства, и въ тонѣ его голоса, которымъ онъ нежданно-негаданно произнесъ слова о томъ, что ежели бы Богъ далъ хорошо устроиться по-хозяйски, такъ человѣку и желать больше нечего, слышалась такая незыблемая вѣра въ

каждое слово, что я съ радостью прекратилъ мои тревожныя думы. Я просто оборвалъ ихъ и былъ радъ слышать увѣренную, твердую, ни въ одномъ словѣ не выдуманную человѣческую рѣчь...

— А все-таки,—сказалъ я, чтобы вызвать Михайлу на разговоръ и прекратить свои собственныя размышленія:— все-таки и вамъ безъ денегъ въ хозяйствѣ не обойтись!

— Да вѣдь какъ же обойдешься-то!—неохотно проговорилъ онъ и замолчалъ.

II.

Ѣхали мы съ Михайлой медленно; времени у насъ было много; оба мы знали, что до отъѣзда на желѣзную дорогу вдоволь еще успѣемъ насидѣться и дома и на вокзалѣ; впечатлѣнія видѣннаго навели насъ на трудныя и многосложныя размышленія, и мы оба, хорошо это понимая, свободно предавались молчанію, зная, что не стѣсняемъ этимъ другъ друга. Лошади шли тихонько по грязноватой лѣсной дорогѣ, которая размякла подъ вечеръ отъ какой-то густой сырости, распространившейся по землѣ подъ вечеръ. Въ вечернемъ сумракѣ, окруженныя густымъ сырымъ воздухомъ, недвижно, не шевеля ни одной вѣткой, медленно проходили мимо нашей телѣги голыя деревья; ни звука ни птички,— тишина и молчаніе.

И долго молчали мы послѣ послѣдняго замѣчанія о деньгахъ; вопросъ мой о нихъ, очевидно, попалъ въ теченіе мыслей Михайлы и осложнилъ ихъ новыми соображеніями. Долго не говорилъ онъ ничего, и долго я видѣлъ передъ собою только его широкую спину и широчайшій воротникъ его армяка, поднятый выше затылка. Думалъ онъ о чемъ-то, тихо понукалъ лошадей, шевелилъ кнутомъ и молчалъ.

— Деньги! — наконецъ нерѣшительнымъ голосомъ произнесъ онъ, слегка повернувшись въ мою сторону.—Деньги... оно, конечно, что̀ говорить... А ужъ какъ онѣ нашему брату, мужику, трудны—такъ это не дай Господи!..

Подумалъ онъ, помолчалъ и проговорилъ:

— И опять сказать—складу у насъ округъ денегъ нѣтъ настоящаго.

И опять Михайла подумалъ и опять сказалъ:

— Вонъ одинъ мужикъ какъ-то у насъ оставилъ сыну пятьсотъ рублей денегъ, а сынъ-то, чѣмъ бы какъ добромъ ихъ обернуть, только и выдумалъ вмѣстѣ съ матерью ломаться надъ женой да надъ жениной родней, потому бѣдные

крестьяне. Мудрятъ оба надъ нищими — только и проку вышло отъ денегъ... А безъ денегъ, можетъ, и просто бы вмѣстѣ съ женой въ упряжкѣ шелъ, тихо, смирно... Какъ тутъ разобрать?..—Михайло снова замолкъ, что-то соображая.—Или такъ сказать: приходятъ деньги по препорціи,— продолжалъ онъ:—и тогда хорошо бываетъ. Вотъ хоть бы взять Петькина отца *). Ужъ, кажется, всю семью прямо на голодную смерть велъ. Во всемъ разстройство—ни хлѣба ни одежи... Что̀ сработаетъ на рубль, на полтора по плотницкой части, то и пропьетъ съ горя... А какъ попалъ махонькой Петюшка на фабрику спички дѣлать и сталъ каждую субботу аккуратно деньги приносить—гляди-ка-сь, теперь вся семья и стала на ноги! Право слово! И мать Петькина хоть на человѣка похожа стала. Прежде, бывало, идетъ—грудь голая, на плечахъ мужнинъ армякъ, лохмотьями по голымъ ногамъ бьетъ, а теперь, ей-Богу, на человѣка похожа! Да и самъ-то хо̀ть немного отъ пьянства отчихался, все по дому сталъ больше хлопотать... А все на Петькѣ держится... Родители-то его почитаютъ: «Кормилецъ нашъ, говорятъ, ты нашъ хозяинъ, Петенька золотой!.. Не погуби насъ!..» Вотъ Петька-то и раздирается; прежде коробки клеилъ, а теперь ужъ и въ самое пекло влѣзъ... Слабъ мальчонка: «рвота, говоритъ, иной разъ отъ спичкинова составу-то донимаетъ», а все прётъ, серденокъ... Ну, а какъ Петька-то помретъ, задохнется отъ составу-то?.. Легко ли дѣло этакому мальчишкѣ на своей шеѣ эку ораву выволочь? А въ крестьянствѣ-то, ежели то-есть Господь дастъ все благополучно, — анъ тамъ-то дѣло-то потверже будетъ, и спичекъ своихъ можно будетъ сдѣлать!..

Михайла стегнулъ лошадей и сѣлъ ко мнѣ совсѣмъ полуоборотомъ.

— Или, примѣромъ взять, тожъ съ этими спичками другой оборотъ. Есть тутъ у насъ мужичокъ Спиридоновъ съ женой и съ пятью дѣтьми... И жилъ онъ до этихъ самыхъ спичекъ вполнѣ по-крестьянски, форменно... А съ пятью-то дѣтямъ самъ, чай, знаешь, легко ли дѣло хлѣбъ-то добывать?.. Ребятишки не велики, помоги отъ нихъ не видать—оно и захруститъ въ хребтѣ-то. Ну однакожъ жили хоть и трудно и бѣдненько, а по-хорошему, на порядочномъ положеніи... Вотъ и пробираются въ наши мѣста эти самыя спички... Стали собирать ребятъ, стали лакомить

*) См. разсказъ: «Петькина карьера».

деньгами... Шутемъ-шутемъ, то Петюшка гривенникъ притащитъ, то Мароутка пятакъ волочитъ, то коробки какія-то, то лучинки—такъ, на мужицкій глазъ, плевое дѣло. А между прочимъ—деньги-то даютъ! Вотъ и стали родители во вкусъ входить... Понемножку да полегоньку—и Спиридоновъ-то всѣхъ своихъ пятерыхъ представилъ на фабрику... Да какъ стали они пятеро-то ему кажную недѣлю по полтора цѣлковыхъ приносить каждый, такъ они оба съ женой-то и раскисли... Разслабѣли, развезло ихъ отъ полнаго удовольствія! «Пойдемъ, Авдотья, въ трактиръ, попьемъ, погуляемъ съ тобой! Господь намъ радость послалъ! Думали, какъ бы съ ребятами по міру не пойти, анъ вонъ какой оборотъ вышелъ! Ровно помѣщики мы съ тобой, Дунька, оказались! Теперь рожай, сколь хошь! Не робѣй. Окончательно проживемъ на бѣломъ свѣтѣ по-хорошему... Пей, Дунька, ничего, слава Богу, Господь насъ не оставляетъ!» Ну, а какъ Господь-то оставитъ? Какъ привыкнетъ Спиридоновъ-то не безпокоиться? А какъ ребята отъ хозяйства отвыкнутъ? Тогда что?

Михайла замолчалъ, вопросительно глядя на меня.

— Вотъ деньги-то!—сказалъ онъ, тряхнувъ головой. — Нескладно у насъ что-то съ ними въ крестьянствѣ!.. Ужъ нѣтъ того хуже, какъ мужику да безъ крестьянства деньги на хлѣбъ добывать! Не приведи Царица Небесная!..

Михайла съ глубокимъ отчаяньемъ махнулъ рукой.

— Страшно, страшно, братецъ ты мой, идти по свѣту копейку на хлѣбъ добывать!..—продолжалъ онъ съ дрожаніемъ въ голосѣ.—Вотъ онъ, свѣтъ-то бѣлый, на всѣ четыре стороны, конца-краю ему нѣтъ! Иди! отыщи въ немъ гривенникъ!.. Нѣтъ! Не дай Богъ лихому лиходѣю отвѣдать этого!..

Я не понималъ того чрезвычайнаго волненія, которое чувствовалось въ голосѣ Михайлы, когда онъ говорилъ послѣднія слова, и молчалъ.

— Мнѣ вотъ, ежели сосчитать, — продолжалъ Михайла нервнымъ и дрожащимъ голосомъ: — почитай, ужъ за сорокъ перевалило... Работаю я по дому одинъ съ бабой, ребятенки маленькіе, иной разъ и хребетъ не покоряется — ни согнуть ни разогнуть... И дожили мы своими трудами, самъ ты знаешь, до мышиной норы. Не то домъ, а избой назвать нельзя нашего жилья... Не больше, какъ на курьихъ лапкахъ, на веретенныхъ пяткахъ избушка, какъ въ сказкахъ сказывается, а и то она мнѣ земной рай! И за

то я и денно и нощно Бога благодарю, что удостоилъ Онъ меня къ тихому пристанищу пристать!.. И въ голоду будемъ сидѣть, кору съ высѣвками мѣшать, и то я своей норы не оставлю!

— А если хорошее мѣсто попадется?—сказалъ я, желая случайнымъ и незначащимъ вопросомъ немного поуспокоить взволнованнаго Михайлу.

— Золотомъ осыпь—и то не пойду изъ своего угла, не покину своей землишки! Ты спроси-ка у меня, какъ я жизнь-то свою перестрадалъ безъ крестьянства-то! Спроси-ка-сь ты меня, какъ я гривенникъ-то на хлѣбъ на соль по бѣлу свѣту разыскивалъ, такъ вотъ тебѣ и станетъ явственно видно: тебѣ оказываетъ — избушка на курьихъ лапкахъ на веретенныхъ пяткахъ близъ тракту стоитъ, гдѣ извозчикъ Михайла съ семьей бьется; а мнѣ оказываетъ— рай пресвѣтлый, а не на курьихъ ножкахъ! Вотъ какъ я нору-то мою по моимъ мученіямъ понимаю!..

Михайла, вдругъ снявъ съ головы шапку, перекрестился широкимъ крестомъ и произнесъ торжественно:

— Благодарю моего Господа! Пріютилъ меня на святой Своей землѣ!.. Доволенъ, ничего больше не желаю!..

Громко и долго благодарилъ Михайла Бога за Его милости. Наконецъ, немного успокоившись и надѣвъ шапку, онъ обратился ко мнѣ и еще разъ проговорилъ:

— Ты меня спроси, что̀ я терпѣлъ, такъ и будетъ тебѣ извѣстно, что̀ такое за жизнь крестьянина да безъ крестьянства!..

Предложеніе Михайлы было для меня какъ нельзя болѣе пріятно: времени, повторяю, у насъ съ нимъ было вдоволь, притомъ времени совершенно свободнаго, — такого, какое именно и хорошо для простого, душевнаго разговора вообще о жизни... Но не успѣлъ я открыть рта, чтобы съ радостью, которую пробудило во мнѣ предложеніе Михайлы, сказать ему: «Пожалуйста, разсказывай!», какъ что-то горькое шевельнулось у меня въ сердцѣ и на мгновеніе заставило замолчать.

Горько мнѣ стало отъ воспоминанія о томъ, что вѣдь я давно знаю Михайлу. Лѣтъ пять я уже вообще знакомъ съ нимъ, а года два имѣю постоянныя сношенія съ нимъ каждый разъ, какъ пріѣзжаю въ деревню. И вотъ оказывается, что въ эти пять лѣтъ мнѣ ни разу не пришло въ голову узнать жизнь этого человѣка, который сотни разъ привозилъ меня домой, увозилъ изъ дому, хлопоталъ

о моихъ порученіяхъ, совѣтовалъ и объяснялъ, «какъ лучше» сдѣлать то или другое деревенское дѣло... Черезъ пять лѣтъ знакомства самъ Михайла говорилъ мнѣ: «кабы ты зналъ мою жизнь!», а я въ пять лѣтъ изучилъ только манеру Михайлы ѣздить, изучилъ цвѣтъ и качество его армяка, въ которомъ онъ сидѣлъ ко мнѣ спиной, помнилъ его шапку, бороду, глаза, улыбку, зналъ такія нравственныя качества, какъ честность, аккуратность, зналъ, что онъ живетъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, а какова жизнь этого уже пожилого человѣка, какъ онъ прожилъ ее, что̀ его держало на свѣтѣ,—спросить не догадался!

А все нашъ недосугъ, «то то̀, то другое», вся та «своя часть», которая теперь исключительно наполняетъ все существованіе россіянина, довольствующагося и обремененнаго микроскопическими заботами собственной кутузки. Постепенно, медленно, но систематически шло у насъ на Руси это дѣло разъединенія людей въ общихъ вопросахъ жизни, и не вдругъ воспиталось умѣнье наполнять жизнь цѣлаго дня пустопорожней суетой личнаго недосуга; но въ концѣ концовъ невниманіе къ жизни ближняго воспиталось-таки въ насъ въ весьма достаточной степени.

Вотъ мнѣ стало горько и обидно за себя, что я могъ быть пять лѣтъ невнимательнымъ къ человѣку, почти постоянно бывшему на моихъ глазахъ. И теперь, въ дорогѣ, въ полномъ досугѣ, когда никакихъ личныхъ безпокойствъ и мелочей не предстояло разрѣшать и обдумывать, мнѣ показалось просто непостижимымъ, какимъ образомъ могло случиться, что я такъ мало интересовался такимъ любопытнымъ въ однообразіи деревенской жизни человѣкомъ, какъ Михайла? Съ толпой народа, съ толпой народной массы можно было быть разъединеннымъ: эта разъединенность прямо воспитывалась въ насъ, и всякое сближеніе съ массой вообще ниоткуда не получало ни капли поощренія. Тутъ можно было сначала привыкнуть къ осторожности, а потомъ уже стать совершенно равнодушнымъ и довольствоваться своей частью. Но Михайла вовсе не подходилъ къ «толпѣ» — онъ былъ «самъ по себѣ», онъ самъ на моихъ глазахъ только вступалъ въ народную массу, только становился мужикомъ и вообще не подходилъ ни подъ какія инструкціи. И однакожъ, благодаря медленной, постепенной практикѣ въ отчужденіи отъ людскихъ интересовъ, вышло такъ, что я ровно пять лѣтъ могъ самымъ небрежнѣйшимъ образомъ относиться къ крайне любопытному человѣку, и

нужна была такая случайность, какъ цѣлые часы полнѣйшаго досуга, котораго некуда было дѣвать, и кромѣ того нужно было нежданное-негаданное предложеніе самого Михайлы—узнать его жизнь,—чтобы я вспомнилъ о томъ далекомъ времени, когда Михайла на минуту заинтересовалъ меня...

III.

Это было пять лѣтъ тому назадъ, въ самое благословенное время деревенской весны. Для художника этотъ моментъ весны не даетъ никакихъ яркихъ и радующихъ красокъ: рыжая мертвая трава, кое-гдѣ еще придавленная почернѣвшими, отвердѣлыми пластами снѣга; голыя и притомъ кажущіяся какъ бы голодными и холодными деревья, истощенная, вялая, пролежавшая себѣ бока до голаго тѣла скотина, вся запачканная, неряшливая, и такіе же смятые, скомканные, поблѣднѣвшіе, отощавшіе за зиму люди — все это не возбуждаетъ художественнаго волненія; но на все это нищенство природы, людей и животныхъ яркимъ полымемъ налитъ развеселое сердце, а среди холодной и голодной растительности береговъ разыгралась рѣка, съ каждой минутой поднимающая все выше и выше свои воды, всегда въ эту пору года отливающая самымъ нѣжнымъ лазуревымъ цвѣтомъ. Начинается воскресеніе изъ мертвыхъ, мертвецъ начинаетъ теплѣть, и счастье жить на бѣломъ свѣтѣ ощущается всѣмъ живымъ и вѣетъ отъ всего неживого...

Въ такую пору, когда отъ разливовъ и отъ таянія снѣга по полямъ и дорогамъ крестьянину нѣтъ возможности ни выѣхать ни пройти изъ дому хоть бы за сѣномъ, за дровами или на базаръ, чтобы что-нибудь купить или продать, весь деревенскій народъ нѣкоторое время находится въ полномъ бездѣйствіи, отогрѣваясь на солнцѣ, любуясь начинающимся воскресеніемъ природы изъ мертвыхъ. Тепло на дворѣ, хорошо, хоть и голодно и холодно въ избѣ. Хорошо такъ-то постоять середь улицы, просто постоять, поглядѣть на небо, спину погрѣть на солнцѣ, плечами отъ удовольствія пошевелить... Дрема какая-то стоитъ надъ деревней, дрема пріятная: даже скотина, ободранная и пролежавшая себѣ бока, стоитъ въ пустомъ полѣ и не пытается опустить къ землѣ голову, чтобы рвануть клокъ рыжей травы... Она только дремлетъ, подставляя голый бокъ теплому солнцу...

Отъ - нечего - дѣлать въ это время любимое занятіе деревенскаго стараго и малаго—ходить на рѣчку смот-

рѣть, какъ ее поднимаетъ. Наша рѣчонка, лѣтомъ почти совершенно пересыхающая, весной совершенно преобразуется. Рѣчонка эта идетъ изъ глухихъ лѣсныхъ мѣстъ самыми прихотливыми извилинами, круто поворачивая почти на каждыхъ ста саженяхъ. Весной она такъ высоко поднимается въ берегахъ, что дѣлается удобной для сплава лѣса и дровъ, заготовленныхъ на зиму въ лѣсной глуши у ея истоковъ. Вотъ на эту-то гонку лѣса и ходятъ смотрѣть деревенскіе жители. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы одно только зрѣлище гонки привлекало деревенскихъ зрителей: иной разъ, и очень часто, какое-нибудь бревно, зацѣпившись за какой-нибудь камень, которыми усѣяно все дно рѣчки, остановится, загородитъ дорогу бревнамъ, которыя за нимъ слѣдуютъ, и остановитъ всю гонку. Бревна или дрова огромной сплошной массой застелятъ тогда всю поверхность воды; иногда надвинутся и налягутъ другъ на друга въ нѣсколько рядовъ и лежатъ такъ до тѣхъ поръ, пока не прибѣгутъ рабочіе лѣсоторговца, занимающагося сплавомъ, и не разобьютъ запруды. Но такъ какъ рабочіе иногда не появляются по дню и больше, то нижніе слои бревенъ и дровъ пролежатъ долгое время въ водѣ, намокаютъ и ложатся на дно. Такъ вотъ эти-то моклыя дрова и бревна, не меньше, чѣмъ удовольствіе чувствовать начинающееся воскресеніе, привлекаютъ деревенскихъ зрителей на берегъ рѣки... Пройдетъ гонка — и моклыя бревна и дрова вылавливаются со дна рѣки, сушатся и идутъ въ дѣло. Богъ послалъ!

Пять лѣтъ тому назадъ, такъ же, какъ всегда, объятая дремой ничегонедѣланія и удовольствіемъ чувствовать воскресеніе изъ мертвыхъ — деревня, старая и малая, разсѣялась на берегу рѣчки и глазѣла на гонку лѣса. Былъ тутъ и я. Бѣжали сплошными массами дрова, бѣжали опрометью, сломя голову. За дровами послѣ нѣкотораго перерыва понеслись бревна, большею частью поодиночкѣ, одно за однимъ или ужъ много по два, по три... Налюбовавшись этимъ зрѣлищемъ, иные хотѣли уходить, когда послѣ одного перерыва между одной гонкой и другой вдругъ на изгибѣ рѣчки показалось что-то небывалое.

Прежде всего ясно очертилась бѣлая полоса во всю ширь рѣки, означавшая приближеніе дровяной гонки, а за нею показались, очевидно, въ самой срединѣ этой сплошной площади дровъ, какіе-то вздымающіеся вверхъ шесты, очертились какія-то человѣческія фигуры, затѣмъ по-

слышались голоса, и не успѣли мы сообразить, въ чемъ дѣло, какъ мимо насъ пронеслось нѣчто никогда невиданное. Сначала стремительно прогремѣли, стуча другъ о друга, сплошныя массы дровъ, затѣмъ среди этой же массы, вертясь отъ быстраго и бурливаго теченія рѣчки, расталкивая и толкаясь о дрова, о берега, кружась, не проплылъ, а мелькнулъ мимо насъ плотъ съ двумя человѣческими фигурами. Одна изъ фигуръ показалась намъ бабой съ ребенкомъ; она сидѣла, скорчившись, около чего-то, похожаго на узелъ. Мужчина, бывшій на плоту, очевидно, старался изъ всѣхъ силъ, поворачивалъ направо, налѣво, пихая шестомъ въ берегъ, въ воду, и, повернувшись на поворотѣ, исчезъ вмѣстѣ съ плотомъ, съ бабой и со своимъ шестомъ. Вслѣдъ за ними мчались опять дрова, точно догоняя, и опять среди нихъ пронесся другой плотъ съ другимъ мужикомъ, который, также вертясь вмѣстѣ съ плотомъ и шестомъ и имѣя вообще какой-то изступленный видъ, мгновенно пронесся мимо и какъ бы опрокинулся за поворотомъ рѣчки. Все было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, но впечатлѣніе появленія какихъ-то необычныхъ путешественниковъ было такъ сильно, что всѣ, кто только ни былъ въ это время на берегу, не говоря другъ другу ни слова, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросились бѣжать по направленію къ мосту; мостъ былъ близко, а рѣка дѣлала много извилинъ, прежде чѣмъ доходила до моста. Слѣдовательно путешественники должны промчаться подъ мостомъ гораздо позже того, чѣмъ заинтересованные зрители добѣгутъ до него. И зрители, отъ которыхъ не отставалъ и я, точно, поспѣли къ мѣсту предстоящаго зрѣлища гораздо раньше прибытія путешественниковъ.

Когда мы впопыхахъ прибѣжали къ мосту, тамъ уже находилась группа людей, мужиковъ и бабъ, которые стояли на мосту и смотрѣли именно въ ту сторону, въ которую слѣдовало смотрѣть и намъ. Увидавъ, что изъ сосѣдней деревни бѣжалъ народъ (мостъ соединяетъ разныя деревни), какая-то женщина изъ группы, стоявшей на мосту, подошла къ намъ и спросила:

— Вы чего бѣжите-то? Ай что̀ случилось?

— Какихъ-то мужиковъ на плотахъ мимо насъ пронесло... Такъ и вертитъ верткомъ!

— Ай ужъ прибѣжали? — весело спросила баба. — Иванъ! — крикнула она мужику, стоявшему на берегу у моста съ лошадью:—пробѣжалъ Михайла-то!

— О?

— Сейчасъ его донесетъ! Шестъ-то припаси... Схватиться!

— Веревкой складнѣй зацѣпить?

— Это кто-жъ плыветъ-то?—спросили въ толпѣ.

— Да тутъ одинъ мужичокъ... Жить хочетъ у насъ.

— Не здѣшній, что ли?

— Нѣтъ, онъ здѣшній, только подолгу дома не бывалъ, а теперь вотъ на свою землю сѣсть хочетъ...

— А-а! Такъ чего онъ плылъ-то?

— А это онъ домъ перевозитъ: домишко купилъ на сносъ, такъ вотъ по водѣ и помчалъ. А бабу не видали тамъ?

— И баба есть, съ ребенкомъ.

— Ну, они!.. Ну, дай Богъ!—радостно говорила баба.— Намаялся, намаялся сердечный! Дай Богъ здоровья Емельяновымъ—добрые люди. Слова не сказали — двадцать пять рублей дали въ долгъ. Вотъ онъ и купилъ хатку-то, баню никакъ, да все уголъ!

— Это такіе же Емельяновы?—спросилъ кто-то, интересуясь добротой, выраженной двадцатью пятью рублями.

— Да такіе вотъ, хорошіе, не нашенскіе... Мужъ да баба, а дѣтей у нея нѣтъ... Вотъ она, добрая-предобрая, и подбиваетъ мужа добро дѣлать. Приди, разскажи—завсегда поможетъ! Вотъ на нихъ-то Михайла и напалъ, а то бы сердягѣ такъ и пропадать съ бабой...

— Такъ и дала безъ всего, безъ залогу?

— Такъ и дала... Идетъ Михайла, шатается, не пилъ, не ѣлъ, а она навстрѣчу... «Что̀ да что̀?» Тотъ и разсказалъ, ну, она говоритъ — «пойдемъ къ мужу!» Привела, позвала мужа: «вотъ что̀, Егорушка, оправь человѣка!..» Только и всего. Такъ мужъ-то любитъ ее больно; горе—дѣтей-то нѣтъ, а отъ отца имъ большой достатокъ остался... Ну, мужъ-то ужъ и не ослушается. Вынулъ ассигнацію—«поправляйся!» Вотъ Михайлу-то какъ Богъ спасъ... Ты думаешь, нѣтъ добрыхъ людей?

— Эва! Эва!—загалдѣли въ толпѣ зрителей.—Эва какъ ворочаетъ! Плывутъ! Ребята, бѣги на берегъ! Разобьется объ мостъ...

Дѣйствительно, пловцы съ шестами въ рукахъ, вертясь на своихъ плотахъ, стремительно вынеслись изъ-за поворота рѣчки и неслись къ мосту. Народъ бросился съ моста на берегъ, зашумѣлъ и загалдѣлъ. Пошелъ какой-то обоюдный крикъ съ плотовъ на берегъ и съ берега на плоты.

Поднимались и бросались шесты, веревки, и наконецъ путешественники были пойманы у самаго каменнаго быка, подпиравшаго конецъ моста, и выбрались на берегъ. Они были изнурены до чрезвычайности... Баба едва сдѣлала два шага, какъ ноги у нея подкосились, и она сѣла съ ребенкомъ на сырую землю. Мужикъ съ перваго плота прямо повалился на землю, едва ступивъ на берегъ, и тяжело дышалъ, шепча: — «Погоди, братцы, закружило!» Еле-еле, какъ пьяный, держался на ногахъ и другой мужикъ съ другого плота, каждую минуту готовый свалиться навзничь. Но онъ удержался, имѣлъ силу снять шапку, поклониться народу и сказать:

— Дай вамъ Богъ!.. Н-ну, здрав-ствуйте!..

— Здравствуй, здравствуй, Михайла!..—весело говорила та женщина, что̀ первая встрѣтила насъ на мосту *).—Гдѣ узелъ-то? Сундукъ-то есть ли?

— Ну, пущай! Пойдемъ! Пойдемте чай пить!.. Съ пріѣздомъ! Дай Богъ счастливо! Помоги вамъ Царица Небесная!

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ появился Михайла опять на родинѣ послѣ продолжительныхъ, многолѣтнихъ скитаній. Въ этотъ весенній день я увидѣлъ его въ первый разъ, а затѣмъ потянулись дни и годы, въ теченіе которыхъ много разъ приходилось вспоминать его, видѣть, а потомъ и дѣла дѣлать, но не приходилось интересоваться его жизнью.

Помню, что послѣ перваго появленія Михайлы въ нашихъ мѣстахъ, спустя много времени, увидѣлъ я, что кто-то строится при дорогѣ въ пустомъ, незастроенномъ мѣстѣ. Лежатъ четыре черныхъ бревна, означающихъ начало постройки, а сбоку ихъ цѣлая куча другихъ бревенъ.

— Кто это строится?—говорю отъ-нечего-дѣлать извозчику.

— Да тутъ нашъ одинъ... Приплылъ-то!

— А!..

И еще полгода проходитъ, и опять ѣду мимо Михайловой постройки, и опять отъ-нечего-дѣлать спрашиваю:

— Что̀ же это онъ все никакъ не выстроится? всего только стѣны кой-какъ сложилъ?

— Да недостача все... Они вѣдь только съ бабой двое бьются-то.

---

*) Объ этой женщинѣ будетъ разсказано особо.

— Какъ съ бабой?

— Да такъ. Оба возьмутъ дерево и волокутъ... Нешто легко... Нанять-то не на что... Ну, и баба тоже у него— не отстаетъ!.. Бьются крѣпко!..

— Крѣпко бьются?

— Страсть!

А чрезъ годъ опять пришлось спросить:

— А-а! И огонекъ ужъ свѣтится?

— Какъ же! Ужъ живутъ.

— Давно ли?

— Да ужъ съ мѣсяцъ никакъ живутъ!.. Ишь, удѣлали! Самъ съ бабой крышу крылъ! Лазіютъ оба по крышѣ-то!..

— И баба лазитъ?

— Та ужъ не отстанетъ. Ишь какой удѣлали упокой!

— Да, ничего!

— Чего-жъ!.. Ишь, и дерево посадилъ подъ окномъ. Красивѣй!

Поглядѣлъ я и на дерево. Затѣмъ проѣхалъ мимо и позабылъ.

Но однажды Михайла самъ очень близко подошелъ ко мнѣ и положилъ основаніе болѣе близкому знакомству: во вьюжную зимнюю ночь, когда на станціи не было ни единаго извозчика, ко мнѣ подошелъ Михайло, обвязанный весь какими-то тряпками, и робко предложилъ довезти. Крайняя робость въ голосѣ, которымъ онъ дѣлалъ предложеніе (тогда какъ другіе извозчики набрасываются съ громкими криками на сѣдоковъ), объяснилась очень скоро. Лошадь Михайлы оказалась столь безсильной и микроскопической, что едва протащила насъ саженъ сто и стала. Михайла, который былъ ростомъ вдвое болѣе своей лошади, слѣзъ первый и еще сто саженъ везъ меня вмѣстѣ съ лошадью, схватившись за оглоблю, но подъ конецъ оба они остановились, и Михайло тѣмъ же робкимъ голосомъ сказалъ:

— Ужъ извините, сдѣлайте одолженіе! Нейдетъ! Вещи предоставлю... а ужъ извините!.. пѣшечкомъ приходится!

И такъ мы на этотъ разъ пришли домой пѣшкомъ. И съ этихъ поръ Михайла всякій разъ появлялся на станціонной платформѣ именно въ такія минуты, когда ямщиковъ нѣтъ: буря, рабочая пора, проливной дождь. Предложеніе подвезти онъ всегда дѣлалъ самымъ робкимъ голосомъ и съ самымъ робкимъ выраженіемъ лица, такъ какъ онъ навѣрно зналъ, что подвезти — значитъ идти пѣшкомъ. И такъ продолжа-

лось довольно долго, но не знаю, возмужала ли его лошаденка, или онъ вымѣнялъ другую, только настали времена, когда съ Михайлой можно было уже достигать и до самаго дому, не вылѣзая на дорогѣ, а затѣмъ мало-по-малу перемѣнилась и телѣга и лошадь, и Михайла сталъ не хуже другихъ постоянныхъ извозчиковъ станціи.

И вотъ никакъ не менѣе двухъ лѣтъ я знаю Михайлу довольно близко, какъ близко сидящаго ко мнѣ ямщика; знаю его шапку, армякъ и бороду, а жизни его не знаю, и онъ самъ совѣтуетъ мнѣ узнать его жизнь. Но, слава Богу, дѣло было на досугѣ, ничто мнѣ не мѣшало, и я былъ радъ, что съ удовольствіемъ и совершенно искренно могъ сказать ему:

— Пожалуйста, Михайла, разскажи!

И Михайла охотно сталъ разсказывать.

Разсказывалъ онъ и въ дорогѣ, и дома, гдѣ мы отъ-нечего-дѣлать пили чай, и на вокзалѣ, гдѣ тотъ же чай сокращалъ часы ожиданія поѣзда. Пересказывать всего мною слышаннаго я не буду: обиліе частностей и случайностей можетъ безплодно утомить читателя. Достаточно пересказать только то, что можетъ дать понятіе о большомъ горѣ людей, живущихъ въ маленькихъ избушкахъ.

IV.

— Вотъ въ этой самой рукѣ,—между прочимъ, разсказывалъ Михайла:—когда еще и мнѣ и рукѣ-то моей только-что десятый годъ шелъ, держалъ я, братецъ ты мой, ножикъ кухольный и къ горлу моему этотъ ножикъ подносилъ—жизни хотѣлъ лишиться — да Господь меня спасъ!.. Вотъ какая была моя жизнь сызмальства!..

Отецъ Михайлы хоть и считался крестьяниномъ, но съ раннихъ лѣтъ совершенно отдѣлился отъ крестьянской среды. Рано оставшись сиротой, онъ лѣтъ до десяти кое-какъ нищенствовалъ въ деревнѣ, а съ десяти лѣтъ попалъ въ кабакъ и съ тѣхъ поръ не покидалъ его до конца дней, т.-е. прошелъ всю кабацкую службу при акцизномъ управленіи, изучилъ всѣ тонкости кабацкаго плутовства, пріучился пить и гулять и съ этой привычкой окончилъ жизнь. Вся жизнь этого человѣка была какъ бы пропитана запахомъ водки и состояла изъ безчисленнаго количества поступковъ, исходною точкою которыхъ исключительно были особенныя свойства этого напитка. Гульба, распутство, плутовство, нищенство, острогъ, буйство дома, опять кабацкое дѣло, опять пьян-

ство и нищенство, и т. д. Женился отецъ Михайлы на его матери «изъ одного форцу». Гуляя, онъ франтилъ и форсилъ на вечеринкѣ и сталъ заигрывать съ одной красивой дѣвушкой. Но эта дѣвушка грубо оттолкнула его, сбила съ него спѣсь и вообще очень сконфузила кабацкаго франта. Кабацкій франтъ обидѣлся и тутъ же объявилъ, что не умретъ, не женившись на этой обидчицѣ. Всевозможными способами и главнымъ образомъ при помощи той же кабацкой водки сталъ онъ добиваться своей цѣли,— и бѣдная глупая родня пропила-таки ему сердитую дѣвушку... Выкинувъ это колѣно, кабачный франтъ пожилъ съ женою недѣлю и ушелъ опять къ старой любовницѣ, откуда онъ присылалъ за водкой и за деньгами. Жена, замѣнявшая его въ казенномъ кабакѣ, гдѣ онъ служилъ, съ этого времени должна была сама изучить всѣ кабацкія тайны, подмѣси, поддѣлки, обмѣръ, поддѣлку печатей, воровство и утайку денегъ и т. д. Такъ и пошло дѣло. Отецъ Михайлы исчезалъ изъ дому сначала мѣсяцами, а потомъ и годами. Жена стала настоящей кабатчицей. А онъ то также гдѣ-нибудь торчалъ въ кабакѣ (плутовавшее акцизное начальство дорожило такими плутами), то, когда выгоняли за явное мошенничество, бралъ какую-нибудь другую должность, десятника на новой строившейся желѣзной дорогѣ, потомъ поступалъ и въ сторожа, когда дорога была готова, и всегда сходился съ женщинами, которыхъ или обиралъ, или, напротивъ, которыми самъ былъ обираемъ. Дома онъ появлялся только тогда, когда ему буквально было нечего ѣсть; являясь, не глядѣлъ на дѣтей, пилъ, бралъ, что̀ можно было взять, съ женой почти не говорилъ и, обобравъ, уходилъ опять надолго до новаго набѣга и ограбленія... Но вотъ что̀ странно и непостижимо, и что̀ Михайла разсказалъ съ большимъ огорченіемъ,—это то, что сама мать Михайлы, вмѣсто того, чтобы оставить безпутнаго мужа навсегда, впадала о немъ иногда въ ужасную тоску... Годъ и два она не помнила, не интересовалась даже и знать, гдѣ онъ; но приходила наконецъ такая минута, когда она начинала плакать о немъ, жалѣть, представляла, что онъ пропалъ, погибъ, утонулъ, и, оставивъ дѣтей на квартирѣ у какой-нибудь старухи, отправлялась разыскивать мужа, истрачивая все, что̀ накапливала она при помощи кабацкой науки. Разыскавъ его, она жила съ нимъ недѣлю, много двѣ, и потомъ опять возвращалась сердитая, ненавидящая своего пьяницу; опять при-

нималась хлопотать въ губерніи о кабацкомъ мѣстѣ, ходила пѣшкомъ по сотнямъ верстъ, путалась въ долги и, получивъ гдѣ-нибудь кабакъ, переселялась туда съ семьей. А семья, несмотря на такія краткія, непривѣтливыя, грубыя свиданія мужа и жены, росла, и когда Михайлѣ было десять лѣтъ—у него уже были двѣ сестры маленькія.

Вотъ на десятомъ-то году, послѣ того, какъ семья Михайлы не видала своего отца около полутора лѣтъ и когда она начинала уже радоваться, что онъ не вернется совсѣмъ, невѣдомо откуда неожиданно появился отецъ Михайлы и, не говоря никому ни слова, продалъ лачужку, которую купила мать Михайлы на свои деньги. Деньги эти онъ пропилъ и приступилъ къ распродажѣ остального имущества. Безъ всякой церемоніи онъ привелъ мужика и сталъ ему продавать платье и вообще все, что̀ можно. Жену, оборонявшую свое добро, билъ безъ разговоровъ. Въ это время Михайла ожесточился на отца и вступился за мать. Хотѣлъ-было отецъ продать самоваръ, но Михайла не далъ сдѣлать этого. Онъ былъ малъ и слабъ, и не его было дѣло вступать съ отцомъ въ рукопашную, но онъ могъ кричать, онъ выскочилъ на улицу, закричалъ во всю силу своего ребяческаго голоса: «разбой!». Созвалъ народъ, при чемъ, конечно, женщинъ прибѣжало множество, и при помощи «добрыхъ людей» не только отбилъ самоваръ, но и мать защитилъ отъ бушевавшаго отца, котораго народъ рѣшилъ вести въ холодную. Все это сильно подѣйствовало на пьяницу. Въ холодную идти онъ «не дался», а взялъ шапку и ушелъ, сказавъ:

— Когда такъ... ну, такъ я вамъ докажу!

И исчезъ.

Но не прошло нѣсколькихъ дней, какъ въ избу Михайловой матери вошелъ староста и спросилъ у нея: «знаетъ ли она, гдѣ ея мужъ?» Та, какъ и всегда, не знала. Тогда староста сказалъ: «онъ продался въ Соснинкѣ въ солдаты!..» Это извѣстіе почему-то ужасно поразило мать Михайлы. Не помня себя, забывъ всѣхъ дѣтей, она поспѣшно одѣлась и ушла...

Она ушла прямо въ Соснинку, къ тому богатому мужику, который купилъ Михайлина отца. Ушла и пропала, а ребята остались одни, голодные и холодные... Мать Михайлы пропала потому, что семья, купившая ея мужа, богатая мужицкая семья, разжившаяся около крестьянскихъ денегъ (глава семьи былъ старшина), боялась, чтобы она, изъ ко-

рыстныхъ видовъ и желанія часть покупныхъ денегъ удержать за собой, не стала бы мѣшать дѣлу у сельскихъ властей. Сельскія власти должны были дать приговоръ на то, что отецъ Михайлы можетъ идти охотой въ солдаты. Чтобы жена Михайлы не выторговала чего-нибудь и на свою долю, ее просто-напросто заперли въ домѣ богатаго мужика и никуда не пускали. Безъ нея, при помощи водки, были получены всѣ приговоры, составленъ продажный договоръ, по которому отецъ Михайлы продался за 400 руб. съ разсрочкой на десять лѣтъ. Въ губерніи, гдѣ повѣрялись эти сдѣлки, въ видахъ обезпеченія семейства Михайлы, было сдѣлано измѣненіе въ пользу его семьи. Михайлу обязалась взять къ себѣ въ домъ до возраста купившая охотника семья, и она же обязалась платить по десяти рублей въ годъ Михайловой матери.

— И не помню даже, какимъ родомъ я въ чужой семьѣ очутился и какъ меня отъ матери отняли... Помню, какъ мать приплелась еле живая послѣ проводовъ отца, какъ потомъ пріѣхала старостиха и серебряный рубль матери моей въ руки совала, а больше-то ничего и не упомню... Разслабѣли мы, наплакались, наголодались, пока мать-то уходила, да и маменька еле жива была, вся растерявшись и ослабѣвши... Плакали много! И потомъ опомнился я въ старшиновомъ домѣ... Семья огромнѣйшая—и точно волчья стая... Ни одинъ человѣкъ на меня ласково не взглянулъ—лишній ротъ прибавился въ домѣ; на охотника, на моего отца, пропоили много денегъ, задолжали вездѣ и на меня смотрѣли злобно... А я какъ оробѣлъ съ перваго шагу, такъ и дальше пошло: съ каждой минутой все мнѣ страшнѣй да страшнѣй у нихъ... Забьюсь на печку, сижу иной разъ цѣлые дни, не ѣмъ... Гдѣ маменька? Зачѣмъ я здѣсь? Спросить, слово сказать боюсь... И стала меня съ этого времени грызть тоска. Вижу я, что не жилецъ я на бѣломъ свѣтѣ; отецъ «продался», мать въ нищетѣ, домъ проданъ, а тутъ вокругъ меня чужіе враждебные люди... Замираетъ мое сердце, ничего передо мною нѣтъ, кромѣ могилы... Не знаю, какъ пришло мнѣ на умъ ножикъ спрятать... Утащилъ ножикъ, на печку спряталъ, а рука не подымается... Все мать вспомню—заплачу... А между тѣмъ хватились—нѣтъ ножа. Искать, допрашивать начали... А я въ такомъ былъ безпамятномъ состояніи, что и знаю—«надо признаться», а молчу. Однако ножикъ нашли у меня подъ полушубкомъ въ головахъ—и высѣкли. И такъ высѣкли, что весь я былъ въ синякахъ,

въ рубцахъ, и рубашка отъ крови къ тѣлу присохла... Ну, тутъ стало у меня почитай-что помѣшательство ума. Пять сутокъ не слѣзалъ съ печи, не пилъ, не ѣлъ. Они ужъ звали меня, стали опасаться, даже силомъ стащили, а я опять забился на печку... И вдругъ входитъ мать—я даже и не узналъ ея—она была еле жива. Съ печи вижу мать, думаю—«вотъ радость-то!». Но мать и не поглядѣла на меня, а прямо въ ноги старостихѣ повалилась, стала ее молить Христомъ-Богомъ выдать отцовскіе десять рублей. Она пѣшкомъ пришла глухою осенью, по грязи. Шумъ и гамъ начался въ избѣ изъ-за денегъ. Мою мать куда-то увели, и я потомъ увидѣлъ ее въ окошко; она шла и несла на спинѣ куль хлѣба,—денегъ ей не дали... «И маменька-то меня забыла! Не поглядѣла, не спросила!» Такъ меня горе это убило—и сказать невозможно! А того не знаю, что она, маменька-то, была не въ себѣ, и что потомъ я узналъ—ее нарочно поскорѣй изъ избы вывели, чтобы она не увидала, какъ я избитъ, а ей сказали, что, молъ, сынъ твой въ лѣсу съ мальчиками... Какъ показалось мнѣ, что и мать родная меня покинула, тутъ я рѣшилъ окончить мою жизнь... Ночью потихоньку слѣзъ съ печи, досталъ ножикъ и опять на печь забрался... Взялъ ножикъ и подношу къ шеѣ... Но вдругъ закашлялся кто-то и проснулся, сталъ ходить по избѣ, потомъ сталъ искать ковшика съ водой... Я жду, когда онъ ляжетъ спать, а онъ не ложится; огонь зажегъ, мазь какую-то досталъ, охалъ, ноги растиралъ... А я все жду, сижу съ ножомъ въ рукѣ... Ждалъ-ждалъ... и вдругъ—проснулся! Толкаетъ меня за плечо старушка-бабушка, самая коренная женщина въ семействѣ, толкаетъ за плечо и говоритъ:—«Ты чего это ножикъ-то въ рукахъ держишь?» А я и самъ ужъ не помню, зачѣмъ у меня ножъ въ рукахъ... И не помню, какъ заснулъ; послѣ сѣченія усталъ я весь, пять ночей не спалъ и пять сутокъ не ѣлъ—сморило меня въ конецъ... А старушка-то поняла мое горе... Взяла ножъ изъ рукъ, заплакала, велѣла мнѣ слѣзть съ печки, дала хлѣба, а потомъ и говоритъ:—«Ну, сирота горькая! Одѣвайся ты въ дорогу, пока нашихъ дома нѣту—да иди съ Богомъ къ своей матери! Не житье тебѣ здѣсь, въ волчьей берлогѣ... Будетъ надъ нами наказаніе Божіе, чуетъ моя душа... Легко ли дѣло, людей покупать стали!» Одѣла меня, поблагословила, вывела на улицу и постояла, подождала мужиковъ. Ѣдутъ какіе-то.—«Куда ѣдете?»—«Туда-то».—«Подвезите мальчика!» Меня подвезли... Увидалъ я маменьку—все во

мнѣ такъ и растаяло, ожилъ я. Разсказалъ ей свою жизнь, рубаху снялъ, тѣло ей показалъ мое... А она только слезами заливается и сказала мнѣ, отчего обо мнѣ не спросила, какъ была у старостихи. Такъ вотъ каково легко мнѣ было жизнь мою начинать... Не проснись мужикъ ночью—полыхнулъ бы я себя по горлу... Да Господь меня спасъ!

«И съ этого дня я въ Бога увѣровалъ твердо. Никто меня ничему не училъ, и что есть Богъ—я не зналъ. Зналъ, что Богъ на небѣ, а настоящаго-то Бога не зналъ. А теперь я явственно узналъ, что Онъ видитъ меня постоянно, что Онъ смотритъ на меня, на мои дѣла. Онъ тутъ близко. Теперь твердо зналъ, что я не одинъ на свѣтѣ. Около меня есть попечитель, Онъ меня сбережетъ, не дастъ погибнуть... И я вотъ всю жизнь мою живу по Его повелѣнію... Что̀ ни случись, куда меня ни кинь, мучай меня, а я ужъ твердо знаю, что есть надо мной око, и, стало-быть, надо только слушаться повелѣнія Божія... А безъ Бога бы мнѣ не прожить, и году не продышать. Такъ-то!..

«И ужъ какъ меня нужда била объ землю и бросала по свѣту! Къ какому только ремеслу я ни касался? И плотницкой части касался и сапожной, топорной и слесарной... да, то-есть, нѣту такого мастерства, чтобы я не брался за него по нуждѣ, изъ куска хлѣба... И кое-что самъ и сейчасъ могу сдѣлать, не пойду въ люди... Сапоги починить, даже сшить могу, и раму сдѣлаю, и обручи набью... Но только было это не ученіе, а испытаніе Божіе... Кабы у насъ было мало-мальски настоящее ученье мастерству, мы бы Бога благодарили: по дому для хозяйства много надо знать... А то вѣдь у насъ зрятина одна... Говорятъ—«былъ въ ученьи». Это значитъ, что года четыре дѣтей у хозяина няньчилъ, воду носилъ, дрова кололъ, пьянаго «самого» изъ кабака приводилъ и смертный бой принималъ... А ужъ учился, когда Богъ дастъ. Да и гдѣ знать намъ, какія гдѣ есть мастерскія мѣста?.. Иной и мастеръ настоящій, а о немъ никто не знаетъ, и вывѣски написать не сумѣетъ... Идешь за хлѣбомъ, куда глаза глядятъ! Иной разъ, бывало, и въ самомъ дѣлѣ приткнешься къ какому-нибудь порядочному мѣсту и начнешь настоящимъ родомъ обучаться, и даже деньжонокъ соберешь рублишекъ десятокъ,—хвать, паспорта не высылаютъ, на землѣ недоимки накопилось. А безъ паспорта жить нельзя. Надо все бросить, идти въ деревню, въ волость просить... Я отъ своей земли какъ отъ злого врага всю жизнь страдалъ, пока самъ къ ней не пришелъ

навѣки... Отдали мы нашу нарѣзку съ маменькой одному мужику—«владѣй, молъ, и подати плати»... Забожился, клятву далъ, а черезъ четыре года меня вытребовали, какъ недоимщика. «Хоть десять-то цѣлковыхъ дай!» И того не далъ. А всѣ деньжонки, какія въ мастерствѣ нажилъ, всѣ за паспортъ отдалъ, въ дорогѣ проѣлъ, и опять—иди, ищи по свѣту работы—такъ все я и не доучивался. Отнялъ я землю отъ мужика, про котораго сказывалъ, передалъ самому старшинѣ, и тотъ взялся платить и лѣтъ пять высылалъ паспортъ безъ препятствія, а потомъ вдругъ проворовался, изъ старшинъ его выгнали, а съ меня за всѣ пять лѣтъ стали требовать, и опять всего разорили, отъ труда оторвали, и опять иди, куда хошь! Ни призору, ни порядку, ни науки—ничего нашему брату рукомесловому человѣку нѣту! А иной разъ и самъ бросишь мастерство-то, затоскуешь, заплачешь по маменькѣ, по сестрамъ—бросишь все и уйдешь искать, разузнавать, гдѣ онѣ и какъ живутъ. Объ отцѣ даже разъ такъ соскучился, что три мѣсяца прослонялся—полкъ ихній искалъ, и что̀ же? Тутъ мы съ нимъ цѣльный мѣсяцъ оба пьянствовали съ тоски! Конечно, пока деньги были у меня, а тамъ опять разошлись на вѣки вѣковъ... Мать-то мою я завсегда почесть находилъ, а вотъ сестеръ подолгу не видалъ... Отдала ихъ мать въ Питеръ въ ученье и сама по годамъ не могла знать, какая ихъ участь... Тоже жизнь ихняя тиранская! Одна-то теперь, говорятъ, за сапожникомъ, а про другую нехорошо говорятъ,—да вѣдь осуждать-то нельзя! Можетъ, и ее Господь вызволитъ... Кабы были у меня мало-мальски деньжонки, безпремѣнно бы разыскалъ и домой привезъ! Ну, да вѣдь мало ли что̀!..

«Вотъ такъ и толкало меня и пихало изъ стороны въ сторону, безъ толку, безъ наученья, впроголодь и прохолодь... И только потому я жилъ и живу, что увѣрился въ Божіемъ повелѣніи. Стало-быть, надо такъ, и слѣдовательно должно такъ жить и не впадать въ искушеніе... А искушенія бывали... Разъ было чуть не продался въ мужья одной купеческой любовницѣ... И красивая, и деньги давала, и соблазнъ во мнѣ заговорилъ, а подумалъ я, понялъ, что это дьяволъ меня подбиваетъ на грѣхъ,—и сбѣжалъ. Съ вечеринки сбѣжалъ—скандалу надѣлалъ!.. И Богъ помогалъ!

«А однажды прямо ужъ по Божьему указанію вышло, и такъ премудро вышло, что даже сообразить невозможно отъ удивленія! Вотъ какое было дѣло... Вѣдь нашъ братъ, голодный человѣкъ, долженъ браться за всякое дѣло, какое

Богъ пошлетъ. Иной разъ и соврешь съ голоду-то...—«Умѣешь это дѣлать?»—спроситъ хозяинъ.—«Умѣю!» И нанимаешься, а самъ даже и въ глаза-то дѣла этого хозяйскаго не видалъ. Станешь на дѣло незнакомое, глядишь на другихъ, притворяешься, высматриваешь—только бы похарчили хоть разъ въ день, а тамъ прогоняй и денегъ не плати. Иной разъ и ловко поймешь, въ чемъ дѣло, а иной и сразу увидятъ, что обманулъ, въ шею натолкаютъ, со двора выгонятъ. А отказываться отъ дѣла, когда человѣку ѣсть нечего, невозможно. Вотъ разъ я и попалъ на сѣнную барку рабочимъ—сѣно гнать по Волхову и по каналамъ въ Петербургъ. Отъ роду я не зналъ этого дѣла. Былъ передъ тѣмъ у сапожника, а теперь вотъ на баркѣ ѣду. А на Волховѣ пороги большіе, мѣста трудныя, иной разъ барка вертится на омутѣ, какъ перышко, иной ее о дно ударитъ и водой нальетъ. Народъ надобенъ бойкій, ловкій, сильный, безстрашный, а я ужъ отъ одного страху-то передъ водой и то трясусь и въ толкъ ничего не могу взять. Стали на меня покрикивать, а потомъ и въ загривокъ поталкивать, видятъ, что я дѣла не знаю и могу вреда надѣлать. Да и я-то вижу, что мнѣ не сдобровать, высадятъ на берегъ, вотъ и сказъ весь. И вѣдь точно, высадили и оченно скоро высадили, только случай для этого вышелъ необыкновенный: одолѣла меня сразу куриная слѣпота. Сѣли обѣдать, а я и не вижу, куда ложкой-то тянуться, хлопаю ею по столу. И вѣдь какая премудрость Божія! Вѣдь высадить-то высадили бы непремѣнно, а что̀ бы я сталъ дѣлать, куда бы пошелъ? Денегъ ни полушки, ни хлѣба, ничего нѣтъ и мѣстовъ не знаю. И надо же было мнѣ по Божію указанію ослѣпнуть, и, ослѣпши, былъ я высаженъ на берегъ въ одномъ селѣ, и тутъ опять Богъ меня не оставилъ, а наслалъ на меня добраго человѣка, и этотъ добрый человѣкъ отвелъ меня, слѣпого, въ земскую больницу. Продержали меня здѣсь цѣлую недѣлю; лѣчить не лѣчили, а кормили и поили. Вотъ вѣдь какъ, да и это не все! Какъ сняло съ меня куриную-то слѣпоту, подходитъ ко мнѣ докторъ молодой, опросилъ меня, разузналъ мою жизнь, увидѣлъ, что я на чужой сторонѣ безъ всякихъ способовъ, далъ три цѣлковыхъ и дорогу въ Питеръ указалъ. Вѣдь надо же все это сдѣлать такъ премудро!.. Кто же, какъ не Богъ-то? Да и это еще не все! Послушай-ка-сь, какія чудеса-то вышли. Иду это я въ Петербургъ пѣшкомъ по Шлиссельбургскому тракту, и вотъ вѣришь ли? Неизвѣстно какимъ родомъ лежитъ мнѣ на дорогѣ разбитая

гармонія. Иду, а гармонія лежитъ,—и все! Думаю: взять или не взять? Думалъ-думалъ — взялъ. Сѣлъ у дорожки и сталъ разсматривать; разсматривалъ, разбиралъ, и такъ мнѣ стало любопытно, что я и не замѣтилъ, какъ почитай полсутокъ времени ушло на эту разборку... Перво-наперво я ее разобралъ, а потомъ и опять собралъ. Собралъ я ее и пошелъ — глядь, навстрѣчу идетъ мастеровой, смотритъ на гармонію и говоритъ:—«Это моя!» Я говорю:—«Возьми! Я на дорогѣ поднялъ». Взялъ мастеровой свой инструментъ и ушелъ. И что-жъ ты думаешь?.. Годовъ черезъ пять было у меня въ жизни такое голодное время, кажется, отъ роду такъ не бывало. Всякую мелочь продалъ—ну, окончательно безъ всего остался и безъ угла даже. Что̀ дѣлать? За что взяться? И вдругъ мнѣ входитъ въ умъ воспоминаніе, какъ я гармонію разобралъ и собралъ. И пошелъ по мастеровымъ, около фабрикъ выспрашивать:—«Нѣтъ ли гармоній починять?»—«Ты гармонщикъ?»—«Гармонщикъ!» (съ голоду на все согласишься).—«Есть». И натащили мнѣ съ десятокъ гармоній. Съ этимъ товаромъ я уголъ занялъ, довѣріе на клейстеръ, на кожу—всего на полтинникъ—мнѣ хозяйка оказала, и я со страхомъ и трепетомъ принялся за дѣло... Да вѣдь такъ выправился помаленьку да полегоньку, что первымъ гармонщикомъ сталъ въ Александровскомъ. Комнату нанялъ, пинжакъ пріобрѣлъ, денегъ набило мнѣ въ карманъ до пятнадцати серебромъ, и пошелъ бы въ гору, да изъ деревни опять бумага: «не даемъ паспорта, недоимка». Ну, все и пошло прахомъ! Такъ вотъ что̀ означаетъ Божій промыселъ! Кабы не Божіе указаніе, кто бы чему меня научилъ? Какая наука нашему брату? А тутъ—подумай-ка, сколько премудрости-то Господней! Вѣдь надо же было все это въ этакой тонкости созиждить!.. Вѣдь недаромъ на барку-то попалъ. Недаромъ ослѣпъ, недаромъ гармонію нашелъ! Этого нашимъ умомъ не сообразишь, а надо такъ понимать, что Господь блюдетъ надъ человѣкомъ и указуетъ ему пути. Нѣтъ! Только Божія помощь и явственна въ нашей жизни. А посмотрите на нашу жизнь такъ-то, безъ Божьяго-то указанія, такъ это истинно—пропасть нашему брату надо, только и всего! Другой участи намъ нѣтъ. Брошены мы, какъ мякина на вѣтеръ...

«...И наконецъ скучно ужъ мнѣ стало шататься-то! Въ послѣдній разъ, какъ вытребовали меня въ деревню изъ-за недоимки, думаю: «не пойду!», пробьюсь какъ-нибудь... Подошелъ сѣнокосъ, ищутъ косцовъ, пошелъ и я къ

одному мужику... Въ первый разъ косу въ руки взялъ—махну—хоть бы травинка упала!—словно по льду косой бью—только звенитъ! Стыдъ меня ѣстъ, срамъ, а хозяинъ (добрый онъ мнѣ тогда мужикъ показался) видитъ мое стараніе, понимаетъ, что ревность-то у меня есть, что работникъ я хорошій, только ничего не умѣю путемъ сдѣлать,—смѣется—ласково такъ говоритъ:—«Ничего, обойдется... вотъ тебѣ Семенъ покажетъ. Семенъ, говоритъ, покажи ему!..» Ушелъ онъ, а Семенъ сталъ мнѣ косу поправлять; повертѣлъ, постучалъ,—«нà»—говоритъ. Пошелъ я—и опять ничего толку нѣтъ. Чтò ты будешь дѣлать? А косило насъ трое: Семенъ, я, да женщина. Женщину-то я не разсмотрѣлъ и даже не поглядѣлъ на нее — своего дѣла было много... И разъ мнѣ Семенъ косу направилъ, и два, и три. И все я только рву да мну траву-то, а толку-то нѣтъ никакого. Ударило меня въ краску и въ стыдъ... Усталъ я такъ, что, кажется, въ молотобойцахъ такъ не устанешь за цѣлый день, какъ я тутъ въ два часа измаялся. А тянетъ меня научиться косить—шибко! Понравилось мнѣ все это: поле, трава, птички, и работа пріятная,—а нѣтъ вотъ! Не даетъ Богъ! И вдругъ происходитъ такое дѣло Божіе: ушелъ Семенъ куда-то прочь, и остались въ полѣ я да женщина. И подходитъ ко мнѣ эта женщина и говоритъ:—«Чтò ты бьешься понапрасну? Семенъ тебѣ завсегда такъ косу посадитъ, что ты совсѣмъ ничего не сдѣлаешь... Онъ завистливый, боится, чтобы ты ему работы не перебилъ и чтобъ хозяинъ тебя не полюбилъ. Дай-ка мнѣ косу-то, я тебѣ налажу...» Далъ я косу ей и поглядѣлъ... И такъ она мнѣ понравилась: мужественная дѣвица, серьезная, работящая!.. Постучала она что-то брускомъ, погнула косу, тронула ею—хорошо выходитъ!—«На-ка, говоритъ, попробуй теперь!..» Какъ взялъ я, какъ пошелъ—и самъ себѣ не вѣрю! Пошло мое дѣло въ ходъ сразу, съ легкой руки—и загорѣлось у меня ретивое. И такъ я съ этого часу полюбилъ эту дѣвушку, такъ она мнѣ во всемъ пришлась по сердцу—сказать не могу... И вижу—и она рада: стоитъ, смотритъ на мое дѣло, хвалитъ, поправляетъ, а потомъ опять поплевала на руки и сама пошла съ косой... И такъ мнѣ стало радостно: позабылъ я всѣ мои горести и точно сталъ изъ мертвыхъ воскресать... Такъ вотъ премудрость-то Божія и опять обозначилась въ моей жизни! Вѣдь эта дѣвушка-то теперича, Богъ далъ, моя жена Дарья Петровна... Вотъ вѣдь какое предопредѣленіе-то! Подумай-ка ты...

«Да, теперь мы поженившись. А нескоро она мнѣ досталась: оба мы помаялась, пока мужемъ и женой стали. Хозяинъ, у котораго я нанялся косить, былъ родной братъ этой самой дѣвицы; а кромѣ того у ней же была замужняя сестра въ другой деревнѣ, и было у этой сестры пять человѣкъ дѣтей, да у брата съ женой четверо. Вотъ эти-то два семейства и препятствовали. Вездѣ нужна хорошая работница, а такая, какъ моя Дарья, и подавно. Работницу нужно нанимать, а родной сестрѣ можно и копейки не дать. Вотъ они-то насъ и затиранили. А сошлись мы съ Дарьей и крѣпко подружили тутъ на покосѣ, потомъ всю осень на посидѣлкахъ видѣлись. И такъ мнѣ понравилось въ деревнѣ, такъ все порядочно, хорошо, а главное—Дарья-то мнѣ свѣту придаетъ,—«не уйду, думаю, отсюда никогда!» Однако же не посмѣлъ Дарьѣ объяснить въ скорости, потому что не съ чѣмъ мнѣ взяться. Все лѣто работалъ, какъ волъ воротилъ, осенью опять встрѣтились, а на Покровъ, выпивши на праздникъ, осмѣлился я и сказалъ Дарьѣ. «Согласна!»—говоритъ, руку мнѣ пожала и залогъ дала. Залогъ—это въ родѣ какъ задатокъ, для вѣрности... Дала она мнѣ узелокъ, а что̀ въ этомъ узелкѣ было, такъ я даже и не видалъ никогда. Такъ я ее полюбилъ и уважалъ, что мнѣ ей не довѣрять невозможно было. Вотъ какъ наше рѣшенье-то узнали—и стали разныя махины подводить... Умираетъ Дарьина сестра и оставляетъ пять человѣкъ дѣтей... Пріѣхалъ ея вдовый мужъ прямо къ Дарьѣ. «Поѣдемъ, говоритъ, ко мнѣ, походи за дѣтями... Сестра какъ умирала, такъ просила... Поживи мѣсяцъ, пока справлюсь, тогда отпущу». Нечего было дѣлать, поѣхала Дарья, да не на мѣсяцъ, а полгода прожила и вѣстей мнѣ не давала. А тѣмъ временемъ братнина жена, которой Дарья также нужна была, стала меня отговаривать отъ нея... Думаетъ, какъ Дарья воротится, такъ у нея останется, а онъ (то-есть я) уйдетъ въ другое мѣсто работать и оставитъ Дарью. Стали мнѣ Дарью безъ всякаго зазрѣнія порочить. Вѣдь онѣ, бабы-то, ловко умѣютъ сплести дѣло! Сплела про нее такое, что и сказать невозможно... «Она, говоритъ, и вѣстей-то не даетъ о себѣ, потому связамши...» Я и призадумайся. А вѣстей нѣтъ. Сижу такъ-то разъ, работаю съ печниками, входитъ Дарьина брата жена и говоритъ:—«Дарья пріѣхала. Залогъ спрашиваетъ!» И такъ грубо... Что-жъ? Взялъ я узелокъ, какъ былъ—отдалъ... Горько мнѣ стало... Такъ прошелъ день. Смотрю, сама Дарья идетъ ко

мнѣ...—«Ты зачѣмъ залогъ возвратилъ?»—«Такъ и такъ!»—говорю. Все ей разсказалъ, а самъ гляжу ей въ глаза и вижу, что чистая у нея душа, непорочная, и самъ я тутъ раскаялся въ мысляхъ... Плакала она тутъ, обижалась на меня, и опять я у ней залогъ взялъ... Только-что стали думать, какъ быть,—хвать, мужъ сестринъ въ волость Дарью тащитъ... Дарья-то, живя у него больше полугоду, говоритъ ему: «заплати мнѣ хоть сколько за труды—все мнѣ на свадьбу». Тотъ обѣщалъ, а когда самъ женился во второй разъ, то Дарью прогналъ, денегъ ей не далъ, а чтобы она не взыскивала—самъ на нее подалъ жалобу, что обокрала, вишь, его на огромнѣйшія суммы. Вотъ вѣдь какіе бываютъ люди злющіе!.. Насрамили Дарью ни за что ни про что... А времени прошло много, и все не по-хорошему, и мои-то дѣла нескладны: заработокъ плохой-преплохой, и жить намъ обоимъ плохо, а жениться—нечѣмъ взяться въ хозяйствѣ!

«Однако, какъ судилъ намъ Богъ жить вмѣстѣ, такъ тому и быть надо. Пришла весна, повидались мы съ Дарьей и такъ рѣшили: вѣнчаться не будемъ—не на что и жить негдѣ. А пойдемъ мы вмѣстѣ деньги работой добывать... И ушли вдвоемъ, какъ братъ съ сестрой... И такъ мы работали съ ней все лѣто, а осенью ужъ и жить стали, и все не вѣнчавшись. Совѣстно было мнѣ людей, и Дарья-то измучилась совсѣмъ отъ этого. А вѣнчаться-то надобно—была ужъ и тяжела... Пришло такъ, что надо безпремѣнно. Пошли мы съ Дарьей пѣшкомъ въ село, къ священнику... Проработали вмѣстѣ съ ней у него цѣлую недѣлю—повѣнчалъ. Опять безъ всякихъ угощеній и церемоній домой воротились въ квартеру... Я въ то время всякую работу дѣлалъ, какая попадалась: и сапоги чинилъ и по плотницкой части—кой-какъ кормились. А какъ родился ребенокъ-то—тутъ ужъ и страшно стало! Такъ жить нельзя... Надобенъ уголъ, крестьянство... Вотъ тутъ и опять только Богъ помогъ... Далъ мнѣ Емельяновъ денегъ домъ купить. Купилъ я домъ, переплылъ съ нимъ на старое пепелище, сталъ жить на квартирѣ, всякую мелочь работать. А лѣтомъ съ женой стали наниматься косить, а ребенка оставляли до ночи у старухи... Косили мы до упаду, потому праздниками съ чужой работы на свою шли и своего сѣна накосили въ этотъ годъ на восемьдесятъ рублей... Вотъ въ эту пору и начали строить свою избушку... Ну вотъ, такъ оно съ Божіей помощью помаленьку и идетъ... Такъ вотъ

какая жизнь-то наша! Такъ что-жъ, нешто не рай мнѣ теперь въ избушкѣ-то?.. Куда ты меня изъ нея выгонишь?..

Много разсказывалъ мнѣ Михайла, но и того, что̀ мнѣ теперь пришлось передать изъ этихъ разсказовъ, слишкомъ много, чтобы порадоваться за Михайлу: теперь онъ не безпріютенъ—у него есть избушка на курьихъ ножкахъ.

X. Разговоры въ дорогѣ.

I.

...Если есть въ настоящее время у кого-нибудь на Руси живыя темы для живого, жизненнаго разговора о живыхъ, жизненныхъ дѣлахъ и вопросахъ, такъ это поистинѣ единственно, кажется, только въ народной средѣ, то-есть у мужика. Оригинальность и самобытность народной рѣчи, во многомъ совершенно еще непонятная для такъ-называемой чистой публики (а вѣдь публика эта разная: бываетъ добрая и недобрая), дѣлаетъ эту рѣчь и это народное слово дѣйствительно совершенно свободнымъ, не знающимъ никакихъ стѣсненій, особливо если дѣло идетъ «промежду себя». Это преимущество народнаго разговора, важное само по себѣ, пріобрѣтаетъ особенную важность и интересъ въ виду того огромнаго матеріала, взятаго непосредственно изъ жизни, который имѣетъ въ своемъ безконтрольномъ распоряженіи эта свободная народная мысль, выражающаяся въ свободномъ словѣ.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, тамъ, въ глубинѣ народной жизни, и съ каждымъ годомъ все больше и все шире, разрастаются всевозможнаго рода осложненія. Новому поколѣнію приходилось и приходится разбираться въ цѣлой массѣ новыхъ, неожиданныхъ условій жизни, разбираться безъ указанія, безъ совѣта (старики ничего въ новомъ не понимаютъ), приходится «ломать голову» надъ разрѣшеніемъ труднѣйшаго вопроса о совѣсти и копейкѣ, страдать за него, разрывать связи съ прошлымъ, переживать минуты горькаго сиротства, полной беззащитности и безпомощно гибнуть, или же, повинуясь хоть и неясной, но свѣтлой надеждѣ, идти искать новыхъ мѣстъ, новыхъ нравственныхъ связей, новыхъ лучшихъ и справедливѣйшихъ матеріальныхъ условій... Всѣ эти большія народныя задачи

бременятъ и волнуютъ народную мысль подлиннымъ образомъ; ложатся на сердце не такъ мимолетно, какъ ложатся на наше сердце, на сердце «чистой публики», хотя бы и самые возмутительнѣйшіе жизненные факты, которые намъ ежедневно приноситъ газета... Мы завтра забудемъ ихъ, и сегодня насъ уже не волнуетъ то, что̀ волновало вчера; опытъ народной жизни не таковъ: онъ непосредственно касается человѣка, подлинно задѣваетъ его «за живое», выжигается на сердцѣ, какъ клеймо, неизгладимо; и того, что̀ выжжено имъ на сердцѣ вчера, сегодня нельзя забыть; все это надобно обсудить, обговорить, выяснить, разобрать; надобно потому, что вѣдь только «своимъ умомъ» народу приходится обороняться отъ всевозможныхъ неожиданностей и новостей его трудной жизни...

И галдитъ, безъ умолку галдитъ «третій классъ» во всѣхъ поѣздахъ, бѣгающихъ по русской землѣ, не говоря уже о такъ-называемыхъ спеціальныхъ, дешевыхъ поѣздахъ, съ нѣкотораго времени устраиваемыхъ для переселенцевъ и рабочихъ, возвращающихся изъ столицы по домамъ. Десять-пятнадцать «лошадиныхъ» вагоновъ биткомъ набиты народомъ; темная ночь, тьма кромѣшная; во всемъ поѣздѣ нѣтъ огонька, только цыгарки свѣтятся, а несмотря на то, что уже «за полночь»,—весь поѣздъ гудитъ, какъ муравейникъ, или, вѣрнѣе, какъ паровой котелъ... И этотъ говоръ, перемѣшанный съ звуками гармоній и крѣпкихъ словъ, не замолкаетъ ни въ полночь ни за полночь, ни днемъ ни ночью, не истощается въ теченіе долгихъ дней самаго медленнаго, черепашьяго движенія. Стало-быть, народу есть о чемъ поговорить, есть что̀ поразсказать другъ другу.

А вотъ у насъ, у «чистой публики», какъ будто дѣло пошло совсѣмъ наоборотъ, и въ вагонахъ пассажирскихъ поѣздовъ, предназначенныхъ для пассажировъ перваго и второго класса, что-то стало молчаливо, а иногда, по цѣлымъ днямъ пути, царствуетъ поистинѣ мертвая тишина. *Общаго* разговора еле хватаетъ на легкія вѣжливости и столь же легкія невѣжливости, которыми невольно приходится обмѣниваться во время суматохи отъѣзда и пріѣзда, а затѣмъ много-много если хватитъ пороху у двухъ случайныхъ знакомыхъ потолковать (и то только до первой станціи) о какомъ-нибудь газетномъ сообщеніи, только-что вычитанномъ обоими въ послѣднемъ нумерѣ «Новаго Времени», и потомъ ужъ до самой Москвы для нихъ не остается ровно ничего, кромѣ самаго деликатнаго молчанія.

Шумнаго, общаго разговора, разговора «цѣлымъ вагономъ», никогда почти не случается. А вѣдь въ прежнія времена такіе разговоры были неизбѣжны, и чѣмъ далѣе къ началу настоящаго двадцатипятилѣтія, тѣмъ шумнѣе, оживленнѣе и неистощимѣе вспоминаются мнѣ эти разговоры. Тогдашніе разговоры «чистой публики» были такъ же жизненны, свободны и многосложны, а главное—«общи», какъ теперь жизненны, шумны и такъ же общи разговоры публики лошадиныхъ вагоновъ: у «чистой публики» тогда было такъ же много новаго и жизненнаго, какъ много этого новаго и жизненнаго теперь у публики третьяго класса. Жизненные вопросы тогда захватывали всѣхъ вмѣстѣ и каждаго порознь; каждый и всѣ вообще были заинтересованы въ новыхъ порядкахъ, въ земствѣ, въ гласности, въ новомъ судѣ, наконецъ въ личной нравственности. И все это обсуждалось, критиковалось и вообще разбиралось открыто, громогласно, свободно.

Такихъ-то вотъ общихъ разговоровъ «цѣлымъ вагономъ» и не слышно что-то среди чистой публики въ настоящее время. И не потому не слышно ихъ, чтобы этихъ такъ-называемыхъ общихъ вопросовъ совсѣмъ ужъ и не существовало, а потому, что вопросы эти какъ-то перестали подлежать общему вниманію. Чистая публика привыкла знать, что изъ ея свободомысленныхъ упражненій не можетъ произойти никакихъ существенныхъ результатовъ, но что въ то же время общіе вопросы неукоснительно разрабатываются въ подлежащихъ мѣстахъ, и что слѣдовательно ей самой тутъ дѣлать нечего и безпокоиться не слѣдуетъ. Вотъ почему «чистая публика» перваго и второго класса въ настоящее время предпочитаетъ тишину и молчаніе неумолчному въ недавнемъ прошломъ дорожному галдѣнію и разглагольствованію. Одни изъ множества вашихъ сосѣдей по вагону молчатъ потому, что искренно сняли съ своихъ плечъ бремя какихъ-то общихъ безпокойствъ, другіе же (и такихъ едва ли не больше, чѣмъ первыхъ), напротивъ, молчатъ потому, что вся тяжесть и многосложность общихъ вопросовъ, не имѣя выхода ни въ забвеніи ни въ общественной практикѣ (хотя бы только въ видѣ разговора), сосредоточилась въ нихъ «однихъ» и тяжкимъ комкомъ подкатила «подъ сердце»...

Иной изъ этихъ дорожныхъ ораторовъ, который въ былое время не далъ бы намъ сомкнуть глазъ во всю дорогу отъ Петербурга до Москвы и даже за Москву (такъ много

было въ немъ общительности), въ настоящее время, едва появится въ вагонѣ, какъ уже алчными глазами ищетъ свободныхъ мѣстъ и тотчасъ же занимаетъ своими вещами цѣлыхъ два дивана: ему нужно, чтобъ «никого не было», ему такъ лучше. Затѣмъ онъ долго и упорно начинаетъ врать пассажирамъ, ищущимъ мѣстъ, что «мѣста заняты», что «сейчасъ придетъ господинъ», что «вещи, молъ, не мои, а какой-то дамы, которая сейчасъ придетъ»... Въ концѣ концовъ онъ всегда отвоюетъ себѣ длинный диванъ въ три мѣста и, нисколько не смущаясь присутствіемъ сосѣдей, которымъ онъ только-что такъ нахально вралъ о занятыхъ мѣстахъ, тотчасъ же, едва только тронется поѣздъ, начинаетъ укладывать свои пожитки на сѣтку, снимаетъ калоши, устраиваетъ въ головахъ подушку и растягивается во всю длину выганнаго дивана... Покуривъ и позѣвавъ, онъ скоро уже чувствуетъ потребность заснуть, хотя бы день только-что начинался, и скоро вы, его сосѣдъ, отвоевавшій у него себѣ мѣсто единственно при помощи оберъ-кондуктора, видите, какъ онъ не торопясь (и «какъ дома») поворачиваетъ вамъ свою спину...

Ему никого и ничего не нужно среди всѣхъ насъ или васъ, постороннихъ людей; ему ровно не о чемъ съ вами разговаривать; даже при сильномъ напряженіи мысли онъ не могъ бы придумать для бесѣды съ вами ничего такого, что̀ бы хоть въ слабой степени было интересно для васъ обоихъ. Если иногда, плотно выспавшись и не имѣя никакой возможности вновь заняться тѣмъ же похвальнымъ дѣломъ, онъ попытается завести съ вами рѣчь (ему нѣтъ дѣла до вашего желанія бесѣдовать, ему просто самому захотѣлось поговорить, потому что надоѣло спать), то будьте увѣрены, что послѣ самыхъ неподходящихъ вопросовъ о томъ: «кто вы?» да «куда ѣдете?» рѣчь эта тотчасъ же перейдетъ на самыя мелкія подробности жизни этого человѣка, живущаго «самъ по себѣ». Съ удивленіемъ вы слышите, что какое-то невѣдомое вамъ существо, съ полнымъ удовольствіемъ на заспанномъ лицѣ, повѣствуетъ вамъ о томъ, что картофель у него на хуторѣ «вотъ какой», что когда его жена была беременна послѣднимъ ребенкомъ, такъ именно въ это время акушерка посовѣтовала ему завести кохинхинскихъ куръ, и что сосѣдъ Лупцоваловъ... «Вы знаете вѣдь Лупцовалова?» Такіе несжиданные вопросы со стороны когда-то бывшаго оратора, а теперь одеревенѣвшаго обывателя, вовсе не удивительны. Вашъ отрицатель-

ный отвѣтъ относительно Лупцовалова нисколько не удивитъ его: ему вовсе не нужно ваше мнѣніе о его бормотаньи; ему только бы самому выболтать любезный ему хламъ, и когда онъ его выболтаетъ, то опять начинаетъ зѣвать и, совершенно забывъ о вашемъ существованіи, вновь предъявляетъ вамъ свою спину.

Совершенно не такова манера держать себя съ дорожными сосѣдями у того типа молчаливаго проѣзжающаго, который молчитъ не отъ того, что ему ни до кого и ни до чего нѣтъ дѣла, а, напротивъ, отъ того, что тысячи дѣлъ, касающіяся *всѣхъ,* сосредоточены и какъ бы заперты въ немъ одномъ. Онъ не только не занимаетъ сразу шести мѣстъ, не вретъ, что «господинъ сейчасъ придетъ», и т. д., но, напротивъ, постоянно уступаетъ, тѣснится и въ концѣ концовъ оказывается прижатымъ въ уголъ съ вещами, которыя не даютъ ему возможности ни протянуть ногъ, ни лечь, ни даже сѣсть поудобнѣе. Свое стремленіе къ общительности (стремленіе, воспитанное въ немъ въ тѣ времена, когда онъ служилъ мировымъ посредникомъ) онъ выражаетъ въ необычайной уступчивости къ дамамъ, къ дѣтямъ, расточая тѣмъ и другимъ всевозможные знаки предупредительности. Но при всемъ томъ все-таки ни въ какіе продолжительные и общіе разговоры ни съ кѣмъ онъ вступать не рѣшается: онъ знаетъ, что онъ никому не нуженъ, что всякій теперь предпочтетъ мучить своего дорожнаго сосѣда подробнѣйшимъ повѣствованіемъ о своихъ ничтожныхъ семейныхъ или хозяйственныхъ дѣлахъ, что даже вотъ эта красивая, изящная дама, красивымъ «ножкамъ» которой онъ уступилъ послѣднюю каплю собственно ему принадлежащаго мѣста, что она, такъ мило и безконечно долго разсказывающая о томъ, какъ ея мужа обошли наградой, что она въ концѣ концовъ также недалека отъ неожиданнаго вопроса: «Знаете ли вы господина Лупцовалова?» Все это онъ уже знаетъ и, дѣлая своимъ лицомъ невѣроятныя мимическія усилія, которыя должны выражать непремѣнно сочувствіе пространнымъ рѣчамъ прекрасной дамы, напрягая свое воображеніе на то, чтобы тѣ нечленораздѣльные звуки, которыми ему приходится отвѣчать на ея милый лепетъ, чтобы эти междометія: «Гм...хм...мм...» и т. д. казались бы ей пріятнымъ поощреніемъ ея бесѣды, онъ въ концѣ концовъ все-таки предпочтетъ упорно молчать. Даже и тогда, когда уйдетъ прекрасная дама и когда окажется возможнымъ совершенно свободно протянуть ноги, все-таки

онъ предпочитаетъ сидѣть молча, молча курить или молча читать книгу...

Но не все же молчитъ и этотъ мученикъ единоличной печали «обо всемъ» и «обо всѣхъ»; бываетъ, что и онъ, покоряясь настоятельной потребности облегчить бесѣдой свою душу, переполненную тяжестью общихъ заботъ, и найдя подходящаго собесѣдника (такого же молчальника, какъ и онъ), вступитъ съ нимъ въ оживленный разговоръ о вопросахъ дѣйствительно общаго значенія. Но именно потому, что въ немъ одномъ такъ много этихъ общихъ заботъ сосредоточено, рѣчь его хоть и оживлена и нервна, все-таки она не имѣетъ тѣни той жизненности, которою изобилуетъ каждое слово собесѣдниковъ лошадинаго вагона. Огромные общіе вопросы, которые тѣснятъ ему грудь, не оживотворенные въ практической, живой дѣйствительности, родившіеся въ книгѣ, воспитавшіеся въ головѣ и, кажется, умирающіе въ сердцѣ, эти большіе вопросы трактуются разговорившимся молчальникомъ почти всегда теоретически, отвлеченно; разговоръ идетъ, такъ сказать, о теоретическомъ остовѣ вопроса, и отъ этого, хотя—повторяю—и нервно оживленнаго разговора, не вѣетъ жизнью, не ощущается въ немъ плоти и крови народной рѣчи.

О чемъ можетъ говорить въ настоящее время разговорившійся объ общихъ вопросахъ молчальникъ? Можно безошибочно сказать, что онъ не можетъ говорить ни о чемъ, кромѣ—«Болгарія», «Левъ Толстой» и... (когда ужъ совсѣмъ разговорится) «Мужчины и женщины...» «Женщины виноваты...» «Мужчины виноваты...» «За женщинъ...» «Противъ женщинъ...» Всѣ эти вопросы безспорно многосложны, но наша жизнь (за исключеніемъ значительной доли вопросовъ «по женской части») не пробовала еще оживотворить ихъ сущность въ мелкихъ подробностяхъ обыденной жизни. «Европа» и «мы»—до сихъ поръ ясно не похожи другъ на друга только по книжкамъ и по газетамъ; здѣсь (т.-е. въ книжкахъ и газетахъ) читатель еще можетъ различать эту, только чуемую разницу; явленія же дѣйствительности, напротивъ, постоянно омрачаютъ эту книжную ясность разницы. «Непротивленіе злу» вѣдь тоже пока только въ книжкахъ, въ журнальныхъ статьяхъ и въ мечтаніяхъ... Только вотъ дѣла по женской и мужской части какъ будто бы никакъ еще не съютились около какой-нибудь ясной теоретической формулы, и потому разговоръ о нихъ вертится на ничтожныхъ мелочахъ, преимущественно физіологическаго

оттѣнка. Еще по «этой части» иногда можно услышать что-нибудь похожее на живое слово, во всякомъ случаѣ что-нибудь взятое прямо изъ жизни, но когда разговоръ зайдетъ «о Болгаріи», «о Европѣ» и «мы», тогда невозможно обойтись безъ теоретическихъ фантазій, не имѣющихъ въ себѣ капли живой крови... Такъ же скелетообразны выходятъ разговоры и о Толстомъ и о непротивленіи злу. И хотя всѣ такіе разговоры ведутся оживленно и нервно, хотя иной разъ, когда, напр., загипнотизировавшись частымъ повтореніемъ слова: «мы... мы... мы» и «Европа... Европа... Европа», хотя, говорю, и повѣришь, что это «мы» уже существуетъ, уже осуществлено во всѣхъ подробностяхъ, но простого прикосновенія дѣйствительности, хоть бы въ видѣ господина, занимающаго шесть мѣстъ и, не моргнувъ глазомъ, увѣряющаго, что всѣ мѣста заняты, такого кусочка дѣйствительности вполнѣ достаточно для того, чтобы вполнѣ очнуться отъ гипнотизма и увидѣть, что весь этотъ оживленный разговоръ навѣянъ съ печатной бумаги, изъ печатной книжки, а вѣдь этого, за продолжительностью безрезультатной мозговой практики, весьма достаточно для того, чтобы въ концѣ бесѣды почувствовать только тяжелую душевную пустоту и какую-то даже озяблость всего тѣла...

Въ виду всего этого, задумавъ поразсказать въ моихъ замѣткахъ кое-что по части, такъ сказать, «мірского толка», не знаю, осмѣлился бы я къ «толкамъ» въ народной средѣ, о которыхъ только и слѣдовало бы вести рѣчь, приплетать еще безкровныя патріотическія и общественныя мечтанія такъ-называемой «чистой публики». Витая постоянно между обобщеніями, то слишкомъ примѣтно отторгнутыми отъ дѣйствительности (какъ Болгарія, Европа и «мы» вообще), то въ обобщеніяхъ, слишкомъ пристально почерпнутыхъ изъ дѣйствительности (какъ женская часть), эти разговоры «чистой публики», уже знакомые ей самой и безъ особеннаго пересказа, кажется, успѣли ей же самой и надоѣсть... Но, не знаю, на счастье мое или на несчастье, судьба во время моихъ недавнихъ путешествій послала мнѣ собесѣдника, который какъ-то сумѣлъ обыкновенному теперь разговору-скелету придать что-то въ родѣ живой плоти и какъ будто влилъ въ эту якобы плоть нѣсколько капель живой крови, и вотъ почему я рѣшился нѣсколько страницъ моихъ замѣтокъ, посвященныхъ «мірскому толку», удѣлить темамъ, занимающимъ и «чистую публику».

Знакомство мое съ Алексѣемъ Семеновичемъ Пуховиковымъ произошло совершенно случайно: во время поѣздки моей по Кубанской области попадобился мнѣ попутчикъ, и фургонщикъ мнѣ разыскалъ именно господина Пуховикова. Признаюсь, перспектива ѣхать съ человѣкомъ изъ чистой публики, т.-е. въ концѣ концовъ все-таки разговаривать о Болгаріи, Толстомъ и т. д., — вовсе была для меня не привлекательна: я только-что провелъ двое сутокъ съ переселенцами, съ народомъ, и эти люди оставили во мнѣ небывало свѣтлое впечатлѣніе. Среди нихъ я забылъ самое слово «мужикъ», потерялъ возможность проводить какую-нибудь параллель между мужикомъ и бариномъ; я видѣлъ нѣчто новое, именно: *независимаго* человѣка. Я желалъ бы, находясь подъ этимъ сильнымъ впечатлѣніемъ, имѣть попутчикомъ непремѣнно крестьянина: съ нимъ бы я могъ дѣлиться моими впечатлѣніями, и онъ бы, можетъ-быть, еще больше развилъ ихъ, расширилъ и освѣтилъ. А между тѣмъ въ фургонѣ, въ которомъ пришлось ѣхать, ожидалъ меня тщедушный, косоглазый барчукъ, въ очкахъ, словомъ—интеллигентъ, а слѣдовательно, по нынѣшнему времени, и празднословъ. Празднословъ этотъ, въ свою очередь, повидимому, вовсе не обрадовался моему сосѣдству, по крайней мѣрѣ, не высказалъ необходимой предупредительности попутчику, какъ это бываетъ «на первыхъ порахъ». Онъ лежалъ во всю длину фургона, скорчившись какъ-то бокомъ, и, взглянувъ на меня косыми глазами, продолжалъ вытирать замшевымъ лоскуткомъ снятыя очки... Впослѣдствіи, къ нашему общему удовольствію, оказалось, что и господинъ Пуховиковъ также предпочелъ бы сосѣда-мужика, такъ какъ и онъ ѣхалъ по Кубанской области изъ любопытства, ѣхалъ, собственно, для того, чтобы смотрѣть, молчать и думать.

Почти молча доѣхали мы съ Алексѣемъ Семеновичемъ до г. Е., и здѣсь мы должны бы были разстаться, никогда не сблизившись другъ съ другомъ, если бы не одно случайное обстоятельство. Пріѣхавъ въ Е., мы остановились въ разныхъ гостиницахъ и стали искать попутчиковъ отдѣльно другъ отъ друга; бродя на другой день по пріѣздѣ въ Е. по постоялымъ дворамъ, я неожиданно встрѣтилъ на одномъ изъ нихъ Пуховикова въ сопровожденіи какого-то крестьянина, съ которымъ Пуховиковъ о чемъ-то оживленно разговаривалъ.

— Скажите, пожалуйста,—неожиданно обратился ко мнѣ

Пуховиковъ:—гдѣ здѣсь канцелярія начальника области?.. Вотъ у него дѣло... Надо помочь! И онъ съ живымъ интерессомъ сталъ разсказывать дѣло крестьянина. Это былъ «иногородній», т.-е. жертва казацкаго притѣсненія. Онъ былъ посланъ изъ станицы Безпощадной депутатомъ жаловаться начальству о притѣсненіяхъ, которыя имъ, иногороднимъ, дѣлаетъ станичное общество.

— Необходимо написать прошеніе!—волновался Пуховиковъ.—Вотъ у него есть, написано, но вѣдь такъ нельзя!

Прошеніе, которое принесъ ходатай, было все испещрено непечатными выраженіями станичнаго начальства, и потому его необходимо было передѣлать. Горячее участіе къ ходатаю и искренняя готовность заступиться за обиженнаго сразу расположили меня къ Пуховикову.

— Давайте писать прошеніе!—сказалъ я:—пойдемте ко мнѣ въ номеръ.

И мы, всѣ трое, отправились ко мнѣ. Прошеніе было написано и подано. А мы тѣмъ временемъ успѣли нѣсколько поближе познакомиться и узнали, что цѣли наши почти одинаковы.

— Да вы куда теперь?—спросилъ меня Пуховиковъ.

— Я въ Новороссійскъ. А вы?

— Да я хотя бы въ Майкопъ... Впрочемъ... Поѣхать развѣ въ Новороссійскъ и мнѣ?

— У васъ есть дѣло какое-нибудь?

— Какое дѣло! Просто такъ... да и самъ осенью думаю... Не знаю, впрочемъ... Впрочемъ, отлично! поѣдемте въ Новороссійскъ! Отлично!..

И мы поѣхали—и въ Новороссійскъ, и въ Одессу, и въ Константинополь... Смотрѣли, думали, разговаривали, и разговаривали—увы!—опять-таки все о томъ же—о Болгаріи, о Толстомъ. Кое-что теперь я и *перескажу* изъ этихъ разговоровъ.

II.

Выѣхавъ изъ г. Е. часа въ два дня, мы съ Пуховиковымъ (насъ было въ цѣломъ фургонѣ только двое) часу въ шестомъ вечера уже подъѣхали къ большой и многолюдной станицѣ, гдѣ должны были ночевать. Собственно до ночлега оставалось еще много времени, и до заката солнца можно было бы сдѣлать еще верстъ пятнадцать, но слѣдующій, второй перегонъ былъ великъ, сорокъ верстъ, и фургонщикъ

рѣшилъ пораньше остановиться, чтобы пораньше, до свѣту, выѣхать дальше.

Никакъ не менѣе часу почти шагомъ двигался нашъ фургонъ по станичнымъ широкимъ улицамъ, пробираясь къ постоялому двору; огромное станичное стадо входило въ станицу какъ разъ въ то время, когда мы туда въѣзжали; цѣлый лѣсъ разнообразнѣйшихъ фасоновъ и размѣровъ коровьихъ и воловьихъ роговъ окружалъ нашъ фургонъ со всѣхъ сторонъ; блеянье овецъ, которыя сотнями толпились между рогатой скотиной, совались подъ фургонъ, подъ лошадей, ревъ всей этой скотины, гиканье пастушонковъ, проносившихся верхами среди этихъ полчищъ животныхъ, крики и зазыванье женщинъ—все это сдѣлало нашъ въѣздъ въ станицу не особенно пріятнымъ; ревъ и блеянье скотины оглушили насъ; пыль, тучей стоявшая надъ стадомъ, не давала возможности хоть мало-мальски видѣть что-нибудь по сторонамъ, а взрытая скотиной и засохшая твердыми глыбами грязь улицы, по которой намъ приходилось ѣхать, потому что стадо постоянно сбивало насъ съ проторенной колеи, заставляла фургонъ нашъ безпрерывно трястись и не ѣхать, а какъ-то падать колесами то впередъ, то назадъ, то на одинъ бокъ, то на другой. Порядочно-таки изломала намъ кости эта тряска. Наконецъ мы, почти уже потерявшіе надежду на окончаніе нашихъ мученій, были пріятно обрадованы, когда фургонъ нашъ неожиданно свернулъ съ дороги и въѣхалъ въ отворенныя ворота, на которыхъ была прибита доска съ надписью: «*Постоялый дворъ съ номирами*».

Сразу почувствовали мы себя въ тишинѣ и просторѣ. Широкій просторный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ постройками, какъ-то вдругъ и какъ будто на огромное разстояніе отдѣлилъ насъ отъ уличнаго хаоса. Нѣтъ уже ни тряски ни пыли, воздухъ свѣжій и чистый, и раздиравшій душу ревъ скотовъ неожиданно принялъ не раздирающій уже, а музыкальный оттѣнокъ: не то, казалось, гдѣ-то солдаты идутъ съ пѣснями, не то какіе-то басы и баритоны провозглашаютъ кому-то многолѣтіе, а можетъ статься, и пѣсни играетъ какая-нибудь подгулявшая компанія. Телячьи басы и баритоны особенно способствовали этой музыкальной иллюзіи.

— Однако надо хозяина! — проговорилъ Пуховиковъ, послѣ того, какъ мы, выбравшись изъ фургона, немного поразмяли кости, походивъ по двору.

— Другъ любезный!—сказалъ онъ, подходя къ фургонщику:—какъ бы хозяина позвать? Чайку надо...

— Сейчасъ, сейчасъ!—торопливо стягивая съ лошадиныхъ спинъ вожжи и свертывая ихъ, отвѣчалъ фургонщикъ.— Сію минуту. Да вотъ! Эй, молодица! Позови-ка хозяина!

Молодка, къ которой отнесся фургонщикъ, дюжая, истинно богатырски сложенная молодая «дѣвка», появившаяся изъ небольшого флигелька на срединѣ двора, не обратила на слова фургонщика никакого вниманія; она какъ-то «срыву» выплеснула изъ шайки какіе-то кухонные остатки и скрылась, почти бросивъ у дверей флигелька эту уже пустую шайку. И появленіе и исчезновеніе ея было такъ кратко, что, кромѣ ея богатырскаго сложенія, мы могли замѣтить въ ней только крайнюю небрежность костюма; голова ея была простоволоса; ситцевый платокъ кое-какъ завязанъ на шеѣ, а могучее тѣло также кой-какъ было облечено въ жиденькое ситцевое платье, все въ пятнахъ и въ салѣ.

— Ишь какая сердитая!—добродушно проговорилъ фургонщикъ, основывая свое мнѣніе на невниманіи дѣвицы-богатыря къ его просьбѣ.

Скоро и намъ съ Пуховиковымъ пришлось убѣдиться, что дѣвица-богатырь точно какъ будто сердита. «Шваркнувъ» шайку, она тотчасъ же опять появилась на крыльцѣ флигелька съ большимъ нечищеннымъ самоваромъ въ рукахъ; махнувъ, какъ веромъ, этимъ огромнымъ самоваромъ, она сразу выбросила изъ него и воду, и уголь, и золу, и тоже «срыву грохнула» его о крыльцо, «срыву» опрокинула въ него воду, нахлобучила крышку, набила угольями и такъ могуче дунула въ трубу, что яркія искры съ трескомъ разлетѣлись по всему крыльцу.

— Нельзя ли, любезная, хозяина намъ...—еще разъ попытался вымолвить фургонщикъ.

— Нешто я караульщикъ твоему хозяину? Песъ его знаетъ, гдѣ онъ!—уже съ явнымъ негодованіемъ не отвѣтила, а прямо гаркнула ему богатырь-дѣвица. Нельзя было не убѣдиться, что она точно сердита, что она, какъ говорятъ, «и рветъ и мечетъ». Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и движеніяхъ, рѣзкихъ и необычайно быстрыхъ, она повиновалась, очевидно, бушевавшей въ ней бурѣ, и даже ея ситцевая юбка, во время ея сердитой бѣготни, билась и хлестала по ея голымъ ногамъ и по притолкамъ дверей точно такъ же, какъ треплется и хлещетъ во время настоящей бури парусъ на кораблѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ, господа, иду!..—послышался около насъ какой-то дребезжащій голосъ, и мы наконецъ увидѣли хозяина.

Это былъ человѣкъ выше средняго роста, широкой кости, лѣтъ подъ шестьдесятъ; но не старческое, а что-то раскислое, преждевременно дряблое было въ его лицѣ и фигурѣ, слегка потупленной, сгорбленной, но не старостью, а какимъ-то безсильнымъ равнодушіемъ. Нечесаные, но еще густые рыжіе съ просѣдью волосы неряшливо падали на низкій лобъ съ кисло-жалобными глазами; неряшливое, старое, все въ пятнахъ и безъ пуговицъ, когда-то, вѣроятно, «лѣтнее» пальто было кое-какъ подпоясано въ таліи веревкой; какія-то ситцевыя, грязныя, широкія шаровары розоваго цвѣта были коротки и обнаруживали босыя ноги, обутыя въ резиновыя калоши. Что-то кислое и утомленное лежало на всей его фигурѣ; явнымъ упадкомъ силъ, энергіи повѣяло на насъ отъ этого человѣка, называющаго себя «хозяиномъ», и мы тотчасъ же какъ-то вдругъ замѣтили тѣ же слѣды упадка и въ его хозяйствѣ. Сердитая, грубая, неряшливая работница также, какъ намъ показалось, дополняла впечатлѣніе разстройства, таящагося въ жизни этого двора. И мы не ошиблись.

— Сію минуту все будетъ!.. И комнатку вамъ также?— дребезжащимъ голосомъ спрашивалъ насъ хозяинъ.

— Да, и комнатку бы... Ночевать будемъ.

— Ну, сейчасъ, сей минутъ!.. Марья! Самоварчикъ, живѣй!

Богатырь-дѣвица, появившаяся на крыльцѣ едва ли только не для того, чтобы съ сердцемъ хлестнуть подоломъ о притолку и уйти, не удостоила его отвѣтомъ.

— О, да у ней ужъ поставленъ самоваръ-то... Еще чего не потребуется?.. Да! Свѣчку вамъ... Комнатку... Пожалуйте сюда вотъ.

Шлепая резиновыми калошами, онъ, сгорбившись, повелъ насъ въ одинъ изъ трехъ флигелей, выстроенныхъ на дворѣ. Флигель былъ низенькій, темный; въ двухъ маленькихъ комнаткахъ стояло по кровати съ гнилыми досками, нѣсколько изломанныхъ стульевъ, столъ, который задребезжалъ ужъ, едва только мы ступили на полъ.

— Огонька бы надо!—сказалъ нашъ фургонщикъ.

— Свѣчку? сію минуту... все... Сейчасъ... Марья!—крикнулъ онъ въ открытую дверь:—давай свѣчку!

Но такъ какъ никакого отвѣта отъ Марьи не послѣдовало, то хозяинъ самъ отправился за нею. Не очень скоро

вновь появился онъ съ длиннымъ порыжѣвшимъ мѣднымъ подсвѣчникомъ и самъ принялся вставлять въ него длинную сальную свѣчку.

— Все неуправка,—какъ-то жалобно бормоталъ онъ, переламывая эту свѣчку обѣими руками и, кстати, сгибая мѣдный неуклюжій подсвѣчникъ на сторону. — Ишь какъ согнуло его! Главное—народъ избаловался... не найдешь людей! Вотъ долженъ самъ, напримѣръ, всякую малость...

Кой-какъ свѣчка была наконецъ укрѣплена въ неуклюжемъ подсвѣчникѣ, и на столѣ появилась разнокалиберная чайная посуда.

— Ну, вотъ! Ничего! сейчасъ и самоваръ!.. Марья!— опять крикнулъ хозяинъ, высунувшись въ окно, но на этотъ разъ богатырскій толчокъ Марьиной ноги распахнулъ дверь точно порывомъ бури, ударивъ ею объ стѣну, и сама Марья безъ всякаго зова, такъ же, какъ ураганъ, внеслась съ самоваромъ въ комнату. Самоваръ неистовствовалъ ужасно, да и сама Марья бушевала внутренно не меньше самовара; ея могучая грудь ходила ходуномъ; она ткнула клокочущее чудовище на крошечный столикъ, при чемъ чудовище кипящимъ паромъ сразу ударило въ зеркало, въ картину и точно окунуло ихъ въ воду; въ это же время чудовище упорно задувало свѣчку и отталкивало хозяина, который хотѣлъ къ нему подступиться. Бурное появленіе взбѣшенной Марьи заставило хозяина сказать ей:

— Кажется, можно потише? поаккуратнѣй? чего ужъ такъ-то?

Сказалъ онъ это какимъ-то принужденнымъ, дряблымъ, но, какъ намъ показалось, исполненнымъ глубокой ненависти голосомъ.

— Давай ключи-то отъ амбара! — опять «гаркнула» Марья.—Тебя, стараго чорта, вѣкъ не переслушаешь...

И, не дожидаясь отвѣта, исчезла.

— Нонче вонъ какъ храпятъ на хозяевъ-то!—кисло и жалобно пожаловался намъ хозяинъ и, обратясь почему-то къ фургонщику, прибавилъ:—она вотъ этакъ-то храпѣть на тебя будетъ, а ты, между прочимъ, пальцемъ ее не смѣешь тронуть! Вотъ какіе порядки!..

— Да, ужъ нониче вольно... Да чего это она такъ рычитъ?

— Такъ, поучилъ... маленько... Рабенокъ, напримѣръ, вывалился изъ люльки, благимъ матомъ оретъ, а она разсѣлась за воротами, съ солдатами подсолнухи жретъ...

— Твой ребенокъ-то?

Хозяинъ какъ-то потупился, вздохнулъ и съ кислой улыбкой сказалъ:

— А ужъ не знаю... должно, мой!.. надо-быть, такъ!..

— А она-то, что-жъ, стало-быть, въ нянькахъ у тебя?

Хозяинъ еще разъ вздохнулъ и, слегка махнувъ рукою, проговорилъ:

— Она у меня все въ одномъ числѣ: и въ родѣ жены, напримѣръ, и въ работницахъ, и въ нянькахъ.

— Такъ и ребенокъ-то, стало-быть, отъ нея?..

— Отъ нея, отъ идола! Пропади она!..

— А настоящая-то хозяйка твоя, значитъ, померши, что ли?..

— Настоящая моя хозяйка?..

Онъ опять махнулъ рукой.

— Объ этомъ, братъ, долго разговаривать!..

Хозяинъ помолчалъ и проговорилъ, крѣпко вздохнувъ:

— Кабы настоящая хозяйка была, такъ я бы нешто присоединился къ этому идолу? Вѣдь что̀ она? дерево! Взять полѣно, ошарашить по шеѣ, и весь разговоръ... Только однимъ боемъ и живетъ. Чего ей рабенокъ? Нонича бабамъ воля. «Не хочу съ мужемъ жить!»—взяла и ушла, только и всего! А рабенокъ ей ни почемъ, сколько угодно... Кабы жена-то была, такъ не держалъ бы этакого истукана... Вѣдь она меня кулакомъ пополамъ перешибетъ — вѣдь чортъ!.. Неволя, братецъ ты мой, загнала!.. Заскучалъ! Принужденъ былъ наемнымъ порядкомъ обломать истукана... А кабы жена-то!..

— Да что-жъ такое съ твоей женой приключилось?

— Ушла отъ меня!—вотъ что̀ приключилось... съ «агентомъ» ушла... Вотъ видишь флигель на дворѣ? Ну, вотъ тамъ у меня агентъ жилъ, снималъ квартиру по контракту за двѣсти за тридцать въ годъ, на пять лѣтъ... Ну, вотъ и уволокъ... У меня сыновья по восемнадцатому году есть! И дѣтей увела! и всего дочиста обобрала! до нитки! оставила вотъ въ чемъ есть... Вотъ какъ со мной супруга распорядилась умно!..

— Да-а!.. Такъ вотъ какое дѣло!

— Почитай, двадцать лѣтъ прожили—и вотъ какъ!..

— Да, братъ!.. — вполнѣ сочувственно, качая головою, сказалъ фургонщикъ.

— Какъ такъ могло случиться? — оживленно спросилъ хозяина Пуховиковъ, кое-какъ расположившись на голыхъ доскахъ кровати.

— Это ежели вамъ все какъ должно разсказать, сколько я, напримѣръ, принялъ мýки...

— Такъ разскажите, пожалуйста!—умоляюще воскликнулъ мой попутчикъ.—Пожалуйста!

— Ежели это разсказать все подробно...

Хозяинъ махнулъ рукой и вздохнулъ. Но, какъ будто что-то вспомнивъ, поспѣшно проговорилъ:

— Вотъ погодите, я сейчасъ въ амбаръ сбѣгаю, а тогда опять загляну...

— Пожалуйста!.. — вопилъ Пуховиковъ вслѣдъ уходившему хозяину.

— Ладно! ладно!—отвѣчалъ тотъ.

III.

— Такъ вотъ оно какое дѣло-то!—многозначительно прикусывая языкъ и покачивая головой, заговорилъ нашъ фургонщикъ по удаленіи хозяина.—То-то я смотрю, что какъ будто не такіе порядки пошли... Я ужъ давно не бывалъ у него... Это сегодня какъ-то вздумалось, а то я въ другомъ мѣстѣ останавливаюсь... Такъ вотъ оно какъ!

И, покачивая головой, фургонщикъ съ многозначительною миною въ лицѣ припалъ губами къ полному блюдечку чая.

— Да! Видно, что его это потрясло!..—сочувственно сказалъ Пуховиковъ.—Что-жъ онъ нейдетъ?

— Придетъ!—успокаивалъ фургонщикъ.—Тутъ ему нечего дѣлать-то... Вы чего же чаю-то не пьете?—обратился онъ къ Пуховикову.

— Я хочу ѣсть!—отвѣтилъ Пуховиковъ:—пойду искать чего-нибудь...

Мы съ фургонщикомъ остались вдвоемъ, поджидая возвращенія хозяина и Пуховикова. Въ ожиданіи ихъ мы молча пили чай, и фургонщикъ успѣлъ опустошить весьма значительное количество чашекъ, прежде нежели явился Пуховиковъ съ цѣлой тарелкой яицъ въ рукахъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, въ раздумьѣ останавливаясь среди комнаты:—нашъ хозяинъ-что-то... смиренный-смиренный, а подите-ка, какъ «идола»-то своего мучаетъ!.. Я вотъ сейчасъ искалъ его, нѣтъ что-то нигдѣ, вошелъ во флигель, а тамъ люлька виситъ, и эта Марья ребенка качаетъ... Ну, дѣйствительно, качаетъ такъ, что не дай Богъ! ребенокъ катается въ люлькѣ, какъ вотъ каталось бы яйцо... только кряхтитъ... то-есть, собственно говоря, не качаетъ она, а пихаетъ его съ сердцемъ отъ себя и къ себѣ съ ожесто-

ченіемъ дергаетъ.—«Нельзя ли, матушка, яичекъ мнѣ?..» Сначала покосилась молча, посмотрѣла на меня, потомъ говоритъ:—«Вонъ, возьми подъ лавкой!» И вижу я—все ея лицо мокрое отъ слезъ... «Ты что-жъ, говорю, о чемъ плачешь?»—«Какъ же не плакать, съ такимъ чортомъ живешь!..» — «Такъ бы ушла?» — «Да паспорту не даетъ... Должна, вишь, ему я... рабенокъ родился, расходъ ему... А чей рабенокъ? Не драться съ нимъ, съ подлецомъ... И рабенокъ-то мой хуже ворога!.. хоть бы померъ, что ли, давно-бъ моего духу не было!» И реветъ, реветъ — заливается! Покуда я яйца изъ корзинки вытаскивалъ, досталось нашему хозяину на орѣхи... Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, какія бываютъ нелѣпыя связи!

Пуховиковъ положилъ нѣсколько яицъ въ стаканъ, облилъ ихъ изъ самовара кипяткомъ и вновь расположился на кровати.

— Знаете что̀?—сказалъ онъ оживленно:—пусть только придетъ хозяинъ, надобно вывести его на свѣжую воду... Должно-быть, онъ тиранъ! Какую могучую дѣвку и какъ запугалъ!.. А вѣдь по виду кротокъ...

— Вотъ, погоди, все выспросимъ!—поддакнулъ извозчикъ.

И только-что былъ составленъ между Пуховиковымъ и фургонщикомъ этотъ, такъ сказать, заговоръ противъ хозяина, какъ на крыльцѣ послышалось шлепанье резиновыхъ калошъ, и скоро въ комнатѣ появился подсудимый; въ одной рукѣ держалъ онъ пузатенькій графинъ съ водкой и рюмку, торчавшую между пальцевъ, въ другой у него была связка шамаекъ и подъ локтемъ прижатъ кусокъ хлѣба.

— Вотъ, господа, съ дорожки позвольте попотчевать... Рыбки, своего вяленья, извольте-ка-сь покушать!

Рыбку и хлѣбъ онъ какъ-то искусно, при помощи одной руки, сумѣлъ опустить на столъ, а самъ остался посреди комнаты съ графиномъ въ одной рукѣ и рюмкой въ другой.

— Позвольте васъ просить!—сказалъ онъ, поднося рюмочку водки сначала Пуховикову, потомъ мнѣ.

Мы сказали: «послѣ, теперь рано!». Не отказался только фургонщикъ.

— Что-жъ это такъ? — обиженно говорилъ хозяинъ:— неужто ужъ мнѣ за всю компанію одному придется претерпѣть?

— Пей самъ-то!—сказалъ фургонщикъ.

— Ну, видно, надо!—будьте же здоровы! Съ пріѣздомъ.

Хозяинъ медленно выпилъ одну рюмку за другой и, не

выпуская ни графина ни рюмки изъ рукъ, сѣлъ въ старое безногое кресло, кое-какъ державшееся у стѣны. Поза его была такая: откинувшись къ спинкѣ кресла и наклоня голову къ груди, онъ сидѣлъ какъ бы въ задумчивости, разставивъ ноги, и на одномъ колѣнѣ держалъ графинъ, а на другомъ рюмку...

— Да! вонъ какъ, господа любезные, бываетъ на свѣтѣ!

Сказавъ это, онъ налилъ еще рюмку водки, выпилъ, крякнулъ, плюнулъ и опять поставилъ руки съ графиномъ и рюмкою въ то же положеніе.

— За твои труды, за твои, напримѣръ, старанія, за всякое попеченіе возьмутъ тебя же и огрѣютъ полѣномъ по головѣ! Что̀ же, хорошо этакъ поступать?

Вопросительно взглянувъ на насъ и, повидимому, не желая ждать отвѣта, онъ опять выпилъ рюмку и все съ тѣми же пріемами.

— А почему?—продолжалъ онъ, вопросительно взмахивая головой.—А пото-м-му, что нѣту строжайшаго закона! Вотъ почему! По теперешнимъ временамъ дозволяется бабамъ своевольствовать... Поди-ка, тронь ее пальцемъ! Что̀ тебѣ скажетъ судья?—«Да, виновенъ. Посадить его въ часть». А посмотри-ка-сь, что̀ онъ скажетъ, ежели ты на бабу жалуешься?—«Нѣтъ, не виновна, ступай съ Богомъ!» Вотъ нонѣшнія права! Она тебя ограбитъ съ любовникомъ, обворуетъ, разоритъ, осрамитъ, а ты—пикнуть не смѣй! Голову она тебѣ съ плечъ снесетъ—«нѣтъ, не виновна, иди гуляй!» (слѣдуетъ поспѣшная выпивка двухъ рюмокъ сразу). Отъ этого-то и происходитъ вавилонское столпотвореніе!.. Теперича спрашивается: какая же мнѣ награда, что я ее берегъ, напримѣръ, уважалъ, поилъ, кормилъ, въ наряды ее наряжалъ?.. Каждая копейка у меня кровью досталась! Вотъ все, что̀ тутъ понастроено, каждая соломинка—все это отъ трудовъ! Чего только ни пережито на вѣку! И все старался, чтобы какъ лучше, чтобы по-хорошему!.. Чего ей не хватало? Всего, что̀ потребуется, было! И вещи, и золото, и серебро, и жемчугъ — все было!.. Или не уважалъ я? Оченно даже почиталъ и ходилъ за ней, какъ за кроткимъ младенцемъ: кажется, всю жизнь волоска не тронулъ (быстрая выпивка). И вотъ оказывается съ агентомъ! Обобрала, какъ липку! Осрамила, разорила; все выбрали съ подлецомъ изъ сундуковъ: и вещи, и билеты, вв-сс-се!.. Вотъ какую награду заслужилъ я за мои труды! А ужъ, кажется, какъ малаго младенца берегъ: «Наденька, Наденька, ангелъ мой!

не надобно ли чего? не чувствуешь ли ты какого безпокойствія? можетъ-быть, тебѣ какого варенья или что̀ тебѣ требуется—ты только мнѣ скажи!» Только, бывало, и словъ моихъ. И вдругъ съ прохвостомъ! Предалась со всѣми дѣтьми, оставила меня посереди пустыни!..

Слѣдуетъ выпивка еще двухъ рюмокъ, и разсказчикъ, видимо, хмелѣетъ.

— Вотъ награда!

Всѣмъ стало какъ-то очень нескладно на душѣ и въ то же время очень грустно отъ этого разсказа. Всѣ мы какъ-то разомъ вздохнули, и глубже всѣхъ вздохнулъ охмелѣвшій хозяинъ.

— А какой была ангелъ!—вдругъ нѣжнѣйшимъ голосомъ почти прошепталъ онъ, очевидно, впадая въ совершенно иной тонъ и отъ негодованія переходя въ мечтательное настроеніе.—Вспомнишь! вспомнишь! Ну, да что̀ ужъ!.. Провались она пропадомъ!..

Среди общаго молчанія послышался рѣзкій звукъ глотка. Хозяинъ пилъ и сидѣлъ, глубоко удрученный.

— Послушайте, хозяинъ!—проговорилъ Пуховиковъ.—Извините, васъ какъ по имени-отечеству-то?

— Насъ? Иванъ Семеновъ.

— Иванъ Семеновичъ! Знаете что̀? Разскажите по совѣсти, какъ было дѣло...

Хозяинъ поднялъ голову, слушалъ и не отвѣчалъ.

— Вѣдь все равно, — продолжалъ Пуховиковъ заискивающимъ тономъ:—дѣло прошлое, чего скрывать?..

Продолжая молчать, хозяинъ сталъ внимательно вслушиваться въ слова Пуховикова, даже наклонился впередъ, чтобы яснѣе слышать ихъ.

— Вы сами говорите: «ангелъ была...»—и вдругъ ограбила!.. Вѣдь это зря не бываетъ... Какъ законовъ нѣтъ? За копейку въ острогѣ сидятъ... Нѣтъ, вы ужъ, пожалуйста, все по совѣсти...

Долго и упорно молчалъ хозяинъ и, очевидно, крѣпко о чемъ-то думалъ... Всѣ мы ждали, что̀ будетъ.

Вдругъ онъ вздохнулъ глубоко-глубоко, выпрямился на стулѣ, потомъ быстро поднялся во весь ростъ и громко произнесъ:

— По совѣсти? По чистой совѣсти вамъ?

— Да-да! Пожалуйста!..—подзадоривалъ Пуховиковъ.

— Все по совѣсти?..

Пуховиковъ опять поддакивалъ, а хозяинъ, приготовясь

отвѣтить что-то, но, видимо, затрудняясь отвѣтомъ, въ волненіи колотилъ себя бутылкой въ грудь.

— По совѣсти? — громко воскликнулъ онъ и столь же громко прибавилъ:—а потому что... сволочь!

— Кто?—подсунулъ ему Пуховиковъ.

— Я! Я сволочь! — грянулъ хозяинъ и такъ ударилъ бутылкой въ грудь, что изъ нея выплеснуло струю водки.

— Я! Я!.. — кричалъ онъ. — Вотъ кто есть основатель всей подлости!

И въ сильномъ волненіи (не разлучаясь однако ни съ графиномъ ни съ рюмкой), охмелѣвши, хозяинъ почти упалъ въ кресло.

— По совѣсти вамъ? Такъ вотъ какъ: у нея была спервоначалу душа чистая, а у меня душа была грязнѣй грязи! Я, собственно, потому и вовлекъ ее въ бракъ, что душа-то моя почернѣла, такъ мнѣ требовалось около чистаго пріютиться... Вотъ я и выдернулъ ее изъ грядки за хохолъ, какъ рѣдьку!.. Да къ себѣ въ берлогу! А она не мнѣ чета была! Не по себѣ я бралъ товаръ!.. Я къ грязи съ дѣтскихъ денъ пріученъ! Чай, знаете Валдай-городъ? Ну, такъ у моихъ родителей три трактира тамъ было съ органами... И грязи и грѣха—не приведи Богъ сколько было!.. А она, Надежда-то, дьяконская дочь, смирная, тихая, умная, обученая, сама чистота небесная! Все у нея, бывало, что-то свѣтитъ въ глазахъ-то! Ей-ей, не совру, скажу вамъ: сидитъ, бывало, читаетъ книжку, а надо лбомъ у нея (вотъ это самое мѣсто) точно что̀ летаетъ... Ей-Богу, не вру! Привлекла меня вполнѣ... Ну, я съ дьякономъ и такъ и этакъ... сладили! Живемъ по-супружески, а вижу не то!.. Кажется, ужъ по женской части понималъ? А не то! У, какъ строго надо!.. Тутъ надо не то, что поступать чисто, а и думать-то чисто надо... вотъ тогда и будетъ прокъ! А о чемъ мнѣ думать? Пріобыкъ я къ грубости, къ своевольству... Сталъ я предъ женой представляться въ родѣ религіознаго человѣка... И вѣрила вѣдь!.. Тянетъ меня учиться, а я ужъ всему наученъ!.. завлекла меня къ помѣщику (еще въ дѣвицахъ она у нихъ живала), школу смотрѣть, съ учителями разговаривать... Прямо сказать, добрые были люди, настоящіе... Истинно добро хотѣли творить. Вотъ и ее туда тянетъ къ нимъ. А мнѣ съ ними смерть! Меня тянетъ въ кухню, къ бабамъ, взять балалайку да съ Матрешкой сдѣйствовать ухарскую! Вѣдь кто къ этому пріобыкъ, такъ вѣдь съ бабами, дѣвками

гулять—ухъ, какъ вихорно-хорошо! Понемножку-полегоньку, то каблучками, то ладошками, такъ тебя начнутъ потрогивать, подергивать, поворачивать—и не опомнишься, какъ словно въ облакахъ безъ памяти плаваешь... И-и-ихъ, бывало, какъ въ рощахъ мы гуливали!.. Терпишь - терпишь дома, да какъ дашь себѣ бенефисъ...

— Зачѣмъ же бенефисъ-то?—съ упрекомъ замѣтилъ Пуховиковъ.

— Да вѣдь хорошо! дюже хорошо этакъ-то колесомъ подъ облаками шарахнуть! Ахъ, братецъ ты мой!..

— Да, точно,—проговорилъ Пуховиковъ:—кажется, дѣйствительно, не по васъ она!

— Нѣтъ, братецъ ты мой, не такъ! Мнѣ безъ нея тоже невозможно... У меня такъ: отъ вольной жизни тянетъ къ ней, а отъ нея къ чорту въ зубы призываетъ... Вотъ ты что̀ разбери!.. Я бы и съ ней соскучился... и съ моими актерками стосковался, вотъ какая моя природа! Оно бы и ничего, все бы честь-честью шло, только вотъ въ ней-то своя загвоздка сидѣла. Тянетъ ее къ ученью да ко всему хорошему! Книжка ей требуется, та̀къ ее и подмываетъ къ этимъ самымъ господамъ пойти, та̀къ у нѐя на лбу-то и летаетъ этотъ духъ-то благородный! Я бы самъ-то какъ-никакъ преоборолъ себя; это мы можемъ: иной разъ четверть водки осадишь, придешь къ родителю, а рыло точно у схимника, чистъ и святъ! Да она-то вотъ все въ сторону, все своей дорогой... Думаю, опредѣлить ее къ трактирному дѣлу, посадить за выручку? Потому родитель къ тому времени померъ, и дѣло въ моихъ рукахъ было. Огрязнѣетъ! а мнѣ нужна чистая!.. Ну, пока что̀, жилъ, терпѣлъ.— «Пусти да пусти къ господамъ!» Разъ не позволю, два не позволю, въ третій — нечего дѣлать, пойдемъ вмѣстѣ. Она ускользнетъ къ молодымъ барчукамъ, барышнямъ и къ прочимъ студентамъ, а меня только вотъ икота колотитъ... И сталъ замѣчать, что склоняется она къ одному, напримѣръ, человѣчку... «Ахъ, говоритъ, какой превосходный Митрофанъ Иванычъ!.. Какой умный!..» А парень точно умственный, головастая тварь, нечего сказать... Воротитъ отъ этихъ словъ все нутро во мнѣ, а чѣмъ ее отшибить? не придумаю, способовъ нѣтъ! По наукамъ ничего не соображаю, разговора не понимаю ихняго, а вижу, что тянетъ, тянетъ ее туда, вижу, что тамъ ей мѣсто настоящее... Что̀ тутъ дѣлать? Представилось мнѣ такъ, что безпремѣнно она отъ меня «уйдетъ»! И ушла бы, и безпремѣнно

бы ушла—это вѣрно! (Вѣдь ушла-же-таки!) Да Богъ мнѣ въ эту пору помогъ... Наткнулся я въ нашемъ трактирѣ на двухъ нашихъ же мужиковъ. Сидятъ, чай пьютъ, разспрашиваютъ: «Живъ ли такой-то? А такой-то гдѣ? А этотъ-то померъ или нѣтъ?»—«Да вы-то, молъ, кто такіе сами-то будете?» Ну, слово за слово, разсказали они все. Убѣжали они вдвоемъ изъ нашихъ мѣстъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ и пошли въ Турцію, и теперь въ родѣ турецкихъ подданныхъ и съ турецкими паспортами опять въѣхали въ Россію, приписались на Кавказѣ и живутъ привѣваючи... Наговорили они мнѣ про этотъ самый Кавказъ невѣдомо чего: и мѣста много, и всего много, и вольно, и богато... рай! Забрало меня за живое! Думаю:—«затащу я свою Надежду въ неприступныя мѣста, сохраню ее отъ прочихъ народовъ для себя, и никакой чортъ насъ не разыщетъ!..» А у меня характеръ горячій. Влетѣло это мнѣ въ башку, даромъ не лежало. Обтолковалъ я это дѣло съ земляками, разспросилъ, распродалъ имущество, маменькѣ оставилъ часть, урезонилъ ее подъ тѣмъ предлогомъ, что, молъ, ѣду въ Москву торговлей заниматься, да и юркнулъ сюда въ степь, и жену уволокъ съ собой, оторвалъ ее отъ своихъ мѣстъ...

Разсказчикъ подкрѣпилъ себя рюмочкой.

— И стали мы, братцы мои, жить съ ней наново... Шибко она убивалась по своимъ мѣстамъ!.. Ну, однако-жъ хлопотъ было много, и наконецъ дѣти оказались... одинъ за другимъ, два мальчика... Такъ мы жили долго... У меня заботы много хозяйской, у нея одна забота — дѣти. Вся имъ предалась, вся, значитъ, затихла, присмирѣла... Куда тебѣ книжки!.. И жили мы перво-наперво вотъ въ этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь разговоры разговариваемъ; а потомъ флигель отдѣлали новый, а со временемъ и жильцовъ стали пускать... Поживши такимъ родомъ, соскучился я объ своей сторонѣ, задумалъ поглядѣть, какъ живутъ земляки. Деньжонки, слава Тебѣ, Господи, были, я думаю: «поѣду въ свои мѣста, разузнаю, душу отведу»; здѣсь хоть и хорошо, а все свои мѣста милѣе. И опять же задумалъ и сейчасъ за дѣло взялся... Флигель новый сдалъ агенту, этому самому мошеннику-то, на пять лѣтъ, по двѣсти по тридцать рублей, хозяйство передалъ женѣ—и съ Богомъ. Чтобы у меня объ ней мысль какая вредная была — ни Боже мой! Хозяйство и ребята такъ ее прекратили, даже и подобія не осталось, стала старѣть моя бабенка. А мнѣ

за ней, какъ за каменной стѣной, спокойно... Поѣхалъ. Дороги желѣзной въ ту пору не было до самаго Воронежа. Ѣзда долгая. Ну, кое-какъ добрался до дому, разыскалъ своихъ, да безъ малаго полтора годика и прогулялъ въ родныхъ-то мѣстахъ! Любо, братцы мои, показалось мнѣ въ своихъ мѣстахъ! Дома у меня заботы нѣтъ: жена отписываетъ, и все хорошо, чего-жъ мнѣ! И такъ я препріятно погулялъ—вѣкъ не забуду! Даже... ужъ что̀ грѣха таить? говорю вамъ, какъ на духу... прихватилъ изъ своихъ мѣстъ себѣ обновочку... сманилъ я ее, думаю: «воткну ее гдѣ-нибудь въ хибаркѣ, у старой вдовы, казачки, пускай живетъ,— все мнѣ будетъ отдохновеніе...» Ну, пріѣхалъ, обновку свою приладилъ въ непроходимыхъ мѣстахъ, сталъ жить, н-но замѣчаю, что въ моей бабѣ опять старое стало открываться, опять мысли появились... Слышу: «Дѣти ужъ большія растутъ, учить надо... Альфонсъ Ѳедоровичъ безпремѣнно, говоритъ, учить надо... Какъ такъ! мои дѣти мужиками будутъ, невѣжами?..» Изволите видѣть! Заиграла въ ней старая струна, только ужъ въ дѣтяхъ... И опять Альфонсъ Ѳедоровичъ какой-то появился... А это агентъ-то, анаѳема! нѣмецъ! Сидитъ, собака, циркуль возьметъ, кругъ обведетъ, линейкой подчеркнетъ — шутъ его знаетъ, чего онъ тамъ дѣлаетъ, а она только ахаетъ: «вотъ кабы моимъ дѣтямъ такъ-то!..» И стало такъ: то нѣмецъ къ намъ, то она къ нѣмцу съ мальчишками... И идетъ промежду нихъ опять же такой разговоръ совсѣмъ не по моей природѣ— потому что понятія у меня нѣтъ... Дальше—больше, слышу, люди говорятъ:—«Поглядывай, молъ, Семенычъ, — у твоей жены съ нѣмцемъ не очень аккуратно происходитъ!» Кухарка тоже не вытерпѣла, объяснила: — «Она, говоритъ, безъ тебя безперечь у нѣмца... и онъ у ней... въ полночь... за полночь». Побожилась, что нѣмецъ въ окно лазилъ... Ахъ, пропади-пропадомъ! Рветъ меня опять на части, что̀ ты будешь дѣлать! Хоть и есть у меня на сторонѣ, а безъ такой бабы, какъ жена, нѣту мнѣ житья!.. Разъ этакъ былъ выпивши (нахлестался у своей)... пришелъ домой; Надежды нѣту.—«Гдѣ?»—«У нѣмца».—«Сходи, призови». Пошла кухарка: — «сейчасъ!» Прошло два часа—нѣту.— «Сходи!»—«Сейчасъ!»—Опять нѣтъ! Пошелъ самъ, вытребовалъ, думаю: «погоди же, я съ тобой сыграю штучку!» Принялъ на себя довольно кроткій видъ и говорю:—«Ты мнѣ, Надежда, говори все по совѣсти и не бойся. Какія у тебя дѣла съ нѣмцемъ завелись?» Удостовѣрилъ ее вся-

чески, чтобы нисколько ничего отъ меня не опасалась. Тутъ она вся загорѣлась отъ радости — и повѣрила... Я, говоритъ, безъ него жить не могу... Онъ моимъ дѣтямъ лучше тебя отецъ... Отъ него въ часъ услышишь то, что̀ ввѣкъ не узна̀ешь, съ тобой живши... Отпусти ты меня, другъ ты мой, къ нему съ дѣтями совсѣмъ! Я вѣдь твою подлость давно знаю, все терпѣла... Я изъ жалости къ родителю за тебя пошла. Ты и теперь, говоритъ, любовницу держишь; какой дѣтямъ ты примѣръ! А Альфонсъ-то Ѳедоровичъ—онъ изъ нихъ людей сдѣлаетъ... Онъ, говоритъ, такъ ихъ любитъ, такъ заботится, что за это за одно я ножки у него цѣловать буду...» Говоритъ это, плачетъ—меня обнимаетъ, а у меня все нутро горитъ, огнемъ полыхаетъ! Однако-жъ продолжаю доходить до корня.—«Хорошо, говорю, отпущу!.. А чѣмъ вы жить будете?» — «А ты, говоритъ, намъ все мое отдай!..» И на это я ей также по вкусу отвѣтилъ:—«Хорошо, говорю, показывай же, какія бы ты вещи взяла и какія мнѣ оставила?» И сейчасъ она въ одну минуту сундуки распахнула, разворочала, и, точно въ самомъ дѣлѣ уходить ей пора отъ меня, со всякимъ спѣхомъ принялась разбирать... Вотъ на этой самой кровати, что̀ вы изволите лежать (онъ кивнулъ Пуховикову), принялась она раскладывать имущество: — «Это твое, а это вотъ мое... Это тебѣ оставляю!»... Вѣнчальныя свѣчи мнѣ оставила... Перебрала все, въ сундукахъ, въ чуланахъ, горитъ вся отъ радости!—«Ну, говорю, теперь ты свое сложи въ особое мѣсто, а мое въ особое». Все — живымъ манеромъ!—«А когда, говорю, уходить хочешь?..»—«А сейчасъ, говоритъ, у Альфонса Ѳедоровича спрошу...» Тутъ я всталъ (разсказчикъ всталъ и, поставивъ на столъ графинъ и рюмку, съ какимъ-то разбойничьимъ, даже палаческимъ жестомъ засучилъ рукава и сжалъ огромный кулакъ...), всталъ я, засучилъ, поплевалъ этакимъ манеромъ—да рррразъ по мордѣ! да два! да три... да до тѣхъ поръ, пока кровь изъ нея какъ изъ зарѣзанной хлынула! Тутъ на крикъ прибѣжалъ нѣмецъ, сосѣди—и, Боже мой, какой вышелъ скандалъ!..

Разсказчикъ опять овладѣлъ графиномъ и рюмкой и освѣжилъ себя двумя огромными рюмками.

— Нѣмца выгналъ вонъ, а жена лежитъ, молчитъ, умираетъ... Никогда я такъ не плакалъ, какъ надъ ней!.. Ужъ, Господи! только бы жива была! Все хозяйство бросилъ... запустилъ... Далъ обѣтъ пѣшкомъ сходить въ Новый Аѳонъ,

ежели выздоровѣетъ. Пролежала она въ постели безъ малаго годъ... кое-какъ отходили. Молчитъ, ни словечкомъ не вспоминаетъ (а въ себѣ все затаила!..). Я ужъ и не знаю, какъ мнѣ самому-то позабыть мои грѣхи... Вытребовалъ изъ дому родителей ейныхъ, отца и мать, покаялся, молебенъ отслужили, и ее уговорили все позабыть, и въ ноги она мнѣ поклонилась... Какъ поклонилась она мнѣ въ ноги, тутъ и я отдохъ, думаю: «ну, все слава Богу!» И пѣшкомъ ушелъ Богу молиться на Аѳонъ. Родителей ейныхъ отправилъ, отблагодарилъ, все какъ должно. Возвращаюсь домой,—проходилъ я шесть недѣль,—хвать, и слѣдъ простылъ! Ни жены моей нѣтъ, ни дѣтей моихъ нѣтъ, ни сундуковъ, ни мѣху! Ничего! чисто! бросила все на старуху-работницу—оставила меня безъ всего! Вотъ и конецъ дѣлу!..

Разсказчикъ замолчалъ и поникъ головой.

— Такъ вы ее и не видали?

— И видалъ, и дѣтей своихъ воровалъ, и сюда привозилъ, и сейчасъ у меня судомъ дѣло идетъ—и все ничего! дѣти уйдутъ... сама пьетъ!..

— Стала пить?

— Пьетъ!.. Потому нѣмецъ-то преобразилъ ее не то что въ любовницы, а хуже кухарки она у него теперь... Онъ какъ завладѣлъ имуществомъ-то, сейчасъ его въ деньги оборотилъ, какую-то контору комиссіонерскую открылъ, а ребятъ моихъ агентами пущаетъ. Однимъ словомъ, запрягъ очень хорошо всѣхъ... Все это онъ покорилъ, а жена-то ужъ ему и не нужна... Сказываютъ—невѣсту ищетъ... Такъ все пошло прахомъ! А моя-то все въ черномъ тѣлѣ... Попивать стала, а нейдетъ:—«Все при дѣтяхъ помру...» Любитъ его, подлеца! Что подѣлаешь? Уменъ, вишь, мошенникъ!.. Вотъ тутъ и разбирайте!

Съ глубокимъ вздохомъ разсказчикъ посмотрѣлъ на графинъ, но графинъ былъ пустъ.

— Вотъ теперь и доживаю вѣкъ кое-какъ съ Машкой, идоломъ! Ругаемся съ ней, какъ собаки, а живемъ!

— Зачѣмъ же ругаться-то?—замѣтилъ Пуховиковъ.

— Да когда во мнѣ все нутро ругается...

— А какъ она не стерпитъ да уйдетъ?

— Не уйдетъ! Ее, какъ собаку на цѣпи, ребенокъ держитъ...

Хозяинъ поднялся съ кресла и нравоучительнымъ тономъ сказалъ намъ:

— Эхъ господа, господа!.. Человѣкъ-то вѣдь—мужикъ ли,

баба ли, все одно, мало ли чего хочетъ, да не выходитъ по желанію-то!.. И ушла бы Машка, да ребенокъ! И прогналъ бы я ее самъ, да холодно мнѣ будетъ! Я вонъ желалъ мою Надьку получить и получилъ, а что̀ сталось? И она своего нѣмца получила, тоже проку мало... А вѣдь по желанію!.. А вотъ въ дураки попасть—этого я не желалъ, да и Надька въ пьяницы не стремилась... А между прочимъ, извольте видѣть, что̀ оказалось!.. Эхъ, матушки вы мои! Человѣку-то всего хочется, да не выходитъ! А я и говорю: нужно утвердить законъ, чтобы ни Боже мой!.. Живи по формѣ, вотъ! И будетъ порядокъ... А нынче что̀? Вотъ теперича Машка непремѣнно дверь приперла изъ путра! Ужъ это будьте покойны!.. Ночуй, молъ, песъ, подъ заборомъ... Н-ну, этого позволить я не могу!..

Хозяинъ взялся за графинъ, но, еще разъ убѣдившись, что онъ совершенно пустъ, съ сожалѣніемъ проговорилъ:

— Аль пойти нацѣдить? Я ее разбужу! у меня тутъ припасено полѣнцо... Небось, очнется!

— Нѣтъ,—сказалъ Пуховиковъ:—пора спать!.. Поздно!

— О?.. А то по рюмочкѣ?

— Нѣтъ ужъ, Иванъ Семеновичъ, будетъ!—проговорилъ фургонщикъ и, помолившись на образъ, собрался уходить...

— Ну, инъ, не надо! Ну, стало-быть, спите!..

Хозяинъ ушелъ, простившись съ нами и захвативъ съ собою пустой графинъ и рюмку.

IV.

Затхлый воздухъ флигеля и неудобныя, нечистыя кровати, съ голыми нечистыми досками, навели насъ на мысль ночевать въ фургонѣ. Фургонщикъ самъ вызвался уступить намъ свое мѣсто и увѣрилъ насъ, что онъ найдетъ, гдѣ выспаться.

Скоро мы улеглись. Ночь была чудесная, свѣтлая, теплая, воздухъ свѣжій, напоенный опьяняющимъ запахомъ сѣна. Улеглись мы удобно, уютно и, вѣроятно, крѣпко бы заснули, но въ самомъ началѣ сладостной дремоты насъ разбудилъ хозяинъ. Онъ ходилъ по двору и ругался, негромко, но достаточно слышно: «Погоди, анаѳема!.. заперлась!.. Погоди!» И вслѣдъ затѣмъ раздался громкій стукъ, вѣроятно, полѣномъ, или камнемъ въ дверь флигеля. Отвѣта, очевидно, не послѣдовало, потому что опять хозяинъ ходилъ куда-то, конечно, не переставая ругаться, и спустя нѣкоторое время принялся стучать кольцомъ двери... Не меньше часа съ

промежутками то потихоньку, то «во всю мочь» гремѣлъ онъ кольцомъ и все-таки ничего не добился...

И въ третій разъ пошелъ онъ по двору. Но на этотъ разъ онъ воротился съ большою охапкою сѣна и съ неизмѣнной угрозой: «Погоди!» улегся на крыльцѣ флигеля, подостлавъ сѣно и укрывшись армякомъ.

Вся эта возня помѣшала намъ заснуть, и, побранивъ безпокойнаго хозяина, мы стали сначала курить, а потомъ и разговаривать...

— Да, да! — задумчиво сказалъ Пуховиковъ: — «всѣмъ надо всего, и ничего не выходитъ!» Это правду сказалъ хозяинъ. Я, знаете, даже хотѣлъ написать объ этомъ сказку... Теперь вѣдь сказки въ модѣ: вопросы большіе и неясные, а для этого нѣтъ болѣе удобной литературной формы, какъ сказка. Вотъ мнѣ и вздумалось... Я вѣдь пробовалъ пописывать, да все что-то не выходитъ...

— Ну, и что̀ же со сказкой?

— Да по обыкновенію ничего не вышло... Хотите, я вамъ разскажу въ общихъ чертахъ?

— Пожалуйста!

— Ну такъ слушайте!

XI. Не быль, да и не сказка.

I.

...Быль это или небылица, — началъ мой дорожный собесѣдникъ:—сказка или сущая правда, рѣшительно опредѣлить не могу; не могу ничего опредѣленнаго сказать даже о томъ, какимъ образомъ эта не быль и не сказка удержалась въ моей памяти, такъ какъ положительно не знаю, кто кому разсказалъ ее: я ли самъ разсказалъ ее себѣ, или, какъ мнѣ иногда кажется, разсказалъ ее мнѣ одинъ маленькій садовый цвѣтокъ, или же наконецъ я самъ разсказалъ ее маленькому садовому цвѣтку? Достовѣрно одно, что разговаривать съ цвѣткомъ по-человѣчески невозможно, и я очень хорошо помню, что въ продолженіе всей этой исторіи ни съ моей стороны ни тѣмъ болѣе со стороны цвѣтка не было произнесено ни единаго слова, даже звука, и тѣмъ не менѣе между нами произошло нѣчто такое, что̀ въ моей памяти запечатлѣлось, какъ слу-

чившееся въ дѣйствительности. И вотъ какъ все это произошло

II.

Очень хорошо помню, что, приказавъ какъ можно скорѣе запрягать лошадей, я, не раздѣваясь, присѣлъ на жесткій диванъ въ комнатѣ для проѣзжающихъ на почтовой станціи при Н—ской станицѣ. Писарь предлагалъ мнѣ ночевать, откушать чаю, но я только рукой махнулъ и еще разъ повторилъ мою просьбу какъ можно скорѣе прописать подорожную и ѣхать: мнѣ во что бы то ни стало хотѣлось въ тотъ же вечеръ попасть въ губернскій городъ, и не въ городъ собственно, а въ гостиницу, въ мало-мальски опрятную и покойную постель, и заснуть въ ней такъ, чтобы проспать цѣлыя сутки — такъ я былъ утомленъ продолжительнымъ путешествіемъ и обиліемъ впечатлѣній. Остановиться же на ночлегъ на станціи я не рѣшался: мнѣ нуженъ былъ безусловный покой, а тутъ, въ этой комнатѣ для проѣзжающихъ, поминутно будутъ входить и выходить проѣзжіе, будутъ стучать объ полъ сапогами, чемоданами, сундуками, тогда какъ меня всѣмъ существомъ моимъ тянуло къ сладкому, мертвому сну. Вотъ почему я, несмотря на крайній предѣлъ утомленія, рѣшилъ перемочь себя и во что бы то ни стало сегодня же добраться до настоящей постели.

Но едва я присѣлъ на диванъ, какъ почувствовалъ, что мнѣ не уѣхать. Сѣлъ я неловко, притиснувъ свой локоть къ неуклюжей ручкѣ дивана и до крайности неудобно подогнувъ ногу, — и не могъ ужъ поправиться: тѣло мое отяжелѣло, я чувствовалъ его непомѣрную тяжесть, не ощущая въ немъ и признаковъ жизни. А въ то же время въ моемъ мозгу шла какая-то неумолчная, ни на секунду не прекращавшаяся работа: впечатлѣнія видѣннаго, слышаннаго, пережитаго, передуманнаго не то, чтобы угнетали или волновали мою голову, а какъ-то назойливо, надоѣдливо и безплодно вертѣлись въ ней; сердце совершенно не участвовало въ этой работѣ, не выбирало въ массѣ этихъ впечатлѣній того, чего ему нужно (ему, вѣроятно, было трудно разобраться), а безъ этого посредника между тѣломъ и духомъ я не могъ ничего иного чувствовать, кромѣ мертвой тяжести тѣла и безплодныхъ мученій головы.

Я сидѣлъ, слышалъ, видѣлъ, но ничего не понималъ и не чувствовалъ. Въ открытое окно, къ которому вплотную

былъ придвинутъ мой диванъ, я видѣлъ станичные сады, всѣ въ цвѣту, соломенныя крыши, бѣленькіе мазанки-домики, а подъ самыми окнами какіе-то цвѣточки, кусты малины. Я видѣлъ все это и даже особенно пристально смотрѣлъ на какой-то ничтожнѣйшій цвѣтокъ, который первый бросился мнѣ въ глаза, и не ощущалъ ни въ чемъ ни хорошаго ни худого... Видѣлъ я, какъ входилъ ямщикъ съ объясненіемъ, что лошади готовы; потомъ видѣлъ, какъ онъ втаскивалъ въ комнату мои вещи, видѣлъ, что ямщикъ былъ мокрый, что тишина и блескъ солнца смѣнились порывами вѣтра, сумракомъ набѣжавшей тучи и проливнымъ дождемъ и градомъ, который безпощадно измочилъ мнѣ руку и бокъ, обращенные къ окну, обливъ водою весь подоконникъ... Видѣлъ, какъ вѣтеръ гнулъ деревья, кусты, сбивая съ нихъ цвѣтъ, и точно снѣгомъ усыпалъ имъ грязную улицу; видѣлъ, какъ вѣтеръ стащилъ со столика подъ зеркаломъ скатерть, погналъ по полу скомканный газетный листъ съ остатками моихъ папиросъ, распахнулъ дверь въ сѣни — все это я только видѣлъ и ровно ничего не чувствовалъ.

И вдругъ что-то какъ будто теплое шевельнулось у меня въ сердцѣ.

Опять было тихо, опять свѣтило солнце; но цвѣтокъ, на который я такъ упорно и безсмысленно смотрѣлъ до сихъ поръ, былъ сломанъ и весь оббитъ градомъ, изуродованъ и, очевидно, убитъ.

Я почувствовалъ, что именно онъ тронулъ меня за сердце; оно ожило, проснулось, и безплодно изнурявшійся въ обиліи впечатлѣній умъ тотчасъ же сталъ работать въ томъ направленіи, какое выбрало сердце: пришелъ хозяинъ, наложилъ на безплодно вращавшееся маховое колесо передаточный ремень, и вся механика пошла въ ходъ.

III.

Какимъ образомъ гибель цвѣтка, происшедшая на моихъ глазахъ и тронувшая меня за сердце, стала выдѣлять изъ массы накопленныхъ мною дорожныхъ впечатлѣній исключительно впечатлѣнія такъ-называемыхъ семейныхъ разстройствъ, рѣшительно не могу объяснить въ настоящее время. Знаю только, что едва «пришелъ хозяинъ и наложилъ передаточный ремень», какъ мнѣ стало вспоминаться безчисленное множество всевозможнаго рода семейныхъ терзаній, до глубины души мучительныхъ и до глубины души

оскорбительныхъ... «Прогналъ, взялъ другую, живетъ съ двумя... Дѣтей бросилъ... Бросила дѣтей, ушла... Шарахнулъ ее съ балкона...» И все это на всевозможнаго рода жаргонахъ — и со смѣхомъ и со слезами, въ самыхъ разнообразныхъ обстановкахъ, разнообразныхъ слояхъ общества. Все это стало сбѣгаться въ моей памяти въ одну точку, въ одну сжатую черной рамкой картину, глядя на которую и пересиливая въ себѣ чувство горя и отвращенія, я почему-то невольно начиналъ думать, какъ нашъ несчастный хозяинъ постоялаго двора, у котораго ушла жена: «Человѣкъ, братецъ ты мой, всего хочетъ, да не выходитъ этого, вотъ бѣда!..» И тотчасъ послѣ того, какъ во мнѣ мелькнула эта мысль, я невольно и еще болѣе пристально, чѣмъ прежде, устремилъ мой взглядъ на цвѣтокъ и услыхалъ слѣдующее:

IV.

— Не выходитъ! Ишь ты вѣдь, *всего* имъ подавай! Ровно ничего не выходитъ, вотъ какъ надобно говорить, а не то, что всего! Жирно будетъ!

Собственно говоря, я ровно ничего не слыхалъ, ни я не говорилъ ни съ кѣмъ, ни со мной никто не говорилъ; цвѣтокъ, разумѣется, молчалъ не хуже моего. Но подъ его впечатлѣніемъ и подъ впечатлѣніемъ моей мысли между нами происходило что-то похожее на разговоръ, какой бываетъ иногда во снѣ: всякому случалось во время крѣпкаго, непробуднаго сна слушать чей-то разговоръ, чью-то иногда продолжительную бесѣду; вы спите крѣпко и въ то же время, какъ посторонній, присутствуете при чьемъ-то разговорѣ, слѣдя за нимъ съ напряженной внимательностью; звуки голосовъ никогда не остаются въ вашей памяти; разговоръ идетъ, такъ сказать, безъ звука, даже лицъ никогда нельзя упомнить, да большей частью ихъ и нѣтъ при такомъ разговорѣ; но слова, хоть и безъ звука, вы слышите явственно, точно, и, проснувшись, можете кое-что припомнить изъ этого разговора. Нѣчто подобное происходило и теперь: я присутствовалъ совершенно какъ посторонній, чужой человѣкъ, человѣкъ, наблюдающій со стороны, при разговорѣ, который молча, беззвучно происходитъ во мнѣ самомъ, но который, благодаря цвѣтку, слышался мнѣ внѣ меня.

— Налетѣла туча съ градомъ, изуродовала, искалѣчила,— слышалъ я далѣе (и съ величайшимъ любопытствомъ):—и,

конечно, приходитъ смерть... Что̀ говорить! прискорбный случай, несправедливость! А развѣ не то же бы было, доживи *мы* до конца дней?

— Кто мы?

— Да мы съ женой.

— Да гдѣ же вы?.. Гдѣ жена, гдѣ мужъ?

— Да мы тутъ, оба, вотъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ градомъ-то насъ свалило... Оба мы теперь преждевременно погибнемъ; да если бы, говорю, и до старости дожили, до зимы, до снѣгу, такъ бы вспомнить было нечего. Жили-жили, мучились-мучились, а въ концѣ концовъ никакого смысла!

Я слушалъ.

— Да! Покуда мы съ женой были въ самомъ дѣлѣ *два* — она да я — ну, все еще ничего. И она и я чего-то ждали отъ жизни. Ну, а ужъ какъ вышло едино... Да вотъ я про себя подробно разскажу...

— Да ты-то кто?

— Теперь я никто, а когда я былъ одинъ, я былъ... просто цвѣточная пылинка.

— Цвѣточная пылинка, это — женскаго рода, и нельзя говорить «былъ».

— А Джонъ ячменное зерно? какого рода? Я вѣдь тоже зерно, только маленькое.

— Ну, ладно! — прервалъ я разговоръ о грамматическихъ тонкостяхъ. — Такъ что̀ такое было, когда ты былъ одинъ?..

V.

— О, тогда было совершенно иное дѣло! Помню, я вступилъ въ свѣтъ во время одного свадебнаго вечера; какъ разъ за этимъ заборомъ въ саду стоитъ домъ станичнаго атамана; матушка моя жила въ этомъ домѣ на окнѣ вмѣстѣ съ другими цвѣтами, конечно, въ горшкахъ и, конечно, въ холѣ: поливали, поворачивали къ свѣту, все какъ слѣдуетъ. Я, конечно, росъ также въ полномъ достаткѣ, и вотъ въ жаркій лѣтній вечеръ, именно когда станичный атаманъ выдавалъ замужъ дочь, я незамѣтно появился въ шумномъ веселомъ обществѣ; за говоромъ и смѣхомъ никто, конечно, не слыхалъ, какъ чуть-чуть лопнула почка и какъ изъ нея понеслась въ воздухъ пылинка. Но я былъ въ восхищеніи: какъ разъ спиной къ окну, на которомъ стояли цвѣты, сидѣла пара (танцовали кадриль),

и меня угораздило усѣсться на великолѣпнѣйшія плечи (вѣдь теперь декольте во всѣхъ сословіяхъ принято, и насчетъ плечей также во всѣхъ сословіяхъ стало довольно откровенно). Въ шестой фигурѣ расходившійся кавалеръ-казакъ, воспламененный дамой, своимъ свирѣпымъ дыханіемъ сдулъ меня на другія, не менѣе прекрасныя плечи, тамъ на третьи... Словомъ, чего только ни переслушалъ, чего только ни перевидалъ я въ этотъ вечеръ! Смѣшно, занятно, весело, глупо! Не помню, какъ я очутился на чьихъ-то усахъ. Не помню, какимъ образомъ съ этихъ усовъ стянула меня къ себѣ на подбородокъ какая-то ревнивая дама, страшно задыхавшаяся въ упрекахъ этимъ самымъ усамъ, — не помню, долго ли все это продолжалось, только въ концѣ концовъ эта самая азартная дама своимъ азартнымъ дыханіемъ сдула меня куда-то въ непроходимыя дебри своего туалета и на всю ночь погребла въ глубинѣ своихъ юбокъ, съ сердцемъ брошенныхъ около ея кровати послѣ бала. Всю ночь я присутствовалъ при ужасающихъ сценахъ ревности и думалъ, что задушатъ меня эти проклятыя ревнивыя юбки,—но что̀ значитъ молодость! Утромъ, когда пришла горничная и взяла барынино платье, чтобы «выколотить» его на дворѣ, одного удара шлейфомъ о перила балкона было достаточно, чтобы я, какъ ни въ чемъ не бывало, вырвался изъ этой тюрьмы и взвился въ поднебесье... Даже самая грязная грязь не могла сокрушить во мнѣ свѣтлой радости жизни. Иной разъ вѣтромъ занесетъ въ кабакъ (видите, вонъ стоитъ на лѣвой рукѣ?), не успѣешь оглянуться, какъ пьяное казачьё уже втопчетъ тебя въ грязный полъ, вколотитъ своими «казачками», трепаками и каблуками въ самую глубину грязи, — думаешь, погибъ, — ничуть не бывало! Придетъ мужикъ со скребкой, поскребетъ, потомъ шаркнетъ на улицу весь этотъ мусоръ, а здѣсь золотой вѣтерокъ подхватитъ, и взовьешься, взовьешься надъ грязью... Словомъ, вся жизнь была мнѣ открыта, ничего я не сторонился, ничего я не боялся, все хотѣлъ видѣть, обо всемъ хотѣлъ думать... И все видѣлъ, и думалъ обо всемъ, и все критиковалъ; но, собственно говоря, не жилъ еще. Да куда! И думать не могъ жить такою жизнью, какую я тогда видѣлъ своими глазами: вся она была мнѣ просто смѣшна... Гдѣ было мало-мальски хорошее, я, конечно, былъ тамъ; гдѣ было худое, — я шелъ мимо, но варить изъ того и другого безсмысленную кашу, называемую *ими* жизнью, — слуга по-

корный! Лучше я посмѣюсь. И я весело смотрѣлъ на бѣлый свѣтъ, пока не встрѣтилъ ее...

— А *она* кто была?

— Она была очень несчастная дѣвушка — худенькая, бѣлокуренькая, изможденная и забитая деспотическимъ давленіемъ. Она, что̀ называется, чахла и была одна изъ тѣхъ, про которыхъ доктора чуть не съ дѣтства говорятъ, что у нея чахотка. Кому неизвѣстны въ нашихъ семьяхъ дѣвушки, какъ бы обреченныя на то, чтобы исчахнуть и лечь въ гробъ дѣвственницей?.. Вотъ и она была такая же. Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь умираемъ, лѣтъ двадцать подъ-рядъ была навалена куча кирпичей, и хозяйка этого дома (послѣ ея смерти сынъ сдалъ домъ подъ станцію), злющая баба, цѣлые лѣтніе мѣсяцы варила вареньe; горящіе уголья и камни угнетали, жгли и изсушали этотъ маленькій лоскутикъ земли. Когда же наконецъ старая кочерга издохла и станціонный смотритель растащилъ кирпичи и угли, тогда только *она* увидала свѣтъ бѣлый, но въ какомъ видѣ она была; худа, какъ щепка, почти безкровна, безжизненна, отчаявшаяся жить на свѣтѣ...

— Кто же она-то? Я все-таки не понимаю...

— Да земля! Господи Боже мой, какъ же не понять этого?..

VI.

— Какъ же вы сошлись съ ней?

— Обыкновенно какъ. Носишься-носишься, летаешь-летаешь, а въ концѣ концовъ нѣтъ-нѣтъ, да и почувствуешь, что вѣдь это не жизнь. Насмѣхаешься, наблюдаешь, думаешь, мечтаешь, но постоянно остаешься одинокъ передъ этимъ потокомъ осмѣянной и раскритикованной жизни. Ощущеніе оторванности отъ общаго потока жизни иногда доходитъ вѣдь до отчаянія. «Боже мой! — думается въ такія минуты. — Хоть бы я кому-нибудь и на что-нибудь понадобился». И замѣчательно, что такія минуты особенно тягостны для молодыхъ людей весною... На бѣду бываютъ особенно темные вечера, также больше въ концѣ весны, въ которые просто не знаешь, куда дѣваться. Вотъ такой денекъ выдался и въ моей жизни: съ утра солнце выдѣлывало чистыя чудеса: и нѣжило, и сверкало, и играло, и пѣло — ума помраченье! Носился я въ этотъ день, какъ угорѣлый, и къ вечеру попалъ вотъ въ этотъ садъ, рядомъ съ садомъ станичнаго атамана. Тамъ тоже премиленькая

дѣвушка, совсѣмъ невѣста. Цѣлый день они съ однимъ молодымъ человѣкомъ провели въ самомъ превосходномъ настроеніи духа: бѣгали, играли и хохотали... Но вотъ насталъ вечеръ — тишина... духота... тьма... Слышу, перестали смѣяться—плачутъ... Онъ говоритъ:—«Сейчасъ застрѣлюсь!..» Она говоритъ:—«Уйдите!..» — «Утоплюсь!» и побѣжалъ.— «Нѣтъ! нѣтъ!» Воротился... Хныкали, цѣловались, плакали, вздыхали... Пробрало и меня горе-горькое!.. Пробрала и меня тоска одиночества... Тьма безысходная, какъ тьма этого вечера, лежала у меня на душѣ... Откуда-то пронесся, или, вѣрнѣе, медленно проползъ сквозь кусты и деревья широкій потокъ воздуха, какъ бы чье-то могучее дыханіе... Подняло меня оно, это дыханіе, и принесло сюда къ ней... Надъ ней тогда стояло дерево, тоже все поджаренное проклятой жаровней (недавно смотритель срубилъ его), принесло и опустило на листокъ. И стало опять неподвижно, душно и тяжело... Я видѣлъ ее ясно, измученную, изсохшую, и на душѣ у меня было еще тяжелѣй... И не знаю, потому ли, что тамъ, въ сосѣднемъ саду, откуда меня унесло, тяжко вздыхали и плакали, или потому, что заплакало наконецъ и темное небо, медленно, тихонько, но непрерывно роняя свои слезы на землю, на листья, захватило и у меня въ горлѣ, прошибла и меня слеза... Все плакало кругомъ въ ароматической жаркой тьмѣ... И не помню, какъ случилось, что весь въ слезахъ я, унесенный слезами неба въ заплаканную землю, почувствовалъ, что ко мнѣ простираются слабенькія ручки, исхудалыя, мокрыя отъ слезъ, падавшихъ изъ глазъ...

VII.

«Утро было великолѣпное. Солнце опять творило чудеса. Насыщенная земля пьянѣла отъ жаркихъ паровъ; все растущее блестѣло полнотою силъ и соковъ, рвалось къ жизни и свѣту. И если бы вы въ это утро заглянули въ тотъ уголокъ, гдѣ когда-то торчала проклятая жаровня,—то вы увидѣли бы, что *она* не умерла отъ чахотки, не исчахла,— напротивъ, пустое и изсохшее мѣсто было влажно и оживлено: маленькій, зеленый ростокъ веселымъ, живымъ глазкомъ посматривалъ на Божій свѣтъ.

«Это—были уже мы!

VIII.

«Хотѣлъ бы, очень бы хотѣлъ я разсказать про эти хорошіе дни, но что̀ прикажете дѣлать—одолѣваютъ воспоми-

нанія совершенно другого рода!.. Одолѣваютъ и затуманиваютъ ясные дни, и мнѣ сію минуту такъ тяжело вспоминать то, что̀ вспоминается, что я пока не стану говорить о себѣ. А вотъ на что̀ обратите вниманіе: барышня и молодой человѣкъ, о которыхъ я разсказывалъ, также въ концѣ концовъ сочетались бракомъ, несмотря на всѣ эти «уйдите!» и «застрѣлюсь!..» Сочетались и тоже, разумѣется, «блаженствовали» съ мѣсяцъ времени... Потомъ, гляжу,—Иванъ Андреичъ, съ портфельчикомъ подъ мышкой, сгорбившись, хвостъ поджавши, зайчикомъ попрыгиваетъ въ мировой съѣздъ защищать купца Чистокрылова, не уплатившаго рабочимъ слѣдуемыхъ денегъ и заставившаго ихъ ходить по міру... Что̀ за перемѣна такая?—Оба они—и онъ и она—были просто прелесть: добрые, милые, гуманные; читали все хорошія книжки, думали о людяхъ хорошо, свѣтло, и вдругъ онъ уже бѣжитъ зайцемъ и уже вопіетъ къ господамъ судьямъ о томъ, чтобы они покарали неправду въ лицѣ мужиковъ и возвеличили правду въ лицѣ кулачишки...—«Что̀ это вы, Иванъ Андреичъ, такъ перемѣнились?—спрашиваютъ его.—Узнать нельзя... Нездоровы?..»—«Нѣтъ, ничего... Хлопотъ много. Дѣла. Семья!..»—«Что̀ васъ не видать? Нѣтъ ли у васъ такой-то книги?»—«Куда тутъ! До книгъ ли!.. Вотъ женитесь, такъ узнаете, какія-такія книги...» Что̀ же это означаетъ? Чего онъ испугался, отчего вдругъ забылъ всякую справедливость, съежился, похудѣлъ, очерствѣлъ, одеревенѣлъ и махнулъ рукой на все святое?.. Что̀ его такъ внезапно приплюснуло? Говоритъ: «жена!»—Но что̀ же такого въ ней ужаснаго?..

«Или вотъ еще извольте о чемъ подумать: пишутъ въ газетахъ, что при французскомъ военномъ министерствѣ образуется особый корпусъ офицеровъ, который будетъ то же самое, что̀ въ допотопныя времена были летучіе ящеры: будутъ летать на воздушныхъ шарахъ и колотить оттуда мирныхъ жителей бомбами съ пикластитомъ или еще съ какимъ-то новоизобрѣтеннымъ составомъ, который въ сто̀ разъ сильнѣе пороха... Жалованья летучимъ ящерамъ будетъ 350 франковъ паръ-муа и столовые, а если хорошо будутъ дѣйствовать, то-есть попадать прямо въ точку, размозживать народъ сотнями тысячъ, такъ и прибавка будетъ и лежіонъ д'онеръ преподнесутъ... Спросите-ка этого летучаго ящера,—изъ-за чего онъ свирѣпствуетъ?—онъ непремѣнно отвѣтитъ вамъ одно: «Фамій!» Хорошо. Пойдемъ, посмотримъ, что̀ за кровопійцы тѣ, изъ которыхъ

эта «фамій» состоитъ. Что же оказывается? Очень миленькая дамочка Жюльеттъ и бебе, только и всего! И они послали своего мужа и отца свирѣпствовать подъ небесами? И не думали! Посмотрите-ка на нихъ: въ то время, какъ летучій ящеръ прицѣливается торпедой въ мирныхъ обывателей (не въ Жюльеттъ, конечно, а въ Амальхенъ), онѣ, Жюльеттъ и бебе, одѣлись, какъ куколки, взяли зонтики и пошли гулять въ Люксембургъ... Погуляли, посмотрѣли Петрушку, при чемъ и мать и дочь одинаково смѣялись, заглянули въ магазины на шляпки и на куклы и воротились домой... Вышла непріятная сцена съ бонной изъ-за того, что у бебе съ утра былъ красенъ носикъ... Конечно, виновата бонна. Затѣмъ написали летучему ящеру письмо, въ которомъ только всего и было сказано, что «мы пошли», «пришли», «ушли» и что «бонна виновата»... Изъ-за чего же онъ-то летаетъ подъ облаками съ торпедами? Какой чортъ его занесъ туда? Изъ-за чего онъ мозжитъ людей?

«— Фамій!

«Какъ вамъ это покажется!»

Такъ какъ никто ничего, въ сущности, не говорилъ и не спрашивалъ, то на несуществовавшій вопросъ мнѣ не приходилось и отвѣчать. Я продолжалъ безмолвствовать и слушать.

IX.

— Не могу выразить, до чего это трудно. Едва только изъ «нея» и «меня» вышло одно *мы*, и едва мы на нѣкоторое мгновеніе ощутили дѣйствительную цѣльность и полноту жизни,—смотрю,—что-то мнѣ становится страшно, холодно и одиноко... Она со мною неразрывно, но я опять одинокъ... Въ то время, какъ ее, зеленый ростокъ, съ вострымъ живымъ глазкомъ, потянуло *въ стебель*, къ солнцу, къ теплу, къ плодородію,—я, этотъ критикъ, насмѣшникъ, либералъ, радикалъ, утопистъ и нигилистъ, гордецъ, протестантъ и вообще чорту не братъ, превратился *въ коренъ* и полѣзъ куда-то въ землю, на какую-то темную, хлопотливую работу, побѣжалъ, какъ заяцъ, въ мировой съѣздъ защищать купчишку Чистомордова, сталъ бормотать: «Правда двадцатаго ноября!» «Правда пятнадцатаго октября, декабря!» Если бы мнѣ предложили сто рублей и столовыя, чтобы я превратился въ летучаго ящера, право бы, я ни минуты не задумался.

«А взбунтуйся я, прекрати мою черную работу,—она исчахнетъ, а это ужасно, это убійство, это собственная моя смерть; умри она,—жизнь моя безцѣльна, глупа, и на какой чортъ мнѣ купчишка Черноплюевъ?

«Надо жить!

«Право, мнѣ кажется, что «въ нашемъ обществѣ» онъ и она сходятся только до брака, то-есть до брака они употребляютъ всевозможныя усилія найти другъ между другомъ что-нибудь *общее*—въ книгѣ, въ мнѣніи, во взглядахъ, и, стремясь къ этому общему, подъ давленіемъ врожденнаго стремленія къ полнотѣ существованія, дѣлаютъ другъ другу всевозможныя уступки, выравниваютъ обоюдные общіе взгляды и, теоретически однородные, наконецъ образуютъ изъ себя одно *мы*; но тотчасъ же начинается жизнь, практика жизни,—и роли того и другого опять расходятся совершенно въ разныя стороны. То же было и съ нами: она пошла въ тѣло, стала полнѣть, накапливать силъ для будущаго поколѣнія—въ этомъ сказалось *ея дѣло*; *мое дѣло* сказалось въ необходимости добыть матеріалъ для ея силъ; и вотъ мы стали расходиться—она въ стебель и цвѣтъ, я въ корень,—она къ солнцу, я во тьму... И постепенно между ея и моимъ дѣломъ стала образовываться пропасть.

X.

«Первое время послѣ того, какъ мы сдѣлались *мы*, было еще довольно сносно. Еще я не глубоко ушелъ въ землю; до меня еще доходили людскіе разговоры, я еще могъ сочувствовать чему-то, думать о чемъ-то общемъ, о чужомъ, общественномъ, и въ то же время не скучалъ, работа была не совсѣмъ непріятная (достали переводъ съ французскаго)... Но моей женѣ сталъ застить пень, оставшійся отъ того самаго дерева, на которомъ я когда-то плакалъ,—она не видѣла солнца, боялась малокровія, а въ книгѣ «Уходъ за дѣтьми» сказано, что малокровіе передается по наслѣдству; это ее до чрезвычайности волновало, да и я также трепеталъ; и вотъ нужно было квартиру на солнцѣ, переводъ не давалъ соотвѣтствующаго вознагражденія, и я долженъ былъ искать должности присяжнаго повѣреннаго... Я бѣгалъ и искалъ, какъ угорѣлый; энергія моя возросла до чрезвычайности; въ одну ночь я проникъ въ землю, подъ остатки какого-то кирпича, на цѣлыхъ два вершка; здѣсь уже не было слышно людского говора,—не до того мнѣ

было, чтобы слушать, что̀ «они тамъ» говорятъ. Мнѣ самому тошно, мнѣ нужна была квартира на солнцѣ; ей, моей женѣ, нужно было вытянуться поскорѣе выше проклятаго пня, и я, подъ единственнымъ впечатлѣніемъ достать средства, не задумался оплести одного очень почтеннаго червяка, до логовища котораго я проткнулся въ землю. Это былъ почтенный, стараго завѣта старикъ, много поработавшій, какъ я читалъ у Дарвина, для чернозема. Сначала я набросился на черноземъ, но опасность чахотки жены заставила меня приступить къ самому старичку... Тонкимъ кончикомъ обвилъ я его поперекъ, проползя подъ его брюхомъ снизу; увѣрилъ въ своей благонадежности, взялся вести его процессъ и, постепенно обвивая его изъ-подъ низу черезъ верхъ, такъ затянулъ его поперекъ, такъ вошелъ въ его довѣріе, что онъ, умирая, оставилъ мнѣ все свое состояніе, то-есть, говоря проще, онъ околѣлъ, разложился; я впиталъ въ себя весь этотъ черноземъ; а жена переѣхала въ новую квартиру «на солнцѣ», то-есть быстро поднялась выше проклятаго пня и стала чувствовать себя *лучше*...

«Затѣмъ ей нужно было родить, и я еще глубже вонзился въ темныя бездны земли...

«Постепенно удаляясь отъ бѣлаго свѣта, постепенно теряя связь съ общими, теперь уже ненужными, мѣшавшими мнѣ интересами, я все больше и больше сосредоточивался на извлеканіи средствъ; всѣ мои поступки стали вытекать, откровенно говоря, изъ своекорыстныхъ побужденій. Тамъ, подъ землей, также вѣдь разныя пары сплетаются и также интригуютъ другъ съ другомъ, конкурируютъ, перебиваютъ мѣста,—у всѣхъ «семейство»... И я, конечно, принялъ въ этомъ участіе. Сталъ «сочувствовать» тому, что̀ даетъ мнѣ возможность втянуть въ себя матеріальныя силы, и не сочувствовалъ всему, что̀ стремилось положить предѣлъ моей алчности... Сердце мое стало портиться, фальшивить, ожесточаться на какую-то неправильную неправду: вотъ, напримѣръ, рядомъ со мною здоровеннѣйшій георгинъ и жретъ за семерыхъ; я говорю, что «подлецъ!», и говорю, что надобно положить предѣлъ расхищенію башкирскихъ земель, а въ сущности я золъ потому, что мнѣ не досталось въ этихъ земляхъ лоскута, и что я долженъ скрючившись сидѣть въ управленіи Московско-Индійской желѣзной дороги...

«Но иногда вдругъ охватитъ ужасъ отъ того безсмыслен-

наго, тяжкаго, изнурительнаго труда, отъ котораго ни днемъ ни ночью нѣтъ покою, зло возьметъ отъ всей этой гадости, которую видишь кругомъ,—ничего, кромѣ наживы, высасыванія соковъ изъ земли и какого-то молчаливаго и угрюмаго чавканья; перспективъ мало-мальски радующихъ—никакихъ. Изъ-за чего же все это, спрашивается? «Зубки прорѣзываются!» Зубки прорѣзываются!—а я долженъ подлости дѣлать, подхалимничать, низкопоклонничать? Зубки!..

XI.

«Съ каждымъ днемъ наши дѣла стали расходиться все болѣе и болѣе въ разныя стороны: тамъ зубки, родимчики—у меня же интриги, какіе-то авансы, что-то нечистое въ шнуровыхъ книгахъ, страхъ потерять мѣсто... Да гдѣ же во всемъ этомъ что-нибудь общее? Я не знаю, какъ мнѣ быть, какъ справиться,—а она показываетъ мнѣ зубокъ и требуетъ всего моего вниманія... Она все больше и больше уходитъ въ тайну развѣтвленія своего дѣла, я же только чувствую увеличивающуюся потребность все глубже и глубже вонзиться въ землю и, стало-быть, все дальше быть и отъ нея и отъ общихъ интересовъ. Оба мы измучиваемся на своихъ отдѣльныхъ дѣлахъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, и обоихъ насъ начинаетъ разбирать обида.

«— Никакого сочувствія моимъ подземнымъ страданіямъ! — злобно думаю я, опустошая земскій сундукъ и зная, что она теперь тамъ, вверху, на солнцѣ, только и думаетъ, какъ бы одѣть своихъ дѣтей по послѣдней модѣ.

«Такъ мы, корни, рычимъ тамъ, подъ землей. А они, цвѣты-то, тоже развѣ не возмущены нами? Какъ бы не такъ:

«— Только и знаешь, придетъ изъ управленія летучихъ ящеровъ, только и разговору, что динамитъ да динамитъ, да взрывчатыя вещества, да кто на сто процентовъ больше убьетъ... У Коли насморкъ, а онъ мнѣ о предсѣдателѣ земской управы. Очень мнѣ нужно! Цѣлый день одна, дождемся обѣдать, а послѣ обѣда онъ уйдетъ играть въ карты. Тутъ поневолѣ одурѣешь...

«Такъ вотъ и живемъ изо дня въ день!

«Правда, и теперь у насъ иногда бываютъ минуты, когда—мы опять *мы*, въ самомъ дѣлѣ. Но—увы!—это уже въ несчастливыя минуты горькаго сознанія, что мы оба несчастны, и что всѣ наши страданія для будущихъ якобы поколѣній—ровно ничего не означаютъ, что поколѣнія бу-

дутъ страдать такъ же, какъ и мы... Вотъ и теперь вокругъ насъ, умирающихъ, уже начинаютъ жить наши дѣти, уже и они поженились, — а я уже слышу, какъ мой старшій сынъ, роясь носомъ подъ землей, ворчитъ:

«— Никакого развитія!

«Бѣдняга!..

«И нечего вамъ жалѣть, что градъ прекратилъ нашу жизнь преждевременно,—надоѣло! Измучились!.. Не налети градъ, пришла бы осень, зима, завалило бы насъ снѣгомъ, и безполезная мука жизни окончилась бы точно такъ же безъ всякихъ результатовъ...»

Здѣсь я очнулся: въ совершенно темную станціонную комнату вошла кухарка со свѣчкой. Яркій свѣтъ ослѣпилъ меня—я очнулся, вспомнилъ, что голоденъ, и потребовалъ самоваръ...

Вотъ какую небылицу разсказалъ мнѣ мой дорожный спутникъ.

— Что-жъ,—сказалъ я ему:—все это правда.

— Да! для цвѣтовъ, пожалуй, правда, а для людей — правда, да не вся!

— Чего же тутъ не хватаетъ?

— Не хватаетъ людского права сказать: «не хочу!». Вотъ чего не хватаетъ... А вотъ эта-то борьба съ узостью и желаніе добиться полноты существованія, переощущать себя, такъ сказать, во всевозможныхъ направленіяхъ,—она-то и сложилась теперь въ такую непривлекательную картину семейной разладицы...

XII. Замѣтка.

Въ октябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за прошлый годъ были помѣщены *рядомъ* двѣ статейки, обѣ касающіяся тѣхъ самыхъ семейныхъ неурядицъ, которыми захворала и наша святая Русь. Замѣчательно, что одна изъ этихъ статей—«Персидскій эндерунъ»—рисуетъ семейныя неурядицы въ обезпеченномъ обществѣ крайняго востока, крайней и глухой азіатчины, а другая, въ которой г. Боборыкинъ пересказываетъ этюдъ Бурже о Дюма-сынѣ, касается того же самаго вопроса въ жизни крайняго запада, въ средѣ высшей буржуазіи французскаго общества, и какъ въ азіат-

чинѣ, такъ и на самомъ припекѣ культуры оказывается глубочайшая исковерканность взаимныхъ отношеній мужчинъ и женщинъ, переполненная страданіями почти въ той же мѣрѣ, какъ и отталкивающими чертами, имѣющая источникомъ одну и ту же основную причину—разъединеніе въ жизни, въ знаніи, въ трудѣ, въ интересахъ частныхъ и общественныхъ.

«Посмотримъ, — говоритъ авторъ персидскаго эндеруна (гарема):—чѣмъ можетъ заниматься женщина каждый день въ своемъ эндерунѣ. Начнемъ съ главы дома. Мужъ отъ жены держится далеко; чѣмъ онъ занимается, съ кѣмъ ведетъ дѣла, какіе его успѣхи, неудачи, горе, радость — все это, за весьма рѣдкими исключеніями, до жены вовсе не касается, и *она ничего не знаетъ*. Затѣмъ, воспитаніе дѣтей также взято изъ рукъ женщины и всецѣло ввѣрено дядькѣ, который до совершеннолѣтія питомца неотступно ходитъ по его стопамъ. Дѣвочки же пользуются еще меньшимъ вниманіемъ и остаются въ эндерунѣ подъ присмотромъ горничныхъ. Женщина, когда дѣти у нея на глазахъ, не исполняетъ самыхъ простыхъ обязанностей матери: не останавливаетъ отъ излишнихъ шалостей и не объясняетъ, что̀ дурно, что̀ хорошо (а ей откуда знать это?). Одну лишь черту въ характерѣ ребенка не оставляетъ мать нетронутой—это гордость. Къ мальчугану, который едва начинаетъ понимать рѣчь человѣческую, она не иначе обращается, какъ съ величаніемъ: «ханъ». Такимъ образомъ самые существенные интересы семьи чужды женѣ. Остается еще хозяйство, но въ этой области ея участь горькая: обѣ половины дома состоятельнаго человѣка переполнены челядью, въ рукахъ которой сосредоточены *всѣ дѣла* по дому. Тутъ есть и главный кофейщикъ, главный буфетчикъ, главный водолей и масса другихъ прислужниковъ, изъ которыхъ каждый завѣдуетъ ввѣренной ему частью непосредственно; персидская женщина не нуждается даже въ отдачѣ тѣхъ или другихъ приказаній: по разъ заведенному порядку, все необходимое къ ея услугамъ. Что̀ же ей остается дѣлать? Умственныхъ интересовъ никакихъ, общественная жизнь до-нельзя узка. На разговоръ съ женщинами объ ихъ повседневной жизни всегда былъ одинъ отвѣтъ: «Что̀ намъ дѣлать? Ничего не дѣлаемъ».

Какъ видите, положеніе персидской женщины обезпеченнаго круга весьма идеальное—«роди» и больше ничего не знай. Кой-какъ живи отъ родовъ до родовъ, а ни о чемъ

другомъ не помышляй и не безпокойся. Все сдѣлаютъ другія, чужія руки. Но «человѣкъ» не мирится съ такимъ благополучіемъ; это исключительное положеніе вполнѣ обезпеченной женщины ничуть не пріятнѣе положенія человѣка, вся роль котораго должна проходить, положимъ, въ шахтѣ, подъ землей. Ему тоже не о чемъ заботиться, а только лежать въ глубинѣ земли на боку и долбить камень. Оба эти исключительно для чужой надобности приспособленныя человѣческія существа не желаютъ мириться съ своимъ изуродованнымъ положеніемъ и, разумѣется, стремятся всѣми возможными средствами дополнить свое изуродованное существо несравненно бо̀льшимъ количествомъ нужныхъ для человѣка ощущеній, чѣмъ тѣ, на которыя они обречены разъединяющимъ людей строемъ общества. Углекопъ, выбравшись изъ-подъ земли, пойдетъ въ кабакъ и расправитъ свою душу механически, при помощи сивухи, а «обезпеченная» персидская женщина наверстаетъ свое рабство и отчужденность отъ людей иными средствами. Авторъ разсказываетъ, что горничныя, обреченныя, напримѣръ, на то, чтобы служить своимъ ханумъ, покупаютъ себѣ мужей, и одна такая купила ихъ очень много на своемъ вѣку, но ее, бѣдную, надували. Сами же персидскія барыни ищутъ недостающаго на базарахъ, въ баняхъ, въ тазіе (театръ). На базарахъ онѣ подолгу толкутся, выбирая наряды и иногда приворовывая подъ чадру куски матерій. «Кромѣ покупки нарядовъ, женщины стремятся на базаръ ради приключеній». «Тазіе» называется представленіе, посвященное памяти «Хуссейна». «Что женщины буквально наводняютъ театръ во время представленій—фактъ несомнѣнный». Нельзя сказать, что женщины остаются безучастны къ судьбѣ Хуссейна, но можно съ достовѣрностью сказать, что $^{9}/_{10}$ относятся къ ней совершенно равнодушно и предпочитаютъ балагурить съ сосѣдками или выслѣживать глазами кого-нибудь изъ интересныхъ мужчинъ. Избранный мужчина находится подъ зоркимъ наблюденіемъ, пока какъ-нибудь не встрѣтится съ глазами ханумъ; тогда послѣдняя дѣлаетъ ему какой-либо знакъ и т. д. Словомъ, въ театрахъ, въ баняхъ, на базарѣ, во время загородныхъ прогулокъ, вездѣ, помимо желанія быть «на людяхъ» вообще, изуродованная исключительнымъ развитіемъ своихъ женскихъ свойствъ персидская женщина преслѣдуетъ и чисто-женскія цѣли. Если же принять въ расчетъ, что и «главы» ихъ, т.-е. ихъ мужья, дѣлаютъ то же самое, да къ тому

же еще развращены и истощены съ дѣтства, что, кромѣ эндеруновъ, вѣдь не кто другой, какъ они, практикуютъ свиданія въ тазіе, въ баняхъ, на прогулкахъ и т. д. и т. д., то и получится картина самая нескладная: передъ вами идетъ какая-то безсмысленная и непривлекательная трата силъ человѣка—мужчины и женщины.

«Между тѣмъ въ среднихъ и особенно низшихъ классахъ женщина поставлена въ совершенно иныя условія. Здѣсь положительно всѣ заботы лежатъ на ея плечахъ, такъ что съ утра до вечера она работаетъ *наравнѣ съ мужемъ*, готовитъ кушанье, обшиваетъ ребятъ, моетъ бѣлье и т. д.» И во всей статьѣ, какъ кажется, не вполнѣ исчерпывающей безобразія обезпеченнаго персидскаго общества (такъ какъ иногда автора удерживаетъ отъ изложенія тѣхъ или иныхъ подробностей простое чувство приличія), ни одного слова нѣтъ о томъ, что подобныя безобразія возможны въ народной средѣ.

Но едва мы съ крайняго востока перенесемся на крайній западъ, *въ ту же самую* обезпеченную *среду*, какъ немедленно встрѣчаемся опять съ всевозможнымъ неблагообразіемъ. Здѣсь (если вѣрить герою одного произведенія Дюма-сына) *уже утрачена вѣра въ женщину*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способность любить. «Какъ бы я ни былъ неспособенъ и ординаренъ, говоритъ нѣкій де-Ріонъ (въ «Другѣ женщины» Дюма), я дамъ себѣ слово не бросать моего сердца ни моей чести на съѣденіе всѣмъ этимъ прелестнымъ и страшнымъ созданіямъ, изъ-за которыхъ разоряются, теряютъ доброе имя и убиваютъ себя. А ихъ единственная забота, посреди такой всемірной свалки, одѣваться то въ видѣ зонтиковъ, то въ видѣ колокольчиковъ». Но не однѣ женщины, превращенныя въ зонтики и колокольчики, до глубины души возмущаютъ г. Дюма и героевъ его произведеній: возмущается все буржуазное общество послѣднихъ 50-ти лѣтъ. Читая этюдъ г. Боборыкина, видишь, что г. Дюма просто, какъ говорится, потерялъ голову въ этомъ буржуазномъ вертепѣ: онъ не знаетъ, что̀ дѣлать: то вдругъ ожесточится и вопіетъ: «tue-la!» (бей!), то забормочетъ что-то о духовной любви, то о правахъ женщинъ,— но вообще видно, что «бабы его доняли», и что спасенія ему отъ нихъ нѣтъ никакого. Краски, которыми охарактеризовано въ названной статьѣ г. Боборыкина «бабье дѣло», отъ котораго потерялъ голову г. Дюма, до чрезвычайности мрачны.

«Для него (т.-е. для Дюма), говоритъ г. Боборыкинъ,

мужчина и женщина представлялись въ видѣ самца и самки. Они въ его воображеніи пожираютъ другъ друга, чтобы умертвить душу. Любовная страсть явилась для него въ видѣ постоянной жестокой битвы, кончающейся всегда смертью одного или обоихъ вмѣстѣ, если не физической, то нравственной. И мы видѣли на самомъ дѣлѣ всѣ отвратительныя стороны этой битвы, подъ прикрытіемъ того, что̀ называется ухаживаніемъ, или же такъ-называемыхъ французами легкихъ нравовъ, и что̀ онъ, не задумываясь, называетъ прямо проституціей. Настоящей проституціей *онъ не занимается*. Онъ задался цѣлью изслѣдовать всѣ виды тайной проституціи, фальшивой, такой, гдѣ женщина представляетъ собою высшую степень испорченности, гдѣ она несетъ душевную заразу и ненависть къ мужчинѣ подъ видомъ обольстительной любви или подобія любви. Дюма разоблачаетъ поэтическую и сентиментальную проституцію. Не довольствуясь тѣмъ, что въ цѣломъ рядѣ пьесъ Дюма показалъ жестокую битву между самцомъ и самкой въ мірѣ тайной проституціи и адюльтера, онъ показываетъ ту же битву и въ нѣдрахъ супружества, самаго настоящаго и законнаго супружества...» Еще въ болѣе ранній періодъ дѣятельности Дюма изъ нѣкоторыхъ его произведеній можно было понять, «что Дюма смотритъ на бракъ совсѣмъ не положительнымъ взглядомъ, а признаётъ его скорѣе какъ наименьшее изъ золъ, какъ нѣкотораго рода перемиріе въ непрестанной войнѣ мужчинъ и женщинъ, можетъ-быть, западни...» Если бы жена была честная мать семейства, борьба все-таки останется борьбой, и если не приводитъ къ крови (tue-la!), то выражается другими видами страданія. Поль Бурже указываетъ на одно мѣсто въ произведеніяхъ Дюма, гдѣ этотъ писатель, обращаясь къ молодому мужу, сидящему у изголовья жены, только-что разрѣшившейся отъ бремени, говоритъ:

— Ты поникнулъ головой? Вотъ ты, въ свою очередь, побѣжденъ женскимъ элементомъ. Онъ воспользовался тобою для того, чтобы выполнить свое дѣло. Этотъ элементъ притягиваетъ тебя, соблазняетъ, употребляетъ тебя въ пользу, то удаляетъ, то опять беретъ и устраняетъ тебя, смотря по тому, чего требуетъ предназначеніе и извѣстное отправленіе жизни. И познай, между прочимъ, что такъ всегда будетъ; какова бы ни была плоскость, на которой ты встрѣчаешься съ женщиной, она никогда не беретъ тебя для тебя, а всегда для самой себя.

Вотъ какое безвыходное положеніе авторовъ и героевъ. Такъ зачѣмъ же говорить: «Бей ее!». Легче не станетъ, какъ оказывается въ концѣ концовъ. Нѣчто подобное, страшное-престрашное, приведено также и изъ Шопенгауера. Во всякомъ случаѣ, дѣло это оказывается «неумолимое и неискоренимое», и у г. Дюма мы не нашли никакого указанія, какъ тутъ быть, чтобы женщина въ концѣ концовъ не съѣла мужчину совсѣмъ съ костями.

Послѣдняя сцена, въ которой г. Дюма говоритъ такимъ пророчествующимъ языкомъ (Познай,—она тебя съѣстъ!),—наводитъ насъ на мысль спросить удрученнаго людоѣдствомъ женщинъ моралиста: «Отчего собственно молодой мужъ *поникъ головой* — оттого ли, что жена его родила, или же оттого, что у него теперь не только «колокольчикъ подъ зонтикомъ», а еще и ребенокъ? Не испугалъ ли его, бѣднаго бульварнаго хлыщика, этотъ ребенокъ?..»

Мнѣ кажется, что испугалъ и ошеломилъ молодого мужа (да и молодую жену изъ породы зонтиковъ также) именно ребенокъ. Почему же? Потому, что между ними, людьми, раздѣленными строемъ буржуазной жизни на не имѣющія ничего общаго роли цвѣтка и корня,—появилось существо, требующее отъ нихъ заботъ *во всѣхъ отношеніяхъ;* они оба,—и мужъ, поникшій головой, и жена, думающая, какой ей теперь купить корсетъ,—*впервые* на безпомощномъ ребенкѣ ощущаютъ *кабалу отвѣтственности* за человѣка *во всѣхъ отношеніяхъ.* Онъ еще вѣсомъ только въ четыре фунта, ему нужно всего-навсего только одну рюмку молока, но онъ заставляетъ думать *обо всемъ*, что касается человѣка, и отъ этой непривычной работы, разумѣется, поникнетъ непривычная къ ней голова. Голова нашего мужика и бабы не поникнетъ отъ ребенка, произойдетъ только задержка въ работѣ, но тутъ помогутъ добрые люди; отвѣчать же за его карьеру, за его средства къ жизни, за его душу, за его умъ, умѣнье, знаніе имъ нечего—онъ будетъ жить точно такъ, какъ живутъ они оба, воспитается въ томъ же разнообразіи впечатлѣній труда, среди котораго они живутъ сами; ни подняться ни опуститься выше или ниже кого бы то ни было въ однородно трудящемся обществѣ, гдѣ живутъ отецъ и мать, не будетъ ни надобности ни возможности; онъ будетъ всѣмъ равенъ и одинаковъ со всѣми,—мужикъ, какъ всѣ. Кромѣ того, онъ со временемъ подъ старость помога, слѣдовательно—утѣшеніе. Въ народной средѣ, гдѣ строй жизни требуетъ отъ каждаго человѣка личной

дѣятельности *во всевозможныхъ отношеніяхъ*, не ощущается тяготы отъ обилія многостороннѣйшихъ обязанностей по отношенію къ вновь родившемуся человѣческому существу; многосторонность — атмосфера народной жизни; здѣсь же, въ буржуазномъ обществѣ, ребенокъ тиранъ: онъ пришелъ и потребовалъ отъ отца и матери громаднаго къ себѣ вниманія, тогда какъ имъ самимъ впору только каждому гнать *свою линію*.

Но молодой человѣкъ, поникшій головой и пріунывшій надъ колыбелью ребенка, пріунылъ ненадолго. Жена его, будьте увѣрены, не испортитъ своего бюста; во-первыхъ, корсетъ, а во-вторыхъ, кормилица, за кормилицей бонна, далѣе учитель, школа, коллежъ и т. д., все сдѣлаютъ другіе. Жена его по возможности будетъ оставаться въ роли цвѣтка или зонтика, и такъ какъ эта роль будетъ ему надоѣдать, то онъ будетъ искать дополненій тамъ, гдѣ случится, а такъ какъ и женѣ роль зонтика такъ же ненавистна и тяжка, какъ и роль ханумъ въ персидскомъ эндерунѣ, то ничего не будетъ удивительнаго, если и ей понадобится поискать полноты жизненныхъ ощущеній собственными средствами. Зачѣмъ же орать-то: убей! Почему же и его самого не бить?

Поль Бурже, повидимому, крѣпко задумался надъ всѣми этими нескладными дѣлами; онъ, повидимому, опечаленъ всѣмъ строемъ жизни, и потому, обозрѣвъ произведенія Дюма (вмѣстѣ съ литературнымъ наслѣдіемъ, оставленнымъ французскими писателями послѣдняго пятидесятилѣтія), не рѣшается читать нравоученія или рекомендовать для искорененія зла какую-нибудь невозможную кулачную расправу, а просто и серьезно говоритъ слѣдующее:

«Чтобы чувственная распущенность перестала утомлять своими себялюбивыми сотрясеніями нервы и сердца людей, которымъ болѣе пятнадцати и менѣе сорока лѣтъ, надо возстановить *равновѣсіе* частной жизни; необходимо, чтобы поздніе браки сдѣлались исключеніемъ и чтобы бракъ въ двадцать пять лѣтъ сталъ правиломъ; чтобы воспитаніе женщины дѣлало изъ нея дѣйствительную подругу мужчины. Чтобы отношенія между молодыми людьми преобразовались и чтобы ребенокъ не портилъ себѣ преждевременно чувство и воображеніе въ стѣнахъ коллегій, этихъ клоакъ нравственной заразы; чтобы жадность конкуренціи, погоня за мѣстами и богатствами посмягчилась: *надобенъ возвратъ* къ менѣе искусственной и менѣе подогрѣтой жизни; необходимо человѣку быть больше привязаннымъ къ своей провинціи,

къ родному краю; необходимо, чтобы жить въ Парижѣ не было цѣлью всѣхъ мужчинъ и женщинъ, чтобы демократическая свалка была менѣе неистовой..» Такими словами, говоритъ г. Боборыкинъ, критикъ заключаетъ свои объясненія (стр. 490).

Но въ сущности, какъ видите, никакого опредѣленнаго взгляда на общій недугъ культурнаго строя жизни у автора, цитированнаго г. Боборыкинымъ, нѣтъ.

А между тѣмъ обществу необходимо знать, въ чемъ именно заключается то центральное зло культурнаго строя жизни, при которомъ всѣ блага науки и культуры, казалось бы, прямо для счастья и радости жизни человѣческой добытыя,— не только не дѣлаютъ этой жизни свѣтлѣе и легче, но, напротивъ, какъ бы грозятъ въ будущемъ все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ мракомъ и тяготой.

Мы не беремся за разрѣшеніе такихъ большихъ вопросовъ. Намъ ли, деревенскимъ обывателямъ, толковать о нихъ? Но въ русской жизни въ настоящее время столько мечтаній и мечтателей о томъ, какъ жить свято, что истомившійся современный человѣкъ невольно влечется къ нимъ. Не говорить поэтому о мечтаніяхъ и мечтателяхъ — положительно невозможно; вотъ почему во второмъ томѣ этого изданія я и постараюсь собрать, между прочимъ, все, что̀ мнѣ пришлось написать по поводу этого любопытнаго явленія русской жизни.

XIII. „Взбрело въ башку“.

Изъ записокъ деревенскаго обывателя.

I.

... Утомителенъ и однообразенъ нашъ деревенскій «недосугъ». Суетою суетъ переполняетъ онъ дни и годы нашего деревенскаго существованія, владѣетъ всѣмъ нашимъ существомъ отъ колыбели и до могилы, и, увѣнчавъ могильною насыпью иногда многолѣтнюю недосужную жизнь деревенскаго человѣка, не оставляетъ о немъ среди продолжающихъ жить людей почти никакихъ поводовъ къ воспоминанію. Но если вся наша деревенская жизнь наполняется только такою суетой суетъ и такимъ, повидимому, пустопорожнимъ недосугомъ, то каково же должно быть

наше душевное состояніе, если судьба неожиданно пошлетъ намъ «досугъ» и повелитъ на нѣкоторое время прекратить суету суетъ, призоветъ насъ къ спокойствію, отдохновенію и дастъ на нѣкоторое время право позабыть хоть на нѣсколько часовъ деревенскую злобу дня? Тутъ намъ, настоящимъ деревенскимъ обывателямъ, ужъ и совсѣмъ нехорошо, совсѣмъ скучно становится, и самый лучшій исходъ—лечь среди бѣла дня спать. Но и этотъ-то способъ употребленія «досуга» водворенъ въ народной жизни не безъ усилій со стороны посторонней власти и вліяній: не работать, прекратить на время суету суетъ—убѣждаетъ народъ батюшка съ амвона; надо же—говоритъ онъ—и Богу посвятить день, почтить Его, не все только своекорыстная возня около своего дома и своего добра. Надобно не пожалѣть денегъ на свѣчку. Нѣкоторые угодники требуютъ прекращенія работы подъ угрозою извѣстнымъ наказаніемъ: въ извѣстные дни нельзя работать желѣзомъ, нельзя прясть пряжу и т. д. На томъ свѣтѣ, въ аду, по разсказамъ старухъ, которыя сами въ обморочномъ состояніи бывали тамъ, на небѣ, и которыхъ ангелъ водилъ по мытарствамъ, — всегда указаны съ точностью муки, которыя испытываютъ мужики и бабы, не соблюдавшіе пятницы, работавшіе по праздникамъ. Бабы, напримѣръ, которыя работали по пятницамъ, задыхаются тамъ, на томъ свѣтѣ, въ избахъ, наполненныхъ кострикой: имъ нельзя дохнуть, нельзя открыть глазъ—кострика окутываетъ ихъ непроницаемымъ облакомъ. «Все жадность наша!—говоритъ приверженный къ дому хозяинъ, не вытерпѣвшій до захода солнца и потихоньку отъ взоровъ угодника, запрещающаго работу, постукивающій гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ сарая топоромъ. — Жадность въ насъ ненасытная!» Если-жъ господа землевладѣльцы жалуются на рабочихъ, что у нихъ оказывается чуть не триста шестьдесятъ праздниковъ въ году, такъ вѣдь здѣсь ужъ совсѣмъ иное дѣло; у хозяина—поденщина, *не свое хозяйство*, и въ этомъ случаѣ стоять за праздники, за то, что грѣхъ, молъ, не хочется взять на душу, прямой расчетъ для мужика. Тутъ онъ ужъ и самъ стремится отвоевать себѣ всячески какъ можно больше досугу и большею частью сладко спитъ въ эти сладкіе часы. Хорошо спятъ мужики среди бѣла дня, крѣпко, сладко. Тишина въ деревнѣ «послѣ обѣдни» удивительная. Солнце сіяетъ, воздухъ струится жаркими колебаніями, а деревня сладко спитъ: кто на лавкѣ, кто на полатяхъ, кто на сѣновалѣ—всѣ: старики и старухи, моло-

дыя и старыя бабы, здоровенные работники-гиганты—все это растянулось, разметалось, гдѣ пришлось, и наслаждается безграничнымъ блаженствомъ сна.

Случись въ эту пору появиться въ деревнѣ какому-нибудь начальству, не только по какому-нибудь серьезному, не требующему отлагательства дѣлу, но просто для перемѣны лошадей, и то мертвая тишина и мертвое безмолвіе спящей деревни можетъ вывести его изъ предѣловъ терпѣнія. Волостное правленіе отперто, и веселый вѣтеръ, хлопая незапертою рамой, играетъ разными «строжайшими» предписаніями, таская ихъ безъ всякой церемоніи по полу и присутственному столу. «Эй, кто тамъ?»—можетъ вопить начальство во всю силу голоса, но никто ниоткуда ничего на это не отвѣтитъ. Можно стучать ногами, кулакомъ, кричать, заставить кричать на весь дворъ ямщика,—ни звука!—«Эй!»—будетъ вопіять ямщикъ, стуча подъ окнами.—«Эй, кто-нибудь!»—будетъ вопіять начальникъ, и въ отвѣтъ имъ только безмолвіе, солнце и тишина; ни признака чего-нибудь живого или хоть движущагося. Даже въ домахъ причта—у батюшки, у дьякона — все нѣмо и неподвижно; если ямщику и удастся разбудить работницу, раскачавъ ее за жирный бокъ, то и она въ концѣ концовъ только почешетъ этотъ бокъ и перевернется на другой. «Что̀ они, вымерли, что ли, тутъ всѣ?» Вотъ къ чему придетъ выведенный изъ терпѣнія начальникъ, пока на выручку ему не явится какая-нибудь ветхая, терпѣливо поджидающая смерти старушка, не спроситъ беззубымъ ртомъ: «кого надо?»—и не укажетъ рукой, гдѣ надобно искать живыхъ людей.

И я думаю, что «спать» крѣпко и сладко—значитъ самымъ разумнымъ образомъ употребить деревенскій досугъ. У пьющаго есть кабакъ, а у непьющаго? Вѣдь, пожалуй, какъ останешься безъ суеты суетъ, да, побоясь огорчить угодника, не посмѣешь тронуть топора, да не будешь спать, такъ придется сидѣть да «думать», а вѣдь это дѣло трудное, трудное уже только потому, что понять невозможно, изъ-за чего живешь на свѣтѣ? Зачѣмъ вся эта суета суетъ, эта ежедневная маята изъ-за скотины, изъ-за податей? Да мало ли чего «взбредетъ въ башку», ежели начать на досугѣ думать обо всемъ, доходить до всего, разбирать свою жизнь—ка̀къ, что̀, почему, какъ бы лучше, да почему хуже, да отчего то не такъ вышло и это сдѣлалось не по желанію и вкусу, а совсѣмъ наоборотъ? Коли все это обдумать,

такъ умъ за разумъ зайдетъ. Лучше бы, конечно, взять топоръ, да... да нельзя желѣзомъ работать—овса не уродитъ!

— Пойти хоть на сѣновалѣ полежать! — говоритъ томимый досугомъ житель и успокаивается въ безмятежномъ снѣ.

А вотъ одинъ мой знакомый мужикъ, Иванъ Алифановъ, человѣкъ, всегда удалявшійся отъ общенія съ односельчанами, сухой, молчаливый, нелюдимый, пользовавшійся недоброю славой «острожнаго» и всячески остерегавшійся пробудить въ неласковомъ къ нему обществѣ воспоминанія о его прошломъ,—вотъ этотъ-то человѣкъ, многіе годы державшій себя самого въ «ежовыхъ рукавицахъ», понемногу, подъ вліяніемъ *досуга*, сталъ подумывать «о своей жизни», и отъ этихъ думъ взбрело ему въ башку такое ни съ чѣмъ «несообразное», что онъ мало того, что взбудоражилъ всю деревню, а и самъ-то еле живъ остался, чуть не померъ, да только Богъ его спасъ — сжалился надъ нимъ... А не думалъ бы, такъ ничего этого и не было бы... Хорошо, хоть Богъ-то спасъ, и то слава Богу.

II.

Досугъ, благодаря которому Ивану Алифанову «взбрело въ башку» нѣчто несообразное и едва не уложившее его въ могилу, былъ не какой-нибудь кратковременный, ординарный, праздничный досугъ, который и не замѣтишь, какъ проспишь, а досугъ особенный, давшій возможность вообще, всему крестьянству всей округи вздохнуть, «сообразиться» и отдышаться въ теченіе почти всей осени. Причина такого необыкновеннаго досуга—необыкновенный въ нашихъ трясинныхъ мѣстахъ урожай прошлаго года. Опахнулъ этотъ урожай своимъ благословеннымъ крыломъ всю нашу округу—всѣ эти лачужки, плетушки — на большое пространство; опахнуло это крыло тепломъ, и покоемъ, и сладкимъ отдыхомъ множество земледѣльческаго народу, и притомъ почти на всѣ осенніе и зимніе мѣсяцы, вплоть до поста. Всѣ клѣтки — всѣхъ окладныхъ листовъ, всѣхъ бюджетовъ—были въ изобиліи засыпаны хлѣбомъ, овсомъ, льномъ, картофью, огурцомъ и капустой — грибъ только не объявился: все у него отняли прочія, болѣе серьезныя растенія; но объ этомъ никто не печалился. Хлѣба, овса—всего было довольно, «слава Богу», и у всѣхъ осталось, послѣ наполненія доверху всевозможныхъ бюджетовъ, всего много. Рѣдко это, чрезвычайно рѣдко бываетъ въ нашихъ

мѣстахъ, но когда бываетъ хоть на недѣлю — хорошо и весело смотрѣть на бѣлый свѣтъ. Это именно годъ, когда мужику придетъ охота купить книгу, картинку, потому что есть на что купить, — годъ, когда придетъ въ голову пойти послушать, какъ мальчонка у сосѣдей книжку читаетъ; словомъ—годъ, когда досугъ настолько продолжителенъ, что иной крестьянской головѣ, обрекшей себя на вѣчную печаль и тоску, окажется возможнымъ просвѣтлѣть, ободриться, освѣтиться радостною мыслью... Повалившаяся лачужка преобразилась въ новый домишко, появилась въ безлошадномъ дворѣ лошаденка — и почернѣвшее отъ мрака душевнаго лицо просвѣтлѣло и повеселѣло. Хорошія это времена въ жизни крестьянина!

Этотъ урожайный, т.-е. не праздничный, а исключительный досугъ отразился на Иванѣ Алифановѣ особенно благопріятно; онъ жилъ съ женой только вдвоемъ, дѣтей у нихъ не было; а урожай уродилъ такъ много, что даже съ первыхъ дней осени Иванъ Алифановъ не нашелъ нужнымъ продолжать своего извозчицкаго промысла, сталъ ѣздить на вокзалъ въ недѣлю разъ, два, а иногда и по недѣлямъ, не нуждался въ заработкѣ; урожай заставилъ его подумать о себѣ попокойнѣй, подумать о скотинѣ, которую онъ за лѣтнее дачное время и рабочую пору порядочно-таки загонялъ, и Иванъ Алифановъ сталъ думать.

Прежде всего онъ увидалъ, что у него уже лѣтъ восемь какъ болятъ ноги; по ночамъ ревматическія боли не даютъ ему сомкнуть глазъ, и женѣ онъ покою не даетъ. По временамъ онъ бралъ въ аптекѣ какую-нибудь мазь, мазалъ ею ноги, но такъ какъ за недосугомъ дома побыть было нельзя, нельзя было и полежать, а надо было въ полночь и за полночь ѣхать, куда наймутъ съ вокзала, то ноги продолжали болѣть, какъ имъ болѣлось. Теперь онъ «на досугѣ» почувствовалъ, что онѣ болятъ самымъ настоящимъ манеромъ, и что болѣть какъ-нибудь хуже, пожалуй, что ужъ и нельзя; онъ разулся, осмотрѣлъ эти ноги, которыхъ онъ «путемъ» не видалъ, можетъ-быть, всю жизнь, «ужаснулся» ихъ ужасному виду, этимъ налившимся кровью жиламъ, этимъ опухлымъ мѣстамъ, къ которымъ оказалось больно притронуться пальцемъ, удивился всему этому, увидѣлъ, что «такимъ родомъ» можно остаться и безъ ногъ, и рѣшилъ лѣчиться серьезно.

Въ аптеку, къ фельдшеру, даже къ доктору онъ не пошелъ: «пробовалъ, мазалъ—не помогаетъ», а по совѣту

вокзальнаго буфетчика, у котораго ноги, отъ непрерывнаго въ теченіе всей жизни стоянія за буфетомъ, страдаютъ всевозможными недугами, купилъ въ аптекѣ травъ подъ общимъ названіемъ «декопъ», рецептъ которыхъ написалъ буфетчикъ. «Декопъ» былъ настоенъ на водкѣ; надо было его пить по три рюмки въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ, а когда почувствуется облегченіе, то и по четыре. Все это Иванъ Алифановъ припасъ, устроилъ какъ должно, и принялся лѣчиться. Не будь урожая, не было бы досуга; ноги Ивана болѣли бы безъ лѣкарства, и ему некогда было бы даже и «оглядѣть» ихъ хорошенько. Теперь же, благодаря досугу, онъ ихъ оглядѣлъ, увидѣлъ, что онѣ больны, что надо лѣчиться, что можно лѣчиться, и, перекрестившись на образъ, осторожно налилъ первую рюмочку «декопу», а затѣмъ и выпилъ.

И пошло по «всему уставу» Ивана Алифанова тепло, и стало ему пріятно. «Пріятное» душевное настроеніе дотянулось и до второй рюмочки «декопа» и до третьей, и весь этотъ первый день лѣченія, первый день отдыха и забвенія суеты суетъ, прошелъ для Ивана Алифанова пріятно, ново, не какъ обыкновенно; послѣ второй рюмки «декопа», часовъ въ одиннадцать дня, Иванъ Алифановъ пообѣдалъ и, противъ обыкновенія, легъ спать, укрывшись шубой; спалъ онъ безподобно, до того, что потомъ едва отпился чаемъ и привелъ себя въ чувство; третья рюмка «декопа» опять хорошо на него подѣйствовала, и накопленной годами усталости оказалось настолько достаточно, чтобы, и выспавшись послѣ обѣда, можно было богатырскимъ сномъ проспать и всю ночь до утра.

Но по мѣрѣ того, какъ Иванъ Алифановъ, благодаря досугу и «декопу», все болѣе и болѣе освоивался съ необычнымъ для него положеніемъ отдыхающаго человѣка, все нажитое и пережитое имъ въ обычное время жизни стало понемногу заявлять ему о себѣ и о томъ, что отъ него остались въ душѣ и тѣлѣ слѣды неизгладимые. Прежде всего стало заявлять о своихъ попранныхъ жизнью правахъ тѣло, а потомъ заговорилъ и духъ. Кромѣ «до ужасти» больныхъ ногъ, которыя можно было увидать во всемъ ихъ потрясающемъ видѣ только благодаря досугу, на третій, четвертый день отдохновенія заговорила и спина. «О-о-охъ!» — простоналъ Иванъ Алифановъ, поднявшись съ постели, послѣ необычнаго въ обыкновенное время отдохновенія; отдохнувшія больныя ноги стали такъ чувствительны, что,

оказалось, ступать надо съ осторожностью. Заболѣли бока, подъ ложечкой стало подпирать точно кулакомъ, подъ скулой что-то начало напухать.

«Старость!»—съ испугомъ подумалъ Иванъ Алифановъ на пятыя сутки отдохновенія, еле передвигая ноги отъ постели до окна, съ бутылью декопа. Эта мысль такъ неожиданно испугала Ивана Алифанова, что онъ, не обдумавши, что̀ дѣлаетъ, выпилъ сразу двѣ рюмки декопа, и уже не съ пріятностью, а съ огорченіемъ; декопъ, горькій и жгучій, падалъ куда-то въ «горькое мѣсто», которое сталъ ощущать Иванъ Алифановъ подъ сердцемъ. Точно угольемъ жегъ декопъ «горькое» больное мѣсто, и Иванъ почувствовалъ, что именно тамъ, въ горькомъ мѣстѣ, подъ сердцемъ, стала шевелиться вся его прошлая жизнь, о которой онъ уже и позабылъ за недосугомъ.

«Почитай, что ужъ къ могилкѣ дѣло идетъ!»—съ горечью думалъ онъ, отирая ротъ послѣ второй рюмки; и съ испугу, и съ предчувствіемъ какихъ-то мрачныхъ воспоминаній, которыя у него зашевелились «подъ сердцемъ», онъ, чтобы сразу сбросить съ себя неожиданную тоску, надѣлъ проворно шапку, накинулъ полушубокъ и вышелъ на дворъ по хозяйству. Хозяйство всегда разгонитъ «мысли», отвлечетъ вниманіе отъ своего горя.

Онъ вошелъ въ сарай, единственно только съ сознаніемъ необходимости заглушить тоску, точившую сердце. Только съ этою исключительно практическою цѣлью взялъ онъ вилы и сталъ поправлять висѣвшіе съ сѣновала клочья сѣна, въ чемъ, въ сущности, не было особенной надобности. Онъ работалъ вилами, нетерпѣливо ожидая, когда перестанетъ «глодать» его душу, когда имъ завладѣетъ интересъ къ какимъ-нибудь хозяйственнымъ мелочамъ; онъ тщательно прислушивался къ своему сердцу: «не затихаетъ ли тамъ? не забывается ли?»—и вдругъ...

Вдругъ нежданно-негаданно, но сразу, мгновенно, въ тоскующемъ сердцѣ и въ скучавшемъ умѣ, безъ малѣйшаго повода, въ мельчайшихъ подробностяхъ возникъ образъ Аннушки, дѣвушки, которую Иванъ Алифановъ крѣпко любилъ въ юношескіе годы и изъ-за которой потомъ вся жизнь Ивана Алифанова превратилась въ ужаснѣйшій мракъ. Аннушка не просто вспомнилась Ивану, а прямо ощутилась тутъ, рядомъ съ нимъ, съ человѣкомъ, который еле держится на ногахъ, который держитъ «съ горя» въ рукахъ дурацкія вилы, стоитъ ногами въ навозѣ. Молодая,

бойкая, умная, ловкая, смѣлая, продувная дѣвушка, она, съ своими карими глазами, влекущими къ какой-то неизсякаемой радости, прекращающими всякую тревогу жить на свѣтѣ—она, которая сама первая дернула его за рукавъ и шепнула: «Пымай!»—словомъ, вся она, живая, до поразительности ясно ощутимая, не просто только вспомнилась Ивану, а вполнѣ ощутилась тутъ, рядомъ съ нимъ, въ сараѣ, и даже голосъ ея онъ услыхалъ совершенно ясно—смѣшливый и любящій. Аннушка до того неожиданно воскресла въ душѣ Ивана, и притомъ до того явственно ощущалась имъ, что Иванъ даже оглянулся на избу: «не увидала бы жена!». Такъ ему чувствовалась близость къ нему самой Аннушки; онъ ощущалъ почти ея прикосновеніе, какъ въ былыя времена, ея теплое плечо, за которое онъ ее тогда «пымалъ» въ первый разъ.

Точно полымя разлилось совершенно внезапно по всему существу Ивана. Въ потъ его ударило. Аннушка какъ огнемъ охватила его умъ и сердце,—словомъ, вся воскресла въ немъ въ томъ самомъ видѣ, въ тѣхъ самыхъ ощущеніяхъ, какъ и въ старину. И Иванъ такъ оторопѣлъ отъ этой неожиданности, такъ испугался этого образа, что даже проговорилъ:

— Тьфу, ты, каторжная!.. Ишь!.. Сколько годовъ прошло... Взбредетъ же въ башку!..

Онъ до того испугался этого призрака, что со страхомъ оглядѣлся вокругъ себя, оглядѣлъ сарай и съ сердцемъ, бьющимся отъ испуга и отъ какого-то необыкновеннаго ощущенія, съ необыкновеннымъ проворствомъ принялся ворочать вилами, уже безъ всякаго смысла, лишь бы отдѣлаться отъ неожиданнаго потрясенія.

— Чего тутъ!—урезонивалъ онъ себя съ величайшею строгостью.—Ноги не ходятъ... спина скрипитъ... въ могилу того гляди... Эка! Господи, помилуй! И сама-то ужъ калѣка... старуха... Сохрани и помилуй, Господи!

Но—увы!—на досугѣ воскресла во всемъ великолѣпіи самая счастливѣйшая минута его жизни—и Иванъ Алифановъ, помимо воли, желанія и возможности, ужъ не могъ изгнать Аннушки и ея чуднаго дѣвичьяго образа изъ своихъ духъ.

III.

Выпивъ двѣ рюмочки «декопа» и опять съ еще большею язвительностью почувствовавъ, что водка попала не въ веселое мѣсто, а въ горькое и больное, подъ самое сердце,

Иванъ Алифановъ пообѣдалъ и опять легъ подъ шубу, чтобы дать ногамъ отлежаться. Но образъ Аннушки ни на минуту не покидалъ его. Закрылся онъ шубой съ головою и всячески старался думать о хозяйствѣ, о томъ, что̀ онъ предприметъ, поправившись ногами, заговаривалъ съ женой о хозяйственныхъ пустякахъ—много ли, молъ, картофлю, льну—и опять закрывался полушубкомъ; но Аннушка и молодые годы ихъ обоихъ, несмотря на всѣ усилія Ивана сосредоточиться только на настоящемъ и окружающемъ, всплывали въ его памяти въ самыхъ подробнѣйшихъ мелочахъ. Все припоминалось ему какъ бы на зло его тяжелымъ стариковскимъ мыслямъ и недугамъ. И дни и ночи, и даже цвѣтъ неба и воздуха—все живехонько ощущалось имъ точь-въ-точь какъ въ юности. Всѣ тропинки, буераки, кустарники, гдѣ они прошли хоть разъ,—все стояло, какъ живое.

— Господи, сохрани и помилуй!.. Эка что̀! Эка что̀!—сокрушался онъ, пряча голову подъ полушубокъ; но тамъ, во тьмѣ, голосъ Аннушки звучалъ такъ удивительно ясно, что жена Ивана непремѣнно должна была его услышать. Онъ робѣлъ этого голоса, опять съ удивленіемъ твердилъ себѣ: «Эка что̀! Эка вѣдь!»—и никакими силами не могъ прекратить воскресенія въ себѣ юношескихъ ощущеній. Только-что ясно слышался голосъ Аннушкинъ, только-что онъ отъ него оборонился—проснулось во всей силѣ ощущеніе безграничнаго довѣрія къ этой дѣвушкѣ, ощущеніе самаго радостнаго повиновенія ей, удовольствія повиноваться ей безъ малѣйшаго желанія захотѣть что-нибудь самому.

— Охъ, ты, Господи, Боже мой! Вѣдь это что̀ такое?—И онъ опять не могъ надивиться на себя, старика, съ больными ногами: что̀ это съ нимъ творится?

Онъ ворочался подъ шубой, закрывая глаза, старался не думать, а Аннушка стоитъ передъ нимъ, какъ живая...

И вдругъ его взяла за сердце мучительная боль. Онъ понялъ, что заболѣло именно въ томъ мѣстѣ, куда декопъ сталъ проникать въ послѣднее время. Заболѣло въ этомъ самомъ горькомъ мѣстѣ, заболѣло отъ воспоминаній, которыя чернѣе ночи. «Все узнали родители!»—рѣзануло его, какъ ножомъ, по сердцу. А родители тогдашніе—самодуры и звѣри лютые... Идутъ бить и колотить каждый свое порожденіе... Колотятъ Ваньку, за волосы таскаютъ, о свадьбѣ слышать не хотятъ... Изъ дома, гдѣ живутъ Аннушкины

родители, слышны раздирающіе душу вопли, точно давятъ кого-то за горло... Ваньку дерутъ въ правленіи за неповиновеніе, не говоря ни слова, отправляютъ въ Питеръ къ старшему брату въ полотеры... Аннушка не успѣла оглянуться, какъ уже оказалась повѣнчанною съ какимъ-то забулдыгою, который взялъ ее, зная грѣхъ. Звѣри-отцы, ненавидѣвшіе другъ друга, ѣли и срамили одинъ другого поѣдомъ...

Иванъ Алифановъ чувствовалъ, что слезы залили все его лицо подъ полушубкомъ. Какъ «опоенный», очутился онъ въ Петербургѣ, въ полотерной артели... Давно ли онъ былъ съ Аннушкой, а теперь она отъ него за тридесять земель, замужемъ за другимъ. Ее ему теперь не достать, совсѣмъ не видать—она ужъ чужая, не его.

И горькое мѣсто подъ сердцемъ, куда декопъ вносилъ что-то жгучее и волнующее, гдѣ онъ кипѣлъ, какъ капля воды, упавшая на горячую плиту, стало терзать Ивана Алифанова непрестанно; стала вспоминаться день за днемъ вся его каторжная жизнь. Недолго пробылъ онъ въ полотерахъ и въ состояніи полнаго отупѣнія. Злость роилась въ немъ. Въ какомъ-то домѣ во время работы онъ стянулъ часы, пьянствовалъ недѣлю, попалъ въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ онаглѣлъ, озвѣрѣлъ, не сталъ бояться ни Бога ни чорта. Однако, по выходѣ изъ тюрьмы, нищета и строгія полицейскія преслѣдованія, гдѣ бы и въ какомъ городѣ или городишкѣ онъ ни появлялся (и въ деревню ему, острожнику, показаться было нельзя), заставили его ради насущнаго хлѣба, скрѣпя сердце, браться за самыя грязныя и тяжкія работы, хотя и за копеечное вознагражденіе. Профессія дяди Акима была ему не чужда, ловля собакъ по ночамъ, служба въ ночныхъ извозчикахъ, служба въ такихъ притонахъ, гдѣ держатъ подозрительныхъ людей,— вотъ въ какихъ профессіяхъ прошли у него самые лучшіе годы жизни. Въ это время онъ научился пить съ горя, допивался не разъ до бѣлой горячки, а затѣмъ опять начиналъ шляться по темнымъ мѣстамъ, гдѣ принимаютъ на службу и острожниковъ.

Вспоминая это время, Иванъ Алифановъ совершенно ясно убѣдился, что именно тогда-то у него и образовалась боль подъ сердцемъ—та самая боль, которую теперь разжигалъ опять наново декопъ.

Жизнь его, вѣроятно, закончилась бы кончиною «человѣка неизвѣстнаго званія», который выплылъ изъ Невы,

Оки или Волги послѣ ледохода,—конечно, безъ одежды и безъ документовъ,—если бы у него не умеръ отецъ. Братья, имѣвшіе хорошее дѣло въ Петербургѣ, не желая однако терять крестьянства, разыскали бродягу, обошлись ласково и уговорили ѣхать въ деревню. Обрадовался Иванъ этому предложенію, очувствовался, точно воскресъ изъ мертвыхъ. Природный сильный умъ помогъ ему опредѣлить свое будущее: общество не сдѣлаетъ его общественникомъ, не дастъ ему права голоса на сходкахъ, но землю на имя другихъ братьевъ дастъ, и онъ все-таки будетъ «жить», только жить на бѣломъ свѣтѣ, смотрѣть на бѣлый свѣтъ, никого не касаться и быть въ сторонѣ отъ всѣхъ. Больной, измученный, воротился онъ въ опустѣлый домъ (мать умерла давно, сестры были замужемъ) и сталъ жить такъ, что его почти не замѣчали. Не замѣтилъ никто, какъ онъ женился, взявши въ сосѣдней глухой деревнѣ работящую, молчаливую и довольно тупую дѣвушку. При теперешнемъ его настроеніи, то-есть самомъ простомъ желаніи отстать отъ прошлаго и только жить на бѣломъ свѣтѣ, жить такъ, чтобы никто не трогалъ, не обижалъ, жить со всѣми и отъ всѣхъ въ сторонѣ—его жена, молчаливое, работящее и тупое существо, была ему какъ разъ подстать. Женился онъ на ней собственно «для хозяйства», какъ покупаютъ для хозяйства лошадь, корову, чтобы «жить»; онъ прибѣгнулъ, по примѣру многихъ крестьянъ, находящихся исключительно во власти суетъ, къ браку, какъ къ самому практичному средству—воспользоваться «бабой», какъ рабочею силой, и привязать ее къ дому якобы супружескими отношеніями. И «баба» его была также изъ тѣхъ покорныхъ своему бабьему дѣлу существъ, которыя и подъ вѣнцомъ-то навѣрное ни о чемъ другомъ не думаютъ, кромѣ какъ о вопросахъ, касающихъ рабочей суеты: «Много ли горшковъ-то?.. Есть ли кадушка для хлѣба?» Вотъ что̀ постоянно занимало всѣ ея мысли, и такая узость ея мыслей была какъ разъ по душѣ Ивану Алифанову—съ этой бабой можно жить, работать, ѣсть, пить, и больше ничего она не потребуетъ.

Вотъ такъ и сталъ онъ жить, «лишь бы только жить на бѣломъ свѣтѣ». Пить пересталъ совершенно, стучалъ дома цѣлые дни топоромъ, поправляя разрушавшуюся постройку; самъ печи поправлялъ, крышу крылъ—словомъ, замкнулся ото всѣхъ въ своемъ домѣ. Понемногу, при пособіи братьевъ, онъ обзавелся лошадью, сталъ извозничать, возить съ вок-

зала и на вокзалъ, а также брался ѣздить и съ кладью. Жизнь его съ женою вся была построена на сознательномъ планѣ жить такъ, а не иначе, и онъ зналъ каждый шагъ и каждое слово, которые ему надобно сдѣлать или сказать, чтобы въ домѣ былъ порядокъ и чтобы баба не затруднялась недостаткомъ суетъ и недосуга. Нравственной связи между ними, кромѣ общей надобности жить на свѣтѣ, не было никакой—была связь необходимости, которую Иванъ Алифановъ и поддерживалъ весьма умно, умѣло и деликатно, особливо въ виду важнѣйшаго недостатка крестьянской семьи—отсутствія дѣтей.

Не меньше восьми послѣднихъ лѣтъ жилъ Иванъ Алифановъ такою тусклою, замкнутою въ самомъ себѣ жизнью: что̀ заработаетъ, то истратитъ—вотъ было все содержаніе его ежедневнаго обихода жизни за всѣ эти годы. Заработаетъ рубль—заѣдетъ въ лавку, возьметъ чаю, сахару, керосину, отвезетъ домой, отдохнетъ и опять ѣдетъ на заработокъ или работаетъ въ полѣ; а не хватитъ чего-нибудь—опять ѣдетъ на вокзалъ за работой и иногда не бываетъ дома по недѣлямъ. Въ такомъ тускломъ видѣ представлялась Ивану Алифанову и вся его послѣдующая жизнь; и такой-то жизни онъ былъ радъ-радёхонекъ послѣ всего пережитаго. Но тусклые годы шли, и прошлое, слава Богу, забывалось, уходило куда-то далеко, а настоящее также ничѣмъ не трогало...

И вдругъ настала неожиданная благодать урожая, а за нимъ и нежданнаго досуга. Все пережитое поднялось изъ-подъ бремени ежедневной суеты суетъ. Отозвались болѣзни, недуги, физическія искалѣченія; вспомнилась вся ужасная, черная, темная жизнь, весь этотъ мракъ сорокапятилѣтней маяты—и та единственная свѣтлая, удивительная радость жизни, которая связана была съ именемъ Аннушки, не могла не оттаять въ душѣ Ивана, когда весь онъ во всѣхъ отношеніяхъ, благодаря досугу, неожиданно оттаялъ. Аннушка воскресла въ его сердцѣ точь-въ-точь такая, какъ была, и такъ какъ именно съ ней связана вся его дальнѣйшая жизнь, такъ какъ отъ нея, черезъ нее и изъ-за нея произошло потомъ все, что̀ было съ Иваномъ до настоящей минуты, то образъ Аннушки съ каждой минутой сталъ преобладать надъ всѣми воспоминаніями Ивана; она только одна стала неотступно владѣть всею его мыслью и одна только она наполняла теперь всю жизнь его дома. Онъ сталъ непрестанно ощущать присутствіе Аннушки во всѣхъ

своихъ домашнихъ отношеніяхъ; она всегда была между нимъ и его женой и какъ бы настоящею хозяйкой дома.

— Ахъ, Ты, Боже Ты мой милостивый! — терзался онъ страшною болью, все больше и больше развивавшеюся подъ сердцемъ, въ «горькомъ мѣстѣ».

И весь этотъ день Иванъ Алифановъ не зналъ минуты покоя; проворочавшись подъ шубой до ужина и до третьей порціи декопу, онъ съ удовольствіемъ проглотилъ не двѣ уже, а три рюмки этого напитка, котораго уже жаждало все то же самое больное мѣсто подъ сердцемъ, и попыталъ опять заснуть. Но Аннушка не давала ему покою. Только-что онъ, потолковавъ съ женою про хозяйство, сомкнетъ глаза—хвать, Аннушка тутъ какъ тутъ.

Шубейка ея накинута на плечи, на головѣ красненькій платочекъ, а сама Аннушка щелкаетъ подсолнухи и, издали улыбаясь Ивану, ласково шепчетъ откуда-то издалека:

— Пымай меня!

— И пымаю!

— Ну, пымай, пымай!

— И пымаю!

Иванъ со всѣхъ ногъ бѣжитъ къ Аннушкѣ, а та стоитъ— не бѣжитъ, спокойно ѣстъ подсолнухи, не бѣжитъ. Но едва Иванъ хочетъ схватить ее за плечо, какъ она уже порхнула, какъ спугнутая птица, съ веселымъ смѣхомъ. Она порхнула вправо, показавъ Ивану сначала намѣреніе порхнуть влѣво, и стала путать его безъ милосердія. Вотъ она порхаетъ туда и сюда, или вдругъ бросится навстрѣчу Ивану, мимо него, заставивъ его безъ оглядки пробѣжать въ пустое пространство. Иванъ запыхался, усталъ, кричитъ ей: «Постой, Анютка! Дай я тебѣ что̀ скажу!..»—а Аннушка все порхаетъ. Наконецъ она какъ будто поддается; она будто боится, что Иванъ ее схватитъ, сломаетъ; она защищается руками, пятится къ забору, даже кричитъ... А Иванъ не сдается, не снисходитъ, — онъ достигъ до Аннушки и «не пущаетъ».

— Какая-такая Анютка у тебя завелась?

Суровымъ, непривычнымъ для Ивана голосомъ разбудила его жена, до свѣту поднявшаяся на работу.

— Какую-такую Анютку поминалъ? — грозно и грубо повторила она.

Иванъ раскрылъ глаза, понялъ, что онъ во снѣ проболтался, «осерчалъ» на себя и въ первый разъ осерчалъ на жену.

— Во снѣ приснилось... Чего орешь-то!

— Анютка кака-то!

Грубый, неожиданный для Ивана идіотскій гнѣвъ, слышавшійся въ голосѣ его жены, въ первый разъ пробудилъ въ немъ какую-то къ ней непріязнь, и онъ мысленно въ первый разъ обругалъ ее и тотчасъ же почувствовалъ, что въ «горькомъ мѣстѣ» прибавилась новая капля горя.

— Ну, чего тамъ? Знамо во снѣ!—грубо сказалъ онъ и замолчалъ.

Но новая капля горя опять съ новою силой воскресила въ немъ образъ Аннушки. Одна только она все свѣтлѣе и свѣтлѣе вырисовывалась въ воображеніи Ивана, какъ единственно радостное и благородное во всей его скверной, изломанной, мрачной жизни.

IV.

А та новая, жгучая капля горя, которая капнула въ «горькое мѣсто» послѣ пробужденія отъ грубаго окрика его жены и грубаго слова, которымъ отвѣтилъ ей Иванъ, была капля далеко не маленькая. Свѣтъ Аннушкина образа, осіявшій его мысль и очистившій ее, осіялъ и его отношенія къ его женѣ Анисьѣ, и онъ увидалъ, до какой степени онъ подлъ относительно этой женщины. Размягченное свѣтлыми воспоминаніями воображеніе какъ нельзя ярче отдѣлило теперешнюю его безсовѣстную жизнь съ Анисьей. Взялъ онъ ее какъ скотину, старался о томъ, чтобы всякаго рода трудъ поглощалъ всю ея жизнь, жилъ съ ней, какъ мужъ, только для того, чтобы она ему повиновалась. Сразу онъ увидѣлъ, что онъ такой же подлецъ, какъ и тѣ изъ его односельчанъ, которые, желая жить въ Питерѣ и не желая давать заработки родителямъ, женятся только для того, чтобы при помощи закона пріобрѣсти себѣ вѣчнаго раба и безпрекословнаго слугу. Проживъ съ молодой женой недѣлю, много двѣ, такой человѣкъ, зная, что животная неосмысленная связь самая несомнѣнная и несокрушимая, уходилъ въ Питеръ, оставляя дома бабу, которая будетъ думать только о немъ цѣлые годы, дни и ночи, будетъ жить въ ожиданіи его, въ ощущеніи, что надъ нею его воля. Деньги, которыя онъ будетъ присылать, она будетъ такъ прятать, что никакіе свекры и свекровки не разыщутъ ихъ, если даже сдерутъ съ нея шкуру. Вотъ именно такой-то подлый, своекорыстный поступокъ, такое-то поруганіе надъ человѣкомъ совершилъ и Иванъ Алифановъ,

и чувствовалъ онъ этотъ свой огромный грѣхъ самымъ жгучимъ образомъ. Подлъ и низокъ онъ былъ передъ этою кроткою работящею женщиной; ѣла его больную душу уже собственная своя подлость; не ему уже, а онъ сдѣлалъ безбожное дѣло съ человѣкомъ, и это новое горе дѣлало его въ собственныхъ глазахъ ничтожною, грязною и лживою тварью.

Но тотъ же свѣтлый образъ Аннушки, освѣтивъ совѣсть Ивана Алифанова, освѣтилъ ему и его жену. «Что̀ за дубина!»—думалъ онъ съ озлобленіемъ, одновременно терзаясь своимъ прошлымъ преступленіемъ. Непріятная сцена ночью пробудила въ этой хозяйственной машинѣ женщину, грубую, дикую, нелѣпую. Не по днямъ, а по часамъ въ Анисьѣ стала разгораться рычащая ревность, желая отмстить врагу всѣмъ, что̀ можно было сдѣлать грубаго, безобразнаго, отъ чего бы врагъ ошалѣлъ, съ ума спятилъ.

Она стала «пхать» горшками, ухватами; не одѣвалась, не умывалась; стала лаяться на все, на скотину, на печку, орала, распоясанная, середи двора:

— Анютку каку-то завелъ!.. День-денской бьешься съ нимъ, съ подлецомъ...

— Ахъ, дубина, дубина! Вотъ ужъ дьяволъ-то!—бѣсновался Иванъ Алифановъ, слыша этотъ лай, и въ то же время чувствовалъ себя кругомъ обманщикомъ, кругомъ виноватымъ въ безконечномъ оскорбленіи этой женщины.

Съ той минуты онъ поглощалъ декопъ рюмку за рюмкой, огрызался на жену, какъ звѣрь, и чувствовалъ себя погрязающимъ въ грѣхѣ. Начались дни безобразные; два звѣря очутились въ пустой берлогѣ, и Ивану Алифанову стало страшно.

Въ одну изъ минутъ крайняго ожесточенія на жену и крайняго безграничнаго сознанія своей низости онъ вдругъ какъ бы очнулся, опомнился. Онъ вспомнилъ, что давно ничего не дѣлаетъ, отдыхаетъ, и понялъ, что необходимо сейчасъ же, сію же минуту запрячь себя опять, опять вогнать себя въ непрерывную маяту труда, работы, ѣды и перевозки. Съ лихорадочною поспѣшностью, не думая о томъ, тотъ ли теперь часъ, когда можно ждать прихода поѣзда, онъ, побуждаемый только жаждой спастись отъ гибели, торопливо запрягъ въ сани (была уже зима) отдохнувшую лошаденку, одѣлся, какъ всегда, по-ямщицки, подпоясался и какъ ни въ чемъ не бывало сказалъ женѣ, что «въ случаѣ скоро не буду, стало-быть, кладь есть», и поспѣшно уѣхалъ на станцію.

Быстро выѣхавъ изъ воротъ на свѣжій морозный воздухъ, по пушистому снѣгу, на отдохнувшей, повеселѣвшей клячонкѣ, онъ почувствовалъ, что ему стало много легче, и онъ всячески старался удержать въ себѣ это облегченное состояніе духа, старался представить себѣ, что и въ самомъ дѣлѣ ничего не бывало.

«Ѣду, молъ, на станцію,—думалъ онъ, стараясь опредѣлить собственное свое состояніе духа.—Ѣду и больше ничего...» Но онъ съ тоскою чувствовалъ, что теперь хоть и то же все, повидимому, но далеко не то. Дома у него уже не то, что̀ было; ему уже непріятно туда воротиться, къ этой грубой, озлобленной женщинѣ, передъ которою онъ кругомъ виноватъ и съ которою онъ поступилъ какъ Іуда-предатель.

И хотя онъ бодрился и храбрился, но никогда у него не было на душѣ такъ тяжело и мрачно, какъ въ этотъ разъ. Однако онъ, какъ и прежде, подкативъ къ вокзалу, привязалъ лошадь и, заткнувъ за поясъ кнутъ, помѣстился на платформѣ въ ожиданіи поѣзда. Скучно ему было до чрезвычайности; онъ съ отчаяніемъ видѣлъ, что жизнь его—холодная и тяжкая маята, и терялся въ тоскѣ невѣдѣнія: какъ ему выбраться изъ кромѣшнаго ада, въ которомъ онъ живетъ? «Работа!»—вотъ что̀ говорила ему капля здраваго смысла, не отравленная еще декопомъ, который онъ сталъ пить въ послѣднее время безпрестанно, такъ какъ боль подъ сердцемъ перешла въ настоящее физическое страданіе, затихавшее на время только отъ сивухи. Если бы Богъ послалъ,—думалось ему:—хорошую, верстъ за тридцать «путину» съ кладью, а на это пошло бы сутокъ двое, а по желанію и трое времени, такъ можно бы, пожалуй, и войти опять въ колею «маяты», да и баба бы позатихла, вынужденная сосредоточивать свои мысли на ожиданіи мужа, а не на злобѣ къ нему. И все это, вѣроятно, такъ бы и случилось, если бы судьба запрягла Ивана опять въ трудовой хомутъ. Этой запряжки могло не случиться сегодня и завтра, но она непремѣнно бы случилась на третій, на четвертый день ожиданія, такъ какъ никакого иного выхода для огорченнаго деревенскаго человѣка нѣтъ; можетъ, правда, надъ нимъ въ такія трудныя минуты возобладать кабакъ, но Иванъ, какъ видимъ, уже испугался своего положенія, уже напряженно стремился выйти изъ него, жаждалъ трудовой тяготы и непремѣнно бы дождался ея, повинуясь только здравому смыслу, который въ немъ не

умеръ и который не указалъ бы ему никакого иного исхода. Ничто въ строѣ народной трудовой жизни не поддержало бы мечтаній Ивана объ Аннушкѣ, и образъ ея постепенно утратилъ бы весь тотъ ореолъ, т.-е. всю эту «дурь», которою его окружило разстроенное воображеніе Ивана.

Такъ непремѣнно бы и случилось, если бы деревенская жизнь въ нашихъ мѣстахъ была только трудовая, хозяйственная, т.-е. въ самомъ дѣлѣ деревенская. Но на дѣлѣ это уже далеко не такъ: желѣзная дорога, сдѣлавшая возможнымъ сношеніе деревни съ Петербургомъ и съ людьми всякаго не-крестьянскаго званія, сдѣлала возможнымъ вторженіе въ народную жизнь и явленій иного порядка жизни. Камера мирового судьи, устроенная близъ станціи, привлекла въ деревню вольнопрактикующаго адвоката. Торговые обороты привлекли множество всякихъ мелкихъ агентовъ, живущихъ не-крестьянскими интересами. Трактирщикъ долженъ выписать газету, листокъ; для починки интеллигентныхъ пиджаковъ появился портной съ вывѣской, изображающей и ножницы и фраки. А тамъ, глядишь, невѣдомо откуда появилась афиша, извѣщающая, что, съ дозволенія начальства, въ домѣ купца Крючникова будетъ данъ спектакль: «Левъ Гурычъ Синичкинъ» и «Материнское благословеніе», при чемъ окажутся и актеры, и актрисы: акушерка, фельдшеръ, адвокатъ. Вторженіе городскихъ вкусовъ и привычекъ въ обиходъ чисто-крестьянской жизни сдѣлало возможнымъ для деревенскаго обывателя столкновеніе съ такого рода новыми, неожиданными для него явленіями, которыхъ деревня ему никогда бы дать не могла... Вотъ эта старуха-рыбница, которая аккуратно каждое утро пріѣзжаетъ со свѣжею рыбой на товарномъ поѣздѣ, «ни въ жизнь бы» не дала изъ своего заработка и пятачка на водку мужу; каждую вырученную копейку она такъ спрячетъ въ своихъ юбкахъ и въ потаенныхъ карманахъ, что мужъ никогда эту копейку не отыщетъ, хоть «все раздери на части»... И вотъ эта-то скряга, наслушавшись въ «щелочку», что̀ такое представляли на сценѣ въ домѣ купца Крючникова, заплакала, разнѣжилась и стала каждый разъ тратить по тридцати копеекъ, когда только идетъ спектакль. Съ пустою, послѣ проданной рыбы, корзинкой она проворно бѣжитъ въ кассу, роется въ своихъ юбкахъ, въ потаенныхъ карманахъ, вытаскиваетъ пятаки и копейки и беретъ билетъ на «Бѣдную невѣсту»... Идетъ изъ театра — плачетъ; ѣдетъ на четырех-

часовомъ ночномъ поѣздѣ домой и всю дорогу разсказываетъ пьесу тормозному кондуктору, а въ шесть часовъ опять возвращается съ корзиною рыбы. Вотъ что̀ сдѣлали со скрягой и змѣей подколодной (какъ всю жизнь именовалъ ее мужъ) случайности вторженія въ деревенскую глушь явленій иного строя жизни.

Одна изъ такихъ неожиданностей, совершенно неподходящихъ къ деревнѣ, нагрянула и на Ивана Алифанова. «Чувство», пробужденное въ немъ образомъ Аннушки, само бы собой угасло въ немъ, какъ «дурь», подъ вліяніемъ обыденной трудовой «маяты». Но случайность совершенно не-деревенскаго свойства сдѣлала возможнымъ, что пьяный, больной, старый мужикъ могъ, вмѣсто жадно желаемой имъ «запряжки», неожиданно растаять отъ самыхъ нѣжныхъ чувствованій.

Тяжелый камень горя и тоски угнеталъ и душу и мысль Ивана Алифанова, когда онъ стоялъ на платформѣ, ожидая поѣзда и долгой поѣздки съ кладью, которые избавятъ его отъ душевныхъ мукъ. Декопъ, выпитый въ значительномъ количествѣ, царапалъ у него подъ сердцемъ словно когтями. Онъ крѣпился, но маялся и съ нетерпѣніемъ ждалъ поѣзда. Наконецъ поѣздъ пришелъ. Извозчики бросились добывать себѣ пассажировъ. Иванъ Алифановъ также пошелъ въ толпѣ.

— Извозчикъ!—окликнулъ его голосъ какой-то пискливой барыни:—есть тутъ гостиница съ номерами?

— Есть, сударыня! — сурово отвѣтилъ Иванъ. — Только будетъ ли вамъ по вкусу?

Иванъ сказалъ такъ потому, что барыня была, на его взглядъ (онъ видѣлъ всякую породу), довольно «форсистая»: огромный турнюръ, косички, опущенныя на лобъ, муфта, мѣшочекъ съ цѣпочкой, огромныя круглыя пуговицы на дипломатѣ и въ зубахъ папироска.

— Номера у насъ грязные,—прибавилъ Иванъ.

Форсистая барыня закурила новую папироску, бросила въ сторону окурокъ, потомъ почему-то вздохнула и сказала:

— Грязные?.. Ну, что-жъ!.. Вези меня туда... Надо-жъ мнѣ куда-нибудь!

Сторожъ съ чемоданомъ, корзиной и узломъ съ подушками, завязанными въ красное шерстяное одѣяло, пошелъ впередъ за Иваномъ, а за ними, поминутно затягиваясь папироской и разсѣвая искры и дымъ, слѣдовала форсистая барыня.

— Боже мой!—шептала она:—куда меня занесло?..

Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, занесло сюда эту форсистую барыню? Что̀ ей здѣсь нужно? Зачѣмъ она сюда попала? Кто она такая наконецъ?

Отвѣтить на эти вопросы можно только единственно при помощи кухарки Степаниды, служащей у той петербургской хозяйки, у которой Олимпіада Петровна (такъ звали форсистую даму) нанимала комнату. Эта Степанида не разъ обращалась, по своей сердечной добротѣ, къ этой самой Олимпіадѣ съ такими словами:

— Ты, Ампіада, смотри, будь поаккуратнѣй! Околоточный который разъ спрашиваетъ: «Какая-такая у васъ дама безперечь то въ шестомъ, то въ седьмомъ часу домой приходитъ?.. Какими-такими дѣлами занимается?». Вотъ что̀ говоритъ-то! Ты подумай!

— Какое ему, дураку, дѣло? Вотъ еще новости: «гдѣ я бываю»! Гдѣ хочу, тамъ и бываю!

— Ну, такъ ты вотъ какъ знаешь тамъ... А онъ ужъ сколько разъ къ дворнику приставалъ... «Чѣмъ, говоритъ, она живетъ?»

— Дуракъ какой!.. У меня билеты изъ Нѣмецкаго клуба. Какъ онъ смѣетъ?

— Ну, видно, смѣетъ... А я тебѣ говорю любя. Смотри!.. Дворникъ-то ужъ разовъ пять меня пыталъ о тебѣ... Гляди, какъ бы чего не было!

— У меня знакомые генералы. Ты скажи имъ, дуракамъ, это!

— Послухаютъ они тебя, какъ же!

Много разъ Степанида предостерегала такимъ образомъ Олимпіаду Петровну, и та хоть «форсила» своими знакомствами съ генералами, но послѣ такихъ предостереженій обыкновенно дня по три, по четыре оставалась дома, а потомъ опять получала билетъ въ клубъ. Въ виду же того, что урожай прошлаго года щедро наполнилъ всѣ самыя мельчайшія клѣтки бюджетныхъ таблицъ, досугъ, сдѣлавшійся доступнымъ даже для деревни, принялъ въ Петербургѣ, конечно, также соотвѣтственные размѣры; Олимпіада Петровна поэтому, несмотря на предостереженія Степаниды, два раза возвращалась на тройкахъ съ «компаніей» не раньше семи часовъ утра и въ послѣдній разъ промчалась какъ разъ мимо того околоточнаго, который допытывался у дворниковъ объ ея средствахъ жизни. Командуя и дирижируя цѣлою толпой дворниковъ и не менѣе значительною

толпою какихъ-то снѣговыхъ кучъ, взрытыхъ посреди улицы, околоточный этотъ остановилъ на Олимпіадѣ Петровнѣ такой взглядъ, отъ котораго у нея вся душа перевернулась.

Скоро, не больше, какъ черезъ часъ, она поняла, что дѣло ея плохо.

— Говорила я тебѣ,—вся красная отъ волненія, почти завопила Степанида, появляясь въ комнатѣ Олимпіады Петровны вскорѣ послѣ ея возвращенія на тройкѣ:—говорила: берегись, оглядывайся!

— А что случилось?

— Случилось, что теперь тебѣ не будетъ больше ходу... Поставили у воротъ переодѣтаго... шагу тебѣ не дастъ сдѣлать... Куда ты ни сунься, вездѣ тебя найдутъ... И ужъ тогда прощай! Запишутъ!

Вѣроятно, Олимпіада Петровна знала, что значитъ это слово. Только она испугалась, потомъ заплакала, потомъ позвала Степаниду и сказала:

— Какъ же мнѣ быть-то?

— Ты чего же думала-то? — осердилась Степанида. — Раньше ты зачѣмъ моталась?.. Какъ быть!

Степанида сердилась на пустопорожнюю бабенку, но, по добротѣ своей, не могла не думать о ней. И вотъ что она наконецъ придумала:

— Тебѣ бы убѣчь изъ Питера-то куда-нибудь...

— Куда-жъ я убѣгу? У меня денегъ-то нѣтъ.

— Ну, вещи заложи.

— Да куда?.. Куда уйти?

— А скройся куда-нибудь. Скройся ты въ деревню. Хоть бы къ намъ поѣзжай, пока они перестанутъ гоняться за тобой. Поѣзжай къ моей сестрѣ. У нея домъ свой... Верхъ свободный, лѣтомъ отдаетъ подъ дачу... Вокзалъ близко,—все, что угодно, достанешь. Поѣзжай, поживи хоть до Рождества-то... Анъ, они и притихнутъ...

Подумала-подумала Олимпіада Петровна и рѣшила ѣхать. Степанида заложила ея вещи, дала адресъ сестры, и вотъ Олимпіада Петровна очутилась на нашей станціи съ тѣмъ, чтобы потомъ поселиться у сестры Степаниды.

Лошадь Ивана Алифанова мчала форсистую даму съ ея багажомъ по какимъ-то сугробамъ и темнымъ закоулкамъ къ ярко освѣщенному трактиру, а Олимпіада Петровна, оглядываясь кругомъ себя и не находя ровно ничего привычнаго ея глазу, привычному къ освѣщеннымъ столичнымъ

улицамъ и вообще къ газовымъ рожкамъ, прошептала опять въ полномъ недоумѣніи:

— Куда это я попала? Боже мой!

Наконецъ сани остановились у трактира.

V.

— Худо вамъ будетъ здѣсь!—сказалъ Иванъ Алифановъ форсистой барынѣ, когда они по грязной и узкой лѣстницѣ поднимались во второй этажъ трактира въ номера. Номеръ былъ грязенъ, малъ, но жарко натопленъ. Непривлекательность номера, повидимому, не удивила Олимпіаду Петровну; она быстро раздѣлась, и хотя Иванъ Алифановъ увидѣлъ въ ней то, что̀ называется «щепкой», но почувствовалъ, что есть около нея какое-то беззаконное вѣяніе, что-то даже нужное человѣку, во всѣхъ смыслахъ разстроенному. И поэтому, когда Олимпіада Петровна тотчасъ жѐ послѣ того, какъ раздѣлась, еще не разсчитываясь съ Иваномъ, потребовала себѣ бутылку пива, онъ, Иванъ, понялъ, что это именно такъ и быть должно, и почувствовалъ, что въ этомъ поступкѣ есть что-то и къ нему подходящее.

— Отъ груди пью, грудью страдаю!—сказала Олимпіада Петровна, опоражнивая стаканъ, и, наливъ другой, подала его Ивану.

— Выпей!.. Ты тоже озябъ.

Иванъ, когда-то сильно запивавшій, боялся пива, которое его всегда сваливало съ ногъ, а съ нѣкотораго времени онъ сталъ побаиваться и своего «декопа», который, очевидно, тянетъ его къ чему-то недоброму; сегодня онъ выѣхалъ на станцію исключительно для того, чтобы привести себя въ порядокъ, но беззаконная атмосфера, чувствовавшаяся около форсистой барыни, заразила и его,—и онъ залпомъ выпилъ стаканъ.

И этотъ стаканъ пива опять попалъ туда же, подъ сердце, въ самое больное мѣсто.

— Посиди!—словно давнишнему знакомому, по-пріятельски сказала форсистая особа. — Мнѣ спросить надо у тебя... Пусть лошади подождутъ... Я вѣдь одна тутъ, никого не знаю.

И Иванъ Алифановъ присѣлъ. Съ ногами забралась на диванъ и Олимпіада Петровна, обнаруживая рваные башмаки.

— Скажи коридорному, чтобы далъ еще бутылку. Грудью страдаю... Пока изъ аптеки лѣкарство не возьму, хоть пивомъ... Аптека есть?

— Есть аптека, какъ же.

— Ну, такъ ты мнѣ потомъ возьмешь... Налей себѣ стаканъ.

И опять Иванъ налилъ себѣ стаканъ, и опять онъ почувствовалъ, что пиво поведетъ его не къ добру, но что противиться этому почему-то уже нельзя.

— Доктора совѣтуютъ дышать деревенскимъ воздухомъ,— сказала Олимпіада Петровна.

И стала врать дальше.

— Лѣчи не лѣчи,—съ горечью говорила она, дымя папиросой:—ничего не будетъ! Разъ надорвали мое сердце... какія тутъ лѣкарства?

И опять она выпила пива. И Иванъ также выпилъ еще.

— Въ меня былъ влюбленъ (да и сейчасъ онъ меня забыть не можетъ) богатый, красивый гусаръ. Злые люди разстроили, насильно его женили, отняли отъ меня... Вотъ я и больна... чего тутъ лѣчить? Я забыть его не могу! Каждую почту пишетъ... Онъ сюда пріѣдетъ потихоньку отъ жены... «Если ты, говоритъ, не допустишь меня повидаться, такъ я застрѣлюсь».

И опять позвали коридорнаго и выпили пива.

Иванъ Алифановъ сталъ глубоко вздыхать и пьянѣлъ отъ пива такъ, какъ не пьянѣлъ еще отъ декопа.

— Нѣтъ!—воскликнула Олимпіада Петровна, ёрзая на диванѣ и сопровождая свои рѣчи выразительными движеніями руки съ папироской:—нѣтъ, разъ человѣкъ полюбилъ, онъ вѣкъ этого не забудетъ!.. За меня сколько жениховъ сваталось, а я не могу! Пускай я умру, а не разлюблю его... Я его люблю и такъ и умру съ этимъ!

Иванъ Алифановъ не зналъ, что Олимпіада Петровна объявила уже о своей грудной болѣзни лакею на Любанской станціи, который поэтому потихоньку принесъ ей въ пустую комнату перваго класса рюмку коньяку и бутербродъ со свѣжею икрой; не зналъ онъ, что кондукторъ поѣзда, заразившись атмосферой чего-то привлекательно-беззаконнаго, пересадилъ ее изъ третьяго класса въ отдѣльное купе второго и принесъ ей туда двѣ бутылки пива и стаканъ. Не зналъ этого Иванъ и не замѣчалъ, что языкъ Олимпіады Петровны какъ будто бы иногда спотыкается. Онъ только неотразимо чувствовалъ, что въ его положеніи ему не найти лучшей компаніи, что всѣ слова Олимпіады Петровны есть именно тѣ самыя, которыя какъ разъ подходятъ къ его сумбурному душевному настроенію. Онъ

хорошо понималъ, что̀ такая это за фигура передъ нимъ: она такая же заваляща́я, какъ и онъ самъ, и зналъ, что ему не слѣдовало бы «чувствовать» чего-нибудь насчетъ Аннушки, но Аннушкинъ образъ былъ въ немъ, и рѣчи Олимпіады Петровны воскрешали его, выдвигали его опять на первый планъ, затемняя имъ здравую мысль объ исцѣленіи себя трудомъ. Онъ зналъ, что мысли его беззаконны, и что передъ нимъ сидитъ также беззаконница, но въ то же время зналъ, что все это беззаконное необходимо ему теперь.

— Сударыня, барышня!—сказалъ онъ, видя, что бутылки пусты, и не желая прекратить ни бесѣды съ беззаконницей ни своихъ беззаконныхъ мыслей:—дозвольте мнѣ поставить бутылочки четыре, а?.. отъ мужика? Мужикъ тоже душа христіанская.

— Чѣмъ же мужикъ хуже другихъ?

— Вѣрно!.. Ну, вотъ благодаримъ!

Появилось Иваново пиво. Олимпіада Петровна не брезгала и не отказывалась отъ компаніи.

— Все мнѣ одной-то скучнѣй. А тутъ хоть слово съ кѣмъ сказать.

— Вѣрно, вѣрно это...

— Что̀ же я одна-то? Ну, что̀ я безъ него?.. Вотъ и деньги у меня есть... восемьсотъ двадцать пять рублей въ годъ получаю. Отцовская пенсія. Полковникъ отецъ мой былъ, извѣстный. А что̀ мнѣ въ нихъ? Такъ вотъ маешься одна, безъ пристанища... Нѣтъ, ужъ коли разъ полюбишь...

Иванъ Алифановъ зналъ, что такихъ словъ онъ даже «не смѣетъ» слышать, что это грѣхъ и подлость съ его стороны, но не могъ сопротивляться удовольствію беззаконныхъ размышленій и ощущеній и начинавшимъ путаться языкомъ говорилъ:

— Вѣр-рно! вѣрно это!

— И развѣ можно жить безъ любви? Вѣдь ужъ ежели человѣкъ тебѣ по сердцу, то только съ такимъ человѣкомъ и жить. Изъ-за чего же больше? Деньги! Да наплевать мнѣ на деньги безъ того, кого я люблю!..

— Ах-хъ!—вздыхая до глубины самаго больного мѣста подъ сердцемъ, почти стоналъ Иванъ, чувствуя слабость своихъ беззаконныхъ томленій.

Олимпіада Петровна поняла, что рѣчи ея дѣйствуютъ на мужика, и продолжала ихъ неумолчно въ томъ же самомъ направленіи, покуда весь столъ не заставился бутылками и покуда она не заснула тутъ же на диванѣ, не раздѣваясь.

Иванъ Алифановъ, шатаясь, подошелъ къ столу, загасилъ пальцемъ сальный огарокъ свѣчки, чтобы не было пожара, и, спотыкаясь, сталъ спускаться съ лѣстницы. Было уже довольно поздно; вся деревня спала. Лошадь Иванова иззябла и топталась съ ноги на ногу. Иванъ ввалился въ сани и пустилъ лошадь: «иди, куда хошь», а самъ только и думалъ: «вѣрно! вѣрно!» И Аннушка опять одна владѣла всею его мыслью. Все было скверно, и самъ онъ скверенъ, и въ домѣ у него тоска, и вся жизнь его одинъ мусоръ, и жена съ своими горшками одно безобразіе,—все, что онъ пережилъ и чѣмъ теперь жилъ, все одна сплошная подлость, а вотъ Аннушка—вотъ это настоящее! Это вотъ, дѣйствительно, душа. Она только одна и есть во всей его жизни сокровище, солнце, сіяніе. «Если бы съ нею-то, все бы было не такъ, все бы было Богъ знаетъ какъ хорошо!»

И съ этого беззаконнаго вечера Иванъ Алифановъ ознакомился съ совершенно неожиданнымъ для него душевнымъ настроеніемъ: самымъ нѣжнѣйшимъ мечтаніемъ объ Аннушкѣ. Онъ вовсе не пытался ее разыскать, увидать, поговорить—нѣтъ, онъ чувствовалъ, что ему довольно нѣжныхъ мечтаній, что Олимпіада Петровна хорошо надоумила его заняться этими нѣжными мыслями, но зналъ, что безъ пива, безъ постояннаго опьянѣнія все это разлетится вдребезги и онъ окажется по малой мѣрѣ въ дуракахъ. И онъ непрерывно пилъ, постоянно торчалъ у Олимпіады Петровны, постоянно вздыхалъ, слушая ея разсужденія о чувствѣ. Съ сотворенія міра не было сказано въ нашей деревнѣ такого количества словъ о «чувствахъ», какое наболтала въ самое короткое время Олимпіада Петровна въ компаніи съ разнѣжничавшимся мужикомъ. Для разнѣжившагося мужика эта болтовня была какъ бы музыкою, совершенно не напоминавшею ему ни о чемъ пережитомъ, и подъ аккомпанементъ этой музыки онъ пилъ и пилъ, и скоро впалъ въ состояніе безсознательнаго запоя.

IV.

Деревенскія новости, сообщавшіяся мнѣ встрѣчными и поперечными деревенскими жителями во время моихъ зимнихъ поѣздокъ въ деревню, донесли до меня вѣсти о несчастіи, случившемся съ Иваномъ Алифановымъ. Вѣсть, что Иванъ началъ пьянствовать, положительно поразила меня: я не зналъ во всей деревнѣ другого такого крестьянина, вся жизнь котораго шла бы такъ исключительно по

указанію ума, по строго обдуманному плану, какъ шла жизнь Ивана; сдержанность въ каждомъ словѣ, ни лишняго шага, ни ненужнаго поклона, ни навязчивости,—все это рѣшительно выдѣляло его въ толпѣ деревенскихъ людей, повинующихся требованіямъ ежедневной нужды и постоянно ею помыкаемыхъ. Иванъ, какъ мнѣ всегда казалось, жилъ съ какою-то твердо намѣченною цѣлью,—словомъ, зналъ, зачѣмъ жилъ, и зналъ, какъ ему справиться и какъ разобраться. И вотъ этотъ-то, безспорно умный, съ сильною волей человѣкъ вдругъ запьянствовалъ и съ каждымъ днемъ сталъ терять образъ и подобіе даже простого деревенскаго человѣка. Каждый пріѣздъ я узнавалъ про него что-нибудь новое, и все неожиданнѣе и все хуже: то говорили—пьетъ и жену бьетъ; затѣмъ толковали о какой-то «петербургской пьяницѣ», съ которою онъ связался; плели о томъ, что бросилъ жену и пропиваетъ все имущество съ барыней; затѣмъ пошли вѣсти о дракахъ съ желѣзнодорожными служащими, съ волостными властями. Разореніе, распродажа по самой ничтожной цѣнѣ всего имущества, до послѣдней порошинки, какъ своего, такъ и женинаго, и все это слѣдовало съ необыкновенной быстротой. Бѣдная, брошенная Анисья ходила по деревнѣ безпріютная, оборванная, жаловалась начальству на петербургскую «барыню», вопіяла о своемъ пропитомъ имуществѣ, а Иванъ Алифановъ не переставалъ сгорать на огнѣ, не стыдился даже просить у прохожаго на выпивку, снявъ шапку. Видѣть его было ужасно. Онъ, пьяный, уже еле таскалъ больныя ноги, а лошади не было давно; рваный, ободранный, съ опухшимъ, безсмысленнымъ лицомъ, носившимъ признаки близкой смерти, онъ былъ ужасенъ. Говорить съ нимъ не было возможности,—онъ ничего не понималъ, только хрипѣлъ: «водочки!».

Нельзя было сомнѣваться въ его близкой кончинѣ, и, пріѣхавъ въ деревню постомъ, послѣ того, какъ я не былъ въ ней мѣсяца два, я вполнѣ былъ увѣренъ, что кости Ивана давно уже лежатъ въ сырой землѣ. Ни на станціи ни на улицѣ уже не встрѣчалась его пьяная фигура. Въ его домѣ, съ пустымъ дворомъ и воротами, снятыми и пропитыми, было мертво, пусто и темно. Страшно было взглянуть на это еще недавно жилое мѣсто, какъ бурей разметанное по вѣтру злымъ духомъ—русскою сивухой. Я не пытался даже и спрашивать объ Алифановѣ, зная, что онъ уже давно забытъ и забыта его, занесенная снѣгомъ, мо-

гила. Но исторія, случившаяся съ нимъ и такъ меня, да и всю деревню удивившая и интересовавшая, прошла въ жизни деревенскихъ жителей не безслѣдно, и они, какъ оказалось, гораздо больше, чѣмъ я, слѣдили за Иваномъ Алифановымъ.

— А вѣдь Ванька-то Алифановъ поправляется помаленьку! — сказалъ мнѣ по собственному своему желанію одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ и прибавилъ, очевидно, заинтересованный этимъ удивительнымъ дѣломъ:—оживаетъ вѣдь сызнова! Вотъ вѣдь что̀ Господь творитъ!

Это извѣстіе о воскресеніи изъ мертвыхъ человѣка, ясно обреченнаго на смерть и могилу, до такой степени меня обрадовало и умилило, что я самымъ искреннимъ образомъ принялъ объясненіе необыкновеннаго дѣла, сдѣланное крестьяниномъ.

— Да, — сказалъ я: — истинно, братъ, это ужъ дѣло Господнее!.. Это ты вѣрно говоришь!

— И чисто Господнее, напримѣръ, опредѣленіе. А то бы ему окончательно пропасть надо! Да какъ же? Послушай-ка-сь, какъ дѣло-то вышло.

И затѣмъ, частью изъ разсказа этого крестьянина, частью изъ другихъ случайныхъ толковъ со встрѣчными и поперечными, стало мнѣ извѣстнымъ удивительное дѣло воскресенія Ивана изъ мертвыхъ. Господь, который далъ намъ урожай, досугъ, отдыхъ и поправку, наградилъ насъ, по непостижимой Своей премудрости, и трескучими морозами. Морозы въ нынѣшнемъ году и въ концѣ прошлаго года бывали крѣпкіе и лютые. Случаи замерзанія были весьма нерѣдки въ эту зиму, и между прочими жертвами дѣдушки-мороза едва-едва не оказался и Иванъ Алифановъ. Во вьюжную, трескучую ночь, возвращаясь, еле живой, изъ кабака въ свой разоренный домъ, Иванъ Алифановъ, сбитый съ ногъ вѣтромъ, повалился къ подворотнѣ чьего-то дома и, не имѣя силъ встать, покорно отдался во власть вьюгѣ и морозу. Стало заносить его снѣгомъ, заживо наносившимъ надъ нимъ бѣлый могильный курганъ. Стало Ивану тепло и мягко, и онъ навѣрное заснулъ бы навѣки, если бы Господь, покаравъ его за грѣхи (такъ потомъ сообразилъ Иванъ) «досугомъ» и урожаемъ, не пожелалъ и помиловать его уже морозомъ. На полумертваго Ивана натолкнулся мѣстный лавочникъ, возвращавшійся изъ какой-то поѣздки; онъ жилъ въ томъ самомъ домѣ, у воротъ котораго умиралъ Иванъ. Раскопавъ почти засыпаннаго снѣгомъ чело-

вѣка, онъ стащилъ его къ себѣ въ кухню, отогрѣлъ и препроводилъ утромъ къ женѣ.

Иванъ былъ живъ, но почти въ безсознательномъ состояніи; лежа въ своей разоренной избѣ подъ грудою какихъ-то лохмотьевъ, которые удалось кое-откуда набрать Анисьѣ, онъ долго не понималъ, что̀ такое съ нимъ творится и гдѣ онъ находится. Анисья привела фельдшера, который разрѣшилъ ей давать Ивану немного водки (онъ по себѣ зналъ, что нельзя «прерывать сразу») и нашелъ, что Иванъ сильно отморозилъ руки. Иванъ пока не понималъ своего положенія: онъ спалъ подолгу, безсильнымъ сномъ, а открывъ глаза, глядѣлъ ими, но не думалъ. Мысль проснулась въ немъ только тогда, когда онъ попробовалъ пошевелить руками... Пальцы ему не повиновались; ихъ какъ бы не было.

«Безъ рукъ остался!»—мелькнуло въ головѣ Ивана, и ужасъ охватилъ все его существо. Онъ не въ могилѣ, онъ живъ, но никогда онъ не былъ такъ одинокъ и совершенно отдѣленъ отъ всего свѣта, какъ теперь, когда у него не владѣютъ руки. Небо видно въ окно, люди ходятъ по улицѣ, живутъ, работаютъ, земля-матушка, лежащая теперь подъ снѣгомъ, скоро растаетъ и зацвѣтетъ, но все это не для него: онъ оттолкнутъ отъ всего этого, онъ не можетъ теперь войти со всею этою прелестью ни въ какую связь, ни въ какія отношенія. Будетъ расти трава, рожь,—Иванъ не будетъ косить и возить снопы; онъ не будетъ ни запрягать, ни отпрягать, ни ѣхать. Что̀ будетъ дѣлать при немъ Анисья безъ хлѣба, безъ сѣна, безъ скотины? Будь руки,—это основаніе всей жизни Ивана,—и опять бы было все... Но нѣтъ рукъ, и ничего не будетъ, и Анисья уйдетъ въ работницы, и никому онъ не нуженъ—ни поле, ни лѣсъ, ни лугъ не нуждаются въ немъ, отталкиваютъ его отъ себя.

Вотъ въ какую могилу попалъ этотъ живой мертвецъ! И изъ этой могилы жизнь стала казаться ему въ самыхъ чарующихъ о̀бразахъ. Какъ все было удивительно хорошо, пока онъ не очутился въ этой могилѣ,—рай былъ, а не жизнь! И прежде всего въ немъ быстро возникла и созрѣла пламенная любовь къ женѣ. Сразу онъ припомнилъ всѣ восемь лѣтъ ея трудовой жизни съ нимъ, скромной, молчаливой, и она, ненавистная недавно Анисья, явилась передъ нимъ, какъ ангелъ-хранитель. Какъ бы можно съ ней жить, съ такою работящею, тихою бабой!.. Какъ бы съ ней хорошо работать въ полѣ и какъ хорошо въ домѣ!.. Онъ за-

ливался слезами, просилъ у Анисьи прощенія, умолялъ фельдшера лѣчить ему руки. Только бы что-нибудь осталось, только бы можно было за что-нибудь ухватиться, т.-е. какъ-нибудь опять пристать къ труду, и тогда ужъ онъ ко всему опять пристанетъ и присоединится, и все, что ни есть вокругъ него,—все ему надо, все ему подходитъ и со всѣмъ онъ въ связи... И небо, и земля, и дождь, и снѣгъ, и люди, и животныя—все теперь опять вошло съ нимъ въ связь, и онъ опять въ связи со всѣмъ твореніемъ Божіимъ.

— Р-рради Христа, Царя Небеснаго!—рыдая, какъ ребенокъ, умолялъ онъ фельдшера, съ трудомъ подымая свои обмотанныя тряпками руки. — Хоть два бы пальца!.. Анисьюшка, не покинь ты меня!..

Фельдшеръ мазалъ ему чѣмъ-то больныя руки, но говорилъ, что надобно лечь въ больницу; не было денегъ отвезти Ивана въ городъ, и ждали отъ родственниковъ изъ Петербурга. А въ ожиданіи этихъ денегъ въ Иванѣ съ страшною силой обновлялась жажда къ жизни. Все ему казалось очаровательнымъ, благословеннымъ отъ Бога,—такимъ, лучше котораго ничего не можетъ быть; каждая соломинка, точно драгоцѣнное золото, сокровище, рисовалась въ его воображеніи, мечтавшемъ о счастіи труда въ полѣ, въ лѣсу, въ домѣ... И Анисья, эта связь неразрывная со всею прелестью рисовавшейся Ивану жизни, съ каждою минутой принимала въ его глазахъ все бо́льшую и бо́льшую цѣну... Драгоцѣнная, даже неоцѣненная была для него эта Анисья.

— Батюшки мои милые! Родимые мои, спасите меня! Сохраните меня на бѣломъ свѣтѣ!—изнеможенный, еле-еле питавшійся и постоянно обливавшійся слезами отъ сознанія неисчерпаемаго горя быть живымъ внѣ жизни, поминутно вопіялъ Иванъ Алифановъ на всю свою пустую избу и наконецъ былъ-таки отправленъ въ больницу.

— И это именно Господь его спасъ!—толковали деревенскіе обыватели, разбирая неожиданный фактъ воскресенія Ивана.—Именно изъ доброты Своей Господь руки ему отморозилъ, а не что прочее, потому руки-то—весь нашъ капиталъ. У насъ во всемъ наши руки... Вотъ какъ Ванька-то увидалъ, что у него руки-то, храни Богъ, пропадутъ, такъ откуда и разсудокъ опять взялся.—«Лучше бы я замерзъ, говоритъ, чѣмъ если жить придется безрукому!» А я ему говорю:—«Это тебя Господь хотѣлъ образумить, дурака!»—«Виновенъ, говоритъ, я передъ Богомъ въ гордости моей!» Поглядитъ-поглядитъ на лапы-то, зальется

слезами.—«Что̀ я безъ рукъ-то? Ни косить, ни пахать, ни лошадь запрячь, ни воды принесть—ничего!» Подымегъ этакъ къ небу свои завертки, молить Бога:—«Хоть сколько-нибудь сохрани, Господи, чтобы чѣмъ-нибудь взяться можно было—я ужъ какъ-нибудь изловчусь...» Господь-то именно напужалъ его недаромъ, потому что руки есть первое дѣло въ нашемъ положеніи.

— И что̀ же, подживаютъ?

— Фельдшеръ сказывалъ, что, говоритъ, по три конца на каждой рукѣ надобно оторвать. Отрѣжутъ по суставу на трехъ пальцахъ, ну, а впрочемъ, останется еще по два сустава на пальцѣ... Ничего, обойтись можно! Вотъ Богъ-то!.. «Дай-ка я тебѣ пригрожу, будешь ли ты фордыбачить? Какъ оставлю безъ рукъ, такъ и подумаешь, молъ, о своей жизни!..» И думаетъ:—«И что̀ только это мнѣ взбрело, псу?» А Анисья перевязываетъ ему лапы-то и ужъ не промолчитъ:—«Ишь, дохватался!.. Любишь Анютку-то лапищами хватать!.. Попробуй-ка, похватай теперича... Лежитъ, песъ, тише воды, ниже травы!»—«Прости, говоритъ, меня, подлеца! Подруга ты моя законная! Кормилица ты моя!» Понимать сталъ!.. Нѣтъ, ничего, слава Богу, очувствуется... Опять помаленьку... какъ-нибудь... жить будетъ!

— Ну, а та?

— Петербургская-то пьяница? Уѣхала, должно-быть, куда... Слава Богу, хоть Ванька-то уцѣлѣлъ... И за то Бога благодарить надо!

Глубоко обрадовали меня эти вѣсти, и я съ удовольствіемъ жду той минуты, когда Алифановъ придетъ ко мнѣ, покажетъ свои руки и съ удовольствіемъ скажетъ:

— Вѣдь только Богъ спасъ, а то бы гнилъ я давно въ землѣ.

Не думаю я, чтобы съ Алифановымъ могло случиться что-нибудь подобное еще разъ: рѣдки у насъ урожаи и рѣдко балуютъ они человѣка такимъ просторнымъ досугомъ.

XIV. «Выпрямила».

Отрывокъ изъ записокъ Тяпушкина.

I.

...Кажется, въ «Дымѣ» устами Потугина И. С. Тургеневъ сказалъ такія слова: «Венера Милосская *несомнѣнно* принциповъ восемьдесятъ девятаго года». Что̀ же зна-

читъ это загадочное слово: *несомнѣннѣе?* Венера Милосская несомнѣнна, а принципы сомнѣнны? И есть ли наконецъ что-нибудь общаго между этими двумя сомнѣнными и несомнѣнными явленіями?

Не знаю, какъ понимаютъ дѣло «знатоки», но мнѣ кажется, что не только «принципы» стоятъ на той самой линіи, которая заканчивается «несомнѣннымъ», но что даже я, Тяпушкинъ, нынѣ сельскій учитель, даже я, ничтожное земское существо, также нахожусь на той самой линіи, гдѣ и принципы и другія удивительныя проявленія жаждущей совершенства человѣческой души, на той линіи, въ концѣ которой, по нынѣшнимъ временамъ, я, Тяпушкинъ, вполнѣ согласенъ поставить фигуру Венеры Милосской. Да, мы всѣ на одной линіи, и если я, Тяпушкинъ, стою, быть-можетъ, на самомъ отдаленнѣйшемъ концѣ этой линіи, если я совершенно непримѣтенъ по своимъ размѣрамъ, то это вовсе не значитъ, чтобы я былъ сомнѣннѣе «принциповъ», или чтобы принципы были сомнѣннѣе Венеры Милосской. Всѣ мы, я, Тяпушкинъ, принципы и Венера, — всѣ мы одинаково несомнѣнны, т.-е. моя тяпушкинская душа, проявляя себя въ настоящее время въ утомительной школьной работѣ, въ массѣ ничтожнѣйшихъ, хотя и ежедневныхъ волненій и терзаній, наносимыхъ на меня народною жизнью, дѣйствуетъ и живетъ въ томъ же самомъ несомнѣнномъ направленіи и смыслѣ, которые лежатъ и въ несомнѣнныхъ принципахъ и широко выражаются въ несомнѣнности Венеры Милосской.

А то, скажите, пожалуйста, что̀ выдумали: Венера Милосская несомнѣнна, «принципы» уже сомнѣнны, а я, Тяпушкинъ, сидящій почему-то въ глуши деревни, измученный ея настоящимъ, опечаленный и поглощенный ея будущимъ, — человѣкъ, толкующій о лаптяхъ, деревенскихъ кулакахъ и т. д., — я-то будто бы ужъ до того ничтоженъ, что и мѣста на свѣтѣ мнѣ нѣтъ!

Напрасно! Именно потому-то, что я вотъ въ ту самую минуту, когда пишу это, сижу въ холодной, по всѣмъ угламъ промерзшей избенкѣ, что у меня, благодаря негодяю-старостѣ, развалившаяся печка набита сырыми, шипящими и распространяющими угаръ дровами, что я сплю на голыхъ доскахъ подъ рваным полушубкомъ, что меня хотятъ «поѣдомъ съѣсть» чуть не каждый день — именно потому-то я и не могу, да и не желаю устранить себя съ той самой *линіи*, которая и черезъ принципы и черезъ сотни дру-

гихъ великихъ явленій, благодаря которымъ выросталъ человѣкъ, приведетъ его, быть-можетъ, къ тому совершенству, которое даетъ возможность чуять Венера Милосская. А то, изволите видѣть: «тамъ, молъ, красота и правда, а тутъ, у васъ, *только* мужицкіе лапти, рваные полушубки да блохи!» Извините!..

Все это я пишу по слѣдующему, весьма неожиданному для меня обстоятельству. Былъ я вчера, благодаря масленицѣ, въ губернскомъ городѣ, частью по дѣламъ, частью за книжками, частью посмотрѣть, что тамъ дѣлается вообще. И, за исключеніемъ нѣсколькихъ дѣльно занятыхъ минутъ, проведенныхъ въ лабораторіи учителя гимназіи, — минутъ, посвященныхъ наукѣ, разговору «не отъ міра сего», напоминавшему монашескій разговоръ въ монашеской кельѣ,—все, что я видѣлъ за предѣлами этой кельи, по истинѣ меня растерзало; я никого не осуждаю, не порицаю, не могу даже выражать согласія или несогласія съ убѣжденіями тѣхъ лицъ «губерніи», губернской интеллигенціи, которую я видѣлъ, — нѣтъ! Я изнывалъ душой въ какихъ-нибудь пять-шесть часовъ пребыванія среди губернскаго общества именно потому, что не видѣлъ и признаковъ этихъ убѣжденій, что вмѣсто нихъ есть какая-то печальная, плачевная необходимость увѣрять себя, всѣхъ и каждаго въ необходимости дѣлать огромныя усилія ума и совѣсти, чтобы построить свою жизнь на явной лжи, фальши и риторикѣ.

Я уѣхалъ изъ города, ощущая огромный кусокъ льду въ моей груди; ничего не нужно было сердцу, и умъ отказывался отъ всякой работы. И въ такую-то мертвую минуту я былъ неожиданно взволнованъ слѣдующей сценой:

— Поѣздъ стоитъ двѣ минуты! — второпяхъ, пробѣгая по вагонамъ, возвѣстилъ кондукторъ.

Скоро я узналъ, отчего кондукторъ долженъ былъ такъ поспѣшно пробѣжать по вагонамъ, какъ онъ пробѣжалъ: оказалось, что въ эти двѣ минуты нужно было посадить въ вагоны третьяго класса огромную толпу новобранцевъ послѣдняго призыва изъ нѣсколькихъ волостей.

Поѣздъ остановился; былъ пятый часъ вечера; сумракъ уже густыми тѣнями легъ на землю; снѣгъ большими хлопьями падалъ съ темнаго неба на огромную массу народа, наполнявшую платформу: тутъ были жены, матери, отцы, невѣсты, сыновья, братья, дядья — словомъ, масса народа. Все это плакало, было пьяно, рыдало, кричало, прощалось. Какіе-то энергическіе кулаки, какіе-то поднятые

локти, жесты пихающихъ рукъ, дружно направленные на массу и среди массы, сдѣлали то, что народъ валилъ на вагоны, какъ испуганное стадо, валился между буферами, бормоча пьяныя слова, валялся на платформѣ, на тормозѣ вагона, лѣзъ и падалъ, и плакалъ, и кричалъ. Послышался трескъ стеколъ, разбиваемыхъ въ вагонахъ, биткомъ набитыхъ народомъ; въ разбитыя окна высунулись головы, растрепанныя, разрѣзанныя стекломъ, пьяныя, заплаканныя, хриплыми голосами кричавшія что-то, вопіявшія о чемъ-то.

Поѣздъ умчался.

Все это продолжалось буквально двѣ-три минуты; и это потрясающее «мгновеніе» воистину потрясло меня; точно огромный пластъ сырой земли былъ оторванъ невѣдомою силой, оторванъ какимъ-то гигантскимъ плугомъ отъ своего исконнаго мѣста, оторванъ такъ, что затрещали и оборвались живые корни, которыми этотъ пластъ земли приросъ къ почвѣ, оторванъ и унесенъ невѣдомо куда... Тысячи избъ, семей представились мнѣ какъ бы ранеными, съ оторванными членами, предоставленными собственными средствами залѣчивать эти раны, «справляться», заращивать раненыя мѣста.

Умышленное «заговариваніе» хорошими словами душевной неправды, умышленное стремленіе не жить, а только соблюсти обличье жизни — впечатлѣніе, привезенное мною изъ города, — слившись съ этой «сущей правдой» деревенской жизни, мелькнувшей мнѣ въ двухминутной сценѣ, отразились во мнѣ ощущеніемъ какого-то безпредѣльнаго несчастія, ощущеніемъ, не поддающимся описанію.

Воротившись въ свой уголъ, непривѣтливый, холодный, съ промерзлыми подоконниками, съ холодной печью, я былъ такъ подавленъ сознаніемъ этого несчастія вообще, что невольно и самъ почувствовалъ себя самымъ несчастнѣйшимъ изъ несчастнѣйшихъ существъ. «Вотъ что̀ вышло!» — подумалось мнѣ, и, припомнивъ какъ-то сразу всю мою жизнь, я невольно глубоко закручинился надъ нею: вся она представилась мнѣ какъ рядъ непривѣтливѣйшихъ впечатлѣній, тяжелыхъ сердечныхъ ощущеній, безпрестанныхъ терзаній безъ просвѣта, безъ малѣйшей тѣни тепла, холодная, истомленная, а сію минуту не дающая возможности видѣть и впереди ровно ничего ласковаго.

Затопивъ печку сырыми дровами, я закутался въ рваный полушубокъ и улегся на самодѣльную деревянную кровать лицомъ въ набитую соломой подушку. Я заснулъ, но спалъ, чув-

ствуя каждую минуту, что «несчастіе» сверлитъ мой мозгъ, что горе моей жизни точитъ меня всего каждую секунду. Мнѣ ничего непріятнаго не снилось, но что-то заставляло глубоко вздыхать во снѣ, непрестанно угнетало мой мозгъ и сердце. И вдругъ, во снѣ же, я почувствовалъ что-то другое; это другое было такъ непохоже на то, что̀ я чувствовалъ до сихъ поръ, что я хотя и спалъ, а понялъ, что со мной происходитъ что-то хорошее; еще секунда — и въ сердцѣ у меня шевельнулась какая-то горячая капля, еще секунда — что-то горячее вспыхнуло такимъ сильнымъ и радостнымъ пламенемъ, что я вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ вздрагиваютъ дѣти, когда они растутъ, и открылъ глаза.

Сознанія несчастія какъ не бывало; я чувствовалъ себя свѣжо и возбужденно, и всѣ мои мысли, тотчасъ же, какъ только я вздрогнулъ и открылъ глаза, сосредоточились на одномъ вопросѣ:

— Что̀ *это* такое? Откуда *это* счастье? Что̀ именно мнѣ вспомнилось? Чему я такъ обрадовался?

Я такъ былъ несчастливъ вообще и такъ былъ несчастенъ въ послѣдніе часы, что мнѣ непремѣнно нужно было возстановить это воспоминаніе, обрадовавшее меня во снѣ; мнѣ стало страшно даже думать, что я не вспомню, что для меня опять останется все только то, что̀ было вчера и сегодня, включительно до этого полушубка, холодной печки, неуютной комнаты и этой буквально «мертвой тишины» деревенской ночи.

Не замѣчая ни холода моей комнаты ни ея непривѣтливости, я курилъ папиросу за папиросой, широко открытыми глазами всматриваясь въ тьму и вызывая въ моей памяти все, что̀ въ моей жизни было въ *этомъ* родѣ.

Первое, что̀ припомнилось мнѣ и что̀ чуть-чуть подходило къ *тому* впечатлѣнію, отъ котораго я вздрогнулъ и проснулся, — странное дѣло! — была самая ничтожная деревенская картинка. Не вѣдаю почему, припомнилось мнѣ, какъ я однажды, проѣзжая мимо сѣнокоса въ жаркій лѣтній день, засмотрѣлся на одну деревенскую бабу, которая ворошила сѣно; вся она, вся ея фигура съ подобранной юбкой, голыми ногами, краснымъ повойникомъ на маковкѣ, съ этими граблями въ рукахъ, которыми она перебрасывала сухое сѣно справа налѣво, была такъ легка, изящна, такъ «жила», а *не работала*, жила въ полной гармоніи съ природой, съ солнцемъ, вѣтеркомъ, съ этимъ сѣномъ, со всѣмъ ландшаф-

томъ, съ которымъ были слиты и ея тѣло и ея душа (какъ я думалъ), что я долго-долго смотрѣлъ на нее, думалъ и чувствовалъ только одно: «какъ хорошо!»

Напряженная память работала неустанно: образъ бабы, отчетливый до мельчайшихъ подробностей, мелькнулъ и исчезъ, давъ дорогу другому воспоминанію и образу: нѣтъ ужъ ни солнца, ни свѣта, ни аромата полей, а что-то сѣрое, темное, и на этомъ фонѣ — фигура дѣвушки строгаго, почти монашескаго типа. И эту дѣвушку я видѣлъ также со стороны, но она оставила во мнѣ также свѣтлое, «радостное» впечатлѣніе потому, что та глубокая печаль — печаль о *не своемъ горѣ,* которая была начертана на этомъ лицѣ, на каждомъ ея малѣйшемъ движеніи, была такъ гармонически слита съ ея личною, собственною ея печалью, до такой степени эти двѣ печали, сливаясь, дѣлали ее *одну*, не давая ни малѣйшей возможности проникнуть въ ея сердце, въ ея душу, въ ея мысль, даже въ сонъ ея, чему-нибудь такому, что̀ бы могло «не подойти», нарушить гармонію самопожертвованія, которое она олицетворяла, — что при одномъ взглядѣ на нее всякое «страданіе» теряло свои пугающія стороны, дѣлалось дѣломъ простымъ, легкимъ, успокаивающимъ и, главное, *живымъ*, что вмѣсто словъ: «какъ страшно!» заставляло сказать: «какъ хорошо! какъ славно!».

Но и этотъ образъ ушелъ куда-то, и долго-долго моя напряженная память ничего не могла извлечь изъ безконечнаго сумрака моихъ жизненныхъ впечатлѣній; но она напряженно и непрестанно работала, она металась, словно искала кого-то или что-то по какимъ-то темнымъ закоулкамъ и переулкамъ, и я почувствовалъ наконецъ, что вотъ-вотъ она куда-то приведетъ меня, что... вотъ ужъ близко... гдѣ-то здѣсь... еще немножко... Что̀ это?

Хотите — вѣрьте, хотите — нѣтъ, но я вдругъ, не успѣвъ опомниться и сообразить, очутился не въ своей берлогѣ съ полуразрушенною печью и промерзлыми углами, а ни много ни мало — въ Луврѣ, въ той самой комнатѣ, гдѣ стоитъ она, Венера Милосская... Да, вотъ она теперь совершенно ясно стоитъ передо мною, точь въ точь такая, какою ей быть надлежитъ, и я теперь ясно вижу, что вотъ это самое и есть то, отъ чего я проснулся; и тогда, много лѣтъ тому назадъ, я также проснулся передъ ней, также «хрустнулъ» всѣмъ своимъ существомъ, какъ бываетъ, «когда человѣкъ растетъ», какъ было и въ нынѣшнюю ночь.

Я успокоился: больше не было въ моей жизни ничего *такого*; ненормальное напряженіе памяти прекратилось, и я спокойно сталъ вспоминать, какъ было дѣло.

II.

...Какъ давно это было! Не меньше, какъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ довелось быть мнѣ въ Парижѣ. Въ то время я давалъ уроки у Ивана Ивановича Полумракова. Лѣтомъ семьдесятъ второго года Иванъ Ивановичъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, а также и сестра жены Ивана Ивановича съ супругомъ и дѣтьми собрались за границу. Предполагалось такъ, что я буду находиться при дѣтяхъ, а они, Полумраковы и Чистоплюевы, будутъ «отдыхать». Я считался у нихъ дикимъ нигилистомъ; но они охотно держали меня при дѣтяхъ, полагая, что нигилисты хотя и вредные люди и притомъ весьма ограниченнаго міросозерцанія, тупые и узколобые, но во всякомъ случаѣ «не врутъ», а Полумраковы и Чистоплюевы и тогда уже чувствовали, что они по отношенію къ наивнымъ и простымъ дѣтскимъ вопросамъ поставлены въ положеніе довольно неловкое: «врать совѣстно», а «правду сказать» страшно, и принуждены были поэтому на самые жгучіе и важные вопросы дѣтей отвѣчать какими-то фразами средняго смысла, въ родѣ того, что: «тебѣ это рано знать», «ты этого не поймешь», а иногда, когда уже было особенно трудно, то просто говорили: «Ахъ, какой ты мальчикъ! Ты видишь, папа занятъ».

Такъ вотъ и предполагалось, что я, нигилистъ, буду дѣлать ихнимъ дѣтямъ «опредѣленное», хотя и ограниченное, узколобое міросозерцаніе, а они, родители, будутъ гулять по Парижу. Но рѣшительно не знаю, благодаря какой комбинаціи случилось такъ, что дамы и дѣти въ сопровожденіи компаньонки и какого-то стараго генерала очутились гдѣ-то на морскомъ берегу, а мужья и я остались въ Парижѣ «на нѣсколько дней». Замѣчательно при этомъ, что и дамы, уѣзжая, были очень со мною любезны, говорили даже, что оставляютъ мужей «на мое попеченіе». Теперь я догадываюсь, что, кажется, и у дамъ были относительно меня тѣ же взгляды и тѣ же расчеты, которые вообще исповѣдывали всѣ онѣ относительно нигилистовъ, т.-е., что хотя и тупъ, и дикъ, и ограниченъ, и окурки кладу чуть не въ стаканъ съ чаемъ, но что все-таки мое «ограниченное» міросозерцаніе заставитъ какъ Ивана Ивановича, такъ и

Николая Николаевича вести себя въ моемъ присутствіи не такъ ужъ развязно, какъ это, вѣроятно, было бы, если бы они за отъѣздомъ женъ остались въ Парижѣ одни съ своимъ широкимъ міросозерцаніемъ. «Все-таки они посовѣстятся *его*!» — вотъ, кажется, что̀ именно думали дамы, любезно оставляя меня въ Парижѣ съ своими мужьями.

Времени, отпущеннаго намъ для отдыха, было чрезвычайно мало, а Парижъ такъ великъ, огроменъ, разнообразенъ, что надобно было дорожить каждой минутой. Помню поэтому какую-то спѣшную ходьбу по ресторанамъ, по пассажамъ, по бульварамъ, театрамъ, загороднымъ мѣстамъ. Нѣкоторое время—куча впечатлѣній, безъ всякихъ выводовъ, хотя на каждомъ шагу кто-нибудь изъ насъ непремѣнно произносилъ фразу: «А у насъ, въ Россіи...» А за этой фразой слѣдовало всегда что-нибудь ироническое или даже нелѣпое, но заимствованное прямо изъ русской жизни.

Сравненія всегда были не въ пользу отечества.

Такая невозможность разобраться въ массѣ впечатлѣній осложнялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1872 г. Парижъ уже не былъ исключительно тѣмъ разнохарактернымъ «тру-ля-ля», какимъ привыкъ его представлять себѣ русскій досужій человѣкъ. Только-что кончились война и коммуна, и еще дѣйствовали военные версальскіе суды; за рѣшеткой Вандомской колонны еще валялась груда мусора и камней, напоминая о ея недавнемъ разрушеніи; въ зеркальныхъ стеклахъ ресторановъ виднѣлись звѣздообразныя трещины коммунальныхъ пуль; тѣ же слѣды пуль—маленькіе, бѣленькіе кружочки съ ободкомъ черной копоти—массами пестрили фасады величественныхъ храмовъ, законодательнаго собранія, общественныхъ зданій. Вотъ у статуи богини «Правосудія» невѣдомо куда отскочилъ носъ, да и у «Справедливости» не совсѣмъ хорошо на правомъ вискѣ, и среди всего этого—мрачныя развалины Тюльери съ высовывающимися рыжими отъ огня желѣзными жердями, стропилами. Вообще на каждомъ шагу видно было, что какая-то грубая, жестокая, незнакомая съ перчаткою рука нанесла всему этому недавно еще раззолоченному «тру-ля-ля» оглушительную пощечину. Такимъ образомъ, хотя Парижъ «тру-ля-ля» и дѣйствовалъ уже попрежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, но въ этомъ дѣйствованіи нельзя было не примѣтить какого-то усилія; пощечина ярко горѣла на физіономіи, старавшейся быть веселой и безпечной, и сочетаніе разухабистыхъ звуковъ возродившейся изъ пепла

шансонетки съ звуками «рррран...», раздававшимися въ саторійскомъ лагерѣ и свидѣтельствовавшими о томъ, что тамъ кого-то убиваютъ, невольно примѣшивало къ разнообразію впечатлѣній парижскаго дня непріятное, мѣшающее свободному ихъ воспринятію, чувство стыда, даже какъ бы позора. Вотъ почему, между прочимъ, намъ и было весьма трудно разобраться въ нашихъ впечатлѣніяхъ: набѣгаемся за день, наглядимся, наѣдимся, насмотримся, наслушаемся, еще разъ и два наѣдимся и напьемся, а воротимся въ свою гостиницу—и можемъ только бормотать что-то очень неопредѣленное, хотя и разнообразное, и даже безконечно разнообразное.

Рѣшительно не могу припомнить, какимъ образомъ удалось намъ наконецъ уловить одну черту, показавшуюся намъ весьма существенною, отличающею «насъ» отъ «нихъ», и мы крѣпко за нее ухватились, какъ за путеводную нить.

Подалъ намъ, напримѣръ, слуга завтракъ въ загородномъ ресторанчикѣ, а самъ тутъ же, неподалеку отъ насъ, сѣлъ читать газету, и мы, руководимые уловленною нами нитью, уже не преминемъ по окончаніи завтрака разсуждать объ этомъ обстоятельствѣ такимъ образомъ:

— Да, личность-то человѣческая здѣсь цѣла и сохранна! Вотъ онъ—лакей, слуга, тарелки подаетъ, служитъ изъ-за куска хлѣба, но онъ—человѣкъ! Это не то, что нашъ лакей, который даже безплатно будетъ передъ вами холопствовать; мало того, что будетъ тарелки подавать, задохнувшись отъ благоговѣнія, что «ѣдятъ хорошіе господа», но и лицо-то сдѣлаетъ холопское, и будетъ не ходить, а бросаться съ тарелками, вспотѣетъ весь отъ умиленія. А это далеко не то! Онъ—человѣкъ, его все интересуетъ; онъ беретъ себѣ пять процентовъ съ истраченнаго вами франка—и конецъ. Нѣтъ, это не лакей!

Кокотки, бульварныя дамы также оказались всѣ до единой не только кокотками, но человѣками.

— Это не то, что у насъ по Невскому несется въ участокъ на извозчикѣ какая-нибудь трагедія съ подбитымъ глазомъ или совершенно спокойно, какъ мужикъ, во все горло выкрикивающій: «сбитень хорошъ!», приглашаетъ среди бѣлаго дня пойти съ ней погулять, полагая, что это гулянье нѣчто въ родѣ должности, — недаромъ начальство выдало ей документъ. Нѣтъ, тутъ не то! Тутъ хоть она и занимается «этими дѣлами», но въ ней живъ человѣкъ; она и этими дѣлами займется и книжку почитаетъ. Что-жъ

дѣлать? Это ужъ такой строй, — ничего не подѣлаешь! Я какъ-то совершенно случайно (Иванъ Ивановичъ сказалъ эти слова какъ-то въ сторону, да и Николай Николаевичъ также при этихъ словахъ какъ будто бы покосился куда-то внизъ и вбокъ) разговорился вотъ тутъ на бульварѣ съ одной... не помню ужъ, мороженое, что ли, ѣлъ—такъ вѣдь это, батюшка, умъ! Вѣдь это живая, блестящая бесѣда! «Этими дѣлами»! Эти дѣла — сами собой, а человѣкъ-то сознаётъ свое человѣческое достоинство! Вотъ въ чемъ штука-то!

Попали мы въ версальскіе военные суды, гдѣ въ то время «раздѣлывались съ коммунарами». Раздѣлывались съ ними безъ всякаго милосердія. Въ полтора часа разбиралось по пятнадцати дѣлъ, при чемъ, что̀ бы ни лепеталъ въ свое оправданіе подсудимый, большею частью несчастнѣйшаго вида портной, сапожникъ, подмастерье, господа судьи, обнаживъ свои головы передъ великими словами: «au nom du peuple français», упекали его въ Кайену, Нумею... Камеръ для этихъ судовъ было настряпано пропасть; простыми досками были разгорожены огромныя казарменныя комнаты на четыре, на шесть клѣтушекъ, и въ каждой клѣтушкѣ упекали людей.

— Такъ вѣдь что-жъ, батюшка? Тутъ вѣдь борьба! Два порядка, два міросозерцанія стоятъ другъ противъ друга. Какія же тутъ послабленія, снисхожденія?.. Чья возьметъ! Это не то, что у насъ упекутъ въ Сибирь бабу, которая, не помня себя, родила и задушила ребенка, а потомъ сами же упекатели и собираютъ ей на дорогу. И несправедливо и глупо. Нѣтъ, здѣсь открыто, ясно, просто — кто кого! Здѣсь люди, батюшка, люди, каждый шагъ свой на землѣ отстаивающіе съ борьбой и кровью... Тутъ нѣтъ гуманной болтовни, отъ которой тошнитъ, какъ у насъ, и которая вовсе не обезпечиваетъ васъ отъ того, что гуманно болтающій человѣкъ не упечетъ васъ къ чорту на рога по личной злобѣ, ради мелкой зависти... Нѣтъ, здѣсь люди — «человѣки», живутъ и дѣлаютъ безъ фальши, а только по-человѣчески... Ну, а ужъ что̀ дѣлать, если человѣкъ вообще плохъ!

Заглянули въ парламентъ, помѣщавшійся тогда тамъ же, въ Версали. И здѣсь все оказалось вполнѣ по-человѣчески.

— Это, батюшка, не то, что у насъ какой-нибудь чинодралъ или чиноперъ, безжизненнѣйшая мертвая душа, строчитъ какія-то безсмысленнѣйшія бумаги и не задумается раскас-

нить всякаго, кто усомнится въ живомъ значеніи исписаннаго бумажнаго листа. У насъ бумага, чернила—сушь, а жизнь—что̀ твой свиной хлѣвъ. Здѣсь совсѣмъ не то: здѣсь вездѣ жизнь—и на улицѣ и въ парламентѣ. Какова есть, такой ее и получите. Вонъ, посмотрите-ка направо-то: поѣлъ, позавтракалъ—брюхо-то тянетъ на покой. А Гамбетта, поглядите-ка, по животу-то себѣ гладитъ, тоже перекусилъ, парнишка, должно-быть, плотно! Что-жъ? Ничего!.. Три часа—брюхо давно уже разговариваетъ... Отчего-жъ не перекусить? А галдятъ-то! Да всѣ они немножечко подгуляли за завтракомъ... коньячишко еще не прошелъ... Право, ничего! Не безпокойтесь! То, что̀ нужно для живого дѣла, сдѣлаютъ. Живое дѣло не велико, просто! Это у насъ только «не пимши, не ѣмши» убиваются по цѣлымъ годамъ, стулья кожаные просиживаютъ до дыръ, издыхаютъ, что̀ называется, за строченьемъ бумагъ, а все толку нѣтъ! Нѣтъ, здѣсь жизнь, здѣсь люди, человѣки; здѣсь, батюшка, все по-человѣчески! безъ прикрасъ, безъ фразъ!

А когда мы на денекъ, на два попали въ Лондонъ, такъ ужъ тутъ «правда» осадила насъ со всѣхъ сторонъ, на каждомъ шагу, во всѣхъ видахъ и во всѣхъ смыслахъ.

Въ какомъ-то «настоящемъ» англійскомъ ресторанѣ за пять шиллинговъ, вмѣсто разнообразнаго пятифранковаго парижскаго обѣда, намъ *три раза* кряду дали одно и то же блюдо, три раза мы могли потребовать и съѣсть по хорошему куску мяса какого-то дикаго животнаго, которое въ жареномъ видѣ разъѣзжало въ какомъ-то экипажѣ на колесахъ по ресторану (гдѣ всѣ посѣтители хранили мертвое молчаніе), останавливаясь тамъ, гдѣ замѣтна была пустая тарелка.

— Такъ, именно, такъ! — сказалъ восторженно Иванъ Ивановичъ, когда мы дѣйствительно наѣлись до отвала этимъ блюдомъ и вышли на улицу. — Разъ, — продолжалъ онъ:—жизнь правдива, безъ фальши, она должна быть правдива во всемъ. Человѣкъ бѣгаетъ, трудится, работаетъ настоящимъ образомъ отъ зари до зари, ему нужна настоящая пища, его не зачѣмъ надувать ордеврами и разносолами. Ѣсть, такъ ужъ ѣсть какъ слѣдуетъ, и вотъ вамъ за пять шиллинговъ одно блюдо! Это великолѣпно!

Англійская «правда» оказывалась гораздо ужъ выше французской, въ чемъ мы скоро убѣдились самымъ неотразимымъ фактомъ. Надоумилъ насъ кто-то (кажется, г. Бедекеръ) съѣздить въ Гринвичъ и съѣсть тамъ знаме-

питый парламентскій обѣдъ — «маленькую рыбку». Обѣдъ этотъ ни по своей цѣнѣ ни по своей «знаменитости», очевидно, не могъ быть тѣмъ дѣловымъ обѣдомъ дѣлового человѣка, который такъ насъ восхитилъ своей «правдой». Это ужъ должно было быть что-то особенно изысканное. Каково же было наше удивленіе, когда и этотъ знаменитый обѣдъ еще разъ убѣдилъ насъ въ томъ, что тамъ, гдѣ въ основаніи жизни лежитъ «правда», тамъ для лжи, для притворства, для выдумки нѣтъ мѣста даже въ самыхъ мельчайшихъ проявленіяхъ жизненнаго обихода. Обѣдъ состоялъ изъ множества рыбныхъ блюдъ; маленькая рыбка, гужонъ, пескарь, фигурировала на первомъ планѣ, и блюда съ маленькой рыбкой только изрѣдка перемежались блюдомъ лососины или какой-нибудь другой рыбы. Но ни маленькая рыбка, ни лососина, никакая другая изъ числа рыбъ, появлявшихся эа этимъ обѣдомъ, не была подана въ какомъ-нибудь такомъ «притворномъ» и неправдивомъ видѣ, чтобы, съѣвъ ее, можно было по совѣсти сказать: «какъ вкусно!» Лососина пахла лососиной, лучше сказать—тѣмъ рыбнымъ запахомъ, которымъ пахнетъ бумага или рука, прикоснувшаяся къ рыбѣ. Правдивая англійская фантазія не могла сфальшивить такъ, какъ сфальшивила бы французская. Точно такимъ же натуральнымъ, правдиво-рыбьимъ запахомъ отдавали и всѣ прочіе посторонніе кусочки постороннихъ рыбъ, появлявшіеся за обѣдомъ.

Что же касается героя обѣда, «пескаря», то безукоризненно правдивая англійская мысль и тутъ не могла подняться до шарлатанства и выдумки, и единственно, на что у нея хватило смѣлости, такъ это только на то, чтобы дать одному блюду маленькой рыбки хоть какое-нибудь отличіе отъ другого. Это отличіе и было сдѣлано помощью перца: то рыбка является обжаренною въ простомъ перцѣ, то въ кайенскомъ, то въ легкой пропорціи, то посильнѣе, то еще полегче или еще позаористѣе, при чемъ рыбка сама собой сохранила свой натуральный рыбій запахъ и непремѣнно пахла чортъ знаетъ чѣмъ. Послѣ десятка такихъ тонкихъ блюдъ, когда уже и усы, и салфетки, и платки, и руки,— словомъ, все, что на васъ и около васъ, стало пахнуть рыбой и рѣчной водой, появился послѣдній, заключительный экземпляръ маленькой рыбки, который, какъ оказалось впослѣдствіи, достойно увѣнчалъ зданіе правдиваго обѣда. Эта послѣдняя рыбка, чрезвычайно маленькая, лежала на большой бѣлой тарелкѣ безъ всякихъ украшеній

и аксессуаровъ, какъ-то одиноко и загадочно: ея маленькое тѣло было искривлено какъ бы предсмертной конвульсіей, да и одиночество ея на бѣлой тарелкѣ было также нѣсколько таинственно. Всматриваясь въ этотъ вѣнецъ зданія, я однако не нашелъ ничего особенно таинственнаго, за исключеніемъ какихъ-то крошечныхъ красненькихъ пылинокъ, которыя усѣевали все ея тщедушное тѣло. Но когда, взявъ ее за хвостъ, всѣ мы открыли рты и, думая проглотить это ничтожество, безпечно понесли его, куда слѣдовало, то рты наши ужъ не могли закрыться: маленькая тварь вонзилась въ горло, какъ раскаленная игла, жгла ротъ, гортань и, послѣ страшныхъ усилій, проскользнувъ далѣе, обожгла все горло и, какъ миноноска, занмыгала въ желудкѣ, пытаясь взорвать его въ двадцати мѣстахъ.

Минуты двѣ мы отпивались отъ этого «кушанья» сельтерской, содовой водой и виномъ и, только очувствовавшись, наконецъ могли издавать членораздѣльные звуки.

— Да!—сказалъ Иванъ Ивановичъ довольно загадочно и вновь припалъ къ содовой водѣ.

— Вотъ чортъ-то!—сказалъ Николай Николаевичъ, который почему-то началъ чихать и, отчихавшись, прибавилъ: — это ужъ не перецъ... а это что-то... бенгальскій огонь какой-то... дьяволъ его возьми!

— Но не правда ли, до какой степени они глубоко правдивы? — сказалъ наконецъ Иванъ Ивановичъ.—Вѣдь изъ этакого обѣда чего бы только ни натворилъ французъ? Вѣдь это было бы вавилонское столпотвореніе! А эти нѣтъ! Не хватаетъ на выдумку, на притворство... Дѣло, дѣло, дѣло! Реальная дѣловая мысль работаетъ упорно, безостановочно, по вершочку идетъ впередъ и впередъ... а вотъ на соусъ, на куплетъ, на курбетъ неспособна! Правда! правда!—вотъ гдѣ корень всей этой жизни!

И затѣмъ, по пословицѣ: «на ловца и звѣрь бѣжитъ», все, что мы ни видѣли въ Лондонѣ, все поражало насъ со стороны неподдѣльной правды и полной безыскусственности.

Если попадалась нищета, такъ ужъ это было такая голь, такой ужасъ, такая грязь, что можно было только остановиться, остолбенѣть и глядѣть въ истинномъ ужасѣ на безукоризненно-ясное явленіе жизни; даже той приличной внѣшности, которою французская парижская нищета можетъ прикрывать себя, покупая за три-четыре франка рубашку, блузу, шапку и туфли, и той здѣсь нѣтъ и помину; цѣлыя гирлянды нищихъ дѣтей, цѣлыя кучи ихъ, кучи какой-то

рвани, грязи лепешками на больныхъ лицахъ, грязи въ лысыхъ мѣстахъ больной головы — копошатся по нищенскимъ переулкамъ. Да, это ужъ точно нищета! Не прикрытая! Гляди—и всю жизнь не забудешь этой «правды» теперешняго человѣческаго общества.

Но зато ужъ и богатство, такъ тоже настоящее богатство!

Посмотрите-ка вотъ на этого бѣлотѣлаго истукана съ сигарою въ углу рта, пробирающагося, вѣроятно, въ паркъ на какомъ-то необыкновенномъ инструментѣ (нельзя сказать—«экипажѣ»). Истуканъ сидитъ на какомъ-то крошечномъ сидѣньицѣ, изъ-подъ котораго въ разныя стороны вылѣзаютъ какія-то стальныя нити, какъ огромныя ноги паука. Онъ весь на воздухѣ, высоко надъ толпой, а подъ нимъ какъ будто ничего нѣтъ, только блистаютъ на солнцѣ какія-то стальныя иглы, а что это—колеса или ноги стального паука, — не разберешь. Поглядите на него, и одинъ видъ, одна «порода», которая видна въ немъ, скажетъ вамъ, что онъ органически *не можетъ* понять, что̀ такое за существа копошатся у колесъ его паукообразнаго инструмента. Онъ органически безжалостенъ къ нищетѣ, къ этимъ маленькимъ, замореннымъ, почернѣвшимъ отъ каменноугольнаго дыма человѣчкамъ.

Словомъ, изъ Лондона мы вывезли довольно цѣнное впечатлѣніе: «Вотъ она, жизнь, въ основѣ которой лежитъ неприкрашенная правда человѣческая! Гляди и учись!»

III.

Однако, несмотря на обиліе матеріала, почерпнутаго нами въ эти дни бѣготни и касавшагося правды человѣческихъ отношеній, до которыхъ успѣло дожить человѣчество, по возвращеніи въ Парижъ намъ стало почему-то скучно. Въ одинъ сѣренькій день, продолжая «досматривать» недосмотрѣнное, мы лазали безъ малѣйшаго удовольствія въ парижскихъ катакомбахъ, гдѣ множество боковыхъ галлерей было еще охраняемо стражей или загорожено цѣпями; это дѣлалось для того, чтобы иностранецъ не наткнулся въ этихъ запутанныхъ галлереяхъ на трупы коммунаровъ, которые, говорятъ, бросились въ катакомбы спасаться отъ версальцевъ, заблудились тамъ и погибли въ большомъ количествѣ. Видѣли также и въ тотъ же день знаменитый моргъ съ массою труповъ, положенныхъ передъ глазами зрителей весьма прилично и невозмутительно; только вотъ тряпье, рвань, снятая съ этихъ мертвецовъ,

утонувшихъ, угорѣвшихъ, застрѣлившихся, отравившихся,— рвань, развѣшенная тутъ же около труповъ на веревочкахъ, для того, чтобы можно было узнать погибшаго по платью, если нельзя было узнать по лицу,—этотъ хламъ говорилъ о горькой безысходной бѣдности. У одной молодой женщины подошвы ногъ, обращенныя къ публикѣ, были сплошной мозолью—поработала бѣдняга на своемъ вѣку! Хотѣлибыло идти въ знаменитыя клоаки, но путеводитель такъ расписалъ ихъ, что просто духъ захватило: можете представить, что однихъ (прошу извинить за неэстетическую картину) выкидышей человѣческихъ, которые плаваютъ тамъ, въ этихъ смрадныхъ водахъ (извините, сдѣлайте милость), онъ считалъ десятками тысячъ.

Иванъ Ивановичъ ужъ не говорилъ, что: «а все-таки неприкрытая правда — гляди, страдай и учись»; напротивъ, онъ предложилъ разсѣяться отъ этихъ впечатлѣній дня— все трупы! Въ однѣхъ катакомбахъ три милліона скелетовъ, въ моргѣ съ десятокъ «свѣжихъ» покойниковъ да въ клоакахъ сулили тысячи мертвецовъ. Слѣдовало немножко и отдохнуть отъ всего этого, «человѣческаго», на чемъ-нибудь не столь мрачномъ. Но когда вечеромъ мы усѣлись на желѣзныхъ стульяхъ какого-то кафе-концерта въ Елисейскихъ поляхъ, и когда передъ нами началось веселое кривлянье (повторяю, не утратившее еще слѣда недавняго удара), и когда вспомнилось, что, можетъ-быть, тутъ же, въ клоакѣ, проходящей подъ Елисейскими полями, плывутъ тысячи не родившихся, когда вспомнилось, что въ Версали раздается еще «рррр ран...» — когда вспомнилось все это, такъ и совсѣмъ стало скучно.

На слѣдующее утро я ушелъ изъ гостиницы, не дожидаясь, когда проснутся мои патроны; мнѣ было чрезвычайно тяжело, тяжко, одиноко до послѣдней степени, и весь я ощущалъ, что въ результатѣ всей видѣнной мною «правды» получалось ощущеніе какой-то холодной, облипающей тѣло, промозглой дряни. Что-то горькое, что-то страшное и въ то же время, несомнѣнно, подлое угнетало мою душу; безъ цѣли и безъ малѣйшаго опредѣленнаго желанія идти по той или другой улицѣ я исходилъ по Парижу десятки верстъ, нося въ своей душѣ этотъ грузъ горькаго, подлаго и страшнаго, и совершенно неожиданно доплелся до Лувра; безъ малѣйшей нравственной потребности вошелъ я въ сѣни музея; войдя въ музей, я машинально ходилъ туда и сюда, машинально смотрѣлъ на

античную скульптуру, въ которой, разумѣется, по моему, тяпушкинскому положенію ровно ничего не понималъ, а чувствовалъ только усталость, шумъ въ ушахъ и колотье въ вискахъ, и вдругъ, въ полномъ недоумѣніи, самъ не зная почему, пораженный чѣмъ-то необычайнымъ, непостижимымъ, остановился передъ Венерой Милосской въ той большой комнатѣ, которую всякій, бывшій въ Луврѣ, знаетъ и, навѣрное, помнитъ во всѣхъ подробностяхъ.

Я стоялъ передъ ней, смотрѣлъ на нее и непрестанно спрашивалъ самого себя: «что̀ такое со мной *случилось?*» Я спрашивалъ себя объ этомъ съ перваго момента, какъ только увидѣлъ статую, потому что съ этого же момента я почувствовалъ, что со мною случилась большая радость... До сихъ поръ я былъ похожъ (я такъ ощутилъ вдругъ) вотъ на эту скомканную въ рукѣ перчатку. Похожа ли она видомъ на руку человѣческую? Нѣтъ, это просто какой-то кожаный комокъ. Но вотъ я дунулъ въ нее, и она стала похожа на человѣческую руку. Что-то, чего я понять не могъ, дунуло въ глубину моего скомканнаго, искалѣченнаго, измученнаго существа и выпрямило меня, мурашками оживающаго тѣла пробѣжало тамъ, гдѣ уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего «хрустнуть» именно такъ, когда человѣкъ растетъ, заставило также бодро проснуться, не ощущая даже признаковъ недавняго сна, и наполнило расширившуюся грудь, весь выросшій организмъ свѣжестью и свѣтомъ.

Я въ оба глаза глядѣлъ на эту каменную загадку, допытываясь, отчего это такъ вышло. Что̀ это такое? Гдѣ и въ чемъ тайна этого твердаго, покойнаго, радостнаго состоянія всего моего существа, невѣдомо какъ влившагося въ меня? И рѣшительно не могъ отвѣтить себѣ ни на одинъ вопросъ; я чувствовалъ, что нѣтъ на человѣческомъ языкѣ такого слова, которое могло бы опредѣлить животворящую тайну этого каменнаго *существа*. Но я ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что сторожъ, толкователь луврскихъ чудесъ, говоритъ сущую правду, утверждая, что вотъ на этомъ узенькомъ диванчикѣ, обитомъ краснымъ бархатомъ, приходилъ сидѣть Гейне, что здѣсь онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ и плакалъ: это непремѣнно должно было быть; точно также я понялъ, что администрація Лувра сдѣлала великое для всего міра дѣло, спрятавъ эту каменную загадку во время франко-прусской войны въ деревянный дубовый ящикъ въ глубинѣ непроницаемыхъ для прусскихъ

бомбъ подваловъ; представить себѣ, что какой-то кусокъ чугуна, пущенный дуракомъ, наѣвшимся гороховой колбасы, могъ бы раздробить *это* въ мелкіе дребезги, мнѣ казалось въ эту минуту такимъ злодѣйствомъ, за которое нельзя отомстить всѣми жестокостями, изобрѣтенными на свѣтѣ. Разбить *это!* Да вѣдь это все равно, что лишить міръ солнца; тогда жить не стòитъ, если нельзя будетъ хоть разъ въ жизни не ощущать *этого!* Какіе подлецы! Еле-еле домучатся до гороховой колбасы и смѣютъ! Нѣтъ, ее нужно беречь, какъ зѣницу ока, нужно хранить каждую пылинку этого пророчества. Я не зналъ «почему», но я зналъ, что въ этихъ витринахъ, хранящихъ обломки рукъ, лежатъ дѣйствительныя сокровища; что надо, во что бы то ни стало, найти эти руки, что тогда будетъ еще лучше жить на свѣтѣ, что вотъ тогда-то ужъ будетъ радость настоящая.

Долго ли я недоумѣвалъ надъ выясненіемъ причинъ, такъ неожиданно расширившихъ, выпрямившихъ, свѣжестью и спокойствіемъ наполнившихъ мою душу, я не помню. Появленіе какого-то россіянина, вся фигура котораго говорила, что онъ уже вполнѣ разлакомленъ бульварными прелестями, и развязный взглядъ этого человѣка, очевидно, только-что позавтракавшаго, сталъ такъ безцеремонно «обшаривать» мою загадку, не находя, повидимому, ничего особеннаго по своей части (такіе ли онъ ужъ видалъ виды!), заставило меня уйти изъ этой комнаты. Я могъ оскорбиться на этого развязнаго человѣка, а мнѣ *невозможно* было даже и мысли допустить, чтобы въ эту минуту я могъ даже подумать жить чѣмъ-нибудь такимъ, чтò составляло простую житейскую необходимость *той поры*, т.-е. того времени, когда я былъ скомканной перчаткой. Опять позволить скомкать себя такъ, какъ это было часъ тому назадъ и всю жизнь до этого часа? Нѣтъ, нѣтъ! Я не могъ даже ѣсть, пить въ этотъ день,—до такой степени мнѣ казалось это ненужнымъ и обиднымъ для того новаго, которое я въ себѣ самомъ бережно принесъ въ мою комнату.

Съ этого дня я почувствовалъ не то, что потребность, а прямо необходимость, неизбѣжность самаго, такъ сказать, безукоризненнаго поведенія: сказать что-нибудь не то, чтò должно, хотя бы даже для того, чтобы не обидѣть человѣка, смолчать о чемъ-нибудь нехорошемъ, затаивъ его въ себѣ, сказать пустую, ничего незначащую фразу, единственно изъ приличія, дѣлать какое-нибудь дѣло, которое

могло бы отозваться въ моей душѣ малѣйшимъ стѣсненіемъ или, напротивъ, могло малѣйшимъ образомъ стѣснить чужую душу—теперь, съ этого памятнаго дня, сдѣлалось немыслимымъ; это значило потерять счастье ощущать себя человѣкомъ, которое мнѣ стало знакомо и которое я не смѣлъ желать убавить даже на волосокъ. Дорожа моей душевной радостью, я не рѣшался часто ходить въ Лувръ и шелъ туда только въ такомъ случаѣ, если чувствовалъ, что могу «съ чистою совѣстью» принять въ себя животворную тайну. Обыкновенно я въ такіе дни просыпался рано, уходилъ изъ дому безъ разговоровъ съ кѣмъ бы то ни было и входилъ въ Лувръ первымъ, когда еще никого тамъ не было. И тогда я такъ боялся потерять, вслѣдствіе какой-нибудь случайности, способность во всей полнотѣ ощущать то, что̀ я ощутилъ здѣсь, что я при малѣйшей душевной нескладицѣ не рѣшался подходить къ статуѣ близко, а придешь, заглянешь издали, увидишь, что она тутъ, та же самая, скажешь самъ себѣ: «ну, слава Богу, еще можно жить на бѣломъ свѣтѣ!»—и уйдешь.

И все-таки я бы не могъ опредѣлить, въ чемъ заключается тайна этого художественнаго произведенія и что̀ именно, какія черты, какія линіи животворятъ, «выпрямляютъ» и расширяютъ скомканную человѣческую душу. Я постоянно думалъ объ этомъ и все-таки ничего не могъ бы передать и высказать опредѣленнаго. Не знаю, долго ли бы я протомился такъ, если бы одно совершенно случайное обстоятельство не вывело меня, какъ мнѣ кажется, на настоящую дорогу и не дало мнѣ наконецъ-таки возможности отвѣтить себѣ на неразрѣшимый для меня вопросъ: въ чемъ тутъ дѣло, въ чемъ тайна?

Совершенно случайно припомнилось мнѣ старинное стихотвореніе въ «Современникѣ» 55—56 годовъ; стихотвореніе носило названіе «Венера Милосская» и, кажется, принадлежитъ г. А. Фету. Когда-то я зналъ это стихотвореніе наизусть, но теперь не могъ припомнить всего и вспомнилъ только нѣсколько строкъ, не имѣющихъ никакой другъ съ другомъ связи. Мнѣ вспомнились такіе стихи: «До чреслъ *сіяя наготой,* цвѣтетъ *смѣющееся тѣло* неувядаемой красой...» Съ словомъ *красой* риѳмовала совершенно одиноко возникшая въ моей памяти строчка: «И *млѣя* пѣною морской» или «*млѣя нѣгою одной*». Наконецъ припомнилась и еще строчка: «И вся *кипя* (а можетъ-быть, и не такъ) паѳосской (и это, можетъ-быть, не вѣрно) *страстью...*»

Вотъ и все, что мнѣ припомнилось; но то, что рисовали эти строчки,—«кипя страстью... смѣющееся тѣло... млѣя пѣною морской или «*нѣгою одной*», цвѣтетъ неувядаемой красой»,—все это до такой степени было *не то* сравнительно съ моимъ ощущеніемъ, что мнѣ даже стало смѣшно.

Въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ, когда я чувствовалъ неодолимую потребность «выпрямить» мою душу и идти въ Лувръ взглянуть, «все ли тамъ благополучно», я никогда такъ ясно не понималъ, какъ худо, плохо и горько жить человѣку на бѣломъ свѣтѣ сію минуту. Никакая умная книга, живописующая современное человѣческое общество, не даетъ мнѣ возможности такъ сильно, такъ сжато и притомъ совершенно ясно понять «горе» человѣческой души, «горе» всего человѣческаго общества, всѣхъ человѣческихъ порядковъ, какъ одинъ только взглядъ на эту каменную загадку. Правда, я еще не могу найти связи между этой загадкой, выпрямляющей мою душу, и мыслью о томъ, какъ худо жить человѣку, являющейся непосредственно вслѣдъ за ощущеніемъ, даваемымъ загадкой, но я положительно знаю собственнымъ своимъ опытомъ, что въ то же мгновеніе, когда я почувствую себя «выпрямленнымъ», я немедленно же почему-то начинаю думать о томъ, какъ несчастливъ человѣкъ, представляю себѣ все несчастіе этой шумящей за стѣнами Лувра улицы, и невольно, въ смыслѣ этого «человѣческаго горя», начинаю группировать все мною пережитое, видѣнное, слышанное до послѣдней минуты сегодняшняго дня включительно, но я не ощущаю ни малѣйшей возможности сосредоточиться хотя на одну минуту на какихъ-нибудь частностяхъ собственно *женской* красоты видимой мною загадки.

Просто въ голову даже не приходитъ думать, что передъ тобой что-то «по части» тѣла, а, напротивъ, непостижимо, почему думаешь, напримѣръ, о томъ, что Иванъ Ивановичъ Полумраковъ, сказавши, что вотъ этотъ лакей, несмотря на свое лакейство, все-таки сохранилъ въ себѣ человѣка, рѣшительно не понималъ, какую огромную подлость лепетали его уста. Какъ! человѣкъ—и лакей. Человѣкъ—и принужденъ подавать тарелки? Это *человѣкъ*-то долженъ безмолвно исполнять ваши прихоти, чтобы получить три су на пропитаніе? Вотъ какъ вдругъ переиначивалась во мнѣ фраза Ивана Ивановича «о человѣческомъ достоинствѣ», переиначивалась мгновенно, отъ одного только

взгляда на загадку, заставлявшую ощутить радость сознанія себя человѣкомъ.

Вчера я, можетъ-быть, еще могъ бы радоваться вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ, что вотъ эта уличная женщина сохраняетъ свое «человѣческое достоинство», но *сейчасъ* я понять не могу, какимъ образомъ можно было допустить, чтобы человѣческое достоинство, чтобы человѣкъ былъ такъ глубоко оскорбленъ. Человѣка — и смѣть такъ осрамить! Человѣка-то сдѣлать такимъ несчастнымъ, такъ его всего скомкать, испачкать грязью!..

Нѣтъ, не «правда человѣческая» рисуется передо мною теперь, не «правда», до которой, по словамъ Ивана Ивановича, дожило человѣчество, а самая страшная *неправда;* и никогда мнѣ такъ не ясна она, эта неправда, какъ сейчасъ. Униженнымъ, осрамленнымъ представляется мнѣ этотъ человѣкъ и въ видѣ того лондонскаго богача, одинъ видъ котораго далъ Ивану Ивановичу возможность сказать, что во всей его породѣ и природѣ нѣтъ фальши: теперь этотъ породистый типъ казался мнѣ униженіемъ человѣка; какъ можно было довести человѣка до такого типа, до такого душевнаго состоянія, которое даже органически не можетъ понимать, что̀ такое за мразь человѣческая копошится у колесъ этого экипажа? Какъ можно было довести человѣка до типа этой мрази, этого ничтожества, обрекающаго себя на каторжный трудъ, на голодъ, на грязь, на безграничное душевное отчаяніе? Все это ужасная неправда для *человѣка*: во всѣхъ этихъ неподходящихъ другъ къ другу положеніяхъ видно только, что «человѣкъ» скомканъ, изуродованъ, «осрамленъ» въ своихъ человѣческихъ побужденіяхъ; изуродованъ необходимостью унижать себя до раба, до торговли своимъ тѣломъ, до желанія наложить на себя руки, до потребности прекратить чужую жизнь, убивъ такого же, какъ и самъ, человѣка, до потребности ограбить человѣка, до потребности наконецъ щеголять чрезвычайной добротою. Во всемъ этомъ, т.-е. во всемъ, что̀ только ни видитъ вашъ глазъ, все одно униженіе, все попраніе въ человѣкѣ человѣка... И страшно становилось за душевную участь теперешняго *человѣка*, за искалѣченное, а потому постоянно опечаленное существо его души... И обо всемъ этомъ думалось, благодаря «каменной загадкѣ»; она «выпрямляла» во мнѣ скомканную теперешнею жизнью душу человѣческую, знакомила, невѣдомо какъ и въ чемъ, съ радостью и широтою этого ощущенія.

Не «смѣющееся тѣло», и не «пѣна», и не «кипя», и не «сіяя», очевидно, не они выпрямляли и выпрямляють въ этомъ художественномъ произведеніи душу человѣческую; очевидно, что авторъ стихотворенія не только не овладѣлъ всей огромностью впечатлѣнія, но даже къ краешку его не прицѣлился, а, соблазненный, такъ сказать, «званіемъ» Венеры, какъ бы уже не могъ не воспрославить *женской* красоты и безъ малѣйшаго основанія заставилъ смѣяться несмѣющееся, млѣть немлѣющее и кипѣть некипящее. И въ самомъ дѣлѣ, какъ же изобразить очарованіе женской красоты (вѣдь это Венера!), если не воспѣть тѣла, если не разнѣжить имъ зрителя, заставивъ это тѣло млѣть, заставивъ его волноваться страстью? Какими же чертами, какими красками описывать женскую, божественную красоту? И г. Фетъ все это такъ точно и воспѣлъ, и все это совершенно несправедливо, т.-е. на воспѣваніе только *этого* онъ не имѣлъ никакого права.

Въ самомъ дѣлѣ, если говорить о женской красотѣ, о красотѣ женскаго тѣла, «неувядаемой» прелести, такъ вѣдь ужъ одно то, что Венера Милосская—калѣка безрукая, не позволяетъ поэту млѣть и раскисать: тутъ же въ коридорѣ, ведущемъ къ Венерѣ Милосской, вотъ близъ тѣхъ, другихъ «Венеръ», которыхъ тамъ такъ много, зритель, точно, можетъ размышлять по части наготы тѣла; тамъ женскія черты выдѣлены съ большою тщательностью и лѣзутъ въ глаза прежде всего; вотъ этимъ (также знаменитымъ) Венерамъ дѣйствительно подстать и млѣть, и кипѣть, и щеголять смѣющимся тѣломъ, и глазками, и ручками, «этакимъ вотъ» паѳосскимъ манеромъ изображающими жесты стыдливости... Тамъ, «у тѣхъ Венеръ», любитель «женской прелести» найдетъ, на что посмотрѣть и предъ чѣмъ помлѣть, а здѣсь? Да посмотрите, пожалуйста, на это лицо! Такіе ли по части красоты женскаго лица, сейчасъ, сію минуту, тутъ же рядомъ, въ Елисейскихъ поляхъ, можно получить живые экземпляры? Вотъ тутъ, въ Елисейскихъ-то поляхъ, дѣйствительно, могутъ встрѣтиться такія смѣющіяся тѣла, женственность которыхъ чувствуется зѣвакой даже издали, несмотря на то, что и наготы-то никакой не видно,—вся она закрыта самымъ тщательнымъ образомъ. Здѣсь, въ парижскихъ-то Венерахъ, эта часть разработана необычайно, а у этой? Посмотрите, повторяю, на этотъ носъ, на этотъ лобъ, на эти... право, сказать совѣстно, почти мужицкіе завитки волосъ по угламъ лба... Положи-

тельно сейчасъ, сію минуту въ Парижѣ найдутся тысячи тысячъ дамъ, которыя за поясъ заткнутъ Венеру Милосскую по части смѣющагося естества.

Мало-по-малу я окончательно увѣрилъ себя, что г. Фетъ безъ всякихъ резоновъ, а единственно только подъ впечатлѣніемъ слова «Венера», обязывающаго воспѣвать женскую прелесть, воспѣлъ то, что̀ не составляетъ въ Венерѣ Милосской даже маленькаго краешка въ общей огромности впечатлѣнія, которое она производитъ. Въ самомъ дѣлѣ, если художникъ хотѣлъ поразить насъ красотой женскаго тѣла (которая, по словамъ г. Фета, и млѣетъ, и цвѣтетъ, и смѣется, и кипитъ страстью), зачѣмъ онъ завязалъ это тѣло «до чреслъ»? Ужъ коли тѣло, такъ давай его все, цѣликомъ; тутъ ужъ и пятка какая-нибудь, сіяющая «неувядаемой красотой», должна потрясти простыхъ смертныхъ. Вотъ новые французскіе скульпторы, такъ тѣ не то, что «красоту», а «истину», «милосердіе», «отчаяніе»—все изображаютъ въ самомъ голомъ видѣ, безъ прикрышки. Прочтешь въ каталогѣ: *Истина*, а глаза-то смотрятъ совсѣмъ не туда... *Отчаяніе*... подойдешь, поглядишь и думаешь вовсе не объ «отчаяніи», а о томъ, что: «эка, молъ, баба-то... растянулась—словно бѣлуга».

А тутъ, задавши себѣ задачу ослѣпить насъ неувядаемой красотой женскаго тѣла, смѣющагося, кипящаго, млѣющаго, взять да и закутать ее чуть не всю, до самыхъ чреслъ! Что̀ же это такое? Что̀ руководило художникомъ? Но это еще не все: закутавъ тѣло своего созданія «до чреслъ», что̀ онъ далъ по части женской красоты—лицу, лбу, носу, выраженію глазъ?

И какъ бы вы тщательно ни разбирали этого великаго созданія съ точки зрѣнія «женской прелести», вы на каждомъ шагу будете убѣждаться, что творецъ этого художественнаго произведенія имѣлъ какую-то другую, высшую цѣль.

Да, онъ потому (какъ стало казаться мнѣ) и закрылъ свое созданіе до чреслъ, чтобы не дать зрителю права проявить привычныя шаблонныя мысли, ограниченныя предѣлами шаблонныхъ представленій о женской красотѣ.

Ему нужно было и людямъ своего времени, и всѣмъ вѣкамъ, и всѣмъ народамъ вѣковѣчно и нерушимо запечатлѣть въ сердцахъ и умахъ огромную красоту *человѣческаго* существа, ознакомить человѣка—мужчину, женщину, ребенка, старика—съ ощущеніемъ счастья быть *человѣкомъ*,

показать всѣмъ намъ и обрадовать насъ видимой для всѣхъ насъ возможностью быть прекрасными—вотъ какая огромная цѣль овладѣла его душой и руководила рукой.

Онъ бралъ то, что̀ для него было нужно, и въ мужской красотѣ и въ женской, не думая о полѣ, а, пожалуй, даже и о возрастѣ, и ловя во всемъ этомъ только человѣческое. Изъ этого многообразнаго матеріала онъ создавалъ то истинное въ человѣкѣ, что̀ составляетъ смыслъ всей его работы, то, чего сейчасъ, сію минуту *нѣтъ* ни въ комъ, ни въ чемъ и нигдѣ, но что̀ *есть* въ то же время *въ каждомъ* человѣческомъ существѣ, въ настоящее время похожемъ на скомканную перчатку, а не на распрямленную.

И мысль о томъ, когда, какъ, какимъ образомъ человѣческое существо будетъ распрямлено до тѣхъ предѣловъ, которые сулитъ каменная загадка, не разрѣшая вопроса, тѣмъ не менѣе рисуетъ въ вашемъ воображеніи безконечныя перспективы человѣческаго совершенствованія, человѣческой будущности и зарождаетъ въ сердцѣ живую скорбь о несовершенствѣ теперешняго человѣка.

Художникъ создалъ вамъ образчикъ такого человѣческаго существа, которое вы, считающій себя человѣкомъ и живя въ теперешнемъ человѣческомъ обществѣ, рѣшительно не можете себѣ представить способнымъ принять малѣйшее участіе въ томъ порядкѣ жизни, до котораго вы дожили. Ваше воображеніе отказывается представить себѣ это человѣческое существо въ какомъ бы то ни было изъ теперешнихъ человѣческихъ положеній, не нарушая его красоты. Но такъ какъ нарушить эту красоту, скомкать ее, искалѣчить ее въ теперешній человѣческій типъ—дѣло немыслимое, невозможное, то мысль ваша, печалясь о безконечной «юдоли» настоящаго, не можетъ не уноситься мечтою въ какое-то безконечно-свѣтлое будущее. И желаніе выпрямить, высвободить искалѣченнаго теперешняго человѣка для этого свѣтлаго будущаго, даже и очертаній уже опредѣленныхъ не имѣющаго, радостно возникаетъ въ душѣ.

IV.

Вотъ, стало-быть, и я, Тяпушкинъ, всею моею жизнью обреченный на то, чтобы не жить личною жизнью, а исчезнуть, пропасть въ какомъ-то не моемъ, но трудномъ дѣлѣ ближняго,—былъ глубоко радъ, что великое художественное произведеніе укрѣпляетъ меня въ моемъ тогдашнемъ желаніи идти въ темную массу народа. Теперь, благодаря

всему, чему великое художественное произведеніе научило меня, я знаю, что мнѣ по моимъ силамъ и можно и должно «идти туда».

Я пойду туда и буду стремиться къ тому, чтобы начинающій жить человѣкъ-народъ не позволилъ себя унизить до размѣровъ той «сущей правды», которая такъ обрадовала Ивана Ивановича въ Европѣ! Есть изъ-за чего, въ самомъ дѣлѣ, мучиться, чтобы не то, что сохранить свое человѣческое достоинство, будучи лакеемъ, банкиромъ, нищимъ, кокоткой, а чтобы унизить себя до необходимости переносить всѣ эти уродства!

...Года черезъ четыре я опять былъ въ Парижѣ и опять «жаждалъ» ощутить «радость» существованія, посѣтить Лувръ, но—увы!—не могъ этого сдѣлать: я уже опять былъ скомканъ, скомканъ крѣпкой, сильной, неумолимой рукой дѣйствительности и чувствовалъ, что теперь меня ужъ не выпрямишь... Попробовалъ-было я пойти въ Лувръ, подошелъ даже къ самымъ воротамъ, но просто совѣстно стало идти: «что-жъ я пойду *понапрасну* безпокоить ее? Все равно ничего не выйдетъ, а *ее* только сконфузишь!»... Постоялъ и пошелъ въ русскую библіотеку упиваться газетными извѣстіями о градобитіяхъ и неурожаяхъ.

А теперь вотъ опять—да гдѣ? въ глухой, занесенной снѣгомъ деревушкѣ, въ скверной, непривѣтливой избѣ, въ темнотѣ и тоскѣ безмолвной, томительной зимней ночи—вспомнилась радостная минута и оживила. Бываютъ же случаи, когда оживаютъ члены, разбитые параличомъ. Теперь я употребляю всѣ старанія, чтобы мнѣ не утратить проснувшагося ощущенія какъ можно дольше; я куплю себѣ фотографію, повѣшу ее тутъ, на стѣнѣ, и когда меня задавитъ, обезсилитъ тяжкая деревенская жизнь—взгляну на нее, вспомню все, ободрюсь и... такую сдѣлаю «овацію» волостному старшинѣ Полуптичкину, что онъ у меня обѣими руками начнетъ строчить донесенія!..

XV. Про счастливыхъ людей.

Святочный разсказъ.

I.

Лѣтнимъ вечеромъ у проѣзжей столбовой дороги расположились на ночлегѣ трое прохожихъ. Старшій изъ нихъ

былъ старый отставной солдатъ, лѣтъ семидесяти, и два другихъ—помоложе. Сошлись они въ пути въ дорогѣ: отставной солдатъ шелъ сначала одинъ, шелъ по знакомымъ мѣстамъ, заходилъ въ знакомыя деревни, гдѣ у знакомыхъ ему крестьянъ, духовныхъ и помѣщиковъ на кухнѣ занимался перешивкой стараго тряпья, починкой стараго платья, а справивъ дѣло, шелъ дальше, тоже все по знакомымъ мѣстамъ. Давно онъ уже въ этихъ мѣстахъ ходитъ и каждый уголокъ по старому московскому шоссе знаетъ.

Гдѣ-то, по пути по дорогѣ, нагналъ онъ другого прохожаго и пошелъ съ нимъ. И разсказалъ ему этотъ прохожій, что жилъ онъ восемь лѣтъ у богатаго купца въ приказчикахъ, жилъ хорошо, въ полномъ достаткѣ, да вдругъ гдѣ-то лопнулъ банкъ, за банкомъ лопнулъ какой-то компаньонъ; а за компаньономъ лопнулъ и хозяинъ завода, богатый купецъ, у котораго прохожій служилъ приказчикомъ, а за хозяиномъ и онъ, приказчикъ, остался безъ хлѣба, все прожилъ на большую семью и вотъ теперь такъ обѣднѣлъ, что приходится идти пѣшкомъ въ Петербургъ, искать: не попадется ли какого мѣстечка? Долго приказчикъ разсказывалъ солдату, какое ему было счастье, какъ онъ жилъ привольно, долго и горько жаловался на теперешнее свое несчастье, вздыхалъ и Бога молилъ, чтобы опять ему Господь счастье послалъ.

Слушалъ его прохожій солдатъ, но чтобы жалѣть его—не очень жалѣлъ, ласковыхъ словъ ему не говорилъ и къ малодушеству приказчикову не склонялся: твердый былъ человѣкъ. А когда приказчикъ разсказалъ по два, по три раза всѣ свои горести, то пошли они молча; только приказчикъ вздыхалъ и охалъ.

Однако недолго пришлось имъ идти вдвоемъ, молчать да вздыхать. Невѣдомо откуда подскочилъ къ нимъ и третій прохожій, босикомъ, въ рваномъ пиджакѣ, въ парусиновомъ кепи, и на видъ молодой парень, только лицо опухло, да у праваго глаза синякъ какъ будто бы недавній виднѣлся. Наши прохожіе и не видали, откуда взялся этотъ молодецъ—не то справа онъ къ нимъ подскочилъ, не то слѣва, не то съ проселка, не то изъ перелѣска, и не опомнились они, а онъ уже рядомъ съ ними идетъ, цыгарку куритъ и жизнь свою разсказываетъ. И этотъ на горькую долю жалуется, недавнее счастье вспоминаетъ, только не на тотъ образецъ, какъ приказчикъ. Этотъ самъ про себя говоритъ:

— Мнѣ бы барина какого Господь послалъ поглупѣй да

побогаче, такъ я бы его вотъ какъ оборудовалъ. Они меня, господа, любятъ: я умѣю имъ потрафлять... У одного такого-то барина—хорошій телокъ мнѣ попался—я пять годовъ выжилъ, самъ былъ лучше барина... Я тогда въ лакеяхъ въ трактирѣ служилъ, и захотѣлъ Господь послать счастье и послалъ—встрѣтился съ гулящимъ бариномъ—онъ меня полюбилъ и приблизилъ... Ужъ и пожилъ я въ полное свое удовольствіе! Всего было! Такъ пожилъ, что даже избаловался, признаться, загордѣлъ, храпъ сталъ себѣ дозволять... Ну, баринъ-то осерчалъ, все отнялъ, прогналъ... Теперь иду, братцы мои, и самъ не знаю... Ничего нѣтъ, обносился, оборвался, отъ черной работы отвыкъ... Неужто-жъ мнѣ такъ и пропадать? Эхъ, кабы Господь опять счастье послалъ, ежели бы мнѣ теперь наскочить на хорошій мѣшокъ, хотя бы даже и изъ купеческаго званія, такъ и то я бы утрафилъ, понравился бы, какъ онъ тамъ ни мудри, и ужъ теперь не далъ бы маху!.. Нѣтъ! Ужъ теперь не промахнулся бы!..

И такъ пошли они всѣ трое; приказчикъ про свое счастье вспоминалъ, молилъ Бога, чтобы Господь послалъ ему сурьезнаго, капитальнаго купца, а оборванецъ-лакей облизывался на свое прошлое,—больно ужъ сладко оно было, какъ они съ бариномъ по разнымъ столицамъ бражничали, и тоже просилъ у Бога счастья, тоже ждалъ, не свалится ли оно откуда-нибудь либо подъ видомъ барина-бражника, либо купчика-безобразника. Одинъ только солдатъ не мѣшался въ такіе разговоры: ничего не совѣтовалъ, ничему не поддакивалъ, а только покрякивалъ да помалчивалъ, а иной разъ и ухмылялся.

И вечеръ прошелъ и мѣсяцъ взошелъ, прохожіе выбрали мѣстечко подъ деревомъ, сѣли отдохнуть, огонь развели; у солдата былъ и котелокъ, и хлѣбъ, и картофель; у приказчика въ сумкѣ лепешка ржаная нашлась, а у лакея ничего не было: за спиной его на палкѣ болтались одни только сапоги. Однако ему дали поѣсть. Потомъ всѣ легли, укрылись чѣмъ попало (лакей притащилъ охапку сѣна изъ сосѣдняго стога и навалилъ ее на себя), помолчали и съ холоду ли, или такъ, съ раздумья, опять разговоръ завели, и все про то же: эхъ, кабы купца, эхъ, кабы барина—то-то бы счастье было!

— Эхъ, ребята, ребята!—не вытерпѣлъ, заговорилъ солдатъ.—Слушаю-слушаю я васъ—чего это вы у Бога просите? Какое это счастье? Это не счастье, коли его на тебя

нанесло или ты случаемъ на него набѣжалъ... Гдѣ-жъ оно, ваше счастье-то? Одинъ безъ сапогъ, а другой безъ хлѣба... Нѣтъ, почтенные, не тотъ есть счастливый человѣкъ, который этакимъ вотъ манеромъ, а тотъ есть счастливый человѣкъ...

Но тутъ старый служивый запнулся: очень мудрено и много приходилось ему говорить, а къ мудренымъ словамъ онъ былъ непривыченъ. Помолчалъ онъ немножко да и говоритъ:

— Нѣтъ, вотъ что̀ я вамъ, ребята, скажу: жилъ я въ разныхъ мѣстахъ: и въ Польшѣ, и на Кавказѣ, и въ Бакѣ огнедышащей, и тамъ былъ—всего видѣлъ, много чего отъ людей слыхалъ... Тамъ вотъ у насъ въ этой Бакѣ, на Сураханскомъ заводѣ, татаринъ Абдулка страсть какъ искусно свои татарскія сказки разсказывалъ... Такъ вотъ въ памяти у меня, какъ болталъ онъ про счастливыхъ людей... Такъ притчи ихнія насчетъ того, кто есть счастливый человѣкъ на свѣтѣ. Вотъ я вамъ, коли что̀, разскажу, а вы сами смекайте, въ чемъ тутъ главная причина... Я своихъ словъ не могу высказать, потому тутъ много надобно говорить, а ежели притчами, такъ мнѣ лучше...

— Говори, говори, дѣдка!—ежась отъ холоду подъ сѣномъ, торопливо бормоталъ лакей.

А приказчикъ (онъ все вздыхалъ) вымолвилъ:

— И въ притчахъ тоже бываетъ премудрость...

И опять вздохнулъ.

II.

— Ну,—заговорилъ старикъ:—ужъ не знаю, премудрость тутъ какая или такъ баснословіе—разбирай, какъ знаешь: мое дѣло разсказывать. Такъ вотъ, други милые, жилъ-былъ на бѣломъ свѣтѣ, должно, тамъ же у нихъ на Кавказѣ, татаринъ одинъ... ну, хоть Ахметка пущай будетъ прозываться. И такой этотъ Ахметка былъ человѣкъ, что и весь-то онъ съ потрохомъ не сто̀итъ ломанаго гроша. И изъ себя какъ пакля или мочала—ни силы у него, ни смѣлости, ни ума, ни смекалки—такъ, ни на что не похожая тварь... Примазался этотъ Ахметка къ бабѣ къ одинокой, тоже само собой ихняго, персидскаго закону, въ мужья къ ней влѣзъ, живетъ съ ней, ѣстъ-пьетъ, а никакого толку отъ него нѣту. Попервоначалу-то баба думала: «все, молъ, мужчина въ домѣ»; а какъ пожила — видитъ, что у него, у дурака,

все животъ схватываетъ, когда надо по хозяйству хлопотать, и стала баба сердиться.—«Поди, молъ, погляди, чего собаки лаютъ».—«Да я боленъ! У меня, говоритъ, спазмы какія-нибудь начинаются или тифозная горячка!» А больше ничего—боится ночью изъ дому выходить.—«Ну, скажетъ жена, тогда я пойду сама». И сейчасъ Ахметка съ печки прыгъ, за ней.—«Вѣдь у тебя, у подлеца, тифозная горячка? такъ чего-жъ ты выскочилъ?»—«Да я думаю, тебѣ, молъ, одной страшно, такъ я проводить!» Будто бы, то-есть, женѣ угождалъ, а намѣсто того самому страшно одному дома остаться. Ну, однимъ словомъ, не человѣкъ, а такъ больше ничего, олухъ какой-то. А между прочимъ послушай-ка-сь, до чего достигъ!..

— Ну, ну!—торопилъ лакей.

— Ну вотъ, братцы мои, смотрѣла-смотрѣла баба евонная на всѣ его подлости, не вытерпѣла, вышла изъ всякихъ границъ, говоритъ:—«Вонъ изъ моего дома! Видѣть я тебя не могу, дурака набитаго! Надоѣлъ ты мнѣ хуже горькой рѣдьки... Пошелъ вонъ!.. Чтобъ сію минуту духу твоего не было!» Тутъ Ахметка на смерть перепугался, палъ ей въ ноги, трясется, молитъ Христомъ Богомъ,—поихнему само собой,—чтобъ она хоть ночь-то дала ему переночевать, не гнала бы его, дала бы ему свѣту дождаться... Вылъ-вылъ, совсѣмъ размякъ, раскисъ рыдаючи,—ну, жена согласилась, дозволила ему въ сѣнцахъ, подъ дверью поспать.—«Спи, говоритъ, балбесъ!» Ну, а какъ чуть свѣтъ забрезжилъ, сейчасъ она выкинула ему всѣ его пожитки—«праху чтобъ твоего не было!»—и вытолкала за ворота, да полѣномъ ему грозится:—«убью, какъ собаку!» Подобралъ Ахметъ свои пожитки да давай Богъ ноги, какъ заяцъ отъ гончихъ, только пятки сверкаютъ... Верстъ за десять отъ деревни только-только очувствовался отъ страху, думалъ, что жена его убьетъ, еле-еле отдышался.

«Ну, кой-какъ да кое-какъ одѣлся онъ въ свое хоботье, саблю свою нацѣпилъ, кинжалъ тамъ какой-нибудь, потому что у нихъ, у черномазыхъ народовъ, завсегда при себѣ ножикъ. Такіе живорѣзы—на рѣдкость! Двухгодовалый парнишка, а и тотъ ужъ къ отцовскому кинжалу тянется поиграть, а отецъ-то еще и самъ учитъ: «пхни, пхни, молъ, въ мамку!..» Такой ужъ народъ кровопролитный. Вотъ и Ахметка тоже... Ужъ на что, кажется, мочала, не человѣкъ, а тоже сабля, кинжалъ за поясъ заткнутъ. Надѣлъ онъ этотъ свой нарядъ, шапку рваную, лохматую, ровно

сѣнная копна, на голову нахлобучилъ и пошелъ, самъ не знаетъ куда.

«Идетъ и плачетъ, себя жалѣетъ, о своей долѣ сокрушается. Шелъ-шелъ, усталъ, сѣлъ отдохнуть на камень. Вспомнилъ свою жену... сталъ ее ругательски ругать—видитъ, что теперь ужъ она его не достигнетъ; ругалъ-ругалъ онъ ее во всю мочь, на всю степь горло дралъ, да въ сердцахъ до того расхрабрился, что даже гаркнулъ:—«Погоди, молъ, такая-сякая! Убью!»—да въ сердцахъ хвать кулакомъ объ камень. А время было горячее, солнце въ тѣхъ мѣстахъ палитъ въ темя какъ углемъ горячимъ... Мухъ налетѣло невѣдомо откуда на этотъ камень-то... Какъ ударилъ онъ рукой-то объ камень, чуетъ: мокро! Поглядѣлъ—цѣлую уйму мухъ онъ ухлопалъ однимъ махомъ. И такъ ему показалось это послѣ сердцовъ-то пріятно, что кому-нибудь онъ свое горе отомстилъ, что сталъ онъ думать повеселѣй:—«Ишь, дура этакая,—забормоталъ онъ по-своему, по-татарскому, вспоминая свою жену.—Ни на что я не годенъ, никуда не гожусь, и трусъ-то я, и руки-то у меня мочальныя... Нѣтъ, захочу, такъ все могу! Дура набитая, цѣнить не умѣла человѣка! Силы нѣту! Нѣтъ, вотъ одинъ разъ махнулъ,—а сколько ихъ ухлопалъ!» Сталъ онъ считать, насчиталъ пятьсотъ мухъ. — «Пятьсотъ! Ишь, сколько! А всего-то одинъ разъ махонулъ! Нѣтъ, есть у меня сила. Пятьсотъ мухъ ухлопать съ одного маху—это значитъ въ человѣкѣ есть сила. Ежели бы она, дура-баба, меня почитала да хорошо за мной ходила, такъ я бы нешто такую силу забралъ? Тварь этакая!» И такъ онъ сталъ хорошо объ себѣ думать, что совсѣмъ расхрабрился, идетъ, и все у него въ головѣ эти пятьсотъ мухъ сіяютъ. И сначала онъ думалъ о мухахъ, а что̀ дальше идетъ—ужъ и о людяхъ сталъ раздумывать; а какъ къ городу какому-то сталъ подходить, такъ и совсѣмъ ужъ ему представилось, что не пятьсотъ мухъ онъ убилъ, а прямо сказать—пятьсотъ человѣкъ. Идетъ гоголемъ, на-поди! Пришелъ въ городъ, прямо къ мастеру, вынулъ кинжалъ и говоритъ:—«Сдѣлай надпись, что, молъ, я, Ахметъ-богатырь, побиваю по пятисотъ человѣкъ единымъ махомъ».

«Сдѣлалъ ему мастеръ нарѣзку... и повалило, братцы мои, съ этого числа на Ахметку счастье!.. То-есть такое счастье повалило—почитай, что больше, чѣмъ вотъ отъ барина отъ богатаго на нашего компаньона нанесло его. Пра-во!.. Идетъ онъ отъ мастера, а въ брюхѣ у него очень большая тоска:

ничего онъ не ѣлъ, ни пилъ, почитай, цѣлыя сутки... «Хоть бы корочку какую Господь послалъ!» Вдругъ подъ самымъ его носомъ открывается дворъ, и идетъ на томъ дворѣ богатая свадьба; танцы, угощеніе, музыка—что̀ угодно; царскій министръ дочь свою замужъ выдаетъ. Ахметка туда.— «Кто такой?» Ахметка безъ долгихъ разговоровъ вынулъ кинжалъ. — «А вотъ кто такой, говоритъ: читай!» Прочитали, ахнули, сейчасъ его въ передній уголъ, угощать его принялись, въ ноги кланялись, ручки у богатыря цѣловали. Ѣлъ Ахметка за четверыхъ, наѣдался на недѣлю впередъ, думаетъ: «на завтра не будетъ другой свадьбы, придется побираться, такъ надобно наѣдаться хорошенько»... А въ то самое время, пока онъ ѣлъ да думалъ, что завтра ѣсть будетъ нечего, ужъ доложили объ немъ царю, значитъ, поихнему хану,—доложили такъ, что появился необыкновенный богатырь. Сейчасъ же ханъ приказалъ позвать Ахметку... Испугался Ахметка страсть какъ...—«Боленъ я, начинается у меня тифозная эпидемія!» Какъ есть какъ прежде. Однако его повели подъ руки прямо къ хану... Палъ Ахметка передъ нимъ въ ноги, лежитъ ни живъ ни мертвъ, а ханъ какъ прочиталъ надпись у него на кинжалѣ, такъ и ахнулъ.—«Этакого необыкновеннаго богатыря да чтобъ я упустилъ изъ моей державы? Никогда!» Сейчасъ Ахметку подняли, одѣли его въ драгоцѣнныя одежды, денегъ ему цѣлый мѣшокъ въ руки впихнули,—Ахметка стоитъ дуракъ-дуракомъ, сообразить ничего не можетъ... А ханъ думаетъ: «Что̀, ежели я его награжу, а другой какой-нибудь ханъ узнаетъ да переманитъ его къ себѣ?.. Нѣтъ, ни за что! Женю я его на моей дочери, и тогда ужъ ему уйти некуда будетъ». И не успѣлъ, братцы мои, Ахметка опомниться,—хвать, ужъ и свадьбу играютъ, и ужъ онъ мужемъ ханской дочери очутился, и ужъ, Господи благослови, на кровати растянулся... Посмотрѣла на него ханская дочь и говоритъ: «неужели, съ позволенія сказать, этакое чучело можетъ быть великолѣпнымъ богатыремъ?» А Ахметка лежитъ на кровати, трясется отъ страху, — потому такую ему кровать сдѣлали, что, упади онъ съ нея, такъ вдребезги бы расшибся. Вотъ онъ лежитъ и боится, какъ бы во снѣ не свалиться,—ну, а между прочимъ все-таки надумалъ отвѣтить своей нареченной женѣ: — «Это ты такъ говоришь потому, что ничего не понимаешь. А поживи, такъ и увидишь, что̀ я за силачъ». Поглядѣла-поглядѣла на него царевна,—«экая, говоритъ, гадость!», плюнула, заплакала,

а дѣлать нечего! Приняла законъ, такъ ужъ надо покориться.

«Хорошо.

«А былъ тутъ подъ самымъ городомъ, съ незапамятныхъ временъ, страшный змѣй. И жилъ тотъ змѣй въ пещерѣ, и ѣлъ народъ поѣдомъ, цѣлыми сотнями глоталъ, словно галушки... И стали ему жители платить дань: по два раза каждый годъ по красивой дѣвицѣ, значитъ, въ жены ему,—по двѣ жены, подлецу, въ годъ,—только бы онъ не жралъ безъ толку прочихъ обывателей. И насталъ, братцы мои, такой годъ, что пришлось отдавать этому змѣю вторую ханскую дочь. А ужъ которая къ этому змѣю дѣвица попадетъ, такъ уже тутъ—со святыми упокой! Ни вовѣки ея не увидишь!.. Только въ этотъ разъ царь-то ихній, ханъ, стало-быть, и говоритъ:—«Слава Богу, есть у насъ—великолѣпный богатырь, не станемъ мы теперь дѣвицъ этому дураку, змѣю, отдавать: нашъ храбрый Ахметъ съ единаго удара всѣ головы ему пособьетъ... Ежели онъ съ одного маху по пятисотъ головъ рубитъ, такъ ужъ десятокъ змѣиныхъ мордъ очень просто можетъ отщипнуть». Призвалъ Ахметку: «такъ и такъ, говоритъ, змѣй у насъ...»—ну, и все подробно ему объяснилъ. «Иди, говоритъ, ты и отруби ему всѣ десять головъ...» Услыхалъ это Ахметка—и опять за старое: болитъ, чахотка, ревматизмъ... Онъ бы сейчасъ пошелъ и убилъ змѣя, да боленъ, не можетъ встать, забился подъ одѣяло, охаетъ... А жена его, царевна-то, пришла, смотритъ на него, говоритъ:—«Я знала, что ты не богатырь, а обманщикъ. Погоди! вотъ я скажу отцу, каковъ ты человѣкъ... У него законъ короткій—сейчасъ топоромъ голову прочь, коли ты добромъ не пойдешь... Вотъ я сейчасъ пойду да и скажу все отцу... Надоѣлъ ты мнѣ страть какъ!..»—взяла да и ушла; а Ахметка лежитъ-лежитъ, думаетъ: «Ну, какъ въ самомъ дѣлѣ царь мнѣ голову отрубитъ? Жена меня видѣть не можетъ:—ну-ка да онъ ее послушаетъ?» Подумалъ-подумалъ, страшно ему стало умирать, вскочилъ онъ съ кровати, захватилъ кой-какіе пожитки, да и давай Богъ ноги, пустился изъ царскаго дворца куда глаза глядятъ. И ночи пересталъ бояться, только бы голову унести!

«Бѣжалъ-бѣжалъ, наконецъ усталъ; а на дворѣ ночь темная, на землѣ лечь спать побоялся: ну-ка змѣй его съѣстъ!—полѣзъ на дерево. Кой-какъ умостился, спитъ. Всю ночь онъ проспалъ съ устанку, какъ убитый, а по-

утру открылъ глаза—глядь, а змѣй-то десятиглавый тутъ же подъ деревомъ спитъ и головы всѣ свои распространилъ въ разныя стороны... Какъ увидалъ это Ахметка, занялся у него духъ, со страху ударило ему въ башку, помутился у него умъ, зашатался-зашатался — бухъ съ дерева, да прямо на змѣя... А змѣй-то, впросонкахъ не разобравши дѣла, тоже со страху (какъ Ахметка-то объ него треснулся) думалъ, что застигли его, только крякнулъ и подохъ бездыханно; даже лопнулъ весь вдоль и поперекъ съ испугу... такъ его Ахметка испугалъ. А Ахметка долго безъ памяти валялся на мертвомъ змѣѣ, а какъ очнулся, видитъ, что змѣй-то померъ, и страхъ у него прошелъ, и гордость сейчасъ въ немъ оттаяла, и опять возмечталъ о себѣ... Идетъ въ городъ, а навстрѣчу ему войско ханское.— «Куда идете?»—«Да тебя ловить. Гдѣ ты былъ?»—«Гдѣ былъ! змѣя билъ... подите-ка, поглядите, что̀ тамъ подъ деревомъ валяется...» Поглядѣли—мертвый змѣй. Тутъ про Ахметку такая слава пошла—неслыханная! Тутъ ужъ всѣ увѣровали, что истинный онъ богатырь и храбрость имѣетъ необыкновенную. Тутъ его царь такъ ублаготворилъ, что выше всѣхъ поставилъ, всякими брильянтами его наградилъ, подарковъ ему надарилъ; живетъ Ахметка по-царски. Только жена его, царевна, все не вѣритъ:—«Этакій плюгавый мужчина и чтобы онъ могъ такъ сдѣлать? Не вѣрю я этому!» А Ахметка храбрости набрался, лежитъ на кровати, огрызается:—«Вотъ ты поговори у меня! Я тебѣ покажу, какой я плюгавый!» Ну, царевна обыкновенно плачетъ,— а вѣдь что̀ съ нимъ сдѣлаешь? Молчи! Больше ничего...

«Хорошо.

«Идетъ время,—живетъ Ахметка въ полное свое удовольствіе, и опять царь присылаетъ за нимъ, къ себѣ зоветъ... Скрючило Ахметку, однако пошелъ...—«Такъ и такъ, говоритъ царь, идетъ на меня несмѣтное войско, перерѣжутъ насъ всѣхъ начисто,—иди, разбей ихъ всѣхъ, богатырь мой великолѣпный!» На это Ахметка говоритъ:— «Ваше царское величество! Не могу я идти, потому что я боленъ, всѣмъ нутромъ слабъ, чахоткой одержимъ, бѣлая горячка у меня. Скоро я долженъ сойти съ ума—тогда я все могу погубить». Слушаетъ ханъ эти слова и не вѣритъ: Ахметка и прошлый разъ то же самое говорилъ — боленъ-боленъ, а на дѣлѣ эва что̀ вышло. — «Хорошо, говоритъ, дѣлай, какъ знаешь, а я на тебя надѣюсь... А войску прикажу, чтобы каждое слово твое исполняли, да

не то что слово,—а чтобы въ каждой малости слушались...» Вскарабкался Ахметка на кровать, подскользнулъ подъ одѣяло—«охъ-охъ-охъ, матушки-батюшки, умираю! чахотка, бѣлая горячка, холера у меня!» Какъ увидала его жена, что онъ опять подъ одѣяло шмыгнулъ: — «А-а, говоритъ, кляузная душа, пришелъ твой конецъ! Слава Тебѣ Господи! Теперь ежели ты на войну не пойдешь, такъ тебя силкомъ поведутъ, а ежели не побѣдишь, такъ тебя на части разорвутъ, потому тогда не дѣвица какая-нибудь, а цѣлая держава должна пропасть. Вотъ я сейчасъ отцу пойду скажу!..» Побѣжала къ отцу, а тѣмъ временемъ непріятель со всѣхъ сторонъ нахлынулъ, обложилъ городъ, и не успѣлъ Ахметка изъ-подъ одѣяла выскочить, чтобы лататы задать, какъ входитъ ханъ, беретъ его за руку, выводитъ на улицу и говоритъ: — «Вотъ тебѣ конь, садись, поѣзжай и командуй! А ты, мое вѣрное войско, безпрекословно ему повинуйся и все, что только онъ ни прикажетъ—все исполняй, и даже что только онъ будетъ дѣлать—то и ты, мое вѣрное войско, дѣлай... Съ Богомъ!»

«Ни живъ ни мертвъ сидитъ мой Ахметка на лошади; вожжей не можетъ держать — и руки и ноги врозь расползаются... Царскіе адъютанты ѣдутъ по бокамъ, держатъ его подъ руки. Выѣхали въ поле, стали противъ несмѣтнаго непріятеля, раскинули для Ахметки золотой шатеръ, сняли его съ лошади, привели въ этотъ шатеръ, собрались всѣ генералы, фельдмаршалы, ждутъ приказаній, а Ахметка лыка не вяжетъ со страху... Наконецъ, того, говоритъ:—«Я не могу! У меня умъ помрачился, меня злой духъ испортилъ, я разсудка лишился, а безъ разсудка нельзя командовать!» И сталъ онъ со страху и изъ притворства невѣдомо что творить: одежду съ себя поснималъ, все на себѣ изорвалъ, остался весь, какъ мать родила, и наконецъ, того, спрятался со страху подъ диванъ. Всѣ генералы, фельдмаршалы смотрятъ—понять ничего не могутъ, а между прочимъ не смѣютъ ослушаться царскаго приказанія. Что Ахметка дѣлаетъ, то и они дѣлаютъ, и войску то же дѣлать приказываютъ. Обнаготились всѣ начисто и войско все тоже размундировалось наголо, и всѣ полѣзли, за кустики, за холмики попрятались... Лежатъ всѣ, ждутъ, что будетъ. А Ахметка тоже лежитъ подъ диваномъ голый, ни живъ ни мертвъ... Только, братцы мои, вскочи въ это самое время собачка махонькая въ шатеръ; увидала она Ахметку подъ диваномъ—къ нему; ну съ нимъ играть, ку-

сать его, тормошить... Гонитъ ее Ахметка, а та сдуру все къ нему лѣзетъ. И разъ прогналъ и два,—она все свое. И должно-быть, что, играючи, тяпнула она его за ногу. Ахметка осерчалъ, забылъ свой страхъ, выскочилъ изъ-подъ дивана, схватилъ сапогъ—да за собакой! «Погоди, молъ, каналья,—я тебя!» Да съ сапогомъ-то изъ шатра вонъ! А за нимъ генералы, а за генералами все войско — да какъ двинули за своимъ первоначальникомъ въ голомъ-то видѣ, да какъ увидалъ непріятель этакую страсть — и гдѣ ужъ тутъ воевать! давай Богъ ноги, кто куда со страху-то, по ямамъ, по буеракамъ, по горамъ—всѣ до единаго разбѣжались... А Ахметка нагналъ собачонку, ударилъ ее сапогомъ: «я тебѣ, говоритъ, дамъ кусаться!» Оглянулся, — а ужъ отъ непріятеля и слѣдъ простылъ! И сейчасъ опять расхрабрился, говоритъ: «вы что̀ же меня изъ-за такой дряни безпокоили?» Тутъ ханъ и весь народъ не знали, какъ Ахметку ублаготворить. Опять его наградили, обдарили, и сдѣлалъ его ханъ себѣ наслѣдникомъ... Пришелъ Ахметка къ женѣ, говоритъ:—«Что̀, дура этакая? Похожъ я на мочалу?» Ну, жена только плюнула на него и слезами залилась... А Ахметка сталъ жить да поживать... Ну, что̀, господа, какъ, счастье это?»

— Знамо, не горе!—отозвался лакей.—Чего ему еще? Живи, поживай!..

— Нѣтъ,—сказалъ солдатъ:—про такое счастье, что̀ съ неба сваливается, нельзя сказать: «живи да поживай»! Какъ пришло, такъ и уйдетъ,—а въ этомъ счастья нѣту. Вотъ и съ Ахметкой то же было. Долго такъ ему все удавалось. Жена его даже всѣ глаза выплакала—все ждала, не пропадетъ ли постылый какимъ-либо манеромъ, а онъ все выше да выше. Наконецъ, того, подходитъ время, помираетъ нашъ ханъ, а Ахметка влѣзаетъ, Господи благослови, на престолъ. Вскарабкался, дубина этакая, усѣлся— и давай царствовать. Вотъ тутъ онъ и сплошалъ! Коли хочешь царствовать, такъ будь уменъ; тутъ, въ этомъ дѣлѣ надобно каждую вещь разобрать... Подданные Ахметкины такъ и думали, что онъ всѣ свои подвиги творилъ не съ глупой головы, и надѣялись на него... А Ахметка-то, знамо, ужъ дуракъ-дуракомъ былъ отъ рожденія... Однако, какъ пришлось ему царствовать, и рѣшилъ онъ: «все у меня въ жизни навыворотъ выходило, отъ этого я такъ и возвеличился, пущай же и царствовать я буду тожъ наоборотъ— авось меня подданные почитать будутъ...» И сталъ ору-

довать: кого бы наказать,—а онъ ему орденъ, награду, а кому награду—того въ кутузку; кому бы въ попы, а Ахметка его въ плясуны, а кому бы самое любезное дѣло на головѣ ходить да фокусы представлять—того въ духовенство опредѣлилъ... Перерубилъ онъ человѣчьихъ головъ видимо-невидимо, и все понапрасну, а которыя бы слѣдовало отрубить,—тѣ всячески изукрасилъ... Ну, братцы мои, похозяйничалъ онъ этакимъ-то манеромъ годикъ, другой, видитъ народъ, что дѣло дрянь, что была въ дѣлахъ Ахметки удача, а ума не было... Потолковали, посовѣтовались, да и сняли Ахметку съ престола...—«Слѣзай-ка, молъ, любезный, съ престола-то, да ступай куда-нибудь по добру по здорову, пока цѣлъ». Ну, Ахметка, нечего дѣлать, съ престола слѣзъ, одежду съ него сняли, палкой въ дорогу наградили... Съ тѣхъ поръ и слуху о немъ никакого нѣтъ, а жена какъ увидала все это—выскочила на крышу (они тамъ все по крышамъ гуляютъ) да въ бубенъ ударила, да пѣсни стала играть на радостяхъ, а въ скорости нашла жениха умнаго, молодого, взяла его за себя и стала съ нимъ царствовать... А куда Ахметка дѣвался—такъ никто и не знаетъ...

— Все-таки,—сказалъ лакей:—хоть два года счастливо пожилъ...

— Ну, нѣтъ,—сказалъ солдатъ:—по моимъ мыслямъ я этого счастьемъ назвать не могу...

— Ну, а какъ же по-твоему-то?..

— А по-моему... Да ты слушай, что̀ дальше будетъ, а ужъ тогда и будешь разговаривать.

— Ну, ладно, разсказывай!..

III.

Понюхалъ старикъ табачку, поотчихался, покрестился, улегся поспокойнѣе и началъ:

— Это я разсказывалъ, какъ на дурака валитъ удача. а теперича разскажу, что бываетъ иной разъ—не своимъ умомъ, а чужимъ разумѣньемъ человѣкъ захочетъ осчастливиться, такъ и это опять никакъ назвать счастьемъ невозможно... Было, братцы мои, такое дѣло: жилъ-былъ. опять же все тамъ, въ черкесскихъ земляхъ, мельникъ. одинъ... Ну, самъ знаешь, какая ужъ нажива въ тамошнихъ мѣстахъ по хлѣбной части! Тамъ все больше фруктъ, птица, овца, а ужъ гдѣ тамъ по горамъ пашни пахать, хлѣбъ сѣять!.. Жилъ, стало-быть, этотъ мужичонка кой-какъ, съ

хлѣба на квасъ перебивался. Окромѣ мельницы, было у него и еще дѣло — куръ держалъ, яйца продавалъ въ городъ... Вотъ хорошо. Живетъ такъ-то. Только видитъ— разъ курицы одной нѣтъ, другой разъ и двухъ не досчитался, а третій разъ и цѣлаго пятка не отыскалось... Сталъ примѣчать—что̀ такое? кто этимъ дѣломъ орудуетъ?.. Вотъ однова ночью и слышитъ—куры всполошились; выскочилъ изъ дому, а по полю лисица удираетъ съ курицей...— «Ну,—сказалъ мельникъ: — ладно, любезная! Попадешься ты мнѣ!» Поставилъ капканъ, и ночи черезъ двѣ попалась лисица: лапу ей капканъ прищемилъ. Схватилъ мельникъ кинжалъ (у нихъ безперечь все поножовщина идетъ, такъ ужъ это чтобъ безъ кинжала день продышать — извини!), хотѣлъ ее пырнуть, а лисица и говоритъ: «Мельникъ, мельникъ! Не рѣжь меня, я тебѣ большую службу сослужу—и богатство тебѣ предоставлю, и на ханской дочери женю, и самого въ ханы произведу. Только ты меня не убивай, а корми всю жизнь, а когда я помру, то чтобы честь-честью похоронить, а не такъ чтобъ собакамъ выкинуть». Подумалъ-подумалъ мельникъ. — «Ну, ладно, говоритъ, пущай!» Отпустилъ лисицу на волю и сталъ чужимъ умомъ жить... Это и такъ завсегда бываетъ: застигни я какого купца богатаго или чиновника на нехорошемъ дѣлѣ, и онъ мнѣ начнетъ сулить: «скрой, а я тебя награжу!» Вотъ такъ и мельникъ.—«Ну,—говоритъ мельникъ:—коли такой уговоръ у насъ, такъ дѣйствуй!»

«Вотъ лисій умъ и началъ орудовать... Первымъ долгомъ побѣжала она къ сосѣднему хану, пала ему въ ноги и говоритъ:—«Прислалъ меня къ тебѣ мой знаменитый государь, ханъ Ахметка...»

— Ну, что̀ все Ахметка да Ахметка,—перебилъ разсказчика лакей.

— Ну, пущай хошь Абдулка будетъ—все едино.—«Прислалъ меня мой Абдулъ-ханъ, — говоритъ лисица:—попросить у тебя мѣру; надобно намъ перемѣрять золото наше, потому что у нашего Абдулъ-хана страсть сколько золота...» Дали ей мѣру; принесла она ее на мельницу и стала рыться въ навозной кучѣ. Рылась-рылась, откопала золотой; сейчасъ она этотъ золотой и воткни въ щелку—значитъ, туда, гдѣ мѣра раскололась. Воткнула и несетъ мѣру назадъ.— «Насилу, говоритъ, вымѣряли... Смерть моя, какъ умаялась! Мой ханъ Абдулъ приказалъ васъ благодарить».—«Да неужели у него столько золота, что онъ два дня его мѣрою

мѣрялъ?..»—«Очень, говоритъ, много!» Не повѣрилъ ханъ, взялъ мѣру въ руки, говоритъ:—«Этакими мѣрами вы золото ваше мѣряли?»—«Этими самыми!» Ханъ даже разсердился, бросилъ мѣру на полъ,—а изъ нея и зазвенѣлъ по полу золотой.—«Вотъ изволь видѣть, — сказала лисица:—одинъ золотой и сейчасъ гдѣ-то застрялъ. Нѣтъ, сущую правду я говорю: великій богачъ мой Абдулъ-ханъ!..»

«И въ другой разъ прибѣжала къ нему лисица и опять мѣрку потребовала.—«Серебро, говоритъ, надо перемѣрять!..» И тоже пять двугривенныхъ разсовала въ разныя щелки и принесла мѣру назадъ ровно чрезъ недѣлю.—«Цѣлую недѣлю, говоритъ, бились, еле-еле покончили... Приказалъ васъ благодарить!» — «Не можетъ быть, чтобы цѣлую недѣлю серебро мѣряли...» — «Нѣтъ, вѣрно!» Тряхнулъ ханъ мѣрой, — двугривенные такъ и задребезжали по полу...— «Да-а-а! — сказалъ ханъ: — должно-быть, что сосѣдъ мой Абдулъ очень богатый человѣкъ. Скажи ему, не возьметъ ли онъ замужъ за себя мою дочь?» Лисица, не будь глупа, отвѣчаетъ ему:—«Онъ и самъ мнѣ велѣлъ дочь вашу потребовать себѣ въ бракъ и спрашиваетъ, когда ему быть къ вамъ, чтобъ настоящимъ манеромъ присвататься?»—«Ну, пущай хоть завтра пріѣзжаетъ!» — «Очень прекрасно!»— отвѣтила лисица и шмыгнула домой.

«Разсказала все мельнику, а мельникъ и говоритъ:— «Въ чемъ же я пойду къ хану? у меня даже и брюкъ-то, съ позволенья сказать, нѣтъ настоящихъ—такъ какъ же я къ ханской-то дочери могу соотвѣтствовать!»—«Ну, ужъ это не твоя печаль, ты только исполняй, что̀ я тебѣ присовѣтую...»—«Ну, ладно!» Вотъ она и стала исхитряться; нацѣпила на него всякихъ лыкъ, стружекъ навѣшала—издали-то они на солнцѣ лоснятся, блестятъ—и говоритъ:— «Пойдешь ты навстрѣчу хану — онъ со свитой на томъ берегу рѣки будетъ тебя ждать,—пойдешь къ нему, и иди прямо бродомъ, въ воду, — а на серединѣ рѣки крикни, будто оступился, и нырни въ воду...» Выѣхалъ ханъ навстрѣчу къ Абдулкѣ, пошелъ Абдулка къ нему пѣшкомъ прямо въ бродъ, нырнулъ и выплылъ, въ чемъ мать родила: весь его нарядъ въ рѣчкѣ потонулъ... А лисица выскочила на другой берегъ и говоритъ ханской свитѣ:—«Дайте что-нибудь моему Абдулъ-хану одѣть, а то домой намъ некогда за платьемъ ѣхать... Сколько брильянтовъ однихъ потонуло въ рѣчкѣ, такъ это и сосчитать невозможно!» Ну, свита сейчасъ поснимала съ себя разные парчевые ха-

латы,—чтобы понравиться будущему ханскому зятю,—обрядили его въ лучшемъ видѣ, посадили на лучшаго коня и поѣхали къ хану во дворецъ. Ѣдетъ нашъ мельникъ, разодѣлся бариномъ!..

«Долго ли, коротко ли такъ-то онъ у хана путался—ужъ не знаю, не упомню всего,—только лисьей хитростью, да вывертами, да изворотами такъ дѣло обернулось, что женился мельникъ на ханской дочери, и надобно ему ее везти домой, въ свое царство. А царство-то у него всего одна мельница разоренная да двѣ курицы некормленныя... Ну, однакожъ дѣлать нечего — поѣхалъ. Отпустилъ съ нимъ ханъ огромную свиту, ѣдутъ они невѣдомо куда, а лисица передомъ бѣжитъ и сама-то еще хорошенько не знаетъ, какъ тутъ быть, какъ вывернуться. Однакожъ наскочила она на большой табунъ лошадей.—«Чей это табунъ?»—«Да Змѣя-лютаго... Это все Змѣево царство тутъ кругомъ...»—«Змѣя!—говоритъ лисица:—ахъ, онъ несчастный несчастный! Идетъ на него огромное войско, а онъ и не знаетъ! Вы, пастухи, вотъ что̀ сдѣлайте: будутъ у васъ конные всадники спрашивать: чей скотъ? говорите—Абдулъ-хана, а не Змѣя,—а то сейчасъ отымутъ! А я побѣгу къ самому Змѣю... Гдѣ его дворецъ?» Указали ей пастухи, гдѣ дворецъ,—побѣжала она туда, по дорогѣ то же самое сказала пастухамъ, которые овецъ пасли Змѣевыхъ, и прибѣжала къ Змѣю.—«Прячься скорѣй! Страшное войско идетъ—разобьетъ оно тебя вдребезги!» Змѣй впопыхахъ выскочилъ изъ дворца, прямо воткнулся головой въ стогъ сѣна, говоритъ лисицѣ: — «Закрой меня, сдѣлай милость, поаккуратнѣй, такъ, чтобъ меня не разыскали они!..» Лисица его зарыла въ сѣно, обложила его со всѣхъ сторонъ хворостомъ и пустила краснаго пѣтуха,—такъ Змѣй тамъ и померъ... А Абдулка ѣдетъ съ войскомъ; ханскіе посланцы спрашиваютъ у пастуховъ: — «Чей скотъ?» — «Абдулъ-хана!»—«Чьи лошади?»—«Абдулъ-хановы...»—«Экія богатства какія!» Подъѣзжаютъ и ко дворцу Змѣеву, а лисица стоитъ у воротъ, говоритъ:—«Пожалуйте, дорогіе гости! Милости просимъ!» Ну, пріѣхали всѣ во дворецъ, стали пировать, гулять, а потомъ оставили молодыхъ, и сталъ Абдулка-мельникъ ханомъ и богачомъ...

«И долго онъ такъ съ молодой женой своей жилъ припѣваючи, жилъ, покудова за него орудовалъ чужой, лисій умъ, а какъ пересталъ этотъ чужой умъ ему служить, чужая смекалка за него смекать,—и конецъ его счастью!—«По-

пробую, — говоритъ лисица однова: — какъ-то онъ теперь уговоръ нашъ помнитъ!» Взяла да и притворилась, что умерла... А Абдулка увидалъ ее мертвой и говоритъ прислугѣ:—«Выбросьте ее въ канаву!..» — «А, — сказала лисица:—такъ ты такъ-то за мои благодѣянія!» Встала, ушла, разсказала и хану и пастухамъ, какъ было дѣло, вывела Абдулку на свѣжую воду,—и все пошло прахомъ: пришелъ ханъ съ войскомъ, взялъ свою дочь, забралъ всѣ Абдулкины богатства, стада и дворцы, а самого Абдулку выгналъ вонъ и кулакомъ ему вслѣдъ погрозилъ... И гдѣ этотъ Абдулка—неизвѣстно!..

«Такъ вотъ, други любезные, бываетъ, что и чужимъ умомъ, чужой сноровкой, хоть бы даже прямо сказать, чужимъ капиталомъ человѣкъ счастливъ бываетъ,—только и это счастье не настоящее: нѣтъ чужого ума, нѣтъ чужого капитала—и счастья твоего нѣтъ... Этого я тоже счастьемъ не назову...»

— А что же по-твоему настоящее-то?—спросилъ нетерпѣливый лакей.

— А вотъ слушай!

IV.

— Жилъ-былъ на свѣтѣ бѣдный мужичонка, лапти плелъ, и былъ у него молодой сынъ, пастухъ: нанимался онъ пасти городское стадо. Дѣло было все тамъ же, въ черкесскихъ земляхъ... Я все это съ Абдулкиныхъ словъ разсказываю. Вотъ, братцы мои, жили-жили они тамъ-то, сынъ съ отцомъ, жили тихо-смирно; только однажды и вскочи этому сыну-то, молодому парнишкѣ, такая загвоздка въ башку: — «Позвольте, молъ, узнать, отчего это я долженъ всю жизнь въ пастухахъ шляться? На какомъ основаніи я долженъ всю жизнь съ телятами да съ баранами компанію водить? Я тоже человѣкъ... Почему же хозяева этихъ коровъ, лошадей и овецъ спокойно себѣ въ городѣ проживаютъ, а я для ихняго спокойствія долженъ въ грязи валяться? Ни за какія деньги больше не соглашусь!» Надумалъ такъ-то, бросилъ свой пастушій кнутъ, бросилъ стадо, пошелъ домой и все время бормочетъ:—«Вотъ былъ дуракъ! Пастухомъ! Почему же я пастухъ, а не другой кто-нибудь? Чѣмъ я его хуже?» Пришелъ домой и говоритъ отцу:—«Вотъ что, батя, я эту глупость бросилъ—не желаю быть больше пастухомъ... А желаю я, очень просто, жениться на царской дочери. Довольно я пустяками занимался». Отецъ лапти

ковыряетъ, слушаетъ его, понять не можетъ.—«Да ты что это бормочешь-то? На какой царской дочери? Перекрестись! Опомнись!» — «Нечего мнѣ опоминаться: слава Богу, я и такъ опомнился. Не иначе я соглашусь жить на свѣтѣ, чтобъ жениться мнѣ на царской дочери. Иди сейчасъ къ царю—къ хану, стало-быть,—и проси у него дочь за меня. А ежели не пойдешь, такъ я сейчасъ на себя руки наложу. Вотъ еще, я буду пастухомъ! Ни за что на свѣтѣ...» И такъ онъ огорошилъ этимъ разговоромъ отца, такъ онъ его напугалъ, будто руки на себя наложитъ, что испугался старикъ, собрался и пошелъ къ хану...

«Пришелъ онъ къ ханскому дворцу—не знаетъ, какъ ему и приступиться. Однакожъ кой-какъ добрался онъ до хана и не знаетъ, какъ ему дѣло свое разсказать.— «Вздурѣлъ, говоритъ, у меня парнишка... И самъ не знаю, что съ нимъ сдѣлалось. Все былъ пастухомъ, работалъ, жилъ смирно,—да вдругъ и забормоталъ невѣдомо что...» Разсказалъ старикъ хану все, какъ было, и думаетъ, что отрубитъ ему ханъ голову за эти разговоры... Но ханъ-то былъ человѣкъ добрый. Выслушалъ онъ все это и говоритъ:—«Скажи ты, другъ любезный, сыну, что я бы ему отдалъ дочь, даромъ что онъ — пастухъ, да первое дѣло, что дочери у меня нѣту, а второе дѣло, что я бы, пожалуй, и царство ему послѣ себя отдалъ — только мнѣ нужно, чтобы человѣкъ умомъ былъ силенъ, всякую науку бы зналъ, все бы могъ своимъ умомъ сдѣлать, своимъ умомъ сообразить! Кого, говоритъ, я ни выбиралъ себѣ въ наслѣдники — все мнѣ народъ не нравится: и храбрые есть, и на лошади гарцовать мастера, и копьемъ орудовать молодцы есть, а такого человѣка умственнаго, чтобы въ немъ самомъ на все сила была,—нѣту! Вотъ если бы твой парнишка, хоть и пастухъ, а во всякихъ искусствахъ и наукахъ былъ бы дошлый,—ну, тогда я бы, пожалуй, ему и престолъ свой отдалъ. Поди-ка, скажи ему!»

«Пошелъ старикъ и говоритъ сыну: — «Такъ и такъ. Дочери, говоритъ, нѣту у него... А ежели бы ты въ разныхъ искусствахъ и наукахъ мастеръ былъ, такъ сулился ханъ и царство свое уступить». Подумалъ парнишка, говоритъ:— «Что-жъ! Пущай хоть царство отдаетъ. Это я согласенъ— царствовать. А только что ни въ какомъ случаѣ не соглашусь въ пастухи опять идти...»—«Да какъ же ты, глупый ты человѣкъ, собираешься царствовать, когда надобно сколько всякаго знать искусства, наукъ всякихъ. Что же

ты знаешь-то?» — «Чего мнѣ знать? Само-собой, я ровно ничего не знаю... А ежели надо много знать, чтобъ царствовать,—такъ все узнаю, не безпокойся. Иначе какъ на ханской должности, ни на чемъ не помирюсь!»

«Живымъ манеромъ одѣлся парнишка въ путь-дорогу, прихватилъ отца, и пошли они искать,—гдѣ есть искусные умные люди, на всякую хитрую выдумку мастера... Шли-шли, усталъ старикъ, сѣлъ на холмикъ и горько вздохнулъ,—все ему представляется, что рехнулся его мальчонка и Богъ знаетъ что̀ такое творитъ... Вздохнулъ онъ,—глядь, а рядомъ съ нимъ старичокъ какой-то, выскочилъ онъ тутъ гдѣ-то изъ-подъ холмика, — стоитъ и спрашиваетъ:—«Что̀ такое? О чемъ горюешь? Чего охаешь?» Разсказалъ ему старикъ про парнишку и его затѣи. Посмотрѣлъ старичокъ на парнишку и говоритъ:—«Ничего! Не тужи! Я здѣшній подземный царь, я все знаю; первый я мудрецъ и всякую премудрость и тайность произошелъ... Отдай мнѣ твоего сына, я его обучу». Спросилъ старикъ парнишку. Парнишка говоритъ:—«Что-жъ? Я хоть сейчасъ готовъ учиться. Потому мнѣ для ханскаго званія никакъ невозможно безъ науки быть...»

«Ну, потолковали, и взялъ подземный царь парнишку въ науку. Привелъ его во дворецъ, а дочь этого подземнаго царя—красота неописанная! — говоритъ парнишкѣ:— «Ты вотъ что̀, милый мой, дѣлай: никогда ты не говори моему отцу, что «понялъ» или «понимаю...», а пуще огня бойся, чтобы онъ видѣлъ, что ты больше его знаешь: съѣстъ онъ тебя поѣдомъ, завистливъ онъ къ тѣмъ, кто больше его смыслитъ. А говори ему: «ничего не смыслю, ничего не понимаю!..» Полюбилъ парнишка царскую дочь за эти умныя слова и сталъ учиться. Все онъ произошелъ лучше самого ученаго хана, исхитрился, изловчился во всѣхъ наукахъ-искусствахъ, а самъ все твердилъ:—«Ничего понять не могу! Ничего не смыслю. Ничего не понимаю!..» И не годъ, и не два такъ онъ прожилъ у стараго ученаго хана, и разсердился на него этотъ ханъ:—«Глупъ ты, говоритъ, безконечно! Сколько я ни старался—нѣтъ отъ тебя толку. Ступай вонъ!» И выгналъ его на землю, а парнишкѣ того и надо.

«Выскочилъ онъ на землю, первымъ дѣломъ къ отцу. А старикъ-отецъ сидитъ, лапти плететъ.—«Ну,—говоритъ сынъ отцу:—чего тебѣ надо?»—«Да мнѣ бы лошадь надо... старъ я...» — «Изволь!» Обернулся воронымъ конемъ. —

«Веди меня на базаръ и продавай за 200 рублей». Повелъ старикъ, продалъ за 200 рублей, пришелъ домой, а парнишка ужъ дома сидитъ... И опять онъ обернулся бѣлымъ конемъ и говоритъ отцу: — «Веди и продавай за 500 рублей, только съ уздечкой не продавай, а коли продашь — сними...» Повелъ его отецъ на базаръ, и тутъ на базарѣ-то оказался и старый подземный царь. Понялъ онъ, что парнишка перехитрилъ его, почуялъ, что парнишка больше его знаетъ, и разсердился. Сталъ покупать бѣлаго коня за 500 рублей и уздечку просилъ продать. Сначала старикъ не соглашался, а потомъ, какъ сталъ покупщикъ цѣну надбавлять — шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ—сдался старикъ и продалъ коня съ уздечкой, и заплакалъ конь...

«Схватилъ его сердитый старый ученый ханъ, повелъ въ свое царство, привелъ во дворецъ и сейчасъ его рѣзать хотѣлъ. — «Дай-ка мнѣ, — говоритъ онъ дочери: — ножъ. Мнѣ надо коня этого зарѣзать». А дочь поняла, что это за конь такой, отвѣчаетъ отцу: — «Отъ ножа осталась одна только ручка, а гдѣ лезвее — не знаю!» — «Давай копье!» — «У копья клинокъ отскочилъ...» — «Ну, такъ я самъ пойду, отыщу...» И пошелъ старый ученый ханъ во дворецъ копье искать, а дочь выскочила изъ дворца, сняла уздечку съ бѣлаго коня, обратился онъ въ голубя и улетѣлъ...

«Какъ увидалъ это старый ученый ханъ, разгнѣвался на молодого ученика и погнался за нимъ. Молодой летитъ голубемъ, а старый обернулся кречетомъ. Голубь влетѣлъ въ ханскій дворецъ и сѣлъ на окно — и кречетъ тутъ же рядомъ усѣлся. Царь стравилъ кречета на голубя, и только бы кречету броситься — голубь въ яблоко обратился, а кречетъ обратился въ старика... Протянулъ царь яблоко къ старику, и только бы старику съѣсть его—разсыпалось оно мелкимъ просомъ. Не сплоховалъ и старый ученый — превратился онъ въ насѣдку съ цыплятами и сталъ онъ клевать мелкое просо. Не сплоховалъ и молодой ученый: осталось одно зернышко, и съѣшь его насѣдка съ цыплятами— погибнуть бы молодому; но онъ изъ послѣдняго зернышка превратился въ кота и бросился на насѣдку — только перья изъ нея полетѣли! Обернулся старый ученый человѣкомъ, говоритъ:

«— Да! ты умнѣй меня!

«А молодой тоже обернулся человѣкомъ и говоритъ хану:

«— Ну, какъ по-вашему: знаю я что-нибудь и могу понятіе имѣть?

«— Да! — сказалъ ханъ.—Много, много знаешь! Это я вижу.

«— Ну, такъ ужъ сдѣлайте милость, потрудитесь и престолъ мнѣ вашъ отдать, — какъ по уговору было!

«— Изволь, изволь!

«Слѣзъ старый ханъ съ своего престола, а парнишка сѣлъ на него, взялъ за себя въ жены дочь стараго ученаго хана, умную дѣвицу, и стали они царствовать, и стали ихъ подданные любить, потому что они знали, что дѣлали, и ни въ чемъ ничего чужого у нихъ не было, а было у нихъ все свое и вѣковѣчное, — стало-быть, наука. Вотъ это я и называю счастьемъ...

«Ты вотъ счастливъ былъ, пока купецъ былъ богатъ; онъ былъ счастливъ, пока баринъ баловалъ, а я — говорилъ старикъ-солдатъ: — знаю вотъ по портновской части, умѣю орудовать иглой и ниткой, и пока у меня въ рукахъ игла да нитка, да пока на свѣтѣ живетъ «прорѣха», такъ я ничего не боюсь... То счастье неизмѣнное, которое въ тебѣ самомъ лежитъ, а не со стороны бѣжитъ».

МЕЛЬКОМЪ.

Замѣтки о текущей народной жизни.

I. Деревенскіе раскольники.

I.

Въ разсказахъ «Невидимки» я упомянулъ о священникѣ И. Г. Люцерновѣ, который добровольно ушелъ въ расколъ. спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ его диссертація на степень магистра богословія, представленная въ казенную духовную академію, не была удостоена одобренія. Случайные разсказы, слышанные мною о немъ во время поѣздки въ Сибирь въ Тобольскѣ, рисовали его въ высшей степени недюжинною личностью. Будучи въ Тобольскѣ начальникомъ духовнаго училища и всѣмъ извѣстный, какъ умный и образованный священникъ, онъ, перейдя въ расколъ, посѣтилъ тотъ же Тобольскъ уже въ простомъ русскомъ костюмѣ, въ армякѣ тонкаго сукна, въ рубашкѣ съ косымъ воротомъ, въ высокихъ сапогахъ до колѣнъ, и вошелъ въ такомъ видѣ въ клубъ, появился передъ всѣмъ давно знакомымъ ему обществомъ, и всѣхъ привелъ этимъ неожиданнымъ появленіемъ въ полный столбнякъ.

Пятидесятилѣтній, здоровый и сильный человѣкъ, человѣкъ ученый, искавшій и добивавшійся высшей ученой карьеры, проживъ на этомъ пути почти всю свою жизнь, вдругъ исчезаетъ изъ общества и затеривается въ темной, мало образованной средѣ. Зачѣмъ это? Какія этому причины? Заинтересованный этими вопросами, я крайне жалѣлъ, что у насъ такъ мало говорятъ о подобнаго рода оригинальныхъ личностяхъ въ печати, и крайне желалъ разузнать г. Люцернова поподробнѣе, что и надѣялся сдѣ-

лать въ Казани, на обратномъ пути. Но на обратномъ пути, именно въ Казани, я прочиталъ, что 8 іюля бывшій священникъ, а нынѣ «*изверженный изъ сана*», Іоаннъ Люцерновъ скончался въ г. Самарѣ, а вслѣдъ затѣмъ стали появляться въ поволжскихъ періодическихъ изданіяхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, свѣдѣнія о жизни покойнаго, его характеристики, — словомъ, все то, чего нельзя было узнать о Люцерновѣ, когда онъ былъ живъ и когда въ жизни его совершился такой рѣшительный переломъ.

Вотъ это-то обстоятельство, т.-е. желаніе выяснить своеобразную личность И. Люцернова на основаніи матеріаловъ, сообщаемыхъ о немъ въ поволжской печати, и было причиною того, что прежде, нежели оказалось возможнымъ выяснить что-либо въ загадочной жизни о. Люцернова, необходимо было дать первое мѣсто тѣмъ сообщеніямъ мѣстной печати, которыя касались вообще современнаго положенія поволжскаго раскола и давали возможность выяснить рѣшительный поступокъ о. Люцернова.

Расколъ, обыкновенно понимаемый нами въ смыслѣ *упорства* темныхъ народныхъ массъ въ религіозно-политическихъ заблужденіяхъ, благодаря безтенденціознымъ вѣстямъ о немъ во множествѣ корреспонденцій изъ раскольническихъ селъ и деревень, невольно сталъ очерчиваться не только со стороны этого всѣмъ извѣстнаго упорства «въ заблужденіяхъ», но и со стороны совершенно неизвѣстныхъ намъ порядковъ обыденной, домашней и общественной жизни деревень, населенныхъ раскольниками, со стороны той дисциплины во взаимныхъ хозяйственныхъ и семейныхъ отношеніяхъ между крестьянами-раскольниками, которая, при изученіи раскола съ точки зрѣнія «упорства», почти никогда не принималась изслѣдователями во вниманіе. Читая эти корреспонденціи изъ раскольническихъ деревень, невольно чувствуешь, что именно дисциплина взаимныхъ отношеній, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, дисциплина, имѣющая въ основаніи стремленіе къ общему благополучію и общему достатку, что она-то именно и есть самое главное для темнаго крестьянина-земледѣльца, что она-то и держитъ его въ расколѣ и заставляетъ крѣпко, «обѣими руками», держаться за всѣ тѣ религіозные предразсудки, которые темный человѣкъ считаетъ обороной, амулетомъ, спасающимъ благопріятныя для него житейскія, *земныя* отношенія. Первенствующее значеніе для темныхъ народныхъ массъ дисциплины во взаимныхъ отношеніяхъ

давало возможность понять, что даже такой своеобразный человѣкъ, какъ И. Люцерновъ, перешелъ въ расколъ также главнымъ образомъ вслѣдствіе соблазна дисциплинированною жизнью этой среды, ясностью въ порядкахъ ея жизни, и еще потому, что, на его несчастье, условія его долголѣтней жизни никогда ему не давали возможности жить просто, спокойно, и твердо знать, гдѣ найдешь и гдѣ потеряешь.

Въ виду того, что именно эта сторона раскола, т.-е. дисциплина и благообразіе взаимныхъ обыденныхъ отношеній, не только даетъ возможность объяснить такой исключительный случай, какъ переходъ Люцернова въ расколъ, но и вообще заслуживаетъ вниманія всякаго желающаго знать что-нибудь существенное о народномъ бытѣ и порядкахъ народной жизни, — я отложу рѣчь о Люцерновѣ до конца этого очерка и прежде всего перескажу изъ мелькомъ собраннаго матеріала только то, что̀ касается или хотя намекаетъ на значеніе дисциплины во взаимныхъ отношеніяхъ среди деревенскихъ раскольниковъ.

II.

Изъ газетныхъ свѣдѣній, касающихся этого вопроса, особеннаго вниманія заслуживаютъ корреспонденціи г. Н. Р., печатавшіяся въ газетѣ «Новое Время» лѣтомъ и зимой 1888 года. Корреспонденціи эти замѣчательны полнѣйшею искренностью и безпристрастіемъ автора въ тѣхъ выводахъ и заключеніяхъ, на которыя наводило его личное наблюденіе. Въ первой своей корреспонденціи *), не имѣя еще никакого соприкосновенія съ раскольничьею средой, онъ относится къ ней съ явнымъ предубѣжденіемъ. Его глубоко огорчаетъ, что расколъ распространился по Волгѣ широкою полосой, на пространствѣ 2.200 верстъ, и что, «держась здѣсь изстари, онъ и въ настоящее время *крѣпокъ и силенъ* благодаря замкнутости, обособленности отъ *постороннихъ вѣяній*». Указавъ, что главнымъ центромъ поволжскаго раскола является Хвалынскъ (съ Черемшанскимъ скитомъ), онъ говоритъ, что «туда *стремится* все, что̀ наиболѣе тѣсно связано съ расколомъ, и *все, что̀ боится свѣта*». Кромѣ Хвалынска, «наибольшею *нетерпимостью и невѣжествомъ* расколъ отличается въ уѣздахъ, прилегающихъ къ Землѣ Войска Донского». «Образцомъ *закоснѣлости и тем-*

*) № 4409.

ноты здѣшняго раскола можетъ служить сел. Самодуровка, Хвалынскаго уѣзда». «Густота раскола и его *глубокая закоренѣлость* дѣлаютъ необходимымъ *сильныя, но осторожныя* средства *борьбы съ расколомъ*».

Закончивъ эту корреспонденцію сообщеніемъ, что съ этой темнотой, невѣжествомъ, закоснѣлостью и закоренѣлостью ведетъ борьбу «крупное миссіонерское учрежденіе саратовскаго братства Св. Креста», онъ въ слѣдующей корреспонденціи касается успѣховъ этого братства *) и съ сожалѣніемъ говоритъ, что при стойкости и закоренѣлости поволжскаго раскола «было бы нѣсколько *легкомысленно* говорить о блестящихъ результатахъ, достигнутыхъ въ этомъ отношеніи». «Для замѣтнаго воздѣйствія на стойкую и упорную раскольничью *массу* нужны многіе десятки лѣтъ». Отдѣльныя лица, дѣйствительно, часто переходятъ въ православіе, хотя, напр., въ 1887 г., при дѣятельности 56 *миссіонерскихъ пунктовъ* саратовскаго братства Св. Креста, къ православію присоединилось только 263 ч. Для огромной массы крестьянства, живущаго въ расколѣ, эта цифра отдѣльныхъ лицъ весьма ничтожна. «На Волгѣ, продолжаетъ онъ, во многихъ большихъ селахъ и деревняхъ все населеніе *отъ перваго до послѣдняго человѣка* — раскольники, и воздѣйствованіе на такую сплоченную массу, разумѣется, трудно, а *о скорыхъ результатахъ нечего и говорить*». «Съ прискорбіемъ должно сказать, говорится въ одномъ изъ миссіонерскихъ отчетовъ, что *вражья сила велика,* и со стороны представителей раскола принимаются свои мѣры и усилія удержать своихъ послѣдователей внѣ святой церкви». Братство Св. Креста, кромѣ Саратова, *имѣетъ 56 миссіонерскихъ пунктовъ*. При такой широкой просвѣтительной дѣятельности, разумѣется, удалось заронить доброе зерно *на неблагодарную почву раскола.* Останавливаясь на случаяхъ обращенія въ православіе, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ. Такъ, напримѣръ, принимать православіе легче людямъ состоятельнымъ или, по крайней мѣрѣ, не нуждающимся. *Бѣдный же раскольникъ, хотя бы и поддался вліянію миссіонерской проповѣди и собесѣдованій, все-таки не рѣшится бросить расколъ по матеріальнымъ расчетамъ,* ибо состоятельные раскольники — *это одна изъ ихъ хорошихъ чертъ* — не отказываютъ въ помощи собратамъ «по вѣрѣ». «*Оставить расколъ* —

*) № 4414.

значитъ впасть въ бѣдность, — вотъ что̀ сплошь и рядомъ служитъ огромнымъ препятствіемъ для успѣховъ православной проповѣди и *вотъ что̀ имѣетъ громадное значеніе, съ точки зрѣнія стойкости поволжскаго раскола.* Въ рукахъ богатыхъ раскольниковъ сплошь и рядомъ тѣ нити, при помощи которыхъ тѣсно и упорно держится сѣрая раскольничья масса. Это обстоятельство является, съ другой стороны, довольно вѣрнымъ показателемъ того, что *наиболѣе искусно слѣдуетъ направлять миссіонерское вліяніе именно на богатыхъ и вліятельныхъ лицъ.* Дѣло въ томъ, что богатый борецъ раскола, разъ удастся его склонить къ православію, уже самъ по себѣ является миссіонеромъ, распространяя свое вліяніе на извѣстную группу раскольниковъ. Конечно, такая задача сопряжена съ громадною трудностью, но не невозможна» *).

Изъ этого отрывка видно, что авторъ примѣтилъ въ упорствѣ раскольниковъ не одно уже невѣжество, темноту, закоренѣлость и закоснѣлость; онъ указалъ на особенность строя жизни раскольниковъ, имѣющую *громадное значеніе* именно съ точки зрѣнія стойкости. *Оставить расколъ — значитъ впасть въ бѣдность.* Вотъ строчка, которую слѣдовало бы побольше растолковать намъ почтенному автору, выяснить ее, какъ должно; въ этой-то строчкѣ вся сила и вся тайна «упорства» *массъ*, а не отдѣльныхъ личностей раскола. Но авторъ еще не отрѣшился отъ предвзятыхъ идей и не остановилъ своего вниманія на странной мѣрѣ для борьбы съ расколомъ, выраженной словами: «наиболѣе *искусно слѣдуетъ направлять миссіонерское вліяніе на богатыхъ и вліятельныхъ*». Въ высшей степени странно полагать, что *богатый* раскольникъ, сдѣлавшись православнымъ, привлечетъ за собою цѣлую «группу» раскольниковъ. Если такъ, то зачѣмъ же непрерывная, утомительная борьба съ темными, закоренѣлыми, невѣжественными массами, борьба словесная, когда у насъ есть во сто разъ больше *богатыхъ православныхъ*, чѣмъ всѣхъ раскольниковъ, взятыхъ вмѣстѣ? Пусть бы *богатые православные* поступали такъ, чтобы массы были на ихъ сторонѣ. Но вотъ оказывается, что хоть въ одномъ Саратовѣ только, не говоря о всемъ Поволжьѣ, положительно тьма богачей и есть даже простые мужики, владѣющіе тысячами десятинъ земли, однакоже *оставить расколъ — значитъ впасть въ*

*) № 4414.

бѣдность. И теперь есть тьма бѣдныхъ православныхъ мужиковъ и есть тьма православныхъ богатыхъ людей, но между ними нѣтъ той *хорошей черты*, которая *имѣетъ громадное значеніе* съ «точки зрѣнія стойкости поволжскаго раскола». Слѣдовательно необходимо было бы еще ближе подойти къ этой тайнѣ вліянія «хорошихъ чертъ», такъ какъ тьма, закоснѣлость и закоренѣлость раскольниковъ въ религіозномъ отношеніи довольно уже ясны для всего общества.

А что, помимо религіозныхъ заблужденій, въ расколѣ есть еще «нѣчто» важное въ общежитейскихъ обыденныхъ отношеніяхъ, это доказываетъ третье письмо г. Н. Р. напечатанное *въ ноябрѣ* мѣсяцѣ того же 88 года *) и еще разъ свидѣтельствующее о глубочайшей искренности автора. Пріѣзжаетъ онъ въ тотъ же самый Хвалынскъ, въ который, по его словамъ, *стремится все, что̀ боится свѣта*, и гдѣ, такъ сказать, сосредоточена вся раскольничья закоренѣлость. Въ Хвалынскъ онъ пріѣхалъ потому, что здѣсь въ настоящее время «образовался крѣпкій центръ по управленію поволжскимъ расколомъ, почитаемый всѣми приверженцами австрійскаго священства». «Небезынтересно, говоритъ онъ, было подробнѣе познакомиться какъ вообще съ низовыми старообрядцами, такъ и въ особенности съ *черемшанскими раскольничьями скитами* (куда бѣжитъ все, что̀ боится свѣта). Можетъ-быть, говоритъ авторъ, это дастъ намъ возможность вѣрнѣе и проще уяснить себѣ: *чѣмъ особенно силенъ и крѣпокъ нашъ расколъ?*» «Мнѣ удалось, продолжаетъ онъ, побывать въ черемшанскихъ скитахъ нынѣшнимъ лѣтомъ, во время скитаній по Волгѣ. *Мнѣ сначала не совѣтовали ѣхать туда, ссылаясь на крайнюю скрытность и недовѣрчивость раскольниковъ, а нѣкоторые волжскіе жители рисовали ихъ дикими изувѣрами.*

«*Не совсѣмъ такъ оказалось на дѣлѣ!*»

И вотъ какъ почтенный авторъ описываетъ свою поѣздку въ Черемшанскій скитъ, находящійся близъ Хвалынска, въ четырехъ верстахъ отъ берега Волги:

«Кто незнакомъ съ красотами Поволжья, тому трудно представить, что̀ за очаровательное мѣстоположеніе этихъ скитовъ. Справа, высоко надъ Волгой, выступаетъ рядъ величавыхъ холмовъ съ ихъ бѣлыми мѣловыми шапками и

*) Въ № 4563.

зелеными скатами; тамъ, дальше, высится крутая стѣна съ кудреватою зеленью деревьевъ, а между этою стѣной и холмами, въ широкой ложбинѣ, по которой пробѣгаетъ ручей Черемшанъ, и расположены черемшанскіе раскольничьи скиты. При поверхностномъ взглядѣ, здѣсь не увидите ни одного строенія, ни одного признака жилья: видно только цѣлое море густой зелени деревьевъ. Но поднимитесь нѣсколько выше на сосѣдній холмъ, и передъ вами, какъ на ладони, цѣлый рядъ зданій, мельница и зеркальный прудъ. Все это производитъ впечатлѣніе какой-то разросшейся помѣщичьей усадьбы.

«Что̀ же такое черемшанскіе скиты въ настоящее время? Прежде они были пріютомъ «мучениковъ за вѣру», *бѣглыхъ, скрывавшихся отъ свѣта и власти, гнѣздомъ преступной тайной пропаганды раскола, безпорядочнымъ скопищемъ изувѣровъ и лиходѣевъ. А теперь?*

«*Теперь?* Взгляните на эти зданія, на мельницу, на огородъ и сады, и вы увидите, что это, прежде всего, *нѣчто благоустроенное...*»

Къ глубочайшему сожалѣнію, это «нѣчто благоустроенное» такъ и осталось неразъясненнымъ въ подробностяхъ. Послѣ слова «благоустроенное» стоятъ точки. Описана въ нѣсколькихъ строкахъ моленная, затѣмъ мы едва-едва замѣчаемъ опять нѣчто благоустроенное, что-то въ родѣ женскаго института, такъ какъ авторъ видѣлъ множество дѣвушекъ, одѣтыхъ одинаково, въ платья голубого цвѣта и бѣлыя пелеринки. Видѣлъ онъ нѣкоего отца Израиля, у котораго комната была полна книгъ, географическихъ картъ. По какимъ-то причинамъ вовсе не разсказано того, что̀ авторъ видѣлъ и что̀, несомнѣнно, произвело на него самое свѣтлое впечатлѣніе.

«Жизнь въ скитахъ правильная, размѣренная, совсѣмъ не напоминающая *тѣхъ устарѣвшихъ разсказовъ о Черемшанѣ, которые держатся до настоящаго времени*» *).

Мало, очень мало сообщаетъ намъ авторъ изъ своихъ личныхъ наблюденій, но все-таки мы имѣемъ свидѣтельство очевидца, удостовѣряющее, что всѣ страхи передъ такимъ вертепомъ, какъ Черемшанъ, которые держатся до настоящаго времени, оказываются *устарѣвшими*, и вмѣсто скопища изувѣровъ и лиходѣевъ тамъ есть нѣчто *благоустроенное.*

---

*) № 4565.

III.

Даже изъ этого едва-едва указаннаго «благообразія» нельзя не видѣть, что *хорошія черты* въ обиходѣ ежедневной жизни имѣютъ для народа огромнѣйшее значеніе. Но, при всемъ обиліи извѣстій изъ раскольническихъ деревень, появляющихся въ мѣстной печати, почти вовсе не говорится о подробностяхъ взаимныхъ практическихъ отношеній между раскольниками. Ощущается только несомнѣнное ихъ преимущество предъ взаимными отношеніями между собою нашихъ обыкновенныхъ недоимщиковъ. Памятуя народную поговорку, что *отъ добра добра не ищутъ*, иначе какъ желаніемъ жить лучше, чѣмъ жилось, нельзя объяснить такого явленія, какъ переходъ цѣлыхъ деревень въ расколъ. Изъ села Тунгуза пишутъ въ «Саратовскій Дневникъ» *):

«Въ настоящее время въ приходѣ числится обоего пола 1.040 душъ и *безъ исключенія всѣ раскольники*. Расколъ проникъ сюда во время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права; прежде хотя и были раскольники, но секретно, потому что помѣщикъ Огаревъ строго слѣдилъ за ними и обращался безцеремонно: если кто не явится къ литургіи, того онъ ставилъ передъ церковью на колѣни и заставлялъ класть по 1.000 поклоновъ земныхъ. Въ настоящее время число православныхъ можно опредѣлить очень просто: мнѣ пришлось,—говоритъ корреспондентъ:—просмотрѣть исповѣдныя росписи съ 1867 и до 1887 г., въ которыхъ оказалось, что въ св. четыредесятницу у исповѣди и причастія Св. Таинъ были только духовенство, помѣщикъ и церковный сторожъ, а въ графахъ противъ крестьянъ, за всѣ 20 лѣтъ, написано: «не были», «раскольники». Изъ этого каждый можетъ заключить, что здѣсь православные только и есть духовенство, а прочіе всѣ раскольники».

Это село, повидимому, изъ самыхъ «упорныхъ» и «закоренѣлыхъ» въ расколо-*ученіи*. Но когда пріѣхалъ туда миссіонеръ и собиралъ 11 и 12 ноября 1888 г. для собесѣдованія, «то ровно *ничего толковаго отъ нихъ добиться не могъ*».

---

*) Всѣ нижеслѣдующія цитаты заимствованы главнымъ образомъ изъ «Саратовскаго Дневника» за первые три мѣсяца настоящаго года. Затѣмъ слѣдуютъ заимствованія изъ «Самарскихъ и Саратов. Епарх. Вѣдом.»

«Одинъ наставникъ, Семенъ Хрусталевъ, сказалъ такъ: «Ты, отецъ, насъ ничѣмъ не убѣдишь, и не только ты, но аще и ангелъ съ небесъ сойдетъ и будетъ посылать въ церковь—и то не пойдемъ. Лучше въ адъ пойдемъ, а не въ церковь». Сколько ни представлялъ имъ миссіонеръ доказательствъ изъ священнаго писанія, но все это, какъ горохъ къ стѣнѣ, не приставало къ нимъ, а отлетало прочь. Одинъ наставникъ, Трифонъ Тарасовъ, вступилъ-было въ бесѣду, но ему прочіе запретили. «*Говори только,*—шептали ему на ушко:—*не пойдемъ и больше ничего*». Тарасовъ послѣ этого на всякое разъясненіе миссіонера и вопросъ отвѣчалъ: «не пойдемъ». Миссіонеръ цѣлыхъ два дня бился съ ними и только всплеснулъ руками и прекратилъ бесѣды. Раскольники послѣ бесѣды поблагодарили миссіонера за его сдержанность и терпѣливость, но все-таки сказали, что въ церковь не пойдутъ, и просили *оставить ихъ въ покоѣ*».

Такимъ образомъ изъ этой корреспонденціи совершенно ясно видно, что не одни религіозныя заблужденія держатъ крестьянъ въ расколѣ, а еще что-то и другое. Они даже и спорить не хотятъ, даже не могутъ спорить, словъ никакихъ не знаютъ и искренно благодарны, если ихъ оставятъ въ покоѣ жить на привольѣ. Село это пріютилось на весьма красивомъ мѣстѣ, на мысу между двухъ рѣчекъ, окружено пышною растительностью,—чего ужъ тутъ болтать, чего не понимаешь? Очевидно, что послѣ перехода въ расколъ стало лучше жить, но въ чемъ это лучшее, пока мало извѣстно намъ.

Бывали случаи, что крестьяне просто-напросто «увозили», скрывали своихъ малограмотныхъ «начетчиковъ», потому что каждый миссіонеръ постоянно побиваетъ и кладетъ въ лоскъ рѣшительно всякаго изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ расколоучителей. Лучше же прятать *старичка*, что̀ его обижать-то? На словахъ-то его «безпремѣнно» съѣдятъ, а онъ надобенъ деревнѣ не изъ-за словъ, а изъ-за порядка. «Слухаютъ его, вотъ чѣмъ онъ дорогъ, старикъ-то!..» Въ селѣ Лапотѣ (Золотовской волости) въ январѣ мѣсяцѣ какъ-то случайно очутились сразу два миссіонера: одинъ изъ нихъ, Голубевъ, былъ, вѣроятно, послабѣе и, пріѣхавъ нѣсколькими часами раньше, все-таки велъ бесѣду; но когда пріѣхалъ Кармановъ, другой, повидимому, болѣе искусный, то раскольники отказались вести бесѣду съ нимъ «*и тайкомъ увезли* изъ Лапотя своего начетчика». Оба миссіонера затѣмъ пріѣхали въ село Золотое, но здѣсь на бе-

сѣдахъ *никакихъ возраженій не было* со стороны раскольниковъ. Въ с. Шиловомъ, куда пріѣхалъ Кармановъ, «были возражатели, *но малограмотные*».

«Разъяснялись вопросы о прилогѣ «истинный» въ символѣ вѣры и сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія. Затѣмъ сдѣлано было обстоятельное объясненіе клятвъ собора 1566—67 годовъ. Отъ слѣдующихъ бесѣдъ раскольники отказались, говоря: «*руби наши головы*, а мы не пойдемъ!»

«Руби наши головы!» Вотъ до какой степени имъ трудно защитить себя на почвѣ религіозныхъ вопросовъ, и въ то же время какъ непоколебимо они отстаиваютъ какія-то, невѣдомыя намъ, преимущества порядковъ своей жизни.

Другой случай перехода въ расколъ цѣлымъ селеніемъ былъ также послѣ освобожденія крестьянъ и также въ Вольскомъ уѣздѣ, въ с. Кряжимъ. Называется оно такъ потому, что лежитъ на живописномъ, возвышенномъ мѣстѣ, «на кряжѣ». Въ прежнія времена кряжимскіе крестьяне были крѣпостными Павла Петровича Меньшикова и во время крѣпостнаго права были всѣ православные, а когда вышли на волю, то въ скоромъ времени «проникъ сюда расколъ «спасова согласія». Житель этого села, Бадинъ, въ 60-хъ годахъ, познакомившись съ бѣглопоповцами, сталъ открыто пропагандировать расколъ въ средѣ мѣстныхъ жителей, а затѣмъ въ отдаленности села устроилъ земляную хижину и привлекалъ сюда жителей всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень, къ нему народъ стекался массами и снабжалъ его разнаго рода продуктами. Во избѣжаніе преслѣдованій, онъ устроилъ здѣсь пчельникъ и принялъ къ себѣ еще двоихъ стариковъ. Но все-таки администрація проникла въ это дѣло, не дала имъ тутъ жить, а выслала въ село; нѣкоторые говорятъ, что его выжили воры и бродяги, нападавшіе на него неоднократно.

«Въ настоящее время раскольники раздѣляются на 5 толковъ. Здѣсь есть безпоповцы брачные и небрачные, бѣглопоповцы, нѣтовцы и австрійцы-окружники».

Но это не значитъ, чтобы между ними была рознь, такъ какъ въ дѣлахъ дѣйствительно общественныхъ они, какъ оказывается, составляютъ *одно общество*. Это видно изъ слѣдующаго факта:

«У этихъ раскольниковъ имѣется *нѣсколько школъ*, въ которыхъ обучаются мальчики и дѣвочки; учителями состоятъ старыя начетчицы, а дѣвица «Ирина» состоитъ *въ родѣ*

инспектора народныхъ училищъ. У православныхъ же школы никакой не имѣется».

Когда сюда пріѣхалъ, 5 ноября 1888 г., миссіонеръ П. Шалкинскій (личность самая дѣятельная), то обыватели, не рѣшаясь обнаружить своей малограмотности «и не желая остаться безотвѣтными, ѣздили за начетчикомъ М. Рѣзаевымъ, но послѣдній отказался отъ бесѣды, чѣмъ скомпрометировалъ кряжимскихъ наставниковъ. Послѣ этого старообрядцы ходили къ своимъ наставникамъ партіями и *просили защитить* свою древлеправославную вѣру, но они отказались наотрѣзъ, чѣмъ уронили свой авторитетъ и передъ своими пасомыми».

Судя по всему, можно думать, что кряжимскіе раскольники и теперь уже чувствуютъ раскаяніе въ своемъ суетномъ желаніи *не быть безотвѣтными*. Хотѣли поэксплоатировать чужую остроту ума, заставить наставниковъ исполнять ихъ желанія, тогда какъ настоящій, темный мужикъ прячетъ наставника отъ бѣды, зная, что не зачѣмъ его понапрасну ставить въ неловкое положеніе, конфузить, когда просто надо, чтобъ его «уважали» и слушались. Вообще раскольники всегда почти становятся въ крайне нелѣпое положеніе, если зададутся суетною мыслью состязаться съ православными миссіонерами.

Нельзя однако не замѣтить, что эти суетныя мысли одолѣваютъ раскольниковъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть и православные, то-есть гдѣ побуждаетъ къ этому еще и рознь партій. Такъ было въ с. Кряжимѣ, такъ было и въ с. Донгузѣ, также Вольскаго уѣзда. Въ приходѣ этого села считается 1.915 душъ, при чемъ «неотписныхъ» (сколько можно понять—тайныхъ) считается «*болѣе* чѣмъ половина прихода». Живутъ раскольники этого прихода, по обыкновенію, замѣчательно хорошо. «Это многолюдное село расположилось по обѣимъ сторонамъ рѣки Донгуза, отчего и получило свое названіе. Съ какихъ временъ и кѣмъ именно оно основано, мѣстные жители узнать не могутъ, и никакихъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ относительно этого въ церковномъ архивѣ. Въ настоящее время село представляетъ собою замѣчательно красивый видъ. Постройка здѣсь производится изъ дерева и съ претензіями на изящество; нѣкоторые крестьяне, живущіе въ центрѣ села, построили двухъэтажные дома, весьма роскошные и довольно обширные. Общественныя зданія: волостное правленіе, церковно-приходская школа и дома для священнослужителей на оба штата весьма

хорошіе. Церковь каменная, двухпрестольная. Центръ села освѣщается по ночамъ фонарями, поставленными около церкви, домовъ священнослужителей, общественныхъ зданій и имѣющагося въ селѣ маленькаго базара. Селу придаетъ роскошный видъ то обстоятельство, что оно охватывается кругомъ весьма высокими горами, обросшими разнымъ кустарникомъ, чернолѣсьемъ и соснякомъ; въ лѣтнее время мѣстность эта представляетъ живописную картину и благоухаетъ разными ароматными цвѣтами. Ягодъ и разнаго рода грибовъ родится не въ проборъ. Крестьяне занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ, а *въ свободное время* плотничнымъ и столярнымъ ремесломъ, и *отличаются трезвостью и нравственною жизнью*».

Все, какъ видитъ читатель, слава Богу, хорошо, но иной разъ эти порядки «трезвой и нравственной жизни», дающіе земледѣльцу возможность имѣть даже *свободное время*, приходится отстаивать на почвѣ религіознаго диспута, т.-е. въ такой области, которая живущимъ на привольѣ трезвою и нравственною жизнью людямъ постижима въ весьма малой степени. Приходится возлагать надежды на начетчиковъ, которые, какъ мы уже знаемъ, непремѣнно должны пасовать передъ миссіонерами. Увезти такого начетчика въ такомъ бойкомъ мѣстѣ, въ виду православнаго населенія, нельзя,—значитъ осрамиться. Поэтому-то раскольники села Донгуза волей-неволей должны были выставлять для своей обороны своего начетчика, Мусатова, человѣка малограмотнаго, который однажды сильно имъ повредилъ; вслѣдствіе его малограмотности, миссіонеру П. Шалкинскому удалось 21 ноября, послѣ бесѣды, обратить въ православіе три раскольничьи семьи, что̀ сильно напугало старообрядцевъ. Не желая однако выказать себя побѣжденными, они въ тотъ же день послали за извѣстнымъ намъ уже М. Рѣзаевымъ (за 60 вер.), *славившимся* въ той мѣстности, но тотъ отказался отъ бесѣдъ, объяснивъ посланнымъ, что ему съ православными миссіонерами бесѣдовать нельзя,—запрещаетъ начальство. Какъ ни просили старообрядцы, а упросить не могли. Раскольники, преждевременно торжествовавшіе побѣду въ ожиданіи этого борца (М. Рѣзаева), совершенно стали втупикъ. «Мусатовъ возгордился этимъ и объявилъ себя борцомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ Рѣзаевъ, потому что онъ, какъ бы то ни было, велъ бесѣды, а Рѣзаевъ, несмотря на обѣщанный ему приличный гонораръ, отказался отъ бесѣды въ конецъ».

Обѣ эти личности, Рѣзаевъ и Мусатовъ, волостные писаря, такъ сказать, спеціалисты-наемники, аблакаты раскола. Они получаютъ гонораръ, интригуютъ, чванятся другъ передъ другомъ,—словомъ, рисуются какъ люди, не имѣющіе ничего общаго съ людьми, которые хотя по временамъ и нуждаются въ нихъ, но постоянно, и безъ ихъ адвокатскаго содѣйствія, живутъ «трезво и нравственно».

Кромѣ этихъ «аблакатовъ», изучающихъ только полемическую часть дѣла, раскольничья среда не оскудѣваетъ и по части искреннихъ буквоѣдовъ и книжниковъ. «Выдающеюся личностью въ этомъ отношеніи изъ селенія Большія Бакуры считается мѣстный молодой крестьянинъ, Назаръ Ермолаевъ Шаровъ, который теперь привлекаетъ вниманіе какъ раскольниковъ, такъ и православныхъ. Шаровъ, отлично кончивъ курсъ мѣстной земской сельской школы, принялся, подъ руководствомъ своего дѣда, раскольничьяго начетчика Ивана Сиротина, изучать старопечатныя и рукописныя священныя книги, излюбленныя раскольниками. Можно было предполагать, что Шаровъ, какъ болѣе развитой человѣкъ въ пониманіи печатнаго слова, сравнительно съ другими, совсѣмъ малограмотными раскольничьими начетчиками, будетъ менѣе «буквоѣдъ» и кривотолкъ, какъ бы ни было сильно вліяніе дѣда; но оказалось, что Шаровъ сталъ выступать ярымъ оппонентомъ православныхъ миссіонеровъ, ѣздилъ даже нѣсколько разъ въ Саратовъ съ такою же цѣлью. Затѣмъ какъ будто на время умолкъ, прекратилъ свою дѣятельность. Наконецъ стало слышно, что Шаровъ поколебался «въ вѣрѣ» и намѣревается перейти въ православіе. Потомъ онъ пропалъ изъ Бакуръ, взявши годовой паспортъ. Но недавно онъ опять появился въ Бакурахъ и теперь ведетъ большую переписку съ тѣми лицами, съ которыми видѣлся за время недавняго отсутствія, посылая имъ десятками письма по земской почтѣ до сердобской почтовой конторы. Въ числѣ этихъ писемъ есть съ адресомъ «Австрія». Многаго ждутъ теперь отъ Шарова, но особенно интересуетъ обывателей его переписка съ «заграницей». А самъ Шаровъ не удовлетворяетъ любопытства ни раскольниковъ ни православныхъ и ничего не говоритъ, гдѣ онъ былъ, что видѣлъ и слышалъ, представляетъ для всѣхъ ходячій вопросъ».

IV.

Но такой человѣкъ, очевидно, не уживется среди темнаго крестьянства и, навѣрное, будетъ высоко цѣнимъ лишь въ

высшей раскольничьей іерархіи. А что іерархія эта слишкомъ удалена отъ темной массы народа, что она представляетъ, такъ сказать, дѣйствительно «высшее раскольничье начальство», можно видѣть изъ нижеслѣдующей характеристики ея организаціи и дѣйствительнаго состава, сдѣланной, хотя и въ ироническомъ тонѣ, но довольно обстоятельно г. М. Гребневымъ *). «*Областными* духовными совѣтами распоряжается *московскій* духовный совѣтъ, состоящій изъ безгласнаго лже-архіепископа Савватія, двухъ всевластныхъ протопоповъ Петра и Ѳедора, съ четырьмя московскими купцами; онъ (московскій совѣтъ) разсылаетъ лже-епископовъ, подчиняетъ одного другому, одного лишаетъ власти, другому даетъ область въ $^1/_3$ Европейской Россіи; епископы и просятъ и ожидаютъ себѣ увольненія отъ областныхъ духовныхъ совѣтовъ, а совѣты и соборы состоятъ не только не изъ епископовъ, но даже и не изъ іереевъ, а изъ мірянъ-попечителей, только вмѣстѣ съ іереями. Правда, не всегда было такъ; въ Москвѣ при Антоніи Шутовѣ, любившемъ собирать соборы, собиравшемъ на нихъ по 12 и болѣе лже-епископовъ, московскіе купцы отодвигались на второй планъ; все дѣло велъ самъ Антоній съ помощью преданныхъ ему московскихъ купчихъ. При преемникѣ Антонія, Савватіи, соборы потеряли свое значеніе; ихъ перестали и собирать, все управленіе перешло въ руки *постояннаго* московскаго духовнаго совѣта. Въ Саратовѣ соборы собираются ежегодно въ сентябрѣ или октябрѣ; и это понятно, потому что дѣла на этихъ собраніяхъ рѣшаются по большинству «купеческихъ» голосовъ, а лже-пастыри допускаются только для соблюденія духовно-католическаго, такъ сказать, приличія».

Такимъ образомъ оказывается, что лже-іерархія *не только* въ центральномъ управленіи, въ Москвѣ, но еще болѣе въ провинціи, такъ или иначе должна подчиняться желаніямъ и вкусамъ раскольничьяго общества, и если въ городахъ раскольничье общество, состоящее изъ тузовъ-коммерсантовъ, можетъ требовать отъ подчиненнаго ему іерарха, кромѣ повиновенія, еще и «*буквоѣдныхъ* знаній», то темная масса крестьянства, ничего не смыслящая въ этихъ знаніяхъ, требуетъ отъ своихъ властей, наиболѣе близко къ нимъ стоящихъ, единственно лишь «примѣрнаго» житія, поучительнаго для нихъ, строгаго, благообразнаго образа жизни, такъ, чтобы, глядя на него, и вся община укрѣпляла

*) «Самарск. Епархіальн. Вѣдом.» (1888 г. № 11).

въ себѣ потребность благообразныхъ отношеній. Этотъ типъ простого, добраго, *искренно заблуждающагося* человѣка, малограмотнаго, но непреклонно вѣрующаго въ свою священную обязанность «пасти стадо» и тѣмъ только, чтобы быть для него «примѣромъ», прекрасно очерчивается въ двухъ статьяхъ «Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». Въ той и другой рѣчь идетъ о самарскомъ раскольничьемъ епископѣ Амвросіи, при чемъ одна изъ этихъ статей (въ № 11) спеціально посвящена біографіи этого епископа, а авторъ другой: «До чего дожило наше бѣглопоповство», написанной исключительно для обличенія покойнаго Люцернова и доказывающей, что, принявъ его, бѣглопоповцы глубоко пали въ нравственномъ отношеніи, говоритъ о епископѣ Амвросіи лишь въ смыслѣ этого горькаго упрека: «Какая разница между *простодушнымъ* ивантѣевскимъ *мужикомъ* Амвросіемъ, который подъ самымъ допросомъ, *съ достоинствомъ искренно заблуждающагося*, подписался (подъ протоколомъ допроса): «смиренный Амвросій епископъ»,—и этимъ находчивымъ *бариномъ* Иваномъ Гавриловичемъ Люцерновымъ! Какъ много нужно было бѣглопоповцамъ *перевернуть въ своей душѣ*, *изломать*, *задушить*, чтобы увѣрять себя, что этотъ *баринъ*, въ золотыхъ очкахъ, съ сигарой, есть все-таки «священноіерей древняго благочестія». Вотъ до чего дошло бѣглопоповство нашихъ дней! Ему приходится увѣрять себя, что человѣкъ, не оказывающій ни вѣры ни совѣсти, можетъ ихъ облагодатствовать только потому, что когда-то получилъ посвященіе и имѣетъ на него *бумагу*. Бѣглопоповству *приходится* увѣрять себя, что благодать Божія можетъ быть удержана не вѣрою, *а бумагою*, *на которой есть восковая печать*...»

Не касаясь справедливости или несправедливости обличенія Люцернова (объ этомъ будетъ сказано ниже), мы однако не можемъ не видѣть изъ этого отрывка, на чьей именно сторонѣ лежитъ симпатія автора обличительной статьи, г. П. С—на. «Вотъ какіе хорошіе, чистые сердцемъ бывали у васъ ваши пастыри изъ простыхъ мужиковъ, искренно сознавшіе свое достоинство и призваніе!» Простота и искренность, несмотря на мужицкое невѣжество,—вотъ главное достоинство стоящаго во главѣ стада, пасомаго имъ. И дѣйствительно, подробности о личности и жизни этого епископа Амвросія, изложенныя въ особой статьѣ г. М. Гребнева, даютъ прекраснѣйшій образъ мужика-епископа, чтимаго народомъ.

Но, къ величайшему удивленію, г. Гребневъ собралъ всѣ эти подробности о жизни Амвросія совершенно не въ тѣхъ цѣляхъ, какими руководствовался г. Пр—й С—нъ. Послѣдній явно симпатизируетъ типу мужика-епископа, г. же Гребневъ, напротивъ, стремится показать, что вся біографія Амвросія доказала, «что ни подвижническая *внѣшность, ни безукоризненность образа жизни, ни даже мнимый вѣнецъ исповѣдничества не могутъ еще изъ мужика сдѣлать епископа*». Еще болѣе поразительны основанія, которыя убѣдили г. Гребнева въ этомъ послѣднемъ умозаключеніи. Обозрѣвая все ту же біографію Амвросія, онъ недоумѣваетъ, какъ такъ могло случиться, что Амвросій не извлекъ ничего путнаго, хотя и занималъ высокое положеніе и былъ окруженъ самыми благопріятными условіями? «Всѣ условія, *казалось бы, благопріятствовали* тому, чтобы новонареченному оренбургскому, саратовскому и самарскому мнимому іерарху *много сдѣлать не расколу—пользы, конечно, но зла церкви православной*» *).

Вотъ въ какое непостижимое недоумѣніе впалъ г. М. Гребневъ; были у мужичонки всѣ средства натворить тьму всякаго зла для православной церкви, и не натворилъ! И почему? Г. Гребневъ утверждаетъ, что такая оплошность Амвросія доказывала лишь, что «ни подвижническая внѣшность, ни безукоризненность образа жизни, ни даже мнимый вѣнецъ исповѣдничества *не могутъ сдѣлать еще изъ мужика епископа*» (стр. 325). Г. Гребневу Амвросій кажется столь неподходящимъ для епископской каѳедры, и онъ такъ пораженъ тѣмъ, что Амвросій, имѣя въ рукахъ «всѣ средства», однакожъ не натворилъ зла православной церкви, что, въ видахъ убѣдительности для читателей справедливости своихъ взглядовъ, перечисляетъ тѣ средства, которыми очень легко можно бы было воспользоваться, чтобы сдѣлать тьму-тьмущую зла для православія. «И Самара представляла собою *многообѣщающій, удобный* пунктъ для дѣятельности лже-епископа, какъ городъ, населенный значительнымъ числомъ богатыхъ и вліятельныхъ австрійцевъ-раскольниковъ. Обстоятельства указали ему (Амвросію) и еще болѣе *выгодный*, съ раскольничьей точки зрѣнія, пунктъ для постояннаго жительства, это—Хвалынскъ, гнѣздо раскола, центральный пунктъ раскольниковъ именно австрійскаго толка. Отсюда рукой подать и въ Самару, и въ Ни-

*) Стр. 324.

колаевскій уѣздъ, и на Уралъ-рѣку, и въ Саратовъ, откуда идетъ желѣзная дорога и на Москву. А между тѣмъ въ Хвалынскѣ и *властей меньше*, чѣмъ въ губернскомъ городѣ, да и *власти эти не такія крупныя*. Не тѣ и отношенія къ нимъ богатыхъ хвалынскихъ раскольниковъ, какъ въ городахъ губернскихъ. И личность самого Амвросія имѣла въ себѣ стороны, которыя *должны бы привлекать къ нему любовь и уваженіе* приверженцевъ мнимаго древляго благочестія,—это (Амвросій) образъ благочестія и въ жизни его и во внѣшности,—*но оказалось, что всего этого еще недостаточно»*, т.-е. опять-таки оказалось, что Амвросій, какъ мужикъ, не могъ сдѣлать вреда православной церкви.

V.

Однако можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что «смиренный Амвросій епископъ», несмотря на всѣ перечисленныя г. Гребневымъ *выгоды и благопріятныя условія* для злого дѣла, не соблазнился бы тою пугачевщиной противъ православной церкви, которую, по мнѣнію г. Гребнева, непремѣнно бы долженъ былъ совершить настоящій раскольный лже-епископъ—не мужикъ, хотя бы онъ и не имѣлъ «подвижнической внѣшности и не велъ безукоризненнаго образа жизни». «Смиренный Амвросій епископъ» потому и привлекалъ къ себѣ любовь и уваженіе, что никоимъ образомъ не могъ бы и подумать ни о чемъ подобномъ тому, что̀ совѣтуетъ ему г. Гребневъ. Онъ тѣмъ и дорогъ для народа, что жизнь его дѣйствительно безукоризненна, и что онъ дѣйствительно простой крестьянинъ, мужикъ. Самъ же г. Гребневъ какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ объ этомъ. Произошелъ «смиренный Амвросій епископъ» изъ простыхъ крестьянъ села Ивантѣевки, Никол. уѣзда, Самарской губ., и назывался Александромъ, а по прозванію Гараскинымъ. О дѣтствѣ и молодости Амвросія автору ничего неизвѣстно. «Судя по его малограмотности,—говоритъ онъ: — Амвросій обучался у какихъ-нибудь начетчиковъ, а затѣмъ, усвоивъ, что̀ они могли ему дать, сдѣлался такимъ же начетчикомъ. Былъ онъ женатъ и имѣлъ сына. *Но не какъ знатокъ церковныхъ каноновъ и не какъ краснорѣчивый учитель, а благодаря своей благовидной жизни и внѣшности сдѣлался онъ епископомъ*. Въ 1863 году онъ былъ поставленъ въ священники (по австрійскому толку), а въ 71, передъ праздникомъ Рождества, съ согласія московскаго раскольничьяго лже-архіепископа Антонія, въ г. Хвалынскѣ рукоположенъ

казанскимъ лже-архіепископомъ Пафнутіемъ во епископа самарскаго и саратовскаго, съ нареченіемъ имени Амвросія и съ назначеніемъ каѳедры въ Самарѣ. Какъ до епископства, такъ и послѣ епископства, по мнѣнію г. Гребнева, онъ не отличался особенною дѣятельностью, какъ пропагандистъ раскола среди православныхъ. Послѣ же того, какъ сталъ епископомъ, дѣятельность его сама собою расширилась; онъ ѣздилъ по епархіи, ставилъ священниковъ, совершалъ браки и разводы,—словомъ, дѣлалъ тихо и справедливо то, что̀ требовалось братіей, и въ то же время претерпѣвалъ: два раза онъ сидѣлъ въ острогѣ, судился, дѣла его о распространеніи раскольничьей ереси доходили до Синода, рѣшались въ высшихъ инстанціяхъ, но, по освобожденіи отъ суда и находясь подъ надзоромъ, онъ опять становился «смиреннымъ мужикомъ-епископомъ»! «Все время онъ жилъ по годовому паспорту крестьянина села Ивантѣева, выданному изъ николаевскаго казначейства; зиму и лѣто носитъ на головѣ шапку (мѣховую?), одѣвается лѣтомъ въ мѣщанское длиннополое полукафтанье изъ сѣраго казинета; поверхъ иногда надѣваетъ чапанъ изъ чернаго крестьянскаго сукна. Лицо у Амвросія чистое, блѣдное, худощавое; жизнь онъ ведетъ чуть не аскетическую, дара слова не имѣетъ; малограмотенъ, пишетъ едва не полууставомъ». Тюремныя заключенія много возвысили его авторитетъ, но все-таки «не легко было ему епископствовать». Одинъ изъ крупныхъ радѣтелей черемшанскаго монастыря, купецъ М—въ, смотрѣвшій на монастырь, какъ на свою собственность, и, повидимому, сильно уважавшій свой карманъ, былъ такъ оскорбленъ отсутствіемъ въ обликѣ Амвросія величественности, что «послѣ первой же, отслуженной Амвросіемъ по-архіерейски литургіи, не только отказалъ ему въ пріемѣ у себя, но не пустилъ его и въ монастырь на Черемшанѣ (гдѣ жили предшественники Амвросія), заперъ подъ замо̀къ и архіерейское облаченіе».

Уже другой изъ хвалынскихъ купцовъ, сжалившійся надъ старикомъ Амвросіемъ, далъ ему пріютъ у себя въ домѣ. Тогда дали знать о положеніи дѣлъ въ московскій духовный совѣтъ, но совѣтъ особою грамотой отвѣтилъ совѣту самарской, саратовской и астраханской епархіи не смѣщеніемъ Амвросія, а «*смиренно* прося оставить его, невзирая на его малограмотность и памятуя, что и апостолы были неученые рыбари». При этомъ совѣтъ прислалъ Амвросію архіерейское облаченіе и назначилъ опекуна и мѣсто житель-

ства около Черемшана, недалеко отъ монастыря, гдѣ онъ не былъ принятъ купцомъ. Но Амвросій былъ утомленъ и постоянно просилъ у московскаго совѣта отставки. Однакоже его не выпустили, и совѣтъ не исполнялъ его просьбы, а только мѣнялъ ему опекуновъ, изъ людей практическихъ, которые не всегда оказывались добросовѣстными относительно Амвросія. Кажется, почему бы для прекращенія безпорядковъ, сопровождавшихъ эти опеки, не уважить просьбы Амвросія и не назначить на его мѣсто новаго епископа? Однако московскій духовный совѣтъ находилъ почему-то нужнымъ держать Амвросія на его каѳедрѣ, т.-е. не желалъ лишать народъ его благотворнаго вліянія, какъ человѣка безукоризненной жизни. Поэтому-то мужику-епископу посылались опекунами также епископы, и онъ, видя, что его дѣло могутъ дѣлать лучше, чѣмъ онъ, послѣ долгихъ отказовъ объ увольненіи, наконецъ уже подъ старость опять взмолился объ отставкѣ. Она была ему наконецъ дана 5 сентября 1884 г. въ городѣ Хвалынскѣ областнымъ духовнымъ совѣтомъ. «Смиренный епископъ Амвросій» опять сталъ крестьяниномъ и «послѣдніе годы былъ такъ дряхлъ, что почти уже не слѣзалъ съ печи» (стр. 327).

Такимъ образомъ, если лже-іерархія такъ долго не увольняла смиреннаго епископа-мужика единственно вслѣдствіе его нравственнаго вліянія на пасомое имъ стадо, то, сталобыть, и само пасомое стадо дорожило безукоризненно-нравственнымъ мужикомъ-епископомъ, не какъ хитроумнымъ начетчикомъ, а какъ образцомъ «примѣрной жизни», и слѣдовательно, имѣя этотъ примѣръ, и старалось не терять мысли о необходимости благообразія взаимныхъ отношеній, такъ какъ именно въ нихъ-то, очевидно, и заключается преимущество обыденной жизни крестьянъ-раскольниковъ.

VI.

Со временемъ, конечно, своимъ чередомъ, выяснятся во всѣхъ подробностяхъ эти обыденныя «преимущества» строя, но пока, несмотря на скудость находящихся подъ руками матеріаловъ по этому вопросу, можно все-таки судить, что дисциплина взаимныхъ отношеній есть болѣе существенная причина «упорства», чѣмъ закоренѣлость въ религіозныхъ заблужденіяхъ. Вотъ эти-то строго осмысленныя взаимныя отношенія людей раскольничьей среды и могутъ служить, до нѣкоторой степени, объясненіемъ поступка Люцернова, съ тою разницей, что онъ пришелъ въ рас-

кольничью среду не какъ человѣкъ, который могъ бы и надѣялся подать этой средѣ «примѣръ» своею жизнью, но какъ человѣкъ, который самъ нуждался въ примѣрѣ благообразныхъ человѣческихъ отношеній, въ тихомъ пристанищѣ среди людей съ опредѣленными цѣлями жизни.

Тотчасъ послѣ его смерти стали появляться некрологи, рисовавшіе послѣдніе дни его жизни въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Онъ изображается какъ «баринъ, въ золотыхъ очкахъ, съ сигарой во рту», который не церемонится публично сидѣть «со стаканомъ пива за однимъ изъ столиковъ Барыкинскаго сада, въ обществѣ вокзальной пѣвицы» («Самарск. Епарх. Вѣдом.»). Мы не скажемъ, что напитокъ не имѣлъ въ послѣдніе годы жизни Люцернова гибельныхъ для него послѣдствій. «Тихое пристанище», въ которомъ онъ пріютился въ послѣдніе годы жизни, не могло быть для него ничѣмъ инымъ, кромѣ величайшаго несчастія и горя; полагать, что онъ, пожилой человѣкъ, ощущалъ въ эти годы только удовольствіе матеріальныхъ выгодъ, значитъ умышленно не обращать вниманія на всю его предшествовавшую жизнь, которая, несмотря на почти постоянное отсутствіе какихъ бы то ни было матеріальныхъ выгодъ и даже просто средствъ къ существованію, держалась не на стремленіи къ выгодѣ, а на цѣляхъ несравненно болѣе высшаго порядка.

«Люцерновъ, — читаемъ мы въ одной изъ обличительныхъ біографій:—сынъ священника, родился въ 1835 г., получилъ первоначальное образованіе въ саратовской духовной семинаріи (гдѣ и окончилъ первымъ ученикомъ, 21 г. отъ роду)», но, несмотря на такой успѣхъ, несомнѣнно свидѣтельствующій о талантливости натуры этого юноши, біографъ дѣлаетъ такую характеристику его въ эти юные годы: «Онъ отличался бойкими способностями, но проявлялъ неровность характера, легкомысліе и выдавался странностями: то углублялся онъ, въ свободное отъ учебныхъ занятій время, въ чтеніе аскетическихъ сочиненій и собирался на Аѳонъ, то съ увлеченіемъ читалъ свѣтскіе журналы и потомъ велъ бесѣды въ либеральномъ духѣ. Еще тогда онъ куда-то порывался, чего-то искалъ».

Дѣйствительно, онъ искалъ «чего-то» всю жизнь, но только не матеріальныхъ выгодъ. Окончивъ курсъ въ 1856 г., онъ въ 1857 г. женился и получилъ священническое мѣсто въ одномъ изъ сельскихъ приходовъ Самарской губерніи. «Въ теченіе десяти лѣтъ своей службы въ

этой епархіи Люцерновъ успѣлъ *побывать въ десяти приходахъ*, исколесилъ губернію вдоль и поперекъ и оставилъ по себѣ память какъ о человѣкѣ непокладистаго нрава, неуживчивомъ, *кляузномъ*, по временамъ нетрезвомъ и въ нетрезвомъ видѣ неспокойномъ». Изображая такими чертами поведеніе Люцернова въ теченіе десяти лѣтъ, біографъ рисуетъ намъ прямо пропащаго человѣка: кляузника, нетрезваго, безпокойнаго, котораго начальство переводитъ изъ прихода въ приходъ, такъ какъ онъ нигдѣ не уживается. Есть такія несчастныя натуры, но слѣдующія же за этой характеристикой строки прямо говорятъ, что съ изображеннымъ кляузникомъ и нетрезвымъ человѣкомъ Люцерновъ не имѣлъ ничего общаго. «Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, — говоритъ біографъ: — онъ угомонился нѣсколько въ кляузничествѣ, *бывъ отвлеченъ* отъ этой жалкой дѣятельности *составленіемъ ряда статей*, которыя печатались въ «Самарскихъ Еперхіальныхъ Вѣдомостяхъ» и которыя касались вопроса *о самостоятельности церковно-приходской общины въ древней Руси*». Такъ пишетъ тотъ же біографъ, но мы имѣемъ и еще свѣдѣнія, что, кромѣ статей въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», Люцерновъ писалъ въ это время и въ другихъ изданіяхъ и велъ, кромѣ того, интересную полемику съ Ю. Самаринымъ по нѣкоторымъ религіознымъ вопросамъ. Намыкавшись по приходамъ 10 лѣтъ и найдя въ литературѣ нѣкоторое облегченіе своимъ порывамъ къ «чему-то», Люцерновъ въ 68 г. просилъ назначить его учителемъ духовнаго училища въ Самарѣ, но получилъ отказъ, на томъ основаніи, что онъ не академикъ, чтобы разсчитывать на мѣсто въ городѣ.

Этотъ отказъ не только не сокрушилъ Люцернова, который десять лѣтъ былъ сокрушаемъ якобы только кляузною дѣятельностью, но, напротивъ, поднялъ всю силу его энергіи. Несмотря на свой возрастъ, а главное — отсутствіе какихъ бы то ни было средствъ къ жизни, онъ рѣшилъ поступить студентомъ въ казанскую духовную академію. Свѣдѣнія о студенческой жизни Люцернова въ Казани (1868—1872 гг.) находятся въ статьѣ «Недѣли»: «Два священника» *), написанной, очевидно, человѣкомъ, хорошо знавшимъ жизнь покойнаго въ это время.

Отправляясь въ Казань, онъ взялъ съ собой жену и дѣтей и, не имѣя гроша денегъ, попалъ въ величайшую

*) «Недѣля» 1885 г., № 18.

нужду, хотя все-таки сталъ студентомъ академіи. Чтобы имѣть средства къ жизни, онъ вначалѣ служилъ обѣдни въ разныхъ церквахъ по найму, а въ 1870 году получилъ свой приходъ, который черезъ годъ былъ упраздненъ. Тогда онъ, при содѣйствіи знакомаго профессора, получилъ мѣсто священника при университетскихъ клиникахъ, при чемъ ему приходилось, въ одно и то же время, поддерживать существованіе большой семьи, лѣчить больную жену, управлять приходомъ и бѣгать за 5 верстъ въ академію, чтобы записывать и составлять лекціи профессоровъ.

Окончивъ, несмотря на такія тяжкія обстоятельства жизни, курсъ въ духовной академіи въ 1872 г., онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ семинаріи г. Каменецъ-Подольска, затѣмъ былъ переведенъ въ г. Нолинскъ, Вятской губерніи, на должность смотрителя духовнаго училища, откуда черезъ два года перешелъ въ г. Омскъ священникомъ при тюрьмѣ и законоучителемъ при омской мужской гимназіи; наконецъ онъ былъ назначенъ въ Тобольскъ приходскимъ священникомъ, преподавателемъ мѣстной семинаріи и законоучителемъ учебной военной команды. Кто знаетъ сибирскія цѣны на главнѣйшіе жизненные продукты, тотъ можетъ понять, что три мѣста, каждое оплачиваемое извѣстнымъ вознагражденіемъ, дѣлали матеріальное положеніе Люцернова вполнѣ обезпеченнымъ и, не сомнѣваемся, даже завиднымъ для его духовныхъ собратій. Но опять-таки не матеріальныя блага были его жизненною цѣлью. Въ 1880 году онъ представилъ въ совѣтъ казанской духовной академіи диссертацію на степень магистра богословія, подъ заглавіемъ: «Историческій обзоръ пастырской, учительской, руководительной и религіозно-воспитательной дѣятельности въ христіанствѣ». Надъ этимъ трудомъ онъ долгіе годы работалъ въ тѣ немногія свободныя минуты, которыя оставались ему отъ многосложной священнической и педагогической дѣятельности, и помощью его надѣялся наконецъ выйти на дорогу къ такому дѣлу, которое и было ему по душѣ.

«Но диссертація не была одобрена академическою конференціей, такъ какъ, по отзыву доцента А. В. В—скаго, диссертація Люцернова «проникнута раціоналистическимъ направленіемъ и содержитъ въ себѣ «неправославное» (яко бы заимствовенное у Гиббона) ученіе о происхожденіи церковной іерархіи». Люцернову такимъ образомъ не выпало на долю счастія болѣе для него подходящей профес-

сорской дѣятельности; онъ долженъ былъ остаться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ преподавателемъ въ той же тобольской семинаріи и оставался здѣсь до ревизіи ея членомъ учебнаго комитета при святѣйшемъ Синодѣ г. М. въ 84 г. Вслѣдствіе этой ревизіи онъ долженъ былъ оставить духовно-учебную службу. Почему послѣдовало удаленіе его отъ службы, остается неизвѣстнымъ. Но въ концѣ концовъ Люцерновъ, *несмотря* на выдающіяся свои способности, недюжинный умъ, энергію и знанія, что̀ безусловно признаютъ за нимъ даже и его недоброжелатели, оказался *уже на склонѣ его жизни выбитымъ изъ колеи и безвозвратно потерялъ все то, на что онъ имѣлъ право* по своей долголѣтней службѣ, по образованію и по личнымъ своимъ способностямъ».

Послѣ удаленія Люцернова изъ духовно-учебной службы и всѣхъ превратностей его судьбы, у него, какъ у натуры нервной и впечатлительной, да къ тому же надломленной жизнью, естественно, осталось только горькое чувство по отношенію къ лицамъ, которыхъ онъ считалъ виновными въ своихъ несчастіяхъ. Если къ этому присоединить неожиданную и усилившуюся матеріальную нужду и желаніе имѣть опять извѣстную сферу дѣятельности, то намъ, можетъ-быть, и будетъ понятенъ переходъ Люцернова въ расколъ: чувство кровной обиды и глубокаго негодованія на всѣхъ, кто не только не поддержалъ, а безсердечно сбивалъ его съ пути, а затѣмъ долгіе годы всякаго рода страданій,—все это заставило его искать успокоенія и отдыха въ такой средѣ, которая, несомнѣнно, должна была его почитать (что̀ и было на самомъ дѣлѣ) и гдѣ онъ, какъ простой исполнитель опредѣленно выраженныхъ желаній общества, можетъ наконецъ и свое положеніе считать также вполнѣ опредѣленнымъ.

II. Крестьянскія женщины.

I.

Существенный недостатокъ во всѣхъ проектахъ *жить трудами рукъ своихъ*, т.-е. уйти въ деревню, существовать земледѣльческимъ трудомъ, положить начало колоній и «поселеній изъ людей интеллигентныхъ», несомнѣнно за-

ключается въ совершенномъ отсутствіи какихъ бы то ни было указаній, касающихся положенія интеллигентныхъ *женщинъ* въ этихъ проектируемыхъ колоніяхъ. Обязанности, порядокъ жизни, предѣлы труда и нравственныя достоинства трудовой жизни для интеллигентныхъ «мужчинъ», хотя кое-какъ, но все-таки выяснены въ проектахъ поселеній въ болѣе или менѣе удобопонятномъ видѣ: за образецъ будущей трудовой жизни взятъ образъ жизни современнаго мужика, при чемъ одна изъ школъ, начавшихъ проповѣдь о необходимости «идти въ деревню», проповѣдуетъ идеалъ трудовой жизни въ смыслѣ самаго каторжнаго труда *наемнаго работника*, сопряженнаго со всевозможными тягостями: сѣрыя щи, сонъ на голыхъ доскахъ, лапти, «выворачиваніе пней» на постройку собственной избы, и непремѣнно съ усиліями, отъ которыхъ трещитъ спина; хочешь жить «по-народному», такъ поѣзжай въ лѣсъ за дровами въ трескучій морозъ, вези дерево на продажу въ городъ въ ураганъ и мятель, а ужъ отъ насѣкомыхъ постарайся избавиться своими средствами. Та же участь *поденщины* предлежала и женщинѣ въ этой школѣ каторжнаго труда. Г-жа Метелицина должна была переобуться изъ башмаковъ въ сапоги, вязла по колѣна въ навозѣ, ѣздила на клячѣ за водой, а когда кляча упиралась, то она «била клячу по мордѣ». Словомъ, и для мужчинъ и для женщинъ проповѣдывались всѣ прелести, которыя до послѣдней степени изнуряютъ и самого крестьянина.

Другая школа трудовой жизни очерчиваетъ образъ того же мужика въ болѣе мягкихъ очертаніяхъ, и, какъ образчикъ, рекомендуется не поденщикъ, а «земледѣлецъ», «пахарь». Поле, соха, а за нею идетъ пахарь. Достоинство этого пахаря заключается въ томъ, что онъ добываетъ хлѣбъ своими трудами, чужого не ѣстъ, чужимъ трудомъ не пользуется, слѣдовательно совѣсть у него покойна, а въ этомъ-то «самая суть» и есть.

Есть и еще школа, руководствующаяся въ желаніи «идти въ деревню» уже чисто практическими цѣлями: оградить *свою* впечатлительную душу отъ золъ *городской* цивилизаціи, устроить *себѣ уголъ*, гдѣ бы мысль (о будущемъ, конечно) работала безъ стѣсненія и не ощущалось бы необходимости безплодной борьбы за идею, чего невозможно избѣжать въ городѣ. Но, чтобы устроить должнымъ образомъ «уголъ» буддійскаго спокойствія и «свободы

міросозерцанія», рекомендуется такими практическими дѣятелями обороняться также и въ деревнѣ отъ всякихъ нарушеній буддійскаго спокойствія, — мужицкаго невѣжества, алчности мужика, пробуждающейся въ немъ при видѣ барина, непскоренимаго въ этомъ мужикѣ стремленія обобрать этого барина. Оборонившись отъ городской цивилизаціи уединеннымъ угломъ, огородившись заборами и окопавшись канавами отъ вторженія деревенскаго невѣжества и хищническихъ инстинктовъ мужика, практическій интеллигентъ утверждаетъ, что именно тогда-то ему, интеллигенту, живя въ деревнѣ, и будетъ возможно воздѣйствовать на развитіе народныхъ массъ.

Единственно только тѣ дѣйствительные *радѣтели* о народномъ благѣ и совѣсти, которые несутъ въ деревню свои *знанія*—врачи, фельдшерицы, учительницы, не разсчитывая на какую бы то ни было личную пользу (чистота совѣсти, буддійское спокойствіе, разстройство здоровья отъ сѣрыхъ щей, какъ возвращеніе долга народу, и пр.),—единственно только они и дѣлаютъ дѣйствительно народное дѣло, имѣющее уже видимыя послѣдствія самаго хорошаго качества. Но въ этой средѣ «нѣсть ни мужескаго ни женскаго пола», и каждый (всяческая) дѣлаетъ свое дѣло по мѣрѣ возможности.

Всѣ же перечисленныя выше школы, теоріи и возникающіе на основаніи ихъ опыты поселеній до настоящаго времени не свидѣтельствовали еще ни о какихъ успѣхахъ, и всѣ «учители», «наставники» и «пророки» также не могутъ указать хотя какихъ-нибудь ясныхъ послѣдствій своихъ ученій въ благопріятномъ смыслѣ. Разстроивши желудки сѣрыми щами, простудившись во время возки дровъ или же сшивъ два сапога «собственными руками», ученики все-таки не могутъ ощущать въ своемъ сознаніи, что они дѣлаютъ доброе дѣло людямъ, а не самимъ себѣ.

Грѣхъ учителей и наставниковъ заключается, прежде всего, въ узкости взгляда на строй народной жизни. Если что въ ней есть существенно-важнаго для человѣческаго существа, такъ это не сѣрыя щи, не уединеніе, не успокоеніе своей совѣсти «на собственноручномъ сапогѣ», а широта размѣровъ трудового обихода жизни, многосложность умственной и физической жизни, возникающая изъ удовлетворенія «своими руками» всѣхъ своихъ потребностей, т.-е. полнота жизни человѣческаго существа.

Но брать этотъ образчикъ широкой, многосложной тру-

довой жизни, не включая въ нее образа крестьянской женщины, трудъ которой во всѣхъ подробностяхъ объединенъ съ трудомъ ея мужа, мужика (что̀ и дѣлаетъ *семью*)— это дѣло весьма непохвальное. Предполагается, что интеллигентный *пахарь* будетъ пахать, интеллигентная крестьянка будетъ рождать дѣтей и кормить ихъ своею грудью. Опредѣлять не для крестьянской и не для интеллигентной, а вообще для женщины такую безсмысленную цѣль жизни значитъ не признавать въ ней человѣка. И дѣйствительно, мы видимъ, что «учители» именуютъ женщину «черноземомъ» и даже почему-то иногда находятъ необходимымъ, говоря «о женщинѣ», упоминать и о коровѣ. Если же перечислить все, что̀ умомъ и руками дѣлаетъ въ домѣ крестьянская женщина, то-есть все то, что̀ не касается ея черноземнаго плодородія, такъ и увидимъ, что ея жизнь исполнена величайшей многосложности труда; она не только родитъ и кормитъ, но прядетъ, ткетъ и шьетъ платье на всю семью, она же ходитъ за скотомъ, стираетъ, жнетъ, сѣетъ, коситъ, носитъ воду. И сказку сказываетъ, и пѣсней убаюкиваетъ, и съ пѣсней прядетъ каждую нитку холста. На сказку, на пѣсню, на пряжу, на тканье нуженъ умъ не коровій, а человѣческій, и слѣдовательно, если брать образчикомъ трудовой жизни не тяготу, а широту и, такъ сказать, «поэзію» земледѣльческаго труда и основаннаго на немъ всего строя народной жизни, то невозможно умалчивать о трудовыхъ и нравственныхъ достоинствахъ крестьянской женщины, достоинствахъ, дающихъ ей полную возможность (разъ только она, вслѣдствіе крайней необходимости, не вынуждена будетъ уйти изъ деревни на заработки) во всѣхъ отношеніяхъ независимаго существованія. А чтобы наши учители и наставники, призывающіе насъ къ трудовой жизни, не загоняли женщину, первѣйшую силу всякой семьи, «въ стадо» и вообще относились къ ней по-человѣчески и по-христіански, мы попытаемся въ этой замѣткѣ собрать (съ борку и съ сосенки) такіе факты, сообщаемые мѣстною печатью и касающіеся текущей дѣйствительности крестьянской жизни, въ которыхъ достоинства крестьянской женщины сказываются съ достаточною ясностью и даютъ намъ, простымъ смертнымъ, нѣкоторую возможность очистить въ нашемъ сознаніи образъ женщины, какъ человѣка, затуманенный теоріями душеспасительнаго труда.

II.

Къ величайшему прискорбію (безъ *прискорбія* не обходится на Руси ни одно хорошее дѣло), необходимо сказать, что достоинства крестьянской женщины стали очерчиваться въ сообщеніяхъ мѣстной печати именно только въ тѣхъ случаяхъ, когда корреспондентъ мѣстной газеты повѣствуетъ о *крайнемъ разстройствѣ* *) въ земельныхъ, хозяйственныхъ и семейныхъ отношеніяхъ крестьянъ тѣхъ мѣстностей, откуда идетъ это сообщеніе. Крестьянская женщина, съ ея великими трудовыми и нравственными достоинствами, всегда упоминается въ такого рода сообщеніяхъ, какъ доказательство полнѣйшей невозможности мужскому населенію деревни выполнить, при помощи земледѣльческаго труда, всѣ лежащія на немъ обязанности. Бываютъ случаи, когда въ крестьянскихъ семьяхъ не оказывается ни одного мужчины, и слѣдовательно нѣтъ никакого участія мужской силы въ выполненіи многосложнѣйшаго труда «въ полѣ и въ домѣ», и однакоже крестьянская женщина—разъ только она, такъ или иначе, прикосновенна къ владѣнію землей—и въ такомъ, повидимому, безпомощномъ положеніи, какъ мы увидимъ, можетъ и умѣетъ справиться *единоличнымъ* трудомъ.

«Три крестьянина Юхновскаго уѣзда, Ѳедотовской волости, дер. Морозова: Лаврентій Яковлевъ, Андрей Никитинъ и Епифанъ Ефимовъ, въ числѣ 9 наличныхъ душъ мужского пола и 7 женскаго, въ 86 г. купили (товариществомъ) въ смоленск. позем. крестьянск. банкѣ землю. Въ

---

*) Рѣдко, чрезвычайно рѣдко повѣствуетъ мѣстная печать о деревняхъ, живущихъ въ довольствѣ и достаткѣ. Нельзя поэтому не привести сообщенія «Смоленск. Вѣстника» о крестьянахъ Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губ., гдѣ крестьяне почти вовсе не нуждаются въ *отхожихъ промыслахъ*. Этимъ болѣе осѣдлымъ характеромъ занятій населенія Дорогобужскаго уѣзда объясняются такія его особенности, *какъ большій приростъ населенія, большій численный составъ семьи и большее равновѣсіе численныхъ отношеній половъ, чѣмъ въ другихъ четырехъ уѣздахъ*. Но вѣдь это значитъ, что люди живутъ здѣсь дольше, а стало-быть, отличаются лучшимъ здоровьемъ, что члены семьи тѣснѣе связаны между собою (и это даетъ право заключать о лучшей ихъ нравственности), и *что наконецъ молодой парень всегда имѣетъ возможность найти себѣ подходящую невѣсту и почти каждая дѣвушка — выждать жениха*. Въ общемъ здѣсь столько условій, дѣлающихъ жизнь нормальнѣе и счастливѣе, что уже ради этого одного можно предпочесть тѣ немногія и притомъ эфемерныя выгоды, какія доставляютъ крестьянину «отхожіе промыслы».

86 г. умеръ Епифанъ, а въ 87 г. отправились за нимъ и Андрей и Лаврентій, и такимъ образомъ товарищество, въ своихъ главныхъ представителяхъ, вымерло. Наслѣдники же ихъ, мужчины, *всѣ ушли* на заработки въ Петербургъ. *Остались однѣ женщины; онѣ распоряжались хозяйствомъ, собирали слѣдуемые банку платежи и отсылали ихъ въ смоленское отдѣленіе крестьянскаго банка.* Недавно отдѣленіемъ присланы въ Ѳедотовское волостное правленіе только-что вышедшія правила о крестьянскихъ товариществахъ, въ силу которыхъ каждое товарищество должно избрать изъ своей среды выборнаго, имѣть книгу приговоровъ своихъ сходовъ и товарищескую печать. Ѳедотовскій старшина теперь въ большомъ затрудненіи, какъ поступить съ Морозовскимъ товариществомъ. Старики вымерли, молодежь ушла на сторону, остались, говоритъ, однѣ бабы.

«— Что-жъ, бабы, что ли, будутъ выбирать бабу же выборнымъ? Пошлю, говоритъ, въ отдѣленіе, чтобы разъяснили, какъ въ данномъ случаѣ поступить, т.-е. въ составленіи приговора объ избраніи *бабы выборнымъ?*» *).

То обстоятельство, что женщина можетъ вести единолично (распоряжаться) хозяйство,—это дѣло обычное, если только на ея долю выпадетъ случай быть родоначальницей многочисленной семьи. Образы такихъ *домохозяекъ*, несомнѣнно возвышающіе въ нашемъ сознаніи образъ женщины вообще, изображены, между прочимъ, въ «Деревенскихъ письмахъ» г. М. З. **). Въ письмѣ десятомъ авторъ разсказываетъ о лично ему извѣстныхъ домохозяйкахъ, самостоятельно заправлявшихъ обширными хозяйствами за смертью своихъ *большаковъ*. Хозяйства эти, управляемыя женщинами-домохозяйками, бывали иногда до того обширны, что изъ заимки, которую населяла одна семья, со смертью двухъ женщинъ-большаковъ, образовалась цѣлая деревня и быстро разрасталась въ селеніе, утративъ, конечно, принципъ общаго хозяйства. Такимъ *большакомъ,* послѣ смерти *стариковъ,* пришлось быть, между прочимъ, и одной дѣвушкѣ.

Въ сороковыхъ годахъ, въ зажиточной семьѣ У—выхъ умерли въ молодыхъ лѣтахъ два родныхъ брата, изъ которыхъ одинъ былъ *большакъ*. Отъ одного остались жена и дочь, отъ другого—два малолѣтнихъ сына и три дочери.

---

*) «Смоленскій Вѣстникъ» 1889 г., № 133.

**) Печатались въ 1888 году въ «Восточномъ Обозрѣніи».

Вдова, имѣвшая только дочь, ушла въ монастырь; вдова другого брата скоро умерла, и надъ всѣми шестью сиротами осталась *большухой дѣвушка,* сестра покойныхъ братьевъ. «Хозяйство было большое, до 20 дес. посѣвовъ и соотвѣтственное количество скота. Но дѣвушка, Василиса Андреевна, не потерялась. Работая смолоду, она не хуже знала всю крестьянскую работу и продолжала вести хозяйство въ прежнихъ размѣрахъ; въ помощь ей были старые работники. Вставая съ пѣтухами, она успѣла все состряпать, подоить коровъ и на разсвѣтѣ, вмѣстѣ съ работниками, отправлялась въ поле и въ огородѣ работала. Кромѣ крестьянскихъ, земледѣльческихъ работъ, она обшивала всю семью: ткала холсты, сукна и кушаки, валяла валенки, шила шубы, поддевки, только что не плотничала». «Кромѣ всего, она воспитывала и ходила за всѣми дѣтьми и по цѣлымъ ночамъ сидѣла надъ ребенкомъ, если онъ хворалъ. Къ знахаркамъ она не обращалась, а имѣла всегда лѣкарства. Вырастила внуковъ и внучекъ, поженила ихъ и замужъ отдала, и внучатъ взрослыхъ уже видѣла, но въ 86 году умеръ ея старшій племянникъ, 48 лѣтъ, на которомъ уже лежали заботы состарившейся Василисы Андреевны, и она сама «рухнула». Семья передъ раздѣломъ состояла изъ 21 человѣка».

«Способность быть «домохозяйкой», т.-е. держать на своихъ плечахъ весь обиходъ семейной и хозяйственной жизни, не изсякла въ крестьянской женщинѣ и въ наши дни. «Акулина изъ деревни Сергѣйкова, — пишетъ «Сельскій обыватель» *):—женщина трудолюбивая, но судьбой обиженная. Болѣе 10 лѣтъ она, какъ лошадь, работаетъ на дѣтей своихъ и на мужа-пьяницу. Сначала по людямъ ходила, потомъ сѣла на надѣльную землю въ деревнѣ. Коекакъ отстроилась, сама пашетъ, сама коситъ, а съ прошлой весны начала и сама сѣять. Обсѣвалъ поля въ прежнее время мужъ ея, Алексѣй, но сѣятель этотъ каждое лѣто уносилъ съ поля часть сѣмянъ въ кабакъ, отчего всходы были рѣдкіе и ужинъ хлѣба получался плохой. Отсыпка сѣмянъ на пропой производилась Алексѣемъ вкупѣ съ сосѣдями своими, тайно отъ бабъ своихъ тоже пропивавшими сѣмена. Акулина доглядѣла, узнала, куда сила уходитъ съ нивки ея, и рѣшилась сама взять въ руки сѣвалку. Къ удивленію сосѣдей, первый посѣвъ ея вышелъ удачнымъ,

*) «Смоленскій Вѣст.», № 32.

хлѣбъ уродился хорошо. Обстоятельство это было не по душѣ сосѣдямъ, пропой сѣмянъ сталъ обнаруживаться, бабы стали нападать на мужиковъ, указывая имъ на Акулинину нивку съ добрымъ всходомъ овса и ячменя.

«— Отъ этой бабы всѣ безпорядки въ деревнѣ!—говорили мужики, собравшись на улицѣ, чтобы потолковать, когда начинать сѣять рожь.

«На сходку, по обыкновенію, пришла и Акулина.

«— Вотъ что̀, Акулина, мы скажемъ тебѣ: сѣять на поле мы тебя не пустимъ, потому нѣтъ отъ насъ на это согласія,—заговорилъ Максимъ.

«— А по какой-такой причинѣ вы меня не пустите? Вѣдь я, кажется, на свою ниву пойду,—отвѣтила она.

«— А потому не пустимъ, что закону нѣтъ, чтобы баба сѣяла; отъ этого можетъ случиться, что всѣ мы безъ хлѣба останемся, потому команда ваша дома должна сидѣть, а не сѣять, изстари такъ заведено. Вишь ты, порядки новые заводить не позволимъ!

«— Погляжу, какъ вы мнѣ не позволите. На это есть судъ и управа.

«— Вотъ что̀, ребята, ну ее къ лѣшему, пусть сѣетъ, а только должна она поставить намъ за дозволеніе четверть водки,—вмѣшался въ разговоръ Мартынъ.

«— Что̀ правда, то правда,—отвѣтили мужики.

«— Значитъ, за водку можно сѣять, а безъ водки нельзя? Безстыжіе глаза у васъ; суму хотите отнять у нищаго. Не дамъ водки, а если станете приставать, въ волость пойду, по чистой правдѣ все тамъ распишу,—закричала Акулина.

«На третій день послѣ этого случая Акулина, вмѣстѣ съ сосѣдями своими, разбрасывала на полѣ сѣмена. Угрюмо и искоса поглядывали мужики на этого оригинальнаго сѣвца.

«Такъ вотъ какова эта баба Акулина. Много горя и нужды перенесла она; но ребятишки ея уже стали подрастать; четыре бѣлоголовыхъ мальчика выглядываютъ здоровяками; старшему изъ нихъ уже исполнилось 13 лѣтъ; а тутъ, къ удивленію всей деревни, мужъ ея, Алексѣй, цѣлый мѣсяцъ водки не пилъ и купилъ куль ржи; за 12 лѣтъ своей семейной жизни въ первый разъ подумалъ о дворѣ своемъ и, *повидимому,* не на шутку принялся за работу».

Этихъ двухъ примѣровъ весьма достаточно, чтобы видѣть полную возможность для крестьянской женщины жить на землѣ трудами рукъ своихъ и руководить обширнымъ семейнымъ хозяйствомъ. Но этими собственно трудовыми

качествами далеко не исчерпываются достоинства, свойственныя женщинѣ трудовой, крестьянской среды. Не о единомъ хлѣбѣ хлопочетъ деревенская женщина; независимость, возможность прожить на свѣтѣ безъ кабалы, не только обязательной въ трудѣ «по найму», но даже и кабалы мужа, нерѣдко считающаго свою жену за рабочую скотину и не видящаго въ ней ничего человѣческаго, также служатъ несомнѣннымъ основаніемъ стремленія не отрываться «отъ земли», отъ крестьянства и земледѣльческаго труда.

III.

Во время поѣздки прошлымъ (88 г.) лѣтомъ въ поселки вятичей, переселившихся въ Уфимскую губернію, *впервые* пришлось познать это стремленіе крестьянской женщины своимъ умѣньемъ въ трудѣ оборонить свою независимость. Пять новыхъ поселковъ, возникшихъ въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи и, главное, населенныхъ переселенцами, вышедшими почти изъ одной и той же мѣстности Вятской губерніи, невольно возбудили желаніе узнать, какимъ образомъ распредѣлилась общественная земля, оставшаяся послѣ ухода такого значительнаго количества односельчанъ.

Отвѣчалъ на этотъ вопросъ одинъ изъ вятичей, который весною прошлаго года былъ по своимъ личнымъ дѣламъ на старыхъ мѣстахъ, видѣлъ своими глазами всѣ перемѣны, которыя тамъ произошли послѣ ухода односельчанъ на новыя мѣста, и однакожъ, когда ему сдѣланъ былъ вопросъ о передѣлѣ оставшейся земли, очевидецъ порядковъ на старыхъ мѣстахъ призадумался, даже плечами пожалъ и отвѣтилъ съ легкою улыбкой недоумѣнія:

— Если бы по мужскимъ душамъ считать, такъ оно и можно бы расчесть, по скольку на душу пришлось... А теперь не знаешь, какъ и сообразить,—*стали, вишь, бабъ въ души засчитывать!*

Легкая улыбка, съ которою отвѣчалъ очевидецъ на заданный ему вопросъ, передалась и тѣмъ поселенцамъ, которые присутствовали при разговорѣ. О какой-нибудь насмѣшкѣ насчетъ «бабъ» нельзя было и думать, глядя на эти улыбающіяся и въ то же время недоумѣвающія лица; напротивъ, казалось, что «новость», принесенная очевидцемъ, не противорѣчила ихъ воззрѣнію на трудовыя способности «бабы», и только простое и скорое осуществленіе

бабьихъ талантовъ «на дѣлѣ» могло вызвать на лицахъ крестьянъ ту улыбку, въ которой гораздо больше сказывалось «удовольствіе», нежели неожиданность.

— Такъ чего же?—съ полною увѣренностью въ возможности такихъ фактовъ присовокупилъ одинъ изъ участвовавшихъ въ разговорѣ переселенцевъ. — Вонъ и у насъ Авдотья Кострякова овдовѣла, а души-то мужнины держитъ всѣ, никому не сдаетъ полвершка.

— Второй годъ «держитъ» землю-то на двѣ души!—пояснялъ еще кто-то изъ собесѣдниковъ, относясь, повидимому, къ этому поступку Авдотьи съ большимъ уваженіемъ.

Маленькое вторженіе шутливаго элемента (намекъ на ухаживаніе за Авдотьей какого-то парня) въ разговоръ о важномъ дѣлѣ въ концѣ концовъ не повредило значенію сущности новаго явленія.

— Какъ же, дожидайся!—пояснилъ другой изъ собесѣдниковъ.—Это *онъ* къ Авдотьѣ-то въ мужья норовитъ, а не она! Нашъ же онъ парень, да бѣденъ, земли нечѣмъ взять. «Кабы повѣнчаться, такъ тогда, говоритъ, пожалуй, окромѣ Авдотьиной земли, еще бы на душу взялъ». Ну, а Авдотья-то не очень сдается.

— «Церковь, говоритъ, очень далеко!»—вновь подшутилъ тотъ же шутникъ.—«Ежели бы церковь была поближе, такъ я-бъ давно повѣнчалась съ Кузьмой!»

— Конечно, мало ли чего болтаютъ, — не обращая на шутки никакого вниманія, проговорилъ, повидимому, обстоятельный крестьянинъ.—А ежели разобрать дѣло, такъ у Авдотьи-то и свой сынъ черезъ три-четыре годика, погляди-ка-сь, какой работникъ будетъ. Держитъ она Кузьму, дѣйствительно, наравнѣ какъ свой человѣкъ, а изъ хозяекъ не желаетъ въ мужнія-то жены идти. «Пускай, говоритъ, хоть моя шеюшка-то послѣ покойничка отойдетъ». Вотъ и бережется... «Поживу-ка, говоритъ, пока что, *безъ хозяина!*»

Въ другой разъ то же предпочтеніе крестьянскою женщиной быть «хозяйкой», жить «безъ хозяина» подтвердилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Поѣздъ Николаевской дороги остановился на какой-то станціи, гдѣ остановка пять минутъ и гдѣ есть буфетецъ. Дѣло было лѣтнее, всѣ пассажиры высыпали на маленькую платформу. Шумъ и громкія, поспѣшныя требованія сельтерской, пива, водки и безпрестанное хлопанье пробокъ

не заглушили однако жалобнаго плача какой-то женщины, около которой уже собралась публика. Кто-то изъ крестьянъ, очевидно, уже знавшихъ горе этой женщины (одѣта она была совершенно по-петербургски,—шляпка, дипломатъ, зонтикъ), объяснялъ любопытнымъ и соболѣзнующимъ зрителямъ причину слезъ плачущей женщины такимъ образомъ:

— У нея мужъ померъ... Осталось трое дѣтей... Только-было стала хорошее жалованье получать, стали поправляться, анъ вотъ Богъ-то его и прибралъ!

— Какъ не заплакать! Теперь все сама дѣлай!

— Сестра, вишь, есть мужнина,—продолжалъ знакомый съ положеніемъ несчастной женщины: — ну, у «вдвохъ» какъ-никакъ...

— Куда-жъ женщинамъ справить все по хозяйству!

Какая-то искренно сочувствовавшая горю вдова, петербургская барыня, понимая до нѣкоторой степени предстоявшую несчастной женщинѣ трудную, изнурительную жизнь, съ непритворнымъ состраданіемъ въ голосѣ сказала ей:

— Каково это прокормить одной троихъ дѣтей!

Ко всеобщему удивленію, послѣ этихъ сочувственнѣйшихъ словъ петербургской барыни, петербургская горничная и крестьянская вдова на мгновеніе сдержала свои слезы и, смахнувъ ихъ платкомъ съ заплаканныхъ глазъ, довольно твердымъ голосомъ произнесла, обращаясь къ барынѣ:

— А нешто легче жить въ прислугахъ-то?

Ясное, даже острое выраженіе въ глазахъ ея упрека за подневольную жизнь въ «прислугахъ», также не знающую ни днемъ ни ночью покоя, сказалось въ упорномъ взглядѣ ея, который она вперила въ глаза сочувствовавшей ей дамѣ, и всѣмъ зрителямъ и любопытствовавшимъ стало понятно, что труды «прислуги» и труды «хозяйки» не одно и то же, и что плачущая женщина ободрилась отъ одной мысли, что она будетъ трудиться «на себя», а не *на хозяина* и не *по найму*.

IV.

Но наиболѣе несомнѣннымъ доказательствомъ того важнаго обстоятельства, что земля нужна крестьянской женщинѣ не для единаго хлѣба, а и для обороны *) своего

*) Такого рода *обороны* женской самостоятельности мы имѣли уже случай коснуться въ путевыхъ замѣткахъ («По Шекснѣ»).

человѣческаго достоинства отъ погибели, неизбѣжной при необходимости бросить деревню и идти на заработки, можетъ служить нижеслѣдующее извлеченіе изъ статьи г. Рева, напечатанной въ «Юридич. Вѣстн.» *), касающейся опять-таки *разстройства въ земельныхъ порядкахъ* и въ данномъ случаѣ выясняющей вопросъ о *поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ*, владѣющихъ землею не на общинномъ началѣ, а подворно.

Земельныя отношенія, о которыхъ идетъ рѣчь, опредѣлены авторомъ, какъ *земельное сутяжничество*, и отмѣчены, какъ народное *движеніе*, рѣзко обнаружившееся въ послѣднее время. Причина возникновенія и роста этого движенія совершенно ясна. «Съ одной стороны, народонаселеніе деревень быстро увеличивается, а съ другой—земли въ его распоряженіи остается столько же, сколько было дано ему въ моментъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Вліяніе крестьянскаго банка и частныхъ земельныхъ покупокъ, въ смыслѣ уменьшенія земельно-деревенскихъ распрей, совершенно не замѣтно. Обстоятельства складываются обыкновенно такъ, что при помощи банка, а тѣмъ болѣе путемъ частныхъ покупокъ, земля достается въ руки тѣхъ крестьянъ, которые въ ней наименѣе нуждаются, достается въ руки деревенскихъ «богачей», людей и безъ того въ земельномъ отношеніи довольно обезпеченныхъ; *деревенская же бѣднота принуждена довольствоваться кусочками «надѣловъ»*. И вотъ теперь, спустя двадцать восемь лѣтъ послѣ освобожденія, нужда *среди массы крестьянъ въ землѣ* сдѣлалась уже настолько очевидною, что, при сохраненіи прежнихъ условій обработки почвы, явилась *необходимость погони за земельными участками*, необходимость *оттягиванья* такихъ участковъ у родственниковъ путемъ суда. «Сутяжничество» растетъ, и этотъ ростъ, способствуя развитію въ селахъ *между крестьянами взаимнаго озлобленія, доходящаго очень часто до кровавыхъ столкновеній*, въ то же время, благодаря причинамъ, *указаннымъ ниже*, грозитъ созданіемъ такой земельной путаницы, которую потомъ едва ли удастся скоро и благополучно расхлебать» **).

Опредѣливъ весьма точно причины «сутяжничества» изъ-за земли и указавъ на перспективы грозныхъ его послѣд-

---

*) Май 89 г.
**) Стр. 99—100.

ствій, авторъ выбираетъ болѣе чѣмъ изъ трехсотъ рѣшенныхъ однимъ только л—скимъ волостнымъ судомъ (дѣло происходитъ въ какой-то изъ южно-русскихъ губерній) не менѣе двадцати пяти исковъ, предъявленныхъ волостному суду о правахъ на наслѣдственную землю и заслуживающихъ особеннаго вниманія какъ «образцы», въ которыхъ наиболѣе яркимъ образомъ отразилась, во-первыхъ, неопредѣленность взглядовъ суда при рѣшеніи исковъ и главнымъ образомъ сутяжническая этихъ исковъ особенность. Но, къ величайшему нашему удивленію, во всѣхъ этихъ 25 образчикахъ *сутяжничества* и суда, путающагося въ своихъ рѣшеніяхъ, *только въ 5 случаяхъ* являются истцами дѣйствительно *крестьяне*, то-есть *мужики*, всѣ же остальныя 20 дѣлъ по 20 искамъ предъявляются *исключительно женщинами*-крестьянками. Фактовъ, которые бы доказали *озлобленіе крестьянъ* между собою, нѣтъ въ этихъ искахъ *ни единаго*. Да и въ тѣхъ пяти искахъ, въ которыхъ фигурируютъ *крестьяне*, два изъ нихъ возникли по жалобамъ двухъ опекуновъ надъ малолѣтними сиротами, — слѣдовательно не изъ личныхъ расчетовъ; одинъ возникъ по жалобѣ *на опекуновъ*, а два послѣднихъ были предъявлены двумя братьями къ дядѣ, и предъявлены по сущей справедливости: «Иванъ и Никита Голяки жаловались на своего дядю, Ѳедора Голяка. Оказалось, что дѣдъ ихъ, владѣвшій при жизни земельнымъ участкомъ по уставной грамотѣ, умеръ 12 лѣтъ тому назадъ, и тогда же умеръ и ихъ отецъ, а они сами никакого участія въ дѣлахъ семьи не принимали. Судъ удовлетворилъ ихъ претензію и выдѣлилъ имъ половину Ѳедоровой земли». Дѣло совершенно справедливое, но, повторяемъ, вмѣстѣ съ предыдущими четырьмя, исчерпываетъ рѣшительно *всѣ иски*, начатые *крестьянами*, то-есть мужиками. Въ остальныхъ же 20-ти—*крестьянка* первое слово каждаго иска наслѣдственной земли.

«*Крестьянка* д. Нападовки, Ѳедосья Дергачева, жаловалась на своего дядю Петра Дергача, требуя отъ него части владѣемой имъ земли...»

«*Крестьянка* города Липовца, Евдокія Загородная, жалуется на своего свекра, который, послѣ смерти ея мужа, не даетъ снохѣ и двумъ внучатамъ (дѣв. 10 л. и сынъ 1 г.) *ни поля ни пахатной земли*...»

«*Крестьянка* д. Нападкова, Марья Калашникова, жаловалась на своего свекра и требовала земли *не для себя, а для своихъ двухъ дочерей, оставшихся послѣ смерти ея*

мужа». Словомъ, всѣ страницы статьи г. Рева пестрѣютъ словомъ—*крестьянка, крестьянка, крестьянка*, и непосредственно за ними слѣдуетъ: *земля*, наслѣдственная *земля*, участокъ *земли* и т. д. Все это даетъ весьма существенное основаніе для того, чтобы видѣть, какое важное значеніе въ жизни крестьянской женщины имѣетъ *земля*. Во всѣхъ искахъ крестьянокъ только два или три раза рѣшеніе суда окончилось *денежнымъ вознагражденіемъ истицы*, но и причины такого рѣшенія очевидны: у свекра, съ которымъ начата была одна изъ тяжбъ женой его сына, у самого было еще девять человѣкъ дѣтей. Судъ отказалъ въ землѣ и присудилъ «на сиротъ» 20 руб. со свекра. Совершенно справедливо удовлетворенъ судомъ и искъ *солдатки* м. Россоша, Акулины Ходаковой, также на ея свекра *по первому мужу*, крестьянина Дмитрія Шумника. «Жалобщица объяснила, что она была замужемъ за сыномъ Шумника, Захаріемъ, съ которымъ прижила дочь Анну, и затѣмъ Захарій умеръ, а она вновь вышла замужъ за солдата Ходака. Такъ какъ у Шумника, кромѣ Захарія, другихъ дѣтей нѣтъ, то она проситъ признать ея дочь *участницею въ пользованіи земельнымъ надѣломъ* свекра. Отвѣтчикъ не пожелалъ признать при своей жизни внуку «участницей», говоря, что самъ желаетъ пользоваться своею землей. Судъ постановилъ: «основываясь на томъ обстоятельствѣ, что за смертью Захарія Шумника, умершаго тому 8 лѣтъ, осталась дочь его Анна, и что грунтовладѣлецъ, дѣдъ Анны, Дмитрій Шумникъ, не принимаетъ ее участницей въ пользованіи половинной части земельнаго надѣла», судъ призналъ Анну *участницей и удовлетворилъ просьбу ея матери* *).

V.

Тѣми же особенными и свойственными исключительно крестьянской женщинѣ качествами, т.-е. возможностью для нея независимаго существованія и возможностью выполнять свои не только материнскія, но и *общественныя* обязанности, несмотря даже на невозможность имѣть законнаго мужа, мы объясняемъ себѣ и тѣ прискорбныя для насъ, простыхъ смертныхъ, *своевольства* крестьянской молодежи обоего пола, которыя опредѣляются какъ «переживанія» коммунальнаго брака и гетеризма и понимаются простыми смертными въ смыслѣ какъ бы первобытнаго канкана. Не

*) Стр. 110.

говоря о полуязыческихъ инородцахъ (чуваши, черемисы, мордва), даже у истинныхъ христіанъ, каковыми почитаютъ себя раскольники, до того момента, когда образуется *наконецъ семья,* молодежь обоего пола несомнѣнно проявляетъ всѣ признаки переживанія первобытнаго своевольства.

По свидѣтельству Н. М. Ядринцева, первобытное своевольство молодежи въ алтайскихъ раскольническихъ обществахъ, опредѣляемое выраженіемъ: «птичій грѣхъ», «переживается» молодежью до брака съ полнѣйшею свободой и безъ всякаго стѣсненія со стороны родителей. Г. Красновъ *) также удостовѣряетъ объ этомъ своевольствѣ не только въ добрачныхъ, но и въ брачныхъ отношеніяхъ обоихъ половъ алтайскихъ раскольниковъ, при чемъ оба писателя утверждаютъ, что, несмотря на это своевольство, нигдѣ по всей русской землѣ нельзя найти такого всесторонняго крестьянскаго хозяйственнаго благосостоянія, какъ именно въ этихъ своевольныхъ раскольничьихъ общинахъ.

Но Алтай все-таки мѣсто болѣе или менѣе дикое, и не мудрено, что въ немъ не могло быть особенной надобности въ препятствіяхъ переживанію первобытнаго своевольства. Но что̀ сказать о раскольникахъ поволжскихъ, живущихъ не въ дебряхъ, а среди условій жизни, уже тронутыхъ высшею культурой, если и они рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ алтайскихъ своевольниковъ? По свидѣтельству знатока раскола П. И. Мельникова, сожительство ѳедосѣевцевъ и другихъ безпоповцевъ, не имѣющихъ освященныхъ браковъ, крѣпко и неразрывно. Но «до тѣхъ поръ, пока не сойдутся въ сожительствѣ, и молодые люди и молодыя дѣвушки *грѣшатъ;* но какъ скоро сошлись, поселились въ одномъ домѣ, стали жить какъ мужъ съ женою, этого рода грѣхи навсегда прекращаются». Одинъ изъ расколоучителей и основателей того же ѳедосѣевскаго согласія, Иванъ Алексѣевъ, находившій необходимымъ освященіе брака (т.-е. *сожительства*) родительскимъ благословеніемъ, чтобы въ немъ были «крѣпость и честь», изображаетъ добрачныя отношенія дѣвушекъ и парней, т.-е. то, что̀ у П. И. Мельникова опредѣлено словомъ: *грѣшатъ,*— въ подробностяхъ совершенно непривлекательныхъ: «сыновья ихъ (ѳедосѣевцевъ) и дщери ихъ юніи сами досматриваютъ юноши дѣвъ, а дѣвы юношей, и сватовство свое или по нощемъ темнымъ, или по гумнамъ, или по лѣсамъ,

*) «Кн. Недѣли», 90 г., № 1.

по посидѣлкамъ, безъ благословенія отца-матери и безъ всякаго гражданскаго чина и обычая, сами собою, убѣгомъ и помѣшкавши или въ лѣсѣ, или гдѣ въ отъѣздѣ, въ свой домъ аки новобрачные пріѣзжаютъ».

Этихъ двухъ несоединимыхъ свойствъ въ одномъ и томъ же человѣческомъ существѣ — коммунальнаго и законнаго брака, добрачнаго «гетеризма» и крѣпости и прочности семейнаго союза—однако еще недостаточно для того, чтобы простой смертный былъ окончательно сбитъ съ толку въ пониманіи нравственныхъ принциповъ нашего крестьянства обоего пола, и въ особенности крестьянскихъ женщинъ. Что̀ можетъ подумать простой смертный, если я сообщу ему, что всѣ вышеприведенныя цитаты о добрачномъ поведеніи юношей и дѣвъ заимствованы нами изъ статьи г. Савельева: «Браки по благословенію родителей» *), въ которой приведено множество рѣшеній волостного суда по дѣламъ, касающимся того же своевольства уже не дѣвъ и юношей, *а мужей и женъ, считающихся въ бракѣ,* т.-е. послѣ того, какъ окончился «гетеризмъ» и установилась «семья»?

Своевольство въ юности, крѣпость и твердость въ бракѣ, и въ томъ же бракѣ опять своевольство, т.-е. обоюдное, безъ всякаго стѣсненія, проявленіе желанія расторгнуть брачныя отношенія, — какъ объяснить всю эту путаницу взаимныхъ отношеній мужчинъ и женщинъ? Въ 1871 г. хохловскій волостной судъ присудилъ *жену* къ аресту за то, что она ушла отъ мужа и не возвращается къ нему безъ уважительной причины. Но жена не только не согласилась на возвращеніе, *но еще бросила въ лицо судей повойникомъ*». Одна крестьянка, только-что вышедшая въ минувшемъ мясоѣдѣ (71 г.) замужъ по родительскому благословенію, почему-то была отвезена своимъ мужемъ обратно къ ея родителямъ; отецъ отринутой дочери предъявилъ искъ о возвращеніи ея имущества, а мужъ въ то же время изъявилъ желаніе, чтобы жена его возвратилась къ нему. Но жена не согласилась и заявила суду, что она *не вѣнчана,* и судъ рѣшилъ возвратить женѣ ея имущество. Заявленіе жены, что она *не вѣнчана,* было для нея только средствомъ расторгнуть бракъ, такъ какъ если бы она не оборонилась этимъ указаніемъ на бракъ церковный, то волостной судъ не допустилъ бы расторженія брака, такъ какъ

*) «Волжск. Вѣст.» 89 г., № 89.

бракъ «по родственному благословенію» почитается волостнымъ судомъ, состоящимъ изъ православныхъ, такъ же нерасторжимымъ, какъ церковный. «Рѣшенія волостныхъ судовъ,—читаемъ мы въ статьѣ г. Савельева: — по поводу этихъ браковъ по родственному благословенію возникаютъ обыкновенно по жалобѣ обѣихъ сторонъ, *чаще женщинъ,* на притѣсненія одною стороной другой, или по просьбамъ о востребованіи имущества, когда одна сторона, вслѣдствіе той или другой причины, *не желаетъ* продолжать сожительства. Изъ нѣкоторыхъ рѣшеній волостныхъ судовъ можно заключить, что крестьяне придаютъ этимъ бракамъ такое же значеніе, *какъ и церковнымъ,* и за самовольное расторженіе ихъ подвергаютъ виновныхъ наказанію, а иногда и вовсе отказываютъ въ расторженіи».

«Бываютъ даже случаи, когда судьи съ большимъ упорствомъ проводятъ свои воззрѣнія о законности браковъ «по благословенію родителей». Сюда относятся рѣшенія дроздовскаго волостного суда отъ 1875 года. Мужъ жаловался на жену за нежеланіе жить съ нимъ, и волостной судъ опредѣлилъ *арестовать жену на семь дней* и потомъ водворить къ мужу. Въ волостномъ судѣ Хвостиковской волости, наоборотъ, дѣло разбиралось по жалобѣ мужа на жену за то, что она ушла отъ него и не желаетъ возвращаться, вслѣдствіе чего просилъ развода (д. 1874 г.). Отвѣтчица заявила, что она ему — не жена, а «жила въ работницахъ», на что мужъ возражалъ, что онъ «женился по родительскому благословенію и взаимному согласію», вслѣдствіе чего волостной судъ рѣшилъ *въ искѣ отказать* и предоставить хлопотать о разводѣ въ подлежащихъ мѣстахъ. Здѣсь судьи, находя себя некомпетентными въ расторженіи брака, тѣмъ не менѣе самый бракъ признали за дѣйствительный».

Статья г. Савельева состоитъ изъ двухъ большихъ фельетоновъ и переполнена множествомъ исковъ обѣихъ сторонъ, «по какимъ-либо причинамъ не желающихъ продолжать сожительства». Самое уваженіе, проявляемое судомъ къ раскольничьимъ бракамъ и бракамъ по родительскому благословенію, ничуть не меньшее уваженія и почитанія брака церковнаго, само по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что судьи имѣли уже опытъ въ рѣшеніи такихъ же исковъ и среди православныхъ крестьянъ.

Кромѣ этого предположенія, я, по личному опыту, могу свидѣтельствовать, что въ волостныхъ судахъ просьбы «за-

конныхъ» крестьянскихъ женъ объ отдѣльномъ видѣ на жительство—явленіе весьма нерѣдкое. По личному опыту, даже и въ такой совершенно уже православной средѣ, какъ крестьянское населеніе Новгородской губ., и то уходъ жены отъ мужа, иногда безъ всякихъ разрѣшеній, практикуется довольно часто. Въ зиму 1888 года въ той деревенькѣ, гдѣ я по временамъ бываю, было только двѣ свадьбы (ожидали *восемь!*), при чемъ мужья были пришлые изъ другихъ сосѣднихъ деревень, и обѣ увезенныя въ чужія семьи дѣвушки, послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ замужества, возвратились къ своимъ родителямъ, и никакими силами ихъ не могутъ вернуть къ мужьямъ. У каждой изъ нихъ по ребенку, но и это не способствуетъ къ семейной жизни въ подчиненномъ положеніи семьямъ мужей.

Итакъ, опять-таки своевольство въ добрачной юности и, несмотря на «крѣпость» брачнаго сожительства, своевольство и въ этомъ якобы «крѣпкомъ» бракѣ. Есть ли какое-нибудь соотношеніе, какая-нибудь связь между добрачнымъ и послѣбрачнымъ своевольствомъ? Окончился ли гетеризмъ, или продолжается даже и послѣ брака? И на чемъ основано своевольство, смѣлость уходить отъ мужа, унося съ собой ребенка, а иногда и не одного, и почему крестьянская жена крестится на церковь, радуясь, что въ «волостномъ» ей дали отдѣльную бумагу?

Всѣ эти недоразумѣнія будутъ для насъ понятны, если мы, такъ сказать, собственными глазами разсмотримъ «своевольство молодежи» въ его реальномъ, дѣйствительномъ проявленіи, и своими глазами увидимъ также реальныя, дѣйствительныя основанія къ этому своевольству.

«Во всемъ Нарымскомъ краѣ *) весною, когда снѣгъ начнетъ таять и въ поляхъ покажется вода, вокругъ почти каждаго селенія устраиваются нѣсколько винокурень или балагановъ изъ вѣтвей, иногда крытыхъ соломою, гдѣ почти всѣ хозяйки приготовляютъ для себя вино (*самосидка*). Туда свозится нѣсколько кадочекъ и бочекъ для затора вина, тамъ его затираютъ, тамъ и гонятъ. Затеревъ два пуда, можетъ-быть, послѣдней въ домѣ муки, хозяйка проводитъ въ этомъ балаганѣ, по крайней мѣрѣ, три дня и три ночи.

«Спать ей, бѣдной, тутъ некогда, да притомъ, *откровенно*

---

*) «Записки Зап.-Сиб. Отдѣла Имп. Геогр. Общ.» «Крестьяне Нарымскаго края», ст. Григоровскаго.

сказать, несмотря на холодъ, на вѣтеръ и прочія неудобства, каждая хозяйка считаетъ это время самымъ счастливѣйшимъ во всемъ году. Тутъ къ ней приходятъ сосѣдки и знакомыя съ пряхами и проводятъ съ ней иногда цѣлый день. Изъ дома ей приносятъ дочери чай, сахаръ, разныя печенія. Тутъ угощаетъ она подругъ своихъ чаемъ, угощаетъ ихъ виномъ, еще горячимъ, и всегда ложкою, а не рюмкою, затѣмъ, что вино надобно пробовать часто, чтобъ не сдѣлать его ужъ очень слабымъ, а поэтому каждая изъ подругъ и сама хозяйка часто пробуютъ его ложечкой. Отъ этого пробованія и хозяйка и подруги всегда навеселѣ, а другія уже бываютъ и черезчуръ веселы. Разсказы, прибаутки, смѣхъ почти не прерываются цѣлый день. Передъ вечеромъ сюда приходитъ съ работы мужъ винокурки; онъ въ это время поблизости рубитъ дрова и всегда «съ устатку» заходитъ сюда выпить горячаго; съ нимъ иногда приходитъ сосѣдъ или пріятель, и тому тоже подается водка. Настаетъ ночь, и тогда къ винокуркѣ приходитъ на помощь ея дочь съ своими подругами — дѣвушками, чтобы дать матери немножко соснуть и посидѣть вмѣсто нея около вина. Онѣ приносятъ съ собою изъ дома ужинъ. Затѣмъ послѣ ужина сюда собираются молодые ребята поиграть съ дѣвками; имъ тоже подается по чаркѣ. Начинаются веселые разговоры, шутки, прибаутки, деревенскія остроты. Хозяйка, утомленная долгою безсонницей, прикурнетъ гдѣ-нибудь въ балаганѣ и спитъ богатырскимъ сномъ. Ребята начинаютъ заигрывать съ дѣвками, огонекъ курится и освѣщаетъ очень мало пространства. *И что̀ тутъ дѣлается, только знаетъ темная ночь да сами дѣйствующія лица.* Дѣйствительно, такія таинственныя ночи довольно заманчивы для воображенія деревенской молодежи, и каждая *хозяйка до-нельзя любитъ ихъ, по воспоминанію о своемъ прошломъ, какъ и она проводила нѣкогда подобныя ночи на винокурнѣ,* а потому я и сказалъ, что *каждая хозяйка почитаетъ это время самымъ счастливѣйшимъ».*

То, что̀ авторъ скрылъ въ неопредѣленномъ выраженіи,— «*что̀ тутъ дѣлается, знаетъ только темная ночь да еще сами дѣйствующія лица*», очевидно, означаетъ не что̀ иное, какъ неминуемое «переживаніе гетеризма по установленному типу». Но почему же состарившейся женщинѣ, къ которой въ шалашъ приходятъ взрослыя уже дочери, нѣтъ въ жизни лучшаго воспоминанія, какъ эти тайны темныхъ ночей? Почему для этихъ молодыхъ дѣвушекъ также оста-

нутся *наилучшими* воспоминаніями тѣ же *темныя ночи* и то, что во время ихъ дѣлается молодежью?

Отвѣтъ мы находимъ именно тотъ, который всего понятнѣе и пріятнѣе простому смертному: та самая дѣвушка, которая, сдѣлавшись старухой, будетъ вспоминать дѣвичьи годы и темныя ночи,—въ 15 лѣтъ, т.-е. именно въ тѣ годы, когда она впервые начинаетъ переживать впечатлѣнія этихъ ночей, *уже входитъ во всю хозяйскую и домашнюю работу.* Она уже умѣетъ отлично плавать на лодкѣ, умѣетъ жать, косить, метать сѣно, боронить и даже неводить рыбу; умѣетъ, конечно, и коровъ подоить, и прясть, шьетъ рубахи, платья, вяжетъ чулки. Умѣетъ разными травами красить бѣлую пряденую шерсть, умѣетъ найти эти травы и соткать изъ этой пряжи для себя юбку съ разными цвѣтными клѣтками. Мало того: сдѣлавшись женой и принявъ на свои плечи *весь* хозяйственный трудъ, *въ буквальномъ смыслѣ* *), она до старости сохраняетъ такую силу жизненности, что находитъ возможность нести этотъ трудъ, не теряя веселаго настроенія духа. Какъ только утромъ проводятъ мужиковъ на промыселъ, тотчасъ являются сосѣдки съ прялками на

*) Мужикъ Нарымскаго края лѣнивъ и всячески старается увильнуть отъ трудовъ въ домѣ и въ полѣ. Чѣмъ ходить за сохою да за землею, ему лучшимъ кажется ходить цѣлый день по лѣсу, положивъ на плечо ружье, покуривая трубку, посвистывая да поглядывая по сторонамъ. Попалъ звѣрекъ—убилъ, а нѣтъ, такъ и не надо,—завтра попадетъ. Или цѣлый день лежитъ на берегу рѣки, въ балаганѣ, ѣстъ до отвалу лучшую рыбу и посмотритъ два-три раза ловушку. Чего же лучше? Любо ему такое дѣло, потому что нѣтъ за него ни предъ кѣмъ отчета: старики не могутъ спросить: отчего не добылъ звѣря? Здѣсь не на пашнѣ, работа не видная, не то, что поѣхалъ бы за сѣномъ да не привезъ его. Если же этотъ промышленникъ-звѣроловъ, поставивъ свои клепцы и черканы, добылъ десятокъ-другой бѣлокъ, съ десятокъ колонковъ, какую-нибудь лисицу, то уже всѣ семейные считаютъ его настоящимъ промышленникомъ. Тогда онъ для дома уже ни за что не нарубитъ дровъ, не съѣздитъ за сѣномъ, не станетъ пахать, и убѣгаетъ отъ всякой домашней работы, подъ предлогомъ, что вотъ тутъ-то видѣлъ звѣря (стр. 9). А когда онъ доживетъ до 40 лѣтъ, такъ ужъ окончательно прекращаетъ всякія работы, считая себя старикомъ, такъ какъ дѣти его женаты и замужъ выданы. И вотъ онъ начинаетъ жить исключительно въ свое удовольствіе. Любитъ онъ лежать и валяться на перинѣ, которая непремѣнная принадлежность каждаго дома и каждаго изъ живущихъ въ немъ счастливцевъ: птичьяго пуху тьма! Перины созидаютъ огромнѣйшія, и вотъ труженикъ сорокалѣтній начинаетъ отдыхать отъ трудовъ праведныхъ, любитъ онъ на этой перинѣ вдоволь выспаться со своею старухой, которая также полагаетъ, что она *старуха* (то ли дѣло, когда она была молода!) и родитъ, во время отдохновенія, иногда до пяти дѣтей (стр. 15).

посидѣнки. Тутъ пойдетъ угощеніе чаемъ, разговоры, и такъ продолжается, пока вернутся мужики. Иногда, накормивъ поскорѣй мужиковъ, женщины уходятъ на новую посидѣнку, гдѣ непремѣнно тоже идетъ угощеніе. Въ рабочую пору посидѣнки идутъ съ перерывами, а зимой по два раза въ день; безъ посидѣнокъ женщину томитъ тоска, клонитъ сонъ, а на посидѣнкахъ и не дремлется, и работа идетъ скорѣе».

Все это дѣлаетъ и 15-ти-лѣтняя дѣвушка, и слѣдовательно именно въ эти юные годы она такъ многосторонне оборонена въ свободѣ и самостоятельности своего существованія, что ее ничего не стѣсняетъ въ самыхъ безкорыстныхъ и искреннихъ проявленіяхъ чувства къ своему ровеснику-парню, ея будущему мужу.

Вотъ эта-то возможность жить на бѣломъ свѣтѣ безъ всякой опеки и попеченія и объясняетъ намъ право крестьянской женщины уйти отъ тирана-мужа, взявъ на обѣ руки по ребенку, объясняетъ всѣ эти разводы и требованія отдѣльнаго вида и вообще объясняетъ стремленіе не покоряться произволу, не заглушать голоса своей совѣсти, и все потому, что есть *золотыя руки*, которыя все могутъ сдѣлать и отъ всего оборонить.

III. Отвѣтчики *).

Продолженіе предыдущаго.

I.

Тѣ же самыя своевольныя, независимыя крестьянскія женщины обречены на неминуемую гибель, если только, по тѣмъ или другимъ причинамъ (о причинахъ будетъ ска-

*) Эта замѣтка написана въ самый разгаръ всеобщаго гнѣва противъ «варшавскихъ дѣтоубійцъ». «Женщины Ироды», «Избіеніе младенцевъ»— иначе не говорилось въ печати о Скублинской и ея звѣрскихъ злодѣйствахъ. Въ концѣ ноября 1890 г. въ Варшавѣ окончился процессъ Скублинской, и общественная совѣсть чистосердечно сказала объ этомъ дѣлѣ свое справедливое, даже покаянное слово. «Варшавскій Дневникъ», сообщая судебный отчетъ по дѣлу Скублинской, между прочимъ, замѣчаетъ: «Скублинская все больше и больше располагаетъ къ снисхожденію не только жалкимъ видомъ, частыми слезами и, повидимому, искренностью въ показаніяхъ, но и впечатлѣніемъ, вызваннымъ всѣмъ ходомъ дѣла,—*складывается убѣжденіе, что она совсѣмъ не такой изверг, какимъ представила ее обществу печать, и даже не въ такой степени преступна, какъ ее изображали*».

зано подробнѣй), будутъ вынуждены оставить родной домъ, деревню и искать хлѣба на сторонѣ и въ трудѣ по найму.

Ужасное дѣло о варшавскихъ «дѣтоубійствахъ» еще не подлежало сужденію гласнаго суда,—но мы увѣрены, что судъ, если и не оставитъ безъ наказанія женщинъ, «кормившихся» около «брошенныхъ дѣтей», то онъ, несомнѣнно, выяснитъ тѣ великія неправды современнаго строя жизни, въ которомъ множество матерей не могутъ исполнять своихъ материнскихъ обязанностей, и множество дѣтей обречены быть брошенными своими родными матерями.

Прежде всего, конечно, несмѣтное множество крестьянскихъ женщинъ, оторванныхъ отъ своего хозяйства и, въ большинствѣ, самаго цвѣтущаго возраста, поглощаетъ всякій *городъ,* большой или малый, все равно. Каждый городской домъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ обойтись безъ прислуги какъ мужской, такъ и женской. И если мы выдѣлимъ изъ общаго числа прислуги вообще только однѣхъ женщинъ, и притомъ такихъ, которыя исполняютъ въ домѣ лишь черную работу (не говоримъ о гувернанткахъ, компаньонкахъ и пр.), то увидимъ, что и этого рода труженицъ семейный домъ требуетъ въ весьма немаломъ количествѣ: кормилицы, няньки, горничныя, кухарки, швеи, прачки, все это *необходимые* въ каждомъ семействѣ радѣтели и пособники, безъ которыхъ *никоимъ образомъ* не можетъ обойтись ни одинъ обывательскій городской домъ. И если это количество *необходимыхъ* пособниковъ помножить на сотни и тысячи такихъ же семействъ, количество которыхъ увеличивается по мѣрѣ возрастанія народонаселенія, то получится поистинѣ несмѣтное множество *однѣхъ только женщинъ,* которыхъ поѣдаетъ чрево *города* и которыя обречены на полнѣйшую невозможность хотя бы подобія независимаго существованія.

Неудивительно поэтому, что *подкидышъ* есть въ настоящее время непремѣнная принадлежность «*городскихъ извѣстій*» всякой газеты, издающейся въ такихъ городахъ, гдѣ г. Купонъ въ большей или меньшей степени запустилъ свой «коготокъ»; не говоря о столицахъ,—Одесса, Ростовъ, Кіевъ, Казань и всѣ поволжскіе крупные торговые пункты почти *ежедневно* свидѣтельствуютъ въ своихъ листкахъ о подкинутыхъ младенцахъ. Но въ тѣхъ же листкахъ, не въ городскихъ извѣстіяхъ, а на послѣдней страницѣ объявленій, цѣлые столбцы также ежедневно свидѣтельствуютъ, какое огромное количество бездомовнаго народа (и опять-таки *преимущественно женщинъ*) ищетъ труда, работы, мѣста,

т.-е. вообще куска хлѣба. *Ежедневный подкидышъ* большею частью въ единственномъ числѣ и ежедневная масса, десятки и сотни женщинъ, ищущихъ куска хлѣба, эта параллель между размѣрами женской нужды и однимъ-двумя брошенными дѣтьми ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что брошенный ребенокъ—не продуктъ распутства и разврата темной городской «массы», какъ это утверждаютъ, между прочимъ, нѣкоторые изслѣдователи варшавскихъ событій.

Подкидышъ, т.-е. брошенный ребенокъ есть прямое послѣдствіе скопленія въ городахъ огромнаго количества рабочаго народа обоего пола, *необходимаго* для обихода жизни городского обывателя, а слѣдовательно онъ, обыватель, не имѣющій никакой возможности обойтись безъ покупного труда, и есть прямой и первый *отвѣтчикъ за брошеннаго* ребенка брошенной на произволъ судьбы женщины.

Мы подчеркиваемъ слово *брошенный,* потому что только въ *городѣ* матери случайно рожденныхъ дѣтей могутъ быть поставлены въ положеніе, не дающее имъ никакой возможности ихъ растить и даже кормить хотя нѣсколько дней; *незаконные* родятся и въ деревнѣ, но участь ихъ не такая, какова участь городского *незаконнаго.* «Въ одномъ изъ селеній Лаишевскаго уѣзда *), при производствѣ коренного передѣла земли, общество сильно занималъ вопросъ: надѣлить или не надѣлять землею незаконнорожденныхъ? Большинство склонилось къ тому, чтобы не надѣлять, во-первыхъ, потому, что «кто его знаетъ, чей онъ?—нашенскаго или чужого?»—а во-вторыхъ, и, пожалуй, *главнымъ образомъ,* потому, что *надѣли ихъ землей, такъ солдатики да вдовы* столько натаскаютъ ребятъ, что имъ, чего добраго, придется половину поля отрѣзать». Въ данномъ случаѣ *отказъ* въ надѣлѣ землей объясняется только крайнимъ малоземельемъ той мѣстности, гдѣ находится указанное выше селеніе. Очевидно, что если бы у мірянъ было во владѣніи достаточное количество земли, о *незаконнорожденныхъ* и рѣчи не было бы на міру, какъ не было ея и до сихъ поръ. Съ другой стороны, какая разница въ положеніи *этихъ безмужнихъ* женщинъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи только «свои руки», и такой же женщины, трудами рукъ своихъ существующей не въ деревнѣ, а въ городѣ. Оказывается, что будь у деревенской *безмужней* женщины какое-либо малѣйшее соприкосновеніе съ *землей,*

---

*) «Казанскій Листокъ».

такъ она безбоязненно можетъ отвѣтствовать сама за себя; *незаконные*, которымъ отказывается въ землѣ, не брошены деревенскими матерями, а *вырощены*, и только малоземелье не даетъ ихъ дѣтямъ возможности полнаго равенства въ положеніи со всякимъ міряниномъ того сельскаго общества, гдѣ онъ родился.

Даже изъ одного этого примѣра — возможности для крестьянской женщины, будучи безмужней, не продавать своихъ рукъ изъ-за хлѣба—городской нетруждающійся обыватель долженъ убѣдиться, что женщина рѣшается идти къ нему въ услуженіе лишь въ томъ только случаѣ, когда для нея утрачены всѣ пути къ *независимому* существованію, и что, слѣдовательно, онъ благоденствуетъ только усиліями тѣхъ человѣческихъ существъ, которыя обречены необходимостью отказаться навсегда даже отъ тѣни мысли о возможности жить безъ кабалы.

II.

Чтобы слова наши не были бездоказательными, приведемъ два-три самыхъ заурядныхъ жизненныхъ факта, непосредственно касающихся благосостоянія городского обывателя. «31-го августа *) въ камерѣ мирового судьи 1-го участка слушалось дѣло по обвиненію отъ полиціи крестьянской дѣвицы Прасковьи Ермолаевой Лазаревой въ подкинутіи младенца. Обвиняемая признала себя виновною и объяснила слѣдующее. Отдавъ на воспитаніе свое новорожденное дитя, она поступила въ кормилицы. Несмотря на то, что обвиняемая ежедневно выдавала пріемной матери своего дитяти по 15 к. и снабжала молокомъ, послѣдняя требовала 5 р. разомъ, которыхъ она еще не зажила. Въ 12 ч. ночи ей принесли назадъ ея ребенка. Вѣроятно, вслѣдствіе того, что обвиняемая не могла удовлетворить двухъ младенцевъ, оба кричали. *Хозяевамъ, конечно, это было непріятно. Не имѣя ничего въ перспективѣ, кромѣ заработка въ качествѣ кормилицы,* она поставлена была въ необходимость разстаться съ своимъ роднымъ дитятею. Полюбовный мужъ ея, будучи разсерженъ тѣмъ, что его не допустили къ обвиняемой, разслѣдовалъ все это дѣло и заявилъ въ часть. Въ настоящее время младенецъ у нея на рукахъ, а она сама живетъ вмѣстѣ съ вѣроломнымъ возлюбленнымъ *въ качествѣ прислуги* въ

*) «Волжск. Вѣстн.», 1889 г. № 215.

домѣ у его отца. Разсмотрѣвъ дѣло, судья приговорилъ Лазареву къ 4-хъ-дневному аресту при земскомъ арестномъ домѣ».

Если бы обожатель *не разсердился* и не былъ *лично обиженъ* полиціей, то дѣло о подкидышѣ никогда бы не выяснилось такъ, какъ оно выяснилось на судѣ. Обожатель не сердится и ничего къ облегченію своей сожительницы не предпринимаетъ, зная, что ребенокъ его отданъ старухѣ, и что его сожительница принуждена *безвыходнымъ положеніемъ* идти въ кормилицы, кормить чужого ребенка. Хозяева, не уплативъ ни копейки женщинѣ, покинувшей для ихъ благополучія собственнаго ея ребенка, однакоже не задумываются высказать ей свое неудовольствіе, что она не сумѣла отдѣлаться отъ своего ребенка, и нимало не протестуютъ противъ ея отчаяннаго поступка.

Вотъ при какихъ условіяхъ получаетъ обыватель *кормилицу*, прачку, швею, обшивающую все его семейство. И швея, такъ же какъ и кормилица его дѣтей, жертвуетъ для него всѣми своими правами на независимое существованіе. Фактическія доказательства сказаннаго заимствуются нами изъ вѣнской корреспонденціи, касающейся того же вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, такъ какъ положеніе швеи московской, казанской, петербургской и пр. совершенно одно и то же, что̀ и положеніе швеи «заграничной». «Вотъ бюджетъ вѣнской бѣлошвейки,—пишетъ корреспондентъ «Русск. Вѣд.»:—изъ числа «обезпеченныхъ», т.-е. работающей на магазинъ и поэтому не имѣющей надобности искать работу. Магазины бѣлья платятъ своимъ работницамъ за изготовленіе 10 рубахъ отъ 1 гульд. до 1 гульд. 50 кр. Такъ какъ умѣлая бѣлошвейка въ состояніи изготовить 10 рубахъ въ 2 дня, работая 12 ч. въ день, то заработокъ ея въ день составляетъ 75—50 крейцеровъ; расходы же ея, считая самое необходимое для поддержанія жизни, слѣдующіе: квартира въ день—17 кр. (5 гульд. въ мѣсяцъ); литръ молока для приготовленія кофе, замѣняющаго завтракъ, обѣдъ и ужинъ, сто̀итъ 12 кр.; кофе, цикорій и сахаръ—10 кр., хлѣбъ—6 кр. и наконецъ керосинъ—5 кр. Дневной расходъ, какъ видимъ составляютъ уже 50 кр. Но въ этомъ бюджетѣ нѣтъ мѣста ни расходамъ на платье и обувь ни расходамъ на дѣтей, если они живутъ при матери-работницѣ. Очевидно, что своимъ трудомъ бѣлошвейка (какъ и рукодѣльница) не можетъ прожить. Ей приходится искать помощи благотворителей, а не нашедши ея, выбирать между жизнью впроголодь и... проституціей».

Что же касается послѣдняго рода гибели женщинъ, то городской обыватель вполнѣ признаётъ необходимость этой оформленной печатными правилами погибели женщинъ и какъ должное вноситъ въ свой бюджетъ всѣ городскіе расходы по части «гигіены».

III.

Но расходовъ по части сохраненія жизни подкидышей, въ появленіи которыхъ въ подворотняхъ, на тротуарахъ, на церковныхъ папертяхъ—онъ, горожанинъ, членъ городского *общества* *), есть несомнѣнный виновникъ, — объ этомъ расходѣ ни въ одномъ городскомъ бюджетѣ нѣтъ пока и помина. За исключеніемъ земствъ, добровольно возлагающихъ на свои плечи бремя попеченія о призрѣніи подкидышей, т.-е. исполняющихъ обязанности, всею полностью лежащія на *городскомъ* обывателѣ, почти во всѣхъ многонаселенныхъ, оживленныхъ г. Купономъ городахъ попеченіе о брошенныхъ дѣтяхъ продолжаетъ быть дѣломъ частной благотворительности, дѣломъ частной иниціативы человѣколюбивыхъ людей.

Въ Варшавѣ воспитательный домъ основанъ благодаря иностранцу, аббату Бодуэну; въ Одессѣ дѣло призрѣнія подкидышей также, повидимому, лежитъ главнымъ образомъ на плечахъ частныхъ благотворителей **). И нигдѣ во всѣхъ этихъ густо населенныхъ городахъ (гдѣ однѣхъ

---

*) Въ № 213-мъ «Волжскаго Вѣстника» 1889 г. помѣщена замѣтка: «Одинъ изъ сотни подкидышей», вопіющая о грубомъ *равнодушіи общества къ этимъ несчастнымъ человѣческимъ существамъ*. Одно уже заглавіе замѣтки: «*Одинъ изъ сотни*» свидѣтельствуетъ о количествѣ этихъ брошенныхъ дѣтей. «Здѣсь *трудно обвинять мать ребенка*,—говоритъ авторъ замѣтки:—Богъ знаетъ, какія *тяжелыя условія* заставили ее бросить свое дѣтище? Можетъ-быть, стыдъ, можетъ-быть, страхъ передъ людьми, *нищета*—были причиной, побудившей несчастную забыть чувства матери?.. Теперь всѣ эти подкидыши поступаютъ на воспитаніе *въ земское сиротское отдѣленіе*, но поступаютъ туда *далеко не всѣ*; *половина ихъ мретъ* подъ заборами, пока будутъ замѣчены прохожимъ». О *тяжкихъ условіяхъ* мы имѣемъ уже понятіе изъ разбирательства у мирового судьи, приведеннаго выше.

**) Въ Одессѣ въ двухъ пріютахъ для подкидышей, «Павловскомъ» и «Обществѣ призрѣнія младенцевъ и родильницъ», за двадцать пять лѣтъ принято 4.440 подкидышей, т.-е., примѣрно, до 150—160 младенцевъ въ годъ; неизвѣстно однакоже, въ какой степени увеличивалось число подкинутыхъ младенцевъ по мѣрѣ оживленія промышленности и коммерціи, и сколько найдено людьми и частью собаками уже *мертвыхъ* младенцевъ? Изъ 4.440 въ однихъ только двухъ пріютахъ Одессы умерло 2.872 младенца.

кормилицъ, т.-е. матерей, вынужденныхъ *бросить собственныхъ дѣтей*, требуются цѣлые десятки тысячъ), управы не принимаютъ ни малѣйшаго участія въ увеличеніи средствъ благотворительныхъ учрежденій, средствъ, возрастающихъ въ своихъ размѣрахъ по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и пропорціонально этому увеличивающагося количества брошенныхъ дѣтей.

«Въ 1876 г. въ варшавскомъ воспитательномъ домѣ «Младенца Іисуса» было принято 3.607 дѣтей; въ 1877—ихъ поступило 3.639; въ 1879 г., послѣ введенія новыхъ правилъ, принято *лишь* 1.213, а въ 1880 г.—1.172. *Очевидно, что непринятыя ежегодно полторы тысячи дѣтей* поступили, съ 1879 года, на воспитаніе Скублинскихъ, *которыя и не замедлили отправить ихъ на тотъ* свѣтъ». Послѣдняя фраза г. корреспондента намъ кажется написанной единственно изъ суетнаго желанія не отставать въ пониманіи варшавскихъ событій въ смыслѣ первенствующаго значенія въ нихъ извѣстныхъ «звѣрообразныхъ» личностей. Это тѣмъ болѣе несправедливо, что изъ другихъ корреспонденцій того же автора мы узнаёмъ, что Скублинскія—до такой степени изнуренныя нуждою существа, что, при полицейскомъ осмотрѣ, изъ всѣхъ пяти злодѣекъ только на одной была рубашка, а всѣ прочія носили свои лохмотья *на голомъ тѣлѣ!* Еще болѣе несправедливое мнѣніе о Скублинскихъ заключается въ обвиненіи ихъ въ умыслѣ морить дѣтей голодомъ *): «на *семь* подкидышей Скублинская покупала *всего-навсего полъ-бутылки молока*». Но варшавскій пріютъ отказалъ не семи, а (въ теченіе 10 лѣтъ) 15 тысячамъ младенцевъ даже и въ единой каплѣ молока, оправдывая свой поступокъ *недостаткомъ средствъ!* Дѣйствительно, средствъ у пріюта маловато. «Любовь къ ближнему» какъ бы закаменѣла въ сердцахъ его руководителей на тѣхъ 30 тысячахъ рублей ежегодныхъ расходовъ, которые въ той же неизмѣнной цифрѣ тратились пріютомъ съ первыхъ дней его открытія и до послѣдняго дня настоящаго года. Этотъ *недостатокъ средствъ* (а какія средства у Скублинской?), несомнѣнно, свидѣтельствуетъ именно объ окаменѣніи человѣколюбиваго чувства, потому что, если бы въ немъ не замерла идея милосердія, поло-

*) Въ воспитательныхъ домахъ Петербурга и Москвы въ теченіе 125 лѣтъ умерло до 21-лѣтняго возраста изъ 1.293.917 принятыхъ подкидышей—1.188.646, т.-е. 88%. Расходъ годовой 2½ милл. Каждый ребенокъ обходится *въ годъ* 690 руб. («Нов. Вр.», № 5.030).

женная въ основаніе учрежденія, оно бы не могло не возвѣстить обществу о необходимой помощи.

Не менѣе безчувственное отношеніе видимъ мы въ полнѣйшемъ безучастіи общества къ явной, очевидной для каждаго обывателя, гибели цѣлыхъ тысячъ брошенныхъ дѣтей, нарожденныхъ бѣднымъ, пришлымъ изъ-за куска хлѣба народомъ. Въ теченіе десяти лѣтъ на глазахъ Варшавы одинъ за другимъ возникали процессы о «фабрикахъ ангеловъ», но городъ довольствовался рѣшеніями суда, взыскивалъ со Скублинскихъ по 50 руб. штрафа и ни малѣйшимъ образомъ не ощущалъ на своей совѣсти обязательной для него, неминуемой, неизбѣжной *повинности*.

IV.

Недостатокъ средствъ начинаютъ испытывать также и земства, добровольно принявшія на свои плечи бремя городскихъ обязанностей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ губернское земство выстроило въ гор. Самарѣ при земской больницѣ пріютъ для подкидышей и устроило въ воротахъ больницы ясли, «куда безбоязненно могли бы опускать младенцевъ, составляющихъ по той или иной причинѣ тягость для ихъ родителей». Затѣмъ у земства явилась мысль: «что̀ дѣлать съ пріемышами, когда они подрастутъ?», вслѣдствіе чего управѣ было поручено вырабстать докладъ о дальнѣйшей судьбѣ питомцевъ пріюта. На слѣдующій годъ управа доложила очередному собранію, что, по ея мнѣнію, «прежде чѣмъ придетъ для губернскаго собранія время заботъ о дальнѣйшей судьбѣ подкидываемыхъ дѣтей, ему предстоитъ рѣшить неотложный вопросъ о томъ, что̀ дѣлать съ той массой дѣтей, *которую создалъ и вызвалъ практикуемый нынѣ порядокъ*». Докладчики заявляли, что если останутся «ясли» и ничѣмъ не стѣсняемое подкидываніе въ нихъ младенцевъ, то лѣтъ черезъ пять будутъ подбрасывать по нѣскольку тысячъ дѣтей, и *на воспитаніе ихъ, быть-можетъ, не хватитъ всей смѣты губернскаго земства*; если же будетъ установленъ *открытый пріемъ* младенцевъ, то «съ увѣренностью можно сказать, что число подкидываемыхъ сразу уменьшится и будетъ выраженіемъ *дѣйствительной* нужды, а не корысти и злоупотребленій». Несмотря на возгласы и протесты *лже*-филантроповъ (?), земское собраніе 18-го декабря 1888 г. постановило: «ясли при пріютѣ закрыть» *). А вслѣдъ затѣмъ, прибавимъ отъ

*) «Русск. Вѣд.» 1889 г., № 21.

себя, въ «Русск. Вѣдомостяхъ» появилась корреспонденція изъ Самары, въ которой сказано, что «злоупотребленія» продолжаются, несмотря на закрытіе яслей, и подкидышей стали подбрасывать прямо на лѣстницу земской управы, что̀ и доказываетъ неосновательность мнѣнія, высказаннаго въ сообщеніи изъ Самары, будто бы количество подкидышей возрастаетъ именно вслѣдствіе *закрытаго* пріема подкидышей. Варшава неопровержимо доказала неосновательность этого предположенія. Но что̀ совершенно справедливо въ сообщеніи самарскаго корреспондента, такъ это именно то, что дѣйствительно у самарскаго, да и у всякаго земства, не хватитъ и всего земскаго бюджета, если только оно, *земство*, будетъ брать на свои плечи отвѣтственность за грѣхи *городскихъ* обывателей.

Самара городъ богатѣйшій, съ каждымъ днемъ расширяющій предѣлы коммерческихъ операцій и слѣдовательно обязанный отвѣчать за участь случайно рожденныхъ въ средѣ чернорабочаго народа, который поглощается Самарою десятками тысячъ и который обогащаетъ ея обывателей милліонами. Средствъ у городского обывателя должно быть полнымъ-полно, и расплатиться ему за собственные свои грѣхи ничего не сто̀итъ, если только онъ (какъ и вообще всѣ городскія управленія) не будетъ извлекать *средствъ* изъ нищенскаго заработка того же рабочаго люда, какъ это дѣлается теперь. Та же Самара не только создаетъ «огромные» театры и величественныя зданія, сто̀ящія многихъ сотенъ тысячъ, но безъ малѣйшаго вреда для своего сундука и даже прямо безъ всякаго расчета можетъ просто-таки «швырять» деньги, какъ говорится, «на вѣтеръ» и притомъ опять-таки тысячами *).

*) За что, напримѣръ, самарская дума заплатила архитектору г. Жиберу около трехъ тысячъ рублей и зачѣмъ собственно вызвала его изъ Петербурга? По словамъ *одного* изъ самарскихъ корреспондентовъ, думъ вызывала г. Жибера, во-первыхъ, для выполненія деталей по внѣшнеа отдѣлкѣ строящагося собора и, во-вторыхъ, для увѣнчанія зданія купоплами. Эти свѣдѣнія *перваго* корреспондента опровергаетъ *второй*-дума, — говоритъ онъ: — въ засѣданіи 2-го апрѣля 1885 года постановила обратиться къ г. Жиберу *не за разработкой деталей* и не для покрытія зданія куполами, а съ тѣмъ, чтобы онъ пріѣхалъ освидѣтельствовать появившіяся трещины въ недостроенномъ еще соборѣ. Первый корреспондентъ прибавляетъ къ двумъ опровергнутымъ уже свѣдѣніямъ еще и третье: «Жиберъ одобрилъ постройку купола, получилъ за осмотръ 3.000 р.» Но и это третье свѣдѣніе перваго корреспондента также оказывается опровергнутымъ *вторымъ* корреспондентомъ: г. Жиберъ не могъ одобрить постройку купола, такъ какъ въ бытность его

Въ прямое подтвержденіе невозможности для земства отвѣчать за чужіе грѣхи, можетъ служить ужаснѣйшее положеніе земскаго пріюта для подкидышей въ Симферополѣ, о которомъ сообщаетъ самыя мрачныя свѣдѣнія корреспондентъ «Москов. Вѣд.» Дѣти мрутъ массами какъ въ пріютѣ, такъ и въ деревняхъ, чего таврическое земство и не утаиваетъ. Но стòитъ только представить себѣ, чтò такое означаетъ Таврическая губернія въ смыслѣ потребленія для хозяйственныхъ надобностей главнымъ образомъ опять-таки молодого женскаго поколѣнія, чтобы знать, кто именно настоящій отвѣтчикъ за *брошенныхъ* дѣтей. Одно овцеводство, стрижка и мойка шерсти въ хозяйствахъ, имѣющихъ стада овецъ въ десятки и сотни тысячъ, поглощаетъ трудъ сотни и тысячи женскихъ рабочихъ рукъ. Корреспондентъ и само земство объясняютъ смертность подкидышей *невозможностью имѣть кормилицъ*. Но вѣдь *кормилицы-то* и есть тѣ работницы, которыхъ изъ-за куска хлѣба поглощаютъ крупнѣйшія хозяйства южно-русскаго края. Стòитъ побыть на іюньской ярмаркѣ въ Каховкѣ, близъ Херсона, въ этомъ центральномъ пунктѣ покупки и продажи рабочихъ рукъ, чтобы видѣть, какое количество женской молодежи, нанимаемой на полевыя работы, на табачныя плантаціи, на хозяйства, практикующія овцеводство, поглощается Крымомъ, Юго-Западнымъ краемъ и Новороссійскимъ краемъ, и чтобы убѣдиться, что ничего подобнаго не знали ихъ родныя матери, будучи крѣпостными и подневольными.

Изъ всего, чтò было сказано, кажется, уже есть нѣкоторая возможность сдѣлать болѣе или менѣе опредѣленныя заключенія: каждый ребенокъ, законно или незаконно-рожденный, все равно, разъ онъ *брошенъ, покинутъ* на про-

---

въ Самарѣ въ 1885 г. постройка была доведена до барабаннаго кольца, и *куполовъ еще не существовало*. Г. Жиберъ получилъ не 3.000 р., а 2.000 р.». Что же касается *трещины*, о которой сообщаетъ *первый* корреспондентъ, то второй корреспондентъ вовсе не протестуетъ противъ этого сообщенія и говоритъ о трещинѣ такъ: «*Въ настоящее время есть одна значительная трещина, видимая снаружи*, появившаяся еще въ 1882 г. вслѣдствіе неравномѣрной осадки, но *не имѣющая никакого значенія*». И вслѣдствіе того, что *видимая снаружи трещина* не имѣетъ никакого значенія, второй корреспондентъ опять опровергаетъ перваго, утверждая, что за видимую трещину Жиберъ во второй пріѣздъ получилъ «не 3.000 р., какъ утверждаетъ первый, а всего 600 руб.» Теперь пусть самъ читатель рѣшитъ, за что собственно получилъ 2 тысячи 600 руб. архитекторъ Жиберъ, и вообще во имя какихъ существенныхъ надобностей выбросила на-вѣтеръ 2.600 рублей касса самарскаго городского управленія?

изволъ судьбы его родною матерью, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о полнѣйшей невозможности для нея исполнить должнымъ образомъ свои материнскія обязанности.

Причины такого безвыходнаго положенія женщинъ, въ большинствѣ принадлежащихъ къ крестьянской средѣ, таятся прежде всего въ многосложномъ разстройствѣ трудового строя народной жизни. Не касаясь всей многосложности этого разстройства (именно потому, что оно дѣйствительно многосложно), для насъ достаточно будетъ указать, во-первыхъ, на отхожіе промыслы (слѣдствіе невозможности существовать земледѣльческимъ трудомъ) и, во-вторыхъ, на воинскую повинность. То и другое отнимаетъ отъ деревни массы мужской молодежи и преграждаетъ такимъ образомъ равной по количеству массѣ молодежи женской возможность существовать собственнымъ своимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего отхожіе промыслы становятся необходимостью также и для женской молодежи.

Вотъ изъ этого-то многочисленнаго количества крестьянскихъ женщинъ, не имѣющихъ возможности существовать своимъ хозяйствомъ, прежде всего получаютъ великое множество всякаго рода женской *прислуги* города, городскіе обыватели, и слѣдовательно они же должны быть и первыми отвѣтчиками за послѣдствія случайныхъ сожительствъ трудящихся для блага обывателей безмужнихъ женщинъ.

За городами слѣдуютъ, какъ потребители женскаго труда, такъ и отвѣтчики за послѣдствія случайныхъ сожительствъ, фабрики и заводы *) всякаго рода, и въ особенности фабрики и заводы, спеціально эксплоатирующіе женскій трудъ, какъ эксплоатируютъ, напримѣръ, табачныя фабрики **).

За фабриками и заводами слѣдуютъ, какъ потребители и отвѣтчики, вообще всѣ тѣ предпріятія, промышленныя и хозяйственныя, которыя такъ или иначе пользуются трудомъ безмужнихъ и безхозяйственныхъ женщинъ.

Что же касается до организаціи дѣла сохраненія жизни и дальнѣйшей участи подкидышей, то мы не имѣемъ даже и возможности касаться этого многосложнаго дѣла въ на-

*) Вотъ *случайно* попавшее на глаза извѣстіе, когда писалась эта замѣтка. «*Орѣхово-Зуево*, 1-го марта. Сюда стали стекаться массы рабочаго народа. *Наполовину женщины*, требующіяся на пунцовыхъ фабрикахъ по уборкѣ, разстилкѣ и сушкѣ тканей. Фабриканты не спѣшатъ наймомъ, ссылаясь на прошлогодній запасъ товаровъ». «Русск. Вѣд.», № 61.

**) Въ одномъ Ростовѣ-на-Дону на двухъ фабрикахъ насчитывается болѣе 4 тысячъ дѣвушекъ.

стоящей замѣткѣ, имѣвшей цѣлью только опредѣлить: кто именно виновникъ и *отвѣтчикъ* за погибель такого множества брошенныхъ дѣтей, и на комъ лежитъ обязанность давать средства, «платить деньги» и образовать общій *сиротскій* для всего государства капиталъ на спасеніе и воспитаніе «брошенныхъ дѣтей».

VI. Извозчикъ съ аппаратомъ.

I.

На-дняхъ, часа въ три послѣ полудня, на тротуарѣ Невскаго, близъ Литейной, прихвативъ еще нѣкоторую часть мостовой, столпилось довольно много народу. Глядя издали, можно было догадываться, что толпа окружила извозчика и что, по всей вѣроятности, около этого извозчика происходитъ одна изъ тѣхъ уличныхъ сценъ, которыя, по обыкновенію, начинаются и оканчиваются при непремѣнномъ участіи городового. Но всѣхъ, кто присоединялся къ толпѣ и хотѣлъ «своими глазами» видѣть, что̀ тамъ дѣлается, прежде всего удивляло отсутствіе главнѣйшаго элемента уличной сцены, т.-е. именно городового. Городового не было; не было «скандала», не было пьяной или больной женщины, не было пьянаго или больного, оборваннаго рабочаго, подмастерья, которыхъ бы отправляли въ участокъ или въ больницу. Неподвижно стояли новыя извозчичьи дрожки, неподвижно сидѣлъ извозчикъ, и неподвижно стояла молчаливая толпа. Это молчаніе и въ то же время очевидное вниманіе толпы къ чему-то такому, что̀ съ перваго взгляда не было возможности понять, становили несвѣдущаго зрителя въ нѣкоторое недоумѣніе, тѣмъ большее, что фигура извозчика, тощая отъ тощихъ деревенскихъ кормовъ, и въ особенности его лицо, хотя и молодое, безбородое, но уже достаточно истощенное тѣми же кормами, носило, кромѣ того, ясный отпечатокъ несомнѣнной тоски, несомнѣннаго угнетенія духа.

Достаточно было только оглядѣть эту молчаливую толпу и эту удрученную фигуру извозчика, чтобы тотчасъ же обратиться съ разспросами къ ближайшему сосѣду:

— Что̀ тутъ такое? Зачѣмъ народъ собрался?

Не сейчасъ однако отвѣтилъ сосѣдъ. Видно было, что

толпа только обдумывала и всматривалась въ то, что̀ ее интересовало, не рѣшаясь приступить къ гласному выраженію сужденій.

— Инструментъ новый объявился! — наконецъ промолвилъ, какъ бы нехотя, кто-то изъ «простыхъ» и замолкъ.

— Аппаратъ *противъ* извозчиковъ изобрѣтенъ! — уже гораздо смѣлѣй, бойчѣй и громче провозгласилъ другой человѣкъ, также изъ простыхъ.

— Противъ... извозчиковъ? — оживленно и даже визгливо воскликнулъ третій зритель.

— Единственно во вредъ извозчику изобрѣтено! Теперь вотъ онъ (объяснитель показалъ рукой на извозчика, который отъ этого жеста какъ будто еще болѣе съежился и оробѣлъ) — теперь онъ ни единой копейки не можетъ отъ хозяина утаить!

— Эва, ребята, *онъ,* желѣзный-то дьяволъ! — пояснилъ еще новый посторонній наблюдатель.

— Гдѣ *онъ*, чортъ-то?

— Да вонъ на лѣвомъ крылѣ-то! Круглый, черный!

На лѣвомъ крылѣ дрожекъ, дѣйствительно, оказался «аппаратъ»: круглый, какъ большіе круглые столовые часы, окрашенный въ черную краску. Онъ былъ придѣланъ такъ, что какъ бы глядѣлъ на извозчика изъ-подъ его локтя, и стоило только взглянуть одновременно на аппаратъ и на извозчика, чтобы совершенно ясно понять, отчего извозчикъ, какъ говорится, былъ «какъ въ воду опущенъ». Онъ ясно ощущалъ, что этотъ желѣзный дьяволъ не спускаетъ съ него своихъ мертвыхъ, но постоянно недоброжелательныхъ глазъ ни на единую минуту; онъ каждое мгновеніе подкарауливаетъ «изъ-подъ локтя» каждый шагъ извозчика; каждую минуту и каждому прохожему человѣку, а въ настоящее время большой толпѣ народа, онъ, «желѣзный», свидѣтельствуетъ, что извозчика караулятъ, что его стерегутъ, чтобы онъ не плутовалъ. Кто только поглядитъ на «желѣзнаго чорта» и пойметъ «въ чемъ дѣло», всякій скажетъ: «это чтобы извозчикъ денегъ не припрятывалъ». Поэтому извозчикъ ощущалъ себя на своихъ козлахъ въ такомъ же угнетенномъ состояніи духа, какое, въ былыя времена, испытывалъ преступникъ на позорной колесницѣ, котораго возятъ по улицамъ, наполненнымъ народомъ, для посрамленія и возбужденія въ немъ раскаянія и который со всѣхъ сторонъ слышитъ шопотъ толпы: «Убилъ!.. Это онъ убилъ?..» И нашъ оробѣвшій извозчикъ, несомнѣнно,

ощущалъ, что аппаратъ всякаго, кто ни посмотритъ на него, непремѣнно заставитъ подумать: «Это чтобы извозчикъ не воровалъ! Воруютъ! Теперь не украдешь, братъ!»

— Да, братъ,—слышалось изъ толпы, но вовсе не враждебнымъ тономъ:—да, братъ, теперь чайку-то не попьешь!

— Каждая, другъ любезный, копеечка видна. Циферблатъ не свой братъ!

— Оборудовали машинку!

— Желѣзный-желѣзный, а все знаетъ, анаѳема!

Этотъ невраждебный къ извозчику тонъ разговоровъ, котораго онъ не могъ не ощутить, осмѣлилъ его настолько, что онъ рѣшился сказать и свое слово, но сказалъ онъ его все-таки оробѣвшимъ голосомъ:

— Прежде только всего и было, что «отдай два рубля въ сутки». «Гдѣ хошь возьми, а отдай». Бываетъ, свои отдашь, а бываетъ, въ праздникъ, и свои покроешь, и хозяину отдашь, и себѣ останется. Изъ чего-жь бьемся-то?

Онъ замолкъ неожиданно, какъ бы вспомнивъ, что подъ локтемъ стережетъ его «желѣзный» караульщикъ, и, обиженно кинувъ робкій взглядъ на этого караульщика, сдѣлался опять недвижимъ и унылъ.

«Что̀ ужъ! — говорило его унылое лицо. — Сдирай шкуру-то! Такая наша доля!»

Въ то же время не прекращалось и разъясненіе свойствъ аппарата.

— То-есть все начисто показываетъ, — сколько верстъ проѣхалъ, сколько выручилъ.

— И не то еще! Сколько проѣхалъ! Сколько *простоялъ* порожнемъ!

— Не все и тутъ-то! Простоитъ онъ порожнемъ — одна цифра выскакиваетъ; а ежели сѣдока поджидалъ — другая.

— Да, братъ, тутъ ужъ не пошлешь гостинчика въ деревню! Какъ хозяинъ глянулъ, вся твоя совѣсть, во множественномъ числѣ, какъ на ладони!

— А ежели по цифрамъ не додастъ, ка̀къ вы думаете, господа? Можетъ онъ въ судъ представить инструментъ-то?

— И даже вполнѣ! И окончательно представитъ!

— Э-ге-ге!

— Дядя! А что̀ апаратъ-то, ежели «на чай», имѣетъ цифру-то?

— Не даютъ!—съ глубокой обидой отозвался извозчикъ:— поглядятъ *ему* въ нутро и выдадутъ копейка въ копейку!

А жалованье-то по-старому. Да одежду держи самъ. А изъ-за чего бьешься?

Наконецъ появился и городовой и сталъ «производить порядокъ».

— Чего сталъ?—прежде всего повелительно сказалъ онъ извозчику и повелительно прибавилъ:

— Отъѣзжай!

А затѣмъ «честью» обратился и къ публикѣ:

— Разойдитесь, господа, разойдитесь, прошу васъ!

Преступникъ на позорной колесницѣ отъѣхалъ, снова, видимо, упавъ духомъ, потому что «желѣзный караульщикъ» ожилъ, открылъ свои неумолимые глаза и впился ими, изъ-подъ локтя, въ подкарауливаемаго неплательщика.

Вслѣдъ за извозчикомъ стала расходиться и толпа зрителей. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ, по виду напоминавшій стараго камердинера, не спѣша ступая по тротуару, также не спѣша толковалъ о томъ же аппаратѣ съ двумя своими сотоварищами и сумѣлъ ихъ даже насмѣшить.

— Наживетъ-то онъ, хозяинъ-то, наживетъ, а самъ ужъ ни за что на дрожкахъ съ инструментомъ не поѣдетъ!

— Ой? Что̀ такъ?

— Ни во вѣки вѣковъ не поѣдетъ! Теперь онъ въ пятомъ часу утра объявится въ семействѣ, говоритъ женѣ: «засѣдалъ въ комитетѣ». Я знаю эти дѣла очень тонко! «Засѣдалъ, говоритъ, утомленъ, покойной ночи, душенька!» Ну, жена, конечно, чуетъ, что шампанскимъ отдаетъ, понимаетъ: «совралъ!», а допытаться не можетъ. Горничной даетъ три цѣлковыхъ: «Поди, узнай у кучера, гдѣ былъ?» А *онъ* ужъ и горничной обѣщался шляпку подарить и кучеру пятишну далъ. Ну, и мелютъ ей... Я это тонко знаю! А какъ она да вникнетъ въ инструментъ-то...

— Ну, гдѣ бабѣ!

— Чего? Коли ее возьметъ за живое? Вникнетъ, братъ! Не без-по-кой-ся! Тонко разберетъ! Ужъ тогда, братъ, узнаетъ она, какъ ты «засѣдалъ»! Какъ увидитъ въ инструментѣ— верстъ двѣнадцать, — стало-быть, и былъ на островахъ, въ Аркадіи либо въ Ливадіи... А какъ окажется простой часовъ въ шесть, такъ и это плутовство сообразитъ... Ну-ка, скажи-ка ей тогда: «въ комитетѣ утомился, засѣдалъ!»

— Ха-ха-ха! вотъ такъ инструментъ!

— Да она ему глаза выцарапаетъ! Вотъ тебѣ и комитетъ!

— Нѣтъ! Ни во вѣки не поѣдетъ! Это ужъ вѣрно. А что

съ извозчика счиститъ все до порошинки, — это такъ! Это ему выгодно...

— Засѣдалъ онъ! Ха-ха-ха! «Я, говоритъ, душенька, «засѣдалъ», утомленный сдѣлался!»

— Ха-ха-ха!

Собесѣдники со смѣхомъ свернули съ тротуара и стали переходить улицу.

Такимъ образомъ «аппаратъ *противъ* извозчиковъ» былъ обсужденъ тою частью толпы, которая сохранила умѣніе и желаніе вести общую бесѣду «на улицѣ», именно такъ, какъ и слѣдовало обсудить его людямъ «простого званія»: выйдетъ ли что-нибудь *нашему-то брату* на пользу? Оказалось, что на пользу «нашему брату» ничего не вышло отъ аппарата. Аппаратъ отнимаетъ доходъ, а не прибавляетъ его. Выяснено было зло этого изобрѣтенія и съ другой стороны: безжалостный къ работнику хозяинъ очень жалостливъ къ самому себѣ; безъ пощады подкарауливая работника на каждомъ шагу, самъ онъ рѣшительно не желаетъ, чтобъ его могли подкарауливать; въ работникѣ, безъ всякаго снисхожденія, видитъ плута и безъ пощады стремится его уличить, самъ же всячески старается спрятать какъ можно подальше свои плутни.

«Аппаратъ-то онъ аппаратъ, а совѣсти-то въ немъ нѣтъ!»

Съ этой именно точки зрѣнія и шло обсужденіе аппарата, которое можно было слышать въ толпѣ на улицѣ.

II.

Совершенно не то и совершенно не съ той точки зрѣнія мы услышали на другой день послѣ уличной сцены мнѣніе, исходившее уже не изъ толпы, а изъ среды такъ-называемой «чистой публики», и этотъ голосъ одного изъ ея сочленовъ прозвучалъ уже не на тротуарѣ, не на улицѣ, а на столбцахъ «одной большой петербургской газеты».

Нельзя не быть благодарнымъ этой газетѣ за то, что она предоставила этому голосу изъ «чистой публики» прозвучать безъ всякаго стѣсненія, потому что голосъ этотъ поистинѣ можетъ считаться «знаменіемъ нашего времени».

Съ неподдѣльною радостью какой-то искреннѣйшій доброжелатель для всѣхъ, кто только «не извозчикъ», человѣкъ, несомнѣнно, принадлежащій къ «чистой публикѣ», извѣщалъ на другой день послѣ уличной сцены всѣхъ читателей большой газеты о томъ величайшемъ счастіи, которое

получила вся «чистая публика» благодаря этому благодѣтельнѣйшему аппарату. Никакой иной причины для опубликованія этого письма нельзя было найти, кромѣ самаго искренняго желанія обрадовать *всѣхъ насъ*, всѣхъ, нуждающихся въ извозчикахъ, извѣстіемъ, что аппаратъ изобрѣтенъ дѣйствительно *противъ* нихъ, и что именно вслѣдствіе этого, то-есть вреда, который онъ наноситъ извозчикамъ, мы, «чистая публика», не можемъ не отнестись къ этому событію съ самой глубочайшей радостью.

Разсказавъ въ подробностяхъ конструкцію аппарата, обрадованный имъ обыватель повѣствуетъ о немъ и восхваляетъ его такъ:

«Задняя сторона аппарата утромъ запечатывается содержателемъ извозчиковъ посредствомъ наложенія пломбы; вечеромъ, по вскрытіи аппарата, хозяинъ видитъ, сколько всего выручено въ теченіе дня... *Вамъ* (т.-е. всѣмъ намъ, которыхъ авторъ хочетъ обрадовать) *нѣтъ надобности не только торговаться, но даже и разговаривать съ извозчикомъ: доѣхали, посмотрѣли на циферблатъ и уплатили ту цифру, которую онъ показываетъ. Въ настоящее время, въ особенности въ дождливую погоду* или если вы съ узломъ, *извозчикъ менѣе 20 коп. никуда не повезетъ*, не говорю уже о разъѣздахъ изъ театровъ, со станцій желѣзныхъ дорогъ. Тогда какъ на *извозчикъ съ аппаратомъ за версту, хотя бы и подъ проливнымъ дождемъ, вы заплатите 10 коп.* Забыли вы одѣть калоши,—за проѣздъ черезъ грязную площадь или улицу вы платите *пять копеекъ*. Предложите *обыкновенному (!) извозчику (!) 5 коп. — онъ васъ осмѣетъ*».

Я вполнѣ увѣренъ, что читатель только лишь въ первое мгновеніе по прочтеніи этой радостной вѣсти не найдетъ въ ней ничего иного, кромѣ какихъ-то ничтожныхъ словъ, напечатанныхъ петитомъ и написанныхъ также какимъ-то «петитомъ-обывателемъ»; но если въ немъ осталась хотя бы только тѣнь воспоминаній о «забытыхъ словахъ», и если онъ, подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній, дастъ себѣ трудъ хотя бы одну минуту подумать надъ сущностью ничтожной радости обывателя, то онъ, навѣрное, разглядитъ въ этой «сѣрой каплѣ», брызнувшей на столбцы газеты изъ «сѣрой трясины сѣраго болота» *)—наисущественнѣйшій признакъ нашего времени, — т.-е. настойчивое, грубое стремленіе оберечь только свою личность, свои ничтожныя личныя надобности и желанія, и освободиться отъ малѣйшей личной тяготы, налагаемой взаимными отношеніями человѣка къ человѣку.

Говоря объ этомъ «признакѣ времени», я характеризую

---

*) «Послѣдняя страница» М. Е. Салтыкова.

его въ общихъ чертахъ, какъ преобладающее въ данную минуту въ «чистой публикѣ» всего бѣлаго свѣта. Собственно та часть русскаго общества, которая не выказываетъ желанія, чтобы съ его плечъ были сняты тяготы общественныхъ обязанностей, никогда не приходила къ измельчанію жизненныхъ интересовъ по собственному побужденію. Помимо всевозможныхъ случайностей, имѣющихъ въ жизни и дѣятельности общественнаго дѣятеля немалое значеніе,— необходимо принять во вниманіе, что причины ослабленія общественной мысли въ значительной степени зависятъ и зависѣли отъ мрачныхъ, не человѣколюбивыхъ теченій европейской жизни въ послѣднія 50 лѣтъ. Люди сороковыхъ годовъ, такъ-называемые «западники», получали отъ европейской жизни впечатлѣнія свѣтлыя, незабывавшіяся до старости и до старости оживлявшія, молодившія этихъ людей; мы, ихъ потомки, получали съ сороковыхъ годовъ и получаемъ до нашихъ дней почти исключительно самыя безотрадныя впечатлѣнія, угнетающія мысль, разъ она идетъ противъ «царящаго зла». Но нельзя было предположить, чтобы «угнетеніе мысли» могло выработать типъ человѣка, который бы находилъ свое положеніе лучшимъ и счастливѣйшимъ противъ того, какимъ оно было прежде. Человѣкъ, жизнь котораго потускнѣла и сузилась, не можетъ понимать этой перемѣны иначе, какъ въ смыслѣ несчастія не имѣть общенія съ обществомъ, не вносить его интересовъ въ интересы собственной жизни.

Но вотъ изобрѣтается аппаратъ *противъ извозчиковъ,* и изъ «чистой публики» раздается радостный голосъ о необыкновенномъ облегченіи всего нашего общества, и даже не отъ «всѣхъ прочихъ заботъ», а единственно только отъ извозчика и *разговора* съ извозчикомъ! Съ искреннѣйшимъ и величайшимъ удовольствіемъ на всю Россію со столбцовъ газеты возвѣщается, что *обыкновенный извозчикъ* имѣлъ дерзость *осмѣять* сѣдока, если бы онъ ему предложилъ пятачокъ за переѣздъ по грязи черезъ площадь; теперь же извозчикъ, обузданный аппаратомъ, *не посмѣетъ* ни осмѣять ни отказаться отъ пятачка. «*Васъ*» радуютъ извѣстіемъ, что аппаратъ обуздалъ извозчика не только въ отношеніи права не взять пятачка, но еще *принудилъ* его брать *гривенникъ* за конецъ въ цѣлую версту, *несмотря на проливной дождь,* и что, къ вашему счастію, у «обыкновеннаго извозчика» отнятъ въ вашу пользу не менѣе какъ цѣлый рубль серебромъ. Наконецъ, чтобы окончательно привести

всѣхъ *васъ*, т.-е. всѣхъ насъ, людей «изъ чистой публики», уже въ полнѣйшее восхищеніе, вамъ говорятъ, что, благодаря аппарату, вамъ дано полное право не только не торговаться, *но даже и не разговаривать съ извозчикомъ*. Обращено самое искреннее вниманіе всей «чистой публики» на возможность не промочить вашихъ ногъ, когда случайно *вы* забыли ваши калоши, на вашъ узелъ, съ которымъ вы теперь доѣдете за пятачокъ «безъ разговоровъ»; обращено вниманіе на экономію въ рубль серебромъ и въ двугривенный, и въ пятачокъ, и до небесъ превознесенъ *гривенникъ*, который даетъ вамъ право цѣлую версту гнать извозчика, несмотря на проливной дождь. Словомъ, всѣ пятачки, гривенники, двугривенные, рубли, которые аппаратъ отнялъ у извозчика и предоставилъ въ *вашу* пользу, — перечислены съ величайшею радостью, а что извозчикъ вообще доведенъ до полнаго ничтожества, почти до необходимости мертваго молчанія, это сказано съ выраженіемъ чистаго торжества.

И въ то же время ни тѣни мысли объ извозчикѣ, у котораго аппаратъ отнялъ такую массу пятачковъ, гривенниковъ, двугривенныхъ и рублей и котораго онъ, какъ говорится, «притиснулъ къ стѣнѣ»; ни тѣни вниманія, хотя бы самаго микроскопическаго, не оказано ему голосомъ «изъ чистой публики». Ни единаго звука не потрачено этимъ голосомъ «изъ чистой публики» на уясненіе участи «притиснутаго» аппаратомъ извозчика. Ни малѣйшаго вниманія не обращено на то, что извозчикъ мокнетъ въ каждый проливной дождь, что онъ мокнетъ и на «обратномъ пути», и на протяженіи знаменитой версты, и еще передъ окончаніемъ спектакля; ни единаго слова не сказано о томъ, что отнятый у извозчика рубль нуженъ ему и на одежду, постоянно промокающую и прежде срока, даннаго хозяиномъ, изнашивающуюся, и на рюмку водки, чтобы согрѣть свое промокшее тѣло, нуженъ и на семью, и на подати, и на хлѣбъ, на существованіе. Услуга его, человѣка, взявшаго на себя изъ-за куска хлѣба обязанность мокнуть на проливномъ дождѣ и доставлять до дому «чистую публику», которая безъ этой услуги должна бы была тащиться по грязи пѣшкомъ, ничего этого даже и не мелькнуло въ сознаніи панегириста «аппарата противъ извозчика». Онъ только искренно, отъ всего сердца радуется, что у извозчика отнято пропасть заработка, и что самъ онъ доведенъ до ничтожества и мертваго молчанія!

Къ счастію, аппаратъ сильно промахнулся, не присвоивъ себѣ—«на чай». Добродушный обыватель, расплачиваясь съ хозяиномъ по циферблату, по совѣсти продолжаетъ давать извозчику «на чай», «на водку» и, конечно, ожесточаетъ «желѣзнаго дьявола».

V. Новые народные стишки.

Изъ деревенскихъ замѣтокъ.

I.

...Сегодня первый день «Свѣтлой недѣли» — Свѣтлое Воскресенье. И точно, есть въ этомъ свѣтломъ днѣ что-то поистинѣ «свѣтлое». Вчера еще, въ страстную субботу, т.-е. за нѣсколько часовъ до «Свѣтлаго дня», на деревнѣ, на всемъ обиходѣ ея жизни, на всѣхъ ея обывателяхъ отражались еще темныя, суровыя, скучныя тѣни зимняго времени, зимняго прозябанія; даже и предпраздничныя хлопоты не убавили темноты этихъ зимнихъ тѣней.—«Бери полъ-теленка!»—слышится краткая рѣчь обывателя, сказанная дѣловымъ, сухимъ тономъ.—«Ну-к-што-жъ!» — такимъ же дѣловымъ тономъ отвѣчаетъ другой обыватель, и оба молча идутъ по грязи улицы, по грязи двора, прямо въ грязнѣйшій хлѣвъ, и здѣсь молча прерываютъ ножомъ юный звукъ юнаго телячьяго баритона, свидѣтельствующаго о томъ, что давно бы бабѣ надобно принести юнцу молока. Звукъ прерванъ сразу, перерѣзанъ какъ нитка, и опять изъ хлѣва слышатся суровые звуки. — «Два пуда пятнадцать...»—«Ну-к-што-жъ!» Четырьмя лапами дерутъ молчаливые обыватели шкуру, теребятъ нутро, гвоздятъ топоромъ въ телячью спинную кость и, сказавъ другъ другу: «прощавай», волокутъ на плечахъ каждый къ своей бабѣ по полутѣла невинно убіенныхъ телятъ. А когда они волокутъ телятъ, откуда-то отъ сосѣдей слышенъ неистовый, истерическій вопль свиньи. Но и этотъ вопль вдругъ прекратился въ мертвомъ молчаніи деревенской улицы, и слышится опять тотъ же звукъ, доказывающій, что и надъ свиньей орудуютъ ужъ топоромъ. Молчаніе въ это время всеобщее, работа черная, грязная; молчатъ мужики, молча неистовствуютъ грязныя съ головы до ногъ бабы въ океанѣ накопленной за зиму грязи, которую надо всю истребить къ

Свѣтлому дню. Позднею ночью плетутся обыватели изъ жаркихъ бань въ еще болѣе жаркія избы: пахнетъ здѣсь сырымъ горячимъ поломъ, горячимъ хлѣбомъ, горячимъ мясомъ. Еле-еле дотягиваютъ до заутрени.

Но вотъ и утро Свѣтлаго дня. День ясный и тихій, и опять тишина на дворѣ и на улицѣ, но уже не та суровая тишина, что̀ вчера: отдыхаютъ люди отъ зимы, отъ поста, отъ хлопотъ и отъ розговенъ. Вѣетъ началомъ полевого весенняго труда, дѣло идетъ къ веснѣ, къ травкѣ, къ зелени древесной. «Святая!»—покончено, стало-быть, съ зимой, съ сугробами, вьюгами, гололедицей. Начинается новая жизнь, и ужъ измѣны въ ней къ худому и къ суровому не будетъ. Тихо и пустынно въ деревнѣ, пока не отойдетъ поздняя обѣдня; да и послѣ поздней обѣдни народъ расходится молча, поспать еще тянетъ каждаго. Но къ часу дня посреди дороги идетъ уже «гостить» въ сосѣднюю деревню молодой парень; онъ, конечно, въ пиджакѣ, въ высокихъ сапогахъ и съ гармоніей, которою открываетъ сезонъ мясоѣда. Онъ только тронулъ, перебралъ, сдѣлалъ два-три «перебора», главнымъ образомъ на басахъ, и явно для всѣхъ такимъ образомъ засвидѣтельствовалъ, что сезонъ весенній начался.

А скоро вслѣдъ за звукомъ гармоніи, какъ и всегда, невѣдомо откуда доносятся звуки дѣвичьихъ пѣсенъ. Откуда они? Никогда не угадаешь. Но они всегда одни и тѣ же, они вѣковѣчны въ своей пріятнѣйшей гармоніи и милы именно тѣмъ, что вѣчны, неизмѣнны; невѣдомо откуда несутся, но всегда доносятъ вѣковѣчную радость жить на свѣтѣ. Чего-чего ни пережито этой деревней, хотя бы въ эту зиму? И холодъ, и всякій недостатокъ, и хворь, и домашняя, семейная вражда: были случаи, опивались люди, замерзали, было убійство; были случаи, что человѣкъ разорился, другой сгорѣлъ; были непріятности изъ-за податей, изъ-за долговъ кулакамъ; были горькія слезы, когда миленькихъ дружковъ въ солдаты гнали, отчего изъ восьми невѣстъ, вполнѣ увѣренныхъ, что прошлымъ мясоѣдомъ онѣ уже будутъ замужемъ, только двѣ пристроились, да и то одна черезъ мѣсяцъ, вся избитая, воротилась къ родителямъ. Горя, нужды, тоски, холода, голода, слезъ, злобы—тьма! Но вотъ несутся же эти животворные, вѣчные, неизмѣнные звуки, несутся они какъ звуки пѣсни жаворонка. Неизмѣнна эта пѣсня сначала для малаго ребенка, потомъ для молодого парня и наконецъ для старика. Человѣкъ

былъ ребенкомъ—сталъ старикомъ, а жаворонокъ все тотъ же: все такъ же спрячется въ солнечномъ лучѣ, въ глубинѣ свѣтлаго воздуха, и поетъ все ту же, вѣковѣчно неизмѣнную, радостную пѣсню. И народная пѣсня такая же вѣковѣчно неизмѣнная, и она говоритъ только о неугасимой, несокрушимой силѣ жизни, напоминаетъ только эту радость жить, звучитъ никогда не старѣющимъ, вѣчно и неизмѣнно юнымъ звукомъ.

Конечно, если разыскать этотъ хоръ и подойти къ нему поближе да послушать, какъ «визжатъ» эти измучившіяся за зиму и приготовляющіяся мучиться лѣтомъ крестьянскія дѣвушки,—то, можетъ-быть, впечатлѣніе было бы и другое; но я говорю именно о наилучшемъ впечатлѣніи, которое производятъ эти дѣвичьи хоры. Трогали меня и прежде эти невѣдомо откуда доносящіяся отрадные, вѣчно неизмѣнные и вѣчно цѣлебные, животворящіе звуки; но въ тотъ Свѣтлый день, о которомъ теперь идетъ рѣчь, они какъ-то особенно сильно взяли меня за живое.—«Вѣдь не угасаетъ жизнь-то!—подумалось мнѣ. — Неизмѣнно живетъ живая душа!» Горя много знавалъ я—и своего и чужого; много знали мы, деревенскіе обыватели, всякихъ мученій отъ суеты суетъ. Не отдохнуть ли хоть немножко въ этой музыкѣ народной пѣсни, гдѣ и горе-то облечено въ такую форму выраженія, которая оживляетъ сердце ощущеніемъ радости «вѣчной жизни»?

Подъ такимъ впечатлѣніемъ я и задумалъ пересмотрѣть разныя тетрадки съ новыми народными стишками, въ разныя времена доставленными мнѣ кой-кѣмъ изъ моихъ пріятелей или по моей просьбѣ записанными самими крестьянами, и извлечь изъ нихъ все, что̀ хоть мало-мальски можетъ дать понятіе, о чемъ *теперь* поетъ народъ? Точнаго и обстоятельнаго отвѣта на этотъ большой вопросъ въ этой замѣткѣ никоимъ образомъ быть не можетъ: и матеріала у меня немного, весь онъ къ тому же состоитъ изъ лоскутковъ и клочковъ, и относится онъ частью къ одной мѣстности, а частью взятъ изъ такихъ условій народной жизни южныхъ губерній, которыя съ нашими сѣверными мѣстами не имѣютъ ровно ничего общаго.

II.

Какой-нибудь новой *пѣсни*, которая бы вышла непосредственно изъ земледѣльческой среды, я не слыхалъ, и въ тетрадкахъ, гдѣ записано то, что̀ поется народомъ, нѣтъ

ничего, что̀ бы имѣло законченную форму. Поэты, выходящіе изъ крестьянской среды (такіе поэты есть, и объ одномъ изъ нихъ я разскажу ниже), хотя уже и могутъ, благодаря знанію грамоты, изложить свои сочиненія письменно, но большею частью они уже тронуты какими-нибудь посторонними крестьянской жизни вліяніями, почему въ ихъ произведеніяхъ иногда высказываются самыя, какъ говорится, «превратныя» понятія о хорошихъ и худыхъ явленіяхъ жизни.

Какъ-то зимой, рано утромъ, явился ко мнѣ въ Петербургъ одинъ изъ такихъ поэтовъ, разузнавъ предварительно мой адресъ въ деревнѣ. Это былъ крестьянинъ лѣтъ 32—35, одѣтый по-приказчичьи, съ мелкими завитками бѣлокурыхъ волосъ на головѣ и въ бородѣ, человѣкъ нервный, сіявшій какимъ-то внутреннимъ возбужденіемъ, и, съ первыхъ же словъ знакомства, немедленно приступилъ къ чтенію своихъ стиховъ. Онъ читалъ ихъ быстро, что̀ называется— бормоталъ, тискалъ одно слово въ другое, такъ что я не разъ просилъ его говорить порѣже. Было чрезвычайно необыкновенно видѣть этого мужика, который, въ 7 часовъ утра, читаетъ мнѣ поэму собственнаго сочиненія о своей жизни.

Онъ женился молодымъ мальчикомъ на красавицѣ и жилъ съ ней по-крестьянски года два. Въ это время одинъ баринъ какого-то разорявшагося и угасавшаго рода влюбился въ сестру своего бывшаго дворовaго; братъ этой сестры сталъ вытягивать изъ барина чрезъ нее деньги, сталъ наживаться и скоро вышелъ въ купцы, выстроилъ заводъ да и влюбился въ жену нашего поэта. Ароматъ денегъ и наживы тогда только-что начиналъ ощущаться въ деревенской атмосферѣ и сильно щекоталъ непривычное къ нему обоняніе мужиковъ и бабъ. Жена поэта недолго думала, ушла отъ мужа и въ теченіе восьми лѣтъ, въ свою очередь, сумѣла въ конецъ разорить новоявленнаго купца-заводчика; оба они въ теченіе восьми лѣтъ только кутили и гуляли, и догулялись до того, что къ концу восьми лѣтъ мужъ бѣглянки видалъ ее вмѣстѣ съ любовникомъ въ городѣ пьяныхъ, оборванныхъ, валяющихся въ грязи. Но, истощивъ средства своего друга, баба наконецъ ушла отъ него, скрылась, пропала неизвѣстно куда. Чрезъ пять лѣтъ мужъ, уже хлопотавшій о разводѣ, узнаётъ, что жена его живетъ въ Петербургѣ на хорошемъ мѣстѣ, получаетъ хорошее жалованье и ведетъ себя такъ, что лучше и не

надо. Онъ разыскалъ ее, разыскалъ не болѣе четырехъ дней передъ тѣмъ, какъ придти ко мнѣ, и вотъ почему, придя ко мнѣ, былъ въ нервномъ, возбужденномъ состояніи. Онъ опять сошелся съ женой, нашелъ, что она хорошая женщина, что ее надобно простить, потому что и самъ онъ предъ ней, за эти 13 лѣтъ разлуки, былъ «оченно виновенъ», хотя тотчасъ послѣ того, какъ она сбѣжала, ходилъ въ монастырь и совѣтовался съ монахами: «какъ ему жить одному?» Года три исполнялъ онъ совѣты монаховъ, а потомъ и погибъ. Очевидно было, что онъ переживалъ очень трогательныя минуты или, по крайней мѣрѣ, очень многосложныя. Между прочимъ, онъ сказалъ и про жену:

— Вотъ ужъ четвертый день живемъ, слава Богу! И даже вотъ какая стала: я ей все стихи сказываю, а она говоритъ: «что̀ ты, говоритъ, про божественное чего-нибудь мнѣ не скажешь?» Вотъ какая стала!

И, немножечко помолчавъ, прибавилъ:

— Ну, и состояніе дѣйствительно имѣетъ!

Зашла рѣчь о любовницѣ барина, куда она дѣвалась?

— А замужъ вышла, какъ баринъ-то всего рѣшился.

— Да развѣ ничего, что она «такая» была?

— Такъ вѣдь лучше съ «состояніемъ» взять, чѣмъ безъ состоянія.

Какія-то тлетворныя вліянія, очевидно, попортили его простые взгляды на жизнь. И точно, въ промежутокъ тринадцати лѣтъ разлуки съ женой онъ не все жилъ въ деревнѣ; одинъ разъ занялся на сыроваренномъ заводѣ, но когда завелъ это дѣло въ своемъ хозяйствѣ, то отецъ избилъ его въ пьяномъ видѣ по совѣту завистниковъ выгодному дѣлу — сосѣдей. Потомъ онъ ушелъ въ контору къ какому-то купцу и жилъ тамъ въ большомъ привольѣ. О купцѣ этомъ онъ написалъ цѣлое хвалебное стихотвореніе, которое также ставитъ втупикъ всякаго здравомыслящаго человѣка. Купецъ этотъ былъ такъ-называемаго «рыковскаго» типа, расширялъ, улучшалъ и оживлялъ мѣстность, а потомъ оказался на «скамьѣ». И этого маленькаго Рыкова превознесъ народный поэтъ.

— Не онъ одинъ виноватъ! Однако все на одного себя принялъ, никого не выдалъ! Далъ людямъ округъ себя нажиться.

Вотъ его взгляды на старыя и новыя времена:

Прежде плохо дѣды жили
Тѣмъ, что барину служили,
А теперь пришла свобода—
Ходимъ въ школу по три года,
И изъ нашихъ молодцовъ
Много стало мастеровъ:
Кто котельщикъ, кто столяръ,
Кто сапожникъ, кто маляръ,
Или шорникъ, иль печникъ,
Иль косульный уставщикъ,
Тотъ извозчикъ иль подрядчикъ,
Тотъ приказчикъ иль нарядчикъ.

Вотъ какъ стало хорошо! А вотъ небольшой стишокъ, уже безъ всякихъ «предвзятыхъ идей»:

Цвѣтъ лазоревый люблю,—
Въ свѣтѣ нѣтъ его милѣй!
Я подруженькѣ срублю
Нову горенку теплѣй,
Садъ зеленый разсажу,
Весь березками уставлю,—
Съ милой рядомъ посижу,
А немилыхъ всѣхъ оставлю!..

Ну, какъ, читатель?
Погодите, то ли еще будетъ!

III.

Въ народной жизни, какъ и въ жизни «общества», переживается, несомнѣнно, время «переходное». Всѣ «новости» современной деревни, перечисленныя поэтомъ («Прежде плохо дѣды жили»), даютъ возможность понять, почему деревня не можетъ еще, какъ говорится, собраться «съ умомъ», окрѣпнуть въ опредѣленныхъ взглядахъ на собственное существованіе и судить, во имя ихъ, обо всемъ окружающемъ. Поколеблена поэтому же и творческая мысль народа, но что она живетъ непрестанно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Не изъ чего собрать и сложить народу пѣсню, но сочинить «стишокъ», откликнуться на разнообразнѣйшія явленія обыденной жизни, этого даже и «утерпѣть» нельзя народу. И вотъ онъ сочинилъ такъ-называемую «*частушку*», то-есть «куплетъ» (слово въ слово), и этими «частушками» откликается на каждую малость жизни. Три тетради этихъ «частушекъ», находящихся въ моихъ рукахъ, всего около 200 №№, всѣ записаны въ деревняхъ *), находящихся въ весьма недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, и въ каждой изъ этихъ тетрадей встрѣчается не болѣе трехъ или четырехъ повтореній одной и той же «частушки», и то непремѣнно съ какою-нибудь мѣстною особенностью.

Но 200 №№ «частушекъ», положительно, капля въ морѣ въ томъ несмѣтномъ количествѣ произведеній народнаго

---

*) Новгородской губ.

сочинительства въ этомъ родѣ, которое невѣдомымъ путемъ создается невѣдомыми поэтами чуть не каждый Божій день и непремѣнно въ каждой деревнѣ. Собравъ эти «частушки» съ такою же тщательностью, какъ собираются статистическія свѣдѣнія о всякихъ мелкихъ подробностяхъ хозяйства въ крестьянскомъ дворѣ, и разработавъ ихъ соотвѣтственно тѣмъ сторонамъ народной жизни, которыхъ онѣ касаются, мы имѣли бы точное представленіе о нравственной жизни народа. Ничего подобнаго читатель не найдетъ въ этой замѣткѣ, но все-таки онъ почувствуетъ свѣжесть и молодость народной души.

Нѣкоторыя изъ «частушекъ» носятъ совершенно опредѣленный характеръ женскаго и мужского «сочиненія», напр.:

Неужели ты завянешь,
Аленькій цвѣтокъ?

Неужели не вспомянешь,
Миленькій дружокъ?

Это женская «частушка». Та же «частушка» сказывается мужчиной такъ:

Неужели ты завянешь,
Травушка шелковая?

Неужели не вспомянешь,
Дарья безтолковая?

Или—мужская также «частушка»:

Ай да, ай да!
Моя милка молода!
Молода годочкомъ,

Глупая умочкомъ.
Молода, не старая,
Самоварчикъ ставила...

Нѣчто «мужиковатое» видно иной разъ и въ любовной «частушкѣ» мужского сочиненія:

Гдѣ ты, милая, хорошая,
Лазоревый цвѣтокъ?

За тебя, моя пригожая,
Подрались мы разокъ.

Въ женскихъ «частушкахъ» такихъ неуклюжихъ напоминаній о любви нѣтъ. Но о мести изъ-за любви и женская «частушка» также не церемонится въ выраженіяхъ:

Кабы знала негодяя,
Не любила бы его,—

Посередь синёва моря
Затопила бы его!

Вообще же темы, которыхъ касаются мужскія и женскія «частушки», почти одинаковы, хотя женскія имѣютъ то преимущество предъ мужскими, что рисуютъ множество женскихъ типовъ всякаго качества.

Вотъ труженицы:

Дождь пойдетъ, сѣнцо обмочитъ,
Будетъ маменька ругать,—
Помоги-ка, мой хорошій,
Мнѣ зародецъ дометать.

Кабы знала бѣдна дѣвушка,
Гдѣ ей замужемъ бывать,
Помогла бы злой свекровушкѣ
Хоть капусту поливать.

Отношеніе къ матери:

Ужъ ты, миленькій ты мой,
Ловкая ухватка!
За тебя не забранитъ
И родная матка!

Хорошо тому гулять,
У кого родная мать:
Матка встрѣтитъ и проводитъ,
И въ окошко поглядитъ.

Ты, мамаша золотая,
Не брани за молодца.
Если будешь ты бранить—
Буду крадучи любить.

А теперь пойдетъ любовь и хорошая и нехорошая:

Мой-отъ миленькій работаетъ въ лѣсу
Напеку ему рогулекъ, отнесу.
Все бы, все бы во елочкахъ стояла,
Все бы, все бы въ ту сторону глядѣла,—
Мой онъ миленькій, онъ черненькій,
Хоть и черненькій, печальненькій!

Провожала я до рѣчки,
Слезъ не оказала,—
За баскаковскимъ лѣскомъ
Залилася голоскомъ.

Милый мой, милый мой!
Милый—вѣры не одной!
Вѣрой—милый—старовѣры!
Старовѣрочкѣ любой!

Неужели надоѣла
Своей матери-отцу?
Неужели я достанусь
Разнесчастному вдовцу?

Мой дружочекъ женится—
Вся жизнь перемѣнится!
А какъ обвѣнчается—
Вся любовь кончается!

Кабы знала, не ломала
Вишенья не вызрѣвши;
Кабы знала, не любила
Милаго, не вызнавши.

Погляжу я съ моста въ рѣчку:
Въ рѣчкѣ темная вода;
По глазамъ милова видно,
Что обманывалъ меня!

По чужимъ я разговорамъ—
Брошу милаго любить;
По ретивому сердечку—
Мнѣ вовѣки не забыть.

Но есть типъ дѣвичій и посмѣлѣй тѣхъ скромныхъ и огорченныхъ, которыя видны въ приведенныхъ «частушкахъ»:

Своего я милова
Изъ артели *выбрала,*
Очень просто выбирать—
Онъ ловчѣе всѣхъ ребятъ.

Что-жъ ты, милый, не пришелъ,
Я тебѣ *велѣла?*
Всю я ночку не спала,
Все въ окно глядѣла.

Я вечоръ въ гостяхъ гостила,
На бесѣдѣ я была;
Я хорошаго миленка
Во любовь себѣ *взяла.*
Можно радостно назвать:

Онъ хорошъ собой и статенъ,
Очень ловокъ на словахъ.
Я съ нимъ долго танцовала,
Онъ мнѣ руку крѣпко жалъ,
Я руки не отнимала.
И въ лицѣ явился жаръ...
Вышла въ сѣни *простудиться*,
Чтобы жаръ съ лица сошелъ.

Вотъ еще изъ смѣлыхъ:

Для чего мнѣ заходить,
Милый, за тобою?
Для чего мнѣ приносить
Дороги подарки?
Возьму милаго за ручку
И пойду съ нимъ въ хороводъ.

Но есть въ «частушкахъ» и еще болѣе смѣлые типы дѣвушекъ:

Батька рожь молотилъ,
Я подворовала—
Понемножку, по лукошку,
Все милому на гармошку.

Батькѣ сдѣлаю бѣду—
Самоходочкой уйду!
По-за тыну, по-за тыну,
По-за дядину овину,
По-за нашему двору,
Самоходочкой уйду!

Не даешь мнѣ, мама, воли,—
Улечу какъ пташка въ поле:
Не увидишь отъ крыльца,
Какъ проѣду отъ вѣнца...

Есть и застѣнчивая:

Не ходи, милаша, на-домъ.
Не садись со мною рядомъ;
Сядь къ подружкѣ, не ко мнѣ:
Все она разскажетъ мнѣ.

Есть и такія:

—«Право, ноженька болѣла,
Я прихрамывала!»
(Сама Лешеньку, Алешечку
Обманывала!).
Я любила Петю лѣтомъ,
Петя бѣгалъ все съ конфетомъ...
А ужъ Ванюшку зимой...
Чтобъ не сѣлъ со мной другой.

А вотъ и совсѣмъ *грѣшница*:

Провожала дружка милаго
Я до города Кирилова,
До канавы Бѣлозерскія,
До большой ли что дороженьки,—
Иструдила свои ноженьки!
Ахъ! Милашѣ покорилась...
До Череповца въ погонюшку
гналась.
Было лѣсомъ идти боязно,
Деревнями идти совѣстно,
А по задворкамъ—собаки злы,
По заполью—такъ ребята удалы...

Такъ и неизвѣстно, чѣмъ кончилась эта погоня несчастной женщины.

«Частушка» не пропускаетъ безъ отмѣтки ни одно новое лицо, появившееся въ деревнѣ. Пришелъ солдатъ, сыроваръ,—о каждомъ сейчасъ же сочинена «частушка»; есть поэтому «частушки», гдѣ фигурируетъ и сельскій учитель.

Я учителю два слова—
Не учить до Покрова,
Дай повыстрочить платокъ,
А потомъ учи годокъ.
Желанные родители,
Пошли гулять учители,
Не буду кофій разливать,
Пойду съ учителемъ гулять.

Обо всѣхъ этихъ мужскихъ и женскихъ отношеніяхъ горькій опытъ не дѣвичьей, а уже *бабьей* жизни поетъ невеселыя пѣсни:

Охъ, не рвитесь вы, дѣвицы,
Замужъ скоро выходить!
Вы не вѣрьте молодцамъ,
Хоть и божатся.
Они божатся, клянутся,
Отойдутъ,—и засмѣются.
Послѣ смѣху позабудутъ,
Васъ совсѣмъ любить не будутъ.

Навязались супостаты,
Холосты ребяты;
Мимо дѣвушекъ идутъ—
Шляпы не снимаютъ;
Возлѣ дѣвушекъ сидятъ—
Неучливо говорятъ...

Есть еще среди крестьянскаго населенія особый классъ деревенскихъ жителей, которые чувствуютъ себя чуждыми въ деревнѣ и вполнѣ одинокими. Въ Новгородской губ. повсюду можно встрѣтить питомцевъ воспитательнаго дома, сиротъ, брошенныхъ дѣтей. «Частушки», которыя и они, питомцы, сочиняютъ о самихъ себѣ, замѣтно отличаются отъ общаго, любовнаго тона всѣхъ «частушекъ» осѣдлой деревенской молодежи:

Наши матки, дурочки,
Насъ бросали въ улочки;
Спасибо добрымъ людямъ—
Вскормили бѣлымъ грудямъ!

Сиротинка бѣдный
Присталъ къ дѣвушкѣ одной,
Словно къ матери родной.
Нѣтъ! Матушка не родная,
Похлебка все холодная.
Породнѣе бы была,
Погорячѣй бы налила!

Всѣ «частушки», которыя я привелъ въ этой замѣткѣ, заимствованы мною почти исключительно изъ произведеній женскаго ума; мужскихъ «частушекъ» я почти не приводилъ здѣсь.

IV.

Если нашъ крестьянинъ-земледѣлецъ затрудняется новизнами собственной своей теперешней жизни и не можетъ разобраться въ мысляхъ относительно настоящаго и будущаго, то крестьянинъ «рабочій», крестьянинъ, оторванный отъ деревни фабрикой, заводомъ, шахтой, напротивъ, уже давно вполнѣ опредѣлилъ свое положеніе, свое настоящее, свое будущее, и уже сознательно не можетъ даже и мечтать о какомъ бы то ни было измѣненіи въ своемъ положеніи.

Крестьянинъ все еще пытается истолковать разныя новинки времени непремѣнно въ собственную пользу. Объявятъ законъ о лѣсо-*охраненіи*, онъ моментально принимается за лѣсо-*истребленіе*. Почему это? Потому, что тогда, послѣ

опустошенія, къ мужикамъ *должны* отойти всѣ лѣса, какіе только есть. Часто измѣняются рисунки бумажныхъ денегъ,— сегодня однѣ, завтра другія,—и опять мужикъ знаетъ уже, зачѣмъ это дѣлается: для разныхъ людей будутъ и деньги разныя, — для мужиковъ однѣ, для евреевъ другія, а для купцовъ третьи. Каждый живи только на свои деньги; тогда «арендатель» можетъ и тысячи рублей совать мужику, но «арендательскія» деньги для мужика все равно, что щепки. Посуется-посуется «арендатель», не найдетъ рабочихъ, и «долженъ пропасть», а земля «сама собой» къ мужикамъ поступитъ, потому они и безъ денегъ знаютъ, что съ ней дѣлать *).

Ничего подобнаго не можетъ придти въ голову *рабочему* человѣку. Онъ твердо знаетъ, что жизнь его отъ юныхъ дней и до могилы будетъ только растрачиваться, безъ малѣйшей для него личной надобности, съ самою математическою точностью; растащатъ ее, расщиплютъ фабрики, заводы, шахты, по часамъ, по звонкамъ, по свисткамъ, а не зря, не «дуромъ», не какъ-нибудь. Знаетъ онъ, что этотъ унылый и угрожающій свистъ заводскаго свистка въ темную ночь, до зари и до заутрени, растревожитъ его и подниметъ на усталыя ноги.

Знаетъ онъ, что и сонный вскочитъ онъ на этотъ свистъ, и сонный станетъ у станка, и сонный полѣзетъ въ темную, сырую шахту. Знаетъ онъ и то, что вовѣки не вылѣзть ему изъ этой шахты, вовѣки не уйти отъ станка, если только случай, какой-нибудь годъ необычайнаго урожая, который вдругъ поправитъ его семью на полгода, не дастъ ему возможности провести эти полгода «округъ» разореннаго

---

*) До чего въ старикахъ-крестьянахъ вкоренились несбыточные слухи о землѣ, могутъ служить два сообщенія о тѣхъ же самыхъ слухахъ въ «Сельскій Вѣстникъ» (№№ 44—45) настоящаго (90 г.) «съ юга и сѣвера Россіи. Изъ Лысвенскаго завода, Пермской губ., мастеровой Шеборшинъ сообщаетъ, что гр. Шуваловъ предлагаетъ заводскимъ крестьянамъ покупать у него землю по 13 руб. за десятину. «Ее покупаютъ охотно», но не всѣ общественники; многіе изъ нихъ *внимаютъ разнымъ* толкамъ, распускаемымъ ничего не понимающими людьми, о томъ, что земля отберется и отдастся имъ даромъ». Второе сообщеніе изъ Кубанской области, Новощербинской станицы. «Родственники рабочихъ, зашедшихъ на заработки въ нашу область, пишутъ, чтобы они *не нанимались на зиму, а шли домой*, такъ какъ вся земля переходитъ во владѣніе крестьянъ». Г. Гудай, сообщающій объ этомъ ложномъ слухѣ, проситъ ред. «С. В.» разъяснить народу безсмыслицу такихъ слуховъ. Редакція точными указаніями на законоположенія опровергаетъ эти ложные слухи.

домишка. Положеніе *рабочаго* такъ опредѣленно, что ему о немъ нѣтъ никакой возможности «раздумывать», и вотъ почему «пѣсни рабочихъ» въ точности и полной опредѣленности изображаютъ ихъ подлинное положеніе, а не мелкія подробности жизни, что̀ мы видимъ въ «частушкахъ».

Въ рукахъ моихъ находится нѣсколько пѣсенъ *рабочихъ* въ шахтахъ, полученныхъ *) съ Юга и Екатеринославской губерніи. Хотя и смыслъ ихъ и условія мѣстности вовсе не напоминаютъ ни въ чемъ нашихъ новгородскихъ «частушекъ», но, разъ дѣло зашло о народной пѣснѣ, пусть читатель узна̀етъ кое-что и о томъ, что̀ думаетъ рабочій человѣкъ и какъ онъ живетъ.

Вотъ рабочій день шахтера.

На Дону открыли знаменитыя залежи антоацита и тотчасъ же принялись за разработку.

Тамъ прорыты ямы, норы,
Тамъ работаютъ шахтеры.
Одна яма тамъ такая
Огромадная, большая,—
Сорокъ саженъ глубины,
Три аршина ширины.
Сверху зданія большія,
Тамъ машины паровыя
И канаты дротяные.
Въ нихъ проведенъ тамъ шнурокъ.
Наверху виситъ звонокъ;
Только дернешь за шнурокъ,
Сверху вдаритъ молотокъ,
Верховой даетъ свистокъ.

Не успѣлъ онъ просвистать,—
Накопилось—негдѣ встать!
Въ шахту всѣхъ насъ швырануло!
Не успѣлъ сказать и слово,
Ужъ кричатъ: «Слѣзай, готово!»
По продольнямъ разошлись,
За работушку взялись.
Распроклята жизнь шахтера!
День и ночь мы работаемъ,
Ровно въ каторгѣ сидимъ,
День и ночь мы со свѣчами
Смерть таскаемъ за плечами!
Одинъ Богъ Небесный съ нами,
Никакой нужды не знаемъ!

Описывается и гибель шахтера, котораго слишкомъ второпяхъ тащатъ въ шахту. Садясь въ бадью,

Съ бѣлымъ свѣтомъ онъ простился:
«Прощай, солнце, прощай, мѣсяцъ,
Прощай, бѣлая заря!
Всѣ премилые друзья!»
Вдругъ бадейка всколыхнулась—
Въ шахту бѣдный полетѣлъ!

А вотъ какъ живутъ шахтеры:

Нѣтъ, ребятушки, труднѣй,
Какъ работа шахтерей:
Шахтеръ рубитъ, шахтеръ бьетъ,
Подъ землею ходъ ведетъ.
Онъ подходитъ ко стволу,
Въ гору голосъ подаетъ:
— «Вы, бадейные, не спи!
Воротные не дреми!
У насъ завтра день субботній,
На получку всѣ пойдемъ.
Мы получимъ денегъ много
И въ кабакъ ихъ понесемъ!»

Дуетъ, дуетъ вѣтерокъ
Изъ трактира въ кабачокъ.
Тамъ бутылки шевелятся
И стаканы говорятъ!
Идетъ шахтеръ въ кабачокъ,

*) Отъ С. З. Витьбина.

Беретъ водку, табачокъ.
Пьемъ мы водку, пьемъ мы ромъ,
Завтра-жъ—по міру пойдемъ!

Что шахтерска жизнь проклята,
Кто не вѣдаетъ про то?
Въ Божью церковь онъ не ходитъ,
Онъ не знаетъ про нее.
День и ночь онъ работаетъ,
Ровно въ каторгѣ всегда!

Придетъ праздникъ-воскресенье—
Ужъ шахтеръ до свѣту пьянъ!
Въ кабачокъ бѣжитъ дѣтина—
Словно маковка цвѣтетъ;
Съ кабака ползетъ дѣтина—
Какъ лутошечка гола!
Ой, гола-гола-гола,
Въ чемъ мамаша родила!

Кабакъ—вотъ въ чемъ рабочій видитъ облегченіе своего тяжкаго труда. Никакихъ иныхъ перспективъ онъ и не подозрѣваетъ даже. Невѣдомая сила вытаскиваетъ его изъ дому и тащитъ его въ яму подъ землею, на сорокъ саженъ глубины. Онъ съ испугомъ озирается кругомъ: «Прощай, солнце! Прощай, мѣсяцъ! Прощай, милые друзья!..» Не видно, чтобы онъ хоть на минуту допустилъ мысль о какомъ-нибудь измѣненіи въ своей участи. Онъ не знаетъ еще и силы той, которая «швыряетъ» его въ яму; но онъ твердо знаетъ свое положеніе, ясно видитъ, что кромѣ «кабака» нѣтъ никакого облегченія въ его жизни и не будетъ *).

VI. Деревенскіе корреспонденты и публицисты.

I.

Деревенскіе «корреспонденты и публицисты» появились на страницахъ многихъ провинціальныхъ листковъ, кажется, единственно благодаря почину «Сельскаго Вѣстника» **), редакція котораго сумѣла завести съ своими деревенскими читателями самую оживленную переписку по всевозможнымъ вопросамъ жизни современной деревни. Кромѣ офиціальнаго отдѣла, въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» по-

*) Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, послѣ «горькихъ пѣсенъ рабочихъ», «рабочій вопросъ» широко разрабатывается въ законодательствѣ. Страхованіе жизни, вознагражденіе за увѣчья, уменьшеніе числа часовъ и запрещеніе ночной работы женщинамъ и подросткамъ—все это не соотвѣтствуетъ безнадежнымъ мыслямъ рабочихъ о невозможности облегченія.

**) «Сельскій Вѣстникъ», еженедѣльная газетка, издается при ред. «Прав. Вѣстника» и безплатно разсылается по всѣмъ волостямъ, а для подписчиковъ стóитъ 1 р. 60 к. съ ежегоднымъ безплатнымъ приложеніемъ календаря и справочной книжки.

мѣщаются толково изложенныя статьи, касающіяся улучшенія земледѣлія, подробно излагаются пріемы всякаго рода кустарныхъ ремеслъ, сообщаются общеполезныя свѣдѣнія, но затѣмъ первенствующее мѣсто отдается редакціей именно перепискѣ съ деревенскимъ читателемъ и обывателемъ по всѣмъ вопросамъ его семейной и общественной жизни. Въ отдѣлѣ «Сообщенія изъ волостей» мѣстные обыватели помѣщаютъ статьи, такъ сказать, публицистическаго характера, обсуждаютъ положеніе вещей въ той или другой волости вообще и почти всегда указываютъ средства исцѣленія. Въ отдѣлѣ «Отвѣты редакціи» обыватели пишутъ главнымъ образомъ о своихъ личныхъ затрудненіяхъ (въ огромномъ количествѣ касающихся послѣдствій извѣстной 165 ст.) и просятъ у редакціи совѣта и указанія, какъ выбраться изъ бѣды. Отвѣты редакціи отличаются до чрезвычайности внимательнымъ отношеніемъ ко всякимъ просьбамъ, иногда даже къ такимъ, въ которыхъ выражаются самыя ничтожныя, а подчасъ нелѣпыя требованія: «Въ какихъ волостяхъ въ Россіи есть свободныя мѣста для волостныхъ писарей? Гдѣ купить билетъ дворянскаго банка?» Всѣ же вопросы, касающіеся дѣйствительно затруднительнаго, а иногда безысходнаго положенія деревенскихъ обывателей, разъясняются редакціей какъ нельзя лучше, т.-е. именно такъ, какъ по духу закона 12 іюля слѣдовало бы поступать земскимъ начальникамъ *).

---

*) О реформѣ 12 іюля въ «С. В.» появилось уже нѣсколько вопросовъ и мнѣній. Въ «Сообщ. изъ волостей» высказываются исключительно восторженныя похвалы. «Всѣ безобразія прекратились, какъ только пріѣхалъ З. Н.»—Иныхъ мнѣній и выраженій нѣтъ ни въ одной изъ волостныхъ корреспонденцій. Въ № 44 «Сельск. Вѣст.» мы читаемъ слѣдующее сообщеніе изъ трехъ волостей Рыльскаго у., Курской губ.: «Волостные *суды* Кобыльской, Кульбакской, Сногодской волостей постановили: въ правомъ придѣлѣ кульбакской церкви поставить икону св. Александра Невскаго съ надписью: *Икона сія сооружена въ память учрежденія земскихъ начальниковъ и новаго волостного суда отъ всѣхъ 8 сельскихъ обществъ Кульбакской волости*» (подчеркнуто въ текстѣ сообщенія). То же сдѣлано и въ другихъ волостяхъ 1-го сентября 1890 г. Въ отдѣлѣ «Отвѣты ред.» мы находимъ только два отвѣта на два вопроса:

1) Крестьянинъ Висимоуткинской волости, Верхотурскаго у., Пермской губ.. *Клавдій Шишунинъ* пишетъ, что волостной судъ присудилъ съ него 66 рублей по иску старшины Худякова, который представилъ въ судъ на лоскуткахъ бумаги только свои отмѣтки о заборѣ у него изъ лавки товара, между тѣмъ какъ онъ, Шишунинъ, долженъ ему только 10 рублей. На такія неправильныя взысканія въ пользу Худякова, постановляемыя въ угоду ему, какъ старшинѣ, были не разъ при-

Просмотрѣвъ 44 № «Сельскаго Вѣстника» за настоящій годъ и познакомившись съ разнообразнѣйшими мнѣніями деревенскаго жителя о современной деревенской жизни, я нашелъ въ нихъ много поучительнаго и считаю не лишнимъ кое-что пересказать и читателямъ. Не касаясь тѣхъ насущныхъ надобностей и затрудненій деревенскаго обывателя, который желаетъ получить отъ редакціи совѣтъ и указаніе, «какъ ему быть, куда и кому жаловаться», такъ какъ нуждъ этихъ и затрудненій деревенскаго обывателя положительно невозможно даже и перечислить въ этихъ замѣткахъ,—мы остановимся только на общихъ сужденіяхъ о современной деревенской жизни и народѣ,—сужденіяхъ, исходящихъ отъ людей той же народной среды и изъ-подъ пера тѣхъ же деревенскихъ обывателей.

II.

Мнѣнія о томъ, хорошо или худо живетъ и ведетъ себя современный крестьянинъ, разнообразны до чрезвычайности, но на первомъ мѣстѣ и во множествѣ мнѣніе это — есть самое безпощадное порицаніе всего, что только ни дѣлается въ деревнѣ. Пьянство и необузданный развратъ молодежи и средства «обузданія» народа отъ этихъ растлѣвающихъ привычекъ, это самымъ подробнымъ образомъ описывается

носимы жалобы, но оставались безъ послѣдствій. Спрашивается: можетъ ли старшина по своимъ частнымъ дѣламъ судиться въ волостномъ судѣ, *когда онъ судомъ управляетъ*, а также можетъ ли онъ во время службы производить въ своемъ домѣ торговлю, и куда на него жаловаться, чтобы жалобы не оставались безъ послѣдствій?

Въ подробномъ отвѣтѣ редакціи, между прочимъ, сказано, что волостной старшина *по закону не можетъ управлять судомъ*. Такъ было до реформы 12 іюля, а въ настоящее время волостнымъ старшинамъ отдается преимущество при выборѣ въ предсѣдатели волостного суда.

2) Крестьянинъ Марковской волости, Волоколамскаго у., Московской губ., *Михаилъ Рыжовъ*, спрашиваетъ: могутъ ли его односельцы обжаловать дѣйствія земскаго начальника, который приказалъ избрать кандидатовъ въ волостные судьи по одному изъ каждаго селенія, и такъ какъ селеній въ волости около 50-ти, то и выбрано 50 кандидатовъ, изъ коихъ земскій начальникъ назначилъ всѣхъ судей заочно, не подвергнувъ ихъ никакому испытанію, а положившись, можетъ-быть, на отзывы волостного старшины и писаря? Полагая, что выбранные судьи, по неопытности, не могутъ хорошо исполнять свои обязанности, Рыжовъ поясняетъ, что для крестьянъ было бы полезно избирать въ судьи и предсѣдатели полнымъ волостнымъ сходомъ опытныхъ людей, которые не стали бы ходить на совѣтъ къ волостнымъ старшинамъ и писарямъ. Ред. отвѣчаетъ указаніемъ на законъ 12 іюля.

во множествѣ корреспонденцій («свѣдѣнія изъ волостей»). Чтобы судить, что̀ пишутъ «благоразумные обыватели о неблагоразумныхъ», приведемъ вопли тѣхъ же деревенскихъ жителей, которые иногда положительно поражены и потрясены этими сообщеніями. Отставной фейерверкеръ, проживающій въ д. Савинкѣ, Кролевскаго у., Черн. губ., въ ужасѣ восклицаетъ:

«Нельзя не скорбѣть, что читаешь «С. В.» и отовсюду слышишь только объ одной неправдѣ. А куда же правда-то дѣвалась, какъ будто бы ея и въ живыхъ нѣтъ? Ужели померла правда и поминки по ней отзвонили? Такъ нѣтъ, другіе говорятъ, что правда еще живетъ. Гдѣ же ты, правда-матушка? Ужели и ты развратилась съ нечестивыми? или тебя осилили твои недруги? Но нѣтъ, правда — яко горы Божіи, говоритъ Давидъ. Или ты совсѣмъ оставила нашу сторону, думая, что здѣсь люди православные и всѣ живутъ по твоимъ священнымъ правиламъ, а сама залетѣла въ далекую сторону? Возвратись же скорѣе, лети на крыльяхъ сокола, и съ силою орла поражай твоихъ недруговъ, и будь нашей защитой и оградой отъ нашихъ недруговъ— неправды и *обиды*».

Еще съ бо̀льшимъ огорченіемъ вопіетъ противъ поклеповъ на народъ крестьянинъ Геннадій Титовъ изъ Соловецкой волости, Вяземскаго у., Смоленской г. «Вотъ уже пятый годъ я получаю «С. В.» и нахожу въ немъ много полезнаго и поучительнаго. Только одно меня приводитъ въ недоумѣніе: — это сообщенія изъ волостей. Неужели правда все, что̀ въ нихъ пишутъ? Неужели нигдѣ нѣтъ перемѣны къ лучшему? Меня это очень удивляетъ, и мнѣ думается, не пишется ли это *по чувству вовсе не христіанскому,* т.-е., замѣчая у своихъ ближнихъ и разглашая одно дурное, пропускаютъ мимо глазъ и ушей *все хорошее?* Вслѣдствіе этого я и хочу сообщить о своей мѣстности. Я желаю высказаться по совѣсти, наблюдая нѣсколько лѣтъ за развитіемъ крестьянскаго хозяйства и за поведеніемъ молодежи. Ежели сравнить съ настоящимъ все, что̀ разсказываютъ старожилы и чему я самъ былъ очевидцемъ лѣтъ десять назадъ или болѣе, *то я вижу во всемъ перемѣну къ лучшему*».

Затѣмъ крестьянинъ Титовъ сумѣлъ наилучшимъ образомъ защитить своихъ односельчанъ, но объ этомъ будетъ рѣчь тамъ, гдѣ мы будемъ говорить вообще о крестьянахъ-защитникахъ деревни. Теперь же приведемъ тѣ мнѣнія

порицателей народа и его жизни, сужденія которыхъ первенствуетъ въ «Сообщеніяхъ изъ волостей» и по количеству безконечно превосходятъ сообщенія защитниковъ.

О пьянствѣ всѣхъ крестьянъ отъ мала (съ 13-лѣтн. возраста) и до велика и о такомъ распутствѣ молодежи, что деревенскій публицистъ *стыдится* даже и говорить, мы имѣемъ пространнѣйшія корреспонденціи положительно со всѣхъ концовъ Россіи. Имѣемъ вѣсти изъ Псковской, Тверской (2), Полтавской, Рязанской, Ярославской, Пермской—словомъ, со всѣхъ концовъ имперіи, и во всѣхъ этихъ порицаніяхъ, кромѣ безумнаго пьянства, непремѣнно изображается прежде всего поведеніе молодежи обоего пола въ самомъ позорномъ видѣ, при чемъ одинъ изъ публицистовъ пріурочилъ пожары нынѣшняго года именно къ распутству молодежи, утверждая, что Господь послалъ ихъ, «любя насъ, для нашего вразумленія и исправленія» (изъ Тверской губ.). Другое непремѣнное качество враждебныхъ деревнѣ корреспонденцій—постоянный упрекъ родителямъ за то, что они не препятствуютъ дѣтямъ распутствовать, ссылаясь въ оправданіе дѣтей на свою молодость: «и мы въ молодости такъ же гуляли, какъ гуляютъ и наши дѣти». Вотъ примѣрно какъ живописуютъ публицисты и моралисты (большею частью писаря) распутство молодежи (изъ с. *Демидовки,* Кременч. у., Полтавской губ., сообщеніе сельскаго писаря Маркіана Лиходѣя): «День и ночь гуляютъ парни съ дѣвицами; а такъ какъ зимою на улицѣ подъ открытымъ небомъ, особенно ночью, не очень разгуляешься, то эти молодые люди нанимаютъ для себя теплое помѣщеніе, гдѣ бы имъ удобно было проводить цѣлыя ночи въ гульбѣ. Это помѣщеніе называютъ «вечерницы», и нанимаютъ его дѣвицы преимущественно у вдовъ или вдовцовъ, или у другихъ лицъ, имѣющихъ просторную хату. «Вечерницъ» этихъ въ селѣ находится четыре: въ одной гуляютъ дѣти отъ 10 до 13 лѣтъ, въ другой отъ 13 до 16, въ третьей отъ 16 до 18 и въ четвертой отъ 18 до 22 лѣтъ и старше. Всѣ молодые люди означенныхъ возрастовъ, по заходѣ солнца, собираются сюда *съ криками* и пѣніемъ *безобразныхъ* пѣсенъ и находятся на этихъ *пагубныхъ вечерницахъ* до самаго утра, парни съ дѣвицами все попарно. Въ лѣтнее же время, въ воскресные и праздничные дни, они собираются въ ближайшій отъ села лѣсъ, человѣкъ до 30-ти, и также попарно расходятся въ разныя стороны. Можно ли ожидать отъ такой молодежи чего-нибудь хорошаго, особенно отъ

дѣвицъ? Стыжусь это далѣе описывать и лучше о дальнѣйшемъ умолчу.—А родители не обращаютъ вниманія на худые поступки своихъ дѣтей, и я слышалъ только отвѣты: «Що-жъ, це ни за насъ заведене (т.-е. это не при насъ заведено), не намъ и выводить, и мы колысь такыми булы». Такимъ несчастіемъ заражено все село, которое можно назвать Содомомъ и Гоморрой».

Въ другихъ корреспонденціяхъ, позорящихъ молодежь, то же самое повторяется буква въ букву и непремѣнно о тѣхъ же вечерницахъ. Корреспондентъ изъ Тверской губ., Зубцовск. уѣзда, увеличиваетъ свое негодованіе сообщеніемъ вещей, о которыхъ ему *даже стыдно и говорить*. «Пробезобразничавъ до полуночи, парни остаются и,—*совѣстно* даже вымолвить, — ложатся съ дѣвками спать. *Хотя мнѣ и не всякій повѣритъ*, но это сущая правда! Щадя самолюбіе и *стыдливость* (какая ужъ тутъ стыдливость) своихъ сородичей, о другихъ безобразіяхъ лучше *умолчу*». Однако не умолчалъ: «Въ этихъ вертепахъ безобразій и пороковъ теряются въ молодомъ поколѣніи всѣ добрые зачатки, привязанность къ домашнему очагу, добрая нравственность и *нерѣдко* цѣломудріе, что̀ дороже золота и серебра, такъ что подкидыши у насъ не рѣдкость. И на все это родители и воспитатели глядятъ сквозь пальцы».

По этому, повидимому, прочно установившемуся образцу написано множество самыхъ омрачительныхъ корреспонденцій, но по мѣрѣ того, какъ деревенскіе публицисты и моралисты пріучались набивать руку «на «литературѣ», расширялись и предѣлы явленій народной жизни, достойныхъ порицанія. Въ послѣднихъ №№ «Сельскаго Вѣстника» къ пьянству и распутству присоединилось еще жестокое порицаніе *крестьянскихъ женщинъ* вообще. Публицистъ и моралистъ изъ Васильевской волости, Любим. у., Яросл. губ., нѣкто Николай Салтыковъ, посвящаетъ обличенію крестьянскихъ женщинъ почти всю корреспонденцію, руководствуясь при этомъ цѣлью доказать, что не мужиковъ, а бабъ и женъ крестьянскихъ слѣдовало бы подвергать *тѣлесному наказанію*. О «поркѣ» вообще послѣднее время разсуждаютъ въ нѣкоторыхъ «сердитыхъ» на народъ органахъ печати довольно много, но разсужденія эти всегда отличаются какимъ-то грубымъ тономъ и отсутствіемъ какихъ бы то ни было резоновъ и доказательствъ благотворнаго дѣйствія порки. Можно смѣло сказать, что деревенскіе публицисты, несомнѣнно, превосходятъ моралистовъ «сер-

дитыхъ» органовъ печати какъ въ техникѣ изложенія, такъ и въ искусствѣ затемнить непріятное дѣло порки высшими вопросами нравственности. Сумѣлъ же ярославскій публицистъ подкрѣпить свои доводы текстомъ изъ Іоанна Златоуста *), имѣя на умѣ самые жестокіе замыслы противъ крестьянскихъ женщинъ. Разсмотримъ поближе эту хитрую механику словосочиненія.

«Но самой главной причиной *обѣднѣнія* является *неограниченное самовластіе женщинъ*. Такъ, что еще немного лѣтъ тому назадъ женщины занимались въ зимнее время пряденіемъ льна; нынче же говорятъ: «не стòитъ». Если разсчитать, то дѣйствительно не стòитъ, если бы женщины старались найти какой-нибудь другой заработокъ или помогали бы своимъ мужьямъ въ работахъ по земледѣлію; но онѣ остаются совершенно праздными, а эта праздность и является матерью всѣхъ пороковъ. По вечерамъ бываютъ *дѣвичьи посидки*, на которыхъ дѣвушки *прядутъ для своей надобности*. Сюда приходятъ молодые ребята, преимущественно питерцы, пріѣзжающіе на время въ деревню, и вотъ заводятся плясы, которые занесены къ намъ изъ самыхъ отлетныхъ домовъ Петербурга. Дѣвки поютъ до черноты во рту безсмысленныя пѣсни, и въ тѣсной хатѣ плясы продолжаются нѣсколько часовъ. Матери сидятъ тутъ же, смотрятъ на своихъ дочерей, и такимъ образомъ проходитъ вся зима. Облѣнившіяся зимою такъ же стараются провести и лѣто. Вмѣсто того, чтобы вскопать гряду подъ какой-нибудь овощъ, баба выходитъ на улицу, къ ней подходитъ другая, потомъ и третья, — и начинаются такого рода разговоры:—«Здорово, Васильевна!»—«Здорово, Михайловна!»—«Да ты чтò, дѣвка, дѣлаешь?»—«Да чтò дѣлать, — вотъ мужъ послалъ вскопать гряду подъ лукъ, да ну его, не пойду: и купить-то на какой-нибудь гривенникъ ничего не стòитъ! А ты чтò дѣлаешь?»—«Да вотъ *попримыкалась* со стиркой, вѣдь я не люблю кой-какъ ходить. Самъ-то ворчитъ: только, говоритъ, и дѣла въ мытьѣ да стиркѣ, мыла не напасешься,—да я его не больно боюсь, — пожалуй, ругайся. А ты куда идешь, Матрена?»—«Да матка послала за водой на чай, аль не видишь?»—«Да ужъ ты никакъ вдругорядь?» — «А мы и все два да три раза

*) Св. Іоаннъ Златоустъ въ словѣ 84 говоритъ: «Пляшуща жена — любодѣйца дьявола, супруга адова. Любящій плясаніе безчестіе Іоанну Крестителю творитъ» («С. В.», № 42).

чай *) пьемъ. Муженекъ-то давеча поворчалъ, говоритъ—надо бы поберегать деньги-то, надо косулю купить, да старостѣ надо. Да я его мало слушаю: пожалуй, поддайся! и поворчитъ, да такой же будетъ»... И дѣйствительно, что̀ будешь дѣлать съ бабой? Если мужъ поколотилъ, не далъ воли, то она оставляетъ дѣтей и уходитъ. *бѣдному мужику приходится кланяться бабѣ въ ноги, что̀ и бываетъ.* У насъ рѣдкая молодуха проживетъ годъ въ семействѣ, состоящемъ хотя изъ свекра и свекрови, но стараются отдѣлиться, чтобы лучше самовольничать. Хоть мужу вовсе не охота, да что̀ же сдѣлаешь, *если права жены неограничены!* Вотъ раздѣлились, тутъ и бѣдность; надо строить хату, надо заводить земледѣльческія орудія и разную домашнюю утварь. Бѣда бѣду родитъ, воля заноситъ въ неволю. Староста тащитъ его на волостной судъ за нерадѣніе къ дому, *и мужика наказываютъ розгами, а жена, хоть вѣкъ не радѣетъ къ дому или явно измѣняетъ мужу, все остается ненаказанной*».

Такъ изображено самовластіе женщинъ ярославскимъ моралистомъ; не отсталъ отъ него и вышневолоцкій: «Раздѣлы и непокорность происходятъ *отъ своеволія* женскаго пола. Лѣтъ 20 назадъ жена жила съ мужемъ, дѣти при отцѣ, братъ съ братомъ, и все было хорошо; а теперь братъ пошелъ на брата, сынъ на отца, жена на мужа, — вездѣ суды да тяжбы; все это приноситъ убытки, тратится даромъ время и расходуются деньги. И все это произошло отъ самовольства женщинъ. 20 лѣтъ назадъ меньше было раздѣловъ, были большія семьи, жили исправно; а теперь

*) Изъ-за такой роскоши, какъ *чай* (одна изъ причинъ народнаго обѣднѣнія и возрастанія недоимокъ), произошла между деревенскими моралистами настоящая полемика. Началась она съ совершенно несуразной корреспонденціи какого-то крестьянина «*изъ Московскаго уѣзда*», въ которой онъ, ни въ чемъ не сумняся, предлагаетъ правительству такія мѣропріятія. «Корень обѣднѣнія, по моему мнѣнію, нужно искать въ другомъ. Нужно наложить подать на чай, сахаръ, конфеты. И подать эта должна быть *вдвое* противъ стоимости названныхъ предметовъ. Это принесетъ большую пользу для правительства и для сельчанъ, которые отъ этого не только не обѣднѣютъ, но, напротивъ, состояніе ихъ улучшится. Подать на одинъ сахаръ сразу принесетъ *три пользы*: прибыль казнѣ (когда никто не будетъ пить чаю), у дѣтей не будутъ болѣть зубы, и будетъ развиваться пчеловодство... Отъ самоваровъ происходятъ пожары, дѣти обвариваются кипяткомъ. А какая потеря времени за самоваромъ?» Нелѣпица продолжается довольно долго, но мы ограничимся тѣмъ, что̀ приведено. За «чай» вступилось много народу, и между ними одинъ изъ полемистовъ, въ доказательство пользы чая, утверждаетъ, «что онъ прекращаетъ преждевременный аппетитъ къ пищѣ».

подѣлились, изъ хорошихъ домовъ сдѣлали кой-какія лачуги, изъ хорошихъ семей сдѣлались бѣдняками. 20 лѣтъ назадъ женщина помогала мужчинѣ, особенно въ зимнее время, отпуская мужа на заработки. А нынѣ этого нѣтъ; скорѣй увидишь, что мужикъ, пріѣхавши съ работы, помогаетъ женѣ — носитъ дрова, воду, а часто и помои; *жена же сидитъ, держа на рукахъ младенца.* Часто можно видѣть, что мужъ трудится, хлопочетъ, а жена становитъ чайникъ въ печь и говоритъ: «Ахъ, какъ у меня въ горлѣ-то болитъ, знать, я простудилась!» — и мужъ несетъ *съ радостью* чаю и сахару. «Поправляйся, молъ, жена!» Если мужъ *дерзнетъ* ей противорѣчить, жена сейчасъ же бросаетъ дѣтей и мужа, говоря, что съ нимъ жить не будетъ. И тогда мужчина поневолѣ долженъ терпѣть. 20 лѣтъ назадъ можно было бѣдному у богача попросить въ долгъ, и богачъ вѣрилъ. А нынѣ того уже не стало. Богатые стали осторожнѣе, на всѣ долги стали писать письменные договоры и стали требовать проценты; для уплаты же долга стали назначать сроки и въ случаѣ просрочки требуютъ порядочной неустойки. Притомъ нужно было свидѣтеля или расписку засвидѣтельствовать, чтобы можно получить долгъ хоть судебнымъ порядкомъ; а для договорной записки нужно уплатить какъ писцу, такъ и свидѣтелю; къ тому же нужно угощеніе—чай и бутылка водки,—и всѣ эти убытки ложатся на *бѣднаго* заемщика. Про это и поговорка сложилась: «бѣдный плачетъ, да подноситъ, богачъ морщится, да пьетъ».

Читая эти скорбящія проповѣди о гибели крестьянъ всякаго возраста и пола, невольно вспоминается поговорка: «шила въ мѣшкѣ не утаишь». Провираются эти моралисты на каждомъ шагу. Ярославскій проврался уже и въ той части своей корреспонденціи, которая приведена выше... «Женщины *не прядутъ*, не ткутъ», а на вечерницахъ, напротивъ, тѣ же самыя женщины работаютъ—*прядутъ*, и въ то же время «распутствуютъ такъ, что стыдно сказать». Затѣмъ въ той же корреспонденціи моралистъ проговорился о крайней бѣдности крестьянъ, вынужденныхъ посылать дѣтей на заработки уже съ 12—13-лѣтняго возраста на заводы, въ Москву, въ трактирныя услуги. Полтавскій тоже сплоховалъ и, сравнивъ свою деревню съ Содомомъ и Гоморрой, онъ въ той же корреспонденціи проговорился неожиданно о бѣдственномъ положеніи жителей Содома: «Всѣ крестьяне этого села живутъ очень бѣдно, такъ что многіе

домохозяева *вовсе не имѣютъ полевой земли*, а имѣютъ только однѣ усадьбы, да и то весьма малыя. Поэтому крестьяне берутъ въ существующей въ этомъ селѣ экономіи на отработку землю, т.-е. обязуются, по требованію, убрать и свезти въ экономію 3 десятины хлѣба за каждую взятую ими *одну* десятину. Но эта работа невыгодна, и крестьяне сидятъ голодные: не одному приходится еще съ 1-го января покупать хлѣбъ. Да еще и не на одинъ хлѣбъ нужны деньги, а также и на уплату повинностей и другія надобности. Во избѣжаніе нужды, крестьяне *посылаютъ своихъ дѣтей наниматься въ экономіи на срокъ съ ранней весны до глубокой осени, т.-е. по 14-е ноября*. По окончаніи этихъ работъ дѣти на зиму возвращаются къ своимъ родителямъ. Деньги же, заработанныя дѣтьми, родители употребляютъ частью на свои собственные расходы, а частью расходуютъ и на дѣтей, справляютъ имъ на зиму обувь и одежду. Такой порядокъ въ нашемъ селѣ ведется у крестьянъ изъ года въ годъ, изъ чего можно видѣть, *жизнь крестьянъ у насъ горькая:* они—вѣчные работники».

И затѣмъ начинается описаніе распутства, начинается очень характерною фразой. «*Несмотря на такую бѣдность, наши крестьяне живутъ порочно*». Проговорившись разъ, и въ другой разъ сплоховалъ: «Въ этомъ селѣ только въ январѣ 1889 г. открылась церковно-приходская школа, а до сего время никакого училища не было, кромѣ училища пороковъ».

Прорѣха на рукавѣ «сердитой» деревенской публицистики особенно ясно видна въ тѣхъ цѣлебныхъ средствахъ, которыя предлагаютъ «сердитые» для врачеванія язвъ, изъѣдающихъ народную душу и разрушающихъ его хозяйство. Всѣ надежды возлагаются на начальство; оно недостаточно строго («ни урядникъ ни духовенство ничего не могутъ сдѣлать») преслѣдуетъ пьянство и посидѣлки и мирволитъ недоимщикамъ. Крестьянинъ Сам. губ., нѣкто Епанешниковъ, положительно помѣшанъ на неистовой ненависти къ крестьянамъ, именно за *недоимки* и за *долги* крестьянъ земству и правительству по продовольственному капиталу. Крестьяне плутуютъ, не уплачиваютъ долговъ, податей, но тѣлесное наказаніе плутовъ покажетъ, что у *нихъ есть чѣмъ уплатить долги*.

Пьянство, распутство, недоимка, обѣднѣніе и исцѣленіе этихъ недуговъ строгимъ и «*дѣйствительнымъ*» наказаніемъ—вотъ въ чемъ вся суть «сердитой» публицистики.

III.

Но не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ «сердитые». Изъ той же развратной, распутной деревни идутъ голоса совершенно иного рода, высказываются справедливыя сужденія и даются основательныя объясненія тѣмъ мрачнымъ явленіямъ народной жизни, которыя, по мнѣнію «сердитыхъ», врачуются исключительно «*дѣйствительнымъ* наказаніемъ».

Нѣкто Василій Максимовъ, крестьянинъ Бутырской волости, Касимовск. у., Ряз. губ., разсказываетъ такое ужасное дѣло: «Къ вечеру 17-го числа (третій день праздника Успенія) зыковцы (с. Зыково) до того перепились, что не понимали, кто куда идетъ и кто кого куда ведетъ; пошли у нихъ пляски да гармонныя игры, и гуляли они такъ далеко за полночь. Потомъ разсказывали, что присталъ къ нимъ одинъ солдатикъ изъ сосѣдней деревни, отпущенный на побывку къ роднымъ. Извѣстно, пьяному море по колѣно. Вотъ затѣялась промежъ гулякъ изъ-за чего-то ссора, кому-то немного досталось; потомъ начали они приставать къ одной женщинѣ, тоже изъ чужой деревни и веселаго десятка; чѣмъ-то она не заслужила имъ, они и давай ее бить, и избили ее до полусмерти, да еще и раздѣли догола. А тутъ *кто-то* и скажи: «Ребята, вѣдь она пожалуется, что мы ее били и обнаготили, пойдемъ, добьемъ ее, тогда она ужъ не пожалуется». Такъ и случилось: добили ее до смерти и оттащили за версту въ сосѣднія поля. Негодяи думали, что всѣ концы въ воду схоронили. А на другой-то день дѣло и вышло наружу. Убійцы были арестованы и отданы подъ судъ. Какъ слышно было, *солдатикъ получилъ свою достойную награду: его присудили на 4 года въ каторжныя работы,* а потомъ на вѣчное поселеніе въ Сибири; еще двоихъ на поселеніе сослали, а человѣкъ восемь нѣсколько разъ таскали на судъ. Вотъ до чего доводитъ пьянство! Допиваются до того, что ничего не помнятъ!»

Не безъ подражанія сердитымъ публицистамъ Максимовъ написалъ: «*кто-то надоумилъ*», бросая тѣмъ упрекъ распутной молодежи, тогда какъ 4 года каторжной работы ясно свидѣтельствуютъ, что надоумилъ и сдѣлалъ ужасное дѣло солдатикъ *изъ сосѣдней* деревни. Не избѣжалъ Максимовъ и прорѣхи, неизбѣжной для сердитыхъ публицистовъ: въ началѣ корреспонденціи онъ говоритъ, что былъ очень удивленъ тѣмъ, что̀ видѣлъ въ Зыковѣ, а въ

концѣ разсказа объ ужасномъ дѣлѣ неожиданно и проговорился: «да не зачѣмъ и далеко ходить: эта лесть (пьянство и распутство) *и въ нашихъ деревняхъ есть*: между нашими деревнями верста разстоянія, и какіе здѣсь бываютъ разгулы!..» Но, не избѣжавъ недуга сердитой публицистики, онъ не умолчалъ и о положеніи крестьянъ с. Зыкова: «Здѣсь числится 120 рев. душъ. И такой здѣсь обычай заведенъ: дѣвицы и молодые парни отъ 15-ти лѣтъ вмѣстѣ гуляютъ. *Старшая молодежь находится на работахъ въ плотникахъ, и мужиковъ средняго возраста вовсе дома не бываетъ, остаются только шестидесятилѣтніе старики. Поэтому и допущена такая слабость,* что дѣвки съ парнями устраиваютъ по деревнѣ разгулъ: заходятъ во дворъ къ какой-либо дѣвушкѣ, и та угощаетъ ихъ виномъ; потомъ переходятъ въ другой дворъ, и тамъ также угощаютъ».

Очевидно, что эти 15-ти-лѣтніе юноши и дѣвушки «предоставлены на волю Божію». Если бы въ Зыковѣ была школа, то Максимовъ непремѣнно бы проговорился о ней, и если не проговорился, то, стало-быть, дѣти растутъ безъ всякаго «призора». Но Максимовъ только проговорился о причинахъ погибели молодежи, а тамбовскій деревенскій корреспондентъ изъ Шацкаго уѣзда объяснилъ и причину и *происхожденіе* въ деревнѣ буйной и распутной молодежи:

«Къ тому же времени (Михайлову дню, когда въ деревнѣ начинаются свадьбы) молодежь готовится къ призыву на военную службу. Эти молодые люди, подъ названіемъ «гожихъ», недѣли за три до призыва оставляютъ службу, если кто-нибудь служитъ, *уходятъ съ работы и всѣ являются въ свое село погулять.* И вотъ, собираясь всѣ вмѣстѣ, разгуливаютъ шайками по кабакамъ, трактирамъ и посидѣлкамъ. Поведеніе этихъ «гожихъ» весьма негоже. Не говоря уже о томъ, что *они безъ дѣла бродятъ по цѣлому мѣсяцу, пьянствуя и производя всевозможныя безобразія* на улицахъ, такъ что съ этими пьяными шайками опасно даже встрѣтиться, особенно ночью, эти же гуляки, за неимѣніемъ денегъ, зачастую прибѣгаютъ къ воровству. Вообще *этотъ народъ (рекруты), готовясь въ военную службу, считаетъ себя людьми какими-то неустрашимыми, неподсудными, а потому безобразничаетъ и безъ пощады прогуливаетъ семейные трудовые и общественные мірскіе гроши.* А вѣдь лучше было бы сберечь лишнюю копейку себѣ въ военную службу, или оставить ее въ своей семьѣ, нерѣдко престарѣлымъ отцу, матери и женѣ съ дѣтьми, *которые лишаются*

своего главнаго работника. Тяжело смотрѣть на такихъ людей...»

Итакъ, мы узнаёмъ (хотя и шацкій корреспондентъ не избѣжалъ «сердитой» точки зрѣнія), что *этотъ* безобразный *народъ* — рекруты, т.-е. оторванные отъ семейства, «главные работники», обреченные оставить престарѣлыхъ родителей. Понятно, каково должно быть настроеніе этихъ «безобразниковъ», разлучающихся съ родиной. Но тѣ же безобразники, оставаясь въ деревнѣ «главными работниками», изображаются добросовѣстными деревенскими корреспондентами совершенно иначе.

«Скажу прежде насчетъ крестьянскаго хозяйства (пишетъ тотъ самый Геннадій Титовъ, крестьянинъ Смоленской губерніи, протестъ котораго противъ поклеповъ на молодежь волостныхъ публицистовъ былъ приведенъ выше). Всѣ крестьяне у насъ стремятся къ улучшенію его. Я знаю много деревень поблизости нашей, въ которыхъ *отцы нынѣшнихъ хозяевъ,* имѣя по три, по четыре надѣла земли на дворъ, имѣли по одной, много по двѣ лошади, также и коровъ, *отпускали сыновей на заработки въ Москву, отдавали половину земли внаймы подъ посѣвы за деньги или за проценты,* потому что, несмотря на помощь сыновей изъ Москвы и на деньги, взятыя за землю, они никакъ не могли обойтись безъ того, чтобы не занять денегъ на подати или сѣмянъ на посѣвъ, и *даже хотѣли совсѣмъ отказаться отъ земли въ первыя десять лѣтъ послѣ уничтоженія крѣпостного права.* И вотъ, годовъ десять назадъ, *нынѣшніе хозяева* взялись за хозяйство, по старости отцовъ, *и перестали посылать далеко на заработки лишнихъ членовъ семейства, находя дѣло около себя;* перестали также и землю людямъ закладывать. И какъ скоро созрѣли плоды трудолюбія и разумнаго веденія хозяйства, можно видѣть изъ того, что, находясь на той же землѣ и при тѣхъ же условіяхъ, деревни стали неузнаваемы: на мѣстѣ ветхихъ избушекъ красуются хорошія, новыя и прочныя хаты, вмѣсто одной или двухъ клячъ выводятъ со двора четверку и болѣе сытыхъ и сильныхъ лошадей; количество скота удвоилось; вмѣсто заклада своей земли, они принанимаютъ къ своей еще столько же. Еще я знаю нѣсколько деревень, изъ которыхъ *рѣдкій крестьянинъ прежде не ходилъ по міру просить милостыню, а теперь тамъ же новые хозяева пооткупили помѣщичьи имѣнія и живутъ очень зажиточно.* А еще поблизости нѣсколько деревень

занялось сѣяніемъ клевера; отбиваютъ часть поля изъ-подо ржи и засѣваютъ клеверомъ и тимоѳеевкой, а изъ остальныхъ полей дѣлаютъ еще три поля, вслѣдствіе чего у нихъ является четырехпольное хозяйство. Положимъ, что такихъ немного, но все-таки есть перемѣна къ лучшему. *Десять лѣтъ назадъ крестьяне не хотѣли и слушать о томъ, чтобы сѣять клеверъ,* считая это дѣло совершенно невозможнымъ, а теперь многіе поговариваютъ объ этомъ.

«Что касается поведенія молодежи, *то просто не вѣрится, что̀ разсказываютъ старожилы про прежнее время, собственно при крѣпостномъ правѣ.* Въ нашей мѣстности ни посидокъ ни вечеринокъ нѣтъ, какъ пишутъ о томъ изъ другихъ мѣстностей. Ходятъ на улицу, поютъ пѣсни, водятъ хороводы, но поздно никогда на улицѣ не остаются, и ничего безнравственнаго при этомъ не бываетъ. *И къ грамотѣ у насъ проявляется большое стремленіе*».

Еще лучше защитилъ крестьянскую молодежь крестьянинъ И. И. Ивякинъ (изъ с. Журавки, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ.). Разсказавъ безомысленную покупку земли, при помощи Крест. банка, запутавшую крестьянъ Журавки въ 100-тысячный долгъ, и объяснивъ эту безсмыслицу неумѣньемъ стариковъ разсчитать и обдумать дѣло *разсудительно,* крестьянинъ Ивякинъ пишетъ:

«Крестьяне наши вѣчно жалуются на свои недостатки, но истинный-то ихъ недостатокъ, котораго они въ себѣ и не замѣчаютъ, — это ихъ умственная неразвитость и вообще ихъ маломысліе. Народъ, *кромѣ молодого поколѣнія*, почти весь безграмотный, всякое дѣло дѣлается у нихъ безъ знанія и опыта, на-авось. Чего можно ожидать хорошаго отъ неграмотныхъ старостъ, руководимыхъ сельскими писарями, которыхъ они уважаютъ изъ-за боязни, какъ бы ихъ въ противномъ случаѣ не запутали въ мірскихъ счетахъ, ибо вѣдь писаря записываютъ мірскіе расходы и приходы. Вотъ по этой-то причинѣ сельскіе старосты находятся въ рукахъ у писарей. Намъ, крестьянамъ, нужна не столько денежная помощь, *сколько умственная*, чтобы намъ запастись *умомъ-разумомъ,* а безъ этого если бы и даромъ намъ давали участки земель, то мы настолько же поправимъ свое положеніе, насколько поправились видѣнныя во снѣ египетскимъ фараономъ тощія коровы, пожравшія тучныхъ, но отъ этого не потолстѣвшія, какъ говорится въ писаніи». «Теперь, слава Богу, съ открытіемъ земскихъ школъ, молодое по-

колѣніе почти все стало грамотнымъ и *навѣрно будетъ много умнѣе и опытнѣе своихъ отцовъ и дѣдовъ»*.

Грубый, жестокій самарскій мужикъ Епанешниковъ *), проповѣдникъ порки за недоимки, не миновалъ должнаго возмездія со стороны своего же брата-крестьянина, Николая Талызина, той же Самарской губ. (Тимошковской волости, Бугурусланскаго уѣзда):

«Какъ крестьянина, меня удивило въ письмѣ Епанешникова, что крестьянинъ же стоитъ за наказаніе розгами. Невольно задумаешься о томъ, неужели мы дошли до того, что безъ розогъ путнаго изъ насъ будетъ мало? Конечно, люди порядочные, имѣющіе достатокъ, не будутъ имъ подвергаться, напр., за недоимки, ибо могутъ исправно уплачивать свои повинности; но каково другимъ-то желать такого наказанія! *Не приведи Богъ испытать его!* Конечно, въ семьѣ не безъ урода; такъ и въ нашихъ обществахъ есть и хорошіе люди, есть и плохіе. *Накопленіе недоимокъ, право же, зависитъ не отъ нихъ*. Беру, напримѣръ, нашъ Бугурусланскій уѣздъ: начиная съ 1885 и по 1889 годъ были неурожаи хлѣба, и многимъ крестьянамъ правительство выдавало ссуды; но вотъ 1889 годъ *немного порадовалъ урожаемъ, даже только посредственнымъ*, и то по одной нашей волости поступило въ уплату недоимки 9.712 рублей и пополненъ весь окладъ за этотъ годъ — 8.961 руб., т.-е. всего взыскано 18.673 рубля; а вѣдь въ нашей волости всего 1.954 ревизскихъ души. Какъ слышно, и другія волости не отстали отъ насъ, — и, конечно, благодаря содѣйствію мѣстной полиціи, *а ужъ никакъ не наказанію розгами*. Если ужъ у кого нечѣмъ заплатить, *то его хоть ежедневно наказывай, а подати все будутъ не уплачены,— только понизится нравственность наказаннаго*. Не надо забывать, что богатый крестьянинъ не менѣе бѣдняка имѣетъ недоимокъ, и у него всегда является отговорка: «Пусть прежде заплатитъ бѣднякъ, а я еще успѣю запла-

---

*) Вотъ для примѣра пріемъ отношеній Епанешникова къ народу: «Въ избѣ сидѣли два парня-лоботряса, въ красныхъ кумачныхъ рубахахъ и въ жилетахъ (это у насъ первое франтовство), сидятъ да покуриваютъ папироски. — «Откуда это у васъ? Проѣзжіе какіе-нибудь?»— спрашиваю я.— «Нѣтъ, это наши; отъ хозяевъ вернулись... ужъ очень плохо кормятъ, одна ржаница (это значитъ, сѣтуютъ на то, что не давали пшеничнаго хлѣба). Положимъ, что и щи были и каша, да масла въ кашу не даютъ». Оно и видно, что плохо кормили: шеи у молодцовъ какъ у быковъ, лица лоснятся, а обо лбы поросенка можно убить».

тить во всякое время *). И выходитъ, что наказывать розгами придется не однихъ бѣдняковъ, но и богатыхъ.

«*Отъ ред.* Этого вовсе не выходитъ, *ибо, при строгомъ взысканіи вообще со всѣхъ,* богатые не затягивали бы платежей. «Содѣйствіе полиціи» означаетъ уже *строгое* взысканіе, благодаря которому и собраны платежи успѣшно въ прошломъ году, чего сельское и волостное начальство безъ полиціи не сумѣло сдѣлать. *Дѣло не въ розгахъ именно, а въ томъ, чтобы наказаніе было не поблажкой, а дѣйствительнымъ наказаніемъ, котораго беззаботные люди боялись бы.* Никто не потребуетъ тѣлеснаго наказанія, если дѣйствуютъ другія, болѣе легкія мѣры. И нравственность понижается не отъ этого (не отъ розогъ) наказанія, а отъ привычки не исполнять своихъ обязанностей».

Хотя *дѣло не въ розгахъ,* а въ томъ, чтобы наказаніе не было *поблажкой* (наказаніе-то?), — все-таки намъ кажется до чрезвычайности страннымъ, что ред. «С. В.» ни разу не сдѣлала такого же рода примѣчанія (*дѣло не въ розгахъ*) къ тѣмъ сообщеніямъ изъ волостей, гдѣ розги проповѣдуются, какъ цѣлебное средство. Отчего редакція не сдѣлала примѣчанія къ статьѣ Епанешникова, проповѣдника розогъ, и не указала ему на «привычку крестьянъ не исполнять своихъ обязанностей», а сдѣлала это въ укоръ крестьянину, вопіющему противъ розогъ? — «Не приведи Богъ это испытать!» Мы положительно недоумѣваемъ и не понимаемъ этого противорѣчія во мнѣніяхъ редакціи, постоянно оказывающей къ нуждамъ крестьянина самое искреннее вниманіе и участіе.

Что не въ розгахъ дѣло, это мы на каждомъ шагу ви-

*) Эта фраза богатаго мужика — далеко не простое хвастовство. «Въ большихъ селахъ Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ., вошло въ обычай собирать подати именно съ бѣдняковъ. — «Понуждайте прежде голытьбу-то,—совѣтуютъ міроѣды властямъ:—а за нами дѣло не станетъ: изъ кармана деньги выложить не долго». Власти слушаются, налегаютъ на бѣдняковъ, которые и принуждены продавать хлѣбъ по крайне дешевой цѣнѣ тѣмъ же міроѣдамъ или другимъ мѣстнымъ мелкимъ кулакамъ; при этомъ еще должны ихъ упрашивать: «благодѣтель ты мой, возьми, пожалуйста, хлѣбецъ, деньги нужны на подушны». Міроѣды скупаютъ хлѣбъ на тѣ деньги, которыя они должны бы внести сборщику податей, а сами уплачиваютъ повинности тогда, когда продадутъ скупленный хлѣбъ крупнымъ торговцамъ, при чемъ получаютъ отъ 10 до 20 коп. съ пуда барыша.

Эти же «податныя деньги» сельскіе старосты, во множествѣ случаевъ, пускаютъ въ ростъ и наживаютъ деньги опять на бѣднякѣ. Недоимки возрастаютъ потому, что, запутавъ крестьянина въ долги съ процентами, староста отбираетъ податныя деньги съ должниковъ въ свою пользу.

димъ въ томъ же «Сельскомъ Вѣстникѣ», гдѣ безъ всякихъ примѣчаній волостные публицисты во всеуслышаніе проповѣдуютъ розгу и строгость. Въ одномъ только 11 № «Сельскаго Вѣстника» мы находимъ три вѣсти, далеко не похожія на вѣсти о повсемѣстномъ распутствѣ:

«Въ слободѣ Березенской, Лукоянскаго у., Нижегородской губ., существуетъ народное училище, въ которое ходитъ до 115 дѣтей; но собственнаго зданія оно не имѣло, а помѣщалось въ домѣ частнаго лица за особую плату. Чтобы дать школѣ свое помѣщеніе, былъ пріобрѣтенъ крестьянами на деньги мірского капитала, хранящагося въ Починковскомъ ссудосберегательномъ товариществѣ, каменный домъ за 1.600 руб., который до весны прошлаго года оставался неисправленнымъ и для помѣщенія училища неудобнымъ. Истративъ на исправленіе дома 1.400 р., крестьяне освятили и открыли школу 22 октября».

«Крестьяне села Казачки, Балашовскаго у., Саратовской губ., 17 марта 1889 года, находясь на сельскомъ сходѣ, приговоромъ постановили, чтобы отнынѣ каждый однообщественникъ *обязательно посылалъ всѣхъ сыновей* (въ учебное время года), *по достиженіи ими девятилѣтняго возраста, въ мѣстную сельскую школу,* и непремѣнно въ продолженіе трехъ лѣтъ, для того, чтобы мальчикъ могъ окончить курсъ въ школѣ и получить свидѣтельство; если же кто не будетъ подчиняться этому постановленію, т.-е. не будетъ посылать своихъ дѣтей въ школу, безъ уважительныхъ на то причинъ, съ того взыскивать чрезъ сельскаго старосту штрафъ въ 5 р., въ пользу мірскихъ суммъ, каковой штрафъ можетъ быть взыскиваемъ старостой при ослушаніи крестьянина до трехъ разъ».

«Изъ Басковской волости, Сычевскаго у., Смоленской губ., К. И. Ровинскій сообщаетъ: «Народъ здѣсь проявляетъ сильное влеченіе къ образованію: въ предѣлахъ волости двѣ школы, переполненныя учащимися; грамотныхъ мужчинъ въ волости 941, женщинъ 160; учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ около 300. Семей съ грамотными 632. Многіе крестьяне выписываютъ книги и газеты. Въ селѣ Басковѣ нѣсколько крестьянъ выписываютъ «Сельскій Вѣстникъ», въ деревнѣ Бородулинѣ одна крестьянка получаетъ журналъ «Духовно-Нравственное Чтеніе», который жадно читается ея односельчанами. Но еще болѣе пріятно видѣть, когда не отдѣльныя лица, а цѣлыя деревни сообща заботятся утолить духовную жажду и разумно наполнить свой

досугъ. Такой примѣръ показываетъ д. Тюлено, Баскаковской волости: здѣсь всѣ крестьяне нанимаютъ избу, гдѣ по вечерамъ сходятся, и грамотные читаютъ по очереди вслухъ «Сельскій Вѣстникъ», книги, а иногда и другія газеты. Въ этой избѣ зимой крестьяне засиживаются до поздняго вечера, при чемъ въ ней не только никто не думаетъ пить водку, но даже не пьютъ чаю: *почтенные люди* сходятся сюда лишь для единственной цѣли — *чему-нибудь научиться*».

Вотъ къ такого рода «вѣстямъ» дѣйствительно слѣдовало бы дѣлать «примѣчанія», возбуждая въ народѣ потребность умственнаго развитія и стыдя «сердитыхъ» волостныхъ публицистовъ за ихъ «тиранскія» идеи. Къ счастью, починъ выйти изъ мрака къ свѣту, какъ мы видѣли, уже сдѣланъ поколѣніемъ «новыхъ хозяевъ», и сдѣланъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи въ широкихъ размѣрахъ. «*Наши крестьяне не потеряли образа человѣческаго*», какъ было писано изъ Бугурусланскаго уѣзда,—пишетъ, по адресу того же жестокаго мужика Епанешникова, кр. Андрей Тузовъ изъ д. Дулеповой, Волоколамскаго у., Московской губ., и доказываетъ справедливость сказаннаго имъ подробнымъ описаніемъ жизни крестьянъ д. Дулеповой:

«Мы были временно-обязанными князей Стрѣшневыхъ; волость наша состоитъ изъ шести деревень; земельнаго надѣла имѣемъ очень мало—2 десятины съ четвертью удобной и неудобной земли; хозяйство ведемъ трехпольное, каждый годъ высѣваемъ ржи 5 мѣръ на душу; при среднемъ урожаѣ на годъ хлѣба намъ не хватаетъ, несмотря на хорошую обработку и хорошее удобреніе навозомъ. Корма для скота тоже мало, такъ что приходится прикупать. Приведу къ примѣру себя. Семейства у меня 6 сыновей и одна дочь; двое сыновей женаты и имѣютъ шесть человѣкъ дѣтей; всего семейства, значитъ, у меня 17 человѣкъ. Для обработки поля нанимаю двухъ работниковъ, потому что самъ я не пашу, а занимаюсь съ тремя сыновьями сапожнымъ ремесломъ, четвертый сынъ служитъ въ солдатахъ; кромѣ того, я имѣю пятерыхъ рабочихъ сапожниковъ. Всего годового расхода съ податями у меня выходитъ 2.000 руб., а съ земли, на 8 душъ земельнаго надѣла, получаю дохода отъ травы, хлѣба и овощей, при среднемъ урожаѣ, 800 р.; значитъ, мнѣ приходится прибавлять денегъ на расходы 1.200 руб. Другому покажется страннымъ, какъ я управляюсь съ такимъ большимъ рас-

ходомъ, но я, съ помощью Божіею, трудами своими преодолѣваю его. Наше сапожное мастерство хотя и не очень завидное, но со стараніемъ и трезвостью жить можно. Прочіе крестьяне нашей деревни занимаются, кромѣ обработки земли, торговлею сырыми кожами, льномъ (который сами обрабатываютъ и скупаютъ *), опойкомъ и разнымъ товаромъ, который ѣздятъ собирать по деревнямъ верстъ за сто. Торгуютъ они съ Осташковымъ (Тверской губ.) и Москвою. Есть у насъ и свои два крестьянскіе кожевенные завода, на которыхъ въ лѣтнее время живетъ болѣе 150 человѣкъ.

«Многіе крестьяне у насъ, въ Россіи, въ зимнее время сидятъ на лавкѣ, сложа руки **), а нашъ мужикъ добы-

---

*) Всего отправляется льна до 200 тыс. пудовъ въ Тверь, въ Зубцовъ, въ Гжатскъ, въ Вязьму. Эта торговля, а также и сѣменная, развиты болѣе другихъ.

**) Что на Руси есть такія мѣста, гдѣ крестьянинъ зимой не только сидитъ, сложа руки, а изнемогаетъ отъ бездѣлья, свидѣтельствуетъ крестьянинъ Андрей Есиповъ, Нижне-Ландехской вол., Гороховецкаго у. Владимірской губ.:

«Сильный работникъ зимою въ деревнѣ не знаетъ, куда и время дѣвать. Вставши раннимъ утромъ, хозяинъ спѣшитъ убрать скотъ, напоить его, задать корму, принести воды, порасчистить кое-гдѣ снѣжные заносы. Всей этой работы хватитъ на три часа. Потомъ во второй разъ придется дать скоту кормъ днемъ и въ третій разъ на ночь. Въ промежутки же между дачами корма работнику дѣлать нечего, и собираются они по два, по три въ одну избу. Разговоровъ особыхъ нѣтъ,— все уже успѣли переговорить, всѣ сказки уже сказаны, — и сходятся они только для того, чтобы вмѣстѣ полежать.

«—Эй, кума Дарья, дай-ка какой-нибудь кафтанишко подъ головы, а то жестко такъ-то.

«—Ишь вы, бездѣльники! Дома точно и мѣста нѣтъ?—ворчитъ Дарья, подавая кафтанъ.

«Кумъ Аввакумъ, сватъ Панкратъ, да хозяинъ дома, Дема, и разлягутся по лавкамъ, перекинутся двумя-тремя словами, покурятъ махорки и заснутъ себѣ сномъ крѣпкимъ.

«Хозяйка бѣгаетъ, суетится или сидитъ за гребнемъ.

«—Дарьюшка, а Дарьюшка,—раздается подъ окномъ голосъ:—мой-то не у васъ ли въ избѣ?—запропалъ гдѣ-то, уже обѣдать пора.

«—Здѣсь, здѣсь, храпитъ во всю ивановскую!—отвѣчаетъ Дарья.— Да что съ улицы-то говорить, войди въ избу.

«—Ухъ, голубушка, сколько холоду-то принесла!—говоритъ Авдотья, входя въ избу и молясь предъ иконами.

«Дарья и Авдотья долго ведутъ разговоръ; сонные мужья — хорошій предлогъ для судаченья.

«Наконецъ проснутся мужья, почешутъ въ затылкахъ, порасправятъ косточки и уходятъ изъ избы свата, пригласивъ его къ себѣ. И такъ спятъ изо дня въ день. Поѣздка въ лѣсъ, за сѣномъ въ поле—большой и рѣдкій праздникъ».

ваетъ деньги; средній торговецъ рублей 50 на однѣ руки, а нѣкоторые до 200 рублей въ зиму; у кого же есть *порядочное семейство,* то добываютъ и до 2.000 рублей. *Зато у насъ и заведенія нѣтъ ходить на чужую сторону, и дѣтей туда не посылаемъ, а всякій старается работать при семействѣ.* Особенно развита у насъ грамотность въ молодомъ поколѣніи: рѣдко встрѣтишь такого, который бы не кончилъ ученія въ сельскомъ училищѣ. Два приходскихъ училища у насъ существуютъ уже 25 лѣтъ (въ Ивячиковѣ и въ с. Корневскомъ). Съ 1887 года дер. Горы выстроила, съ помощью земства, еще училище, на что потрачено 2.000 рублей. Мы, дулеповцы, тоже на свой счетъ, выстроили училище, потративъ 1.000 руб., а земство выслало къ намъ учителя. На содержаніе сторожа и отопленіе въ годъ выходитъ 100 руб., а учится въ училищѣ до 70 дѣтей. Такимъ образомъ мы имѣемъ четыре училища на разстояніи одно отъ другого не болѣе трехъ верстъ.

«И въ молодежи у насъ нѣтъ такой распутности, какъ описывается. У насъ каждый молодой человѣкъ старается сохранить свою честь и добрую славу, и каждый хозяинъ слѣдитъ за своимъ хозяйствомъ со всѣмъ стараніемъ, чтобы у него ничего не пропадало въ хозяйствѣ даромъ, а приносило бы пользу. Нашему хозяину не приходится продавать на наряды корову или лошадь: *у него обходится и безъ этого.* Хотя и у насъ есть люди *праздношатающіеся,* но только очень мало, *потому не даемъ мы имъ развиваться, находимъ имъ мѣста.* При всемъ малоземельѣ, наши крестьяне не только сами себя кормятъ, но и другимъ людямъ хлѣбъ даютъ, а именно извозчикамъ, которые возятъ ленъ, сѣмя и другіе товары не менѣе какъ по 20 коп. съ пуда. Однимъ словомъ, наши крестьяне не потеряли образа человѣческаго, какъ было писано... Совѣтую всѣмъ крестьянамъ стараться какъ *можно болѣе строить школъ и обучать дѣтей грамотѣ,* слѣдить за ними, обучать ихъ ремеслу или торговлѣ, глядя по состоянію мѣста, гдѣ и чѣмъ лучше заняться, воздерживать ихъ отъ пьянства и другихъ пороковъ и самимъ тоже удаляться отъ всѣхъ дурныхъ наклонностей».

Читатель видитъ, какая огромная разница въ воззрѣніяхъ крестьянина и волостного публициста—на крестьянина. Публицистъ сосредоточилъ все свое вниманіе на изобрѣтеніи средствъ «наказанія» и смотритъ на крестьянина какъ на существо, «утратившее образъ человѣческій»; крестьянинъ

не публицистъ борется за образъ человѣческій, вопіетъ противъ розги, превозноситъ школу, образованіе.

— Не въ розгахъ дѣло, а въ *дѣйствительномъ наказаніи!*—поучаютъ руководители народныхъ массъ и ведутъ народъ, конечно, къ тьмѣ.

— Не дай Богъ испытать это!—вопіютъ изъ народныхъ массъ и, какъ видите, идутъ къ свѣту безъ всякаго руководительства.

IV.

Одинъ крестьянинъ спрашиваетъ редакцію «Сельск. Вѣстн.»: *отнимутъ ли у него земельный надѣлъ,* если онъ получитъ высшее образованіе? Редакція отвѣчаетъ: «отнимутъ», потому что высшее образованіе даетъ право личнаго дворянства. Вопросъ крестьянина—большой вопросъ: онъ хочетъ много знать, но не хочетъ покидать деревни, разрывать съ нею нравственной связи. Въ настоящее время въ учительскихъ семинаріяхъ учителя въ большинствѣ изъ крестьянъ и имѣютъ неразрывныя связи съ деревней, съ ея нуждами. «Любезному сыну Петру Ивановичу посылаемъ низкій поклонъ. Погорѣли мы дочиста, подъ самый подъ Успленьевъ день...»—читаетъ студентъ учительскаго института въ Петербургѣ, въ 13 линіи, и въ два-три свободные часа изъ конца въ конецъ бѣгаетъ по урокамъ. Рубли, полученные за уроки, превращаются въ деревнѣ въ срубъ. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ молодежь, получающая высшее образованіе, опять возвращается въ колонію учителемъ, врачомъ, агрономомъ, и не разрываетъ связи съ землей. Почему же у насъ образованіе крестьянина должно прерывать его связь съ крестьянствомъ, разъ объ этомъ желаніи—не прерывать связи—возникаетъ вопросъ въ деревнѣ, въ народѣ? Въ этомъ желаніи таится зерно народной интеллигенціи; идти въ народъ изъ «образованнаго общества», хотя бы и съ искреннимъ порывомъ сердца служить народу, не то, что воспитаться въ «необразованномъ обществѣ народа», имѣть съ нимъ неразрывную связь и понимать его нужды во всемъ объемѣ.

VII. Неудачныя покупки земель.

I.

«Такъ какъ банкъ учрежденъ *для облегченія крестьянамъ покупки земель, то необходимо согласовать степень облегченія покупокъ съ размѣромъ нужды покупщиковъ,* выдавая *особенно нуждающимся большія, а наиболѣе состоятельнымъ* сравнительно *меньшія ссуды и отказывая въ ссудахъ крестьянамъ многоземельнымъ и вообще очень самостоятельнымъ».*

Вотъ какія, поистинѣ прекрасныя строки находимъ мы въ отчетѣ Крестьянскаго банка за второй (1884) годъ (стр. 4) его дѣятельности.

Какимъ же образомъ могло произойти, что не болѣе какъ черезъ *четыре* года дѣло, начавшееся «по-хорошему», омрачилось весьма «нехорошими» качествами? «Покупать землю съ помощью Крестьянскаго банка, *не имѣя порядочныхъ собственныхъ денегъ, дѣло крайне опасное, ибо оно грозитъ такою долговою петлей, изъ которой трудно и выльзти».*

Такую характеристику особенностей земельнаго кредита, свойственныхъ Крестьянскому банку, мы находимъ въ редакціонной статьѣ «Сельскаго Вѣстника» (№ 11, 1890 г. *) и написанной въ острастку «безземельнымъ» крестьянамъ, которые «суются въ воду, не спросясь броду», заключая пагубныя для нихъ сдѣлки съ Крестьянскимъ банкомъ.

Мало этого, ту же неизбѣжность «долговой петли» для «особенно нуждающихся» подтверждаетъ и самый отчетъ Крестьянскаго банка за 1888 г. «Когда же продажа становится фактомъ, *имущественное положеніе крестьянъ подвергается чувствительному потрясенію: теряются всѣ суммы, внесенныя крестьянами продавцамъ земли въ доплату къ ссудамъ, а также затраты, понесенныя на самую купленную землею, на подъемъ цѣлинъ, постройки, издержки переселенія* и проч.» (стр. 5). Потрясенія всего хозяйственнаго благосостоянія покупщиковъ, не выполнившихъ своихъ обязанностей передъ банкомъ, до такой степени ужасны, что совѣтъ банка, для избѣжанія этихъ ужасовъ, рѣшилъ: выдавать ссуды только *наиболѣе обезпеченнымъ и очень состоятельнымъ* и отказывать въ ссудахъ *особенно нуждающимся.*

---

*) Издающагося при редакціи «Правительственнаго Вѣстника».

Въ 1888 году такому потрясенію подлежало 132 участка, назначенныхъ въ продажу за невзносъ платежей банку по ссудѣ въ 2.677.752 р., выданныхъ на покупку 54.970 десятинъ. Продажа отмѣнена по 63 участкамъ (18.000 дес. земли, 915.000 ссуды), а *по 64 участкамъ торги назначены въ 1889 году*, и о нихъ нѣтъ никакихъ указаній и неизвѣстно, какая участь постигнетъ владѣльцевъ 36.000 десятинъ земли, задолжавшихъ 1.761.848 р. и потратившихъ своихъ денегъ около 400.000 рублей. Изъ отчета съ достовѣрностью извѣстна участь только 5 участковъ: 2 участка въ 107 десятинъ, при ссудѣ банка въ 950 руб., проданы, *при чемъ одинъ съ переводомъ долга банку на покупщика,* а 3 участка остались за банкомъ, т.-е. «*не проданы*».

Въ этой «малой каплѣ», т.-е. въ двухъ проданныхъ нищенскихъ имуществахъ, съ полною ясностью выражается та слабая сторона въ организаціи операцій Крестьянскаго банка, которая превращаетъ множество покупокъ при его помощи въ «чувствительныя потрясенія»: до покупки земли изъ банка у безземельнаго не было земли, но были въ кошелѣ 190 р. Послѣ долга, не оплаченнаго банку,—у безземельнаго нѣтъ земли, но нѣтъ и 190 р. Вотъ въ короткихъ словахъ сущность «неудачныхъ» операцій Крестьянскаго банка, начавшихся въ томъ же направленіи, къ сожалѣнію, съ самыхъ первыхъ дней его существованія и продолжающихся до сего дня.

Въ отчетѣ за 1884 годъ мы читаемъ опять-таки прекраснѣйшія строки: «Совѣтъ Крестьянскаго банка старается не терять изъ виду и экономическаго значенія каждой покупки для совершающихъ ее крестьянъ; поэтому, напримѣръ, если крестьяне покупаютъ землю *смежную* съ ихъ собственною или съ ихъ усадьбами, то совѣтъ разрѣшаетъ ссуду бо́льшую противъ той, которую онъ выдалъ бы для покупки земли одинаковаго достоинства, но болѣе отдаленной. Такое различіе оправдывается и экономическимъ расчетомъ, такъ какъ смежная или близкая земля приноситъ крестьянамъ-покупщикамъ гораздо больше пользы, лучше обезпечиваетъ исправное поступленіе платежей банку, а слѣдовательно предотвращаетъ публичную продажу земли, для всякаго банка опасную. Послѣдствіемъ такого образа дѣйствій оказывается, что ссудами банка пользуются *главнымъ образомъ* крестьяне *малоземельные и отчасти безземельные,* для коихъ помощь банка является единственнымъ средствомъ къ выходу изъ крайне затруд-

нительнаго положенія» (стр. 5). Вслѣдъ за этимъ приводится нѣсколько образчиковъ дѣятельности банка, доказывающихъ, какъ онъ полагаетъ, его заботливость о томъ, чтобы приплата была *не изнурительна,* чтобы оцѣнка не была преувеличена безъ мѣры, чтобы неаккуратность въ доплатѣ «не повела къ продажѣ движимости покупщиковъ, и вообще чтобы въ положеніи крестьянина произошло *улучшеніе, а не ухудшеніе*» (стр. 6).

Въ доказательство выполненія благихъ намѣреній на дѣлѣ, отчетъ приводитъ и поучительный примѣръ.

«Крестьяне-поселенцы купили по очень дорогой цѣнѣ большой участокъ земли, дали въ задатокъ 2.000, внесли въ отдѣленіе банка *болѣе 10.000 руб. доплаты,* просили ссуды около 48.000 руб., а *остальныя деньги, около 12.000 руб.*, обязались уплатить въ 4 полугодовыхъ срока, съ проц. по 10 на 100 и съ обезпеченіемъ каждой срочной уплаты неустойкой въ 3.000 руб. Совѣту банка было ясно, что покупщики *не въ состояніи исполнить принятыхъ на себя обязательствъ, а продавецъ не упуститъ случая воспользоваться каждою неустойкой.* Было очевидно, что если разрѣшить ссуду на предложенныхъ основаніяхъ сторонъ, то *черезъ полгода, а много черезъ годъ всякая возможность уплаты прекращается,* и крестьяне будутъ *окончательно разорены,* а банкъ окажется *вынужденнымъ продать землю съ торговъ,* при чемъ неизбѣжно возникаютъ шансы убытка (банку). Поэтому совѣтъ нашелъ необходимымъ разрѣшить ссуду подъ условіемъ *разсрочки доплаты на пять лѣтъ* и безъ неустоекъ» (стр. 5).

Всматриваясь въ подробности поучительнаго примѣра «осторожности» въ разрѣшеніи крестьянамъ покупокъ и вниманія къ ихъ средствамъ и возможностямъ быть исправными,—мы однако рѣшительно не видимъ въ немъ ни того ни другого. Осторожность вовсе не видна въ *истощеніи* средствъ покупщиковъ на 10.000 и еще болѣе не видно въ пятилѣтней разсрочкѣ долга продавцу въ 12.000 руб. *Недоплаченные* продавцу 12.000 руб. означаютъ, что у крестьянъ нѣтъ *никакихъ средствъ,* послѣ того какъ они отдали 10.000. Не имѣя средствъ, крестьяне, несомнѣнно, будутъ вынуждены отрабатывать прежнему владѣльцу свой долгъ,—слѣдовательно не будутъ имѣть возможности расширить свое хозяйство на ново-купленной землѣ и въ первое же полугодіе, очевидно, ни въ какомъ случаѣ не будутъ имѣть малѣйшей возможности уплатить банку ни по-

гашенія ни процентовъ. Въ предполагаемой банкомъ «осторожности» и въ процессѣ ея осуществленія, указанномъ въ «примѣрѣ», видны—вопреки ожиданіямъ банка—именно всѣ его неосторожности, отъ которыхъ множество покупокъ земель неминуемо должны были закончиться «чувствительными потрясеніями».

Опредѣленіе послѣдствій «неосторожныхъ» поступковъ банка выраженіемъ «чувствительнаго потрясенія» — принадлежитъ самимъ составителямъ отчета за 1888 г., и такъ какъ опредѣленіе это вполнѣ справедливо и безпристрастно характеризуетъ полностью всѣ до единой «неосторожности», совершенныя банкомъ въ теченіе семилѣтней дѣятельности,— то не будетъ излишнимъ, если это признаніе мы подтвердимъ тѣми существенными причинами, изъ которыхъ неминуемо должны были произойти эти «потрясенія».

II.

Всѣ семь отчетовъ Крестьянскаго банка изъ года въ годъ неопровержимо свидѣтельствуютъ, что первенствующій неудачникъ и первенствующій покупатель земель, при содѣйствіи Крестьянскаго банка, всегда былъ, есть и будетъ— крестьянинъ *безземельный*. Этотъ непонятный образъ человѣческій—*безземельный земледѣлецъ*—сталъ нарождаться на Руси съ самыхъ первыхъ моментовъ послѣ освобожденія крестьянъ и тотчасъ же послѣ нарѣзки надѣловъ. Всѣ россійскіе обыватели рѣшительно не знаютъ, были ли у межевой цѣпи какіе бы то ни было права и резоны обездоливать и обезземеливать великое множество крѣпостныхъ крестьянъ. Но что ихъ обездолено межевой цѣпью дѣйствительно немалое число, это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

«Наслѣдники Строгановскихъ владѣній,—читаемъ мы въ путевыхъ замѣткахъ г. Д. Сибиряка *): — въ настоящее время владѣютъ пространствомъ земли въ 2.639.991 десятину, а всѣхъ такого рода заводскихъ земель насчитывается до 8 милліоновъ. Послѣ 19-го февраля бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ были даны такіе надѣлы: въ иномъ мѣстѣ на ревизскую душу приходится 0,63 дес., въ другомъ 0,84, а *тамъ*, гдѣ приходится на душу 1,07—*тамъ такіе крестьяне почитаются счастливцами*. Арендная же плата за десятину земли взимается въ настоящее время въ раз-

*) «Старая Пермь». «Вѣстн. Европы», 1889 г., № 6.

мѣрѣ 8 руб. за десятину, да за усадьбу съ нихъ же взимается ежегодный оброкъ въ 1 руб. 50 коп.». Что человѣческое существо, превращенное въ 0,63, должно платить за землю не только 8, а и 80 руб., что по цѣнѣ аренды возрастаетъ и цѣна земли при залогахъ въ земельные банки и при покупкѣ въ банкѣ Крестьянскомъ,—это мы, простые обыватели, знаемъ, но по какимъ законнымъ или беззаконнымъ основаніямъ земледѣльцу нарѣзано 0,63 дес.,—этого мы постигнуть не можемъ, такъ же, какъ не постигаетъ этого и крестьянинъ, превращенный въ десятичную дробь.

Но если межевая цѣпь могла превратить человѣка въ десятичную дробь среди такого необъятнаго простора, какъ строгановскія земли, то во что-жъ она превращала того же человѣка въ тѣснотѣ, если только и тамъ она находила возможнымъ поступать не благообразно? Въ тѣснотѣ-то она и мудрила въ особенности, а во что обходилось это мудрованіе народу, тому слѣдуютъ пункты.

Заглянемъ въ три деревеньки одного глухого уголка нашего обширнаго отечества, въ Васильсурскій уѣздъ, Нижегородской губ., и посмотримъ на житье-бытье ихъ обывателей *).

Деревня Колковцы, Троицкой волости, имѣющая въ настоящее время 232 души обоего пола, до 19-го февраля имѣла землю въ черезполосномъ владѣніи гг. Б. и Г. Послѣ 19-го февраля надѣлъ крестьянамъ былъ сдѣланъ такъ: усадьба отведена на землѣ г. Г., а полевая земля дана была г. Б., *но въ двухъ отрубахъ*. Такимъ образомъ оказалось, что отъ усадьбы одинъ изъ отрубовъ отстоялъ на 7 верстъ, а другой на 9. *Проѣздъ же на пашню* возможенъ былъ только по владѣніямъ г. Г. и по владѣніямъ *совершенно посторонняго крестьянамъ владѣльца—г. Т.*

Такъ вотъ оба эти владѣльца, *изъ-за этого проѣзда* (иначе приходилось дѣлать крюкъ въ 15 верстъ), посмотрите, какъ остроумно сумѣли создать для своихъ земель весьма немалую *доходность*.

За право проѣзда г. Г. *обязалъ крестьянъ взять у него исполу всю землю* и весь навозъ, получаемый крестьянами отъ скота, вывозить на его землю. «Необходимо замѣтить,—пишетъ корреспондентъ:—что навозъ въ сельскомъ хозяйствѣ Васильсурскаго уѣзда *имѣетъ громадное значеніе и*

*) Объ экономическомъ положеніи трехъ деревень Васильсурскаго уѣзда, Нижегородской губ. «Волжскій Вѣстн.», 1889 г. № 203.

силу, такъ какъ неунавоженныя полосы вовсе не даютъ никакого урожая или самый незначительный». Несмотря на это «управленіе г. Г. *угрожаетъ однако крестьянамъ: если они бросятъ арендовать землю исполу, то оно не пуститъ ихъ проѣзжать черезъ его владѣнія».*

Вотъ какъ умно придумалъ г. Г. превратить свои бездоходныя земли въ доходныя. И вотъ какъ—еще умнѣе—придумалъ г. Т., *владѣлецъ, совершенно посторонній колковскимъ крестьянамъ.*

Отставной инженеръ г. Т., только три года поселившійся въ своемъ имѣніи, первое время не зналъ, что пустопорожнія мѣста, въ которыхъ онъ жилъ, могутъ превратиться безъ затраты даже единой копейки въ мѣста самыя цвѣтущія. Онъ не зналъ, что въ его имѣніи существуетъ *одна верста дороги,* по которой крестьяне не имѣютъ никакого права ѣздить на свои поля, тѣмъ болѣе, что дорога проходитъ мимо сада г. Т., а въ саду на балконѣ г. Т. любилъ пить чай, курить и мечтать. Однажды онъ, сидя на балконѣ, курилъ, мечталъ—и въ первый разъ замѣтилъ вереницу проѣзжавшихъ мужиковъ, и, можетъ-быть, даже и теперь бы не додумался до чего-нибудь путнаго, если бы управляющій не сообщилъ ему, что колковскіе крестьяне потому ѣздятъ черезъ его владѣніе, что имъ иначе придется дѣлать все тотъ же 15-верстный крюкъ, о которомъ уже было говорено. Разъ только у г. Т. прояснилось сознаніе, онъ тотчасъ же объявилъ крестьянамъ, *что даромъ онъ не желаетъ пропускать ихъ черезъ свои владѣнія,* и если они желаютъ воспользоваться прямымъ путемъ, *то должны обязаться сжинать ему ежегодно по 4 дес. ржи безъ всякаго вознагражденія съ его стороны.* На третій годъ г. Т. обязываетъ за тотъ же проѣздъ сжинать уже не четыре дес., а 8, и, кромѣ того, крестьяне обязаны вывезти 50 возовъ торфа изъ его дачи. И если дѣйствительно существуетъ право владѣльческой *версты* на неподлежащую сомнѣнію эксплоатацію независимыхъ отъ владѣльца людей, то г. Т., вѣроятно, не стѣснится и еще увеличить доходность своихъ владѣній.

Другая изъ деревень той же волости, д. *Воля,* образовавшаяся уже послѣ освобожденія крестьянъ, населена *бывшими крѣпостными* г-жи Турчаниновой. Послѣ 19-го февраля крѣпостные получили отъ нея въ надѣлъ по 2 десятины на ревизскую душу, которыхъ числилось 38 душъ, получившихъ 83 дес. Въ настоящее время въ д. *Волѣ*

проживаетъ уже 126 душъ обоего пола. Безысходная нужда заставила ихъ взять у своей бывшей владѣлицы на аренду 129 дес. *исполу на 6 лѣтъ* и вотъ на какихъ условіяхъ:

1) Сѣмянъ для посѣва пополамъ, при чемъ крестьяне обязаны покупать ихъ у г-жи Т. по цѣнамъ лысковскимъ (въ село Лысково свозится весь хлѣбъ со всего Васильсурскаго уѣзда). 2) Полная обработка 129 десятинъ, т.-е. крестьяне обязаны все вспахать, заборонить, посѣять, вновь заборонить, сжать, снопы свезти на гумно въ экономію и обмолотить. 3) Весь хлѣбъ, доставшійся на долю Т. (половина всего обмолоченнаго), крестьяне обязаны свезти въ с. Лысково (за 35 вер.). 4) Набить два погреба льдомъ. 5) Вспахать и боронить ежегодно два огорода, садить въ нихъ капусту, осенью снять и изрубить. 6) Обязаны исправлять большую дорогу. 7) Дѣлать запруды на р. Черноненькѣ. 8) Возить дрова изъ дачи г-жи Турчаниновой въ ея усадьбу. 9) Косить ежегодно 8 дес. луговъ при дер. Стрѣлкахъ.

Въ *третьей* деревнѣ, но уже въ другой волости, владѣлецъ и крестьяне въ теченіе многихъ лѣтъ находились въ самомъ враждебномъ другъ къ другу отношеніи. Владѣлецъ донималъ ихъ штрафами за всякаго рода потравы (лошадьми, курами), донекалъ постоянными судебными преслѣдованіями, исками и т. д. Да и крестьяне, съ своей стороны, не оставались передъ нимъ въ долгу и воздавали ему возможное для нихъ возмездіе. Наконецъ надоѣло и владѣльцу непрестанно воевать съ крестьянами, да и крестьяне стали выказывать рѣзкое озлобленіе. Тогда владѣлецъ объявилъ имъ, что онъ добровольно оставитъ свою усадьбу, «*но за свое удаленіе* потребовалъ, чтобы крестьяне перенесли на новое мѣсто всю его усадьбу, возили бы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ навозъ и т. д. Крестьяне выполнили всѣ требованія, хотя въ явный ущербъ своему собственному хозяйству».

Такими невеселыми красками рисуетъ живая дѣйствительность происхожденіе *безземельныхъ*. Поставленные въ необходимость разбрестись кто куда, но узнавъ, что гдѣ-то появился «Крестьянскій банкъ»,—они хлынули въ его отдѣленія, какъ только отворились ихъ двери.

Уже въ 1883 г. составители отчета 1884 г. запримѣтили весьма интересное явленіе: «Слѣдуетъ замѣтить, что въ Смоленской и Тверской губ. *рѣшительно преобладаютъ покупки прежнихъ отрѣзковъ земель, прилежащихъ къ на-*

дѣламъ покупщиковъ. При такихъ условіяхъ *естественно было бы ожидать покупокъ исключительно общественныхъ;* въ дѣйствительности же онѣ по Смоленской губерніи составляютъ лишь половину, а по Тверской только 1/4 часть говарищескихъ покупокъ. Такое явленіе могло бы быть признано ненормальнымъ, если имѣть въ виду, что такимъ образомъ «отрѣзныя» земли, крайне необходимыя цѣлому обществу, попадаютъ въ руки отдѣльныхъ лицъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи дѣлъ обнаруживается, что подобный выводъ былъ бы неправиленъ; при пріобрѣтеніи отрѣзныхъ земель тверскими и смоленскими товариществами, въ составъ товариществъ входятъ почти всѣ домохозяева тѣхъ обществъ, надѣлы коихъ примыкаютъ къ покупаемымъ землямъ; неучастіе въ покупкѣ тѣхъ или другихъ домохозяевъ обыкновенно объясняется причинами случайными, напримѣръ, тѣмъ, что иной крестьянскій дворъ «упалъ», т.-е. совсѣмъ прекратилъ сельское хозяйство, что всѣ мужчины ушли на заработки. Такимъ образомъ уже въ 1883 г. первый годъ практики указалъ банку, въ какомъ направленіи ему предстоитъ дѣятельность: возвратить безземельнымъ *отрѣзки*, которыми они владѣли при крѣпостномъ правѣ, т.-е. продолжать выкупную операцію, исправивъ беззаконія межевой цѣпи. Но объ отрѣзкахъ, къ сожалѣнію, во всѣхъ отчетахъ упоминается только одинъ разъ, и слѣдовательно всеобщій для множества безземельныхъ крестьянъ недугъ не былъ понятъ дѣятелями банка какъ прямая обязанность, какъ великое дѣло возвращенія крестьянамъ земли, отторгнутой отъ нихъ межевой цѣпью. *Смежно*— вотъ какое блѣдное слово замѣнило въ отчетахъ банка многосложное слово *отрѣзки*, но и это блѣдное слово, съ первыхъ же дней его дѣятельности, стало на первомъ мѣстѣ въ числѣ покупаемыхъ земель, въ неразрывной связи съ покупателями *безземельными.*

	1884 г.	1888 г.	1889 г.
Всей земли было куплено	210 т.	190 т.	156 т.
Въ *смежности*	146 »	121 »	113 »
Въ разстояніи *одной версты и менѣе* . .	9 »	8 »	
Въ разстояніи отъ одной до трехъ верстъ .	8 »	9 »	
Отъ трехъ до десяти	13 »	10 »	
Далѣе десяти	31 »	40 »	

Въ доказательство того, что «отрѣзки» есть именно то самое, что̀ во всѣхъ отчетахъ банка опредѣлено словомъ «смежно», и что *смежно* и *отрѣзки* одно и то же, приве-

демъ цифры *о количествѣ собственной и надѣльной земли*, которую имѣли покупщики *до покупки* земли чрезъ банкъ.

	1884 г.	1888 г.	1889 г.
Всѣхъ покупщиковъ было . .	97 т. душъ.	81 т. д.	71 т. д.
Безземельныхъ и имѣвшихъ не болѣе 1½ д. на душу . .	25 » »	24 » »	49 т. д., считая имѣющихъ не болѣе 3 дес.
Имѣвшихъ отъ 1½ до 3 д. . .	22 » »	34 » »	
Болѣе 3-хъ	13 » »	22 » »	

Покупку 1884 г. отчетъ банка характеризуетъ такъ: «42% покупщиковъ принадлежали къ *безусловно малоземельнымъ*. Но, для правильнаго вывода, *къ числу малоземельныхъ слѣдуетъ причислить и тѣхъ крестьянъ губерній малонаселенныхъ или съ почвою худшаго качества, у которыхъ было не болѣе 3-хъ десятинъ*». Такимъ образомъ изъ 97.000 покупщиковъ—безземельныхъ было 47.000.

Почти вся купленная земля была до покупки *сдана въ аренду* (въ 88 изъ 190 сдано въ аренду *мелкимъ* скупщикамъ 67.000 д. и *крупнымъ* 61.000, въ 1884 г. мелкимъ 44.000 и крупнымъ 35.000). *Сами владѣльцы хозяйничали* до продажи земли въ 1888 г. на 71.000 д., въ 1884 г. на 110.000 д.

Не говоря о томъ, что всѣ эти *мелкія и крупныя* аренды были арендованы все тѣми же безземельными, даже и тѣ земли, *на которыхъ хозяйничали сами владѣльцы*, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ Крестьянскаго банка за 1884 г.,—обрабатывались *все тѣми же* безземельными, оплачивавшими своими трудами на владѣльческой землѣ арендную плату за земли, арендованныя у того же владѣльца. «*Повидимому*, продажъ сдѣлано больше тѣми лицами, *которыя сами вели свои хозяйства*. Но это только *повидимому*, такъ какъ помѣщикъ, если и живетъ въ имѣніи и хозяйничаетъ тамъ, то все-таки очень часто сдаетъ *весьма значительную часть земли крестьянамъ*. Такія земли также поступали въ продажу, *но не рѣдко отмѣчаются какъ земли*, на которыхъ самъ собственникъ ведетъ свое хозяйство» (стр. 38).

Итакъ, опытъ дѣятельности Крестьянскаго банка изо дня въ день, изъ года въ годъ указывалъ дѣятелямъ на самыя важнѣйшія, предлежащія имъ задачи, настойчиво сосредоточивая ихъ вниманіе на необходимости коренного исцѣленія повсемѣстнаго народнаго недуга. Но дѣятели не поняли своей задачи и повели безземельнаго не по торной дорогѣ.

III.

Если читатель припомнитъ матеріальное положеніе хотя бы только тѣхъ безземельныхъ крестьянъ, о которыхъ было разсказано въ предыдущей главѣ, — то онъ, конечно, усомнится въ возможности брать съ нихъ *приплату*, т.-е. наличныя деньги, которымъ у нихъ неоткуда и быть. Между тѣмъ *приплата* требуется при началѣ каждой покупки и входитъ въ покупку земли съ тѣми же качествами денегъ, какія имѣютъ и деньги, выданныя банкомъ въ ссуду.

Въ итогѣ всѣхъ отчетовъ Крестьянскаго банка значится сумма, затраченная на покупки крестьянами земель.

Въ 1888 г. на эти покупки израсходовано 6.501.460 р. 9 коп. Эта цифра хотя и свидѣтельствуетъ о размѣрѣ операцій, *сдѣланныхъ банкомъ* въ 1888 г., однакожъ не можетъ быть понята въ томъ смыслѣ, что 6.501.460 израсходовалъ *банкъ*,—нѣтъ, въ этомъ расходѣ *на одинаковомъ* положеніи участвуютъ и банкъ и крестьяне:

	1888 г.	1889 г.
Крестьяне внесли	1.367.291 р.	1.243.872 р.
Банкъ внесъ	5.133.539 »	3.692.133 »
	6.501.460 р.	4.996.006 р.

Очевидно, что покупка земель сдѣлана банкомъ и крестьянами совмѣстнымъ стараніемъ, и что деньги банка и деньги крестьянъ имѣютъ совершенно одинаковое въ покупкѣ значеніе, и что наконецъ покупки не состоялись бы, если бы та или другая изъ покупающихъ сторонъ не «вынули» изъ собственныхъ своихъ кошельковъ необходимыхъ для покупки денегъ. И дѣйствительно, покупая землю совмѣстно, они, оба соучастника, также совмѣстно и тратятъ эти деньги.

	1888 г.	1889 г.
1) На погашеніе долговъ госуд. дворянск. позем. банку, земельн. банкамъ и друг. кредитн. учрежденіямъ	1.418.493 р.	1.047.362 р.
2) На уплату частныхъ долговъ	518.038 »	333.361 »
3) На погашеніе казенныхъ долговъ, разныхъ сборовъ и недоимокъ	146.103 »	68.878 »
4) Выдано на руки продавцамъ земли .	4.418.825 »	3.486.403 »
	6.501.460 р.	4.936.006 р.

Соучастіе въ одномъ и томъ же предпріятіи нѣсколькихъ лицъ доказываетъ, что операціи покупокъ въ Крестьянскомъ банкѣ совершаются, повидимому, по системѣ акціо-

нерныхъ компаній: швейцаръ, купившій на старости лѣтъ акцію Московско-Индійской желѣзной дороги за двѣститриста рублей, точь въ точь такой же соучастникъ въ сооруженіи дороги, какъ и Поляковъ, Меккъ, Варшавскій, Губонинъ, у которыхъ такихъ же акцій сотни и тысячи, и точь въ точь такъ же, какъ Поляковъ, Меккъ, Губонинъ, сообразно количеству акцій, получаетъ проценты и швейцаръ. Если же акціонерное предпріятіе постигнетъ неудача, крахъ, цѣна акцій упадетъ одинаково для всѣхъ акціонеровъ, для Полякова, для швейцара, и, по разверсткѣ проданныхъ матеріаловъ, какъ Поляковъ, такъ и швейцаръ получатъ одинаковое количество копеекъ на каждый затраченный швейцаромъ и Поляковымъ *рубль*. Но какъ бы ни былъ ужасенъ крахъ, швейцаръ все-таки получилъ извѣстную долю своихъ копеекъ, своихъ рублишекъ и вообще не «пропадетъ» хотя бы и на нѣкоторое время.

Въ операціяхъ Крестьянскаго банка, разъ дѣло дошло до ликвидаціи и покупка оказалась неудачной, акціонеръ-крестьянинъ непремѣнно долженъ тотчасъ же «пропасть»; онъ не получаетъ ни единой копейки изъ проданнаго банкомъ имущества, въ пріобрѣтеніи котораго онъ, акціонеръ-мужикъ, несомнѣнно участвовалъ и тратилъ точь въ точь такіе же государственные кредитные билеты, какіе тратилъ и его компаньонъ—банкъ. «Когда же продажа становится фактомъ, *теряются всѣ суммы, внесенныя крестьянами продавцамъ земли въ доплату*»...

Ко всему этому необходимо припомнить, что платежи Крестьянскому банку, въ противоположность опредѣленному размѣру ежегоднаго взноса выкупныхъ платежей, постоянно возрастаютъ въ случаяхъ малѣйшей недоплаты, и если (свидѣтельствуетъ отчетъ 1888 г.) неплатежъ банку продолжится одинъ годъ, то весь онъ приписывается къ капитальной суммѣ, и платежъ слѣдующаго года увеличивается на все количество прибавки, которая иногда достигаетъ до 8%, то-есть 100.000 долга превращается въ 108.000, и платежъ съ 8.000 годовыхъ увеличивается до 8.540 р.

Нельзя не предполагать, что на «неудачныя покупки» израсходованъ не одинъ крестьянскій милліонъ. А что такое означаетъ для крестьянина *милліонъ*, пусть читатель судитъ по нижеслѣдующимъ цифрамъ.

Цифры эти изображаютъ количество *мірскихъ* (государственныхъ и общественныхъ) расходовъ въ Николаевскомъ у., Самарской г. Здѣсь 116.671 платежная душа тратитъ

въ теченіе года на государственные и общественные расходы 1.386.892 р. *), т.-е. немного большее количество тѣхъ доплатъ, которыя внесли Крестьянскому банку 81.319 душъ покупщиковъ въ 1888 г., именно 1.367.921 р.

Возможность такого значительнаго расхода для крестьянъ Николаевскаго уѣзда объясняется количествомъ земли, которымъ они владѣютъ и которое выражается въ весьма солидной цифрѣ 2.868.396 десятинъ (менѣе всей Московской губ. на 92.276 десят.).

Тотъ же крестьянскій милліонъ (1.367.921 р.), который 81.000 душъ внесли Крестьянскому банку въ 1888 году, былъ извлеченъ тяжкимъ трудомъ изъ количества земли, не превышающаго 2 десятинъ на душу, т.-е. 162.000 десятинъ земли (вотъ къ этому основанія: *безземельныхъ* и имѣвшихъ *не болѣе* 1½ дес. на душу было среди покупщиковъ 24.315 душъ, имѣвшихъ отъ 1½ до 3 дес.—34.170 душъ, имѣвшихъ болѣе 3 дес.—22.884 д.).

Выкупной платежъ: за выкупъ 2.868.000 дес. крестьяне Николаевскаго уѣзда ежегодно выплачиваютъ сумму въ 502.977 руб.

Платежъ Крестьянскому банку: въ уплату за покупку 190.460 дес. въ 1888 г. покупщики должны ежегодно выплачивать банку (5.133.539 р. по 7%)—359.345 съ чѣмъ-то руб. процентовъ.

Если же принять во вниманіе, что даже такіе земельные богачи, какъ крестьяне Николаевскаго уѣзда, не въ силахъ одолѣть государственнаго и общественнаго расхода въ 1.386.000 и уже должны, въ прямой себѣ убытокъ, сдавать въ аренду собственныя свои земли (на 116.000), и если, несмотря на все это, богачамъ этимъ все-таки ежегодно не хватаетъ для покрытія 1.386.000 руб., то какія же потребуются усилія для владѣльцевъ 160.000 дес. земли, чтобы уплатить банку безъ малаго ту же сумму, которая необходима на покрытіе *расходовъ цѣлаго уѣзда,* именно 1.367.000 руб., и обременить себя *ежегоднымъ взносомъ* въ 359.000 руб.? **)

---

*) «Юрид. Вѣст.», 1889 г., № 5. Ст. г. Красноперова.

**) Вотъ еще новыя свѣдѣнія о печальныхъ послѣдствіяхъ «неудачныхъ покупокъ». Въ № 5289 «Новаго Врем.» читаемъ: «Въ Западномъ краѣ, по увѣреніямъ знающихъ лицъ. покупка мѣстными крестьянами земель при посредствѣ банка и послѣдовавшее затѣмъ разореніе покупщиковъ не осталось безъ вліянія на развитіе стремленій литовскихъ крестьянъ къ эмиграціи въ Америку, взволновавшей край въ послѣд-

IV.

Нѣтъ сомнѣнія, что милліонныя *приплаты* образуются (какъ о томъ свидѣтельствуютъ всѣ отчеты Крестьянскаго банка) преимущественно изъ займовъ у всякаго рода ростовщиковъ. Изъ отчетовъ Крестьянскаго банка мы узнаёмъ, что ростовщики берутъ съ заемщиковъ иногда 100% въ годъ, а иногда и гораздо болѣе. Взять 1.367 т. р. изъ земли, какъ мы видѣли, дѣло невозможное даже для владѣющихъ количествомъ земли бо́льшимъ, чѣмъ владѣли (до покупки) покупщики, прибѣгнувшіе къ помощи банка въ 1888 г. Очевидно, что долговъ частнымъ лицамъ покупщики

ніе мѣсяцы. Теперь въ «Кіевлянинѣ» мы встрѣчаемъ указанія на продажу черниговскимъ отдѣленіемъ Крестьянскаго банка *одиннадцати* просроченныхъ крестьянами имѣній, купленныхъ ими при содѣйствіи банка. Всего назначено въ продажу 1.456 десятинъ, купленныхъ за 178 т. при ссудѣ банка въ 130 т. На этой землѣ накопилось недоимокъ 15 т., за каковую сумму она и назначена въ продажу. Сумма капитальнаго долга остается въ 118 т. Если сложить цифру оставшагося на купленной крестьянами землѣ капитальнаго долга и сумму недоимокъ,—говоритъ «Кіевлянинъ»:—то окажется, что въ данный моментъ крестьяне должны банку болѣе, чѣмъ вся основная банковая ссуда. Дѣйствительно, банкъ далъ крестьянамъ 130.000 руб. сер., а теперь тѣ же крестьяне должны уже банку 133.000 р. сер., такъ что какъ будто бы не только не произошло здѣсь никакого погашенія, но даже приросли 3.000 р. сер. Теперь возникаетъ такой вопросъ: если черниговскіе крестьяне, и притомъ такихъ плодородныхъ уѣздовъ, какъ Нѣжинскаго и Городнянскаго (продаваемая земля находится главнымъ образомъ въ этихъ двухъ уѣздахъ), оказываются не въ состояніи выполнять предъ банкомъ принятыя на себя обязательства, то насколько возможна здѣсь увѣренность, что назначенная въ продажу Крестьянскимъ банкомъ земля можетъ найти покупателей? «Кіевлянинъ» приводитъ, между прочимъ, интересный примѣръ, объясняющій въ извѣстной степени причину вышеуказаннаго явленія. Одно изъ крестьянскихъ обществъ Черниговской губерніи купило 319 десятинъ за 51.500 руб. Банкъ выдалъ ему въ ссуду за землю 39 тыс., а за уплатой срочныхъ платежей долгъ крестьянъ банку составляетъ около 38 тыс. Теперь эта земля, за недоимку въ 3.784 р., назначена въ продажу, а новые покупщики (изъ крестьянъ) могутъ получить ее за 33.111 руб., т.-е. выгадавши 18 тыс. руб. сравнительно съ первыми покупщиками. Другими словами: банкъ дѣлаетъ теперь то, что̀ долженъ былъ дѣлать раньше, т.-е. понижаетъ цѣну покупаемой при его содѣйствіи земли, но понижаетъ *не нормальнымъ порядкомъ, а за счетъ прежнихъ покупщиковъ-крестьянъ, понижаетъ цѣною ихъ неизбѣжнаго разоренія.* И такое условіе существуетъ относительно всѣхъ продаваемыхъ банкомъ имѣній. Всѣ они могутъ быть оставлены за крестьянами, но уже за сумму значительно меньшую, нежели та, которая выдана была вначалѣ. Такой постановкою дѣла между крестьянами искусственно создается конкуренція, при чемъ прежніе покупщики, нынѣшніе владѣльцы земли, ставятся въ условія значительно худшія, нежели покупщики новые».

сдѣлали на значительныя суммы, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же очевидно, что и купленная земля (не болѣе все тѣхъ же 2-хъ дес.) не даетъ крестьянамъ возможности оплачивать ни стотысячныхъ частныхъ долговъ ни стотысячныхъ банковыхъ взносовъ.

Между тѣмъ съ самаго начала операцій Крестьянскаго поземельнаго банка займы покупщиковъ-крестьянъ и долги *подъ проценты,* какъ увидимъ, очень часто лихвенные, вошли въ процессъ осуществленія покупокъ, какъ бы нѣчто должное и необходимое. И что̀ особенно удивительно,—лихвенными процентами запутываются крестьяне-покупщики изъ-за самыхъ ничтожныхъ, по количеству, остатковъ недоплаты. Въ 1888 г. крестьяне обязаны были доплатить 1.496.000; уплатили при заключеніи купчей 951.000, а не доплаченныя 545.000 были разсрочены (конечно, продавцами) на нѣсколько лѣтъ, *безпроцентныхъ*—176.000 на 3 года, 166.000 на 6 лѣтъ и 71.000 болѣе 6-ти лѣтъ= 413.000, а остатокъ въ 132.000 разсроченъ уже *съ процентами*:

На 3 года.	На 6 лѣтъ.	Болѣе 6 лѣтъ.
6%— 2.000	5%—14.000	7%—3.000
7%— 5.000	6%—19.000	10%—3.000
8%—18.000	7%—22.000	12%—8.000
10%— 2.000	8%—14.000	
12%— 2.000	10%—11.000	

Въ 1889 г. приплата 1.243.000 оплачена при заключеніи купчей крѣпости 1.085.000, безъ процентовъ отсрочено до 3-хъ лѣтъ—130.665 и остатокъ въ 26.078 руб., остатокъ, какъ видитъ читатель, совершенно микроскопическій, однако разсроченъ «до 6-ти и болѣе 6-ти лѣтъ» и съ процентами изъ 4% — 1.200, 5% — 1.400, 6% — 19.480, 7½% — 2.998 и 8%—1.000 руб.

Въ поясненіе этихъ цифръ, въ отчетѣ 1889 г. сказано, что, сравнительно съ прошлымъ, въ 1889 г. преобладали недлинные сроки разсрочекъ и производились *изъ небольшого процента* (15 стр. *).

Если всѣ эти мертвыя цифры превратить въ живыя

*) О значеніи для покупщиковъ размѣра процентовъ, уплачиваемыхъ крестьянами по ссудамъ и займамъ, можно судить по объясненію причинъ уменьшенія ссудъ, указанныхъ въ отчетѣ К. б. за 89 г. «Уменьшенію ссудъ содѣйствовало *пониженіе процентовъ*, взимаемыхъ частными земельными банками, а также и то обстоятельство, что, за переходомъ заемщиковъ изъ дворянъ въ Двор. банкъ,—земельные банки *не безъ успѣха стараются развить свои операціи въ средѣ крестьянской*» (стр. 2).

и разсмотрѣть ихъ въ условіяхъ жизни крестьянина-покупщика, то, несомнѣнно, окажется, что всѣ роды приплатъ, хотя и на разныя манеры, дѣлаютъ одно и то же прискорбное дѣло, т.-е. истощаютъ покупщиковъ въ самый моментъ покупки земли. Если 951.000 крестьяне и внесли собственными своими деньгами, то получить они ихъ могли единственно при помощи продажи скота и всякаго другого имущества; но несомнѣнно, что и въ этомъ взносѣ замѣшались уже долги частнымъ лицамъ, и банку извѣстны только тѣ долги, которые остались на крестьянахъ послѣ заключенія купчей. 545 т., разсроченныя на 3, 6 и болѣе лѣтъ *безъ процентовъ*, яснѣйшимъ образомъ свидѣтельствуютъ, что эти безпроцентные долги крестьяне обязались продавцамъ отработать натурой, а долги, обремененные процентами и, какъ мы видимъ, достигающими до 12 годовыхъ, т.-е. вполнѣ уже беззаконными, доказываютъ, что, несмотря на всѣ жертвы и всевозможные способы добыть денегъ, все-таки не хватило средствъ, неоткуда взять и копейки, чтобы окончательно считать покупку завершенной. Нѣтъ, одна треть доплатъ должна быть растянута на 3, на 6 и болѣе лѣтъ, должна быть растянута потому, что исчерпаны всѣ возможныя и невозможныя средства крестьянъ-покупщиковъ. Спрашивается: если въ моментъ покупки покупщики не одолѣли уплаты 545.000 и закабалились въ долги процентные и безпроцентные, все равно, на многіе годы, такъ изъ какихъ же средствъ они будутъ дѣлать полугодовые взносы въ банкъ по огромнѣйшему долгу 5.133.539? Считая уплату изъ 7% по 115, придется годового платежа безъ малаго 400.000, а въ первое полугодіе, т.-е. когда именно истощены «всѣ средства» и когда покупщикъ еще «не отдышался» отъ хлопотъ, съ него потребуютъ сразу 200.000 р., да и ростовщикъ не попуститъ нерадѣнія о своихъ трехъ тысяченкахъ и потянетъ съ должниковъ свои 12 процентишковъ. И вотъ мы, простые зрители обихода русской жизни, опять читаемъ о прискорбнѣйшихъ фактахъ:

Въ Воронежскомъ отдѣленіи Крестьянскаго банка въ ноябрѣ 1889 года предстоитъ продажа *) съ публичнаго торга 5.369 десятинъ 1.150 кв. саж. земли, *не болѣе трехъ*

*) Въ 1889 г. назначалось въ продажу 116 участковъ, да отъ предыдущихъ лѣтъ подлежало продажѣ 66 уч. = 182. Изъ нихъ 54 внесли недоимку, 63 перенесены на 1890 г. Продано 2 уч. Осталось за банкомъ 73. Ссуды подо всѣ оставшіеся за банкомъ уч. 5.239.869, не внесено доплаты 559.805. Земли—84.784 десят.

лѣтъ купленной крестьянами при помощи Крестьянскаго банка. При покупкѣ 5.362 десятинъ, расположенныхъ въ шести отдѣльныхъ участкахъ, крестьяне внесли бывшему своему владѣльцу собственныхъ своихъ денегъ 13.477 р., остальную же сумму, до оплаты полнаго размѣра покупки, 389.622 руб., уплатилъ тому же владѣльцу Крестьянскій банкъ. Въ три года на крестьянахъ накопилось 55.622 р. 70 к. и, вслѣдствіе явной невозможности увеличенія такого долга, земля назначена въ продажу. Въ настоящее время (въ августѣ 1889 г.) *крестьянами засѣяно подъ озимое 793 дес. 12 с.*» («Ворон. Тел.»).

Читая о такого рода «потрясеніяхъ», обыватель, не имѣющій возможности понять ихъ, не можетъ однако не спросить у газетнаго столбца, извѣщающаго о «потрясеніи»: «сколько же крестьяне потеряли?»—Потеряли они очень и очень много. Во-1-хъ, всѣ 13.477; во-2-хъ, 793 дес. озимаго посѣва, и въ-3-хъ, всѣ взносы въ Крестьянскій банкъ. Разсчитывая уплату 7% годовыхъ по ссудѣ въ 389.000, получится около 26.000 р. ежегоднаго взноса; за три года, слѣдовательно, они должны были внести 78.000, и если недоимка банку опредѣлена въ 55.000, то, стало-быть, они уже уплатили ему 23.000 руб. Въ дѣйствительности они уплатили гораздо больше, такъ какъ, послѣ годового неплатежа, сумма его приписывается къ капитальному долгу и % платятся уже съ увеличившейся суммы; наконецъ и всѣ недоплаченные въ теченіе года взносы также приписываютъ къ долгу и увеличиваютъ размѣры ежегоднаго взноса. Но если и этихъ особенныхъ надбавокъ мы не поставимъ въ счетъ, то все-таки потрясеніе обойдется крестьянамъ въ немалую копейку: отнята земля, посѣвъ и 36—40.000 денегъ,—т.-е. произойдетъ то самое, что съ полною ясностью изображено въ отчетѣ 1888 г., т.-е. неминуемое потрясеніе.

«Потрясенія» эти очевидно и несомнѣнно производятъ на участниковъ въ операціяхъ покупокъ земель—судя по отчетамъ послѣднихъ лѣтъ—самое удручающее впечатлѣніе и изображаются, какъ нѣчто неожиданное, непредвидѣнное и рѣшительно несоотвѣтствующее надеждамъ, ожиданіямъ и цѣлямъ банка. Но въ чемъ заключались и заключаются эти дѣйствительныя цѣли, не влекущія къ «*неожиданнымъ* потрясеніямъ»,—этого въ отчетахъ Крестьянскаго банка, къ сожалѣнію, вовсе не видно.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

I. „Пока-что“.

I.

«Коли тебя Богъ убилъ, то и молчи! Молчи и живи, пока-что!»

Такія мысли, съ полною точностью выражавшія мое душевное настроеніе, стали пріобрѣтать какую-то поистинѣ непоколебимую стойкость и неотразимую ясность по мѣрѣ того, какъ обыкновенный пассажирскій поѣздъ Царицынской дороги, направлявшійся къ Калачу, увозилъ меня отъ шумныхъ и оживленныхъ картинъ Волги и волжскихъ пристаней въ глубь безлюдной и пустынной донской степи.

Какимъ путемъ пришелъ я къ мысли о томъ, что надо жить такъ, чтобы «не касаться», здѣсь говорить не мѣсто, но настоятельность такого рода поведенія ощущалась мною въ столь сильной степени, что я, взявъ билетъ въ Петербургѣ до Москвы, не рѣшился однакожъ заглянуть по пути въ этотъ городъ, опасаясь въ пріятельскомъ разговорѣ вновь взволноваться вопросами, которые (я теперь зналъ положительно) совершенно для меня не подходящи, не нужны, которые рѣшительно надобно выкинуть изъ головы разъ навсегда. Вотъ почему, добравшись до Бологова, я пересѣлъ въ рыбинскій поѣздъ, а затѣмъ добрался до парохода и на пароходѣ, едва-едва прикасаясь къ пристанямъ городовъ, селъ и деревень, тихо, смирно, молчаливо проѣхалъ всю Волгу до Царицына, а вотъ теперь и изъ Царицына ѣхалъ «пока - что» въ Калачъ, полагая,

что и изъ Калача какъ-нибудь Господь дастъ мнѣ куда-нибудь поѣхать...

И на мое счастье мѣста, въ которыхъ мнѣ пришлось очутиться, благодаря смиреннѣйшему повиновенію пароходамъ и желѣзнымъ дорогамъ, привозившимъ меня туда, куда имъ было угодно, тогда, когда угодно, и увозившимъ точно также по собственному назначенію,—мѣста эти оказались самыми подходящими къ моему тогдашнему настроенію. Не говоря уже о томъ, что царицынскій вагонъ второго класса, въ которомъ я сидѣлъ, былъ совершенно пустъ и мои смиренныя мысли не были перебиваемы никакими разговорами, — не нарушила моего душевнаго настроенія и природа окружающихъ степей: на эту пустыню и въ ея пустынную даль можно было смотрѣть цѣлыми часами и не получить ровно никакого впечатлѣнія. Къ чести того мѣста, которое въ географіяхъ именуется Калачомъ, также необходимо сказать, что и онъ ничѣмъ не покусился на нарушеніе моего душевнаго спокойствія и также не произвелъ ровно никакого впечатлѣнія: стоятъ какія-то хибарки и стоятъ такъ, чтобы никоимъ образомъ не сосредоточивать вашего вниманія на чемъ-нибудь опредѣленномъ: одна хибарка стоитъ бокомъ къ другой, а эта другая повернулась задомъ къ третьей. Словомъ, хибарки разставились такъ своевольно и съ такимъ своевольнымъ задоромъ и прихотью, что какъ бы прямо говорятъ зрителю: «Не твое дѣло разбирать! Проваливай!» И зритель охотно проваливаетъ мимо, нисколько не сожалѣя, что не получилъ никакого опредѣленнаго впечатлѣнія.

Такимъ образомъ безъ всякихъ впечатлѣній удалось мнѣ достигнуть и до пароходной пристани, при чемъ оказалось, что парохода нѣтъ, что онъ ушелъ ночью, и что слѣдующій разъ онъ пойдетъ ровно на пятыя сутки. И это извѣстіе не произвело на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія: зачѣмъ мнѣ непремѣнно ѣхать сейчасъ, и почему я долженъ дорожить какими-то пятью сутками? У меня пропадали даромъ десятки лѣтъ, а тутъ какія-то пять сутокъ! И притомъ куда мнѣ спѣшить? Зачѣмъ? Спѣши не спѣши, а толку все равно никакого не будетъ! Пробовалъ я на своемъ вѣку спѣшить, и все ничего нѣтъ, такъ отчего же не попробовать другого, т.-е. просто-напросто «взять» да и не спѣшить никуда? Въ этихъ соображеніяхъ я самымъ спокойнымъ образомъ сѣлъ на пароходной конторкѣ на собственный свой чемоданъ. Сѣлъ и сижу.

Мѣсто, гдѣ стоитъ конторка, тихое, молчаливое, да и вечеръ былъ тихій, молчаливый, неподвижный; только гуси полоскались и гоготали около береговъ и колесъ буксирныхъ пароходовъ, да утка гдѣ-то вопіяла на противоположномъ берегу. Пристань стояла не на Дону, а въ его притокѣ, небольшой, глубокой, узкой рѣчкѣ. Донъ виднѣлся слѣва. Всѣ берега были завалены дровами, лѣсомъ, досками.

— Что-жъ вамъ, господинъ, такъ-то сидѣть, — сказалъ мнѣ носильщикъ: — вамъ бы хоть въ гостиницу пойти? Не угодно ли, я васъ проведу?

Не знаю, угодно ли было мнѣ что-нибудь, но я видѣлъ, что носильщику моему что-то угодно, и ослушаться его не посмѣлъ.

Гостиница была прелестна: на баржѣ, стоявшей на водѣ, были выстроены преудобныя комнаты для проѣзжающихъ, а при нихъ столовая и буфетъ. Вся эта гостиница плавала на водѣ и привлекала уютомъ, тишиной и всѣми удобствами уединенія. Не только пять дней можно было бы прожить въ ней при подспорьѣ смиренномудрыхъ мыслей, а положительно все то время, которое опытъ моей прошлой жизни рисовалъ мнѣ въ будущемъ на долгіе годы, подъ общимъ опредѣленіемъ «пока-что».

Часа два я съ истиннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ изъ окна этой гостиницы на воду, на крутой берегъ, на бѣлыхъ гусей, усѣвшихся на колесѣ американскаго парохода «Петръ Великій», и сидѣлъ бы такъ, быть-можетъ, всю ночь, если бы носильщикъ, гораздо болѣе заботившійся обо мнѣ, чѣмъ я самъ заботился, не явился ко мнѣ съ новымъ предложеніемъ:

— Да вамъ не лучше ли на буксирѣ ѣхать? Буксиръ пойдетъ завтра и придетъ въ Ростовъ въ будущій вторникъ. Положимъ, что и тотъ пароходъ, который въ субботу отсюда выйдетъ, также придетъ во вторникъ, да вамъ-то чего же жить понапрасну? По крайности, не сидѣть, а ѣхать.

Настроеніе, въ которомъ я находился, не могло мнѣ, конечно, указать никакого выбора въ этихъ доводахъ носильщика. Не ѣздилъ ли я въ своей жизни къ сроку и безъ проволочекъ? Ѣздилъ—и ничего особеннаго изъ этого не вышло. Что̀ я проиграю, если просижу праздно пять дней? Ничего! Пробовалъ я не сидѣть праздно, а толку все-таки не вышло. Будетъ ли лучше, если я поѣду буксиромъ и пріѣду въ Ростовъ вмѣстѣ съ пароходомъ, кото-

рый меня обгонитъ и догонитъ? И обгонялъ я и перегонялъ, и опять-таки не нахожу въ этомъ ничего существенно полезнаго. Слѣдовательно мнѣ лично все равно: ѣхать ли на буксирѣ, сидѣть ли въ гостиницѣ, ждать ли пять дней, или ѣхать семь, или не ѣхать — результатъ одинъ и тотъ же. Но носильщику нужно чего-то отъ меня, и опять я покорился его волѣ.

По волѣ носильщика я былъ водворенъ на буксирный пароходъ; онъ же заботился о томъ, чтобы я дорогой не умеръ съ голоду, и вошелъ въ соглашеніе по этому случаю съ поваромъ-матросомъ; купилъ мнѣ двѣ куропатки и изжарилъ ихъ въ гостиницѣ; купилъ чаю, сахару, булку и, когда все это было готово — указалъ мнѣ мѣсто въ какой-то каморкѣ около машины, сказавъ: «Счастливо! Покачтò, все лучше ѣхать, чѣмъ такъ-то зря сидѣть!»—и ушелъ. Я же легъ на предназначенное мнѣ мѣсто и, убѣжденный, что повиновеніе лучше неповиновенія, заснулъ сномъ праведника. Рано утромъ стукъ машины, оказавшейся за стѣной, около которой я спалъ, заставилъ меня открыть глаза; слышенъ былъ шумъ воды, и я убѣдился, что, повинуясь персту Провидѣнія, я куда-то ѣду...

II.

Остановился какъ-то нашъ пароходъ около пристани небольшого волжскаго городка. Пока шла обычная нагрузка и выгрузка, наша пароходная публика, самаго разнокалибернаго сорта, успѣвшая уже погулять по пристани и посмотрѣть, чтò именно продаютъ тамъ разныя торговки, небольшими группами сидѣла и гуляла по верхней галлереѣ (пароходъ былъ американскаго типа), глазѣя на воду, на городъ и на пристань. Городъ лежалъ на высокой горѣ, по покатости которой темнѣлся большой неправильный лоскутъ городского сада. Между деревьями мелькали огоньки, и до парохода доносились звуки музыки.

Звуки эти были довольно страннаго свойства: скрипки кларнеты, флейты пищали и кудахтали, напоминая курятникъ, въ который забралась кошка и произвела переполохъ между курами и пѣтухами, а иной разъ казалось, что всѣ эти куры просто несутся и притомъ изъ всѣхъ силъ. Но среди этихъ куриныхъ воплей оркестра совершеннымъ особнякомъ выдѣлялись звуки какой-то трубы. Звуки ея были рѣзкіе, отрывочные, топорные, крѣпкіе, обрубленные, точно хорошія березовыя полѣнья, и труба

разбрасывала эти полѣнья-звуки, повидимому, вполнѣ произвольно: то бросить вверхъ, то внизъ, то въ сторону, то черезъ Волгу, то наконецъ въ средину самого курятника-оркестра, что̀ производило въ немъ переполохъ уже совершенно неистовый. Юмористическое направленіе всей этой музыки собрало около перилъ верхней площадки нѣсколько зѣвакъ, которые, глазѣя на берегъ и слушая трубу, перекидывались между собою разными замѣчаніями и остротами. Наконецъ труба издала какой-то до крайности короткій и грубый звукъ, точно полѣно, которое она хотѣла выбросить, упало гдѣ-то тутъ, около самой трубы въ траву, и кудахтанье оркестра замолкло.

— Ну, теперь, надо-быть, и стадо начнетъ собираться!— сказалъ какой-то изъ слушателей, человѣкъ, похожій на мѣщанина. Онъ все время толкался по галлерейкѣ, дѣлая мимоходомъ разныя замѣчанія и не переставая ѣсть подсолнухи, поплевывая скорлупу куда попало.

— Это ты про какое-такое стадо бормочешь? — также съ подсолнухами въ рукахъ, небрежно и, очевидно, отъ-нечего-дѣлать спросилъ его сосѣдъ, такой же мѣщанскаго типа человѣкъ, какъ и первый.

Первый мѣщанинъ, плутоватое лицо котораго довольно бойко глядѣло изъ-подъ сдвинутаго къ правому глазу сплюснутаго картуза, нѣсколько секундъ довольно тупо смотрѣлъ на вопрошавшаго сосѣда и наконецъ наставительнымъ тономъ проговорилъ:

— Ты не знаешь, что̀ такое означаетъ стадо? Ты что-жъ, нешто не бывалъ въ деревнѣ, нешто не знаешь, какъ «пастухъ выйдетъ на лужокъ да заиграетъ во рожокъ»? Что̀ тогда происходитъ? Тогда происходитъ очень просто: идетъ къ пастуху скотина, идетъ, напримѣръ, овца, свинья, корова... Понялъ теперь?

Плутоватый мѣщанинъ, давъ собесѣднику такое наставленіе, выбросилъ въ воду цѣлую горсть шелухи и, зачерпнувъ въ карманѣ свѣжую горсть подсолнуховъ, повторилъ:

— Теперь понимаешь, что̀ такое означаетъ стадо?

— Ты чего дурака-то ломаешь? ты про какое стадо говорилъ, когда труба играла?

— Да ты чѣмъ слушаешь-то, ухомъ или брюхомъ? Я тебѣ объясняю, что въ деревнѣ, коль скоро заиграетъ пастухъ, то начинаетъ собираться скотина. Въ образованномъ же высшемъ обществѣ, когда затрубитъ труба, то

долженъ ты, глупый человѣкъ, понять, что въ этомъ случаѣ не какая-нибудь овца идетъ на бульваръ, но отборный сортъ высшаго полета... Кабы ты слушалъ ухомъ, а не брюхомъ, — ты бы не смѣлъ этого сказать. Потому ты долженъ уважать! Видишь, вонъ, изъ-подъ горки, идетъ на бульваръ господинъ въ пинжакѣ? Видишь? Онъ утомленъ высшимъ образованіемъ, отъ этого и влѣзаетъ на гору, словно муха изъ банки съ вареньемъ... Эй, труба! стукни хорошенько! подбодри господина, подшвырни его наверхъ къ бульвару!.. Слѣдовательно зря болтать нельзя, а надобно сначала расчухать!

Но не только собесѣдники, а и прочая случайная публика, кажется, «расчухала» ироническую рѣчь мѣщанина и одобряла его веселымъ смѣхомъ. Это одобреніе отражалось на плутоватомъ мѣщанинѣ въ развязности, съ которою онъ сталъ смотрѣть на публику, и въ слишкомъ безцеремонномъ бросаніи подсолнечной скорлупы по сторонамъ. Но скоро этой развязности былъ положенъ предѣлъ.

— Что̀ такое ты тутъ болтаешь? — сказалъ какой-то господинъ земскаго, такъ сказать, типа, сидѣвшій неподалеку на деревянномъ диванчикѣ рядомъ съ пожилымъ сельскимъ священникомъ.

— Какое стадо? что̀ такое образованное общество?

Мѣщанинъ на мгновеніе смутился, но, оправившись, тотчасъ же отвѣчалъ довольно бойко:

— Это, вашескобродіе, не мои слова!.. Это я вычиталъ въ фельетонѣ... Далъ мнѣ одинъ баринъ газету на папиросы, такъ тамъ очень удивительно хорошо описано, какъ, напримѣръ, высшій свѣтъ, подобно какъ въ деревнѣ для скотины пастухъ, такъ...

— Ого какъ!—сказалъ господинъ земскаго типа:—даже въ фельетонахъ вкусъ узналъ!

— Обожаю, вашескобродіе, кто ежели хорошо на губахъ играетъ!

— Такъ что-жъ ты надъ стадомъ-то образованнымъ издѣваешься? Самъ изъ образованнаго свиного стада, а что-то смѣешь бормотать?..

— Въ нашихъ мѣстахъ, вашескобродіе, свиней не держутъ-съ!

— Да вѣдь въ вашихъ мѣстахъ, должно-быть, всѣ свиньи?..

— Иное мѣсто и человѣкъ бываетъ-съ!..

— Еще бы! Иной человѣкъ въ вашихъ мѣстахъ хуже,

пожалуй, свиньи бываетъ!.. Ты вотъ, положимъ, человѣкъ, а ужъ непремѣнно грабишь по какой-нибудь части?

— Такъ точно, вашескобродіе, по хлѣбной части-съ грабимъ!

— Ну вотъ! Это ты, стало-быть, теперь на охоту за мужикомъ ѣдешь? Обмѣривать, обвѣшивать? Подъ вѣсы колышки подставлять? въ мѣркахъ дырки вертѣть? А не то такъ и прямо шкуру драть съ живого и мертваго?.. У васъ гдѣ Богъ-то? Здѣсь?

Господинъ, говорившій все это хотя и съ улыбкой, но съ примѣсью примѣтной ядовитости, при словѣ «здѣсь» хлопнулъ себя по боковому карману и продолжалъ:

— Здѣсь? въ карманѣ?

Плутоватый мѣщанинъ поплевывалъ и соображалъ...

— Содралъ шкуру—въ карманъ! Ободралъ его до костей—въ карманъ!

— И вѣрно-съ!—перебилъ плутоватый мѣщанинъ обличительную рѣчь господина.—Мы завсегда, ежели сдеремъ шкуру, то стараемся присоединить ее въ карманъ; но не такъ, какъ высшаго полета прочіе люди, которые, коль скоро выхватятъ кусокъ изъ банка, ту-жъ минуту пущаютъ капиталъ не въ карманъ, а за галстукъ!

Дружнымъ смѣхомъ отвѣтила публика на удачный для плутоватаго мѣщанина оборотъ разговора. До сихъ поръ господинъ, очевидно, припиралъ мѣщанинишку къ стѣнѣ, посылая ему неотразимые упреки въ кулацкихъ качествахъ, и, вѣроятно, осрамилъ бы его до конца, отмстивъ такимъ образомъ за насмѣшливую болтовню объ образованныхъ людяхъ, если бы мѣщанинишкѣ не пришло въ голову сразу перейти въ обличители изъ обличаемаго. Среди всеобщаго хохота слышался и смѣхъ господина, который также сумѣлъ не обидѣться.

— Вотъ это вѣрно!—говорилъ онъ во всеуслышаніе.— Что̀ вѣрно, то вѣрно. Вы съ какимъ-нибудь двугривеннымъ обдерете цѣлую округу, а мы, братъ, и съ сотнями тысячъ не сумѣемъ надуть васъ на гривенникъ! Это, братъ, вѣрно и умно! Право, умно!..

Выскользнувшій изъ непріятнаго положенія мѣщанинъ пріободрился и, усѣвшись на деревянномъ диванчикѣ, который освободился послѣ земца и батюшки, толкавшихся теперь въ толпѣ, принялся дѣлать папиросу и говорилъ голосомъ не плутоватаго болтуна, а какъ бы чѣмъ-то обиженнаго человѣка:

— Умно! Удивительно какое дѣло—нашелъ въ простомъ мужикѣ умъ! Это которымъ прочимъ, дѣйствительно, можно жить безъ своего ума: пошелъ въ банкъ, нарѣзалъ себѣ мѣшка два хорошаго купону—вотъ тебѣ и умъ! А нашему брату жить безъ своего ума даже и одной минуты не приходится. «Мужикъ — дуракъ!» А Ломоносовъ не мужикъ? Почитай-ка-сь, какъ онъ произошелъ изъ дураковъ-то на высшую степень... А нониче нашему брату, дѣйствительно, носъ сломаютъ, а не то, чтобы...

— Вѣрно!—сказалъ кто-то басомъ твердо и рѣшительно, и вслѣдъ затѣмъ закипѣлъ живой общій разговоръ.

— Нельзя, нельзя, нельзя!—надсѣдаясь, кричалъ, спустя нѣкоторое время, земецъ.—Нельзя всѣмъ быть чиновниками!.. Не хватитъ никакихъ средствъ.

— Да позвольте, — возражалъ ему батюшка: — что̀ же это все—«жалованье», «жалованье»? Этимъ дѣло не исчерпывается! Человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію...

— Вѣрно!—повторилъ тотъ же твердый и рѣшительный голосъ.

— А образъ Божій неотъемлемъ отъ Божіей премудрости... Какимъ же родомъ можно отнять премудрость отъ образа человѣческаго?

— Вѣрно!—гремѣлъ голосъ.

— Вѣдь «премудрость» обязательна для человѣка, разъ онъ по образу Божію сотворенъ, а не то что...

— Вотъ то-то и оно-то!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

Это выраженіе было какъ бы сигналомъ для того, чтобы ясная и живая рѣчь собесѣдниковъ мгновенно замѣнилась мимикой. Всеобщая инстинктивная потребность въ мимикѣ почувствовалась всѣми (какъ это я замѣчалъ множество разъ) именно въ тотъ моментъ разговора, когда собесѣдникамъ стала совершенно ясна цѣль бесѣды, когда у каждаго прихлынулъ къ памяти огромный наболѣвшій опытъ жизни, — словомъ, когда именно и долженъ бы былъ начаться настоящій, полный жизненнаго интереса разговоръ. Но наша мысль привыкла, пока - что̀, останавливаться именно передъ самою-то сутью дѣла, привыкла ждать, годить и ограничиваться мимическимъ рѣшеніемъ вопроса.

— А между тѣмъ что̀ мы видимъ?—спрашивалъ батюшка и многозначительно умолкалъ.

— То-то и оно-то!—кричали всѣ хоромъ.

— Не въ этомъ ли самая суть дѣла? — вопрошалъ батюшка, стукая въ полъ палкой.—А между тѣмъ...

— Тутъ-то вотъ оно и есть! — говорилъ купецъ, тряся пальцемъ у самаго пола. — Оно-то вотъ въ эфтомъ и состоитъ!

— Да! въ эфтомъ, въ эфтомъ, а между тѣмъ—что̀?

— Что̀? то-то и оно-то!

И затѣмъ пошла уже чистая мимика: купецъ молча трясъ пальцемъ, указывая куда-то въ полъ и кивая головой въ сторону; батюшка упорнымъ взглядомъ обводилъ публику и стучалъ палкой, стараясь попадать въ одно мѣсто; земецъ пожималъ плечами; мѣщанинишка тоже тряхнулъ головой, нервно снялъ шапку, плюнулъ за бортъ и надѣлъ шапку опять. Во время этой пантомимы всѣ смотрѣли другъ на друга выразительными взглядами, давая другъ другу понять всю многозначительность вопроса, и затѣмъ понемногу разошлись, не переставая поматывать головами, пожимать плечами и многозначительно вздыхать.

— То-то вотъ и оно-то!—закончилъ мѣщанинъ рѣшеніе одного изъ существеннѣйшихъ вопросовъ современности.

Черезъ нѣсколько времени я опять случайно встрѣтился съ батюшкой; онъ сидѣлъ въ залѣ второго класса за столикомъ, освѣщеннымъ электрической лампочкой, передъ нимъ стоялъ чай, а самъ онъ читалъ какія-то книжки. Мы скоро съ нимъ разговорились. Книжки, которыя читалъ батюшка, были двѣ тоненькихъ брошюры: одна свящ. Иванцова-Платонова о соціализмѣ и христіанствѣ, другая книжка г. Таранцева—«Въ мастерской».

— Вотъ,—сказалъ мнѣ батюшка ласково:—будьте добры... потрудитесь немного... прочитайте вотъ тутъ и тутъ.

Онъ открылъ мнѣ страницу и указалъ, гдѣ читать.

«Объявляя мнѣ о томъ, что хочетъ отдать меня фортепіанному мастеру,—читалъ я:—отецъ не преминулъ сказать, что избранное имъ для меня ремесло есть высокохудожественное, благородное и благодарное; что посредствомъ его я буду имѣть доступъ въ такіе чертоги, куда грязные мальчишки другихъ ремеслъ и носа не смѣютъ показать...»

— Это пишетъ сынъ военнаго писаря! — тихо проговорилъ, въ поясненіе дѣла, батюшка.—Теперь вотъ и другое мѣсто посмотрите, когда писарю не удалось опредѣлить своего ребенка въ фортепіанную мастерскую, и онъ повелъ его къ сапожнику... Вотъ тутъ!

«Подмѣтивши во мнѣ,—читалъ я: — пристрастіе къ вырѣзыванію и сшиванію кожи, отецъ мой рѣшилъ, что быть мнѣ сапожникомъ. *По словамъ отца, сапожникъ—это даръ*

Божій, ниспосланный человѣчеству, ибо безъ сапожника арміи были бы босы, да и все человѣчество ходило бы съ распухшими отъ насморка носами и пораженными ревматизмомъ ногами; однимъ словомъ, безъ сапожника жизнь была бы не въ жизнь».

Батюшка, пристально и нѣжно улыбаясь, смотрѣлъ на меня, когда я взглянулъ на него, окончивъ теченіе.

— Ну, что вы находите? Вѣдь это безподобнѣйшія строки! Здѣсь отецъ, писарь, очевидно, бѣднѣйшій человѣкъ, нуждающійся въ кускѣ хлѣба, съ горемъ на сердцѣ, даже со слезами на глазахъ принужденъ отдать свое дитя на съѣденіе какому-нибудь мастерству... Неужели онъ не знаетъ, что его ребенку ничего, кромѣ горя, страданія, мукъ, не будетъ въ предстоящей ему жизни? Знаетъ и прекрасно знаетъ! Но въ немъ есть Богъ! Онъ не хочетъ убить душу въ ребенкѣ, онъ своимъ лганьемъ и выдумками о тѣхъ чертогахъ и о всемірномъ значеніи сапожника хочетъ только облегчить ему каторжный трудъ изъ-за хлѣба... Вѣдь каждый ребенокъ, въ какой бы страшной обстановкѣ онъ ни жилъ, онъ всегда слышитъ обѣщаніе: «будешь въ золотѣ ходить!» Жизнь трудна, ужасна, говорить нечего, но, кромѣ матеріальныхъ невзгодъ, есть еще и духовныя радости... Человѣку нельзя запретить надѣяться—тогда уже совсѣмъ страшно жить! Если въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, а главное—на порогѣ школы, то-есть мѣста, откуда начинается развитіе нравственныхъ силъ человѣка, его дарованій, нисколько не зависящихъ отъ его матеріальнаго положенія, если на зарѣ дѣтской мечты, иногда единственной надежды человѣка, прихлопнуть его перспективой мрака нищеты... доказать бѣдному ребенку неизбѣжность и безнадежность его жизни,—это будетъ черное дѣло! А между тѣмъ...

Батюшка взволновался, покраснѣлъ и остановился. И я уже самъ долженъ былъ закончить нашу бесѣду, сказавъ:

— То-то вотъ оно и есть!..

— Вотъ то-то и оно-то!—прибавилъ батюшка и сдѣлалъ крѣпкую понюшку табаку съ довольно тенденціознымъ жестомъ.

И такимъ образомъ опять мы порѣшили жгучій вопросъ посредствомъ мимики.

III.

А вѣдь какія, въ самомъ дѣлѣ, иной разъ славныя мысли слышатся въ разговорахъ и сужденіяхъ самой, повидимому, неразвитой среды русскихъ людей. Образованному, настоя-

щимъ образомъ развитому человѣку мысли эти, очень можетъ-быть, покажутся вовсе не диковинными, но вѣдь почти всѣ милліоны русскаго простого люда вовсе необразованы; никто и никогда путемъ его ничему не училъ, и въ тѣхъ многосложныхъ, новыхъ явленіяхъ жизни, которыя идутъ на него одно за другимъ послѣ освобожденія крестьянъ, онъ положительно долженъ справляться исключительно своимъ собственнымъ умомъ. Книга навѣрное въ тысячу разъ облегчила бы эту работу народнаго ума, но вѣдь книги-то нѣтъ, за исключеніемъ «краткихъ» нравоученій, и необразованный русскій человѣкъ волей-неволей, съ страшными усиліями и напрасной тратой огромнаго количества умственныхъ силъ, рѣшаетъ трудные, новые, небывалые вопросы жизни исключительно собственными средствами.

И какія прекрасныя, теплыя мысли, планы и «прожекты» возникаютъ въ иной простой головѣ, быть-можетъ, именно потому, что этой головѣ не пришлось еще, благодаря подлинному знанію, настолько испугаться тайны жизни, чтобы не предпочитать свѣтлыхъ мечтаній тоскѣ черной дѣйствительности. Въ городѣ Парижѣ нѣкто Пранцини убилъ двухъ женщинъ, обобралъ ихъ и сталъ кутить въ публичномъ домѣ; за это его схватили, судили и потомъ отрубили голову, и послѣ того, какъ ужъ онъ былъ мертвъ, съ него сняли кожу, потомъ кто-то эту кожу (или кусокъ ея) укралъ, выдубилъ, какъ сафьянъ, и надѣлалъ портсигаровъ, которые и вошли въ моду. Вотъ одно изъ тѣхъ маленькихъ событій нашихъ дней, которыя печатаются въ газетахъ мелкимъ шрифтомъ и, прочитавъ которое, мы рѣшительно не ощущаемъ ничего, кромѣ самаго непродолжительнаго непріятнаго ощущенія въ нервахъ. Между тѣмъ все, что сосредоточено около этого человѣка, весь этотъ развратъ, деньги, кровь, ножъ, гильотина и человѣчья кожа въ видѣ портсигара, все это, внимательно разсмотрѣнное, объясненное, изученное, должно бы было потрясти насъ зрѣлищемъ язвъ, разъѣдающихъ современный строй жизни: вѣдь это все были живые люди, живыя души человѣческія! Что же превратило ихъ въ кучи мяса и дубленой кожи? Но, повторяю, это мелкимъ шрифтомъ напечатанное ужасное дѣло не трогаетъ насъ такъ, какъ какая-нибудь «мечтательная» попытка дать каждому англичанину «три акра земли и корову», или сдѣлать землю національною собственностью. Читая о такого рода мечтаніяхъ, мы чувствуемъ, что въ нихъ что-то несбыточно, и человѣкъ, который намѣренъ

отстаивать свою мечту,—мечтатель, вредный мутитель общественнаго спокойствія, и даже это маленькое газетное извѣстіе объ ужасной свалкѣ человѣческихъ изрѣзанныхъ развратныхъ тѣлъ, мясъ и кожи, обдѣланной для портсигаровъ, кажется намъ только курьезнымъ случаемъ и вовсе не наводитъ на мысль о томъ, что наконецъ позволительно же помечтать о чемъ-нибудь лучшемъ.

Вотъ и теперь мнѣ хочется пересказать одинъ очень любопытный разговоръ съ однимъ любопытнымъ чудакомъ; а мнѣ кажется, что хорошія мысли, которыя я отъ этого чудака слышалъ, покажутся неправдоподобными. Вѣдь не повѣрили же нѣкоторые изъ читателей разсказу г. Тимощенкова о крестьянинѣ Захарѣ Абрамычѣ Землѣ, о которомъ я недавно писалъ. Не повѣрили, что богатый мужикъ не зналъ, куда дѣвать деньги, и что онъ, узнавъ ихъ значеніе, употребилъ ихъ не такъ, какъ обыкновенно принято: вмѣсто того, чтобы ими притиснуть человѣка, задумалъ сначала дать ему жизнь, а потомъ ужъ и получить съ него, что̀ слѣдуетъ. И этому-то скромнѣйшему мечтанію многіе рѣшительно не повѣрили, и рѣшительно никто не повѣрилъ тому, что Земля не зналъ, куда дѣвать деньги, тогда какъ кубышка съ деньгами, зарытая въ землю, навѣрно, извѣстна всякому. Кто не знаетъ, что въ старину богатый мужикъ, наживъ деньги, первымъ и послѣднимъ долгомъ своей жизни считалъ необходимостью запрятать этотъ капиталъ въ кубышку и кубышку запрятать въ землю (земля и въ землю пойдеши!), и что этой операціей оканчивалось (да и теперь это не рѣдкость) всякое народное «капиталистическое производство». Не повѣрили, что можно пріобрѣсть тысячи десятинъ земли по 70 к. десятину, а вотъ когда на нашихъ глазахъ происходило расхищеніе башкирскихъ земель, и не по 70 к. за десятину, а по 8, при чемъ расхищены милліоны десятинъ,—это не возбуждаетъ недовѣрія и сомнѣнія; когда намъ говорятъ, что можно расхитить милліоны десятинъ земли, мы соглашаемся и говоримъ: «можно!». Когда намъ говорятъ, что можно убить человѣка, снять съ него кожу, надѣлать портсигаровъ изъ дубленой человѣчины,—мы и тутъ не выкажемъ сомнѣнія; но когда намъ говорятъ, что какой-то человѣкъ хотѣлъ не расхитить и истощить землю, а оживить ее,—это намъ кажется пустяками; когда говорятъ, что трудящійся человѣкъ не желаетъ идти торной дорогой хищничества и не знаетъ, куда дѣвать капиталъ,—это намъ кажется безсмыслицей и лганьемъ.

Ожесточилося сердце наше, и недаромъ германскіе патріоты поднесли г. Бисмарку *желѣзный букетъ* (тоже мелкимъ шрифтомъ было напечатано)! Желѣзный букетъ—это знаменіе времени: что̀ такое живые цвѣты? Утопія! А вотъ желѣзныя фіалки, свинцовые ландыши, это—прочное, вѣрное, настоящее, это—правда, а живые цвѣты—неправда. Ожесточилося сердце наше.

Но ожесточилось не у всѣхъ, а въ народной средѣ и подавно. Изъ числа такихъ неожесточившихся мечтателей особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на меня одинъ чудакъ, раскольникъ, котораго мнѣ случайно пришлось встрѣтить во время описываемой теперь поѣздки. Къ какому раскольничьему толку онъ принадлежалъ, я не знаю, и не зналъ бы даже, что онъ раскольникъ, если бы онъ такъ не называлъ себя. Изъ разговоровъ его мнѣ стало извѣстно еще, что онъ принадлежитъ къ богатой торговой семьѣ, имѣющей въ разныхъ мѣстахъ Россіи фабрики, заводы, паровыя мельницы. Самъ онъ, какъ видно, не былъ «приставленъ» ни къ одному изъ семейно-торговыхъ дѣлъ «вплотную», а больше толкался среди этихъ дѣлъ, больше размышлялъ о нихъ, чѣмъ содѣйствовалъ ихъ развитію. Онъ былъ холостъ, лѣтъ сорока, съ небольшой рыженькой бородкой; черный картузъ, черное длинное пальто и черный, въ родѣ солдатскаго, галстукъ придавали его купеческой фигурѣ что-то монашеское или, вѣрнѣе, семинарское. Разговоръ его былъ очень любопытенъ и доказывалъ, что «книга» не только духовная, но и свѣтская, была ему не чужда.

Стали мы какъ-то вмѣстѣ съ нимъ и другими проѣзжими на площадкѣ парохода и молча смотрѣли на Волгу, да, вѣроятно, такъ бы молча и разошлись, если бы не случилось слѣдующее обстоятельство.

Передъ нами шелъ пароходъ, таща за собою нѣсколько баржей. И буксиръ и баржи были самыя обыкновенныя, и мы не обратили бы на нихъ никакого вниманія, если бы раскольникъ вдругъ не воскликнулъ, обращаясь, повидимому, ко всей компаніи:

— Вотъ этакъ, сдѣлай милость, изобрѣтай! За такія изобрѣтенія мы благодаримъ и Бога молимъ!..

Слова эти были произнесены тономъ воззванія, и поэтому всѣ поспѣшили узнать, въ чемъ дѣло.

— А вотъ поглядите на наше мужицкое изобрѣтеніе!.. Это непремѣнно наше мужицкое!.. Видите, вонъ у баржи придѣлано колесо?

Вотъ что оказалось: обыкновенно на баржахъ для откачиванія воды есть особый рабочій-водоливъ, который обязанъ выкачивать изъ баржъ воду; вся его обязанность заключается въ томъ, чтобы непрестанно махать отъ пола (гдѣ вода) къ отверстію сбоку баржи большимъ ковшомъ, зачерпывая и выбрасывая воду наружу; для облегченія этого монотоннаго, изнурительнаго труда, ковшъ иногда привѣшивался къ потолку баржи на веревкѣ. Теперь же какой-то невѣдомый, но, по словамъ раскольника, непремѣнно мужицкій изобрѣтатель придумалъ слѣдующее: онъ придѣлалъ къ баржѣ маленькое мельничное колесо, которое приводилось въ движеніе тѣмъ же движеніемъ баржи; цѣпляясь, вслѣдствіе хода баржи, о воду, оно оборачивалось, приводило въ движеніе коромысло, и вода выкачивалась изъ баржи сама собою; человѣка для такой скучной работы не требовалось.

— Это непремѣнно наше, наше, мужицкое изобрѣтеніе!.. Вотъ этакого намъ подавай!..

— Да почему же это изобрѣтеніе мужицкое?..

— Непремѣнно мужицкое!.. И потому оно мужицкое, крестьянское, что изобрѣтено это дѣло для работника, для облегченія трудящаго, а не для прибыли капиталу!.. Капиталъ отъ этого колеса ничего не выгадаетъ, гроша не наживетъ, а рабочій человѣкъ мучиться пересталъ, прямо выгадалъ! Вотъ это и есть изо-брѣ-те-ніе настоящее для облегченія человѣка, но не капитала!.. Это изобрѣтеніе божеское, и такую науку намъ давай! Давай намъ косу, борону, давай намъ швейную машину, давай косилку, прессъ,— все давай, чтобъ человѣкъ жилъ дома, жилъ полнымъ порядкомъ, а въ машину его не преображай! Тогда намъ не нужна твоя машина, ежели она душу человѣческую уѣдаетъ!

Возбужденная рѣчь раскольника, очевидно, затронула всеобщее вниманіе. Но нашлись и возражатели.

— Какимъ же родомъ машина можетъ у человѣка выѣсть, напримѣръ, душу?—спросилъ молоденькій сидѣлецъ одного мануфактурнаго магазина въ Саратовѣ.—Вотъ у меня, напримѣръ, пиджакъ... онъ машинный... а между прочимъ, какъ душа моя была христіанская...

Раскольникъ прервалъ эту рѣчь такимъ многозначительнымъ жестомъ презрѣнія, что пиджакъ мгновенно замолкъ.

— Охъ, Ты, Боже мой, Боже мой!—сокрушенно вздыхая, сказалъ раскольникъ, садясь на диванчикъ.—Душа

христіанская, а пиджакъ машинный?.. Охъ, Ты, Боже справедливый!

Пиджакъ совершенно сконфузился, а раскольникъ замолчалъ.

— Слушай, ежели хочешь понимать, что̀ такое душа и что̀ такое пиджакъ!—наставительно заговорилъ онъ, предварительно крѣпко о чемъ-то подумавъ.—Разскажу я сказку съ прибаутками... Вотъ какъ я буду объяснять: лежало, изволишь ли видѣть, тысячу лѣтъ, а можетъ, и сто тысячъ лѣтъ, подъ землею, на необыкновенной глубинѣ, огромнѣйшее пространство желѣза. Лежало оно холодное, мертвое, недвижимое, ржавое; холодъ отъ него шелъ и внизъ и вглубь земли, и въ правую сторону и въ лѣвую, и вверхъ—всюду отъ него шла смерть и холодъ! И лежало оно такимъ трупомъ бездыханнымъ несчетные вѣки-вѣковъ. А надъ нимъ, какъ надъ мертвецомъ, Господь насыпалъ огромные холмы и долины земли. На землѣ этой росла зеленая трава, яркіе цвѣточки, росли хлѣба, овсы, льны, лѣса дремучіе, и стояли деревни, села и храмы Божіи. И жили въ этихъ деревняхъ мужики, бабы и ребята, жили своимъ трудомъ, своимъ домомъ, каждый былъ самъ себѣ хозяинъ. Такъ вотъ какъ было: подъ землей лежалъ желѣзный мертвецъ, трупъ бездыханный, а на землѣ жилъ живой человѣкъ. Такъ или нѣтъ?

— Такъ! такъ!

— Пущай! Ничего!

— Ладно!

— Хорошо! — произнесъ разсказчикъ, выслушавъ эти одобренія.—Лежитъ мертвое тѣло, живетъ живой человѣкъ... И такъ идетъ, по Божьему указанію, искони бѣ!.. Только, братцы вы мои, объявляется въ неизвѣстныхъ мѣстахъ нѣкоторый завистникъ, является въ наши мѣста. Пришелъ, на людей не поглядѣлъ, Богу не помолился, а прямо носомъ-то своимъ въ землю воткнулся... Воткнулся и засверлилъ!.. И что̀ же стало! Стало мертвое желѣзо разогрѣваться, стало теплѣть, мякнуть, потянулось, разогрѣлось—ожило!.. И что̀ только сталось съ этимъ мертвецомъ, съ желѣзомъ-то! Поднялось оно изъ-подъ земли и заиграло! И проволокой вокругъ всего свѣта обвилось, разговоры пошли по немъ безпрерывные, и побѣжало пароходами, вагонами, заиграло колесами на мельницахъ, на фабрикахъ, застучало станками, засвѣтилось огнемъ, фонаремъ, засверкало косой, пилой, словомъ—разгулялось по всему бѣлу свѣту и на всей

своей волѣ!.. А что̀ же стало съ живымъ-то человѣкомъ, который тысячи лѣтъ жилъ-поживалъ надъ этимъ мертвецомъ на его̀ могилѣ? Посмотри-ка-сь на него, на что онъ похожъ сталъ!.. Проволоки, колеса, винты, станки и твои, другъ мой любезный, пиджаки вытащили его изъ своего дома, отняли его отъ хозяйства, приставивъ его холопомъ у винтовъ, у станковъ, при котлахъ и при печахъ! Няньчи ихъ, береги ихъ, ухаживай за ними, а о себѣ и думать забудь! Парни оторваны отъ дѣвокъ, дѣвки отъ парней, жены отъ мужей и дѣти отъ отцовъ и матерей! Каждый прикованъ къ своему, къ проволокѣ, къ винту, къ папироскѣ, къ печкѣ съ угольемъ, и отойти ему нельзя! Какъ отошелъ—такъ и ѣсть нечего! Какъ пересталъ стучать въ телеграфъ—умирай! Какъ пересталъ у печки горѣть—умирай! А желѣзо-то гуляетъ по всему свѣту, со всѣмъ свѣтомъ разговариваетъ! Вотъ ты и понимай, что̀ тебѣ дороже—пиджакъ или душа христіанская?

Сказка съ прибаутками весьма заинтересовала публику, и раскольникъ, очевидно, понималъ это, потому что на тонкихъ губахъ его появилась улыбка самодовольства. Эта улыбка ободрила приказчика въ пиджакѣ, и онъ, тоже улыбнувшись, сказалъ:

— Позвольте! Ну, хорошо; пиджакъ, будемъ такъ говорить, пиджакъ есть вредъ. Ну, а душа-то христіанская при чемъ, напримѣръ?

— Да, по-твоему, что̀ такое означаетъ быть христіаниномъ-то?

Вопросъ этотъ былъ, повидимому, въ такой степени трудно разрѣшимъ не только для пиджака, но и для всей слушавшей публики, что раскольникъ не сталъ ее томить ожиданіемъ рѣшенія и проговорилъ:

— По-моему—не знаю, какъ по-вашему (я вѣдь раскольникъ!)—самое главное въ Христовомъ ученіи только одно: «ищите!»—и, разумѣется, когда-нибудь обрящете. То-есть, безпрестанно старайтесь отдѣлываться отъ худа, отъ неправды. Не успокоивайтесь никогда! Самъ ты знаешь по себѣ (онъ обращался къ пиджаку): получалъ ты двадцать рублей—мало! Получаешь пятьдесятъ—опять мало! Такъ и душѣ нашей безпрестанно желательно жить какъ можно чтобъ опрятнѣй... Ну, а ужъ не знаю, есть ли ей досугъ о себѣ позаботиться, если ее притиснуть на всю жизнь въ кочегарню или приткнуть къ папиросѣ! Нѣтъ, братъ, въ крестьянствѣ—вотъ гдѣ, пожалуй, о душѣ еще думать можно!

Ты меня не покупай своимъ изобрѣтеніемъ, а только облегчи напрасный трудъ, анъ для души-то и будетъ просторнѣй. И досугъ ей будетъ «*искать*» по Христову ученію...

— Да это что̀ ужъ говорить!—сказалъ пиджакъ, вздохнувъ и закуривая папиросу.

— Вотъ то-то и оно-то!—сказалъ раскольникъ.

— Тутъ-то вотъ оно самое и есть!—сказалъ купецъ, указывая пальцемъ въ полъ.

— То-то—«тутъ-то»! Тутъ-то оно тутъ, а между тѣмъ...

— Вотъ то-то и оно-то!

И такимъ образомъ вопросъ былъ разрѣшенъ такъ же, какъ и всѣ предыдущіе.

IV.

Да, много, много было искушеній моему смиренномудрію; но поѣздка на буксирѣ по Дону совершенно изгладила изъ моихъ воспоминаній все, что̀ могло нарушить мое душевное настроеніе, и привела въ полный порядокъ мои смиренныя мысли.

День на буксирѣ проходилъ такимъ образомъ.

Часа въ четыре утра въ машинѣ, около которой я спалъ, раздавалось нѣсколько потрясающихъ ударовъ; первый ударъ, казалось, былъ направленъ какъ разъ въ ту стѣну, около которой я лежалъ, второй—куда-то въ глубину земли, третій—въ глубину неба и четвертый—въ неизвѣстное пространство. Сдѣлавъ эти четыре удара, пароходъ затихалъ и трогался съ мѣста, при чемъ, кромѣ легкаго шума воды, въ тишинѣ ранняго утра слышались какіе-то человѣческіе подземные разговоры, переливавшіеся по трубамъ изъ-подъ земли куда-то по стѣнѣ вверхъ и сверху бурлившіе по трубѣ куда-то внизъ. Наконецъ и это затихало, и пароходъ шелъ тихо и осторожно. Но такое плаваніе продолжалось недолго. Черезъ часъ такого хода пароходъ непремѣнно сидѣлъ на мели, съ которой его стаскивали всегда никакъ не менѣе часа, стаскивали для того, чтобы, съѣхавъ съ одной мели, немедленно засѣсть на другой и «пробиться» на ней еще часъ, а то и два, и десять, а иногда, по словамъ знатоковъ, цѣлыя сутки. Песокъ во всѣхъ видахъ и всевозможныхъ сортовъ есть естественное украшеніе Дона: онъ и въ водѣ, и подъ водой, и надъ водой, и по берегамъ, и по полямъ. Пароходъ такимъ образомъ ѣдетъ буквально по суху, а не по морю. Надобно много имѣть терпѣнія, закаленнаго безнадежностью, чтобы съ полнымъ

спокойствіемъ претерпѣть эту сухопутную поѣздку на пароходѣ. Посадивъ баржи на мель, пароходъ обыкновенно на нѣсколько мгновеній затихалъ; матросы отираютъ потные лбы, капитанъ крутитъ папиросу, лоцмана пользуются случаемъ сказать другъ другу слово. Но прошло двѣ-три минуты, и вся команда сразу оживляется, сразу какъ-то всѣ напрягаются въ виду предстоящей работы, и работа начинается. По желѣзной трубѣ сверху внизъ бурчатъ какія-то слова, произносимыя гробовымъ голосомъ, и вдругъ весь пароходъ, всѣ люди, находящіяся на немъ, всѣ машины, колеса, канаты—все приходитъ сразу въ неистовую суматоху; все человѣческое оретъ, все желѣзное трещитъ, вертится, бьетъ и внизъ, и вверхъ, и вбокъ, дымитъ, свиститъ, рветъ и мечетъ водой. Весь пароходъ находится въ бѣшеномъ истерическомъ припадкѣ, въ умоизступленіи и страшныхъ конвульсіяхъ и, промучившись такъ съ четверть часа, опять вдругъ мгновенно замираетъ, почти падаетъ въ обморокъ.

Опять настаетъ моментъ затишья, дающій возможность отереть потный лобъ, свернуть папиросу и т. д.; затѣмъ опять внезапный, еще болѣе бѣшеный припадокъ—и такъ часъ, а то и два, а то и три... Хорошая школа научиться терпѣнію! Такъ продолжалось четыре дня; каждый вечеръ, часовъ въ восемь, пароходъ останавливался на ночлегъ и стоялъ часовъ до четырехъ утра. На пятыя сутки онъ, по обыкновенію, проснулся обычнымъ порядкомъ: сдѣлалъ четыре обязательныхъ и ошеломляющихъ удара въ стѣну, въ подземную глубину, въ небесное пространство и просто въ пространство, и пошелъ. Но едва онъ прошелъ нѣсколько саженъ, какъ въ глубинѣ его что-то заржало, захрипѣло, завыло, лопнуло, заорало, охнуло и замерло. Ничего подобнаго никогда не случалось съ пароходомъ, и всѣ живые люди, находившіеся на немъ, были поражены какимъ-то столбнякомъ. Гробовые голоса снова забурчали по трубамъ, но изъ-подъ земли долго не было никакого отвѣта; наконецъ гробовой голосъ пробурлилъ что-то и изъ-подъ земли. Оказалось, что все въ машинѣ сломалось и сломалось безповоротно, такъ что ѣхать болѣе нѣтъ никакой возможности. Едва только это стало извѣстно—весь пароходъ просіялъ. Не прошло и часу стоянки, какъ и пароходъ и баржи были опутаны веревками, на которыхъ болталось бабье, дѣтское, мужицкое бѣлье, рубахи съ распростертыми рукавами лежали, обхвативъ кусты на берегу,—шла веселая

стирка, полосканье и слышалось звонкое шлепанье бабьяго валька; непостижимо — откуда выползло такое множество бабъ и ребятъ, всѣ они таились гдѣ-то въ баржахъ и въ какихъ-то подземныхъ помѣщеніяхъ парохода. Рабочій народъ разбрелся ловить рыбу, раковъ... Вездѣ было шумно, весело, смѣшно, разговорчиво... Всѣ чувствовали себя легко: никто никуда не ѣхалъ, и никто въ этомъ не былъ виноватъ—лучше этого душевнаго настроенія ничего невозможно себѣ представить.

Такъ прошелъ день, а затѣмъ подъѣхалъ бѣжавшій изъ Калача пассажирскій пароходъ и заставилъ меня взять съ буксира мои вещи и перенести ихъ на него. Съ глубокимъ сожалѣніемъ разстался я съ тихимъ пристанищемъ, которое изображалъ изъ себя буксиръ, уединенно и спокойно сложивши свои кости у пустыннаго берега. Такъ было пріятно — никуда не ѣхать и чувствовать себя не виноватымъ. Но дѣлать было нечего. Повиновеніе лучше неповиновенія, — и я волей-неволей поѣхалъ по направленію къ Ростову, куда черезъ полтора дня волей-неволей и пріѣхалъ.

II. Вольные казаки.

I.

— Далеко ли же, собственно, ѣдете-то?

— Да пока-что̀, хорошенько-то еще не обдумали... Мало ли мѣстовъ-то!.. Новороссійскъ — вотъ, говорятъ, теплое мѣсто приготовляется... Въ Батумѣ тоже, сказываютъ, не холодно... Екатеринодаръ... Ну, да и Ростовъ нашего брата не обижаетъ...

— А по какой же части-то вы?

— Да по какой угодно! Какая часть подвернется подъ руку, та и наша!.. Ха-ха-ха!.. Ты не гляди на меня, что я, пока-что̀, въ этакомъ видѣ. Это со мной сколько разъ бывало, а потомъ попадешь въ струю — и самъ себя не узнаешь!

Разговоръ этотъ, между множествомъ всякаго рода другихъ разговоровъ, происходилъ на галлерейкѣ третьяго класса одного изъ пароходовъ Зевеке, шедшаго по Волгѣ къ Царицыну, въ одинъ изъ ясныхъ и свѣтлыхъ дней нынѣшняго лѣта. Человѣкъ «въ этакомъ видѣ», слова кото-

раго мнѣ пришлось услышать, невольно обратилъ на себя мое вниманіе. Что-то чрезвычайно знакомое послышалось мнѣ въ его словахъ, и не столько въ самыхъ словахъ, сколько въ манерѣ, въ тонѣ, которымъ они были сказаны. Не то, что я видѣлъ гдѣ-нибудь именно этого человѣка, находившагося «въ этакомъ видѣ», — я только вспомнилъ, благодаря его манерѣ и тону разговора, что на моемъ вѣку мнѣ уже не разъ приходилось слышать эту манеру разговора и этотъ тонъ, и что они почему-то меня интересовали. Не умѣя дать себѣ отчета въ этомъ и все-таки интересуясь человѣкомъ «въ этакомъ видѣ», я подошелъ къ нему поближе и постарался разсмотрѣть повнимательнѣе.

Человѣкъ «въ этакомъ видѣ» былъ то, что называется «верзила»; на оберткахъ лубочныхъ изданій Никольскаго рынка въ такомъ именно видѣ изображаютъ обыкновенно фигуры «витязей»: шлемъ, подъ шлемомъ таинственные глаза и храбро расправленные усы; носъ не всегда виденъ на этихъ рисункахъ, но всегда удачно изображенное истуканство общей фигуры не утруждаетъ вниманія зрителя мелочами, и, не замѣчая носа, вы все-таки видите, судя по усамъ и истуканству, что это, должно-быть, непремѣнно «витязь». Съ перваго же взгляда на человѣка «въ этомъ видѣ» бросалось въ глаза именно его истуканство, топорно придѣланные подъ безформеннымъ носомъ топорные усы, таинственные блѣдно-сѣрые глаза на широкомъ, ничего не выражающемъ лицѣ и весьма пространный ротъ; этотъ большой, весьма подвижной во время разговора ротъ, составляя существеннѣйшую черту всего истуканскаго облика человѣка «въ этакомъ видѣ», дѣлалъ понятнымъ всю топорность, тяжеловѣсность и огромность его фигуры и былъ какъ бы указателемъ того, что въ фигурѣ этой прежде всего надобно видѣть «пасть», а ужъ все остальное само собою приходилось къ ней. Не было на этомъ истуканѣ шлема и воинскихъ доспѣховъ; на головѣ надѣта была плоская широкополая соломенная шляпа, а на тѣлѣ—почти воздушная парусинная пара, уже приведенная въ нищенское состояніе и такъ же подходившая къ этому исполинскому тѣлу, какъ къ волку, вмѣсто волчьей шкуры, подходила бы нѣжная шерсть кролика. Во всякомъ случаѣ, это истуканное существо выдѣлялось изъ общаго уровня физическихъ размѣровъ, доступныхъ современному обывателю, и, продолжая напоминать мнѣ что-то уже знакомое, настоятельно требовало ближайшаго съ нимъ знакомства.

— Теперь я на что похожъ? У меня вонъ всего-навсего и имущества-то осталось: пара калошъ да зонтикъ, а я надѣюсь на Бога! Пойдетъ струя — и опять пошелъ въ ходъ!.. Теперь на мнѣ шапка, видишь, какая? А случись струя—хвать, и цилиндръ на темя вскочилъ, а пожалуй, и шапо-клякъ подъ мышкой зашевелился!.. Моя, братъ, жизнь—тайна. Ежели мою жизнь описать, такъ это будетъ полный романъ... Я ужъ пробовалъ писать, только все недосужно...

Истуканъ, сидѣвшій за чайнымъ столомъ съ компаніей попутчиковъ и собесѣдниковъ, пившихъ чай и закусывавшихъ хлѣбомъ и арбузами, проворно опустилъ руку въ боковой карманъ, вытащилъ оттуда пачку какихъ-то бумагъ и сталъ въ нихъ рыться.

— Все адреса. Вотъ письмо князя Махоркина: «Любезный Мартынъ Петровичъ! не откажите мнѣ въ вашемъ благосклонномъ содѣйствіи...» Всего бывало! Это вотъ отъ пароходнаго общества «Сѣверъ» телеграмма: «Прошу покорнѣйше отправить двѣсти пятьдесятъ тысячъ...» Всего было! Всего не пересмотришь! Это вотъ купчиха: «Милый мой и неоцѣненный!..»

При этихъ словахъ вся компанія осклабилась и весело захохотала:

— Хе-хе-хе! Ишь, какія тамъ у него!

— У меня, братцы, всего много! Я вотъ ищу начало... Моя біографія... А, вотъ!..

Онъ вынулъ какой-то лоскутъ, расправилъ его рукой, кашлянулъ и, спотыкаясь на каждомъ словѣ, прочиталъ:

«Полулежа въ третьемъ классѣ на моемъ плечѣ и предавшись утомительному сну...

«— Милая жена моя,—говорилъ я самъ себѣ: — какова судьба наша!.. Сейчасъ ты выгнана изъ дома, захвативши прямо изъ печки мокрое бѣлье въ узлѣ, но давно ли я былъ съ тобою граціозенъ и въ коляскѣ парой вороныхъ, по направленію къ гостиницѣ «Балканы» въ Серпуховѣ, съ полутора тысячамъ рублямъ въ боковомъ портомонѣ, и мы устремлялись изъ храма...»

— Такъ ты женатъ, стало-быть?—спросили истукана.

— Женатъ, какъ же! Моя жена теперь въ Москвѣ остается. Жену я свою, можно сказать, вполнѣ обезпечилъ. Она у меня обезпечена! А самъ я, пока что̀, позволяю себѣ поискать чего попріятнѣй... И вотъ какъ думаю: непремѣнно попаду опять на струю! Это, что̀ я читалъ, это только прискорбный эпизодъ. Но оно у меня всегда такъ... Ка-

жется, вотъ пропасть, глядь — внезапно оказываешься въ полномъ великолѣпіи!

— Да ты изъ какихъ будешь-то? — довольно серьезно спросилъ истукана одинъ изъ собесѣдниковъ: всѣ собесѣдники были хоть и маленькіе, а дѣловые люди

— Я-то? Я, братецъ мой, неизвѣстнаго происхожденія. Маменька моя была просвирня... И про отца говорятъ, что будто убили на войнѣ... Но я, по соображеніямъ и постепенному наблюденію, вижу, что такъ какъ имѣніе было князей Нагайскихъ и какъ князь Нагайскій захаживалъ въ просвирню и гладилъ меня по головѣ, то въ виду этого нельзя отрицать кровосмѣшенія высшей степени крови. И я чувствую это и полагаю, что кровь сказывается и дѣйствуетъ. Отъ этого самаго мнѣ во всякомъ случаѣ выходитъ предпочтеніе! И мнѣ счастье идетъ съ дѣтскихъ временъ... Откуда, спрашивается, я имѣю даръ слова? А вѣдь у меня съ дѣтства блестящій слогъ! Однова я свою мать собственную два мѣсяца, съ дозволенія сказать, такъ искусно надувалъ, что даже она понять не могла, пришла въ удивленіе....

— Эка у тебя умъ-то какой! Мать родную надулъ. Должно-быть, что ужъ уменъ ты...

— Я тебѣ говорю къ примѣру. Маменька мнѣ простила, удивилась... Чего худого? Дѣло дѣтское, а ты поди попробуй, соври каждый день на новый манеръ, такъ и узнаешь, велико ли въ тебѣ дарованіе... Нѣтъ, не соврешь! День соврешь, и два, и три... А ты два мѣсяца ври, такъ на это надобно особенную кровь!

— Чего же ты вралъ-то?

— А въ училище не ходилъ. Книги завяжу въ узелъ, все какъ должно для школы приготовлю, а самъ маршъ въ поле, а ворочусь — разскажу, какъ что̀ было и чему учили... Попробуй!

— Искусно!

— Такъ искусно, что когда мать-то дозналась да выдрала меня, такъ все-таки не могла налюбоваться на меня. Сама же мнѣ и гостинцевъ накупила... «Недаромъ въ тебѣ граціозная кровь!» И такъ всегда въ моей жизни. Накажутъ и сейчасъ же погладятъ и превознесутъ. Когда мать-то дозналась, что я ее обманываю, отдала меня дьякону—«теперь, говоритъ, будешь на моихъ глазахъ!» Попросила дьякона какъ можно строже смотрѣть. И точно: за волосы онъ меня первымъ дѣломъ отодралъ крѣпко, а потомъ го-

воритъ: «На-ка, подержи ребенка, поняньчай, мнѣ некогда». А потомъ: «На-ка, покорми кашей ребенка!» И вышло такъ, что нѣтъ мнѣ ученья никакого, никто не безпокоитъ, а сижу я съ ребенкомъ и всегда съѣмъ у него кашу... Цѣлый горшокъ съѣшь и уйдешь. — «Учились?»—«Учились, какъ же!» Ну, маменькѣ и спокойно, да и мнѣ пріятно — каша молочная... Подумаешь, какъ будто бы надо мной есть перстъ указующій. Какъ же! Разъ только попробовала меня маменька отдать въ трактиръ «мальчикомъ». Больно мнѣ не хотѣлось туда идти; плакалъ — ну, все-таки маменька отвела. Встрѣчаю добраго человѣка, стараго полового; полюбилъ меня, дѣлаетъ разныя указанія и говоритъ: «Когда будешь подавать чай въ праздникъ и народу будетъ много, такъ ты, говоритъ, не всѣ деньги хозяину за буфетъ отдавай, а понемногу бросай себѣ за голенище»... Сейчасъ я понялъ — и въ тотъ же день набилъ голенище такъ, что ноги не двигаются; въ одномъ сапогѣ на три съ четвертью набросалъ, а въ другомъ—на четыре слишкомъ. Завязалъ я эти деньги въ платокъ да ночью, Богу помолясь, и уперъ къ маменькѣ...

Веселымъ хохотомъ компанія привѣтствовала повѣствованіе верзилы о его юношескихъ успѣхахъ, и, ободренный общимъ вниманіемъ и интересомъ къ этому повѣствованію, верзила воодушевился и принялся передавать публикѣ эпизоды своей жизни, одинъ блистательнѣе другого.

— Это что̀!.. То ли бывало! А вы вотъ что̀ разберите: по семнадцатому году являюсь въ Москву; иду, куда глаза глядятъ; прихожу къ дому—«ткацкая фабрика купца Орѣхова»; вхожу въ контору: сидитъ за самоваромъ толстая женщина немолодыхъ лѣтъ—хозяйка дома...—«Чего тебѣ, говоритъ, мальчикъ?» — «Да вотъ, говорю, сударыня, ищу мѣста». — «Какого же ты желаешь мѣста?» — «Да какое случится»... А вѣдь я ни по какой части не происходилъ еще... Подумала, поглядѣла на меня прямо въ глаза, помолчала, подозвала меня къ себѣ, погладила по головкѣ, еще поглядѣла прямо такъ въ самое мое лицо.—«Ну, говоритъ, поцѣлуй меня и не безпокойся. Мѣсто тебѣ будетъ!» Н-ну...

Шумными одобреніями разразилась окружающая разсказчика публика.

— Такъ я, какъ сыръ въ маслѣ, пять лѣтъ пребывалъ на томъ положеніи—разстаться не можетъ! Денегъ полны карманы; зайдешь въ ресторанъ, выкинешь рубль серебромъ,

хлопнешь лимонаду съ коньякомъ—сдачи не надо!.. Извозчикъ! Сѣлъ на рысака, подкатилъ куда повеселѣе, выбросишь рублевку—пожди, провелъ время на двѣ красныхъ... Это и вниманія не составляло!.. И такое мнѣ было райское житье, что, кажется, умри хозяйкинъ мужъ (хворый онъ былъ), быть бы мнѣ полнымъ хозяиномъ. Да провѣдали объ этихъ дѣлахъ сродственники да какіе-то попы старообрядческіе, да и командировали для ревизіи своего попа Гаврилу... Я не плохо скроенъ, а ужъ онъ—такъ и Господь знаетъ, что̀ за монументъ... Рыжій, огромный, суровый... Сижу я въ конторѣ передъ туалетомъ; вижу, входитъ монахъ этотъ самый. Вошелъ, помолился на образа. Молился онъ долго, на меня не смотрѣлъ и ни слова не говорилъ. Потомъ сдѣлалъ земной поклонъ, всталъ, подошелъ ко мнѣ и говоритъ:—«Ты, говоритъ, состоишь съ хозяйкой въ такихъ-то, молъ, предметахъ?»—«Состою!» Не говоря худого слова, хлопъ меня по уху со всего размаха.—«Вонъ! Сейчасъ вонъ отсюда!» Я очувствовался, говорю:—«Хоть вещи... шапку»...—«Вонъ!» И опять — разъ! и въ загривокъ далъ такимъ родомъ, что и не опамятовался, какъ ужъ за воротами очутился... А онъ за мной ворота на замо̀къ—и шабашъ!.. Такъ я, братцы мои, изъ полнаго моего великолѣпія прямо на Хитровъ рынокъ свалился, да ужъ черезъ мѣсяцъ, никакъ не раньше, еле-еле швейцаромъ въ меблированныхъ комнатахъ мѣстечко получилъ... Вотъ какіе перевороты происходятъ!.. А все нѣтъ-нѣтъ—и вынырнешь!..

— И ничего, вынырялъ-то? Ловко?—спрашивали любители всякаго успѣха.

— Да вотъ какъ вынырялъ: однова вынырнулъ я въ струю, когда въ Петербургѣ шли огромнѣйшія постройки... Тысячи домовъ строились... Тутъ я приткнулся и получилъ высшее значеніе!.. Вотъ между этими самыми пальцами (истуканъ растопырилъ пятерню) прошли сотни тысячъ... Довѣрія мнѣ было сколько угодно; бывало, у меня въ передней поставщики по полусутокъ ждутъ... И было бы хорошо, да сплоховалъ что-то антрепренеръ-то мой, поспѣшилъ онъ цѣлый домище въ пять этажей, — анъ онъ и ухнулъ, развалился. А съ домомъ и мы съ антрепренеромъ-то развалились... А пожилъ, ужъ есть что̀ вспомнить, да и меня помнятъ за это время во всѣхъ теплыхъ мѣстахъ въ Петербургѣ...

— Какъ ты опять-то вынырнулъ?

— А опять я вынырнулъ по случаю освобожденія Бол-

гаріи отъ мусульманскаго ига! Попалъ въ отрядъ маркитантомъ... Было въ моемъ распоряженіи три тройки со всякою провизіей, вина, сигары, карты — все! Трое кучеровъ у меня подъ командой, повара, два лакея, и я самъ во главѣ! Вотъ это, братцы мои, ст-рр-у-у-й-я! Это вонъ такъ настояще выплылъ, вынырнулъ! Первымъ дѣломъ началось еще въ Питерѣ... Пропечаталъ въ газетахъ публикацію насчетъ желающихъ ѣхать на военный театръ, т.-е. насчетъ поваровъ, кучеровъ, лакеевъ, и повалилъ ко мнѣ народъ... И что-жъ вы думаете?.. Каждый мнѣ же суетъ въ руки деньги, только возьми! Одна хорошенькая бабенка... «Что̀ угодно!—говоритъ: — только увезите моего мужа, повара, на войну; я влюблена въ другого!» Подумалъ-подумалъ, вижу, дѣло подходящее—увезъ ея мужа, сдѣлалъ ей удовольствіе!

— Обоюдно, значитъ?

— Ужъ это понимай, какъ знаешь!.. А какъ потомъ пошла «заграница», такъ это надо два года разсказывать— не разскажешь всего! Золото, какъ дождь изъ ведра, въ буфетъ лило!.. Вотъ карманы какіе набухнутъ за день-то!.. А что̀ касаемое жизни, какъ будто бы на облакахъ пребывалъ!.. Бывало, остановится отрядъ въ ночь, раскупоримъ ящики, достанемъ коньяку, шампанскаго, закусокъ— всю ночь!.. Кучера, и тѣ шампанское дули, какъ воду! Только у меня и расправа была — ой-ой!.. Одинъ пьяный кучеришка напоилъ меня однова такимъ чаемъ, что я и сейчасъ не отчихался отъ него... Зачерпнулъ спьяна воды изъ колодца, поставилъ самоваръ, стали пить чай съ коньякомъ, пьемъ какъ ни въ чемъ не бывало, только что духъ какой-то отзываетъ; подольешь полстакана финшампанскаго и хлопнешь, а на утро оказывается—въ колодцѣ-то пятеро мертвыхъ турокъ мокнутъ!.. Н-ну ужъ тутъ была расправа!.. Прямо полевымъ судомъ присудилъ и всю шкуру этому кучеру изодралъ!.. Я тогда широко командовалъ! Въ Россію воротился, такъ у меня за пазухой двѣ папиросныхъ коробки изъ-подъ сотни были биткомъ набиты золотыми-то!..

— Ловко ты, братъ, выплылъ!

— Богъ дастъ, и опять выплывемъ въ какую-нибудь хорошую струю... Н-ну, а тогда ужъ, дѣйствительно, была струя: ужъ я пошумѣлъ на бѣломъ свѣтѣ!.. Поплавалъ!.. А ужъ жена, братцы, какая мнѣ попалась!

И затѣмъ начался весьма обстоятельный разсказъ о романическомъ знакомствѣ верзилы съ его будущею женой и

самая тщательная характеристика этой своего рода замѣчательной женщины, какъ бы самою судьбой посланной истукану, для еще болѣе широкаго и разнообразнаго продолженія его широкой и разнообразной жизни. Женская фигура, постепенно выяснявшаяся въ разсказѣ человѣка въ «этакомъ видѣ», была, дѣйствительно, въ такой степени типична для характеристики людей того самаго сорта, къ которому принадлежалъ и самъ разсказчикъ, что я, прежде нежели возвращусь къ продолженію его разсказа, скажу нѣсколько словъ вообще объ этомъ сортѣ людей, весьма многочисленномъ въ настоящее время на Руси.

Отрывки изъ автобіографіи человѣка въ «этакомъ видѣ», которыми онъ во всеуслышаніе дѣлился съ пароходною публикой, были для меня весьма достаточнымъ основаніемъ, чтобы отвести ему почетное мѣсто среди галлереи портретовъ современнаго намъ «вольнаго казачества», постепенно накопившихся въ моихъ житейскихъ воспоминаніяхъ.

Существованіе въ русскомъ обществѣ «вольнаго казачества», въ послѣднее время иногда составляющаго предметъ газетныхъ слуховъ и толковъ, возбуждающихъ въ читателѣ какія-то сказочныя мечтанія, давно уже не подлежало для меня никакому сомнѣнію, такъ какъ типы казацкой вольницы русская жизнь вырабатывала въ огромнѣйшемъ количествѣ многіе годы подъ-рядъ и не перестаетъ вырабатывать вплоть до настоящей минуты. Совершенно неправильно поступаютъ тѣ интересующіеся разнообразіемъ русской жизни соотечественники, которые почему-то полагаютъ, что «вольные казаки» существуютъ гдѣ-то въ Азіи, въ камышахъ Каспійскаго моря или въ Азіатской Турціи, и вообще въ какихъ-то уединенныхъ, невѣдомыхъ и глухихъ мѣстахъ сосѣднихъ съ нами государствъ. На нашихъ же глазахъ самые, повидимому, достовѣрнѣйшіе путешественники, увлеченные идеей о вольномъ казачествѣ, доходили до такого самообмана, что рѣшились публично свидѣтельствовать въ печати, будто бы они сами «собственными глазами» видѣли десятки тысячъ такихъ нашихъ «вольныхъ казаковъ», ихъ деревни, пашни и церкви въ разныхъ точно указанныхъ мѣстностяхъ Азіи, и затѣмъ, остынувъ отъ увлеченія и провѣривъ свои мечтанія документальными данными, должны были такъ же публично сознаваться, что въ дѣйствительности ничего подобнаго съ ними не бывало, и что они никакихъ поселеній и никакихъ казаковъ не видали. Не знаю даже, могъ ли бы самъ славный «добрый

молодецъ», атаманъ Николай Ивановичъ Ашиновъ, портретъ котораго въ настоящее время красуется въ одной фотографической выставкѣ на Невскомъ проспектѣ, не знаю, могъ ли бы онъ по чистой совѣсти и положа руку на сердце указать съ точностью тѣ мѣстности, гдѣ проживаетъ вольное казачество, атаманомъ котораго онъ, кажется, себя провозглашаетъ? Едва ли онъ будетъ въ состояніи указать не только въ каспійскихъ камышахъ, а буквально на всемъ земномъ шарѣ такой пунктъ, гдѣ бы могъ сокрыться какой-то вольный человѣкъ, да еще россійскій, если только этотъ таинственный пунктъ не простой чердакъ или погребица, то-есть временное прибѣжище безпаспортнаго человѣка, который рано или поздно непремѣнно будетъ выдворенъ съ чердака городовымъ и имъ же водворенъ въ общество, нисколько не напоминающее вольницы.

А между тѣмъ самое появленіе на бѣлый свѣтъ какого-то атамана, а главное — легенда о вольности, пущенная въ публику при помощи газетъ, и эти неясные слухи и мечтанія о какихъ-то самовольно образовавшихся общинахъ вольныхъ русскихъ людей, самовольно вступающихъ въ политическія связи съ Абессиніей, самовольно воюющихъ съ итальянцами,—все это полуфантастическое, недостовѣрное на дѣлѣ, почти неосязаемое и неуловимое, тѣмъ не менѣе несомнѣнно показываетъ, что въ русскомъ обществѣ еще живъ духъ «удалыхъ добрыхъ молодцевъ», еще не замерла мечта о лодочкахъ съ вольными людьми-разбойничками, и что жажда пожить и погулять на свѣтѣ внѣ стѣсненія какими бы то ни было формами общежитія еще довольно сильна въ обществѣ, весьма уже похожемъ по внѣшнему виду на европейское.

Очевидно, что въ обществѣ нашемъ жива еще вольная казацкая фантазія, живо желаніе достигать своихъ жизненныхъ цѣлей помощью удалой казацкой уловки: притаиться, притвориться, выждать, подкараулить, броситься, «сцапать» и утащить, а потомъ уже пересмѣять все это, всѣхъ и вся, и съ удовольствіемъ наслаждаться плодами уловки въ мирномъ и тихомъ уголкѣ, за густыми камышами законныхъ правъ и преимуществъ. И мнѣ кажется, что не надобно идти ни въ Персію, ни въ Азію, ни въ Абессинію для того, чтобы съ полнѣйшею ясностью убѣдиться, что «вольный казакъ» живъ-живехонекъ, и казацкая уловка въ житейскихъ дѣлахъ нашей обыденной жизни не только не дремала или не зѣвала, но еще и дремать-то не думала.

Въ нашихъ глазахъ, «вольный казакъ» (иногда числящійся по весьма солидному рангу) не проморгалъ, напримѣръ, той минуты, когда все черноморское побережье опустѣло послѣ бѣгства горцевъ въ Турцію, и захватилъ себѣ на льготныхъ условіяхъ не одну тысчонку земли за самую ничтожную цѣну и съ десятигодовою разсрочкой. Захватить-то захватилъ, да потомъ и раскаялся—земля попалась такая, надъ которой надобно такъ же кропотливо работать, какъ кропотливо работаетъ женщина, вышивая въ пяльцахъ узоръ, т.-е. нужно было обрабатывать каждый вершокъ, а этого вольный казакъ не любитъ и денегъ на обработку тратить не похотѣлъ, во-первыхъ, потому, что у него денегъ нѣтъ никогда, во-вторыхъ, потому, что ему именно деньги-то и нужны. Конечно, онъ охотно бы продалъ эти тысячи десятинъ земли, да не найдешь, съ позволенія сказать, такого дурака, который бы купилъ. И вотъ на столбцахъ «уважаемой газеты» появляются легки лодочки съ «удалыми добрыми молодцами». И говорятъ «добры молодцы» таковы ласковы слова: «И были мы у царя еѳіопскаго, земельки онъ намъ далъ, обласкалъ и звалъ на житье... Царь еѳіопскій доберъ, ничего, только-что черный весь и голый, и Богъ у яво нашъ, какъ быть слѣдоваетъ, и угодники всякіе есть также, сказать худова нельзя. И звалъ насъ всѣхъ двадцать пять тысячъ человѣкъ на свою землю...» Прочитавъ это милое, дѣтски-невинное письмецо, не естественно ли всякому, любящему свое отечество и дорожащему его преуспѣяніемъ, поднять и широко поставить вопросъ о томъ, чтобы казна немедленно выкупила землю на побережьѣ, поселила бы тамъ всѣ двадцать пять тысячъ нашихъ, которыхъ собственными глазами видѣли такіе-то и такіе-то иностранные путешественники? Неужели можно эти тысячи нашихъ сыновъ выбросить за предѣлы отечества, отдать какому-то черному и голому еѳіопу? Вѣдь вмѣсто десяти рублей, уплаченныхъ въ разсрочку, можно взять сто рублей за десятину! Можно ли давать маху? И вотъ на поверхность русской жизни выплываютъ легки лодочки; гребцы на этихъ лодочкахъ поютъ удалыя, молодецкія пѣсенки и, дружно налегая на весла, сквозь всякіе административные камыши постепенно пробираются къ сундучку.

Очень можетъ-быть, что въ данномъ примѣрѣ казацкія мелодіи не увѣнчаются успѣхомъ; но на нашихъ глазахъ тысячи самыхъ поразительныхъ примѣровъ, какъ нельзя

лучше доказывающихъ, что мелодіи не всегда оставались мелодіями, а, напротивъ, самымъ широчайшимъ образомъ осуществлялись на дѣлѣ. Что же, прозѣвалъ ли «вольный добрый молодецъ» башкирскія земли? Польскія земли? Прозѣвалъ ли онъ и проглядѣлъ ли банки, концессіи, поставки на армію и подряды? Нѣтъ и нѣтъ! Онъ вездѣ совершилъ предопредѣленное ему дѣло по самому широчайшему плану. Расхищеніе милліоновъ десятинъ башкирскихъ земель не подлежитъ сомнѣнію, и всякій, познакомившійся съ этимъ дѣломъ подробно, можетъ только удивляться необычайной живучести «добрыхъ молодцевъ» и ихъ молодецкихъ идей, плановъ, цѣлей, а главное — ихъ поистинѣ молодецкихъ пріемовъ, съ помощью которыхъ они въявь и воочію сумѣли совершать дѣла, исполненныя самаго образцоваго беззаконія. Ни сенаторская ревизія, ни законнѣйшія требованія генералъ-губернаторской власти, ни справедливѣйшія требованія власти губернаторской, ни наконецъ окончательныя и безповоротныя рѣшенія высшихъ правительственныхъ инстанцій, направленныя рѣшительнѣйшимъ образомъ противъ вожделѣнія «добрыхъ молодцевъ»—ничего не препятствовало имъ совершить колонизацію пустопорожнихъ пространствъ именно по тому плану, который былъ ими задуманъ, и вопреки тѣмъ указаніямъ, приказаніямъ, категорическимъ рѣшеніямъ, строжайшимъ мѣропріятіямъ, какія предпринимались противъ ихъ плановъ всѣми родами законной власти. Нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ законная власть не могла восторжествовать надъ исполненіемъ желанія «добрыхъ молодцевъ» и только тогда оказалась имѣющею значеніе, когда желанія «добрыхъ молодцевъ» были осуществлены ими.

Не проглядѣлъ своего «удалый добрый молодецъ» и въ Польшѣ. Н. И. Пироговъ въ своихъ мемуарахъ весьма ясными чертами рисуетъ намъ наиболѣе распространенный въ смутное время Западнаго края типъ обрусителя, въ которомъ нельзя не узнать тѣхъ же чертъ обитателя «легкой лодочки», т.-е. черты «удалого добраго молодца». Будучи въ собственномъ своемъ отечествѣ завзятымъ крѣпостникомъ и зачуявъ освобожденіе крестьянъ, онъ, этотъ «добрый молодецъ», чутьемъ понявъ предстоящее положеніе дѣлъ, всѣми способами старался поддержать въ своихъ крестьянахъ вѣру въ легенду о томъ, что «земля отойдетъ мужикамъ вся», что не надобно брать надѣловъ и лучше всего отъ нихъ отказаться, довольствуясь надѣломъ нищен-

скимъ. Утвердивъ крестьянъ въ этомъ убѣжденіи, «удалой добрый молодецъ», получивъ въ собственность всю свою землю полностью, тотчасъ же продавалъ ее и, по обычаю «добрыхъ молодцевъ», истративъ вырученныя деньги, прятался со своею легкою лодочкой въ камыши, въ неизвѣстность, и выслѣживалъ, откуда дуетъ вѣтеръ, доносящій запахъ съѣстного. Дуетъ вѣтеръ изъ Западнаго края, «добрый молодецъ» выѣзжаетъ на лодочкѣ изъ камышей, переѣзжаетъ Днѣпръ и здѣсь, являясь въ роли обрусителя, формулируетъ свои молодецкія желанія въ такой уже формѣ: «Ребята,—говорилъ онъ мужикамъ, указывая на панскій замокъ:—это все ваше!» — и, при помощи такихъ идей, самъ становился обладателемъ панской усадьбы, которую, конечно, тотчасъ же и переуступалъ въ руки жида и, промотавъ вырученное, опять скрывался въ камышахъ и выжидалъ.

И выжидалъ онъ банки, желѣзныя дороги, войны и побѣды—и вездѣ ни разу ни на одно мгновеніе не проглядѣлъ своего куска. Достаточно самаго поверхностнаго воспоминанія о широтѣ на Руси банковыхъ операцій и о размѣрахъ банковыхъ краховъ, чтобы видѣть, что все это было не финансовыя предпріятія, а то самое, что поется въ пѣснѣ: «подъ Саратовомъ разбойнички шалятъ!». Кто изъ людей, не причастныхъ къ компаніямъ нашихъ «добрыхъ молодцевъ» и наблюдавшихъ явленія русской жизни не изъ чащи камышей, въ которыхъ любятъ таиться «добрые молодцы», а при свѣтѣ бѣлаго дня,—кто изъ такихъ болѣе или менѣе безпристрастныхъ людей, читая банковые отчеты, составленные, кажется, по всѣмъ правиламъ финансоваго благоприличія, не чувствовалъ и не былъ убѣжденъ, что вмѣсто всѣхъ этихъ цифръ, итоговъ, кредитовъ, дебетовъ слѣдовало бы написать только одно: «Сарынь на кичку!», вмѣсто слова: «директора»—«ушкуйники», а вмѣсто подписи коммерціи совѣтника Ивана Доримедонтовича Огурцова—славное имя Степана Тимоѳеевича, по прозванію Стеньки Разина. Конечно, въ концѣ концовъ наиболѣе выдающіеся изъ этихъ добрыхъ молодцевъ-атаманушекъ перебывали почти всѣ «на славной Красной площади», но сущность совершенныхъ ими финансовыхъ операцій, если читатель припомнитъ ихъ во всей полнотѣ съ полнымъ безпристрастіемъ, положительно та же самая, что и сущность предпріятій, очерчиваемыхъ пѣснею въ короткихъ словахъ: «подъ Саратовомъ разбойнички шалятъ!». Сосчи-

тайте, припомните, какіе удивительные подвиги по этой части совершались на нашихъ глазахъ въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, какое торжество удалого молодецкаго ума обнаружено обществомъ въ разработкѣ финансовыхъ операцій на Руси,—и вы увидите, что искать вольныхъ людей гдѣ-то въ Азіатской Турціи или въ Абессиніи нѣтъ никакой надобности и ни малѣйшаго основанія. Да и что̀ бы тамъ, въ Абессиніи-то, могли сдѣлать наши «добрые молодцы»? Тамъ песокъ да голый человѣкъ, а тутъ подъ бокомъ у насъ со всѣхъ сторонъ благодать: и банки, и лѣса, и земли, и «нѣдра»—все! Развѣ въ Абессиніи или въ каспійскихъ камышахъ найдешь хорошій интендантскій подрядъ, и развѣ тамъ можно устроить такъ, чтобы по вѣтру разлеталось триста тысячъ пудовъ сѣна, или пропало бы несмѣтное количество муки и притомъ отъ одной только маленькой мыши, которая была схвачена на мѣстѣ преступленія? Ничего̀ такого въ Абессиніи «вольный добрый молодецъ» не найдетъ, и ему самое лучшее дѣло—сидѣть дома и выслѣживать добычу, что̀ онъ, какъ мы видимъ, и дѣлаетъ поистинѣ неустанно съ безпримѣрною послѣдовательностью и поистинѣ съ художественнымъ совершенствомъ. Сравните любое изъ большихъ общественныхъ дѣлъ нашей жизни съ любымъ дѣломъ «добрыхъ молодцевъ», и вы непремѣнно отдадите предпочтеніе «работѣ» «добрыхъ молодцевъ» передъ работою просто добрыхъ людей. Возьмемъ для примѣра такія два, близкія другъ къ другу, дѣла — переселенія и расхищенія—и спросимъ себя: которое изъ этихъ дѣлъ обдѣлано лучше? Двадцать пять лѣтъ законъ печется о переселенцахъ и двадцать пять лѣтъ онъ же противодѣйствуетъ «хищному элементу». А на дѣлѣ выходитъ, что хищный элементъ настроилъ себѣ дачъ, заводовъ, мукомоленъ, лѣсопилокъ и живетъ припѣваючи, а нехищный элементъ-лапотникъ продолжаетъ шататься по свѣту, какъ бы въ забытьѣ, толкаясь по ошибкѣ то въ Кавказскій хребетъ, то въ океанъ и вообще не находя себѣ маломальски надежнаго пристанища. Нѣтъ, живъ «вольный казакъ» и живъ Степанъ Тимоѳеевичъ, Стенька Разинъ по прозванію... И «пока-что̀»—право, вездѣ, повсюду, на всѣхъ путяхъ его опытовъ и предпріятій его сопровождалъ непрерывный успѣхъ. Успѣлъ онъ въ Азіи, въ Башкиріи, въ Западномъ краѣ, въ банкахъ, въ интендантствахъ; не безъ успѣха проникалъ и за предѣлы отечества, объявлялся въ Абессиніи, въ Сербіи, въ Болгаріи, и почти вездѣ, несмотря

на кратковременныя посѣщенія, сумѣлъ оставить о себѣ самое опредѣленное впечатлѣніе. Вотъ только въ Болгаріи что-то не вышло, по крайней мѣрѣ, временно; но быль молодцу не въ укоръ,—надо потерпѣть, выждать, а «покачтò» и Россія не клиномъ сошлась, и здѣсь еще могутъ быть благопріятные для «добрыхъ молодцевъ» моменты, когда опять можно будетъ съ веселымъ сердцемъ выѣхать изъ камышей на легкихъ лодочкахъ и провозгласить: «Сарынь на кичку!», въ видѣ какихъ-нибудь грандіозныхъ финансовыхъ предпріятій, имѣющихъ цѣлью «оживить» мертвыя богатства. Много этихъ мертвыхъ богатствъ и много живыхъ «добрыхъ молодцевъ»,—словомъ, есть кому и есть гдѣ разгуляться.

Но нельзя не удостовѣрить того не подлежащаго сомнѣнію факта, что первыя крупныя предпріятія «добрыхъ молодцевъ», предводимыхъ первыми крупными атаманушками, не такъ часто возможны въ настоящее время, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ; теперь необходимы нѣкоторые перерывы въ дѣятельности «добрыхъ молодцевъ», промежутки въ нѣсколько бездѣйственныхъ лѣтъ, и вотъ почему вся та безчисленная на Руси вольная казатчина, которая въ недавнія кипучія казацкія времена была при дѣлѣ, теперь вынуждена маяться, томиться ожиданіями по нѣскольку лѣтъ и прикладывать свои руки изъ-за куска хлѣба ко всякому дѣлу, лишь бы не умереть съ голода. Иной будущій атаманъ скромно сидитъ въ ожиданіи момента гдѣ-нибудь въ суфлерской будкѣ или состоитъ комиссіонеромъ при гостиницѣ. Чтò сулитъ этой вольницѣ будущее—я предугадывать не буду,—я только хочу обратить вниманіе читателя собственно на размѣры, въ которыхъ этотъ типъ вольнаго казака распространенъ въ нашемъ обществѣ. На скамьяхъ подсудимыхъ, или, какъ сказано въ пѣснѣ о Разинѣ: «на славной Красной площади», читатель видитъ только отборныхъ дѣятелей удалыхъ предпріятій, но вѣдь ими далеко не исчерпывается весь тотъ контингентъ второстепенныхъ участниковъ, безъ которыхъ немыслимы большія операціи, оканчивающіяся Красною площадью. Чтобы, напримѣръ, болѣе или менѣе успѣшно похитить, положимъ, участокъ башкирской земли, предпринимателю нужно развратить, въ видахъ достиженія своихъ цѣлей, множество народу всякаго званія, состоянія и положенія, начиная съ подкупа башкирскаго старосты, продолжая подкупомъ волостного писаря, и такъ далѣе чрезъ всѣ инстанціи, а вѣдь

это значитъ заразить идеями удальства безчисленное множество народу. Развращеніе идетъ не на одномъ только бумажномъ канцелярскомъ поприщѣ — нѣтъ, въ операціи участвуютъ всѣ человѣческія страсти; безъ женщинъ, безъ «дамъ» и безъ арфистокъ тамъ нельзя обойтись. А вѣдь чтобы все это обдѣлать какъ должно, надо множество рабочихъ рукъ третьяго, четвертаго и пятаго разрядовъ; и вотъ эти-то второстепенные дѣятели хищеній, эти случайно полакомившіеся сладкимъ кускомъ, случайно допившіе остатки изъ бутылокъ съ шампанскимъ, эти-то люди, знающіе вкусы въ удовольствіяхъ и удачахъ жизни,—они-то и составляютъ наше вольное казачество, таящееся не въ камышахъ, а въ самомъ обществѣ, въ толпѣ. «Вольный казакъ» такого типа безпрестанно мелькаетъ рѣшительно вездѣ, гдѣ хоть маломальски пахнетъ какимъ-нибудь съѣстнымъ ароматомъ. Онъ пѣшкомъ пробирается по шоссейнымъ дорогамъ, то побираясь Христовымъ именемъ, то пристраиваясь въ обожатели въ кабатчицѣ, пока не накладутъ въ загривокъ, то попадая въ кафешантанные пѣвцы, то вдругъ превращаясь въ хозяина гостиницы въ самомъ бойкомъ приморскомъ или иномъ торговомъ городѣ. На желѣзныхъ дорогахъ, на пароходахъ, въ особенности лѣтомъ и въ особенности на югѣ, всегда и въ великомъ множествѣ встрѣчается этотъ бродячій типъ, ищущій, «авось что-нибудь навернется»,— человѣкъ, говорящій исковерканнымъ языкомъ, примѣтный нескладнымъ костюмомъ и замашками, и всегда съ особеннымъ, «вольному добру молодцу» свойственнымъ выраженіемъ лица: не то онъ подсматриваетъ, какъ бы что-нибудь стащить у васъ, не то хочетъ попросить милостыню.

Но этимъ типомъ человѣка, разлакомленнаго сладкими объѣдками и сладкими опивками роскошныхъ пиршествъ крупнаго хищничества, далеко не исчерпываются характеристическія черты современнаго бродячаго по Руси «добраго молодца». Не подлежитъ сомнѣнію, что разлакомленный объѣдками хищническихъ пиршествъ—самый многочисленный типъ въ пестрой и рваной толпѣ вольницы, и что стремленіе уловить «струю», которая бы привела къ сладкому объѣдку, самое примѣтное изъ стремленій вообще всякаго «добра молодца». Но надобно принять во вниманіе, что хорошо обставленное хищническое дѣло требовало весьма разнообразныхъ способностей со стороны людей, въ немъ участвовавшихъ; если вотъ этотъ человѣкъ годенъ для того, чтобы споить башкира или подкупить писаря, то не

его ума было дѣло спихнуть съ мѣста хорошаго и добросовѣстнаго чиновника, искоренить вреднаго человѣка, заткнуть ротъ обличителю и вообще устранить съ пути къ достиженію хищныхъ цѣлей нравственныя препятствія. Нужны были люди съ значительными умственными способностями и съ такимъ пониманіемъ господствующихъ вѣяній времени, чтобы настрочить хорошій, дѣльный доносъ, положимъ, на губернатора, препятствующаго хищничеству, и чтобы поставить добраго, честнаго и совѣстливаго человѣка въ безысходное положеніе. Здѣсь надобно много ума и таланта, много тонкихъ знаній въ области зла, подвоха и всякаго ехидства; для выполненія такихъ сложныхъ операцій требовалось развращеніе людей умныхъ, требовалось уже развращеніе не только утробы, падкой до объѣдковъ, но и совѣсти; здѣсь подкупалась и развращалась душа человѣческая, и вотъ послѣ того, какъ хищническія предпріятія позатихли и между ними начались большіе антракты и перерывы, то и отраженія этихъ антрактовъ на людяхъ, развращенныхъ хищническимъ періодомъ русской жизни, стали выражаться нѣсколько иначе, чѣмъ вообще у «добраго молодца», томящагося только о кускѣ. Временно скомканная, развращенная, исковерканная въ горячечные моменты хищничества совѣсть, пользуясь долгимъ перерывомъ и не находя матеріала для новой кляузной практики, стала вновь просыпаться у нѣкоторыхъ изъ субъектовъ, затянутыхъ въ хищническое теченіе. Стала (чаще всего отъ какой-нибудь неожиданной случайности, вдругъ освѣщавшей помраченную душу) выпрямляться, приходить въ себя, и, разумѣется, ничего, кромѣ ужаса, какъ передъ собой, такъ и передъ всѣмъ, что̀ сдѣлано, что̀ видано, слышано, ничего иного въ результатѣ пробужденія совѣсти быть не могло. Человѣкъ, весь погрязшій въ грѣхѣ, вдругъ начиналъ съ поразительною ясностью видѣть весь ужасъ своего грѣха и своего подлаго дѣла, начиналъ разбирать въ себѣ происхожденіе этой язвы, переходилъ къ разработкѣ тѣхъ общественныхъ вліяній и коренныхъ причинъ, которыя воспитали въ немъ эту язву, окунули его всего съ головой, съ душой и тѣломъ, въ грязь и грѣхъ, и вотъ этотъ тонкій и умный звѣрище переполнялся безграничною ненавистью ко всему, что̀ обвиняла его проснувшаяся совѣсть и пробужденная мысль. Весь грязный, виноватый, подлый, онъ до глубины души проклинаетъ всю свою грязь, вину, подлость, онъ знаетъ зло во всевозможныхъ источ-

никахъ, видахъ и оттѣнкахъ—и проклятіе его производитъ потрясающее впечатлѣніе на толпу, куда, конечно, загнала его та же пробудившаяся совѣсть, просвѣтлѣвшая мысль. Злой и скверный, грязный знатокъ всякаго зла, грѣха и всякой своей и чужой подлости, самъ же проклинающій эту свою и общую подлость — вотъ и еще весьма примѣтный типъ въ толпѣ бродячихъ по Руси вольныхъ людей, «добрыхъ молодцевъ», порожденныхъ періодомъ хищничества на Руси.

Въ моихъ воспоминаніяхъ до такой степени живо сохранилось впечатлѣніе встрѣчи съ однимъ раскаявшимся въ собственной грѣховной мерзости типомъ, что я рѣшаюсь сдѣлать небольшое отступленіе и разсказать объ этой встрѣчѣ. На дворѣ стоялъ одинъ изъ тѣхъ послѣднихъ дней осени, въ которыхъ уже ясно чувствуется пришествіе зимы: холодный вѣтеръ несетъ хоть и рѣдкія, но острыя, какъ иглы, снѣжинки; довольно плотнымъ слоемъ прозрачнаго, какъ стекло, льда покрылись пруды, озера и еще вчера мокрыя лужицы и болотца; кое-гдѣ сохранившая еще признаки зелени трава посѣдѣла и припала къ землѣ.

Въ такую пору по большой дорогѣ изъ Петербурга, которая видна изъ оконъ моей комнаты, плетется обыкновенно масса всякаго нищаго народа. Это большею частью запоздалые рабочіе, пропившіеся въ Питерѣ и идущіе домой безъ копейки,—люди, которымъ нѣтъ въ Питерѣ пристанища или простой возможности гдѣ-нибудь приткнуться, такъ какъ полиція давно уже гонитъ ихъ за неимѣніе паспорта. Несомнѣнно, что въ числѣ этой рваной толпы есть немало людей, добровольно улепетывающихъ отъ полиціи или отъ какого-нибудь темнаго дѣла. Все это во всякомъ случаѣ народъ, не имѣющій копейки за душою, не имѣющій одежды, сапогъ,—словомъ, народъ, который вынужденъ идти сотни верстъ пѣшкомъ, не имѣя возможности продать что-нибудь, чтобы доѣхать до мѣста или даже только проѣхать двѣ-три станціи вперемежку съ пѣшимъ ходомъ. «Подайте Христа ради!» — просьба одежи, сапогъ, хлѣба слышится подъ окномъ въ эту пору года довольно часто; часто хлопаетъ калитка, и иззябшій прохожій проворно мелькаетъ мимо окна, направляясь въ кухню.

Вотъ въ такую-то пору прибѣжалъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, въ кухню ко мнѣ и тотъ прохожій, о которомъ я хочу разсказать. Это былъ огромнаго роста чело-

вѣкъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, одѣтый, конечно, нищенски; сѣдая голова была острижена подъ гребенку, и щетина могучихъ усовъ и бороды давала возможность предполагать, что борода эта когда-то знала бритву. Но во всемъ этомъ нищенствѣ и запустѣніи «человѣка» особенно останавливало вниманіе его лицо: разбойничій размахъ бровей, напряженная, какъ въ сжатомъ кулакѣ, сдержанность перекошенныхъ скулъ и глаза, производившіе темное и страшное впечатлѣніе темныхъ кружковъ двухствольнаго ружья, подкарауливающихъ удобную минуту убійства,—все это дѣлало лицо «прохожаго» необыкновенно страшнымъ. «Разбойникъ, душегубецъ!» — такъ, навѣрное, съ ужасомъ во всемъ существѣ, опредѣлила его кухарка въ первый моментъ появленія его въ кухнѣ, да такое впечатлѣніе онъ, навѣрное, производилъ на всякаго. Но въ этомъ ужасномъ лицѣ было еще нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ то, что бросалось въ глаза съ перваго взгляда: ужасное, злобное лицо это какъ бы безпрерывно рыдало; всѣ признаки истерическаго рыданія, готоваго разразиться сейчасъ, сію минуту, были запечатлѣны на этомъ лицѣ: отъ угла разбойничьяго глаза по щекѣ и въ углахъ губъ шла едва замѣтная, но непрестанно-истерическая черта рыданія, черта неподвижная, точно проведенная рѣзцомъ скульптора по неживому матеріалу камня.

— Только щецъ, щецъ горяченькихъ, Христомъ Богомъ умоляю!.. Погрѣться-съ, а то во всѣхъ моихъ дѣлахъ — полное великолѣпіе! Въ великолѣпнѣйшемъ состояніи всѣ дѣла! Только погрѣться-съ... Не откажите!

Черта неподвижно застывшаго на лицѣ истерическаго рыданія именно во время этой рѣчи и стала мнѣ вполнѣ ясно видима и ужаснула меня болѣе, чѣмъ ужасное разбойничье лицо; когда онъ говорилъ о щахъ, лицо это старалось принять какъ бы просительное выраженіе, но неподвижная черта, какъ желѣзная сѣтка, сквозь которую видно какое-то другое движущееся лицо, лежала на немъ.

— Россія—страна христіанская, православная... Самъ Христосъ исходилъ ее всю, благословляя... Въ тарелкѣ щей отказу, вѣроятно, не будетъ, а во всемъ прочемъ я имѣю полныя документальныя данныя... Щецъ-съ!..

Щи, поставленныя на столъ, однако не сразу привлекли его вниманіе, какъ это могло казаться въ виду сильнаго голода, который онъ, повидимому, испытывалъ.

— Это я ожидалъ! Щей въ Россіи дадутъ-съ... Великъ

Богъ земли русской!—бормоталъ онъ хриплымъ и непріятнымъ голосомъ.—И защита бѣдному обиженному—полная!.. Благословенная Богомъ земля... Полная защита! Никакіе враги не одолѣютъ меня съ ней! Защита у меня—вотъ!

Быстро опрокинувъ назадъ и набокъ голову, онъ поднялъ къ потолку руку и, потрясая «перстомъ», говорилъ:

— Тамъ высшая инстанція у принятія прошеній, и резолюція положена: «утвердить!». Великолѣпное дѣло и неопровержимое!

— Щи-то простынутъ, — осторожно замѣтила ему кухарка, разглядѣвъ въ немъ, кромѣ разбойника, еще и несчастнаго.

Замѣчаніе это подѣйствовало на него, и онъ сталъ лихорадочно глотать ложку за ложкой; но это продолжалось недолго, и прохожій скоро заговорилъ опять:

— Храмъ Николы Морского, угодника Божія, извѣстенъ вамъ-съ?

— Какъ же!—отвѣтилъ я.

— Близъ театровъ и Никольскаго рынка? По срединѣ площади?

— Я знаю.

— Такъ вотъ-съ. Поданъ ему мною третьяго числа полный апелляціонный документъ по моему дѣлу, съ приложеніемъ прошеній—митрополиту, въ комиссію, комитетъ, министерства, Синодъ, Сенатъ, прокурору, третьему отдѣленію, господину оберъ-полицеймейстеру, всѣмъ чинамъ и всему капитулу и храброму воинству. Все переписано въ копіяхъ и съ приложеніемъ гербовыхъ марокъ. И слѣдовательно имѣю полное право возвратиться къ моимъ нищимъ сиротамъ, успокоить ихъ словесно впредь до полученія рѣшенія...

Все это было очень похоже на бормотаніе сумасшедшаго.

— Кому вы подали бумаги?—переспросилъ я его, пытаясь убѣдиться, сумасшедшій онъ или нѣтъ.

— Николѣ Морскому-съ! Угоднику Божію Николаю Чудотворцу-съ!

Теперь лицо его было жестоко и въ самомъ дѣлѣ ужасно. Отвѣтивъ мнѣ, онъ смотрѣлъ на меня неподвижными дулами ружья и молчалъ.

— Какъ же ты ему подавалъ-то?—улыбаясь и въ то же время, очевидно, «до смерти» испугавшись нелѣпыхъ словъ прохожаго, спросила кухарка.

— Очень просто. Святитель въ ризѣ и имѣетъ вокругъ головы сіяніе... Ну, я и возложилъ ему всѣ документы этакъ за сіяніе и поклонился въ землю. Въ храмѣ никого не было.

Мы не знали, что̀ говорить и что̀ спросить, но прохожій могъ еще кое-что сообщить намъ.

— Слѣдовательно, сторожъ ли, или священникъ, но обязаны отъ угодника Божія принять прошеніе съ документами. Они только слуги Божіи, а онъ — угодникъ! При этомъ случаѣ не можетъ быть упорства, должны принять и дать ходъ! И вотъ посмотримъ-съ!.. Я не подаю больше-съ! Не касаюсь! Угодникъ Божій Николай Чудотворецъ входитъ вмѣсто раба своего самъ и говоритъ... Однимъ словомъ, посмотримъ-съ, какъ-то онѣ, инстанціи-то, закряхтятъ-съ!

Подъ какимъ-то предлогомъ я ушелъ изъ кухни — такъ было нестерпимо и слушать и смотрѣть на этого человѣка, находившагося, очевидно, въ какомъ-то ужасномъ состояніи. Но, при всемъ моемъ нежеланіи безплодно мучить себя, слушая непонятныя, кабалистическія рѣчи прохожаго, я зналъ и видѣлъ, что онъ страдаетъ, что у него на душѣ есть что-то ужасное, и меня тянуло къ нему за этою тайной, и казалось даже, что отпустить его, не давъ ему возможности сказать все, что̀ у него на душѣ, будетъ дѣломъ жестокимъ. Съ полчаса отдохнувъ отъ перваго удручающаго впечатлѣнія, я не выдержалъ и опять пошелъ въ кухню, но въ сѣняхъ мы оба столкнулись съ прохожимъ: онъ поѣлъ и собирался уходить.

— Что̀ такое мучитъ васъ? — какъ-то неожиданно и рѣзко сорвалось у меня съ языка.

Прохожій остановился, вперилъ въ меня свой убійственный взглядъ и нѣсколько мгновеній стоялъ молча и неподвижно. Вдругъ, какъ ключъ изъ камня, изъ его неподвижныхъ темныхъ глазъ закапали слезы.

— Я самъ мучилъ людей,—медленно выговорилъ онъ.—Я самъ душегубъ и кровопійца!.. Не меня мучили, я му-ч-ч-илъ люд-дей!..

Послѣднія слова онъ сопровождалъ медленными прикосновеніями сжатаго кулака къ сердцу и неожиданно ослабѣлъ, не сѣлъ, а опустился на лавку, стоявшую въ сѣняхъ,—не будь этой лавки, онъ непремѣнно бы свалился съ ногъ.

— Я грѣшникъ! Я кровопіецъ!

Прижавъ къ груди сжатый кулакъ, онъ замолчалъ, отвернулся и плакалъ... Мало-по-малу онъ заговорилъ, и по прежнему, все съ тѣми же странными оборотами рѣчи, никакимъ образомъ, повидимому, не желавшими сдѣлаться ясными, опредѣленными, перемѣшанными къ тому же съ текстами священнаго писанія, полными кротости и любви, но всегда дающими возможность подразумѣвать, что они адресуются къ какому-нибудь непремѣнному злому человѣку, которому эти тексты придутся очень не понутру,— все это дѣлало рѣчь прохожаго нестерпимо-утомительною и запутанною. Мысль отказывалась слѣдить за этою скрытною, постоянно чѣмъ-то заволакиваемою рѣчью, и я начиналъ уже чувствовать боль въ вискахъ, когда прохожій прервалъ свой запутанный монологъ, остановился на минуту, кашлянулъ и довольно тихо произнесъ:

— Звали ее Франциска Станиславовна... полька!..

Тутъ только я началъ соображать и понимать кабалистическія рѣчи моего собесѣдника, и вотъ что̀ оказалось.

Нищій-прохожій весьма недавно занималъ довольно значительное, по силѣ и могуществу власти, мѣсто въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ и глухихъ уголковъ Сибири. Дикая, волчья, необузданная натура, подкрѣпленная правомъ неограниченной никакими предѣлами власти надъ мѣстнымъ населеніемъ, развернулась въ этой глуши до послѣднихъ предѣловъ широты звѣриныхъ требованій. Глушь, отдаленность административныхъ центровъ, уловка понимать и провести начальство, звѣриный опытъ предшественниковъ, остававшихся безнаказанными цѣлые десятки лѣтъ,—все это сдѣлало изъ грубой и чувственной натуры нашего героя существо во всѣхъ отношеніяхъ безцеремонное и безчувственное. Развратъ, пьянство, хищничество, разбойничьи нападенія на глухія деревни инородцевъ для полученія контрибуцій всякаго сорта и качества, и опять развратъ, подкупъ, интрига противъ недуга, и опять пьянство, и опять распутство — вотъ кругъ жизни этого человѣка въ теченіе многихъ лѣтъ. И вотъ такой-то распутный звѣрь намѣтилъ себѣ своимъ звѣринымъ глазомъ жертву. Это была жена одного поляка, сосланнаго послѣ 1863 г. Звѣрь ни передъ чѣмъ не задумался: два года онъ убилъ на то, чтобы слопать лакомый кусокъ, и, конечно, слопалъ; мужъ несчастной женщины былъ сосланъ въ глубину какой-то непроходимой тундры, а жена, промучившись съ тираномъ полгода, отравилась и умерла... Звѣрь

«замялъ дѣло» и притихъ до новыхъ подвиговъ, но въ одинъ зимній день въ его берлогу вошла какая-то женщина и сказала такія слова:

— А какъ же, господинъ начальникъ, съ дѣвочками-то быть?

— Съ какими дѣвочками?

— Да вѣдь опосля ея двѣ дѣвочки остались... Нешто ты не видалъ ихъ?

Звѣрь вспомнилъ, что «видалъ» дѣвочекъ тогда, когда «сокрушалъ», тогда, когда «торжествовалъ», но не думалъ о нихъ и при такихъ обстоятельствахъ, а тѣмъ болѣе послѣ того, какъ случилась бѣда, и когда пришлось употребить много средствъ и много ума на то, чтобы замять дѣло.

— Гдѣ же онѣ?—спросилъ звѣрь.

— Да гдѣ-жъ имъ быть? куда онѣ дѣнутся?.. Какъ жили у меня съ матерью, такъ и живутъ... А воля ваша,—мнѣ кормить ихъ нечѣмъ!

Женщина, не окончивъ рѣчи, вышла въ сѣни, но тотчасъ же воротилась оттуда и привела съ собою двухъ дѣвочекъ, десяти и восьми лѣтъ, одѣтыхъ въ лохмотья, въ опорки, иззябшихъ и робкихъ.

— Едва я взглянулъ на этихъ малютокъ, — пристально глядя въ полъ и точно стараясь лучше разсмотрѣть какое-то непонятное и странное явленіе, говорилъ прохожій:— на ихъ ноги... лица... какъ онѣ рукавомъ утираютъ свои обтаявшія лица... я почувствовалъ себя въ полной ихъ власти... Ихъ положеніе, участь, будущее—все это сразу овладѣло мною; я увидѣлъ, что я обязанъ, именно я непремѣнно обязанъ взять ихъ и посвятить имъ всю жизнь... Когда случилась бѣда и мнѣ пришлось отписываться отъ начальства, я также чувствовалъ всѣмъ моимъ существомъ, стремившимся къ самосохраненію, что мнѣ нужно отписываться. Мой распутный умъ указывалъ мнѣ, что̀ дѣлать, ка̀къ говорить, что̀ писать... И точь въ точь то же случилось теперь, только совсѣмъ, совсѣмъ иначе... Я почувствовалъ, что именно я долженъ ихъ вырастить, защитить, укрыть и сохранить отъ зла, отъ погибели... Какъ вторглись въ меня такія мысли, не знаю. Но я никогда не жилъ такими обязанностями, и онѣ проснулись во мнѣ сразу... Я слышалъ какіе-то неслышные голоса ихъ мертвой матери, ихъ мертваго отца, я чувствовалъ, что гдѣ-то въ могилѣ, въ мерзлой землѣ, дрогнуло чье-то сердце, что

оно стало теплое—и мое сердце тоже пробудилось... Вотъ съ этой минуты и начинается мое полное разореніе, разстройство, моя гибель, мое неумолчное душевное терзаніе.

Звѣрь, который цѣлую ночь бьется около овчарни, царапаетъ когтями о ворота, перегрызаетъ плетень, ломаетъ жерди—дѣлаетъ все это потому, что передъ нимъ овчарня, запахъ овечьей шерсти, овечьяго мяса. Пустой сарай онъ ломать не будетъ: его чутью нуженъ ароматъ снѣди, возбуждающій всѣ его умственныя и физическія силы. Вотъ такой-то ароматъ возбуждалъ умственныя и физическія силы и нашего звѣря-разсказчика. Но пришли двѣ дѣвочки, съ которыми онъ былъ связанъ преступленіемъ, заставили его ощутить нѣкоторую съ ними связь, и умственныя силы его пробудились въ совершенно иномъ, незнакомомъ ему направленіи. Неподлежащая сомнѣнію связь его съ сиротствомъ дѣвочекъ возбуждала въ немъ не звѣриные инстинкты, но чувство состраданія, а потомъ и сознаніе виновности, преступности и злодѣйства, кровопійства и кровопролитія. Онъ пришелъ въ ужасъ отъ самого себя. Положеніе дѣвочекъ и лежащая на немъ нравственная относительно ихъ обязанность охватили все его существо. Онъ откопалъ бумаги, принадлежавшія родителямъ дѣвочекъ, и, узнавъ, что у нихъ былъ какой-то крошечный фольваркъ почти на границѣ Польши, задумалъ возвратить этотъ фольваркъ, попробовалъ хлопотать, ходатайствовать за дѣтей тѣхъ самыхъ людей, которыхъ онъ погубилъ, и съ каждымъ мгновеніемъ убѣждался только въ собственномъ ужасномъ нравственномъ паденіи; онъ натыкался на собственные свои доносы и понять не могъ звѣрства, которое находилъ въ нихъ. Оно становилось для него невыносимымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ выносить и тѣхъ лицъ, съ которыми онъ раньше былъ въ союзѣ и въ дружбѣ. У него было новое дѣло, и онъ отдался ему съ тою же звѣрскою страстью. Грубость, дерзость, обычныя ему, перенесены были на другую почву и направлены противъ того, что̀ было ему опорою. И этотъ переворотъ прежде всего отозвался на немъ же самомъ. Прежде его любили, какъ умнаго взяточника и плута; теперь стали ненавидѣть, какъ разлюбившаго плутовство и взяточничество. Противъ него сразу было поднято множество замятыхъ дѣлъ; вся эта грязь со всѣхъ сторонъ шла на него, расточая его достояніе, приводя къ нищенству, къ полному разоренію, грозя судомъ, тюрьмой, каторгой... Но онъ уже

не могъ остановиться: дѣвочки для него съ каждой минутой становились единственнымъ лучомъ свѣта; онъ съ каждымъ мгновеніемъ все больше и больше привязывался къ нимъ; безъ нихъ вся жизнь—тьма, развратъ, кровь и тюрьма. Нѣтъ, ему нельзя разстаться съ ними; онъ спасетъ ихъ, выхватитъ ихъ изъ ужасовъ жизни, выберется самъ съ ними на свѣтъ—онъ найдетъ!

И вотъ онъ со всею энергіей устремился къ своей цѣли; онъ просудилъ все, что у него было, ожесточился на все прошлое и на все, что помогало ему жить въ прошломъ такою ужасною жизнью. Страхъ погибнуть именно за это прошлое доводилъ его до отчаянія, и въ такомъ состояніи онъ, распродавъ все, что у него было, и устроивъ дѣвочекъ у той же самой женщины, у которой онѣ жили послѣ смерти матери, уѣхалъ въ Петербургъ хлопотать. Здѣсь онъ «подавалъ» во всѣ мѣста, рвался, добивался, выходилъ изъ себя и вездѣ только терялъ отъ своего грубаго, дикаго нрава, отъ своего сквернаго вида, отъ своего сквернаго прошлаго, которое раскрывалось, пилъ съ горя, попадалъ въ участки, былъ битъ, выгоняемъ въ шею, опять смирялся, писалъ прошенія съ текстами архіереямъ, опять ожесточался, и въ концѣ концовъ, полусумасшедшій, голодный, рваный, опять бѣжалъ пѣшкомъ домой, къ дѣвочкамъ, которыя давно уже голодаютъ.

— Грабителя, подлеца, звѣря, развратника, попирателя божескихъ и человѣческихъ законовъ поддерживали, хвалили, руку жали и угощали!.. А когда меня посѣтилъ Богъ, когда во мнѣ Богъ, самъ Богъ...

Скуластое лицо его все въ слезахъ, и сжатый кулакъ глухо колотитъ измученную грудь.

Не думаю, чтобы дѣвочки могли погибнуть; нѣкоторая доля благотворительности обязательна въ настоящее время почти для каждаго русскаго захолустья. Не думаю также, чтобы могли даромъ пропасть и монологи звѣрообразнаго прохожаго; онъ пройдетъ (если только пройдетъ) тысячи верстъ, и все, что онъ скажетъ встрѣчнымъ и поперечнымъ о своемъ прошломъ величіи и своемъ прошломъ злодѣйствѣ, будетъ поучительно.

Такимъ образомъ въ бродячей русской толпѣ, взрощенной обиліемъ возможностей не только поддерживать въ человѣкѣ, а и развивать въ немъ до громадныхъ размѣровъ хищные инстинкты, слышатся не одни только воспоми-

нанія о лакомыхъ кускахъ, но иной разъ и жесткая критика путей, которыми это лакомство достается человѣку.

II.

Что касается нашего «истукана», съ котораго началась наша рѣчь и къ которому мы теперь на минуту возвратимся, то онъ, повидимому, совершенно далекъ отъ самомалѣйшихъ попытокъ сомнѣваться въ доброкачественности тѣхъ лакомыхъ кусковъ, которые онъ уже отвѣдалъ и которые съ непоколебимою увѣренностью предвидитъ въ будущемъ.

— А ужъ жена у меня, ребята, попалась, такъ это, кажется, только во французскихъ романахъ можетъ быть возможно! Какъ приволокъ я изъ Болгаріи съ собой деньжонки, то и думаю, какъ бы мнѣ время провести поприличнѣе? Нанялъ себѣ около Серпухова дачу, мезонинъ... Купаюсь, хожу на станцію въ буфетъ, покупаю газеты, букеты, завожу знакомства. Сижу однажды въ трактирѣ (около станціи большая деревня выросла, пять трактировъ), пью портеръ; садится противъ меня мастеровой; сѣлъ, потребовалъ пива, вынулъ изъ кармана цѣлый пучокъ писемъ и давай читать вслухъ. А ужъ, надо сказать, пришелъ онъ во хмелю, въ порядочномъ зарядѣ. Читаетъ письма, и что̀ дальше, то больше, на всю залу! «Ангелъ мой прекрасный! Я въ тебя влюблена! Я вся пламенная женщина! Отчего ты не можешь соотвѣтствовать? Я родителей нисколько не боюсь! Не бойся, не будь глупъ. Какъ ты не можешь понять своего счастія?» И такимъ родомъ оказывается, что привлекаетъ она его, а онъ, балбесъ, упорствуетъ.—«Чего же ты, дуракъ, говорю, ломаешься?» — «Боязно; отецъ у нея—хозяинъ здѣшней гостиницы, вонъ, говоритъ, за буфетомъ стоитъ... Онъ узнаетъ, сотретъ съ лица земли. У него урядникъ знакомый!»—«Да тебѣ-то какое дѣло, когда она сама не опасается?» И сталъ я его подхрабривать, потому что эти дѣла я очень обожаю... Постановилъ я ему коньяку съ лимонадомъ: дай, говорю, письма почитать. Читаю письма, окончательно прихожу въ восхищеніе! Такая непоколебимая дѣвица, вольная, удалая—въ жизнь не видывалъ! Раззадорили меня ея письма, сталъ я этого фабричнаго ругать, трусомъ его, дуракомъ обзывать, да постепенно его и довелъ. — «Не боюсь, говоритъ, никого! (Коньячищу онъ осадилъ порядочно, пока я чтеніемъ-то занимался). Не боюсь никого! Экая бѣда, что хозяйская дочь въ меня влюблена... Не боюсь и хозяина! Хозяинъ, а хо-

зяинъ! вотъ твоя дочь мнѣ любовныя письма пишетъ, а я тебя, дурака, не боюсь!» Пошелъ по залѣ шумъ; услыхалъ хозяинъ, испугался, выскочилъ изъ-за буфета, схватилъ у мастерового письма, позвалъ людей, проводили его въ шею, а тамъ околоточный на улицѣ подхватилъ... Хозяинъ какъ выхватилъ письма-то да прогналъ любовника, такъ и ушелъ куда-то. А мальчишка, который порціи подаетъ, бѣгаетъ по трактиру. «Ну, говоритъ, будетъ теперь дѣло!» А меня очень подмываетъ узнать, что̀ за дѣвица такая хозяйская дочь. Подозвалъ мальчишку, сталъ его допытывать и все какъ есть узналъ. Хозяинъ женатъ на второй; отъ первой жены у него двѣ дочери и сынъ, но они не живутъ съ нимъ въ домѣ, потому что отъ мачехи нѣтъ житья никому, потому что это сущая ехидна. Длинная, худая, больная, жадная; думаешь, каждую минуту кончится, умретъ, а она все родитъ, злится и всѣхъ поѣдомъ ѣстъ. Вотъ отецъ-то и отдѣлилъ двухъ взрослыхъ дочерей, которыя тоже очень, вишь, характерныя и мачехѣ спуску не давали. Отецъ нанялъ имъ флигель на другой сторонѣ улицы и поселилъ ихъ съ своею матерью-старухой; обѣдъ, чай носятъ къ нимъ изъ трактира. А сынъ-то отъ первой жены и есть тотъ самый мальчонка-половой, который мнѣ все это разсказалъ. — «А что̀, спрашиваю, хороша твоя сестра, которая письма мастеровому писала?» — «Первая, говоритъ, красавица!» Захватило меня что-то за сердце, говорю:— «Сдѣлай милость, устрой знакомство». Вынулъ ему двѣ золотенькихъ штучки.—«Вотъ, говорю: ей-Богу, твои будутъ!»— «Что-жъ, говоритъ, могу!» Уговорились, когда придти, все честь-честью. Прихожу, какъ сказано, узнаю отъ мальчонки, что мастерового и слѣдъ простылъ, что сестра его очень рада, и чтобы я сейчасъ шелъ мимо ихъ флигеля, а она будетъ смотрѣть, а потомъ пришлетъ записку съ отвѣтомъ. Пошелъ... Сидитъ... Ну, одно сказать... ноги у меня подкосились... Развязная, просторная, въ блузѣ... глаза, коса... Н-ну, окончательно нѣтъ словъ высказать! Еле приплелся въ гостиницу, послалъ мальчишку за отвѣтомъ—въ то же мгновеніе возвращается. «Колька вамъ объяснитъ, какъ поступать, а я очень вамъ обрадовалась!» Колька мой и отрапортовалъ. Въ первомъ часу ночи прямо въ окно, старухѣ дадутъ водки, и дворнику, который въ кухнѣ, также водки, другая сестра ляжетъ въ сѣняхъ, а я—братишка-то самъ говоритъ — домъ на замо̀къ запру и отцу ключъ отдамъ... Жду не дождусь ночи. Наконецъ...

Разсказчикъ передохнулъ.

— Н-ну, съ этой ночи въ аккуратъ двѣ недѣли каждый Божій день... и все великолѣпно. Это надобно описать, и то не опишешь всего нашего блаженства. Я свои деньги на водку для матери и дворника давалъ, не допускалъ ее до расхода. Все хорошо — и вдругъ, братцы мои, скандалъ! Прямо, ни свѣтъ ни заря, накрыли! Отецъ, мачеха, мать— всѣ!.. Что̀ тутъ было, не приведи Богъ, но моя Шанька и тутъ меня обворожила. Какъ начали на нее наступать, такъ она первымъ дѣломъ въ одну руку—стулъ; ногой дала мачехѣ прямо въ грудь, а рукой здоровую оплеуху залѣпила отцовой матери... — «Я, говоритъ, его люблю, и я въ такомъ положеніи, и никто не смѣй!»—«Нѣтъ тебѣ благословенія!» — «И пускай, и такъ обойдемся; а ежели, говоритъ, моего жениха тронете, такъ я всѣхъ васъ, какъ клоповъ, выжму...» Разбросала всю родню, какъ прахъ, во всѣ стороны. Ну, этого дѣла мнѣ не пришлось досмотрѣть, пришлось убираться по добру по здорову. Поселился я на другой станціи. Пошелъ орудовать телеграммой; она тоже по телеграфу: «Не тужи, все облажу!» И точно. Не даютъ ей ни денегъ ни приданаго. Позоветъ татарина, наберетъ на триста цѣлковыхъ:—«Приходи, говоритъ, за расчетомъ къ отцу въ воскресенье!» Отца всѣ знали—первый трактиръ.— «Хорошо, приду». А она товаръ въ узелъ, да на станцію, съ передачею мнѣ.—«Прими букетъ!» Получаю телеграмму и бѣгу на станцію. Я ужъ знаю, какой букетъ. Получишь, спрячешь, даешь отвѣтъ: «Убилъ зайца» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Такъ все и оборудовала. Два салопа на лисьемъ мѣху заказала, получила и скрыла...

— Ну, а какъ же отецъ-то? — въ недоумѣніи спросилъ кто-то изъ слушателей.—Вѣдь, чай, догадался, узналъ?

— А какъ же не узнать? Татаринъ-то вѣдь скажетъ, чай.

— Такъ какъ же ей-то?

— Ей? Вотъ ты слѣдовательно и не понимаешь, кто она такая. Ей вотъ что̀: взяла безменъ—и жарь. Подошла мачеха; стала ругаться—она въ нее утюгомъ. Пришелъ отецъ, она говоритъ:—«Подожгу весь домъ!» Стала ревѣть и ругаться бабка,—она ее скалкой. Она вотъ какая, братецъ ты мой! Копье стальное, неустрашимое! Вотъ у нея какая ко мнѣ любовь! Она теперь вотъ, пока-что̀, въ кафе-шантанѣ въ Нижнемъ дѣйствуетъ, сопраной числится. Погляди-ка-сь, какъ тамъ за ней стали увиваться, а я ужъ вѣрно знаю, что она меня не промѣняетъ. Она только такъ, между

прочимъ, струю свою ищетъ, а забота только обо мнѣ... Вотъ я и не робѣю. Знаю, что за моею спиной—стѣна каменная... Теперь я вотъ въ какомъ состояніи, и то мнѣ покойно, и я не спѣшу... Сегодня худо, завтра будетъ хорошо. А выжду время, замѣчу гдѣ-нибудь хорошій кусокъ, свистнулъ,—анъ моя Сашка и тутъ!

— Да теперь-то ты отчего такъ ослабъ?

— Ну, стòитъ разговаривать! Сегодня ослабъ, а завтра опять шапо-клякъ подъ мышкой! Чего тамъ? Стòитъ разсказывать!

И точно, разсказаннаго, кажется, достаточно для того, чтобы читатель самъ могъ догадаться о неминуемости успѣха въ жизни этой любопытной пары, разъ только судьба дастъ ей возможность «попасть въ струю». А въ недостаткахъ такого рода «струй» русская жизнь, кажется, обвинена быть не можетъ

Изъ этого легкаго намека на элементъ происхожденія «вольныхъ добрыхъ молодцевъ» можно все-таки видѣть, что появленіе на Невскомъ проспектѣ фотографій, изображающихъ какихъ-то вольныхъ атамановъ, имѣетъ несомнѣнное основаніе въ современныхъ условіяхъ русской жизни. Хотя въ то же время нельзя не видѣть, что, кромѣ газетныхъ выдумщиковъ, ни одинъ настоящій казакъ, ни одинъ настоящій атаманъ не пожелаетъ признать подлинности ихъ казачества.

П. Данич.

Оглавленіе

III ТОМА.

Очерки и разсказы.

стр.

Будка 3
Спустя рукава 28
Изъ біографіи искателя теплыхъ мѣстъ 42
Прогулка 82
Тяжкое обязательство 95
На постояломъ дворѣ 103
Изъ записокъ маленькаго человѣка:
I. «Читатель» 122
II. Воспоминаніе 128
III. На пароходѣ 141
Хорошая встрѣча 148
Съ конки на конку 161
Норовилъ по совѣсти 172
Умерла за «направленіе» 186
Михалычъ 214
Гость 219
Воскресенье въ деревнѣ 230
Побирушки 242
Скандалъ 261
Вдова 276
Въ балаганѣ 287
Эскизы чиновничьяго быта 300
Изъ чиновничьяго быта 324

Кой-про-что.

Изъ замѣтокъ деревенскаго обывателя.

1. Послѣднее средство 350
2. Развеселилъ господъ 361
3. Добрые люди 374
4. На бабьемъ положеніи 386
5. Урожай 393
6. Петькина карьера 417
7. «Недосугъ» 427

стр.
8. Послѣ урожая 440
9. Избушка на курьихъ ножкахъ 465
10. Разговоры въ дорогѣ 491
11. Не быль, да и не сказка 516
12. Замѣтка 529
13. «Вбрело въ башку» 536
14. «Выпрямила» 564
15. Про счастливыхъ людей 587

Мелькомъ.

Замѣтки о текущей народной жизни.

1. Деревенскіе раскольники 607
2. Крестьянскія женщины 629
3. Отвѣтчики (Продолженіе предыдущаго) 649
4. Извозчикъ съ аппаратомъ 660
5. Новые народные стишки (Изъ деревенскихъ замѣтокъ) . . 668
6. Деревенскіе корреспонденты и публицисты 680
7. Неудачныя покупки земель 701

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

1. «Пока-что» 717
2. Вольные казаки 735

PG
3470
U8
1908
v.3

Uspenskii, Gleb Ivanovich
Polnoe sobranie sochinenii
v. 3

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY